



Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

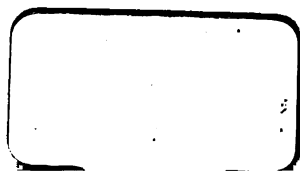
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d. 80

Per 278975 d. 80



ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHILOSOPHY DEPARTMENT

1998-1999

1998

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ПОДАВАЕМЫЕ

АНДРЕЕМЪ КРАВЦЕНЪМЪ

— 1842 — ГОДЪ.

Beatas plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.
Gersonius.

ТОМЪ XXI.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. БОРОДИНА И КОМП.

1842.

ВЪВЕДЕНІЕ

СВЯТЫЙ СЛАВЯНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТЪ

ВЪВЕДЕНІЕ



Печатать по^зволяется. С. Петербургъ, 28 февраля 1841.

Цензоры *А. Лихтенко.*
С. Кутора.

ОТЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДОГОВОРЪ.

Пускай толпа клеймить презрѣньемъ
Нашъ неразгаданный союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ.

Но передъ идолами свѣта
Не гну волюи я мой;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не отличая никого:
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего.

Земнаго счастья мы не цѣнимъ,
Людей привыкли мы цѣнить;
Себѣ мы оба не измѣнимъ,
А намъ не могутъ измѣнить.

Въ толпѣ другъ друга мы узнали;
 Сошлись и разоидеся вновь.
 Была безъ радостей любовь,
 Разлука будетъ безъ печали...

М. ДЕРМОНТОВЪ.

К А Б А К Ъ.

Выпьемъ, что ли, Ваня,
 Съ холода да съ горя?
 Говорятъ, что пьянымъ
 По козѣно море.

У Антона дочь-то
 Дѣвка молодая:
 Очи голубые,
 Славная такая!

Да богатъ онъ, Ваня:
 На отръвъ откажетъ;
 Вѣдь сгорнишь съ стыда, братъ,
 Какъ на дверь укажетъ.

Что я ей за пара?
 Скверная избушка...
 А оброкъ-то, Ваня!
 А кормить старушку!...

Выпьемъ, что ли, съ горя?
 Эхъ, братъ! да едва-ли
 Бѣдному за кружкой
 Позабыть печали!

Н. ОГАРЕВЪ.

НАПРАСНЫЙ ДАРЪ,

ПОВЕСТЬ.

...Oui, je me sens ému à la mémoire de ces oeuvres naïves et puissantes, que créa le génie primitif et méconnu...

A. DE VIGNY.

ГЛАВА I.

What is't? a spirit?
Lord how it looks about! Believe me, sir,
It carries a brave form: But 'tis a spirit.

Tempest. ШАКСПЕАРЕ.

Скажите мнѣ, отъ чего происходитъ это неравенство, это безконечное разнообразіе въ раздѣлѣ божественныхъ искръ, одушевляющихъ человека ?

Не земная ли оболочка, не первыя ли впечатлѣнія на душу младенца содѣйствуютъ развитію ея способностей, или побораютъ непобѣдимымъ ничтожествомъ все, что она приноситъ съ собою на землю изъ даровъ міра высшаго, всесвѣтлаго ?

Но крѣпкое тѣло человека не служитъ порукою за силу его духа; а вліяніе вѣншихъ обстоятельствъ, первыя, поражающіе насъ предметы, всѣдневныя привычки, занятія, сношенія съ подобными намъ, — все это, какъ грань, оттискивается въ нашемъ характерѣ, тускнитъ его или расцвѣчиваетъ, со-временемъ исчезаетъ или врѣзывается въ него глубже, но въ началѣ жизни — врожденныхъ намъ свойствъ, первобытныхъ стихій духа нашего не измѣняетъ и измѣнить не можетъ.

Скажите жъ : эта пестрота, это неравное раздробленіе ниспосылаемаго намъ духа на души съ волею могучею, съ стремленіемъ къ добру, или съ жаждою зла и истребленія, на метеоры гениальнаго всепостиженія, творческой силы разума, и на миллионы душъ слабыхъ, ничтожныхъ, которыя, подобно отпрыскамъ великолѣпнаго растенія, поблекшимъ въ зародышахъ, прозябаютъ безъ силъ, безъ воли, безъ стремленій, чтобъ ползати въ прахъ и покорствовати всѣмъ вліяніямъ атмосферы, — эти разнородныя созданія, столь чуждыя

между собою, и однакожь такъ тѣсно связанныя въ одну семью неумовимыми оттънками свойствъ, страстей и наружности, не суть ли безчисленное множество струнъ одного аккорда? не предумышленное ли соединеніе звуковъ слабыхъ съ сильными, ничтожныхъ съ величественными, для составленія одной дивной гармоніи чловѣчества?

И какъ истолковать, притомъ, песообразное размѣщеніе душъ въ оболочки, часто несвойственныя имъ? Чѣмъ объяснить проявленіе характеровъ предпріимчивыхъ, твердыхъ, неустрашимыхъ въ слабыхъ тѣлахъ женщинъ, и безхарактерности, безстрастія, унижающаго чловѣчество въ богатырскихъ сердцахъ мужчинъ; или отсутствіе всѣхъ способностей умственныхъ, всей воспріимчивости чувствъ въ одномъ, — и подлѣ, избытокъ ихъ ножирающей, другого?

Случалось ли вамъ видѣть кусты розъ, которые со всякой весной зеленеютъ, убираются почками, обещающими роскошнѣйшіи цвѣтъ; но когда настаетъ пора цвѣтнія, почка напрасно силится распуститься, — тайная враждующая въ ней сила бореть природу, — и цвѣтокъ блекнетъ, клонитъ къ землѣ ослабѣвающую головку, желтѣетъ, сохнетъ и умираетъ въ ту самую минуту, когда прохожій останавливается, чтобъ насладиться его благоуханіемъ и подивиться красѣ его...

Спросите тогда у садовника: отъ-чего роза увяла не распустившись? Не прижгло ли ее солнце? не подточилъ ли червь? Нѣтъ, вокругъ нея, на той же почвѣ, рдѣютъ свѣжіе цвѣты... Но она была слишкомъ-прекрасна; грудь ея слишкомъ наполнилась цвѣтомъ и силой; въ нѣсколько мгновеній она тайно отжила свою жизнь, и внутренніе листья ея изсохли прежде, чѣмъ верхіе успѣли распуститься.

Не то же ли случается и въ бытіи людей?

Что жъ это? Ошибка ли природы, или перстъ высшаго промысла проявляется въ этихъ яркихъ и быстрыхъ какъ молнія существованіяхъ?..

Кто изъ насъ не призадумывался надъ печальной повѣстью тѣхъ немногихъ, но вѣчно славныхъ людей, которые, перегарая въ порывахъ къ прекрасному, жили и гибли мучениками своихъ душевныхъ силъ, завѣщавая поздно-познавшему ихъ міру одну искру своего генія въ олицетвореніи божественнаго на землѣ?

И еще блаженны они, сто разъ блаженны, если не рукоплесканія толпы, а одобренія любимыхъ ими и собственное сознаніе позволило имъ взглянуть съ благоговѣніемъ и съ радостной слезой на собственное свое твореніе, на свою осуществленную мысль...

Но если эта мысль, это чувство напрасно зрѣютъ въ груди чловѣка, которому нѣ съ кѣмъ дѣлиться ими, нѣ въ чемъ излиться душой; чтобъ хоть одиноко насладиться ихъ живымъ отраженіемъ;

если эти небесные дары, ослабляя безъ проявленій, внутренно грызутъ его тщетной дѣятельностью, перекипають, стынутъ и, какъ охладѣлый свинецъ, падаютъ на сердце мученика, — не правда ли, это положеніе ужасно?

Невольно спрашиваешь себя: зачѣмъ же, посѣвявъ такія прекрасныя сѣмена на такой богатой почвѣ, природа, какъ Сатурнъ, пожираетъ собственныхъ дѣтей своихъ, отнимая у нихъ питательные соки, или засыпая ихъ снѣгомъ, который растаетъ только на могилахъ ихъ.

И съ этой думою я подняла глаза: сумрачное вечернее небо безпредѣльно раскидывалось надо мною; горизонтъ, со всѣхъ сторонъ открытый, безъ солнца и безъ облаковъ, казалось, тоуль краями въ волнахъ; вольно гулялъ подъ нимъ пустынный вѣтеръ, вздымая и крутя песокъ на узкой полосѣ земли, которая тянулась безцвѣтной лентою впереди меня и за мною; съ одной стороны шумѣло море, съ другой зеленѣло сонное, огромное озеро, покрытое плѣсенью и соляною корою, которое въ вѣчной тиши, въ вѣчномъ одообразіи кажется драхлымъ изгнаникомъ, равно забытымъ и жизнью и смертью.

Кругомъ все было пусто и дико; нигдѣ ни жилья, ни голоса людскаго; только изсохшій ковыль качался по сторонамъ дороги, да птицы морскія, носясь стаями въ воздухъ, оглашали зловѣщимъ крикомъ пустыню.

И безотвѣтны были вокругъ меня земля и небо, безотвѣтна осталась дума моя!

Коляска едва двигалась впередъ, прорѣзывая глубокія колеи въ песокъ; спутница моя дремала; я не могла забытья сномъ, и, вперивъ глаза въ однообразную даль, перенеслась мыслью въ край недавно покинутый мною, гдѣ встрѣтила я чудное созданье, которое, оставивъ по себѣ неизгладимое воспоминаніе въ душѣ моей, внушило мнѣ всѣ эти горькіе вопросы...

Тотъ край также пустыня, по виду также дикая и безплодная, хоть и считается страной населенной. Тамъ въ лѣтній полдень нестерпимый зной палитъ землю, ни одинъ ручей не утолитъ жажды путника, ни одно дерево не пахнѣтъ на него прохладой. Лошади бѣгутъ, колеса быстро катятся по ровному пути, и глазъ проѣзжаго напрасно ищетъ себѣ предметовъ отдохновенія: вездѣ чистая, гладкая степь, безъ холмовъ, безъ пригорковъ, безъ малѣйшихъ неровностей; однообразно тянется по ней дорога, и версты пестрѣють впередъ, какъ кегли на длинной вылакированной доскѣ. Если жъ, порою, на краю горизонта, вдругъ заиграють струи озера, и надъ ними огненною точкою загорится блестящая звѣзда, струи тѣ — мѣрево; звѣзда — куполъ церкви, которая долго еще останется для васъ незримою.

Тамъ можно было бы вообразить себя въ Аравіи, еслибъ мѣстами

желтвующія нивы, или безчисленные стада не напоминали о присутствіи человека. И въ-самомъ-дѣль, владѣльцы этихъ степей—тамъ же очень недалеко, съ своими деревушками, прудами, плотинами, которыя обсажены вербами, и господскими домиками. При стокъ сивговъ, воды когда-то прорыли рытвину; время образовало изъ нея глубокое провалье, и люди, открывъ на днѣ его источникъ, поселились вокругъ. Кое-гдѣ и на поверхности этихъ равницъ встрѣчаются большія селенія, но они рѣдки и вообще до того пусты, скучны и печальны, что даже не разнообразяютъ окрестностей.

Есть тамъ, однакожь, село — исключеніе изъ всѣхъ степныхъ селеній. Въ немъ когда-то жилъ очень богатый помѣщикъ; любитель общества и шумныхъ пировъ, онъ выстроилъ себѣ огромный домъ; не щадя ни денегъ, ни трудовъ, выкопалъ подлѣ озеро и успѣлъ даже развестъ на берегахъ его садъ, украшенный всѣми прихотями роскоши. Но не стало его—и все пришло въ упадокъ; его единственная дочь, графиня Бѣльская, никогда не заглядывала въ свое помѣстье; домъ, никѣмъ необитаемый, началъ гнить и разрушаться, садъ одичалъ, аллеи заросли травой, теплицы опустѣли, и даже воды озера, будто съ горя по прошломъ весельи, уснули въ берегахъ своихъ и покрылись густою тиною. Только библиотечка уцѣлѣла въ далекомъ флигелькѣ, хоть плѣсень и испестрила узорами переплеты книгъ.

Съ давнихъ поръ этимъ имѣніемъ управлялъ отставной поручикъ Байченко, помѣщикъ двадцати душъ, поселенныхъ недалеко отсюда въ одномъ изъ описанныхъ мною провалій, или, какъ называютъ ихъ туземцы, балокъ. Получая исправно свои доходы, графиня была довольна его управленіемъ и безвыѣздно жила въ Петербургъ. Но когда этотъ честный человекъ умеръ и его мѣсто занялъ другой, въ имѣнье оказались такіе безпорядки, что графиня рѣшилась наконецъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Крымъ, навѣстить свои степныя владѣнія.

Графиня была женщина немолодая, но еще свѣжая и сохранившая весь блескъ, если не всю прелесть красоты своей. Овдовѣвъ лѣтъ десять тому, она могла бы вступить во второе супружество; много людей значительныхъ и достойныхъ искали руки ея, но она отвергла всѣ предложенія и посвятила лучшіе годы своей жизни воспитанію двухъ дѣтей. Ея самоотверженіе не нашло на землѣ награды; смерть лишила ее любимой дочери; ей остался одинъ сынъ. Съ-тѣхъ-поръ она почти отказалась отъ свѣта, которому бы еще могла служить украшеніемъ, жила только для сына, и когда, по выходѣ изъ университета, онъ изъявилъ желаніе побывать въ чужихъ краяхъ, добрая мать согласилась принести ему послѣднюю жертву—горькой разлукой съ нимъ. Но желая доставить ему всѣ выгоды путешествія, не обременя новыми долгами имѣнія и безъ того уже

разстроеннаго, она рѣшилась проститься въ то же время съ столицей, до возвращенія сына въ Россію. Къ-тому жъ, собственное здоровье ея требовало переселенія въ теплѣйшій климатъ; у нея была прекрасная дача на южномъ берегу Крыма, и она избрала себя ея пріютомъ, мѣстомъ своего «изгнанія», какъ выражались ея петербургскіе друзья, удивляясь великости такой жертвы.

Я давно была знакома съ графиней; не считая себя ея другомъ, истинно уважала ея, любила ея таланты, часто прельщалась ея умомъ, и когда, узнавъ, что я также предполагаю ѣхать въ Крымъ, она начала умолять меня раздѣлится съ ней скуку однообразнаго пути и остановиться на нѣсколько времени въ ея херсонскомъ имѣньѣ, гдѣ ей необходимо было устроить свои дѣла, — я съ удовольствіемъ согласилась.

Мы отправились сперва въ Одессу; тамъ графиня простилась съ сыномъ и, чтобъ не исчезнуть отъ скуки въ степной глуши, запаслась книгами и даже музыкальными инструментами. Она страстно любила музыку: музыка была стихіею и отрадою ея жизни; фортепьяно и арфа одушевлялись при ея прикосновеніи къ нимъ новою гармоніею; когда же она сливала съ ними свой чистый, нѣжный, флейтвистый голосъ, котораго ни годы, ни огорченія не могли ослабить, невѣжды и знатоки равно приходили въ восторгъ.

Мы пріѣхали въ имѣнье графини; управитель успѣлъ кое-какъ оправить часть дома, напавшаго немного развалины радклифскихъ замковъ, убралъ и меблировалъ для насъ нѣсколько комнатъ. Наши экипажи остановились у крыльца, окруженнаго толпою крестьянъ, — и жилище, съ давнихъ поръ оглашаемое только крикомъ птицъ ночныхъ, снова оживилось отзвуками голосовъ человѣческихъ, смѣха и суеты.

Печально показалось намъ первое время пребыванія въ этой деревнѣ, хоть чтеніе, музыка и прогулки часто разсѣявали насъ; но этотъ домъ, изъ котораго ни іюньскіе жары, ни присутствіе людей не могли изгнать запаха могильной сырости; его полинялые, во многихъ мѣстахъ даже изорванные обои, потолки, расписанные уродливыми фигурами и плѣсенью, глухой отголосокъ, пробуждаемый малѣйшимъ шумомъ во всѣхъ комнатахъ, и вокругъ заглохшій садъ съ развалившимися бесѣдками, а далѣе, степь съ пожелтѣлою травою, — все это могло бы нагнать сплинъ на человѣка съ самымъ веселымъ характеромъ.

Графиня выѣхала изъ Петербурга не одна; ее сопровождали: бывшая гувернантка ея, Англичанка, съ молоденькою дочерью; компаньонка Французенка, которая аккомпанировала ея пѣнію и играла съ ней на фортепьяно въ четыре руки, и домашній докторъ, чудакъ, но добрый и хорошо-образованный человѣкъ. Впрочемъ, его обществомъ

мы наслаждались очень рѣдко, потому-что, пользуясь деревенскою свободою, онъ ботанизировалъ поутру, спалъ послѣ обѣда, и только вечеромъ, въ веселый часъ, забавлялъ насъ иногда медицинскими анекдотами и оригинальностью своихъ идей.

Мы жили уже около двухъ недель въ деревнѣ, скучая и утѣшая себя скорымъ отъѣздомъ въ Крымъ, какъ вдругъ одно печальное явленіе поразило и надолго заняло меня.

Наши вечера обыкновенно посвящались музыкѣ, и въ то время, какъ графиня играла или пѣла, я всегда садилась у окна, раствореннаго въ садъ, чтобъ, не видя ни свѣта, ни людей, свободнѣе предаваться наслажденію. Въ эти часы забвенья и сладкихъ грѣзъ, плавая глазами во мракъ, удвоенномъ густыми деревьями, я начала невольно замѣчать въ чащѣ, подъ самыми окнами, женскую фигуру. Полагая сперва, что это кто-нибудь изъ семьи управителя, или священника приходитъ туда слушать наши концерты, я не обращала на нее большаго вниманія; но, познакомясь покорооче съ фizioноміями деревенской аристократіи, убѣдилась, что предположеніе мое было несправедливо. Той женщины я никогда не встрѣчала днемъ; она являлась только вечеромъ, въ глубокой темнотѣ, всегда въ одной порѣ, на одномъ мѣстѣ, въ одномъ и томъ же положеніи.

Иногда свѣтъ, падающій на нее сквозь окна комнаты, позволялъ мнѣ разсматривать ея черты; незамѣтная для нея, я внимательно слѣдила за всеми ея движеніями, и ея молодость, постоянная грусть, разлитая по лицу, нѣжность формъ и необыкновенное благородство осязки,—все говорило въ ея пользу и внушало къ ней сильнѣйшее участіе. Она видимо не принадлежала къ категоріи деревенскихъ женщинъ; она шла, стояла, смотрѣла какъ-то иначе, будто созданная изъ инаго тѣла и оживленная иною душою. Да и была ль еще въ ней живая душа? теплая ли кровь текла въ ея жилахъ?...

Когда, при первомъ аккордѣ арфы, или фортепьяно кусты сирени колебались, но такъ легко, какъ-будто вечерній вѣтерокъ, проносясь мимо, касался ихъ, и сквозь раздвоенныя вѣтви являлась бѣлая тѣнь, тихо скользила къ окну, останавливалась у развѣсистаго дерева и оставалась тамъ по цѣлымъ часамъ неподвижною, я готова была принять ее за призракъ, или за блѣдный лучъ мѣсяца, случайно запавшій туда сквозь разрѣженные листья.

Рисуясь на темномъ грунтѣ зелени и пней, межъ мракомъ и дрожащимъ отсвѣтомъ матовой лампы, ея высокая, тонкая, почти прозрачная фигура напоминала мнѣ душу Франчески, слетѣвшей къ отступнику, еще любимому ею, чтобъ возвратитъ его Христу и родинѣ, прежде вознесенія своего на небеса. И грудь ея какъ-будто не волновалась дыханіемъ, и ея тѣла будто не согрѣвала жизнь, а зрач-

ка, также блестящія и недвижно устремленные на одинъ предметъ, казались скорѣе двумя звѣздами, чѣмъ глазами человѣческими.

Кто была эта таинственная женщина, которая съ такимъ постоянствомъ, съ такою страстью упивалась гармоніей музыки? Откуда являлась она и куда исчезала съ послѣднимъ звукомъ? Признаться ли, я десять разъ хотѣла спросить о томъ управителя, и съ вопросомъ на языкъ останавливалась. Какое-то безотчетное чувство шептало мнѣ, что мое любопытство можетъ разстроить ея ночныя прогулки. А мнѣ жаль было бы лишити ея этого наслажденія, жаль не видѣть ея больше у корня старой липы въ то время, какъ очаровательное пѣніе графини настроивало мое воображеніе на тонъ сверхъестественнаго. И всякій вечеръ, садясь къ окну и скрываясь въ складкахъ кисейной занавѣски, я съ нетерпѣніемъ ждала незнакомку, любовалась ею, и молчала.

Одинъ разъ только, чувства невольно измѣнили мнѣ: графиня, опечаленная воспоминаніями о сынѣ, долго фантазировала на своемъ любимомъ инструментѣ; арфа казалась отголоскомъ ея души; тоны переливались, стихали, и, оживая съ новою силою, томили насъ безотрадною грустью аккордовъ. Наконецъ они слились съ прелюдіею, и графиня запѣла самымъ мелодическимъ, небеснымъ голосомъ несравненную молитву россійской Памиры. Вдругъ бѣлая тѣнь отделилась отъ дерева, начала клониться ниже, все ниже къ землѣ, какъ стебель полевой лиліи подъ проливнымъ дождемъ... мнѣ послышалось рыданіе, я вскочила... Но отъ быстроты моего движенія голосъ графини прервался, и видѣніе въ саду исчезло.

Почти въ то же время между нашими домашними разнеслись самыя смѣшныя и суевѣрные толки; не говорили, а шептали, будто въ необитаемой части дома водятся привидѣнія. Въ той половинѣ всѣ окна и двери были заколочены, и она соединялась съ флигелемъ, въ которомъ хранилась старая бібліотека, длиною и до того разрушенною галлереею, что никто даже днемъ не осмѣливался проходить по ней; доски помоста ея провалились, деревянныя колонны подгнили и шатались на цоколяхъ, а нависшія съ потолка балки безпрестанно грозили обрушиться съ кусками толстой штукатурки. Одна ласточка вилась и щебетала безъ страха подъ этимъ потолкомъ, облѣпляя его своими гнѣздами, и тамъ, въ ночные часы, по словамъ очевидцевъ, чаще всего являлась тѣнь фигуры человѣческой. Скоро и смѣло она не шла, а какъ-будто плыла вдоль галлерей, не останавливаясь ни при одной опасности, не зная никакихъ препятствій, и, достигнувъ стѣны дома, исчезала въ кустахъ сирени, какъ говорили одни, или сквозь заколоченную дверь, какъ утверждали другіе.

Однажды вечеромъ, когда графиня, занятая полученными отъ сына письмами, заперлась въ своемъ кабинетъ, я пошла гулять съ ея компаньйонкою; мы заговорились и незамѣтно такъ удалились отъ дома, что на возвратномъ пути принуждены были или обойти кругомъ всей деревни, или пробраться черезъ садъ по самымъ заглушимъ тропинкамъ. Мы предпочли послѣднее. Ночь была ясна и свѣтла; испаренія травъ и недавно-скошеннаго сѣна наполняли густымъ ароматомъ воздухъ, проникнутый теплотою; не мертвая тишина, а сладкое, таинственное молчаніе было разлито въ полъ, осеребренномъ полною луною, и подъ сводами аллей, гдѣ только мимолетный вѣтерокъ перешептывался съ листьями, да вечернія настѣкомыя жужжали, летая вокругъ. Мы приблизились къ озеру: воды, очищенныя отъ тины, чудесно отражали небесный сводъ; камышъ тихо колебался, издавая порою жалобный шорохъ; почувявъ насть, дикая горлица съ крикомъ порхнула изъ кустовъ, взвилась, скрылась въ поднебесь, и сонное эхо, будто нѣхотя откликнувшись на крикъ ея, смѣнилось прежнею тишиною. Мы продолжали идти въ молчаніи; моя трусливая подруга жалась ко мнѣ и торопилась, какъ-бы слыша за собою погоню, — когда, миновавъ камышъ, я увидѣла на озерѣ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега, знакомую мнѣ блую фигуру. Стоя на углу челнокъ, едва замѣтномъ подъ складками ея платья, она такъ беззаботно колыхалась со стороны на сторону, что при первомъ взглядѣ можно было вообразить, будто сверхъестественная сила поддерживаетъ ее на поверхности водъ; руки ея были сложены крестомъ; опустивъ голову, она пристально смотрѣла въ темную глубь и, казалось, вовсе не думала объ опасности своего положенія. Вдругъ моя подруга вскрикнула, вырвала у меня свою руку и бросилась бѣжать.

— Куда же вы, куда? спросила я ее, не трогаясь съ мѣста и еще разъ взглянула на незнакомку.

Челнокъ быстро скользнулъ къ берегу; незнакомка выпрыгнула изъ него и съ словами: «О, не бойтесь... гуляйте... я уйду!» скрылась въ тростникъ.

Но ея голосъ, полный грусти и моленія, ея слова, въ которыхъ отзвучивался невольный упрекъ, смутили мнѣ душу и долго еще звучали въ ухахъ моихъ.

А компаньйонка графини клялась, что видѣла надъ озеромъ не живое существо, но призракъ, тѣнь безъ тѣла и безъ души...

На слѣдующее утро, послѣ безсонной ночи, я вышла въ садъ съ стихотвореніями одного французскаго поэта. Заря только-что занималась, цвѣты и травы блистали росой; освѣженная утреннимъ воздухомъ, я долго бродила въ густыхъ аллеяхъ и уже готовилась возвратиться домой, когда, замѣтивъ, что уронила книгу, драгоценную

нѣ по многимъ воспоминаніямъ, принуждена была повторить свою прогулку. Кружась по всемъ тропинкамъ и заглядывая во всякій кустъ травы, я незамѣтно забилась въ самую чашу деревь и вдругъ остановилась: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стояла дѣвушка и съ такой жадностью перелистывала потерянную мною книгу, что даже не замѣтила моего приближенія. Я съ перваго взгляда узнала въ ней наше привидѣніе, тѣнь, или иначе, мою вечернюю дилеттантку. Свѣтъ дневной не разрушилъ впечатлѣнія, которое произвелъ во мнѣ видъ ея ночью; теперь, какъ и тогда, она показалась мнѣ больше призракомъ, нежели человѣкомъ. Правда, теперь жаркій румянецъ горѣлъ на ея щекахъ, и ея большіе, свѣтлые глаза бросали струи свѣта; но этотъ самый румянецъ, этотъ свѣтъ доказывали, какъ мало она принадлежала землѣ. Ея тонкая шея съ трудомъ несла голову, осѣненную густыми волосами; слабый станъ клонился къ землѣ, будто обременяемый невыносимою тяжестью, и сквозь нѣжную, прозрачную кожу, казалось, замѣтно было болѣзненное волненіе ея крови. Во всемъ существѣ ея были разлиты изнуреніе и истома; но, не смотря ни на эти признаки разрушенія, ни на бѣдность ея одежды, въ ней нельзя было не узнать женщины съ природой возвышенной и благородной. Выраженіе гордости, страданія и безусловной покорности судьбѣ составляли на лицѣ ея странную смѣсь; ненарушимое спокойствіе ея осанки, взглядовъ и движеній казалось не врожденною чертою ея характера и не слѣдствіемъ отчаянной борьбы съ собою, а только терпѣніемъ увѣренности близкаго конца...

Я хотѣлъ подойти къ ней; услышавъ шорохъ, она вздрогнула, въ испугъ выронила книгу и какъ серна прыгнула въ кусты.

Всѣ эти встрѣчи раздражили до высшей степени мое любопытство: возвращаясь домой, я положила себѣ узнать во что бы то ни стало кто была эта интересная незнакомка. Случай предупредилъ мое желаніе.

ГЛАВА II.

..... She was become
The queen of a fantastic realm; her thoughts
were combination of disjointed things;
And forms impalpable and unperceived
Of others' sight familiar were to hers.
And this the world calls frenzy;...

The Dream, LORD BYRON.

Мы всѣ сидѣли за завтракомъ; человѣкъ доложилъ доктору, что одна бѣдная старушка проситъ его ради Бога хоть на минуту пови-
даться съ нею.

— Что за старушка? спросила графиня, отъ которой ни одинъ несчастный не уходилъ безъ утѣшенія.

— Вдова бывшаго управителя вашего сіятельства.

— Вдова Байченки, который такъ долго управлялъ моимъ имѣніемъ?... Проси ее сюда.

И въ комнату вошла сухая, дряхлая женщина, бѣдно-одѣтая, съ чернымъ платкомъ на головѣ, изъ-подъ котораго, по обычаю той стороны, выглядывала оборка бѣлаго каленкороваго чепчика. Она низко раскланялась и остановилась у дверей. Графиня съ большимъ трудомъ уговорила ее подойти поближе и сѣсть.

— Чѣмъ могу я быть вамъ полезенъ? спросилъ тогда докторъ вдову.

— Пришла къ вамъ, батюшка, отвѣчала она запинаясь и снова низко кланяясь: — не пособи́те ли хоть вы моему горю...

— Вы нездоровы?

— Нѣтъ, батюшка, не я, а дочь... одна только и есть... сынь пропалъ безъ вѣсти... да и ее ужь лучше бы Господь принялъ...

— Дочь ваша тяжело больна?

— Не то, чтобы больна, а хуже, — она помѣшана.

— Помѣшана! повторила я съ удивленіемъ.—Высокая, худая дѣвушка, съ темно-русыми волосами?

— Она и есть, она... помѣшана, да такъ чудно... Случалось мнѣ на роду видѣть многихъ сумасшедшихъ, но о такихъ цюкогда и не слыхивала...

— Давно ли вы пачали замѣчать въ ней признаки помѣшательства? спросилъ опять докторъ.

— Да какъ и сказать вамъ, батюшка! Она еще ребенкомъ была не такова, какъ всѣ другія дѣти; сосѣди съ малыхъ лѣтъ называли ее юродивою; только какъ стала подрастать, и покойный мужъ мой нанялъ въ учителя къ нашему старшему сыну Нѣмца, она какъ-будто поумнѣла, тожь принялась учиться; бывало, книги изъ рукъ не выпускаетъ, и какъ радостно было слушать, какъ скоро она выучилась и по французски и по нѣмецки,—да все не въ прокъ...

— Въ чемъ же состоитъ теперъ ея сумасшествіе?

— Этого-то мы и сами не можемъ понять, отвѣчала бѣдная мать съ тяжелымъ вздохомъ.—Днемъ посмотрѣть на нее, такъ и подумать нельзя, чтобы она была сумасшедшая: трудится, работаетъ, учить дѣтей, и все понимаетъ, обо всемъ говоритъ хорошо и ясно. Но лишь настанетъ ночь, — не усмотришь какъ ускользнетъ изъ дому, бредитъ Богъ знаетъ гдѣ, возвращается поздно и послѣ ходитъ, будто ничего не видя, что-то говоритъ себѣ вполголоса, и иногда такъ плачетъ, тоскуетъ, что сердце цадрывается глядя на нее.

— А вы пускаете ее ходить по волю? спросила графиня, которая болѣе всего на свѣтъ боялась сумасшедшихъ.

— Не извольте беспокоиться, ваше сіятельство, отвѣчала старушка:—моя дочь отроду никому зла не сдѣлала; она смирна какъ годово-вой ребенокъ, да теперь же и сама прячется отъ людей: ей все мерещится, будто люди ее боятся...

Докторъ сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ вдовѣ о лѣтахъ, сло-женіи и склонностяхъ ея дочери, и потомъ спросилъ, не замѣтила ли она въ ней еще какихъ болѣзненныхъ припадковъ.

— Нынѣшней весной, въ первый разъ, у нея показалась горломъ кровь, отвѣчала вдова. — Это случилось въ церкви; ее принесли безъ памяти домой, уложили, и когда, очнувшись, она спросила, отъ-чего у нея грудь и руки въ крови, ей съ-дуру сказали правду. Какъ встре-пенулась она, голубка моя, принялась креститься, и все твердила: «Господь услышалъ мои молитвы!» Послѣ этого, ей стало какъ-будто лучше. Правда, кровь часто шла у нея изъ горла поутрамъ; да она сдѣлалась тише, спокойнѣе, даже веселѣе, такъ-что мы ду-мали: авось выздоровѣетъ,—какъ вотъ, скоро послѣ пріѣзда ея сія-тельства, на нее по-прежнему начало находить, и еще вдвое сильнѣе чѣмъ прежде.

— Не уходитъ ли она опять по вечерамъ? спросила я старушку;

— Уходитъ, сударыня, и опять до утренней зари глазъ отъ тоски не смыкаетъ. Не знаю, что съ ней и дѣлать. Пробовала запирать ее, такъ еще хуже: выпрыгнуть въ окно, проберется по развалившейся галлерей въ садъ, а тамъ ужъ ее и не отыщешь.

—Ахъ, Боже мой! да не-уже-ли она не понимаетъ даже опасности прыгать изъ такихъ высокихъ оконъ и ходить по этой галлерей въ темнотѣ? сказала графиня.

— Какъ не понимать, ваше сіятельство! да ей чѣмъ ни грози, она на все отвѣчаетъ: «Не бойтесь, ничего не случится; смерти ужъ нѣ-чего гоняться за мною.»

Докторъ обѣщалъ навѣстить больную; графиня еще нѣсколько времени разспрашивала вдову о ея дочери и о ея собственномъ поло-женіи, и узнавъ, что она осталась безъ мужа въ крайней бѣдности, обѣщала обезпечить ее отъ нужды, приняла на себя всѣ издержки леченія бѣдной помѣшанной, и, обдаривъ старушку, отпустила отъ себя съ облегченнымъ, если не совершенно-успокоеннымъ серд-цемъ.

— Ну, что ваша больная, докторъ? сказала графиня нѣсколько дней спустя.

— А что вамъ угодно знать объ ней, графиня?

— Вы ее видѣли?

— Видѣлъ.

— Что жъ? въ какомъ состояніи нашли ее?

— Вы спрашиваете меня о состояніи ея здоровья, или ума?

— Да я думаю, что въ сумасшествіи одно съ другимъ неразлучно.

— Въ этомъ случаѣ, по-крайней-мѣрѣ, эти вопросы должно раздѣлить.

— Вы отвѣчаете сегодня очень лаконически, докторъ.

— Какъ всегда отвѣчаютъ люди, которые не знаютъ, что отвѣчать, графиня.

— Ну такъ, какъ вы нашли здоровье вашей больной? спросила я въ свою очередь, зная истинно германское упрямство нашего медика.

— У ней развивается скоростигная чахотка.

— А ея сумасшествіе?

— Медицински я не нашелъ въ ней никакихъ признаковъ сумасшествія. Впрочемъ, не могу ничего сказать опредѣлительно, потому что она принимаетъ меня очень-неохотно и едва отвѣчаетъ на мои вопросы.

Графиня просила его не покидать бѣдной дѣвушки и не щадить никакихъ издержекъ, чтобъ возвратить ее къ здоровью и уму. Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ.

Въ-продолженіи нѣсколькихъ недѣль, докторъ ежедневно посѣщалъ больную, но на всѣ наши вопросы отвѣчалъ коротко и вовсе неудовлетворительно. Казалось, не понимая ея болѣзни, онъ изъ медицинскаго самолюбія не любилъ говорить о ней.

По-вечерамъ, во время пѣнія графини, я долго еще видѣла эту жалкую дѣвушку у липы; только она не стояла уже какъ прежде, прислонясь къ пню, а садилась на одинъ изъ корней дерева, опускала голову на руки, и въ этомъ положеніи слушала музыку. Но подъ конецъ лѣта, она начала приходить рѣже, и вскорѣ вовсе прекратила свои вечернія прогулки.

Уборка хлѣбовъ кончилась; приближалась осень; графиня начала приготавливаться къ отъезду въ Крымъ.

Однажды, докторъ вошелъ къ намъ съ страннымъ, озабоченнымъ видомъ; онъ казался тронутымъ, встревоженнымъ, и, противъ обыкновенія, забылъ на столѣ свою чашку съ чаемъ.

— Что вы такъ серьезны, докторъ? не больны ли вы? не получили ли непріятныхъ извѣстій изъ Петербурга?

Онъ кланялся и отвѣчалъ отрицательно.

— Что ваша безумная? спросила наконецъ графиня.

— Моя безумная?... гм-гм...

И лицо его приняло выраженіе глубокаго участія.

—Моя безумная? повторилъ задумчиво докторъ, и, помолчавъ минуты двѣ, началъ говорить съ несвойственнымъ ему одушевленіемъ:

— Графиня, вы знаете жизнь Тассо, Сервантеса, Мильтона, Камюэнса, Уилльяма Коупера; знаете горькую молодость Шиллера, кончану Четтертона, Жильбера, и существованіе многихъ другихъ поэтовъ, убитыхъ бѣдностію, невѣжественнымъ равнодушіемъ людей и силою своего непризнаннаго таланта...

— Знаю; еще недавно перечитывала рассказы чернаго доктора, не разъ жалела, что вы не одарены его изобрѣтательностію...

— Что дѣлать, графиня, поэзи съ медициною трудно ужиться въ одной головѣ. Сегодня, однакожь, я самъ желалъ бы обладать его краснорѣчіемъ, чтобъ передать вамъ участь одного не столь блистательнаго таланта, но не менѣе-замѣчательнаго терновымъ вѣнкомъ, который онъ носить.

— О комъ вы говорите, докторъ?

— О моей молодой пациенткѣ, графиня, дочери вашего бывшаго управителя.

— Объ той сумасшедшей?...

— Такъ точно, графиня; ее называютъ сумасшедшею люди, неспособные понять могущества одной идеи, которая, какъ водоворотъ, втягиваетъ въ себя и поглощаетъ всю идею бытія. Они признали ее сумасшедшею, отъ-того что ихъ грубому осязанію недоступны ни чуждость ея чувствъ, ни утонченность ея влеченій, ни возвышенность ея ума. Не всегда ли невѣжды, пугаясь небснаго сіянія, кричали: «пожаръ!» и не всегда ли давили бѣднаго свѣтятся червячка, который попадался имъ подъ ноги? Они приняли за безуміе проявленіе тайной, непостижимой для нихъ силы ея таланта, и бросились,—кто изъ злобы, кто изъ усердія,—уничтожать ее, не подозревая, что въ той силѣ заключался корень ея жизни, лучшей цвѣтъ ея души. Голодную, они принудили отказаться отъ вдохновенія за нищенскій кусокъ ихъ хлѣба; и когда дѣятельность ея духа, крѣпко скованнаго, начала внутренно грызть ее и прорываться безъ вѣдома ея на волю, они отравили жизнь ея горькимъ сомнѣніемъ въ себя-самой, увѣрили ее, будто она безумная, и въ-самомъ-дѣлѣ едва не свели съ ума;— за то толкнули прямо къ могилѣ...

— Докторъ, вы хотите морочить насъ чувствительною сказкою? сказала графиня, подымаясь съ кушетки.

— Ни мало. Я никогда не говорилъ серьезно...

— Такъ эта дѣвушка...

— Поэтъ, убитый силою своего напраснаго таланта!

— Но какъ вы знаете... какъ вы узнали все это?..

— Я давно подозревалъ, что ея сумасшествіе есть дѣйствіе слабости—не ея ума, а людей окружающихъ ее, но думалъ, что при-

чиною и меланхолии дѣвушки и ихъ предположеній была какая-нибудь несчастная любовь, — обыкновеннѣйшая изъ всѣхъ болѣзней женскаго сердца. Когда я намекалъ ей о моихъ подозрѣнiяхъ, она спокойно выслушивала меня, качала головой, иногда даже улыбалась, но съ такимъ безотраднымъ равнодушиемъ, что я лучше желалъ бы видѣть на лицѣ ея слезы, нежели эту улыбку. Чтò бъ я ни говорилъ ей, о чемъ бы ни заводилъ рѣчи, ничто ея не трогало, не устрашало, не смущало, — она всегда отвѣчала ясно, но такъ коротко, что я не могъ ничего извлечь изъ ея словъ. Недавно, говоря съ ней по-нѣмецки, я выразилъ свою идею шиллеровымъ стихомъ; она быстро взглянула на меня, и въ первый разъ я увидѣлъ искру чувства въ глазахъ ея, — но въ ту же минуту она снова опустила ихъ въ землю. Прощедшею осенью здѣсь умеръ старикъ, который былъ прежде ея наставникомъ, а послѣ занималъ должность доктора въ вашемъ селѣ; узнавъ, что онъ лечилъ ее, я потребовалъ къ себѣ оставшіяся послѣ него бумаги, въ надеждѣ, хотъ изъ нихъ узнать что-нибудь о ней; вчера мнѣ принесли эти бумаги; между ними я не нашелъ ни одного рецепта; за то отрылъ тетрадь, исписанную покойникомъ, и въ ней я узналъ всѣ подробности жизни и чувствъ этого удивительнаго созданія. Тамъ также попалось мнѣ письмо къ нему одного коротко-знакомаго мнѣ чловѣка, которое убѣдило меня въ превосходствѣ таланта моей больной...

— Что же вы узнали? гдѣ эта тетрадь?..

— Въ моей комнатѣ, графиня, и если вамъ угодно, черезъ двѣ минуты будетъ въ вашихъ рукахъ.

— А стихотворенія ея также?

— Ихъ нѣтъ; бѣдняжка все сожгла наканунѣ своего отреченія отъ поэзии и книгъ.

Докторъ принесъ намъ тетрадь. Вотъ все, чтò мы прочли въ ней и чтò узнали позже изъ разговоровъ дѣвушки съ докторомъ и отъ окружавшихъ ее людей.

ГЛАВА III.

Cette âme se transforme, elle est tout près d'éclorre,
Elle rampe, elle attend,
Aujourd'hui larve informe, et demain dès l'aurore,
Papillon éclatant.

V. Hugo.

From my youth upwards
My Spirit walk'd not with the Souls of men,
Nor look'd upon the earth with human eyes.

My joys, my griefs, my passions, and my powers,
Made me a Stranger.

Manfred, LORD BYRON.

Недалеко отъ имѣнья графини, въ глубокой балкѣ, стоялъ, посреди пѣскольныхъ крестьянскихъ хатъ, домикъ тѣсный, приземистый,

подъ соломенную кровлю, но такъ чисто-выбѣленный и раскрашенный, такъ мило окруженный цвѣтками и садомъ, что когда въ ясную погоду онъ отражался въ прудъ, его невольно сравнивали съ сельскою красавицею, которая, убравшись въ полевые цвѣты и накинувъ на голову недавно-сплетенную шляпку, умильно смотрится въ зеркало и сама любитъ собою. Въ томъ домѣ жилъ Байченко съ женою и двумя дѣтьми. Старшій сынъ, Петруша, рѣзвый, здоровый мальчикъ, былъ любимцемъ матери и отца; за то дочь вовсе не радовала ихъ и казалась приемышемъ во всей родной семьѣ.

Отъ-дѣтства робкая и молчаливая, блѣдная и нѣжная сложени-емъ, она поражала серьезнымъ выраженіемъ физиономіи, вовсе несвойственнымъ ея лѣтамъ. Правильныя черты лица, лобъ высокій, круто-выдавшійся впередъ, и глаза, которыхъ зрачки, то расширяясь въ непрерывномъ движеніи, играли отливомъ молніиныхъ искръ, то вдругъ сжимаясь, останавливались на одномъ предметѣ и долго оставались тусклыми, неподвижными, будто лишенные зрѣнія. Все въ наружности и поступкахъ этой дѣвочки, доказывало слишкомъ-раннее развитіе духа и сильнаго, быстрого разумнія.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Анюта была странное дитя. Рано отбросила она дѣтскія игрушки, рано начала прятаться отъ людей; забавы брата утомляли ее; она любила оставаться одна, и тогда — то жмурилась, то не сводила глазъ съ одного предмета, дѣлала странныя тѣлодвиженія и говорила сама съ собою вслухъ.

Любимымъ ея занятіемъ было сѣять и растить цвѣты, наблюдать за трудами пчелъ, или за движеніемъ червяка, когда, свернувшись на листкѣ, онъ обвивается шелковымъ кокономъ. По вечерамъ, когда всѣ засыпали въ домѣ, она прокрадывалась въ садъ, и, забывая сонъ, до утра любовалась тамъ звѣздами, ихъ отраженіемъ въ водѣ, луною, плывущею между облаковъ, предразсвѣтною тишиною и розовою полосою зари. А зимою, она не спускалась съ горы на салазкахъ и не скользила по замерзшему пруду; стяхивая снѣжинки на темныя полы своего капота, она съ удивленіемъ разсматривала блестящія звѣздочки, которыя отъ прикосновенія ея пальца обращались въ росу.

Иногда Анюта смущала своихъ родителей странными вопросами: «Куда уходитъ вечеромъ солнце? Почему утромъ оно является не съ той же стороны? Отъ-чего въ водѣ видны деревья и дома, какъ въ зеркалѣ? Что такое гремитъ такъ страшно въ черной тучѣ, горитъ огнемъ, обливаетъ дождемъ деревню ихъ, и, исчезая, оставляетъ по себѣ на небѣ разноцвѣтную полосу?..»

— И, полно, дурочка! возражала обыкновенно ея мать:—вѣдь это все отъ Бога; людямъ грѣхъ про то и думать и говорить.

И блѣдное дитя уходило въ задумчивости, даже плакало порою, но такъ тихо, чтобъ никто не видалъ этихъ слезъ.

Бывалъ ли кто въ деревнѣ болѣнъ, Анюта относилась страждущему лакомѣйшіе куски своей пищи. Умиралъ ли кто, — она съ страннымъ любопытствомъ всматривалась въ лицо покойника и ласкалась къ родителямъ, терявшимъ дѣтей, и утѣшала оставшихся сиротъ.

Крестьяне любили ее; за то сосѣдніе помѣщики все въ одинъ голосъ прозвали ее юродивой.

Вдругъ участь Анюты измѣнилась; въ ихъ домъ поселился чужой человекъ, который въ короткое время привязалъ ее къ себѣ всеми узами священнѣйшаго родства. То былъ бѣдный, убитый горемъ и болѣзнями старикъ, родомъ изъ Пруссіи. Байченко, побывавъ съ войсками за границею, пристрастился къ Нѣмцамъ и, отыскавъ въ сосѣднемъ городѣ старика Гейльфрейнда, пригласилъ его къ себѣ, для обученія Петруши. Анюту никто и не думалъ учить чему-нибудь.

Но не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ Гейльфрейндъ замѣтилъ, что гдѣ бы онъ ни былъ съ своимъ воспитанникомъ, Анюта бѣгала за нимъ, какъ тѣнь. Давалъ ли онъ уроки Петрушѣ — Анюта пряталась у печки или подъ столъ, и не пророняла ни одного слова урока. Гулялъ ли онъ съ нимъ по саду, толкуя ему исторію растений и насѣкомыхъ, — въ то время, какъ рѣзвый мальчикъ убѣгалъ прочь, сестра его, вцѣпясь въ платье старика, слушала его съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, такъ умильно смотрѣла ему въ глаза, и такими ласками благодарила его за всякій рассказъ, что Гейльфрейндъ, пораженный ея любопытствомъ и жадностью знаній, вздумалъ постоянно заниматься ею. Родители, не ожидая отъ нея ничего ни добраго, ни худаго, махнули на то рукой.

Гейльфрейндъ былъ не простымъ учителемъ нѣмецкаго языка, не къ такой долѣ готовился онъ, и не въ бѣдной деревушкѣ новороссійскаго края думалъ окончить дни свои. Когда-то даровитый студентъ Берлинскаго Университета, всеми любимый и счастливый, онъ беззаботно проводилъ дни между ученіемъ и шумными оргіями своихъ товарищей. И ему улыбалась любовь, и его ласкала фортуна, указывая ему въ дали богатство, славу, почести; но безразсчетная женитьба въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, неудачи по службѣ, гордость характера, семейныя заботы, бѣдность и наконецъ смерть всего драгоценнѣйшаго ему въ мѣрѣ сгубили его жизнь. Добровольный изгнанникъ изъ родины, онъ напрасно искалъ спокойствія въ чужихъ странахъ: неудачи и бѣдность привязались къ его участи, а сожалѣніе о невозвратномъ и безотрадное отчаянье до того истерзали душу, что, впавъ въ совершенное уныніе, онъ началъ топить горе свое въ винѣ; въ такомъ положеніи долго скитался онъ по Россіи, безъ пріюта, перѣдко даже безъ пропитанія; его несчастная страсть перегоняла его изъ дома въ домъ, отъ одного занятія къ другому;

онъ одряхлялъ, посядѣлъ преждевременно, и въ крайности съ радостью принялъ предложеніе Байченки, покоряясь безусловно всемъ его требованіямъ.

Казалось, само Провидѣніе привело его туда, чтобы не дать заглухнуть въ одичалости прекраснѣйшему изъ своихъ твореній.

Поселясь въ степномъ хуторѣ, Гейльфрейндъ по обыкновенію приступилъ съ особеннымъ рвеніемъ къ своей новой обязанности, терпѣливо сносилъ дѣнь и шалости рываго мальчика, и наблюдалъ съ особеннымъ вниманіемъ за развитіемъ способностей сестры его. Сперва ея понятливость, зрѣлость ея соображеній и удивительные успѣхи въ ученіи внушали ему участіе, а позже кротость ея, доброта, привязанность и пламенная благодарность къ нему пробудили въ немъ чувства, которыхъ онъ не испытывалъ по смерти своихъ родныхъ дѣтей. Минутный наемникъ въ чужихъ домахъ, онъ забылъ силу привязанностей, огрубѣлъ сердцемъ, не зналъ никакого раскаянія, и отвыкъ отъ умственныхъ наслажденій. Анюта, безъ собственного вѣдома, растревожила въ немъ всѣ былыя ощущенія души; она разгоняла его думы, вызывала изъ памяти его стемнѣвшія познанія, занимала его, ласкалась къ нему и заставляла полюбить себя такъ, какъ онъ не думалъ уже любить никого въ мірѣ. Тогда, межъ этимъ сирымъ старикомъ и отчужденнымъ отъ всѣхъ ребенкомъ составился тѣсный союзъ; онъ просвѣщалъ ея разумъ, она улаждала его сердце; онъ училъ ее познавать жизнь, она заставляла его забывать ее; и, Богъ-знаетъ, кто изъ двухъ долженъ былъ болѣе благодарить другаго.

Судьба, посылая Анютѣ такого наставника, какъ-бы нарочно поставила подлѣ него средства къ образованію ея ума. Въ библіотекѣ, оставшейся послѣ покойнаго отца графини, дремали на запыленныхъ полкахъ творенія первоклассныхъ европейскихъ писателей; въ нихъ находилось все, что можетъ просвѣтить умъ, образовать вкусъ и распалить воображеніе; въ нихъ скрывалась богатая пища для головы и самый тонкій ядъ для сердца. Гейльфрейндъ не безъ разбора воспользовался ими: горькая опытность и привязанность его къ Анютѣ замѣнили ему знаніе женскаго сердца, и когда, по прошествіи первой поры ея дѣтства, онъ увидѣлъ, что, зная въ двѣнадцать лѣтъ все, чѣмъ заключаютъ въ свѣтъ умственное воспитаніе женщины, Анюта рвалась все далѣе, все выше, старикъ призадумался надъ нею, и не безъ страха взглянулъ на судьбу ея. Какаа доля могла ожидать дѣвочку безъ состоянія, въ глуши, въ кругу людей простыхъ, болѣею частію даже грубыхъ, изъ которыхъ очень немногіе понимали что-нибудь въ мірѣ за чертой своего хозяйственнаго быта? Могла ли она надѣяться, что случай вырветъ ее когда-нибудь изъ этого полумрака, и броситъ... куда же? къ кому? вѣтѣмъ?..

Не въ тотъ ли такъ-называемый образованный свѣтъ, гдѣ на самомъ порогѣ встрѣтить ее уничтожающимъ вопросомъ : кто и что она такое? гдѣ, узнавъ ея имя, званіе и значеніе, смѣшаютъ ее съ брахомъ , сметутъ какъ незамѣтную пылинку прочь , не заглянувъ даже ни въ ея голову, ни въ сердце!

Смотря на прекрасное созданіе, которому подобныхъ не встрѣчалъ еще, старикъ суевѣрно думалъ, что самъ Богъ забросилъ его въ эту пустыню, чтобъ вѣрить ему цвѣтокъ, нечаянно взросшій на почвѣ ему несродной. Роста и лелая его въ настоящемъ, онъ считалъ себя въ отвѣтственности за его будущее, размышлялъ, обдумывалъ, и наконецъ рѣшился направить всѣ силы ума, всю пылкость духа Аниюты къ наукамъ положительнымъ. Онъ полагалъ, что усиленное развитіе ея умственныхъ способностей помѣшаетъ развитію въ ней чувствъ сердечныхъ, которыя казались ему наиболѣе опасными въ ея положеніи. Онъ надѣялся, что занятія матеріальными предметами, пріятно наполняя ея время, помирять ее съ одиночествомъ, ожидавшимъ ее, дадутъ пищу ея существованію и заставятъ забыть о томъ, что есть для женщины предназначеніе во сто разъ прекраснѣйшее, въ которомъ умъ служитъ только зрѣищемъ, а чувства—душою ея бытія.

Слѣдуя этому рѣшенію, Гейльфрейндъ началъ еще тщательнѣе преподавать Аниутѣ различные предметы наукъ опытныхъ и отстранять отъ нея все, что могло дать ей понятіе о поэтической сторонѣ природы, о страстяхъ человѣческихъ, или о восторженной мечтательности людей, которая держитъ ихъ въ вѣчномъ разладѣ съ существенностью. Казалось, предположеніе его сбывалось: Аниута, мужая умомъ, оставалась въ младенческомъ невѣдѣніи всѣхъ тревогъ и наслажденій жизни. Романы и поэзія были ей незнакомы; никогда музыка не касалась ея слуха; карандашомъ она владела только для рисованья цвѣтовъ, и въ міръ, окружавшемъ ее, не видѣла и тѣни благородныхъ привязанностей, дружбы, любви. Такимъ образомъ ничто не вдохновляло ее, ничто не окриляло ея воображенія; она посвящала большую часть времени самымъ сухимъ теоріямъ наукъ, лѣтомъ собирала насѣкомыхъ, сушила растенія, зимою раскладывала ихъ по классамъ, и Гейльфрейндъ, видя ее всегда спокойною и довольною, мысленно торжествовалъ, воображая, что онъ успѣлъ побѣдить природу.

Но не человѣку торжествовать надъ законами природы! Жизни пужна жизнь, силъ дѣятельность, — а онъ хотѣлъ удовольствоваться пылкую, страстную душу пятнадцатилѣтней дѣвушки изученіемъ одной мертвой существенности! Скрывая отъ нея все поэтическое, все высоко-взящное, онъ отнималъ духъ у тѣла, и, отдавая ей прахъ,

тушилъ божественную искру, согревающую все живущее и видимое на землѣ.

Но эта искра глѣла въ душѣ Аниоты; чувство прекраснаго родилось, росло и крѣпло вмѣстѣ съ нею; бессознательное сочувствіе помынуто указывало ей на то, что старикъ такъ тщательно старался отъ нея утаивать. Напрасно скрывалъ онъ отъ ея понятій дивную гармонию природы: въ сердцѣ ея дрожала струна, которая отзывалась тихо, но внятно на все однозвучное съ нею, и ждала только перваго прикосновенія мысли, чтобъ издать свою чистую и сладкую пѣснь.

Сперва, когда туманъ ея умственнаго зрѣнія только началъ рѣдѣть и разсѣиваться, она стремительно предалась ученію. Трепеща отъ радости при всякомъ объясненіи чудесъ, которыя, тоскуя, привыкла считать неразгадываемыми, Аниота все забывала; невыразимое спокойствіе и довольство разливались въ душѣ ея; она чувствовала себя лучше, добрѣе, терпѣливѣе и съ благоговѣніемъ впивала въ себя всякое слово наставника, который былъ ей болѣе, чѣмъ отцомъ, давъ душу жизни ея и жизнь душъ.

Кто опишетъ первые восторги ея прозрѣнія на міръ Божій? Въ какомъ новомъ восхитительномъ свѣтѣ представлялись ей предметы самыя обыкновенныя, издавна знакомыя ей, и съ какимъ невыразимымъ наслажденіемъ смотрѣла она на всѣ явленія природы, съ-тѣхъ-поръ, какъ умъ ея постигъ ихъ начало, цѣль, и могъ свободно, ясно истолковывать себѣ весь дивный процессъ этихъ явленій! Лился ли дождь, или, замерзая въ воздухѣ, падалъ на землю крупными градинами; бушевала ль гроза, нагоняя страхъ на суевѣрныхъ поселянъ, и послѣ okayмлялись ли облака разноцвѣтною радугою, — Аниота, спокойно слѣдуя за всеми измѣненіями стихій, привѣтствовала, будто знакомцевъ своихъ, испаренія морскія, которыя издалека пригонялись къ нимъ, разливались благотворнымъ дождемъ надъ ихъ нивами, освѣжали ихъ растенія и, скрываясь въ подземныхъ пропастьяхъ, собирались тамъ капля съ каплею, чтобъ, снова пробившись оттуда къ свѣту и чистому воздуху, покатиться вольными струями къ колыбели своей, въ глубину морей. Ее не могли испугать ни стрѣлы молніи, ни трескъ разрѣжающагося воздуха; и въ то время, какъ люди вкругъ нея блѣднѣли, — Аниота любовалась огненными змѣями, разсѣкающими черную тучу, такъ же спокойно, какъ послѣ разсматривала игру переломленія лучей солнечныхъ, отражающихся въ капляхъ охладѣвшихъ облаковъ.

Озираясь во всѣ стороны, она снѣло углублялась мыслью въ вѣдра земныя, ласкала взорами растенія и насѣкомыхъ, гордо слѣдила въ воздухѣ быстрый полетъ птицъ и, обгоняя ихъ быстротою мысли своей, неслась далѣе, выше, все выше, туда, за облака, подъ голу-

бую мысль, къ мірамъ недосягаемымъ, но измѣреннымъ и определеннымъ умомъ чловѣка, къ мірамъ, которыхъ существованіе она такъ же легко объясняла себѣ теперь, какъ объясняла бы прозябаніе полевого цвѣтка, или пресмыканіе малѣйшаго изъ насѣкомыхъ. И сладко было ей на душѣ въ минуты этихъ умственныхъ созерцаній; чище казался ей воздухъ, прозрачнѣе небеса, благороднѣе и возвышеннѣе природа чловѣка. Забывая, порою, свою земную оболочку, она вся перерождалась въ мысль и, обнимая ею небо и землю, казалось ей, владычествовала постиженіемъ своимъ надъ небомъ и землею.

Но пришло время, и умъ ея, ослѣпленный переходомъ отъ мрака къ свѣту, свыкся съ его сіяніемъ; углубляясь все болѣе и болѣе въ науки, она со страхомъ поняла ограниченность своихъ познаній и даже ограниченность самыхъ наукъ. Тогда скука начала втѣсняться въ ея занятія; предметы ея удивленія постепенно теряли свою красу и вопросы самые прихотливые, самые неудовлетворительные снова заронились въ умъ ея. Въ-самомъ-дѣлѣ, что могли принести ея душѣ, жадной поэтическихъ впечатлѣній, классификаціи животныхъ, исчисленіе разнородныхъ пластовъ, налегшихъ на первозданный сіенитъ, или вычисленіе быстроты свѣта и звуковъ? Свято слѣдуя всѣмъ мнѣніямъ своего наставника, она не смѣла и предполагать, чтобы было въ мірѣ что-нибудь прекраснѣе и возвышеннѣе его ученія; но въруя умомъ, она невольно сомнѣвалась въ томъ сердцемъ и съ тайною грустью начала созаваться себѣ, что свѣтъ того ученія, сіяя, не грѣветъ души.

Чего же жаждала эта неутолимая душа? къ чему рвалась она? что желала постигнуть, что хотѣла назвать себѣ роднымъ? Анюта сама не вѣдала того, не понимала; но черная немочь опять вкралась въ ея думы и порою ей казалось такъ тѣсно, такъ душно въ мірѣ, какъ-будто воздуха, облегающаго шаръ земной, недостаточно было для напоенія ея груди.

Она не оставляла своихъ занятій; науки все еще были лучшимъ утѣшеніемъ ея ума, но сердце оставалось пусто: онъ не наполняли сердца ея, и даже разговоры съ Гейльфрейндомъ потеряли для нея свою бывалую прелесть. Ея дѣтская страсть къ уединенію возобновилась: Анюта по-прежнему начала бѣгать отъ людей; какъ-будто, не видя другихъ, она легче забывала свое собственное существованіе. А Гейльфрейндъ, замѣчая ея задумчивость, предлагалъ ей проходить курсъ аналитики.

Иногда, забираясь на высокій курганъ, Анюта окидывала взоромъ окрестность, небогатую живописными видами, но все еще прелестьную въ сельской простотѣ своей и, печально смотря вокругъ, она еще печальнѣе опускала взоры. Отъ-чего? Какъ истолковать этотъ

внезапный переворотъ идей, эту прихоть непостояннаго ума пятнадцатилѣтней дѣвушки? Она грустила теперь о томъ, отъ чего такъ недавно еще приходила въ восторгъ; и то, что озаряло для нея весь міръ волшебнымъ свѣтомъ, теперь обнажало его и представляло на мѣста прежняго очарованія одинъ грубый, отвратительный скелетъ!

Она слишкомъ—положительно, слишкомъ—матеріально понимала все видимое ею; прекрасное всегда и во всемъ ускользало отъ ея ума. Въ природѣ, равно какъ и въ произведеніяхъ человѣческихъ, отъ нея закрывали все возвышеннѣйшее, все идеальное; ей указывали на безжизненное вещество, давали въ руки скальпель, и—уничтожали очарованіе. Какъ бы ни былъ прекрасенъ, исполненъ поэзіи предметъ; какъ бы ни обольщалъ онъ чувства или зрѣніе, Анюта не могла не дорываться до его внутренности, невольно все обнажала, все разлагала на части—и прелесть пластинки для нея исчезла. Въ этомъ печальномъ направленіи созрѣлъ ея умъ; она не умѣла любоваться одними чувствами безъ участія въ томъ холоднаго размышленія; лучшее, бессознательное наслажденіе для нея не существовало!

«Какъ!» говорила она иногда, съ истомой и горестью въ душѣ: «эта прекрасная земля, пышная, благоухающая, роскошная, есть только случайное скопленіе минеральныхъ толщъ и погребенныхъ межъ ними растений, раковинъ, животныхъ... гробъ, пестро окрашенный снаружи, внутри котораго нѣтъ сокровища, не окруженаго признаками смерти и тлѣнія? А ея обитатели, дѣти, достойныя колыбели своей, вѣчно стремящіяся къ взаимному разрушенію, къ взаимному пожранію, — не для смерти ли скорѣе рождаются они, чѣмъ для жизни? Не для того ли являются они на мгновеніе въ міръ, чтобъ засѣвать прахомъ и костями своими почву земную, вѣчно жаждущую праха и костей?

«А эти гордые, нѣжныя растенія, краса земли, любовь и утѣшеніе людей, съ которыми человекъ до того сродняется непостижимой симпатіею, что, избирая ихъ символами своихъ благороднѣйшихъ ощущеній, ими выражаетъ свою любовь, свои радости, свое благоговѣніе къ изображеніямъ святыхъ и, растя ихъ на могилахъ друзей и кровныхъ своихъ, имъ ввѣряетъ свою скорбь и молитвы, въ надеждѣ, что, все впитавъ въ себя, они корнями передадутъ земное горе его земнымъ остаткамъ потерянныхъ, въ то время, какъ слезы и молитвы его пошлютъ съ благоуханіемъ своимъ въ небеса... Эти деревья и цвѣты — также мертво прозябающее сплетеніе клейстыхъ тканей, перепонокъ, трубочекъ, завитковъ, железей, — безжизненные пружины, движимыя невидимымъ, но ясно-опредѣленнымъ процессомъ, въ которомъ нѣтъ воли ихъ, нѣтъ души, и наше сочувствіе къ нимъ — вздоръ, прихоть, небывалое и невозможное изобрѣтеніе празднаго воображенія человека...»

«И даже эти вечернія облака, нѣжныя, прозрачныя и до того прекрасныя, что ихъ можно принять за херувимовъ Божіихъ, спорхнувшихъ съ небесъ, чтобъ поиграть лучами солнечными и проститься до завтра съ свѣтломъ дневнымъ, — эти сгустившіяся отъ холода туманныя испаренія земли, этой грязной, безчувственной массы, мертвой снаружи, мертвой внутри, къ которой не можетъ прильнуть теплое сердце, въ которой не найдеть себя отвѣта живая мысль!..

«И для чего же родится въ свѣтъ человекъ, одаренный разумомъ, волею и чувствомъ? Зачѣмъ бросается существо живое съ мыслию смѣлою, всепостигающею и сердцемъ, полнымъ пламенныхъ ощущений, на это огромное кладбище, въ толпу холодныхъ органическихъ твореній, съ которыми у него нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго? Что дѣлать ему на этой тверди, въ этомъ воздухѣ, которые люди назвали вселенною?.. Взрости, созрѣть умомъ, одушевиться чувствомъ, изучить весь ходъ процессовъ этого міра, постигнуть всю пустоту его, все ничтожество своего существованія, ни въ комъ не найти сочувствія, ни въ чемъ не видать отрады, и, исчезнувъ, прибавить свою должную дань землѣ, — горсть праха въ пищу ненасытному, всепожирающему великану — тлѣнію.»

Иногда, пугаясь силы своего отчаянія, Анюта старалась подавить въ себя эти умствованія и, повергаясь ницъ передъ Творцомъ, въ слезахъ просила его простить ей этотъ грѣшный ропотъ; но прошла минута раскаянія и снова тѣснились въ умъ ея вопросы:

«Въ чемъ же заключается предназначеніе человека? Гдѣ поприще его дѣятельности? Гдѣ радость, гдѣ пища, гдѣ наслажденія жизни его?..» И въ отвѣтъ представлялись ей: съ одной стороны невѣжество въ самомъ грубомъ животномъ прозябаніи; съ другой — убійственное всепостиженіе: ясное, логическое истолкованіе всѣхъ чарующихъ душу предметовъ, истолкованіе, подавляющее всю свободу мысли, всю прелесть фантазіи, всю энергію чувствъ, правда, внушающее удивленіе, — но какое же удивленіе не имѣетъ своей могилы — привычки?

И часто, угнетаемая выше силъ своихъ тяжестью положительнаго и существеннаго, Анюта, какъ привидѣніе, скиталась въ поляхъ, съ душой безъ идей, съ сердцемъ безъ ощущений, не разлагая болѣе ни тумановъ поднебесныхъ, ни сокровищъ земныхъ; мысль ея утратила свою дѣятельность, воображеніе ныло въ празности; все ясноопредѣленное и матеріальное внушало ей такое глубокое отвращеніе, что иногда, изгоняя насильственно изъ памяти все, чѣмъ обогатили ее познанія, она пробуждала въ себя свои прежнія понятія и весело возвращалась къ суетвріямъ своего дѣтства. Тогда опять оживала передъ ней природа, опять воскресали таинственныя преданія, волшебницы, колдунны и все, отъ звѣздъ, мерцающихъ подъ небесами

до кузнечика, куюшаго въ травѣ.—все получало душу, говорило понятнымъ ей языкомъ. Всякій цвѣтокъ, повисшій головкою съ росой на вѣжныхъ лепесткахъ, былъ въ глазахъ ея плачущею красавицею, и всякій мотылекъ, льнушій къ цвѣтку — женихомъ всегда страстнымъ и вѣрнымъ своей околдованной невѣстѣ. Въ воздухѣ, не вечерніе жуки, а кикиморы пѣли разгульныя пѣсни; въ огнѣ, провинившіеся духи жалобно перешептывались, порхая по угламъ синимъ огонькомъ; колебались ли надъ водою вербы, одѣтыя сумракомъ ночнымъ,—ихъ качали шаловливыя русалки; кричала ль птица въ вѣтвяхъ.—то просилъ помощи прохожій, задушаемый въ ихъ объятіяхъ; горлица, воркуя, убаюкивала дѣтей своихъ; воронъ, каркая, прывывалъ въдьмъ... чу! пронесся вой по полю: то стоналъ духъ усоншаго, непринятаго ни небомъ, ни землею; а вотъ прокатилась по небу звѣздочка, блеснула, заискрилась и погасла, приблизясь къ землѣ,—то ангелъ Господень спорхнулъ съ небесъ, чтобъ принять душу младенца или праведника...

И эти суевѣрные сказанія, роста и расцвѣчаясь въ воображеніи Аняты, плѣняли ее своей таинственностью, освѣжали въ ней сердце своими сверхъестественными вымыслами. Приходя въ себя, она стыдилась этой слабости, но не безъ горькаго вздоха возвращалась къ своимъ ученымъ теоріямъ. Бѣдняжка, не имѣя никакого понятія о поэзи, о музыкѣ, о всемъ, что, усыпляя холодный умъ, такъ сильно чаруетъ душу человека, не умѣла истолковать себя своего стремленія къ міру идеальному и взывала въ тоскѣ по непостижимомъ.

ГЛАВА IV.

Was ich in jenem Augenblick empfunden,
 vergebens sinn' ich nach.
 Ein neu Organ hatt'ich in mir gefunden
 Das meines Herzens heil'ge Regung sprach.
 Die Seele war's, die, Jahre lang gebunden
 Durch alle Fesseln jetzt auf einmal brach,
 Und Töne fand in ihren tiefsten Tiefen,
 Die ungehört und göttlich in ihr schiefen.

SCHILLER.

Во время этихъ умственныхъ переворотовъ молодой дѣвушки, случилась важныи переворотъ въ судьбѣ ея.

Старикъ Байченко, гоняясь въ полѣ за зайцами, упалъ съ лошади и былъ поднятъ мертвымъ съ замерзшей земли. Къ горести его вдовы и осиротѣвшей дочери примѣшались не менѣ горькія хлопоты о средствахъ къ жизни. Покойникъ, управляя имѣніемъ графини, никогда не пользовался тѣмъ, что не принадлежало ему по самымъ законнымъ правамъ; его же собственное имѣніе, съ давнихъ поръ за-

ложенное въ казну и отгиченное новыми долгами его сына, тотчасъ по смерти старика описано и продано съ публичнаго торгу. Тогда вдова и дочь его, оставшіяся бездомными сиротами, собрали свои пожитки и покинули родной кровъ, а молодой Байченко, стыдась своего положенія, перепросился на Кавказъ, гдѣ сгинулъ безъ вѣсти. Одинъ Гейльрейндъ не покинулъ ихъ. Онъ выхлопоталъ имъ уголокъ въ необитаемомъ домѣ графини, поселился въ томъ же имѣннѣ, и, зная качества многихъ цѣлебныхъ травъ, принялся лечить людей, овецъ и даже деревья въ господскомъ саду, чтобъ сколько-нибудь облегчить участь друзей своихъ.

Тогда образъ жизни Анюты совершенно измѣнился; мать ея, убитая горемъ и нуждою, въ короткое время сдѣлалась изъ бодрой женщины дряхлою старухою. Надобно было присматривать за нею въ болѣзняхъ, хлопотать о средствахъ къ жизни, трудами рукъ своихъ доставлять ей пропитаніе. Священная обязанность дочери воззвала упавшій духъ Анюты; она предалась всѣми силами и всею волею своей новой обязанности, и эти заботы смирили на время ея мятежныя думы. Но онѣ умолкли только, а не уснули; горе и хлопоты житейскія не могли усыпить ихъ; при машинальныхъ работахъ Анюты, мысли ея оставались праздными; но вскорѣ, воспользовавшись этою свободою, опять зародились и возмутили прежнюю тревогою сердце, еще неотдохнувшее отъ горькихъ потерь.

Мало оставалось ей теперь времени для чтенія и занятій умственныхъ; но чтобъ не разстаться съ ними, она еженочно отрывала по нѣсколько часовъ отъ своего отдыха, и въ то время, какъ мать ея засыпала глубокимъ сномъ, она зажигала фонарь и прокрадывалась неслышными шагами на другой конецъ дома, гдѣ въ отдѣльномъ шкапу хранились книги, отобранныя для нея Гейльрейндомъ; остальная часть бібліотеки никогда не отворялась, и Анюта привыкла считать ее для себя запретнымъ плодомъ. Но эти исторіи природы и народовъ, разсѣвая порою ея умъ, не могли надолго занять ее слишкомъ-знакомыми ей повтореніями. Часто, сидя надъ книгою и прилежно перебѣгая глазами отъ строки къ строкѣ, она вдругъ переставала понимать то, что читала, и напрасно двадцать разъ перечитывала одну и ту же страницу, напрасно напрягала всѣ силы своего постиженія, чтобъ уразумѣть то, что знала едва не наизусть; голова ея тяжѣла, понятія мутились, темнѣли; она невольно впадала въ нравственное оцѣпенѣніе и оставалась безъ мыслей, безъ чувствъ, почти безъ дыханія, какъ тѣло, на время покинутое духомъ... И въ эти мгновенія въ ней пробуждалось другое бытіе; грудь ея расширялась, наволилась неземными ощущеніями: душъ ея чудились — не отраженія жизни дневной, не сновидѣнія ночныя, — нѣтъ, то были не призраки, не идеи, не звуки, — легче вѣянія весен-

паго, прозрачныя вѣтра; они не касались ея тѣлесныхъ органовъ, и однакожь, они видѣлись, слышались, чувствовались ей, были съ нею, въ ней, вокругъ нея; но видѣлись, какъ видится страстно-любящей-душѣ приближеніе любимаго, въ ту пору, когда не можетъ еще уловить его зрѣніе человѣка; слышались, какъ слышится порой тоскующей матери послѣдній вздохъ сына, погибающаго въ то мгновеніе далеко отъ нея; чувствовались, какъ чувствуется младенцу присутствіе его ангела-хранителя, при лепетѣ его чистѣйшихъ молитвъ.

Приходя въ себя, Аня не знала ничего, что съ ней дѣлалось; ея память не сохраняла ни одного изъ упительныхъ впечатлѣній этого страднаго состоянія духа; только чувство простора, чувство небесной отрады вдругъ замѣнялось грустнымъ стѣсненіемъ; сердце ея билось рѣже и медленнѣе, а душа рвалась въ тоскѣ за чѣмъ-то милымъ, роднымъ, что, спорхнувъ къ ней на минуту на землю, снова улетало, покинувъ ее сиротою...

Въ одну ночь, послѣ подобнаго обаянія, Аня возвратилась къ бодрствованію еще съ болѣе тоской. Глаза ея просили слезъ, но слезы какъ-будто леденѣли въ сердцахъ; она прижала руку къ груди, — тамъ было пусто и холодно; коснулась головы своей, — голова клонилась къ землѣ подъ гнѣтомъ подавляющей тяжести. Аня окинула взоромъ комнату, — и въ первый разъ чувство суевѣрнаго страха заставило ее вздрогнуть...

Большая, высокая комната была сыра и мрачна, какъ могильный склепъ; штукатурка почти обвалилась съ потолка, когда-то распісаннаго, и немногія, уцѣлѣвшія на немъ фігиры фавновъ пугали своими неподвижными улыбками сквозь темноту, едва-разрѣженную мерцаньемъ свѣчи; почернѣвшіе отъ времени шкафы стояли какъ древнія египетскія гробницы, скрывающія въ себя мудрые, но неразгадываемые для нея гіероглифы; столъ и стулъ, поставленные ею въ уголку, составляли всю мѣбель опустошеннаго жилища; и тихо, тихо было въ немъ, такъ, что она могла разслушать біеніе артерій въ своихъ вискахъ и учащенное трепетомъ дыханіе своей груди.

За то за стѣной бушевава страшная вьюга; вѣтеръ, прорываясь сквозь щели кровли, свистѣлъ на чердакѣ и жалобно вылъ въ трубахъ печей; деревья скрипѣли въ саду, снѣгъ хлесталъ въ окна, и дворовыя собаки визжали отъ холоду въ норахъ своихъ.

Морозный трепетъ пробѣжалъ по членамъ Ани; чтобъ одолѣть эту дѣтскую боязнь, она прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ, оправилась и хотѣла снова приняться за чтеніе; но скучнымъ, томительнымъ показалось оно ей послѣ минуты небснаго забвенія, и въ первый разъ она съ презрѣніемъ оттолкнула отъ себя книгу...

Она оттолкнула ее, и въ ту же минуту ей стало жаль бѣдной, не-

винной книги, которую столько разъ она покрывала поцалуями, ложась спать клала подъ изголовье свое и утромъ привѣтствовала, какъ лучшаго своего друга. Книга не измѣнилась, она все та же; но Анюта не довольствовалась болѣе ея простыми теоріями, жаждала инаго свѣта, иной небесной росы.

Анюта задумалась; идеи быстро смѣнялись въ ея умѣ, но неясныя и неопредѣленные, какъ атомы хаоса. Тогда только, посреди этихъ спутанныхъ идей, возникалъ вопросъ: не-уже-ли въ цѣлой вселенной, такъ же какъ въ книгахъ, открытыхъ передъ нею, все было создано для одного ума, для однихъ холодныхъ наблюдений? И не-уже-ли изъ столькихъ людей, посвятившихъ себя учению и трудамъ, ни одинъ не открылъ ничего для сердца, для услажденія мысли, утомленной напряженнымъ созерцаніемъ? На что жъ дана человѣку эта легкая, рѣзвая мысль, которая внушаетъ его воображенію любовь ко всему таинственному, сверхъестественному? И зачѣмъ живетъ въ груди его чувство, которому суждено сиротствовать въ праздности, въ мракѣ и тишинѣ, какъ сокровищу, зарытому на днѣ необитаемаго острова?.. И ей мнилось, будто вселенная должна заключать въ себя два рода міровъ: міры видимые, осязаемые, и другіе, чистѣйшіе и прекраснѣйшіе—но неизмѣримые и непостижимые, какъ самъ создавшій ихъ. Тамъ все было открыто чувствамъ и воображенію человѣка; безпредѣльный горизонтъ не стѣснялъ свободы его мыслей учеными теоріями, и сердце не дремало, отверженное отъ всѣхъ наслажденій, безпрестанно спрашивая себя, зачѣмъ природа одушевила его органическую жизнь ощущеніями?..

Такъ! не туда ли рвалась ея мятежная душа? не въ тѣ ли міры просилась изъ своей душевной темницы? Но гдѣ же они? гдѣ ихъ необъятное небо съ солнцемъ вѣчно свѣтлымъ и грѣющимъ? гдѣ его привѣтливые ангелы, его рѣзвые, радостные духи?.. Анюта знала, что есть далекіе края, въ которыхъ природа, роскошная, цвѣтетъ неувядая и плѣняетъ взоръ то величіемъ, то дивной красотой... Не отсюда ли манило ее къ себѣ счастье?.. Нѣтъ, тамъ люди тѣ же, тамъ—та же земля, которую она ежедневно попираетъ ногами, и на ней, такъ же какъ и здѣсь, станетъ она пресмыкаться въ прахъ, въ тоскѣ, въ одиночествѣ?.. Нѣтъ, не туда!.. «Въ чемъ же искать мнѣ отрады?» спросила Анюта, тоскливо озираясь кругомъ. «Кто успокоитъ меня? Кто укажетъ мнѣ средство къ спасенію? И кому вѣриться, и какъ истолковать другимъ эту немочь, эту неизъяснимую тоску... по чѣмъ? Кто скажетъ мнѣ хоть названіе змѣя, который, впившись въ грудь, сосетъ кровь, сосетъ мои жизненные силы, и вмѣсто ихъ вливаетъ въ жилы ядъ непонятнаго стремленія, желаній, порывовъ... къ чему?.. О Боже, Боже! успокой меня, исцѣли отъ этого страшнаго недуга!» твердила Анюта, и начала молиться со всѣмъ жаромъ, со всѣмъ

усердіемъ переполненнаго тоскою сердца,—но слезы не освѣжаютъ ея глазъ, а это бѣдное сердце все также рвется, все также мечется въ груди.

«Нѣтъ, видно не на землѣ найти мнѣ спокойствіе!» говоритъ она въ уныніи, и, откидываясь на спинку стула, еще разъ обводитъ комнату мутнымъ взоромъ. Сатиры, скалясь по-прежнему, съ отвратительною улыбкою смотрятъ на нее, а черные шкафы, неподвижные и таинственные, стоятъ рядами вокругъ... Анюта невольно остановила на нихъ свое вниманіе.

«Что-то скрывается въ нихъ?» шепнула ей искусительная мысль. Какой пагубой грозилъ ей Гейльфрейндъ, если она откроетъ хоть одну книгу, погребенную на этихъ полкахъ? И что за пагуба?.. Черно-книжеству Анюта не вѣрять! Ужъ конечно не злые духи явятся къ ней, — а новость... а разсвѣаніе... въ сукъ оно такъ заманчиво... Анюта смотритъ на связку ключей и не встаетъ съ мѣста. Ей страшно, ей видится образъ ея друга, посѣдѣвшаго въ изученіи міра и людей; онъ какъ-будто грозитъ и вѣсть проситъ ее... Но жизнь ея такъ пуста, такъ скучна... но ей уже шестнадцать лѣтъ; она не дитя, ея правила въ религіи и нравственности неизмѣнны, ничто не поколеблетъ ея мнѣній, не запятнаетъ ея сердца... И ключъ повернулся въ замкѣ одного изъ запрещенныхъ шкафовъ; заржавленные петли скрипнули, Анюта, встрепенувшись, отступила назадъ... Но ея взоры уже съ жадностью прильнули къ заглавіямъ книгъ... въ глазахъ у нея мутится, литеры движутся... томы прыгаютъ.. Анюта, не разбирая, кладетъ руку на одну изъ книгъ и бѣжитъ съ нею къ свѣту.

Она развертываетъ, читаетъ... Странно! такъ знакомый ей нѣмецкій языкъ представляется въ какихъ-то новыхъ формахъ, въ новыхъ пѣвѣдомыхъ ей оборотахъ; фразы его стройны, плавны, окончанія ихъ такъ сходны и въ то же время такъ разнообразны, они такъ чудно гармонируютъ между собой, они звучатъ, они поютъ... Что жъ это?... Стихи? Нѣтъ, не стихи! Когда-то въ дѣтствѣ Анюта читала русскій пѣсенникъ и Гейльфрейндъ называлъ тѣ пѣсни стихами; по виду, строки въ нихъ были точно также разложены, также неровны, но нѣтъ... Это не тѣ пѣсни, не тѣ стихи! Тамъ были слова, здѣсь слышатся звуки, дивные, небесные звуки... и о чемъ поютъ они? что выражаютъ?.. Это не сухое изложеніе, не теорическое истолкованіе какого-нибудь предмета, о нѣтъ!.. Анюта еще не можетъ схватить и постигнуть вполне смысла этого новаго языка, но онъ уже чаруетъ ее, ласкаетъ ея слухъ, ласкаетъ ея душу... она читаетъ, и постепенно мысли ея проясняются, дыханье становится вольнѣе, неизъяснимое довольство разливается въ ея бытіи... Но не мыслию головы понимаетъ она эту музыку, не біеніемъ сердца опредѣляетъ ея раз-

шъры; съ открытiемъ этой новой, волшебной стихiи гармонiи и идей въ груди ея какъ-будто родилось шестое чувство для постиженiя ихъ и для наслажденiя ими... Нѣтъ, не родилось, а крѣпко скованное, обезсиленное неволей и бездѣйствиемъ, окруженное непрiязненною ему сферою, оно ныло и вдругъ, послышавъ родной призывъ, встрепенулось, ожило и вспрынуло полное силы, жизни и огня.

Слышали ль вы преданiе о травкѣ — прихотницѣ, которая будто-бы, появляясь въ ночь на первое мая, не растетъ, не влечетъ, не цвѣтетъ, не высыхаетъ, а безцвѣтная и безсочная, все остается какъ прошлогодный ковыль при самой землѣ; роса не свѣжитъ ея, солнце не согреваетъ, вихрь не гнетъ, и даже вешнiй дождь, оживляя все въ окружности, ея не оживляетъ, какъ-будто ни могила ни жизнь не принимаютъ ея. Но если случайно, на зарѣ, зайдетъ туда дѣвушка, прикинется къ землѣ, и въ безотрадной тоскѣ уронитъ на травку горячую слезу любви, — травка вдругъ зазеленѣетъ, подыметъ, расцвѣтетъ, и украситъ собою весь лугъ, разольетъ далеко вокругъ себя благоуханье. Но тогда не срывайте ея цвѣтовъ, не пытайтесь пересадить ее на чуждую ей почву, — дитя тоски и любви, она питается и дышетъ ими; она умретъ равно въ мраморной вазѣ, какъ и въ пескахъ, въ роскошномъ саду, какъ и въ пустынѣ; и тогда уже ничто не призоветъ ея къ второму бытiю.

Не сродни ль той травкѣ было сердце Аняты? не сочувствiе ли заставило его расцвѣсть? Но что же такое это собранiе словъ, звуковъ, мыслей, чувствъ? Какою непостижимою силою они вливаютъ новую жизнь въ ея жилы? Какою свѣтъ открываютъ ея воображенiю, какимъ очарованiемъ опояютъ душу? Они говорятъ о лѣсахъ, о горныхъ источникахъ, о красотѣ весеннихъ дней, и передъ Анятой журчатъ ручьи, щебечутъ птицы, колышется зеленый лѣсъ, и теплый вѣтерокъ вѣетъ на нее благоуханiемъ ясиновъ... А тамъ, вдали, на мшистомъ камнѣ, тоскуетъ горецъ, закинутый въ чужую сторону; онъ рвется къ своимъ горамъ, увѣчаннѣмъ нетающими снѣгами, къ прохладнымъ долинамъ, къ стадамъ, — онъ плачетъ, поетъ, и пѣснь его тиха, чиста, какъ его слезы, и въ отвѣтъ на нихъ катится тихая слеза изъ глазъ тронутой Аняты... Быстро перевертываются страницы, живыя картины мѣняются... Вотъ мать у колыбели первенца своего, — какъ счастлива она его спокойнымъ сномъ!.. Вотъ юноша-поэтъ: онъ палъ на полѣ битвы; кровь клубится изъ ранъ его, языкъ сохнетъ, взоръ потухаетъ, но, собираясь съ послѣдними силами, онъ благословляетъ свою родину, своихъ друзей, вручаетъ душу свою Господу, — Господь прiемлетъ ее, и друзья тихо опускаютъ его въ могилу, вырытую подъ сѣнью дуба, гдѣ, вмѣсто гробовой доски, кладутъ на него крестомъ его бранное оружiе!.. А вотъ дѣвушка... о чемъ такъ неутѣшно плачетъ и горюетъ она? отъ-чего такъ блѣдны ея щеки, безжизненные

слезы? отъ-чего съ такимъ отчаяньемъ она клянетъ свое существованіе и зоветъ смерть... и зачѣмъ называетъ смерть блаженной минутой своего соединенія, и гробовую подушку своимъ брачнымъ вѣнцомъ?... Любовь!.. Анютѣ непонятно полное значеніе этого слова; но сердце ея сжалось отъ участія, она любить и тоскуетъ вмѣстѣ съ ней... Вдругъ—чу! загудѣлъ колоколъ... тревога,—и блестящее какъ заря, багряное какъ кровь взорвалось пламя пожара подъ облака... Страшно озаряется окрестность; какъ въ жерлъ ада кипитъ въ воздухъ и на землѣ; народъ бѣжитъ, спасается, шумитъ; вѣтеръ воетъ, падаютъ кровли жилищъ, стекла съ трескомъ разлетаются въ дребезги, столбы валятся, цѣлыя зданія обрушиваются, и, призывая громкими воплями дѣтей своихъ, матери бѣгаютъ въ безуміи, въ отчаяньи, и крикъ дѣтей ихъ сливается съ ревомъ и съ жалобнымъ визгомъ животныхъ, погребенныхъ въ дымящихся кострахъ... Напрасно трудятся люди, напрасно вода бьетъ фонтанами изъ трубъ: пламя, раздражаемое препятствіями, становится все сильнѣе, все неистовѣе, гигантскими колоннами взвивается подъ небеса. и само небо рѣветъ отъ пожара земнаго... Что жъ съ Анютой? Она дрожитъ, голова ея кружится... слезы стынуть на ея рѣсницахъ... ей жарко, душно; дымъ, искры летаютъ вокругъ... а зарево ужъ близко, близко... Съ именемъ матери она рванулась съ мѣста и въ изступленіи бѣжитъ—куда?.. Пуста комната, спокойна окрестность; сквозь окна виднѣнъ глубокой иракъ, и воетъ не пламя, а зимняя вьюга, гудитъ не колоколъ, а только вѣтеръ въ трубахъ! Гдѣ жъ она была? что видѣла? Кто говорилъ съ ней, и ласкалъ ее, тѣшилъ пѣснями и плакалъ, испугалъ ужаснымъ зрѣлищемъ? Не опять ли минута сладкаго забвенія обаяла ее? Нѣтъ, въ томъ забвеніи никто такъ живо не разговаривалъ съ нею, никто не заставлялъ ее ни плакать, ни радоваться, ни трепетать: тамъ было одно предчувствіе, здѣсь чувство; тамъ эхо, отзывавшееся въ ея душѣ на звукъ, слетавшій Богъ-знаетъ откуда;—здѣсь самые звуки сошли, слились въ небесный хоръ, обляли ее неизвѣданнымъ блаженствомъ, открыли ей небо восторговъ... О, такъ вотъ оно, вотъ небо, о которомъ грезела, тоскуя, душа ея, которое предчувствовала, ждала, искала въ невѣдннн, гдѣ найти его, и оплакивала горькими слезами! Вотъ онъ, міръ непостижимый, вѣчно юный, цвѣтушій, міръ неисчерпаемыхъ утѣхъ и наслажденій, пріютъ всегда готовый для страждущихъ, убѣжище всегда разверстое для насъ и недоступное ни земнымъ горестямъ, ни заботамъ, ни докучливымъ посѣтителямъ... Въ немъ можно усыпить память, отдохнуть и освѣжиться чувствами, обновиться бытіемъ... Такъ скорѣе же къ нему, къ нему! Ему отдать на вѣкъ лучшія сокровища сердца, ему посвятить чистѣйшія помысленія свои, въ него переселиться душой, и, утомясь жизнью труженической, страдаль-

чюскою, стряхать съ себя всѣ воспоминанія о сущестственности, и, преображаясь въ духъ безмятежный, радостный, улетать въ міръ, гдѣ наша воля — царь, гдѣ всякая мысль наша волшебный жезлъ, гдѣ все творится по мановенію ихъ, и имъ подвластный плачь и смѣхъ, сонъ и бдѣніе,—всѣ сокровища земли, всѣ блаженства подзвездныя...

— О, теперь пусть удручаютъ меня труды, немощи, несчастія, пусть унижаютъ люди... Жизнь, я не боюсь твоей пустоты! судьба, мнѣ не страшны твои гоненія, — у меня есть приютъ, есть рай, есть еще и для меня счастье на землѣ...

И въ первый разъ Анюта дрожала въ радостномъ изумленіи, въ то время, какъ сладкія слезы лились по лицу ея; давно желанное было съ нею, она вымолила себѣ отраду у небесъ, и въ первый разъ называла себя счастливою!

ГЛАВА V.

..... были годы:
 Душа невинностью цвѣла,
 Два дара гордо берегла,—
 Даръ вдохновеній и свободы.—
 Свободный стихъ звучалъ шутя,
 Шутя играло вдохновенье;
 Изъ сновидѣнья въ сновидѣнье
 Летало Божіе дитя.

.....
 День счастья ничтожно малъ.

.....
 Я шель впередъ, бѣдывалъ, страдалъ,
 Но никогда не торговалъ
 Богатствомъ сладкозвучныхъ пѣсень.

Кукольникъ.

Есть люди, которые не поймутъ ни тоски, ни восторговъ моей Анюты; есть даже многіе, которые назовутъ восторженность ея безуміемъ; довольные своей сущесттельностью, сладко озабоченные шумомъ и тревогами жизни, они всегда заняты, развлечены; имъ незнакомы ни пустота бытія, ни томленіе бездѣйствія душевнаго, — они счастливы!

Но кого не всегда дарила судьба своими розовыми улыбками, кто не всегда могъ наполнять умъ и сердце суетными заботами свѣта, кто испыталъ тѣ страшныя минуты жизни, въ которыя утраты, горе и опасеніе до того тѣснятъ человѣка, что, не имѣя ни силъ, ни возможности освободиться отъ ихъ ужасающаго присутствія, онъ долженъ оглушить и ослѣпить себя, чтобъ успокоиться измученнымъ духомъ, тотъ пойметъ радостныя слезы Анюты при открытіи убажища, неподвластнаго никакимъ переворотамъ судьбы; тотъ извѣдалъ

обятельную силу мечты, тотъ любилъ, голубилъ ее, и въ ея волшебныхъ грѣзахъ забывалъ свою горькую сущность.

Да и что называютъ люди «мечтою»? какъ опредѣлить или опровергнуть власть этой непостижимой, творческой силы въ умъ человѣческомъ, которая такъ часто покоряетъ себя и гордый разумъ его, и чувства, править всѣмъ его бытіемъ? Да и не есть ли она существеннѣйшая доля этого бытія, одна неутомимая и неизмѣнная спутница наша отъ колыбели до могилы, никогда недокучающая намъ въ дни веселія и всегда послушная призыву нашему въ минуты тоски? Что непостояннѣе въ жизни: мечты или сущность? что лучше освѣжаетъ душу человѣка: сущность или мечты?...

Правда, не всѣмъ дается она съ равными способностями, съ равною творческою силою; но, быть-можетъ, добрый ангелъ, присутствующій при рожденіи людей, предвидитъ страдальческую участь въ которыхъ изъ нихъ, и, роняя слезу состраданія на эти бѣдныя, еще невыпныя души, оставляетъ имъ память о свѣтлыхъ мірахъ, въ которыхъ онѣ блаженствовали до временнаго изгнанія своего на землю. И человѣкъ тотъ растетъ, сперва играетъ, потомъ трудится, терпитъ, плачетъ; въ непрерывной борьбѣ съ людьми и судьбою, онъ проклялъ бы день своего рожденія, быть-можетъ посягнуть бы на жизнь свою, — но живо въ немъ воспоминаніе, запечатлѣнное слезою небожителя: оно теплится свѣтлою искрою въ душѣ его, оно просвѣтляетъ его думы, освящаетъ чувства, порой разрывая оковы земныя, уноситъ его далеко и высоко, гдѣ, въ безотчетномъ наслажденіи, забывая всѣ тревоженія бытія, онъ даетъ формы призракамъ своихъ воспоминаній, превращаетъ въ пѣсни вздохи свои, и поетъ, творитъ и блаженствуетъ въ своемъ забвеніи, — а люди, наслаждаясь его произведеніями, съ насмѣшкой называютъ силу, создавшую ихъ — «мечтою»!...

Таковы были и минуты забвенія Анюты; какъ же не простить ей этихъ восторговъ, этого упоенія, когда поэзія ниспала ей небесной росой на душу? Какъ было не благословить ей мечту, такъ внезапно оживившую ея мертвое существованіе?

Правда, въ жизни своей, Анюта не испытала большихъ несчастій; прозябая какъ полевой цвѣтокъ въ глуши своего провалья, она не знала ни сердечныхъ бурь, ни горькихъ волненій свѣта. Смерть отца была ея первою сильною горестью, и переходъ отъ довольства къ бѣдности — первымъ измѣненіемъ въ ея судьбѣ. Но какъ ни тѣсенъ былъ кругъ ея міра, какъ ни малочисленно общество окружавшихъ ее людей, — въ этомъ мірѣ были свои страсти, законы, мнѣнія; эти люди знали также ненависть, зависть, корысть; ихъ также шевелили раздоры, вражда; только причины этихъ раздоровъ были еще мелочныя, еще грязныя и забавныя, чѣмъ въ большомъ свѣтѣ; ихъ враж-

да была еще ядовитѣе, а ненависть даже не прикрывалась личною живливости и добродушія.

Въ этомъ кругу, Анюту отъ дѣтства не любили за дикость ея нрава, за странность ея привычекъ и забавъ. Все не нравилось въ ней людямъ, которые, исключая покроя своего платья, не измѣняли ни мнѣній, ни образа жизни своихъ отцовъ, и, затвердивъ отъ нихъ нѣсколько сотъ фразъ, изъяснялись ими впадать и не впадать, никогда не соображая строго ихъ смысла съ своими идеями. Чуднымъ казался имъ языкъ Анюты, очищенный размышленіемъ и согрѣтый чувствомъ; поступки ея, неподчиненные ихъ обычаямъ, казались имъ дерзостью, преступленіемъ; но сильнѣе всего страдало ихъ самолюбіе отъ возвышенности и просвѣщенія ея ума; они не знали ему цѣны, не признавали его превосходства надъ собой, но онъ, какъ свѣтъ въ потьмахъ, заставлялъ ихъ — если не различать, то хоть подозрѣвать ихъ собственное невѣжество. Имъ было неловко съ нею и, какъ то водится не въ однихъ степяхъ, обвиненіе за то падало на нее. Когда же Анюта дошла до необходимости снискивать трудами рукъ свое дневное пропитаніе, тогда-то обрушилась на нее вся ненависть этихъ сосѣдей; тогда ихъ зависть обнаружилась въ самыхъ язвительныхъ насмѣшкахъ, въ самыхъ грубыхъ оскорбленіяхъ, ее называли виною всѣхъ несчастій ея семейства, и нерѣдко противъ нея вооружали даже родную мать ея.

Въ этихъ мелочныхъ, но безпрерывныхъ терзаніяхъ проходили ея дни, и къ нимъ присоединились еще внутреннія терзанія ея безпокойнаго, тоскующаго духа. Для людей, живущихъ въ большомъ свѣтѣ, есть если не отрада, то хоть разсвѣнье въ тяжелыхъ для нихъ условіяхъ общества. Поневолю они видятъ своихъ друзей и недруговъ, поневолю дѣлать забавы ихъ, увлекаются и не разъ съ удивленіемъ замѣчаютъ, что горе, которое они считали неутѣшимымъ, стихало на время въ сердцахъ ихъ. Этихъ разсвѣній, этихъ невольныхъ головокруженій не знала бѣдная Анюта. Жизнь не представляла ей даже мишурныхъ блесковъ своихъ. Страшно-одинокая, въ пустынной глуши, голимая, осмѣянная, униженная, она не жила, а страдала, когда лучъ поэзіи озарялъ ея умъ и освѣтилъ вдохновеніемъ зародышъ пѣснопѣнія въ собственной душѣ ея.

Съ-тѣхъ-поръ слаше и краснѣе казалась ей жизнь; она бодрѣе сносила труды и неприятели дневные, съ наступленіемъ сумерекъ зажигалась ея заря; темнѣло, ночь, — и она лѣтѣла въ свой пріютъ, всѣ шкафы растворялись передъ нею, и все земное въ прахъ, — она переставала жить на землѣ. Поэты германскіе, французскіе и русскіе попеременно занимали ее, то упоили восторгомъ, то вгоняли въ тоску, то веселили блестящимъ остроуміемъ; она смѣялась, плакала, въ забвеніи даже говорила съ ними, и, ознакомясь со всѣми тай-

наи стихотворенія, есмзливалась порою взирать бумагъ свою собственную мысль. Сперва она бралась за карандашъ почти невѣдомо себя самой, безъ всякаго участія въ томъ воли: что-то тѣснило ее внутри, что-то просилось изъ сердца къ простору; ощущенія волновали ея грудь, думы роились въ головѣ,—но бѣденъ и слабъ казался ей языкъ, онъ замедлялъ ихъ полеть, удерживалъ ихъ порывы; въ нетерпѣннн своемъ, она роняла карандашъ и, разрывая исписанныя бумаги, твердила:

— Вздоръ, безуміе... мнѣ ль подражать этимъ чудеснымъ звукамъ?... мнѣ ль?... Нѣтъ, нѣтъ!...

Но на слѣдующую ночь вдохновеніе снова искушало ее; карандашъ, украдкой отъ нея самой, сближался пошешногу съ бумагою, и снова исписывалъ цѣлыя листы. Когда жъ, современемъ, ея природный даръ усилился и окрылился, она чертила съ робостью только первыя строки; воображеніе ея распалалось, фантазіи разигрывались, ихъ картины рисовались передъ ней все ярче, живѣе, причудливѣе; быстро превращались онъ въ мысль, мысль одѣвалась словомъ, слова низались ровнымъ жемчугомъ на строки, округлялись рифмами, и Анюта не помнила болѣе ничего... она не сочиняла, не точила своихъ фразъ: чувства ея, ярко озаренныя идеями, отпечатывались на бумагъ безъ всякихъ усилій, безъ всякихъ прикрасть, какъ отпечатываются великодушныя виды природы на дощечкахъ дагерротипа.

И однакожъ, все еще недоувѣрчивая къ себѣ, Анюта тщательно скрывала отъ всѣхъ свои ночныя занятія, и даже Гейльфорейндъ не подозрѣвалъ въ ней дара поэзіи.

Она была спокойнѣе, веселѣе; старикъ, радуясь ея спокойствію, опять началъ въ свободныя часы занимать ее учеными предметами; и когда она не хмурила бровей и слушала его съ прежнимъ вниманіемъ, онъ твердилъ себѣ:—«науки побѣдили въ ней горе житейское!» и мысленно торжествовалъ. Ему нѣвъ голову не приходило, что Анюта снова полюбила природу съ-тѣхъ-поръ, какъ поэзія вдохнула душу въ этотъ холодный скелетъ и указала ея разочарованному уму, во всѣхъ предметахъ, ихъ поэтическую сторону. Онъ и не подозрѣвалъ, что поэзія заставила ее постигнуть чувствами, лучше, чѣмъ всѣ науки опытыя, гармонию міра! Эта гармонія, соединивъ волшебною кистью все, на что такъ долго она смотрѣла какъ на безсвязныя части огромнаго, но мертваго созданія, объяснила ей съ новою прелестью силу притяженія въ металлахъ, симпатію въ цвѣтахъ, чувства и склонности въ животныхъ и любовь, возвышающую и облагораживающую человека.

Поэзіей она узнала красоту природы и жизнь, полную той тревоги движеній и страстей, которыя, счастлива или смущая бытіе человека, всегда водворяютъ его надъ цѣлью всѣхъ видимыхъ созданій,

проявляя въ немъ божественное начало его духа. Люди и ихъ общества остались по-прежнему незнакомыми Аниотъ, но она дружилась съ героями и героинями утопін, которую создали поэты въ минуты, когда земной холодъ и людская неприязненность заставляли ихъ отогревать свое сердце на солнцѣ своего воображенія. Кого не прельщали эти герои твердые, величественные, благородные, съ неземными добродѣтелями въ груди и нечеловѣческою рѣчью въ устахъ? Кто не обожалъ ихъ женщинъ, прекрасныхъ и чистыхъ какъ лучъ небесный, одушевившій прометеева челоуѣка, и кто не останавливался съ почтеніемъ даже передъ злодѣями, которые въ самой глубинѣ своей пропасти казались падшими ангелами, развѣчанными и отверженными, но не червяками, пресмыкающимися въ грязи?

Этимъ блестящимъ призракамъ предавалась Аниота всѣмъ сердцемъ, всѣми помышленіями, и ихъ общество не промѣняла бы, въ то время, на всѣ веселія живой толпы.

А жизнь между-тѣмъ тѣснила ее все болѣе и болѣе; болѣзнь ея матери усиливалась; ихъ нужды увеличивались, средства къ существованію со всякимъ днемъ уменьшались. Невелика была награда за труды Аниоты; но даже и въ этихъ трудахъ ей очень часто отказывали: крестьянамъ не нужны были ея руководья; окружные же помѣщики не принимали ея услугъ, или, заказывая ей изрядка работы, уменьшали до невѣроятія ихъ цѣнность и все находили дурно-выполненнымъ и слишкомъ-дорогимъ. Соглашаясь на всѣ ихъ требованія, Аниота выслушивала безропотно выговоры и порицанія, трудилась отъ ранняго утра до ночи, во всемъ себѣ отказывала, и все еще не могла доставить матери даже необходимыхъ выгодъ. Гейльфриейндъ видимо изнемогалъ; конецъ его также приближался.

Въ одну ночь, Аниота по обыкновенію вошла въ библіотеку, вынула изъ своего любимаго шкафа нѣсколько книгъ, и сѣла въ углу комнаты, гдѣ на столѣ передъ нею горѣла тонкая свѣча. Долго читала она, писала, и снова перечитывала чужія и свои творенія, когда попались ей въ руки стихи, недавно-написанные ею, въ которыхъ просто но сильно высказывала она всю прошедшую и настоящую жизнь своей души. Трогательны были ея воспоминанія о дѣтствѣ, мучительно выраженіе ея непостижимой и ничѣмъ-непобѣдимой тоски, и живо, пламенно изліаніе восторга при первомъ наитіи святой поэзіи, при первомъ вступленіи ея въ міръ, гдѣ встрѣтили ее виднія свѣтлыя, безмлтежныя, радостныя, освѣтили сладкими хорамы душу ея, отогрѣли сердце и зажгли на сумрачномъ, печальномъ горизонтѣ ея существованія мириады неугасаемыхъ звѣздъ. Забывшись, Аниота читала вслухъ; голосъ ея сладко звучалъ въ стѣнахъ пустаго жилища: она трепетала, кровь разбѣгалась жаркими струями по ея жиламъ, и блѣдыя щеки рдѣлись румянцемъ предраз-

свѣтныхъ облаковъ, отражающихъ лучи незримаго, по великолѣпнаго солнца. Только глаза ея, свѣтлые и открытые, до того усвоили себѣ выраженіе печали, что даже минута вдохновенія не могла изгладить ея, и на лицѣ, преображенномъ неземными восторгами, въ чертахъ, сіяющихъ упоеніемъ, тѣнь грусти, разлитая въ глазахъ, казалась напоминачіемъ небесному на землѣ.

Анюта умолкла и, оставаясь еще нѣсколько минутъ въ прежнемъ положеніи, какъ-будто вслушивалась въ звуки собственныхъ стиховъ.

— Боже! прознесла она наконецъ тихо, робкимъ и еще неуспокоеннымъ голосомъ: — не-уже-ли и мнѣ дана... поэзія... чудесный даръ?.. О, Боже мой! не-уже-ли и я поэтъ?..

И, залившись слезами, она вскочила съ своего мѣста.

— Да, и ты поэтъ! и ты поэтъ! отвѣчалъ чей-то сильный голосъ. Анюта вздрогнула, — Гейльфриндъ стоялъ передъ нею. Его сѣдые волосы въ безпорядкѣ падали на плечи; необычайное волненіе выражалось въ его чертахъ, и по блѣднымъ, взрытымъ морщинами щекамъ катились крупныя слезы. Онъ протянулъ къ ней руки. Анюта бросилась къ нему на грудь.

— Прости меня, прости! шепталъ старикъ: — я виноватъ, я не умѣлъ понять твоего предназначенія, я видѣлъ только способности ума тамъ, гдѣ были зародыши генія, и едва не подавилъ ихъ въ тебѣ!.. Какой тяжелый упрекъ легъ бы мнѣ на душу, Анюта! Но, слава Богу! твой чудесный даръ взялъ верхъ надъ моими грѣшными усиліями: онъ живъ, прекрасенъ, могущъ; онъ прославитъ, онъ осчастливитъ тебя... храни жь его, дитя мое! съ этой минуты поставленія мои тебѣ не нужны, такъ пусть же хоть благословеніе мое напутствуетъ тебя... Иди путемъ, указаннымъ тебѣ высшимъ промысломъ, и еще разъ прости ошибку старику...

— Отецъ мой, другъ! что вы говорите? Вамъ ли просить у меня прощенія? въ чемъ?

— Я убивалъ въ тебѣ твой прекрасный талантъ...

— Талантъ... даръ... правда ли?.. О, еслибъ!.. Но скажите, какой погибелью грозили вы мнѣ и чего боялись, запрещая открывать шкафы, въ которыхъ таилось столько наслажденія?

— Анюта, ты не поймешь вполнѣ ни моихъ опасеній, ни причины моихъ поступковъ. Ангелъ невинности, ты не подозреваешь, какія страшныя несчастія есть въ мірѣ для женщинъ съ такимъ пламеннымъ воображеніемъ и съ сердцемъ, такъ полнымъ чувствъ! Всегда ли онѣ удовольствуются одними фантазіями? Достанетъ ли созданій твоей мечты для исполненія всей пустоты твоего существованія? Анюта, продолжалъ онъ горестно: — бѣдная моя Анюта, ты узнала то, о чемъ бы лучше не знать тебѣ! Ты ознакомилась съ ми-

рошъ великихъ подвиговъ, прекрасныхъ чувствъ; но тотъ міръ останется вѣчно для тебя затвореннымъ, и твоими чувствами никогда не наслаждаться тебѣ...

— Но я уже наслаждаюсь, я счастлива ими! возразила Аня, смотря съ удивленіемъ на старика.

— Счастлива? Да, въ своемъ воображеніи. А существенность, твоя страшная существенная жизнь, твоя будущность?..

— Не бойтесь за нее, мой другъ! Теперь я довольна, спокойна и не боюсь ничего въ будущемъ. Вы видите, какъ жизнь моя дѣлится на труды и отдохновенія, на горе и на святѣйшую отраду. Теперь я не изнемогу отъ труда, не источусь слезами отъ дневныхъ терзаній и непріятностей; мысль: прійдетъ ночь, прійдутъ забвеніе и утѣхи, поддерживаетъ меня ежеминутно! На мнѣ сбылось изреченіе Господа: «блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся». Больше другихъ плачу я днемъ, за то другимъ ночь посылаетъ только сонъ, а мнѣ—райскія видѣнія...

— Дай Богъ, чтобъ ничто не смутило ихъ. Но гдѣ жъ они, гдѣ твои прекрасныя творенія? Подай мнѣ все, все, что ты написала, Аня; я хочу прочесть.

Дѣвушка повиновалась; старикъ долго читалъ, и плакалъ; и улыбался, какъ умиленное дитя; наконецъ склонился надъ столомъ и горько задумался... Аня робко подошла къ нему; онъ молчалъ, будто не замѣчая ея присутствія.

— Вы обманулись, сказала она наконецъ боязливо: — вы... вамъ показалось... вы польстили мнѣ...

Гейльрейндъ поднялъ голову; слезы опять блеснули въ его глазахъ.

— Нѣтъ, не обманулся я и никогда не сталъ бы тебя обманывать, Аня! Прекрасенъ твой даръ... но гдѣ поприще, гдѣ цѣль и награда, указанныя ему на землѣ? Сестра по таланту и по душѣ этимъ великимъ поэтамъ, которымъ ты поклоняешься, ты никогда не сравнишься долею съ ними!.. Мужчины! какъ огромны ваши преимущества, какъ благословенны ваши права! Вамъ открыты все пути искусства, наукъ, поэзіи, славы... Немного терпѣнія, труда, непоколебимой воли—и вы можете всего достигнуть, тогда—какъ женщина, равная вамъ талантами и высоко-превосходящая васъ сердцемъ, должна прозябать въ пустынѣ, въ неизвѣстности, далеко отъ свѣта, отъ всѣхъ великихъ образцовъ, отъ всѣхъ средствъ къ ученію, котораго такъ жаждетъ душа ея, отъ-того только, что она женщина!.. И напрасенъ даръ ея, напрасны все порывы къ усовершенствованію: однажды заброшенная судьбою въ глушь, она, какъ преступникъ, отверженный обществомъ, не вырвется болѣе ни къ свѣту, ни къ жизни; безъ общества, безъ впечатлѣній, безъ сочувствія, не видя и не

слыша ничего достойнаго себя, она истлѣваетъ въ мракъ; ни одинъ лучъ не озаритъ ума ея; ни одно дуновение не освѣжитъ сердца! Гдѣ же взять ей пишу своему воображенію? Гдѣ взять красокъ для богатыхъ узоровъ своей мечты? Все почерпадъ въ одной себѣ, все извлекая изъ одинокихъ думъ и чувствъ своихъ, она напишетъ пять, десять прекрасныхъ твореній и истомится сердцемъ, притупится умомъ, увянетъ, загложнетъ, очерствѣетъ... Къ-чему жъ ты такъ щедро одаряешь ее, природа? На что даешь ей умъ, способности, таланты, и это постиженіе всего возвышеннаго, и это живое сочувствіе съ прекраснымъ?.. Но, правда, вѣдь не природа заклоняетъ женщину предназначенный ей свыше путь! Люди, законы, общества, условія... сильнѣйшіе установили свои права; а многіе ли изъ нихъ пользуются ими? многіе ли стремятся по пути, такъ широко-открытому для нихъ!..

Старикъ забылъ, что передъ нимъ стояла Анюта; встревоженный предчувствіемъ ея судьбы, онъ мыслилъ вслухъ.

— Но... замѣтила она колеблясь: — я не понимаю вашего беспокойства, мой добрый другъ; на что мнѣ эти преимущества, эти права, на что мнѣ и общество, которое вы такъ обвиняете?

— На то, что Господь послалъ тебѣ талантъ, и ты не должна зарывать его въ землю. Знаю, что не розами усыянный путь предлагаю тебѣ, въ особенности здѣсь, въ сторонѣ почти дикой и непросвѣщенной, гдѣ женщина-поэтъ, женщина-писатель покажутся всѣмъ чуднымъ и даже страшнымъ зрѣемъ; знаю, что много зависти, насмѣшекъ, клеветъ ожидаетъ тебя на поприщѣ литературы, много непрошенныхъ пріязней, много ядовитыхъ оскорбленій и оскорбительныхъ похвалъ. Но найдутся за то и добрыя созданія, которыя, протягивая тебѣ руку, скажутъ отъ сердца: «благодарю!» и втайнѣ благословятъ тебя за минуту своего наслажденія, за чистые отзвуки ихъ собственныхъ чувствъ. Къ-тому же, Анюта, ты бѣдна, ты въ крайности, у тебя есть мать, и само Провидѣніе посылаетъ тебѣ средство къ облегченію ея участи. Священная обязанность открывается тебѣ; ты не должна пренебрегать ею. Пиши и отдай мнѣ свои сочиненія. У меня есть еще одинъ другъ на свѣтъ,—я пошлю ихъ къ нему, въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ?.. И Анюта измѣнилась въ лицѣ.

— Да, въ Петербургъ; они должны быть напечатаны; тамъ только талантъ можетъ найти себѣ безпристрастныхъ цѣнителей, тамъ поймутъ и, можетъ-быть, прославятъ тебя...

— Да къ-чему же все это? на что мнѣ эти безпристрастные цѣнители? на что мнѣ ихъ судъ и слава?

— Дитя, отвѣчалъ старикъ съ улыбкою:—знаешь ли, что талантъ можетъ обогатить тебя?

— Обогащать? эти несвязные урывки моих фантазій? Я не понимаю васъ!

Тогда Гейльфрейндъ принялся объяснять ей, какимъ образомъ вдохновеніе, излитое на бумагу, превращается въ товаръ; какъ книгопродавцы покупаютъ его, печатаютъ, пускаютъ въ обороты, чѣмъ доставляютъ порту славу, и какъ въ-послѣдствіи эта слава становится капиталомъ, приносящимъ ему наличные проценты.

Анюта слушала его не прерывая; видъ ея дѣлался поминутно серьезнѣе; опущенныя внизъ рѣсницы закрыли ей глаза.

— Понимаешь ли теперь? спросилъ старикъ, окончивъ свои объясненія.

Анюта бросила ему укоризненный взглядъ и качала головою.

— И вы думали, что я прийму такое предложеніе? произнесла она съ гордымъ достоинствомъ. — Вы могли вообразить, что я соглашусь продать эти думы, эти чувства, отблески моего рая, лучшую часть себя-самой, — продать, какъ продаю свои вязанья и вышиванья? Да знаете ли вы, чего отъ меня требуете? — Открыть передъ всѣмъ міромъ душу и сердце мое, созвать народъ и тѣшить его ихъ восторгами, слезами, страданіями, какъ представленіемъ кукольной комедіи за презрѣнную цѣну?.. О, Боже! Боже! прибавила Анюта горестно: — и въ вашемъ умѣ могла родиться такая грѣшная мысль, и вашъ языкъ могъ произнести мнѣ такое оскорбленіе...

Напрасно старикъ старался оправдать свое намѣреніе, доказывая ей безгрѣшность и высокую пользу подобной торговли; напрасно говорилъ ей о быстромъ разлитіи идеи, о славѣ талантовъ, о народномъ просвѣщеніи.

— Перестаньте, замолчите! вы не убѣдите меня! прервала его съ возрастающимъ негодованіемъ Анюта. — Когда мать продастъ дитя, которое въ безотрадномъ горѣ вскормила кровью и слезами своими, съ которыми играла, миловалась, тѣшилась и называла его своею жизнью, своимъ ангеломъ-утѣшителемъ... тогда, развѣ тогда... И не-уже-ли вы не понимаете, что это также дѣти мои, жизнь и отрада моей души? что я чту въ себѣ это вдохновеніе какъ даръ, посланный мнѣ Богомъ въ утѣху и подкрѣпленіе на землѣ... И мнѣ продать... мнѣ отдать людямъ это сокровище за похвалы, за плату, недостойную его!.. Да и кто жъ оцѣнитъ? какими рублями и копейками заплатятъ мнѣ за первый вольный вздохъ моей груди, за первую радостныя слезы мои? Нѣтъ, не унижайте меня этими предложеніями; я не соглашусь ни за что... Прощайте!

— Постой, постой, Анюта, сказалъ еще Гейльфрейндъ, удерживая свою воспитанницу. — Ты забываешь высокую цѣль этой продажи: развѣ цѣль не облагораживаетъ средствъ? Ты можешь вывести мать свою изъ крайности, можешь успокоить ея предсмертныя дни...

— Мать создала мое тѣло, и труды рукъ моихъ будутъ посвящены ей пока останется во мнѣ капля живой крови. Но душу безсмертную послалъ мнѣ Богъ, и ея произведеніями не могу торговать я ни для какой цѣли! Она свободна, она не принадлежитъ землѣ... Не удерживайте жь меня; прощайте!..

И Анюта какъ тѣнь скользнула въ дверь; старикъ долго смотрѣлъ вслѣдъ за нею въ глубокой задумчивости.

ГЛАВА VI.

Comme l'illusion de la raison se joue!

ALF. DE VICTR.

My fame, as my fortunes are
Of hasty growth and blight...

Childe Harold's Pilgr. LONG BRON.

Послѣ этого, Гейльфрейндъ нѣсколько времени не возобновлялъ болѣе съ Анютою разговора въ библіотекѣ, за то старался всѣми средствами ознакомить ее съ существенною стороною ея поэтическихъ фантазій. Рассказывая ей о примѣчательнѣйшихъ поэтахъ или художникахъ, онъ объяснялъ ей ихъ условія, ихъ назначеніе въ общество, и описывалъ яркими красками славу, богатство и почести, приобретенныя ихъ талантами. Желая уменьшить восторженность ея понятій о жизни, онъ понемногу раскрывалъ предъ ней свѣтъ, представлялъ ей взаимныя отношенія людей, законы ихъ общежитія и часто говорилъ о ихъ обычаяхъ и забавахъ. Все это было чуждо и ново Анютѣ; она съ жадностью слушала рассказы старика и непримѣтно измѣняла нѣкоторыя изъ своихъ мнѣній. Невинная и неопытная, какъ новорожденное дитя, воспріимчивая сердцемъ, она легко покорялась всѣмъ впечатлѣніямъ, обольщавшимъ ея воображеніе, въ особенности впечатлѣніямъ, производимымъ въ ней человѣкомъ, которому умъ ея такъ привыкъ повиноваться и безусловно вѣрить.

Но прошло нѣсколько недѣль; Гейльфрейндъ опять началъ намекать Анютѣ объ изданіи въ свѣтъ ея сочиненій, и представлялъ ей съ одной стороны ужасное положеніе ея матери и ея собственную труженическую жизнь, обольщалъ съ другой яркими приманками славы и возвышенія. Бѣдный старикъ, восхищенный талантомъ своей питомицы, слишкомъ увлекался любовью къ ней, и голова его закружилась. Обманувшись сперва въ расположеніяхъ ея ума, онъ вторично обманывалъ себя и несбыточными надеждами, которыя, лаская день и ночь въ душѣ своей, онъ успѣлъ обратить въ твердую увѣренность, въ фактъ, который не могъ не совершиться. Смотря на прекрасное, имъ взлелеянное созданіе и такъ дивно одаренное при-



родою, онъ говорилъ себя: «Не можетъ быть, чтобъ дѣвушка съ такимъ талантомъ и умомъ не обратила на себя вниманія просвѣщеннаго свѣта; не можетъ быть, чтобъ здѣсь была назначена ей безславная жизнь и неизвѣстная могила...»

И, безпрестанно перечитывая стихотворенія своей Анюты, онъ молодѣлъ, оживалъ духомъ; старикъ, простившись навсегда съ жизнью и ея радостями, забывъ надежду и мечты, едва не переродился снова въ юнаго, мечтательнаго студента, полнаго упованій, честолюбія, вѣры въ прекрасное будущее, но только не для себя!.. Горько, унижительно было его пресмыканіе въ міръ; онъ видѣлъ уже передъ собой раскрытый гробъ; но несчастливъ Провидѣніе Анюту, пошли ей долю достойную ея, — и онъ помирился бы съ своимъ прошедшимъ; ступая въ могилу, онъ благословилъ бы свою судьбу.

Мать Анюты не вставала болѣе съ постели; докторъ ближняго уѣзднаго городка брался ее вылечить; но для этого нужны были средства, деньги; старушка горько плакала и роптала; Анюта, страдая тайнѣ, никогда не жаловалась; а мать, принимая ея молчаніе за равнодушіе, не разъ осыпала ее укорами.

Въ то же время разнесся слухъ, будто графиня хочетъ наконецъ посѣтить свое имѣніе; она прислала изъ Петербурга новаго управителя, челоуѣка суроваго и обремененнаго большимъ семействомъ; онъ объявилъ бѣдной вдовѣ, что флигель, занимаемый ею, необходимъ для ея собственнаго помѣщенія, и отвелъ ей простую крестьянскую хату. Въ тогъ годъ зима была необыкновенно-холодна, хлѣбъ повышался въ цѣнахъ, всѣ берегли лишнюю копейку на черный годъ, и къ Анютѣ никто почти не обращался съ заказами рукодѣля. Она трудилась, бѣдная дѣвушка; никакая работа не казалась ей унижительною, никакой трудъ тяжелымъ; нерѣдко терпя и холодъ и голодъ, она старалась только охранить свою больную мать отъ этихъ страданій, и однажды сказала Гейльфрейнду, подавая ему исписанную тетрадь:

— Вотъ мое единственное сокровище, возьмите... продайте, дѣлайте съ нимъ, что хотите, только бы помощь... скорѣе, скорѣе!.. Она не подымала глазъ, отворачивалась отъ драгоценнаго свертка, будто страшась поколебаться въ своей рѣшимости, и тайкомъ утирала слезы.

Гейльфрейндъ старался успокоить и обнадежить ее, но Анюта не слышала его утѣшеній, и, прощаясь съ нимъ, сказала шопотомъ, укачивая себя на грудь:

— Мнѣ кажется, какъ-будто что то оторвалось у меня здѣсь!..

Гейльфрейндъ съ первою почтою отослалъ ея стихотворенія къ своему пріятелю въ Петербургъ, и заранѣе принялся въ часы досуга писать біографію своей воспитанницы.

Свѣтъ стоялъ, на поляхъ пробивала зеленая травка, когда Гейль-фрейндъ получилъ изъ Петербурга письмо, — и какое письмо! Старикъ плакалъ и чуть не прыгалъ отъ радости.

— Анюта, Анюта! кричалъ онъ, вбѣгая въ ея бѣдное жилище: — Анюта, дочь моя, моя утѣха! посмотри, чтó пишутъ мнѣ изъ Петербурга, какъ приняли твои творенія тамъ, гдѣ вкусъ возвышенъ, просвѣщенъ... тебя тамъ поняли и оцѣнили...

Въ-самомъ-дѣлѣ, старый товарищъ Гейльфрейнда писалъ ему весьма-дружески, что плохо зная поэзію и русскій языкъ, онъ отдалъ присланныя ему стихотворенія одному извѣстному литератору, который остался ими очень доволенъ, и даже прочелъ нѣкоторыя изъ нихъ въ обществѣ знакомыхъ ему любителей и любительницъ поэзіи, что многіе пришли отъ нихъ въ восторгъ, провозгласили Анюту феноменомъ, гениемъ, русскою Сафо, второю Елисаветою Кульманъ, и очень любопытствовали узнать подробности жизни и воспитанія дѣвушки съ такимъ удивительнымъ талантомъ. Что жъ касается до печатанія ея стихотвореній, то корреспондентъ Гейльфрейнда прибавлялъ, что петербургскіе книгопродавцы не берутся издавать ихъ на собственномъ иждивеніи, а предлагаютъ г-жѣ сочинительницѣ напечатать ихъ на свой счетъ и поручить имъ продажу готовыхъ экземпляровъ. Журналисты же готовы помѣстить всѣ произведенія столь замѣчательнаго таланта въ своихъ журналахъ, но они имѣютъ обыкновеніе платить за стихи однимъ только извѣстнымъ и уже прославленнымъ публикою пѣтамъ.

Этотъ періодъ письма не совсемъ понравился Гейльфрейнду, но онъ не показалъ его Анютѣ. Зачѣмъ было пятнать хоть малѣйшимъ облакомъ въ первый разъ вспорхнувшую въ ней надежду? Къ-тому-жь, упоенный радостью, онъ старался обмануть самого-себя увѣреніями, что главное дѣло сдѣлано, талантъ Анюты признанъ, а плата, деньги прійдутъ своимъ чередомъ, и должны прійти непременно.

Съ-тѣхъ-поръ, посвящая все свободное время свое Анютѣ, онъ безпрестанно ласкалъ ее успѣхами, предрекалъ ей блестящую будущность, и говорилъ:

— Вотъ прійдетъ графиня; до нея вѣрно еще въ столицѣ дойдетъ имя дочери ея бывшаго управителя; она призоветъ къ себѣ Анюту, полюбитъ ее, можетъ-статься, обезпечитъ судьбу ея матери, возьметъ ее съ собою въ Петербургъ, а тамъ нѣтъ больше препятствій, — всѣ пути открыты гениальной дѣвушкѣ; тамъ талантъ ея усовершенствуется, знаніе свѣта откроетъ ея способностямъ новый родникъ, и она засіяетъ яркою звѣздой на горизонтъ русской литературы, и первые поэты братски протянутъ ей руки, и въ обществѣ ласкамъ и вниманію къ ней конца не будетъ...

Бѣдный старикъ! онъ не видалъ, какъ опасно кидать въ сердце

еще певниной дѣвушки жгучую искру честолюбія и опасную само-
вадьянность. Съ твердымъ упованіемъ въ ея прекрасное будущее,
онъ раскалялъ въ ней несбыточные грѣзы... Онъ никогда не зналъ
свѣта по опыту, а въ своей горькой, бродячей долѣ забылъ послѣд-
нее, что зналъ!

Анюта молчала, почти не подымала глазъ отъ радости, и игла съ
прежней быстротою мелькала въ ея пальцахъ; только трепетное ды-
ханіе, да румянецъ, гость рѣдкій на ея лицѣ, обличали въ ней силь-
ное волненіе крови.

Слава! лучезарный ореолъ безсмертія, зажигаемый надъ головами
Богомъ—избранныхъ благословеніями и благодарными слезами лю-
дей; яркая, но мимолетная зарница, освѣщающая праздныхъ любим-
цевъ фортуны; звезда непотухающая, хоть поздно зажигающаяся надъ
могилами гениальныхъ непризнанныхъ при жизни труженниковъ; ма-
гнитъ юности, неуловимый огонекъ безталантнаго честолюбія, сла-
ва, ты заронила зерно оболженія въ грудь бѣдной дѣвушки, ты за-
кружила и ея голову!

Незнакомая съ обманчивой наружностью свѣта и съ ложными на-
званіями, такъ щедро расточаемыми въ немъ, она не знала, что есть
особый родъ славы, который не блескитъ, не грѣетъ и весь заклю-
чается въ нѣсколькихъ печатныхъ похвалахъ, не всегда добросовѣ-
стныхъ, въ ничтожной извѣстности, въ пустыхъ словесныхъ ком-
плиментахъ и любопытныхъ взглядахъ, болѣе недоброжелатель-
ныхъ, чѣмъ ласкающихъ. Отъ дѣтства угнетенная, ожесточенная
незаслуженнымъ пренебреженіемъ людей, она сроднила въ душѣ
своей мысль о славѣ съ ихъ любовью и дружествомъ. Не удивленія
жаждала она, а ласки, не возвышенія, а только равенства въ обще-
ствѣ, и, порою, добродушнаго привѣта, да ответнаго взора на ея не-
полненный любви и желанія добра взоръ.

Къ-тому же, кто не жилъ въ глуши, въ совершенномъ отчужде-
ніи отъ свѣта, тотъ не знаетъ, какую магическую силу притяженія
имѣетъ этотъ шумный, пестрый, блестящій свѣтъ для невольныхъ
отшельниковъ, заживо-погребенныхъ въ пустынь. Подобно всемъ да-
лекимъ предметамъ, онъ еще увеличивался и украшался въ вообра-
женіи Анюты; она представляла его себѣ почти столько же прекрас-
нымъ, хоть не такъ зѣирнымъ, какъ ея идеальные міры, в населяла
его людьми, въ которыхъ простодушно видѣла образцы героевъ и ге-
ройнь, снятыхъ будто-бы съ натуры въ тѣхъ же обществахъ ея лю-
бимыми поэтами. А звучные оркестры, театры, сады, гениальныя
произведенія художествъ, и даже холодныя громады зданій, даже
безсмысленное движеніе толпы, все влекло ее къ себѣ неодолимою
прелестью,—она жила въ пустынь; оглядываясь, она во всю жизнь
свою видѣла только безбрежную степь, охваченную и какъ-бы сла-

вленную горизонтъ, и только въ фантазіяхъ рисовала себѣ лѣса, рѣки и цѣпи горъ. Прежде она вздыхала по недостижимомъ, по, оживленная надеждою, теперь она во снѣ и на яву рвалась къ тѣмъ люлямъ, къ той природѣ, и не разъ твердила: «Туда, туда! хоть разъ обнять ихъ взоромъ и душою, и послѣ хоть умереть, только бы не здѣсь, подальше, подальше отъ этихъ степей...»

Вотъ что представлялось Анютѣ сквозь чарующую призму славы, что обольщало ее и такъ сильно кружило ей голову, что, несмотря на возрастающія нужды и труды, ночныя пѣсни ея еще дышали упованіемъ и первою надеждою на счастье, — она не знала ни счастья, ни надеждъ души.

Между-тѣмъ время летѣло, а корреспондентъ Гейльфрейнда молчалъ; напрасно старикъ лишалъ себя необходимѣйшаго, чтобы собирать плату на почту и еженедѣльно писалъ въ Петербургъ, — тамъ о произведеніяхъ Анюты забыли такъ же, какъ о существованіи ея на землѣ.

Тогда Гейльфрейндъ съ горестью поплѣгъ всю опрометчивость своего поведенія съ Анютой, и замѣчалъ, что ея минутное оживленіе также снѣнялось ея прежнимъ уныніемъ. Какъ провинившійся, онъ началъ избѣгать разговоръ съ нею наединѣ. Его первое заблужденіе лишило ее только минутныхъ утѣхъ; второе — грозило ввергнуть въ отчаяніе. А онъ зналъ по опыту, что въ несчастіи одна потерянная надежда горче цѣлой жизни безнадежности... Но даже посреди этихъ сомнѣній и опасеній, перечитывая иногда произведенія Анюты, Гейльфрейндъ не могъ не увлекаться своею вѣрою въ будущность, свыше ей опредѣленную.

— Нѣтъ, не безъ цѣли зажигается небесный огонь на землѣ, не этия пѣснямъ смолкнуть въ безотзвучной пустынь!.. твердилъ онъ мысленно; и если послѣ этого случилось ему встрѣчаться съ Анютой, онъ не обольщалъ ея, какъ бывало, блистательными предвѣщаніями, а только тихо произносилъ: — Анюта, не унывай, пиши, Богъ справедливъ!

И онъ уходилъ, боясь опять увлечься своею любовью къ ней, а Анюта, украдкою вздыхая, качала головой, и не разъ отирала съ щеки невольную слезу.

— Анюта! говорилъ ей старикъ: — знаешь ли, что мнѣ приходитъ иногда въ голову? Можетъ-быть, твоихъ стихотвореній не печатаютъ потому только, что ихъ мало; если бы собрался цѣлый томъ, княго-продавцы купили бы ихъ и напечатали... пиши...

Онъ говорилъ, — и осеннія тучи тѣснились на небѣ, крупный дождь, пробиваясь сквозь гнилую соломенную кровлю, разливался узорами по потолку; вътеръ съ свистомъ дулъ въ щели оконъ, и огонекъ едва передвигался въ печи по смѣжному хворосту. Темно, сыро, холод-

но было въ жилищѣ Аниюты; какъ въ безотраднѣй жизни, все было пусто кругомъ, и посреди могильной тишины изъ-за перегородки неслись къ ней по временамъ стоны ея больной матери...

Гдѣ же средство согрѣть морозный воздухъ хаты, засушить въ ней сырость, развести огонь и облегчить страдающе измученной старушки; быть можетъ, даже утолить ея голодь?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ... нигдѣ... ни въ чемъ...

Тогда Аниута съ судорожнымъ трепетомъ хваталась за перо, и не разъ слезы разводили ея чернила; не вдохновеніе, а муки сердца и страданія тѣла водили ея перомъ... пальцы ея коченья, глаза едва различали буквы, слабо свѣтилъ ея ночникъ, мутно мелькали въ головѣ мысли... нужды нѣтъ, она писала!...

Писала! но гдѣ прежніе восторги, прежній пылъ ея стиховъ? гдѣ надежды, гдѣ радостныя слезы, гдѣ свѣтлыя мечты? — Прошли, прошли! Все измѣнилось, все исчезло!

Была пора, въ душѣ Аниюты таилось зернышко, — Богъ знаетъ, бурю или весеннимъ вѣяніемъ заброшенное въ нее; — оно крѣпло, зрѣло, незамѣтно пускало ростки и наконецъ выросло, расцвѣло. Съ какимъ восторгомъ ощутила его въ себѣ Аниута, какъ свято хранила отъ взоровъ людскихъ, какъ упоилась его райскимъ благоуханіемъ, и, поливая его только въ ночную пору своими радостными слезами, забывала съ нимъ всю скудость своего бытія!

Пришла другая пора: явился незванный гость и сказалъ: — дай насладиться людямъ ароматами твоего цвѣтка, подѣлишься съ ними твоимъ сокровищемъ, и они воздадутъ тебѣ за то любовью, славою, счастьемъ... Бѣдная дѣвушка повѣрила ему; земныя искры ослѣпляли ея глаза, и она продала лучшій цвѣтъ видѣній своихъ, — ихъ таинственность и блескъ за блескъ самыхъ непрочныхъ надеждъ. Еще разъ сладко забилося ея сердце, еще разъ мелькнуло ей счастье, счастье только воображаемое, но и то скрылось падучею звездою, и погасло земное сіяніе въ глазахъ ея, какъ погасла искра святости въ душѣ.

Да, ея прекрасныя грѣзы, ея блаженные сны, минуты ея преображенія изъ чловѣка въ чистѣйшій духъ, все разсыпалось съ-тѣхъ-поръ, какъ возникъ въ ней неумолкаемый голосъ: «пиши, пиши; ты должна писать!»

Когда, благоговѣя передъ поэзіей, она тайкомъ прокрадывалась въ свой темный уголокъ, и тамъ не призывала вдохновенія, а, отдаваясь ему и сердцемъ и умомъ, уносила безъ собственнаго вѣдома въ волшебную обитель идеаловъ, вдохновеніе слетало къ ней свободнымъ и радостнымъ, играло съ ея воображеніемъ, даскало ея сердце, и улетаая, оставляло по себѣ лучъ мира и тихаго веселія въ душѣ ея.

Теперь она не могла болѣе увлекаться съ прежней беззаботностью

своими фантазіями и тѣшиться ими безсознательно, спокойно, забывая все, что окружало ее; нѣтъ, теперь одна воля, недремлющая, суровая воля правила ее вдохновеніемъ, насильно исторгала чувства у ее сердца, вымучивала идеи у воображенія, и эта воля была не дочерью духа вольнаго и могучаго, а рабынею горькой нужды!

За то не на радость перенеслась Аня отъ міра вещественнаго къ поэтическому. Когда бѣдность и горе ее до того усиливались, что свѣтъ темнѣлъ въ ее глазахъ, она съ отчаяніемъ взглядывала на перо, на бумагу, — и странное безпокойство овладевало ею — безпокойство, сходное съ тѣмъ, которое проявляется у ясновидящихъ передъ ихъ насильственнымъ сномъ, какъ-будто въ страданіи тѣлесномъ и душевномъ ей не хотѣлось обновлять въ себѣ третьяго, безотчетнаго страданія, не хотѣлось вызывать призраковъ, которые, отуманивъ на минуту ее голову и растревоживъ все ощущенія сердца, еще безжалостнѣе заставляли ее разсматривать во всѣхъ ужасныхъ подробностяхъ наготу, язвы ее жизни, надежды, поблекшія при самомъ расцвѣтѣ, и одну, постоянную спутницу ее — скорбь.

И однакожь она писала. Гейльфрейндъ не восхищался болѣе, а плакалъ надъ ее пѣснями, слыша въ ихъ звукахъ только стонъ; но тѣ стоны изливались прекрасными стихами; Гейльфрейндъ отсылалъ ихъ въ Петербургъ и не получалъ никакого отвѣта.

Аня никогда не жаловалась; но онъ укорялъ себя въ ее тайныхъ страданіяхъ, во всякомъ слѣдѣ ее слезъ, и изнемогалъ отъ горести. Вскорѣ болѣзнь уложила его въ постель, съ которой онъ больше не вставалъ.

Недѣли двѣ Аня металась между больной матерью и своимъ умирающимъ наставникомъ; онъ рѣдко говорилъ съ нею, и только въ минуты, когда она не могла видѣть его, устремлялъ на нее горестный взоръ, и не сводилъ глазъ съ ее лица, пока слезы не заставляли ихъ смыкаться.

О чемъ задумывался, о чемъ плакалъ старикъ? Сожалѣніе объ Анютѣ, или позднее раскаяніе грызло его душу? Видя, какъ рано блекло это нѣжное созданіе, незнавшее расцвѣта на негостепріимной землѣ, не укорялъ ли онъ себя въ томъ, что просвѣтилъ умъ и утончилъ чувства дѣвушки, которая, быть-можетъ, была бы счастливѣе въ невѣжественномъ состояніи своихъ отцовъ? И въ-самомъ-дѣлѣ, къ-чему ей послужили ее познанія? Что доставила способность все постигать и чувствовать лучше другихъ? Онъ снялъ плеву съ глазъ ее, и ей представилась во всемъ ужасѣ, во всей отвратительной пустотѣ яма, опредѣленная ей въ жилище на землѣ. Онъ возвысилъ ее понятія, и люди, съ которыми ей суждено было проводить жизнь, показались ей грубыми твореніями, слѣпыми и глухими для всего, что Богъ создалъ прекраснаго. Онъ очистилъ отъ ржавчины ее сер-

це, и оно сдѣлалось пѣкнымъ, чувствительнымъ, болѣзненно-впечатлительнымъ: всякое прикосновеніе заставляло его содрогаться, всякій звукъ находилъ въ немъ отголосокъ, и не было мысли даже въ ея собственномъ умѣ, которая не пробуждала бы въ немъ отвѣтнаго ощущенія.

Такъ не эти ли размышленія волновали душу старика, когда онъ крѣпко жаль руку Анюты въ своихъ слабѣющихъ рукахъ? А можетъ-быть, ступая въ могилу, онъ невольно обращаль взоръ къ своей разгульной юности, полной успѣховъ, любви, всѣхъ наслажденій семейныхъ и общественныхъ, и, вслѣдъ за счастьемъ своимъ, сгинувшимъ быстрее тумана утреняго, видѣль не жизнь, а призракъ, остовъ жизни человѣческой, истерзанной страстями, ничетой, презрѣніемъ людей... Быть-можетъ, дыша тяжелымъ воздухомъ хаты, одинъ на грубомъ одрѣ, онъ несся мыслию къ солнцу своей родины, то въ свѣтлыя университетскія залы, то въ тихую обитель, гдѣ у колыбели двухъ малютокъ манила его къ себѣ жена, спокойствіе, рай на землѣ... Но нѣтъ! Даже въ предсмертнѣй часъ не было у него ни думы, ни чувства для себя, — передъ нимъ стояла Аня!

Къ ночи, старикъ началъ тяжело дышать, метаться и боязливо озираться кругомъ; взоръ его часъ-отъ-часу становился тусклымъ. Онъ силнлся что-то сказать, но слова замирали на языкѣ его; какъ-будто желая, онъ въ то же время боялся выразить свою послѣднюю мысль, и она мучила, преслѣдовала его. Въ предсмертнѣй тоскѣ, онъ молился, какъ можетъ только молиться праведникъ или глубоко-покаявшійся грѣшникъ. Наконецъ, чувствуя приближеніе своей кончины, онъ произнесъ отрывистымъ голосомъ:

«Аня, я покидаю тебя... Ты останешься здѣсь одна... Не отчаивайся, дитя мое... Ты еще такъ молода; будущее твое такъ велико; терпѣніе, твердость и упованіе... Объ одномъ молю тебя: старайся поборотъ эту страшную силу мечтательности... Она опасна... Играй, тѣшься поэтическими идеалами, но не изнывай по недостижимомъ... Твоя чистая фантазія — дѣти неба, а небснаго не осуществитъ на землѣ: ни истинному счастью, ни истинно-прекрасному нѣтъ на ней пріюта! Не зови же, не жди напрасно совершенства... Ты найдешь его развѣ — тамъ!.. Когда же пріѣдетъ графиня, старайся заслужить ея милость... Она богата, счастлива... Можетъ-быть, она протянетъ тебѣ руку... Кому же быть милостивыми, какъ не счастливымъ!..» Старикъ остановился и, помолчавъ, произнесъ съ горестью: — «Бѣдное, бѣдное дитя! не-уже-ли ты никогда не узнаешь лучшей доли?.. Не-уже-ли нѣтъ для тебя и искры радости на землѣ?.. Аня! продолжалъ онъ съ трепетомъ и замѣтнымъ измѣненіемъ въ лицѣ: — Аня, иногда мнѣ кажется, что я невольно былъ причиною твоихъ горестей... Богъ видитъ, какъ искренно,

как ничего и желала тебя добра!.. Ты несчастлив, судьба жестоко тебя преследует!.. Но если я подавал хоть каплю горечи къ твоимъ страданіямъ... прости, прости, и въ черный день не проклинай твоего друга!..

Онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

Когда маски и утѣшенія Аняуты успокоили его, онъ еще разъ благодарилъ ее за попеченія объ немъ, за привязанность, за святлыя минуты, которыми она украсила его старость, и, благословявъ ее, впалъ въ усыпленіе.

Около часу царствовала въ хатѣ мертвая тишина, нарушаемая только крикливымъ дыханіемъ больного. У изголовья его теплилась желтая восковая свѣча. Аняота стояла подлѣ, и кто увидѣлъ бы въ эту минуту ея высокій, тонкій станъ, печально-опущенную голову, рѣсницы, влажныя отъ слезъ, ея лицо блѣдное, до того исполненное грусти, что улыбка радости казалась на немъ невозможною, тотъ могъ считать ее ангеломъ смерти, слетѣвшимъ съ небесъ, чтобъ принять въ лоно свое душу, отстрадавшую на землѣ.

Вдругъ старикъ встрепенулся, взглянулъ на свою воспитанницу, и собиравъ съ послѣдними силами, прошепталъ:

— Я откожу... Аняота... О, Боже мой... кто ожидаетъ тебя?..

Съ этими словами онъ устремилъ на нее острый, блестящій чуднымъ выраженіемъ вооръ, и—открылась ли ему въ мимолетныхъ чертахъ дѣвушки опредѣленная ей судьба, или душа его, освобождаясь отъ оковъ земныхъ, получила силу предвидѣнія, только, казалось, вопросъ его не остался безъ отвѣта; онъ уснокоился, опустилъ глаза; когда жь, минутъ десять спустя, опять обратилъ ихъ къ Аняутѣ, изъ устъ его вмѣстѣ съ послѣднимъ дыханіемъ вылетѣло:

— До свиданія!

ГЛАВА VII.

La poésie est faite quelquefois par des gens d'esprit; mais qui la prend au sérieux? Quelques sots!

Opinion d'un homme du monde.

Ce n'est ni la santé, ni la fièvre de la maladie... C'est la Folie!..

Sentence du Docteur noir.

Ils se sont tous levés contre moi; comment voulez-vous que je résiste à tous? moi seul, moi qui ne suis rien et qui n'ai rien au monde qu'une pauvre plume, et qui manque d'encre quelquefois?

ALF. DE VIGNY.

Годъ, минъ два рѣше, смерть Геймъ-рейнда привела бѣдъ Аняоту въ отчаяніе; она впадала бы надъ трупомъ чужезнца, заманившаго ей

родителей и друзей. Но теперь сердце ея такъ свыкло съ горестью; духъ упалъ такъ глубоко, что она не умѣла болѣе ни рыдать, ни отчаяваться. Съ тихими слезами Анюта проводила тѣло своего наставника на курганъ, усѣянный крестами, бросила горсть земли на его досчатый гробъ, и возвратилась къ своимъ ежедневнымъ занятіямъ. По наружности, ничто не измѣнилось въ ея существованіи.

Да и чему было измѣниться? Развѣ была у нея паружная жизнь?

Однообразныя занятія, однообразный трудъ; бѣдность, неизбежныя потери и огорченія,—вотъ что, по-видимому, было удѣломъ Анюты, удѣломъ обыкновеннымъ большей половины людей, которые рождаются, живутъ и умираютъ, не внося ни кому ни участія, ни состраданія, потому-что ихъ несчастія не представляютъ свѣту ничего поразительнаго, ни даже просто любопытнаго. Внутренней жизни этой дѣвушки никто не могъ подозрѣвать. Да еслибъ и узнали о ней, многіе ли были бы въ состояніи понять, что межъ людьми такъ же, какъ въ царствѣ растений, есть странныя творенія, прозябающія безъ дѣйствія, безъ цвѣта, безъ красы, въ которыхъ вся сила бытія скрыта непроницаемо-глубоко и весь жизненный процессъ совершается тайно и незаметно для самыхъ опытныхъ наблюдателей?

И многіе ли повѣрили бы, что въ глубокомъ одиночествѣ, въ тиши самаго безстрастнаго существованія можно жить жизнью дѣятельною, кипучею, пройти чрезъ все отъѣнки чувствъ, узнать и бурю думъ, и бурю ощущеній, таять въ восторгѣ, плакать кровавыми слезами, всего надѣяться, все потерять, и, преждевременно состарившись умомъ, увянуть сердцемъ, безъ возможности втораго воскресенія?

Анюта прошла всю эту жизнь, быстро отжила пору ея цвѣтенія и скорыми шагами приближалась къ своей ранней осени!

Со смерти Гейльрейнда, послѣднія надежды на будущее погасли. Нѣкому было ободрять ее въ минуты унынія, оживлять въ ней упадающую вѣру въ ея прекрасный даръ и говорить о обѣтованной землѣ, гдѣ поэзія и таланты зрѣли, какъ драгоценныя плоды, въ свѣти благотворнаго просвѣщенія. Слава, волшебные края, любовь родныхъ ей по сердцу людей, все, что манило ее къ себѣ, о чемъ такъ сладко мечтала она и что уже готовилась назвать своимъ, мелькало ей теперь въ прошедшемъ мутно и блѣдно, какъ чары когда-то обаявшаго ее сна. Да, все то было сонъ, пустая греза, сгнившая прежде пробужденія. И не во снѣ ли назвали ее поэтомъ? Не во снѣ ли сходило къ ней вдохновеніе, которое сначала въ блаженномъ невѣдѣніи она принимала за откровеніе небесъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, этого одного не могла отнять у нея сущность; ея даръ остался съ нею, онъ живъ и ни въ чемъ только еще трепещетъ ея сердце...

Мать часто журила Анюту за ея ночныя занятія и въ гнѣвъ прочила ей: «Ты помѣшаешься на книгахъ!» и въ то же время Анютъ будто кто-то шепталъ на ухо умирающимъ голосомъ: «Побори свою мечтательность,—она опасна,—небеснаго не осуществить на землѣ!»

При этомъ воспоминаніи, кровь замирала въ жилахъ бѣдной дѣвушки, и она твердила про себя:

— Не писать? поборотъ въ себя мечтательность? чего они требуютъ отъ меня? Развѣ моя поэзія не дитя этой мечты? Сохрани ароматъ, уничтожая цвѣтокъ, издающій его... Или все оставить, все поборотъ, и жить... Какъ жить?.. Нѣтъ, невозможно!

И трепещущей рукой она ласкала свои тетради и перо.

Однажды утромъ, Анюта, возвратясь домой изъ сосѣдняго села, съ удивленіемъ увидѣла въ убогой хижинѣ управителя, который, не смотря на свою гордость и званіе столичнаго жителя, очень-дружески разговаривалъ съ ея матерью и перебиралъ какія-то бумаги. Старушка, казалось, забыла свою болѣзнь, сидѣла, не охала и смотрѣла вокругъ, какъ-будто свѣтъ Божій для нея переродился.

— Поди сюда, Анюта, закричала вдова своей дочери, завидѣвъ ее въ дверяхъ: — пооди, благодари; Господь посылаетъ намъ избавителя...

Но Анюта, не слушая ея, съ воплемъ прыгнула къ столу, — она узнала въ рукахъ управителя свои стихотворенія.

Онъ отвернулся отъ нея съ насмѣшкою, и, пожимая плечами, бросилъ старушкѣ значительный взглядъ, которымъ, казалось, хотѣлъ сказать: «Вотъ видите, я говорилъ вамъ правду.»

— Погодите, погодите, мой батюшка! торопливо сказала старушка. — Я вѣдь и не таялась, что она у меня такъ, какъ-то чудная, Богъ съ ней! Да она добрая дочь, и, право, во всемъ меня послушаетъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, она сообщила дочери, что г. управитель предлагаетъ имъ обѣимъ перейти къ нему въ домъ, на его полное содержаніе, и обѣщаетъ даже посылать для нея въ городъ за докторомъ и лекарствами, съ тѣмъ, чтобъ Анюта учила его дѣтей и присматривала за ними.

— Это благодать Господня, Анюта, говорила ей мать:— меня вылечатъ, и мы не будемъ больше терпѣть ни нужды, ни холоду.

— Хорошо, хорошо... но зачѣмъ здѣсь эти бумаги? какъ попались онѣ сюда? твердила бѣдняжка сквозь слезы, собирая на столѣ и подъ столомъ разсыянные лоскутки своихъ твореній.

Старушка опять переглянулась съ управителемъ.

— До меня дошелъ слухъ, сказалъ онъ тогда, съ важностью вставая съ мѣста:—что вы нерѣдко цѣлыя ночи проводите за чтеніемъ и писаніемъ, и я пожелаю видѣть, что такое вы пишете. Теперь, про-

смотря въ весь этотъ вздоръ, продолжалъ онъ, съ пренебреженіемъ указывая на ея тетради: — я вспомнилъ, что еще покойный Гейль-Фрейндъ говорилъ мнѣ о вашей слабости. Онъ дурно поступилъ съ вами, онъ много виноватъ, но... можетъ-быть... зло можно еще поправить; вы хорошо знаете французскій и нѣмецкій языки, ариметику, законъ Божій; и такъ, если вамъ угодно заниматься моими дѣтьми, я обещаю обезпечить васъ отъ нужды. Но полагаю притомъ одно необходимое условіе: вы должны клятвенно обещаать мнѣ, что совершенно оставите и ваши ночныя сидѣнія, и эти стишонки, и даже чтеніе книгъ, которыя только разстраиваютъ вашу голову. Впрочемъ, въ послѣднемъ вы и безъ того должны отказать себѣ, потому что при перестройкѣ дома я долженъ привести въ порядокъ весь инвентаръ ея сіятельства и запереть библіотеку. Прощайте; поговорите объ этомъ съ своей матушкой, и завтра утромъ прійдите сказать мнѣ, принимаете ли вы мои предложенія.

Онъ поклонился и вышелъ. Анята осталась посреди комнаты едва дыша, какъ-будто громъ небесный обрушился надъ нею. Долго увѣщевала ея мать, просила, плакала и сердилась; но Анята какъ-будто ничего не слышала, и разъ только, на усиленныя просьбы старушки, произнесла медленно и тихо:

— Не для васъ ли только я живу на свѣтѣ? Не вамъ ли отдаю свои труды, здоровье, силы?... А вы хотите... вы хотите отнять у меня... мою жизнь.

И цѣлый день она ходила какъ вошедшая, не видя и не слыша ничего вокругъ себя.

Вечеромъ, когда, уложивъ старушку въ постель, Анята хотѣла съ нею проститься, она опять бросилась на шею дочери, съ мольбами — не лишать ея спокойствія на старости лѣтъ и не отказываться отъ своего собственнаго счастья.

— Поди завтра къ управителю, мое дитяtko, голубка моя, поклянись ему, что не возьмешь больше въ руки этихъ проклятыхъ книгъ, поклянись хоть на одинъ только годъ... сердце мое чуетъ, что онъ не доведутъ тебя до добра. Авось либо въ годъ я поздоровую, станемъ работать вдвоемъ; а не то закрою глаза, — тогда дѣлай, что хочешь.

Она молила Аняту и обливала горькими слезами ея голову; замѣтно было, что не одинъ эгонизмъ внушалъ ей эти мольбы: сердце матери участвовало въ нихъ.

Въ ту ночь, Анята не ложилась спать. На рассвѣтѣ она развела огонь; яркое пламя вспыхнуло въ печи, и когда, минуто спустя, начало гаснуть, раздались чьи-то глухія рыданія. Старушка спала крепкимъ сномъ и ничего не слышала...

Утромъ, Анята пошла къ управителю, отвесла ему всѣ свои кни-

ги, согласилась на все его условия и в тот же день переселилась с матерью къ нему въ домъ.

Съ-тѣхъ-поръ жизнь ея потекла спокойно; труды ея уменьшились, горькія заботы исчезли; строго выполняя свою обязанность, она не отходила отъ ребячьихъ дѣтей; но никогда ихъ шалости не выводила ея изъ терпѣнія, никогда ихъ ласки, ни самыя забавныя проказы не вызывали улыбки на лицо ея; всегда холодная, спокойная и молчаливая, она казалась олицетвореніемъ отчаянной покорности судьбѣ.

Такъ прошли осенніе мѣсяцы, такъ прошла зима. Съ наступленіемъ весны, все семейство управителя начало замѣчать въ наружности и въ поступкахъ Анюты странныя перемены. Она худѣла, ослабѣвала, по нѣскольку разъ въ день лицо ея покрывалось то смертною блѣдностью, то самымъ яркимъ, огненнымъ румянцемъ, и въ эти минуты такое одушевленіе горѣло въ ея глазахъ, они такъ играли, такъ искрились, какъ-будто въ нихъ сосредоточивалась вся ея жизненная сила.

Безпрестанно занятая, она со всякимъ днемъ заботливѣе избѣгала минуты праздности, будто злѣйшаго своего врага; въ непрерывныхъ занятіяхъ, въ безпрерывномъ движеніи, поминутно выдумывая себѣ новые труды, она трудилась, работала; но эти работы, казалось, не удовлетворяли ея, она съ жадностью бросалась къ другимъ, и все оны были равно слабы, равно ничтожны: потребность иной дѣятельности мучила ея душу.

Нерѣдко, проводя цѣлыя ночи безъ сна, Анюта ходила скорыми шагами по комнатамъ, то ложилась, то опять вставала, и порою, склоняясь передъ образомъ Спасителя, молилась съ жаркими слезами, или, отворяя окно въ садъ, старалась освѣжить себѣ голову воздухомъ, еще несогрѣтымъ полнымъ развитіемъ весны.

И однакожъ, на заботливые вопросы матери, она всегда отвѣчала, что чувствуетъ себя совершенно-здоровою.

Когда жъ деревья зазеленѣли и первые цвѣты распустились въ поляхъ, недугъ молодой дѣвушки началъ примѣтно усиливаться. Бѣдная мать смотрѣла на нее съ страхомъ, а уязвленный докторъ, посѣщавъ нрѣдка село, никогда не пропускалъ случая пощупать у Анюты пульсъ, спросить ее о здоровьи, и разговаривалъ съ ней, вслушиваясь съ особеннымъ вниманіемъ въ ея отвѣты.

Анюта этого не замѣчала; казалось, умъ ея былъ постоянно занятъ предметами не этого міра. Гдѣбъ она ни находилась, въ церкви, при ученіи дѣтей, или въ гостиной, гдѣ люди шумно разговаривали и смѣялись вокругъ нея, ею вдругъ овладѣвало непонятное безпокойство. Въ тоскѣ, она все оглядывалась, какъ-будто искала чего-то, и постепенно взоръ ея становился неподвижнымъ и безчувственнымъ;

ей глаза, обыкновенно такъ выразительные, теряли даже жизненное выраженіе и, получая стеклянную прозрачность, смотрѣли пристально на одинъ предметъ, но съ совершеннымъ отсутствіемъ воли и мысли. И, однакожь, въ нихъ не было ничего дикаго, сходнаго съ взглядомъ безумныхъ; не умъ, а только душа и жизнь, казалось, покидали ее, и еслибъ въ эти минуты кто приложилъ руку къ груди Анюты, сильное и учащенное біеніе ея сердца сказало бы, куда скрывалась эта жизнь, и гдѣ искала себя пріюта душа, осужденная на истому бездѣйствія.

Эти припадки, какъ называла ихъ мать Анюты, были непродолжительны; не слыша перваго зова, она вздрагивала при второмъ, и на третій отвѣчала совершенно-правильно съ прежней грустью и добротой въ лицѣ.

Но если случалось Анютѣ оставаться одной въ комнатѣ, или въ саду, гдѣ никто не тревожилъ ея забвенія, — взоры ея, сперва безчувственные, постепенно оживлялись выраженіемъ самаго сильнаго, страстнаго чувства, осанка становилась величественнѣе, губы раскрывались, и какъ Писия, исполнившаяся въ минутномъ одъепеніи духомъ сошедшаго въ нее божества, Анюта вся превращалась въ душу, въ мысль, и рѣчи, сперва тихія и несвязныя, извѣщались звучными стихами изъ ея груди.

Иногда дѣти и взрослые подслушивали ее, но ни дѣти, ни взрослые не понимали ея. Однажды только самъ управитель, притаивъ вечеромъ у кустарника, долго слушалъ, что говорила Анюта, и потомъ, махнувъ рукой, сказалъ:

— Такъ и есть; я зналъ, что этимъ кончится!

Съ той поры Анюта, не смотря на все невниманіе свое къ людямъ, не могла не замѣчать, какъ быстро мѣнялось обращеніе съ нею не только домашнихъ, даже постороннихъ ей особъ. Входила ль она въ комнату, — всѣ умолкали или продолжали разговоръ шопотомъ, указывая на нее; начинала ль она говорить, — ей пристально смотрѣли въ глаза, вслушивались въ каждое ея слово, и потомъ уже отвѣчали медленно, съ повтореніями, какъ отвѣчаютъ дѣтямъ, въ неуверенности, станетъ ли ихъ способностей на то, чтобы понять все, сказанное имъ. На улицѣ ее оглядывали съ любопытствомъ; многіе даже торопливо удалялись отъ нея, а мать, не покидая ея ни на минуту, безпрестанно крестила ее съ молитвами и слезами. «Что это значитъ?» спрашивала себя съ безпокойствомъ Анюта, напрасно ища отвѣта въ своей головѣ. «Что это значитъ?» спрашивала она иногда другихъ; но тогда одни пускались ее разувѣрять, что все это ей только чудится, а другіе, хуже еще, отвѣчали ей грубымъ смѣхомъ.

Десять разъ въ день бѣдняжка осматривала свою одежду, свою наружность; со страхомъ ошупывала свою голову, и, приводя въ поряд-

дожь свои мысли, перебирала ихъ со всей строгостью экзаминатора; но ни одна идея не путалась въ ея умѣ, ни одно воспоминаніе въ немъ не темнѣло; ея одежда была проста, но благопристойна. Въ недоумѣніи, Анюта бѣгала отъ людей, а люди чѣмъ рѣже встрѣчались съ нею, тѣмъ диче и страннѣе смотрѣли на нее.

Однажды, она вошла зачѣмъ-то въ комнату, отдѣленную отъ гостиной тонкою стѣною и съ трепетомъ остановилась: въ гостиной мать ея плакала навзрыдъ, а нѣсколько смѣшанныхъ голосовъ утѣшая ее, безпрестанно твердило: «тс... тише... ваша дочь можетъ войти... тогда все пропало!»

— Я это предвидѣлъ, говорилъ управитель съ важностью. — Покиньте ли, когда, предлагая вашей дочери мѣсто надзирательницы при монахъ дѣтяхъ, я требовалъ, чтобъ она оставила все книги и писанія? я тогда же сообщилъ вамъ свои опасенія насчетъ разстройства ея ума. Этотъ старый чудакъ, Гейльрейндъ, набивалъ ей отъ скуки голову всякимъ вздоромъ, а тамъ и самъ ужъ не зналъ, какъ поправить бѣду.

— Овъ-то и сгубилъ мое дитятко, промолвила всхлипывая мать Анюты.

— Учили бы ее просто русской грамотѣ да закону Божію, твердили голоса:—куда намъ гоняться за заморскими языками? Вотъ вамъ и ученіе, вотъ и книги...

— Да, впрочемъ, прервалъ ихъ голосъ узднаго гварка:—я слышалъ, что въ ней отъ дѣтства обнаруживались признаки безумія.

— Да, таки нѣчего грѣха таять, сказала опять старушка:—было у нея все что-то нелюдское въ головѣ; недаромъ сосѣди называли ее юродивою.

— Можетъ-быть, это прошло бы съ возрастомъ, продолжалъ управитель.—Но, какъ вы сами рассказывали мнѣ, Гейльрейндъ, видно съ-пьяна, вообразилъ себя въ ней какія-то удивительныя способности, позволялъ ей читать все безъ разбору, и наконецъ, замѣтивъ, что она помѣшалась на одномъ пунктѣ, вмѣсто того, чтобъ сообщить о томъ вамъ и господину-доктору, пустился потакать ей, увѣрять ее, будто посылаетъ все измаранные ею лоскутки бумаги въ Петербургъ, будто получаетъ оттуда отвѣты, похвалы, и Богъ-знаетъ что... Этвъ, пожалуй, и здоровую голову закружишь, нетолько больную.

— Гмъ... бываютъ случаи, когда противорѣчить безумнымъ опасно, замѣтилъ лекаръ.—Покойникъ зналъ немного медицину, и, можетъ-быть, потворствовалъ ей изъ опасенія, чтобъ ея безуміе не обратилось въ бѣшенство,—вѣдь этому мы видали много примѣровъ. Впрочемъ, я не нахожу еще никакой надобности удалять ее отсюда; вѣдь она помѣшана на одномъ пунктѣ, а о всемъ прочемъ разсуждаетъ хорошо, все понимаетъ ясно и даже исполняетъ свою обязан-

ноги, какъ-то-лучше. Если же отвезти ее въ городъ, въ домъ сумасшедшихъ...

— Ни за что, ни за что! завопила старушка: — она кормила меня, моя голубка, такъ теперь хожу подъ окнами стану руку протягивать, а сама присмотрю и прокормлю ее...

Анюта въ невыразимомъ ужасѣ отекнула отъ дверей.

— Домъ сумасшедшихъ! Безумная! гремяло у нея въ ушахъ. — Безумная отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ... Соседи, докторъ, мать, даже родная мать, все называютъ ее безумною... и, будто оцъ, ея покойный другъ, только изъ состраданія признавалъ въ ней даръ поэзія?... и будто могъ онъ такъ немилосердно ее обманывать?... Ея поэзія, ея небесный даръ—ложь, обманъ, звонки, которыми тышатъ дѣтей и— сумасшедшихъ! — Ночь, нѣтъ, это страшная клевета!.. Но кто же клеветаетъ? мать! Да и не грозилъ ли ей Гейльрейндъ на смертномъ одрѣ силою ея мечтательности?... И развѣ люди могутъ такъ долго, такъ грубо ошибаться?... И развѣ безумныя признаютъ себя когда-нибудь безумными?..

Эти идеи быстро молніи свѣдѣлись въ умъ Анюты. Дрожь какъ осенній листъ въ непогоду, она схватила себя за голову...

Да, такъ, голова ея горитъ, горитъ огнемъ... жизнь не бьется въ венахъ, а трепещутъ какъ напряженныя струны... въ глазахъ темно, въ груди тѣсно, что-то давитъ... что-то терзаетъ ее... А эти призраки, которые слѣдуютъ за нею днемъ и ночью? а эти звуки, рифмы, которые такъ часто тѣснятъ и разрываютъ ея голову; а эта мучительная тоска безъ всякой причины, эти порывы безъ цѣли, жгучія слезы, надежды,—несбыточнѣйшія изъ всякъ надеждъ... безуміе... безуміе!...

Но выпуская голову своей изъ рукъ, Анюта прыгнула въ садъ.

Когда хотѣли привести ее къ доктору для окончательнаго изслѣдованія болѣзни, напрасно искали ее въ комнатахъ, напрасно звали въ саду — Анюта исчезла.

Дневныя работы прервались въ деревнѣ ранѣе наканунѣ большаго праздника. После теплаго дня настала тихій весенній вечеръ: ясно было небо, ярко горѣло солнце на западѣ, и пригосианія, какъ два скрещенные луча, блистала золотой крестъ на куполѣ Божьяго храма; колоколъ звонилъ ко всенощной. Народъ, возвращаясь съ полей, толпился вдоль улицы, слыша скорѣе нечистыя труды и заботы дневныя; опоздавшія старушки торопливо шли въ церковь; дѣти шумно играли подъ колокольней, на крыльцѣ, когда вдали показалась Анюта: лицо ея было блѣдно, черты неподвижны, какъ въ мраморномъ изваяніи, или въ трунѣ, котораго смерть не увидѣла еще обезобразить печатью своего дѣланнаго безчувствія; на живое страданіе, а гнѣвъ только желѣзнякъ, смертныхъ мукъ выражалась на этомъ

блудномъ лѣтѣ, вѣ въ вѣлобахъ, упадавшихъ на него въ безпорядкѣ, были разсыяны остатки листьевъ, травъ и бѣлыхъ вишневыхъ пѣвотъ, какъ у ребенка, который долго скрывался подъ кустами, въ одеждѣ измятой, даже мѣстами изорванной, безчувственно опустивъ голову и руки, она шла одна, медленно, боязливо избѣгала сближенія съ людьми, не поглядывала глазъ на проходящихъ; но видно вѣсть о ея безуміи равнеслась уже межъ поселянъ, потому-что, встрѣчаясь съ нею, они не кланялись, какъ прежде, а осматривая ее съ головы до ногъ, указывали на нее съсѣдямъ; многіе даже смѣялись исподтишка; только женщины качали головой и съ состраданіемъ твердили на своемъ нарѣчій: *сербичина!*

Анюта вздрагивала и шла dalje.

У колокольной дѣти, завидувъ ее, съ крикомъ бросились въ сторону;—она еще разъ вздрогнула и прошла мимо. Въ церкви, всѣ разступились передъ нею, всѣ видимо боялись ея сосѣдства; она ушла далеко, заблудясь въ самый темный уголокъ, и тамъ, упавъ на колѣни, въ первый разъ подняла глаза: взоръ ея дико блеснулъ изъ-подъ опухшихъ вѣкъ выраженіемъ ужаса и отчаянія...

Священникъ служилъ всеношную; однообразный голосъ дѣлалъ вторилъ молитвамъ его съ шипрота, и всѣ хранили глубокое молчаніе. Смерклося; куряніе свѣчъ послышалось густыми облаками по церкви; красныя, дрожащія огоньки свѣчъ мерцали безъ блеска; при этомъ сіяніи двухъ слабыхъ свѣтовъ, темная живопись оковъ принимала самыя чудныя формы. Анюта хотѣла молиться, и не могла вызвать изъ памяти словъ молитвы, которую наканунѣ еще твердила съ такимъ усердіемъ; желала хотѣ сердцемъ вознестись къ Господу, но не нашла въ груди своей ни одного живаго чувства; даже языкъ ея, будто омертвѣлый, не шевелился во рту, и руки отказывались творить знаменіе креста. Стоя на колѣняхъ, безъ всякаго движенія, Анюта вперила взоръ въ изображенія святыхъ, и мало-по-малу мракъ смѣнился передъ ней летающими искрами, краски и формы заперестрѣли въ ея глазахъ, предметы быстро надвигались, закружились, самыя стѣны храма заколебались надъ ней, и сотни глазъ сверху, снизу, со всѣхъ сторонъ начали метать въ нее суровыя, грозныя взгляды, какъ будто и нитъ былъ также противень видъ ея... Трепеща отъ ужаса, она пыталась бѣжать и не можетъ рвануться съ мѣста; какъ въ страшномъ видѣніи сна, всѣ члены ея кажутся скованными, всѣ усиія ея груди не производятъ даже слабаго стопа... И вдругъ, будто съ небесъ снисходятъ къ ней слова: «отвратишь лицо и возмзнутъся, стынешь духъ и исчезнутъ...» Анюта встрепенулась: ей послышалось въ этомъ стихѣ пророческое истолкованіе судьбы ея и предреченіе всей ея будущности. Не отъ нея ли отвратилъ Господь лицо свое и не потому ли возстали противъ нея люди?.. Остывшая кровь

хлынула горячею струею къ сердцу, и благодѣтельныя слезы снова оросили лицо ея.

— Господи! произнесла она въ samozабвеніи, подымая руки и взоры къ небесамъ.—Творецъ милостивый! ты знаешь, сколько страдала я, ты видишь какъ я страдаю, не отвращай же хоть ты отъ меня лица своего и научи, вразуми, какъ разсѣять эти страшныя обвиненія, или затми до конца разсудокъ мой и окамени во мнѣ сердце!...

Въ изступленіи, не помня себя, Аняота говорила громко; народъ столпился вокругъ, но, ничего не замѣчая, она продолжала съ возрастающимъ жаромъ:

— Если я провинилась передъ тобой, помыслила о славѣ и радостяхъ земныхъ, не наказана ли я за то моимъ ничтожествомъ, нуждою, голодомъ, болѣзнями?.. Да минуетъ же меня хоть эта горькая чаша... Избавь, о Боже мой, избавь меня отъ поруганія людей, и призови къ себѣ... скорѣе... Ты видишь, Господи, ослабло тѣло мое... изныла душа... нѣтъ больше силъ... нѣтъ больше слезъ... Пора, пора!...

Кровь хлынула у нея изъ горла; она въ безчувствіи упала на каменный помостъ, и въ ту самую минуту, какъ-бы окончивая ея молитву, въ церкви раздалось пѣніе: «изведи изъ темницы душу мою.»

Анюту принесли домой въ глубокомъ обморокѣ.

Съ того вечера зародышъ смерти быстро развивался въ груди молодой дѣвушки; она чувствовала приближеніе желаннаго конца и сдѣлалась спокойнѣе. Ея помышленія отдѣлялись отъ всего земнаго, душа уже отражала въ себѣ вѣчность и порывы ея смирлись, духъ утишился, прояснился,—и люди, смотря на нее, шептали: «выздоровливаетъ!...»

— Но она выздоровѣетъ... Докторъ, ради Бога, спасите ее... сказала графиня, тронутая до глубины души.

— Сомнѣваюсь, чтобъ медицинскія пособія могли возвратить ее свѣту.

— Ну, такъ спокойствіе, выгоды жизни, перемѣна мѣста и наше участіе, наша дружба...

— Да, въ ея положеніи эти лекарства будутъ дѣйствительнѣе...

—Такъ подите же къ ней, докторъ, подите скорѣе, скажите ей...

— Завтра, графиня, завтра: теперь я только встревожу ее и усилю въ ней лихорадочное раздраженіе.

— О, завтра я непременно сама увижусь съ ней!...

—Какъ вы добры, графиня! сказала я, сжимая ея руку, и спросила доктора, видѣлъ ли онъ свою пациентку послѣ этого печальнаго открытія.

—Сегодня утромъ, я взялъ, отвѣчалъ докторъ:—извините, графиня, безъ вашего позволенія,—взялъ изъ библіотеки нѣсколько книгъ, которыя наиболѣе любила Аня, и пошелъ къ ней. Разспросивъ ее о здоровьѣ, я сказалъ, что совѣтовалъ бы ей какое-нибудь умственное развлеченіе и положилъ книги передъ нею на столъ. Надобно было видѣть ее въ эту минуту!.. Искры брызнули у нея изъ глазъ; она вся задрожала, бросилась къ книгамъ, но въ ту же минуту оттолкнувъ ихъ отъ себя, прошептала: «Я поклялась не дотрогиваться до нихъ!» Тогда, призвавъ ее мать и управителя, я заставилъ ихъ разрѣшить вынужденную у нея клятву. Бѣдняжка схватила мою руку, благодарила меня, какъ-будто я возвратилъ ей весь сокровища міра, и послѣ этого, въ первый разъ, долго и откровенно разговаривала со мною. Какой умъ, графиня, какія познанія, какой живой и пламенный языкъ!.. И все это люди подрыли въ самомъ основаніи, все сгубили, все уничтожили...

— Мы поправимъ ихъ невѣжество, мы спасемъ ее!...

— Дай Богъ! произнесъ докторъ съ грустнымъ сомнѣніемъ.

Привезенные съ почты письма и журналы прервали разговоръ нашъ.

ГЛАВА VIII.

Des sentiments, des pensées peut-être nobles, peut-être fécondes s'éteignent avec moi, et, de toutes les facultés de l'ame que je tiens de la nature celle de souffrir est la seule que j'ai exercée toute entière.

Corinne, M-me de Stael.

На другой день, мы условились послать къ Аня доктору предвѣстникомъ нашего посвещенія; по словамъ его, она была въ такомъ положеніи, что внезапная радость, какъ и горе, могла бы убить ее.

Не безъ сердечнаго трепета я вошла въ домъ управителя: надежда спасти несчастную дѣвушку и боязнь увидѣть ее на смертномъ одрѣ сильно волновали меня, — графиня раздѣляла мои ощущенія. Докторъ отворилъ намъ дверь, и мы вошли въ комнату Аняты.

Она сидѣла на кровати, прислонясь спиною къ подушкамъ; кровь еще жарче горѣла въ ея щекахъ; расширенные зрачки блистали еще сильнѣе, чѣмъ въ то утро, когда я встрѣтила ее въ саду: сухія губы казались двумя яркими кораллами, — я съ ужасомъ замѣтила, какіе страшные успѣхи сдѣлала ея болѣзнь.

Анята смутилась при нашемъ появленіи, хотѣла встать, но не могла и только привѣтствовала насъ едва внятнымъ голосомъ.

Графиня села подле нея, осыпала ласками и съ невыразимою добротю начала говорить съ ней о ея здоровьѣ, о ея склонностяхъ, общала обезпечить ея участь, предлагала ей, по ея выздоровленіи, увезти ее изъ той страны и быть ей другомъ, матерью и своею, любовью загладить всѣ несправедливости судьбы противъ нея...

Анюта слушала графиню съ робостью, даже какъ-будто съ недо-вѣрчивостью; иногда благодарила ее тихимъ склоненіемъ головы, но чаще, озираясь во всѣ стороны, ощупывала съ болѣзненнымъ безпокойствомъ лобъ свой.

Чтобъ ободрить ее, графиня вздумала описывать ей край, въ кото-рый манила ее съ собою, и живо представила ей картины южнаго бе-рега, его гранитную стѣну, его дикіе утесы, села, растеряныя надъ моремъ въ цвѣтущихъ садахъ, и роскошь южныхъ ночей, и прелесть свѣтлаго неба...

Анюта подняла свои влажные глаза., сложила руки на колѣняхъ и съ жадностью стала вслушиваться въ ея описаніа. Оттѣнокъ недо-вѣрчивости разсѣивался на ея лицѣ.

Тогда, пользуясь этимъ вниманіемъ, графиня незамѣтно перешла отъ красотъ природы къ красотамъ поэзіи; съ удивительною живо-стью касалась лучшихъ произведеній нашего вѣка и, растревоживъ чувствительнѣйшія струны сердца дѣвушки, опять обратилась къ ея собственному таланту, убѣждала ее ободриться, вѣрить дружбѣ ея, вѣ-рить въ будущее, а въ настоящемъ заботиться только о своемъ вы-здоровленіи.

Потупивъ глаза, полные слезъ, Анюта долго слушала ее въ молча-ніи, но наконецъ, увлеченная своими сомнѣніями и сильной внутрен-ней борьбой, прервала ее дрожащимъ и вмѣстѣ умоляющимъ голо-сомъ:

— Вы такъ добры, такъ милостивы, графиня! Но... если все это... Бога ради... не обманывайте меня!.. если всѣ эти обещанія... толь-ко средства къ излеченію моей головы... сжадитесь надъ моимъ бѣд-нымъ сердцемъ, графиня... Послѣ такого леченія... выздоровленіе отравитъ мою жизнь...

И она съ жаркими слезами упала лицомъ на подушку...

— Боже мой, какъ эти люди измучили ее, докторъ! сказала гра-финя, обращаясь къ нему:—выведите эту несчастную идею о помѣ-шательствѣ изъ ея ума и помогите мнѣ увѣрить ее въ искренности моихъ обещаній... Бѣдное дитя! сказала она опять Анютѣ:—чѣмъ мнѣ доказать вамъ... какъ васъ заставить вѣрить?.. Взгляните на меня, разве такъ обманываютъ? и не-уже-ли вы не узнаете голоса самыхъ искреннихъ чувствъ? Узнавъ о вашихъ страданіяхъ, о вашемъ серд-цѣ и умѣ, я поклялась назвать васъ своею дочерью — и, исполню клятву, Богъ свидѣтель въ томъ. Ободритесь же, вѣрнитесь мнѣ, за-

будьте подозрѣніе этихъ людей и простите ихъ: они не знали, что дѣлали... Со мною, вы переродитесь къ другой жизни; я перенесу васъ въ иной свѣтъ, къ инымъ людямъ,—тамъ вы найдете сочувствіе и дружбу, тамъ станете свободно слѣдовать своему призванію, и порывовъ вашего вдохновенія никто болѣе не назоветъ безуміемъ.

— Графиня, провзнесла Аюта колеблясь, какъ-будто, на рубежъ свѣта и тмы, мысль ея невольно оглядывалась на прошедшее:—графиня... Вы добры... но люди... но общество... нѣтъ, нѣтъ! тамъ такъ же, какъ и здѣсь, оттолкнуть меня съ презрѣніемъ...

— Не вѣрьте этому, не вѣрьте! прервала ее графиня: — поэты часто клеветаютъ на людей, не понимая правъ своихъ и заблуждаясь въ своихъ требованіяхъ; многіе изъ нихъ видятъ своими талантами земныхъ почестей, поклоненій и громкихъ похвалъ, тогда какъ ихъ владычество незримо, ихъ пѣсни пробуждаютъ самые слабые отголоски въ уединеніи, имъ поклоняются тайною слезою, тайными наслажденіемъ, и самыя лестныя похвалы для нихъ создаются не въ толпѣ, а въ сердцахъ людей... Мнѣ понятна ваша недоувѣрчивость, мой милый другъ: вы много страдали, но частіе разговить въ васъ все подозрѣніе и вы опять полюбите жизнь и людей.

— Графиня права, сказалъ докторъ: — у насъ умѣютъ ценить таланты; не далѣе вѣкъ възра я нашелъ доказательство тому въ одномъ изъ нашихъ журналовъ; этотъ *М*, кажется, и теперь со мною.

Онъ вынулъ изъ кармана журналъ и прочелъ вслухъ громкую, великодушную похвалу стикетворенію, помѣщенную въ томъ же журналѣ. Имя автора было неизвѣстно, но его просили дарить почаще публику произведеніями столь замѣчательнаго таланта, который силой и легкостью стиховъ, малочностью выраженія, оригинальностью идей и теплымъ, глубокимъ чувствомъ привлекалъ къ себѣ вниманіе и удивленіе всѣхъ любителей поэзіи.

— Видите ли, мой другъ, сказала графиня Аютѣ:—истинный талантъ всегда высоко ценится въ просвѣщенныхъ обществахъ...

— Да, истинный... но былъ ли у меня талантъ?.. Я прежде върила... Теперь же... говорятъ, меня обманывали изъ снисхожденія...

Аюта опустила голову, но черезъ минуту, поднимаясь всѣмъ теломъ, сказала съ пылкостью:

— Графиня, докторъ, ради самого неба, скажите: и прежде, какъ теперь, я никогда не была безумною?.. И минуты моего забвенія, жаръ головы и трепетъ сердца, и мои свѣтлыя, очаровательныя видѣнія, все, все это было дѣйствіемъ вдохновенія, а не разстроеннаго ума?.. Скажите, скажите правду... Не шадите меня!..

— Успокойтесь, оглашая ея докторъ съ улыбкою:—сильныя движенія кратковременны.—Въ васъ не было и признаковъ безумія, я сто разъ увѣрялъ васъ въ томъ. А что въ минуты вдохновенія можно ви-

дѣть цѣлый рой видѣній и призраковъ, это доказываетъ также поэтъ, прославленный въ этомъ журналѣ.— Не угодно ли послушать?

Онъ началъ читать...

— Что это? что вы читаете?.. вскричала Анята въ себя, прыгнувъ съ постели, и вырвала у него журналъ: но лишь взглянула на первую страницу, какъ онъ выпалъ изъ ея рукъ, всѣ фибры ея вострепнулись, новая жизнь взъиграла въ ней, съ неземнымъ одушевленіемъ она начала говорить наизусть стихи, расхваленные въ журналѣ, и голосъ ея, прежде дрожащій и слабый, вдругъ сдѣлался звучнымъ, сильнымъ и сладостнымъ, какъ тонъ платиновой струны.

Мы съ удивленіемъ смотрѣли на преобразившуюся дѣвушку; мнѣ показалось, будто я слышу послѣднюю пѣсню лебедя.

Едва Анята умолкла, графиня бросилась обвинять ее.

— И съ этимъ талантомъ ты сомнѣвалась въ себя?.. И эту силу вдохновенія называли въ тебѣ безуміемъ?.. Но все прошло, мой милый другъ; ты видишь теперь, внутреннее чувство тебя не обмануло; небо послало тебѣ прекрасный даръ, и въ дополненіе посылаетъ еще друга... Живи же для счастья, для славы, на радость себѣ и своимъ друзьямъ...

Анята едва слышала ея слова; еще полная вдохновенія, она пылала, жадно впитывала въ себя воздухъ и съ радостнымъ трепетомъ смотрѣла вокругъ, какъ слѣпецъ, который послѣ долгой, черной ночи опять проглянулъ на Божій свѣтъ.

— Нѣтъ, не безуміе... твердила она въ восторженномъ самозабвеніи, прижимая руки то къ сердцу, то къ головѣ:— не безуміе и не сонъ... Все ясно, чисто, свѣтло... Я опять здорова, счастлива... Да, у меня есть счастье, спокойствіе, слава, друзья... и моя поэзія... мой чудный, небесный даръ... Такъ давайте жь жизнь... Я хочу жить... Жизнь и мое перо... мою бумагу,— у меня все откали, заставили все сжечь... Но я создамъ опять... Скорѣе же, перо и жизнь... У меня есть счастье... есть друзья... есть даръ... Скорѣе... скорѣе...

Но вдругъ лицо ея помертвѣло, она упала на подушки и не звукомъ голоса, а вздохомъ вылетѣла изъ ея груди:— поздно!

Докторъ просилъ насъ удалиться.

Когда, на слѣдующій день, мы снова навѣстили Аняту, она лежала въ совершенномъ изнеможеніи: ни на лицѣ ея, ни въ душѣ не сохранилось слѣда ея вчерашнихъ восторговъ. Она поняла свое положеніе.

Я пыталась еще оживить ее надеждою, но она отвѣчала мнѣ однимъ пожатіемъ руки и отрицательно покачала головою.

Графиня просила ее сказать, не можетъ ли она для нея чего сдѣлать?
— Спасти мать мою отъ нищеты.

— Но для васъ собственно?

— Для меня?.. О, да!.. много... много...

Она остановилась и взглянула на графиню робко и умильно, какъ дитя, которое не смѣетъ выразить своего желанья.

— Что же?..

— Позвольте мнѣ еще разъ... услышать ваше пѣніе.

Въ тотъ же день арфу отнесли къ Анютѣ, и графиня два вечера сряду пѣла въ ея комнату.

На третій вечеръ, больная сама прислала просить насъ къ себѣ; мы пошли вмѣстѣ съ докторомъ.

Ея кровать стояла уже не у стѣны, а поперегъ комнаты у раствореннаго окна. Анюта сидѣла на постели, поддерживаемая матерью, и задумчиво смотрѣла вдаль. Тихо было въ домѣ, тихо въ окрестностяхъ; только птички щебетали въ кустарникахъ подъ самымъ окномъ и, иногда перепархивая на карнизы, весело заглядывали въ комнату, будто чувствуя, что въ ней нѣкому было имъ сдѣлать зла. Ни одна туча не плыла подъ небесами, ни одно вѣянье не проносило надъ землей; струи не рябили озера; дымъ, вылетая изъ трубъ, извивался легкими, прозрачными колоннами подъ синій сводъ, и деревья въ саду стояли не-колышась, какъ-бы изъ боязни разронять свои желтые листья. Въ сторонѣ, скирды хлѣба, увитыя дикимъ хмѣлемъ, уже набрасывали свои темные силуэты на землю; вечернія тѣни сгущались, росли,—но на западѣ еще горѣло солнце и его длинныя, великолѣпныя лучи, обливая все яркимъ свѣтомъ, отражались въ озерѣ со всеми отблесками своихъ предзакатныхъ облаковъ. Далеко, на этихъ прозрачныхъ водахъ, челнокъ, едва замѣтный межъ камышомъ, качался, какъ прежде, привязанный къ берегу; но изъ него никто уже не заглядывалъ въ глубь...

Анюта протянула графинѣ руку, до того исхудавшую, что мнѣ показалось, будто свѣтъ солнечный свѣтился сквозь нее. Лицо ея было совершенно-спокойно, только въ глазахъ проглядывала грусть.

— Графиня, сказала она:—простите, мнѣ хотѣлось еще разъ васъ видѣть и поблагодарить за послѣдніе отрадныя часы моей жизни...

— Къ-чему безпрестанно думать о смерти, Анюта?..

— Я уже не думаю о ней, а слышу, чувствую ее здѣсь... (она указала на грудь).—Не утѣшайте меня напрасною надеждою, графиня, я и безъ того спокойна. Вы сняли горькое сомнѣніе съ души моей, вы примирили меня съ людьми, ваше пѣніе дало мнѣ понятіе о хорахъ небожителей, а ваша доброта укрѣпила во мнѣ вѣру въ благодать Творца... Благодарю васъ, графиня, благодарю...

Она опять устремила глаза въ окно, задумалась и, помолчавъ, прошептала, будто говоря съ собою:

— О, какъ прекрасенъ Божій міръ!.. въ немъ есть солнце, счастье,

цвѣтушіе края, есть любовь и спокойствіе; есть люди—ангелы,—но все это было не для меня... Поздно!..

На рѣсницахъ ея блеснули слезы; она обратилась къ намъ.

— Какъ долго, кажется, жила я, а только восемнадцать лѣтъ!.. Какъ будто жаль... земное счастье такъ заманчиво... И здѣсь было такъ много, сказала она, прижимая руку ко лбу: — хотѣлось высказать...

— Да, много... и въ сердцѣ тоже; да все только для страдающаго; у меня какъ-будто не было чувствъ для радости, — и счастье не ужилось бы здѣсь со мною... Видно, мое счастье нарочно оставили тамъ, зная, что, погостивъ съ минуту въ міръ, я скоро возвращусь туда... Такъ о чемъ же мнѣ жалеть еще на землѣ?..

Она подняла глаза къ небу; по движенію ея губъ замѣтно было, что она молилась.

Солнце начало садиться; его послѣдніе лучи разлили яркій розовый свѣтъ по горизонту. Аня оживилась, съ любовью прильнула къ нему взорами, и не сводила съ него глазъ...

Солнце опускалось все ниже; верхнія облака сгустились и осливались въ одну темную массу, въ то время, какъ нижнія, еще свѣтлыя и прозрачныя, красовались золотою оттушиною; но и эта кайма со всякой минутой теряла блескъ свой, блѣднѣла и исчезала, — вскорѣ докторъ всерьезъ и потухла...

Я взглянула на Аnię, — она сидѣла все еще устремивъ глаза на западъ, но эти глаза не различали уже ни неба ни земли...

Докторъ ввѣлъ ее за руку, приложилъ перо къ ея губамъ и значительно потрясъ головою. Мать прежде всѣхъ поняла его знакъ, нѣсколько разъ перекрестилась и, закрывъ собственными руками въ знакъ своей дочери, съ рыданіемъ припала къ ногамъ ея.....

ГЛАВА IX.

Rien n'a souillé ta main ni ton coeur dans ce monde
Où chacun court, se hâte, et forge, et erie, et grande.
A peine tu révas!

Victor Hugo.

Недѣлю спустя, дорожные экипажи подъѣхали къ крыльцу; мы взглянули въ послѣдній разъ на домикъ, въ которомъ отошла страдалица, и съ грустными воспоминаніями покинули село.

Когда карета выѣхала на поле, я невольно выглянула въ окно; по лѣвую сторону дороги возвышался курганъ, и на немъ, надъ свѣжею могилою, уже стоялъ новый, деревянный крестъ...

Кругомъ все было пусто; безкомельною равниною раскидывалась степь; желтая, изсохшая трава едва покрывала землю; тучи задерживались небо, и вѣтеръ съ шумомъ и воемъ гулялъ въ открытомъ по-

ль. Высоко, подъ облаками, летѣла стая журавлей; они съ такими радостными криками перегоняли одинъ другаго, такъ весело спѣшили на югъ, какъ-будто тамъ только ждало ихъ счастье, а горькая неволя гналась за ними по слѣдамъ... И вдругъ бѣлое, изсохшее перекати-поле сорвалось съ корня, закружилось и, одинокое, понеслось сроткою по тому же направленію.—Вѣтеръ кидалъ его во всѣ стороны, вздымалъ, кружилъ, ронялъ на землю, но оно все катилось да катилось за стаяй вольныхъ журавлей, и, порою цѣпляясь въ ковыль, такъ жалобно металось и рвалось, будто неодолимая, таинственная сила влекла его по этому пути... Новихрь снова поднялъ его, взнесъ высоко надъ землей, закружилъ, поштралъ имъ минуты двѣ и бросилъ на курганъ... Случайно упавъ ца сѣжную могилу, оно застрѣло подъ новымъ крестомъ... журавли понеслись далѣе и скрылись въ облакахъ...

То была послѣдняя картина, которую мои недавнія воспоминапія представили мнѣ. Съ-тѣхъ-поръ предметы быстро измѣнялись; во-кругъ степь бѣжала отъ насъ, какъ наши крылатые спутники, и мы спѣшили на югъ... Я очнулась отъ забвенія, подняла голову... Нашъ экипажъ все также медленно двигался по глубокому песку; вправо шумѣло море, влѣво снѣжную равниную бѣгала кора соляныхъ озеръ; сумракъ сгущался, вѣтеръ дулъ сильнѣе, и въ мертвой тишинѣ только птицы морскія пробуждали рѣзкими криками отголосокъ пустыни.

ЛЕНЕНДА Р-ВА.

ПѢСНЯ ЛАУРЫ.

Не знаете ль, гдѣ милый,
Гдѣ другъ мой удалой —
Повѣса изъ Севиллы,
Съ курчавой головой?

Мой другъ — краса Мадрита,
Боецъ — всегда съ мечомъ,
Гидадьгъ, плащомъ покрытый,
Съ гитарой подъ окномъ.

Когда жь раздастся топотъ
Серебряныхъ подковъ,
Твой громкій смѣхъ и шопотъ
И звукъ твоихъ шаговъ?

О! вѣрно, гдѣ у донны...
О, встрѣнникъ Жуанъ! —
Какъ душно на балконѣ!
Какъ скучно бѣтъ фонтанъ!

Не видѣли ль вы бѣса?
Онъ другъ мой удалой,
Отъявленный повѣса,
Съ курчавой головой.

В. КРАСОВЪ.

ПОХИЩЕНІЕ.

Конь мой ржотъ и бѣтъ копытомъ...
Мнѣ напомнилъ онъ о ней —
О блаженствѣ позабытомъ
Быстрыхъ, пламенныхъ очей.

Ахъ, пора, пора быдала!
 Миѣ не спится... ночь глухая...
 Душо мѣя — и вскрикнулъ я:
 «Эй! сѣдлайте мѣя коня!
 Спите сами, если спите,
 А мѣя дома не сидится.»

Стали тучи надъ луною,
 Дремятъ блѣдныя поля;
 Скачеть, скачеть предо мною
 Тѣнь огромная моя.
 Дѣсь какъ-будто спомъ забылся —
 Хоть бы листъ зашевелился...
 Я на гриву легъ лицомъ,
 Осѣнилъ себя крестомъ.
 Тихомолкомъ поспѣваю,
 Да бывшее вспоминаю..

Вотъ и домикъ — стукъ въ окошко...
 — Ты ли, милый? — Встань, душа;
 Поболтай со мной немножко
 Какъ въ бывалые годѣ.
 Если жъ хочешь, молви слово:
 Дома комната готова;
 Ночь туманна и темна —
 Лошадь добрая сильна;
 Посмѣмся и поплачемъ —
 Хоть поплачемъ, да ускоримъ!»

Дверь скрипнула... Милый, милый,
 Наконецъ вернулся ты!
 Иль узналъ, что разлучили
 Насъ съ тобою клеветы?
 Я невинна... — Ахъ, не знаю!
 За тобой я прѣзжаю;
 Ты виновна или вѣтъ —
 Безъ тебя мѣя тошень свѣтъ...
 И забыть тебя старался,
 Думалъ, думалъ — да прижился.

Какъ она была прекрасна!...
 Мы пустились въ дальній путь...
 Какъ она склонялась страстно
 Головой ко мѣя на грудь!
 Я берегъ ее такъ важно —
 Сердце билось такъ мятежно...
 Все такъ тихо, чудно спать —
 Лошадь весело бѣжить;
 И, какъ вѣтра слабый ропотъ,
 Милыхъ словъ я слышу шопотъ:

• Безъ тебя меня родные
 Выдать замужъ собрались.
 Я рыдала... Братья злые
 Погубить меня влялись.
 Какъ тебя я дождалась!
 Жениха какъ я боялась!
 Вдругъ привстанеть, да звѣнѣтъ,
 Бѣлымъ усомъ поведеть,
 Щеки толстыя надуеть,
 Подойдетъ, да поцалуеть... •

Я дыханьемъ грѣлъ ей руки,
 Цаловалъ ее въ глаза:
 • Позабудь бывшия муки
 И былого жениха!
 Разочтутся съ нимъ родные...
 А усы его свѣдые
 Срѣжу шашкою кривой
 Визстѣ съ глупой головой!
 Сторожъ — сторожъ, отворай-ка!
 Къ вамъ прѣехала хозяйка. •

Т. Л.

ПОДРАЖАНІЕ ВОСТОЧНОМУ.

• Отопри мнѣ, голубица!
 Выйди, добрая моя!
 Отопри, моя царица —
 Совершенная моя!

Ужь ланиты молодыя
 Упитались росой,
 И съ кудрей моихъ ночныхъ
 Капли падаютъ струей. •

— Я одежды ужъ сложила;
 Какъ же вновь я облечусь?
 Братъ мой! ноги я умыла,
 Какъ я съ ложа подымусь?

Но рука меня искала
 Неотступная во тмѣ...
 О! какъ вся затрепетала
 Я въ снитеньи и во снѣ!

Дверь для брата мной отверста...
 То возлюбленный мой братъ!
 Полны мирра мои персты,
 Съ ручекъ каплетъ аромать.

И полна благоуханья,
 Я подъ снь его ввела, —
 И горя, въ его лобзанье
 Вся душа моя прешла!

В. КРАСОВЪ:

УМИРАЮЩІЙ КЛЕФТЪ.

(Нѣск. новгородская.)

Бросься въ море! кинься смѣло!
 Веслъ въ замѣну — двѣ руки!
 Какъ ладя, скользнить пусть тѣло;
 Грудью мощной и дебелой
 Волнъ пучину разсѣки!
 Если Богъ и Пресвятая
 Путь пловца благословятъ;
 Если берегъ роднаго края
 Очи свѣтлыя узрятъ;
 Если вновь въ стоянкѣ нашей
 Будешь ты, о милый братъ,
 Гдѣ совѣтъ былъ съ звономъ чашей,
 Гдѣ ваклали мы козлять, —
 Снова чаши вокругъ заносить,
 Снова пирь начнуть друзья,
 И тебя, быть можетъ, спросить:
 • Гдѣ? здоровъ остался ль я? •
 Скрой, какъ, бѣдный, я томился,
 Промолчи про смерть мою;
 Но скажи имъ: я женился
 Въ грустномъ, чуждомъ мнѣ краю.
 Взялъ я въ тещи — камень гладкой,
 Взялъ въ зятя — песокъ рѣчной,
 И съ женой обнялся сладко,
 Да, съ женой — землей сырой!

ОЗНОВИШИНЪ.

НОЧНОЙ ТОВАРИЩЪ.

Въ чистомъ полѣ что есть силы,
Скачетъ конь мой вороной.
Все кругомъ какъ-бы въ мognиѣ,
Полю мертвой тишиной.

Въ чистомъ полѣ, на просторѣ,
Мчусь я съ пѣснью удалой.
Кто-то — слышу — въ темномъ борѣ
Переключнулся со мной...

Полночь было; въ темной дышкѣ
Полумѣсяцъ молодой.
Чую: кто-то невидимкой
Скачетъ объ-руку со мной...

В. КРАСОВЪ.

МАРГАРИТА.

(Романъ Фредерика Сульв.)

1.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ одной изъ парижскихъ улицъ, Rue Neuve des Mathurins, тянулся рядъ довольно-обширныхъ строений, которыя нельзя было, однакожъ, назвать ни отелями, ни домами. То были пять или шесть отдѣльныхъ домиковъ, изъ которыхъ къ каждому примыкала садъ и которыя все имѣли одинъ общій садъ, гдѣ помѣщались конюшни и сараи. Въ огромныхъ домахъ большихъ городовъ, гдѣ живутъ иногда до двадцати постояльцевъ, люди эти бываютъ обыкновенно совершенно чужды другъ другу и часто не знаютъ даже имени своихъ сосѣдей; этого не было въ домикахъ, о которыхъ мы говоримъ и въ которыхъ разыгралась драма, сообщаемая нами читателямъ. Каждый изъ домиковъ былъ занятъ только однимъ семействомъ; окна ихъ были невысоки, а сады открыты для любопытныхъ взоровъ всякаго, у кого только было желаніе заглянуть туда.

Въ одномъ изъ такихъ домиковъ жилъ г. Моранси, въ другомъ — г. Шамбель. Моранси, называвшій себя графомъ де-Моранси, былъ человекъ лѣтъ шестидесяти, маленькаго роста, съ огромною головою. Не знаю, могъ ли г. де-Моранси похвалиться настоящимъ, стариннымъ дворянствомъ, но въ исторіи его семейства былъ процессъ, который могъ возбудить нѣкоторое по этому предмету подозрѣніе. Фамилія г. Моранси происходила изъ Оверни, гдѣ, въ концѣ семнадцатаго столѣтія, владѣла она обширными помѣстьями.

Въ одномъ изъ этихъ помѣстій находилась довольно большая возвышенность, называвшаяся Мон-Фукъ (Mont Fouque); какой-то предокъ г-на де-Моранси выстроилъ на ней небольшой замокъ съ рвами и подъемными мостами и вздумалъ лишить эту возвышенность прежняго ея имени, давъ ей названіе Моранси, такъ-что она, вмѣсто Мон-Фукъ, стала называться Мон-Моранси. На всѣхъ дорогахъ и тропицахъ, которыя вели къ замку, графъ де-Моранси приказалъ наставить столбы съ надписью: «Дорога въ Мон-Моранси»; въ послѣдствіи, когда надписи эти стерлись и когда ихъ нужно было воз-

обновить, онъ сдѣлались уже не Мон-Моранси, а *Монжоранси*, и черезъ пятнадцать лѣтъ всѣ стали называть владѣтеля замка не г. де-Моранси, а графомъ де-Монморанси. Въ такомъ положеніи оставались дѣла еще лѣтъ двѣнадцать, какъ однимъ настоящій Монморанси, проѣзжавшій чрезъ эту страну, былъ чрезвычайно удивленъ, найдя тамъ отрасль своей фамилии, существованіе которой никогда даже не подозрѣвалъ. Онъ сталъ развѣдывать, узналъ всю истину и завелъ процессъ съ г-мъ Моранси, требуя, чтобъ тотъ оставилъ имя, которое принадлежало только ему одному. Такъ-какъ вся претензія г-на де-Монморанси ограничивалась этимъ требованіемъ, то Риомскій Парламентъ не сталъ требовать отъ самозванца доказательствъ на его графское достоинство и рѣшилъ, въ январь 1721 года, чтобъ онъ оставилъ имя и гербъ фамилии, къ которой не принадлежалъ.

Все это надѣлало въ провинціи много шума и подало поводъ къ разнымъ толкамъ и развѣдываніямъ о настоящемъ происхожденіи Моранси. Къ-счастью, нашъ дворянинъ-самозванецъ былъ очень богатъ и имѣлъ очень хорошенъкую жену, чрезвычайно-ласковую и пріятливую; шумъ и толки мало-по-малу затихли, и онъ удержалъ свой графскій титулъ. Этотъ титулъ передалъ онъ длинному ряду потомковъ, изъ которыхъ ни одинъ не придалъ ему особеннаго блеска, и потому никто не думалъ его оспаривать. Потомки хлопотали только объ одномъ — какъ бы расточить огромное состояніе своихъ предковъ, и дѣйствовали въ этомъ отношеніи такъ усердно, что съ наступленіемъ революціи, Моранси, о которомъ говоримъ мы и котораго отецъ эмигрировалъ, былъ лишенъ наслѣдія своего, состоявшаго изъ двѣнадцати или пятнадцати тысячъ ливровъ дохода и изъ пятисотъ или шестисотъ тысячъ долга. Это не помѣшало, однакоже, ему, въ 1814 году, быть признаннымъ за жертву революціонныхъ ужасовъ и получить, въ видъ возмездія за понесенные убытки, около четырехсотъ тысячъ франковъ.

Надобно сказать, однакожь, что г. де-Моранси вполне заслужилъ такую милость своею неограниченною преданностію къ старшей линіи бургунскаго дома. Забывъ барскую спесь предковъ, онъ унизился до ремесла журналиста и въ статьяхъ своихъ выхвалялъ самыя ошибочныя мѣры новаго правительства, и тамъ, гдѣ слѣдовало бы дивиться ихъ нелѣпости, дивился ихъ мудрости.

Графъ де-Моранси былъ женатъ; кто была жена его, откуда она вела родъ свой, — никто не зналъ этого. Ее считали за Нѣмку, и изъ всѣхъ родныхъ остался у ней только одинъ племянникъ, которому было около года, когда она вышла за г. де-Моранси. Одинъ изъ со-трудниковъ графа по журналу замѣтилъ, однакоже, что графиня прекрасно говорила по-французски и не знала ни слова по-нѣмецки; но такъ-какъ она была очень-хороша собою, очень-добра и очень-спитъ,

ходительна, то никто не разыскивалъ причинъ, отъ-чего: она не знала своего роднаго языка.

Въ то время, съ котораго начинается наша исторія, графиня де-Моранси было лѣтъ тридцать-восемь, и она отличалась тою полнотою, которая придаетъ женщинамъ ея лѣтъ какую-то пріятную свѣжесть. Она была еще довольно-привлекательна; маленькая ножка, хорошенкяя пухленькая ручка, бѣлые зубы, большіе проніцательные глаза, красивая талія и удивительное искусство пользоваться всеми этими достоинствами,— позволяли ей надѣяться на многія побѣды, отъ которыхъ она и не думала еще отказываться. Она жила вмѣстѣ съ мужемъ и племянникомъ, которому было уже лѣтъ двадцать, въ одномъ изъ маленькихъ домиковъ, о которыхъ мы говорили выше.

Другой изъ этихъ домиковъ, какъ сказано, былъ занятъ г. Шамбелемъ. Г-ну Шамбелю было двадцать-пять лѣтъ; онъ только недавно вступилъ на литературное поприще, напечатавъ собраніе своихъ стихотвореній, въѣвшихъ нѣкоторый успѣхъ. Наружность г-на Шамбеля была довольно привлекательна; лицо его имѣло какое-то особенное выраженіе, которое не могло не обратить на него вниманія женщинъ, считавшихъ себя опытными въ распознаваніи страстей. Что же касается до нравственныхъ качествъ г-на Шамбеля, то краткій анализъ изданной имъ книги лучше всѣхъ описаній дастъ объ этомъ понятіе читателямъ. Книга его начиналась сильною выходкою противъ пороковъ нашего вѣка; въ ней нападалъ онъ на гордость смышленыхъ, подавляющую слабыхъ; на безчувственность богачей, невнѣмлющихъ стenanіямъ нищеты; на холодное равнодушіе общества ко всему, и на ледяной эгоизмъ его. Далѣе,—сомнѣніе самое дерзкое, облеченное въ такъ-называемыя байроновскія формы; еще далѣе, вѣра самая чистая, надежда самая религіозная выражалась въ сильныхъ, гармоническихъ строфахъ. Черезъ нѣсколько страницъ—стансы къ молодой дѣвушкѣ дышали чувствами самыми нѣжными; еще черезъ нѣсколько страницъ, являлось страстное воззваніе къ какой-то женщинѣ, которую поэтъ умолялъ разорвать тяжкія цѣпи несчастнаго брака, сковывавшія ее. Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что Пьерръ Шамбель былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, не имѣя никакой собственной идеи, проникаются идеями чужими и обладаютъ притомъ особеннымъ даромъ придавать имъ выраженіе истины и восторженности. Подобно аху, передавалъ онъ всѣ звуки, до него дозвѣвшіе, но передавалъ по-своему. Онъ былъ чудеснымъ инструментомъ, посредствомъ котораго можно было выразить всѣ страсти и придавать имъ желаемое выраженіе. Въ этомъ отношеніи обратилъ онъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ людей, одаренныхъ умомъ проніцательнымъ и хитрымъ, и въ особенности аббата Портона,

принадлежавшаго къ числу всодневныхъ гостей графини де-Моранси.

Пьерръ Шамбель былъ женатъ, и жена его была музою, внушившею ему последнее стихотвореніе, о которомъ мы упомянули. Изора послѣдовала совѣтамъ, заключавшимся въ поэтическихъ стихахъ ея любовника: она покинула грубаго, холоднаго эгоиста, съ которымъ была связана мечтательная душа ея, и послѣдовала въ Парижъ за своимъ юнымъ оболъстителемъ. Шестъ мѣсяцевъ спустя, мужъ ея былъ убитъ на охотѣ, а чрезъ годъ послѣ того, вышла она за Пьерра Шамбеля, не имѣя, такъ-сказать, причины упрекать себя въ смерти своего перваго супруга. Однакожь, не смотря на всѣ примчія, соблюденныя въ-отношеніи къ свѣту, Изора и Пьерръ чувствовали, что на совѣсти ихъ былъ проступокъ, который не позволяетъ имъ имѣть другъ къ другу той благородной, чистой довѣренности, которая одна служитъ основаніемъ семейнаго счастія. Притомъ же, Изорѣ было уже 32 года, а мужу ея только 25 лѣтъ; она была горда, высокомерна, непреклонна, рѣшительна; онъ—безпечень, слабъ, нерѣшительнъ, мало заботливъ о сохраненіи собственнаго своего достоинства. И какою непостижимою загадкою былъ для Изоры этотъ человекъ, который, умѣя говорить обо всемъ съ такою силою и рѣзкостью, не умѣлъ въ то же время, даже въ самыхъ ничтожныхъ случаяхъ жизни, дѣйствовать рѣшительно, и, бросаясь изъ стороны въ сторону, всегда подчинялся постороннему вліянію! Шамбель переѣхалъ въ улицу Матюрень мѣсяца черезъ три послѣ изданія своей книги, а дней чрезъ двадцать послѣ его переезда, въ домъ графа де-Моранси происходила слѣдующая сцена:

Было восемь часовъ вечера; вокругъ стола, на которомъ горѣла лампа, сидѣли—графиня де-Моранси, читавшая съ большимъ вниманіемъ какой-то романъ, племянникъ ея Юлій, раскрашивавшій гравированныя изображенія святыхъ, и молодая дѣвушка, о которой мы еще не говорили и которую звали Маргаритой. Чтобъ не возвращаться въ-послѣдствіи назадъ, скажемъ, что Маргарита была сирота, призванная аббатомъ Нортономъ, воспитавшимъ ее въ провинціи, въ одномъ изъ кармелитскихъ монастырей, и вызвавшимъ ее незадолго предъ тѣмъ въ Парижъ, для помѣщенія на должность гувернанты въ какое-нибудь богатое семейство Сен-Жерменскаго Предмѣстія. Помѣщеніе Маргариты встрѣтило однако какое-то затрудненіе, и аббатъ, считавшій неприличнымъ взять къ себѣ такую молодую и прекрасную дѣвушку, успѣлъ упросить графиню де-Моранси позволить ей на время остаться въ ея домѣ.

Аббатъ Нортонъ зналъ, съ какою легкостью свѣтъ готовъ былъ дѣлать всегда самыя неблагопріятныя заключенія на счетъ поведенія духовнаго лица, и потому не хотѣлъ подать повода непріятелямъ сво-

ить къ обиднымъ для него толкамъ. Мы должны сказать, однакожь, что въ этомъ отношеніи почтенный аббатъ былъ не правъ: онъ могъ бы оставить у себя эту дѣвушку, не опасаясь, чтобъ кто-нибудь вздумалъ обращать это въ дурную сторону и подозрѣвать чистоту его нравственности. Вся знали, что въ душѣ его, пренеполненной безмярнаго честолюбія и глубокаго лицемерія, не могло оставаться мѣста для нѣжныхъ чувствъ, и при всемъ томъ, видя господина Нортонъ, никто не могъ бы угадать настоящаго его характера: онъ былъ малъ ростомъ, довольно толстъ, неуклюжь, казался простакомъ, и, говоря всегда тихо и спокойно, почти никогда не воспламенялся.

Аббатъ Нортонъ писалъ не мало; но все выходившее изъ-подъ пера его носило на себѣ печать самой плачевной посредственности; надобно замѣтить, что онъ самъ не обольщался на счетъ своихъ литературныхъ достоинствъ; но если и цѣнилъ дешево свои сочиненія, то дѣлалъ это потому только, что вообще ставилъ ни во что всякій литературный талантъ. Литература была для него не наукой, а средствомъ, и ставить ему въ упрекъ неумѣіе писать было бы почти то же, что упрекать Наполеона въ неумѣіи владѣть ружьемъ. Для Наполеона писатель талантливый былъ солдатомъ, котораго генераломъ онъ признавалъ себя...

Но возвратимся къ разсказу.

Кромѣ трехъ особъ, о которыхъ мы говорили, въ гостиной былъ еще графъ де-Моранси; развалившись на диванъ, онъ или спалъ, или дремалъ, или мечталъ, или просто не думалъ ни о чемъ. Одаренный чудесною способностью впадать иногда въ совершенную безчувственность, онъ въ эту минуту былъ чрезвычайно-похожъ на пароходъ, изъ котораго выпускали пары. Не показывая ни малѣйшихъ признаковъ жизни, онъ могъ по цѣлымъ часамъ оставаться въ креслахъ совершенно-неподвижнымъ, съ открытыми глазами, устремленными на одинъ и тотъ же предметъ, и потомъ вдругъ, при малѣйшемъ знакъ, при одномъ словѣ, выходить изъ этого безчувственного состоянія, приниматься за дѣло и дѣйствовать съ силою и вѣрностью самой точной машины.

Всѣ эти четыре персонажа были уже около получаса заняты каждый своимъ дѣломъ, какъ вдругъ доложили о прибытіи аббата Нортонъ. Аббатъ вошелъ, какъ человекъ коротко-знакомый; при появленіи его, Юлій и Маргарита встали и поклонились съ робостью, которую обыкновенно чувствуютъ дѣти при видѣ своего учителя. Поклонъ, которымъ привѣтствовала его графиня де-Моранси, не имѣлъ въ себѣ ничего дружескаго и, казалось, она хотѣла сказать: «Я знаю, что вы пришли не для меня; адресуйтесь же къ тѣмъ, до кого имѣете дѣло.»

Аббатъ, повидимому, понялъ это, и послѣ знака, позволившаго мо-

лодымъ людямъ занять ихъ прежнія мѣста, онъ подошелъ къ г. де-Моранси и сѣлъ подлѣ него. Графъ, не измѣнивъ нисколько положенія, въ которомъ находился, обратилъ только свои тусклые глаза на аббата и, казалось, ожидалъ, чтобъ онъ началъ разговоръ. Аббатъ вынулъ изъ кармана небольшую книгу въ 8-ю долю листа и сказалъ графу:

— Читали вы эту книгу?

Графъ взглянулъ на заглавіе и, не двигаясь, отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

— Намъ надобно, однакожь, имѣть завтра статью объ этихъ стихотвореніяхъ.

Графъ проворчалъ что-то про себя; но въ этомъ ворчаніи не было ни удивленія, ни гнѣва, ни досады, ни удовольствія; оно просто означало, что онъ слышитъ сказанное аббатомъ, который продолжалъ:

— Вотъ какая это книга.

Тутъ аббатъ вкратцѣ разсказалъ ея содержаніе, указывая на мѣста, которыя надобно было цитировать и замѣчая страницы уголками, чтобъ графъ могъ найдти ихъ. Де-Моранси слушалъ не измѣняя своей неподвижности, и на лицѣ его не было ни малѣйшихъ признаковъ, по которымъ можно было бы видѣть, что онъ понимаетъ все имъ слышанное; но, вѣроятно, аббатъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и продолжалъ съ жаромъ:

— Вы понимаете цѣль статьи: надобно, чтобъ авторъ счелъ себя обязаннымъ поблагодарить за нее. Если онъ прійдетъ къ вамъ, вы скажете ему, что я желаю его видѣть; если же прійдетъ ко мнѣ, я знаю уже, что дѣлать. Не забудьте замѣтить, что ни одинъ оппозиціонный или министерскій журналъ не упомянулъ еще объ этой книгѣ, и что только мы одни умѣемъ отдавать должную справедливость истиннымъ талантамъ, не руководствуясь въ этомъ случаѣ духомъ партій.

Графъ не отвѣчалъ ни слова; онъ только приподнялся, придевши къ себѣ столикъ, на которомъ были чернильница, перья и бумага; потомъ, взявъ книгу, произнесъ громко заглавіе ея:

— *Съверное Сілкье, стихотворенія Пьерра Шамбеля.*

Сказавъ это, онъ принялся писать скоро и безъ малѣйшей остановки: машина была пущена въ ходъ и работала какъ-нельзя-лучше. Графиня де-Моранси не обращала ни малѣйшаго вниманія на все происходившее между мужемъ ея и аббатомъ Нортономъ до той минуты, какъ было произнесено имя Пьерра Шамбеля: при этомъ имени, она закрыла свою книгу и, обратясь къ аббату, попросила его передать ей томище стихотвореній; когда аббатъ исполнилъ ея желаніе, она сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ сѣлъ подлѣ нея.

— Какъ называли въ заглавіи этой книги?

— Пьерръ Шамбель, отвѣчалъ аббать.

— Странно! возразила графиня:— не знаю отъ кого, но я слышала, что какой-то г. Шамбель нанялъ павильонъ рядомъ съ нашимъ домомъ.

— Молодой человекъ? спросилъ аббать.

— Мнѣ показалось, что ему не болѣе 25 лѣтъ.

— Не знаете, женатъ онъ?

— Я видѣла мелькомъ какую-то женщину, еще прекрасную собою; но она показалась мнѣ гораздо старѣе его.

— Въ такомъ случаѣ, сосѣдъ вашъ — авторъ этой книги, которая теперь у васъ въ рукахъ.

Разговоръ, повидимому, неизмѣвшій въ себѣ ничего особенно-интереснаго, обратилъ на себя вниманіе двухъ другихъ лицъ, бывшихъ въ комнатѣ. Въ ту самую минуту, какъ графиня сказала, что Шамбель нанялъ сосѣдній домъ, Маргарита положила свое вышиванье, а когда рѣчь дошла до красоты г-жи Шамбель, Юлій положилъ преогромную лепешку на лицо какой-то фигуры, которую раскрашивалъ. Все это ускользнуло отъ вниманія графини и аббата, которые продолжали свой разговоръ, не думая, чтобъ кто-нибудь могъ его слышать; пишущая машина не тревожила ихъ: они знали, что у ней пѣть ушей.

— Такъ эта книга точно заслуживаетъ вниманіе? сказала г-жа де-Моранси, перелистывая ее.

Аббать устремилъ на графиню испытующій взоръ; но онъ потопился опустить глаза въ ту самую минуту, когда она въ свою очередь взглянула на него, и отвѣчалъ тономъ человека, который ничего не видѣлъ и ничего не угадывалъ:

— Да, графиня, въ этой книгѣ много достоинствъ, и было бы чрезвычайно-жалко, еслибъ человекъ съ такимъ талантомъ попалъ въ руки людей, которые могли бы употребить во зло его дарованіе и внушить ему порочныя правила.

Графиня не старалась понять, что хотѣлъ сказать этимъ аббать, но устремивъ глаза на одну загнутую страницу, отвѣчала:

— Если такъ, то я прочту эту книгу съ удовольствіемъ.

— И сдѣлаете очень хорошо, замѣтилъ аббать.

Потомъ, обратясь къ графу, прибавилъ:

— Вы подпишете статью; я хочу, чтобъ г. Шамбель зналъ, что вамъ обязанъ за похвалы его книгъ.

Въ первый разъ еще во взоръ графа выразилось что-то похожее на вниманіе; казалось, онъ былъ очень удивленъ тѣмъ, чего отъ него требовали, и еслибъ онъ рѣшился сдѣлать надъ собою усиліе и сказать слово, то конечно спросилъ бы аббата:

— Для чего жь нужно вамъ, чтобъ я подписалъ свое имя?

Сама графиня, не смотря на свою женскую прощпательность, не поняла въ первую минуту намѣренія аббата; она только сказала самой-себѣ: «Г. Шамбель вѣрно прійдетъ поблагодарить моего мужа, и я увижу этого интереснаго молодого человека съ прекрасными черными глазами, который смотритъ на меня такъ пристально, когда сижу у окна.» Вы видите, что графиня угадала, какой результатъ долженъ быть послѣдовать отъ подписи статьи, но она никакъ не могла вообразить, чтобъ аббать требовалъ подписи именно для того только, чтобъ достигнуть такого результата. Статья была кончена; аббать взялъ ее, и, не поблагодаривъ даже графа, сказалъ ему:

— Будемъ надѣяться, что Богъ, котораго пути неисповѣдимы, какими-нибудь средствами, которыхъ мы не можемъ ни предвидѣть, ни судить, устроитъ такъ, что этотъ молодой человекъ сдѣлается однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ религіи и праваго дѣла!

Г. де-Моранси снова развалился на диванъ и снова принялъ свое неподвижное положеніе; Маргарита вышивала съ такимъ усердіемъ и съ такою торопливостію, что даже дыханіе ея, казалось, было стѣснено отъ этого; Юлій покрывалъ лица на гравюрахъ голубою краскою; графиня съ жадностію читала уже стихотворенія, о которыхъ мужъ ея только-что написалъ такую безпристрастную статью. Аббать Нортопъ оставилъ комнату, въ которой воцарилась совершенная тишина. Скоро съѣхалось нѣсколько гостей, и въ числѣ ихъ былъ кто г. Милонъ, который во всемъ составлялъ самую рѣзкую противоположность съ аббатомъ Нортономъ, хоть въ свѣтъ и говорили, что онъ стремился къ одной съ нимъ цѣли и циталъ одинаковыя статьи съ нимъ надежды. Г-ну Милону было лѣтъ около 50, но онъ сохранилъ еще остатокъ прежней красоты и отличался тѣмъ благороднымъ видомъ и пріятными манерами, которыя никогда не старѣются. Пріемъ ему сдѣланный былъ такой, какого только можетъ ожидать человекъ любезный, простодушный и снисходительный къ другимъ и къ самому-себѣ. Впрочемъ, между имъ и графинею де-Моранси замѣтна была какая-то короткость, не лишенная, однакожь, должнаго приличія, но доказывавшая, что ихъ связывало другъ съ другомъ чувство какой-то взаимной благодарности и какія-то пріятныя воспоминанія. Злословіе называло эти воспоминанія настоящимъ ихъ именемъ; но изъ этого не слѣдуетъ еще предполагать, что г. Милонъ малѣйшею нескромностію подалъ къ тому поводъ. Хоть этотъ г. Милонъ долженъ играть въ нашемъ разсказѣ довольно значительную роль, но мы не упомянули бы теперь о немъ, еслибъ въ разговорѣ завязавшемся при этомъ прѣстѣшеніи, онъ не сдѣлалъ предположенія, которому конечно не думалъ придать никакой важности, но которое тѣмъ не менѣе дало совершенно-особенный оборотъ послѣдующимъ событіямъ. Г. Милонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, кото-

рые, умѣя говорить дѣльно о вещахъ дѣльныхъ, любятъ иногда для шутки составлять самыя странныя предположенія, не полагая, чтобъ слова ихъ могли быть приняты иначе, какъ за мистификацію.

— Что вы такое читали? спросилъ онъ у госпожи де-Моранси.
— А! сочиненія Шамбеля!

— Вы его знаете? спросила графиня.

— Сочиненія нѣтъ, сочинителя весьма мало.

— Мнѣ рассказывали про него самую драматическую исторію, замѣтила одна дама, по имени госпожа Ансѣ, ревностная католичка, и притомъ писательница.— Говорятъ, что господинъ-Шамбель увезъ жену у мужа...

— Такъ онъ не женатъ? воскликнула съ живостію госпожа де-Моранси.

Госпожа Ансѣ не дала продолжать ей неосторожныхъ вопросовъ и рассказала, какъ покинутый мужъ былъ убитъ на охотѣ, и какъ вдова его сдѣлалась настоящею госпожею Шамбель.

Можетъ-быть, господинъ-Милонъ не обратилъ должнаго вниманія на рассказъ женщины-писательницы, можетъ-быть хотѣлъ пошутить надъ нею, но едва успѣла она кончить, какъ онъ воскликнулъ:

— Помилуйте, можно ли имѣть такое дѣтское простодушіе! И вы повѣрили, что мужъ, имѣвшій счастье отдѣлаться отъ жены, былъ такъ неостороженъ, что самъ сломалъ себѣ шею?.. Нѣтъ, этого быть не можетъ: его убили.

— Кто же?

— Вѣроятно тотъ, съ кѣмъ онъ былъ на охотѣ; вѣдь онъ охотился не одинъ.

— Да; съ нимъ былъ егеръ.

— Все это очень просто: егеръ, преданный Шамбелю и женѣ своего господина, егеръ, который, вѣроятно, помогалъ ихъ тайнымъ свиданіямъ и который не могъ дѣлать дѣла вполовину, по своему собственному побужденію, а можетъ-быть и по чьему-нибудь внушенію, рѣшился избавить страстныхъ любовниковъ отъ препятствія, мѣшавшаго ихъ свиданіямъ; любовники сдѣлались супругами, а егеръ, получивъ отъ нихъ пенсію, вѣрно живетъ теперь припѣваючи въ какой-нибудь хижинѣ, окруженной виноградниками и плющемъ.

— Вы думаете? спросилъ Юлій дрожащимъ голосомъ.

— Разумѣется; это всегда такъ дѣлается, отвѣчалъ господинъ-Милонъ. — Спросите у госпожи Ансѣ: въ ея романахъ только и видите, что подобные случаи.

Графиня де-Моранси пожала плечами; госпожа Ансѣ, занятая разговоромъ съ кѣмъ-то другимъ, не слыхала послѣднихъ словъ и не отвѣчала на нихъ; но Юлій и Маргарита, неимѣвшіе еще свѣт-

ской опытности, повѣрили господину-Милону, не смѣя даже предполагать, чтобъ такой человекъ могъ сказать неправду.

II.

Знаменитая статья была напечатана; но Шамбель узналъ о ней только по прошествіи нѣсколькихъ дней, хотъ имѣлъ множество пріятелей, которые, конечно, не были бы такъ скромны, еслибъ дѣло шло не о похвалахъ, а о брани. Такъ бываетъ всегда въ литературѣ: похвалы вась кто-нибудь—всь молчатъ; разругай—и сотни языковъ донесутъ вамъ объ этомъ. Какъ бы то ни было, но Шамбель узналъ о статьѣ отъ книгопродавца, напечатавшаго его сочиненія, который совѣтовалъ ему лично поблагодарить рецензента за его хорошіи отзывъ. Не смотря на все нежеланіе кланяться, молодой авторъ обещалъ сдѣлать въ тотъ же день требуемый отъ него визитъ и, купивъ номеръ журнала, отнесъ его къ жень, которая съ своей стороны такъ же уговаривала его послѣдовать совѣту книгопродавца. Только убедительныя просьбы Изоры могли наконецъ склонить Шамбеля идти къ графу де-Моранси; онъ успѣлъ прочитать его статью, и ему казалось, что она была слишкомъ—суха и не стояла такой поспѣшной благодарности.

Такое упорство Пьерра удивило его жену и было для нея совершенною новостью. До-сихъ-поръ, о книгѣ Шамбеля нѣкоторые журналы упоминали только вскользь, и то общими мѣстами. Изора была преисполнена негодованія къ такому роду критики, и удивлялась спокойному смиренію Шамбеля; но когда явилась критика дѣльная, разобравшая книгу по достоинству и поставившая ее очень высоко, когда критика эта была напечатана въ журналъ, пользовавшемся извѣстностью, ей казалось страннымъ, что Шамбель оставался недоволенъ; Изора спрашивала самоѣ-себя, не ошиблась ли она въ своемъ предположеніи, и то, что казалось ей благородною скромностію, не было ли въ мужѣ ея излишнею гордостью. Она старалась, однакожь, отдалить отъ себя эту мысль, и чтобъ доказать самой-себѣ несправедливость своего подозрѣнія, перестала уговаривать мужа. Этого было довольно, чтобъ заставить его рѣшиться сдѣлать немедленно визитъ, который казался ему такъ непріятенъ. Изора не подозрѣвала, что Пьерръ, по-видимому такъ презиравшій похвалы, адресованныя къ его книгѣ, жаждалъ услышать ихъ изустно; она не знала, что суетность поэта подобна жадности скунца, котораго не удовлетворяютъ милліоны, и который собираетъ полушки...

Впрочемъ, эти размышленія не могли остановить надолго вниманіе Изоры, и случай совершенно-обыкновенный далъ мыслямъ ея другое, болѣе бурное направленіе. Когда Шамбель хотѣлъ уже на-

ти, Изора спросила его, справился ли онъ о мѣствѣ жительства графа де-Моранси.

— Графъ нашъ сосѣдъ.

— Какъ, нашъ сосѣдъ?

— Да; онъ живеть рядомъ съ нами по ту сторону сада.

— А! воскликнула г-жа Шамбель:—такъ дама, которую я вижу иногда у окна—графиня де-Моранси?

— Да.

— А молодая дѣвушка, которая прогуливается въ саду—дочь ея?

— Не думаю.

— Прекрасно! сказала Изора послѣ минутнаго молчанія:—я очень рада, что тебѣ недалеко идти; ты можешь нѣсколько продлить свой визитъ и возвратиться скорѣе домой.

Пьерръ ушелъ и первая мысль его жены была слѣдующая:

— Откуда знаетъ онъ все это?.. Онъ вѣрно справлялся обо всемъ. За чѣмъ? съ какою цѣлью? по какому случаю?...

И она силилась отдалить теперь отъ себя первое подозрѣнiе, запавшее въ ея сердце, точно такъ же, какъ за минуту предъ тѣмъ старалась отдалить первое сомнѣнiе въ откровенности характера своего мужа. Но это было не одно и то же: тогда она только удивилась, а теперь страдала; напрасно старалась она увѣрить себя, что мужъ ея могъ случайно узнать всѣ подробности о семействѣ графа Моранси; сердце ея отказывалось вѣрить тому, что говорилъ разсудокъ. Она замѣтила въ этомъ домѣ женщину, еще довольно прекрасную собою, и молодую дѣвушку красоты необыкновенной; сосѣдство это было уже неприятно ей, и вотъ мужъ ея, по странному случаю, долженъ былъ идти въ этотъ домъ и знакомиться съ семействомъ, въ которомъ онъ, казалось, зналъ уже многое. Какое-то безпокойство овладѣло ею, и хотъ она сама себя говорила, что все это было дѣломъ одного случая, что смѣшно тревожиться такими вздорами, однакожь, не смотря на это, подошла къ окну и, устремивъ взоры на домъ, въ которомъ былъ мужъ ея, хотѣла, казалось, проникнуть сквозь стѣну и видѣть, что онъ тамъ дѣлаетъ. Она простояла у окна пять минутъ, а ей казалось, что прошелъ уже часъ; часы убѣдили се въ противномъ и доказывали, что не было еще физической возможности Шамбелю воротиться домой.

Отъ-чего же время казалось ей такъ продолжительно? Отъ-того, что ревность запала ей въ сердце. . . . Что же было причиною этой ревности? Мы не беремся отвѣчать на этотъ вопросъ. Скажемъ только, что ревность г-жи Шамбель, свойственная, можетъ-быть, ея характеру, могла развиться въ ней скорѣе, чѣмъ въ другой женщинѣ, и вотъ почему:

Положенiе ея было не совсѣмъ обыкновенно; конечно, она была

связана законными узами съ человѣкомъ, котораго любила, но узы эти были только слѣдствіемъ ея добровольнаго проступка. Еслибъ кто-нибудь вздумалъ со всею добросовѣстностію анализировать ея чувства, ему было бы нетрудно доказать, что женщина, которая приноситъ все въ жертву мужчине, показываетъ ему больше любви и преданности, чѣмъ та, которая не отступаетъ ни на шагъ отъ своихъ обязанностей. Не смотря на это, мужчина облакаетъ всю свою довѣренностію именно ту женщину, которая не принесла ему никакой жертвы, и сомнѣвается въ той, которая для него же расторгла священнѣйшія узы и забыла свои обязанности.

Вотъ отъ-чего г-жа Шамбель чувствовала, что мѣсто, занимаемое ею въ сердцѣ Пьера, было не то, которое могло бы принадлежать женщинѣ, чуждой всякаго упрека; она понимала по инстинкту, что настанетъ время, когда онъ, для оправданія своихъ проступковъ и слабостей, вооружится противъ нея ея же проступкомъ. Съ другой стороны, Изора была гораздо-старше Пьера, и хоть красота ея прикрывала собою это неравенство лѣтъ, однакожь она знала, что въ свѣтъ есть много женщинъ, которыя были гораздо-лучше ея... Больше же всего тревожила Изору перемена, происшедшая въ положеніи Пьера. Когда она встрѣтилась съ нимъ, онъ былъ бѣднымъ, ничего незначащимъ молодымъ человѣкомъ, на котораго никто не обращалъ вниманія. Издавъ же свою книгу, онъ, такъ-сказать, понялъ собственное свое достоинство, и сохраняя къ Изорѣ признательность за то, что она первая умѣла оцѣнить его, онъ тѣмъ не менѣе чувствовалъ, что заслуживалъ ея вниманіе. За недѣлю предъ тѣмъ, Шамбель былъ неизвѣстный поэтъ, которому женщина протянула руку, чтобъ исторгнуть его изъ ничтожества; теперь онъ сдѣлался равенъ ей, и ему не доставало только еще нѣсколькихъ успѣховъ, чтобъ изъ покровительствуемаго сдѣлаться покровителемъ.

Шамбель былъ принятъ какъ-нельзя-лучше въ домъ графа де-Моранси, и пріемъ этотъ могъ въ полной мѣрѣ польстить ему, какъ литератору и какъ красивому мужчине. Графъ разсыпался передъ нимъ въ похвалахъ его стихотвореніямъ; а графиня не спускала съ него глазъ, и въ этихъ глазахъ можно было прочесть все удовольствіе, которое доставляло ей присутствіе молодаго челоука. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, графъ вспомнилъ порученіе, сдѣланное ему г. Нортонемъ, и, сказавъ Шамбелю о желаніи аббата познакомиться съ нимъ, прибавилъ, что если ему угодно, то они на-дняхъ могутъ вмѣстѣ сдѣлать визитъ аббату.

Шамбель, знавшій аббата Нортоня по наслышкѣ и боясь его вліянія, колебался дать отвѣтъ; графиня, замѣтя это, сказала съ свойственною ей граціею:

— Можеть-быть, г. Шамбель предпочелъ бы встрѣтиться съ аб-

бато́мъ гдѣ-нибудь случайно; нынче нашъ пріемный день; г. Нортонъ будетъ у насъ, и если г. Шамбелю угодно будетъ пожаловать вечеромъ, то онъ можетъ познакомиться съ нимъ здѣсь.

Г. де-Моранси, который до-сихъ-поръ говорилъ точно такъ же, какъ писалъ, то-есть съ совершенною неподвижною физиономію, давшею ему, какъ мы уже сказали, видъ хорошо-устроенной машины, казалось, вдругъ пробудился, взглянулъ на г. Шамбеля, на жену свою и въ ту жъ минуту съ живостью, къ которой едва ли можно было считать его способнымъ, спѣшилъ отразить ударъ, ему приготовленный :

— Конечно, воскликнулъ онъ: — мы почтемъ себя очень счастливыми, если г. Шамбель сдѣлаетъ намъ честь своимъ посѣщеніемъ; оно будетъ еще болѣе намъ пріятно, если онъ пожалуетъ вмѣстѣ съ г-жею Шамбель.

Теперь графиня въ свою очередь изумилась; но ей не оставалось ничего болѣе, какъ присоединить свою просьбу къ просьбѣ мужа, и Шамбель далъ наконецъ слово провести вмѣстѣ съ женою вечеръ у своихъ сосѣдей.

Пьерръ возвратился домой чрезвычайно-довольный; веселость его успокоила Изору; хорошій пріемъ ему сдѣланный приписывалъ онъ литературнымъ своимъ достоинствамъ, и сердце его было такъ преисполнено суетнаго удовольствія, что въ немъ не оставалось мѣста для какого-нибудь другаго чувства.

Таково было, по-крайней-мѣрѣ, первое впечатлѣніе, испытанное Изорою; она безъ противорѣчія приняла приглашеніе графини де-Моранси, и если въ сердцѣ ея таились еще кой-какія подозрѣнія, то она надѣялась увѣрится въ нихъ въ-продолженіи вечера. Она была почти увѣрена, что умѣетъ проникнуть въ намѣренія каждой женщины, какъ бы скрытны они ни были, и вѣроятно успѣла бы въ этомъ, еслибъ графиня де-Моранси была предоставлена самой-себѣ и собственной своей ловкости. Но она нашла въ аббатѣ Нортонѣ союзника, который умѣлъ быть ей полезнымъ, стараясь, впрочемъ, не показывать вида, что былъ ея сообщникомъ. Надобно замѣтить, что г. Нортонъ и графиня чувствовали другъ къ другу самую глубокую антипатію; холодный тонъ аббата доказывалъ графинѣ, что ему были извѣстны всѣ любовныя шашни ея, а насмѣшливая улыбка графини не позволяла ему сомнѣваться, что она не обманывалась его лицемернымъ видомъ. Такимъ образомъ, не пристуная никогда къ объясненію и сохраняя всегда самый церемонный тонъ, они понимали другъ друга какъ-нельзя-лучше и были всегда готовы на взаимныя услуги.

И такъ, аббатъ, предупредомленный о свиданіи, которое устроили

для него, явился раньше обыкновеннаго и, подставъ къ г-жѣ де-Моранси, завелъ съ нею слѣдующій разговоръ:

— Извините, графиня, сказалъ онъ: — если я стану говорить о дѣлѣ, которое покажется вамъ конечно очень скучнымъ и если въ добавокъ къ тому попрошу васъ заняться имъ...

— Что такое?

— Если вы не забыли того, что я говорилъ вчера графу на счетъ г. Шамбеля, то конечно поняли, что я желалъ привлечь этого молодого человека на нашу сторону. Я почти знаю, что онъ такое; но мнѣ совершенно неизвѣстны ни его образъ мыслей, ни правила, а главное — я неуверенъ, можно ли положиться на его слово.

Графиня де-Моранси кивнула головою въ знакъ одобренія словамъ аббата, который между-тѣмъ продолжалъ:

— Невозможно спрашивать человека о его качествахъ и намѣреніяхъ; кромѣ того, что это было бы неумѣстно, никто не можетъ поручиться за чистосердечіе его отвѣтовъ.

Новый знакъ одобренія со стороны графини.

— Еслибъ у меня былъ другъ, коротко-знакомый г. Шамбелю, и я тому не поручилъ бы этого шекотливаго дѣла, съ которымъ онъ долженъ былъ бы обратиться къ самому Шамбелю. Людей можно узнать только чрезъ тѣхъ, кто окружаетъ ихъ и въ особенности чрезъ тѣхъ, кто ихъ любитъ.

Г-жа де-Моранси взглянула на аббата, но не сдѣлала одобрительнаго знака; чувствуя, что критическая минута приближалась, она не хотѣла дать своего согласія, не взвѣсивъ прежде хорошенько того, чего отъ нея хотѣли.

— Еслибъ я не былъ такъ неловокъ въ подобныхъ разговорахъ, продолжалъ аббатъ: — то, признаюсь, не поколебался бы обратиться прямо къ самой г-жѣ Шамбель. Я не знаю ея; но, судя по тому, что она сдѣлала, думаю, она должна любить своего мужа, и любовь эта должна замѣнять въ ней умъ и судить о томъ, къ чему онъ способенъ и чего можно ожидать отъ него. Что я хочу предложить ему, не имѣетъ въ себѣ ничего неблагого, и я могъ бы сказать объ этомъ громко. Но мнѣ неизвѣстны ни его мнѣнія, ни правила, и если они противны моему образу мыслей, я отступлюсь отъ него, и мы останемся совершенно чужды другъ другу; если жъ, напротивъ, онъ таковъ, какимъ я желаю его видѣть, то мы можемъ сойтись. И такъ, я желалъ бы узнать отъ госпожи Шамбель о свойствахъ ея мужа; но мнѣ неловко приняться за это самому, тѣмъ болѣе, что она могла бы не понять чистоты моихъ намѣреній и принять ихъ въ дурную сторону.

Г-жа де-Моранси слушала внимательно аббата, и какъ, въ против-

ность ему, она любила, чтобъ дѣло было нложено со всею ясностію, то вотъ какимъ образомъ перевела себѣ всѣ запутанныя его фразы.

«Прежде, чѣмъ приступлю къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ-отношеніи къ Шамбелю, я хочу знать что это за человекъ; вы постарайтесь выведать объ этомъ у жены его и скажите мнѣ—это на мою долю. Вниманіе ваше къ г-жѣ Шамбель и желаніе, которое вы обнаружили быть полезнымъ ея мужу, разсвѣтъ тѣ подозрѣнія ревности, которыя могли бы возродиться въ душѣ ея — это на вашу долю.» Такое условіе показалось графинѣ де-Моранси выгоднымъ, и она отвѣчала аббату:

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ надобно бы имѣть время сблизиться съ г-жею Шамбель прежде, чѣмъ мужъ ея будетъ вамъ представленъ.

— Мнѣ надобно съѣздить теперь одинъ визитъ, сказалъ аббатъ:—я возвращусь около 10 часовъ.

Когда аббатъ отправился, г-жа де-Моранси, обдумавъ средство, имъ предложенное, нашла его такъ выгоднымъ, что рѣшилась употребить въ свою пользу. Мы уже сказали, что г-жа де-Моранси была недурна собою; но кромѣ красоты, лицо ея было одарено еще выраженіемъ какого-то добродушія, и, пользуясь этимъ преимуществомъ, она рѣшилась атаковать г-жу Шамбель прямо, безъ всякихъ приготовленій. Послѣ первыхъ привѣтствій, немного церемонныхъ, какъ это всегда бываетъ, графиня съѣла подлѣ г-жи Шамбель.

—Право, я не знаю какъ благодарить г. Шамбеля, что онъ съ такою свисходительностію принялъ приглашеніе моего мужа и доставилъ мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами.

Другими словами, это значило: «знайте, что не я пригласила васъ, а мой мужъ». Изора приняла серьезный видъ, который доказывалъ, что она не поняла настоящаго смысла сказанныхъ ей словъ. Графиня, замѣтя это, продолжала:

— Вы еще такъ молоды и такъ прекрасны, что я боюсь, не соскучитесь ли у насъ; здѣсь всѣ разговоры ограничиваются политикой и несносными спорами о ней.

— Я постараюсь найдти въ этихъ разговорахъ что-нибудь интересное, отвѣчала Изора сухо.

— О! продолжала графиня съ тономъ добродушія: — вы меня совершенно этимъ успокоиваете... Не скрою, что у меня есть къ вамъ политическое порученіе.

— Ко мнѣ? спросила Изора съ удивленіемъ.

— Да, къ вамъ, и отъ человека, котораго высокія достоинства и обширный умъ должны ручаться за благородство его намѣреній. Аббатъ Нортонъ, котораго вы знаете по-крайней-мѣрѣ по имени, желаетъ пригласить мужа вашего къ сотрудничеству въ его журналъ; отличный талантъ г. Шамбеля заставилъ г. Нортонъ желать,

чтобъ предложеніе его не было отвергнуто; но есть вещи, о которыхъ мужчины не любятъ объясняться другъ съ другомъ; можетъ-быть, мнѣнія г. Шамбеля или какія-нибудь другія причины заставятъ его отказаться отъ предложеній г. Нортона, и вотъ что мнѣ поручено вывѣдать отъ васъ искуснымъ образомъ, и вотъ о чемъ я спрашиваю васъ съ полною откровенностью.

Изора, приготовлявшаяся услышать совсѣмъ другое, была приведена въ замѣшательство вопросами г-жи де-Моранси и, не будучи въ состояніи отвѣчать въ ту же минуту, дала тѣмъ графинѣ случай еще больше выказать свою откровенность:

— Еслибъ г. Нортонъ услышалъ, что я сдѣлала вамъ этотъ вопросъ такъ прямо, то конечно сталъ бы упрекать меня въ опрометчивости; но, признаюсь чистосердечно, я тщетно прискивала какую-нибудь хитрость, съ помощію которой могла бы вывѣдать отъ васъ то, что мнѣ знать нужно. Вывѣдать что-нибудь у женщины хитростью — сами вы знаете — не такъ легко, какъ думаютъ мужчины; вы, конечно, угадали бъ все съ первыхъ словъ. Теперь вы знаете, что мнѣ поручили узнать и съ какою цѣлью. Можете ли вы и хотите ли отвѣчать мнѣ?

— Я не имѣю права, графиня, располагать тайнами моего мужа; не думаю однакоже, чтобъ онъ былъ воспитанъ въ томъ образѣ мыслей, которыми отличается г. Нортонъ, и потому не могу сказать, прийметъ ли онъ его предложеніе.

— О! воскликнула г-жа де-Моранси:— это дѣло, касающееся собственно до нихъ; вы понимаете, что г. Нортонъ, который будетъ говорить вашему мужу съ такою же откровенностью, съ какою я говорю вамъ, желаетъ только увѣриться, что предложеніе его не будетъ оскорбительно для г. Шамбеля, и если вы хотите, чтобъ я сказала вамъ все, то признаюсь, г. Нортонъ надѣется на ваше содѣйствіе, если вы съ своей стороны признаете желаніе свое удобоисполнимымъ.

— На мое содѣйствіе, графиня! воскликнула Изора, еще съ большимъ изумленіемъ.

— Если я ужъ приняла на себя порученіе, то должна выполнить его какъ умѣю лучше. И такъ, еслибъ вы были не г-жа Шамбель, я сказала бы вамъ за тайну, что г. Нортонъ безъ ума отъ вашего мужа, и что если онъ однажды кого полюбитъ, то не успокоится до тѣхъ-поръ, пока не доставитъ ему всего. Но я пустилась въ пророчества, тогда, какъ мнѣ надобно только развѣдывать. Что жъ должна я отвѣчать г. Нортона?

Г-жа Шамбель была въ нерѣшимости; вдругъ въ головѣ ея мелькнула мысль, что лучшимъ ручательствомъ въ постоянствѣ ея мужа была бы тѣсная связь его съ человѣкомъ, который извѣстенъ непо-

мѣрнымъ своимъ честолюбіемъ и который не замедлялъ бы заразить сердце Пьерра этою страстью, поглощающею весь другія. Мысль эта заставила Изору рѣшиться; она выразила графинѣ всю свою благодарность къ г. Нортону и сказала прямо, что человекъ, который будетъ умѣть только взяться за ея мужа, можетъ сдѣлать изъ него все, что захочетъ. Въ эту минуту она была далеко отъ всякой ревности. Когда г. Нортонъ возвратился и когда графиня пересказала ему объ успѣхъ даннаго ей порученія, онъ отвѣчалъ ей самымъ безстрастнымъ и серьезнымъ тономъ:

— Въ такомъ случаѣ, вы можете быть увѣрены, что г. Шамбель будетъ нашъ.

Графиня поняла эту эпиграмму, но не отвѣчала ни слова.

Дѣйствительно, два дня спустя, Пьерръ сдѣлался сотрудникомъ аббата, а графиня де-Моранси другомъ г-жи Шамбель... Мы увидимъ, продолжительна ли была эта дружба.

III.

Перенеситесь теперь въ кабинетъ къ аббату Нортону. Кабинетъ его былъ довольно-обширная комната, обитая зеленымъ сукномъ; большая картина, изображающая снятіе со креста, занимала середину главной стѣны; другія стѣны были увѣшаны гравированными изображеніями святыхъ; но по странной особености, которая не могла быть случайною, во всей этой коллекціи не было ни одной женщины. Аббатъ Нортонъ сидѣлъ у огромнаго письменнаго стола, заваленнаго книгами и бумагами; онъ былъ занятъ корректурою журнальной статьи, когда ему доложили, что какой-то священникъ, немнѣющій чести быть ему извѣстнымъ, желалъ видѣть его. Принявъ за постоянное правило никому не отказывать, г. Нортонъ приказалъ просить гостя, и чрезъ нѣсколько минутъ слуга, отворивъ двери, доложилъ объ аббатѣ Фортенѣ. Это былъ человекъ очень высокаго роста; сѣдые волосы покрывали его голову; одежда его отличалась необычайною простотою, а лицо и поступь дышали благородствомъ. Г. Нортонъ устремилъ на него свои быстрые, пронизательные глаза и привѣтливая улыбка, съ которою онъ готовился—было встрѣтить своего гостя, вдругъ исчезла съ лица его, уступивъ мѣсто самой холодной и почти дерзкой минѣ. Перемена эта была слѣдствіемъ инстинктивнаго убѣжденія, сказавшаго Нортону, что предъ нимъ былъ человекъ души возвышенной и сильной, человекъ, котораго открытый взглядъ и строгое лицо служили доказательствомъ, что онъ не могъ ни раздѣлять его мнѣній, ни одобрять его правилъ. Еслибъ аббатъ Фортенъ не былъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ, то г. Нортонъ, можетъ-быть, не предложилъ бы ему стула, а присадъ бы его стоя,

какъ принимаютъ людей, отъ которыхъ желаютъ скорѣе отдѣлаться: но холодность, съ какою онъ исполнилъ этотъ долгъ вѣжливости, доказывала, что посвященіе аббата Фортена было ему неприятно.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю я честь говорить? спросилъ г. Нортонъ:—и какой случай доставляетъ мнѣ удовольствіе васъ видѣть?

— Я занимаю мѣсто священника въ небольшомъ городкѣ Л... отвѣчалъ г. Фортенъ:—въ этомъ званіи былъ я духовникомъ и другомъ молодой дѣвушки, воспитывавшейся на вашемъ попеченіи въ тамошнемъ монастырѣ, и пришелъ теперѣ къ вамъ поговорить о Маргаритѣ.

— Вы пришли отъ ея имени? спросилъ г. Нортонъ, сдѣлавъ удареніе на последнее слово.

— Отъ ея имени, г. аббатъ; но чтò хочу я сказать вамъ на счетъ ея, слишкомъ далеко отъ мыслей бѣдной дѣвушки.

— Я думалъ, что приобретаю уже довольно правъ на довѣренность Маргариты; мнѣ казалось, что, не прибѣгая къ посредничеству посторонняго лица, она могла бы обратиться прямо ко мнѣ съ своею просьбою.

— Она такъ и сдѣлала, г. аббатъ, отвѣчалъ Фортенъ, какъ-будто не замѣчая колкости, заключавшейся въ словахъ Нортонна: — но потому ли, что ваши многочисленныя занятія заставляли васъ забыть объ этомъ, или потому что вы нехорошо поняли всей важности ея просьбы, вы не дали ей никакого отвѣта.

— Чтò жь это за просьба, которую такъ трудно понять и для объясненія которой нуженъ особый посланникъ? спросилъ Нортонъ тономъ смиренія, столь мало соответствовавшимъ настоящему смыслу его словъ.

— Просьба эта состоитъ въ томъ, чтобъ вы позволили ей оставить домъ графини де-Моранси.

— Я отвѣчалъ Маргаритѣ, что по разнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ она не можетъ еще вступить въ семейство, которое, по моей убѣдительной просьбѣ, согласилось принять ее; что надо подождать еще нѣсколько времени.

— Но не было ли бы лучше, еслибъ она дожидалась этого въ другомъ мѣстѣ, а не въ домѣ графини?

— Домъ графини де-Моранси, какъ и она сама, заслуживаютъ полнаго уваженія, милостивый государь.

Аббатъ Фортенъ, въ свою очередь, устремилъ на Нортонна быстрый, пронизательный взглядъ, но не замѣтилъ на лицѣ его никакого замѣшательства. Старикъ зналъ, что передъ нимъ былъ отъявленный лицемеръ, но зналъ также, что онъ не имѣлъ никакого права дать ему это почувствовать, и потому, помолчавъ съ минуту, сказалъ вѣжливымъ, спокойнымъ тономъ:

— Не-уже-ли бѣдному деревенскому священнику суждено лучше проникать въ интриги свѣта, чѣмъ одному изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ нашей эпохи? Врядъ ли можно было бы повѣрить этому, еслибъ не было дознано, что человекъ, предавшійся высшимъ политическимъ соображеніямъ, часто отчуждается отъ міра болѣе, чѣмъ тотъ, кто живетъ въ глуши какого-нибудь отдаленнаго мѣстечка. Вижу, что мы теперь именно въ такомъ положеніи съ вами, — я потому я, бѣдный деревенскій священникъ, постараюсь открыть вамъ глаза и скажу прямо: «нѣтъ, домъ графини де-Моранси не можетъ быть приличнымъ убѣжищемъ для Маргариты».

Лицо Нортонъ умѣло сохранять во всякомъ случаѣ, какъ бы не-ожиданъ онъ ни былъ, совершенное безстрастіе и холодность, и потому слова Фортена не могли произвестъ на немъ ни изумленія, ни досады, и онъ спросилъ его очень спокойно:

— Развѣ Маргарита видѣла въ этомъ домѣ что-нибудь предосудительное, или неприличное?

— Благодаря Бога, до-сихъ-поръ этого еще не было; взоры невинности сами прикрываютъ все дурное своими чистыми лучами; но Маргаритѣ надобно оставить этотъ домъ, для того именно, чтобъ она наконецъ не увидѣла въ немъ чего-нибудь подобнаго. До-сихъ-поръ она только страдала и подвергалась опасности...

— Нельзя ли узнать, чѣмъ она страдала и какой опасности подвергалась?

— Она страдала страданіемъ, непонятнымъ еще для нея-самой, но которому малѣйшее обстоятельство можетъ придать настоящій смыслъ; она подвергалась опасности, которую готовить ей одна изъ самыхъ бурныхъ и необузданныхъ страстей.

— Извините, я не понимаю васъ. Если это страданіе не имѣетъ имени для Маргариты, то оно, вѣроятно, имѣетъ его для васъ и для меня, точно такъ же, какъ и страсть, о которой вы говорите:

Фортенъ взглянулъ строго на г. Нортонъ; такая непонятливость могла быть только притворствомъ, и онъ воскликнулъ громкимъ, выразительнымъ голосомъ:

— Маргарита любитъ г. Шамбеля, сама не понимая своихъ чувствъ къ нему, — вотъ причина ея страданій. Г-жа Шамбель ревнуетъ къ ней своего мужа, — вотъ опасность, которая угрожаетъ ей.

Слова эти были слишкомъ-ясны и не позволяли Нортону упорствовать долѣе въ непонятливости; но, какъ искусный іезуитъ, онъ не смѣшался и отвѣчалъ:

— Если сказанное вами правда, то не моя вина, если домъ графини де-Моранси сдѣлался опасенъ для Маргариты.

Это желаніе оправдаться, когда его не обвиняли, это стараніе сложить всю вину на бѣдную дѣвушку, слабую и беззащитную, возбу-

диди все негодование добраго священника, и онъ возразилъ еще болѣе-строгимъ тономъ:

— Повторяю вамъ, что домъ графини де-Моранси ни въ какомъ случаѣ не приличенъ для Маргариты!

— Вы приводите меня въ изумленіе, г. аббатъ! воскликнулъ Нортонъ, прикидываясь опятъ, что не понимаетъ его: — еслибъ не санъ вашъ, то я могъ бы подумать, что вы слишкомъ-опроечливо повѣрили какой-нибудь клеветѣ. Я имѣю честь знать графиню де-Моранси очень давно и никогда не замѣчалъ, чтобъ...

— Оставимъ прошедшее г-жи де-Моранси; настоящее ея такъ ясно, что можетъ открыть глаза тѣмъ, которые хотятъ видѣть...

— Но не-уже-ли вы поставите въ вину графинѣ эту преступную любовь? и не-уже-ли думаете, что совѣты, еще болѣе преступные...

— Графиня де-Моранси еще такъ хороша собою, что въ подобныхъ дѣлахъ, вѣроятно, не захочетъ быть второстепеннымъ лицомъ; но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ хитра и такъ осторожна, что, конечно, не посовѣстится избрать себѣ ширмами даже самую невинную дѣвушку.

— Позвольте мнѣ опятъ сказать вамъ, что я не понимаю васъ.

Терпѣніе аббата Фортена не устояло противъ этого новаго притворства Нортонъ, и онъ сказалъ громкимъ голосомъ:

— Знайте же, г. аббатъ, что графиня де-Моранси любовница г-на Шамбеля, и что, не смотря на это, она умѣла обратить ревность г-жи Шамбель на Маргариту.

— Что вы это? Богъ съ вами! воскликнулъ Нортонъ, сдѣлавъ крестное знаменіе и замолчалъ, какъ-будто не находя слова, которымъ могъ бы опредѣлить всю дерзость такого обвиненія.

Фортенъ съ смиреніемъ склонилъ голову; онъ понялъ, но слишкомъ поздно, что выраженіе, употребленное имъ, не соответствовало ни лѣтамъ его, ни сану, и прибавилъ тихо:

— Я дурно выразился, г. аббатъ, но сказалъ правду.

Въ первую минуту, Нортонъ подумалъ, что имѣлъ дѣло съ чловѣкомъ робкимъ, который готовъ будетъ отказаться отъ своего мнѣнія; но послѣднія слова старика доказывали противное. Тогда Нортонъ пустился въ длинную іереміаду: говорилъ о клеветѣ, никого не падающей, о безнравственности вѣка, о развратѣ, прививающемся къ самымъ юнымъ сердцамъ. Трудно сказать, какую именно цѣль имѣла эта длинная проповѣдь; но аббатъ Фортенъ понялъ, что въ ней Маргарита была принесена въ жертву графинѣ де-Моранси, и, принявъ опятъ свой строгій видъ, отвѣчалъ сухо:

— Все, что вы сказали, мнѣ кажется очень умно; не мое дѣло входить въ подробное разсмотрѣніе отношеній людей, мнѣ совершенно чуждыхъ, и я готовъ согласиться, что, можетъ-быть, отношенія

ств не такъ порочны, какъ кажутся; но безумная любовь Маргариты къ Шамбелю неподвержена никакому сомнѣнію; она ясна, какъ день, и потому-то непременно должно удалить бѣдную дѣвушку изъ дома, въ которомъ она имѣетъ случай видѣть г-на Шамбеля ежедневно.

— Но если Маргарита такъ легко влюбляется въ перваго встрѣчнаго, то надо знать, раздѣляетъ ли г. Шамбель ея чувства; если даже званіе чело­вѣка женатаго не могло остановить ея страсти, то какой же домъ можетъ служить ей безопаснымъ убѣжищемъ? Она вездѣ встрѣтитъ молодыхъ людей, красивыхъ и любезныхъ...

— Единственное убѣжище, приличное Маргаритѣ, возразилъ Фортенъ: — домъ, гдѣ она была воспитана, и я пришелъ просить васъ позволить мнѣ отвезти ее туда.

— Хорошо, г. аббатъ, хорошо... я... подумаю объ этомъ... я самъ поговорю съ Маргаритой.

— Она стоитъ на краю пропасти; умоляю васъ, не медлите спасти ее. Завтра прійду я за отвѣтомъ.

— Вамъ ненужно беспокоиться: Маргарита сама передастъ вамъ отвѣтъ.

Оба аббата разстались недовольные другъ другомъ. Нортонъ былъ очень озабоченъ всѣмъ случившимся... Отослать Маргариту въ ея монастырь было бы жѣрою самую приличною и самую легкою; но замыслы хитраго аббата могли бы потерпѣть отъ того. Стараясь помѣстить свою питомицу гувернантою въ богатое, знатное семейство, онъ не только хотѣлъ пристроить ее, но и сдѣлать орудіемъ своихъ плановъ, онъ хотѣлъ дѣйствовать посредствомъ ея на членовъ этого семейства, вывѣдать всѣ ихъ тайны и управлять ими по своему произволу. Мало того, онъ, какъ настоящій іезуитъ, для котораго всѣ средства казались позволительными, рассчитывалъ даже на необыкновенную красоту Маргариты и надѣялся, что она только по названію будетъ гувернантою и пріобрѣтетъ скоро всѣ права на полную довѣренность отца своихъ воспитанницъ, который не отличался особеннымъ постоянствомъ.

Все это не позволяло ему удалить Маргариту, и онъ рѣшилъ, что она не возвратится въ монастырь. Но въ домъ графини де-Моранси легко могла случиться какая-нибудь скандалѣзная исторія, въ которой имя Маргариты было бы неминуемо замѣшано, и это конечно воспрепятствовало бы ей вступить въ то семейство, на которое онъ имѣлъ свои виды. Обстоятельство это не позволяло ему оставить Маргариту у графини, и онъ рѣшился въ тотъ же вечеръ прійскать какое-нибудь средство взять ее оттуда подъ благовиднымъ предлогомъ.

Между-тѣмъ, аббатъ Фортенъ, согласно обѣщанію, данному имъ

Маргаритѣ, отправился къ ней, чтобъ разсказать о результатѣ своего визита. Когда онъ пришелъ въ домъ графини де-Моранси, ему сказали, что Маргариты не было дома.

— Если вы желаете видѣть мамзель Маргариту, сказала служанка: — никогда не приходите отъ 3 до 5 часовъ; въ это время, она ежедневно выходитъ со двора.

— А можно ли видѣть графиню? спросилъ аббатъ.

— Нѣтъ, сударь. Она также вышла.

— Вмѣстѣ съ мамзель Маргаритой? •

— Нѣтъ-съ, мамзель Маргарита ушла черезъ четверть часа послѣ графини.

Г. Фортенъ былъ чрезвычайно удивленъ такою странностью, но, не желая показать этого служанкѣ, не сталъ продолжать своихъ вопросовъ и удалился, сказавъ, что прійдетъ опять вечеромъ. Тогда было четыре часа.

Входя въ домъ графини, Фортенъ замѣтилъ стоявшую недалеко отсюда карету, въ которой сидѣла какая-то женщина, проворно спрятавшаяся при его появленіи; то же самое повторилось и при его выхождѣ. Аббатъ тотчасъ понялъ, что она наблюдаетъ за тѣми, кто входитъ въ этотъ домъ и выходитъ оттуда — и мысль, что то могла быть госпожа Шамбель, показалась ему довольно вѣроятною. То, что онъ слышалъ на счетъ Маргариты, чрезвычайно его удивило и онъ напрасно старался объяснить себѣ причину ежедневныхъ ея отлучекъ; все это до того его тревожило, что онъ рѣшился наконецъ также взять наемную карету. Едва успѣлъ онъ помѣститься въ ней, какъ увидѣлъ графиню де-Моранси, возвратившуюся домой вмѣстѣ съ г-жею Ансѣ. Часа полтора спустя, показалась Маргарита, идущая очень скоро; вслѣдъ за нею явился и г. Шамбель, вошедшій къ себѣ въ домъ.

Только-что они успѣли скрыться, какъ дама, сидѣвшая въ каретѣ, поспѣшно выскочила; Фортенъ узналъ г-жу Шамбель: сильное душевное волненіе выразилось на лицѣ ея; бросивъ кучеру какую-то монету и не дождавшись сдачи, она побѣжала къ дому. Фортенъ, опасавшійся какой-нибудь сцены, въ которую могла быть замѣшана Маргарита, пошелъ-было за г-жею Шамбель, чтобъ въ случаѣ нужды заступиться за бѣдную дѣвушку; но г-жа Шамбель вдругъ какъ будто перемѣнила намѣреніе и вошла къ себѣ въ домъ.

Первое слово Шамбеля, возвратившагося въ этотъ день съ прекраснымъ аппетитомъ, было:

— Велите давать кушать.

— Барыни еще нѣтъ дома, отвѣчалъ слуга.

Отвѣтъ этотъ, вѣроятно, не понравился Шамбелю; онъ нахмурился.

ся, и когда Изора явилась домой блѣдная, разстроенная, онъ сказалъ ей тономъ упрека:

— Какъ ты поздно возвращаешься домой, Изора!

— Двумя минутами позже тебя, отвѣчала госпожа Шамбель, заворя поспѣшно дверь комнаты.

— Я уже полчаса здѣсь.

— Ты здѣсь столько времени, сколько мнѣ было нужно, чтобъ выйти изъ кареты, которая стояла передъ домомъ и изъ которой я видѣла тебя возвратившагося вслѣдъ за этой презрѣнной тварью...

— Что это значитъ? воскликнулъ Шамбель, который только теперь замѣтилъ необыкновенную блѣдность жены своей и судорожное трепетаніе всѣхъ ея членовъ. — Что съ тобою? Что хочешь ты сказать? Что значитъ этотъ гнѣвъ?..

— То, что ты злодѣй, ты...

Сильное стѣсненіе груди не позволило ей кончить. Она упала на диванъ блѣдная, съ неподвижнымъ взоромъ, схватившись за голову обѣими руками.

— Но что съ тобою? спросилъ опять Шамбель.

Она встала, не отвѣчая ему ни слова, и вошла въ свою комнату, куда онъ послѣдовалъ за нею; тамъ взявъ графинъ, налила она стаканъ воды и выпила его залпомъ, стараясь пересилить судорожный трепетъ, отъ котораго зубы ея, касаясь хрусталя, стучали объ него. Потомъ, видя, что мужъ смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ, пошла къ зеркалу, поправила волосы и взявъ колокольчикъ, сильно позвонила.

— Подавайте кушанье! сказала она повелительнымъ тономъ вошедшему слугѣ.

— Да скажешь ли ты мнѣ наконецъ, что все это значитъ? воскликнулъ Шамбель.

— Что такое? спросила Изора хладнокровно и какъ-будто съ удивленіемъ.

— Да то, что ты сейчасъ сказала.

— Какъ, развѣ я что-нибудь сказала?.. воскликнула она какъ-будто пробуждаясь...—А что такое сказала я?

— Помилуй, да эти слова: злодѣй и еще что-то...

— А! я сказала это?.. возразила она съ притворнымъ равнодушіемъ.—Можетъ-быть, не помню...

Шамбель глядѣлъ на Изору точно такъ, какъ-будто считалъ ее насмѣшею; она засмѣялась, пожала плечами:

— Пойдемте обѣдать, я не хочу заставлять васъ дольше дожидаться...

— Но я не пойду обѣдать не узнавъ, что значать ваше волненіе, ваши слова...

— Какія слова?..

— Да ть, которыя вы сейчасъ сказали въ той комнатѣ, произнесъ Шамбель съ сердцемъ.

— Вы еще думаете объ этомъ?.. Я уже сказала вамъ, что забыла ихъ... Хотите ли вы идти обѣдать?

— Нѣтъ!

— Какъ вамъ угодно!

Сказавъ это, Изора сѣла на диванъ и, взявъ книгу, стала читать очень спокойно. Шамбель глядѣлъ на нее съ изумленіемъ, ничего не понимая; все это было для него или припадкомъ безумія, или самою обидною насмѣшкою. Онъ прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ не зная, что дѣлать, что начать. Первые слова, сказанныя его женою, были такъ ясны, что нельзя было усомниться въ настоящемъ ихъ значеніи, и вдругъ, послѣ такого взрыва, все прошло, все успокоилось. Нѣсколько минутъ былъ онъ въ жестокомъ и вмѣстѣ комическомъ недоумѣніи, останавливался предъ женою и смотрѣлъ на нее во весь глаза, стараясь поймать на лицѣ какой-нибудь слѣдъ прежней тревоги. Но она читала съ величайшимъ вниманіемъ и даже порою улыбалась.

Положеніе Шамбеля было очень-странно; внутренно возбѣшенный, онъ готовъ былъ на кого-нибудь излить весь гнѣвъ свой, но въ то же время боялся сдѣлать какую-нибудь глупость и измѣнить самому-себѣ. Вообразите человека на краю широкаго оврага, чрезъ который онъ хочетъ перескочить: онъ измѣряетъ его глазами и готовится прыгнуть; но вдругъ мысль, что онъ можетъ упасть, останавливаетъ его, и усиліе, сдѣланное имъ, пропадаетъ даромъ; онъ только снова вытягиваетъ шею, чтобъ заглянуть на дно оврага, поворачивается и отходитъ прочь. Шамбель сдѣлалъ почти то же; онъ кончилъ слѣдующими вопросами:

— Угодно ли вамъ идти обѣдать?

— Съ удовольствіемъ, отвѣчала Изора.

Ласковость этого отвѣта заставила подумать Шамбеля, что онъ можетъ получить наконецъ желаемое объясненіе, и въ ту минуту, когда жена его поравнялась съ нимъ, онъ тихо взялъ ее за руку; но она поспѣшно отдернула руку и лицо ея снова измѣнилось.

— Но, скажи мнѣ ради Бога, что съ тобою? воскликнулъ Шамбель.

Одной минуты было достаточно для Изоры, чтобъ оправиться, и она отвѣчала съ тою жестокою кротостью, которая приводила въ бѣшенство ея мужа:

— Я иду обѣдать; вѣдь ты самъ позвалъ меня.

— Но зачѣмъ же отнимаешь ты у меня руку?

— Мы никогда не имѣли привычки ходить къ столу рука-объ-руку, какъ маленькія дѣти, отвѣчала Изора съ улыбкою.

Изора чувствовала, что не будетъ въ состояніи долго выдержать роль, которую приняла на себя, и потому поспѣшила въ столовую, гдѣ присутствіе слугъ неминуемо должно было заставить и ее и Шамбеля воздержаться отъ всякаго объясненія. Шамбель послѣдовалъ за нею возбужденный до невѣроятности; онъ съ наслажденіемъ переломалъ бы всю мѣбель, бывшую въ комнатѣ, еслибъ не боялся показаться смѣшнымъ. Не имѣя возможности излить гнѣвъ свой этимъ путемъ, онъ сталъ ко всему придираться и все находить дурнымъ; Изора, вмѣсто того, чтобъ противорѣчить ему, во всемъ съ нимъ соглашалась, а это его бѣсило еще болѣе.

— Супъ этотъ никуда не годится! замѣтилъ Шамбель.

— Франсуа! воскликнула Изора, обращаясь къ официанту:— скажи повару, что супъ этотъ никуда не годится.

— Дичь не дожарена!

— Франсуа, скажи повару, что эта дичь не дожарена.

И такимъ образомъ при каждомъ блюдѣ... Сначала, Шамбель не обратилъ на это вниманія; но при четвертой перемѣнѣ онъ взглянулъ на нее съ видомъ, который, казалось, спрашивалъ:

— Что это такое? Ты, кажется, смѣешься надо мною?

Но Изора приняла этотъ взглядъ съ улыбкою, исполненною ласки и кротости.

— Впрочемъ, я сама нѣсколько виновата, что обѣдъ кажется тебѣ такъ дуренъ. Я заставила тебя такъ долго дожидаться.

Шамбель разсердился еще болѣе и поклялся во что бы то ни стало добиться послѣ обѣда объясненія. Казалось, Изора угадала намѣреніе мужа, потому-что почти въ ту же минуту прибавила спокойнымъ тономъ:

— Франсуа, скажи Матильдѣ, чтобъ она приготовила мнѣ одѣться; я сейчасъ послѣ обѣда поѣду со двора...

— Куда же ты хочешь ѣхать? спросилъ Шамбель отрывисто.

— Мнѣ надобно сдѣлать визитъ г-жѣ Азѣ.

— Г-жи Азѣ нѣтъ дома; она обѣдаетъ у графини де-Моранси.

— Ты увѣренъ въ этомъ?

— Какъ-нельзя-болѣе.

— А кто сказалъ это тебѣ?

Шамбель закусилъ губы и отвѣчалъ:

— Графъ де-Моранси.

— Все равно; я все-таки одѣнусь и пойду къ графинѣ де-Моранси нѣсколько ранѣе обыкновеннаго.

— Такъ ты хочешь идти къ графинѣ?

— Развѣ она не принимаетъ?

— Почему же ей не принимать?

— Почему же мнѣ не идти?

— Потому-что я не располагаю быть тамъ.

— Я не хочу мѣшать тебѣ въ дѣлахъ твоихъ, и пойду одна.

— У меня нѣтъ никакихъ дѣлъ. Мнѣ хотѣлось бы остаться дома, и ты бы очень меня одолжила, еслибъ осталась со мною.

Глаза Изоры засверкали отъ гнѣва; но она въ ту же минуту отвѣчала:

— Хорошо, я останусь.

Обѣдъ кончился посреди глубочайшаго молчанія. Г-жа Шамбель становилась мрачной, и мужъ ея съ какою-то радостью видѣлъ, что буря не замедлитъ разразиться. Онъ хотѣлъ узнать во что бы то ни стало, чтѣ все это значило, и еслибъ въ эту минуту хоть нѣсколько раздражилъ досаду Изоры, то безъ сомнѣнія вывелъ бы ее изъ той холодности, въ которой она упорствовала по расчету; но онъ не умѣлъ воспользоваться благоприятнымъ случаемъ, и когда они вышли изъ-за стола, Изора снова приняла на себя видъ веселости и спокойствія, который такъ бѣсилъ ея мужа. Они вошли вмѣстѣ въ гостиную; Изора сѣла къ столу и начала писать какую-то записку съ величайшимъ хладнокровіемъ. Бѣдный Шамбель, хотѣвшій непременно ссоры, спросилъ ее:

— Что ты пишешь?

— Я пишу къ графинѣ де-Моранси, что мы не можемъ быть къ ней сегодня вечеромъ, потому-что ты очень нездоровъ.

— Я не вижу никакой въ этомъ надобности; зачѣмъ писать то, чего нѣтъ?..

— Если тебѣ угодно, я напишу, что мы не будемъ, потому-что тебѣ не хочется...

— Не пиши ничего; это будетъ гораздо-лучше.

Изора взяла записку, бросила ее въ огонь, сѣла подлѣ камина и стала подбирать щипцами уголья. Шамбель снова началъ свою прогулку по комнатамъ; онъ, въ свою очередь, вздумалъ разыгрывать роль равнодушнаго и сказалъ:

— Читала ты этотъ журналъ?

— Читала.

— Что жь, интересенъ?

— Очень интересенъ.

Эти два отвѣта были достаточны, чтобъ остановить дальнѣйшіе вопросы Шамбеля.

— Такъ-то ты хочешь провести со мною вечеръ?

— А чтѣ жь должна я дѣлать?

— Отвѣчать мнѣ, когда я говорю съ тобою.

— Я отвѣчаю.

Шамбель сложилъ на груди руки и, остановясь передъ Изорою, спросилъ:

- Когда кончится эта комедія?
- Когда тебѣ будетъ угодно.
- Ну, такъ объявись.
- О чемъ?
- А! я вижу, это все одно и то же!
- Кажется.
- Прощай!
- Прощай!

Шамбель заперся въ своемъ кабинетѣ, а Изора кликнула горничную и стала одѣваться. Шамбель былъ взбѣшонъ и встревоженъ... Изора знала что-то, но что именно? Въ этомъ-то и заключалась вся тайна; напрасно старался онъ угадать ее; напрасно ломалъ себѣ голову: ни одно изъ его предположеній не могло казаться ему возможнымъ. Наконецъ, онъ рѣшился пойти къ Изорѣ и заставить ее говорить; но едва успѣлъ онъ переступить черезъ порогъ ея комнаты, какъ горничная, подавъ ему записку, сказала:

«Ты, вѣрно, занятъ работой, и такъ-таки присутствіе мое тебѣ не нужно, то я отправилась къ графинѣ де-Моранси; передъ которою званию тебя.»

Записка эта была для Шамбеля громовымъ ударомъ. Изора ушла, ушла безъ его позволенія!.. Гнѣвъ закипѣлъ въ груди его; но скоро тысячи опасеній замѣнили въ немъ это чувство... Изора была у графини! Изора, вспыльчивая, рѣшительная, готовая на все въ пылу страсти; Изора, доказавшая уже, какъ мало она дорожила мнѣніемъ свѣта!.. Все это представилось ему; онъ хотѣлъ-было писать къ ней, чтобъ она воротилась домой; но она могла не послушаться... Его страшилась какая-нибудь сцена въ-присутствіи графини и гостей ея... Мысли его растерялись; онъ самъ не зналъ, что дѣлать... наконецъ, схватилъ шляпу и побѣжалъ къ графинѣ.

IV.

Трепещущій, запыхавшійся, подошелъ онъ къ двери салона. Шумный, оживленный говоръ заставилъ его остановиться; мысль, что сцена, которой онъ такъ страшился, началась уже, обляла его холодомъ; онъ хотѣлъ-было воротиться, но громкій смѣхъ, раздавшійся вскорѣ за тѣмъ, остановилъ его; онъ вообразилъ, что смѣялись надъ нимъ, и страхъ превратился въ ярость. Онъ вошелъ стремительно—и чрезвычайно удивился, что появленіе его не произвело никакого особеннаго эффекта. Гости, составлявшіе обыкновенное общество графини, сидѣли очень спокойно; между ними Шамбель увидѣлъ аббата

Фортена, разговаривавшаго отдѣльно съ Юліемъ. Г. Милонъ занималъ середину круга и оканчивалъ какой-то рассказъ, который, казалось, былъ очень смѣшонъ; Шамбель слышалъ только послѣднія слова этого разсказа и не обратилъ на нихъ вниманія, еслибъ г. Милонъ, въ видѣ заключенія, не прибавилъ, адресуясь къ нему:

— Какъ жаль, что вы не были сегодня въ редакціи! Клянусь вамъ, любезный другъ, вы много потеряли: тамъ случилась самая забавная сцена...

Шамбель не отвѣчалъ ни слова и съ недовольнымъ видомъ сѣлъ подлѣ графа де-Моранси, который, противъ обыкновенія, взглянулъ на него значительно, не измѣнявъ, впрочемъ, своего неподвижнаго положенія. Между-тѣмъ, разговоръ продолжался:

— Ну, что же, любезная г-жа Азье! воскликнулъ г. Милонъ: — когда подарите вы насъ новымъ своимъ романомъ: *Добродѣтельный Супругъ*?

— Онъ давно уже конченъ; но мой издатель медлитъ выпускомъ.

Г. Нортонъ, сидѣвшій въ отдаленіи во время разсказа г. Милона, какъ человекъ, считавшій неприличнымъ принимать участіе въ общей веселости, всталъ и, подошедъ къ камину, сказалъ съ важно-стію:

— Да, желательво, чтобъ романъ этотъ появился скорѣе; послѣ всѣхъ безнравственныхъ книгъ, развращающихъ общество, пора бы отдохнуть надъ сочиненіемъ благонамѣреннымъ.

— Не знаю, успѣю ли я достигнуть цѣли, которую предположила себѣ, сказала г-жа Азье съ смиреннымъ видомъ:—но если книга моя подѣйствуетъ хоть нѣсколько на умы, то, можетъ-быть, она успѣетъ остановить людей слабыхъ и малодушныхъ, которые, давая волю страстямъ своимъ, часто теряютъ и доброе имя, и семейное счастье.

— Если книга ваша можетъ произвестъ такое благодѣтельное дѣйствіе, замѣтила г-жа Шамбель:—то подвигъ вашъ будетъ поминивъ великъ.

— Я не вижу, почему бы книга нравственная не могла произвести хорошаго вліянія, когда столько порочныхъ поступковъ и слабостей происходятъ отъ чтенія сочиненій безнравственныхъ.

Г-жа Шамбель не могла не примѣнить къ себѣ этой фразы; она поняла эпиграмму, но, какъ женщина умная, притворилась, что не понимаетъ ея, и отвѣчала очень спокойно:

— Если я сомнѣвалась въ благотворномъ вліяніи вашей книги, не смотря на всю нравственную цѣль ея, то сомнѣвалась потому-что не вѣрю также вліянію такъ-называемыхъ дурныхъ книгъ.

— Какъ? воскликнулъ аббатъ Нортонъ:—вы думаете, что порокъ,

выставляемый безпрестанно въ розовыхъ краскахъ, не можетъ имѣть вреднаго вліянія на юность, не можетъ развращать ея?..

— Юность, возразила г-жа Шамбель съ жаромъ:—я такъ думаю по-крайней-мѣрѣ, подвержена страстямъ, которыя и безъ пособія вредныхъ сочиненій развиваются сами-собою, не смотря ни на какой бдительный надзоръ. Сколько есть молодыхъ дѣвушекъ, которыя, не читавъ никогда ничего, кромѣ книгъ нравственныхъ, забываютъ все свои обязанности и въ порочности своего поведенія далеко превосходятъ женщинъ, не убѣгающихъ чтенія книгъ, называемыхъ опасными.

При этихъ словахъ, аббатъ Фортенъ всталъ и вышелъ на середину салона, какъ-будто приготовляясь заштитить ту, къ которой относилось это обвиненіе. Но аббатъ Нортонъ успѣвшиль возразить:

— Еслибъ такая дѣвушка существовала, она была бы чудовищемъ; но я увѣренъ, что этого быть не можетъ, и въ этомъ ручается вамъ моя опытность.

Это возраженіе аббата Нортона, и тонъ, съ какимъ оно было произнесено, доказало г-жѣ Шамбель, что обвиненіе, сдѣланное ею, было понято, и какъ всѣ умы, предубѣжденные въ чемъ-нибудь, она тутъ же подумала: «Маргариту защищаютъ, следовательно, она виновна». Лукавый взглядъ, брошенный графиней де-Моранси на г-жу Азье, серьёзный видъ г-на Милоня, движеніе, сдѣланное аббатомъ Фортенемъ, — все это еще болѣе убѣдило ее въ предположеніи. Итакъ, интрига мужа ее была извѣстна всѣмъ! До-сихъ-поръ, г-жа Шамбель еще сомнѣвалась, теперь сомнѣніе превратилось въ увѣренность. Она вдругъ поблѣднѣла; чувство горести, казалось, готово было уничтожить ее; но она почти въ ту же минуту оправилась и глаза ее засверкали гнѣвомъ. Г. Милонъ, знавшій свѣтъ и сердце человеческое гораздо-лучше, чѣмъ аббатъ Нортонъ, хотѣлъ дать г-жѣ Шамбель время оправиться, и съ живостию, которая была не въ его характеръ, сказалъ Нортону:

— Извините меня, почтеннѣйшій аббатъ, но мнѣ кажется, что тѣмъ, защищаемая вами, не совсѣмъ справедлива...

Нортонъ взглянулъ съ удивленіемъ на человѣка, осмѣливагося сказать ему прямо, что онъ ошибался, и отвѣчалъ съ колкостью:

— Можетъ-быть, г-жа Шамбель права; есть люди, которыхъ новейшая литература не могла уже развратить.

— Конечно, возразилъ г. Милонъ, насмѣшливымъ тономъ: — есть мужчины и женщины, которые были уже развращены прежде существованія настоящей литературы; итакъ, если она не была виною разврата прошедшаго, то почему же ей быть причиною разврата будущаго?

Графиня де-Моранси и г-жа Азье, взглянувъ другъ на друга, въ

смущеніи опустили глаза. Шамбель сидѣлъ молча, какъ истуканъ; графъ де-Моранси повернулся въ своихъ креслахъ, и это было знакомъ, что онъ понялъ эпиграмму г. Милона. Нортонъ также понялъ ее, но его іезуитское лицо осталось совершенно-спокойно, и онъ продолжалъ тихо съ прежнею важностью:

— Это большая разница...

— А я такъ думаю, что тутъ нѣтъ никакой разницы...

— Но какое заключеніе хотите вы вывести изъ всего этого? спросила г-жа Азье съ презрительною миною.

— А вотъ какое, отвѣчалъ Милонъ съ улыбкой, и какъ человѣкъ, желающій кончить скорѣе скучный, тяжелый разговоръ: — я думаю, что свѣтъ и теперь точно таковъ же, какъ былъ всегда; добро и зло управляютъ имъ почти въ равной степени; но проявленіе ихъ можетъ быть уже не то...

Въ эту минуту Милонъ стоялъ подлѣ г-жи Шамбель, которой испытующій взоръ былъ устремленъ на Маргариту, и бѣдная дѣвушка невольно отъ него трепетала.

— Я думаю, прибавилъ Милонъ съ улыбкой, обращаясь къ Изаоръ: — я думаю, вы часто видите зло тамъ, гдѣ его нѣтъ, и обвиняете невинныхъ; не смотря на то, читаютъ ли они дурныя книги, или не читаютъ.

Изаора не могла не понять намѣренія г. Милона, и гнѣвъ ея усилился отъ-того еще болѣе: стало-быть, ревность, мучившая ее, была обнаружена столь явно, что все ее замѣтили; стало-быть, она сама выставила себя съ смѣшной стороны. Этого новаго огорченія она не могла простить Маргаритѣ; она успѣла однакожь пересилить свою досаду, и отвѣчала Милону:

— Да, вы правы, часто обвиняютъ невинныхъ, и...

— И эти обвиненія, не смотря на всю ихъ несправедливость, бывають почти всегда пагубны, следовательно преступны, сказалъ аббатъ Фортенъ, перебивъ г-жу Шамбель. — Преступны, потому-что, не повредивъ невинности даже въ мнѣніи свѣта, они тѣмъ не менѣе разрушаютъ чистоту ея, давая ей понятіе о порокахъ, — а невинность подобна нѣжному цвѣтку, который увядаетъ отъ малѣйшаго прикосновенія...

Сравненіе это дурно удалось доброму аббату.

— Вы совершенно правы, господинъ-аббатъ, воскликнула г-жа Шамбель съ примѣтною радостью: — и я вполне раздѣляю ваше мнѣніе, что съ нѣжными цвѣтами надобно обращаться осторожно. Отъ-того-то я нечитаю всегда святотатствомъ забаву влюбленныхъ, которые, желая узнать, платятъ ли имъ взаимностью, обрываютъ листки бѣдной *маргаритки*...

Такое заключеніе произвело эффектъ необыкновенный.

— Эта женщина взбѣсилась! подумалъ г. Милонъ. Шамбель выпучилъ глаза: онъ теперь только понялъ заблужденіе жены своей; г. де-Моранси повернулся; Нортонъ потупилъ глаза предъ взоромъ аббата Фортена, полнымъ негодованія, а г-жа Азье и графиня де-Моранси остались совершенно-спокойными, какъ-будто не поняли сказаннаго.

Нѣсколько минутъ продолжалось глубочайшее молчаніе, во время котораго Изора, окинувъ торжествующимъ взоромъ все собраніе, остановила его наконецъ на бѣдной двушкѣ. Маргарита не могла выдержать этого взгляда; голова ея склонилась на грудь, и страшная блѣдность покрыла лицо... Графиня де-Моранси, видя это, такъ перепугалась, что, желая удалить Маргариту, сдѣлала ей какое-то порученіе. Маргарита вышла изъ гостиной шатаясь. Аббатъ Фортень хотѣлъ-было посядовать за нею, но г. Нортонъ остановилъ его, сказавъ ему тихо:

— Не показывайте вида, что вы замѣтили смущеніе Маргариты: это значило бы подтвердить сдѣланное противъ нея обвиненіе... Успокойтесь, я все устрою и дамъ вамъ обѣщаніе удалить ее изъ этого дома.

Все это случилось при началѣ вечера, и только прїездъ новыхъ гостей могъ уничтожить монотонность разговора, которая была неминуемымъ слѣдствіемъ описанной нами сцены. Шамбель подошелъ къ женѣ своей и очень-тихо спросилъ ее, не расположена ли она возвратиться домой; но Изора отвѣчала очень-громко, что никогда еще не находила столько удовольствія въ прїятномъ обществѣ, въ которое онъ ввелъ ее, какъ теперь, — и чтобъ довершить свое мщеніе, нашла средство привлечь къ себѣ простодушнаго Юлія, заставивъ его присидѣть рядомъ съ собою болѣе двухъ часовъ. Бѣдный юноша былъ такъ удивленъ этимъ неожиданнымъ счастьемъ, что г-жа Шамбель едва могла воздержаться отъ смѣха, видя съ какою благоговѣйною страстью онъ смотрѣлъ на нее.

Во взглядахъ Изоры было столько жалкой пронія къ страстнымъ выраженіямъ молодого человека, что только одна глупая еуетность Шамбеля не могла замѣтить этого... Другой, болѣе-опытный мужъ, оставилъ бы безъ вниманія подобныя шутки жены своей, и онъ самой ей наконецъ наскучили бы. Но онъ выказывалъ свое негодованіе и досаду, а это заставило ее еще болѣе усилить свое кокетство. Вообще, комедія была разыграна прекрасно. Графиня де-Моранси удалось какъ-целься-лучше удалить отъ себя ревнивыя подозрѣнія г-жи Шамбель. Изора успѣла въ полной мѣрѣ взбѣсить своего мужа; но какія же роли занимали во всемъ этомъ Маргарита и Юлій, — Маргарита, которую г-жа де-Моранси компрометтировала такимъ недостойнымъ образомъ; Юлій, котораго г-жа Шам-

бэль завлекла такъ безжалостно, играя его юношескою любовью? Они были не что иное, какъ жертва преступныхъ страстей, и еслибъ наконецъ глаза ихъ открылись, еслибъ они поняли, какія роли заставляли играть ихъ и захотѣли бы заплатить зломъ за зло имъ сдѣланное, — аббатъ Нортонъ первый сталъ бы кричать, что ихъ развратила новѣйшая литература!.. Но комментаріи не должны предшествовать фактамъ, и мы возвращаемся къ разсказу.

Ревность, какъ перемежающаяся лихорадка, имѣетъ свои пароксизмы, за которыми слѣдуетъ общее расслабленіе тѣла. Ни одинъ больной не былъ бы въ состояніи перенести очень-долго лихорадочную дрожь, оледеняющую весь составъ его; ни одно сердце не выдержало бы продолжительнаго напряженія гнѣва, которому была предана Изора нѣсколько часовъ сряду, и она возвратилась домой въ совершенномъ изнеможеніи. Шамбель понялъ это состояніе и хотѣлъ воспользоваться имъ; видя жену свою слабую, онъ хотѣлъ снова начать борьбу, надѣясь выйти изъ нея побѣдителемъ. Къ-тому же онъ думалъ, что имѣлъ теперь надъ нею большое преимущество; Изора ревновала къ Маргаритѣ, Изора обманывалась: она безъ всякаго размысленія предавалась слѣпой страсти, а поэтому онъ имѣлъ право наказывать ее, могъ торжественно протестовать противъ обвиненія, на него возводимаго. Мы не будемъ утверждать, чтобъ Шамбель выучился такимъ уверткамъ въ школѣ аббата Нортонна; онъ довольно свойственны каждому человѣку и для нихъ не нужно никакихъ уроковъ.

Когда Изора и мужъ ея возвратились домой, Шамбель терпѣливо ожидалъ минуты, въ которую они должны были остаться одни. Изора медлила своимъ раздѣваніемъ, и старалась удержать при себѣ какъ-можно-дольше горничную; но Шамбель, казалось, не обращалъ на это вниманія и преспокойно сидѣлъ у камина; Изора нѣсколько разъ, въ-продолженія этого времени, старалась возвращать себѣ ту энергію, которая поддерживала ее нѣсколько часовъ сряду; но всѣ усилія ея были напрасны; она была такъ слаба, что не имѣла даже силъ сердиться. Наконецъ, когда они остались одни, она сказала мужу:

— Вижу ваше намѣреніе; вы хотите во что бы ни стало добиться объясненія; но будьте великодушны, оставьте это до завтра; я чувствую себя очень нездоровой, и вы хоть изъ сожалѣнія должны дать мнѣ успокоиться...

— Конечно! воскликнулъ Шамбель твердымъ голосомъ. — Вамъ было угодно оскорбить меня своими словами, взбѣсить своимъ молчаніемъ, раздражить своимъ отъѣздомъ, пристыдить своею вспыльчивостію, сдѣлать меня предметомъ насмѣшекъ, и я долженъ снести все это терпѣливо, и вамъ будетъ довольно сказать: «оставьте меня,

я нездорова», чтобъ принудить меня къ молчанію?.. Нѣтъ, сударыня, не будетъ этого!

— Какъ вамъ угодно, отвѣчала Изора съ видомъ притворной покорности. — Я могла бы выслушать васъ и завтра; но вы хотите, чтобъ это было теперь же: хорошо, пусть будетъ по-вашему; говорите.

Шамбель сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, какъ-будто для того, чтобъ приготовиться къ своей импровизации; потомъ, ставъ прямо предъ женою, началъ:

— Выслушай меня со вниманіемъ, Изора, и пусть слова мои послужатъ тебѣ урокомъ на будущее время. Ты добра, сердце у тебя прекрасное, и я знаю, что нѣтъ жертвы, которую ты не была бы въ состояніи принести тѣмъ, кого любишь.

— Вы знаете это?.. сказала Изора съ горькою улыбкой.

— Да, знаю; отвѣчалъ Шамбель тономъ декламатора:—но знаю также, что если какая-нибудь мысль заберется тебѣ въ голову, то она кажется тебя непреложною: ты предаешься ей со всѣмъ жаромъ и дѣйствуешь сообразно съ нею, не щадя ни себя, ни другихъ.

Взоръ, обращенный въ эту минуту Изорою на мужа, былъ полонъ слезъ, и она отвѣчала ему глухимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Вы убѣждены въ этомъ, не правда ли? Вы видѣли тому первое и самое торжественное доказательство.

Шамбель сдѣлалъ движеніе, обнаруживавшее все его нетерпѣніе, но Изора возразила грустнымъ тономъ:

— Продолжайте, продолжайте; вы возбудили въ душѣ моей самое горькое воспоминаніе; я вѣрю, что вы сдѣлали это безъ намѣренія и не сержусь на васъ; — продолжайте...

Шамбель нѣсколько минутъ молчалъ; онъ неосторожно опредѣлялъ этотъ характеръ, которому былъ обязанъ любовію и самоотверженіемъ Изоры, и чувствовалъ, что справедливость не позволяла ему оуждать то, чѣмъ онъ самъ воспользовался. Не зная, что сказать, онъ началъ ходить скорыми шагами по комнатѣ, съ примѣтною досадою на самого-себя, между-тѣмъ, какъ Изора, погружаясь въ глубокую думу, можетъ-быть, обратилась мысленно къ прошедшему, и не смотря на всѣ усилія, не могла удержать слезъ, которыми наполнились глаза ея. Пьерръ также былъ не совсѣмъ спокоенъ; совѣсть пробудилась въ немъ; ему стало стыдно, что онъ обманывалъ ту, которая пожертвовала ему всѣмъ, и увлеченный первымъ движеніемъ, которое было бы прекрасно и исправило бы все, еслибъ могло съзваться чистосердечнымъ признаніемъ, протянулъ руку къ Изорѣ, сказавъ съ нежностью:

— Клянусь тебѣ честью, Изора, ты ошиблась...

Изора вскочила, чтобъ взять руку Пьерра; но прежде, чѣмъ она

успѣла прикоенуться къ ней, взоръ его встрѣтился съ ея взоромъ; она остановилась и упала въ кресла, сказавъ ему грустымъ, но спокойнымъ голосомъ:

— Я не вѣрю тебѣ...

При этомъ словѣ, гнѣвъ Шамбеля вспыхнулъ снова.

— Итакъ, воскликнулъ онъ: — когда я даю тебѣ честное слово, когда я клянусь, что ты ошибаешься, ты отвѣчаешь мнѣ, что я лгу?

— Нѣтъ, Пьерръ, отвѣчала Изора съ кротостью: — я не говорю, что ты лжешь: я сказала только, что не вѣрю тебѣ; можетъ-быть, я поступаю дурно, но чтѣ жь мнѣ дѣлать, если это такъ... Какой-то тайный голосъ говоритъ мнѣ, что ты меня обманываешь; подозрѣніе это уже давно терзаетъ меня...

— Итакъ, воскликнулъ Шамбель съ живостію: — основываясь на пустомъ подозрѣніи, ты рѣшилась обвинять бѣдную, невинную дѣвушку, которая даже не могла понять твоихъ грубыхъ ругательствъ?

Г-жа Шамбель выпрямилась въ своихъ креслахъ; вся сила думъ ея возвратилась въ эту минуту...

— Моихъ грубыхъ ругательствъ! повторила она. — За кого же вы принимаете меня, сударь? Кому вы говорите это?

— Той, которая назвала меня обманщикомъ и подлецомъ, возразилъ Шамбель, взбѣшенный въ свою очередь угрожающимъ видомъ жены.

Изора взглянула на него презрительно и отвѣчала холоднымъ, насмѣшливымъ тономъ:

— Я была не права и прошу у васъ прошенія; если вамъ угодно, я даже извинюсь передъ бѣдной и невинной дѣвушкой, которую такъ оскорбила своими грубыми ругательствами; но, я думаю, она такъ чиста, такъ непорочна, что не могла понять ихъ, и извиненіе это было бы новымъ для нея оскорбленіемъ.

— Да, сударыня, отвѣчалъ Шамбель: — чистота и непорочность ея таковы, что вы не въ состояніи понять ихъ.

— Довольно, довольно, сударь! воскликнула г-жа Шамбель: — вамъ слѣдовало бы по-крайней-мѣрѣ, хоть изъ вѣжливости, выбрать кого-нибудь другаго, а не меня въ повѣренныя своей страсти.

— Ты все-таки вѣришь этому вздорному подозрѣнію?..

— Вѣрю, отвѣчала сухо г-жа Шамбель.

— Но это просто безуміе! воскликнулъ Шамбель съ запальчивостью.

— Пусть это будетъ безуміемъ; но я знаю, что ты обманываешь меня: у меня есть на то доказательство.

— Доказательство? повторилъ Шамбель, взглянувъ на жену съ видомъ жалкаго презрѣнія.

Страсть увлекла Изору до того, что она сказала неправду; гор-

дость в внутреннее убеждение въ измѣнѣ мужа заставили ее поддержать сказанное.

— Да, повторила она:— у меня есть доказательство.

— Хорошо, воскликнулъ Шамбель:— я требую, чтобы ты представила его мнѣ.

Торжествующій видъ Шамбеля раздражилъ Изору; она видѣла тутъ человека, принявшаго такъ искусно всѣ предосторожности, что улыбка не будетъ страшна для него, и отвѣчала:

— Вы будете удовлетворены.

— Да, сударыня, вы должны представить мнѣ это доказательство, слышите ли, должны? Если же вы этого не сдѣлаете, я скажу вамъ однажды-навсегда, что мнѣ надоѣли всѣ эти смѣшныя порывы ревности, возмущающіе мое спокойствіе, и что я не намѣренъ переносить ихъ болѣе.

Шамбель вышелъ изъ комнаты; онъ торжествовалъ; онъ поставилъ жену свою въ такое положеніе, что она должна была или сознаться въ своей винѣ, или доказать то, что не существовало. Побѣда казалась ему блистательною. Бѣднѣжка! онъ и самъ не зналъ, какой огонь раздулъ онъ такъ неосторожно...

v.



Сцена, случившаяся наканунѣ въ домѣ г-жи де-Моранси, столь ясная для всѣхъ, могла, однакожь, быть понята не всеми. Нѣсколько общахъ выраженій, которыя каждый былъ воленъ толковать по-своему и оцѣнить, довольно-удачный каламбуръ, вырвавшійся у г-жи Шамбель какъ-бы невольно, — вотъ все, чѣмъ отличался этотъ вечеръ. Всѣ, бывшіе тогда вмѣстѣ, могли свидѣться опять безъ особенныхъ объясненій; г-жа Шамбель понимала это и хотѣла, чтобы мужъ ея также это понималъ:

— Ты совершенно справедливо опредѣлилъ мой характеръ, сказала она ему на другой день:— я дѣйствительно не умѣю противиться влеченію перваго чувства, хорошо ли оно или дурно, — и теперь, сдѣлавшись гораздо-спокойнѣе, я тщетно стараюсь объяснить себѣ чувство, увлекшее меня вчера. Аббатъ Нортонъ сказалъ правду: эта молодая дѣвушка была бы чудовищемъ, еслибъ была способна на преступленіе, въ которомъ я виналъ ее; она была бы тогда олицетвореннымъ развратомъ.

Говоря такимъ образомъ о Маргаритѣ, Изора внимательно смотрѣла на мужа; но онъ оставался совершенно-спокоенъ, и Изора, убажденная въ дѣйствительности его измѣны, подумала въ эту минуту: «Я не воображала, чтобы онъ могъ быть скрытенъ до такой степени; я отзываюсь такъ презрительно о женщинѣ, которую онъ лю-

бить, и это нисколько не дѣйствуетъ на него; онъ холоденъ какъ ледь!»

Шамбель, не придавая вѣры чистосердечію раскаянія жены своей, воспользовался однакожь случаемъ, чтобъ сдѣлать ей самыя благоразумныя и самыя отеческія наставленія, которыя она приняла съ такою кротостію и смиреніемъ, что это, конечно, испугало бы всякаго другаго болѣе-опытнаго человѣка. Было уже около часа, какъ Шамбель ушелъ со двора, не подозрѣвая, что жена его наканунѣ еще просила у г-жи де-Моранси позволенія прійти къ ней съ работою на цѣлое утро. Графиня не смѣла отказать ей и готовилась принять ее, когда Пьерръ вошелъ въ гостиную, гдѣ она сидѣла вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Юліемъ. Приходъ Шамбеля, казалось, былъ очень ей непріятенъ, и когда онъ сѣлъ подлѣ нея, графиня сказала ему тихо:

— Зачѣмъ вы пришли утромъ?

— Чтобъ узнать о вашихъ планахъ насчетъ вечера.

— Я не выѣду сегодня никуда; буду цѣлую недѣлю сидѣть дома; мы должны быть теперь осторожнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ Шамбель: — что подозрѣнія, обнаруженныя вчера, могутъ быть самымъ лучшимъ ручательствомъ нашей безопасности.

— Да, еслибъ Маргарита была еще здѣсь; но аббатъ Нортонъ увезъ ее нынче утромъ, и вы понимаете, что намъ надобно будетъ принять теперь другія мѣры, потому-что теперь отлучка ея не могутъ уже прикрывать моихъ отлучекъ.

— Ея отлучки? повторилъ Шамбель съ удивленнымъ видомъ: — такъ она выходила въ одни часы съ вами, и вы знали это?

Графиня, казалось, была очень смущена этимъ вопросомъ и отвѣчала, склонивъ голову на пальцы, за которыми работала:

— Я узнала объ этомъ только нынче утромъ; случай благопріятствовалъ намъ... Но уйдите, ради Бога; жена ваша можетъ сію минуту быть здѣсь.

Сказавъ ему о желаніи изъясненномъ Изорою наканунѣ, она прибавила:

— Кто знаетъ, что она могла бы подумать, еслибъ застала васъ здѣсь!

— Она, вѣроятно, подумала бы, что я пришелъ для Маргариты.

— Послѣ того, что случилось вчера, это было бы величайшимъ неблагоразуміемъ; она, конечно, не повѣрила бы, чтобъ вы могли быть такъ неосторожны, и этого было бы достаточно, чтобъ удостовѣрить ее въ заблужденіи.

— Но что же располагаете вы дѣлать? что будете говорить ей? спросилъ Шамбель съ безпокойствомъ.

— Это будетъ зависѣть отъ того, какъ она сама поведетъ себя, и отъ ея вопросовъ; но, пожалуйста, уйдите поскорѣе; я найду какое-нибудь средство увѣдомить васъ о томъ, что здѣсь было; постараюсь удержать ее къ обѣду, и въ-продолженіе вечера мы вѣрно найдемъ случай поговорить другъ съ другомъ.

Шамбель повиновался нехотя, а графиня была очень-рада, что успѣла отдѣлаться отъ неловкаго союзника въ сценѣ, которая должна была разыгратъ скоро. Черезъ нѣсколько минутъ явилась г-жа Шамбель, и графиня съ перваго взгляда поняла, что контр-мина, приготовленная ею, произведетъ именно то дѣйствіе, котораго она ожидала. Г-жа Шамбель вошла съ улыбкою на устахъ, которая ничего еще не доказывала; но она отвѣчала на робкій поклонъ Юліи тѣмъ ласковымъ, пріятливымъ взглядомъ, который, казалось, говорилъ: «Съ удовольствіемъ припоминаю нашъ пріятный вчерашній разговоръ.» Г-жа де-Моранси съ первыхъ словъ хотѣла испытать, въ какомъ расположеніи духа была г-жа Шамбель и, спросивъ ее о здоровьи, прибавила съ участіемъ:

— Мнѣ показалось вчера вечеромъ, будто вы несовсѣмъ-хорошо себя чувствовали.

— Я? Напротивъ! отвѣчала Изора и, обратясь къ Юлію, спросила: — Не-уже-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, вчера былъ у меня болѣзненный видъ?

— Напротивъ, отвѣчалъ Юліи, счастливый тѣмъ, что обратились къ нему съ подобнымъ вопросомъ:—я никогда не видалъ васъ столь...

Последнее слово замерло на устахъ Юліи; бѣдный юноша не смѣлъ сказать, что никогда не видалъ г-жу Шамбель столь очаровательною, прекрасной, и пр. и пр. Г-жа де-Моранси, замѣтивъ, что начало фразы Юліи обѣщало что-то любезное, была очень раздосадована, что онъ остановился на такой прекрасной дорогѣ, и сказала ему съ нетерпѣніемъ:

— Столь, столь... Ну, что жъ далѣе?

Юліи покраснѣлъ и смутился, а г-жа Шамбель прибавила смѣясь:

— Столь здоровою, хотѣли вы вѣрно сказать?

Г-жа де-Моранси вздумала помочь племяннику и возразила:

— Я увѣрена, что онъ хотѣлъ сказать совсѣмъ другое.

— Впрочемъ, изъ того, что господинъ Юліи могъ бы сказать мнѣ, это было бы всего любезнѣе, потому-что болѣзнь рѣдко оставляетъ женщинъ красоту ея.

Искусство, съ какимъ г-жа Шамбель умѣла растолковать въ свою пользу недоконченную фразу Юліи, обнаружило г-жѣ де-Моранси планы ея. Но дѣйствительное ли мнѣніе было целью этихъ плановъ, или она ограничивалась только желаніемъ внушить Шамбелю опасенія, — вотъ чего не могла угадать графиня; однакожь, собственная ея

польза заставляла ее способствовать этимъ планамъ, и она приступила къ этому по-своему.

— Юліи, сказала она:—подай г-жѣ Шамбель скамейку...

Изора поставила на скамейку ноги, поблагодаривъ Юлію точно такъ, какъ-будто услуга эта была сдѣлана имъ по собственному его побужденію; а г-жа де-Моранси тутъ же воскликнула:

— Ахъ, какого прекраснаго цвѣта у васъ ботишки!

— Вамъ нравятся? сказала г-жа Шамбель смѣясь и выставивъ еще болѣе свои хорошенькія ножки, на которыя Юліи смотрѣлъ страстно, и прибавила потомъ:

— Ну, что же, г. Юліи?

— Что прикажете? спросилъ онъ съ видомъ удивленія.

— Ну, что же, повторила г-жа Шамбель съ веселою улыбкой: — фраза совсѣмъ готова, вамъ стѣитъ только кончить ее...

— Какая фраза? спросилъ Юліи, не догадываясь ни о чемъ.

— О! возразила г-жа Шамбель съ улыбкой: — я не имѣю права сама окончить эту фразу; я ожидала, что вы это сдѣлаете.

— Извините, я не понимаю васъ, сударыня! отвѣчалъ простодуш-но Юліи.

— Это ничего; вы очень искусно избѣжали силковъ, вамъ разста-вленныхъ...

— Какихъ силковъ? спросилъ Юліи, для котораго все это было китайскою грамотою.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Изора смѣясь:—всякій другой на вашемъ мѣстѣ непременно прибавилъ бы: могутъ ли прекрасныя ножки быть обуты не хорошо?

— Точно; я долженъ былъ бы сказать это, отвѣчалъ Юліи въ смущеніи.

Г-жа Шамбель и графиня громко засмѣялись при этомъ словѣ, ска-занномъ Юліемъ съ самымъ комическимъ отчаяніемъ, и смѣхъ еще усилился, когда Юліи, чтобъ поправиться, прибавилъ:

— Но я подумалъ это...

— Послушайте же, г. Юліи, сказала г-жа Шамбель съ улыбкой: —когда вамъ случится подумать что-нибудь подобное о другой жен-щинѣ, скажите ей это прямо; это очень пошло, но будетъ всегда приятно. Спросите объ этомъ хоть у вашей тетушки.

Г-жа де-Моранси взглянула быстро на г-жу Шамбель; она не зна-ла, какъ принять эти слова и не были ли они колкою эпиграммой; но опасеніе это разсѣялось, когда Изора прибавила съ кроткимъ видомъ:

— Позвольте мнѣ позабавиться немного простодушіемъ вашего милаго племянника?..

Г-жа де-Моранси отвѣчала на это благосклоннымъ взглядомъ, по-думавъ сама: «Да, она хочетъ придать этому видъ шутки, чтобъ при-

крыть ею все, когда дѣло дойдетъ до чего-нибудь серьезнаго; это довольно-хитро, но такъ-какъ это можетъ послужить имъ въ пользу, то пусть она думаетъ, что я ей вѣрю». Сцена, бывшая наканунѣ, доказала, что г-жа Шамбель не умѣла владѣть собою и шла къ предполагаемой цѣли прямо, безъ всякихъ предосторожностей. Боясь, чтобъ размышленіе не остановило Иворы на пути ея избранномъ, г-жа де-Моранси рѣшилась оставить ей полную свободу кокетничать съ Юліемъ, надѣясь, что она сама обожжется наконецъ раздутымъ ею пламенемъ, и вышла изъ комнаты. Еслибъ г-жа де-Моранси остановилась подслушать у дверей, то увѣрилась бы еще болѣе въ справедливости своихъ предположеній, потому-что немедленно послѣ ея ухода Изора, обратясь къ Юлію, сказала съ особенною ласкою:

— Ну, г. Юлій, помните ли вы о чемъ мы говорили съ вами вчера вечеромъ?

При этомъ вопросѣ, бѣдный юноша затрепеталъ всѣмъ тѣломъ.

— О, конечно, помню!

— А что вы думаете обо всемъ этомъ? спросила Изора, потупивъ глаза, какъ-будто страшилась услышать отвѣтъ.

— Не спрашивайте меня объ этомъ; я не могу, я не должна сказать вамъ, и вы не заботитесь выслушать меня.

— О! возразила г-жа Шамбель съ самою оборотительною улыбкой:— я уже довольно-стара и мнѣ нечего бояться довѣренности, которую захотѣло бы мнѣ сдѣлать страждущее сердце:

— Да, я очень несчастливъ! воскликнулъ Юлій съ непритворнымъ отчаяніемъ.

— Но вы сами нѣсколько виноваты въ томъ; надобно высказать свои страданія; это можетъ иногда возбудить сожалѣніе.

— Сожалѣніе! отвѣчалъ Юлій:— нѣтъ, я не хочу сожалѣнія!

— А что же вамъ надобно?

— Что мнѣ надобно! воскликнулъ Юлій съ жаромъ. — Ахъ! вообразите себѣ, что вы любите, любите со всѣмъ увлеченіемъ страсти; вообразите, что любовь эта сдѣлалась вашею единственною мыслію, вашимъ существованіемъ—вообразите все это и отвѣчайте, не захотѣли ли бы вы лучше затануть ее въ своемъ сердцѣ, чѣмъ подвергнуть ее состраданію, можетъ-быть, даже насмѣшкѣ?

Г-жа Шамбель казалась сильно взволнованною, и, избѣгая пламенныхъ взоровъ, бросаемыхъ на нее Юліемъ, отвѣчала ему тѣмъ тономъ холодности, которому женщины умѣютъ придавать иногда столько выраженія:

— Я женщина, и скажу вамъ, что страсть истинная никогда не возбуждаетъ насмѣшекъ; вѣрьте, если вы признаетесь той, которую любите...

— Мнѣ признаться ей,—ей, которой голосъ заставляетъ меня тре-

петать, которой взоръ ослѣпляетъ меня? Нѣтъ, я никогда не ослѣплюсь...

Онъ остановился и потомъ съ самоотверженіемъ труса, рѣшившагося быть храбрымъ, прибавилъ:

— Еслибъ я смѣлъ, однакожь, вѣрить, что она не отвергнетъ любви этой, что она не возненавидитъ меня...

— Почему же вы думаете, что Маргарита возненавидитъ васъ за любовь вашу? сказала г-жа Шамбель, перебивъ Юлія именно въ ту минуту, когда ей надобно было расхолодить бѣднаго юношу.

Юлій сталъ какъ вкопанный, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова въ-продолженіи цѣлой минуты; наконецъ, онъ взглянулъ на Изору, которая опустила глаза и воскликнулъ съ отчаяніемъ:

— Маргарита! такъ вы думаете, что я люблю Маргариту?

— Она прекрасна и заслуживаетъ любви; привычка видѣть ее всякій день...

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ Юлій съ примѣтнымъ усиліемъ:—вы ошибаетесь! Я люблю другую, люблю съ первой минуты, какъ только увидѣлъ ее, и если счастье позволило мнѣ въ-послѣдствіи видѣть ее часто, это послужило мнѣ къ тому только, чтобъ убѣдиться, какъ безумна была страсть моя.

Не смотря на всю простоту Юлія, онъ не могъ однакожь не подумать, что чувство ревности заставило г-жу Шамбель сказать ему слѣдующія слова:

— Что жъ дѣлать, г. Юлій! Маргарита излечитъ васъ отъ этой безумной страсти...

— Маргарита? Вы ошибаетесь: ея ужъ нѣтъ здѣсь, отвѣчалъ Юлій.

— Нѣтъ?.. воскликнула Изора съ удивленіемъ и безпокойствомъ, которыя на этотъ разъ не были уже притворными.

— Аббатъ Нортонъ прислалъ сказать ей нынче рано утромъ, чтобъ она приготовилась въ дорогу, и, спустя нѣсколько часовъ, самъ пріѣхалъ за нею...

— Чтобъ отвезти туда, гдѣ вы, конечно, будете умѣть найти ее!

— Я не знаю, куда онъ отвезъ ее; но еслибъ я и зналъ это, то конечно не подумалъ бы возмутить ея уединеніе. Я полагаю даже, что она покинула Парижъ; увзжая, она оставила мнѣ письмо къ одной особѣ, къ которой не имѣла бы нужды писать, еслибъ осталась здѣсь, потому-что навѣрное увидалась бы съ нею.

Отъездъ Маргариты совершенно измѣнилъ всѣ намѣренія Изоры; ей уже не нужно было болѣе дѣлать изъ Юлія шпіона, который передавалъ бы ей все, — и нѣтъ сомнѣнія, что романъ, затѣянный ею съ нимъ, кончился бы тутъ же, еслибъ онъ не упомянулъ о письмѣ. Зачѣмъ оно было оставлено Юлію? къ кому адресовано? Можетъ-

быть, къ ея мужу... Это казалось неправдоподобнымъ, но оно могло быть адресовано къ кому-нибудь для передачи ея мужу... Въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Письмо было бы доказательство, котораго искала Изора, и ей надобно во что бы ни стало получить его отъ Юлія. Но какъ? какимъ образомъ? Встревоженная, взволнованная, Изора придумывала какую-нибудь хитрость, какъ вдругъ послышался кашель графини де-Моранси, которая, казалось, хотѣла предупредить тѣмъ о своемъ приближеніи, что во всякое другое время показало бы Изорѣ довольно-оскорбительнымъ. Теперь г-жа Шамбель воспользовалась этимъ, и взглянувъ значительно на Юлія, положила къ губамъ палецъ, какъ-будто хотѣла сказать ему: ни слова о томъ, что было между нами! Юліій не отвѣчалъ, но подумалъ невольно, что если ему приказывали молчать, то вѣроятно его поняли такъ, какъ онъ желалъ.

Г-жа де-Моранси сочла приличнымъ оправдаться въ своемъ продолжительномъ отсутствіи и входя сказала:

— Я думала, что вы въ саду вмѣстѣ съ графомъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Изора лукаво: — мы заговорились, занимаясь теорією любви...

— Теорією? замѣтила съ усмѣшкою графиня.

— Да, только теорією, отвѣчала Изора съ легкимъ наклопеніемъ головы, заставившимъ улыбнуться графиню.

Она взглянула съ видомъ сожалѣнія на Юлія и шепнула на ухо г-жѣ Шамбель:

— Къ-несчастію, я увѣрена въ этомъ.

И, свѣвъ за свои пальцы, прибавила:

— Ну, Юліій, а что говорить эта теорія?

— Ничего, тетушка; г-жа Шамбель шутить.

— Нисколько, г. Юліій... Вы, кажется, говорили, что любовь истинная готова на всякую жертву.

Юліій, неговорившій ничего подобнаго, хотѣлъ-было отвѣчать, но г-жа Шамбель, боясь, чтобъ онъ не сказалъ какой-нибудь глупости, насмѣшливо спросила г-жу де-Моранси:

— Не правда ли, что это совершенно-справедливо?

— Какъ-нельзя-болѣе, отвѣчала графиня:—любовь, которая не забываетъ всего — не любовь.

— Слышите, г. Юліій? И такъ, чтобъ доказать женщинамъ любовь свою, надобно убѣдить ее прежде всего, что она можетъ повелѣвать самовластно и требовать всего... Что до меня, я никогда не повѣрила бы любви чловѣка, который не исполнилъ бы моего требованія...

— О! я бы готовъ былъ подвергнуться такому испытанію, воскликнулъ Юліій...

Графиня, видя, что племянникъ ея нѣсколько ободрился, очень кстати замѣтила, что г. де-Моранси былъ въ саду.

— Ахъ! я и забыла сказать графу, что нынче утрожь приходилъ...

И, не докончивъ своей фразы, она поспѣшно вышла изъ комнаты. Юлій, подошедшій ближе къ Изоръ, сказалъ ей самымъ почтительнымъ и вмѣстѣ страстнымъ тономъ:

— Что будетъ вамъ угодно приказать мнѣ?

— Дайте мнѣ письмо Маргариты!

— Письмо Маргариты? повторилъ Юлій съ удивленіемъ:—но...

— А! такъ вотъ-какъ вы тверды въ испытаніи...

Юлій подавъ ей письмо. Изора взявъ его и прочла адресъ: «Г-ну аббату Фортену!» Только одно это имя могло уничтожить подозрѣнія г-жи Шамбель, что подъ этимъ адресомъ могъ скрываться другой; она хотѣла уже возвратитъ письмо; но мыслъ, что оно, не будучи даже назначено Шамбелю, доставитъ ей возможность узнать всю истину, заставила ее перемѣнить свое намереніе. Юлій протянулъ было руку, чтобъ взять письмо; г-жа Шамбель отдала его.

— Довѣренность ваша непродолжительна.

— Вы смѣетесь надо мною!

— Совсѣмъ нѣтъ, я только увѣрена, что вы не оставите у меня этого письма.

— О, держите его сколько вамъ будетъ угодно!

— Хорошо, я оставляю его у себя, сказала она вставая:—но...

И она снова приложила палецъ къ губамъ и пошла въ садъ, гдѣ была г-жа де-Моранси.

— Что хочетъ она дѣлать съ этимъ письмомъ? сказалъ самъ себѣ Юлій, не подумавъ даже, что она желаетъ прочесть его.—Это больше ничего, какъ напризъ; я исполнилъ его; она должна была понять меня... И бѣдный юноша предался мечтамъ любви, тогда-какъ Изора думала только о письмѣ.

Согласно обѣщанію, данному графиней Шамбелю, она уговорила Изору остаться у ней обѣдать; г-жа Шамбель не хотѣла отказать ей и просила только позволенія перемѣнить свой туалетъ.

— О! это уже слишкомъ! вы сведете съ ума бѣднаго мальчика, сказала ей графиня съ хитрою улыбкой.

Изора не отвѣчала; ей хотѣлось быть скорѣе одной; возвратясь домой, она заперлась у себя въ спальнѣ и, не колеблясь ни минуты, разломала печать. Вотъ письмо, которое прочла она.

МАРГАРИТА КЪ АББАТУ ФОРТЕНУ.

Почтенный другъ мой!

Нынче утромъ, благодѣтельный г. Нортонъ пришелъ сказать мнѣ, что я сегодня же должна оставить домъ графини де-Моранси. Извѣстіе это обрадовало меня, и я спросила его, позволено ли мнѣ будетъ пользоваться вашими отеческими совѣтами въ томъ семействѣ, въ которое должна я вступить?—Г. Нортонъ отвѣчалъ, что я въ-про-долженіи нѣсколькихъ дней должна пребыть въ монастырѣ, но что настоятельница этого монастыря вѣроятно не воспрепятствуетъ такому естественному желанію... Слова его ошачили меня, тѣмъ болѣе, что, не знаю почему, я какъ-то не надѣялась получить это позволеніе. Я стала благодарить г. Нортонъ; но вѣроятно не умѣла выразить какъ-должно чувствъ своихъ, потому-что онъ тутъ же сказалъ мнѣ съ тою добротою, которая всегда отличаетъ его:

«Радость твоя внушена тебѣ чувствомъ похвальнымъ; но она слишкомъ-жива, слишкомъ-восторженна для вещи столь обыкновенной. Я боюсь, другъ мой, излишней выдкости твоего воображенія, боюсь, что ты не довольно стараешься умѣрять его, и не имѣешь того смиренія, которое предписываетъ намъ религія. Подумай объ этомъ хорошенько, еще есть время; вооружись противъ страстей, которыя губятъ нашу душу, и не забывай, что тотъ, кто внимасть ихъ обольстительному голосу, уже совратился съ прямиаго пути и утратилъ чистоту своего сердца!»

Это благочестивое увѣщаніе заставило меня покраснѣть, какъ-будто я точно была виновата; и нѣтъ сомнѣнія, что на душѣ моей дѣйствительно есть какой-нибудь проступокъ, потому-что я смутилась и почувствовала какое-то раскаяніе. Аббатъ Нортонъ ушелъ; въ порывѣ отчаянія и стыда, бросилась я на колѣни и стала просить у Бога прошенія въ грѣхахъ своихъ.

Но сказать ли вамъ всю правду, отецъ мой? Молитва не утѣшила, не успокоила меня! Я поверглась въ прахъ предъ Богомъ съ смиреніемъ въ сердцѣ и встала съ отчаяніемъ и тоскою въ душѣ!—О! какъ счастлива была бы я, еслибъ въ эту минуту вы могли быть со мною; вы принали бы мою исповѣдь и возвратили бы мнѣ надежду...

Отецъ мой! непроницаемый мракъ окружаетъ меня; духъ зла конечно ослѣпилъ меня; я вижу вины своей — и не нахожу... Никогда еще сомнѣніе въ самой-себѣ не было во мнѣ такъ сильно, какъ теперь; я раскаиваюсь и страдаю—слѣдовательно, я виновна; но въ чемъ вина моя? Вы одни можете объяснить мнѣ это; вы оставите меня на пути небесномъ, вы исторгаете меня изъ этой тѣмы, въ кото-

рой я блуждаю. Увы! Тьма такъ страшна, что я не узнаю въ ней даже самой себя; я только чувствую, что еслибъ мнѣ пришлось пересказать вамъ все, что происходитъ въ душѣ моей, у меня не достало бы къ тому ни словъ, ни силъ.

Вотъ отъ чего яшару я къ вамъ; я помню, что вы всегда совѣщывали намъ прибѣгать къ этому средству, когда требовали отъ насъ строгаго разбора нашихъ поступковъ. О, какъ это было легко тогда! Въ этомъ святомъ мирномъ убожищѣ, гдѣ подъ вашимъ руководствомъ жизнь наша текла такъ тихо и такъ счастливо, малѣйшее слово, малѣйшая мысль, противная обязанностямъ, являлись намъ во всей своей ясности! Теперь же не знаю отъ чего, мнѣ трудно высказать то, что я чувствую; теперь я даже сама не понимаю этихъ чувствъ и боюсь, что буду не въ состояннн передать вамъ мое исповѣданье такъ, какъ бы того желала.

Да, отецъ мой, во мнѣ нѣтъ уже прежней силы, но есть по крайней мѣрѣ воля; — и только ваши мудрые совѣты могутъ дать ей надлежащее направленіе. «Переберите въ вашей памяти недѣли, дни, часы вашей жизни, разсмотрите ихъ внимательно, и — легкии пойдетъ минутѣ, когда пролетѣли вы; вотъ что вы совѣщывали плыти, что вы дѣлали, чего я не исполняла уже давно, и что хочу исполнить теперь. Можетъ быть, найду я тамъ образцы то мгновеніе, въ которое сердце мое отклонилось отъ прямого пути; если даже собственныи разсудокъ мой согнется, слышъ при этомъ, вашъ умъ угадаетъ и просвѣтитъ меня». Вотъ, видите ли, отецъ мой, съ какою благою милосерднмъ Богъ помогаетъ хмъ, которые искренно заботятся о спосмъ спасенн; даже одно намѣреніе исправить себя сдѣлало меня покойнн, даже одно желаніе возвратиться на путь истинный было вачтено мнѣ какъ усиліе. Я чувствую, что у меня достаетъ теперь мужества выполнить то, что еще за минуту казалось невозможнымъ.

Вы знаете, около какой времени покинула я М. Д. за чѣмъ покинула его. Когда я прнѣхала въ Шарикъ-г. Нортонъ приказали отвезти меня къ графинѣ де-Моранси, которая приняла меня чрезвычайно ласково и милостиво. Первые дни, проведенные мною у ней, были посвящены заботамъ и занятіямъ совершенно для меня новымъ; однакожъ я покорилась имъ съ тѣмъ повиновеніемъ, которымъ была обязана вамъ-г. Нортонъ; но скажу вамъ откровенно, — оно не доставило мнѣ никакого удовольствія: Я прнѣхала въ монастырскомъ платьѣ; много надобно было занять другимъ болѣе привычнымъ и вому образу моей жизни; и-жа де-Моранси видя это на себя; хмстала какъ нельзя болѣе; и успокоилась тогда только, когда увидѣла мнѣ — и привожу собственныя ея слова, — что полный блескъ моей красоты. Красота — даръ небъ, а не достннство, и хотя каждаы дель, при всякомъ новомъ нарядѣ, который доставлял мнѣ

кричать, говорили мнѣ: «какъ она мила въ этомъ платьѣ! какъ эта прическа идетъ къ ней!» клянусь вамъ, отецъ мой, никогда ни малѣйшее чувство гордости или суетности не закрадывалось въ мое сердце; я краснѣла отъ этихъ похвалъ и забывала ихъ.

Такъ-какъ, по выходѣ изъ монастыря, мнѣ было назначено жить въ богатомъ, знатномъ семействѣ, то г. Нортонъ требовалъ, чтобъ я иногда являлась въ салонъ графини де-Моранси, для того, чтобъ пріучиться къ манерамъ и обычаямъ свѣтской жизни. Я чувствовала, что эти обычаи не могли быть одинаковы съ монастырскими, и въ нѣсколько дней совершенно освоилась съ новымъ міромъ, въ которомъ должна была жить, и со всеми его приличіями, такъ-что г-жа де-Моранси удивляла уже г. Нортонъ, что мною непременно будутъ довольны.

Но между-тѣмъ, какъ я такъ хорошо понимала всѣ матеріальныя подробности этого новаго міра, въ немъ была одна сторона, оставшаяся для меня недоступною и непостижимою — я разумно разговаривала, которые слышала. Я напрягала все свое вниманіе, чтобъ слѣдить за ними; но вниманія этого было недостаточно для множества различныхъ предметовъ, до которыхъ касались эти разговоры. Когда г. Нортонъ бывалъ у графини, рѣчь шла больше всего о политикѣ и, не смотря на мое невѣжество, я постигала еще кое-какъ смыслъ его разсужденій; но когда разговоръ принималъ другой оборотъ, когда отъ одного предмета переходилъ онъ быстро къ другому, я рѣшительно ничего не понимала. Когда слово, слышанное мною, заставляло меня задумываться, и когда я снова прислушивалась къ разговору, нить его была уже потеряна для меня; чаще всего говорили о театрѣ, объ оперѣ, о балетѣ, о прекрасныхъ танцовщицахъ, о чудесныхъ пѣвицахъ, о знатныхъ господахъ, которые любили ихъ, и Богъ знаетъ еще что... Тотъ проигралъ 2000 ливровъ въ какомъ-то клубѣ, другой выигралъ 200,000 франковъ на биржѣ, и это давало ему возможность сблизиться съ какой-то дамою, которой имя называли шопотомъ. Въ другой разъ говорили о какой-то свадьбѣ, которая устроилась потому-что мать завидовала красотѣ своей дочери, объ отцовскомъ согласіи, безъ котораго можно было бы обойтись, и тысячи подобныхъ странностей...

Мысли, и слова, которыми онъ выражались, были равно для меня непонятны, и весьма часто всѣ эти мистическія фразы оканчивались какими-нибудь знакомъ, какими-нибудь однимъ словомъ, которые были непонятны для всѣхъ — кромѣ меня.

День, когда я въ первый разъ захотѣла во что бы ни стало освоиться съ предметами разговоровъ, мною слышанныхъ, и постигнуть ихъ, былъ днемъ, въ который мысли мои перепутались и слышались для дамою-меня полемы. Я припоминала все слышанное мною

въ-продолженіи вечера и старалась сообразить это; но услія были напрасны, и въ головѣ моей оставался только какой-то хаосъ. Я не смѣла просить графиню де-Моранси, чтобъ она объяснила весь мой недоумѣніи; мнѣ было совѣстно высказать ей свою непонятность, и я оставалась въ прежнемъ положеніи, какъ однажды, сидя въ задумчивости у окна своей комнаты, рядомъ съ которою была комната графини, увидѣла я въ саду, отдѣлявшемъ нашъ домъ отъ сосѣдняго, — какого-то молодого человѣка, прекрасной наружности, котораго взоры были обращены въ ту сторону, гдѣ стояла я. Я хотѣла отойти отъ окна, но вдругъ замѣтила, что молодой человѣкъ глядѣлъ не на меня, а на окно г-жи де-Моранси. Онъ не спускалъ съ него глазъ, и это заставило меня подумать, что онъ вѣрно ожидаетъ графини, чтобъ поклониться ей или поговорить съ нею. Желая предупредить объ этомъ г-жу де-Моранси, я вошла къ ней въ комнату и увидѣла ее сидящею у окна. Замѣтя, что появленіе мое было несо-вѣстнѣ-пріятно, я хотѣла — было объяснить причину моего прихода, но лишь-только успѣла приблизиться къ ней, какъ молодой человѣкъ, который, вѣроятно, увидѣлъ меня, исчезъ въ ту же минуту. Я поняла, что вѣрно сдѣлала какую-нибудь нескромность и, не сказавъ за тѣмъ пришла, просила у г-жи Моранси позволенія сойдти въ гостиную заняться работою, которую она вышивала.

Должна ли я была сказать г-жѣ де-Моранси правду, и не заключался ли первый мой проступокъ въ той лжи, которою я хотѣла прикрыть свою нескромность? — Должно быть такъ, отецъ мой! Теперь, когда припоминаю все, скажу вамъ откровенно, мнѣ очень не хотѣлось оставаться въ гостиной. Мысль о молодомъ человѣкѣ никакъ не выходила у меня изъ головы. Я видѣла его пламенный взглядъ, какъ-бы прикованный какою-то неодолимою силою къ окну, гдѣ сидѣла г-жа де-Моранси и я спрашивала самоѣ-себя: зачѣмъ онъ глядѣлъ на нее такъ пристально? Я хотѣла отдалить отъ себя это недоумѣніе, котораго не умѣла объяснить; но взглядъ его безпрестанно мелькалъ предъ моими глазами какъ молнія, и мнѣ казалось, надобно было имѣть много твердости, чтобъ перенести его; жнѣ казалось даже, что еслибъ онъ такъ былъ устремленъ на меня, то могъ бы уничтожить меня.

Возвратясь къ себѣ въ комнату, я невольно посмотрѣла въ окно и увидѣла того же молодого человѣка, сидѣвшаго на скамьѣ и смотрѣвшаго опять на г-жу де-Моранси. Она до того привлекала все его вниманіе, что онъ даже не замѣтилъ меня. Вдругъ г-жа де-Моранси съ шумомъ отодвинула свой стулъ, и въ ту же минуту я увидѣла въ саду какую-то женщину, которая остановилась съ замѣтнымъ удивленіемъ; она устремила взоры свои на нашъ домъ, обратила ихъ потомъ на молодого человѣка и остановила ихъ наконецъ на мнѣ

съ выраженіемъ такой надменности и угрозы, что мнѣ стало страшно... Я поспѣшно отошла отъ окна и мною овладѣло какое-то безпокойство, въ которомъ я сама себя не могла отдать отчета. Безпокойство это было такъ сильно, что я не могла избавиться отъ него въ продолженіи цѣлаго дня, и даже ночью сонъ мой былъ безпрестанно возмущаемъ видомъ этого молодаго человѣка; но тутъ мнѣ чудилось будто онъ смотрѣлъ на меня точно такимъ же взоромъ, какой устремлялъ на г-жу де-Моранси, и этотъ взоръ, вмѣсто того, чтобъ уничтожить меня, какъ я думала прежде, проливалъ въ сердце сладостную теплоту, подобную той, какую чувствуешь при первыхъ лучахъ весенняго солнца.

Сонъ мой былъ тихъ и покоенъ; но, не смотря на это, я проснулась утомленная и печальная. Я вышла изъ своей комнаты, не смѣя взглянуть въ садъ и хотѣла остаться въ гостиной, но г-жа де-Моранси велѣла сказать мнѣ, что проситъ меня прійти работать вмѣстѣ съ нею, и я нашла ее сидящею у окна. Молодой человѣкъ былъ опять въ саду и, увидѣвъ меня, опять отошелъ прочь. Я подумала, что г-жа де-Моранси нарочно призвала меня, чтобъ избавиться отъ него; но онъ скоро опять возвратился; въ слѣдъ за нимъ пришла и та дама, которую я уже видѣла. По странному случаю, я опять была одна у окна, когда она взглянула на него, и опять взоръ ея былъ такъ же строгъ и гнѣвенъ, какъ въ первый разъ.

Въ этотъ день, отецъ мой, въ сердцѣ у меня пробудились страшныя, непонятныя чувства; я замѣтила, что графиня часто бросала взоры свои на этого незнакомца, и каждый разъ, когда это случалось, лицо молодаго человѣка принимало выраженіе радости и счастья. И такъ, подумала я, одинъ взглядъ можетъ сдѣлать счастливымъ? Я вспомнила тогда, какою радостью было полно сердце мое, когда мнѣ казалось во снѣ, что онъ смотрѣлъ на меня. Въ эту минуту, я стала невольно разсматривать г-жу де-Моранси и въ первый разъ еще замѣтила, что она была прекрасна; до-тѣхъ-поръ я какъ-будто не замѣчала этого. Въ этотъ день подумала я также о той красотѣ, которою надѣлилъ меня Богъ, и была счастлива мыслью, что и я когда-нибудь буду въ состояніи привлечь на себя такіе же взоры и, отвѣчая на нихъ, дѣлать другихъ счастливыми.

Вотъ первый мой проступокъ — и если я забыла его посреди тревогъ и волненій, которыми была преисполнена съ нѣкотораго времени душа моя, то поняла его въ эту минуту и стала просить Бога, чтобъ онъ удалилъ отъ меня эту преступную надежду. А знаете ли, отъ-чего считала я ее преступною? Отъ-того, что изъ всѣхъ взглядовъ, которые могли бы достаться на мою долю, я желала только *его* взглядовъ, хоть и видѣла, что они принадлежать не мнѣ. Нѣтъ сомнѣнія, я молилась не съ должнымъ усердіемъ и благоговѣніемъ, потому-что

мысль объ этомъ молодомъ чело­вѣкѣ не оставляла меня даже и въ самыя минуты молитвы...

Такъ прошло нѣсколько дней, въ-продолженіи которыхъ мысли самыя безразсудныя толпились въ головѣ моей. Что говорю я? То не были мысли, — нѣтъ, я не думала о томъ, что сейчасъ скажу вамъ: я только чувствовала; присутствіе г-жи де-Моранси было мнѣ непріятно: оно тревожило, безпокоило меня. Отъ-чего? я сама этого не знала, не-знаю и теперь, потому-что не могу вѣрить тому, что предпо­лагала, что подозревая одно мгновеніе. Боже мой! такъ-то устроены сердца; отвращающіяся отъ Тебя; они вымышляютъ преступленія и придаютъ ихъ другимъ, для того, чтобъ только извинить свои заблужденія!.. Женщина, которую я видѣла подлѣ него, наводи­ла на меня невольный страхъ; но угроза, которую я замѣчала въ глазахъ ея, пугая меня, не казалась мнѣ несправедливой; я была раздражена болѣе противъ г-жи де-Моранси, чѣмъ противъ этой женщины; да, я была раздражена; теперь я вижу это, разбираю свои чувства; теперь, по мѣрѣ того, какъ я издали, такъ-сказать, смотрю на мои тогдашнія ощущенія, теперь я лучше понимаю ихъ; но тогда все это было для меня какимъ-то хаосомъ, въ которомъ одно только было бы для меня ясно — мои страданія!

Точно такія же страданія терзали меня въ то время, когда я была такъ больна и когда болѣзнь эта едва не свела меня въ могилу; вы помните это, отецъ мой! Тогда силы оставили меня, а съ ними исчезла и кротость моего нрава; я сдѣлалась нетерпѣливой; малѣйшій шорохъ тревожилъ меня и самое ничтожное противорѣчіе раздража­ло; я вообразила себѣ, что подобная же болѣзнь угрожаетъ мнѣ и, воспользовавшись этимъ предлогомъ, осталась у себя въ комнатѣ, не покидая постели. Но это изнеможеніе, которое тогда дѣлало меня почти безчувственною, проявлялось теперь какимъ-то мучительнымъ волненіемъ; совершенный покой, который былъ тогда такъ необходи­мъ мнѣ, становился для меня теперь нестерпимымъ, невозмож­нымъ, и когда настала часъ, въ который я привыкла видѣть его каж­дый день, я вскочила съ постели и, спрятавшись за занавѣсками, взглянула въ садъ — его не было тамъ. О, отецъ мой! какъ страшно становится мнѣ, когда воспоминанія воскресаютъ предо мною! Не видя его въ саду, я почувствовала какое-то облегченіе, какую-то отраду, которой выразить не умѣю; но когда, чрезъ нѣсколько ми­нутъ, я услышала, что г-жа де-Моранси вошла въ свою комнату, сле­зы невольно выступили на глазахъ моихъ; я горько заплакала, ска­завъ самой-себѣ: «Его нѣтъ тутъ, потому-что ея нѣтъ!»

Обманулась ли я тогда, или обманываюсь теперь? Дѣйствительно ли мысль эта мелькнула тогда предо мною? Я сама этого не знаю; помню только, что я плакала долго, долго... Сердце мое сжалось отъ

грусти, и мысль, которая должна была бы прийти мне ранье, и которая только теперь пробудилась во мне, как будто я начала жить, овладела вдруг всею моею душою.

Взглянув вокруг себя, я увидела, что была одна, совершенно одна в домъ, где все было мне чуждо и где я мила... другого дома, еще болѣе мне чуждаго! Тогда-то спросила я у самой себя: «гдѣ же тотъ домъ, гдѣ бы я могла быть нечуждою?» Тогда-то въ первый разъ ясно поняла я все значеніе слова «сирота» — и сердце мое сжалось невыразимою грустью! Неужели Богъ отыратилъ отъ меня лицо свое, и потому чувство одиночества такъ тяготитъ меня? Отвергнулъ ли онъ меня, или я сама удалилась отъ него? Вотъ о чемъ я спрашиваю теперь у самой себя; но тогда я только страдала, и мнѣ казалось, что какой-то голосъ твердилъ мнѣ безпрестанно: «У тебя нѣтъ матери, которая могла бы утѣшить тебя; нѣтъ матери, на груди которой ты могла бы плакать... Сказали ли вамъ всю правду, отецъ мой? Простъ эта послужила мнѣ въ пользу, я обрадовалась ей радостью отчаянія; я оживилась при мысли о моемъ одиночествѣ, о моей зависимости отъ другихъ; забыла тогда я его, и эту женщину, и г-жу де-Моранси; я старалась увѣрить себя, что мнѣ нельзя было надеяться ни на какое счастье на землѣ; я чувствовала себя очень несчастливой; но страданія мои были уже не такъ мучительны: смиреніе и покорности къ судьбѣ пробудились въ моемъ сердцѣ».

Нѣсколько дней не оставила я своей комнаты; но г-жа де-Моранси хотѣла непременно, чтобъ я сошла въ гостиную, увѣряя, что общество развлечетъ меня. Я была съ нею одна, когда Ф. Нортонъ принесъ книгу; сочиненную какимъ-то молодымъ человекомъ, которую онъ очень хвалилъ. Этотъ молодой человекъ былъ тотъ самый, котораго я видѣла всѣмъ днемъ, а женщина эта была его жена; его звали Шамбелемъ. Аббатъ положилъ книгу на столъ, стоявшій подле меня... Не знаю, чего бы я не слышала, чтобъ имѣть только возможность прочесть ее; явившаяся г. Милонъ и рассказалъ о Шамбелѣ страшную исторію. Этотъ человекъ увезъ жену у мужа, и чтобъ женщина эта могла сдѣлаться его женою, мужъ ей былъ умерщвленъ! Г. Милонъ сказалъ это; я это слышала своими ушами; я поверила ему и бледнѣла отъ ужаса... Нѣтъ, я не повѣрила; и на слѣдующій же день рѣшилась спросить у г-жи де-Моранси подтвержденія этихъ словъ; она стала громко хохотать, объявивъ, что я въ тотъ же вечеръ увижу этого ужаснаго убійцу, который такъ страшенъ. Она была права: мнѣ вѣчно было страшно отъ одной мысли, что я буду вмѣстѣ съ нимъ; все это до того меня встревожило, что г-жа де-Моранси, продолжая смѣяться, советовала мнѣ не подвергаться опасности быть въ его присутствіи. Советъ ея былъ благоразуменъ; я чувствовала это; но онъ раздражалъ меня, потому только, что его

подала г-жа де-Моранси, я еслибъ появленіе мое въ гостимой должно было мнѣ стоить жизни, я и тогда пришла бы туда.

Весь этотъ день провела я гораздо-спокойнѣе, чѣмъ ожидала: я предчувствовала, что онъ долженъ былъ произвестъ большую перемѣну въ моей жизни. До-тѣхъ-перъ, я думала, что жизнь состояла только въ правильномъ исполненіи всѣдневныхъ обязанностей; но теперь вижу, что ошибалась; нѣтъ, жизнь заключается въ нашихъ мысляхъ, въ нашей душѣ; я поняла это тогда же по моимъ воспоминаніямъ, по моимъ сожалѣніямъ; я припомнила себя тогда и свои дѣтскіе годы, проведенные въ тишинѣ нашего бѣднаго монастыря, и тѣ хвалебныя гимны Творцу Небесному, — гимны, которыми такъ торжественно вторили величественные звуки органа; и ту сладкую задумчивость, которая такъ часто по цѣлымъ часамъ удерживала меня въ нашемъ монастырскомъ саду, откуда я любовалась закатомъ солнца, освѣщавшимъ зубчатыя вершины сивяныхъ горъ. Сколько разъ тогда добрыя сестры наши утѣряли меня, что я спала съ открытыми глазами, нѣсколько разъ бранили меня за безлечную лѣнь, которая овладѣвала мной; тогда я сама себя обвиняла, отецъ мой: я думала, что дѣйствительно предавалась дремотѣ; но я жестоко обманывалась; тогда, тогда только жила я жизнью души, — жизнью въ то время столь сладостною, — теперь столь тяжкою! Сколько счастья испытала я, сама не понимая его, и какъ высоко цѣню я его теперь, когда оно навѣки для меня погибло!

Появленіе г. Шамбеля въ домъ г-жи де-Моранси не должно было, по моему мнѣнію, произвести никакого особаго вліянія на образъ моей жизни; но я надѣялась, что оно разсѣетъ страхъ мой. Надежда эта была ненапрасна. Съ вступленіемъ вечера, явился Шамбель, и съ той самой минутой, когда онъ вошелъ въ гостинную, бремя тоски, тяготившее мое сердце, вдругъ исчезло совершенно. Я не видѣла въ немъ ничего необыкновеннаго и спрашивала самоѣ-себя почти съ удивленіемъ: почему образъ этого молодого человека, взоры его и мысль о немъ преслѣдовали меня такъ часто? Наконецъ, я подумала, что все это было только слѣдствіемъ моего болѣзненнаго состоянія, отъ котораго я наконецъ освободилась. Вы не можете себя представить, отецъ мой, какъ спокойно чувствовала я себя тогда и какъ свободно могла разсуждать обо всемъ! Не правда ли, это спокойствіе очень странно? по-крайней-мѣрѣ, я не могу объяснить его себѣ... То, что я чувствовала тогда, не было ли счастіемъ, отецъ мой?.. Въ первый разъ еще въ жизни провела я цѣлую ночь безъ сна, и бессонница эта не казалась мнѣ тягостною. Я мысленно перебирала въ своей памяти всѣ подробности этого продолжительнаго вечера, котораго такъ страшилась, и въ первый разъ замѣтила, что не оставалась чуждой тому, о чемъ было говорено. Онъ говорилъ

о поэзии, о томъ благородномъ эстетикѣ чловѣка, который восторгается его восхвалять чудеса природы, величіе Бога, безконечныя тайны души, и я понимала его. Нѣжный, звучный голосъ безпрестанно раздавался въ ушахъ моихъ, и я безпрестанно припоминала себѣ быстрый и вѣсть неподвижный взоръ, который, казалось, читалъ какую-то невидимую книгу, раскрытую предъ нимъ въ пространствѣ. Я была увѣрена, что еслибъ этотъ меловикъ сталъ разспрашивать меня о томъ, что я чувствовала, я нашла бы для объясненія ему этихъ чувствъ слова, которыхъ не нахожу для объясненія ихъ самой-себѣ. Казалось, душа моя, подобно оку, могла бы отсклкнутья ясно на его голосъ, оставаясь безответною для всѣхъ другихъ голосовъ... Что все это значитъ, отецъ мой?.. Отъ-чего мои силы, моя воля, мои мысли зависятъ такимъ образомъ отъ чужой мысли и чужой силы? Какъ назвать эту рабскую покорность души моей другой душѣ? Не-уже-ли?... Нѣтъ, это не можетъ быть любовью; я знаю это чувство, я видѣла его, я слѣдила за нимъ, и въ немъ не было ничего подобнаго тому что я ощущаю.

Г-жа де-Моранси любила Шамбеля, — я въ томъ увѣрена: я слышала, какъ она сама говорила объ этомъ однажды вечеромъ г-жѣ Азѣ, которой повѣряла свое безпокойство по случаю какихъ-то словъ, произнесенныхъ г-жею Шамбелемъ... Она любила его; я слышала, какъ г-жа Азѣ рассказывала г. Милону о неукротимой силѣ этой любви; она любила его, — и когда онъ являлся къ ней, она едва обращала на него вниманіе. Сто разъ замѣчала я за нею: никогда лицо ея не измѣнялось, никогда она не краснѣла и не блѣднѣла при его приближеніи, какъ краснѣла и блѣднѣла я, когда онъ подходилъ ко мнѣ; я видѣла, какъ она разговаривала съ другими, когда онъ говорилъ вслухъ, какъ она оставалась попрежнему веселой и безпечной, когда онъ умолкалъ. Со мною же было совсѣмъ не то: когда онъ говорилъ, я вся превращалась въ слухъ; когда онъ умолкалъ, или уходилъ, — мнѣ казалось, что воздухъ и все видимое пространство дѣлались пустыми.

Нѣтъ, я не любила его, потому-что она, любившая его, часто подводила его ко мнѣ и оставляла со мною; она, любившая его, говорила мнѣ, чтобъ я слушала его со вниманіемъ; она, казалось, была довольна, когда я ловила малѣйшее его слово; она почти благодарила меня, когда мнѣ удавалось удержать его подлѣ себя долго — она любила его! Я, напротивъ, я страдала, видя, какъ онъ разговаривалъ съ другою женщиной; я хотѣла бы отозвать его отъ нея, я могла внимать только одному ему... Г-жа де-Моранси, любившая его, осыпала меня и г-жу Шамбель ласками; а я ненавидѣла и г-жу Шамбель и графиню... Нѣтъ, я не любила его, я можетъ-быть ненавидѣла также и его... Да, я точно его ненавидѣла; только одно страшное

чувствѣ ненависти можетъ возмущать такъ и пороки египт. сердца и посылать ему такія мученія, какія меня терзали!
 дѣвцѣ, которую я вела съ-тѣхъ-поръ, была, конечно, несравненно-разнообразнѣе прежней моей жизни, и не смотря на это, она никакъ не казалась мнѣ столь унылою. Ничто не правилось мнѣ;—ни работа, ни занятія, ни цвѣты, морс. я не находила даже страды въ молитвѣ; какая-то безчувственность охватывала вѣтъ существованія моего, и я оживала только въ его присутствіи.
 Правда, тогда я жила только грустію и страданіями; но все-таки жила? . . . Все это было опять почти такъ же, какъ въ эпоху моей болѣзни, когда въ продолженіи цѣлаго дня оставалась я совершенно-безчувственною и начинала оживать только съ наступленіемъ вечера, когда жаръ разливался по-моимъ жиламъ, когда голова моя горѣла какъ въ огнѣ. Теперь я сама силамась иногда возбудить въ себѣ сознаніе жизни, и если мнѣ удавалось собрать наконецъ свои мысли, — это было для того только, чтобъ страдать еще болѣе, жаловаться на судьбу свою, чувствовать свое одиночество, ненавидѣть всѣхъ окружающихъ меня; и болѣе всѣхъ — его.

Эта тревога сердца подѣйствовала на мое здоровье; во мнѣ рождалась странная желанія, чудныя мысли. И, бѣдная дѣвушка, провѣсившая къ скрепной монетѣ ирской пищу, садилась съ какимъ-то отвращеніемъ за разсѣянный столъ графини де-Моранси. Еслибъ мнѣ было возможно, выйдти, я себя купила бы кусокъ черстваго хлѣба, чтобъ съѣсть его украдкой отъ всѣхъ, и нѣсколько разъ, по какому-то невольному влеченію, срывала я въ саду цвѣты потому только, что они были прекрасны и какъ-будто улыбались благотворнымъ лучамъ солнца.

— «Все это было» безуміе, не правда ли, отецъ мой? Богъ поражаетъ иногда затмѣніемъ человѣческой разумъ, и, конечно, Онъ захотѣлъ подвергнуть и меня такому наказанію. Тогда-то, — этому будетъ около мѣсяца, — графиня де-Моранси, которой доброта и кротость неистощимы, вздумала употребить противъ моей страшной болѣзни лекарство, котораго дѣйствіе было не бесполезно.

«Вамъ остается еще нѣсколько мѣсяцевъ времени прежде, чѣмъ вы вступите въ сѣмейство, которое ожидаетъ васъ» сказала она мнѣ. «Въ числѣ обязанностей, предстоящихъ вамъ, главнѣйшая будетъ заключаться въ томъ, чтобъ вы могли слѣдить за ученіемъ своихъ воспитанницъ; но науки не составляютъ еще всего для молодыхъ дѣвицъ, которымъ назначено блистать въ свѣтъ: искусства необходимы имъ, и онѣ вѣроятно будутъ брать въ нихъ уроки у учителей. Вамъ извѣстны уже нѣсколько начальныхъ основаній музыки, и такъ, милая Маргарита, нѣсколько мѣсяцевъ прилежнаго упражненія — и вамъ будетъ нетрудно достигнуть въ нрѣ на фортепiano нѣкотораго совершенства, а это

дальше валь возможность бытъ хорошею репетиторкою для вашихъ ученицъ. Представьте себѣ, какой сюрпризъ будетъ это для семейства, которое и не подозреваетъ ничего подобнаго, и какъ приятно будетъ г. Нортону, что вы не только будете въ состояніи исполнить обязанности его рекомендаціи, но даже превзойдете ее. Но, чтобы удовольствіе это было для него еще сильнѣе, надобно, чтобы онъ даже не подозревалъ ничего. Вы будете брать уроки тайно, и берусь устроить все, и мы когда-нибудь сделаемъ г. Нортону такой сюрпризъ, какого онъ вообще не ожидаетъ.

Можете себѣ представить съ какою благодарностію приняла я это новое благодѣяніе. На другой же день графиня съездила меня къ одной учительницѣ музыки, и съ-тѣхъ-поръ я хожу къ ней каждый день отъ 3 до 5 часовъ! Занятіе это, которому я предаюсь сначала какъ обязанности, съдѣлалось скоро для меня наслажденіемъ, потому-что оно вливалось въ душу мою надеждою. Я должна признаться вамъ во всемъ, отецъ мой; надежда эта была не та, которую бы мнѣ слѣдовало утѣшаться: въ желаніяхъ моихъ появлялась неблагодарность, потому-что они были возбуждены во мнѣ только мыслию о самой-себѣ. Я училась усердно не для того, чтобы приятно удивить г. Нортона и семейство, которому онъ рекомендовалъ меня, но для того, чтобы въ свою очередь обладать талантомъ, который дасть бы мнѣ возможность занять когда-нибудь въ обществѣ приличное мѣсто и обратить на себя его вниманіе. Впрочемъ, болѣзненное состояніе души моею оставалось почти все-одно и тѣ же; я чувствовала только, что силы мой съ каждымъ днемъ ослабѣвали; все становилось для меня сомнѣніемъ; я уже не ненавидѣла я г-жу Шамбель такъ же, какъ прежде графиню де-Моранси. Появленіе или отсутствіе ея не производило уже во мнѣ того сильнаго волненія, какое я чувствовала прежде, и при постоянной грусти, пресѣдовавшей меня, страданія болѣе сильныя не терзали ужъ меня такъ, чтобы я могла узнать въ чемъ именно они заключались... Тогда-то пріѣхали вы въ Парижъ, тогда-то рассказала я вамъ о моихъ горестяхъ, такъ, какъ въ то время сама понимала ихъ, и просила васъ уговорить г. Нортонъ, чтобы онъ позволилъ мнѣ оставить домъ графини де-Моранси.

Да, отецъ мой, я хотѣла покинуть этотъ домъ, и новый ужасъ овладѣлъ мною; не знаю отъ чего, но обращеніе со мною г-жи Шамбель съ каждымъ днемъ становилось непріятнѣе; взоры ея, полныя гнѣва, не оставляли меня; мнѣ чудилось, будто каждое слово ея отзывалось насмѣшками на мой счетъ и желаніемъ оскорбить меня. Я предчувствовала какое-то несчастье и оно, кажется, ужъ обрушилось на меня... Что хотѣла она сказать вчера вечеромъ, говоря о молодыхъ дѣвушкахъ, которыхъ, нечитавъ никогда ничего, кромѣ бла-

гочестивыхъ книгъ, могутъ забыть всѣ свои обязанности?.. Слова эти вѣрно относились ко мнѣ; я поняла это, увидѣвъ, что вы, отецъ мой, встали; конечно хотѣли вы защитить меня.. Наконецъ, она сказала что-то о Маргаритѣ... Что значать эти слова? Что значить этотъ взоръ, который она бросила на меня? Отъ-чего всѣ казались пораженными? Отъ-чего это молчаніе, и отъ-чего графиня де-Моранси такъ поспѣшно подошла ко мнѣ, выдумавъ предлогъ выслать меня изъ гостиной именно въ ту минуту, когда я чувствовала, что силы мои готовы были оставить меня? Отъ-чего, Боже мой, напала на меня такая слабость? отъ-чего это волненіе, это безпокойство, которыя вдругъ овладѣли мною? Что жъ такое съдѣлала я?.. За чѣмъ обвиняютъ меня? за чѣмъ обвиняю я самое-себя? Не-уже-ли поступки мои достойны порицанія? Этого не можетъ быть, этого нѣтъ! Стало-быть, мысли мои преступны... Вотъ гдѣ я теряюсь... Не-уже-ли я точно люблю его? не-уже-ли всѣ страданія мои происходятъ отъ-того, что онъ не любитъ меня? Не-уже-ли ненависть моя къ графинѣ и г-жѣ Шамбель — низкое чувство ревности? Я не могу этому вѣрить, я не вѣрю!.. Все, что я чувствую — конечно, слѣдствіе странной перемѣны, происшедшей въ образѣ моей жизни.. Брошенная изъ уединенной монастырской жизни въ шумное свѣтское общество, я вѣрно отуманилась его обаяніемъ... Если это такъ, то благодарю васъ, отецъ мой, что вы исторгли меня изъ этого вихря — вы одни поняли меня; я напрасно просила г. Нортонна прійти ко мнѣ на помощь

Сию минуту услышала я шаги г. Нортонна; онъ шелъ къ мнѣ... Чувство какого-то стыда, въ которомъ я сама не умѣю отдалить себя отъ чужаго, заставило меня спрятать это письмо... Оно назначено для однихъ васъ, и я была бы въ отчаяніи, еслибъ онъ могъ прочесть его... Было ли это вдохновеніемъ неба, или новымъ проступкомъ — не знаю; но вотъ, что сказалъ мнѣ г. Нортонъ:

«По особеннымъ причинамъ необходимо нужно, чтобъ никто не зналъ, что ты пробудешь нѣсколько времени въ монастырѣ... Когда будетъ можно, чтобъ г. Фортенъ пришелъ туда повидаться съ тобою, я самъ скажу ему, гдѣ ты. До-тѣхъ-поръ, онъ также не долженъ знать твое мѣстопробываніе».

Отецъ мой, я боюсь всего: боюсь г. Нортонна. Не смотря на его приказаніе, не смотря на уваженіе и довѣренность, которыми я обязана ему, не хочу оставаться опять совершенно-одинокою въ мірѣ, не хочу оставаться безъ друга, котораго совѣты могли бы просвѣтить меня... вы одни, вы истинный другъ мой... Я чувствую это; г. Нортонъ — только благодѣтель мой. То, что я сказала теперь, можетъ-быть дурно; неповиновеніе мое къ г. Нортону также предосудительно... Но я боюсь чего-то... Прійдите ко мнѣ на помощь; я жду васъ. **МАРГАРИТА.**

Мы привели здѣсь это письмо, не прерывая его; но г-жа Шамбель не могла прочесть его такимъ образомъ; частыя восклицанія гнѣва и удивленія вырывались у нея по мѣрѣ того, какъ она узнавала истину, которой даже не подозрѣвала. Въ душѣ ея оставалось, однакожь, еще одно сомнѣнiе: случай ли благопріятствовалъ графинѣ де-Моранси, или собственное ея искусство приготовило все такимъ образомъ, что Изора могла впасть въ заблужденіе?... Г-жа Шамбель, не побоявшаяся обвинить молодую дѣвушку въ самомъ постыльномъ проступкѣ, почти не вѣрила возможности, чтобъ въ сердцѣ человѣческомъ могло вмѣщаться столько низости, столько разчета, чтобъ можно было съ такимъ равнодушіемъ приготовить все обстоятельства для обвиненія невинности. Это сомнѣнiе и невѣроятное искусство, съ какимъ была ведена постыдная интрига, заставили г-жу Шамбель быть осторожною; она поняла, что ей нужно было совершенное спокойствіе и хладнокровіе, чтобъ не сдѣлаться опять жертвою своего пылкаго характера. Такимъ образомъ, когда настало время возвратиться къ графинѣ, Изора явилась къ ней съ веселымъ, безпечнымъ лицомъ; и когда Юлій спросилъ у нея о письмѣ, она отвѣчала ему совершенно равнодушно: «Ахъ, Боже мой, я забыла его дома; я пришлю его вамъ завтра».

Шамбель явился вскорѣ послѣ того и по веселому виду, съ какимъ приняла его Изора, онъ вообразилъ, что она была совершенно успокоена отъѣздомъ Маргариты. Онъ хотѣлъ, однакожь, хорошенько въ этомъ удостовѣриться, а Изора, желавшая узнать, до какой степени графиня и Шамбель имѣли нужду поспѣшить условиться другъ съ другомъ, пригласила Юлія пройти съ нею по саду и сдѣлала это съ такимъ кокетствомъ, что мужъ сказалъ ей тихо, но съ примѣтнымъ гнѣвомъ:

— Кажется, вчерашняя комедія еще не кончилась?

— Кажется, нѣтъ, отвѣчала г-жа Шамбель и удалилась, оставя своего мужа одного съ г-жею де-Моранси.

VII.

Шамбель, пересиливъ досаду, закипѣвшею въ немъ отъ кокетства жены съ Юліемъ, подошелъ къ графинѣ, чтобъ узнать отъ нея, въ какомъ положеніи были дѣла ихъ.

— Что говорила она вамъ, и что сдѣлалось нынче утромъ? спросилъ онъ, бросивъ вскользь взоръ въ ту сторону, гдѣ были гуляющіе.

— Вы видите, отвѣчала г-жа де-Моранси: — ни болѣе, ни менѣе того, что дѣлается предъ вашими глазами.

Г-жа де-Моранси сказала это съ торжествующей улыбкою, какъ-

будто въ поведеніи г-жи Шамбель заключалось дурное речательство, ихъ безопасности, Шамбель, старавшійся, между-тѣмъ, не выпускать изъ виду жены своей и Юлія, не замѣтивъ выраженія удовольствія, съ какимъ ему отвѣчали, и возразилъ съ досадою:

— Это все та же комедія, которая началась вчера; мнѣ кажется, ей пора бы кончиться...

... Онъ сдѣлалъ было движеніе, чтобъ идти въ садъ; но г-жа де-Моранси тихо ретановила его.

— Что жь это такое? сказала она. — Что вы хотите дѣлать?

... Шамбель останоился, пораженный этимъ вопросомъ, и взглянувъ на г-жу де-Моранси, прочиталъ на лицѣ ея еще большее предположеніе. Съ минуту глядя на нихъ другъ-на-друга въ молчаніи, стараясь угадать одишь другаго, г-жа де-Моранси вѣдчила не говорить первая и проторила свой вопросъ. Но Шамбель, подумавшій въ эту самую минуту какой-то знакъ, который жена его подала Юлію, отвѣчалъ г-жѣ де-Моранси рѣшительнымъ тономъ:

— Сказать жень, моею, что я не намеренъ и не хочу смснить ея смѣшного, поддѣльного кокетства,

... Г-жа де-Моранси въ досадъ закусила себя губы; но Шамбель, все еще занятый надзоромъ за женою, не замѣтилъ и этого, такъ-что графиня отвѣчала ему съ бодкостью:

— То, что вы преднимаете за поддѣльное кокетство, кажется мнѣ цпротивъ, сердечнымъ увѣченіемъ

... Какъ? воскликнулъ Шамбель, встревоженнымъ, гдосомъ, обратясь быстръ, къ г-жѣ де-Моранси: — Не-уже-ли то, что, происходящее въ мое отсутствіе, можете заставить насъ предполагать...

— Что цдемянникъ мой, нравится, господажъ Шамбель? подхватила г-жа де-Моранси съ насмѣшкой. — Что жь тутъ страннаго?

Шамбель вспыхнулъ.

... Но я не потерплю, этого! воскликнулъ, онъ съ запальчивостью — Я не изъ тѣхъ людей, которые позволяютъ безнаказанно оскорблять себя!

Есть люди, которые отвергаютъ силу рока; а между-тѣмъ, бывають случаи, когда онъ обнаруживается такъ явно, что можно поумать, будто онъ скрывается за дверью, которую отворяетъ вдругъ чтобъ показать намъ всю нашу глупость и надменность. На этотъ разъ, рокъ явился въ гостиную подъ видомъ г-жи де-Моранси, который бытъ имено, тѣмъ, въ мнѣ не хотѣлъ бытъ, въ Шамбель. Увидя графа, гарой дашь смутился, а г-жа де-Моранси съ невѣроятной дерзостью сказала громко, обращаясь къ Шамбелю:

— Спросите объ этомъ, графъ; онъ единъ, можетъ дать вамъ удовлетворительный отвѣтъ.

... И съ этимъ словомъ она вышла изъ гостиной.

Графъ де-Моранси, съ которымъ мы старались уже ознакомить читателей, былъ человекъ очень тихій; онъ даже неспособенъ былъ стлыать ни малѣйшаго движенія для своей защиты; но, при всей своей физической и нравственной несправедливости, былъ одаренъ явнымъ естественнымъ устрицы, которая, прирости къ своему утесу, закрываетъ ся, чтобъ лунше позарать непріятеля, когда волны бросятъ его въ скорлупу. Г. де-Моранси видѣвъ прокулу д-жа Шамбель съ Юлией, и наконецъ не придумалъ бы самаго какою средствомъ покровительствовать ей; но это средство представилось ему случайному отцу Шамбеля на жертву, — и онъ ухватился за него.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ, ставъ въ дверяхъ, которыя вели въ садъ, такимъ образомъ, что Шамбель могъ свободно видѣть все происходившее тамъ, не имея вмѣстѣ съ тѣмъ никакого средства пройти туда.

— Ахъ, Боже мой! отвѣчала Шамбель съ нетерпѣннѣемъ: — это вздоръ, которымъ вамъ не стоить заниматься.

Онъ отвѣчалъ графу, какъ человеку, котораго привыкли считать за ничто; въ этомъ случаѣ, онъ увлекся собственнымъ чувствомъ; забывая, что г-жа де-Моранси вознигла: ему въ обязанности показывать въ обращеніи съ ея мужемъ величайшее уваженіе. Графъ де-Моранси, довольствовавшійся наружными выказаніями почтенія, вѣрно дорожилъ ими; но потому отвѣчалъ тономъ, въ которомъ была замѣтна угроза и важность:

— Мнѣ страшно, что такой человекъ, какъ вы, можетъ говорить вздоръ такой женщиной, какъ графиня де-Моранси!

Шамбелъ почувствовалъ свою неосторожность и хотѣлъ вывернуться какъ-нибудь; но графъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— А если рѣчь дѣйствительно шла о вздорѣ, какъ вы говорите, то мнѣ кажется еще страннѣе, какимъ образомъ графиня де-Моранси могла поручить мнѣ дать вамъ отвѣтъ на моего

Шамбелъ былъ какъ на палкахъ; некая глупость опавшей, которую обмарили они предъ г-жею Моранси, и некая, что отвѣчать ея мужу, неспуская глаза съ него, лишь схватился за первую повашуюся ему мысль, и отвѣчалъ тономъ, которому хотѣлъ придать выраженіе равнодушія.

— Ахъ, Боже мой, графъ, какъ вы горячо это принимаете! Я слышалъ у графини, какимъ образомъ приходится ей съ родни говорить Юлію, и что онъ за человекъ?

Графъ нахмурилъ нѣсколько бровей, какъ-будто вопросъ этотъ заключалъ въ себя что-то для него оскорбительное; но, по вполновѣнному, Мезревоженному виду Шамбеля, который и выказывалъ шире то въ правую, то въ лѣвую сторону, чтобъ взглянуть въ садъ презъ плечо графа, — графъ понялъ, что слова, сказанныя Шамбелемъ, не

имѣли никакой особенной цѣли, и отвѣчалъ съ совершенно-спокойнымъ видомъ:

— Юлій — человекъ, котораго ни вы, ни другіе не умѣли оценить по достоинству; слишкомъ-застѣнчивый въ обществѣ и слишкомъ-равнодушный къ тому, что говорится въ немъ, онъ подъ холодною наружностію скрываетъ самый быстрый, предприимчивый умъ и душу пылкую, страстную...

— Возможно ли? воскликнулъ Шамбель съ притворною недовѣрчивостію, но въ-самомъ-дѣлѣ съ величайшимъ безпокойствомъ.

— А такъ-то возможно, возразилъ графъ: — что даже теперь, въ эту самую минуту, Юлій, преданный въ жертву сильной страсти, затвараетъ что-то очень важное...

— Вы думаете? воскликнулъ Шамбель.

— Не думаю, а увѣренъ, отвѣчалъ съ важностію графъ де-Моранси: — и увѣренъ также, что Юлій непременно успеетъ въ томъ, что задумалъ.

Шамбель сдѣлалъ судорожное движеніе, котораго графъ не хотѣлъ, однакожь, замѣтить, и понизивъ голосъ, какъ-будто то, что намеренъ былъ сказать, заключало въ себѣ большую важность, продолжалъ:

— Юлій человекъ рѣшительный, терпѣливый, неутомимый; человекъ, котораго не остановятъ никакія препятствія, никакія опасности для достиженія предположенной цѣли.

Шамбеля начинала пробираться дрожь, и чѣмъ болѣе казался онъ встревоженнымъ, тѣмъ хладнокровнѣе отозвался графъ; онъ даже нарочно тянулъ слова свои, какъ-будто для того, чтобы придать имъ болѣе вѣсу. Шамбель, не будучи въ состояніи снести долѣе своего ужаснаго положенія, попытался проскользнуть мимо графа, сказавъ ему отрывисто:

— Вотъ именно то, что хотѣлъ я знать о господинѣ Юліи, и очень благодаренъ вамъ за все мною слышанное.

— Это еще не все, возразилъ графъ, остановивъ Шамбеля за руку. — Я долженъ сказать вамъ, и вы вѣрно сами уже замѣтили, — что графиня де-Моранси имѣетъ особенную слабость къ этому молодому человеку. Богу не угодно было дать имъ дѣтей, продолжалъ графъ съ важностію: — и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что графиня любитъ его какъ сына. Такимъ образомъ, если вы намерены сдѣлать что-нибудь въ его пользу, — а я думаю, что разспросы ваши о немъ не могли имѣть другой цѣли, — если вы хотите взять его себѣ въ сотрудники для какой бы то ни было работы, то я совершенно убѣжденъ, что вы сдѣлаете этимъ госпожѣ де-Моранси большое удовольствіе.

Важный видъ и тошнотѣ доверенности, съ какими графъ сказалъ эту

последнюю фразу, позволили Шамбелю сомнѣваться, что слова его не была насмѣшкою. Впрочемъ, самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать, было прикинуться, будто онъ не понимаетъ этихъ словъ, потому-что какой отвѣтъ могъ бы онъ дать человѣку, отъ котораго слышалъ ихъ?

Подвигъ, совершенный графомъ де-Моранси, былъ такъ великъ, что онъ былъ принужденъ собрать для него всѣ свои силы, покоившіяся въ-продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ; утомленный такимъ необыкновеннымъ напряженіемъ, онъ пропустилъ наконецъ Шамбеля въ садъ и бросился на диванъ.

Шамбель, высвободясь изъ когтей почтеннаго супруга, опростыю бросился въ садъ и нашелъ тамъ Изору, читавшую какую-то бумагу, которую, вѣроятно, подалъ ей Юлія. Шамбель былъ вспыльчивъ, какъ почти всѣ слабохарактерные люди; онъ, конечно, вырвалъ бы изъ рукъ жены своей эту бумагу, но она сама поспѣшила подать ему, сказавъ притомъ:

— Ахъ, другъ мой, у меня есть до тебя важная новость; въ лицѣ господина-Юлія явился тебѣ соперникъ—и очень опасный, прибавила она, взглянувъ на молодаго человѣка. — Посмотри... какіе прекрасные стихи!..

Шамбель не зналъ, какъ понять то, что слышалъ. Въ первую минуту, онъ вообразилъ себѣ, что Изора, желая встревожить его, была сама наконецъ испугана своимъ неосторожнымъ поступкомъ и хотѣла доказать, что если прогулка была предпринята сю въ намѣреніи взбѣсить его, то, по-крайней-мѣрѣ, разговоръ, который она вела съ Юліемъ, не имѣлъ въ себѣ ничего предосудительнаго. Добрый Шамбель подумалъ, что жена его просто струсила, и потому, взявъ бумагу съ важнымъ видомъ мужа и поэта, развернулъ ее медленно. И что же? вдругъ лицо его приняло выраженіе гнѣва и удивленія. Заглавіе стихотворенія бросилось ему въ глаза; оно было слѣдующее: *Той, которую люблю.*

Шамбель повернулся къ женѣ, которая сказала ему очень граціозно:

— Прочти, пожалуйста!

Это прочти, казалось, значило: ты увидишь, что стихи эти относятся не ко мнѣ. Успокоенный, Шамбель началъ читать; переходя отъ стиха къ стиху, отъ строфы къ строфѣ и встрѣчая ежеминутно довольно-счастливыя мысли, выраженные очень удачно, онъ невольно досадовалъ и напрасно искалъ что-нибудь, къ чему бы могъ придраться, чтобъ разсердиться. Вся элегія состояла въ описаніи страстныхъ чувствъ первой любви и оканчивалась слѣдующими стихами:

Quant à son nom c'est un mystère;
Même à ma couche solitaire

Jamais je ne l'ai dit tout bas;
Et la seule voix douce et tendre
A qui mon coeur voudrait l'apprendre
Ne me le demandra pas(*).

Конецъ стихотворенія показался Шамбелю мистификаціей; онъ принялъ на себя грозный видъ и сказалъ тихо Юлію:

— А еслибъ я спросилъ у васъ объ этомъ имени, господинъ-Юліи?

— Это было бы слишкомъ-нескромно: это тайна господина-Юлія, замѣтила г-жа Шамбель смѣясь.

— А вы его не угадали? спросилъ Шамбель, обращаясь къ женѣ.

— Думаю, что угадала, возразила Изора, взглянувъ лукаво на Юлія.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ слѣдовало бы убѣдиться въ своей догадкѣ, сказалъ Шамбель.

Изора почувствовала свою неосторожность; но, не желая уступить, обратилась къ Юлію и спросила:

— Можете ли вы назвать мнѣ это имя?

— Сударыня, отвѣчалъ Юліи съ досадою и смущеніемъ: — стихи эти не относятся ни къ кому.

— Въ такомъ случаѣ, я не наставляю болѣе, сказала г-жа Шамбель, мигнувъ значительно Юлію.

— Можетъ-быть, воскликнулъ Шамбель съ гнѣвомъ, котораго не могъ скрыть: — можетъ-быть, есть другое средство заставить отвѣчать господина-Юлія...

— Поспѣшите къ намъ, милая графиня, воскликнула г-жа Шамбель, обращаясь къ г-жѣ де-Моранси, которая показала у садовой двери: — поспѣшите къ намъ на помощь; между этими господами завязался важный споръ, который надобно разрѣшить...

— Скажите, замѣтилъ тихо Шамбель женѣ своей: — не намѣрены ли вы съѣзжать меня смѣшнымъ?..

— Болѣе, нежели вы съ-самомъ-дѣль? отвѣчала Изора. — О, нѣтъ!

— Этотъ молодчикъ дорого заплатитъ мнѣ за всѣ ваши дерзости!

Г-жа Шамбель не отвѣчала, и, обращаясь къ г-жѣ де-Моранси, сказала:

— Любезная графиня, господинъ-Юліи, полагая, что я могу имѣть какое-нибудь вліяніе на господина-Шамбеля (какъ вы просты, господинъ-Юліи), просилъ меня, чтобъ я выведала у моего мужа мнѣніе его насчетъ этихъ стиховъ. Я показала ихъ господину-Шамбелю и, вмѣсто того, чтобъ сказать свое мнѣніе о нихъ, онъ цѣлые полчаса мучилъ вашего племянника вопросами о томъ, къ кому они относятся.

(*) • Что же до имени ея — я не смѣлъ произносить его даже на своемъ одинокомъ ложѣ; а нѣжный, сладостный голосъ, которому одному хотѣло бы славать его мое сердце, не спроситъ его у меня •.

Г-жа де-Моранси, очень недовольная Шамбелемъ, который такъ глупо выказалъ досаду на кокетство жены своей, отвѣчала Изорь:

— О! я знаю, что господишъ-Шамбель имѣеть чрезвычайно странныя претензіи...

— Слава Богу! воскликнула г-жа Шамбель: — я очень рада, что хоть вы сказали ему правду... Съ нѣкотораго времени онъ сдѣлался несносенъ въ своихъ требованіяхъ. Побраните его хорошенько: онъ послушаетъ васъ скорѣе, чѣмъ меня.

Сказавъ это, Изора удалилась, оставивъ Шамбеля и г-жу де-Моранси однихъ. Шамбель, разбѣшенный на Изору, хотѣлъ-было жаловаться на нее г-жѣ де-Моранси; но при первомъ словѣ, она отвернулась отъ него, сказавъ:

— То, что неприлично для г-жи Шамбель, неприлично также и для меня. Графъ смотритъ на насъ.

Шамбель остался одинъ на мѣстѣ, неподвижный, какъ истуканъ. Положеніе его было жестоко; онъ не могъ обнаружить своей ревности къ Изорь, не оскорбивъ г-жи де-Моранси. Если ревность проистекала отъ остатка любви къ Изорь, то она должна была показаться обидною графинѣ, которую онъ любилъ; если жъ, напротивъ, въ немъ кипѣло только одно негодованіе, и если онъ хотѣлъ только оградить отъ позора имя свое и честь, это значило сказать г-жѣ де-Моранси, до какой степени онъ самъ забылъ все свои обязанности. Шамбель не могъ, однакъжъ, освоиться съ мыслию, чтобъ его заставляли играть такую же роль, какую онъ самъ заставлялъ играть другаго, и онъ рѣшился прибѣгнуть къ власти своей надъ женою, чтобъ принудить ее оставить все шутки.

Возвращаясь въ гостиную, онъ старался казаться совершенно-спокойнымъ, что, по его мнѣнію, должно было обезоружить неудовольствіе г-жи де-Моранси. Но, кажется, она была задѣта за-живое; по крайней-мѣрѣ, во весь обѣдъ она не переставала преслѣдовать несчастнаго мужа самыми жестокими сарказмами. Дѣло дошло наконецъ до того, что графъ де-Моранси, наливъ стаканъ бургонскаго, воскликнулъ съ громкимъ смѣхомъ:

— Ваше здоровье, господишъ Шамбель!

Шамбель не зналъ, что дѣлать: разсердиться, или обратить все въ шутку; последнее средство показалось ему лучше, и онъ отвѣчалъ графу:

— Развѣ вы считаете меця болынымъ, что пьете за мое здоровье?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, возразила Изора: — ты какъ-будто нездоровъ.

Замѣчаніе это могло показаться насмѣшкою послѣ того смысла, какой графъ де-Моранси, казалось, хотѣлъ придать словамъ своимъ. Но прежде, чѣмъ Шамбель успѣлъ разсердиться, Изора закрылась вѣрнымъ щитомъ.

— Не правда ли, графиня, сказала она:— мужъ мой какъ-будто не въ духъ сегодня?

— Да, отвѣчала г-жа де-Моранси, взглянувъ на него:— можно подумать, что онъ боится какого-нибудь несчастія.

— Я никогда не боюсь того, что могу отвратить, отвѣчалъ Шамбель грубымъ тономъ.

— Это очень хорошо для того, чего еще нѣтъ, замѣтила Изора:— но не для того, что уже есть...

— Какъ, что есть? воскликнулъ Шамбель въ себя.

— Да, что есть, отвѣчала Изора простодушно:— то, что уже сдѣлано, часто тревожитъ насъ, мы раскаиваемся, но не имѣемъ средства поправить бѣду...

Слова эти сильно встревожили Шамбеля; въ первую минуту, онъ подумалъ, что Изора знаетъ все; но ему тутъ же представилось, что она метила на любовь его къ Маргаритѣ, и онъ возразилъ:

— Конечно, когда есть въ чемъ раскаиваться; но когда нѣтъ ничего, когда мы умѣли воздержаться отъ глупостей, такъ намъ нѣ отъ чего тревожиться.

Г-жа де-Моранси была также очень-удивлена выходкою г-жи Шамбель; но она повсе не отнесла ея насчетъ Маргариты, такъ-что отвѣтъ Шамбеля коснулся прямо ея-самой, и если она нашла заpiresательство его благоразумнымъ, то видъ презрѣній, съ какимъ оно было сдѣлано, и слово *глупость*, употребленное имъ, показалось ей неслыханною дерзостью. Она поблѣднѣла отъ злости и до самаго конца обѣда молчала. Что до Изоры, она была въ самомъ веселомъ расположеніи духа и любезничала съ Юліемъ какъ-нельзя-болѣе.

Обѣдъ кончился, и посреди всеобщаго шума, послѣдовавшаго за тѣмъ, произошла маленькая, чрезвычайно-быстрая сцена. Шамбель подошелъ къ женѣ и сказалъ тихо:

— Если вы станете говорить съ Юліемъ, я при всѣхъ дамъ ему пощечину.

И недождавшись отвѣта, обратился къ г-жѣ де-Моранси, которая наблюдала за нимъ. Графиня не могла слышать, что сказалъ Шамбель; но по бшенству, выражавшемуся въ лицѣ его и по раздраженному виду г-жи Шамбель, почти угадала смыслъ его словъ; когда же онъ приблизился къ ней, чтобъ предложить руку, она отвернулась, сказавъ вполголоса:

— Берегитесь; графъ человекъ бшенный и можетъ убить насъ на мѣсть.

Шамбель невольно оглянулся и увидѣлъ графа, который, взявъ г-жу Шамбель подъ руку, уговаривалъ ее идти въ садъ:

— Мнѣ есть кой-что сообщить вамъ, сказалъ онъ:— не откажите мнѣ въ минутномъ разговорѣ.

Г-жа Шамбель, боясь, чтобъ мужъ ея не исполнилъ своей угрозы въ минуту запальчивости, не рѣшалась слѣдовать за графомъ, потому-что Юліи прошель уже въ садъ.

— Поди же, сказала ей Шамбель: — развѣ ты боишься того, что графъ хочетъ сообщить тебѣ?

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала Изора: — но я не хотѣла оставить графиню одну, тѣмъ болѣе, что и г. Юліи въ саду.

Сказавъ это, она ушла. Шамбель остался у двери; ему очень хотѣлось помѣшать встрѣчъ Изорѣ съ Юліемъ, котораго графъ, вѣроятно, хотѣлъ устроить, и въ то же время остаться одному съ г-жею де-Моранси, чтобъ объясниться. Это послѣднее желаніе пересилило первое, и онъ возвратился въ гостиную. Подойдя къ графинѣ, онъ сказалъ:

— Вы сердитесь на меня?

— Боже мой, за что хотите вы, чтобъ я сердилась!

— Вы придали словамъ моимъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, съ ка-кимъ я скавалъ ихъ.

— Вы забываете, что г-жа Шамбель теперь вмѣстѣ съ Юліемъ.

— Я забуду объ этомъ; если вы непременно того хотите, сказала Шамбель съ покорностью.

Г-жа де-Моранси, какъ и всѣ подобныя ей женщины, чувствуя, что власть ея была незаконна, боялась ея лишиться. Предложеніе Шамбеля показалось ей довольно-выгоднымъ; но она не хотѣла принять его безусловно, и потому отвѣчала грустнымъ тономъ:

— Забыть! вамъ это невозможно!

— Испытайте!

— О, я знаю, что вы останетесь со мною и, не смотря на всѣ мученія вашего сердца, не пойдете туда, гдѣ бы вы хотѣли быть... Но прежде это было бы не такъ; прежде вы даже и не подумали бы покинуть меня...

— Виновать, каюсь!..

— Не думайте, чтобъ я осуждала ваши опасенія, еслибъ они были справедливы; но вся эта комедія не стоила нисколько вниманія, и еслибъ вы были спокойнѣе, то сами увидѣли бы, что лучшимъ средствомъ прекратить ее было бы сдѣлать видъ, что вы ничего не замѣчаете.

— Право, вы такъ думаете? воскликнулъ Шамбель съ примѣтною радостью.

— Да; и это избавило бы меня также отъ стыда подумать собственнo о себѣ и о моихъ отношеніяхъ къ вамъ...

При этихъ словахъ, двѣ крупныя слезы выступили на глазахъ графини.

Шамбель съ вѣжностью взялъ еѣ за руку, назвалъ тихо по имени, и г-жа де-Моранси продолжала:

— Меня пугаетъ не опасность, которой я подвергаюсь; но мученіи совѣсти за мой проступокъ... И вы, вы же сами съ такою жестокостію показали мнѣ всю великость его...

Тутъ слезы полились уже рѣкою, и Шамбель прибѣгнулъ къ обыкновеннымъ клятвамъ въ вѣчной любви; которыя въ подобныхъ случаяхъ всегда противопоставляются упрекамъ совѣсти.

Г-жа де-Моранси слушала ихъ съ такимъ удовольствіемъ, а Шамбель такъ усердно старался увѣрить еѣ въ своей искренности, что прошло болѣе часа, въ который онъ и не вспомнилъ ни о женѣ своей, ни о Юліи.—Г-жа де-Моранси торжествовала.

Изора, съ своей стороны, хотѣла убѣдиться до какой степени власть г-жи де-Моранси будетъ въ состояніи удержать ревнивость Шамбеля. Негодованіе и гнѣвъ ея достигли высшей степени, когда она увидѣла, что мужъ ея не являлся, и блѣдный Юлій никакъ не могъ понять, что съ нею сдѣлалось; нѣсколько разъ пытался онъ удалиться, но Изора удерживала его; она не хотѣла возвратиться въ помнаты, ни остаться одна съ графомъ. Наконецъ, видя, что наступилъ уже вечеръ и что пора оставить садъ, о чемъ напомнилъ даже самъ Юлій, она объявила, что, чувствуя себя нездоровой, не пойдетъ къ графинѣ, а возвратится домой.

— Я буду вамъ очень благодарна, если вы не скажете объ этомъ ни слова моему мужу, прибавила она.—Онъ счелъ бы обязанностью послѣдовать со мною; а мнѣ не хочется лишать его удовольствія провести вечеръ съ вами.

Г-жа Шамбель отправилась изъ сада прямо домой, а графъ тутъ же далъ какое-то порученіе Юлію, которое должно было занять его по-крайней-мѣрѣ часа на два. Распорядясь такимъ образомъ, онъ возвратился въ гостиную и на вопросъ жены, гдѣ г-жа Шамбель, отвѣчалъ, что она пошла домой.

— А Юліи? спросила г-жа де-Моранси.

— Право, не знаю, куда онъ дѣвался, отвѣчалъ графъ: — онъ исчезъ какъ тѣнь вслѣдъ за г-жею Шамбель.

Эти слова были сказаны нарочно такъ громко, чтобъ Шамбель могъ ихъ слышать.

Въ ту же минуту графиня заставила его взять карту и усадила за вистъ.

VIII.

Для всякаго, кто постигъ настоящій характеръ г-жи Шамбель, сцена, приведенная нами, показалась бы очень удивительной. Изора смотрѣла на жизнь сердца, какъ на вещь священную, которую не

должно было играть, и при всемъ этомъ сама же играла ею. Оставшись одна и обдумавъ хорошенько все, она почувствовала какое-то раскаяніе и даже состраданіе. Теперь она невольно убѣдилась въ справедливости мысли, которая часто приходила ей въ голову и которую она такъ легко позволяла всегда оспаривать, желая сама не вѣрять ей.

— Нѣтъ, говорила она самой-себѣ: — нѣтъ, мужчины предпочитаютъ не тѣхъ женщинъ, которыя, любя искренно, не твердятъ безпрестанно о своихъ чувствахъ, но готовы принести всякую жертву человѣку, ими избранному. Кокетка, съ своими прихотями, съ своими притворными улыбками и слезами, съ своими поддѣльными восторгами, выигрываетъ у нихъ гораздо-болѣе, чѣмъ женщина, любящая просто, но вѣрно и нѣжно...

Сто разъ говорила она это при Шамбелѣ и сто разъ онъ оспаривалъ это мнѣніе такимъ аргументомъ, которому Изора не хотѣла противорѣчить — любовью своею къ ней. Но если онъ колебалъ ея убѣжденіе, то не измѣнялъ его совершенно. Оно оставалось въ сердцѣ Изоры и, можетъ-быть, характеръ ея мужа былъ первою и главнѣйшею причиною такого убѣжденія.

Обманутая наружностью и интригою, обдуманной съ удивительнымъ искусствомъ, она повѣрила на минуту любви Шамбеля къ Маргаритѣ. Но когда письмо этой молодой дѣвушки обнаружило ей всю истину, Изора удивилась, что могла такъ грубо обмануться. Нѣтъ, Шамбель не могъ любить бѣдную дѣвушку, прекрасную какъ ангелъ, но скромную, застенчивую, затерянную въ свѣтской толпѣ и пиктмъ незамѣчаемую. Даже любовь къ нему этой дѣвушки, любовь искренняя, чистая, святая, не могла быть угадана имъ: онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые въ состояніи понимать такое чувство, и Изора нисколько не сомнѣвалась, что мужъ ея даже не подозревалъ любви Маргариты.

Шамбелю надобна была не такая любовь, какъ любовь Маргариты, — нѣтъ, ему была нужна не любовь, а похѣда надъ женщиной, поставленной высоко въ обществѣ; надъ женщиной, за которой ухаживали многіе, и которая предпочла бы его всемъ. Вотъ-что было нужно Шамбелю и вотъ-что нашелъ онъ въ графинѣ де-Моранси...

Изора, убѣжденная въ этой горькой истинѣ, успокоила однакожь себя мыслью, что подобная любовь не могла быть серьезною, что ее можно было уничтожить, и что во всякомъ случаѣ только сильныя страсти могутъ встрѣтить въ человѣкѣ упорство.

Но если г-жа де-Моранси и не была такою женщиною, которой Изора могла бы страшиться, она, однакожь, заставила Шамбеля забыть свои клятвы, и сносить терпѣливо подобную связь не значило ли дать ему поводъ предаться въ-послѣдствіи связи болѣе-опа-

сной, которая легко могла бы превратиться въ страсть и лишить ее навѣкъ сердца мужа?

Преданная этимъ мыслямъ, Изора искала вокругъ себя кого-нибудь, кто могъ бы дать ей спасительный совѣтъ, какъ дѣйствовать, и, подобно Маргаритѣ, никого не находила. Она могла совѣтоваться только съ самой-собою и, къ-несчастію, не довѣряла самой-себѣ. Не обманывалась ли она еще за день предъ тѣмъ, когда обвиняла такъ жестоко бѣдную, невинную дѣвушку; не обманывалась ли она и тогда, когда, въря любви Шамбеля, пожертвовала ему всѣмъ?

Когда этотъ призракъ минувшаго мелькнулъ передъ ея глазами, она отвернулась отъ него съ ужасомъ; она силилась забыть его, чтобы не слышать роковаго голоса, который твердилъ ей: «ты и тогда обманулась, какъ вчера!» Но что же было ей дѣлать теперь? на что рѣшиться? чѣмъ возратить утраченное? Кротостію и смиреніемъ, или явною борьбою и силою?.. Должна ли она была притворяться, что не знала ничего, и предоставить времени возбудить искреннее раскаяніе? Можетъ-быть, такая мѣра была бы самою лучшею съ человѣкомъ, подобнымъ Шамбелю? Запальчивый и вмѣств слабый, онъ, въ минуту ссоры, могъ забыть все и даже рѣшиться на что-нибудь преступное или опасное; но, оставленный самому-себѣ и неподстрекаемый никѣмъ, онъ долженъ былъ скоро соскучиться отъ связи, которая, сдѣлавшись спокойною и безопасною, не представляла бы никакой пищи его самолюбію.

Зная характеръ своего мужа, Изора была убѣждена, что только одно это послѣднее средство могло упрочить ей побѣду; но того, что внушилъ ей разсудокъ, что подтверждалъ опытъ, что она сама стала бы совѣтовать лучшему своему другу, своей дочери для будущаго счастья всей ея жизни,—того не могла она исполнить сама. Мысль дожидаться, выжидать спокойно переменны въ чувствахъ мужа была для нея нестерпима! «Если онъ долженъ быть возвращенъ мнѣ пресыщеніемъ или скукою» говорила она: «то пусть лучше навѣки оставить меня... И если я даже успѣю пересилить порывы своего гнѣва, если я измѣню для того свой характеръ, если разобью свое сердце, — къ-чему послужить мнѣ все это? Пройдетъ время испытанія, наступитъ, можетъ-быть, часъ возврата, и въ этомъ разбитомъ сердцѣ не будетъ уже для преступника ни любви, ни прощенія, ни даже забвенія; въ немъ останется только одно холодное равнодушіе!.. Что же мнѣ дѣлать? на что рѣшиться?» восклицала внутренно Изора, преданная отчаянію и терпящаяся въ лабиринтъ своихъ мыслей.—«Бороться, бороться явно, хотя бы пришлось потерять все!.. И не лучше ли умереть разомъ, чѣмъ страдать долго и мучительно? не лучше ли вырвать вдругъ сердце изъ груди, чѣмъ вынимать его по клочкамъ?..

Въ такомъ расположеніи духа была она, когда услышала звонокъ, и такъ велика была ея нерѣшительность, что она въ ту жь минуту подбѣжала къ двери, чтобъ запереться у себя въ комнату. Какъ ни встревожена была Изора, она не хотѣла однакожь подвергнуть себя опрометчиво гнѣву мужа. Она понимала, что Шамбель прійдетъ съ угрозою требовать отчета въ ея поступкахъ. Увѣренный, что Изора не знаетъ всей истины, онъ, конечно, прійметъ на себя видъ чело-вѣка, оскорбленнаго несправедливыми подозрѣніями... Изора уга-дывала все это и чувствовала, что не будетъ въ состояніи вынести его гнѣва безъ того, чтобъ, въ свою очередь, не выказать своего справедливаго негодованія, а это значило бы начать немедленно борьбу, — борьбу, которой за минуту еще желала такъ пламенно и передъ которой сама же теперь отступала. Да, она отступала отъ нея, зная, что въ ней могла найти только горе и отчаяніе, горе—видѣть себя обманутою, отчаяніе—убѣдиться во лжи и низости чело-вѣка, котораго любила еще такъ страстно. Увѣренная, что можетъ побѣдить его, показавъ ему, до какой степени ей все извѣстно, она примѣнила къ себѣ извѣстное изреченіе: «Еще одна такая побѣда, и я погибла!» Она понимала, что ей прійдется оставить на полѣ сра-женія послѣднія развалины своего сердца и, не смотря на всю свою гордость, хотѣла лучше уклониться отъ боя, въ которомъ могла толь-ко лишиться всего, нежели начинать его.

Между-тѣмъ, Шамбель, возвратившійся домой, пошелъ въ компа-ту Изоры и, увидѣвъ дверь запертою, постучался такъ, что стукъ этотъ ясно доказывалъ непремѣнную волю отпереть немедленно дверь. Дѣйствительно, онъ былъ полонъ гнѣва, скопившагося въ немъ въ-продолженіи шести робберовъ виста, которые графъ де-Моранси съ такою неизмовѣрною жестокостію заставлялъ его сы-грать. Ему надобно было во что бы ни стало высказать Изорѣ все, что кипѣло въ немъ; а какъ она притворилась, будто не слы-шитъ стука, то онъ стукнулъ снова въ дверь и въ этотъ разъ уже такъ сильно, что дверь едва не соскочила съ петель. Изора испуга-лась, чтобъ люди не сбѣжались на шумъ, и то, чего не могли сде-лать всѣ ея размышленія, сдѣлалъ страхъ. Рѣшась выслушать спо-койно все, что могъ сказать ей мужъ, точно такъ, какъ-будто бы ей пришлось слушать сумасшедшаго, Изора отворила дверь.

— Извини, что заставила тебя дожидаться, сказала она ему: — я не знала, что это былъ ты.

Шамбель, вошедъ въ комнату, окинулъ ее недовѣрчивымъ взгля-домъ. Къ-счастію, Изора не поняла этого взгляда, не зная, что Юлій скрылся немедленно послѣ ея ухода отъ г-жи де-Моранси.

— Вы, кажется, не имѣете привычки запирается у себя въ комна-тѣ, когда бываете одиъ? сказалъ Шамбель.

— Возвратясь доной часа два тому назадъ, отвѣчала Изора съ кротостью: — я заперла дверь, чтобъ никто не беспокоилъ меня, и потомъ совершенно забыла объ этомъ.

— Въ чемъ же состояли ваши занятія, что вы такъ боялись быть обезпечены? спросилъ Шамбель.

— Ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ, отвѣчала Изора: — я слѣлала это такъ, безъ всякаго намѣренія, и повторяю, мнѣ очень жаль, что заставила тебя дожидаться.

Изора говорила кротко, голосомъ, въ которомъ дышала просьба; но Шамбель пришелъ за тѣмъ, чтобъ поссориться; ссора ему была необходима; онъ сказалъ:

— Вамъ, конечно, хотѣлось вспомнить на свободѣ стихи Юлія и обдумать хорошенько всѣ любезности, которыя онъ могъ наговорить вамъ во время вашего продолжительнаго и уединеннаго разговора?

— Графъ де-Моранси былъ съ нами и не оставлялъ насъ ни на минуту, отвѣчала Изора.

— Графъ де-Моранси! воскликнулъ Шамбель, произнеся это имя съ видимымъ презрѣніемъ: — графъ де-Моранси! повторилъ онъ съ улыбкою, которая означала: развѣ графъ что-нибудь значитъ?

Кто могъ бы воздержаться, чтобъ не воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ? Испушеніе было слишкомъ — велико, и Изора не пересилила его.

— Я знаю, отвѣчала она, стараясь придать словамъ своимъ какъ-можно-болѣе выраженія: — я знаю, что графъ де-Моранси считается многими за человѣка очень-нисходительнаго.

— Что вы хотите сказать этимъ? спросилъ Шамбель: — и кто эти ипогіе, которые такъ думаютъ?

— Во-первыхъ, можетъ-быть, я и г. Юлій, возразила Изора, въ которой гнѣвъ начиналъ уже вскипать понемногу.

— Что до меня, то мнѣ это совершенно неизвѣстно; я не знаю, что можетъ быть сказано при немъ, отвѣчалъ Шамбель: — но еслибъ даже графъ былъ человѣкомъ самымъ непроницательнымъ, то присутствіе его и тогда не могло бы оправдать такого продолжительнаго разговора, какой вамъ угодно было имѣть съ г. Юліемъ.

— Мнѣ очень жаль, что это неприятно вамъ, отвѣчала Изора съ холодною: — но отъ васъ зависѣло прервать этотъ разговоръ во всякое время, еслибъ вы того захотѣли.

— Но я не хотѣлъ! воскликнулъ съ горячностью Шамбель.

— Точно ли вы увѣрены, что только вы одни не хотѣли этого? возразила Изора, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ.

Гнѣвъ Шамбеля, до-сихъ-поръ удерживаемый, разразился теперь со всею силою, такъ, что онъ слышалъ только слова Изоры, не понимая обвиненія, которое таилось въ нихъ.

— Нѣтъ, воскликнулъ онъ съ запальчивостію:—я не хотѣлъ этого, предупреждаю васъ, что я не намѣренъ былъ приниматься за ремесло шпиона и слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ, чтобъ заставить васъ кончить комедію, которую вамъ угодно разыгрывать. Но я хочу, я требую, чтобъ вы вели себя благоразумнѣе, чтобъ оставили эти глупыя сцѣны кокетства, предлогомъ которыхъ вамъ угодно было выдумать какую-то ревность, которая не могла быть въ вашемъ сердцѣ, и которой...

—И которой теперь, по-крайней-мѣрѣ, уже нѣтъ, отвѣчала Изора съ видомъ покорности.

— Очень радъ, что вы убѣдились наконецъ въ нелѣпости своихъ подозрѣній.

— Вы совершенно правы, возразила Изора:—я была точно глупа, вообразивъ себя, что вы могли быть хоть одну минуту влюблены въ бланную молодую дѣвушку, которая, не имѣя ничего, кромѣ красоты, не обладаетъ даромъ кокетства и искусствомъ нравиться людямъ гениальнымъ.

— Этотъ насмѣшливый тонъ вовсе нейдетъ къ вамъ, отвѣчалъ Шамбель:—и все, что было нынче вечеромъ между вами и Юліемъ, могло бы заставить васъ сознаться съ большею искренностію въ вашей ошибкѣ.

— Клянусь вамъ, возразила Изора тономъ, въ которомъ все еще отзывалась притворная покорность:—клянусь, я искренно сознаюсь въ несправедливости своей къ этой молодой дѣвушкѣ, и еслибъ вы не были такъ заняты однимъ собою, то разговоръ мой съ г. Юліемъ не разгнѣвалъ бы васъ до такой степени, потому что ему я обязана убѣжденіемъ, что подозрѣнія мои на счетъ Маргариты были вовсе неосновательны.

Въ этомъ признаніи и въ тонѣ, съ какимъ оно было сдѣлано, заключалось что-то оскорбительное для Шамбеля; но онъ не могъ или не смѣлъ понять этого, и по какому-то инстинкту чувствовалъ, что Изора, обвиняя себя, въ-самомъ-дѣлѣ обвиняла только его одного. Онъ не могъ, однакожъ, предположить, чтобъ интрига его съ г-жею де-Моранси была ей извѣстна; ему казалось, что все поступки Изоры обнаруживали только досаду ея на невозможность доказать чѣмъ-нибудь обвиненіе свое на счетъ Маргариты. Въ этой увѣренности, онъ сказалъ насмѣшливо:

—Я понимаю вашу досаду; она очень натуральна:—хлопотать такъ усердно около г. Юлія и не получить отъ него непреложнаго доказательства моей измѣны, которое вы поклялись представить еще сегодня—это ужасно!

—Я не сказала «сегодня»; на это будетъ свое время, и я получила отъ г. Юлія все, что мнѣ было нужно.

При этомъ отвѣтъ, произнесенномъ съ угрожающею холодною, Шамбель поблѣднѣлъ отъ гнѣва.

— Не знаю, что вы хотѣли получить отъ г. Юлія, воскликнулъ онъ съ запальчивостію: — но запрещаю вамъ говорить съ нимъ, а болѣе всего запрещаю кокетничать съ нимъ такъ безстыдно.

— А если я не послушаюсь васъ? спросила Изора, вглянувъ на мужа смѣло.

— Если вы не послушаетесь!.. закричалъ Шамбель.

Онъ остановился на минуту, терзаемый необыкновеннымъ волненіемъ, и продолжалъ потомъ голосомъ, въ которомъ было замѣтно болѣе скорби, чѣмъ угрозы:

— Если вы не послушаетесь!.. Состояніе ваше совершенно-независимо отъ моего, и если уваженіе къ мужу кажется вамъ такъ ничтожно, что имъ можно играть по произволу, то пусть будетъ такъ; я оставляю вамъ полную свободу дѣйствовать какъ угодно; не прибѣгну ни къ угрозамъ, ни къ крикамъ, но разстанусь съ вами навсегда.

Отчаяніе, съ какимъ Шамбель произнесъ слова эти, было, конечно, слѣдствіемъ внутренняго убѣжденія, что онъ не имѣлъ права на подобную угрозу; но Изора приняла это иначе, и съ чувствомъ непритворнымъ, но уже полнымъ искренности сказала ему:

— Не-уже-ли могла я такъ глубоко оскорбить тебя, Пьерръ?.. Не-уже-ли въ сердцѣ твоёмъ осталось еще столько привязанности ко мнѣ, что притворное кокетство мое могло встревожить тебя до такой степени? Если это правда, если въ негодованіи, можетъ-быть, и справедливомъ, могла я заставить тебя подумать, что предпочитаю собственное мщеніе твоему счастью, то прости меня и вѣрь искренности моего раскаянія. Если же и послѣ этого разлука намъ будетъ необходима—я не хочу, чтобъ ты покинулъ меня потому только, что я забыла въ-отношеніи къ тебѣ обязанности супруги, какъ забыла ихъ нѣкогда... въ-отношеніи къ другому.

Слезы брызнули изъ глазъ Изоры; она упала въ кресла, закрывъ лицо руками. Шамбель достигъ наконецъ своей цѣли, но достигъ не страхомъ, который думалъ внушить Изорѣ: другое чувство, несравненно-тягостнѣйшее, сокрушало ее,—чувство скорби, что онъ могъ подумать о вѣчной разлукѣ съ нею. Шамбель понялъ это и былъ тронутъ; голосъ совѣсти раздался на минуту въ его сердцѣ, и онъ подошелъ къ ней, сказавъ тихо:

— Ну, полно, Изора, успокойся... Я точно былъ жестоко оскорбленъ, видя, какъ вѣтренно играла ты чувствами самыми священными; но я увѣренъ, что этого уже не будетъ болѣе. И такъ, все забудь... все!..

Изора, преданная въ жертву отчаянія, въ которомъ было столько

же раскаяніи за прошлое, сколько ужаса за настоящее, не слышала, что сказалъ мужъ ея, и счастливы были бы они оба, еслибъ объясненіе это, начавшееся такъ бурно; кончилось этими послѣдними словами Шамбеля; но Изора, слышавшая, что онъ говорилъ что-то, отвѣчала ему:

— Да, я была не права, виновата... Но я такъ страдала; я была такъ несчастлива, и ты одинъ знаешь отъ-чего... Не станемъ же говорить объ этомъ; впередъ я постараюсь быть благоразумнѣе, спокойнѣе.

Всякій другой, на мѣсть Шамбеля, былъ бы въ восхищеніи, что умѣлъ кончить все такъ миролюбиво и заставилъ жену сознаться въ винѣ своей; но онъ, какъ всѣ люди пишущіе, имѣлъ страсть къ поученіямъ и никакъ не хотѣлъ лишить себя удовольствія сказать хоть небольшую проповѣдь:

— Да, Изора, постарайся умѣрить въ себѣ излишнюю пылкость; не будь такъ опрометчива въ своихъ поступкахъ. Я никогда не усомнюсь въ тебѣ; но свѣтъ придирается къ малѣйшимъ бездѣльцамъ, чтобъ сплетать свои клеветы, и довольно будетъ двухъ спенъ, подобныхъ нынѣшней, чтобъ дать ему право дѣлать разныя предположенія, конечно несправедливыя, но которыя будутъ оскорбительны особенно для тебя...

Изора приподняла голову и взглянула прямо въ глаза своему мужу съ страннымъ оцѣпенѣніемъ; въ этомъ взглядѣ отражалась мучительная тоска, и можно было легко догадаться, что она была еще подъ властью той скорби, которая такъ быстро побѣдила ея гнѣвъ.

— Какъ! произнесла она тихо: — за нѣсколько словъ, сказанныхъ молодому человѣку, осмѣлились подумать...

— О нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Шамбель, стараясь успокоить ее: — но вотъ видишь, Изора, я говорю тебѣ какъ другъ: одна женщина, которая знаетъ свѣтъ, которая любитъ тебя искренно, словомъ, графиня де-Моранси говорила мнѣ...

При этомъ имени, слезы Изоры исчезли, какъ-будто раскаленное желѣзо высушило ихъ въ одно мгновеніе; при этомъ имени, она встрепенулась, какъ-будто какой-то невидимый ударъ разбудилъ ее вдругъ отъ усыпленія; взоръ ея загорѣлся огнемъ необыкновеннымъ, лицо поблѣднѣло, но всему тѣлу пробѣжала судорожная дрожь, и она повторила страшнымъ, ужаснымъ голосомъ:

— Графиня де-Моранси!

— Да, повторилъ Шамбель: — она говорила мнѣ, что такая женщина, какъ ты, должна была бы дѣйствовать не такъ; даже еслибъ подозрѣнія твои были справедливы...

— Графиня де-Моранси! воскликнула Изора, вскочивъ стремительно и вездесную руками въ отчаяніи. — Графиня де-Моранси! Эти

женщина!.. эта... Она осталась и, взглянув на Шамбеля дико, прибавила съ живостию:

— О! ради Бога, сжальтесь надо мною, оставьте меня одну; не говорите со мною; не заставьте меня сказать вайъ то, чего я не хочу сказать. Подите прочь, умоляю васъ, подите!

— Не думаете ли вы испугать меня своимъ притворнымъ отчаяніемъ? воскликнулъ Шамбель, испуганный въ-самомъ-дѣль.

— О, замолчите! возразила Изора: — ради Бога, замолчите!.. Я не знаю ничего, я не хочу ничего знать; но оставьте меня, умоляю васъ...

— Такъ итъ же, сказалъ Шамбель: — итъ; надобно, чтобъ все это кончалось; я требую формальнаго объясненія всѣхъ этихъ криковъ, всѣхъ упрековъ... требую непременно...

— Вы требуете? воскликнула Изора въ себя. — Хорошо же; пусть будетъ по вашему!..

Сказавъ это, она съ удивительною рѣшительностію пошла замкнуть ту самую дверь, которую за часъ предъ тѣмъ хотѣла противопоставить какъ преграду борьбѣ, страшившей ее. Эта предосторожность, совершенно бесполезная, служила только доказательствомъ, что борьба будетъ ужасна...

— Ты хотѣлъ этого?.. Хорошо! Арена для битвы готова и выходъ изъ нея запертъ для сражающихся... Итъ болѣе возможности ни отступить, ни бѣжать... Ты хотѣлъ этого!.. Станемъ же другъ противъ друга, будемъ рвать безъ пощады, безъ отдыха до-тѣхъ-поръ, пока одинъ изъ насъ падеть... Ты хотѣлъ, — пусть будетъ по твоему!..

Шамбель слѣдилъ взоромъ за женою своею, пока она замыкала дверь, и имъ овладѣлъ невыразимый ужасъ, когда она съѣла наконецъ противъ него.

Нѣсколько минутъ она молчала, не будучи въ состояніи говорить отъ сильнаго душевнаго волненія. Рѣшительность Изоры и гнѣвъ, который пылалъ въ глазахъ ея, заставили наконецъ Шамбеля подумать, что она можетъ-быть дѣйствительно знаетъ всю истину, и онъ упрекалъ уже себя, что зашелъ такъ далеко. Въ свою очередь рѣшился и онъ, какъ незадолго предъ тѣмъ рѣшилась Изора, дать ей волю высказать все и, подобно ей, думать, что будетъ въ состояніи пересилить себя и выслушать ее терпѣливо. Онъ принялъ на себя видъ совершеннаго хладнокровія и дожидался, чтобъ Изора начала говорить... Молчаніе вродождалось еще нѣсколько минутъ; Изора силилась успокоить волненіе души своей и привести въ порядокъ мысли. Сначала, Шамбель дожидался съ безпокойствомъ, потомъ съ нетерпѣніемъ; наконецъ подумалъ, что молчаніе Изоры происходило отъ нечего-сказать, а какъ онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые стараются немедленно воспользоваться всякимъ преимуществомъ, то воскликнулъ тутъ же съ насмѣшливымъ видомъ:

— Ну, что же, сударыня?... Я жду...

Толчокъ былъ данъ, и Изора начала:

— Выслушайте же меня, сударь, сказала она: — выслушай меня,

Пьерръ. Я люблю тебя любовью въискательною, ревнивою, пылкою — это правда; но люблю искренно. Въ жизни своей сдѣлала я важный проступокъ; должна я раскаться, или пѣтъ, — это такой вопросъ, въ которомъ ты не можешь быть безпристрастнымъ судьей, потому что проступокъ былъ сдѣланъ для тебя. Но ты знаешь, что, взявши священнѣйшимъ обязанностямъ своимъ, я не хотѣла прибавить преступленія къ преступленію, не хотѣла обманывать того, противъ котораго была виновна. Никогда не рассказывала я тебѣ, Пьерръ, какъ настала тотъ день, когда я покинула свой домъ и променяла его на твой. Теперь хочу я сказать тебѣ это, чтобъ ты зналъ наконецъ, что такое я, и каковъ былъ тотъ человекъ, которымъ я тебѣ пожертвовала.

По этому предисловію, Шамбель заключилъ, что ему предстоитъ выдержать сцену упрековъ и жалобъ, и нѣсколько успокоенный насчетъ самого себя и г-жи де-Моранси, въ знакъ согласія кивнулъ головою. Изора была такъ занята своими мыслями и цвѣлю, которой хотѣла достигнуть, что не обратила вниманія на это движеніе и продолжала:

— Выслушай меня со вниманіемъ, Пьерръ; слова мои не будутъ простою исповѣдью прошедшаго; онѣ послужатъ тебѣ объясненіемъ настоящаго. Въ тотъ день, когда я должна была оставить домъ, гдѣ, не будучи счастлива сердцемъ, наслаждалась однакоже спокойствіемъ и всеобщимъ уваженіемъ, — въ тотъ день написала я къ мужу своею письмо, которое помню до послѣдняго слова.

— «Викторъ», писала я къ нему: «не имѣя никакого повода жаловаться на тебя, не зная въ тебѣ никакого недостатка, не испытавъ никакихъ огорченій, въ которыхъ ты былъ бы умышленно виновенъ, я сдѣлалась преступницей и рѣшилась сегодня же бѣжать съ тѣмъ, кого люблю. Вотъ уже мѣсяць, что я потеряла все права на твое уваженіе; вотъ уже мѣсяць, что я содрогаюсь отъ стыда каждый разъ, когда уста твои прикасаются къ челу моему, когда рука твоя съ нѣжностью пожимаетъ мою руку, и когда я принимаю все эти изъявленія любви, какъ-будто бы была достойна ихъ. Эта ложь, это притворство нестерпимы, ужасны для меня; мнѣ кажется, что тебя должны они оскорблять, а меня унижать еще болѣе, чѣмъ самый проступокъ мой. Чрезъ нѣсколько часовъ, бѣгство мое сказало бы тебѣ все; но я стала бы презирать себя еще болѣе, еслибъ, осмѣлившись сдѣлать преступленіе, не осмѣлилась признаться въ немъ изъ опасенія возбудить гнѣвъ, справедливо мною заслуженный. Собственное признаніе въ моемъ проступкѣ и въ моихъ извѣщеніяхъ да

послужить тебѣ оправданіемъ того наказанія, которому ты, можетъ-быть, захочешь подвергнуть меня, если сочтешь обязанностью отмщать за свою оскорбленную честь. Я должна ухватъ нынче вечеромъ около 10-ти часовъ.»

— Ты написала это письмо? воскликнулъ Шамбель, ужаснувшись невольной опасности, которой подвергалась Изора, а можетъ-быть и той, которой она подвергала его-самого.

— Я написала его, Пьерръ, и написала къ человѣку, который не зналъ ни утонченной свѣтской въжливости, ни восторженности поэтического великодушія; я написала это письмо къ человѣку характера крутаго, самовластнаго, къ человѣку, который сокрушалъ все оялою своей желѣзной воли... Часъ спустя послѣ того, какъ онъ получилъ мое письмо, мнѣ принесли отъ него запечатанный пакетъ. Въ немъ заключались отчеты по моему имѣнію, акты на право владѣнія моими помѣстьями и наконецъ подлинное письмо мое.

— И ни одного слова болѣе?... спросилъ Шамбель, слушавшій съ чрезвычайнымъ изумленіемъ.

— Ты знаешь, продолжала Изора: — что такое былъ Викторъ: не получивъ хорошаго воспитанія и лихась на 20-мъ году отца, разстроившаго состояніе свое, онъ призвалъ всю силу своего характера, всю дѣятельность, къ которой былъ способенъ, чтобы поправить дѣла и заплатить всѣ долги, оставленные ему отцомъ. Даже въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ брался онъ неохотно за перо, зная, что не умѣлъ владѣть имъ. И такъ, онъ не написалъ мнѣ ни слова; но это письмо, которое онъ возвратилъ мнѣ, эти счета, которые были приложены къ письму, имѣли для меня силу краснорѣчія, врѣзавшагося въ мое сердце. Черезъ нѣсколько минутъ онъ самъ вошелъ въ мою комнату.

«Я прислалъ этотъ пакетъ,—сказалъ онъ мнѣ,—для того, чтобы ты не испугалась моего прихода. Еслибъ я умѣлъ писать, то не пришелъ бы сюда; но есть вещи, которыя ты должна выслушать и которыя я не считаю себя въ правѣ не сказать тебѣ.»

— Я ожидала гнѣва и угрозы, но онъ продолжалъ хладнокровно: «Изора, ты была рождена для того, чтобы сдѣлаться честною, хорошею женщиною, и осталась бы ею, не скажу съ другимъ мужемъ, но еслибъ въ характеръ твоемъ не было той неблагоуразумной, неразумительной пылкости, которая будетъ чаще увлекать тебя къ злу, чѣмъ къ добру. Ты составила себѣ фальшивое понятіе о счастья, и жизнь представляется тебѣ не въ настоящемъ своемъ видѣ; ложный блескъ чувствъ преувеличенныхъ казался тебѣ всегда предпочтительнѣе чувствъ истинныхъ; ты увлекалась всегда одною наружною формою, не обращая вниманія на то, что таилось подъ нею; вотъ въ чѣмъ состояло твое заблужденіе и вотъ причина твоего проступка.»

Правда, ты созналась въ этомъ проступкѣ; но сознаніе это было внушено тебѣ тщеславіемъ и суетностію. Я строгъ, я имѣлъ право быть строгимъ, но это не заставитъ меня измѣнить моему хладнокровію. Попирая свои обязанности, играя моею честью, подвергаясь опрометчиво моему справедливому гнѣву, ты думала, что загладила свой проступокъ потому только, что призналась въ немъ сама. Нѣтъ, ты ошибаешься и въ этомъ; я не прощаю тебѣ твоего проступка; свѣтъ не проститъ тебѣ его и, что всего хуже; тотъ, для котораго ты сдѣлала его, самъ когда-нибудь упрекнетъ тебя въ этомъ. Вотъ мое мщеніе; вся злоба, весь гнѣвъ мой не могли бы придумать большаго наказанія, и я предаю тебя ему. Но я взялъ тебя чистою, непорочною; я клялся быть твоимъ покровителемъ, твоею опорою: предъ лицомъ свѣта, передъ Богомъ, передъ тобою разрѣшилъ я отъ этой клятвы, но неразрѣшенъ отъ нея предъ самимъ-собою. До-тѣхъ-поръ, пока мы шли вмѣстѣ рука-объ-руку, я велъ тебя путемъ чести и добродѣтели. Теперь, когда ты отвергла эту руку, которая служила тебѣ опорою, теперь я уже не протяну ея тебѣ болѣе, не протяну, хотя бы это стоило мнѣ жизни. Но до-тѣхъ-поръ, пока голосъ мой можетъ еще достигать твоего слуха, я считаю себя обязаннымъ показывать тебѣ бездну, къ которой ты стремишься. Ты сама затворила для себя домъ мой; но тебѣ остается еще домъ отца твоего. Я знаю, ты не послѣдуешь моему совѣту, ты не захочешь лишиться плода своего проступка и своей смѣлости; но я долженъ былъ подать тебѣ такой совѣтъ. Это послѣднее средство, которое осталось тебѣ, чтобъ защитить себя не отъ позора, но отъ отчаянія. Восторги любви недолговременны: они пройдутъ скоро, и ты почувствуешь тогда, что нельзя безнаказанно пренебрегать мнѣніемъ свѣта, что онъ отомщаетъ самыми жестокими мученіями за малѣйшее отступленіе отъ его законовъ. Если онъ когда-нибудь оказываетъ сожалѣніе, то къ тѣмъ только, которые смиренны и кротки, а ты никогда не будешь смиренною и кротою. И такъ, послушай меня, оставь своего любовника: клянусь тебѣ, съ нимъ найдешь ты только горе и несчастіе.»

— Онъ замолчалъ; я не хотѣла отвѣчать ему, не желая показать, что признаю справедливость его словъ. Онъ подождалъ съ минуту и, понявъ мое молчаніе, удалился, сказавъ: «Да спасетъ тебя Богъ!» — Онъ былъ добрый, благородный человекъ, Пьерръ! я увѣрена, что одно слово раскаянія — и онъ простилъ бы меня и сдѣлалъ бы меня счастливою!

При этихъ словахъ, Шамбель принялъ мрачный видъ, какъ-будто такая похвала была для него оскорбительна. Изора замѣтила это и грустная улыбка мелькнула на устахъ ея; съ отчаяніемъ видѣла она,

что говорила лзыкомъ, непонятнымъ для малодушнаго человека; однакоже продолжала:

— Онъ удалился, и я ужь никогда не видала его... Вспомни, Пьерръ, вспомни о той минутѣ, когда мы узнали о его смерти. Ты не могъ ненавидѣть его, а я его уважала—что же! въ эту минуту мы узнали о его смерти съ радостью; ты прочиталъ это чувство въ моихъ глазахъ, какъ я прочитала его въ твоихъ. Но радость не была внушена намъ ненавистью или жестокостью; нѣтъ, она происходила отъ-того, что надъ нами тяготѣло уже то наказаніе, которое онъ предсказалъ мнѣ: смерть его давала намъ наконецъ возможность выйдти изъ того мучительнаго состоянія, въ которомъ мы находились. Ты видишь, я признаюсь въ своихъ дурныхъ ощущеніяхъ съ такою же откровенностью, съ какою признавалась въ своихъ дурныхъ поступкахъ. Это страшитъ тебя, Пьерръ, потому-что въ тебѣ нѣтъ довольно мужества; а теперь настала минута, въ которую оно необходимо. Будь внимателенъ къ словамъ моимъ и постарайся понять меня хорошенько. Я вѣрю, — мнѣ необходимо вѣрять, — что всѣ слабости, всѣ проступки могутъ быть поправлены; но знаю, что это не легко. Мой проступокъ также « твой, и я не буду въ состояніи сбросить его съ себя одна, безъ твоей помощи. Но къ твоимъ слабостямъ свѣтъ будетъ снисходителенъ, а къ моимъ строгъ; мало того: твои проступки будутъ оправдываемы моими, я понесу на себя всю ихъ тяжесть, меня одну будутъ обвинять въ нихъ, и свѣтъ, видя твою холодность ко мнѣ, скажетъ: «это и должно такъ быть; эта женщина не заслуживала лучшей участи!»

Шамбель молчалъ. Въ сердцѣ его, преисполненномъ эгоизма и суетности, таялся уже отблескъ того мнѣнія, которое жена его только предвидѣла въ будущемъ. Виновный противъ Изоры, она старался найдти извиненіе себѣ въ этомъ проступкѣ, но не имѣлъ довольно твердости и благородства сознаться въ этомъ. Изора, неподозрѣвая этихъ чувствъ, продолжала съ умоляющею кротостью:—Понимаешь ли ты меня, Пьерръ, понимаешь ли ты, что свѣтъ можетъ уважать меня тогда только, когда ты будешь уважать меня? Надобно, чтобъ обращеніе твое со мною доказало, что я заслуживаю этого уваженія. Ты уже достигъ нѣкоторой извѣстности; на тебя смотрятъ, тобою занимаются: пусть же любовь твоя, твое постоянство будутъ щитомъ моимъ противъ злословія света; только они одни могутъ поддержать меня—безъ нихъ я погибла!

Оборотъ, который принялъ этотъ разговоръ, начавшійся такъ неприязненно, долженъ бы былъ удовлетворить Шамбеля; но во всемъ, что говорила Изора, онъ видѣлъ только невозможность, въ которой она находилась доказать свое обвиненіе, и необыкновенное искусство замѣнять жалобами и просьбами угрозы. Больше затрудненный,

чѣмъ тронутый словами жены, онъ отвѣчалъ ей однакоже спокойнымъ голосомъ :

— Вѣрь мнѣ, Изора, ни уваженіе мое къ тебѣ, ни любовь никогда не пзмѣнятся, если ты сама станешь уважать себя какъ должно.

Изора не отвѣчала, хотъ поученіе, заключавшееся въ этой фразѣ, показалось ей излишнимъ.

— Ты не отвѣчаешь мнѣ? продолжалъ Шамбель.

— Надѣюсь, ты понялъ меня, сказала ему тихо Изора.—Воспоминаніе о прошедшемъ было мнѣ гораздо-полезнѣе, чѣмъ всѣ твои увѣщанія... Да, прибавила она, устремивъ глаза къ небу: — Викторъ былъ правъ; пылкость часто ослѣпляетъ меня, я чувствую это; но теперь я успоковалась, и потому оставимъ этотъ разговоръ. Ты дажь мнѣ слово любить и уважать меня: я вѣрю тебѣ, а ты можешь вѣрить мнѣ.

Еслибъ Шамбель имѣлъ хотъ малѣйшее понятіе объ организаціи женщины пылкой и ревливой, онъ понялъ бы, что поспѣшность, съ какою Изора хотѣла прекратить этотъ разговоръ, могла служить доказательствомъ, какъ она чувствовала еще въ себѣ порывы гнѣва, который сначала разразился съ такою силою, и не сталъ бы продолжать его; но онъ думалъ упрочить еще больше торжество свое, и не хотѣлъ пропустить такого прекраснаго, по его мнѣнію, случая.

— И такъ, сказалъ онъ:—ты не будешь уже удивлять меня какими смѣшными сценами, какъ нынче?

—Нѣтъ, отвѣчала Изора, стараясь придать еще голосу своему кротость:—нѣтъ, клянусь тебѣ.

— Не будешь предаваться порывамъ вспыльчивости и ревности, которыхъ никто не оправдываетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, обвщаю тебѣ!

Слова эти были произнесены съ нетерпѣніемъ и досадою, которой она, не смотря на все стараніе, не могла скрыть... Чувствуя, что въ сердцѣ ея началъ уже кипѣть прежній гнѣвъ, Изора встала и подошла къ двери, которую отворила.

Шамбель смотрѣлъ молча на жену, не покидая своего мѣста; она взглянула на него: онъ сидѣлъ съ торжествующимъ видомъ побѣдителя. Это ей показалось ужаснымъ; она поклялась перенести все и сказала умоляющимъ голосомъ:

—Я чувствую себя очень нездоровой, Пьерръ; прошу тебя, позволи мнѣ немного успокоиться.

— Пожалуй, отвѣчалъ Шамбель, вставая съ разсѣяннымъ видомъ:—но еслибъ ты была благоразумна, этого бы не случилось.

— Конечно, отвѣчала Изора, голосомъ, который выражалъ вмѣстѣ и гордость и досаду:—но я больна... очень больна... ты видишь нѣтъ...

— Шамбель взялъ свѣчу.

— Если ты хочешь быть одна, я оставляю тебя, сказалъ онъ съ холодностью.

— Да, я хочу быть одна; мнѣ это необходимо...

Изора была взволнована, и Шамбель, замѣтивъ это, нарочно не оставялъ своего торжествующаго вида. Часы пробили одиннадцать.

— Еще очень рано, сказалъ онъ, обратясь къ Изорѣ.

— Да, отвѣчала Изора безъ всякаго дурнаго намѣренія, и для того только, чтобъ скорѣе удалить его:—ты можешь еще возвратиться къ г-жѣ де-Моранси.

Имя это возбудило въ Шамбель всѣ его опасенія, и взглянувъ на жену съ угрожающихъ видомъ, онъ спросилъ ее:

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ это?

— Боже мой! воскликнула Изора съ нетерпѣніемъ: — я сказала это такъ, безъ всякаго намѣренія; ты можешь идти къ г-жѣ де-Моранси, или остаться дома... Мнѣ все равно... Но я—я хочу быть одна, мнѣ нуженъ покой...

Едва успѣла она сказать это, какъ раздался звонокъ...

— Кто бы это могъ быть въ такое позднее время? спросилъ Шамбель.

— Не знаю, отвѣчала Изора, обрадовавшись случаю, который далъ разговору другое направленіе.

Вошла горничная и подала г-жѣ Шамбель записочку, сказавъ потомъ:

— Приказано просить отвѣта...

По знаку, поданному Шамбелемъ, горничная удалилась, и Изора развернула записку въ присутствіи мужа, который устремилъ на нее гнѣвный взглядъ. Она не могла скрыть трепеть, овладѣвшій ею при чтеніи записки, и смяла ее въ рукъ своей.

— Что это? спросилъ Шамбель.

— Ничего, отвѣчала Изора съ замѣтнымъ волненіемъ, и позвонила. Горничная вошла въ комнату.

— Скажи тому, кто принесъ эту записку, что я больна, что я въ постели, и что не знаю куда дѣла то, что спрашиваютъ у меня... Нѣтъ, скажи лучше, что я сплю, что ты не смѣешь разбудить меня.

— Но, сударыня, отвѣчала горничная:—я сказала уже г. Юлію, что отдала вамъ записку.

— Юлію! воскликнулъ Шамбель голосомъ, который заставилъ задрожать всѣхъ.

— Въ такомъ случаѣ, возразила Изора, гордымъ, рѣшительнымъ тономъ:—скажи г. Юлію, что я пришлю ему завтра то, что онъ спрашиваетъ у меня.

Горничная опять удалилась, и Изора бросилась въ кресла съ отча-

являемъ чловѣка, который не можетъ избѣжать судьбы, его преслѣдующей.

— А! воскликнулъ Шамбель, поставивъ свѣчу на каминь: — г. Юлій переписывается съ вами.

— Какъ видите.

— И, кажется, онъ очень нетерпѣливо желаетъ получить отвѣтъ, котораго требуетъ.

— Онъ, можетъ-быть, имѣетъ на то полное право.

— Послушай, Изора, воскликнулъ Шамбель:—вся эта комедія становится уже слишкомъ-странною!

— Нѣтъ, тутъ нѣтъ никакой комедіи; я въ отчаяніи, потому-что записка эта прислана именно теперь; но умоляю, не думайте, чтобъ въ ней было что-нибудь заслуживающее вашего вниманія.

— Нѣтъ сомнѣнія, что я ничего не увижу въ ней, если вы еще долго будете мять ее такъ, какъ теперь, сказалъ Шамбель съ язвительною насмѣшкой.

Изора встала и, подойдя къ Шамбелю, сказала ему съ рѣшительностью:

— Пьерръ, сознаюсь, я не совсѣмъ права передъ тобою; но умоляю тебя не стараться узнать, что заключается въ этой запискѣ. Завтра не будетъ объ этомъ и помину, завтра принесу я тебѣ великую жертву.

— Да, вы пожертвуете вашею перепискою съ г. Юліемъ! воскликнулъ Шамбель насмѣшливо.

— Пьерръ, Пьерръ! сказала Изора умоляющимъ голосомъ.

— Угодно ли вамъ показать мнѣ образчикъ этой переписки, чтобъ я могъ оцѣнить всю великость вашей жертвы?

Изора взглянула на него, какъ-будто удивляясь, какъ могъ чловѣкъ стремиться съ такимъ упорствомъ къ собственной своей гибели. Въ эту минуту, Шамбель совершенно забылъ о томъ, сколько былъ самъ виновенъ, и увѣренный, что вина эта была неизвѣстна, хотѣлъ быть самъ обвинителемъ. Изора угадала это и подала ему записку:

— Читайте!

Шамбель развернулъ ее... Записка была писана карандашемъ, вполонину истертымъ; онъ успѣлъ, однакожъ, разобрать эти слова: «Аббатъ Фортенъ теперь у тетушки; позвольте же просить васъ возвратить мнѣ письмо, которое я ввѣрилъ вамъ».

Шамбель ничего не понялъ; въ слогъ записки не было ничего неприличнаго; только часъ, въ который она была прислана, могъ показаться не совсѣмъ обыкновеннымъ. Шамбель нахмурилъ брови и сказалъ Изорѣ:

— А что это за письмо, которое г. Юлій ввѣрилъ вамъ?

- Письмо, адресованное къ аббату Форгену.
 — А какимъ образомъ попало оно къ вамъ?..
 — Я выпросила его у г. Юлія.
 — За чѣмъ?
 — За тѣмъ, чтобъ имѣть доказательство въ вашей измѣнѣ.
 — Изора! воскликнулъ Шамбель.
 — Пьерръ! я отвѣчаю тебѣ точно такимъ образомъ, какъ ты спрашиваешь меня; но изъ сожалѣнія ко мнѣ, изъ сожалѣнія къ самому себѣ, не спрашивай меня ни о чемъ больше.
 — Право? А доказательство?.. Вы нашли его?
 — О, нашла! отвѣчала Изора тихо, но рѣшительно.
 — И вы смѣете говорить это!.. воскликнулъ Шамбель.
 — Смѣю! отвѣчала Изора: — я нашла доказательство преступной вашей связи съ г-жею де-Моранси. Вы ея любовникъ!
 — Клевета! воскликнулъ Шамбель, зашатавшись отъ испуга.
 — Правда! возразила Изора. — Я нашла то, чего не искала; но какъ бы то ни было, у меня есть доказательство, я имѣю его противъ васъ и противъ нея: теперь понимаете ли меня?

Положеніе Шамбеля становилось затруднительнымъ. Оправившись отъ перваго страха, онъ спрашивалъ самого-себя, до какой степени Изора была увѣрена въ томъ, что говорила, и то, что она выдавала съ такою увѣренностью за непреложный фактъ не было ли только подозрѣніемъ?

Въ такомъ состояніи дѣла, признаніе было бы величайшею ошибкой и, чтобъ избѣжать ея, онъ обратился къ власти мужа, съ помощью которой надѣялся одержать побѣду.

— Изора, сказалъ онъ повелительнымъ голосомъ:— подай мнѣ это письмо!

— Оно не принадлежитъ мнѣ, и я не имѣю права располагать имъ.

— Однакожь, ты имѣла право прочитать его... Все это однѣ пустыя фразы; я хочу имѣть письмо.

— Пьерръ! ты знаешь меня, знаешь, что никакая угроза не въ состояніи испугать меня... Повторяю тебѣ, ты не получишь этого письма.

— Хорошо же! возразилъ Шамбель: — если я знаю тебя, то ты не знаешь меня; отдай мнѣ это письмо, говорю я тебѣ, или...

— Или что?.. повторила Изора.

Шамбель сжалъ судорожно свои руки.

— Изора!.. воскликнулъ онъ задыхающимся отъ гнѣва голосомъ:

— Изора! это письмо... я требую его...

— Я сдѣлала очень-дурно, что взяла его; но сдѣлаю еще хуже, если отдамъ его тебѣ... Тутъ дѣло идетъ не обо мнѣ одной, но о бѣдѣ

ной, невинной дѣвушкѣ, которой тайны не принадлежать мнѣ; я не хочу, я не должна отдавать тебѣ этого письма.

Шамбель, казалось, размышлялъ о чемъ-то, и Изора продолжала: — То, что я рассказала тебѣ, Пьерръ, должно служить тебѣ доказательствомъ, что я не умѣю и не хочу лгать. Съ тою же откровенностью, съ какою я сказала нѣкогда вину свою челоуьку, котораго оскорбила, скажу теперь тебѣ: Ты, и только ты одинъ, можетъ-быть, не долженъ читать этого письма!

Голосъ, съ какимъ г-жа Шамбель произнесла эти слова, остановилъ ея мужа.

— Знаю, отвѣчалъ онъ:—что тебя нельзя склонить ни угрозами, ни просьбами, что ты имѣешь особенное искусство придавать всѣмъ поступкамъ своимъ такой видъ, какой тебѣ угодно. Я не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые прибѣгаютъ къ силѣ, чтобъ поставить на своемъ; но предупреждаю тебя, завтра же кончу я все, завтра ты будешь совершенно свободна, и я уже ни въ чемъ не буду требовать отъ тебя отчета!

— Какъ вамъ угодно, отвѣчала Изора:—завтра я также рѣшу, что должна сдѣлать съ этимъ письмомъ.

Шамбель удалился, а Изора снова заперлась въ своей комнатѣ, взяла письмо Маргариты и стала списывать съ него копію.

IX.

Шамбель провелъ ночь въ страшномъ волненіи; онъ перебиралъ всѣ средства, какъ бы отвратить опасность, ему угрожающую, не подумавъ о томъ изъ нихъ, которое одно могло спасти его, — и утро застало его въ прежней нерѣшительности. Онъ вышелъ довольно-поздно изъ своей комнаты и, не видя Изоры, подумалъ, что она рѣшилась прикинуться больною:—обыкновенное средство, къ которому прибѣгаютъ женщины въ важныхъ случаяхъ, особенно когда онъ боится чего-нибудь. Мысль эта нѣсколько ободряла его, и онъ приказалъ чрезъ своего камердинера спросить у горничной Изоры, встала ли она и можетъ ли онъ ее видѣть? Ему отвѣчали, что г-жа Шамбель уехала рано утромъ и не возвращалась еще. При этомъ извѣстіи, страшное безпокойство овладѣло Шамбелемъ; мысль о бѣгствѣ и даже о самоубійствѣ представлялась ему; онъ вошелъ въ комнату жены, искалъ, шарилъ повсюду, боясь найдти какое-нибудь письмо, которое оправдало бы его опасенія и, не найдя ничего, долженъ былъ ограничиться смертельнымъ ожиданіемъ. Такъ прошло еще около двухъ часовъ, и онъ рѣшился наконецъ идти къ г-жѣ де-Моранси, чтобъ сообщить ей о своихъ опасеніяхъ и попросить совета. Оставимъ его тамъ и возвратимся къ г-жѣ Шамбель.

Съ самой той минуты, въ которую Изора принялась списывать ко-

пію съ письма Маргариты, она рѣшилась уже какъ дѣйствовать. Довольная тѣмъ, что успѣла побѣдить въ себѣ первые порывы гнѣва, не сказавъ мужу своему болѣе того, что сказала, она думала, что послѣ этого перваго усилія ей надобно было сдѣлать еще болѣе и рѣшилась во всѣхъ будущихъ поступкахъ своихъ слѣдовать не собственному побужденію, но совѣту посторонняго лица. Изъ всѣхъ тѣхъ, къ кому она могла обратиться съ просьбою о совѣтѣ, аббатъ Нортонъ, казалось, лучше другихъ могъ понять ее и быть ей полезнымъ. Аббатъ Нортонъ былъ человекъ строгихъ правилъ; онъ принималъ подъ свое покровительство Шамбеля, онъ былъ другомъ графа де-Моранси, и совѣты его не могли быть неуважены.

Еще было очень рано, когда Изора явилась къ Нортону. Мы уже сказали, что дверь его была отворена для всѣхъ, и хотъ визитъ г-жи Шамбель былъ очень-непріятенъ аббату, который, казалось, угадалъ цѣль его, однакожъ онъ приказалъ просить ее обождать немного, отъзываясь необходимостью кончить нѣкоторыя важныя дѣла. И такъ, г-жа Шамбель должна была остаться въ пріемной комнатѣ вмѣстѣ съ другими посѣтителями и была принята аббатомъ не прежде, какъ дошла до нея очередь.

Привыкшая къ свѣтскимъ обычаямъ, Изора была очень обижена такою невѣжливостью; но твердо рѣшась слѣдовать однажды-принятому ею намѣренію, вооружилась терпѣніемъ и рѣшилась дожидаться. Наконецъ настала ея очередь, и она вошла въ кабинетъ аббата, какъ въ кабинетъ какого-нибудь министра, который принимаетъ потому-только, что по обязанностямъ своего званія долженъ принимать. Аббатъ Нортонъ поклонился г-жѣ Шамбель, какъ женщинѣ совершенно незнакомой, и съ видомъ, который, казалось, говорилъ ей: между нами нѣтъ ничего общаго!

— Чтѣ доставляетъ мнѣ честь вашего посѣщенія, сударыня? спросилъ онъ сухо, подавая ей стулъ и ставъ самъ у каминна.

— То, что я имѣю сказать вамъ, господинъ-аббатъ, отвѣчала Изора:— займетъ васъ, можетъ-быть, слишкомъ-долго, и я боюсь задержатъ тѣхъ, которые ожидаютъ въ пріемной.

— Въ такомъ случаѣ, неудобно ли вамъ будетъ отложить разговоръ этотъ до другаго дня? Я буду всегда готовъ къ вашимъ услугамъ.

— Нѣтъ, господинъ-аббатъ, я желаю говорить съ вами нынѣ же; завтра будетъ поздно; но если вамъ угодно принять прежде тѣхъ, которые желаютъ васъ видѣть, я подожду.

— Какъ вамъ угодно; позвольте же мнѣ кончить съ другими. Вотъ книги...

Онъ указалъ на разбросанныя по столу книги и сталъ принимать

других просителей. Это продолжалось около часу; наконецъ не осталось никого, и аббатъ, обратясь къ Изорь, сказалъ ей:

— Теперь, сударыня, я къ вашимъ услугамъ.

Изора, помолчавъ съ минутой, начала такъ:

— Я пришла поговорить съ вами о моемъ мужь, ввѣрить вамъ свои опасенія и найти въ вашихъ совѣтахъ опору и надежду. Хотя мы и не въ церкви, господинъ-аббатъ, но то, что я намѣрена сказать вамъ, будетъ какъ-бы исповѣдью моего сердца, и я надѣюсь, что все, мною сказанное, останется тайною для всѣхъ.

— Сударыня, возразилъ Нортонъ строго:— если вы обратились ко мнѣ не какъ къ священнику, а какъ къ другу вашего мужа, то я не могу принять этого условія, не зная того, что услышу.

— Это не условіе, а просьба, господинъ-аббатъ; впрочемъ, предоставляю совершенно въ вашу волю поступить въ этомъ случаѣ, какъ вы заблагоразсудите.

Аббатъ Нортонъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы, и Изора продолжала:

— Вы приняли и обласкали моего мужа; вы сдѣлались его покровителемъ и, благодаря вашимъ стараніямъ, онъ достигъ на избранномъ имъ поприщѣ такого мѣста, какого другіе достигаютъ только чрезъ нѣсколько лѣтъ.

Г. Нортонъ былъ убѣжденъ въ справедливости словъ г-жи Шамбель; но онъ пожертвовалъ своимъ самолюбіемъ для того только, чтобъ сдѣлать Изорь строгое замѣчаніе и отвѣчалъ съ холодностью:

— Я сдѣлалъ для господина-Шамбеля не болѣе того, что онъ заслуживалъ, и никто не удивляется, видя его занимающаго такое мѣсто, на которое давали ему право его достоинства.

— Я, кажется, не сказала, господинъ-аббатъ, чтобъ мужъ мой не заслуживалъ того, что вы для него сдѣлали; я только замѣтила, что многіе другіе, столько же достойные какъ онъ, не были такъ счастливы. Но теперь это постороннее дѣло; зная участіе, которое вы принимаете въ моемъ мужь, я увѣрена, вы желаете, чтобъ онъ всегда его заслуживалъ; мы почти всегда любимъ тѣхъ, кому покровительствуемъ.

— И тѣхъ, кого уважаемъ, замѣтилъ г. Нортонъ.

— Уваженіе ваше дѣлаетъ честь моему мужу; но часто уваженіе людей основывается только на тѣхъ качествахъ, которыя они могли узнать въ отношеніяхъ своихъ другъ-къ-другу...

— Кто же имѣетъ право проникать глубже?

— Другъ, благодѣтель и, если позволите сказать мнѣ откровенно, — священникъ!

— Но другъ, но благодѣтель, но священникъ, сударыня, не имѣ-

ють на это права; они могут явиться тогда только, когда ихъ при- зываютъ...

— Я призываю васъ, господинъ-аббатъ, воскликнула Изора:—при- зываю на помощь не къ себѣ, зная, что неимѣю на то никакого пра- ва; но на помощь господину-Шамбелю, который заблуждается и гу- бить себя!..

— Какъ, сударыня, вы обвиняете своего мужа? сказалъ Нортонъ строгимъ тономъ.

— Да, господинъ-аббатъ, обвиняю въ проступкѣ, который обыкно- венно извиняется свѣтомъ, но который все-таки очень важенъ.

— А если его извиняетъ свѣтъ, подхватилъ аббатъ:— то вы тѣмъ болѣе должны быть снисходительны къ нему...

Изора никакъ не подозрѣвала, что аббатъ положилъ себя за пра- вило не допускать ее высказать то, зачѣмъ она пришла, и думая, что до-сихъ-поръ слова ея были слишкомъ-неясны, рѣшилась присту- пить прямо къ объясненію.

— Но, господинъ-аббатъ, сказала она:—заслуживаетъ ли тотъ снис- хожденія, кто измѣняетъ священнѣйшимъ своимъ обязанностямъ?

— Конечно, нѣтъ, и горе тому или той, кто измѣняетъ имъ, замѣ- тилъ аббатъ, сдѣлавъ особенное удареніе на слово *той*.

Это слово поразило Изору какъ ударъ кинжала. Опустивъ глаза, она сидѣла съ минуту какъ преступница, приговоренная къ казни. Нортонъ стоялъ спокойно, устремивъ на нее свои холодные, прони- цательные глаза; наконецъ она оправилась и продолжала тихимъ, кроткимъ тономъ:

— Да, господинъ-аббатъ, горе той, которая измѣнила имъ... по вы сказали также: горе и *тому*, кто имъ измѣняетъ,—а мужъ мой измѣ- няетъ имъ; онъ оставляетъ жену свою для другой женщины; онъ за- бываетъ всѣ законы религіи и чести...

— Вы слишкомъ строги, сударыня.

— Не имѣя права быть строгою,—хотѣли вы сказать, господинъ- аббатъ? Да, именно потому-что я не имѣю этого права, обращаюсь къ вамъ. Будучи виновна и осуждена, я не хочу сомнѣваться въ пра- восудіи Божиемъ, не хочу вѣрить, чтобъ одинъ и тотъ же проступокъ могъ быть вмененъ въ преступленіе одному и прощенъ другому.

— На это я скажу вамъ, что первое наказаніе грѣшника состоитъ именно въ томъ, что онъ видитъ часто зло тамъ, гдѣ его нѣтъ, и что чувство подозрѣнія и недоувѣрчивости, терзающее его, есть справедли- вое воздаяніе за собственные его проступки...

— Но я не подозрѣваю, я увѣрена, увѣждена! воскликнула Изора.

— Только одинъ Богъ видитъ сердце человѣка; люди обыкновен- но ошибаются...

—Вы не хотите понимать меня, г. аббатъ,—какъ вамъ угодно! вос-

клинула г-жа Шамбель, вскочивъ со стула съ пламенемъ во взоръ. — Но я, въ свою очередь, скажу, какъ и вы: «Горе тому, кто обманываетъ меня, и горе той женщинѣ, для которой онъ это дѣлаетъ!»

— Вы напрасно призываете проклятіе на главу бѣдной дѣвушки; оно не обрушится на нее.

Изора остановилась и, взглянувъ на аббата Нортона, казалось, только въ эту минуту поняла причину его строгости.

— Ахъ! вы правы, г. аббатъ! воскликнула она. — Эта дѣвушка чиста и непорочна, какъ ангелъ; я была слишкомъ-виновата противъ нея и искренно раскаиваюсь, что могла подозрѣвать ее... Нѣтъ, г-нъ аббатъ, здѣсь рѣчь идетъ не о Маргаритѣ, а о другой женщинѣ...

Нортонъ, въ свою очередь, изумился; онъ видѣлъ, что г-жа Шамбель знала всю истину, и съ минутой не зналъ, что дѣлать. Изора, полагая, что найдетъ теперь въ немъ болѣе участія, продолжала съ большимъ увлеченіемъ:

— Да, г. аббатъ, рѣчь идетъ не о Маргаритѣ, а о другой женщинѣ... словомъ, о...

— Прежде, чѣмъ вы произнесете это имя, возразилъ аббатъ: — подумайте, что обвиненіе, сдѣланное даже при мнѣ, можетъ быть клеветою... Вы уже разъ обманулись: можете ли вы поручиться, что и теперь не обманываетесь?

Изора опять остановилась; она не имѣла неопровержимаго доказательства, или того, что называютъ явной уликой. Конечно, письмо Маргариты говорило, что г-жа де-Моранси любитъ Шамбеля — Изора не сомнѣвалась въ этомъ; но могло ли оно служить убѣдительнымъ доказательствомъ для такого человѣка, какъ аббатъ Нортонъ, и даже, представивъ ему это доказательство, не должна ли она была признаться, какимъ образомъ достала его?

— Хорошо! воскликнула Изора со слезами на глазахъ: — пусть будетъ по-вашему; я не назову никого, потому-что, увѣренная въ своемъ несчастіи, я не могу доказать этого. Но, г. аббатъ, женщина, о которой я говорю, замужемъ, такъ же, какъ и я; мужъ ея, какъ и мой, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ вы покровительствуете, а жена его другъ вашъ... Будьте къ ней свѣсходительнѣе, чѣмъ ко мнѣ, — это ваша воля; я не назову вамъ ея, но предупреждаю васъ — берегитесь за нее...

Въ эту минуту вошелъ слуга и доложилъ объ аббатѣ Фортенѣ.

— Пусть войдетъ! воскликнулъ г. Нортонъ, обрадовавшись, можетъ-быть, что присутствіе посторонняго лица избавитъ его отъ объясненія, котораго онъ боялся.

Аббатъ Фортенъ вошелъ, и г-жа Шамбель, обратясь къ нему, сказала:

— Г. аббать, вотъ письмо къ вамъ; вы получили бы его вчера, еслибъ я не завладѣла имъ почти насильно...

Потомъ, обратясь къ г. Нортону, прибавила:

— Въ письмѣ этомъ заключается имя той женщины. Если вы не угадали его, то г. Фортешъ можетъ вамъ назвать...

Она вышла съ отчаяніемъ въ душѣ, и оба аббата остались одни.

XL

Нортонъ и Фортешъ провожали глазами г-жу Шамбель; потомъ, когда она скрылась за дверь, взглянули другъ на друга, какъ люди, которымъ надобно объясниться, но изъ которыхъ ни одинъ не хочетъ начать объясненія. Аббать Фортешъ взглянулъ потомъ на письмо, оставленное ему г-жею Шамбель такъ неожиданно, и узналъ руку Маргариты. Еслибъ письмо это было отдано ему пять минутъ прежде, онъ не явился бы къ г. Нортону, и всѣ послѣдующія событія этой исторіи измѣнились бы совершенно. Г. Нортонъ также бросилъ взглядъ на письмо, въ которомъ заключалось имя, давно имъ угаданное; но ему хотѣлось знать, кто писалъ это письмо, и, главное, на какихъ доказательствахъ было основано обвиненіе. Видя, что аббать Фортешъ не рѣшался прочесть письмо, Нортонъ сказалъ ему:

— Если вы думаете, что это письмо можетъ сообщить вамъ что-нибудь интересное, я готовъ дожидаться сколько вамъ будетъ угодно. Вы послѣ скажете мнѣ о цѣли вашего посѣщенія.

— Цѣль эта, отвѣчалъ аббать, послѣ минутнаго размышленія: — должна быть совершенно чужда тому, что заключается въ этомъ письмѣ, хоть, можетъ-быть, въ немъ и говорится о томъ, что я пришелъ спросить у васъ; но я хочу, я долженъ узнать это только отъ васъ однихъ. Письмо отъ Маргариты, г. аббать, и, не смотря на это, я спрашиваю васъ прямо: что сдѣлалось съ этою дѣвушкой, гдѣ она?

Г. Нортонъ угадалъ, зачѣмъ пришелъ къ нему аббать, и вопросъ этотъ не могъ удивить его; ему надобно было, однакоже, призвать на помощь всю власть надъ самимъ-собою, чтобъ скрыть гнѣвъ, запылавшій въ немъ при извѣстіи, что письмо, перехваченное г-жею Шамбель и обвинявшее г-жу де-Моранси, было отъ Маргариты. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился однакожъ отвѣтаться отъ аббата и отвѣчалъ ему голосомъ, въ которомъ не было замѣтно ни малѣйшаго смущенія:

— Вы говорили мнѣ, г. аббать, объ опасности, угрожавшей Маргаритѣ,—опасности, можетъ-быть, только мечтательной,—и я взялъ ее изъ дома, гдѣ она подвергалась нападкамъ женщины, ослѣпленной ревностью. Вы видите, въ этомъ случаѣ я послѣдовалъ вашимъ советамъ; я помѣстилъ Маргариту въ такой домъ, который,

конечно, покажется вамъ приличнымъ для нея; она въ монастырь ...

— Позволено ли будетъ мнѣ видѣть ее?

— Когда вамъ угодно.

— Благодарю васъ за позволеніе, г. аббатъ, отвѣчалъ Фортенъ, удивленній такими категорическими отвѣтами на свои вопросы.

— Маргарита имѣетъ къ вамъ довѣренность, совѣты ваши могутъ быть ей полезны, и я бы хотѣлъ надѣяться, что она воспользуется ими лучше, чѣмъ пользовалась до-сихъ-поръ.

— Я надѣюсь, г. аббатъ, возвратитъ душѣ ея потерянное спокойствіе; но вы знаете, никто не властенъ въ своихъ чувствахъ, и самая добродѣтель потому только уважается, что умѣетъ подавлять силу этихъ чувствъ.

— Вы правы, г. аббатъ; никто не властенъ въ своихъ чувствахъ, но каждый властенъ въ своихъ поступкахъ, а Маргарита доказала уже, что она должна была бороться не только съ своими чувствами, но и исправлять свои поступки...

— Какъ, г. аббатъ? воскликнулъ Фортенъ. — Маргарита могла сдѣлать что-нибудь предосудительное?

— Это письмо, котораго я не знаю и котораго знать не хочу, отвѣчалъ Нортонъ холоднымъ, сухимъ тономъ: — это письмо служить тому доказательствомъ.

— Если вы такъ думаете, воскликнулъ Фортенъ съ увлеченіемъ довѣрчиваго сердца:— прочтите его; я увѣренъ, что въ немъ вы найдете ея оправданіе.

Сказавъ это, онъ подалъ письмо Нортону, который оттолкнулъ его рукою.

— Нѣтъ, я не хочу знать больше того, чтò знаю. Самое письмо это уже проступокъ; я сказалъ Маргаритѣ, что по разнымъ причинамъ, которыхъ не могъ объяснить ей, пребываніе ея въ монастырь ... должно оставаться тайной.

— Даже для меня? спросилъ аббатъ Фортенъ.

— Даже для васъ; я сказалъ, что предоставляю себѣ увѣдомить васъ о мѣстѣ ея пребыванія.

— Но, можетъ-быти, писавъ ко мнѣ, она не сказала этого, отвѣчалъ аббатъ Фортенъ, распечатывая письмо.

Съ первыхъ строкъ, аббатъ увидѣлъ, что ошибся, и въ смущеніи потупилъ глаза. Нортонъ сдѣлалъ видъ, будто не замѣтилъ этого; онъ ждалъ, чтобъ старикъ самъ сознался въ своей ошибкѣ...

— Она не исполнила вашего приказанія, сказалъ Фортенъ, склонивъ печально голову.

— И произвела тѣмъ соблазнъ, котораго я хотѣлъ избѣжать. От-

вѣты мои на ваши вопросы, г. аббатъ, должны были доказать, что запрещеніе, сдѣланное Маргаритѣ, не имѣло цѣлью лишить ее вашихъ совѣтовъ. Но я предвидѣлъ, что запальчивость этой женщины, которая вышла отсюда, надѣлаетъ намъ хлопотъ, что она захочетъ во что бы ни стало узнать мѣсто, гдѣ скрывается та, которую она считаетъ своею соперницею. Тайна эта, ввѣренная кому-нибудь изъ посѣщающихъ домъ г-жи де-Моранси, могла быть легко исторгнута этою женщиною, которая не посовѣстилась распечатать чужое письмо. Вы видите, что предосторожности приняты были мною не напрасно, и если я не объяснилъ причины ихъ Маргаритѣ, то сдѣлалъ это потому только, что не хотѣлъ открыть ей глаза на счетъ собственныхъ ея чувствъ, которыхъ, какъ вы увѣрили меня, она сама еще не понимаетъ.

Между-тѣмъ, пока аббатъ Нортонъ говорилъ это, Фортенъ успѣлъ пробѣжать первую страницу длинной исповѣди Маргариты, и каждое ея слово убѣждало его, что она сама не постигала причины того отчаянія, которое ею овладѣло.

— Прочтите же это письмо, г. аббатъ, сказалъ Фортенъ: — вы увидите, что я хорошо понялъ состояніе души Маргариты.

Аббатъ Нортонъ снова оттолкнулъ письмо.

— Я вѣрю, что она сама не постигаетъ чувствъ своихъ, отвѣчалъ Нортонъ: — но еслибъ, вмѣсто того, чтобъ слѣдить за поступками окружавшихъ ее, она обратила болѣе вниманія на самоѣ-себя, то можетъ-быть не подала бы повода женщинѣ, вышедшей отсюда, обвинять ту, которая приняла ее у себя, какъ спроту.

Фортенъ хотѣлъ что-то сказать, но Нортонъ продолжалъ:

— Вы слышали, что въ этомъ письмѣ упоминается одно имя, котораго я не хотѣлъ позволить назвать, потому-что это имя принадлежитъ женщинѣ, обвиняемой въ забвеніи своихъ обязанностей. Судя по тому, что вы говорили мнѣ въ первое наше свиданіе, вы должны догадаться, какое это имя.

Аббатъ Фортенъ, казалось, былъ очень-огорченъ словами Нортонна, тѣмъ болѣе, что не могъ не согласиться въ ихъ справедливости.

— Это имя, которое вы не побоялись произнести, продолжалъ Нортонъ, возвысивъ голосъ: — это имя Маргарита осмѣлилась написать, и послушавшись меня, предала его женщинѣ необузданной и пылкой, противъ которой я хотѣлъ защитить ее-самоѣ, потому-что ревность г-жи Шамбель, какъ вы же сами говорили, угрожала только Маргаритѣ. Столь непонятливая въ-отношеніи къ самой-себѣ, она слишкомъ-проницательна въ-отношеніи къ другимъ... Отъ-чего же это, г. аббатъ? Вы, который съ самого ея младенчества управляли ея совѣстью и умомъ, не можете ли вы дать мнѣ на это отвѣтъ?

При этомъ обвинительномъ вопросѣ, аббатъ Фортенъ взглянулъ на Нортонъ спокойно и отвѣчалъ ему съ твердостью:

— Жизнь такого бѣднаго священника, какъ я, аббатъ, конечно, не такъ извѣстна вамъ, чтобъ могла ручаться за чистоту совѣтовъ, которые я могъ подавать Маргаритѣ; иначе вы не сдѣлали бы мнѣ подобнаго вопроса.

— Нисколько не сомнѣваюсь въ чистотѣ вашихъ совѣтовъ; я только говорю о результатѣ, который они произвели и, можетъ-быть, имѣю право опасаться, что та, которая такъ дурно слѣдовала имъ до-сихъ-поръ, пойметъ ихъ лучше въ-послѣдствіи.

— Богъ видитъ чистоту моихъ намѣреній, г. аббатъ, я Онъ одинъ можетъ судить ихъ.

— Вѣрю всей ихъ мудрости; но, видя, что они не умѣли быть поняты тою, къ которой относились, думаю, что, можетъ-быть, другіе совѣты вразумятъ ее лучше.

— Это значить, г. аббатъ, что вы запрещаете мнѣ видѣть Маргариту?

— Я прошу васъ объ этомъ, какъ человѣкъ, который до-сихъ-поръ заботился о ея существованіи и будущности.

— Исполню вашу волю, г. аббатъ, исполню до той минуты, когда Маргарита сама призоветъ меня, и предупреждаю васъ, что пойду къ ней завтра же, если она призываетъ меня въ этомъ письмѣ.

— А по какому праву, воскликнулъ г. Нортонъ: — осмѣливаетесь вы вышиваться въ судьбу этой дѣвушки?

— По праву, отъ котораго вы отказались: по праву священника, который долженъ отвѣчать призыву души страждущей; по праву священника, который обязанъ подавать утѣшеніе невинно-скорбищимъ, какъ Маргарита, и виновнымъ, какъ та женщина, которая была здѣсь.

Сказавъ это, аббатъ Фортенъ поклонился и вышелъ.

XII.

Г-жа Шамбель, вышедъ въ слезахъ отъ аббата Нортонъ, бросилась въ карету, ожидавшую ее, и на вопросъ кучера, куда везти ее, отвѣчала: «куда хочешь!» Кучеръ, знавшій сердце человѣческое, потому-что лѣтъ тридцать возилъ его по парижскимъ улицамъ, тотчасъ смекнулъ, въ чемъ было дѣло. Женщина эта, сказалъ онъ самъ себѣ: — ускользнула отъ своего мужа, чтобъ тайкомъ подсморгнуть за своимъ любовникомъ, котораго подозрѣвала въ измѣнѣ; она убѣдилась въ своемъ несчастіи, слѣдствіемъ чего была сцена объясненія и наконецъ разрывъ. Теперь бѣдная женщина возвращается, въ отчаяніи, къ своему супругу; но, какъ явиться къ нему съ заплаканными

глазами и въ такомъ сильномъ волненіи? Надобно дать время, чтобы все это миновалось... Отъ-этого она и сказала: «куда хочешь»!..

И вотъ, кучеръ поворотилъ лошадей къ Елисейскимъ-Полямъ и сталъ развѣзжать какъ тамъ, такъ и по Булоньскому-Лѣсу, взялъ впередъ по всемъ направленіямъ, тою легкою рысцою, которая кажется всегда такъ понятна, когда въ каретѣ сидятъ два лица, и такъ страшна, когда въ ней только одно лицо.

Изора, преданная въ жертву думъ, волновавшихъ ее, не замѣтила сначала продѣлокъ своего кучера; скоро однакожь ей показалось страшнымъ, что она не выѣзжала изъ Булоньскаго-Лѣса, и наконецъ спросила кучера, зачѣмъ онъ привезъ ее туда. Кучеръ объяснилъ ей, что, получивъ приказаніе везти ее куда ему хочется и замѣтивъ, что она была не совсемъ здорова, онъ думалъ, что ей не худо будетъ подышать чистымъ воздухомъ, чтобы нѣсколько оправиться.

Изора невольно покраснѣла отъ мысли, что этотъ человѣкъ такъ хорошо понялъ ее, и спросила у него:—Который часъ?

— Одиннадцать.

—Одиннадцать часовъ,—а я ушла изъ дому въ восемь! Что подумаетъ она?

Это было первую мыслию Изоры; но скоро она сказала самой-себѣ: А какое мнѣ дѣло до того, что онъ подумаетъ? Развѣ я обязана отдавать ему отчетъ въ каждомъ своемъ поступкѣ, въ каждой минутѣ моей жизни? Развѣ онъ заботится о томъ, что меня тревожитъ? А если онъ и точно безпокоится теперь? Тѣмъ лучше: пусть безпокоится! пусть страдаетъ такъ же, какъ и я; — это право возмездія.

И, въ-слѣдствіе такого разсужденія, Изора приказала кучеру продолжать прогулку по лѣсу. Оставимъ ее тамъ и возвратимся къ Шамбелю, который, видя, что жена его не возвращается, сталъ опасаться какого-нибудь страшнаго несчастія.

Перебравъ въ умъ всѣ причины, которыя могли задержать ее такъ долго, онъ остановился наконецъ на мысли, не посягнула ли она на жизнь свою и не прибѣгла ли къ самоубійству. Безпокойство его достигло высочайшей степени; онъ не зналъ, на что рѣшиться, кого спрашивать... Мысль прибѣгнуть къ г-жѣ де-Моранси представилась-было уму его; но какъ объявить ей объ обвиненіи Изоры и о ея угрозахъ? Шамбель начиналъ раскаяваться и думать, что было бы лучше разорвать связь, которая могла быть причиной такихъ бѣдъ; но въ эту самую минуту онъ получилъ записочку отъ графини де-Моранси, которая просила его поспѣшить къ ней.

Шамбель нашелъ г-жу де-Моранси блѣдною, взбѣшенною и въ такомъ раздражительномъ состояніи, въ какомъ еще никогда не видалъ ее прежде. Она была не одна. Г-жа Азье сидѣла въ углу съ ка-

кимъ—то торжественнымъ, надменнымъ и полнымъ негодованія видомъ.

При появленіи Шамбеля, г-жа де-Моранси отвернулась съ отчаяніемъ и бросилась на диванъ, закрывъ лицо, омоченное слезами. Шамбель подошелъ къ ней.

— Оставьте меня, сударь! воскликнула она: — оставьте меня; вы погубили меня! Несчастливая! и я могла вамъ взвѣриться!..

Испуганный Шамбель обратился къ г-жѣ Азѣ и спросилъ ее съ безпокойствомъ:

— Чтò это значить?

— Вотъ—чтò, отвѣчала г-жа Азѣ съ негодованіемъ. — Нынѣче утромъ, отправясь къ г. Нортону, чтобъ передать ему одну весьма важную работу, которую онъ поручилъ мнѣ, я встрѣтила г-жу Шамбель, выбѣжавшую отъ него съ видомъ фуріи. Простите мнѣ это выраженіе; видъ ея былъ, такъ ужасенъ, что перепугалъ меня. Я почувствовала какое-нибудь несчастіе, и хоть мнѣ не было нужды говорить съ г. Нортонъ, однакожь я дождалась окончанія разговора его съ аббатомъ Фортенъ и просила доложить о себѣ. Аббатъ Нортонъ—человѣкъ, котораго строгая, примѣрная жизнь превыше всѣхъ слабостей, и онъ никогда не осуждаетъ ихъ въ другихъ; эта снисходительность не могла, однакожь, помѣшать ему видѣть всю низость мнѣнія женщины, которой нехудо было бы помнить то, чтò она сдѣлала сама...

Г-жа Азѣ, не смотря на свое искусство писать и говорить, затруднилась какое употребить выраженіе, чтобъ сказать Шамбелю то, чтò узнала отъ г. Нортона; но г-жа де-Моранси, уступивъ гнѣву, волновавшему ее, вскочила съ дивана:

— Однимъ словомъ, г-жа Шамбель была нынѣче утромъ у г. Нортона, осмѣлилась сказать ему, что я ваша любовница, и угрожала ему оглаской и Богъ-знаетъ еще чѣмъ... Вотъ, сударь, вотъ истина, которую г-жа Азѣ не могла сказать вамъ, стыдясь за г-жу Шамбель; но вы должны это знать и я говорю вамъ это прямо.

— Невозможно! воскликнулъ Шамбель, который, будучи оглушенъ этою новостью и гнѣвомъ г-жи де-Моранси, не зналъ, чтò отвѣчать.

— Нѣтъ, все это правда, возразила г-жа Азѣ: — самъ г. Нортонъ объявилъ мнѣ объ этомъ со всею возможною снисходительностью къ поступку г-жи Шамбель.

Безстыдство этихъ двухъ женщинъ было подлинно удивительно; онѣ съ такою язвительностью отзывались о г-жѣ Шамбель, которая въ ихъ мнѣніи одна только заслуживала презрѣнія; но еще удивительнѣе было, что Шамбель слушалъ все это терпѣливо, и что при

этихъ двухъ непорочныхъ дамахъ ему было совѣстно: за г-жу Шамбель.

— Къ-счастію, успѣшилъ онъ отвѣчать: — г. Нортонъ не такой человекъ, на котораго подобные доносы (онъ не смѣлъ сказать клеветы) могли бы имѣть какое-нибудь вліяніе, и я клянусь вамъ, что положу конецъ всему этому.

— Если только можете... замѣтила извѣтливо г-жа де-Моранси. — Г-жа Шамбель, прибавила она съ презрѣніемъ: — принадлежить къ такому кругу, въ которомъ домашнія ссоры, крики и брань вещи обыкновенныя. Часто ли она утѣшаетъ васъ подобными сценами?

Шамбель закусилъ губы и поклялся въ душѣ, что накажетъ Изору за всѣ неприятели, которымъ онъ подвергался. Одно строгое слово съ его стороны — и г-жа де-Моранси оставила бы тонъ оскорбленной добродѣтели; но гдѣ тотъ, кто имѣлъ бы довольно мужества защитить жену, обманываемую имъ, противъ любовницы, оскорбляющей ее... и Шамбель отвѣчалъ съ досадою:

— Даю вамъ слово, что этого уже не будетъ; я прийму самыя строгія мѣры.

— Самая лучшая изъ этихъ мѣръ, замѣтила г-жа де-Моранси: — будетъ состоять въ томъ, чтобъ намъ болѣе не видаться и разорвать знакомство, противъ котораго вооружаются съ такимъ безстыдствомъ.

— Намъ разстаться! воскликнулъ Шамбель съ нѣжностью и испугомъ: — никогда!

— А что же мнѣ дѣлать? возразила г-жа де-Моранси, залившись чрезвычайно-кстати слезами: — не дожидаться ли мнѣ, чтобъ эта женщина опозорила меня и нарушила бы мое семейное спокойствіе? Не-уже-ли хотите вы этого? Ахъ, Пьерръ! какъ несчастливы вы, что связали на вѣки жизнь свою съ такою женщиною!

Слова эти были сказаны съ нѣжнымъ сожалѣніемъ, тронувшимъ чувствительное и тщеславное сердце Шамбеля, которое разнѣжилось еще болѣе, когда г-жа Азѣ прибавила съ участіемъ къ горестному положенію Шамбеля:

— Да, когда молодые люди, подобно г. Шамбелю, встрѣтятъ, въ молодости, женщинъ, которыя овладѣваютъ ими, чтобъ сдѣлать ихъ невольниками своихъ капризовъ и своего честолюбія, — ихъ ожидаетъ самая жалкая будущность...

— Бѣдный Пьерръ! сказала г-жа де-Моранси со вздохомъ: — какъ мнѣ жаль васъ!

— И чтобъ сбросить съ себя такое бремя, надобно имѣть силу характера, которою одарены немногіе.

— Что жъ? воскликнулъ Шамбель, вскочивъ: — развѣ вы считаете

меня за ребенка? Я также буду уметь сбросить съ себя это бремя, и сбросить его совершенно, если это будетъ нужно...

— Пьерръ! воскликнула г-жа де-Моранси будто-бы испугавшись: — нѣтъ, не дѣлайте этого, если не для себя, то по-крайней-мѣрѣ для меня...

Г-жа де-Моранси снова заплакала и продолжала голосомъ, прерываемымъ рыданіями:

— Г-жа Шамбель стала бы кричать вездѣ, что вы разстались съ нею для меня, и свѣтъ, готовый принять всякую клевету, можетъ-быть, повѣрилъ бы ей. Нѣтъ, Пьерръ, повторяю вамъ, намъ надобно разстаться и разстаться навсегда.

— Не говорите этого! воскликнулъ Шамбель страстно: — оставьте мнѣ защищать васъ.

— Ахъ! возразила г-жа де-Моранси: — я говорю вамъ не за себя, а за васъ. Дѣло идетъ о всей вашей будущности; уступить нынче, значить навсегда потерять свободу и подчинять себя власти чужой... Ахъ, Пьерръ, берегитесь...

— О, будьте увѣрены, я не допущу до этого.

— Это еще не все, Пьерръ; только любовь моя можетъ заставить меня сказать вамъ всю истину; мало того, что надъ вами хотятъ властвовать деспотически: надъ вами смѣются, играютъ вашимъ спокойствіемъ, нашею честію, и еслибъ я не остановила Юлія...

— Чтѣ вы говорите? воскликнулъ Шамбель.

— Ничего, ничего... Но я не хотѣла, чтобъ этотъ юноша, котораго я такъ люблю, могъ сдѣлаться причиною вашихъ горестей; другіе будутъ, можетъ-быть, не такъ деликатны, или не встрѣтятъ людей, которые дали бы имъ полезныя совѣты, и тогда...

Взглядъ, окончившій эту фразу, былъ краснорѣчивѣе всѣхъ возможныхъ словъ. Шамбель поблѣднѣлъ, а г-жа Азѣ, которой рѣчь была очень похожа на молотокъ, вбивающій гвоздь, приставленный къ доскѣ, прибавила самымъ пророческимъ тономъ:

— То, чтѣ она сдѣлала, можетъ заставить васъ опасаться за то, чтѣ сдѣлаетъ еще... Прошедшее всегда ручается за будущее; женщина, проступившаяся однажды, никогда не измѣняетъ своему направленію...

Возможно ли, чтобъ человекъ могъ дойти до такой степени глупости, чтобъ онъ могъ позволить говорить себѣ подобныя вещи двумъ женщинамъ, изъ которыхъ одна была его любовницей, а другая ея снисходительной пріятельницей, помогавшей ей въ ея шашняхъ?.. Возможно ли, чтобъ все это было въ-самомъ-дѣлѣ съ человекомъ, который хоть нѣсколько чувствуетъ собственное свое достоинство? Возможно, и это бываетъ очень часто и почти всегда съ людьми умными.

Попавъ къ этимъ двумъ змѣямъ, бѣдный Шамбель какъ-будто одурѣлъ, и слушая ихъ безстыдныя обвиненія, вѣрилъ имъ потому только, что эти двѣ женщины умѣли уколоть его самолюбіе. Больше часа продолжалась эта комедія; наконецъ, г-жа Азье однимъ словомъ довершила побѣду: обратясь къ Шамбелю, она спросила:

— Но чтó подумали вы, узнавъ, что госпожа Шамбель вышла такъ рано, и видя, что она не возвращалась?

— Признаюсь, отвѣчалъ Шамбель: — не смѣя думать, чтобъ женщина могла сдѣлать то, чтó сдѣлала госпожа Шамбель, я боялся, не рѣшилась ли она въ минуту отчаянія на самоубійство...

— Право! воскликнула г-жа Азье захохотавъ. — Ей убить себя!.. О! какой вы ребенокъ!

— Нѣтъ, онъ слишкомъ добръ, прибавила г-жа де-Морансъ съ томностью.

Слова эти не пропали даромъ. Шамбель ушелъ, твердо убѣжденный въ томъ, что излишняя доброта его была причиной взыскательности и капризовъ жены, и возвратился домой въ ту самую минуту, когда карета Изоры остановилась у подъезда.

хш.

Мы уже сказали, въ какомъ расположеніи духа возвратилась домой Изора; раздраженная холодною аббата Нортонна и тѣмъ приемомъ, какой ей сдѣлали, она съ своей стороны рѣшилась не уступать... Съ первыхъ взглядовъ, брошенныхъ другъ-на-друга Изорою и Пьерромъ, она поняла, что приготовлявшаяся сцена должна была кончиться чѣмъ-нибудь рѣшительнымъ. Гнѣвъ съ обѣихъ сторонъ былъ равно великъ.

— Можете ли вы сказать, сударыня, воскликнулъ Шамбель, когда они вошли въ комнату Изоры: — откуда пріѣхали теперь?

— Это мнѣ такъ же невозможно, какъ невозможно вамъ, сударь, сказать мнѣ, куда вы ходите каждый день отъ трехъ до пяти часовъ?

— Я не отвѣчаю, а спрашиваю, возразилъ Шамбель холоднымъ, рѣшительнымъ тономъ.

— А я не спрашиваю и не отвѣчаю. Вы бываете тамъ, гдѣ вамъ нравится, я тамъ, гдѣ мнѣ надобно. Чтó жъ тутъ удивительнаго?

— Предупреждаю васъ, что такіе поступки не могутъ быть терпимы мною.

— Предупреждаю васъ, что у меня не будетъ другякъ.

— Позвольте васъ спросить, съ кѣмъ говорите вы такимъ тономъ?

— Съ кѣмъ? отвѣчала Изора надменно и насмѣшливо. — Съ господиномъ-Шамбелемъ, великимъ поэтомъ и прозаикомъ, котораго я имѣю честь быть женою.

Начало, какъ видно, было недурно; каждый изъ двухъ актёровъ этой сцены такъ твердо рѣшился не уступать шага, что все это было сказано съ какимъ-то страннымъ спокойствіемъ, безъ криковъ, безъ жестовъ; Пьерръ продолжалъ:

— На это я скажу вамъ, что тоиъ, принимаемый вами, не правится великому поэту и прозаику, котораго вы имѣете честь быть женою. Словомъ, я не намѣренъ сносить его долге.

— Вы можете сносить и не сносить его; но у меня не будетъ другаго.

Споръ разгарался медленно; до-сихъ-поръ все ограничивалось только одними общими мѣстами. Каждое изъ дѣйствующихъ лицъ, казалось, дожидалось, чтобъ другой коснулся наконецъ настоящаго предмета. Шамбель былъ такъ взбѣшонъ, что первый рѣшился приступить къ тому.

— Хотѣлъ бы я знать, такимъ ли тономъ говорили вы нынче утромъ съ аббатомъ Нортономъ?

При этомъ простомъ вопросѣ, Изора быстро взглянула на своего мужа; они, такъ-сказать, мѣрили другъ друга глазами, и Изора, отвернувшись, отвѣчала равнодушно:

— Я говорила съ господиномъ-Нортономъ тономъ приличнымъ тому дѣлу, о которомъ надобно было говорить съ нимъ.

— А что такое вамъ надобно было сказать ему?

— Тотъ, или та, которая могла донести вамъ о моемъ визитѣ аббату, могла также сказать вамъ и цель его.

— Я желалъ бы узнать это отъ васъ-самихъ, потому-что меня могли и обмануть.

— Не сказали ли вамъ, что я ѣздилъ къ аббату Нортону для того, чтобъ обольстить его?

— Обольщать можно разными средствами, и если женщина ѣдетъ къ человѣку такихъ строгихъ правилъ, какъ господинъ-Нортонъ, для того, чтобъ представить ему своего мужа въ самыхъ черныхъ краскахъ, то она можетъ дѣйствовать на разсудокъ его такими же виновными обольщеніями, какими дѣйствуютъ иногда на судью, котораго правосудіе хотятъ подкупить.

— Такой судья, какъ господинъ-Нортонъ, не допуститъ ничѣмъ подкупить себя такой женщины, какъ я. Вы можете быть совершенно покойны на этотъ счетъ за себя и за другихъ.

— Если онъ отвергнулъ ваши обвиненія, то тѣмъ болѣе увеличилъ благодарность, которою я уже обязанъ ему; но это не отнимаетъ у меня право судить строго то, что вы хотѣли сдѣлать.

— То, что я хотѣла сдѣлать, очень-просто; я поѣхала къ аббату Нортону, которому вы обязаны такою благодарностью, поѣхала попросить его вразумить васъ, что человѣку женатому неприлично

быть любовникомъ жены того человека, который принялъ его у себя въ домъ, и еще по рекомендаціи самого аббата Нортонна.

— Вы осмѣлились сказать это господину-Нортону?

— Я не могла этого сдѣлать; онъ такъ искусно велъ себя, что не далъ мнѣ выговорить того, что я хотѣла сказать.

— Понимаю! Благородная душа его должна была содрогнуться отъ такого недостойнаго поступка.

— Чьего? Моего, или госпожи де-Моранси?

— Отъ вашего, сударыня! воскликнулъ Шамбель: — потому-что госпожа де-Моранси не боится подобной клеветы...

— Конечно, она не боится подобной клеветы, какъ нищій не боится воровъ. Кому нѣчего терять...

— Послушайте! воскликнулъ Шамбель съ западчивостью.

— Что прикажете? возразила г-жа Шамбель хладнокровно. — Развѣ я ошиблась? Развѣ вы не любовникъ госпожи де-Моранси?

— Нѣтъ, сударыня, нѣтъ! Это клевета, выдуманная вашею брешеною ревностью.

— Право? спросила Изора насмѣшливо. — Что жъ! я очень рада; я, слѣдственно, клеветала—пусть будетъ по-вашему; для женщины, подобной мнѣ, одинъ лишній порокъ такая бездѣлица, что объ этомъ не стоитъ и говорить; вамъ могло бы это повредить, еслибъ сказанное мною была правда, и что еще хуже, могло сдѣлать васъ смѣшнымъ.

— Смѣшнымъ? Меня!

— Да, васъ; кажется, вамъ двадцать-пять лѣтъ, и хотъ въ-сравненіи съ вами я почти старуха, однакожъ все еще не такая старуха, чтобъ могла быть вашею матерью, какъ, на-примѣръ, госпожа де-Моранси, которой лѣтъ сорокъ-пять, если не больше.

Несчастный Шамбель! еще недавно кололи его потихоньку за жену, а теперь рѣжутъ ножами за любовницу. Выраженіе: «старуха, которая могла бы быть вашею матерью», заставило его вскопчить; однакожъ, онъ пришелъ въ себя, и отвѣчалъ довольно-спокойно:

— Мнѣ совершенно все равно, сколько бы ни было лѣтъ госпожѣ де-Моранси; это до меня не касается; но я хочу, чтобъ вы отзывались приличнѣе о женщинѣ, заслуживающей уваженіе...

— Своею старостью...

— Сударыня! закричалъ Шамбель, для котораго этотъ второй ударъ былъ тѣмъ чувствительнѣе, что онъ остановилъ его на половинѣ фразы, начатой имъ съ надеждою на явный эффектъ. — Да, госпожа де-Моранси должна быть уважаема вами.

— За свои добродѣтели? сказала Изора съ язвительною насмѣшкой.

— Да, за свои добродѣтели! воскликнулъ Шамбель, поглупившій

отъ гнѣва:—за свои добродѣтели, потому-что она не отдавала себя на позоръ свѣту...

— Не знаю, отдавала ли она себя на позоръ свѣта, но увѣряютъ, будто она поручала себя всему свѣту, и не думаю, чтобъ вамъ могло быть лестно наследовать...

— Замолчите, сударыня, замолчите! воскликнулъ въ бѣшенствѣ Шамбель. — Не проносите болѣе имени госпожи де-Моранси; не смѣйте повторять то, что вы сказали...

— Боже мой! что съ вами? спросила Изора. — Я понимаю, что это могло бы показаться вамъ оскорбительно, еслибъ госпожа де-Моранси была вашею любовницею, но вы сказали, что нѣтъ: почему же мнѣ не говорить того, что говорятъ всѣ?

— Скажите, вы рѣшились позорить госпожу де-Моранси? спросилъ Шамбель, подступивъ къ жемъ своей.

— А вы рѣшились защищать ее?

— Да, сударыня, противъ васъ.

— Это очень-благоразумно съ вашей стороны; вы избрали самаго слабого изъ всѣхъ ея непріятелей.

Шамбель дошелъ до той степени гнѣва, на которой человекъ готовъ забыть все; онъ почувствовалъ это и сказалъ Изорѣ:

— Вы понимаете, что разговоръ этотъ не можетъ продолжаться между нами въ такомъ тонѣ. Я не хочу выйти изъ границъ, которыя предписываетъ мнѣ полъ вашъ; не могу заставить васъ замолчать, какъ заставилъ бы замолчать мужчину.

— А позвольте узнать, какимъ образомъ заставляютъ молчать мужчину? спросила Изора презрительнымъ тономъ.

— Пощечинами и шпагою! отвѣчалъ Шамбель, поблѣднѣвъ отъ ярости.

— Въ такомъ случаѣ, возразила Изора: —не знаю, достало ли бы знаменитой дюрандальской шпаги, чтобъ произвести то опустошеніе, которое предстоитъ вамъ...

— Изора! Изора! закричалъ Шамбель. — Ради Бога, пощали и меня и себя!..

Изора съ презрѣніемъ кивнула головой, сказавъ:

— Право?

— Такъ ты не боишься того, что я могу сдѣлать? сказалъ ей Шамбель грозно.

— Боятся? мнѣ?.. А чего хотите вы, чтобъ я боялась?.. Развода съ вами?.. Боже мой, вы ужь угрожали мнѣ этимъ и видите, я не испугалась,—я все-таки продолжаю клеветать... Боятся, чтобъ вы поступили со мною какъ съ женщиной.

— О, Боже!..

— Или убить меня... Что жь, сударь? сдѣлайте это! Можетъ-быть, вамъ будетъ пріятно исполнить эту прихоть.

— Ты сумасшедшая! сказалъ Шамбель, который вдругъ успокоился, почувствовавъ, что зашелъ уже слишкомъ далеко:—ты сумасшедшая; я тоже безумецъ, что спорю съ женщиной, которой сильная запальчивость готова скорѣе расторгнуть всѣ связи, какъ бы священные онѣ ни были, чѣмъ уступить кому бы то ни было.

Справедливость этихъ словъ поразила Изору; она почувствовала, что была сама первою помѣхою къ искреннему раскаянію мужа, и успокоясь въ свою очередь, сказала:

— Вы правы; я никогда не уступала угрозамъ; но вы знаете, что часто уступала просьбамъ.

— Право? воскликнулъ Шамбель, который въ свою очередь взялся за иронию. — И если я попрошу у васъ прощенія въ томъ, что вы сдѣлали сегодня, то вы удостоите простить меня?

— Пьерръ, сказала ему Изора:—хочешь ли ты выслушать меня?.. Сдѣланное мною сегодня не имѣетъ въ себѣ ничего предосудительнаго... Оставимъ всякое притворство; ты очень-хорошо знаешь, что я не имѣла намѣренія клеветать, а хотѣла сказать только правду; я хотѣла прибѣгнуть къ покровительству чловѣка, который, какъ другъ твой и какъ духовная особа, не имѣлъ права отказать мнѣ въ немъ; но онъ отвергнулъ меня съ жестокостью, доказавшею, что онъ также хорошо зналъ объ интригѣ, въ которую не хотѣлъ быть замѣшанъ.

— Продолжай, сказалъ Шамбель: — тебѣ остается сказать только, что господинъ-Нортонъ самъ помогалъ этой мнимой интригѣ.

— Мнимой? повторила Изора съ нетерпѣніемъ.

— Да, мнимой! возразилъ Шамбель, который, защищая г-жу де-Моранси съ такимъ упорствомъ, слѣдовалъ въ этомъ случаѣ правилу, впрочемъ, довольно-справедливому, что въ подобныхъ дѣлахъ только то вѣрно, что подтверждено признаніемъ.

Изора съ минуту глядѣла на мужа въ молчаніи, и сказала потомъ:

— Вы въ прекрасныхъ рукахъ, господинъ-Шамбель; немного времени нужно было, чтобъ уничтожить въ васъ всѣ благородныя чувства.

— Что значать еще эти слова?

— Ничего... ничего такого, что бы вы могли понимать.

— Я очень-хорошо понимаю, что ваша бѣшенная ревность старается набросить презрѣніе на женщину, которую вы обвиняете, и противъ которой не можете употребить ничего болѣе, кромѣ оскорбительныхъ словъ.

— Во всякомъ случаѣ, я не болѣе какъ эхо; увѣряю васъ, не я выдумала исторію любовныхъ похиженій господина-Милона съ го-

спожею де-Моранси, господина-Альбенса съ госпожею де-Моранси, господина-Френура съ госпожею де-Моранси, господина...

— Госпожа Шамбель! воскликнулъ мужъ, грозно перебивъ ее въ этой номенклатурѣ, которая, казалось, не имѣла бы конца. — Вы очень хорошо знаете, что все это ложь.

— Я уже сказала вамъ, что я ничего болѣе, какъ эхо...

— И ждете какъ эхо. Кто же, позвольте узнать, могъ посвятить васъ въ эти тайны? Не господинъ ли Милонъ?

— Помилуйте, господинъ-Милонъ не хвастаетъ такими бездѣлцами...

— Право! ну, такъ господинъ Френуръ?

— Я не имѣю чести знать его.

— Ну, такъ я бы желалъ знать того, кто сказалъ вамъ все это... Не сообщилъ ли вамъ этого какъ-нибудь господинъ-Юлій? прибавилъ Шамбель, который въ свою очередь принялъ наступательное положеніе.

— Точно такъ, сударь; вы угадали! возразила г-жа Шамбель, хоть это и была неправда.

— Онъ! воскликнулъ Шамбель тономъ упрека. — Онъ!

— Да, отвѣчала Изора, довольная эффектомъ, который произвелъ отвѣтъ ея. — Я хотѣла испытать, какимъ-образомъ можно водить за носъ бѣдныхъ молодыхъ людей, влюбляющихся въ женщинъ опытныхъ; лавры госпожи де-Моранси возбудили во мнѣ зависть, и, нѣсколько подражая ея искусству, я успѣла заставить Юлія проболтаться на счетъ многихъ извѣстныхъ ему вещей.

— А знаете ли, что вы сдѣлали? воскликнулъ Шамбель трагическимъ тономъ: — несчастная, злая женщина! вы заставили сына клеветать на мать!

Подобное сочетаніе словъ имѣетъ въ себѣ всегда что-то столь торжественное, что Изора въ первую минуту была поражена ими и воскликнула съ непритворнымъ ужасомъ:

— Что вы говорите?

— Истину! И вотъ до чего довела васъ ваша слѣпая ревность!

При этихъ словахъ, лицо Изоры вдругъ совершенно измѣнилось; легкая улыбка появилась на устахъ ея; она, казалось, хотѣла переслать въ себѣ смѣхъ, но, не успѣвъ въ этомъ, наконецъ захохотала.

— Какъ! воскликнула она: — да это прелесть!.. Добродѣтельная г-жа де-Моранси имѣетъ сына, котораго называетъ племянникомъ? (и она опять захохотала). Но откуда взялся у ней этотъ племянникъ, или этотъ сынъ, который ей племянникъ?.. Право, это чудесно! это такъ ново, такъ искусно придумано!.. Въ-самомъ-дѣлѣ, бѣдная, добродѣтельная женщина, которая имѣла несчастье сдѣлаться матерью, — вѣроятно, не нарочно, — погибла бы въ мнѣніи свѣта, еслибъ на-

звала сына своего сыномъ; но назвавъ его племянникомъ, она все поправила... О! да это восхитительно!..

И она снова начала хохотать.

— Изора! воскликнулъ Шамбель съ гнѣвомъ.

— Ахъ! позвольте мнѣ посмѣяться... это такъ забавно!

— Изора! закричалъ Шамбель еще съ большимъ гнѣвомъ:—замолчишь ли ты?

— Нѣтъ! Вотъ уже цѣлый часъ, какъ мы играемъ трагедію въ честь этой добродѣтельной женщины... О! какъ мы глупы, другъ мой!.. Г. Юлій племянникъ! г. Юлій сынъ!.. Ха! ха! ха! это чудесно!..

И она бросилась на диванъ, задыхаясь отъ смѣха.

— Изора! восклицалъ безпрестанно Шамбель; но эти восклицанія, казалось, только усмивали смѣхъ ея.

Шамбель, видъ себя отъ гнѣва, схватилъ наконецъ объ руки жены своей и съ бѣшенствомъ закричалъ:

— Изора! ты не знаешь, что я въ состояніи убить тебя!

Изора упала на диванъ, и, схватившись обѣими руками за голову, произнесла глухимъ голосомъ:

— За нее?..

— Да, за нее! воскликнулъ Шамбель, который, переступивъ наконецъ границу, не щадилъ уже ничего.—Да, за эту женщину, которую ты позоришь и которую я люблю, которая, виновна или невинна, нравится мнѣ...

— Но замолчи, замолчи, въ свою очередь! воскликнула Изора: — ты безчестишь самого-себя, говоря это!

— Довольно, сударыня, довольно! оставьте эти гнусныя чувства, которымъ вамъ угодно придавать столько благородства. Свѣтъ таковъ, какимъ онъ долженъ быть; онъ снисходителенъ къ тѣмъ, которые по-крайней-мѣрѣ въ слабостяхъ своихъ не пренебрегаютъ съ безстыдствомъ законами приличія и чести...

— Пьерръ! воскликнула Изора въ отчаяніи: — замолчи, ради Бога, замолчи!

— Нѣтъ! Вы, которая съ такою жестокостью высказываете правду другимъ, вы должны научиться выслушивать ее въ свою очередь.

— О! воскликнула Изора, залившись слезами: — онъ предсказалъ мнѣ это! Бѣдный Викторъ!...

Это имя, которое должно было бы остановить Шамбеля, еслибъ онъ теперь не былъ занятъ исключительно самимъ-собою, только еще болѣе раздражило его и показало ему оскорбленіемъ.

— Часто ли вы доставляли ему удовольствіе подобными сценами?

— Пьерръ! Пьерръ! воскликнула Изора, рыдая: — онъ не посту-

паль со мною такъ жестоко, не оскорблялъ меня, хотъ и имѣлъ на то полное право.

— И такъ, сударыня, если вы не хотите, чтобъ васъ оскорбляли, не оскорбляйте же сами другихъ.

— Ты правъ; я буду молчать.

— Не прикасайтесь къ оружію, которое, какъ вы видите, можетъ поразить васъ самихъ.

— Довольно, довольно! воскликнула Изора, вставъ съ величавымъ, грознымъ видомъ. — Я вижу, вы унизились до послѣдней степени подлости!.. Вы могли упрекнуть меня проступкомъ, — вы, которые погубили меня; вы, которые явились ко мнѣ въ бѣдности и несчастіи съ жалобою на людей, хотѣвшихъ подавить въ васъ талантъ вашъ; я полюбила васъ изъ жалости, изъ состраданія..

— Изора, берегись!

— Да, изъ состраданія! Зброшенный въ глушь провинціи, осмѣянный всѣми, отвергнутый родными, которые видѣли въ васъ тунядца, нехотѣвшаго посвятить себя ничему полезному, — я приняла васъ, обремененнаго долгами, бѣднаго, отчаяннаго; я спасла васъ отъ нищеты, я поддержала васъ вѣрою своею въ талантъ вашъ, помогла своимъ богатствомъ, — и теперь, когда вы достигли извѣстности, которой еще не заслужили, теперь, когда я ужъ не нужна вамъ, вы сдѣлались со мною горды, дерзки, жестоки!.. И вы думаете, что послѣ всего этого я съ покорностью склонюсь передъ вами? Нѣтъ, сударь, нѣтъ! не будетъ этого. Погубленная вами, я не хочу быть вами унижена!.. Слѣдуйте путемъ, вами избраннымъ и внушающимъ вамъ столько самонадѣянности: я оставляю васъ, бѣднаго глупца, служащаго игрушкою честолюбцу; оставляю васъ на произволъ этого монаха безъ сердца, этой интригантки безъ совѣсти и чести. Поспѣшите воспользоваться вашимъ теперешнимъ положеніемъ, совѣтую вамъ, потому-что въ тотъ день, когда одинъ возьметъ все у вашего ума, а другая все у вашего сердца, — они вытолкаютъ васъ изъ дома и скажутъ вамъ: «Свѣтъ таковъ, какимъ онъ долженъ быть; мужъ, живущій розно съ женою и разставшійся съ нею такъ дурно, не можетъ быть терпимъ въ нашемъ обществѣ, которое онъ пятнаетъ собою.»

— Какъ вамъ угодно! сказалъ Шамбель: — я предпочитаю нищету и невѣзѣстность, даже самую неблагодарность, подобнымъ сценамъ и такой жизни, какую веду съ вами.

— Оставляю вамъ полную свободу жить, какъ вамъ будетъ угодно.

— Я не могъ ожидать отъ васъ ничего лучшаго! замѣтилъ Шамбель, достигнувшій окончательнаго результата, который онъ самъ, можетъ-быть, вызвалъ, но который не могъ не устрашать его.

— Думаю, отвѣчала Изора: — что въ этомъ отношеніи я, по-край-

ней-мърь, удовлетворяю одному изъ пламеннѣйшихъ вашихъ желаній, и во всякомъ случаѣ повинуюсь своимъ.

— Это не удивляетъ меня; прошедшее должно было предварить меня о будущемъ.

— Да, то, что мнѣ было предсказано — исполнилось; то, что вы должны были предвидѣть — совершилось.

— И такъ, все кончено между нами... Вы рѣшились?

— Твердо, и въ этомъ случаѣ прошедшее также можетъ отвѣчать вамъ за будущее.

— Хорошо! сказалъ Шамбель.

Онъ ушелъ и заперся въ своемъ кабинетъ; Изора занялась домашними дѣлами и хозяйствомъ съ спокойствіемъ, которое служило доказательствомъ, сколько твердости и силы было въ ея пылкомъ характеръ, когда она рѣшалась на что-нибудь важное.

Часа черезъ два послѣ этой сцены, г-жѣ Шамбель доложили, что аббатъ Фортенъ желаетъ ее видѣть.

xiv.

Изора въ ту же минуту приказала просить аббата. Неудачная попытка, сдѣланная ею у г. Нортома, не располагала ее въ пользу этого визита; она, подобно многимъ, была заражена предразсудкомъ, что все принадлежащія къ духовному званію отличаются одинакимъ образомъ мыслей, и потѣму думала, что аббатъ Фортенъ, который, подобно г. Нортому, пользовался извѣстностью чловѣка строгихъ правилъ, будетъ также холоденъ и также жестокъ къ ея страданіямъ. Все это было причиной, что Изора приняла стараго аббата съ какою-то недоувѣрчивостью.

Послѣ первыхъ привѣтствій, аббатъ сказалъ ей:

— Я пришелъ къ вамъ, сударыня, по случаю письма дѣвницы Маргариты, которое вы передали мнѣ нынче утромъ.

Г-жа Шамбель отвѣчала ему только легкимъ наклоненіемъ головы, и аббатъ продолжалъ:

— Вы, конечно, изволили прочесть его?

— Да, г. аббатъ, отвѣчала г-жа Шамбель сухо:— я знаю, что это дурно и не стараюсь извинять себя.

— Вы правы; это точно было очень-дурно, тѣмъ болѣе, что это сдѣлало уже большой вредъ бѣдной, невинной дѣвушкѣ, которая, какъ вы знаете, была жертвою самой недостойной и преступной интриги.

Г-жа Шамбель взглянула на аббата съ удивленіемъ, какъ-будто ей казалось страннымъ, что онъ могъ вѣрить порочной связи г-жи де-Моранси и называть ее преступною. Но недоувѣрчивость Изоры не

была побуждена этимъ, и она отвѣчала, хотъ не съ прежнею сухо-
стью, однакожь все еще съ сомнѣніемъ:

— Будьте увѣрены, г. аббатъ, я очень сожалѣю, если сдѣлалась
чужною несчастія бѣдной дѣвушки, которую, какъ вы говорите, дру-
гіе избрали уже своею жертвою.

— Въ такомъ случаѣ, умоляю васъ не увеличивать ея несчастія,
если только есть еще время...

— О, конечно! я сдѣлаю все, что отъ меня зависить; но, призна-
юсь, я не понимаю, какимъ образомъ могу имѣть какое-нибудь влія-
ніе на судьбу Маргариты?

— Такъ-какъ вы читали письмо ея, то помните, что ей было запре-
щено писать ко мнѣ. Не зная объ этомъ запрещеніи, я самъ объявилъ
г. Нортону, что письмо было отъ Маргариты. Г. Нортонъ благода-
тель и покровитель этой бѣдной дѣвушки, и онъ имѣлъ полное право
оскорбиться ея неповиновеніемъ; но я увѣренъ, онъ проститъ ей. Та-
кой снисходительности нельзя, можетъ-быть, ожидать отъ тѣхъ, ко-
торые названы въ этомъ письмѣ; одно неосторожное слово можетъ
погубить эту несчастную, и если узнаютъ...

— Понимаю васъ, г. аббатъ, и клянусь, что г-жа де-Моранси ни-
когда не узнаетъ, по-крайней-мѣрѣ отъ меня, о письмѣ Маргариты.

— Извините, если я буду требовать отъ васъ болѣе; я долженъ
пряступить къ такому предмету, о которомъ вамъ, конечно, будетъ
тяжело услышать отъ человѣка совершенно-посторонняго; но я дѣ-
лаю это изъ участія къ бѣдной дѣвушкѣ, у которой нѣтъ никого въ
мирѣ, кто могъ бы защитить ее...

— Говорите, г. аббатъ, говорите; я готова васъ выслушать.

— Если тайна Маргариты останется неизвѣстною только г-жѣ де-
Моранси, этого еще недовольно; есть, можетъ-быть, другой чело-
вѣкъ, противъ котораго вы захотите вооружиться тѣмъ, что писала
Маргарита... и...

— И сказать ему объ этомъ значило бы сказать все г-жѣ де-Мо-
ранси; не такъ ли, г. аббатъ? отвѣчала Изора съ горькою улыбкой.

— Я боюсь этого...

— Вы увѣрены въ томъ; вы поняли ту власть, которую имѣетъ эта
женщина надъ умомъ г. Шамбея. Но что же могло дать ей эту
власть?

— Она невспыльчива и хладнокровна... отвѣчалъ тихо аббатъ
Фортенъ.

— А я не такова, хотите вы сказать.

— Извините меня, я такъ думаю...

— Вы правы; нѣтъ, я не такова; я презираю это хладнокровіе,
которое умѣетъ разсчитывать все, даже преступленіе...

— И, гордясь тѣмъ, что неспособны на подобный расчетъ, вы предаетесь всей пылкости своего права?

— Да, г. аббатъ!

— Это дурно, это вредитъ вамъ... Надобно быть спокойнѣе, разсудительнѣе...

— Но развѣ это спокойствіе, эта разсудительность, которыя вы такъ восхваляете, могли бы заставить меня не чувствовать моего нечастія?

— Можетъ-быть, оно уменьшило бы его горечь.

— Я дѣлаю все возможныя усилія, чтобъ вѣрить вамъ; но спрашиваю: ставъ спокойнѣе, буду ли я страдать меньше?

— Непременно, потому-что вы будете въ состояніи лучше обсудить ваше положеніе.

— Оно нестерпимо!

— Есть, однакоже, много женщинъ, которыя съ смиреніемъ переносятъ еще худшую участь.

— Благоговѣю предъ ними, но не могу подражать имъ.

— Онѣ вооружаются терпѣніемъ...

— А я не имѣю его, г. аббатъ; я не имѣю даже довольно терпѣнія, чтобъ выслушивать совѣты, которыхъ не просила.

Аббатъ Фортенъ всталъ, поклонился молча г-жѣ Шамбель и пошелъ къ двери... Изора побѣжала за нимъ.

— Простите, г. аббатъ, простите выраженію, вырвавшемуся у меня невольнo; я сознаюсь въ винѣ своей, я слишкомъ-неосторожна...

Аббатъ Фортенъ остановился и, посмотрѣвъ нѣсколько минутъ на г-жу Шамбель, сказалъ:

— Я буду говорить съ вами строго, и вы должны выслушать меня терпѣливо. Вы несчастливы; вы имѣете полное право жаловаться; но, повторяю, вы сами увеличиваете свое несчастье; выслушайте меня; нѣсколько минутъ терпѣнія не могутъ быть для васъ тягостнымъ усиліемъ, когда дѣло идетъ о всей вашей будущности и будущности вашего мужа.

— Будущность эта уже рѣшена.

— Давно ли?

— Часъ тому назадъ.

— И послѣ долгаго, глубокаго размышленія?

— Г. аббатъ! сказала Изора съ нетерпѣніемъ.

— И такъ, въ одинъ часъ, можетъ-быть въ нѣсколько минутъ, вы рѣшили участь двухъ существъ, обрекли себя на одиночество, а мужа своего — на погибель... да, на погибель: вы очень хорошо знаете, что онъ не такой человекъ, который могъ бы дать жизни своей настоящее направленіе; что характеръ его, столько же пылкій, какъ вашъ, имѣетъ недостатокъ, котораго у васъ нѣтъ, — необычно-

венную легкость и слабость... И вы, вы, которая, за неизмѣнимъ любови, должны были бы найдти въ своихъ обязанностяхъ столько силы, чтобъ защищать его противъ всѣхъ и противъ его-самого, — вы оставляете его! И вамъ довольно было одной минуты, чтобъ рѣшиться на это! И съ-тѣхъ-поръ, какъ вы рѣшились, вы не спросили самой-себя, не увлеклись ли слишкомъ-опрометчиво гнѣвомъ противъ проступковъ важныхъ, но простительныхъ, потому-что нѣтъ такихъ проступковъ, которыхъ нельзя было бы простить. Вы само-властно рѣшили свою участь, не прибѣгнувъ къ совѣту друга...

— Но у меня нѣтъ его, г. аббатъ; у меня нѣтъ друга; я была сегодня у г. Нортона, и онъ съ жестокостью отвергнулъ меня!

— Онъ былъ, конечно, неправъ; но были ли бы вы въ состояніи выслушать его совѣты, еслибъ онъ рѣшился подать ихъ и могли ли бы вы обвинять его, еслибъ, раздраженный вашею запальчивостью, онъ сдѣлался врагомъ вашимъ?

— Вы правы. Но что же мнѣ дѣлать?

— Теперь я могу отвѣчать вамъ на это, сказалъ аббатъ Фортенъ, съ приметною радостью:—теперь вы поняли, что гордость, а не любовь управляла до-сихъ-поръ вашими поступками, — и вы спасены.

Изора взглянула на него съ изумленіемъ.

— Да, сударыня; поведеніе вашего мужа и г-жи де-Моранси недостойно, преступно — согласенъ; но такъ ли должны вы были вооружиться противъ него?.. Ваша ревность, ваше изступленіе могли только раздражить г. Шамбеля, тогда-какъ кротость и смиреніе могли бы обратить его на путь истинный. Вы хотѣли силою разорвать эту связь, забывъ, что страсти разгаряются отъ препятствій...

— Что жъ мнѣ дѣлать? спрашиваю я васъ опять.

— Умѣрять вашу пылкость и вооружиться терпѣніемъ.

— Теперь ужъ поздно!

— Никогда не поздно дѣйствовать кротко и благоразумно. Что выиграете вы отъ новыхъ объясненій? Оскорбительныя слова, большее отчужденіе другъ отъ друга, досаду и, можетъ-быть, все кончится совершеннымъ разрывомъ.

— Разрывъ этотъ уже рѣшенъ, г. аббатъ; слово «разводъ» было уже произнесено между нами.

— Что жъ! будете ли вы имѣть столько твердости, чтобъ взять назадъ это слово?

Изора задумалась:

—Нѣтъ, это выше силъ моихъ; я могу умереть, но не сдѣлаю этого. Я сказала Шамбелю, что между нами все кончено; можетъ-быть, я воступила дурно, но сказала это — и сдержу свое слово.

— А еслибъ вы сказали ему, что отравите его, не-уже-ли и тогда вы сдержали бы свое слово?

— Какъ это можно! воскликнула Изора съ ужасомъ.

— Такъ васъ пугаетъ только великость преступленія?.. Ахъ! если слово, сказанное вами въ пылу гнѣва, кажется вамъ обѣтомъ священнымъ, кто можетъ поручиться, что этотъ же самый гнѣвъ не доведетъ васъ когда-нибудь и до чего-нибудь худшаго?

Изора задумалась; сильное волненіе было замѣтно въ ней; наконецъ, она воскликнула:

— Унизиться до такой степени... Хорошо, г. аббатъ, продолжала она, послѣ минутнаго молчанія:—общаюсь вамъ забыть о томъ, что я сказала, но съ тѣмъ, чтобъ мнѣ этого не напоминали.

— Нѣтъ, полумѣры нигде не годятся...

— Что жъ мнѣ дѣлать?

— Терпѣть и дожидаться...

— Хорошо, я буду дожидаться терпѣливо, безъ криковъ, безъ обвиненій, безъ гнѣва... довольно ли этого?..

— Для другой женщины, этого было бы мало; для васъ много. Остерегайтесь только первой минуты; легко можетъ случиться, что ваше смиреніе будетъ принято какъ доказательство побѣды, одержанной надъ самой-собою, что вамъ захотятъ показать это, и что вы не перенесете...

— Я перенесу все, г. аббатъ... Но сколько времени должно продолжаться это испытаніе?

— Недѣлю... Я приѣду къ вамъ опять черезъ недѣлю.

— Ожидаю васъ!

Изора осталась одна. Рѣшась послѣдовать совѣту аббата Фортена, она старалась укрѣпить себя въ принятомъ намѣреніи.

Шамбель, съ своей стороны, также имѣлъ много предметовъ къ размышленію. Въ минуту гнѣва, онъ сознался во всемъ женѣ и отдалъ ей, такимъ образомъ, на жертву тайну г-жи де-Моранси! Что сдѣлаетъ она? На что рѣшится; не захочетъ ли она погубить свою соперницу, опозоривъ ее въ мнѣніи свѣта?.. Все это мучило Шамбеля; онъ зналъ, что ему будетъ невозможно укротить Изору силою. Оставалось одно средство — смягчить ее, смириться передъ нею. Но какъ взяться за это?... Шамбель не могъ придумать никакого средства... Пожертвовать же г-жею де-Моранси и дать право г-жѣ Азѣ сказать насмѣшливо: «Г. Шамбель испугался жены своей» — было выше силъ его.

Цѣлые два часа думалъ Шамбель, и ничего не придумалъ... Наконецъ, онъ рѣшился предаться ходу обстоятельствъ и дѣйствовать сообразно съ ними, хотя бы слѣдствіемъ ихъ былъ рѣшительный разрывъ съ женою... Въ такомъ расположеніи духа, съ рѣшительностью съ одной стороны и съ твердою рѣшимостью съ другой сошлись Шамбель и Изора.

И мужъ и жена равно боялись этой встрѣчи; Изора, не смотря на всю рѣшимость свою, опасалась, чтобъ какое-нибудь колкое слово, которое могло вырваться у ней невольно, не раздражило мужа, а Шамбель боялся, чтобъ новые упреки Изоры не заставили его формальнымъ образомъ подтвердить свое согласіе на разрывъ. Однакожь все обошлось какъ-нельзя-лучше: Изора не показывала ни малѣйшихъ признаковъ гнѣва, Шамбель былъ чрезвычайно-внимателенъ и ласковъ. Такъ прошло все время, пока продолжался обѣдъ; но Шамбель не доверялъ Изорѣ: спокойствіе ея пугало его; онъ подозрѣвалъ въ немъ какое-нибудь скрытное намѣреніе, и наконецъ до того убѣдился въ этомъ предположеніи, что положилъ себѣ не выпускать Изоры изъ вида, думая, что она дожидалась только его ухода, чтобъ рѣшиться на что-нибудь. Онъ приказалъ принести себѣ бумага и перьевъ, и расположился писать за тѣмъ же самымъ столикомъ, у котораго работала Изора при свѣтѣ лампы. Но необходимость думать о томъ, что онъ писалъ, отвлекла его на-время отъ мыслей, занимавшихъ его до-тѣхъ-поръ; но работа Изоры, чисто механическая, не могла произвести на нее такое же дѣйствіе: мало-по-малу, грустныя мысли овладѣли ею: работа выпала изъ рукъ, голова склонилась на грудь, и крупныя слезы повисли на рѣсницахъ. Шамбель, перевертывая листъ, на которомъ писалъ, взглянулъ машинально на Изору; онъ замѣтилъ ея слезы и въ первый разъ еще почувствовалъ въ себѣ раскаяніе и какую-то жалость къ ней. Изора, устыдясь вдругъ своей слабости, приподняла голову; Шамбель принялся опять за свою работу, между-тѣмъ, какъ она, отеревъ слезы, начала снова свое вышиванье.

Одно изъ величайшихъ преимуществъ человѣка пишущаго состоятъ въ томъ, что, кромѣ жизни настоящей, онъ можетъ жить жизнью мечтательною, фантастическою, въ которую углубляется, забывая иногда свои дѣйствительныя горести. Шамбель писалъ скоро и, какъ это часто случается, когда мысли съ быстротою толпятся въ головѣ, шепталъ тихо фразы по мѣрѣ того, какъ писалъ ихъ. Этотъ шопотъ обратилъ на себя вниманіе Изоры; она устремила глаза на мужа, котораго лицо было освѣщено лампою. Сколько разъ, бывало, проводили они такимъ образомъ вмѣстѣ длинныя вечера — онъ за перомъ, она за работой, какъ и теперь; но тогда они были счастливы и безопасно смотрѣли на будущность. Въ эту минуту, Изора забыла все: ей казалось, что она была счастлива, какъ прежде. Вдругъ Шамбель началъ кашлять тѣмъ сухимъ кашлемъ, который такъ часто тревожилъ Изору; въ подобныхъ случаяхъ, она, бывало, вставала тихо, чтобъ не развлечь мужа, и приносила ему стаканъ сахарной воды, который ставила предъ нимъ, и за что мужъ, занятый работою, благодарилъ ее всегда молча нѣжнымъ взглядомъ. Полная

вспоминаній, перенесясь въ прошедшее и забывъ настоящее, Изора встала тихо, приготовила стаканъ сахарной воды, поставила его на столъ, и съѣла на свое мѣсто, ожидая взгляда, который долженъ былъ поблагодарить ее; но взглядъ этотъ не утѣшилъ ея, и въ первый разъ можетъ-быть горестъ, испытанная Изорою, была истинною горестью души, тою горестью, въ которой нѣтъ ни жалобъ, ни угрозъ, ни обвиненій — есть только одно отчаяніе. Въ эту минуту, сердце Изоры дѣйствительно страдало невыразимо, чувствуя, что ей было невозможно удержать слезъ своихъ и рыданій, которыя душили ее. Она встала и ушла въ свою комнату, чтобъ плакать тамъ на свободѣ. Въ эту минуту Шамбель приподнялъ голову и съ жестокостью человека, который не вѣритъ ничему, потому-что самъ обманывается, вставъ со стула, сказалъ: — Слава Богу! комедія кончилась. Терпѣніе ея не могло продолжаться болѣе, и она возвращаетъ мнѣ наконецъ свободу! — Онъ забылъ, какъ опасался скрытныхъ намѣреній жены своей; онъ былъ доволенъ торжествомъ своимъ и гордился имъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, не онъ первый уступилъ: онъ оставался въ комнатѣ до-тѣхъ-поръ, пока оставалась Изора; онъ говорилъ равнодушно о вещахъ постороннихъ и былъ спокоенъ. Довольный самъ-собою, Шамбель вышелъ изъ гостиной и черезъ минуту былъ уже у г-жи де-Моранси.

Но прежде, чѣмъ мы расскажемъ о томъ, что происходило у г-жи де-Моранси, необходимо привести нѣкоторыя обстоятельства, случившіяся въ этотъ же день.

Юлій, отдавая письмо Маргариты г-жѣ Шамбель, думалъ, что уступилъ въ этомъ случаѣ только ея капризу, и потому отвѣтъ, данный ему, когда онъ присылалъ требовать назадъ это письмо, очень удивилъ его. Отказъ возвратитъ письмо заставилъ его бояться, что оно было выманено у него съ какою-нибудь неблагонамѣренною цѣлью. Соображая все обстоятельства, онъ не могъ не сознаться, что во всемъ этомъ было что-то странное. Продолжительное отсутствіе Изоры (онъ раза три прибѣгалъ къ ней, чтобъ переговорить съ нею или отдать записку, но ему отвѣчали всегда, что ея нѣтъ дома), ранній пріездъ г-жи Азѣ, которая казалась сильно-встревоженной, продолжительный разговоръ ея съ графиней, приглашеніе, посланное къ Шамбелю, который заперся съ ними, все это пришло ему на умъ, и онъ сталъ бояться, не было ли замѣшено тутъ письмо Маргариты, которое онъ такъ неосторожно взиралъ г-жѣ Шамбель. Внутреннее чувство говорило ему, что онъ поступилъ дурно, не оправдавъ довѣренности Маргариты, и полагая, что, можетъ-быть, г-жа Шамбель имѣла какую-нибудь непріязнь къ этой молодой дѣвушкѣ, которой вкровителевствовала его тетка, рѣшился признаться

во всемъ графиня и поступила къ ней. Между-тѣмъ, г-жа де-Моранси была одна съ г-жей Азье.

— Какъ, г. Нортонъ не сказалъ тебѣ ничего болѣе? спросила г-жа де-Моранси.

— Ты знаешь аббата Нортона, другъ мой; скажетъ ли онъ когда-нибудь лишнее слово въ подобномъ дѣлѣ? Вотъ собственныя слова его: «Г-жа Шамбель, мы объявимъ мнѣ ничего положительнаго, кажется, обвинивъ вашу приятельницу въ проступкѣ, которому я не вѣрю; но эта женщина ревнива, необузданна, рѣшительна: ее надобно бояться».

— И ничего болѣе? спросила г-жа де-Моранси.

— Это удивляетъ тебя? Сказать между нами, мнѣ кажется, что отъ аббата Нортонъ и этого уже слишкомъ много; заботился ли онъ когда-либо о комъ-нибудь, кромѣ себя одного? Если онъ велѣлъ мнѣ предупредить тебя, то вѣдь мнѣ, что и это сдѣлано изъ какихъ-нибудь личныхъ видовъ.

— О, навѣрное! Но какими образомъ ревность этой женщины въ одинъ день, могла обратиться отъ Маргариты ко мнѣ?

— Вотъ чего г. Нортонъ не сказалъ бы, еслибы даже это и было ему извѣстно.

— Ионъ, сказалъ тебѣ, что не вѣрить обвиненіямъ г-жи Шамбель?

— Ахъ, другъ мой! возразила г-жа Азье съ нетерпѣніемъ:—г. Нортонъ въ ревности онъ играетъ свою роль, и дѣлаетъ очень-хорошо. Мнѣ кажется, за роль, которую онъ предоставляетъ тебѣ, очень-нетрудна: тебѣ остается только вѣрить, что онъ не вѣритъ, и ты можешь смѣло просить у него совѣта, не опасаясь отъ него никакой проповѣди. Не забуди, что онъ тебѣ дужекъ, потому-что Шамбель, не смотря на все свои крики, кажется, не такой человекъ, который могъ бы заставить жену свою замолчать?

— Какія сурія эта женщина! воскликнула г-жа де-Моранси.

— Что имъ дѣлать! замѣтила г-жа Азье:—именно ты, которая грѣшила много, бывають менѣе снисходительны къ слабостямъ другихъ; такова ужъ натура человѣческая, ты не перемѣнишь ее.

Въ эту самую минуту вошелъ Юлій; онъ былъ въ большомъ смущеніи и чрезвычайно обрадованъ присутствію г-жи Азье, которая была всегда очень къ нему ласкова, и мѣла, можетъ-быть, на него виды, которыми онъ, въ простотѣ сердца, не угадывалъ.

— Я пришелъ, сказалъ Юлій:—сообщить вамъ, тетушка, объ одномъ очень-важномъ обстоятельстве, случившемся со мною; мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ.

— Что такое? спросила графиня очень-сухо, не имѣя ни малѣйшей охоты выслушивать разговоры своего племянника.

— Что такое? спросила также г-жа Азье, но только очень-ласково.

— Мне надобно рассказать вамъ со всею подробностію о случившемся, чтобъ вы могли понять, какимъ образомъ я доведу до такой неосторожности, сказалъ Юлій. — Вообразите, вчера г-жа Шамбель...

Имя это подѣйствовало на г-жу де-Моранси какъ талисманъ, и она приготовилась слушать со всевозможнымъ вниманіемъ.

— Ну, что же? г-жа Шамбель... повторила она.

Юлій началъ свой рассказъ, перебиваемый безпрестанно вопросами г-жи де-Моранси, которую г-жа Азье старалась успокоить знаками. Но г-жа де-Моранси, увлекшись чувствомъ ужаса, воскликнула, когда Юлій объявилъ, что отдалъ письмо:

— Несчастный! Ты погубилъ меня!..

Юлій взглянулъ на тетку съ такимъ удивленіемъ, что г-жа Азье поторопилась сказать:

— Вы поступили очень неосторожно, г. Юлій!

— Но какимъ образомъ эта мнимая невинность могла сказать... воскликнула г-жа де-Моранси вѣз себя.

— А что могла она сказать? возразила г-жа Азье. — Перестань, другъ мой, успокойся. Маргарита проступилась. Г. Нортонъ слишкомъ справедливъ, и конечно не выинитъ тебѣ этого въ вину.

Г-жа де-Моранси поняла наконецъ, что гнѣвъ увлекъ ее слишкомъ далеко; она пересилила себя и, обратясь къ Юлію, сказала:

— Но какъ осмѣлился ты принять такое письмо?

— Письмо это было адресовано къ аббату Фортему.

— Зачѣмъ же было отдавать его этой женщинѣ?..

— Дѣло сдѣлано, замѣтила г-жа Азье, все еще опасавшаяся, чтобъ какое-нибудь неосторожное слово графини не открыло Юлію всей истины. — Всѣ эти толки не поправятъ ошибки... Оставьте насъ на минуту однихъ, г. Юлій... Я постараюсь успокоить вашу тетку; оставьте насъ.

Юлій вышелъ.

— Вотъ онъ, эти невинныя монастырки! воскликнула г-жа де-Моранси. — Нищая, которую я приняла къ себѣ въ домъ, съ которою обращалась, какъ съ дочерью, пишетъ къ своему духовнику разныя обо мнѣ мерзости. Ужасный развратъ! Какъ безнравственны нынѣшнія молодыя дѣвушки!..

— Можетъ-быть, замѣтила г-жа Азье: — но это письмо въ рукахъ г-жи Шамбель, и намъ надобно во что бы ни стало овладѣть имъ.

— Какимъ образомъ?

— Предоставь это мнѣ; постарайся успокоиться, и письмо будетъ

завтра у тебя. Позволь мнѣ только поговорить нынче вечеромъ наединѣ съ Шамбелемъ?

— Дѣлай, что хочешь! отвѣчала г-жа де-Моранси.

Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла, когда явился Шамбель.

ХУ.

Послѣ извѣстнаго времени, проведеннаго Шамбелемъ у г-жи де-Моранси, г-жа Азѣ отвела его въ сторону и приступила на счетъ Изоры къ совершенному допросу, на который Шамбель отвѣчалъ сообразно съ тѣмъ, что внушало ему его самолюбіе, т. е., онъ драматизировалъ по-свѣдому объясненіе, бывшее у него съ Изорой, рассказывалъ о ея покорности и кончилъ увѣреніемъ, что сила этого характера, казавшагося столь непреклоннымъ, потому-что никто не смѣлъ противиться ему,—была теперь навсегда сокрушена и уничтожена. Но г-жа Азѣ, хорошо постигнувшая характеръ Шамбеля и Изоры, не вѣрила ни его побѣдѣ, ни ея покорности, и отвѣчала:

— Г-жа Шамбель обманываетъ васъ; эта покорность только притворство, хитрость, съ помощью которой она, конечно, надѣется сдѣлать что-нибудь ужасное.

— Изора вспыльчива, ревнива, но не зла.

— Говорила ли она вамъ о письмѣ, которое выманила у Юлія, не знаю какую цѣною...

Шамбель былъ столько же удивленъ, какъ оскорбленъ этимъ вопросомъ и тономъ, которымъ онъ былъ сдѣланъ.

— Откуда знаете вы, что у нея есть это письмо?

— Что вамъ до того! мы знаемъ—и этого довольно. Но вы, знала, что письмо это у ней въ рукахъ, какъ могли оставить его?

Шамбель закусилъ губы и не отвѣчалъ ни слова г-жѣ Азѣ.

— Письмо это у ней; она бережетъ его и можетъ имъ воспользоваться. Это такое оружіе, которымъ она можетъ легче всего погубить графиню. И послѣ этого вы гордитесь побѣдою, вами одержанною, и вѣрите покорности, къ которой она, кажется, не приучила васъ?

— Но если она откажется отдать мнѣ письмо, вѣдь я не могу же вырвать его силою.

Г-жа Азѣ быстро взглянула на Шамбеля:

— Положимъ, что вы ревнуете и хотите непременно узнать истину; положимъ, что между женою вашею и еще кѣмъ-нибудь существуетъ тайная переписка, которую вы хотите перехватить: неужели подойдете вы къ женѣ своей и станете просить ее выдать эти письма? Вы вѣрно сдѣлаете такъ, какъ дѣлаютъ всѣ мужья; вы изберете удобную минуту, воспользуетесь отсутствіемъ ея и отыщите то, что вамъ надо, хотя бѣ вамъ пришлось разломать замокъ...

Шамбель содрогнулся.

«Что жъ, разве это не правда? разве вы не сделали бы этого? Не такъ ли поступаютъ все мужья? И чтобъ опистн женщины, которая васъ любитъ, не убьютъ вы не сделаете того, что сделали бы для самого-себя? Я не вѣрю этому, не могу вѣрять!»

Шамбель молчалъ.

— Подумайте, продолжала г-жа Азье: — что письмо это нужно вамъ завтра, слышите ли, завтра? Песнь ветра, ударъ, который приготовляютъ, будетъ ужаснассенъ, и тогда все предало!..

Въ этотъ вечеръ Шамбель ушелъ отъ г-жи де-Моранон съ худшими мыслями, чѣмъ песнь первого разговора, который онъ имѣлъ съ двумя двумя женщинами... Тогда, онъ обещалъ томъ-то заставить жену свою молчать, рѣшился прибѣгнуть, если будетъ нужно, даже къ угрозамъ; теперь, онъ согласился унизиться до предствъ самыхъ подлыхъ для похищенія письма.

Въ продолженіи цѣлькхъ двухъ дней не могъ онъ найти ни одного удобнаго случая пробраться въ комнату жены своей, такъ, чтобъ она того не замѣтила, и эти два дня прошли точно такъ, какъ тотъ вечеръ, который мы уже описали. Изора казалась совершенно-покойною и укрѣпляла себя въ этой роли, тѣмъ болѣе, что она не удавалась ей. Мысли ея были все тѣ же: «Я докажу, что», говорила она самой-себѣ, что терпѣніе и хитрость, которыя онъ называли спасительными средствами, ничто болѣе, какъ мечта, и тогда я буду имѣть право разорвать наконецъ цѣвь, которую онъ имѣлъ, имѣть уже не можетъ облегчить!» Шамбель, преследуемый и мучимый безпрестанно графинею и г-жею Азье, не могъ унять ни въ чемъ, Изора джуда не выходила. Наконецъ, однажды ввечеромъ рѣшился онъ прибѣгнуть къ послѣднему предству, и предложивъ жонѣ своей ѣхать съ нею вмѣстѣ въ театръ; усидѣвъ, во и двѣнадцать часовъ нысы, онъ вышелъ изъ комнаты, востышно возвратился домой. Ему не стоило большого труда отворить коммодъ Изоры, который онъ жотя и запирала тщательно, но отъ котораго ключъ притаила всегда въ одно и то же мѣсто, известное Шамбелю; ей ципрѣда не пришла дило въ голову, чтобъ онъ могъ унизиться, когда-нибудь, до такого подлаго поступка; къ-тому жъ, она не имѣла ничего такого, что могла бы скрыть, и съ той минуты, въ которую отдала аббату Форте ну писмо Маргариты, она, какъ-будто забыла о коммодѣ, списавши его.

Шамбель долго не могъ найти этой копии, потому что, перебирая бумагу, онъ обращалъ болѣе всего вниманія на почеркъ; копія эта рава три уже была въ его рукахъ, но онъ всегда откладывалъ ее на сторону, какъ бумагу, писанную Изорой. Наконецъ, раздосадованный неудачею своихъ поисковъ, онъ снова сталъ перебирать всю груду бумагъ, прочитывалъ первыя строки каждой изъ нихъ. Такихъ

то образомъ нашелъ онъ наконецъ письмо Маргариты, которое началъ читать—и не могъ оставить, не прочитавъ до конца.

Конечно, ни графиня де-Моранси, ни г-жа Азье, ни сама Изора, знавшая это письмо, не могли предвидеть той странной перемены, которую оно произвело вдругъ въ Шамбель.

Никогда ни одинъ человекъ не испыталъ такого сладостнаго удивленія, какое овладѣло Шамбелемъ при чтеніи этого мистическаго письма, дышавшаго такою любовью къ нему. Но что же такое былъ онъ, котораго видъ внушалъ столь внезапныя и пламенныя страсти? Что такое была Изора, желавшая приковать его къ цѣпи супружеской жизни, какъ-будто время побѣдъ его уже миновалось? Что такое была сама графиня де-Моранси? Женщина, утратившая свою молодость, старуха, воспользовавшаяся его неопытностью потому только, что онъ не зналъ собственныхъ своихъ достоинствъ. Не былъ ли онъ въ-самомъ-дѣлѣ, какъ говорила Изора, глупцомъ, котораго женщина, искусная въ интригахъ, умѣла опутать своими сѣтями? Не казалось ли ему иногда, что г. Милонъ, самъ уже не молодой человекъ, глядѣлъ съ презрѣніемъ на г-жу де-Моранси, передъ которой онъ, Шамбель, склонялся, какъ передъ идоломъ? И онъ былъ такъ слѣпъ, такъ смѣшонъ, что, вздыхая по старухѣ, не замѣчалъ, рядомъ съ нею, молодой дѣвушки въ полномъ цвѣтѣ красоты и невинности, дѣвушки, дарившей его любовью самую чистую, самую пламенную, самую дѣвственную!

Всѣ усилія Изоры, всѣ ея убѣжденія, всѣ эпиграммы не могли бы въ цѣлый годъ разочаровать Шамбеля на счетъ г-жи де-Моранси: письмо Маргариты съдѣлало это въ нѣсколько минутъ. Тщеславіе сокрушило эту тщеславную любовь, такъ-что Шамбель, возвращаясь къ женѣ, говорилъ самъ себѣ:

«Изора была права: какъ женщина, она по инстинкту догадалась, гдѣ была опасность. Маргарита прежде всего заставила ее ревновать; она поняла любовь, которую я внушалъ, и думала, что я раздѣлялъ эту страсть, достойную меня. Теперь мнѣ понятенъ гнѣвъ ея, когда она узнала, для кого я принесъ ее въ жертву. Изора въ тысячу разъ лучше г-жи де-Моранси, этой женщины, которая способна на все, которая могла съ холоднымъ расчетомъ компрометировать бѣдную, невинную дѣвушку... Но она просто чудовище! И ей-то жертвовалъ я Изорой, которая любитъ меня искренно, и которая, при всей своей вспыльчивости, благородна и великодушна. Нѣтъ, конечно! Я возвращу Изору спокойствіе, разорву связь свою съ графиней и буду такъ искусно обманывать жену на-счетъ Маргариты, что она будетъ наслаждаться полнымъ счастьемъ.

Между-тѣмъ, Изора, оставшись одна, стала сильно беспокоиться отсутствіемъ своего мужа. Куда ушелъ онъ? Зачѣмъ везти ее въ те-

атръ, чтобъ покинуть тамъ одну, тогда какъ она оставляла ему полную свободу располагать всеми часами дня? Не-уже-ли, разрушивъ всю довѣренность, существовавшую между ними, хотѣлъ онъ избавить себя даже отъ обязанностей въжливости, которую люди порядочные всегда сохраняютъ?

Раздраженная и опечаленная такими жестокими предположеніями, она нѣсколько разъ была готова встать и ухъать изъ театра; но тамъ были многіе изъ ея знакомыхъ, которые, казалось, замѣтили ея одиночество; она не хотѣла собственнымъ своимъ смущеніемъ подтвердить ихъ догадки и осталась, стараясь казаться веселою, тогда, какъ внутренно страдала ужасно. Возвращеніе Шамбеля, вмѣсто того, чтобъ успокоить ее, встревожило еще болѣе. Чтѣ, если онъ сядетъ подле нея съ угрюмымъ, скучнымъ видомъ, какъ человѣкъ, которому надобно все:—это будетъ еще хуже, чѣмъ оставить ее совершенно одну.

Но вышло напротивъ: едва явился онъ въ ложу, какъ извинился предъ Изорою въ своей отлучкѣ; онъ сказалъ, что долженъ былъ возвратиться на минуту домой, забывъ, что не отправилъ въ типографію статьи, которая была необходима тамъ и которую онъ долженъ былъ дописать. Послѣ этого сталъ онъ разспрашивать ее о спектаклѣ, былъ веселъ, любезенъ, внимателенъ, почти страстенъ къ ней. Изора, удивленная сначала такимъ обращеніемъ, скоро увлеклась имъ и въ свою очередь была нѣжна и внимательна къ мужу. Не желая отыскивать причины такой перемены, она была довольна ею; въ ней видѣла она какъ-будто тѣнь того счастья, которымъ наслаждалась прежде, и когда, по возвращеніи домой, вниманіе Шамбеля не охладѣло, она невольно подумала: «Не-уже-ли кротость и терпѣніе могли произвести все это?»

Изора и Пьерръ разстались поздно вечеромъ. Едва Шамбель увидѣлъ себя одного въ своей комнатѣ, какъ принялся снова читать письмо, которое въ первый разъ успѣлъ только пробѣжать мелькомъ. Страсть, дышавшая въ этомъ письмѣ, воспламенила Шамбеля: онъ сталъ припоминать черты Маргариты, ея грустную улыбку, ея прекрасные, томные глаза, роскошную талію, стройный станъ—и припоминалъ все это такъ усердно, что по прошествіи нѣсколькихъ часовъ былъ уже страстно влюбленъ въ нее. Убѣжденный въ этомъ, онъ написалъ къ ней письмо самое поэтическое, письмо, которое годилось бы въ любой романъ; оно начиналось такъ:

«Вы любите меня, Маргарита; я знаю это, я убѣдился въ этомъ изъ письма вашего къ аббату Фортену. Вы любите!.. Я... я тоже люблю васъ; но я не смѣлъ признаться въ томъ самому себѣ; я почиталъ безуміемъ волненіе, которое чувствовалъ въ вашемъ присутствіи. Вы казались мнѣ ангеломъ, слетѣвшимъ на землю, ангеломъ, предъ

«которымъ можно было только благоговѣть, но котораго любить было бы слишкомъ дерзко... Вы обратили взоры свои на меня, и я чувствую, что они дали мнѣ новую жизнь, сдѣлали меня лучшимъ, возвысили меня до вѣсь...»

Письмо продолжалось такимъ образомъ и было наполнено самыми темными фразами, въ которыхъ Шамбель старался поддѣлаться подъ истинскій тонъ Маргариты и придать имъ всевозможный пылъ страсти. Онъ желалъ только, чтобъ эта любовь была поддерживаема взаимнымъ обмѣномъ чувствъ самыхъ чистыхъ и святыхъ; ему казалось, что домъ, въ который Маргарита должна была вступить, доставить имъ всѣ средства вести переписку, долженствовавшую сблизить ихъ духовно. Словомъ, все письмо было чрезвычайно-смѣшно; но оно могло произвести сильное впечатлѣніе на такое неопытное и восторженное сердце, какъ сердце Маргариты, расположенное уже къ любви самой страстной.

Чтобъ не вѣрять никому своей тайны, Шамбель рано утромъ отправился самъ съ письмомъ въ Монастырь * * *, гдѣ была Маргарита. Взглядъ, брошенный на него привратницею, заставилъ его на минуту опасаться, дойдетъ ли письмо по адресу; однакожь онъ подалъ его, сказавъ:

— Дзвиць Маргаритъ.

Привратница взяла письмо, взглянула на адресъ, и посмотрѣвъ потомъ внимательно на молодого человѣка, спросила:

— Отъ кого?

— Отъ аббата Нортонъ, отвѣчалъ Шамбель, воображивъ, что такое почтенное имя отвратитъ всѣ подозрѣнія.

— Хорошо, сказала привратница: — письмо будетъ доставлено,

Шамбель, довольный успѣхомъ, возвратился домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа, давъ себѣ слово быть съ Изорой ласковымъ и нѣжнымъ. Но въ ту самую минуту, какъ онъ подходилъ къ дому, ему подали записку отъ г-жи де-Моранси, которая писала, что ожидаетъ его къ себѣ. Шамбель, однакожь, не пошелъ; онъ не хотѣлъ пропустить утра безъ того, чтобъ не повидаться съ Изорой, и отправился къ ней. Изора была грустна и спрашивала самоё-себя, не былъ ли весь вчерашній день спомъ сладостнымъ, но обманчивымъ? Она стерегла возвращеніе Шамбеля, зная, что за нимъ нѣсколько разъ уже присылали отъ г-жи де-Моранси, и думала, что онъ немедленно отправится туда; когда же она увидѣла, что онъ шелъ прямо къ ней, чувство радости и счастья проникло въ ея сердце. Онъ вошелъ въ комнату, и она, съ нѣжностью, почти со слезами притянувъ ему руку, сказала:

— Благодарю, благодарю тебя, другъ мой!

Шьерръ поцаловалъ ее и, проницательный чувствомъ самодовольствія, подумалъ:

— Не глупъ ли я былъ, что подвергалъ себя жестокимъ сценамъ, ревности, гнѣву потому только, что хотѣлъ въ глазахъ жены имѣть связи съ другою женщиной?.. Боже мой! надобно только умѣть распорядиться; надобно выбрать предметъ своей любви подалѣе и — все пойдетъ прекрасно, и при сердечныхъ наслажденіяхъ сохранится домашній миръ.

Довольный самимъ собою, Шамбель былъ чрезвычайно-любезенъ съ женой и остался съ нею завтракать. Между тѣмъ, г-жа де-Моранси, узнавъ о возвращеніи Шамбеля и видя, что онъ не явился, дошла до такой степени раздражительности, что не помнила себя... Скоро пришли сказать Шамбелю, что Юлій дожидался его въ кабинетъ, и Шьерръ отправился туда очень-неохотно.

— Г. Шамбель, сказалъ ему Юлій: — тетюшка желаетъ говорить съ вами; не знаю, что съ нею случилось, но она чрезвычайно встревожена; съ нею были даже нервическіе припадки... Даже г-жа Азѣ очень безпокоится за нее.

— Не было никакого средства отдѣлаться, и Шамбель воротился сказать Изоръ, что ему тотчасъ же надобно вхатъ... Это извѣстіе очень огорчило Изору, увѣренную, что онъ шелъ къ г-жѣ де-Моранси.

Шамбель отправился вмѣстѣ съ Юліемъ, который оставилъ его у двери. Когда Шамбель вошелъ въ гостиную графини, она стояла у камина въ сильномъ волненіи, а г-жа Азѣ сидѣла въ углу съ какимъ-то угрожающимъ видомъ.

— Право, воскликнула г-жа де-Моранси, увидѣвъ Шамбеля: — вниманіе ваше ко мнѣ безгранично... Я не имѣла чести видѣть васъ вчера въ продолженіе цѣлаго дня, и нынѣ утромъ, поспѣвая къ вамъ нѣсколько разъ, не могла добиться, чтобъ вы пожаловали...

— Ивинните, графиня, дѣла...

— Да, эти дѣла состоятъ въ томъ, чтобъ везти г-жу Шамбель въ театръ и нѣжничать съ нею въ ложъ, подобно страстному голубку.

— Графиня! воскликнулъ Шамбель съ гордостью.

— Предупреждаю васъ, сударь, что вы были очень-смѣшны.

— Я не полагаю, графиня, отвѣчалъ Шамбель торжественнымъ тономъ: — чтобъ доброе согласіе между мужемъ и женою могло показаться смѣшнымъ.

— Въ такомъ случаѣ, комедія была разыграна прекрасно, потому что все были тронуты ею.

— Потому что это, можетъ статься, не было комедіей.

При этомъ поразительномъ словѣ, г-жа де-Моранси и г-жа Азѣ взглянули другъ на друга съ невыразимымъ удивленіемъ. Нѣ-

сколько минутъ съ мной; и наконецъ г-жа Азье встала, подошла къ графинѣ и, взявъ се за оба руки, сказала со слезами:

— Я предаю вамъ себя, бедный другъ мой; ты слишкомъ благородна, и можешь бороться съ такою женщиною, какъ г-жа Шамбель.

— Г-жа Шамбель — женщина, достойная всякаго уваженія! воскликнула Шамбель, который не былъ, какъ прежде, расположенъ сносить терпливо дерзкія выходки г-жа Азье.

Это превзошло все, чего могла ожидать г-жа де-Моранси, и она возразила задыхающимся отъ гнѣва голосомъ:

— Не потому ли сдѣлалась она вдругъ достойна такого уваженія, что выучилась перекладывать и читать чужія письма?

— Другъ мой! воскликнула г-жа Азье: — ради Бога, успокойся; это не могло быть иначе; эта женщина торжествуетъ; уснувъ заставить его жениться, она успѣла заставить его сказать что-нибудь еще хуже.

— Г-жа Шамбель, возразилъ Пьерръ: — не дала мнѣ ни дурныхъ, ни хорошихъ свѣдѣній, сударыня; она смѣшалась; и если горсть ея обнаружилась въ первые минуты сѣансовъ явно; то ни кто и въ вѣкъ не можетъ обвинять ея за это строго. Но размысливъ хорошенько о томъ, что вы предложили мнѣ, трюфни, я убѣдился, что еще болѣе для васъ, чѣмъ для меня, мы должны...

Шамбель остановился, не зная какъ кончить фразу... Грозный и надменный видъ г-жи де-Моранси, устремленный на него, заставить его несколько смириться.

— Очень жалко, сказала она: — что вы такъ долго не могли понять, какъ стыдлится я сама слабости, которая могла погрязнуть честь мою.

— Я, по крайней мѣрѣ, она славилъ темъ, что помалку его наконецъ, возразилъ Шамбель раздосадованный, явля, что предложеніе его было принято такъ скоро и бавъ всякъхъ криковъ.

— Дай Боги, чтобы это было не правдо, и чтобы я не имѣла причины проклинать васъ!.. сказала г-жа де-Моранси, заглаживая гнѣвъ злости. — У васъ ли наконецъ это прямо?

— Я читала его; въ немъ нѣтъ ничего такого, что могло бы компрометировать васъ.

— Я разсужу объ этомъ сама и лучше васъ, когда вы отдадите мнѣ письмо.

— Письмо это принадлежит не мнѣ, отвѣчалъ Шамбель, принявъ на себя важный видъ.

— Но г-жа Шамбель читала его, вы также, а я, обвиняемая въ чемъ, не могу этого сдѣлать! Право, вы становитесь слишкомъ самонадеянными!

— Это письмо, графиня, отъ началъ Шамбель, пародируя слова, сказанныя ему Изорой въ подобномъ же случаѣ:—это письмо заключаетъ въ себя тайну, принадлежащую одной Маргаритѣ...

— И г. Шамбелю съ супругой! воскликнула г-жа де-Моранси съ гнѣвомъ.—Отдадите ли вы мнѣ это письмо?

— Нѣтъ, графиня.

— Да ты видишь, другъ мой, что у него нѣтъ письма: онъ не смѣлъ взять его, сказала г-жа Азье.

— Я сдѣлалъ то, что следовало сдѣлать, сказалъ Шамбель:—я не могу и не долженъ отдать вамъ это письмо.

Г-жа де-Моранси взглянула на Шамбеля, и, не произнеся ни одного слова, повелительно показала ему на дверь. Шамбель поклонился и вышелъ.

Минуту спустя, Юлій постучался въ дверь и, въроятно, думая сообщить г-жѣ де-Моранси пріятную новость, сказалъ:

— Г-жа Шамбель два дня тому назадъ отдала письмо Маргариты аббату Фортену у г. Нортонна.

— Два дня назадъ! замѣтила г-жа Азье.—Следовательно, Шамбель не могъ читать его.

— Ахъ! воскликнула г-жа де-Моранси: — я вижу, что во всемъ этомъ скрывается противъ меня какой-нибудь ужасный замыселъ!

XVІ.

Возвращеніе Шамбеля домой было для Изоры новымъ торжествомъ; выраженіе гнѣва и презрѣнія, сохранившагося на лицѣ его, ясно доказывало, что чувства эти относились къ тѣмъ, съ кѣмъ онъ только-что разстался. Прошло нѣсколько дней, и ничто, казалось, не возмущало новаго счастья, которымъ наслаждалась Изора.

Шамбель выходилъ, однакожь, часто со двора; отсутствіе его всегда было продолжительно, и когда онъ возвращался, въ немъ всегда было замѣтно какое-то безпокойство, которое Изора толковала по-своему. Она не сомнѣвалась, что г-жа де-Моранси, возбужденная тѣмъ, что была такъ скоро оставлена, старалась вредить Шамбелю въ мнѣніи г. Нортонна, который, въроятно, не оказывалъ ему уже такого вниманія, какъ прежде; но она равно обманывалась и насчетъ расположенія аббата, и насчетъ настоящихъ причинъ безпокойства Шамбеля.

Въ-самомъ-дѣлѣ, вотъ что происходило на другой день послѣ разрыва между Шамбелемъ и г-жею де-Моранси, разрыва, который, сказать правду, потому только не встрѣтилъ большихъ препятствій, что обѣ стороны равно желали его. Г-жа де-Моранси была пріучена къ интригамъ болѣе-спокойнымъ, чѣмъ та, въ которую она такъ неосторожно замѣшалась, и соперницы, подобныя г-жѣ Шамбель, наво-

дали на нее безосишницу, лишившую ее связести лица и следовательно последних остатковъ красоты. Она воспользовалась первою возможностью, чтобъ прекратить эту связь; но какъ женщина умная и осторожная, она не хотѣла оставить въ чужихъ рукахъ документа, который обвинялъ ее и которымъ могли бы воспользоваться въ-послѣдствіи.

Между-тѣмъ, противорѣчіе, замѣченное ею въ томъ, что сказалъ Шамбель, и что, по словамъ Юлія, говорила Изора, поставяло ее въ величайшее недоумѣніе. Шамбель увѣрялъ, что читалъ письмо, а Изора сказала, что письмо это было отдано аббату Нортону гораздо прежде, чѣмъ г-жа Авь открыла Пьерру о его существованіи. Оставалось одно средство узнать, ктоизъ нихъ солгалъ, кто говорилъ правду—спросить Нортонъ; а какъ послѣдніе переговоры г-жи Авь съ почтеннымъ аббатомъ не имѣли желаемого успѣха, то г-жа де-Моранси рѣшилась сама идти къ Нортону въ той увѣренности, что никто не можетъ обдѣлать такъ хорошо собственныхъ ея дѣлъ, какъ она сама.

Г. Нортонъ и съ графинею де-Моранси поступилъ точно такъ же, какъ съ г-жею Шамбель: и она также должна была дожидаться своей очереди; въ этомъ отношеніи, почтенный аббатъ никогда не отступалъ отъ своего правила. Г-жа де-Моранси знала это, но думала, что, предупредивъ Нортонъ запиской о необходимости видѣть его скорѣе, онъ прийметъ ее тотчасъ, однакоже ошиблась и была принуждена дожидаться. Приѣмная зала Нортонъ была въ этотъ день наполнена множествомъ посѣтителей, и г-жа де-Моранси, желая узнать, сколько человекъ были записаны выше ея, велѣла подать себѣ реестръ; имя ея было семнадцатымъ; ему предшествовало имя другой дамы, г-жи Б... настоятельницы *** монастыря, гдѣ была Маргарита. Г-жа де-Моранси, не предвидя того, что она могла выиграть отъ этой случайной встрѣчи, обрадовалась ей и рѣшилась сблизиться съ настоятельницею хоть для того, чтобъ въ разговоръ ея чѣмъ-нибудь убить скучное время ожиданья. Она нашла настоятельницу въ одномъ углу передней, гдѣ добрая старушка, перебирая свои четки, бормотала потихоньку молитвы.

— Извините меня, если я прерву ваши благочестивыя занятія, сказала ей г-жа де-Моранси: — но мнѣ кажется, что я имѣю честь говорить съ настоятельницею монастыря ***.

— Точно такъ, сударыня.

— Кажется, г. Нортонъ помѣстилъ въ вашъ монастырь молодую дѣвушку, которой онъ покровительствуетъ и которую зовутъ Маргаритой?

— Вы ее знаете? спросила довольно-холодно настоятельница.

— Къ-несчастію: я графиня де-Моранси, у которой она ждала нѣсколько времени.

Это «къ-несчастію» произвело ожидаемое дѣйствіе. Настоятельница подвинула стулъ, чтобъ дать подлѣ себя мѣсто графини.

— Я знаю, графиня, сказала она: — что вы принесли къ себѣ эту дѣвицу, она вѣрно надѣлала вамъ много хлопотъ.

— Изъ дружбы къ г. Нортону согласилась я взять ее къ себѣ; но вы знаете, какъ трудно усмотрѣть за молодыми дѣвушками, и я была принуждена просить аббата помѣстити ее въ какой-нибудь другой домъ, гдѣ за нею могла бы наблюдать строже.

— Развѣ вы имѣли причину быть ею недовольны?

Графиня подняла глаза къ небу и сказала таинственно:

— Я пришла къ г. Нортону за тѣмъ, чтобъ поговорить о ней.

— Я здѣсь за тѣмъ же, отвѣчала настоятельница съ глубокимъ вздохомъ.

— Боюсь, замѣтила графиня: — что благодарнія г. Нортону, дурно вознаграждаются...

— Я также.

— Жаль! воскликнула г-жа де-Моранси съ приторною грустью.

— Извините меня, графиня, если я сдѣлаю вамъ одинъ вопросъ: не принимали ли вы у себя въ домѣ какаго-то г. Шамбеля?

Это имя заставило г-жу де-Моранси содрогнуться: она спрашивала самоё-себя, какимъ образомъ оно могло съдѣлаться извѣстнымъ даже въ монастырѣ, и являлась немъяснимый страхъ. Однакожъ она скоро оправдалась, вспомня, съ какимъ искусствомъ вела дею интригу и какъ довко умѣла обратить подозрѣніе на Маргариту. Если даже Изора могла обмануться, то почему же другіе не могли обмануться такъ же, какъ Изора? Все это успокоило ее, и она отвѣчала:

— Да, я принимала его. Г. Шамбель одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ журнала г. Нортонъ, который покровительствуетъ ему.

— Въ такомъ случаѣ, г. Нортонъ очень дурно награждаетъ за своимъ благодѣіемъ. Вообразите, что этотъ г. Шамбель имѣлъ дерзость писать къ дѣвицѣ Маргаритѣ, и всего страннѣе то, что г. аббатъ Фортенъ, кажется, согласился быть повѣреннымъ ихъ любви.

Г-жа де-Моранси рѣшительно ничево не кончила: ей никогда не приходило въ голову, чтобъ Шамбель могъ быть влюбленъ въ Маргариту, а внимательство въ это дѣло аббата Фортенъ назалось ей совершенною нелѣпостью. Она взглянула однакожъ на настоятельницу, какъ будто желая увѣриться, точно ли она сказала то, что ей слышалось.

— Такая дерзость и такой развратъ удивляютъ васъ, графиня? — сказала настоятельница.

— Признаюсь, вы чрезвычайно удивили меня.

— Но не сказали ли вы мнѣ сію минуту, что сами пришли жаловаться на нее г. Нортону?

— Да, отвѣчала г-жа де-Моранси, не зная, что все это значило, но догадываясь, по доверчивому тону старухи, что она не могла имѣть никакихъ насчетъ ея подозрѣній:—да... не это совсѣмъ другое...

— Право? воскликнула настоятельница: — такъ эта дѣвушка совсѣмъ погибъшала...

— Къ-несчастію, такъ!.. сказала г-жа де-Моранси со вздохомъ:—я думаю... я боюсь, не оклеветала ли она самымъ подлымъ образомъ одну женщину, которая, конечно, выше всякихъ подозрѣній; но..

— А! воскликнула настоятельница: — вы объясняете мнѣ теперь нѣсколько писемъ г. Шамбеля; онъ увѣряетъ Маргариту, что она ошибалась, полагая, будто онъ былъ влюбленъ въ женщину недостойную даже малѣйшаго сравненія съ нею.

Г-жа де-Моранси судорожно сжала руки, какъ-будто хотѣла удавить Шамбеля и Маргариту. Настоятельница продолжала:

— Въ женщину, которой безстыдное кокетство заставляло его тысячу разъ краснѣть...

— Прозрѣнный! прошептала тихо г-жа де-Моранси.

— Я постигаю ваше негодованіе, графиня, если женщина эта принадлежитъ къ числу вашихъ пріятельницъ; но думаю, что во всякомъ случаѣ ей ненужно разсказывать о томъ, съ какимъ презрѣніемъ о ней отзываются.

Гнѣвъ и ярость г-жи де-Моранси были такъ сильны, что она совершенно забыла о томъ, съ какою цѣлью заговорила съ г-жею Б... продолжавшею между-тѣмъ исчислять все дерзости, которыми было наполнено письмо. Наконецъ, мысль о мщеніи запаала въ сердце графини, и чтобъ не упустить его изъ рукъ своихъ, она рѣшилась дѣйствовать хладнокровно.

— И вы перехватили это письмо?

— Я читала его, потому-что это моя обязанность, отвѣчала настоятельница съ важностью:—а такъ-какъ дѣвица Маргарита не принадлежитъ къ нашему монастырю, то я пришла просить г. Нортонна положить конецъ такому соблазну. Но я боюсь, что мнѣ нельзя будетъ дожидаться г. аббата; священныя обязанности моего званія призываютъ меня, и мнѣ нельзя оставаться здѣсь долго.

— Завтра будетъ опять то же, что сегодня; у г. Нортонна всегда такъ много посѣтителей и такъ много важныхъ дѣлъ, что ему невозможно оставить ихъ для того, чтобъ заняться такими бездѣлицами, какъ тѣ, которыя привели насъ сюда.

— Отъ-чего-то, графиня, я и рѣшилась подождать еще немного; если черезъ часъ г. Нортонъ не пріиметъ меня, то я возвратнусь до-

мой и пошлю къ нему письмо, объяснивъ въ особомъ письмѣ причину моего посѣщенія.

— Прежде васъ записано болѣе десяти человекъ, и врядъ ли г. аббатъ успѣетъ отдѣлаться отъ нихъ въ часъ; я увѣрена, что вы прождете напрасно; во всякомъ случаѣ, вы можете написать вашу записку здѣсь, и я берусь отдать ее вмѣстѣ съ письмомъ г. Нортону, котораго дождусь непременно.

— О очень вамъ благодарна, графиня, за ваше предложеніе, сказала настоятельница и встала, чтобъ написать записку.

— Если вамъ угодно, то я могу лично объяснить аббату цель вашего посѣщенія.

— Еще болѣе буду вамъ благодарна; однакожь, во всякомъ случаѣ мнѣ надобно написать ему.

Настоятельница написала записку; но, къ величайшей досадѣ графини, запечатала ее вмѣстѣ съ письмомъ въ конвертъ, который и подала ей.

Все это было сдѣлано въ-присутствіи двадцати человекъ, такъ-что графиня не оставалось никакой возможности сорвать печать и прочитать письмо, которое жгло ея пальцы. Нѣсколько разъ хотѣла она выйдти, чтобъ сдѣлать это; но настоятельница, уходя, сказала камердинеру Нортону:

— Скажите г. аббату, что мнѣ нельзя было дожидаться долѣе, во что я поручила графиню де-Моранси отдать ему письмо, которое привезла съ собой.

Богъ-знаетъ, что заставило старушку распорядиться такимъ образомъ — предосторожность, или аккуратность; какъ бы то ни было, но это обстоятельство положило предѣлъ пламенному любопытству графини де-Моранси, и она должна была дожидаться цѣлые два часа съ письмомъ въ рукахъ. Но эти два часа дали ей время обдумать все хорошенько и составить планъ дѣйствованія въ-отношеніи къ г. Нортону. Наконецъ, очередь ея настала. Камердинеръ аббата, докладывая о графиню де-Моранси, повторилъ слово-въ-слово сказанное ему настоятельницею, такъ-что графиня не имѣла никакой возможности не отдать письма; но она была жеманна догадливая и положила письмо въ карманъ, для того, чтобъ достать его тогда только, когда это будетъ совершенно необходимо.

Г. Нортонъ принялъ г-жу де-Моранси очень-ласково и подалъ ей стулъ.

— Чтобъ начать по порядку, къ которому я привыкъ, позвольте мнѣ просить васъ, графиня, сказать мнѣ прежде всего о томъ, зачѣмъ была здѣсь настоятельница монастыря . . . , и отдать мнѣ ея письмо, а потомъ мы перейдемъ къ тому, что касается собственно до васъ.

— Можетъ-быть, вы поймете лучше цель посѣщенія г-жи Б. . . .

когда узнаете причину моего визита, отвѣчала г-жа де-Моранси сухо.

Аббатъ Нортонъ, бросивъ на нее взглядъ судья, приготовляющаго рѣшить участь обвиняемаго, возразилъ съ холодностью:

— Извольте; я слушаю.

— Правда ли, г. аббатъ, что три дня тому назадъ г-жа Шамбель отдала, въ вашемъ присутствіи, аббату Фортену письмо отъ Маргариты?

— Правда.

— И вы знаете содержаніе этого письма?

— Оно было адресовано не ко мнѣ, и я не читалъ его.

— Оно заключало въ себѣ самое подлое противъ меня обвиненіе.

— Можетъ-быть; не знаю.

— Однакожь то, что вы поручили г-жѣ Азбѣ сказать мнѣ, доказываетъ, что вы знали объ этомъ обвиненіи.

— Мнѣ показалось, что въ словахъ г-жи Шамбель скрывалось какое-то недоброжелательство къ вамъ, какое-то обвиненіе, и, какъ другъ графа де-Моранси, я считалъ обязанностью предупредить васъ объ этомъ.

— Покорно благодарю. Но это обвиненіе, которое вы только подозревали въ словахъ г-жи Шамбель, изложено прямо въ письмѣ Маргариты къ г. Фортену, и я пришла просить васъ кончить это дѣло.

— Какимъ образомъ могу я его кончить?

— Г. Шамбель обязанъ вамъ вѣстимъ, что онъ есть, а Маргарита находится въ совершенной отъ васъ зависимости, и я думаю, что если вы только захотите, то можете найти средство прекратить эту непріятную исторію.

— Графиня! я считаю неприличнымъ для себя вмѣшиваться въ такое дѣло, въ которомъ только и рѣчи, что о перехваченныхъ письмахъ и обвиненіяхъ... Я не осуждаю никого, но не могу также никого и оправдывать.

— И такъ, воскликнула г-жа де-Моранси съ негодованіемъ: — вы просили меня дать Маргаритѣ убѣжище въ моемъ домѣ и находите теперь очень-справедливымъ, чтобъ въ благодарность за это она такъ подло клеветала на меня?

— А развѣ она на васъ клеветаетъ? спросилъ Нортонъ.

Слова эти были сказаны такимъ страннымъ, такимъ двусмысленнымъ тономъ, что г-жа де-Моранси не знала, какъ припятъ въ — за эпиграмму, или за простой вопросъ. Она помолчала съ минуту и потомъ продолжала:

— Впрочемъ, Маргаритѣ, кажется, скорѣе надобно было бы защищаться самой отъ любви г. Шамбеля, чѣмъ приписывать ее другимъ.

— Да, г-жа Шамбель такъ думала, замѣтилъ г. Нортонъ, уди-

вленный словами графини, по сохранившей всю свою холодность и безстрастие.

— И думала очень-справедливо, потому-что г. Шамбель въ перепискѣ съ Маргаритой.

— Право? Я рѣшительно ничего не знаю объ этомъ, точно такъ же, какъ не знаю, что содержитъ въ себѣ письмо ея къ г. Фортену.

— Въ такомъ случаѣ, я объявляю вамъ это, и вотъ именно то, что г-жа Б... поручила мнѣ сказать вамъ...

— Вручивъ вамъ для передачи мнѣ письмо Маргариты.

— Нѣтъ, г. аббатъ, отдавъ мнѣ письмо г. Шамбеля къ Маргаритѣ...

— Котораго она не получила, сообразно съ правилами монастыря? Въ такомъ случаѣ, бѣда еще не такъ велика. Шамбель вѣтренникъ!

— Шамбель подлець! воскликнула г-жа де-Моранси съ запальчивостью.

— Конечно, г. Шамбель поступаетъ дурно: будучи женатъ, онъ измѣняетъ женѣ своей и любитъ другую женщину; но онъ еще такъ молодъ...

— Въ такомъ случаѣ, возразила г-жа де-Моранси, стиснувъ отъ ярости зубы: — я считаю обязанностью предупредить г-жу Шамбель о недостойномъ поведеніи ея мужа.

— Вы можете сдѣлать это лучше, чѣмъ кто-нибудь, замѣтилъ г. Нортонъ.

Г-жа де-Моранси вскочила и, взглянувъ на аббата гордо, сказала ему:

— Вы поняли меня очень-хорошо, г. аббатъ; но и я также поняла васъ. Вижу, что напрасно обращалась къ вамъ, и потому предупреждаю васъ, что сама буду умѣть защитить себя.

Сказавъ это, она поспѣшила къ двери и скрылась, между-тѣмъ, какъ аббатъ Нортонъ, идя за нею, кричалъ:

— Графиня! графиня! вы забыли о письмѣ настоятельницы!..

Нѣтъ, она не забыла объ этомъ письмѣ, и потому именно, что во время вспомнила о немъ, прибѣгнула къ этому трагическому выходу, который оставилъ аббата въ недоумѣніи о томъ, что бы она сдѣлала, еслибъ не была увлечена гнѣвомъ.

Свѣвъ въ карету, г-жа де-Моранси могла прочесть наконецъ это знаменитое письмо, начинавшееся такъ: «Вы любите меня, Маргарита; я знаю это... и проч.» И такъ, Шамбель читалъ письмо Маргариты; но письмо это было вручено г. Фортену прежде, чѣмъ Шамбель могъ найдти его; слѣдовательно, онъ прикидывался влюбленнымъ въ графиню де-Моранси, зная уже о страсти, которой былъ предметомъ... Все это было такимъ хаосомъ, въ которомъ г-жа де-Моранси рѣшительно ничего не понимала, потому-что ей не приходило даже въ

голову, чтобъ г-жа Шамбель могла списать копию съ письма Маргариты.

Какъ бы то ни было, но все это не могло не взбѣсить ея; но когда она дошла до фразъ, относящихся собственно къ ней, хоть имя ея и не упоминалось, тогда едва не задохнулась отъ ярости: ни что не могло сравниться съ тономъ поэтического презрѣнія, съ каковымъ Шамбель доказывалъ невозможность любви своей къ ней, — любви, которую онъ называлъ даже смѣшною.

Одна мысль, одно чувство овладѣло всею душою г-жи де-Моранси: мщеніе, — мщеніе противъ Шамбеля, противъ Изоры, противъ Маргариты и даже противъ аббата Нортонна. Она хотѣла поразить ихъ всѣхъ однимъ ударомъ. Наконецъ, послѣ долгихъ размышленій, послѣ яростныхъ порывовъ гнѣва, послѣ всевозможныхъ угрозъ, напала она на нить, долженствовавшую служить ей путеводителемъ въ мрачномъ лабиринтѣ ея замысловъ, которыхъ она рѣшилась не ввѣрять даже своей милой г-жѣ Азѣ.

Возвратясь домой, она приказала отказывать всѣмъ, заперлась въ своей уборной вмѣстѣ съ горничною, и черезъ два часа явилась въ гостиную, гдѣ г-жа Азѣ ожидала ее вмѣстѣ съ Юліемъ.

Удивленіе ихъ было невыразимо; некогда нарядъ болѣе кокетливый не возвышалъ до такой степени красоту г-жи де-Моранси. Въ тридцать-восемь лѣтъ (только одна г-жа Шамбель имѣла право давать ей сорокъ-пять лѣтъ) графиня была еще очень-хороша собою; а теперь казалась восхитительной, свѣжей, почти молодой. Она быстро прошла черезъ гостиную, и не отвѣчая на вопросы слѣдовавшихъ за нею съ удивленіемъ, сошла съ лѣстницы, сѣла въ карету, и сказала кучеру:

— Къ герцогу В.....



XVII.

Да позволено намъ будетъ не рассказывать въ подробности визита, сдѣланнаго г-жею де-Моранси герцогу В..... Мы сообщимъ только результатъ этого посѣщенія. Въ этой исторіи старались мы представить очеркъ нѣсколькихъ характеровъ, дѣйствительно-существовавшихъ, и не имѣли намѣренія приводить сцены, подобныя тѣмъ, которыя встрѣчаются въ извѣстномъ романѣ: «Опасныя Связи» (*Les Liaisons Dangereuses*); пѣль, которую мы предположили себѣ, не требуетъ этого, и потому, пропустивъ нѣсколько дней, перенесемъ мѣсто дѣйствія въ домъ г-жи Шамбель.

Разрывъ Шамбеля съ г-жею де-Моранси не былъ подверженъ никакому сомнѣнію, и не смотря на это, безпокойство его съ каждымъ днемъ становилось замѣтнѣе; онъ старался сблизиться съ Маргаритой, но видя, что всѣ усилія были напрасны, грустилъ и

отчаявался. Что касается до Изоры, она продолжала приписывать эту грусть причинѣ, о которой мы уже упоминали, и, не желая оставлять долге всей ея тяжести на долю мужа, рѣшилась наконецъ приступить къ объясненію.

— Пьерръ! сказала она ему однажды: — если какіе-нибудь неблагонамѣренные люди стараются вредить тебѣ въ мнѣніи господина-Нортонна и лишить выгоду, доставляемыхъ тебѣ его покровительствомъ, то не надобно слишкомъ этимъ огорчаться. Состояніе мое, которое вмѣстѣ и твое, позволить намъ всегда жить прилично, а если намъ и придется отказаться нѣсколько отъ той роскоши, къ которой мы привыкли, благодаря твоей неутомимой дѣятельности по редакціи значительнаго журнала, — въ этомъ нѣтъ еще большой бѣды. Только тотъ силенъ, кто не имѣетъ ни въ комъ надобности. Если же найдутся люди, которые станутъ говорить, что ты остановился на своемъ литературномъ поприщѣ, докажи имъ противное, подаривъ свѣту сочиненія лучше-обдуманная и болѣе-долговѣчныя, чѣмъ та ежедневная полемика, въ которой притупляются умы самые возвышенные.

На это Шамбель отвѣчалъ, что Изора безпокоилась напрасно, что никогда отношенія его къ г-ну Нортону не были лучше теперешнихъ, и что если онъ казался грустнымъ и печальнымъ, такъ это отъ его болѣзненнаго состоянія и отъ увѣренности, что здоровье его было сильно разстроено.

Отвѣтъ Шамбеля огорчилъ Изору. Между грустію, которая дѣлаетъ насъ больными, и болѣзнію, которая дѣлаетъ грустными, такая большая разница, что Изора не могла ошибиться. «Не-ужь-ли онъ такъ искренно любилъ эту женщину, что разрывъ съ нею можетъ сильно огорчать его?» думала она. «Онъ всегда разсѣянъ, всегда задумчивъ, даже и тогда, когда говорить со мною; не-уже-ли сердце его осталось съ нею?» Въ-самомъ-дѣлѣ, права супруги были удовлетворены, но сердце ея не получило ничего. Пьерръ не оскорблялъ ея болѣе, но любовь его осталась у той женщины, которую онъ покинулъ. Часто бываетъ, что мы жалѣемъ, зачѣмъ не существуютъ тѣ вины и проступки, которые оставляли намъ, по-крайней-мѣрѣ, какую-нибудь надежду... Недѣлю назадъ, Изора была только обманываема, теперь же начинала чувствовать, что не была уже любима. Къ-тому же, знала ли она какимъ образомъ послѣдовалъ этотъ разрывъ? Не былъ ли онъ слѣдствіемъ убѣжденій аббата Фортена и совѣтовъ аббата Нортонна? Не уступалъ ли въ этомъ случаѣ Шамбель болѣе чужому вліянію, чѣмъ собственнымъ своимъ чувствамъ?

Всѣ эти размышленія разрушали радость, которую доставляло Изорѣ торжество ея, и тихая грусть заступила мѣсто тѣхъ криковъ

и ссоръ , которыхъ домъ Шамбеля еще такъ недавно былъ театромъ .

Однажды, вечеромъ, Изора, оставшись одна послѣ объѣда, ушла къ себѣ въ комнату въ самомъ грустномъ расположеніи духа; она спрашивала у самой-себя, не было ли счастье, какъ и честь, убъжищемъ, въ которое нельзя ужь возвратиться , если хоть разъ покинешь его? Въ-самомъ-дѣлѣ , разсудокъ и покорность судьбѣ могутъ поддерживать нашу твердость ; но сердце, лишенное однажды вѣры, не можетъ уже возвратиться къ ней, и счастье дѣлается мечтою! Преданная этимъ грустнымъ мыслямъ, Изора сидѣла молча и невольно переносилась къ прошедшему, когда ей доложили объ аббатѣ Фортенѣ. Она обрадовалась этому гостю, какъ послѣдней надеждѣ; но видѣ аббата разрушилъ эту радость: онъ былъ мраченъ, и лицо его выражало какую-то строгость, которая не была отличительною чертою его характера. Когда онъ вошелъ, Изора сказала ему тономъ, въ которомъ выражалась глубокая грусть:

— Вы дали мнѣ слово прійти... Благодарю васъ, какъ за ваши посѣщенія, такъ и за добрые совѣты, которые вы мнѣ подали.

— Судя по тому, что я вижу, они, кажется, принесли горькіе плоды.

— Нѣтъ, г. аббатъ , отвѣчала Изора: — я не имѣю уже никакой причины жаловаться ; разсудокъ побѣдилъ заблужденіе ; каждый обратился къ своимъ обязанностямъ, и мнѣ остается только надѣяться... если надежда можетъ еще быть моимъ удѣломъ.

Эта грусть, полная смиренія, удивила аббата; онъ спросилъ :

— Отъ-чего же вы такъ грустны послѣ такой побѣды ?

Съ минуту Изора какъ-будто колебалась отвѣчать, однакожъ, рѣшилась наконецъ вѣрить аббату страданія души своей и сказала :

— Не-уже-ли сердце его осталось у этой женщины ? А если оно осталось не съ нею, то гдѣ же оно ? Ко мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, оно не возвратилось.

— Какъ , вы не подозреваете ? воскликнулъ аббатъ съ удивленіемъ.

Она вскочила, и въ глазахъ ея зажегся лучъ той пылкости, которую аббату Фортену было такъ трудно умѣрить за нѣсколько дней предъ тѣмъ.

— Мнѣ подозревать его ? Такъ это правда ? воскликнула она. — Опять обманута ! Боже мой, Боже мой ! Это невозможно ; говорите, г. аббатъ, говорите !..

Аббатъ задумался, и послѣ минутнаго молчанія сказалъ :

— Пора истинѣ явиться во всемъ своемъ свѣтѣ , и можетъ-быть, лучше будетъ, если вы узнаете ее отъ меня, чѣмъ отъ кого-нибудь

другаго, или случайно. Къ-тому же, въ свою очередь, мнѣ нужно объясненіе, но объясненіе чистосердечное; я ожидаю его отъ васъ.

— Я не умѣю лгать, г. аббатъ; изъ всѣхъ пороковъ—ложь для меня порокъ самый ужасный, самый презрѣнный.

—И такъ, отвѣчайте мнѣ откровенно. — Сдержали ли вы слово, данное вами мнѣ?

— Сдержала; ни малѣйшая жалоба, ни малѣйшій упрекъ не вырвался изъ устъ моихъ.

— Это еще не все, замѣтилъ Фортенъ.

Изора взглянула на него быстро, какъ-будто хотѣла угадать, что онъ хотѣлъ сказать.

Фортенъ продолжалъ, наблюдая за Изорой:

— Вспомните, что была одна тайна, о которой вы обѣщали мнѣ молчать.

—И я исполнила свое обѣщаніе, г. аббатъ, отвѣчала г-жа Шамбель, обиженная сомнѣніемъ Фортена:—но еслибъ я даже не обѣщала вамъ хранить этой тайны, то и тогда не предала бы постороннему любопытству изліяній сердца, которое хотѣло вѣрить ихъ вамъ одному; если вы не уважаете меня столько, чтобъ могли вѣрить моей скромности, то должны согласиться, что собственная моя польза не позволяла мнѣ назвать подобной соперницы.

— Извините; во всемъ этомъ есть что-то необыкновенное; я долженъ, однакожъ, узнать все, чтобъ убѣдиться, дѣйствительно ли тотъ, кого я подозреваю, виновенъ. — Письмо Маргариты было отдано вамъ запечатанное?

—Точно такъ, г. аббатъ.

— И съ той минутой, въ которую оно было вручено вамъ, до той, когда вы отдали мнѣ его у г. Нортонна...

— Оно было у меня...

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Клянусь въ томъ честью.

— И, не смотря на то, г. Шамбелю извѣстно содержаніе этого письма.

Изора вскрикнула, вскочила, бросилась къ своему коммоду, открыла ящики, перебрала всѣ бумаги, но не нашла копій, списанной ею.

— Несчастный! воскликнула она.—Унизиться до такой степени! О! какая подлость!

—Что это значить? спросилъ г. Фортенъ, слѣдя за всѣми ея движеніями.

—Что могу я сказать вамъ? Конечно, я виновата, но клянусь, совершенно забыла обо всемъ. Въ ночь, предшествовавшую тому дню, когда я отдала вамъ письмо, я списала съ него, не знаю сама

для чего, копию... Копія эта украдена у меня, да, украдена—украдена Шамбелемъ, который, конечно, хвастался страстью Маргариты передъ своею любовницею... передъ всеми!..

Аббатъ Фортенъ грустно опустилъ голову, и въ этомъ движеніи Изора читала приговоръ свой.

— По клянусь вамъ, г. аббатъ, сказала она:—я совершенно забыла объ этой копіи, клянусь...

— Вѣрю; но несчастье тѣмъ не менѣе ужасно...

— Что же такое случилось?

— Зачѣмъ вамъ знать! того, что случилось, поправить ужь нельзя...

— Нельзя!.. Почему?.. кому угрожаетъ это несчастье—мнѣ, г. Шамбелю, или Маргаритѣ?.. О, говорите, ради Бога, говорите!..

Вошедшій лакей прервалъ вопросы Изоры и подалъ ей письмо; она содрогнулась, узнавъ по адресу почеркъ графини де-Моранси, сорвала дрожащею рукою печать и съ смертною блѣдностью на лицѣ прочла слѣдующія строки:

«Такъ-какъ г-жа Шамбель забавляется составленіемъ коллекціи краденыхъ писемъ, то ей полагаютъ сдѣлать удовольствіе доставленіемъ прилагаемаго письма».

Тутъ было знаменитое письмо Шамбеля къ Маргаритѣ, начинавшееся извѣстными словами:

«Вы любите меня, Маргарита» и проч.

Изора прочла до конца письмо, дрожа всѣмъ тѣломъ и заливаясь слезами; потомъ передала его аббату Фортену.

— Если я сдѣлала ошибку, то наказана за нее слишкомъ жестоко, и, думаю, теперь никто уже не имѣетъ права требовать отъ меня какой-нибудь жертвы... О! теперь горе всѣмъ, горе этой женщинѣ, горе ему! Гибель, которую я предсказываю ему, ожидаетъ его—и будетъ достойнымъ ему наказаніемъ... Боже! воскликнула она, сжавъ судорожно руки: — если Ты правосуденъ, проклятіе твое обрушится на главу его!...

— И такъ, вы призываете проклятіе на главу своего мужа за проступокъ, котораго, можетъ-быть, сами были первою причиною... Будущи сами виновны, вы проклинаете:—что же должны сдѣлать тѣ, которые страдаютъ болѣе васъ, хотя ни въ чемъ невиноваты?..

— Вы говорите, что я была первою причиною всего этого? воскликнула Изора съ запальчивостью.—Не потому ли, что я завладѣла письмомъ Маргариты? Но еслибъ г. Шамбель не подалъ мнѣ справедливаго повода подозрѣвать его, я никогда не обратила бы вниманія на переписку этой дѣвушки и ничего случившагося не было бы.

— Но Маргарита была невинна, и вы напрасно подозрѣвали ее! сказалъ аббатъ Фортенъ.

— Я напрасно подозрѣвала ее въ любви къ Шамбелю? возразила Изора:—а еслибъ она была такъ добродѣтельна и невинна, какъ вы увѣряете, то онъ конечно не осмѣлился бы писать къ ней.

При этихъ словахъ, сказанныхъ съ выраженіемъ величайшаго презрѣнія, аббатъ Фортенъ всталъ и въ свою очередь сказалъ съ жаромъ:

— Да, невинна какъ ангелъ, невинна предъ Богомъ, который проститъ ей любовь ея и наградитъ за всѣ страданія, ее ожидающія... Да, сударыня, эта дѣвушка, о которой вы отзываетесь съ такимъ презрѣніемъ,—при всей чистотѣ своей и непорочности погибла невозвратно: нищета и одиночество будутъ теперь ея уделомъ!

— Что говорите вы? воскликнула Изора: — вы сказали, что она погибла....

— Да, погибла, потому-что у ней нѣтъ теперь ни убѣжища, ни друзей; у нея остался только я одинъ... но что могу я сдѣлать?

— Ради Бога, скажите, что же случилось? воскликнула Изора съ участіемъ.—Не могу ли я поправить зла, которое сдѣлала?—О, простите меня, простите! Я такъ страдаю...

— Я самъ не постигаю, какъ все это сдѣлалось, и подозрѣвая, кто дѣйствовалъ во всемъ этомъ такъ ужасно, удивляюсь, какимъ-образомъ герцогъ В*** могъ тутъ вмѣшаться...

— Я не понимаю васъ; вы говорите о герцогѣ В***; но это тотъ самый, въ домъ котораго Маргарита должна была вступить гувернантой?

— Да, сударыня, и нынѣшній день былъ назначенъ для вступленія Маргариты; г. Нортонъ самъ ѣздилъ въ монастырь *** сказать ей, что ее ожидаютъ у герцога... Маргарита отправилась туда въ сопровожденіи одной монахини... О, нѣтъ, г. Нортонъ не зналъ ничего! Не смотря на всю свою суровость, на безчувственность къ горестямъ бѣдной дѣвушки, онъ, конечно, не захотѣлъ бы купить такую цѣную право лишить ее своего покровительства и выгнать ее отъ себя...

— Что? воскликнула Изора.—Г. Нортонъ выгналъ отъ себя Маргариту?

— Да, послѣ того, какъ герцогъ В*** прогналъ ее изъ дома...

— Но что жъ она сдѣлала, несчастная?...

— Ничего; она написала только мнѣ письмо, которымъ вы завладѣли и которое мужъ вашъ похитилъ у васъ. Узнавъ тайну Маргариты, онъ въ свою очередь писалъ къ ней, и письмо его, полученное вами сію минуту при такой дерзкой запискѣ, было уже въ рукахъ герцога В***. Это письмо, въ которомъ г. Шамбель, основываясь на любви къ нему Маргариты, предлагаетъ ей продолжать переписку въ домъ, куда она должна вступить, дало право герцогу В*** ска-

затъ ей въ глаза, что онъ не можетъ принять къ себѣ молодую дѣвуху, находящуюся въ любовной связи съ менатымъ человѣкомъ. Та самая женщина, которая приехала вамъ это письмо, конечно, показывала его также и герцогу В***, для того, чтобъ погубить Маргариту. На такое мщеніе способна только одна соперница, и вы ее знаете... Но г. Нортонъ, конечно, ни въ чемъ тутъ повиновать, и вѣрно не мѣшалъ ничего.

— Но и онъ также отвергнулъ Маргариту? онъ прогналъ ее отъ себя?

— Да, сударыня, онъ обвинилъ ей, что отказывается отъ нея навсегда, что не хочетъ знать ее. Несчастная дѣвуха, не имѣя ни престолица, ни знакомыхъ, пришла ко мнѣ; я бѣдѣлъ; у меня нѣтъ средствъ содержать ее, но я открою ей входъ въ убежище мира и тишины, введу ее въ обитель Бога, гдѣ она, далеко отъ свѣта и его волненій, забудетъ, можетъ-быть, свои страданія... Однако, чтобъ выхвать изъ Парижа и вступить въ монастырь, надобно имѣть по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько сотъ франковъ; а у меня ихъ нѣтъ, и я пришелъ къ вамъ, сударыня, просить васъ ссудить меня ими на короткое время.

Крупныя слезы катились по щекамъ Изоры; сердце ея сжалось, но на лицѣ не было уже замѣтно ни отчаянія, ни гнѣва.

— Когда вывѣрится мнѣ освѣтить Парижъ, г. аббатъ? спросила она послѣ минутнаго молчанія твердымъ голосомъ.

— Когда жить будетъ это возможно, отвѣчалъ аббатъ.

— Завтра, или не будетъ ли это слишкомъ скоро для насъ?

— Я увѣхалъ бы сегодня; впрочемъ, тотобъ дожидаться до завтра, если вамъ угодно.

— И такъ, г. аббатъ, вы и Маргарита можете отправиться завтра въ 12 часовъ: все будетъ готово къ вашему отъѣзду; я принимаю все на себя, и прошу васъ помедлить потому только, что это необходимо для тѣхъ распоряженій, которыя я должна сдѣлать.

Аббатъ, не понявъ смысла послѣднихъ словъ, отвѣчалъ съ скромностью:

— Для насъ не нужно большихъ приготовленій, сударыня.

— Хорошо, г. аббатъ, хорошо. Я сдѣлаю все, что нужно. И такъ, до завтра!

Фортенъ удалился. Изора осталась одна.

Читатели, конечно, догадались, какимъ образомъ г-жа де-Моранси совершила свое мщеніе. Г. Нортонъ, какъ эгоистъ, какъ человѣкъ, любившій только самого-себя, воспользовался случаемъ, чтобъ избавиться отъ Маргариты; но онъ не могъ простить графинѣ того, что она компрометтировала его въ глазахъ герцога В***, и въ свою очередь

решился, отместить ей; на следующий день номер его журнала начинался следующими словами:

«Сдѣланы были въ Парижѣ, въ редакціи этого журнала: поручена г. Шамбелю, который занимаетъ мѣсто прежняго редактора, графа де-Марацси.»

Вероятно, мщеніе было угадано графинешо де-Марииси, которая умѣла внушить герцогу В... , что человекъ его сана не долженъ былъ допускать другихъ распоряжаться произвольно въ дѣлѣ партіи, которой онъ былъ представителемъ; какъ-бы то ни было, но на другой день почти во всѣхъ журналахъ появилось слѣдующее объявленіе:

«По разнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ графъ де-Марацси отказался отъ участія въ журналѣ, котораго такъ долге былъ главнымъ редакторомъ, и приступаетъ зрякъ, въскользочней къ изданію другаго журнала, назначеннаго исключительно для поддержанія правъ законной монархіи.»

Въ тотъ самый день, когда весь Парижъ былъ занятъ этою важною политическою новостью, почтовая карета остановилась у воротъ дома, въ которомъ жилъ г. Фортенъ; аббатъ вмѣстѣ съ Маргаритой поспѣшилъ собраться и чрезвычайно удивился, увидѣвъ въ каретѣ г-жу Шамбель.

— Вы здѣсь, дударыня? воскликнулъ онъ съ изумленіемъ..

— Я ѣду съ вами, г. аббатъ; будьте мнѣ другомъ, а Маргарита будетъ моею дочерью...

Чась спустя, все трое были уже далеко отъ Парижа, а теперь почти никто не вспоминаетъ, что, у г. Шамбеля есть въ провинціи жена, которая не могла приучиться къ обычаямъ общества, столь снисходительнаго къ пороку и столь строгаго къ несчастнаму.

* * * *

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались, поднею порою,
Вечернй выстрѣлъ, дагремалъ,
И мы съ волненіемъ внимаемъ,
Тогда лучи, ужъ догарали
И на морѣ туманъ густалъ;
Ударъ съ усиленъ промчался,
И вдругъ за бездною скончался.

Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
Я часто о тебѣ мечтаю,
Бродя въблизи пустынныхъ водъ,
Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.
И между-тѣмъ, какъ чередой
Глушить волнами ихъ съдыми,
Я плачу, я томимъ тоской,
Я умереть желаю съ ними.

И. Олѣвичъ.



Сидела мать у койки боли;
Дитя спало, но въ странномъ снѣ:
Его уста ужъ не алыжи,
А будто улыбались нѣ.
Свѣча бросала отблескъ блѣдный,
Ребенокъ блѣденъ былъ лицомъ.
Я думалъ: спи, малютка блѣдный,
Пока ты съ горемъ незнакомъ.

Прійдетъ пора — и вспыхнуть страсти,
Въ сомнѣньяхъ истомится умъ,
И станеть рваться грудь на части,
И лобъ наморщится отъ думъ;
И, можетъ-быть, среди обмана
Надеждъ напрасныхъ и суетъ,
Ты покажешь слишкомъ рано
О томъ, что былъ рожденъ на свѣтъ.

Мать моя взглянула уныло, —
Увидяъ слезы на глазахъ,
Лицо ея такъ грустно было,
Такъ много скорби на устахъ.
Я подошелъ: передо мною
Лежало мертвое дитя,
А мать качала головою —
И въ холодъ бросило меня...

Н. ОГАРЕВЪ.

НЕАПОЛЬ.

1.

Въ часъ полуденный, на склонахъ
Раскаленныхъ береговъ,
Дремлетъ смуглый Lazzarone,
Врагъ заботы и трудовъ.
Въ шапкѣ красной на бокрени,
Грудь широко распахнувъ —
И отъ зноя, и отъ лѣни
Разметался онъ, заснувъ.
Брови черныя нависли,
Пышетъ жаръ отъ желтыхъ щекъ,
Руки жилистыя свисли
На разсыпчатый песокъ.
Нищъ и босъ, и грѣзъ не зналъ,
Въкъ безпечень онъ лежитъ,
И надъ соннымъ пролетая
Чайка сѣрая кричитъ.
Съ неба лучъ падить и блещетъ,
И, на скатъ береговой
Набѣгая, море плещетъ
Въчно-шумною волной.
Strada puova, садъ и Chiaia.
И Везувій — думы полнь —
Растянулся, облегая
Ширь серебряную воднь.
Съ лода водъ въ нѣмомъ покоѣ
Капри синій тихо всталъ...
Ясно небо голубое,
Жарокъ воздухъ, звучень валь:
Хорошо, мой Lazzarone,
Спать, не вѣдая трудовъ,
Въ зной полуденный на склонахъ
Итальянскихъ береговъ!

2.

За утесами Pizziale
Солнце клонится свѣтло
И лучи свои отголѣ
Въ небѣ синемъ разнесло.

Западъ красный жарко пышетъ;
 Чистъ широкой небосклонъ;
 Теплый воздухъ робко дышетъ;
 Пахнутъ роза и лимонъ.
 Въ блескъ поздемъ длинной лентой
 Сквозь туманъ прозрачный — мнѣ
 Видѣвъ берегъ, гдѣ Sorrento
 Дремлетъ въ свѣтлой тишинѣ.
 По лиловому играетъ
 Морю золото лучей,
 Море тихо гладь вздымаетъ
 Переливчатыхъ зыбей.
 Взоры тонуть въ отдаленіи,
 Внемлетъ слухъ волнъ морской
 И послѣднему движенью
 Опустѣлой мостовой.
 Чолнъ качается лѣниво
 У побережья забыть...
 Вечеръ пышный молчаливо
 Въ нѣгѣ гаснетъ и горитъ.

3.

.

4.

Въ мглѣ вечерней дремлетъ Chiaia,
 И расходится народъ;
 Итальянка молодая
 Одинокая идѣтъ;
 Станъ роскошный стройно-тонокъ,
 Грудь высокая пышна,
 А давно ль была ребенокъ
 Беззаботная она?
 Нынче жь страсть во взорахъ ярнѣхъ,
 Щеки смуглыя горятъ
 И уста лобзаній жарнѣхъ,
 Можетъ-быть, уже хотятъ.
 Ужь не сиросту завить снѣго
 Локопъ черный по вискамъ,
 И съ косы платочекъ бѣлый
 Спущенъ въ складкахъ по плечамъ.
 Длиннымъ платьемъ чуть прикрыта
 Пара маленькая ногъ
 И легко стучитъ о плиты

Деревянный башмачокъ.
 Вотъ она стопой смущенной
 Робко входитъ въ тусклый храмъ,
 Помоглась предъ Мадонной,
 Поклонилась образамъ;
 Тихо стала у рѣшотки,
 За которой въ мглѣ сидитъ —
 Разбирая молча четки —
 Престарѣлый кармелитъ.
 «Padre santo! я не знаю
 • Прегрѣшенъ за собой,
 • Но я страдаю и стараю
 • Безотходною тоской.
 • Кровь какъ пламень лвется въ тѣлѣ,
 • День несносенъ, ночь длинна;
 • Я не знаю на постелѣ
 • Освѣжающаго сна.
 • Сердце проситъ все чего-то,
 • И о чемъ-то я грущу,
 • И во тѣхъ ночной ного-то
 • Тщетно, срастно я вѣду.»
 — Часто ль ты творишь молитву?
 • Я молюсь, отецъ святой.
 — Звалъ, дитя, я эту битву,
 Тоже молодъ былъ, другъ мой;
 Также кровь огнемъ горѣла,
 Я ловилъ мечту и тѣнь,
 И покоя не имѣла
 Грудь моя ни ночь, ни день.
 Но я сталъ поститься строго,
 И постриженъ и рабуть —
 Отдалъ я на службу Бога
 Каждый мигъ и каждый трудъ.
 • Что жъ мнѣ дѣлать? — Сдѣлай то же:
 Монастырь пріютъ святой;
 Да пошлетъ тебѣ въ немъ Боже
 Силу, святость и покой. —

.

 Но предъ дѣвой у порога
 Италиянецъ молодой:
 Оба задрогнули и стали.
 Ужъ скорѣй бы ей бѣжать!
 Вѣдь о ней теперь едва-ли
 Не встревожилась мать...
 Тьмою улицы покрыты,
 Слышенъ шагъ двухъ крѣпкихъ ногъ —
 И за нимъ стучитъ о плиты
 Деревянный башмачокъ.

3.

Надъ Везувіемъ восходитъ
 И спокойна и пышна
 И на море блескъ наводитъ
 Лучезарная луна.
 По лавуръ неба тѣмной
 Звѣзды ярко важжены,
 Тихо дышетъ въ нѣгѣ томной
 Ночь полуденной страны.
 Тихъ Везувій. Груды лавы
 Вкругъ себя онъ набросалъ
 И, дымяся величаво,
 Среди ночи задремалъ.
 Я смотрю съ Villa reale
 Вдаль по жеристымъ водамъ,
 Тѣни дымкой легкой пали
 По далекимъ берегамъ;
 Море въ сладкомъ усыпленнѣ
 Звучно выблеть лоно водъ
 И въ туманномъ отдаленнѣ
 Смутно Капри предстаётъ;
 Въ думѣ мрачной и суровой,
 Какъ преступникъ въ часъ ночной,
 Одинокъ Castel del ovo,
 Омываемый волной.
 Спитъ Неаполь, нѣгой свѣта
 Лунной ночи озаренъ;
 Я гляжу и мнѣ все это,
 Предстаётъ какъ пышный сонъ.

Н. ОГАРЕВЪ.

С Е Н Я .

Знаю, что правду пишу и вистъ не значу;
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злоправныхъ плачу.
Князь Антиохъ Кантемиръ.

ГЛАВА I.

О МУЗЫКАЛЬНОМЪ ВЕЧЕРѢ У ГИЪДОПЪГАГО МОСТА.

Хвастливаго отъ богатаго не распознаешь.

НАРОДНАЯ ПОГОВОРКА.

Когда-то, при началѣ весны, часу въ шестомъ вечера, шелъ я по Невскому-Проспекту. Въ магазинахъ начали зажигать лампы.

— Что вы ко мнѣ никогда? сказалъ Макаръ Ивановичъ, одною рукою останавливая меня, а другою въжливю приподнимая свою шляпу.

— Виновать, Макаръ Ивановичъ, непременно постараюсь быть.

— Третій годъ это вы мнѣ говорите!

— Вашу квартиру отыскать такъ трудно, а у меня мало времени...

— Помилуйте! Я имѣю, благодаря его превосходительству Александру Петровичу, казенную квартиру, въ Каменномъ Департаментѣ. Знаете, большой домъ недалеко отъ Гиъдопъгаго Моста?

— А! очень радъ...

— Вотъ видите, рады, а ко мнѣ никогда...

— Посмотрите, Макаръ Ивановичъ, какой страшный левъ.

Мы стояли у шляпнаго магазина Симиса. Многіе, можетъ-быть, видѣли на оконномъ стеклѣ этого магазина нарисованнаго льва, но видѣли его днемъ и пропустили безъ вниманія. Неудобно ли посмотреть этого льва, какъ зажгутъ лампы: онъ преобразается въ какую-то саламандру *златоогненнаю* цвѣта; его зѣвъ, кажется, готовъ сію минуту раствориться и скусить голову первому прохожему. Его глаза сверкають адскимъ, зелеповатымъ пламенемъ, такъ дико, такъ свирѣпо... Подите, сами посмотрите эту вывѣску — если не боитесь страшныхъ сновъ.

— На то звѣрь, отвѣчалъ Макаръ Ивановичъ: — сердито нарисованъ; должно быть, Брюловъ сдѣлалъ.

— Съ чего вы это взяли ?

— Помилуйте, вы видѣли Помпею?

— Видалъ.

— Славная штука ?

— Да.

— Припомните хорошенько: тамъ есть этакая подобная фигурка вся въ огнѣ.

— Да вы знатокъ въ живописи !

— Не то, чтобъ знатокъ, а люблю, признаться. Вотъ вы никогда у меня не бываете, я бы вамъ показалъ свои картинки и угостилъ бы васъ музыкою... Прѣзжайте: у меня по субботамъ вечера.

— Вы кутите, Макарь Ивановичъ !

— Нельзя-съ, надобно жить. Въ то время, когда вы служили въ нашемъ департаментѣ, я былъ просто чиновникъ на первомъ окладѣ, а теперь, благодаря Бога и его превосходительство Александра Петровича, въ три года шагнулъ хорошо, получилъ штатное мѣсто и казенную квартиру, — надобно жить соответственно должности и мѣсту. Вотъ видите...

— Вижу. До свиданія, Макарь Ивановичъ !

— До свиданія. Не забудьте же: у Гнвдопъгаго Моста, спросите помощника архиваріуса.

— Хорошо, не забуду.

Пройдя шаговъ десять, Макарь Ивановичъ торопливо вернулся и проговорилъ мнѣ:—Вамъ скажутъ: «дверь въ углу двора», а двери не видно. Видите: во дворѣ сложены дрова, но это ничего, идите за дрова, проходъ есть, да по лѣстницѣ придерживайтесь правой стороны, на лѣво стоятъ кадки и ведра, жена экзекутора тамъ ихъ ставитъ. Не забудьте этого... и, поклонясь, Макарь Ивановичъ пустился по Невскому, среднимъ шагомъ между иноходью и рысцой.

Макарь Ивановичъ былъ человѣчекъ небольшого роста, полненькій, на коротенькихъ ножкахъ, съ круглою головою и большими глазами; вообще онъ былъ очень похожъ на сѣраго попугая въ форменномъ фракѣ и круглой шляпѣ, — даже любилъ часто повторять людскія рѣчи, не вникая въ ихъ смыслъ, любилъ перенимать обычаи и привычки, не разбирая, хороши ли они, и при всемъ этомъ былъ весьма невиненъ въ современномъ просвѣщеніи.

Кто служить въ штатской службѣ, тотъ легко со мною согласится, что въ департаментахъ иногда бываютъ мннуты невыносимой скуки. Не только мелкіе чиновники, но даже посѣдлые ветераны, которые такъ убѣдительно и такъ искусно толкуютъ о ревности, обязанности, долгѣ, црїятности и т. п.,—и тѣ длинно, длинно вѣвають надъ отношеніями и сообщеніями. Причину этого найдти такъ же трудно, какъ и причину дурной погоды: то и другое *бываетъ*, и

только. Судьба любить людей и потому въ департаменты напускала Макаровъ Ивановичей; эти люди своею невинностію и вмѣстѣ своими претензіями на что-то услаждаютъ скуку департаментовъ. Скука когда-то свела меня съ моимъ Макаромъ Ивановичемъ. И вотъ уже постоянно нѣсколько лѣтъ онъ останавливаетъ меня на улицѣ и спрашиваетъ: «что вы ко мнѣ никогда?»

На бѣломъ свѣтѣ, какъ и въ департаментахъ, бываютъ иногда для чловѣка скучныя минуты, да такія скучныя, что не знаешь куда дѣвать себя. Въ этомъ, надѣюсь, согласятся со мною всѣ живущіе... За что ни возьмешься—все изъ рукъ валится, все не ладится... Кузьма Васильевичъ, влюбленный по уши въ Эккартсгаузена, приписываетъ это состояніе душъ чловѣка, которая растосковалась по своей отчизнѣ. Василій Кузьмичъ, ревностный почитатель доктора Бруссе, говоритъ, что Кузьма Васильевичъ вретъ, и что скука происходитъ отъ неправильнаго разложенія соковъ, основаннаго на бѣльшей или меньшей раздражимости перепонкъ, а Кузьма Кузьмичъ, изучившій въ тонкости систему Галля, рассказываетъ, что въ это время на мозгу чловѣка начинаетъ образовываться шишка скуки, и что, какъ его тѣзка, равно и Василій Кузьмичъ, не правы. Последняя теорія и мнѣ какъ-то больше нравится: она, изволите видѣть, проще, осязательнѣе, по ней повѣрка легче; хватилъ себя за голову, нашелъ шишку и дѣло въ шляпѣ, — и знаешь причину чего бы то ни было.

И такъ, по теоріи Кузьмы Кузьмича, у меня росла шишка скуки, просто сказать, мнѣ было очень скучно, и я, во время встрѣчи съ Макаромъ Ивановичемъ, ходилъ по Невскому Проспекту, не зная какъ убить время, смотрѣлъ на фонари, освѣщенные газомъ, смотрѣлъ на выѣски, толкалъ проходящихъ и былъ *сугубо толкаемъ* оными. Нѣтъ, не беретъ; скучно! Зашелъ въ кондитерскую: тамъ несносно свѣтло, пахнетъ шоколадомъ, и какой-то старичокъ жадно глотаетъ его, будто отъ роду въ первый разъ попробовалъ. На столахъ лежатъ скучныя газеты; мальчики въ зеленыхъ курткахъ безсмысленно улыбаются; краснощекій провинціалъ, зѣвая надъ какимъ-то журналомъ прошлаго года, невинно спрашиваетъ: «Когда же выйдеть декабрьская книжка?» Это уже верхъ скуки... Я выбѣжалъ изъ кондитерской. На башнѣ городской думы ударило 6 часовъ... Сколько еще впереди времени, подумалъ я, куда мнѣ дѣваться? Ба! сегодня суббота; вду къ Макару Ивановичу. Въ Петербургѣ пути сообщенія чрезвычайно упрощены и усовершенствованы; отъ-того, безъ всякихъ особенныхъ приключеній, я черезъ четверть часа былъ уже въ квартирѣ Макара Ивановича.

Въ передвей Макара Ивановича, меня поразили два предмета: освѣщеніе и самъ Макаръ Ивановичъ. Для освѣщенія поставлена была на окно помадная банка, налитая ламповымъ масломъ; на поверх-

ности масла, какъ лодочка, плавалъ зажженный фитилѣкъ, прикры-
пленный къ поплаву изъ пробочнаго дерева. Свѣтъ этого хитро-
го прибора не подходилъ ни къ какому извѣстному освѣщенію. Это
было что-то среднее между блескомъ звѣздъ и жучка-свѣтляка. Че-
ловѣкъ, неимѣющій гривны на покупку свѣчи, не станеть дѣлать
вечеровъ. Кто не жалеть денегъ дѣлать вечера, вѣрно не пожа-
леть купить въ переднюю свѣчку. — Изъ этого заключенія лег-
ко убѣдиться, что фантастическое освѣщеніе передней было просто
маленькая странность штатнаго чиновника Макара Ивановича, кото-
рый, при мерцаніи помадной бавки, какъ привидѣніе предсталъ гла-
замъ моимъ; онъ былъ въ галосахъ, въ шинели и даже въ шляпѣ.

— А! это вы? закричалъ онъ мнѣ на встрѣчу. — Очень радъ.

— Да, Макаръ Ивановичъ; я, разставшись съ вами, вспомнилъ, что
сегодня суббота, вашъ день, и рѣшился побывать у васъ, не откла-
дывая въ даль.

— Покорнѣйше благодарю! Вотъ что называется утѣшили! Прошу
пожаловать.

— А вы куда?

— Я въ театръ.

— Въ театръ?!

— Извините; и не радъ, да яду; играютъ Намцы какую-то коме-
дію; я, вы знаете, и афишки по-ихнему не прочитаю.

— Кто же васъ неволигъ?

— Билетъ есть, нельзя! Позжай, Макаръ Ивановичъ!

— Я васъ не понимаю; вамъ и сѣсть не хочется, и по-ицменки вы
не знаете, а взяли билетъ и идете.

— Нельзя! Вотъ видите; сегодня мнѣ подарилъ этотъ билетъ на-
чальникъ отдѣленія. «Мнѣ, говоритъ, вѣсть некогда, а деньги за би-
летъ заплачены, все равно промадутъ.» Я уже дома разсмотрѣлъ, что
пѣса будетъ нѣмецкая, а дѣлать нечего, неравно обидится; надобно
сходить. — До свиданія!

— И я съ вами пойду до улицы.

— Помилуйте! въ три года добрался равъ побывать у меня, да и
не посидите!..

— Чтò же я у васъ стану дѣлать?

— Милости прошу, пожалуйте въ гостиную, не соскучитесь; тамъ
у меня уже есть три гостя; они сейчасъ только пришли; прошу до
комнати. Я тамъ оставилъ на столѣ бутылку мадеры и сейчасъ къ
вамъ явится музыка... Мое почтеніе! Боюсь опоздать....

Предложеніе Макара Ивановича было такъ оригинально, такъ не-
лѣпо, что я рѣшился сдѣлать ему удовольствіе, проеидѣть часть дру-
гой съ его гостями.

Въ такъ-называемой гостиной были три человека, одинъ въ очкахъ,

которого называли Семень Ивановичъ, другой, маленькій, горбатый чиновникъ, въ бѣломъ галстукѣ, а третій чиновникъ съ табакеркою.

Семень Ивановичъ сидѣлъ на диванѣ, протянувъ во всю его длину свои ноги, обутыя въ сапоги съ острыми носками. Чиновникъ съ табакеркою раскрылъ табакерку и, омочивъ палецъ въ мадеру, съ большимъ усиліемъ стряхивалъ съ него вино въ табакъ, а горбунокъ въ бѣломъ галстукѣ стоялъ среди комнаты, ноги врозь, лѣвая рука въ карманъ, а правая держала рюмку мадеры.

— Что, какова погода? спросилъ меня чиновникъ съ табакеркою такъ важно, съ такимъ участіемъ, будто онъ цѣлый мѣсяцъ не выходилъ изъ комнаты и будто съ минуты на минуту ожидалъ своихъ кораблей изъ-за моря.

— Ахъ, какой вы смѣшной человекъ! перобидъ чиновника съ табакеркою Семень Ивановичъ:—сейчасъ пришелъ и спрашиваете о погоде: въ пять минутъ она не можетъ переизмениться.

— А почему не можетъ? спросилъ очень хладнокровно чиновникъ съ табакеркою.

— Станный вы человекъ! Ну, атмосфера не какая-нибудь игрушка, которую вьзалъ такъ, да и началъ вертѣть какъ угодно! Здѣсь, можетъ-быть, и кислородъ, и другое что не позволить...

— Какой это кислородъ, Семень Ивановичъ?

— Кислородъ, прѣстая вещь, постоянный двигатель, т. е. элементъ; онъ всегда въ воздухѣ: вы вьдохнули—и его втянули.

— И это не вредно?

— Напротивъ, очень здорово; въ больницахъ нарочно дѣлаютъ кислородъ: льютъ укусъ или что-нибудь кислое на горячую плитку; вотъ вамъ и кислородъ.

— Понимаю... И чиновникъ съ табакеркою вынулъ рюмку мадеры.

— Да, да! такъ, такъ! ученіе свѣтъ! говорилъ горбунокъ, хлопая ртомъ.—Вотъ я захвачу полонъ ротъ воздуха, и, ваша правда, Семень Ивановичъ, точно чувствую кислоту на языкѣ. Я этого досихъ-поръ не замѣчалъ.

Цѣлый вечеръ послѣ этого, горбунокъ только-и-дѣло пилъ мадеру и хлопалъ ртомъ, приговаривая:— да, именно такъ, чувствительная кислота...

— Значить, у васъ тамъ на роднѣ много кислорода, если вы ѣдете туда для поправленія здоровья? спросилъ человекъ съ табакеркою.

— Чистѣйшій кислородъ!.. «Жанъ вы счастливы!» говоритъ мнѣ княгиня Софья Петровна: «вѣдете наслаждаться такимъ воздухомъ». Да, вѣдь они всегда такъ, эти вельможи. — Позвольте попросить призь табаку?.. А! порядочный табакъ! Я вообще имѣю привычку нюхать французскій; у князь-Сержа удивительный, настоящій французскій, что называется цыканъ.

— Нѣтъ, я подѣ этимъ названіемъ не нюхаю. Вы надолго позволите ѣхать?

— На 28 дней.

— Рассчетливо въ разсужденіи жалованья!

— Помилуйте, на что мнѣ жалованье! Я камердинеру плачу почти столько же, хоть графъ Поль и ворчитъ на меня: «Опомнись, братъ Сеня, ты всѣхъ людей перебалашуешь», да я всегда ему отръжу: «Полно, Поль, не твои деньги; ты графъ, а я такъ-себѣ человекъ, люблю наказать, люблю и помиловать». Нѣтъ, а въ деревнѣ жить долго прискучить, прахъ ее возьми! какъ говорить князь-Сергѣй.

— Но у васъ есть родители; они вѣрно васъ скоро не выпустятъ изъ деревни.

— Да что я у нихъ буду дѣлать? смотрѣть какъ косятъ сѣно, или пугать воробьевъ по саду! Воображаю я этихъ провинціаловъ! Къ нимъ прійдется извѣстный стишокъ:

И не съ кѣмъ танцевать, и не съ кѣмъ молвить слова!

Нѣтъ, слуга покорный! Пріѣду, поучу стариковъ уму-разуму, не даромъ же я слушалъ курсъ юридическихъ наукъ — брошу тысячу, другую, да и назадъ. Удивляю княжну Вѣрочку — нечаянно явлюсь на балъ къ минеральнымъ водамъ... А старики не изволь шумѣть: съ вечера уложу свои вещи, пошлю на всю ночь въ городъ и почтовыми лошадьми, а самъ послѣ ужина скажу: «Итакъ, любезные родители, я завтра долженъ ѣхать! (Разумѣется, это ихъ ошеломитъ) Да, завтра, я рѣшился, а потому не угодно ли вамъ со мною простѣться: заря не застанетъ меня подѣ вашимъ кровомъ. Прошу васъ не беспокоиться рано вставать; это можетъ повредить вашему здоровью, и для меня двойное прощаніе тягостно.» Обниму стариковъ и на завтра уѣду. Это очень просто.

— А если васъ не пустятъ?

— Я имъ скажу: обязанности службы, долгъ, ревность, и тому подобное; и если закапризничаютъ, просто скажу: *ѣду да и только*, потому-что хочу ѣхать. Слава Богу, я, кажется, *sui juris*, могу располагать собою!.. Я, кажется...

— Позвольте, перебилъ его чиновникъ съ табакеркою: — позвольте попросить вашего табаку; мнѣ бы желалось понюхать подѣ штем-пелемъ, о какомъ вы упоминали.

— Извините, почтеннѣйшій! не всталъ съ собою, да и рѣдко беру, признаться. У меня золотая табакерка очень тяжела, носить не спокойно; правду говоритъ баронъ Киксъ: маленькія бездѣлушки тяготятъ человека болѣе важныхъ дѣлъ. Притомъ же, я постоянно нюхаю, когда занимаюсь литературою. Всякій день, возвращаясь съ бала, я имѣю обыкновеніе немного сочинять, — не стихами, нѣтъ! Богъ

избавилъ меня отъ подобнаго безумія, — а провою... Приѣдешь домой, голова еще кружится отъ ароматической, благовонной, сверкающей, можно сказать, атмосферы бала; еще чувствуешь пожатіе атласистыхъ ручекъ, видишь живо бѣломраморныя шейки и плечики; еще горять щеки, наэлектризованныя въ бѣшеномъ вальсѣ легкииъ прикосновеніемъ роскошныхъ локоновъ; въ устахъ еще не замеръ робкій шопотъ аристократокъ, назначавшихъ мнѣ rendez-vous. Скорѣе за перо, — и вѣрите ли, иногда пропишешь часа три, четыре, такъ и льѣтся, да все такое граціозное, грандіозное; предо мною возникаютъ гиганты, исполины, графы, князья, — все это ново съ иголочки, по послѣдней модѣ; тонъ, манера!... Я самъ иногда удивляюсь, какъ прочту спустя недѣлю свое писанье — откуда что берется?! Просто, вдохновеніе: его не купишь и не съдѣлаешь! говоритъ маркиза Брамаре.

— О комъ это вы говорите? спросилъ чиновникъ съ табакеркою.

— О вдохновеніи.

— Понимаю, вы опять о своемъ вдохновеніи; то-есть, какъ мы дышаемъ въ себя съ воздухомъ кислородъ?

— Помните, какой тутъ кислородъ! Вы меня не понимаете... Я вамъ говорю о состояніи души, а вы...

— А я вамъ скажу, Семенъ Ивановичъ, что какъ заговорить ваша братья, ученые, то лучше не слушать—ничего не поймешь... А! ты здѣсь уже, Григорій? Съиграй-ка мою любимую.

Послѣднія слова чиновника съ табакеркою относились къ человѣку, одѣтому въ форменный солдатскій сюртукъ, темно-зеленаго цвѣта съ красною выпушкою по швамъ и съ мѣдными пуговицами. Во время громкой болтовни Семена Ивановича, этотъ человѣкъ тихо вошелъ въ комнату и сталъ у двери, держа подъ мышкою скрипку, а въ рукахъ смычокъ, что давало право сильно подозрѣвать его въ музыкальномъ талантѣ... И точно, не успѣлъ еще чиновникъ съ табакеркою окончить своей просьбы, какъ человѣкъ въ солдатскомъ сюртукѣ, словно по командѣ, вскинулъ скрипку къ подбородку, махнулъ смычкомъ — и послушныя струны зазвѣли довольно-фальшиво двойными нотами мотивъ извѣстной пѣсни:

Какъ на матушкѣ на Невѣ-рѣкѣ
На Васильевскомъ славномъ Островѣ.

Семенъ Ивановичъ въ пол-свиста аккомпанировалъ Орфею Каменнаго Департамента, а чиновникъ съ табакеркою спряталъ на время табакерку въ боковой карманъ, оперся локтемъ на столъ, склонилъ голову на руки и задумался.

Музыкантъ проигралъ пѣсню, дернулъ три раза смычкомъ по струнамъ, отъ-чего вышла проба въ аккордѣ G dur, и, опустя скрипку, стоялъ самодовольно.

Чиновникъ, вынувъ изъ бокового кармана табакерку, началъ говорить: «Право, хорошо, Григорій!... чувствительно и пріятно—люблю я эту пѣсню! Помню, еще я былъ мальчикомъ, мы жили въ Гавани. Къ моему батюшкѣ, бывало, соберутся ластовые, усядутся лѣтомъ въ садикъ, да какъ грянуть!... душѣ весело!... Или какъ былъ женихомъ: бывало, зайду на Петербургской Сторонѣ къ моей Марь Ивановнѣ; такъ пріятно: пьемъ чай; ея матушка, въ очкахъ, вяжетъ чулокъ, а я возьму гитару и затыну:

Какъ на матушкѣ на Невѣ-рѣкѣ...

И Марья Ивановна, бывало, подпѣваетъ... Гитара въ рукахъ, и слышишь такое удовольствіе... Вотъ ужъ и жены пять лѣтъ какъ не стало, а все слышу ту же пѣсню... Добрая пѣсня!... задумевная!

Чиновникъ махнулъ рукою и опустилъ на грудь голову.

— Не играешь ли ты чего-нибудь изъ Меерберга? спросилъ Семенъ Ивановичъ.

— Не можемъ знать, ваше благородіе.

— Онъ даже нотъ не знаетъ! сказалъ чиновникъ съ табакеркою.

— Не-уже-ли?

... — Смѣю васъ увѣрить: Это департаментскій сторожъ; служилъ прежде въ солдатахъ и самъ-по-себѣ дошелъ до этакой игры.

— О, русскій человекъ имѣетъ высокое предназначеніе! Стоить соскоблить съ сердца простоядина его духовную шелуху, т. е. срывать съ души эту накипь невѣжества, какъ говоритъ одинъ мой задумевный другъ, извѣстный нашъ литераторъ: — вылощите, вышлифуйте русскіе умы — и нравственные великаны возникнутъ изъ праха... Ну, гениальный Григорій! сыиграй теперъ что-нибудь повеселее, такъ, для танцевъ.

Сторожъ сыигралъ вальсъ изъ Фрейшюца.

— Превосходно! кричалъ Семенъ Ивановичъ:— не играешь ли ты мазурки Шопена?

— Никакъ нѣтъ.

— Какъ это можно не играть! ни одной мазурки Шопена? Это срамъ, не играть Шопена!

— Чьи мазурки вы изволили сказать? спросилъ чиновникъ съ табакеркою.

— Шопена!...

— Шопена? Я первой разъ слышу.

— Помилуйте! всѣ безъ ума отъ Шопена... Человекъ пятнадцать въ высшемъ кругу въ Вѣнѣ на смерть затынцвались подъ эти волшебныя мазурки... «Я предпочитаю мазурки Шопена мороженому изъ фисташекъ», говорила мнѣ еще вчера баронесса, а баронесса по своему темпераменту не можетъ жить безъ мороженого... Третьяго дня супруга его превосходительства, тайнаго...

— Отъ чего же онъ такъ хороши? перебилъ Семена Ивановича чиновникъ съ табакеркою.

— Отъ чего хороши? Онъ просто прелесть: этакія сочныя, жирныя, мясистыя!

— Это уже слишкомъ, сказалъ чиновникъ съ табакеркою, голосомъ обиженнаго человека:— вашими ученыемъ языкомъ вы можете говорить какъ вамъ угодно, я не въ претензи; но въ глаза дурачить себя я не позволю. Кто-таки гдѣ видалъ мясистую мазурку? танцовать ихъ, пожалуй, могутъ особы всякой комплекции; но чтобы была мазурка жирныя...

— Вы не понимаете, милостивый государь, что значить сочная, мясистая мазурка?

— Позвольте вамъ напомнить, что, доживя до старыхъ волесть, я всегда разговаривалъ на российскомъ диалектѣ и понимаю русскія слова; соеиски сочныя, мясистыя бываютъ, это понятно. А мазурки... извините меня...

Я, видя, что дѣло принимаетъ довольно-серьезный оборотъ, и не хотя быть свидѣтелемъ полемики, взялъ шляпу.

— Не уходите! закричалъ Семенъ Ивановичъ:— вотъ я только докажу вамъ о мазуркѣ— и мы пойдемъ вмѣстѣ; у меня свой экипажъ.

Я поблагодарилъ Семена Ивановича за предложеніе, извинился передъ нимъ и вышелъ.

Въ интервалъ между дровами и подъездомъ, ведущимъ къ Макару Ивановичу, стояли старыя дрожки; въ нихъ была запряжена дюжая воловская лошадь; на козлахъ сидѣлъ мальчикъ въ серомъ армякѣ и картузѣ.

— Это экипажъ Семена Ивановича? спросилъ я.

— Я привезъ ихъ; а экипажъ не ихній, а отъ Марка Петровича, княжата дворецкаго; Семенъ Ивановичъ учать у Марка Петровича сына, такъ вотъ Маркъ Петровичъ и дають по вечерамъ ѣздить эти дрожки, да какого-нибудь развѣзжаго коня...

Я уже былъ у воротъ, а словоохотный мальчикъ все еще проповѣдывалъ съ козелъ о своихъ дрожкахъ, о лошадяхъ и въ-особенности о Маркѣ Петровичѣ.

ГЛАВА II.

БЮГРАФИЯ СЕМЫ.

Гдѣ ступишь, тамъ цвѣты взлѣютъ
И съ веба льется благодать.

Н. Карамзинъ.

Изъ всѣхъ уездныхъ должностей, по моему мнѣнію, самая выгодная, самая занимательная—должность уезднаго почтмейстера. Мѣсто

почтмейстера—мѣсто спокойное, квартира казенная, теплая. А сколько любопытнаго переходитъ черезъ его руки... Человѣкъ, склонный къ статистикѣ, будетъ служить безъ малованья на почтмейстерскомъ мѣстѣ! Почтмейстеръ знаетъ, кто въ уздѣ съ кѣмъ переписывается, кто пишетъ въ столицу и какъ кому отвѣчаютъ изъ столицы; знаетъ, кто сколько посылаетъ денегъ въ Банкъ, знаетъ, кто и какъ платитъ проценты въ Приказъ, — все знаетъ и изъ всего можетъ вывести очень основательное логическое заключеніе. Сколько онъ можетъ прочесть журналовъ, получаемыхъ богатыми помещиками въ уздѣ; сколько можетъ узнать разныхъ новостей!.. Даже имѣетъ право распечатать посылку, адресованную на имя уздной щеголихи и пересмотрѣть, прежде ея, всѣ милые наряды, которыми она станетъ щеголять на балѣ у предводителя... Счастливецъ! онъ имѣетъ право трогать своими руками, пахнувшими сургучомъ, эти бусы, созданныя обвивать лалейную шейку; перебирать пушистое боа, которое будетъ живописно трепетать на роскошной груди; чего добраго! можетъ, для шутки, надѣвуть беретъ съ райскою птичкою, подъ которымъ зароятся въ головкѣ красавицы много очаровательныхъ думъ о «немъ»; онъ осмѣлится равнодушно брать въ руки сережки, будущія свидѣтельница и повѣренныя робкаго шопота любви... Несносный человѣкъ! и все-таки счастливецъ!.. Притомъ же, онъ въ городѣ единственная власть по почтовой части, — одинъ, какъ судья, какъ исправникъ, какъ городничій: Онъ имѣетъ право рѣзать хвосты негоднымъ почтовымъ лошадямъ и можетъ, если захочетъ, оказать пособіе провзажающимъ. Последняя причина познакомила гороховскаго почтмейстера, Ивана Яковлевича Лобко, съ княгинею Плѣрезъ.

Это случилось въ 18.. году. Иванъ Яковлевичъ былъ въ городѣ Гороховъ почтмейстеромъ, имѣлъ жену, сыновей: Семя, Митю, Гришу, Сашу, и дочерей: Лизу и Клавдочку. Самому старшему, Семя, было восемь лѣтъ. Княгиня Плѣрезъ была женщина лѣтъ 35-ти, нехороша собою, черноглазая, черноволосая, съ рѣзкимъ голосомъ, живыми манерами и довольно-плоскою грудью. Она пять лѣтъ какъ овдовѣла, не имѣла дѣтей и безпрестанно о чемъ-то вздыхала и плакала; гороховскій городничій говорилъ, будто онъ видѣлъ у нея въ экипажѣ книжку, подъ заглавіемъ: «Бѣдная Лиза»; но жена исправника этому не вѣритъ. Каждую весну, по смерти мужа, княгиня Плѣрезъ ѣздила, изъ своихъ сѣверныхъ деревень, или изъ столицы, въ Кіевъ на богомолье, и молилась тамъ, и плакала о супругѣ, и гуляла въ казенномъ саду до осени, когда даже и войска, стоящія подъ Кіевомъ лагеремъ, оставляли свои палатки и брели по зимнимъ квартирамъ.

Въ одно изъ подобныхъ обратныхъ путешествій на сѣверъ, кня-

гня, прїѣхавъ въ Гороховъ, узнала, что нѣтъ лошадей на станціи; внигъ ея влажные глаза засверкали гнѣвомъ, она закричала на смотрителя, прогнала въ гнѣвъ писаря и послала ливрейнаго лакея за почтмейстеромъ. Ивайъ Яковлевичъ зналъ свою обязанность, надѣлъ мундиръ, прищипилъ шпагу и явился, какъ листъ передъ травой, передъ княгиней. Княгиня кричала; почтмейстеръ второпяхъ сказалъ ей какую-то отчаянную лесть; княгиня заговорила октавою ниже; ободренный почтмейстеръ еще сказалъ комплиментъ — княгиня улыбнулась и вздохнула; почтмейстеръ объявилъ, что если черезъ три часа не будетъ лошадей, то онъ готовъ повезть ее самъ на себѣ, а между-прочимъ, въ ожиданіи этого процесса, просилъ сдѣлать ему честь откушать у него чашку чаю. Княгиня согласилась — и черезъ нѣсколько минутъ въ гостиной почтмейстера на диванѣ сѣла княгиня; рядомъ съ нею, въ чепчикъ съ желтыми лентами, жена почтмейстера; противъ стоялъ почтмейстеръ, какъ слѣдуетъ, въ мундиръ, съ треуголкою подъ мышкой. Княгиня вздыхала и говорила изъясности; почтмейстерша поправляла на себѣ платочекъ, сжимала губы и подбирала слова, самыя учтивыя, для отвѣтовъ ея сіятельству, а почтмейстеръ осыпалъ дорогую гостью комплиментами, вынесенными въ отставку покойнымъ его отцомъ изъ службы въ легконцахъ.

Когда княгиня изволила кушать вторую чашку чаю, вбѣжалъ въ комнату сынъ почтмейстера, Сеня, свѣжій, здоровый, румяный мальчикъ, съ большими голубыми глазами.

— Ахъ, какой амурчикъ! сказала княгиня.

— Это, съ позволенія сказать, нашъ старшій сынъ, отвѣчалъ почтмейстеръ.

— Вы имѣете дѣтей? какъ это мило!.. И княгиня вздохнула.

— Какъ же-съ! не оставилъ Богъ. Четыре сына и двѣ дочери... Жена! представь ея сіятельству...

Зашевелились отъ удовольствія желтые банты на головѣ почтмейстерши; она вышла и скоро явилась, насильно ведя обѣими руками двухъ мальчиковъ, которые сквозь слезы косились на гостью; за нею раба дѣвка вела одного мальчика и несла груднаго ребенка; за дѣвкой кормилица несла еще одного ребенка. Вся процессія двинулась на княгиню; почтмейстеръ называлъ каждого ребенка уменьшительнымъ именемъ, пояснивъ, что послѣднія дочери двойни.

Скоро дѣти расплакались и были вынесены вонъ. Остался одинъ Сеня. Онъ стоялъ возлѣ княгини; она тихо склонила его кудрявую головку къ себѣ на колѣни и, перебирая своими нѣжными пальчиками шелковистые волосы ребенка, съ улыбкою смотрѣла въ его голубые глаза.

Говорять, будто брюнетамъ всегда нравятся блондинки, а блонди-

намъ браунетки, и основываютъ эту гипотезу на взаимномъ влеченіи противоположностей въ природѣ. Такъ ли, не такъ ли, а смуглой княгинѣ очень понравился бѣленькій Сеня.

— У васъ хорошая должность? спросила княгиня.

— Какая хорошая, ваше сіятельство! Только съ копейки на копейку перебиваемся: городишко небольшой, всего двѣсти—пятнацать обывательскихъ дворовъ, двѣ церкви и три ярмарки, да и тѣ Богъ знаетъ въ какую распутицу: ни ходить, ни ѣздить; Евреи по колено въ грязи продають пряники... смотрѣть прискорбно...

— Какъ же вы станете воспитывать свое семейство?

— Богъ милостивъ; благословилъ дѣтми, дастъ и способы пристроить. Отдамъ въ уздное училище: у насъ смотритель человекъ очень ученый, Агамемнонъ Харитоновичъ Линейкинъ... вотъ онъ идетъ по улицѣ, этакій съ усами, въ голубомъ сюртукѣ; прикажете позвать?

— Оставьте его.

— Слушаю-сь, ваше сіятельство! Изъ училища опредѣлю въ уздный судъ, или казначейство; будутъ слушать — безъ хлѣба не останутся:

— Фя! въ вашъ миленькій Сеня станеть мараť своимъ ручни гадкими уздными чернилами?

— Это нинего; чернила легко и удобно отмываются...

— Нѣтъ, онъ достоинъ лучшей участи. У васъ много дѣтей, а у меня ни одного; отдайте мнѣ вашего сына, я его возьму съ собою; воспитаю, какъ своего сына. Пусть онъ подѣ старость будетъ вамъ подворною и утѣшеніемъ.

— Изволите шутить, ваше сіятельство...

— Нѣтъ, я не шучу; я очень понимаю чувство родителей, хоть Богъ не допустилъ меня испытать это чувство, и не стану играть имъ. Я говорю нешутя. Княгиня поцаловала Сеню и заплакала.

Добрая женщина!

Почтмейстеръ потолковалъ съ женой и согласился отдать Сеню на воспитаніе доброй княгинѣ. Тутъ вышла семейная сцена. Отецъ и мать плакали отъ удовольствія и называли княгиню «сіятельною благодѣтельницею». Княгиня въ свою очередь плакала, называла почтмейстера и жену его великодушными родителями, которые для счастья дитяти жертвуютъ удовольствіемъ его видѣть волеѣ себя, и уверяла, что отъ роду не плакала такими пріятными слезами. «Это не слезы» говорила она: «это алмазы моего чувствительнаго сердца...»

— Бриллианты, ваше сіятельство! воскликнулъ почтмейстеръ, утирая глаза пестрымъ бумажнымъ платкомъ.

Княгиня, разумѣется, заочевала у почтмейстера, и когда все въ домъ уснуло, — кто убаюканный снѣтлыми мечтами о будущемъ, кто

материально угощенный радостнымъ почтмейстеромъ, одна женщина не спала въ домъ: старушка, няня Сени; она, при слабомъ свѣтѣ ночника, стояла у изголовья своего спящаго любимца и старалась на-смотреться на него.—Ты молодъ еще, дитя мое ненаглядное, шептала она:—а я стара, не увижу тебя больше, мой голубчикъ; вырастешь, дастъ Богъ, придешь большимъ бариномъ, а меня ужь давно засы-плютъ землею!.. Хоть бы посмотрѣть еще разъ на тебя привелъ Господь!.. выносила на свѣжихъ рукахъ, а тутъ берутъ чужіе люди!.. Доведутъ ли они тебя до добра, мое сокровище!.. Хоть добрые, а все чужіе!.. Провожая тебя на вѣчное разставанье, словно въ могилу ло-жусь... Спать себя? извѣстно: дитя, не знаетъ, что его завтра далеко увезутъ, надолго!.. Еще и улыбается, мое золото!—И няня осторожно поцеловала спящаго ребенка, и робко крестила его, и тихо плакала.

Да еще плакалъ на кухнѣ камердинеръ княгини отъ-того, что былъ очень пьянъ.

На утро весь городъ съ изумленіемъ узналъ, что княгиня ночевала у почтмейстера; всѣ Гороховцы пришли въ движеніе: застѣдатель по питейной части еще до восхода солнца раза три прошелъ мимо во-ротъ Ивана Яковлевича и тишею дразнилъ собакъ, чтобъ вызвать ко-го-нибудь для распроса. Жена градскаго головы была счастливае. Она сразу поймала босую дѣвчонку, бѣжавшую на рынокъ за ба-ранками, и разспрашивала ее минутъ десять, а послѣ сама рассказы-вала городничихъ слышанное часа полтора. Но когда Гороховцы у-знали объ отъѣздѣ съ княгиніею почтмейстерскаго сына, то, забывъ всякое приличіе, осадили ворота Ивана Яковлевича какъ Греки Трою, и чуть карета ея сіятельства, сопровождаемая благословеніями и по-клонами, выѣхала съ двора, толпою хлынули въ домъ, поздравляли, обнимали хозяйна и хозяйку и предрекали Сени или жезль фельд-маршала, или губернаторское мѣсто.

— Эхъ, господа! говорилъ Агаменонъ Харитоновичъ:—въ мѣстахъ ли дѣло! Оно, конечно, почѣтъ; но главное, образованъ-то какъ бу-детъ! вотъ главное. Не для того жить, чтобъ вѣтъ, а для того вѣтъ, чтобъ жить! писали философы... Столичное образованіе не то, что ваше. Тутъ и радъ бы, да средствъ нѣтъ... Потолковать бы изъ фи-зики вотъ такъ тебя и тянуть, а онъ грамоты не смыслить—толкуй съ нимъ!.. Эхъ, была ученому!.. Вы счастливы, сугубо счастливы, вѣщеннѣйшій Иванъ Яковлевичъ; теперь, на-радостяхъ, не худо бы закусить.

— Ваша правда, сказали гости въ одинъ голосъ.

ГЛАВА III.

Продолженіе и конецъ біографіи.

Чтобъ не замучилось дитя,
Всему училъ его шута.

А. Пушкинъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, княгиня дѣлала визиты и недѣли двѣ не видала Сени; потомъ вспомнила, приказала его принести, распаловала и дней десять съ нимъ нянчилась, пока не получила отъ кузины въ подарокъ, прекраснаго зеленаго попугая съ краснымъ хвостомъ. Новый, пернатый любимецъ вытѣснилъ изъ сердца княгини своего соперника, тоже двуногого, но безъ крыльевъ—почтмейстерскаго сына—и Сеня отданъ былъ въ какой-то пансіонъ. Мѣсяца два спустя, княгиня навѣстила Сеню, нашла его очень худымъ и блѣднымъ, расплакалась и объявила содержателю, г-ну Ютржицкому, что возьметъ мальчика изъ пансіона, если его будутъ изнурять подобнымъ образомъ. Ютржицкій былъ, что называется, третій калачъ, —когда-нибудь мы поговоримъ объ немъ подробно,—онъ униженно раскланялся передъ княгинею, сказалъ, что хотѣлъ сдѣлать изъ Сени математика; но теперь, понимая желаніе княгини, постарается приготовить его по извѣстному направленію; проводилъ ее безъ шапки до кареты, самъ отворилъ дверцы и просилъ пожаловать черезъ мѣсяць посмотреть на воспитанника.

И точно, въ самое короткое время Сеня опять сталъ такъ же румянь и свѣжъ, какъ былъ въ благословенномъ Гороховѣ. Чудесный человекъ Ютржицкій! Онъ постигъ чувствительность княгини и перемѣнилъ совершенно съ Сенею методу воспитанія: когда другіе воспитанники пансіона сидѣли надъ уроками, Сеня гулялъ на вольномъ воздухѣ; всѣ его занятія ограничивались русскою грамотою и началами ариметики, и то ad libitum. Гимнастическія упражненія, возбуждая аппетитъ, еще болѣе способствовали укрѣпленію тѣла. Ютржицкій образовывалъ физическаго Сеню и образовывалъ съ знаніемъ дѣла. А нравственный Сеня? Ну, да какое до этого дѣло! Княгиня платила хорошо; княгиня не любила желтыхъ, испитыхъ рожей—и Ютржицкій дѣлалъ ей угодное.

Нечувствительно прошло нѣсколько лѣтъ; Сеня стало шестнадцать, и Сеня былъ очень-хорошенькій мальчикъ, или юноша, коли угодно: его голова была кудрява и шелковиста какъ у ребенка, но въ глазахъ свѣтилъ не дѣтскій огонь; его полное, румяное личико было свѣжо и нѣжно, какъ у дѣвушки, но на верхней губѣ, щекахъ и подбородкѣ, какъ на зрѣломъ персикѣ, пробивался густой пухъ; изъ высокой груди Сени вылетали не дѣтскіе звуки: онъ говорилъ звучнымъ контракторомъ,—Сеню взяли изъ пансіона.

Сеня былъ живъ, рывоъ, всѣ въ домѣ кланялись передъ Сенею, воля Сени была закономъ для всѣхъ, княгиня очень любила Сенею, ни одинъ попугай такъ не занимался она, какъ своимъ воспитанникомъ.—Ахъ, какой-ты ребенокъ! говорила она часто, какъ взяла Сенею изъ пансіона:—развѣ такъ платятъ дѣти за любовь своимъ родителямъ? Ну, пооди сюда, назови меня мамашею, обними меня. — Сеня, робко опустивъ глаза, обнималъ маменьку...

Добрая княгиня!

Излишняя доброта не ведетъ къ добру. Скоро Сеня сдѣлался дерзокъ, гордъ, грубъ съ окружающими его, даже и съ самою княгинею, выучилъ попугая браниться, читалъ Поль-де-Кока, распевывалъ соннымъ лакеямъ рожки, даже послѣ ликёромъ любимую мою княгиню, и за все это добрая женщина драда за ухо своего воспитанника.

Однажды княгиня ласково сказала Сени: — Ты, мой другъ, принять въ университетъ; учись, Сеня; современемъ ты долженъ быть подпорою старости твоихъ родителей; каждый день поутру ты будешь ѣздить на лекціи, а вечера можешь проводить попрежнему дома, въ обыкновенныхъ занятіяхъ.

И вотъ ежедневно гнѣдой рысакъ началъ возить Сенею въ университетъ и изъ университета.

На всѣхъ возможныхъ разгуляхъ явилось новое лицо очень веселое.

Однажды Сеня возвратился домой раньше обыкновеннаго; ниш не было лекціи, или онъ сократилъ ее по какимъ-нибудь нежданымъ мнѣ причинамъ. Сеня въбжалъ въ спальную княгини; тамъ была только одна горничная. Вы согласны, что горничныя бывають прехорошенькія? Горничная-княгини, восемнадцатилѣтняя Маша, розовенькая, живая, веселая, съ вѣчною улыбкою, показывающею рядъ бѣленькихъ ровныхъ зубовъ, особенно была хороша теперь: она на досугъ прищипывала себѣ на голову райскую птичку, стояла передъ трюмо, строила себѣ глазки, и улыбалась...

— Мамаша дома? спросилъ Сеня, въбгая въ комнату.

— Уехали гулять, отвѣчала Маша, отскочивъ отъ трюмо, и красва начала снимать съ головы птичку; но птичка какъ нарочно запуталась въ волосахъ и не хотѣла оставить хорошенькой головки.

— Хочешь, я тебѣ помогу, Маша?

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте!

— Какая дурочка! погоди, я сейчасъ отколю. И Семень Ивановичъ медленно, будто нѣхотя, началъ отщипливать птичку.

— Куда же уехала мамаша въ такую дурную погоду?

— Не знаю-съ; видно имъ хорошая погода.

— Отъ-чего?

— Такъ-съ, Аргонавтъ Макаровичъ такой занимательный...

— Какъ? Аргонавтъ Макаровичъ? вотъ это усатое чучело?

— Что вы чучело! такой молодець! такой плечистый!.. Маша захохотала.

— Княгиня съ нимъ повхала? Да онъ, кажется, всего разъ былъ у нея, какъ привезъ изъ Валдая письмо отъ ея кузины.

— Слава Богу! вотъ ужъ мѣсяць, почти каждое утро вѣдать гулять вмѣстѣ.

— Вотъ что!... Семень Ивановичъ потихоньку засвисталъ.

— Да скоро ли вы кончите?

— Сейчасъ, сейчасъ, Машенька! Какая ты хорошенькая...

— Полно-те пустяки-то болтать! Оставьте!

— Премиленькая!..

— Пустите! кто-то идетъ. Несносный!

— Вздоръ!...

Семень Ивановичъ быстро схватилъ Машу за подбородокъ, приподнял ея голову и звонко поцаловалъ.

— Ахъ!.. пропищалъ за нимъ знакомый голосъ.

— *Cet homme a desentrailles!* проревѣлъ басъ. Убѣгая, Сеня взглянулъ назадъ: княгиня стояла блѣдная, взволнованная. Ея держалъ подъ руку усатый человекъ въ венгеркѣ.

Вечеромъ того же дня, дворецкій княгини, Маркъ Петровичъ, объявилъ Семену Ивановичу, чтобъ онъ къ завтраму оставилъ домъ княгини. — Вы, дескать, сказали ея сіятельство, говорилъ дворецкій, — уже довольно образованы и можете сами себя искать хлѣбъ, а лѣта ваши такія, что ей, какъ вдовѣ, не пристало васъ держать, да и вамъ-то скучно жить здѣсь: вы человекъ молодой.

— Очень радъ! отвѣчалъ Семень Ивановичъ.

— Слушаю-съ. Княгиня приказала оставить при васъ всѣ ваши вещи и платье; такъ куда прикажете ихъ перевезть? Я приготовилъ уже подводу.

— Куда?... куда нибудь!

— Смѣшно разсуждаете, Семень Ивановичъ!...

— Что...?

— Не извольте горячиться; я вамъ добра желаю и изъ жалости хочу, то-есть, войти въ ваше положеніе...

— Я сейчасъ пойду къ княгинѣ... и...

— Ея сіятельство приказали сказать, что для нихъ очень-прискорбно разставаться съ вами, отъ-того она уѣхала въ театръ, и надѣется, возвратясь, съ вами здѣсь не встрѣтиться.

— О-го! какая чувствительность! и жарно уѣхала съ этимъ усатымъ Валдайцемъ!..

— Не наше дѣло.

— Да, да! говорилъ Семень Ивановичъ самъ съ собою, ходя по комнатѣ:—ихъ воля, они sui juris! Да, проклятые Аргонавты... гдѣ нашли Колхиду! вотъ разгадка мѣла! а еще профессоръ ломаетъ голову... И лучше, прахъ возьми! Бѣгу изъ этого дома! и слава Богу! бду!...

— Куда же вы поѣдете? Здѣсь городъ столичный; никто ничего даромъ не даетъ, и въ комнату даромъ не пустятъ. Много ли у васъ денегъ?

— А тебя какое дѣло?

— Вѣрно есть, когда спрашиваю, Семень Ивановичъ. А я знаю, что немного; дай Богъ какъ рублей десятокъ-другой наберется — вы человекъ небережливый. Правда моя? То-то же. Молчите? Вамъ надобно служить, Семень Ивановичъ. Хотите, я вамъ достану мѣсто? Не смѣйтесь, Семень Ивановичъ! Нашъ братъ простой человекъ подь-часъ дѣлаетъ больше инаго знатнаго; поживѣте, увидите! Золотой стрѣлка честь: она, дескать, время показываетъ, а еѣ-то толкаетъ желѣзная пружинка, только пружинки не видно... Хотите, завтра же васъ опредѣлимъ, а то вамъ нѣгдѣ будетъ головы приклонить; вы же дитя барское, къ нуждѣ непривычное...

— Пожалуй! дѣлать нечего.

— Извольте; но вы съ своей стороны не откажите и мнѣ въ услугѣ. Когда вы сейчасъ говорили сами съ собою, я многого не понималъ: вы говорили хорошо, по ученому, известно: ученые свѣтъ, мы люди темные. Вотъ я и подумалъ: у меня растетъ сынишка Федька и грамоту уже знаетъ, не поучили ль бы вы его уму-разуму? Я за это ужъ вамъ доставлю мѣстечко. У меня есть хороший пріятель Иванъ Ивановичъ Баллада; онъ служитъ столоначальникомъ по счетной части; вотъ тутъ же недалеко отъ насъ въ казенномъ домѣ и квартируетъ; если вы согласны, мы сейчасъ же можемъ сходить къ нему поговорить о мѣстѣ.

Семень Ивановичъ молчалъ.

— Куда же прикажете перевезти ваши вещи? спросилъ хладнокровно дворецкій.

— Нѣтъ, пойдѣмъ, братецъ, лучше къ Балладѣ.

— И давно бы такъ!... Да, вотъ я еще хотѣлъ вамъ сказать, Семень Ивановичъ. Извольте видѣть, было время, вы на меня покрикивали ты, и даже часто называли сдѣланою коровою... ну, Богъ съ вами, это было время, а теперь другое; тогда вы были ребенокъ, известно — балованное дитя, для потѣхи ея сіятельства—а теперь вы, слава Богу, уже человекъ взрослый. Со стороны подумаютъ объ васъ худо, скажутъ, что вы и сѣдинъ не уважаете... Я же, слава Богу, человекъ пожилой; недавно купилъ домикъ на Петербургской Сторонѣ у отставнаго камер-музыканта Фейфа, съ огородикомъ и кус-

томъ сирени, — можетъ, вы замѣтили въ Двусторонней Улицѣ? И надзиратель у меня бываетъ, и сама княгиня говорить со мною уважительно...

— Хорошо, хорошо, пойдемте, почтеннѣйшій Марко Петровичъ.

— Пойдемте, любезнѣйшій Семенъ Ивановичъ! Ваши вещи я прикажу перенести въ мою комнату: вы у меня переночуете; а когда прѣдетъ княгиня изъ театра, я доложу, что вы съѣхали и очистили покой.

— Я знаю Балладу уже болѣе двадцати лѣтъ, говорилъ дворецкій Семену Ивановичу, иди по длинному корридору казеннаго дома: тогда еще онъ пѣлъ альтомъ въ какомъ-то хорѣ, и съ-тѣхъ-поръ наша дружба не прекращается; я ему доставляю иногда игранныя ноты съ флигеля ся сіятельства... Веселый человекъ! а притомъ и дѣловѣй, учить пѣть двухъ дочекъ какого-то значительнаго человека — да, что хочеть, все дѣлаетъ — уважительный человекъ! Слышете ли?

Въ это время въ углу корридора раздалось: фа-соль! фа-соль! и послѣ октавою выше: фа-соль! фа-соль!...

— Это самъ Иванъ Ивановичъ пробуетъ свой голосъ. Вишь какъ звенить!

При этомъ словѣ, Маркъ Петровичъ отворилъ дверь изъ корридора прямо въ маленькую комнату. Въ комнатѣ противъ двери сидѣлъ на диванѣ толстый человекъ, въ пестромъ жилетѣ и въ блѣднѣмъ галстукѣ съ манжетами, держа на коленяхъ маленькіе клавикорды аршина полтора длиною; за ухомъ у него торчало гусиное перо, на носу зеленые очки, въ правой рукѣ былъ карандашъ, въ левой листъ бумаги. Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ на бумагу, былъ карандашомъ по двумъ клавишамъ и вопилъ fa, sol!

Иванъ Ивановичъ очень хорошо принялъ Семена Ивановича, обцалъ завтра утромъ на урокъ у его превосходительства, похлопоталъ о мѣстѣ, и просилъ навѣдаться завтра же часу во второмъ въ департаментъ.

Ночью Семенъ Ивановичъ имѣлъ время поразмыслить, впервые оглянувшись вокругъ себя, и увидѣвъ, что ему нельзя существовать безъ службы. Но сдержитъ ли поющій скворецъ Иванъ Ивановичъ свое слово? Сомнѣніе закралось въ душу Семена Ивановича: въ немъ родилась какая-то недовѣрчивость къ себѣ и къ своему покровителю: словомъ, онъ былъ въ положеніи человека, ищущаго мѣста: Вы счастливы, читатель, если не испытали этого положенія! Благодворяйте судьбу свою и пожалуйте о Семенѣ Ивановичѣ, который робко прочелъ надпись: *департаментъ такой-то* и медленно, нерѣшительно взялся за чисто выполированную бронзовую ручку департаментской двери.

— Прощайте; Семенъ Ивановичъ; можетъ-быть никогда не увидимся!...

Быстро оставилъ Семенъ Ивановичъ департаментскую ручку, буд-то она обожгла его, и оборотился: передъ нимъ на троттуаръ стояла Маша.

— Машенька, что съ тобою?

— Отправляютъ по пересылкѣ въ Саратовскую Губернію на фабрикку... отвѣчала Маша, хотѣла улыбнуться, и заплакала.

— За что?

— Все черезъ васъ... вотъ видите...

Она не договорила, пошла, оглянулась на Семена Ивановича, еще разъ оглянулась при поворотѣ въ другую улицу, поклонилась ему и исчезла.

Семенъ Ивановичъ стоялъ у двери; ему стало и досадно и совѣстно и чего-то жаль. Непріязненное предзнаменованіе! подумалъ онъ и вошелъ въ департаментъ. Вѣрно онъ не зналъ русской поговорки: начало дурное—конецъ хорошій. Да и кто теперь вѣруеть въ примѣты, кроме старушекъ-тетушекъ? Я имѣю удовольствіе лично знать человека, которому зяцъ перебѣжалъ дорогу почти у самой заставы, при вѣздѣ въ губернской городъ. Согласитесь, примѣта весьма неблагоприятная, особенно для вдушаго по тяжebuному дѣлу? Мой знакомый не оплошалъ: застрѣлилъ зайца, приказалъ зажарить, прибавилъ къ нему ящикъ шампанскаго и угостилъ судей этимъ куріознымъ, какъ онъ выражался, зайцемъ. Черезъ недѣлю мой знакомецъ выигралъ дѣло! Вотъ вамъ и примѣты! По-моему, всякая примѣта хороша, умѣй только распорядиться...

Хорошее дѣло опытъ! Жаль, что надо покупать его цѣною съдыхъ волосъ...

Семена Ивановича приняли въ департаментъ очень хорошо и скоро опредѣлили помощникомъ къ г. Балладѣ. Баллада, не смотря на свое физическое свойство—*плывучесть*, обладалъ еще превосходнымъ французскимъ глаголомъ *savoir vivre*. На основаніи этого полезнаго глагола, онъ умолчалъ объ отношеніи Семена Ивановича къ княгинѣ, и распустилъ слухъ, будто она сама хлопочетъ о немъ. Баллада говорилъ по секрету много всякой всячины, которая была бы очень пріятна ея сіятельству, еслибъ дошла до нея. Между-тѣмъ, это дало Семену Ивановичу вѣсѣ въ глазахъ нижнихъ чиновниковъ, это его ободрило; онъ началъ безсовѣстно лгать канцелярскимъ высшемъ кругъ, который былъ для нихъ *terra incognita*, и мало-помалу, повторяя свои нелѣпые разсказы, дошелъ до-того, что самъ если не вполнѣ, то вполонину вѣрилъ своимъ баснямъ. Впрочемъ, если вы служили, то сами скажите, какъ не вѣрить въ сильную, необыкновенную протекцію человека, шагнувшаго разомъ на штат-

ное мѣсто? и какъ не взрѣть всѣмъ миеологическимъ разсказамъ чело­вѣка, вмѣющаго такую протекцію?!..

Я имѣлъ честь въ первый разъ видѣть и слышать Семена Ивановича на музыкальномъ вечерѣ у Макара Ивановича, — помните? у Гнѣдопѣгаго Моста въ Каменномъ Департаментѣ, въ казенной квартирѣ. И еще мы шли съ вами по лѣстницѣ, гдѣ жена акзекутора ставитъ на ступенькахъ къ лѣвой сторонѣ кадки и ведра...

ГЛАВА IV.

Жизнь Ивана Яковлевича.

Вашъ я отнынѣ! сказали рыбакамъ я любезнымъ.
В. Бенедиктовъ.

Когда Сеню взяла княгиня, Ивану Яковлевичу было подѣ пятьде­сять, а женѣ его подѣ сорокъ. — Это такая пара, говорилъ мнѣ одинъ докторъ: — что дѣтей почти никогда не бываетъ; дѣло другое, будь мужу семьдесятъ или восемьдесятъ — были бы непрямѣнно. — И точ­но, больше дѣтей у Ивана Яковлевича не было. — Да ина что мнѣ дѣ­ти? говаривалъ почтмейстеръ: — слава Богу, одинъ сынъ въ столицѣ, будетъ министромъ, а при мнѣ еще пятеро, и такъ визгу довольно.

Служилъ почтмейстеръ, подростали его дѣтки, и между-тѣмъ ре­гулярно два раза въ годъ получалъ онъ письма отъ дворецкаго кня­гини, что Сеня живъ и здоровъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ.

Однажды вечеромъ, Иванъ Яковлевичъ пришелъ домой не въ ду­хъ и сказалъ женѣ по секрету, что въ Россіи ходитъ страшная бо­лезнь, какая-то холера, всѣ письма изъ южныхъ городовъ и даже изъ Москвы исколоты. — Что-то съ нами будетъ?

— Будетъ воля Божія, сказала Аграфена Львовна.

— Это такъ, да мнѣ что-то страшно, самъ не знаю отъ-чего.

— Станемъ молиться.

— Станемъ.

Супруги помолились, благословили дѣтей и легли спать.

Ночью, Иванъ Яковлевичъ услышалъ тревогу въ домѣ; двое мень­шихъ его дѣтей жестоко страдали, тревожно метались на подуш­кахъ; головы ихъ горѣли, ручки и ноги были холодны. Послали за докторомъ.

Пришелъ докторъ, осмотрѣлъ дѣтей и, отступя два шага, сказалъ: «Спасайтесь! Холера!..»

Отъ ужаса никто не могъ сойти съ мѣста. Цоутру весь городъ былъ оцѣпленъ; вездѣ дымидись курева. У Ивана Яковлевича лежа­ло на столѣ двое мертвыхъ малютокъ. Крестьянъ проходилъ народъ мимо дома почтмейстера, робко посматривая на ворота, отмѣченныя чернымъ крестомъ. — Вотъ гнѣздо, гдѣ танцъ наша смерть, говорили

другіе, указывая издали на красную крышу Ивана Яковлевича;—оттуда прійдетъ она къ намъ. Къ вечеру, бѣдный почтмейстеръ былъ круглымъ сиротою : и старшія его дѣти лежали мертвы, жена едва дышала въ страшныхъ мукахъ. Иванъ Яковлевичъ не плакалъ, только потиралъ рукою лобъ и, безпрестанно переходя отъ окна къ другому, смотрѣлъ на небо. Черезъ нѣсколько дней, Аграфена Львовна, сверхъ всякаго оживленія, начала выздоравливать. Отчаяніе почтмейстера превратилось въ тихую, безмолвную грусть. Онъ часто, сидя дома одинъ, заливался слезами.

Тогда еще мнѣніе о заразительности холеры не подлежало никакому сомнѣнію, и Иванъ Яковлевичъ крѣпко забралъ себя въ голову, что самъ былъ причиною смерти своихъ дѣтей, перебирая въ рукахъ исколотыя письма. Мѣсто службы стало для него противно. Сверхъ того, нѣкоторыя измѣненія по почтовой части, перемѣна вѣсвыхъ денегъ и т. п., рѣшительно сбили его съ толку ; онъ подалъ въ отставку, къ удивленію всѣхъ Гороховцевъ, привыкшихъ видѣть его лѣтъ тридцать въ почтовой конторѣ, — и переселился въ родовое имѣніе жены своей на рѣчку Синеводъ.

Сильныя утраты быстро двинули добраго Ивана Яковлевича къ старости ; онъ въ годъ одряхлѣлъ и примѣтно потерялъ прежнюю живость характера. Въ то время онъ получилъ письмо отъ дворецкаго, что его сынъ, окончивъ курсъ наукъ, по милости княгини, опредѣленъ въ штатскую службу. Старикъ отслужилъ молебень о здравіи благодѣтельной княгини, созвали на обѣдъ сосѣдей и тутъ же рѣшились вызвать сына, если можно женить, и утѣшаться на старости. Это сдѣлалось единственною мечтою Ивана Яковлевича. Пошла переписка. Сеня писалъ отцу, что радъ его видѣть, но не имѣетъ денегъ. Деньги вещь важная на Синеводѣ; прогоновъ отъ Петербурга приходилось платить не мало: старикъ призадумался. Иванъ Яковлевичъ продалъ Цыганамъ своего любимаго коня; Аграфена Львовна спустила съ рукъ, какъ она выражалась, алмазный перстень въ видѣ пылающаго сердечка, подаренный ей покойною бабушкою, сложили капиталъ, сосчитали раза четыре: выходятъ прогоны, еще и лишннихъ рублей десять. Ну, это пусть полакомится дорогою; вѣдь такъ надобно что-нибудь, сказалъ Иванъ Яковлевичъ, самъ отвезъ на почту деньги, и возвратясь домой, началъ высчитывать дни: когда письмо прійдетъ въ Петербургъ, когда Сеня его получитъ, когда соберется выѣхать, и когда прійдетъ на Синеводъ. Для этого, Иванъ Яковлевичъ даже составилъ особенную таблицу; ложась спать, каждый вечеръ зачеркивалъ одно число и считалъ остальные. — Семенъ Ивановичъ получилъ деньги исправно, но не торопился ѣхать: онъ сейчасъ издержалъ прогоны на одну лошадь и рѣшился ждать 15-го мая, чтобъ ѣхать невозбранно на парѣ, а отцу отвѣчалъ, что его ка-

кой-то графъ съ какимъ-то княземъ не пускають раньше этого числа; что они оба его начальники, оба женятся въ первыхъ числахъ мая и оба хотять имѣть его шаферомъ. — Подождемъ, говорилъ Иванъ Яковлевичъ: — противъ начальства не должно спорить.

ГЛАВА V.

СНЯ ВЪДЕТЬ.

Гдѣ ямщикъ нашъ, на попойку
Вставшій съ темнаго утра,
И загнать готовый тройку
Изъ полтины серебра?

Кн. Вяземскій.

— Господи, Боже мой! что за городъ! всѣмъ завладѣли кулаки! живтя нѣтъ отъ нихъ. Ступишь за дверь — передъ тобою кулакъ; какъ тѣнь, проклятые, не отстають... Ай-да Москва! нечего сказать! Правда, видъ съ Ивана-Великаго, хорошъ, и пушка въ Кремль хороша, и колоколъ хорошъ, и калачи хороши... Не будь кулаковъ, дажъ бы старухъ руку на мировую; но эти несносные, эти мучители... Тутъ Семѣтъ Ивановичъ выразительно ударилъ себя въ грудь собственнымъ своимъ кулакомъ и началъ быстрыми шагами ходить по микроскопической комнаткѣ самаго верхняго этажа гостиницы Шевалдышева, которую, подъ громкимъ названіемъ *покойнаго пужера*, отдають проезжающимъ въ наемъ, по два рубля съ полтиною въ сутки.

У насъ много было писано о всѣхъ возможныхъ кулакахъ вообще, и о русскихъ въ особенности; смотрѣли на этотъ предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, — кажется, и довольно бы; но мода великое дѣло: извиняюсь, а все-таки скажу о нихъ два слова.

Всякому образованному человѣку известно, что кулакомъ называются сжатые плотно къ ладони пять пальцевъ руки человеческой; практическое примененіе ихъ къ дѣйствительной жизни тоже болѣе или менѣе не скрыто отъ публики: иные утирають ими слезы, и т. п. Есть еще кулаки на мельничныхъ колесахъ; эти уже дѣлаются не изъ пальцевъ человеческихъ, но изъ какдаго-нибудь крѣпкаго дерева: клена, бука, или граба. Московскіе кулаки рывительно не подходятъ ни подъ одно изъ вышеприведенныхъ опредѣленій и само-себѣ составляютъ вещь довольно-непріязненную. Это, изволите видѣть, живые люди, точно такіе же, какъ и мы съ вами, мой добрый читатель; а названы «кулаками» такъ, безсознательно, хоть и довольно-удачно. Они составляютъ руку, живущую на счетъ другихъ, безъ всякаго труда съ своей стороны, какъ опела на растеніяхъ, какъ многіе полицы на животныхъ. Кулакъ сидитъ цѣлый день

у воротъ и смотритъ на свѣтъ Божій — вотъ вся его работа; между-тѣмъ, живетъ онъ по-своему хорошо, даже роскошно. Если вы не имѣете собственныхъ лошадей, то ни сами не выѣдете, ни вышлете куда-нибудь изъ Москвы ваши вещи безъ кулака; онъ явится къ вамъ, просить тройную цѣну, торгуется, и наконецъ, когда вы выѣдете, тогда только узнаете, что имѣли дѣло съ кулакомъ, у котораго нѣтъ ни одной лошади, и что васъ везетъ ямщикъ за половину цѣны, взятой съ васъ кулакомъ. Ни одинъ ямщикъ не смѣетъ везти безъ поередничества кулака, который Богъ-знаетъ за что беретъ деньги. Вы думаете, они ямбуютъ на это какую-нибудь привилегію? Ничуть не бывало! Спросите любого ямщика, — онъ вамъ ответитъ, почесывая въ ватылжк: «Такъ ужь изстари ведется; извѣстно, на то кулаки проклятые; такая ихъ должность!»

Долго быстрыми шагами ходилъ Семень Ивановичъ по комнаткѣ, упражняясь въ сопряженіи всѣхъ глаголовъ богатаго русскаго языка; хоть немного оскорбляющихъ слухъ, пересыпая, вѣроятно для практикы, разныя времена и наклоненія нарицательными именами, склоненными по всѣмъ падежамъ, и приноровляя все это къ московскимъ кулакамъ; единственный въ комнатѣ экземпляръ стула прыгалъ, столъ дрожалъ, диванъ шевелился, и пауки, испуганные тревогою, робко ползли изъ дивана по стѣнкѣ. Наконецъ, Семень Ивановичъ надѣлъ шляпу и пошелъ жаловаться частному приставу.

Что говорилъ Семень Ивановичъ приставу и что отвѣчалъ Семену Ивановичу приставъ, достоверно неизвѣстно: исторія объ этомъ умалчивается; но, кажется, экспедиція была неудачна для моего героя, судя по его смущенному виду и рвчамъ, которыя онъ ворчалъ, идя по Тверскому Бульвару: «Да это срамъ рассказать порядочному человѣку!.. Здѣсь они имѣютъ какую-то власть, правѣтвенную силу, у нихъ какая-то *privilegia favorabilia*, какъ называется въ римской правѣ... Ъхалъ изъ Петербурга порядочнымъ человѣкомъ, ѣлъ въ Помераньи биштексъ, въ Торжкѣ котлеты, въ Твери коврижки, въ Яжелбицахъ форели, только проспалъ валайскіе баранки... ну, словомъ, ѡхалъ, какъ люди... Вотъ-что значить дилижансы, — а тутъ и сиди... третья сутки лошадей не дождусь... Совтуютъ ѡхать на вольныхъ до Подольска... оно ничего; но сорокъ рублей просать кулаки, а прогоновъ всего девять на тройку... Ахъ, ои!.. Ну, чѣд скажетъ объ этой баронѣ Киксъ?» И Семень Ивановичъ задумчиво опустился на бульварную скамейку, смотря на кончякъ своего сапога.

Въ это время шли мимо двѣ дамы, довольно-свѣжія, довольно-опрятныя и довольно-развязныя, въ шолковыхъ салоцахъ, въ розовыхъ шляпкахъ; за ними спѣшилъ человѣкъ довольно-дряхлый, толстенькій, въ синемъ сюртукѣ, похожемъ на мѣшокъ, и въ синемъ суконномъ картузѣ съ назатыльникомъ, засматривая подъ шляпки въ ма-

ленькую лорнетку. Онъ, казалось, все быль преданъ своему благородному занятію; но фамилія *баронъ Киксъ*, довольно-громко произнесенная Семеномъ Ивановичемъ, остановила его; синій картузь посмотрѣлъ на Семена Ивановича, улыбнулся и значительно убавилъ шагу, не смотря на то, что розовыя шляпки раза три на него оборачивались. Онъ вынулъ изъ кармана кусочекъ шоколаду и принялся ѣсть, о чемъ-то размышляя; потомъ вынулъ платокъ, утеръ лицо и, поворотивъ назадъ, началъ медленно, осторожно подходить къ Семену Ивановичу. Между-тѣмъ, мимо Семена Ивановича прошелъ какой-то лёгонькій старичокъ, посмотрѣлъ на него привѣтливо, и вдругъ въ головъ Семена Ивановича, ни съ того, ни съ другаго, родилась мысль написать шараду изъ слова: *кулькъ*. «Да, напишу» думалъ Семенъ Ивановичъ: «напишу злую шараду, и тутъ же въ Москвѣ отдамъ ее напечатать: пускай читаютъ и сердятся... Вѣдь иной, право, такой профанъ, и чина небольшого, а пишетъ-себѣ шарады; а я отъ-того не пишу, что не пробовалъ... Положимъ, первое мое *куль* — это остро: можно сказать *куль* съ чѣмъ-нибудь нехорошимъ; или, еще лучше, я гдѣ-то читалъ:

Я вѣлъ съ нимъ бой Мехмета-Кула,
Сибирскихъ странъ богатыря...

Значитъ, *Куль* татарская фамилія, этакая варварская, разбойничья! чудесно! Не только остро, даже очень-зло!.. Мое второе: *акъ*... что бы это такое *акъ*? Кажется, ничто не называется по-русски этимъ именемъ,—жаль! а въ цѣломъ какая бы вышла богатая рифма — *дуракъ*... что съ ними церемониться? писать, такъ писать!.. Разомъ шарада съ эпиграммою... *Куль*... *акъ*!.. *куль-акъ*!.. Досадно... *куль*...

— Вы изволите заниматься корнесловіемъ? въжливо спросилъ Семена Ивановича человекъ въ синемъ сюртукѣ и снялъ картузь, какъ бы показывая, для потѣхи, небольшую ящерообразную, плотно выстриженную головку, причесанную кверху *à la ёжъ*.

— Да-съ.

— Очень-пріятно. Я самъ иногда люблю произвестъ слово, другое; у меня ни одно слово не пройдетъ безъ корня... Позвольте присѣсть!

— Сдѣлайте одолженіе.

Семенъ Ивановичъ засвистѣлъ водевильный куплетъ.

— Вы провѣжающій, какъ я замѣчаю? спросилъ синій сюртукъ.

— Я ѣду изъ Петербурга въ свои деревни. Отъ-чего жъ вы узнали, что я провѣжающій?

— Человекъ наблюдательный сейчасъ это замѣтитъ: вы съ такимъ вниманіемъ разсматриваете нашу городъ. Смѣю спросить, гдѣ остановились?

— Въ гостинницѣ Шевалдышева — и очень недоволенъ: берутъ въ сутки пятнадцать рублей, кормятъ гадко... Съ нетерпѣніемъ жду

минуты, когда будет готова моя карета—сейчас же ускачу; у васъ очень скучно,—а прійдется посидѣть день, другой...

— Справедливо изволите говорить; впрочемъ, здѣсь есть много очень-веселыхъ вещей. Вотъ, противъ Кремля, новый фонтанъ—тоже по части древностей... Я, въ прежнее время, признаться, служилъ, просвѣщалъ юношество, — и все оставилъ единственно для древностей, живу здѣсь и, не утаю правды, много успѣлъ... Здѣсь есть университетъ; но профессоры молодые люди, меня не понимаютъ... Позвольте спросить, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Я... графъ... Крузадо... къ вашимъ услугамъ.

— Вмѣняю себя въ особенное счастье... Синій сюртукъ привсталъ, приподнялъ картузь и опять сѣлъ. — Да-съ, ваше сіятельство; вѣрите ли, они даже не могутъ понять, что этотъ бульваръ африканскій...

— Я думалъ, Тверской?

— Тверской во всякое другое время; но теперь — африканскій...

— Отъ-чего же?

— Отъ-того, что Африка вовсе не Африка, но Априка — понимаете? Вѣроятно, ваше сіятельство изволите знать по-латынъ?

— Да, разумеется; кто теперь не знаетъ по-латынъ! Но все я васъ какъ-то понимаю темно.

— Вотъ видите: солнце теперь вверху, а бульваръ внизу, противъ него; следовательно, онъ противолежащій солнцу, что называется по-латынъ: *argicus*, а въ женскомъ *argica*, отъ-чего и Африка получила названіе, то-есть страна *argica*, противолежащая солнцу. Въ послѣдствіи *p* измѣнилось въ *f* и вышло — Африка; следовательно, Бульваръ Тверской въ полдень дѣлается Африканскимъ, или Априканскимъ, точнѣе сказать... Что? это васъ поразило?

— Сильно поразило!

— И вѣрите ли, господа-ученые этого не понимаютъ; живутъ въ Москвѣ и знать не хотятъ, что Москва произошла отъ моста, что здѣсь былъ единственный мостъ въ цѣломъ округѣ, и всѣ говорили: «поѣдемъ въ деревню у моста», то-есть, которая стоитъ у моста; а въ послѣдствіи, отъ скорого выговора: моста, моста, моста, вышло—Москва...

Синій сюртукъ вдругъ умолкъ и, улыбаясь, посмотрѣлъ въ глаза Семену Ивановичу.

— Да, ваше сіятельство! здѣсь очень пріятно для антикофила. Вотъ одинъ почтенный мужъ, докторъ медицины, статскій совѣтникъ Нетроньмена, безпрестанно пишетъ ко мнѣ и уговариваетъ служить вмѣстѣ, а я и служить не хочу, пока не кончу своихъ корней...

Синій сюртукъ вынулъ изъ кармана довольно-засаленное письмо и поднесъ его къ носу Семена Ивановича. Письмо начиналось: «Любезный другъ Меодій Исаковичъ...»

— Вы Меодій Исааковичъ? спросилъ Семень Ивановичъ.

— Надворный совѣтникъ и кавалеръ Меодій Исааковичъ Аартовъ. Признаюсь, мое имя, напоминающее Меодія и Кирилла, первыхъ писателей на языкъ словенскомъ, часто мнѣ будто шепчетъ: трудись на почвѣ корнесловія словенской рѣчи, во славу своего патрона...

— Прекрасный слогъ, сказалъ Семень Ивановичъ, возвращая письмо: — очень похожъ на слогъ баронессы Фруктенбау.

— Не имѣю чести знать.

— Это кузина барона Кикса, моего первѣйшаго друга.

— Я не смѣю васъ беспокоить, но, признаюсь, слышалъ многодомъ, какъ вы упоминали незабвенную для меня фамилію Киксъ. Я имѣлъ счастье пользоваться въ молодости благосклонностію многихъ вельможъ и въ томъ числѣ барона Кикса; всегда, бывало, по вечерамъ ему читалъ газеты; баронесса, бывало, сама мнѣ поднесетъ чашку чаю и скажетъ какой-нибудь привѣтъ... Что, здоровъ ли Левъ Адамовичъ?

— Мой Киксъ Карлъ Карловичъ.

— А! долженъ быть дальній родственникъ или однофамилецъ. Потерялъ я изъ виду Льва Адамовича! Все работаю и думаю: окончу свой трудъ, перейду на было семьдесятъ тысячъ корней и посвящу ему. Но теперь я благодаренъ случаю, что имѣю честь бесѣдовать съ вашимъ сіятельствомъ и надѣюсь, современемъ ваше просвѣщенное вниманіе... Куда же вы уходите, графъ?

— Горююсь узнать, скоро ли будетъ готова мой экипажъ. Скучно у васъ въ Москвѣ!

— По-крайней-мѣрѣ, позвольте, ваше сіятельство, мнѣ имѣть честь засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее почтеніе у васъ на квартиру.

— Къ-чему это, почтеннѣйшій?

— Нѣтъ, извините; я ацаю свои обязанности въ отношеніи къ ученымъ вельможамъ, и если вы позволите...

— Хорошо, хорошо; приходите въ гостиницу въ восемь часовъ вечера пить чай...

— Несносные чудаки эти ученые! думалъ Семень Ивановичъ: — однако и я ему пустилъ пыль; пускай, голубчикъ, явится да вишетъ графа!.. Убираться поскорѣе изъ Москвы... Охъ, кулака, кулака! дорого, а дѣлать нечего...

Часа черезъ три выѣхала изъ Москвы примѣчательная телега: тройка тощихъ, разбитыхъ лошадей едва тащила ее, переваливаясь съ ноги на ногу; ямщикъ, лукаво улыбаясь, разводилъ по воздуху кнутомъ, приговаривая: «Шалишь, друзья! Охъ вы, соколики, выноси! Съ горки на горку! дасть баринъ ма водку!.. Э-но-оно!..» Въ те-

легъ, на чемоданъ, какъ на пьедесталъ, сидѣлъ человекъ въ модномъ узенькомъ сюртучкѣ съ короткими рукавами; распустивъ надъ головою дамскій зонтикъ, онъ подпрыгивалъ при каждомъ толчкѣ телеги и былъ очень-похожъ на резилковаго Китайца. Мальчишки смѣялись, показывая на него пальцами, и кричали: «у! у!», а онъ ворчалъ: — Пари держу, что это дѣти гадкихъ кулаковъ! Что за городъ Москва! Слава Богу, что изъ него вырвался: теперь все пойдеть ладно!..

ГЛАВА VI.

Все еще идетъ Сеня.

Обицуть я, уны! одинъ чудакъ вскричалъ.
Увидявши сие прохожий отъдчалъ;
Черезъ злато ты себя не учинилъ добра;
Сей камень собери здѣсь вмѣсто серебра.

Повѣстная дѣтская азбука.

Обращаюсь къ вамъ, господа-путешественники, имѣвшіе удовольствіе ѣздить, по своей надобности, за Москву на городъ Подольскъ: вы не станете спорить, что Подольскъ городъ самый пріятный; я держу пари за девяносто-девять изъ ста, что вы провели въ этомъ очаровательномъ городѣ гораздо болѣе минутъ, часовъ и можетъ-быть дней, нежели располагали... Подольскъ очень похожъ на волшебные замки въ народныхъ сказкахъ; ворота для входящихъ широко распахнуты, а для выходящихъ крѣпко заперты; разница только, что въ волшебныхъ замкахъ заключенная жертва предается терзаніямъ всѣхъ возможныхъ чудовищъ, а въ Подольскъ она занимается въживлымъ разговоромъ съ станціоннымъ зрителемъ о разныхъ поучительныхъ предметахъ, слушаетъ веселья, удамыя народныя поговорки и остроты ямщиковъ, пьетъ чай изъ трактира надъ своею головою, и можетъ—если молода—кушать *бцитъкъ*, кушанье въ родѣ жаркаго, приготавливаемого мѣстными жителями изъ какого-то неизвѣстнаго мяса съ примѣсю луку и остиндскихъ пряностей—пища здоровая и пріятная, но требующая крѣпкаго устройства челюстей и прочныхъ зубовъ.

Еще было далеко до вечера, какъ Семень Ивановичъ торжественно вошелъ на станцію въ Подольскъ, приветствуемый низкими поклонами служителей трактира, находящагося во второмъ этажѣ наверху надъ станціей. Но вотъ уже зашло солнце; уже, говоря высокимъ слогомъ, ночь покрыла міръ черною мантиею и на стогнахъ богоспасаемаго града Подольска царствовала тишина, а Семень Ивановичъ, очарованный, заколдованный, все еще сидѣлъ на станціи въ Подольскѣ; онъ стоялъ у раствореннаго окна; въ комнатѣ ежа,

мерцагъ нагорѣвшій огарокъ сальной свѣчки; на верку гремѣли миллиардные шары и рѣзкій голосъ маркѣра распѣвалъ фистулою: «ничего и ничего», «очень-мало и слишкомъ-обидно!» и въ-слѣдъ за этимъ слышался басистый свѣхъ и восклицаніе «экая бестія!». Передъ окномъ по улицѣ ходили подъ руку три или четыре дѣвушки; удамой ямщикъ, идя подлѣ нихъ, брэнчалъ что-то на балабайкѣ, подпывая въ-полголоса какую-то импровизацію. Небо было мрачно; иногда вѣтеръ повѣвалъ въ окно, иногда большая станціонная собака, проходя мимо окна, сердито косилась на СеменаИвановича и вращала поджимая хвостъ.

— А что, любезнѣйшій, когда будутъ? спросилъ самымъ ласковымъ тономъ Семень Ивановичъ.

— Завтра въ эту пору кони будутъ! отвѣчалъ ямщикъ, и, оборотясь къ сосѣдкѣ, зашѣлъ громче прежняго:

Что я барынѣ чепецъ
 Любить барыню купецъ.
 Что на барынѣ обручникъ
 Любить барыню поручикъ, и проч.

Семень Ивановичъ молча тяжело вздохнулъ.

Разобравъ хорошенько поступки Семена Ивановича, мы увидимъ, что Подольскъ былъ для него непріятнѣе кулаковъ: на кулаковъ онъ изливался цѣлымъ потокомъ ругательства, даже хотѣлъ-было согрѣшить эпиграммою, а здѣсь уже несчастіе сильно подавило его — онъ былъ способенъ только вздыхать.

Разумѣется, сидѣть на станціи, когда хочется ѣхать, — положеніе непріятное; но унывать въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ: это, говорятъ докторъ, вредно для здоровья и можетъ подать поводъ къ улыбка какому-нибудь писарю; главное же, нисколько не поможетъ горю. Въ подобномъ случаѣ лучшее правило быть веселу, вообразить какъ смѣшно сидѣть, когда сидѣть не слѣдуетъ, строить любезности женѣ или дочерямъ зрителя, постараться поссорить двухъ ямщиковъ или двухъ пѣтуховъ, дразнить собаку и острить надъ лубочными картинками, развѣшанными по стѣнамъ; если это не поможетъ — побольше ѣсть и спать.

Одинъ мой пріятель, на подобный случай, всегда возилъ въ карманѣ флейту. На отвѣтъ «нѣтъ лошадей», онъ хладнокровно приказывалъ вносить свои вещи въ комнату, садился на нихъ, складывалъ флейту и начиналъ играть. Его игра отъ обыкновенныхъ звуковъ переходила *crescendo* въ самые адскіе тоны; бѣдная флейта дрожала и вопила совершенно не флейтнымъ голосомъ; ноты перебивались, путались и, съ визгомъ вырываясь изъ подъ-пальцевъ артиста, вылетали въ окна и двери. И какъ бы вы думали? Эта операція всегда удавалась: не было примѣра, чтобъ самый упорный зритель выдержалъ ее

болѣе получаса, и обыкновенно минутъ черезъ десять, даже меньше, являлся писарь, съ поклономъ докладывавалъ, что лошади готовы и просилъ поторопиться отъѣздомъ: вамъ, де-скать, на свой страхъ даемъ курьерскихъ.

Семень Ивановичъ въ первый разъ вхалъ на почтовыхъ, не имѣлъ съ собою флейты и былъ въ отчаяніи. Долго смотрѣлъ онъ на мрачныя тучи; а тучи, какъ вамъ извѣстно, рождаютъ самыя фантастическія идеи, чему прекрасный примѣръ стихотвореніе *le Soleil Couchant* въ «Осеннихъ Листьяхъ» Виктора Гюго. Вотъ причина, почему Семень Ивановичъ, глядя на тучи, какъ новый Громобой, подумалъ о нечистой силѣ, и не на шутку вздрогнулъ, когда велѣдъ за грѣшную мыслію явилось передъ нимъ существо, будто изъ земли выросло... Не пугайтесь; существо это не съ хвостомъ, не съ рогами, самаго обыкновеннаго вида, въ форменномъ сюртукѣ, въ фуражкѣ съ кантиками в сѣ кожаную сумкою на груди. Семень Ивановичъ очень обрадовался, когда оно, вѣжливо поклонясь, сказало человѣческимъ голосомъ: — Желаю добраго вечера! Вѣрно провѣзжающій?

— Точно-такъ, отвѣчалъ Семень Ивановичъ, и глубоко вздохнулъ.

— Гмъ! вѣроятно лошадей дожидаете?

— Да-съ, эти варвары, эти вандалы, неимѣющіе никакого состраданія!... И Семень Ивановичъ разразился цѣлымъ потокомъ разныхъ эпитетовъ, радуясь, что нашелъ слушателя.

— Напрасно слова изволите тратить... не имѣю чести знать вашего имени...

— Семень Ивановичъ Лобковъ. Служидъ въ... и проч. Позвольте узнать съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Тринадцатаго класса Брусниквнъ, къ вашимъ услугамъ. Вотъ я самъ жду болѣе двухъ часовъ, а ѣду курьеромъ по казенной пошторожной.

— Не-уже-ли нѣтъ никакого средства?

— Мнѣ-то черезъ часъ обѣщаютъ, а вы подождете; ночью идетъ тяжелая почта, да къ завтраму заготовлено двѣнадцать лошадей для княгини Плѣрезъ—вотъ и расчетъ, я самъ смотрѣлъ въ книгу.

Брусниквнъ подошелъ къ столу, снялъ со свѣчки пальцами, съгъ, вынувъ изъ сумки свѣжій огурецъ, началъ его чистить перочиннымъ ножичкомъ, потомъ разрезалъ въ длину и посолилъ обѣ половини, доставъ изъ кармана мелкую соль, завернутую въ бумажку.

Семень Ивановичъ, глядя въ окно, запѣлъ извѣстную арію изъ Роберта:

Въ законъ, въ законъ, въ законъ себѣ поставимъ

Для ра, для ра...

— Не угодно ли? сказалъ Брусникинъ, подавая Семену Ивановичу половину огурца.

— Благодарю!...

Для радости пожить.

Другимъ, другимъ, другимъ мы предоставимъ

Безъ го...

— Развѣ вы не любите?

— Не очень.

...ря вѣтъ, безъ горя вѣтъ тужить.

— Какъ угодно; я и самъ съѣмъ, сказалъ Брусникинъ, съѣлъ огурецъ, досталъ изъ сумки колоду старыхъ картъ и началъ раскладывать гранпасьянсъ.

Семень Ивановичъ просвистѣлъ ритурнель къ своей пѣсни, и, подойдя къ столу, сталъ помогать Брусникину.

— Не хотите ли съиграть отъ скуки?

— Съиграть?

— Да; сидѣть скучно; пожалуй, я проиграю рублей двадцать пять.

Съли играть. Семень Ивановичъ проигралъ двадцать-пять рублей.

— Не хотите ли еще? авось вамъ повезеть.

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю.

— Напрасно! вы можете отыгратъся.

— Это правда, я согласенъ, но... Семень Ивановичъ въ раздумьѣ прошелся по комнатѣ:— но будемъ говорить откровенно, почтеннѣйшій; въ Москвѣ я съѣхался съ моимъ закадычнымъ пріятелемъ, графомъ Мелондо. Вы его не знаете?

— Не имѣю чести.

— Жаль; онъ служитъ въ Петербургъ совѣтникомъ при итальянскомъ посольствѣ. Настоящій Итальянецъ: такой веселый, все ѣстъ макароны, а теперь пріѣхалъ въ Москву искать невѣсты. Вотъ мы съ нимъ порядочно кутнули... Ваша Москва любитъ деньги...

— Истинно!

— Ну, это еще не бѣда; вдругъ, въ самый день отъѣзда, мой камердинеръ возьми да и заболѣлъ, — ужаснѣйшая горячка съ бредомъ, съ пятнами; какъ дубовые листья, пошли пятна по всему человѣку! Что мнѣ дѣлать? Жаль человѣка, а домой хочется, обнять поскорѣе родителей. Вотъ я оставилъ только себя прогоны на перекладную, остальные деньги отдалъ человѣку на лекарство и разныя необходимости, бросилъ въ Москвѣ экипажъ и скачу домой на простой телегъ — согласитесь, что мнѣ рисковать въ игрѣ опасно. Другое дѣло, еслибъ вы стали играть на честное, благородное слово...

— Истинно! Гмъ! А куда вы изволите отправляться?

— Въ Далекую Губернію, въ Гороховскій Уѣздъ, въ собственныя свои деревни.

— Тутъ еще можно какъ-нибудь пособить дѣлу; я и самъ ѣду въ ту же губернію.

— Не-уже-ли? въ Гороховъ?

— Не въ Гороховъ, а въ городъ Зеленые Бобы, верстъ двѣсти за Гороховымъ, по дорогѣ черезъ вашъ городъ.

— Прекрасно! такъ поѣдемте вмѣстѣ.

— Я самъ объ этомъ думалъ, и очень радъ, что теперь вамъ можно еще поврать отъ скуки.

— Какъ?

— Да вотъ какъ: у меня казенная подорожная, остановокъ не будетъ; далъ бы Господь выбраться изъ Подольска, я васъ доставлю въ Гороховъ въ четверо сутокъ; вы отложите себѣ кормовыхъ на четыре дня, выдайте мнѣ прогоны до Горохова на одну лошадь, а на остальные можете рискнуть въ игръ.

— Превосходно!

Семень Ивановичъ отдалъ Брусникину прогоны, не помню сколько рублей и тридцать семь копеекъ, а на остальные сѣлъ играть. Ровно въ полночь у Семена Ивановича не осталось ни гроша въ карманѣ, и онъ выѣхалъ изъ Подольска по тракту на Серпуховъ, вмѣстѣ съ Брусникинымъ, въ очень печальномъ расположеніи духа.

Въ Серпуховъ, наши путешественники сѣхались на станціи съ молодымъ прапорщикомъ ***го полка, ѣдущимъ въ отпускъ. Прапорщикъ былъ веселый малой, курилъ трубку, самъ нилъ мадеру и подчивалъ ихъ мадерою. Прапорщикъ вышелъ въ другую комнату и началъ тихо разговаривать съ Брусникинымъ, а Семень Ивановичъ, прислонясь къ спиннѣ дивана, уснулъ самымъ пріятнымъ сномъ. Тряская дорога и мадера взяли свое.

Проснувшись, Семень Ивановичъ съ ужасомъ замѣтилъ, что солнце клонилось уже къ вечеру, въ комнату было пусто,—ни Брусникина, ни прапорщика нигдѣ не было. Гдѣ же лошади? гдѣ моя товарщи? спросилъ Семень Ивановичъ у вошедшаго слуги.

Слуга молча положилъ передъ нимъ ассигнацію, нѣсколько затертыхъ серебряныхъ монетъ, сорокъ копеекъ мѣди и записку слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь,
«Симеонъ Ивановичъ!

«Очень сожалѣю, что обстоятельства не позволяютъ мнѣ ѣхать съ вами. Прапорщикъ Свирьлкинъ ѣдетъ прямо въ Зеленые Бобы; слѣдственно, онъ мнѣ попутчикъ выгоднѣйшій, ибо платитъ половину прогоновъ до самаго мѣста моего назначенія; а ѣдучи съ вами, я отъ

Горохова долженъ ѣхать самъ-одинъ двѣсти верстъ, что для меня бѣднаго чловѣка составить большой расчетъ, и, можно выразиться, даже убытокъ: отъ-того я ѣду съ господиномъ Свирылкинымъ прямо въ Зеленые Бобы, а вамъ возвращаю ваши прогоны на одну лошадь по расчету отъ Серпухова до Горохова и желаю вамъ ѣхать благополучно. Вашъ всенижайшій слуга

«А. Брусникинъ 13-го класса.»

Изъ Серпухова повезъ Семена Ивановича очень дешево на сдаточныхъ ямщикъ Трошка; провезя десять верстъ, Трошка продалъ его за полцѣны Стѣпкъ; на десятой верстѣ Стѣпка продалъ Фильку; Филька за селомъ повстрѣчалъ кума Матвѣя и перемѣнился съ нимъ съдоками; кумъ Матвѣй, не то на седьмой, не то на восьмой верстѣ продалъ Семена Ивановича за двугривенный какому-то Ивану Безталанному, а Иванъ Безталанный, добравъ до ближняго селенія, выпрягъ лошадей и пошелъ въ кабакъ, говоря Семену Ивановичу, что дальше съ нимъ не поѣдетъ, что за двугривенный онъ, только изъ уваженія и свойства куму Матвѣю, везъ такъ далеко, почти двѣ версты, а въ заключеніе попросилъ на водочку. Везли, торговались, спорили и перепрягали цѣлыя сутки — и проѣхали пятьдесятъ верстъ!

Семенъ Ивановичъ изъ опыта и изъ пустоты кошелька убѣдился, что скорая ѣзда ему не далась; сосчиталъ свои деньги, на всѣ договорилъ одноконную подводу, и на долгихъ во весь шагъ пустился до города Пышнаго. Отъ Пышнаго оставалось до Горохова всего сто верстъ; но Семенъ Ивановичъ едва могъ найти себѣ извозчика, съ уговоромъ заплатить на мѣстѣ безъ малѣйшаго задатка впередъ. Извозчикъ былъ Жидъ, вымѣнявшій, какъ онъ говорилъ, сегодня утромъ у помѣщика на старый бобровый воротникъ лошадь съ экипажемъ. Лошадь была чубарый двухлѣтокъ; экипажъ состоялъ изъ трехъ досокъ, сколоченныхъ въ видѣ корыта, и двигался на четырехъ колесахъ съ дѣтской повозки. На этомъ легкомъ экипажѣ Гершко намѣревался дебютировать первый разъ въ качествѣ извозчика.

Весеннее солнце жгло землю, Гершко суетился на передкѣ, поманивая пеньковымъ кнутомъ и приговаривая: гешвинде! гешвинде, шварцъ юръ!.. Двухлѣтокъ плелся иноходью, Семенъ Ивановичъ сидѣлъ въ досчатой повозкѣ, распустя надъ головою маленькій зонтикъ; повозка дребезжала, прищелкивала какою-то снастью и ѣхала по проселочной дорогѣ прямо въ Гороховъ.

Не успѣлъ скрыться изъ виду городъ Пышный, какъ Гершко остановилъ двухлѣтка, быстро соскочилъ съ передка и началъ развязывать хомуть.

— Что ты дѣлаешь? спросилъ Семенъ Ивановичъ.

— Ничего, ваше высокоблагородіе; распрягаю лошадь: пусть немного попасется.

— Ты съ ума сошелъ!

— Нѣтъ, не сошелъ, ваше высокоблагородіе: лошадь молодая, горячая, надорвется; а тутъ будутъ пески, оборони Господи какіе пески! страшно и подумать: цѣлая верста песку, да такой песокъ, такъ и сыплется! Надо покормить лошадь; отдохнетъ, такъ въ одну упряжку переѣдемъ весь песокъ. И вы отдохнете, пока лошадь попасется.

Дѣлать нѣчего. Семенъ Ивановичъ легъ въ тѣни повозки, двухлѣтокъ щипалъ листочки зеленого подорожника, Гершко ѣлъ корку хлѣба и луковичу, приговаривая: «Ой, Боже-ты мой, что за лукъ пресладкій уродился въ это лѣто! Хоть Радзивилу кушать!»

Черезъ полчаса Гершко запрягъ чубараго, а черезъ часъ опять сталъ *пасать*. На такомъ положеніи шла ѣзда до самаго вечера; но чуть стало садиться солнце, Гершко выпрягъ двухлѣтка, заботливо стреножилъ его и пустилъ пастись, съ особеннымъ стараніемъ установилъ повозку въ сторонѣ отъ дороги, торжественно вымылъ руки и началъ навязывать себѣ на лобъ маленькій четырехугольный сундучокъ.

— Это что за штуки? спросилъ изумленный Семенъ Ивановичъ.

— Надо молиться, наступаетъ шабашъ...

— Когда?

— А вотъ сядетъ солнце и настанетъ великій день, день субботній, день Господа.

— Ну, молись поскорѣе, да поѣдемъ; теперь не такъ жарко.

— Ой вей! какъ это можно? какъ говорить такое неподобное!... Кто ѣздитъ въ шабашъ?

— Какъ! и завтра нельзя ѣхать?

— Известно нельзя! зайдетъ солнце, поблагодаримъ Бога и поѣдемъ.

— Ждать цѣлыя сутки!?!..

— Зачѣмъ же вы ѣхали? Будто вы не знали, что Еврей не смѣетъ ничего дѣлать въ день субботній?!.. Какъ это можно!

Семенъ Ивановичъ началъ ругаться самымъ ужаснымъ образомъ. Между-тѣмъ, солнце село, миллионы голосовъ зашумѣли, запыли, зажужжали въ обширной степи прощальную ему пѣсню. Гершко надѣлъ фелетъ, бѣлую мантію, обшитую смией каймой, в, какъ древній жрецъ, поднявъ руки къ первой звѣздочкѣ, робко мерцавшей на свѣтломъ еще небѣ, запылъ однообразнымъ, унылымъ голосомъ молитву:

Цуръ мишелн охалну боруха іемунай
Совайну вегсарну кидваръ Аденой!..

Картина была самая патриархальная : кругомъ степь и небо ; на степи пасется лошадь, стоитъ убогая повозка, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея бѣдный труженикъ, рабъ копеечнаго расчета, Гершко, въ поэтической одеждѣ своихъ предковъ, устремивъ глаза и руки къ небу, поетъ вдохновенныя пѣсни своей родины, пѣсни, которые оглашали некогда станъ Иудеевъ-скитальцевъ въ пустыняхъ Аравіи...

Должно быть, эта картина тронула Семена Ивановича : онъ смотрѣлъ на звѣзды и свистѣлъ галопадъ.

Но оставимъ на время Семена Ивановича ; вы сами можете представить, какъ весело сидѣть въ степи цѣлый день, ничего не дѣлая и смотрѣть на Еврея, который безпрестанно молится. — Пусть они себя скучаютъ, а мы перейдемъ къ другому предмету.

ГЛАВА VII.

О рѣчкѣ Синеводѣ и Иванѣ Яковлевичѣ.

Не можешь ты чиновъ давать,
Но можешь зернами питать
Семейство птичекъ благодарныхъ.

Карамзинъ.

Въ Далекой-Губерніи, въ Гороховскомъ-Уѣздѣ, верстахъ въ десяти отъ славнаго города Горохова, течетъ рѣчка Синеводъ. По какому-то непомятому случаю, этой рѣчки нѣтъ ни на одной географической картѣ, хотя въ Синеводѣ есть вода, которая издали кажется синею, а вблизи зеленатою, какъ вода славнаго Рейна, и въ этой водѣ водятся жирные золотистыя караси и очень-вкусные пискари. Берега Синевода ежегодно зимою покрываются снѣгомъ, а лѣтомъ зеленью; правый берегъ немного возвышенъ, а лѣвый разстилается широкимъ лугомъ, весьма пригоднымъ для паствы всякаго скота. Правый берегъ усаженъ садами и небольшими хуторами, отъ-чего весь Синеводъ похожъ на степной архипелагъ. Вообще, Синеводъ находится въ такомъ точно отношеніи къ Горохову, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты къ Великобританіи: оставные чиновники Горохова искони покупали по нѣскольку десятинъ земли на берегахъ Синевода, строили дома, хутора, садили сады и поселялись, отъ-чего вскорѣ составилось общество, ни мало неуступающее ни въ образованіи, ни въ современныхъ идеяхъ Гороховцамъ, и часто молодые служители Омиды, вступая на скользкое поприще службы, въ трудныхъ случаяхъ и юридическихъ недоумѣніяхъ прѣзжали на Синеводъ, гдѣ подъ тѣнію липъ и вязовъ слушали наставленій и пользовались мудрою бесѣдою опытныхъ посѣдѣмыхъ юристовъ. Вся Синеводцы

были связаны неразрывными узами родства, сватовства и кумовства; въ ихъ союзѣ была даже одна статская совѣтница, отличная мастерица заваривать кашу, которую (т. е., совѣтницу) вся округа титуловала ея превосходительствомъ. Статская совѣтница снисходительно принимала это титуло, ни мало не обижалась и даже гордилась имъ; Синеводцы съ своей стороны гордились, имѣя на родной рѣкѣ генеральшу. Обитатели Синевода находились въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ Гороховцами; безчисленные дороги и тропинки вели изъ Синевода къ Горохову; по нимъ Синеводцы отправляли въ Гороховъ сырыя произведенія своей земли: свѣжюю рыбу, молоко, яйца, куръ, разный хлѣбъ, и взаменъ вывозили изъ Горохова предметы роскоши: курительный табакъ, судацкое вино, мыло, московскіе ситцы, гвозди, выдѣланные кожи, маленькія зеркала, перецъ, желѣзный купоросъ, и тому подобное.

Весною, Синеводъ разливался и затоплялъ лѣвый берегъ широко, шаговъ на двѣсти или болѣе; но эта свирѣпость Синевода была болѣе благодѣтельна, нежели опасна: добрая рѣка, какъ Нилъ въ Египтѣ, оплодотворяла своимъ разливомъ лѣвый берегъ; дна въ два вода приходила въ прежнее положеніе, и гдѣ недавно бушевали волны Синевода, тамъ ярко раскидывалась зеленая растительность и распѣтали букеты желтыхъ болотныхъ цвѣтовъ. Только сообщеніе праваго берега съ лѣвымъ въ это время бывало немного затруднительно: всѣ плотины и гати размокали и превращались въ толщу грязи, весьма неудобную для переезда; но, благодаря благодѣтельному вліанію солнечныхъ лучей, и это неудобство со временемъ исчезало: гати мало-по-малу высыхали, крѣпли, и къ петрову-дню почти по всему Синеводу учреждался прочный и безопасный переездъ.

Между безчисленными хуторами Синеводи прошу замѣтить одинъ, состоящій изъ четырехъ крестьянскихъ хатъ и бѣленькаго господскаго дома; отъ дому до самого Синевода тянется густой вишневыи садъ, оканчивающійся у рѣки высокою осиною аллеєю. Этотъ хуторъ съ хатами, домомъ и садомъ, принадлежитъ отставному почтмейстеру Ивану Яковлевичу Лобко; въ четырехъ хатахъ живутъ 13 душъ его крестьянъ. Домъ у Ивана Яковлевича чистенькій, съ крыльцомъ на дворъ и двумя колоннами; на домъ вѣчно сидятъ голуби; по двору бѣгаютъ кролики, царскія и простыя куры, и ходитъ павлинъ; на лѣво отъ дома выстроена кухня, направо амбаръ и конюшня, возлѣ нихъ прикованы двѣ цѣпныя собаки, а противъ самаго дома, vis-a-vis, стоитъ на четырехъ столбикахъ маленькій домикъ, какъ игрушка, съ однимъ круглымъ окномъ въ фасадъ, верхковъ десяти въ діаметрѣ; по временамъ изъ этого окна выглядываетъ и сверкаетъ маленькими глазами чудовищно-жирная кабанья голова. Тамъ живстъ охота Ивана Яковлевича, затворникъ, отшельникъ, кормле-

ный кабанъ. Иванъ Яковлевичъ очень любитъ пить чай, или просто сидѣть на крыльцѣ и посматривать на своего кабана, воображая вкусныя колбасы и ветчину, въ которыя преобразится современемъ этотъ затворникъ. «Кровожадное удовольствіе!» скажете вы. Достойное римскаго обжоры время! имперіи! прибавлю я, и все-таки скажу, что Иванъ Яковлевичъ былъ добрейшій человекъ въ цѣломъ округѣ; всѣ Синеводцы уважали его, хотя онъ былъ бѣднѣе многихъ и очень многихъ, что на Синеводѣ считается немалымъ порокомъ. Сама генеральша дѣлала Ивану Яковлевичу визиты, особливо, когда узнала, что скоро пріѣдетъ къ нему изъ Петербурга сынъ. Иванъ Яковлевичъ былъ по-своему счастливъ; одна забота—ожиданіе сына, смущала иногда его спокойствіе, и старикъ въ бѣломъ халатѣ часто выбѣгалъ за ворота посмотреть, не ѣдетъ ли Сеня, когда слышалъ звукъ почтоваго колокольчика вдали по дорогѣ.

ГЛАВА VIII,

въ которой можетъ Сеня пріѣхать.

Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется,
Но мимо, мимо звукъ песенъ,
Слабый... и смолкнулъ за горой.

Пушкинъ.

Вечеръло. Стада, возвращаясь домой, мычали и блѣяли; на Синеводѣ кричали утки и гудѣли выпь, точно будто кто водилъ смычкомъ по контрбасу: въ садахъ пѣли соловьи; въ воздухѣ летали жуки; затворникъ Ивана Яковлевича, выставивъ голову въ круглое окно своей темницы, бессмысленно смотрѣлъ на природу. Иванъ Яковлевичъ сидѣлъ на крыльцѣ въ бѣломъ халатѣ и колпакѣ; здѣсь была жена его и два сосѣда: синеводскій архитекторъ и живописецъ. Впрочемъ, не должно понимать этого въ буквальномъ смыслѣ. Сосѣди были мнимый архитекторъ и мнимый живописецъ, короче сказать, они были аматёры, почти такіе же аматёры, какихъ мы съ вами, любезный читатель, имѣли скуку не разъ слышать на домашнихъ концертахъ. Первый весь свой вѣкъ строился и не могъ себя соорудить комнаты, въ которой можно бы зимою сидѣть безъ шубы, а лѣтомъ, во время дождя, остаться суху. Второй рисовалъ тушью съ натуры цвѣты, прикрывалъ ихъ слегка красками и дарилъ всѣмъ Синеводцамъ въ день ихъ ангела, подписывая: «рисовалъ Георгій Кузьмъ 18.. года, мая 9-го дня, въ два часа по полудни, при солнцѣ», или «въ 7 часовъ утра, при сильномъ вѣтрѣ», и т. п., судя по времени и погодѣ.

Пили чай.

— Посмотрите, почтеннѣйшій, что за машина этакая! сказалъ Иванъ Яковлевичъ, указывая чайною ложечкою на кабанью голову: — подлинно, славнѣйшее животное на всемъ Синеводѣ.

— Да! отвѣчалъ архитекторъ: — животное! настоящее животное! И зданіе не дурно! Вы сами его строили?

— Самъ.

— И планъ сами составляли?

— Самъ.

— Не дурно! Есть ошибки, а право, не дурно! Я бы на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ карнизъ у окошка.

— Куда намъ до карнизовъ! было бы сало...

— А должно вамъ отдать справедливость, прибавилъ живописецъ: — вы отлично умѣете откармливать кабановъ..

— Стоить только сначала закормить *нечуйвѣтромъ*, сказала хозяйка: — а послѣ и отъ чистаго хлѣба будетъ сытъ.

— Вотъ что! Знаю нечуйвѣтеръ: — маленькіе голубенькіе цвѣточки; я еще имѣлъ удовольствіе изобразить ихъ на картинѣ, которую подарилъ вамъ въ день вашего рожденія, Аграфена Львовна.

— Славнѣйшее животное! Вѣрите, иногда меня страхъ беретъ глядя на него: жары наступаютъ, можетъ съ ума сойти отъ жиру!

— Кто же вамъ мѣшаетъ порѣшить его? Вотъ скоро заговѣнье на петровъ постъ; оно и кстати угостить и насъ колбасами.

— Очень радъ, милости просимъ; да нельзя... Все, знаете, сынишка поджидаю, хочу ужъ при немъ это торжество совершить; у нихъ тамъ, знаете, говорятъ, все такое поджарое, такая штука въ рѣдкость.

— А ужъ пора быть Семену Ивановичу!

— Пора-то, пора! ума не приложу куда онъ дѣвался... Пишетъ ко мнѣ Сеня изъ Москвы: доѣхалъ, говоритъ, благополучно, да тамъ съ какимъ-то графомъ трое сутокъ гуляли, не пускаетъ, говоритъ, да и только; однако сегодня, говоритъ, вырвался и уѣзжаю.

— Какія знакомства! прошепталъ архитекторъ.

— Благословилъ васъ Богъ сыномъ!.. сказалъ живописецъ.

— Да, спасибо Грушъ, выкормила молодца.

Иванъ Яковлевичъ обнялъ жену и отеръ слезы.

— Вѣрите ли, друзья мои, жду не дождуся! Изъ Москвы, мнѣ хорошо извѣстно, почта ходитъ на худой конецъ шесть, семь дней, — а вотъ уже недѣля слишкомъ, какъ я получилъ письмо. На долгихъ можно бы давно прѣхать, а онъ летитъ на перекладныхъ.

Зазвенѣлъ колокольчикъ. Старикъ Иванъ Яковлевичъ закричалъ: «это онъ», и сбѣжалъ съ крыльца; сосѣди улыбались, Аграфена Львовна была уже за воротами. Но, увы! это былъ становой приставъ, въ

зеленомъ нанковомъ сюртукъ, въ пыли, съ трубкою въ зубахъ. Опять все пришло въ прежній порядокъ.

— Откуда васъ Богъ несетъ? спросилъ хозяинъ у станов аго.

— Не Богъ, скажите, а съ позволенія сказать — нечистая! Кто-то съ-дуру увѣрилъ исправника, что въ моемъ стану скрывается извѣстный разбойникъ Засоринъ. А вы знаете какой онъ, нашъ исправникъ: все у него по-военному, кричитъ: «лови, бери! доставляй въ полицію!» А гдѣ его ловить? Третьяго-дня получаю строжайшее предписаніе: «немедленно съ полученія сего отправиться на поиски». Моя Лизочка была именинница, собрались добрые пріятели, пирогъ стоялъ на столѣ, — все оставилъ, двое сутокъ бѣгалъ по стану; во ржахъ искали, въ тростникахъ искали, перерылъ, что-называется, всѣ мышьи норки, въ озеро неводъ забрасывалъ, вытащили небольшую щуку — и только! Усталъ какъ почтовая лошадь, заѣхалъ къ вамъ на перепутьѣ отдохнуть полчаса, да прямо въ Гороховъ; отпрапортую, что нѣтъ, и засяду дома.

Въ одинъ годъ, Засоринъ былъ какое-то фантастическое лицо, пугавшее въкоторыя южныя и западныя губерніи. Его никто не видѣлъ, даже никто не видѣлъ человека, имъ ограбленнаго; но всѣ трепетали при имени Засорина. Про него рассказывалъ простой народъ самыя нелѣпыя исторіи: будто Засоринъ перекидывается волкомъ, птицею, прячется въ табакерки, въ кувшины, въ пустыя бутылки; будто онъ владѣетъ чудною *разрывъ-травой*, передъ которою разступаются каменные стѣны и отскакиваютъ самыя хитрые и крѣпкіе замки, и т. п. Люди поумнѣе не вѣрили этимъ баснямъ; но къ ночи удваивали сторожей около амбаровъ, заряжали ружья и пистолеты, запирали тщательно двери и окна, и готовы были при малѣйшей причинѣ поднять шумъ и тревогу. Такъ были напуганы умы и разстроено воображеніе страшнымъ, таинственнымъ именемъ Засорина.

Только напугалъ становой добрыхъ людей Засоринимъ; не посвядалъ получаса, выпилъ чашку чаю съ мурашковымъ спиртомъ, и у-скакалъ въ городъ; гости Ивана Яковлевича послѣ деревенскаго ужина уѣхали на таратайкѣ домой; еще съ-полчаса свѣтился огонекъ въ комнатѣ Ивана Яковлевича; видно было въ окно, какъ онъ читалъ псалтирь и молился Богу; но и этотъ огонекъ погасъ... Синеводъ уснулъ глубокимъ сномъ; изрѣдка сонная утка плескала крыломъ по водѣ, да гдѣ-то вдалекѣ замирала пѣсня запоздалаго гуляки... Полная луна плыла по небу, дробилась въ струяхъ Синевода и освѣщала бѣлыя хаты хутора... Вдругъ цѣпныя собаки на дворѣ Ивана Яковлевича залаяли, загремѣли цѣпами, завопили ужаснымъ голо-сомъ... По двору шли мѣрными шагами два человека, одинъ совершенный нѣмецъ, даже въ круглой шляпѣ, другой съ ужасною рыжею бородою, съ длинными кудрями, точь въ точь наряженный Жидомъ...

О ужасъ! она прямо идутъ къ крыльцу, стучать, ломятся въ двери... Быстро отворилось слуховое окно, изъ него показалась женская голова и еще быстрее спряталась, закричавъ: «Засоринъ!..» Изъ всѣхъ дверей и оконъ выглядывали и прятались испуганныя головы... отворилось слуховое окно и мужской голосъ поддѣльнымъ басомъ спросилъ: «Кого вамъ надобно?»

— Ивана Яковлевича Лобко! сказалъ прохожій.

— Здѣсь нѣтъ Ивана Яковлевича, отвѣчалъ голосъ: —здѣсь только полонъ домъ солдатъ, ищутъ Засорина.

— Убирайся къ чорту, дуракъ! отвори скорѣе.

Голосъ умолкъ, а изъ окна явилась рука, вооруженная топоромъ, махнула раза два и перерубила какую-то веревку; веревка, какъ оборванная струна, взвилась, хлопнула по амбару и вмгъ собаки, почуя свободу, понеслись на гостей. Нѣмецъ отмахивался шляпою, Жидъ кричалъ и прыгалъ; куски его халата летали по воздуху... — Помогите! кричалъ человекъ въ нѣмецкомъ платьѣ: — я Семень Ивановичъ, я сынъ Ивана Яковлевича, уймите вашихъ проклятыхъ собакъ! Наконецъ кое-какъ вышли люди съ рогатинами, съ ухватами, даже одинъ съ ружьемъ; уняли собакъ, и, осмотрѣвъ плѣнниковъ съ головы до ногъ, рѣшились ввести въ домъ

Явился старикъ въ бѣломъ халатѣ съ пистолетомъ въ одной рукѣ, въ другой съ огаркомъ свѣчи, и освѣтилъ чудесную картину: Семень Ивановичъ въ узкихъ брюкахъ по колено въ грязи, въ модномъ сюртучкѣ, оборванномъ собаками, живописно рисовался, пригладивъ руками шляпу. Его прическа à la toujik была поднята къ верху въ видѣ пламени; за нимъ стоялъ Гершко, безъ ярмолки, лицо въ грязи, платье въ дырахъ; вокругъ толпились мужики и бабы съ разными неприязненными орудіями.

— Что за народъ? грозно спросилъ старикъ тѣмъ же голосомъ, какимъ говорилъ изъ слуховаго окна.

— Оставь, братецъ, эту комедію, сказалъ раздосадованный Семень Ивановичъ: —лучше доложи Ивану Яковлевичу, что пріѣхалъ его сынъ изъ Петербурга.

— О-го! знаю, братъ, куда стрѣляешь! Слышали, что ждутъ сына; такъ и прикидываешься! У Ивана Яковлевича сынъ никогда не выглядывалъ такимъ разбойникомъ. Что, не бось и Жидъ сынъ или племянникъ? Общайте, ребята, хорошенько этихъ бродягъ, свяжите ихъ, а завтра чуть свѣтъ въ Гороховъ, въ полицію.

— Да это разбой! Вотъ мои бумаги, читай, коли грамотенъ, не то отнеси къ Ивану Яковлевичу. И Семень Ивановичъ бросилъ подорожную.

— Гмъ! говорилъ старикъ, искоса поглядывая на пріѣзжаго: — штука, и фамиліи не умѣлъ прописать: Иванъ Яковлевичъ Лобко, а

здѣсь Семень Лобковъ. Какой-то Москаль писалъ!.. Да Сеня былъ красавчикъ, а это...

— Коли отецъ Лобко, такъ сынъ Лобковъ. Такъ слѣдуетъ по грамматикъ.

— Да что тутъ толковать! сердце мое чуетъ, это Сеня; вотъ я скорѣ узнаю, кричала пожилая женщина въ старомъ ситцевомъ капотѣ, съ головою, повязанною зеленымъ платкомъ:— у Сени на шеѣ родимка, точно очаковскій крестикъ, батюшки; вотъ я сейчасъ...

Костистыя пальцы женщины въ капотѣ принялись развязывать галстухъ Семена Ивановича. Семень Ивановичъ хотѣлъ ее оттолкнуть; но два сильные мужика схватили его за руки; онъ только моталъ головою ворча: — Отвяжись, тетка, задавить хочешь, бѣдены объѣлась...

Галстухъ упалъ къ ногамъ Семена Ивановича, а женщина повисла на шеѣ повторяя: — Онъ, мой голубчикъ, ей-Богу, онъ!... Дитя мое, Сеня... Сенюшка!.. Старикъ бросилъ, подорожную и тоже сталъ обнимать сына. Семену Ивановичу насилу растолковали, что они его родители.

— Вотъ что! сказалъ Семень Ивановичъ.— А я думалъ вы дворецкій и ключница!

— А мы тебя, Сеня, приняли—было за разбойника!

Семень Ивановичъ сплелъ какую-то басню о разбойникахъ, которые его ограбили, вотъ тутъ, недалеко отъ Синевода.

— Вотъ полиція! кричалъ Иванъ Яковлевичъ. — А еще сегодня былъ стайовой и говорилъ все благополучно, а у него подъ ирсомъ грабать, рѣжутъ!..

— А вы и повѣрили ему? кричала старуха.— Ему лишь бы скорѣй домой косить сѣно!..

— Ограбили! кричалъ Сеня: — рѣшительно ограбили, всѣ деньги отняли...

— Всѣ до копейки!?!...

— До полушки! и гостипды отняли! А какіе вамъ гостипды везъ я! Боже мой!.. Слава Богу, что чемоданчикъ съ будничнымъ платьемъ оставили, а мундиръ пропалъ, весь въ золотъ...

— Богъ съ нами, Сеня!.. Слава Богу, что ты живъ!.. Вотъ полиція!..

И старики принялись обнимать сына.

— Кто бы могъ подумать, что я буду ограбленъ на порогъ родительскаго дома!.. ворчалъ Семень Ивановичъ.

— Богъ съ тобою, Сеня! Что вспоминать нехорошее! Пойдемъ же; я поведу тебя въ твою комнату; вотъ уже четыре недѣли, какъ ея для тебя убрали... И образъ поставила, которымъ меня благословили замужъ: кіота серебряная, золоченая чистымъ червоннымъ золо-

томъ, — при себѣ покойница велѣла золотить, чтобъ не украли, — и занавѣсочки на окнахъ чистыя, настоящія кисейныя, своими руками вымыла, не дала Палашкѣ; посмотри... Что ты смѣешься?

— Ничего. Я вспомнилъ, что видѣлъ такія занавѣсочки въ одномъ домикѣ въ Петербургѣ, на Итальянской Улицѣ.

— Вотъ видишь, Сеня! и мы сдѣлаемъ не хуже вашихъ итальянскихъ! А цвѣты-то какіе на окнахъ! нарочно сѣяли, тебя дожидая... Насилу сѣмень выпросила у генеральши... Понюхай, какой горошекъ.

— Не дурно! я люблю геліотропъ.

— Вотъ этого, душа моя, отроду не слыхала.

— Полно тебѣ молодца потчивать цвѣточками, это бабье дѣло. Ты куришь, Сеня?

— Какъ же!

— И прекрасно; я для тебя приготовилъ два картуза табаку: что въ ротъ такъ спасибо, настоящій вакштафъ фабрики Каратаева и Богомолова—дорогъ, да для тебя куда ни шло!

— Я курю пахитосы.

— Ей-Богу, въ первый разъ слышу! Было написать: я поискалъ бы... Жаль, когда не угодилъ!.. А наши канцелярскіе, еслибъ услышали про мой вакштафъ, мигомъ налетѣли бы изъ Горохова, какъ осы на медъ; да я купилъ и не признаюсь, все тебя поджидаю.

Между-тѣмъ, принесли яичницу, жареныхъ голубей, сливокъ, огурцовъ... Семенъ Ивановичъ вѣлъ за четверыхъ; старики улыбались, поглядывая на него.

— Люблю, говорилъ Иванъ Яковлевичъ:—за аппетитъ; мой сынъ! славно вѣсть! Ты, Сеня, скажи, что любишь, такъ то и будутъ готовить.

— Я люблю страсбургскій пирогъ.

— Ну, братъ, этакого наша кухарка не то не изготовить, да и не выговорить.

— Отъ-чего же? перебила Аграфена Львовна. — Можетъ-быть, у насъ не такъ называется. Я недавно читала въ «Опытной Поварихѣ» про одинъ пирогъ, вѣрно этотъ; книга изъ Петербурга: надобно взять, говорить, рубленое мясо, приправить перцомъ и ниточкою уксуса, потомъ...

— Пошла болтать!.. Ышь, братъ Сеня, не слушай ея; завтра я тебя угощу: у меня есть колбасы удивительныя... Ты не повѣришь, толщина необычайная!

— Вотъ вы уже у меня отбиваете сына! Горькая наша доля: вы кормила и прощай! говорить не дадутъ.

— Богъ съ тобою, матушка! Наговорилъся; впереди много времени. Я только хотѣлъ сказать слова два о кабанѣ. Вѣдь ты любишь, Сеня, колбасы?

— Иногда, а больше люблю дровды съ грибоцелями.

Старики взглянулись между собою.

— А вотъ что, папаша: заплатите моему бѣдному извозчику; у меня все отняли, нѣчемъ расплатиться; ночевать онъ не хочетъ, заплатите сейчасъ.

Жидъ получилъ плату за извозъ, да сверхъ-того за ограбленные вещи выпросилъ пять рублей и исчезъ. При выходѣ въ сѣни, онъ еще получилъ отъ Аграфены Львовны четвертакъ за благополучную доставку сына.

А дѣло было очень-просто: въ четверо сутокъ, Еврей, откармливал чубараго двухлѣтка, наконецъ, вечеромъ, привезъ Семена Ивановича на Синеводъ; но на-бѣду еще оставалось три недѣли до петровадня и гати на Синеводъ не успѣли надлежащимъ образомъ окрыпнуть; двухлѣтокъ, погрузаясь по брюхо въ грязь, рѣшительно отказался везти пассажировъ и спокойно легъ на бокъ; ни крики, ни угрозы пеньковымъ кнутомъ не помогали дѣлу, и, провозаясь безъ успѣха съ двухлѣткомъ до глубокой ночи, наши путники рѣшились идти вѣшкомъ искать хутора Лобка. Выйдя изъ грязи на другой берегъ, они увидѣли мужика, который сидѣлъ верхомъ на срубленномъ деревѣ, лежащемъ у дороги, и распѣвалъ пѣсню про синій кафтанъ и красное сѣдло.

— Эй, послушай, мужикъ! сказалъ Семень Ивановичъ.

— Здѣсь нѣтъ мужика.

— А кто же ты?

— Казакъ.

— Ну, казакъ, все равно.

— Какъ бы не такъ! какой грамотный!

— Гдѣ хуторъ Лобка?

— Вы или дураки, или пріѣзжіе: пришли въ хуторъ, а спрашиваете хутора!..

— Это куда дорога?

— И туда, и сюда.

— Какъ?

— Поидете туда, будетъ туда, поидете сюда, будетъ сюда; известно: дорога на обѣ стороны!..

— А Иванъ Яковлевичъ дома?

— Дома, если никуда не поѣхалъ.

— Такъ намъ идти въ хуторъ прямо?

— Нѣтъ, криво! вотъ дурни!..

— Прощай! спасибо, братъ.

— На здоровье! нѣ за что.

И казакъ опять запѣлъ про красное сѣдло, а Семень Ивановичъ съ Жидомъ пошелъ прямо во дворъ Ивана Яковлевича, гдѣ и валь-

даль столько шуму. Сементъ Ивановичъ радъ былъ слухамъ о Засори-
нѣ и на него сложилъ всю вину своего не очень-блестательнаго при-
зда...

ГЛАВА IX.

У ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА ГОСТИ.

Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, бречкахъ и въ сняхъ.
А. ПУШКИНЪ.

Какъ спокоенъ съ верху вмаъ;
Опустишь на дно, ужасный
Крокодилъ на вемъ сидитъ.

БАТЮШКОВЪ.

Рано поутру, Семену Ивановичу показалось, будто каркаетъ во-
рона; онъ проснулся, началъ вслушиваться, и съ удивленіемъ замѣ-
тилъ, что въ карканъ отзывались человѣческія рѣчи.

— А гдѣ же вашъ петербургскій паничъ? кричалъ страшный го-
лосъ: — покажите мнѣ его! Спать? Вотъ прекрасно! Спать до-сихъ-
поръ!

— Хитѣрь мой батюшка, подумалъ Сементъ Ивановичъ: — выучилъ
на досугъ говорить ворону, и потынается!.. Это рѣдкость была бы
и въ Петербургѣ; сороки говорящія не рѣдкость, а ворона — почти
не слыхано. Правда, мнѣ рассказывалъ на дорогѣ какой-то семна-
ристъ, что ворона говорила прѣвѣтственную рѣчь одному римскому
императору: почему же на Синеводѣ не можетъ выкинуться римская
штука?.. Ворона, кажется, кричитъ подѣ моею дверью?

— А вставайте-ка! громко закричалъ вороній голосъ. Сементъ Ива-
новичъ увидѣлъ огромную человѣчью голову, которая жила ему въ
полуразворенную дверь.

— Не конфузьтесь! мы не петербургскіе; мы свои. Да какой же
вы худой! Ни одна барышня не пойдетъ замужъ за такого поганаго!

И, прихлопнувъ дверь, голова исчезла.

Между-тѣмъ, мальчикъ, босой, въ пестрядинной курткѣ, сълъ вер-
хомъ на буланую кобылу, которую Иванъ Яковлевичъ очень-удачно
называлъ камбалою, потому-что она имѣла одинъ глазъ и была не-
повозительно-худощава, и отправился по рѣкѣ Синеводѣ. Прѣвзжая
каждый хуторъ, мальчикъ являлся на дворъ къ хозяину и поче-
сывался говорилъ:

— Баринъ и барыня приказали кланяться.

— Ну?

— Кланяться... и... просили...

— Ну?

— И просили... Да! и просили кушать колбасъ.

— Развѣ убили вашего кабана?

— Убили...

— Быть не можетъ!

— Убили, ей-Богу, убили! сегодня на зарѣ убили!

— Для чего же его убили?

— Такъ убили, говорятъ отъ радости: паничъ пріѣхалъ.

— Изъ Петербурга?

— А-га! оттуда!

— И давно бы такъ сказалъ, дуракъ! убирайся къ чорту! Скажи, что будемъ.

— Э-ге! къ чорту! Нѣтъ, еще надобно захватить къ Петру Петровичу, ворчалъ мальчикъ, садился на камбалу и свистя въхалъ далѣе.

Я уже сказалъ вамъ, что Синеводъ — маленькій міръ, и какъ въ мірѣ есть много и хорошаго и дурнаго, такъ точно и на Синеводѣ. Отъ-того я не стану вамъ описывать разнообразнаго общества, пріѣхавшаго на обѣдъ къ Ивану Яковлевичу. Скажу только, что весь Синеводъ явился къ доброму сосѣду разделить его радость вмѣстѣ съ колбасами, и посмотрѣть на пріѣзжаго. Здѣсь были всѣ возрасты, отъ желтоватыхъ сѣдинъ до груднаго ребенка; глаза всѣхъ цвѣтовъ, отъ сѣроголубенькихъ до самыхъ черныхъ, на которые нельзя смотрѣть безъ смущенія; были талии, похожія на арбузъ и на осу, были лица отвратительныя и были возбуждающія страстную охоту расцаловать ихъ. Словомъ, было все, что мы встрѣчаемъ ежедневно.

Гости были рады; поздравляли Ивана Яковлевича и Аграфену Львовну съ пріѣздомъ дорогаго гостя; все шло очень хорошо, кромѣ маленькой сцены съ двоюродною тетушкою, которая раскапризвилась, раскричалась, расплакалась, и уѣхала домой, говоря, что подобное неуваженіе къ лѣтамъ и прекрасному полу невыносимо, что она давно замѣчала коварныя взгляды своей двоюродной сестры, но презирала ихъ, а теперь, когда сестрица настроила насмѣхаться своего сына, столичнаго сорванца, княжескаго нахлѣбника, она прекращаетъ всякое знакомство.

Семень Ивановичъ, будучи представленъ своей двоюродной тетушкѣ, не бросился въ родственныя объятія, не подошелъ къ рукѣ, а просто пожалъ ей руку. Вотъ чѣмъ тетушка обидѣлась.

— Ну, Богъ съ нею! сказалъ Иванъ Яковлевичъ, когда уѣхала сестра. — Эта старая дѣвка всегда съ капризами... Пора обѣдать. Кажется, всѣ?

— А ея превосходительство не будетъ? замѣтилъ архитекторъ.

— Къ обѣду врядъ ли воротится. Она была у меня сегодня рано утромъ, — такая добрая! Сеня еще спалъ, и къ нему заглянула...

— Перепугала меня, mesdames! сказалъ Семень Ивановичъ, обращаясь къ чепчикамъ:—вѣрите ли, я думалъ, ученая ворона, — такъ кричать...

— Да, такая добрая! почти закричалъ Иванъ Яковлевичъ, желая заглушить отзывъ сына о статской совѣтницѣ: — забѣжала хоть на минуту, мимоѣздомъ въ Гороховъ. Тамъ сегодня ждутъ губернатора, такъ и ей должно быть—сами знаете.

— Разумѣется! отвѣчали сосѣди.

— А развѣ она служитъ? спросилъ Семень Ивановичъ.

— Какъ ты простъ, Сеня! Не служить, а все же надобно быть — такъ, знаешь, для почета...

— Скажите, Семень Ивановичъ, вы такъ удачно сравнили нашу съездку съ говорящею вороною, сказала одна пожилая дама въ черномъ чепчикѣ, вертя головкою и очень-зло улыбаясь: — развѣ можно птицу выучить говорить?

— Помилуйте! сколько ихъ въ Петербургъ! на каждомъ шагу попадаютъ. Вотъ, напримѣръ, разъ я иду съ баронессою Соте по Биржѣ и слышу, кто-то меня вполголоса кличетъ: «Семень Ивановичъ! Семень Ивановичъ!»

— Что вамъ угодно? спрашиваю я у баронессы.

— Ничего, отвѣчала она:—я васъ не звала.

— Кто жъ это меня кликалъ на французскомъ языкѣ?

— Я и сама слышала, а не знаю кто. ●

— Странно! подумалъ я и посмотрѣлъ вокругъ—нѣтъ никого; мы пошли. Опять слышу: «Семень Ивановичъ! Семень Ивановичъ!» Глядь: наверху, надо мной, сидитъ на деревѣ прекрасный попугай—самъ голубой, хвостъ желтый, крылья оранжевыя, головка черная съ краснымъ носомъ. Я показалъ на него баронессѣ.

—Баронесса вскричала: «ахъ! какая бѣль-птица!» и замолчала отъ восторга.

— Что тебѣ, братецъ, надобно? спросилъ я у попугая.

— Купите меня! отвѣчалъ попугай:—пожалуйста, купите, Семень Ивановичъ! я буду хорошъ.

— Отъ-чего же ты меня знаешь?

— Мнѣ много говорилъ о васъ мой братецъ, попугай княгини.

— Вотъ-что! Дѣлать нечего, купилъ. Славная была птица!

— И умерла? спросили дамы.

— Нѣтъ, я ее подарилъ начальнику; знаете, нельзя отказать,—все хвалить, все говорить, бывало: «рѣдкую птицу имѣете», да послѣ этого такъ немного и покосится... Думалъ, думалъ, да и отдалъ въ день именинъ...

— И прекрасно сдѣлалъ, душа моя, сказалъ Иванъ Яковлевичъ.

Т. XXI.—Отд. I.

— Изъ-за дрянной птицы не ссориться съ начальствомъ! прахъ ее возьми...

— Однако я утѣшился: скоро пропалъ у начальника попугай. Чего не дѣлали—и консилиумъ сзывали, и гомеопатовъ, и гидрпатовъ,—ничего не помогло: кашлялъ, кашлялъ, и пропалъ въ Спасовки. Ни мнѣ, ни тебѣ, что-называется!

— Вы шутили? спросила Семена Ивановича робкимъ голосомъ маленькая розовая дѣвушка.

— Надъ чѣмъ?

— Надъ нами, когда говорили о попугаѣ.

— Возможно ли? какъ вы жестоки!

— А я думала...

— Чтѣ вы думали?

— Я думала, вы... сочиняете.

Семенъ Ивановичъ сказалъ дѣвущкѣ что-то на ухо и громко прибавилъ: — Надѣюсь, это останется между нами?

Дѣвушка покраснѣла и опустила глазки.

— Онъ сочинитель! шепнулъ черный чепчикъ, толкая локтемъ съсѣдку.

— Чтѣ это, моя матушка?

— Этакій критиканъ столичный! хуже бѣшеной собаки!

Сѣли за столъ; застучали ножи и тарелки; общій разговоръ слился въ нестройный шумъ, изъ котораго вырывались порою отрывистыя фразы: «я не люблю огурцовъ—осталась вдовою—а съ медомъ хорошо?—прикупила себѣ валеа и выиграла!—самой рысистой породы—должно быть, землемѣръ?—и по два съ полтиною аршинъ?—сѣмью вамъ доложить, самые живые, настоящіе раки—красныя пѣточки по зеленому полю—знаю—дама самъ-другъ—три дня въ самомъ темномъ погребѣ, а потомъ—какъ это хорошо!..»

Къ вечеру явилась статская совѣтница и навезла съ собою кучу новостей и гороховскихъ чиновниковъ; новости переходили изъ устъ въ уста, чиновники изъ угла въ уголъ. Семенъ Ивановичъ рассказывалъ дамамъ разныя анекдоты, пѣлъ водевильныя куплеты; старики пили, съ позволенія сказать, пуншъ. Было очень-весело. Иванъ Яковлевичъ обнималъ отъ радости сосѣдей и благословлялъ добрую княгиню Плѣрезъ; желтые банты на чепчикъ Аграфены Львовны плясали; смотритель училища, Агамемнонъ Харитоновичъ, поднимая къ верху стаканъ пуншу, восклицалъ: — Не правда ли моя, Иванъ Яковлевичъ? не говорилъ ли я: будетъ человекъ, дайте только вырасти въ Петербургъ! Воспитаніе дѣло великое... да-съ!

— Выбрался веселый денекъ! сказалъ Иванъ Яковлевичъ, когда гости разѣхались по домамъ. — Ну, чтѣ, Сеня, какъ тебѣ понравились наши добрейшіе сосѣди?

— Ужасные уроды, папаша!

— Богъ съ тобою! Въ семьѣ не безъ урода, есть пословица; но не весь же уроды!

— Да; эта дѣвушка въ розовомъ платьѣ очень мила.

— Дочь становаго... Что? не бось, понравилась?!...

— Да, я даже сказалъ ей на ухо, когда мы шли обѣдать: *вы хороши, какъ Венера!*

— Мой сынъ! рѣшительная голова!.. Что жъ она?

— Сгорѣла.

— Люблю за обычай! Быть бы тебѣ офицеромъ...

— А что жъ? прибавила Аграфена Львовна:—она дѣвушка не бѣдная: сорокъ душъ, и садъ, и прудъ, и еще кое-что есть... Можно бы и жениться...

Семень Ивановичъ легъ спать въ восторгѣ самъ отъ себя, не воображая, что посѣялъ сѣмена величайшей ненависти къ своей особѣ. Статская совѣтница рассказала всему Горохову о разбойникахъ, ограбившихъ Семена Ивановича почти въ ея глазахъ; исправникъ далъ порядочную гонку становому и даже грозилъ жаловаться губернатору, если становой впередъ, вмѣсто повсковъ, станетъ ловить рыбу,—становой сталъ первымъ врагомъ Семену Ивановичу. Второй врагъ была двоюродная тетушка—за родственное пожатіе руки. Третій врагъ и врагъ заклятой — статская совѣтница, которой дорогою объявилъ черный чепчикъ о говорящей воронѣ. Надобно же было на бѣду пріѣхать Семену Ивановичу лѣтомъ, когда пѣхотный полкъ выступилъ изъ Синевода въ лагерь, и увѣдныя любезники, за отсутствіемъ офицеровъ, собирались пожинать лавры. Пріѣзжіи изъ Петербурга развлекъ вниманіе барышень; онѣ только его слушали, только на него и смотрѣли; многія остроты молодыхъ Синеводцевъ, многіе комплименты, многіе вздохи остались незамѣченными. Это возбудило противъ Семена Ивановича цѣлый полкъ самыхъ злыхъ враговъ: въ нихъ бушевало оскорбленное самолюбіе, а оскорбленное самолюбіе чловѣка, еще болѣе Синеводца — звѣрь страшный, неукротимый!.. Бѣдный Семень Ивановичъ, спитъ спокойно!

• ГЛАВА X.

Шапка-невидимка.

Молва, зло скоростью всѣхъ паче злыхъ извѣстна,
Проворствова не всегда своимъ оживлена;
Сперва мала и вдругъ величина чудесной!..

Херасковъ.

Славное было время въ-старину! Какъ считаешь книжечекъ, называемыхъ россійскими сказками, душа радуется. Кутили наши пра-

шуры не по-нашему: у нихъ были и сапоги-самоходы, и коверъ-самолётъ, и шапка-невидимка... Поэтическое было время; иной отдалъ бы пароходы, желѣзныя дороги, гальванопластику, дагерротипъ и всѣ чудеса нашего премудраго вѣка за одни сапоги-самоходы; вотъ славный инструментъ, чтобъ уходить отъ долговъ! Впрочемъ, и у меня есть нѣчто въ-родъ шапки-невидимки: стоить надѣть ее, и вы съдѣаетесь невидимкою. Попробуйте, надѣньте... Ну, вотъ, вы надѣли — и я васъ не вижу, мой добрый читатель, клянусь — не вижу; будто васъ вовсе нѣтъ передо мною.

Теперь, не угодно ли, я поведу васъ куда прикажете: вы можете все видѣть, все слышать и остаться незамѣченнымъ, хотя бы вы имѣли большой чинъ, почетные знаки отличія и даже огромное богатство. Согласитесь, быть незамѣченному *иногда* чрезвычайно-пріятно. На первый разъ, я васъ проведу по гостинимъ Синеvodцевъ, объѣдавшихъ наканунѣ у Ивана Яковлевича.

Гостиная первая.

Мужъ сидитъ въ креслахъ и слегка прижимаетъ къ груди обѣ ладони. Жена обрываетъ съ герани сухіе листочки.

Мужъ. Проклятыя колбасы, чтобъ ихъ чортъ побралъ! Совершенно меня разстроили: вотъ тутъ, и тутъ... и здѣсь... охъ! будто ящерицы бѣгаютъ...

Жена. Этотъ старый дуракъ вѣчно окормить; пристанетъ, ѣшь да ѣшь, будто у насъ дома ѣсть нечего...

Мужъ. Нельзя; изъ политики...

Жена. Какая тутъ политика! просто самъ радъ поѣсть и другихъ слыуветъ, чтобъ не совѣстно было, а можетъ-быть и подмигивалъ чего...

Мужъ. Богъ съ тобою...

Жена. Ты не говори мнѣ; не даромъ они съ нашимъ лекаремъ шептались... Вотъ ему и будетъ практика!.. Меня не проведешь, я всякое кушанье нюхала; чуть немного подозрительно — и въ ротъ не возьму; а ты, мой батюшка, все убиралъ: смотрѣть было совѣстно! Ужь я и мигала, и кашляла, и посматривала на тебя, — нѣтъ, ничего не видить... Знай-себѣ обжирается, какъ-будто три дня не ѣлъ... Теперь, Богъ знаетъ, что будетъ!..

Мужъ. Что жъ мнѣ дѣлать, матушка? не напиться ли чего?..

Жена. Мята хорошо бы... да нѣтъ... вотъ сухіе листочки, очень пахучіе, съѣлаемъ пробу, нальемъ кипяткомъ, какъ чай; ты и выпей: авось уймется...

Мужъ. А хорошо ли оно?..

Жена. Попробуемъ; попытка не шутка, спросъ не бѣда. А! здравствуйте!..

Архитекторъ (входитъ раскланиваясь). Мое почтеніе!.. Какъ ваше здоровье?

Мужъ. О...охъ!.. признаюсь... не знаю, что я съвѣлъ... а очень вредное...

Жена. Лекаръ скажетъ спасибо Ивану Яковлевичу...

Архитекторъ. Вы думаете?..

Мужъ. Я думаю, это штуки петербургскія... Иванъ Яковлевичъ добрый человекъ...

Жена. Когда спать...

Гостинная вторая.

Статская совѣтница. Ахъ, онъ сорванецъ!.. Такъ и сказалъ?..

Черный чепчикъ. Да, ваше превосходительство, извините, говорить: «такая черная, какъ головня», а послѣ подумалъ, и говорить: «нѣтъ, головня не живая, а она, т. е., вы, какъ ворона каркаетъ, и, говорить, говорить какъ ворона каркаетъ, вотъ такъ: кра! кра!.. кра!..» Ей-Богу!..

Статская совѣтница. Ахъ, онъ дрянъ! щенокъ!.. Видали мы этихъ выскочекъ... Да я его съ грязью смѣшаю...

Черный чепчикъ. Ломается и куда тебѣ! Своей ближайшей родственницѣ какой афронтъ съдѣлалъ... Страшно рассказывать... А та по немъ души не слышитъ, все бывало говорить: вотъ пріѣдетъ Сеня, какого-то мнѣ гостинца привезетъ? Вотъ тебѣ и гостинецъ!.. расплакалась бѣдная дѣвушка... безпомощная, беззащитная!..

Статская совѣтница. Правда, правда! Уродъ какой!..

Черный чепчикъ. Мало этого, ваше превосходительство, еще признался, что онъ сочинитель, — знаете, критиканъ: что увидитъ, такъ сейчасъ и на смѣхъ, въ этихъ дурацкихъ книжкахъ все и напечатаетъ, и хлѣбъ-дескать подавали не выпеченой, и руки были не вымыты, и все такое.

Статская совѣтница. И это онъ вамъ признался?

Черный чепчикъ. Какъ бы не такъ! Засмотрѣлся на дочку станового и выболталъ, а я подслушала...

Статская совѣтница. На Лизку? и что въ ней хорошаго!

Черный чепецъ. Вы же говорите! А послѣ спохватился, да почти со слезами говорить: «ради Создателя, пускай это останется между нами».

Статская совѣтница. Покорно васъ благодарю. Вотъ что значить поступать по-дружески.

Черный чепецъ. Какъ же, ваше превосходительство, вы намъ и примѣръ, и наставникъ, и все...

Гостинная третья.

Становой ходитъ по комнатѣ руки крестомъ à la Napoléon. Несколько молодыхъ Синеводцевъ сидятъ на стульяхъ. Лиза вяжетъ кошелекъ въ видѣ голубой уланской шапки.

Становой. Сплётникъ, мерзкій человекъ и больше ничего! Ну, если и пошалилъ съ нимъ кто, очень-нужно передавать проклятой болтунъ; она на весь городъ разблаговѣстила, а меня ни за что, ни про что распудрили какъ осла!.. Да каковъ онъ собою?.. молодецъ ли?

Молодой Синеводецъ № 1. Такъ себѣ, чортъ знаетъ что такое, ни важности, ни приличія...

Становой. Я такъ и думалъ. Увидѣлъ пьянаго мужика и кричить: разбойники! Только нарушаетъ тишину и спокойствіе... Ужъ эти мнѣ петербургскіе фертики : вотъ тутъ сидятъ...

Уздный учитель. Человекъ безъ всякой эрудиціи, вертопрахъ, ветрогонъ...

Молодой Синеводецъ № 2. Все скалитъ зубы, да болтаетъ какъ трещотка...

Становой. Изъ ума выжилъ Иванъ Яковлевичъ! Какъ не унять сорванца?..

Молодой Синеводецъ № 3. А съ дамами говорить будто съ своимъ братомъ.

Лиза. Онъ говоритъ очень-занимательно.

Становой. Та, та, та! занимательно!.. Вамъ очень нравятся этикіе завязіе шаркуны, въ папильюткахъ, въ пуговкахъ, въ цѣпочкахъ! Очень занимательно!..

Статская совѣтница (*вбѣгая запинаясь въ комнату*). Хороши мы, хороши! нечего сказать!.. Ухъ, устала! здравствуйте!.. Садитесь, садитесь, зачѣмъ вы повставали съ мѣсть? Попались!..

Всѣ. Что такое, ваше превосходительство?

Статская совѣтница. Ужъ будемъ всѣ съ руками и съ ногами вотъ въ тѣхъ проклятыхъ книжкахъ...

Становой. Что такое?..

Статская совѣтница. Ваша Лиза лучше меня знаетъ. Не краснѣйте, сударыня. Что вамъ говорилъ пріѣзжій сорванецъ, когда вы шли къ обѣду?

Лиза. Не помню.

Статская совѣтница. Короткая память у васъ, душечка; отчего жъ у васъ слезы на глазахъ?.. Помните, еще онъ сказалъ: «пускай это останется между нами»?

Становой. Лиза! что это? опять за старое? а? Что за шептанья?.. Да я тебя... знаешь?...

Статская совѣтница. Видно мнѣ прійдется сказать: эготъ бо-

гонимистикъ признался ей, что онъ сочинитель: «Я» говорить, «всѣхъ выведу на чистую воду! Тотъ» говорить «птухъ, та ворона, та куропатка»...

Становой. Ну, а я Богъ-знаетъ что подумалъ! Впрочемъ, не хорошо, что ты, Лиза, мнѣ этого не сказала. Чему же ты смѣешься?

Лиза. Это пустяки, папенька!

Статская совѣтница. Слышите—пустяки! Вашего отца, вашу матушку, васъ самихъ, меня—всѣхъ выведутъ вотъ съ такими головами, вотъ съ такими носами, съ такими рогами, и станутъ потѣшаться... Пустяки!... Вѣрно и вы въ заговоръ?

Архитекторъ (*вбѣгаетъ*). Живы ли вы?.. здоровы ли?.. бѣда!.. вѣтъ ли у васъ анисовой водки?

Статская совѣтница. Что съ вами? Можетъ-быть, съ перцемъ лучше, если у васъ что такое...

Архитекторъ. Охъ, что-то будто колонною подпираетъ меня подъ ложечку.

Статская совѣтница. Богъ знаетъ, что вы говорите! какая у васъ колонна?..

Архитекторъ. Охъ... есть... ужъ я... лучше васъ знаю... вчера подали мнѣ у Ивана Яковлевича огурецъ, а на огурцѣ листочекъ: какъ съѣлъ, такъ и заварило!.. Дайте водки!..

Становой. Выкушайте; это вамъ такъ, отъ воздуха.

Архитекторъ. Какое отъ воздуха! Не я одинъ; вотъ сейчасъ отъ Мнишкиныхъ: обое и мужъ и жена при смерти... все отъ вчерашняго обѣда... Такъ ихъ и коробитъ, кричать на весь домъ...

Статская совѣтница. Аграфена Львовна таки, нечего грѣха таить, за кухню вовсе не смотреть; мой кучеръ говорилъ, у нихъ есть кастрюля, вѣрно забылъ какой-нибудь провѣжающій, совсѣмъ велуженая, и ту для гостей берегутъ.

Архитекторъ. Мнишкина жена изволила сказывать, что замѣтила, будто бы Иванъ Яковлевичъ съ докторомъ что-то подсыпали въ кушанье...

Статская совѣтница. Я и сама замѣтила; только не старикъ, а его шальной сынъ: это вы ослышались...

Архитекторъ. Можетъ-быть, ваше превосходительство.

Статская совѣтница. Я знаю эти штуки; когда стоялъ здѣсь драгунскій полкъ, такъ мнѣ разъ, на полковомъ балѣ, дали чашку кофе... Знала я кофе!.. Вы не повѣрите...

Учитель. Позвольте, ваше превосходительство; у меня есть книга изъ Петербурга, гдѣ написано, что увѣдннй учитель танцуетъ и машетъ платочкомъ; я сейчасъ подумалъ: это на мой счетъ, я танцую и, когда жарко, машу платочкомъ; но не зналъ, кто написалъ, а теперь понимаю...

Статская совѣтница. Посмотрите: тамъ, я думаю, подписаво.

Учитель. Смотрѣль, да подписано Богъ—знаеть что, какая-то вещь. Кто пишетъ пасквиль, тотъ своего имени не подпишетъ, а такъ, знаете, что—нибудь...

Статская совѣтница. Такъ на васъ написано?

Учитель. Написано! Есть еще и генеральша Воронина...

Статская совѣтница. Онъ, онъ, ей-Богу, онъ! Я знаю... Нѣтъ ли еще кого изъ нашихъ?

Учитель. Не помню наизусть... Есть еще какой-то человекъ, который женился на богатой и заважничалъ, а между-тѣмъ подличаетъ передъ женою...

Статская совѣтница. А жена его за носъ водить?

Учитель. Кажется...

Статская совѣтница. Знаю, знаю; это Чурбинскій... Сейчас же вду къ нему и расскажу, а вы, пожалуйста, сбѣгайте въ городъ и привезите къ Чурбинскому книжку...

Учитель. Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Статская совѣтница. Ахъ, онъ сочинитель!..

Но я васъ утомилъ, мой снисходительный читатель, вода по гостинымъ обитателей доброй рвачки Синевода; вы зѣваете, а еще впереди вдесятеро больше домовъ, куда намъ слѣдовало бы заглянуть. Богъ съ ними, бросьте шапку-невидимку! Всѣ остальные гостиныя похожи на видѣнные нами. Впрочемъ, не думайте, что Синевоцы племя злое,—нѣтъ, избави Боже! они всѣ люди, какъ люди; будь они овцы, или лошади, то были бы гораздо-смирнѣе. Мнѣ кажется, вся бѣда въ томъ, что они люди. Человекъ—животное разумное, объ этомъ нѣчего и говорить; его потребность жить и физическою, т. е. животною жизнію, и духовною; но какъ на Синеводѣ, по обычаю предковъ, живутъ чисто животною жизнію, то всякій Синеводецъ, утопая въ чувственномъ довольствѣ, вѣчно скучаетъ, жаждетъ чего-то, а чего—и самъ хорошенько не знаетъ. Это изнываетъ въ Синевоцѣ мыслящая способность; не имѣя для себя никакой пищи, она томитъ Синеводца. Потому малѣйшая новость, нелѣпѣйшая сплетня, уродливейшая фантазія—принимаются съ любовью, съ жадностью, находятъ себѣ защитниковъ, быстро распространяются по Синеводу; Синевоцы оживаютъ; для нихъ открывается величайшее наслажденіе хоть какъ-нибудь пожить не физически; они думаютъ, догадываются, предполагаютъ, строятъ гипотезы, вдаются въ теоріи вѣроятностей, доходятъ до истины по аналогіи, словомъ, начинаютъ мыслить, начинаютъ предвкушать настоящую жизнь и удовольствія человечества. Какъ они мыслятъ, каковы ихъ гипотезы и теоріи, объ

этомъ мы умолчимъ. Но все-таки мыслить, и мнѣ кажется, здѣсь заключается корень синеводскихъ толковъ и сплетней. Займите умы добрыхъ Синеводцевъ чѣмъ-нибудь, кромѣ кушанья, и, даю вамъ слово, нелѣпости будутъ умирать на Синеводѣ, не успѣвъ родиться.

Вамъ живой примѣръ: — Петербургъ.

ГЛАВА IX.

ВѢСТИ ЗА БАКАНЪ.

Однимъ словомъ, сатира что чистосердечно
Писана, колеть глаза многимъ всеконечно;
Ибо всякъ въ семь зеркалъ какъ ставеть смотрѣти,
Минуть, зная себя, лицо свое ясно зрѣти.

Князь Антиохъ Кантемиръ.

— Думалъ я тебя женить, Сеня, да что-то, кажется, сосѣди тебя не полюбили, говорилъ Иванъ Яковлевичъ, спустя недѣлю послѣ своего званого обѣда.

— Вы спросите, полюбилъ ли я ихъ? А они, эти профаны... ничего не понимаютъ...

— Не говори...

— Отъ-чего жь бы имъ меня не полюбить?

— Не знаю, а не полюбили; скажу тебѣ больше: они даже сердятся, и очень сердятся; не знаю на кого, а сердятся.

— Вамъ это кажется.

— Нѣтъ. Вчера, помнишь, какъ насъ приняли у становаго: Лиза не показала: значить, ее не пустили; это намекъ, чтобъ ты выбросилъ изъ головы женитьбу. Хозяинъ явился съ подвязаннымъ глазомъ, говорить: оса укусила; хозяйка перевязала щеку и жаловалась на зубы, это для того, чтобъ не разговариваться... Худыя примѣты!.. Петръ Петровичъ, когда ѣдетъ мимо двора, всегда отворачивается, раза два и видѣлъ; а ея превосходительство, поравнявшись съ воротами, даже плюнетъ.

— Можетъ, ей въ ротъ муха попала.

— Нѣтъ, закричала Аграфена Львовна: — это на нашъ счетъ... Генеральша даромъ не плюнетъ.

— Для чего же, если сердиты на васъ и не хотятъ смотрѣть на нашъ домъ, они присылаютъ просить къ вамъ разныхъ вещей: третьяго-дня, генеральша просила ванны купаться; вчера Иванъ Ивановичъ бралъ нашего мальчика обрывать въ саду вишни, и даже сегодня утромъ Петръ Петровичъ прислалъ занять на три дня одно-го охотничьяго сапога: одинъ, де-скать, у него мыши съѣли.

— Неопытность, Сеня! отвѣчалъ старикъ. — Это и показываетъ, что они на насъ сердиты; а если не дадимъ, тутъ начнется настоя-

шая ссора. Хочешь, мы сдѣлаемъ опытъ: пошлемъ мальчика просить чего-нибудь у сосѣдей. Эй, Ярошъ!

Извѣстный намъ мальчикъ въ пестрядиной курткѣ явился передъ Иваномъ Яковлевичемъ.

— Слушай, Ярошъ! садись на камбалу и поѣзжай вверхъ по Синеводу; кланяйся отъ меня Петру Петровичу, да попроси на два часа краснаго жилета; для скройки, молъ, нужно. Слышишь?

— Слышу.

— Послѣ заѣзжай къ Ивану Ивановичу, и попроси пару лошадиныхъ подковъ только въ городъ съѣздить. Послѣ кланяйся Ѳедору Ѳедоровичу, и займи печеную булку: у насъ, молъ, выпекутся къ вечеру, такъ принесемъ. У генеральши спроси листочекъ бумаги: письмо, скажи, въ Петербургъ писать нужно; да оттуда заверни къ становому, нѣтъ ли у него ружейнаго кремня. Слышишь?

— Слышу.

Черезъ два часа возвратился Ярошъ съ пустыми руками.

— Ну, что? спрашивалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Ничего.

— Что Петръ Петровичъ?

— Сказали, что и сами умѣютъ смѣяться въ красномъ жилетѣ.

— Тутъ что-то не такъ! врешь. А Иванъ Ивановичъ?

— Ей-Богу, такъ. А Иванъ Ивановичъ сказали, что всѣ подковы избили, посылая за лекаремъ.

— А Ѳедоръ Ѳедоровичъ?

— Сказали: у меня булка не выпечена; боюсь, не пролѣзетъ въ петербургское горло.

— А генеральша?

— Выбрали меня и васъ, дурнями назвали, и сказали: а дзуски имъ на моей бумагѣ съ меня портреты писать.

— А становой?

— Становой сказалъ: кремня самому нужно. Поѣду искать разбойниковъ, что ограбили вашего панича, такъ для безопасности въ свое ружье нужно.

— Хорошо, ступай себѣ. Вотъ видишь, Сеня: всѣ противъ насъ! Есть какая-то штука, да я и самъ не понимаю ничего. Должно быть, не ея ли превосходительство на тебя гнѣвается. Ты ее обидѣлъ.

— Я? чѣмъ?

— А называлъ вороною! И охота же тебѣ ссориться съ такою почетною женщиною; отъ нея все станется: она такихъ людей сводила и разводила—не намъ чета, а мы что для нея? Захочетъ—по міру душить, захочетъ—воду запрудитъ въ Синеводу, и не дастъ тебѣ пацаться.

— Да развѣ я ее въ глаза называлъ вороною? Я говорилъ только, что ея голосъ похожъ на вороній, и то говорилъ между пріятелями.

— Молодъ ты, Сеня! Ничто такъ не расходится скоро, какъ секретъ между пріятелями, на Синеводѣ.

Вошелъ живописецъ.

— Здравствуйте, Иванъ Яковлевичъ. А я вотъ это къ вамъ. Пускай что хотятъ говорить, а я люблю васъ. Вотъ принесъ показать вашему сыну новую картину; нельзя сказать, чтобъ отличная, а все-таки очень-хороша. Первая картина не съ натуры, а своя фантазія. Посмотрите: цвѣтокъ тюльпанъ, въ тюльпанъ лежатъ три ячика; ихъ снесъ жаворонокъ, ошибся: думалъ, что тюльпанъ гнѣздо, а самъ летаетъ вокругъ и поетъ...

— Умудрился! сказалъ Иванъ Яковлевичъ: — и жаворонокъ похожъ; все есть: и крылья, и лапки, и носикъ; видно, что птица, и ротъ раскрытъ, словно поетъ.

— Поетъ, поетъ...

— Немного не натурально, прибавилъ Семенъ Ивановичъ.

— Ужъ молчите; самъ я знаю, да что вы прикажете дѣлать? Нѣтъ въ здѣшнихъ мѣстахъ хорошаго бакану... Лѣтъ пять тому назадъ, мнѣ было-вывезъ изъ Кишинева одинъ офицеръ маленькій кусочекъ бакану; признаться, баканъ былъ!.. Я нарисовалъ имъ картины четыре, да грѣхъ попуталъ: какъ-то заночевалъ у ея превосходительства, всталъ поутру, нѣтъ бакана: украли горничныя на румяна... чтобъ имъ почернить!.. Я уже все собираюсь васъ попросить, если дастъ Богъ пойдете въ Петербургъ, вышлите мнѣ бакану, хоть рубля на два; я четвертакъ вамъ дамъ впередъ, а остальные вышлю по почтѣ, какъ получу вещь. А то, не повѣрите, мы здѣсь покупаемъ у Жидовъ и дорого, и дрянъ: совсѣмъ синій, едва замѣтна краснота; возьмешь иногда пышную столбиственную розу срисуешь, прикроешь жидовскимъ баканомъ, и выйдетъ не роза—никакого сходства нѣтъ съ розою, а такъ будто-бы піонъ или что другое свекловичнаго цвѣта.

— Хорошо; я напишу къ моему пріятелю, даже можно сказать, къ другу, просто къ моему единственному, задушевному другу, придворному живописцу, г-ну Тердесень: онъ вамъ пришлетъ самаго лучшаго бакану, самаго свѣжаго; тамъ все курьеры привозятъ...

— На то столица! Когда же вы напишете къ Тридесъну?

— Къ г-ну Тердесень я написалъ бы хотъ сегодня; но вы повремените, почтеннѣйшій: онъ теперъ въ Италія, то-есть въ Римъ.

— Тамъ, гдѣ, говорятъ, папа?

— Да. Такъ вы повремените немного; онъ похалъ на самое короткое время, на курьерскихъ, по казенной надобности, снимать съ папы портретъ — онъ скоро возвратится; только я получу объ этомъ

извѣстіе, сейчасъ же напишу къ нему, и будьте увѣрены, вы получите отличнѣйшій баканъ. Онъ мнѣ, по дружбѣ, пришлетъ безъ денегъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю! И еще говорятъ о васъ худо... о такомъ человѣкѣ!..

— Кто? спросили въ одинъ голосъ Иванъ Яковлевичъ и Аграфена Львовна.

— Да такъ! пускай на меня сердятся, а я расскажу вамъ все: вчера былъ балъ у Юліяна Астафьевича Чурбинскаго; много было нашихъ, да, всѣ были наши, кромѣ вашего семейства; изъ Горохова было много и самъ судья былъ.

— И судья?!

— Да, и судья, пріѣхалъ въ каретѣ шестернею; а карета, я вамъ скажу, словно гумигутомъ выкрашена, какъ золотая, такъ и горитъ. Я было спросилъ, отъ-чего васъ нѣтъ? да какъ закричить на меня ея превосходительство: «знайте себя! и безъ него обойдемся—этого-то безъ васъ»; я и замолчалъ.

Съѣли обѣдать. Судью посадили на первое мѣсто; возлѣ него ея превосходительство, а тамъ всѣ, всѣ съѣли. Хозяинъ не сѣдился, ходитъ вокругъ стола, потираетъ руки, и такъ что-то самъ не при себѣ, какъ-будто что непорядочное сдѣлалъ, и людей совѣстится. Вотъ съѣли жаркое, начали подавать пирожное; топчется Юліянь Астафьевичъ около судьи и въ лицѣ перемѣнился, и слезы на глазахъ: всѣ даже замѣтили.

— Да полно вамъ нереминаться! сказала хозяйнѣ ея превосходительство: — говорите уже судья, что тамъ у васъ такое на душѣ сидитъ.

Всѣ посмотрѣли на Чурбинскаго, а онъ сдѣлалъ головою такъ, будто насильно проглотилъ что-нибудь непріятное, сложилъ руки калачикомъ и почти со слезами началъ: — Вы у насъ судья, разсудите по законамъ мальчишку, молокососа, который для всего Синевода злѣе Засорина.

— Вѣрно вамъ приснился Засоринъ! крикнулъ становой.

— Молчите! не перебивайте! еще громче закричала ея превосходительство.

— Этотъ молокососъ, продолжалъ Чурбинскій: — описываетъ всю нашу страну самыми черными красками, кощунствуетъ, издѣвается и ругается надъ нами, женами и дѣтьми нашими, даже тревожитъ прахъ предковъ нашихъ для потѣхи празднаго народа, читающаго книги; единственно изъ корыстолюбія продаетъ насъ...

— Кто же это? спросилъ судья.

— Сынъ отставнаго почтмейстера Лобко... Прошу съ нимъ поступить по законамъ, съ симъ пасквилянтомъ.

— Вы имете доказательства?

— Вот явная улика!..

Тутъ Чурбинскій вынулъ изъ кармана книжку, толщиною, этакъ, букваря въ четыре, и подалъ ее судья.

— Знаю я эту книжку, сказалъ судья:—да здѣсь, кажется, нигдѣ вѣтъ сочиненія Лобка.

— Э! ужъ вы не говорите! закричала генеральша:—еще бы и подписался! Эти сочинители все, говорятъ, опишутъ неподобное, да на концѣ и поставятъ что-нибудь, сапоги или шапку, ихъ уже и прозвали за это какими-то псы... или... что жъ вы не говорите, г-нъ Тетрадка?

Учитель поклонился и сказалъ:—Вотъ я и самъ упомянулъ, а что-то бранное... псовой домъ или псовой дымъ—не помню.

— Положимте и такъ, сказалъ судья: — гдѣ же здѣсь на васъ па-сквиль?

— Помилуйте! вскрикнулъ Чурбинскій: — не только на меня, на весь Синеводъ, на весь Гороховскій Уездъ. Посмотрите: повѣсть *Пл-тухъ*. Съ перваго слова критика. Какъ можетъ быть повѣсть пшту-хомъ? Это явно вотъ на ихъ счетъ насмѣшка.

— Именно на меня, сказалъ Иванъ Ивановичъ Пштуховъ:—а, кажется, я ему ничего и не сдѣлалъ!

— У васъ прекрасныя дрожки, а у него пшту: вотъ и злится! за-кричала генеральша.

— Что жъ! я дрожки не украдъ—купилъ на свои деньги.

— Здѣсь и на меня напечатано, сказалъ учитель: — и все неправ-да; иногда, точно, я машу платкомъ въ танцахъ, когда жарко, но за-чѣмъ писать, что я похожъ на латинскую букву S?

— Да вѣдь здѣсь напечатанъ уездный учитель; а развѣ вы одинъ уездный учитель въ цѣломъ свѣтѣ? отвѣчалъ судья.

— Еще бы написать мое имя и фамилію! Тогда была бы явная обманка.

— А какъ меня отдѣляли! закричала генеральша.

— Не-уже-ли? спросилъ судья. — Вы читали?

— Нѣтъ, слава Богу, я не читаю этихъ безтолковыхъ книжекъ; спасибо, добрые люди прочитали, да растолковали, что на меня при-ходитъ... Называетъ просто вороною, а самъ порядочнаго зябли-ка не стоить... Прочитайте тамъ, Юліанъ Астафьевичъ... гдѣ про меня писано... Э! какіе вы непроторные, а еще мужчина!...

— И на меня! и на меня! и на меня написано! кричали со всѣхъ сторонъ гости.

—А болѣе всѣхъ на меня, сказалъ вздыхая Юліанъ Астафьевичъ:— а что я сдѣлалъ этому злокозненному человеку? Видитъ Богъ, всег-да къ нему былъ расположенъ какъ къ наилучшему изъ друзей, пи-

талъ къ нему самую нѣжную привязанность, — и вотъ вамъ благодарность.

— Злодѣй! ворчали гости: — утопить его въ Синеводъ!

— Гдѣ же вы тутъ себя узнаёте? спросилъ Чурбинскаго судья.

— Еще и спрашиваете! будто вы не видите: вотъ Фока Фоковичъ Подковкинъ. Это я.

— Вы не Подковкинъ, не Фока Фоковичъ?

— Да, это я по поступкамъ...

— Здѣсь описанъ самый низкій, безхарактерный человѣкъ, вѣточникъ.

— То-то и обидно — все неправда!.. пишеть, будто я подаю женѣ подѣ ногн скамеечку.

— А если бы и такъ, что же тутъ дурнаго?

— Неправда, вотъ что обидно.

— Это написано на тотъ счетъ, закричала генеральша: — будто у Юліана Астафьевича людей нѣтъ, подать некому: — вотъ въ чемъ насмѣшка.

— Еще пишеть, продолжалъ Чурбинскій: — будто меня жена водить за носъ... Ну, скажите господа, кто это видѣлъ? Развѣ я лодка? Душа болитъ, такъ обидно...

— Да не спорьте съ нимъ, сказала судья жена Чурбинскаго: — это съ него списанъ портретъ, ей-Богу съ него — и принялась хохотать.

— Изъ уваженія къ вамъ и Синеводцамъ я не вѣрю, говорилъ судья Чурбинскому.

— Такъ знайте же, отвѣчалъ онъ съ сердцемъ: — тутъ и на васъ есть, да еще и съ намѣреніемъ насъ поссорить... Смотрите: пишеть, будто вы умерли, а я на ваше мѣсто избранъ судьейю.

— Разувѣрьтесь! Вѣдь молодаго Лобко не было здѣсь болѣе десяти лѣтъ: откуда бѣ онъ могъ знать ваши нравы, привычки, ваши отношенія? Это вздоръ!...

— Говорите вы «вздоръ!» спускайте ему, пока съ васъ портретъ не напечатаетъ, закричала генеральша. — Я справлялась на почтѣ: три раза въ годъ, говорятъ, отсылаетъ старикъ Лобко къ сыну въ Петербургъ по толстому письму. О чемъ бы ему писать такъ часто и такъ много? Не графы какіе! Старикъ вышелъ изъ ума и пишеть все сыну про насъ: тотъ обманулъ того, у того сбѣжала дочка, а у этого денегъ нѣтъ ни гроша, и все вотъ этакое, а сынъ радъ, — описываетъ земляковъ: безъ того опухъ бы съ голоду.

— Охъ, не говорите! сказала сосѣдка въ черномъ чепчикѣ: — я подозреваю тутъ штуки Аграфены Львовны; она прехитрая женщина.

— Обое рябее! отвѣчала генеральша.

Еще, можетъ-быть, и больше что-нибудь говорили бы, да встали изъ-за стола. Судья сейчасъ же ухалъ. Тутъ принялись ругать

судью и рѣшили, что онъ оглувѣлъ, живя долго въ Петербургѣ, а генеральша даже начала подозрѣвать, что онъ участникъ Семена Ивановича. Послѣ объѣда немного отдохнули, и за чаемъ опять принялись ругать все ваше семейство.

— И вѣрно меня больше всѣхъ? спросилъ Семень Ивановичъ.

— Не могу сказать, чтобъ больше; вамъ сильно досталось, но и батюшкѣ вашему не меньше; а какъ подумаешь, то и матушку не обдѣлили! Дѣло щекотливое и трудное, рѣшить не берусь... Ругали васъ, ругали, а послѣ начали придумывать вамъ, собственно вамъ, Семень Ивановичъ, вашей особѣ достойное наказаніе, и на васъ самъ Юліанъ Астафьевичъ сочинилъ стихи... Я, говорить, и самъ учился не хуже его, и самъ напишу и напечатаю.

— Стихи? вы не помните?...

— Гдѣ мнѣ ихъ помнить! А пенялъ я, что очень обидные, на какой-то Парнасъ какой-то пегасъ вѣхалъ и вы родились будто-бы... Обидно сказано... Я было и самъ хотѣлъ принять ихъ на свой счетъ, отъ-того, что пріѣзжалъ къ Чурбинскому на пѣгой лошади, да Богъ съ ними, берите все на себя!..

Иванъ Яковлевичъ и Аграфена Львовна сидѣли какъ громомъ пораженные вѣстью живописца. Семень Ивановичъ хохоталъ...

— Ахъ, онъ проказникъ! да онъ на меня не сочинилъ стихи, а предлагалъ чужіе, я ихъ слышалъ гдѣ-то на станціи въ Тульской Губерніи.

— Чужіе ли, свои ли, а какъ напечатаетъ на тебя, такъ худо будетъ, сказалъ Иванъ Яковлевичъ.

— На нихъ... на нихъ! Я самъ видѣлъ, такъ и подписано: стихи Лобченку, да еще, вмѣсто Ч, поставилъ Юліанъ Астафьевичъ Щ. Такъ и читаютъ Лоб-щенкѣ: этимъ, говорить, я намекаю на его гадкую молодость.

— Ахъ, онъ уродъ! закричалъ Иванъ Яковлевичъ...

— Оставьте его, папаша. Я знаю въ Петербургѣ одного молодого литератора, на котораго пишутъ по три эпиграммы въ день, а онъ только смѣется да толстѣетъ...

— Вотъ до чего я дожила! сквозь слезы говорила Аграфена Львовна: мало, что безчестятъ меня, издѣваются надъ моимъ рожденіемъ, дворянскаго сына называютъ щенкомъ...

— Ну, прощайте! Видите, какую я вамъ принесъ вѣсточку, сказалъ откланиваясь живописецъ:—смотрите жь, не забудьте за это достать баканцу...

ГЛАВА XII

СЪ РАЗЛУКОЮ.

Прости! Храанный небомъ
 Не разлучайся, другъ,
 Съ свободою и Фебомъ.
 А. Пушкинъ.

На петровъ-день въ Гороховъ была ярмарка. Гороховцы, Синеводцы и жители другихъ смежныхъ областей толпились въ лавкахъ, кланялись, обнимались, болтали о всякой всячинѣ и рѣшительно мѣшали купцамъ торговать. Иванъ Яковлевичъ началъ прицѣпляться къ желтой китайкѣ, а Семень Ивановичъ отъ скуки пошелъ гулять по краснымъ рядамъ. Онъ прошелъ изъ конца въ конецъ всѣ ряды и, встрѣчая вездѣ непріязненные взгляды, вышелъ изъ-подъ холстиннаго навѣса и сталъ пробираться между мѣняльными столиками въ бакалейныя лавки, гдѣ обыкновенно продаются пряники, свѣчи, мыло и черносливъ. Вдругъ знакомый голосъ закричалъ сзади его: — «Мое почтеніе, ваше сіятельство!» Семень Ивановичъ оглянулся: у мѣняльнаго столика стоитъ московскій антикварій въ синемъ сюртукѣ, въ синемъ картузѣ съ назатыльникомъ, держитъ въ зубахъ старую серебряную монету и кланяется ему и говоритъ: — Очень радъ, что имѣю честь васъ видѣть, сіятельный графъ!..

— Здравствуйте, разсѣянно отвѣчалъ Семень Ивановичъ и прибавилъ шагу.

— Погодите, графъ; вы опять хотите исчезнуть, какъ изъ Москвы. Вотъ любопытная вещь, должна быть монета Рюрика: вся затерта, только едва примѣтна буква Р., даже можно замѣтить 8... и еще будто есть на концѣ ъ. Весьма основательно, здѣсь было цѣлое слово Рюрикъ, все равно что и Рюрикъ... Куда же вы?... Не уходите... Въ Москвѣ тогда вся полиція поднялась за вами. А я вотъ поѣхалъ по Россіи подбирать штучки, знаете, по нашей части...

Но Семень Ивановичъ исчезъ между народомъ, прямо почти прибѣжалъ на квартиру, и началъ съ досады ѣсть ветчину.

Часа черезъ два пришли Иванъ Яковлевичъ и Аграфена Львовна, блѣдные, разстроенные.

— Чтѣ ты надѣлалъ, Сеня? спросилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Ничего.

— Какъ ничего? Въ городѣ странные слухи, вся полиція на ногахъ... Тебя подозреваютъ...

— Въ чемъ?

— Не знаю. Я слышалъ, говорятъ, будто становой мѣнялъ синюю ассигнацію у стола, гдѣ человекъ подозрительной наружности искалъ какихъ-то старыхъ денегъ. Вдругъ ты показался — и вы заговорили

съ нимъ Богъ-знаеть о чемъ; подозрительный человекъ тебя величалъ графомъ, говорилъ о полицейскихъ поискахъ за тобою въ Москвѣ... Говорятъ, будто этотъ странный человекъ собираеть какую-то шайку... Генеральша при мнѣ совѣтовала городничему захватить тебя, говоря:—Можеть-быть, это не Лобченко, а самъ Засоринъ...

— Успокойтесь; это пустяки...

— Какіе пустяки! Посадятъ тебя подъ арестъ, осрамятъ мою сѣдую голову! Хоть послѣ и выпустятъ, а стыда вѣкъ не воротишь... Послушай, Сеня! Богъ тебя знаетъ, что у тебя на умѣ. Если ты и вправду недобрый человекъ — бѣги поскорѣе, я спасу тебя...

— Бѣги, дитя мое! вопила Аграфена Львовна.

— Увѣряю васъ, мнѣ нечего болтаться.

— Вѣрю, Сеня, хочу вѣрить, а самому что-то не вѣрится: даромъ народъ говорить не станетъ. Гласъ народа — гласъ Божій; отъ-чего на меня ничего не говорятъ подобнаго?.. Знать не хочу, Сеня, что у тебя на душѣ, а боюсь за тебя... И явился ты странно, Богъ тебя знаетъ съ какимъ человекомъ; и обычаи и привычки у тебя все не наши, какія-то странныя, и все такъ неладно пошло у меня съ сосѣями со дня твоего пріѣзда... Намъ съ тобою не жить... Бѣги, Сеня! насудятъ тебя; чего добраго, что откроется, — и мнѣ безчестье на старость принесешь; да и что тебѣ у насъ дѣлать? Служить въ Горохо-въ ты не хочешь, жениться и жить съ нами тоже, да за тебя никто дѣвушки не выдастъ... Ты не покоишь, а смущаешь мою старость...

— Пожалуй, я уѣду въ Петербургъ. Дайте денегъ... Признаться, мнѣ у васъ наскучило.

— Сеня, Сеня! не грѣхъ тебѣ такъ говорить? рыдая сказала Аграфена Львовна.

— Денегъ, братъ, я тебѣ на прогоны дать не могу: нѣтъ; на ярркѣ продалъ пудовъ сто муки, заплатилъ подати, и всего осталось пятьдесятъ рублей; но я тебя отправлю на эти деньги. Сегодня утромъ прискакалъ изъ Петербурга въ городъ Подвишни знакомый мнѣ курьеръ; онъ часто ѣзжалъ, когда я былъ еще почтмейстеромъ, по старой пріязни, свезетъ тебя въ Петербургъ. Подвишни отъ насъ пятьдесятъ верстъ; значитъ, курьеръ къ вечеру будетъ здѣсь братно. Повѣзжай, Сеня, домой, возьми свои вещи; а я буду гулять около станции, чтобъ не пропустить курьера; повѣзжай скорѣе въ нашу бричку, да надѣнь мою шапку и шинель, чтобъ тебя не узнали. Вечеромъ курьерская тройка остановилась у воротъ квартиры Ивана Яковлевича. Курьеръ, согласившійся за пятьдесятъ рублей довести Сеню до Петербурга, вросхмѣлъ сидѣлъ на повозкѣ и кричалъ: Гдѣ жъ вашъ молодецъ? подавайте его поскорѣе! время дорого...

— Прищай, Сеня! говорила рыдая Аграфена Львовна и надѣвала у на шею серебряный крестикъ.

— Прощай, Сенья! началъ Иванъ Яковлевичъ: — мы съ тобою... ты... И не договорилъ за слезами.

Семенъ Ивановичъ вскочилъ въ позовку, свистя:

Мальбругъ въ походъ поѣхалъ...

Лошади рванули, колокольчикъ загремѣлъ и залился въ разные тоны, и вскорѣ изъ виду скрылась курьерская тройка.

Долго смотрѣли старики на пустую улицу, и тихо, безмолвно обнялись.

Статская совѣтница, два мѣсяца рассказывала въ Гороховѣ и въ шести смежныхъ уездахъ, что Семена Ивановича схватили на ярмаркѣ и увезли Богъ-вѣсть куда съ фельдъегеремъ.

ГЛАВА XIII-Я,

САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ, ДАЖЕ БЕЗЪ ЭПИГРАФА.

Недавно мнѣ случилось быть на вечерѣ у одного дѣловаго человека. Былъ вечеръ, какъ обыкновенно бываютъ вечера: въ одной комнатѣ играли въ преферансъ, въ другой танцовали подъ фортепьяно, въ третьей ничего не дѣлали, въ кабинетѣ хозяина курали. Все шло своимъ порядкомъ: юноши и старики любезничали, дамы кокетничали, дѣвушки старались не показывать никакого знака жизни... Я ушелъ въ кабинетъ.

Вдругъ вбѣгаетъ Семенъ Ивановичъ, выпросилъ у какого-то порпорчика пахитоску, раскурилъ ее и развалился на пате.

— Весело вы провели время въ деревнѣ? спросилъ Семена Ивановича старичокъ-чиновникъ.

— Чрезвычайно-весело! Одно удовольствіе ѣзды чего стоить!

— Признаюсь, я не испыталъ этого удовольствія: дальше Павловска въ жизнь свою нигдѣ не бывалъ.

— О! вы много потеряли! Вояжъ обворожителенъ... разумвется, вояжъ съ удобствомъ, съ комфортомъ...

— Такъ, такъ! я самъ думалъ... А житье провинціальное?

— Житье чудное! Знаете, этакое дружество, радушіе... очень-пріятно!... Не хвастая вамъ скажу, я прожилъ въ уездѣ будто въ своемъ семействѣ... Тамъ балъ, здѣсь охота, въ другомъ мѣстѣ рыбная ловля — и это все безъ малѣйшаго этикета... Жалѣйте, если вы никогда не испытали этого!

— Истинно жалю! Счастливецъ вы, Семенъ Ивановичъ!...

Е. ГРЕВЕНКА.

ЧЕРНОГОРЕЦЪ.

Нѣтъ у меня ни стада рогатыхъ,
Ни златокованныхъ коней,
Ни чепраковъ, ни уздъ богатыхъ,
Ни городовъ, ни кораблей;
Ко мнѣ не шлетъ алжирскій бѣй
Пословъ съ обильными дарами —
Мечей съ насѣчкой золотой,
Ни бусъ, ни пѣлиницы молодой
Съ побѣдоносными очами.

Иныя блага у меня:
Подземныхъ родниковъ струя,
Лѣса въ зеленыхъ ихъ уборахъ,
Да песь на стражѣ ночь и день,
Ружье дуствольное, да порохъ,
Да вѣрно-винченвый камень,
Да сводъ пещерь, да хмѣль у свода,
Да горы, — а въ горахъ свобода.

1839.

АЦ. МАЙКОВЪ.

ВСТРѢЧА.

Друзья они смолоду были,
Но рано расстались они,
И встрѣтились послѣ случайно
Черезъ долгіе годы и дни.

И какъ же они удивились!
Ужъ лица наморщены ихъ,
И головы были седыя,
И сгорблены спины у нихъ.

Старикъ старику подалъ руку
И молча смотрѣлъ — вникто
Изъ нихъ не сказалъ, смѣливо было
Имъ внутреннихъ бурь прожито.

Н. ОГАРЕВЪ:

ПРИЗЫВЪ.

Смотри: пришла весна. Пѣвучія струи
Снадають съ горъ въ поля, гдѣ свищутъ соловьи;
Листомъ пушится лѣсъ и озимь велеветъ,
И море, въ берегахъ качаяся, свѣглетъ
И дышетъ ласково, и шумно по водѣ
Гагары дикія скользятъ и въ глубь ныряютъ,
И клочья облаковъ разорванныхъ летаютъ
По небу синему, гдѣ пышно въ высотѣ
Гуляетъ солнца шаръ... Прийди, мой ангелъ милый!
Оставь столицы шумъ и блескъ ея унылый;
Прийди, тебя зоветъ весенній блескъ долинъ,
Паденье шумное растаявшихъ лавинъ,
И солнце красное, и розы молодыя,
И ночи синія, и зори золотыя,
И гротъ, гдѣ слушать любишь ты
Ихъ нимфъ невидимыхъ глухое лепетанье,
И къ нимъ склонившися надъ бездной темноты,
Ихъ учишь повторять любимыя названья.

А. П. МАЙКОВЪ.

Она никогда его не любила,
А онъ ея тайнѣ любилъ;
Но онъ о любви не выронилъ слова,
Въ себѣ ея свято хранилъ.

И въ церкви съ другимъ она обвинчалась;
По прежнему вхожъ онъ былъ въ домъ,
И молча въ лицо глядѣлъ ей украдкой
И долго томился потомъ.

Она умерла. И днемъ онъ и ночью
Все къ ней на могилу ходилъ;
Она никогда его не любила,
А онъ о ней память любилъ.

Н. ОГАРЕВЪ.

БЭРНЕВИ РОДЖЪ.

Романъ Чарльза Диккинса (Воз).

ГЛАВА I.

Въ 1775 году, у Эппингэмскаго Лѣса, въ разстояніи двѣнадцати миль отъ Лондона—т. е. отъ коргильскаго штандарта, или лучше съ того мѣста, на которомъ когда-то стоялъ штандартъ, — была большая гостинница, называвшаяся гостинницею *Майскаго-Дерева*. На этотъ фактъ указывала всемъ путешественникамъ, неумѣвшимъ ни читать, ни писать (а 67 лѣтъ тому назадъ, на такой степени образованія стояло большое число путешественниковъ и домохозяевъ) эмблема, поставленная на дорогѣ, насупротивъ дома. Если эта эмблема и не отличалась той вышиною, которою могли хвалиться встарину другія «майскія-деревья», она все-таки была ни больше, ни меньше, какъ красивый молодой ясень въ тридцать футовъ вышины, и притомъ прямой, ровный, какъ самая лучшая стрѣла, когда-либо спущенная съ тетивы англійскаго фермера.

Майское-Дерево—впередъ мы будемъ разумѣть подъ этимъ именемъ не эмблему, а самую гостинницу—было старое строеніе съ такимъ множествомъ фронтоновъ, что ихъ едва ли бы счелъ лѣзвивый человекъ въ теплый лѣтній день,—съ такими неизмѣримыми, угловатыми трубами въ видѣ зигзаговъ, что изъ нихъ, казалось, и дымъ не могъ выходить иначе, какъ въ неестественныхъ, фантастическихъ формахъ,—строеніе съ большими пустыми конюшнями и сараями, имѣвшими видъ мрачныхъ развалинъ. Домъ этотъ, какъ гласило преданіе, построенъ во времена Генриха VIII, и въ народѣ сохранилось сказаніе, что сама королева Елизавета, однажды, запоздавъ на охоту, не только переночевала въ немъ, и именно въ небольшой, выложенной дубомъ комнаткѣ съ полукруглымъ окномъ,—но что эта дѣва-королева на другое утро, стоя одной ногой въ стремя, а другою на колодѣ, помогавшей путешественникамъ садиться на лошадь, выдрала одного бѣднаго пажу за уши, и надавала ему нѣсколько полновѣсныхъ пощечинъ за какой-то маловажный промахъ. Правда, скептическіе, мнительные умы, какихъ, къ-сожалѣнію, много въ

каждомъ небольшомъ приходѣ, и какихъ было довольно между посьтителями Майскаго-Дерева, старались опровергать справедливость этого сказанія; но какъ-скоро хозяинъ старой гостинницы призвалъ въ свидѣтели самую колоду и, торжественно указывая на нее пальцемъ, говорилъ, что она и теперь лежитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежала во время Елизаветы, — скептики были заглушаемы большинствомъ голосовъ, и все вѣрующіе торжествовали, какъ-будто одержали знаменитую побѣду.

Справедливы или ложны были эти и многія другія подобныя имъ исторіи, несомнѣнно только то, что Майское-Дерево дѣйствительно было старое, очень-старое зданіе, вѣроятно столь же старое, какъ о немъ говорили, а можетъ-быть и еще старѣе:—это иногда случается съ домами неизвѣстныхъ лѣтъ, какъ и съ женщинами извѣстныхъ лѣтъ. Маленькія стекла въ окнахъ были вставлены въ свищовые передеды; полы вездѣ опустились и покособились; потолки почернѣли отъ времени и кряхтели подъ натискомъ огромныхъ балокъ. Надъ подъездомъ устроена старомодная бесѣдка, украшенная разными разными фигурами; здѣсь въ лѣтніе вечера сидѣли почетные повсѣтители Майскаго-Дерева, такъ-называемые «коренные гости», курили и пили, а подчасъ и пѣли пѣсни, покоясь на двухъ креслахъ съ высокими спинками, украшенныхъ какими-то страшными лицами; кресла эти, подобно двумъ драконамъ въ волшебной сказкѣ, казалось, стерегли входъ въ гостинницу.

Въ нащипаныхъ многочисленныхъ необитаемыхъ комнатахъ ласточки давно уже вили свои гнѣзда, а въ сточныхъ трубахъ съ первыхъ весеннихъ дней до поздней осени чирикали и пищали цѣлыя колоніи воробьиного рода. Въ опустѣлыхъ конюшняхъ и вокругъ прорухъ пристроекъ жило столько голубей, что врядъ-ли кто-нибудь, исключая хозяина гостинницы, могъ сосчитать ихъ. Стаи веселыхъ голубей, летавшихъ цѣлый день вокругъ дома, можетъ-быть не совсѣмъ соотвѣтствовали важному и торжественному характеру зданія, но за то однозвучные крики ильбекъ, несумолкавшихъ съ утра до вечера, совершенно сообразовались съ нимъ, и казалось, хотѣли усыпить всѣхъ находящихся въ немъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, домъ этотъ, съ выдавшимися впередъ верхними этажами, съ сонными, крошечными стендами въ окнахъ, съ брюхомъ, высунувшимся далеко за тропинку, которая тянулась вдоль дороги, казалось, погруженъ въ полную дремоту. Не нужно было имѣть сильное воображеніе, чтобъ замѣтить въ немъ и другія сходства съ дремлющимъ человекомъ. Кирпичи, изъ которыхъ онъ построенъ, первоначально были темно-красны, пожелтѣли и сдѣлались безцвѣтны, какъ кожа старика; толстыя бадки изгрызаны и изъедены подобно дряхлымъ зубамъ; а дерево, плотно обвивавшееся своими зелеными листьями около стѣ-

рыхъ стѣнъ, походило на теплое платье, защищающее старика отъ холода.

Однакожь, домъ пользовался здоровою, веселою старостью. Въ лѣтніе и осенніе вечера, когда пурпуровыя лучи заходящаго солнца падали на дубовыя и каштановыя деревья близъ-лежащаго лѣса, старый домъ, получая на свою долю также часть этого блеска и роскоши, казался ихъ товарищемъ, который въ состояніи прожить съ ними еще не одинъ годъ.

Тотъ вечеръ, о которомъ мы намѣрены вести теперь рѣчь, былъ ни лѣтній, ни осенній, а какой-то средній — мартовскій. Вътеръ страшно вылъ въ сухихъ вѣтвяхъ деревьевъ, стучалъ въ обширныхъ каминяхъ и гналъ дождевыя капли въ окна Майскаго-Дерева, такъ-что поствителѣи, бывшіе тамъ въ это самое время, имѣли самую основательную причину просидѣть еще долѣе въ гостинницѣ. Хозяинъ предсказывалъ, что погода непременно прояснится ровно въ одиннадцатъ часовъ ночи — а въ это время, по странному стеченію обстоятельствъ, онъ всегда запираетъ свою гостинницу.

Человѣкъ, на котораго такимъ образомъ сошелъ духъ проризанія, назывался Джономъ Уиллитомъ. Неуклюжее тѣло, толстая голова и жирное лицо его выражали глубокое, основательное упрямство, весьма явную способность воспринимать впечатлѣнія, и притомъ сильную, закоренѣлую увѣренность въ собственныхъ достоинствахъ. Будучи въ миролюбивомъ расположеніи духа, Джонъ Уиллитъ хвалился обыкновенно, что идетъ впередъ хоть медленно, но вѣрно, — истина, которую, въ нѣкоторомъ отношеніи, никакъ нельзя было оспаривать, потому-что онъ во всемъ безспорно былъ прямо противоположенъ скорости, и отличался упорствомъ и задорливостію необычайными. Онъ былъ увѣренъ въ правотѣ своей, что бы ни думалъ, ни говорилъ, ни дѣлалъ, и считалъ неоспоримымъ, основаннымъ на законахъ природы и Провидѣнія фактомъ, что всякій, кто думалъ, говорилъ или дѣйствовалъ не такъ, какъ онъ — думалъ, говорилъ или дѣйствовалъ ложно, неправильно.

Мастеръ Уиллитъ медленно подошелъ къ окошку и приплюснулъ свой жирный носъ къ холодному стеклу; потомъ обернулся назадъ и, заслонивъ глаза рукою, чтобъ не быть ослѣплену краснымъ заревомъ, тихо пошелъ на свое прежнее мѣсто въ углу каминна и расположился привольно, какъ-будто желая еще увеличить удовольствіе, доставляемое тепломъ. Наконецъ, взглянувъ на своихъ гостей, онъ сказалъ:

— Въ одиннадцатъ часовъ прояснится, — ни раньше, ни позже, — ни прежде, ни послѣ.

— Почему же вы это знаете? спросилъ маленькій человѣчекъ, си-

дѣвшій въ противоположномъ углу комнаты. — Полнолуніе прошло; мѣсяцъ всходитъ теперь въ девять часовъ.

Джонъ съ важнымъ и торжественнымъ видомъ смотрѣлъ на спрашившаго до-тѣхъ-поръ, пока понялъ всю силу его возраженія; потомъ отвѣчалъ тономъ, которымъ, казалось, хотѣлъ выразить, что наблюденіе за мѣсяцомъ есть исключительное его занятіе или должность, и ни до кого болѣе касаться не можетъ:

— Пожалуйста, ужъ не заботьтесь о мѣсяцѣ. Пусть онъ идетъ себѣ своимъ путемъ; вѣдь я предоставляю вамъ идти своимъ!

— Надѣюсь, вы не обидѣлись? спросилъ маленькій человѣчекъ.

Джонъ опять подождалъ, пока этотъ вопросъ совершенно проникъ въ его голову; потомъ отвѣчалъ: «это еще не обида» — закурилъ трубку и сталъ выпускать изъ нея дымъ тучами; иногда онъ поглядывалъ искоса на одного изъ посѣтителей, который, закутавшись въ широкой сюртукъ съ огромными отворотами, съ истертыми серебряными галунами и металлическими пуговицами, сидѣлъ поодаль отъ обыкновенныхъ «коренныхъ гостей» Майскаго-Дерева. Наклобучивъ шляпу на лицо, онъ, сверхъ того, закрывалъ его рукою, на которую опиралъ голову, и потому казался довольно-подозрительнымъ.

Былъ тутъ еще и другой гость въ сапогахъ со шпорами. Онъ сидѣлъ также нѣсколько поодаль отъ огня; мысли его, судя по скрещеннымъ на груди рукамъ, наморщенному лбу и непочатому стакану вина, стоявшему передъ нимъ на столѣ, заняты были совсѣмъ другими предметами, — не тѣмъ, о чемъ сейчасъ разсуждали хозяинъ и маленькій человѣчекъ.

Этотъ второй гость былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми, нѣсколько выше средняго роста, и, хотъ довольно-тщедушный съ виду, но сильный и красивый. Голова его была покрыта не напудренными темнаго цвѣта волосами; платье, подобно сапогамъ (походившимъ на ботфорты нынѣшнихъ кирасировъ), носило на себѣ неоспоримые слѣды дурнаго состоянія дорогъ. Однакожь, не смотря на грязь, покрывавшую его платье, оно было щеголевато, даже богато, и обнаруживало въ носившемъ его человѣкѣ не безъ достатка.

Подлѣ него на столѣ лежали увѣсистый хлыстъ и шляпа съ широкими полями; эту шляпу носилъ онъ, безъ сомнѣнія, какъ лучшую защиту отъ немилосердой погоды. Сверхъ того, на столѣ же лежала пара пистолетовъ въ чухкахъ, и короткій плащъ. Лица его почти вовсе не было видно; замѣтны были только длинныя, темныя рѣсницы, которыми отъѣнялись его опущенные глаза; но ловкость пріемовъ и природный вкусъ, замѣтны даже въ платьѣ и пистолетахъ отличной работы, свидѣтельствовали о благородномъ происхожденіи молчаливаго гостя.

Мэстер Уиллитъ только одинъ разъ взглянулъ на этого молодого чело­вѣка и то какъ-бы съ нѣмымъ вопросомъ, замѣтилъ ли онъ своего молчаливаго сосѣда. Видно было, что Джонъ и молодой гость давно знакомы. Когда Джонъ убѣдился, что чело­вѣкъ, на ко­торого взглянулъ онъ, не отвѣчалъ на этотъ взглядъ, или, лучше сказать, вовсе не замѣтилъ его, тогда мало-по-малу собралъ всю си­лу глазъ своихъ въ одну точку и прицѣлился ими въ чело­вѣка съ нахлобученною шляпой; потомъ сталъ такъ энергически и упорно глядѣть на него, что гости, сидѣвшіе у камина, пораженные этимъ, всѣ, какъ-будто по командѣ, вынули трубки изъ ртовъ и также впе­рили глаза въ пріѣзжаго.

У жирнаго хозяина гостиницы была пара большихъ, глупыхъ, рыбьихъ глазъ, а у маленькаго чело­вѣчка, осмѣливавшагося сдѣлать замѣчаніе о мѣсяцѣ (и бывшаго церковно-служителемъ и звонаремъ въ Чигуэлль, сосѣдней деревенькѣ) были маленькіе круглые глазки, черные и блестящіе, какъ зѣрна въ чѣткахъ; сверхъ-того, у него же на колѣнкахъ черныхъ какъ сажа панталонъ, на скюртукъ такого же цвѣта, и вдоль всего жилета виднѣлись маленькія странныя пуговики, которыхъ ни съ чѣмъ нельзя сравнить, кромѣ его глазъ, такъ-что, когда онъ блестяли при свѣтѣ огня, что впрочемъ случалось и съ его свѣтлыми пряжками на башмакахъ, то маленькій чело­вѣчекъ казался составленнымъ отъ маковки до оконечностей ногъ изъ од­нихъ глазъ, и теперь каждымъ изъ нихъ смотрѣлъ на незнакомаго гостя. Немудрено, что чело­вѣкъ, подъ вліяніемъ такого присмотра, долженъ былъ сдѣлаться безпокойнымъ, не говоря уже о дѣйствиіи глазъ коротенькаго Тома Кобба, торговца съѣстными припасами и со­держателя почтоваго двора, да долговязаго Филь Паркеса, объѣз­дника: оба они, зараженные примѣромъ своихъ товарищей, также ввнимательно осматривали гостя, сидѣвшаго съ нахлобученною на го­ловѣ шляпою.

Незнакомецъ встревожился, можетъ-быть отъ-того, что подвер­гался такому перекрестному огню взглядовъ, можетъ-быть и отъ свойства предшествовавшихъ этому думъ своихъ—и гораздо вѣроят­нѣе отъ послѣдней причины, потому-что, перемѣнивъ положеніе, обернувшись, онъ удивился, видя, что за нимъ наблюдаютъ такъ пристально. Онъ бросилъ сердитый и подозрительный взглядъ на группу, бывшую у камина. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было то, что глаза всѣхъ отвернулись отъ него и обратились снова на каминъ, исключая глазъ Джона Уиллита, такъ-сказать захвачен­наго врасплохъ и, при упомянутой уже нами медленности его при­роды, продолжавшаго чрезвычайно-неловко глядѣть на пріѣзжаго.

— Ну? сказалъ незнакомецъ.

Ну! Этимъ немного было сказано.

— Я думалъ, вы приказали что-нибудь, сказалъ хозяинъ, промолчать минуты двѣ или три, чтобъ собраться съ духомъ.

Незнакомецъ снялъ шляпу и зрителямъ представились жесткія, временемъ разрушенныя черты мужчины лѣтъ около шестидесяти; отъ природы строгое выраженіе его фizioноміи нисколько не смягчалось чернымъ платкомъ, который обернуть былъ около головы и служилъ вмѣсто парика, закрывая въ то же время почти совершенно лобъ и брови. Если гость хотѣлъ скрыть этимъ платкомъ глубокую рану, проходившую первоначально до самой кости верхней челюсти, и теперь зажившую и оставившую только непріятнаго вида рубецъ, то онъ достигалъ своей цѣли весьма неполно, потому-то рану можно было замѣтить съ перваго взгляда. Лицо его совершенно походило пвѣтомъ на лицо мертвеца, а щетинистый съ просѣью подбородокъ не былъ бритъ по-крайней-мѣрѣ три недѣли.

Вотъ какова была эта очень просто и бѣдно одѣтая фигура, которая, вдругъ вставъ съ своего мѣста и перешедъ поперегъ комнаты, присѣла у камина на стулъ, который весьма охотно уступленъ былъ ей маленькимъ церковнослужителемъ изъ страха, или изъ вѣжливости, Богъ-знаеть.

— Разбойникъ съ большой дороги! шепнулъ Томъ Коббъ объѣздищу Паркесу.

— Разъ вы думаете, что разбойники одѣты не лучше этого? возразилъ Паркесъ. — Это промыслъ болѣе выгодный, нежели вы воображаете себя, Томъ; разбойники большой дороги не имѣютъ надобности, да и не привыкли одѣваться такъ скаречно, — честное слово.

Между-тѣмъ, незнакомецъ принесъ свою дань гостинницѣ, приказавъ подать себя что-нибудь выпить. Ему тотчасъ услужилъ сынъ хозяина, Джой, широкоплечій, высокій, сильный молодой человекъ двадцати лѣтъ, котораго отецъ, однакожъ, по особенной какой-то прихоти, все еще считалъ ребенкомъ и съ которымъ поступалъ, какъ слѣдовало поступать по этому понятію. Незнакомецъ протянулъ руки, чтобъ погрѣться у огня, и между-тѣмъ, какъ, обратясь къ обществу, разсматривалъ его проницательнымъ взглядомъ, спросилъ голосомъ, соотвѣтствовавшимъ его наружности:

— Что это за домъ вполмили отсюда?

— Гостинница? сказалъ хозяинъ съ обыкновенною своею медленностію и обдуманностію.

— Гостинница, батюшка! воскликнулъ Джой: — гдѣ найдешь ты на милю въ окружности гостинницу, кромѣ Майскаго-Дерева? Онъ разуметь большой домъ—Кроличью-Засѣку—вѣроятно, такъ? Старое строеніе изъ краснаго кирпича, сѣръ, стоящее посреди полей, которылъ ему и принадлежать?..

— Разумѣется, отвѣчалъ незнакомецъ.

— И которое, продолжалъ Джой:— лѣтъ пятнадцать или двадцать назадъ стояло въ паркѣ вѣятеро обширнѣе нынѣшняго, который переходилъ вмѣстѣ съ другими богатѣйшими участками изъ рукъ въ руки и исчезъ поштучно... Жаль!

— Все равно, отвѣчалъ старикъ. — Я хотѣлъ спросить о хозяинѣ его. Чѣмъ этотъ домъ былъ когда-нибудь, мнѣ нѣтъ до того дѣла, а теперь я могу видеть и самъ.

Первородный, будущій наследникъ Майскаго-Дерева прижалъ палецъ къ губамъ и отвѣчалъ тише, поглядывая на описаннаго выше молодого джентльмена, при первомъ словѣ объ этомъ домѣ перемѣнившаго свое положеніе:

— Хозяина зовутъ Гардалемъ, мастеромъ Джофруа Гардалемъ, и (тутъ онъ опять взглянулъ на молодого джентльмена) онъ достойный, почтенный человекъ—хм!

Незнакомецъ такъ же мало обратилъ вниманіе на этотъ кашель, какъ и на значительные взгляды, предшествовавшіе ему, и продолжалъ спрашивать:

— Идучи сюда, я свернулъ съ дороги и пошелъ стороной по тропинкѣ, ведущей черезъ поля. Кто была молодая дама, садившаяся въ карету? Дочь его?

— А почему же мнѣ знать это, честной господинъ? отвѣчалъ Джой и началъ хлопотать около камина, чтобъ подойти ближе къ спрашивающему и дернуть его за рукавъ.— Вѣдь я не видалъ этой молодой дамы... Уу! вотъ опять завывла буря... Дождь какъ изъ ведра... Чтѣ за проклятая ночь!

— Да, погода нехороша! замѣтилъ незнакомецъ.

— Вы привыкли къ ней? началъ опять Джой, чтобъ отклонить разговоръ отъ прежняго предмета.

— Порядочно—таки, отвѣчалъ тотъ.— Да! на—счетъ молодой дамы. Есть ли дочь у мастера Гардала?

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ молодой человекъ съ досадою: — онъ холостой... онъ... Да молчите же! развѣ вы не можете молчать? Развѣ вы не видите, что тамъ неохотно слушаютъ нашъ разговоръ?

Не обращая вниманія на это предостереженіе, сказанное вполголоса, и дѣлая видъ, будто вовсе не слышалъ его, мучитель Джой продолжалъ съ настойчивостью:

— Ну, бывали примѣры, что и холостые имѣли дочерей. Можетъ быть, она все—таки дочь его, хоть онъ и не женатъ.

— Вотъ еще! сказалъ Джой и прибавилъ, подойдя опять ближе и понизивъ голосъ: — Вы попадѣтесъ въ тиски, говорю вамъ, попадѣтесъ!

— Вѣдь у меня нѣтъ ничего дурнаго на умѣ, сказалъ смѣло путе—

шественникъ: — и, кажется, я не сказалъ ничего дурнаго. Я дѣлаю тебѣ вопросы—какіе можете дѣлать и всякій — о тѣхъ, кто живетъ въ замѣчательномъ домѣ по сосѣдству, для меня совершенно новому, а вы все вдругъ такъ встревожились и испугались, какъ-будто бы я клеветалъ на короля Георга. Можетъ-быть, вы, сэръ, можете объяснить мнѣ причину этого, потому-что (какъ я уже сказалъ) я не здѣшній, и ваши поступки для меня загадочны.

Последнее замѣчаніе относилось прямо къ смущенію Джоя Уиллита, который всталъ и накинулъ плащъ, чтобъ выйти съ короткимъ отвѣтомъ, что не можетъ дать отвѣта на предложенный вопросъ. Молодой джентльменъ подозвалъ Джоя, далъ ему монету для расплаты за то, что выпилъ, и поспѣшно вышелъ въ сопровожденіи молодого Уиллита, свѣтившаго ему до самаго подъѣзда.

Между-тѣмъ, какъ Джой былъ на дворѣ, старый Уиллитъ и три товарища его курили трубки важно, торжественно, въ глубочайшемъ молчаніи; но глаза каждаго изъ нихъ были устремлены на огромный мѣдный котелъ, висѣвшій надъ огнемъ. Спустя нѣсколько времени, Джонъ Уиллитъ медленно потрясъ головой; затѣмъ и пріятели его медленно потрясли головами; но ни одинъ не отвратилъ взглядовъ отъ котла и нисколько не измѣнилъ торжествующаго выраженія своей физиономіи.

Наконецъ возвратился Джой въ весьма разговорчивомъ и миролюбивомъ расположеніи духа, какъ-будто сильно предчувствовалъ, что его побранятъ скоро.

—Странная вещь любовь! сказалъ онъ, придвинувъ къ огню стулъ, и оглянулся кругомъ, ища себѣ слушателей.—Теперь онъ ушелъ въ Лондонъ; всю длинную дорогу въ Лондонъ хочетъ онъ пройти пешкомъ. Лошадь его, захромавшая отъ ѣзды въ это проклятое посѣ-обѣда, еще о-сю-пору лежитъ очень-спокойно на соломѣ въ конюшнѣ, и онъ отказывается отъ хорошаго, теплаго ужина и превосходной постели нашей, потому-что миссъ Гэрдалъ отправилась въ городъ на балъ, а онъ рѣшился непременно видѣть ее! Думаю, я не былъ бы способенъ на это, какъ она ни будь тамъ хороша — да и что жъ мнѣ? вѣдь я не влюбленъ,—по-крайней-мѣрѣ не думаю, чтобъ былъ влюбленъ...

— А онъ влюбленъ? спросилъ незнакомецъ.

— Да на-порядкахъ! отвѣчалъ Джой. — Онъ никогда не будетъ болѣе, а могъ бы быть гораздо-менѣе влюбленъ.

— Молчи! закричалъ отецъ Джюю.

— Какой вы чудакъ, Джой! сказалъ долгоязыый Паркесъ.

— Такой безразсудный мальчишка! проворчалъ Томъ Коббъ.

— Можно ли соваться впередъ и выворачивать родному отцу носъ изъ лица! воскликнулъ метафорически звонарь.

— Что жь я такое сдѣлалъ? началъ разсуждать бѣдный Джой:

— Смирно, сэръ! отвѣчалъ отецъ его.—Какъ ты смѣешь начинать говорить, когда видишь, что люди вдвое и втрое старше тебя сидятъ молча, и имъ не приходится въ голову вымолвить ни одного слова?

— Если вы молчите, это значитъ, что я могу говорить, значитъ, что это настоящее для меня время говорить, — сказалъ непокорный Джой.

— Настоящее время, сэръ! замѣтилъ отецъ его: — настоящаго времени никогда не бываетъ.

— А, разумется! проворчалъ Паркесъ и торжественно кивнулъ прочимъ, которые кивнули также, и ворча про себя замѣтили, что хозяинъ былъ совершенно правъ.

— Настоящаго времени никогда не бываетъ, сэръ, повторилъ Джонъ Уиллитъ: — будучи въ твоихъ лѣтахъ, я никогда не говорилъ, никогда не имѣлъ позова къ разговору; я только слушалъ и учился; вотъ-что я дѣлалъ.

— И вы узнали бы, Джой, что вашъ отецъ ужасный спорщикъ, настоящій пѣтухъ, еслибъ кто-нибудь захотѣлъ связаться и заспорить съ нимъ, сказалъ Паркесъ.

— Ну, что касается до этого, Филь, замѣтилъ мѣстеръ Уиллитъ, выпуская изъ рта длинное, тонкое, спиральное облако дыма, и смотря задумчиво вслѣдъ за его направлениемъ: — что касается до этого, такъ способность спорить — даръ природы. Если когдѣ природа надарила ею, тотъ имѣетъ право ею пользоваться по своимъ силамъ, а ты не имѣешь права, изъ ложной скромности, утверждать, чтобъ не былъ одаренъ этою способностью; иначе, ты повернулся бы задомъ къ природѣ, наругался бы надъ нею, презрѣлъ ея драгоценныя сокровища: — да, это значило бы доказывать, что ты свинья, недостойная того, чтобъ природа метала передъ тобой бисеръ.

Такъ-какъ хозяинъ сдѣлалъ послѣ этихъ словъ большую паузу, то мѣстеръ Паркесъ подумалъ, что онъ кончилъ рѣчь свою, и потому, обратившись съ строгимъ видомъ къ молодому человѣку, воскликнулъ:

— Слышите ли, что говоритъ вашъ отецъ, Джой? У васъ, я думаю, нѣтъ теперь большой охоты связываться съ нимъ?

— Если... сказалъ Джонъ Уиллитъ, отвративъ глаза отъ потолка, чтобъ взглянуть въ лицо прервавшему его Паркесу. Онъ произнесъ слово «если», какъ-будто все оно состояло изъ однихъ прописныхъ буквъ, или было изображено лапидарнымъ шрифтомъ, — чтобъ показать дерзкому, осмѣлившемуся прервать его, что онъ раскрылъ глотку съ неприличною и непочтительною поспѣшностію: — если природа, сэръ, одарила меня способностью спорить, то почему жь бы мнѣ не признаться въ этомъ, почему бы даже не гордиться тѣмъ? Да,

сэръ, я ужасный пѣтухъ въ дѣлахъ такого рода. Вы правы, сэръ. Моя сила испытана была, сэръ, въ этой комнатѣ не одинъ разъ; вы, я думаю, знаете это; а если вы еще не знаете, прибавилъ Джонъ, вкладывая трубку опять въ ротъ: — тѣмъ лучше, потому-что я не гордъ, и не стану вамъ пересказывать этого.

Бормотанье трехъ пріятелей и киванье головъ ихъ въ направленіи къ мѣдному котлу удостовѣрили Джона Уиллита, что они достаточно испытали его силу и не нуждаются въ дальнѣйшихъ доказательствахъ его преимуществъ. Джонъ сталъ курить съ большими достоинствомъ и осматривалъ ихъ торжествующими взорами.

— Все это прекрасно сказано, ворчалъ Джой, вертѣвшійся съ разными безпокойными движеніями на стулѣ: — но если вы думаете, что я не долженъ никогда раскрывать рта...

— Смирно! закричалъ его отецъ. — Да, ты никогда не долженъ раскрывать рта. Если спросятъ твоего мнѣнія — скажи его; если заговорять съ тобой — говори. Если не спросятъ твоего мнѣнія и не заговорять съ тобой, то тебѣ нѣ для чего сказывать свое мнѣніе и нѣ о чемъ говорить. Чудная переменна случалась съ миромъ въ мое время, право! Я думаю, теперь совсѣмъ нѣтъ больше дѣтей; — такой вещи, какъ мальчикъ, вовсе нѣтъ въ свѣтѣ; — теперь нѣтъ никакой разницы между ребенкомъ въ пеленкахъ и взрослымъ мужчиной. Вмѣстѣ съ его благословеннымъ величествомъ королемъ Георгомъ-Вторымъ у насъ вывелись всѣ мальчики.

— Это весьма справедливое замѣчаніе; только надо исключить молодыхъ принцевъ, сказалъ церковнослужитель, который, какъ представитель государства и церкви въ этомъ обществѣ, почиталъ долгомъ своимъ строго держаться законности. — Если для мальчика прилично и справедливо вести себя такъ, какъ слѣдуетъ мальчику, то молодые принцы должны быть мальчиками и не могутъ вести себя иначе.

— Слыхали ль вы когда-нибудь о морскихъ дѣвицахъ, сэръ? спросилъ мѣстеръ Уиллитъ.

— Безъ сомнѣнія! отвѣчалъ церковнослужитель.

— Хорошо, сказалъ мѣстеръ Уиллитъ. — На сколько въ морской дѣвицѣ нѣтъ женскаго свойства, на столько въ ней, по самой натурѣ ея, должно быть свойства рыбаго. По натурѣ всякаго принца, въ немъ должно быть столько свойственнаго молодому принцу, что онъ хоть не совершенный ангелъ, то, по-крайней-мѣрѣ, долженъ быть благочестивъ и справедливъ. Если, поэтому, молодымъ принцамъ прилично, благочестиво и справедливо быть мальчиками, — какъ это и есть на-самомъ-дѣлѣ, — то они суть и должны быть мальчиками, и имъ невозможно быть ни чѣмъ инымъ.

Это лучезарное развитіе труднаго вопроса было принято съ такими

знаками одобренія, что Джонъ Уиллитъ пришелъ въ самое лучшее расположеніе духа и удовольствовался тѣмъ, что еще разъ приказалъ своему сыну молчать, хоть тотъ и не говорилъ ни слова; потомъ, повернувшись къ незнакомцу, сказалъ :

— Еслибъ вы обратились съ вашими вопросами къ взрослому человеку, — ко мнѣ, или къ одному изъ этихъ джентльменовъ, — то получили бы удовлетворительный отвѣтъ и не наговорили бы себя попусту чашотки. Миссъ Гердааль — племянница мастера Джофоруа Гердаля.

— Живъ ли отецъ ея? спросилъ незнакомецъ равнодушно.

— Нѣтъ, отвѣчалъ хозяинъ: — онъ не живъ, хоть и не умеръ...

— Не умеръ! воскликнулъ пріезжіи.

— Не умеръ обыкновеннымъ образомъ, сказалъ хозяинъ.

Три пріятеля кивнули другъ другу головами, и мастеръ Паркесъ замѣтилъ тихо (покачивая притомъ головой, какъ-будто желая сказать: «никто не противорѣчь мнѣ, потому-что я не повѣрю»), что Джонъ Уиллитъ нынче вечеромъ въ своей тарелкѣ и былъ бы въ состояніи поспорить съ самимъ главнымъ судьей.

Незнакомецъ пропустилъ нѣсколько минутъ и потомъ вдругъ спросилъ:

— Что жъ вы разумѣете подъ этимъ?

— Болѣе, нежели вы подозреваете, отвѣчалъ Джонъ Уиллитъ. — Можетъ-быть, въ моихъ словахъ болѣе смысла, чѣмъ вы думаете.

— Очень можетъ быть, сказалъ съ досадою незнакомецъ: — да на кой же чортъ говорите вы такими обиняками и такъ цвѣтисто? Сперва вы сказали, что тотъ, о комъ я васъ спрашивалъ, не живъ и не умеръ; потомъ — что онъ не умеръ обыкновеннымъ образомъ; потомъ еще — что вы разумѣете больше, нежели я подозреваю. По правдѣ сказать, это должно быть такъ, потому-что, сколько я могу понять изъ всего сказаннаго, вы сами ничего не разумѣете. А? Ну, что вы разумѣете? спрашиваю я васъ еще.

— Это, отвѣчалъ хозяинъ, сбитый немного грубостью незнакомца съ прежней высоты: — это исторія Майскаго-Дерева, и было всегда его исторією въ-продолженіи двадцати-четырехъ лѣтъ. Это исторія Соломона Дэйзи. Она принадлежатъ этому дому, и никогда никто, кромѣ Соломона Дэйзи, не рассказывалъ ея подъ этой кровлей, и никто не смѣетъ впредь гдѣ-либо рассказывать. Вотъ и все тутъ!

Онъ взглянулъ на церковнослужителя, котораго самонадьянный и важный видъ доказывалъ ясно, что рѣчь шла о немъ, а Джонъ, замѣтивъ, что звонарь вынулъ уже изо рта трубку, потянувъ изъ нея предварительно какъ-можно-сильнѣе, чтобъ она не погасла, и безъ сомнѣнія былъ намѣренъ рассказывать безъ дальнѣйшей отсрочки свою исторію, — закутался въ широкій-скуртукъ свой и отодвинулся

еще далѣе, такъ-что почти скрылся въ тѣни камина. Только изрѣдка пламя, вырываясь съ усиленіемъ изъ-подъ огромной вязанки хвороста, внезапно всыхивало и на мгновеніе освѣщало его, погружая потомъ еще въ большій мракъ.

При этомъ дрожащемъ свѣтѣ огня, отъ котораго старинная комната съ тяжелыми балками и выложенными дубомъ стѣнами казалась построенною изъ полированной слоновой кости, при ревѣ и завываніи вѣтра, то стучавшагося въ дверную ручку и потрясавшаго воротами, то ударявшаго въ окна, Соломонъ Дэйзи началъ разсказъ свой:

— Мастеръ Реубенъ Гэрдалъ, старшій братъ мастера Джоффуа...

Онъ вдругъ замолчалъ и сдѣлалъ такую длинную паузу, что даже самъ Джонъ Уиллетъ пришелъ въ нетерпѣніе и спросилъ, отъ-чего онъ не продолжитъ.

— Коббъ, сказалъ Соломонъ Дэйзи таинственнымъ голосомъ содержателю почтоваго двора:—которое число у насъ сегодня?

— Девятнадцатое.

— Марта? сказалъ церковнослужитель, пагнувшись впередъ:—девятнадцатое марта? Это очень странно!

Все тихомолкомъ согласились съ нимъ, и Соломонъ Дэйзи продолжалъ:

— Мастеръ Реубенъ Гэрдалъ, старшій братъ мастера Джоффуа Гэрдала, былъ, двадцать-два года назадъ, владельцемъ «Кроличьей-Засѣвки», которая, какъ сказалъ Джой—не то, чтобъ вы помнили объ этомъ, Джой: такой мальчишка, какъ вы, не можетъ этого помнить, а потому-что часто слышали это отъ меня—словомъ, Засѣвки, которая была тогда обширнѣйшимъ, лучшимъ строеніемъ и выгоднѣйшимъ имѣніемъ. Жена Реубена умерла недавно, оставивъ ему одного ребенка—ту самую ниссъ Гэрдалъ, о которой вы спрашивали. Этому ребенку было тогда около года.

Разсказчикъ все обращался къ тому человеку, который такъ любопытствовалъ знать исторію этого семейства, и теперь, замолчавъ, ожидалъ себя какого-нибудь восклицанія, выражающаго удивленіе или поощреніе съ его стороны; но незнакомецъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія, и вообще ничѣмъ не обнаруживалъ вниманія къ разсказу; Соломонъ опять обратился къ своимъ старымъ пріятелямъ, у которыхъ оконечности носовъ ярко освѣщались отблескомъ огня, бывшаго въ трубкахъ. Долговременная опытность удостовѣряла его въ ихъ внимательности; притомъ же, онъ рѣшился показывать, что нечувствителенъ къ такому невѣжливому поведенію знакомаца.

— Мастеръ Гэрдалъ, сказалъ Соломонъ и повернулся къ незнакомцу спиною:—послѣ смерти жены своей покинулъ это жилище, потому-что оно показалось ему слишкомъ уединеннымъ, и отправился въ Лондонъ, гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ; но какъ и Лондонъ ему

скоро наскучилъ, — да я и самъ слышалъ объ немъ невыгодныя отзывы, — то вдругъ возвратился съ своею маленькою дочерью въ Кроличью-Засѣку и привезъ съ собою только двухъ служанокъ, одного управляющаго и одного садовника.

Тутъ мастеръ Дэйви замолчалъ, чтобъ покурить трубку, которая готова была погаснуть, и потомъ продолжалъ — сначала нѣсколько въ носъ, чему были причиною довольно-сильныя затяжки въ трубку, но потомъ съ возрастающею ясностію:

— Да-съ; только двухъ служанокъ, одного управляющаго и одного садовника. Прочая прислуга его осталась въ Лондонъ и должна была прибыть на другой день. Случайно, въ ту самую ночь, умеръ одинъ старый джентльменъ, жившій въ Чигуаль-Ровъ и давно уже хворавшій; мнѣ было приказано встать въ половицѣ перваго часа ночи, чтобъ идти ударить въ колоколъ по усопшемъ...

Въ маленькой группѣ слушателей произошло движеніе, обнаружившее какъ сильно каждый изъ трехъ пріятелей звонаря воспротивился бы приказанію отправиться изъ дому для подобнаго дѣла въ такой поздній часъ ночи. Церковнослужитель умѣлъ достойно оценить это движеніе и продолжалъ:

— Это было страшное дѣло, особенно потому-что заболѣлъ могольщикъ, — онъ, видите, долго работалъ въ сырой землѣ, потомъ сѣлъ на холодную могильную плиту, чтобъ пообвѣдать, и простудился. Нечего дѣлать, я принужденъ былъ идти одинъ; въ такое позднее время, нельзя уже было найдти себѣ другаго провожатаго. Между-тѣмъ, я былъ приготовленъ къ такому приказанію, потому-что старый джентльменъ нѣсколько разъ просилъ меня ударить въ колоколъ какъ-можно-скорѣе послѣ его смерти, — а уже нѣсколько дней ждали съ часу на часъ, что онъ умретъ. И такъ, небудучи пораженъ нечаянностію и хорошенько закутавшись — тогда было чертовски холодно — съ фонаремъ въ одной и ключемъ отъ церкви въ другой рукѣ, я приготовился отправиться въ путь.

Въ это время, платье незнакомца немного зашумѣло, какъ-будто онъ обернулся, чтобъ лучше слышать разсказъ звонаря. Соломонъ украдкой указалъ пальцемъ черезъ плечо, вздернулъ брови, и безвольнымъ наклоненіемъ головы спросилъ Джоя, точно ли незнакомецъ двигался. Джой заслонилъ глаза рукою и сталъ глядѣть въ уголъ, но, не увидѣвъ ничего, потрясъ головою въ знакъ отрицанія.

— Тогда была точно такая ночь, какъ сегодня: истинный ураганъ, проливной дождь и притомъ ужаснѣйшая темнота — я до-сихъ-поръ увѣренъ, что тогда была такая темнота, какой мнѣ никогда не случалось видѣть ни прежде, ни послѣ. Можетъ-быть, это только игра воображенія; но всѣ дома были тогда плотно заперты, люди лежали въ своихъ постеляхъ, и можетъ-быть теперь есть только одинъ че-

ловѣкъ, который знаетъ, какъ тогда было темно. Я вошелъ въ церковь, притворилъ дверь такъ, что она осталась полуоткрытою — потому-что, откровенно говоря, у меня не было охоты запереться въ церкви—и, поставивъ фонарь на каменную скамью въ томъ углу, куда спущена веревка отъ колокола, свѣтъ подлѣ, чтобъ снять со свѣчки. Снявъ же со свѣчи, я не могъ никакъ рѣшиться встать, чтобъ приняться за дѣло. Не знаю, какъ это случилось, только вдругъ я вспомнилъ всю исторію о привидѣніяхъ, когда-либо мнѣ рассказанную и даже тѣ исторіи, которыя слышалъ еще будучи мальчикомъ въ школѣ и которыя давнымъ-давно забылъ, да притомъ еще не поодиначкѣ, а все вдругъ явились онѣ въ умѣ моемъ. Я вспомнилъ преданіе, сохраняемое въ деревнѣ, какъ ежегодно въ одну опредѣленную ночь (можетъ-быть, именно въ эту ночь) все мертвецы выходятъ изъ земли и, свѣтъ въ головахъ своихъ могилъ, сидятъ тамъ до утра. Это навело меня на мысль, сколько людей, которыхъ я знавалъ, были похоронены между церковною дверью и кладбищною калиткой и какъ было бы ужасно, еслибъ я долженъ былъ пройти между ими и узнавать старыхъ пріятелей, не смотря на ихъ искаженныя, разрушенныя фюзіономіи. Съ-дѣтства зналъ я каждую нишу, каждую арку въ церкви; но, не смотря на это, никакъ не могъ повѣрить, чтобъ тѣни, упавшія на церковный помостъ, естественнымъ образомъ происходили отъ этихъ нишъ и арокъ. Нѣтъ, мнѣ казалось, что за ними торчали уродливыя привидѣнія и выглядывали оттуда. Тутъ еще вспомнилъ я только-что умершаго стараго джентльмена, и былъ готовъ присягнуть, что, глядя на каедру, увидѣлъ его на обыкновенномъ его мѣстѣ, закутавшагося въ саванъ и дрожавшаго отъ холода. Все это время сидѣлъ я присматриваясь и прислушиваясь, и едва смѣлъ переводить духъ отъ ужаса. Наконецъ я вскочилъ и протянулъ руку къ веревкѣ. Въ ту же минуту раздался звонъ — не этого (я не успѣлъ и тронуть веревки) а другаго колокола...

Вдругъ слышу ясно звуки другаго и притомъ довольно-большаго колокола. Звуки продолжались одно мгновеніе, вѣтеръ унесилъ ихъ: однакожъ я ихъ слышалъ. Прислушиваюсь еще нѣсколько времени, но звуки не повторяются. Мнѣ рассказывали о колоколахъ-привидѣніяхъ и потому я тотчасъ же убѣдился, что это былъ колоколъ-привидѣніе, самъ собою звонящій въ полночь по усопшемъ. Наконецъ, я началъ звонить; — долго ли и какъ звонилъ я, не помню; помню только, что потомъ со всехъ ногъ бросился домой и забился подъ подушки.

На другое утро, послѣ ночи, проведенной безъ сна, я всталъ рано и рассказалъ сосѣдямъ о томъ, что со мною случилось. Одни приняли мой рассказъ серьезно, другіе слегка, но никто, по-видимому, не

верять, чтобы это случилось такъ на-самомъ-дѣлѣ. Въ то же утро мастеръ Реубенъ Гърдаль найденъ убитымъ въ своей спальнѣ; въ рукѣ его осталась еще конецъ веревки, проведенной къ набатному колоколу, привѣшенному надъ крышей; веревка висѣла въ спальнѣ покойника, но, безъ сомнѣнiя, была перерѣзана убійцами, когда несчастный ухватился за нее.

Этотъ-то звонъ я и слышалъ.

По осмотрѣ комнаты, оказалось, что конторка разломана, а шкапулка съ деньгами, которыя въ тотъ же день мастеръ Гърдаль привезъ съ собою и въ которой, вѣрно, были большія суммы денегъ, пропала. Не найдены ни управляющій, ни садовникъ; ихъ долго подозревали въ преступленiи, но не могли нигдѣ найти, хотъ и дѣлали самыя строгіе розыскы. И долго и далеко искали бы они бѣднаго управляющаго, мастера Роджа, еслибъ не узнали трупа его по платью, перстню и часамъ; этотъ трупъ найденъ былъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ небольшомъ прудѣ, на полѣ, съ глубокою равою въ груди. Онъ былъ не совсемъ одѣтъ, и всѣ согласны, что онъ, вѣроятно, читалъ, сидя въ своей комнатѣ, гдѣ осталось много кровавыхъ пятенъ, въ то время, когда злодѣи напали на него и убили въ глазахъ господина.

Тутъ всѣ уже догадались, что садовникъ одинъ совершилъ убійство, и хотъ съ-тѣхъ-поръ до нынѣшняго дня не было о немъ ни слуху, ни духу, но, вѣрьте моему слову, вы услышите о немъ когда-нибудь. Сегодня двадцать-два года минуло съ того дня; злодѣяніе совершенно девятнадцатаго марта 1753 года. Девятнадцатаго марта какого-нибудь года, все равно какого бы то ни было, злодѣй будетъ пойманъ, — я увѣренъ въ этомъ, потому-что мы всегда по какому-нибудь случаю вспоминаемъ объ этой исторiи именно девятнадцатаго марта.

ГЛАВА II.

— Курьѣзная исторiя! сказалъ человекъ, подавшій церковнослужителю поводъ къ разсказу. — Еще курьѣзнее будетъ, если исполнится ваше пророчество. Ну, что же? и все тутъ?

Такой неожиданный отвѣтъ очень оскорбилъ Соломона Дэйзи. Онъ такъ часто разсказывалъ свою исторiю, и, по обычаю деревенскихъ повѣствователей, всегда съ такимъ множествомъ прикрасъ и прибавокъ, внушаемыхъ ему время-отъ-времени различными слушателями, что наконецъ достигъ нѣкотораго рода виртуозности въ этомъ дѣлѣ, и дѣйствительно разсказывалъ съ большимъ эффектомъ. «И все тутъ?» — къ такому вопросу, послѣ искуснаго, художественнаго разсказа, не привыкъ Соломонъ Дэйзи.

— И все тутъ! повторилъ онъ: — да, тутъ все, сэръ... я думаю, этого довольно.

— Довольно. Лошадь мою, молодой человекъ! Это, правда, дрянная кляча, нанятая на дрянномъ почтовомъ дворе; но она должна довести меня сегодня ночью до Лондона.

— Сегодня ночью? сказалъ Джой.

— Сегодня ночью, отвѣчалъ тотъ. — Что жъ ты вытарашилъ на меня глаза? Право, мнѣ кажется, въ этомъ кабацкѣ сходятся все ляди и зѣваки изъ окрестностей.

При этомъ ясномъ намекѣ на любопытные взгляды, которыми незнакомецъ подвергался сначала, Джонъ Уиллитъ и друзья его съ удивительною скоростью обратили опять взоры на мѣдный котель. Не такъ поступилъ Джой: какъ смѣльчакъ, онъ твердо выдержалъ гнѣвный взглядъ незнакомца и отвѣчалъ:

— Что жъ тутъ дерзнаго, если удивляются, что вы хотите еще сегодня ночью отправиться въ путь? Вѣрно, такой невинный вопросъ дѣлали вамъ уже во многихъ гостиницахъ и при лучшей погодѣ. Я думалъ, вамъ неизвѣстна дорога, потому-что вы, повидимому, совсемъ не знаете нашей стороны.

— Неизвѣстна дорога! возразилъ тотъ, еще болѣе раздраженный.

— Да. Ну, знаете ли вы дорогу?

— Я? Не безпокойся, найду и безъ тебя, отвѣчалъ незнакомецъ, презрительно махнувъ рукою, и отвернулся. — Хозяинъ! скорѣе счетъ!

Джонъ Уиллитъ тотчасъ исполнилъ требованіе, потому-что въ этомъ отношеніи онъ былъ всегда проворенъ, исключая случаевъ, когда ему приходилось мѣнять деньги и давать сдачу: тогда обыкновенно онъ дѣлался гораздо осмотрительнѣе, удостовѣрялся въ достоинствѣ каждой монеты зубами или языкомъ, или какимъ-нибудь другимъ способомъ, а въ сомнительныхъ случаяхъ подвергалъ монету каждому ряду опытовъ, которые всегда оканчивались тѣмъ, что онъ не принималъ монеты. Незнакомецъ плотно завернулся въ плащъ, чтобъ сколько-можно-болѣе быть защищену отъ дурной погоды и отправился во дворе, не сказавъ на прощанье ни единого слова, не сдѣлавъ ни одного знака. На дворе стоялъ уже Джой, укрывая себя и лошадь отъ дождя подъ крышей стараго навѣса.

— Лошадь почти совершенно согласна съ моимъ мнѣніемъ, сказалъ Джой, поглаживая ее. — Бьюсь объ закладъ, что еслибъ вы о-стались почевать здѣсь, ей это было бы пріятнѣе, нежели мнѣ.

— Она и я въ продолженіи этого путешествія были уже не одишъ разъ несогласны въ своихъ мнѣніяхъ, коротко отвѣчалъ незнакомецъ.

— Я подумалъ это прежде, нежели вы пришли сюда: бѣдная скотинка порядочно испытала ваши шпоры.

Незнакомец закрылъ лицо воротникомъ сюртука и не отвѣчалъ ни слова.

— Вы стараетесь замѣтить мое лицо, какъ я вижу, и вѣрно узнаете меня при новой встрѣчѣ, сказалъ онъ, прыгнувъ въ сѣдло и видя, какъ пристально смотрѣлъ на него молодой человекъ.

— Тотъ человекъ, мастеръ, вѣрно стѣдитъ, чтобъ его замѣтили, кто въ такую погоду отказывается отъ теплаго ночлега, и хочетъ ѣхать дальше по незнакомой дорогѣ и на измученной лошади:

— У васъ вострые глаза, да и язычокъ востѣръ, какъ я вижу.

— И то и другое даръ природы; но языкъ ржавѣетъ иногда за недостаткомъ въ упражненіи.

— Упражняй и глаза меньше; сохрани востроту ихъ для своей дѣвочки, мальчишка! сказалъ незнакомецъ, выдернулъ поводья изъ руки Джоя, ударилъ его толстымъ концомъ хлыста по головѣ и пустился во всю прыть.

Черезъ грязь и болота, ночью поскакалъ онъ съ такою бышеною скоростью, на которую рѣшились бы немногіе, сидя на дурной лошади и при незнаніи мѣстности, которое ежеминутно грозило непредвидѣнною опасностью и даже гибелью.

Въ то время, дороги, даже въ двѣнадцати миляхъ отъ Лондона, были дурны и поправлялись рѣдко. Дорога, по которой пустился нашъ вздокъ, взрыхла была колесами тяжелыхъ телегъ, а морозы и оттепели въ прошлую зиму, можетъ-быть даже въ продолженіи нѣсколько зимъ совершенно ее испортили. Она была усыпана ямами и рытвинами, которыя, наполнившись отъ послѣдняго дожда, угрожали опасностью даже днемъ, потому-что, попавъ въ одну изъ этихъ рытвинъ, лошадь и покрывче несчастной клячи нашего путешественника упала бы непременно. Острые камни летѣли изъ-подъ копытъ ея; вздокъ едва могъ различать предметы далѣе головы своего буцефала, или на протяженіи собственной руки своей вправо и влево. Притомъ же, въ тѣ времена всѣ дороги близъ столицы были обезпокоиваемы мошенниками, а въ эту ночь преимущественно каждый изъ нихъ могъ упражняться въ своемъ ремеслѣ, не опасаясь быть открытымъ. Однакожь, вздокъ нашъ продолжалъ путь бышенымъ галопомъ, не смотря ни на грязь, ни на воду, брызгавшую вокругъ него, ни на темноту ночи, ни на возможность встрѣтиться съ какими-нибудь отчаянными людьми и помѣшать ихъ ночному промыслу. При каждомъ изгибѣ и поворотѣ дороги, даже тамъ, гдѣ всего меньше можно было ожидать или замѣтить ихъ, онъ твердою рукою брался за узду и держался середины дороги. Такъ летѣлъ онъ, приподнявшись на стременахъ, наклонясь впередъ всѣмъ тѣломъ, почти касаясь шей своего коня и какъ бышенный махая тяжелымъ хлыстомъ надъ своей головою.

При необыкновенномъ волненіи стихій случается, что люди, отправившіеся на головоломное предпріятіе, или побуждаемые великими, злыми или добрыми, замыслами, чувствуютъ тайную симпатію съ раздраженною природою и приходятъ въ соответствующее ей состояніе. При бурь, громъ и молніи много сдѣлано ужасныхъ дѣлъ, и люди, которые прежде совершенно владѣли собою, становились вдругъ добычею страстей, которыхъ не могли болѣе обуздать. Демоны ярости и отчаянія состязаются тогда съ духами, прокатывающимися на вихряхъ, повелевающими бурю, и человекъ, до бѣшенства терзаемый шумнымъ вѣтромъ и пѣнящимися потоками, на-время становится столь же немилосердымъ, какъ и бунтующія стихіи.

Волновали ли нашего путешественника мысли, которымъ ужасная непогода придавала еще болѣе мятежности, или у него были только сильныя причины скорѣе окончить свое путешествіе, — какъ бы то ни было, онъ летѣлъ по дорогѣ, болѣе похожей на преследуемую адскими призраками тѣнь, нежели на человека. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ не умѣрялъ своего галлопа до-тѣхъ-поръ, пока, достигнувъ перекрестка, съ котораго одна дорога шла также и въ Майское-Дерево, не наткнулся такъ неожиданно на вхавшую встрѣчу ему повозку, что при попыткѣ свернуть въ сторону почти посадилъ лошади на хвостъ и едва не упалъ вмѣстѣ съ нею навзничь.

— О-го! вскричалъ мужской голосъ. — Кто тамъ? Кто идетъ?

— Другъ! отвѣчалъ путешественникъ.

— Другъ? повторилъ голосъ. — Кто смѣетъ называть себя другомъ, когда летитъ такъ безчеловѣчно, срамитъ дары неба въ образѣ лошадиного мяса и не только себя, но и другихъ подвергаетъ опасности сломить шею?

— У васъ тамъ, я вижу, фонарь, сказалъ путешественникъ, сѣвая съ лошади: — одолжите его мнѣ на минуту. Вы, кажется, ранили мою лошадь оглоблей, или колесомъ.

— Ранилъ! воскликнулъ другой: — не вы виноваты, что я не убилъ ея. Да что вы о себѣ думаете, что скачете такъ по королевской столбовой дорогѣ, а?

— Давайте свѣчу, сказалъ путешественникъ, вырывая у него изъ рукъ фонарь: — и не дѣлайте ненужныхъ вопросовъ человеку, у котораго нѣтъ охоты болтать много.

— Еслибъ вы сказали мнѣ раньше, что у васъ нѣтъ охоты болтать, то и я, можетъ-быть, не имѣлъ бы охоты свѣтить вамъ, возразилъ голосъ. — Впрочемъ, какъ ранена только лошадь, а не вы, то охотно уступаю фонарь одному изъ васъ — однакожь не тому, который кусается.

Путешественникъ не удостоилъ этихъ словъ отвѣтомъ, но при

свѣтъ фонаря осматривалъ замученную свою лошадь. Въ-продолженіе этого времени другой преспокойно сидѣлъ въ своей повозкѣ, которая была нѣчто въ родѣ колясочки, съ особеннымъ вмѣстительствомъ для мѣшка, содержавшаго въ себѣ разные инструменты, — и съ большимъ вниманіемъ присматривалъ за поступками путешественника.

Сидѣвшій въ повозкѣ былъ круглый, краснощокій, плотный мужчина, съ двойнымъ подбородкомъ, и голосомъ, которому спокойная жизнь, веселый нравъ и здоровый сонъ его владѣльца придали какую-то жирную охриплость. Онъ прожилъ уже цвѣтушія лѣта жизни, но время, хотъ и не оставляетъ безъ посвященія ни одного изъ своихъ дѣтокъ, однакожь дотрогивается только слегка до тѣхъ, которыя хорошо обращались съ нимъ, дѣлаетъ ихъ также стариками и старушками, но оставляетъ имъ молодое, полное жизненной силы сердце и умъ. У такихъ людей, сѣдые волосы только признакъ благословляющей руки ихъ матери — времени, и каждая морщинка — не болѣе, какъ отмытка въ календарѣ хорошо-проведенной жизни.

Человѣкъ, съ которымъ столкнулся такъ внезапно нашъ путешественникъ, принадлежалъ именно къ этому классу; онъ былъ силенъ, здоровъ, бодръ и веселъ на старости, всегда въ мирѣ съ самимъ-собою, и очевидно желалъ жить въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ. Хотъ онъ и закутался въ разные сюртуки и платки (изъ которыхъ одинъ, левко наброшенный на голову и завязанный подъ подбородкомъ, удерживалъ треугольную шляпу и парикъ съ тупеємъ въ приличномъ состояніи), однакожь онъ не могъ скрыть своей мясистой, лѣтней фигуры; даже нѣсколько грязныхъ слѣдовъ отъ пальцевъ придавали лицу его забавно-комическое выраженіе, сквозь которое ярко проглядывала вся его обыкновенная веселость.

— Лошадь вовсе не ушиблась, сказалъ наконецъ путешественникъ, приподнявъ голову и фонарь въ одно время.

— Наконецъ-то вы догадались! отвѣчалъ старикъ. — Хотъ глаза мои и больше вашихъ видали свѣтъ и людей, однакожь я не хотѣлъ бы помянуться съ вами.

— Это что значитъ?

— Что значитъ! А вотъ что. Я ужъ идиуть пять назадъ могъ бы сказать, что лошадь ваша не ранена. Подайте-ка фонарь, пріятель, ступайте дальше, да потише. Доброй ночи!

Подавая фонарь, незнакомецъ, разумется, освѣтилъ полное лицо говорившаго. Глаза ихъ встрѣтились. Путешественникъ вдругъ бросилъ фонарь объ землю и раздавилъ его ногою.

— Развѣ вы не выдывали никогда слѣсаря, что такъ пугается, какъ-будто встрѣтился съ мертвецомъ? воскликнулъ старикъ, сидѣвшій въ повозкѣ. — Или, прибавилъ онъ, поспѣшно всунувъ руку въ

мъщюкъ и вытаскивая молохокъ: — для вамъ дочется сграбить меня? Мнѣ знакомы тутъ все дороги, прѣлель, и когда я ѣзжу не ѣмъ, никогда не беру съ собой болѣе пары шиллинговъ, несоставляющихъ даже и кроны. Говорю вамъ прямо, чтобы забавить насъ обоихъ отъ напраснаго труда, — вы не найдете у меня ничего, кроме руки столь сильной, сколько позволяютъ мои лѣта, и этого молотка, которымъ я, можетъ-быть отъ долговременнаго съ нимъ знакомства, умѣю владѣть перядочно. Впрочемъ, обычаюсь, если вы подойдете слишкомъ-близко, метить не прямо въ голову. — Съ этими словами онъ приготовился къ оборонѣ.

— Я не тотъ, за кого вы принимаете меня, Габріель Уарденъ, сказалъ путешественникъ.

— Кто жъ вы? спросилъ слѣсарь. — Вы, кажется, знаете мое имя. Скажите мнѣ свое.

— Я узналъ ваше имя не изъ дружескаго разговора съ вами, а изъ надписи на вашей колясочкѣ, которая объявляетъ его всему городу, отвѣчалъ незнакомецъ.

— Видно, для этого у васъ были лучше глаза, нежели для лошади, сказалъ Уарденъ, поспѣшно выходя изъ позовки. — Кто жъ вы? Дайте-ка мнѣ взглянуть на ваше лицо.

Но пока слѣсарь выходилъ изъ позовки, путешественникъ съелъ опять на лошади и въ такомъ положеніи встрѣтилъ старика, который соразмѣрлялъ свои движенія съ каждымъ движеніемъ безвзвѣснотной, раздражаемой натянутыми удилами лошади, и упорно оставался подлѣ незнакомца.

— Дайте мнѣ взглянуть на ваше лицо, говорю я!

— Отвяжитесь! Прочь!

— Э, полно, любезнѣйшій! брось эти маскарадные штуки! сказалъ слѣсарь: — а то, пожалуй, завтра же будутъ говорить въ клубъ, какъ Габріель Уарденъ испугался чьего-то глухаго голоса въ потемкахъ. Стой; дай мнѣ взглянуть на твое лицо!

Видя, что дальнѣйшее сопротивленіе кончится только дракой, и притомъ съ противникомъ, которымъ никакъ нельзя было пренебрегать, незнакомецъ откинулъ воротникъ сюртука, наклонился и взглянулъ прямо на слѣсаря.

Можетъ-быть, никогда еще два человека болѣе противоположныя не стояли другъ противъ друга. Красное лицо слѣсаря такъ сильно разнилось отъ необычайно-блѣдной физиономіи всадника, что послѣдній казался духомъ безмятнотнымъ и безироничнымъ, а темныя, крупныя капли, выжатыя быстрою задой на лицѣ его, казались холоднымъ, предсмертнымъ потомъ. Физиономія стараго слѣсаря была освѣщена улыбкою, какъ-будто онъ ожидалъ найти стараго знакомаго. Физиономія незнакомца, исполненная слезныхъ, разрушитель-

ныхъ страстей, но притомъ недоверительная, недоуврчивая, казалась сжюпеніемъ человека, стоящаго на караулѣ; плотно-сжкнутыя челюсти, сжсжкнутыя губы и болѣе всего какое-то скрытное движеніе руки къ боковому карману указывали, по-видимому, на отчаянное намѣреніе, ничуть не похожее на дѣтскую игру, или водевильную сцену.

Такъ смотрѣли они съ минутою другъ на друга.

— Гм! сказалъ старикъ, разсмотрѣвъ черты незнакомца: — я васъ не знаю.

— И не хотите узнать? спросилъ незнакомецъ, закутывая себя лицо по-прежнему.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Габріель: — откровенно говоря, пріятель, ваше лицо не слишкомъ хорошее рекомендательное письмо для своего хозяина.

— Оно и не должно быть хорошимъ, сказалъ путешественникъ: — я хочу, чтобъ люди меня убѣжали.

— Ну, сказалъ откровенно слѣсарь: — я полагаю, что ваше желаніе исполнится какъ-нельзя-лучше.

— Оно должно исполниться во что бы то ни стало, отвѣчалъ путешественникъ. — Въ доказательство же этому помните вотъ что: вы никогда еще не были въ такой опасности лишиться жизни, какъ въ продолженіи этихъ немногихъ минутъ, проведенныхъ нами вѣсть; за пять секундъ до послѣдняго вздоха вы будете не ближе къ смерти, какъ были сегодня ночью.

— Можетъ ли это быть? сказалъ упорный слѣсарь.

— Да; в смерти насильственной!

— Отъ чьей же руки?

— Отъ моей, отвѣчалъ путешественникъ, прищипорилъ лошадь и повсталъ сначала легкою рысцою, разбрызгивая грязь на обѣ стороны, потомъ скорѣе, скорѣе, и звукъ отъ копытъ коня его замеръ въ отдаленіи. Тогда онъ опять началъ тотъ же бышшш галопъ, въ какомъ налетѣлъ на повозку слѣсара.

Габріель Уарденъ стоялъ на дорогѣ съ разбитымъ фонаремъ въ рукѣ, и неподвижный, окаменѣлый, прислушивался до-тѣхъ-поръ, пока до слуха его не достигало уже другихъ звуковъ, кромѣ стопа кстра и шума дождя; тогда онъ раза два-три ударилъ себя въ грудь, какъ-будто для возбужденія своей энергіи, и восклицанія удивленія поднялись потокомъ изъ жирныхъ устъ его:

— Клинусь всеми чудесами, желаю бы я знать кто это такой! Блжнецъ ли изъ дома сумасшедшихъ, или разбойникъ, головорезъ? Еслибъ онъ не усмольнулъ такъ скоро, мы посмотрѣли бы, кто изъ насъ въ болѣеи опасности — онъ или я! «Я никогда не былъ ближе къ смерти, какъ нынѣшче ночью!» Кажется, что и че-

резь двадцать лѣтъ я буду такъ же далеко отъ нея, какъ былъ теперь. Я хотѣлъ бы всегда быть такъ близко къ смерти... Удивительное хвастовство передъ сильнымъ, здоровымъ человѣкомъ! ха, ха!

Габріель сѣлъ опять въ свою повозку и задумчиво глядѣлъ на дорогу, по которой прилетѣлъ къ нему на встрѣчу путешественникъ, бормоча:

— Майское-Дерево... двѣ мили отъ Майскаго-Дерева. Я нарочно выбралъ самую длинную дорогу отъ Кроличьей-Засѣки, провозившись весь день за замками и звонками, чтобъ только не проѣхать мимо Майскаго-Дерева и не измѣнить слову, данному Мартъ, — вотъ твердость въ словѣ, такъ ужь подлинно твердость! Однакожь ѣхать въ Лондонъ безъ огня было бы опасно, а до перваго дома еще четыре мили съ доброю полмилюю въ придачу; тутъ всего нужныѣ освѣщеніе. Двѣ мили до Майскаго-Дерева! Я сказалъ Мартъ, что не сдѣлаю, сказалъ, что не сдѣлаю — и не сдѣлалъ; вотъ что я называю твердостью!

Послѣднія слова — «вотъ что я называю твердостью» повторялъ онъ очень часто, какъ-будто желая эту твердость въ словѣ, которую показать намъреваясь, возвеличить собственною своею похвалою. Наконецъ Габріель Уарденъ повернулъ спокойно оглобли, рѣшась ѣхать безъ огня въ Майское-Дерево, — единственно за тѣмъ, чтобъ достать тамъ огня въ фонарь.

Но когда онъ подъѣхалъ къ Майскому-Дереву, когда Джой, по знакомому призыву Габріеля подскочивъ къ лошади, оставилъ за собою дверь растворенною, и передъ Габріелемъ раскрылась перспектива блеска и тепла; когда веселый говоръ голосовъ, благовоіе отъ дымящагося грота и чудный табачный запахъ, все это какъ-будто наносное веселымъ свѣтомъ, встрѣтило его; когда движеніе тѣней за гардинами показало, что гости встали съ своихъ мѣстъ, чтобъ очистить тепленькое мѣстечко (и какъ онъ хорошо зналъ это мѣстечко!) для честнаго сальсара; когда широкій пламень, вдругъ вспыхнувъ, свидѣтельствовалъ о добромъ качествѣ дровъ, которые въ эту минуту въ честь его прѣзда пустили цѣлый залпъ искръ; когда, кромѣ всехъ этихъ приманокъ, изъ отдаленной кухни дослышалось тихое шипѣніе сковородъ, виѣсть съ гармоническимъ стукомъ тарелокъ, мисокъ и вкуснымъ запахомъ, слышимымъ даже сквозь свистящій вѣтеръ, — тогда Габріель почувствовалъ, что вся твердость его начинать исчезать быстро молніи. Онъ усмѣялся смотрѣть глазами стояка на трактиръ, но этотъ взглядъ невольно превратился въ изжнній; онъ оглянулся — даже безчувственная, холодная, черная окрестность, по-видимому, мрачно отвергала его и гнала въ дружескія объятія гостиницы.

— Добрый христианинъ, Джой, сизалъ слѣсарь:—постунаеть по-христиански и съ скотомъ своимъ. Я войду только на минутку.

Да и какъ было не войти въ гостиницу! Естественно ли было умному человеку трудиться надъ утаптываніемъ грязныхъ дорогъ и подвергаться ударамъ дождя и вѣтра, когда здѣсь ожидала его опрятная передняя, посыпанная бѣлымъ пескомъ, уютный камелѣкъ, столъ, накрытый чистою скатертью, свѣтлыя оловянный бутылки, и другія заманчивыя приготовленія къ хорошо-состряпанному ужину; присоедините ко всему этому веселое общество, въ которомъ каждый готовъ былъ услуживать ему, приглашать его къ наслажденію...

ГЛАВА III.

Такія мысли волновали слѣсаря, когда онъ сидѣлъ уже въ извѣстномъ намъ уголку и медленно освобождался отъ пріятной глазной боли,—мы говоримъ «пріятной», потому-что она происходила отъ вѣтра, дувшаго въ глаза и теперь постепенно проходила отъ теплоты, объявшей все тѣло путешественника. По той же причинѣ онъ нарочно усиливалъ небольшой свой кашель и объявилъ, что совсѣмъ выбился изъ силъ. Такія мысли волновали его еще часъ спустя, когда ужинъ кончился, и онъ сидѣлъ съ веселой, блестящей физиономіей въ томъ же уютномъ уголку, прислушиваясь къ чирканью маленькаго Соломона Дейви, занимая и самъ немаловажную роль между веселыми собесѣдниками вокругъ каминна Майснаго-Дерева.

— Желаю, чтобъ онъ былъ честный человекъ, и не скажу больше ничего, говорилъ Соломонъ, разрывая нить цѣлой массы различныхъ наблюденій и предположеній о незнакомцѣ, въ-отношеніи котораго Габріель сравнивалъ свои наблюденія съ наблюденіями общества, чѣмъ и возбудилъ важное объясненіе.—Желаю, чтобъ онъ былъ честный человекъ»...

— Думаю, что и всѣ будутъ этого мнѣнія? замѣтилъ слѣсарь.

— Только не я, сказалъ Джой.

— Не ты? воскликнулъ Габріель.

— Да. Этотъ подлый трусъ ударилъ меня хлыстомъ, свѣвъ на лошадь, тогда какъ я былъ пѣшій, и за это я желаю, чтобъ онъ сказался тѣмъ, чѣмъ я считаю его.

— А что же ты думаешь о немъ, Джой?

— Да, ничего добраго не думаю, мастеръ Уарденъ... Кивайте головой, батюшка, сколько угодно—мнѣ все равно: я все-таки скажу что ничего добраго о немъ не думаю, и буду всегда говорить это, и сказалъ бы еще сто разъ, еслибъ тѣмъ могъ принудить его вернуться за побоями, которые онъ заслужилъ.

— Молчать, сэрз! сказалъ Джонъ Уиллитъ.

— Не хочу. Вы одни виноваты въ томъ, что онъ осмѣлился поднять на меня руку. Видя, что со мною поступаютъ какъ съ ребенкомъ, что мнѣ запрещаютъ говорить, онъ тоже ободрился и смѣлъ оскорбить человека, у котораго въ головѣ, — какъ онъ думалъ, и какъ всѣ должны думать по вашей милости — нѣтъ ни искры ума. Но онъ ошибается, я докажу ему это, — ему и всѣмъ вамъ въ скоромъ времени!

— Понимаетъ ли этотъ мальчишка, что говорить? воскликнулъ удивленный Джонъ Уиллитъ.

— Батюшка! отвѣчалъ Джой:—я очень хорошо понимаю, что говорю, —понимаю лучше чѣмъ вы, слушая меня. Отъ васъ я могу еще сносить все, но не могу сносить отъ другихъ презрѣнія, навлекаемаго на меня вашимъ обращеніемъ. Поглядите—ка на другихъ молодыхъ людей моихъ лѣтъ. Развѣ они лишены воли, свободы, права говорить? Развѣ они принуждены сидѣть какъ болваны, не смѣя пикнуть? развѣ они позволяютъ помыкать собою до такой степени, что дѣлаются цѣлью насмѣшекъ и обидъ стараго и малаго? Я сталъ притчею во всемъ Чигуэалѣ, и говорю вамъ—потому-что гораздо благороднѣе сказать это теперь, чѣмъ дождавшись вашей смерти, когда ваши деньги зазвенятъ въ моихъ карманахъ—говорю вамъ, что скоро буду принужденъ разорвать эти оковы, и тогда вините ужъ себя, а не меня!

Джонъ Уиллитъ былъ до того пораженъ досадою и смѣлостію своего сына, что сидѣлъ какъ окаменѣлый, чрезвычайно комически глядя на котель и напрасно стараясь собрать лѣнныя свои мысли и придумать отвѣтъ. Гости, едвали меньше его пораженные, были въ подобномъ же замѣшательствѣ; наконецъ они встали, пробормотали нѣсколько полупонятныхъ сожалѣній и совѣтовъ, и удалились, потому-что были тоже порядочно отуманены.

Честный слѣсарь одинъ сказалъ нѣсколько связанныхъ и понятныхъ словъ объимъ партіямъ; онъ напомнилъ Джону Уиллиту, что Джой вступилъ уже въ возрастъ мужа и не долженъ быть школенъ такъ жестоко, а къ Джойю обратилъ увѣщанія сносить капризы отца и лучше противиться имъ умѣренными возраженіями, чѣмъ несвоевременнымъ явнымъ возстаніемъ. Совѣтъ этотъ былъ принятъ такъ, какъ обыкновенно принимаются подобные совѣты. На Джона Уиллита онъ произвелъ почти такое же впечатлѣніе, какъ на выѣзку гостиницы, а Джой, хоть и вовсе не разсердился на него, а напротивъ объявилъ себя столько обязаннымъ, что не можетъ выразить,—однакожь намекнулъ очень вѣжливо, что тѣмъ не менѣе отнынѣ пойдетъ собственнымъ, самостоятельнымъ шагомъ.

— Вы всегда были до меня очень добры, мастеръ Уарденъ, ска-

залъ онъ, когда они вышли на подъяздъ и слесарь пригрозился взать домой:—я вижу доброжелательство съ вашей стороны въ томъ, что вы уговаривали меня такимъ образомъ, но все-таки, кажется, мнѣ ужъ вора разстаться съ Майскимъ-Деревомъ.

—Катящийся камень не обрастаетъ мохомъ, Джой! сказалъ Габріель.

— Да и поверстный столбъ также, отвѣчалъ Джой.—А мнѣ здѣсь не лучше, чѣмъ поверстному столбу на большой дорогѣ; я столько же знаю о свѣтѣ, сколько и онъ.

— Да что жъ вы хотите дѣлать, Джой? продолжалъ слесарь, задумчиво поглаживая свой подбородокъ.—Чѣмъ можете вы быть?—Смотрите, куда пойдете вы?

— Я предоставляю это своему счастью.

— Плохое дѣло—счастье; на него не надо много полагаться, Джой. Я не люблю его. Я всегда твержу своей дѣвчонкѣ, чтобъ, при рѣши о замужствѣ, она никогда не полагалась на счастье, а шла бы впередъ съ увѣренностью и старалась найти себя добраго и вѣрнаго мужа!—тогда счастье ничего не можетъ ей сдѣлать. Что вы тамъ хлопочете, Джой? Надвюсь, у меня ничего не пропало изъ повозки, ничего не испортилось въ упряжи?

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Джой, хлопотавшій однако около пряжекъ и ремней:—здорова ли миссъ Долли?

— Здорова, покорно благодарю. Она по прежнему мила и добра.

— Она всегда мила и добра, сэръ...

— Да, слава Богу!

— Надвюсь, сказалъ Джой, послѣ нѣкотораго молчанія:— что не будете рассказывать о той исторіи—знаете... ну, о той, что меня побили, какъ-будто я въ-самомъ-дѣлѣ такой мальчишка, какого они желали бы сдѣлать изъ меня... По-крайней-мѣрѣ не рассказывайте до-тѣхъ-поръ, покуда я не отыщу этого джентльмена и не расквитаться съ нимъ. Тогда исторія будетъ любопытна...

— Э, да кому же мнѣ рассказывать о такихъ вещахъ? отвѣчалъ Габріель.—Здѣсь всѣ уже знаютъ объ этомъ, а въ другомъ мѣстѣ едвали я встрѣчу кого-нибудь, кому бы этотъ рассказъ показался занимательнѣе.

— Да, правда ваша, отвѣчалъ молодой человекъ, вздохнувъ.—Я совсѣмъ забылъ объ этомъ. Правда, правда!

Онъ поднялъ голову; лицо его, вѣроятно отъ напряженія при стягиваніи ремней, сильно покраснѣло; онъ подалъ старику, сѣвшему уже въ повозку, возжи, вздохнулъ еще разъ и пожелалъ ему покойной ночи.

— Доброй ночи! воскликнулъ Габріель.—Смотрите жъ, обдумайте хорошенько то, о чемъ мы говорили, и не будьте слишкомъ опромет-

чавы, мой милый; я интересуюсь вами и не желалъ бы, чтобъ вы погубили себя. Доброй ночи!

Джей Уиллтъ отвѣчалъ искренно на приветливое прощаніе и простоялъ еще нѣсколько минутъ на улицѣ, пока до ушей его пересталъ доходить стукъ колесъ; тогда онъ тихо покачалъ головою и возвратился въ комнату.

Габріель Уарденъ повхалъ по направленію къ Лондону и размышлялъ о многихъ предметахъ, особенно же о пламенныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ расскажетъ онъ свое приключеніе, чтобъ оправдаться передъ мистриссъ Уарденъ въ нарушеніи нѣкоторыхъ священныхъ условій, заключенныхъ съ нею по поводу Майскаго-Дерева.

Человѣкъ можетъ быть очень тревожнымъ, или по-крайней-мѣрѣ стоять еще твердыми ногами на нейтральной землѣ, лежащей между совершенною трезвостію и легкимъ опьянненіемъ, и не смотря на то чувствовать большую охоту смѣшивать видимые предметы съ совершенно имъ чуждыми, унустить изъ виду всякое отношеніе къ мѣсту и времени, лицамъ и вещамъ, и превратить свои несвязныя мысли въ какой-то родъ духовнаго калейдоскона, изъ котораго происходятъ столь же неожиданныя, мимолетныя комбинаціи. Въ такомъ именно состояніи былъ Габріель Уарденъ, когда, дремля въ своей колясочкѣ и предоставляя лошади свободу идти по дорогѣ, хорошо ей знакомой, подвигался впередъ, самъ того не замѣчая и все болѣе и болѣе приближаясь къ дому. Разъ онъ очнулся, когда лошадь его остановилась у конторы, гдѣ собиралась пошлина за шоссе, и весело пожелалъ сборщику «доброй ночи»; но и тутъ пробудился онъ отъ сна, въ которомъ мерещилось ему, что онъ открывалъ замокъ въ утробѣ великаго могола; даже проснувшись, онъ все еще мысленно смѣшивалъ сборщика пошлинъ съ своею тѣщею, умершею двадцать лѣтъ назадъ. Не диво, поэтому, что онъ скоро заснулъ опять, и, забывъ о своей повздкѣ, катился далѣе и далѣе по трясуцей мостовой.

И вотъ онъ приближался къ огромному городу, который лежалъ передъ нимъ, какъ черная тѣнь на землѣ, наполняя сгущенную атмосферу мутно-краснымъ отсвѣтомъ, обозначающимъ нѣлые лабиринты улицъ и лавокъ, и рой дѣятельнаго народа. По мѣрѣ его приближенія, этотъ отсвѣтъ начиналъ исчезать, и глазамъ Габріеля должны бѣ были представляться причины, его производившія: сначала показались длинныя линіи бѣдно-освѣщенныхъ улицъ, кое-гдѣ съ болѣе-яркими точками, и именно тамъ, гдѣ скопилось болѣе фонарей, — около площади, сквера, или большаго строенія; черезъ минуту, дома сдѣлались явственнѣе и лампы имѣли уже видъ маленькихъ свѣтло-желтыхъ пятенъ, которыя попеременно гасли и мелькали, по мѣрѣ того, какъ переходящія заслоняли

ить собою. Потомъ поднялись звуки — бой башенныхъ часовъ; отдаленный лай собакъ, жужжанье на улицахъ; — надъ массою неровныхъ кровель начали возвышаться статуи башни и колокольни; далѣе жужжанье превратилось въ болѣе-внятные звуки; фигуры становились явственнѣе, многочисленнѣе, и Лондонъ, освѣщаемый собственнымъ, слабымъ свѣтомъ, — не свѣтомъ небеснымъ — лежалъ передъ глазами нашего путешественника какъ на ладони.

Слѣсарь, имъ мало не предчувствуя близости Лондона, взявъ все далѣе и далѣе, въ полуснѣ, въ полубуднѣи, какъ вдругъ громкій крикъ, въ недалекомъ разстоянн, разбудилъ его.

Съ минуту онъ оглядывался, подобно человѣку, перенесенному во время сна въ страну невѣдомую, но скоро узналъ давно-знакомые предметы, лѣниво протеръ себя глаза, и, можетъ-быть, заснулъ бы опять, еслибъ крикъ не повторился — и не одинъ, не два, не три раза, а много разъ сряду и каждый разъ громче и сильнѣе прежняго. Габріель, какъ человѣкъ смѣлый, котораго нелегко было испугать, проснувшись совершенно, началъ заиропалую гнать свою бодрую лошадку прямо туда, откуда неслись крики.

Дѣло было точно довольно-важное; прибывъ на мѣсто, Габріель увидѣлъ мужчину, лежавшаго на дорогѣ безъ всякихъ признаковъ жизни; наклонясь надъ нимъ, стоялъ другой, съ дикимъ нетерпѣньемъ махая по воздуху факеломъ и повторяя громче и громче крики, привлекая вниманіе слѣсара.

— Что здѣсь такое? спросилъ старикъ, выходя изъ своей повозки.
— Что это?.. какъ?.. Бэрнеби!

Человѣкъ съ факеломъ откинулъ назадъ длинныя, развитыя волосы, быстро подошелъ къ слѣсарю и вперилъ въ него взглядъ, который разомъ объяснилъ всю исторію его.

— Узнаешь ли ты меня, Бэрнеби? спросилъ Уарденъ.

Онъ кивнулъ головою — не одинъ, не два раза, но двадцать разъ, и притомъ съ фантастическою, известственною быстротою, которая заставила бы голову его кивать цѣлый часъ, еслибъ слѣсарь, поднявъ палецъ и смотря на него сурово, не принудилъ успокоиться. Потомъ Габріель указалъ съ вопрошающимъ взглядомъ на трупъ.

— На немъ кровь, сказалъ Бэрнеби содрагаясь: — это дѣлаетъ меня больнымъ!

— Какъ это случилось? спросилъ Уарденъ.

— Сталь, сталь, сталь! отвѣчалъ онъ дико, подражая рукою удару шпаги.

— И его ограбили? спросилъ слѣсарь.

Бэрнеби схватилъ Габріеля за руки и кивнулъ утвердительно; потомъ указалъ на городъ.

— А! сказалъ старикъ, наклонясь надъ трупомъ и глядя въ блѣд-

ное лицо Барнеби, на которомъ вспыхнуло что-то странное, чего нельзя было назвать мыслию.—Разбойникъ ушелъ въ ту сторону, не такъ ли? Хорошо, оставимъ пока это. Посвѣти сюда,—не такъ близко; —хорошо. Теперь стой смирно: я осмѣтрю рану.

Сказавъ, онъ началъ внимательно осматривать раненнаго, между-тѣмъ, какъ Барнеби, держа факель, какъ ему было приказано, и увлекаемый участіемъ, или любопытствомъ, но въ то же время не скрывая ужаса, судорожно потрясавшаго каждую жилку въ его тѣлѣ, былъ нѣмымъ зрителемъ дѣйствій Уардена.

Незнакомецъ стоялъ въ полунаклоненномъ положеніи, безпрестанно отворачиваясь съ ужасомъ отъ трупа, и лицо его вмѣстѣ со всею фигурою было освѣщено факеломъ такъ ярко, какъ солнцемъ въ самый ясный день. Ему было двадцать-три года, и хотъ онъ былъ довольно худощавъ, однакожъ высокъ ростомъ и сильнаго тѣлосложенія. Густые, рыжіе волосы, лежа въ дикомъ безпорядкѣ около лица и плечь, придавали тревожнымъ взглядамъ его выраженіе странное, замогильное, усиливаемое еще блѣдностью лица и стекляннымъ блескомъ большихъ, безчувственныхъ глазъ. Не смотря на отталкивающую наружность, въ чертахъ его было замѣтно какое-то добродушіе, и блѣдный, изнуренный видъ имѣлъ даже что-то плачевное. Но отсутствіе души гораздо ужаснѣе въ живомъ человѣкѣ, нежели въ трупѣ,—а у этого несчастнаго созданія не доставало благороднѣйшихъ силъ ея...

Платье его, украшенное грубыми, но блестящими шнурками, вѣроятно имъ-самимъ сдѣланными, было роскошно убрано тамъ, гдѣ суино болѣе всего истерлось и износилось, а, напротивъ, блѣдно тамъ, гдѣ сукно было еще хорошо. На рукахъ у него висѣла пара красивыхъ манжетъ, между-тѣмъ, какъ шея была совсѣмъ обнажена. Шляпу украсилъ онъ пучкомъ павлиньихъ перьевъ, но перья были стары, изломаны и свѣсились ему на спину. Съ боку носилъ онъ стальную рукоятъ старой сабли безъ клинка и ноженъ; нѣсколько цвѣтныхъ лентъ и стеклянныхъ коралловъ дополняли нарядъ. Нелѣпная смѣсь всѣхъ этихъ пестрыхъ тряпокъ, составлявшихъ его одежду, не менѣе лица, глазъ и хватокъ свидѣтельствовала о слабости его ума и странною противоположностью своею еще болѣе усиливала дикое выраженіе чертъ лица его.

— Барнеби, сказалъ слѣсарь послѣ быстрого, но внимательнаго осмотра—этотъ человѣкъ не умеръ; онъ раненъ въ бокъ и лежитъ въ обморокъ.

— Я знаю его, я его знаю! кричалъ Барнеби, всплеснувъ руками.

— Ты знаешь его? сказалъ Уарденъ.

— Тс! возразилъ Барнеби, приложивъ палецъ къ губамъ. — Онъ вышелъ сегодня за тѣмъ, чтобъ свататься. Я не взялъ бы и гаиен за

то, чтобъ онъ не могъ пойдти свататься, потому-что когда помутятся въ глаза, которые блестятъ теперь, какъ... видите, когда я заговорю о глазахъ, на небъ начинаютъ проглядывать звѣзды. Чьи это глаза? Если глаза ангеловъ, то зачѣмъ они терпятъ, что добрые люди подвергаются страданіямъ, и блестятъ только ночью?

— Прости Господи безумцу! бормоталъ спинофуженный слѣсарь: — можетъ ли быть, чтобъ онъ зналъ этого джентльмена? Домъ его матери недалеко отсюда: лучше бы посмотреть, не можетъ ли она сказать, кто онъ. Послушай, Бэрнеби, помоги мнѣ помочить его въ поюзку и поѣдемъ вмѣстѣ домой.

— Я не могу дотронуться до него! кричалъ безумный, отскакивая и прожа всѣмъ тѣломъ: — онъ въ крови.

— Такъ, такъ, это въ натурѣ его, бормоталъ слѣсарь: — нельзя просить его о помощи въ такомъ дѣлѣ; но что жь тутъ начать... Бэрнеби... добрый Бэрнеби... милый Бэрнеби, если ты увидишь этого джентльмена, то ради жизни его и жизни всѣхъ, которые любятъ его, помоги мнѣ поднять его и положить въ новозаку.

— Ну, такъ заройте жь его... закутайте хорошенько... чтобъ я не подвалъ... не чувствовалъ на рукахъ своихъ... не произнесите этого слова. Вы не произнесете этого слова — не правда ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, будь спокоенъ. Ну вотъ, онъ закрытъ. Осторожьте. Хорошо, такъ!

Они подняли раненнаго, и хотя Бэрнеби былъ очень силенъ, но продолженіе этого минутнаго дѣла всѣ члены его такъ дрожали и онъ такъ былъ испуганъ, что слѣсарь смотрѣлъ на него съ состраданіемъ.

Окончивъ дѣло и покрывъ раненнаго своимъ собственнымъ курткумъ, Уарденъ вмѣстѣ съ Бэрнеби похалъ дальше. Бэрнеби читалъ по пальцамъ звѣзды, а Габріель внутренно поздравлялъ себя съ новымъ приключеніемъ, которое, вѣроятно, успокоитъ мисграссъ Уарденъ на счетъ Майскаго-Дерева.

ГЛАВА IV.



Въ почтенномъ предмѣстьи Клеркенуэллѣ, — въ той сторонѣ, которая ближе всего къ сиротскому дому, и въ одной изъ тѣхъ предмѣстныхъ, тѣнистыхъ улицъ, какія сохранились донинѣ въ древнихъ частяхъ Лондона, гдѣ каждый кварталъ прозябаетъ еще сполнобно какъ гражданинъ минувшаго, давно уже оставившій свою торговлю, и еле-еле живущій до-тѣхъ-поръ, пока времени вздумаетъ отправить его на покой, чтобъ очистить мѣсто пылкому молодому наследнику, — въ такомъ-то кварталѣ и въ такой-то улицѣ происходило дѣйствіе этой главы нашего разсказа.

Въ это время — хотъ этому и не больше 67 лѣтъ — еще не было большей

части нынешняго Лондона. Даже въ головѣ самыхъ отчаянныхъ мечтателей не существовали еще ни длинныя ряды улицъ, соединяющихъ Гейгэтсъ Уэйтчеплешъ, ни группы дворцовъ въ болотистыхъ низменностяхъ, ни маленькіе города на открытомъ полѣ. Хотя эта часть города такъ же какъ теперь пересѣкалась улицами и была очень населена, однакожь она имѣла совсѣмъ другой видъ. При многихъ домахъ были сады и деревья росли по сторонамъ у троттуаровъ; свѣжесть, которой напрасно стали бы искать теперь, оживляла всю эту часть города. Подъ рукой зеленѣли поля, черезъ которыя извивался Нью-Рейверъ, и лѣтомъ тутъ происходило много забавныхъ сценъ. Тогда жители Лондона не были еще такъ далеки отъ природы, какъ теперь, и хотѣ въ Клеркенуэллъ были лавки и дѣятельные ювелиры, однакожь въ немъ было болѣе чистоты, свѣжести и дачь по близости, нежели можетъ себя представить иной обитатель новаго Лондона. Тамъ была даже шѣста для прогулки влюбленнымъ, оканчивавшіяся темными дворами, гораздо прежде, чѣмъ родились теперешніе любовники.

Въ одной изъ такихъ улицъ, очень опрятной и притомъ на тѣнистой сторонѣ ея, — потому-что добрыя хозяйки выбираютъ преимущественно эту сторону, зная, что солнечный свѣтъ портитъ ихъ дорогую мѣбель — стоялъ тотъ домъ, съ которымъ мы должны будемъ имѣть дѣло. Это было строеніе скромное, не слишкомъ новомодное, не слишкомъ правильное, небольшое, не прямое, не горделиво украшенное огромными безсовѣстными окнами, а такъ, домикъ тихій, скромный, съ конусообразной кровлею, поднимавшеюся надъ маленькимъ окномъ о четырехъ стеклахъ подкровельной коморки и оканчивавшеюся остреемъ, отъ-чѣго походила она на треугольную шляпу на головѣ стараго, одноглазаго джентльмена. Домикъ былъ построенъ не изъ кирпича, и не изъ какого-нибудь камня, а изъ бревенъ и глины; постройка его не была исполнена по глубокомысленнымъ соображеніямъ и докучнымъ правиламъ, ибо въ одно окно не подходило симметрически къ другому и не имѣло отношенія къ окружавшимъ его предметамъ.

Сводъ (въ этомъ домѣ былъ сводъ) находился, какъ водится, въ первомъ этажѣ; но этимъ и оканчивалось сходство его со всякимъ другимъ сводомъ. Входящіе и выходящіе не должны были всходить на него по лѣстницѣ, не могли также войти прямо съ улицы, но сходили въ него по тремъ крутымъ ступенямъ, какъ въ погребъ. Полъ былъ устланъ камнемъ и кирпичомъ, какъ въ настоящемъ погребѣ, и, вмѣсто окна съ переплетами и стеклами, въ немъ былъ большой, черный деревянный ставень, аршина въ полтора надъ землей; ставень этотъ открывался днемъ и впускалъ столько же, а часто и гораздо-болѣе холода, чѣмъ свѣта. За нимъ лежала красивая комната, «гостиная», изъ которой можно было пройти сперва

на вымощенный дворъ, а потомъ въ небольшой садикъ, похожій на террасу и возвышавшійся нѣсколькими футами надъ дворомъ. Всякій чужой человекъ подумалъ бы, что эта комната, кромѣ входа изъ свода, не имѣетъ никакой другой связи съ остальнымъ миромъ, и дѣйствительно не рѣдко случалось, что посетители, приходившіе сюда въ первый разъ, сильно задумывались, какъ—будто разчитывая въ умѣ своемъ, что въ верхнія комнаты невозможно попасть иначе, какъ приставивъ съ улицы лѣстницу къ окнамъ, ибо никто не подозрѣвалъ, чтобъ двѣ невидныя собой и ничего не выражавшія двери, — которыя остроумнѣйшій въ мирѣ механикъ непременно считалъ бы дверьми алкова, — вели изъ этой комнаты на двѣ темныя круглыя лѣстницы, изъ которыхъ одна шла вверхъ, а другая внизъ, и служили единственною связью этого свода съ другими частями дома.

Не смотря на всѣ означенныя странности, не было болѣе чистенькаго, опрятнаго, красиваго и содержимаго въ большемъ порядкѣ домика ни въ Клеркенуиллѣ, ни въ Лондонѣ, ни даже въ цѣлой Англїи. Нигдѣ не нашли бы вы болѣе-свѣтлыхъ стеколъ, болѣе-чистаго двора, такъ лоснящихся печей и мѣбелей изъ стариннаго краснаго дерева. Вообще, во всѣхъ домахъ цѣлой улицы, взятыхъ вмѣстѣ, хозяева не занимались столько мытьемъ, полировкой, чищеніемъ какъ владѣльцы одного этого домика. Но этотъ блескъ обходился не безъ хлопотъ и расходовъ, особенно же не безъ большого напряженія голосовыхъ органовъ, въ чемъ сосѣди могли убѣждаться очень часто, когда добрая хозяйка присутствовала при чисткѣ комнатъ въ опредѣленные дни; а эти дни продолжались — съ утра въ понедѣльникъ до вечера въ субботу, включая и эти поименованные два дня.

Опершись о дверь своего дома, стоялъ слѣсарь (это былъ его домъ) рано утромъ послѣ той ночи, когда нашелъ раненаго, и съ отчаяніемъ поглядывалъ на огромный деревянный ключъ, который, какъ символъ его ремесла, окрашенный золотистою краскою, висѣлъ надъ входомъ и съ грустнымъ скрипомъ качался изъ стороны въ сторону, какъ-будто жалѣя, что ему нѣчего отомкнуть. Иногда слѣсарь обирачивалъ голову и искоса поглядывалъ въ мастерскую, которая имѣла такой темный и мрачный видъ отъ многочисленныхъ инструментовъ, необходимыхъ слѣсарю, такъ была закопчена дымомъ небольшой кузницы, у которой работалъ его ученикъ, что человекъ, неподаренный пронизательнымъ взглядомъ, едва-ли замѣтилъ бы тутъ что-нибудь другое, кромѣ разнаго хлама, огромныхъ связокъ жаржавыхъ ключей, кусковъ желѣза, полуготовыхъ замковъ, и тому подобной дряни, украшавшей стѣны и потолокъ.

Послѣ продолжительнаго, терпѣливаго осмотра золотого ключа и нѣсколькихъ взглядовъ назадъ, Габриель вышелъ на улицу и, обер-

нувшись назадъ, посмотрѣлъ украдкой на окна верхняго этажа своего дома. Одно изъ оконъ случайно отворилось въ эту минуту, и веселое личико встрѣтилось съ глазами слѣсаря.—личико, украшенное парюю такихъ прелестныхъ, блестящихъ глазъ, какіе когда-либо случалось видѣть какому нибудь слѣсарю,—личико хорошенькой, улыбающейся дѣвушки, свѣжей и здоровой, истиннаго олицетворенія цвѣтушей красоты и веселаго нрава.

— Тсс! прошептала она, нагнувшись и съ усмѣшкой указывая на окно, которое было пониже:—маменька спитъ еще.

— Спитъ, моя милая? отвѣчалъ слѣсарь также шопотомъ.—Ты говоришь такъ, какъ-будто она спала всю ночь, между-тѣмъ, какъ она спитъ не болѣе получаса. Но я очень радъ этому. Сонъ, безъ всякаго сомнѣнія—истинное благословеніе Божіе!.. Последнія слова проворчалъ онъ про-себя.

— Какъ жестоко было съ вашей стороны, что вы заставили насъ прождать до утра, не сказавъ даже, гдѣ были! сказала дѣвушка.

— Ахъ, Долли, Долли, отвѣчалъ слѣсарь, улыбаясь и качая головой:—какъ ужасно съ твоей стороны, что ты, кажется, хочешь снова лечь въ постель! Сойди-ка внизъ къ завтраку, шалунья, да потише; иначе разбудишь мать. Она должно быть устала, право—и я тоже усталъ!—Последнія слова пробормоталъ онъ опять про-себя и отвѣчая на поклонъ дочери тѣмъ же, хотѣлъ идти, все еще улыбаясь, въ мастерскую, подъ сводъ, какъ вдругъ ему бросился въ глаза коричневый бумажный колпакъ его ученика, который прислѣлъ, чтобъ не быть замѣченнымъ, и отъ окна прыгнулъ на прежнее мѣсто, гдѣ тотчасъ началъ опять стучать молоткомъ изо всѣхъ силъ.

— Опять подслушивать, Симъ! сказалъ Габріель про-себя. — Это дурно. Коего чорта хочетъ онъ услышать отъ дѣвушки? я всегда застаю его на сторожѣ, когда она говоритъ, и только тогда, когда она говоритъ? Это дурная привычка, Симъ, подлая, низкая привычка! Да, стучи-себя сколько хочешь; ты не выбьешь у меня изъ головы этого мнѣнія.

Выговоривъ такую угрозу и важно покачавъ головою, вошелъ онъ въ мастерскую и остановился передъ предметомъ приведенныхъ нами замѣчаній.

— Довольно, довольно! сказалъ слѣсарь.—Брось теперь этотъ проклятый молотокъ. Завтракъ на столъ.

— Сэръ, сказалъ Симъ съ удивительною вѣжливостью, дѣлая притомъ незначительный поклонъ, отъ котораго между головой и шеей его образовался почти прямой уголъ:—я сейчасъ прийму на себя смѣлость явиться.

— Думаю, бормоталъ Габріель:—что онъ выхватилъ это выраженіе изъ «Букета Учениковъ», или изъ «Восхищенія Ученика», или

изъ «Писенника Ученика», или изъ «Путеводителя Ученика къ Ви-съялицѣ», или изъ другаго какого-нибудь столь же навидательнаго собранія словъ. Теперь онъ будетъ еще наряжаться—хорошъ слъсарь!

Симъ, не подозрѣвая, что хозяинъ смотритъ за нимъ изъ темнаго угла комнаты, безъ околичности сбросилъ свой бумажный колпакъ, сдѣлалъ два необыкновенные скачка, — отчасти похожіе на катанье на конькахъ, и отчасти на менуэтный прыжокъ, — къ умывальнику въ другомъ концѣ мастерской, и здѣсь съ величайшимъ стараніемъ сгладила съ лица и рукъ всѣ слѣды прежней работы, продолжая въ это время повторять съ величайшею торжественностью тѣ же скачки. Потомъ онъ досталъ маленькій кусокъ зеркала, съ помощію котораго пригладилъ свои волосы и удостовѣрився, что красный лишай все еще сидитъ у него на носу. Окончивъ туалетъ, онъ поставилъ обломокъ зеркала на низкую скамейку и, смотря черезъ плечо съ величайшимъ самодовольствомъ, старался обозрѣть ту часть своихъ ногъ, которая могла отражаться въ небольшомъ кусочкѣ стекла.

Симъ, какъ называли его въ домъ слъсаря, или мастера Симонъ Тэппертейтъ, какъ онъ самъ себя называлъ и какъ хотѣлъ, чтобъ другіе его называли внѣ дома по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, былъ старомодный, жиденскій, простоволосый, остроносый, узкоглазый, крошечный человекъ, не выше пяти футовъ, но совершенно убѣжденный, что ростъ его выше средняго, и онъ, дѣйствительно, былъ болѣе высокъ, чѣмъ толстъ, или наоборотъ. Къ собственному лицу, довольно хорошему, но слишкомъ-худощавому, питалъ онъ глубочайшее удивленіе; а ноги, которыя, въ узкихъ панталонахъ, достававшихъ до коленъ, представляли истинную рѣдкость по своему малому размѣру, приводили его часто въ восхищеніе, близкое къ энтузіазму. Сверхъ того, онъ питалъ еще нѣсколько величественныхъ, темныхъ идей о силѣ своего взгляда, которыхъ никогда не могли совершенно постигнуть даже лучшіе друзья его. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ хвалился даже, что можетъ совершенно побѣдить и подчинить своей власти самую гордую красавицу простымъ приѣмомъ, который называлъ технически «обглядываніемъ»; мы должны однакожь прибавить, что онъ никогда не былъ въ состояніи доказать ни этотъ даръ, ни другую способность, которою, по его увѣренію, владѣлъ онъ, — именно тѣмъ же взглядомъ укрощать и усмирять всѣхъ животныхъ, даже бѣшеныхъ.

Изъ этихъ подробностей видно, что въ маленькомъ тѣлѣ мастера Тэппертейта была честолюбивая и гордая душа. Какъ извѣстныя жидкости, заключенныя въ слишкомъ-тѣсныхъ сосудахъ, начинаютъ приходить въ броженіе, пѣниться и шипѣть, такъ иногда приходила въ броженіе и духовная эссенція души мастера Тэппер-

тейта въ своей драгоценной тюрьмѣ, — въ тѣлѣ его, и бродила до тѣхъ-поръ, пока съ сильнымъ паромъ, пѣной и свистомъ не вырвалась изъ заключенія и не испровергала все встречное.

Обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, онъ говорилъ, что душа его ушла въ голову, и въ этомъ новомъ родѣ опьянѣнія на него находили разныя тѣлесныя и духовныя гримасы, которыя онъ, часто съ большимъ трудомъ, скрывалъ отъ своего почтеннаго хозяина.

Рядомъ съ другими мечтаніями, въ которыхъ непрерывно парилъ вышереченная душа его, и которыя, подобно печенкѣ Прометея, безпрестанно возобновлялись, Симъ Тэппертейтъ имѣлъ также высокое мнѣніе о своемъ состояніи; служанка нерѣдко слушала его жалобы на то, что ученики не носятъ болѣе по-прежнему огромныхъ дубинъ, вмѣсто скипетровъ, для владычества надъ гражданами, — именно такъ выражался онъ. Сверхъ-того, рассказывали, какъ онъ говорилъ, что въ старинныя времена вся корпорація ихъ была оклеяна казнію Джорджа Барнуэлла, которую допустили совершить безъ сопротивленія низкіе трусы. По его мнѣнію, напротивъ, должно было вытребовать Барнуэлла отъ начальства сперва въ умеренныхъ выраженіяхъ, потомъ, въ случаѣ нужды, силой — чтобъ поступить съ нимъ по благоусмотрѣнію мудрой корпораціи. Такія разсужденія всегда наводили его на мысль о томъ, какое славное сословіе могло бы еще образоваться изъ учениковъ или работниковъ, еслибъ ими начальствовала голова умная, способная. Далѣе, къ ужасу своихъ слушателей, онъ намекалъ стороной о нѣкоторыхъ отчаянныхъ, сильныхъ головахъ, которыхъ знаетъ, и о нѣкоемъ львиномъ сердцѣ, готовомъ сдѣлаться ихъ атаманомъ, и передъ которыми, если онъ явится на поприще, будетъ дрожать даже самъ лорд-мэръ на своемъ престолѣ.

Въ нарядахъ и вообще въ одеждѣ, Симъ Тэппертейтъ показывалъ также большую предприимчивость и силу характера. Видали не разъ, какъ по субботамъ, передъ возвращеніемъ домой, онъ останавливался на углу улицы, снималъ тончайшіе манжеты и тщательно пряталъ ихъ въ карманъ. Было также извѣстно, что въ большіе праздники онъ замѣнялъ свои обыкновенныя стальные пряжки другими съ блестящими (фальшивыми) алмазами, которыя надѣвалъ тайно и ловко подъ кровомъ сѣней сосѣдняго дома. Прибавьте ко всему этому, что ему было ровно 20 лѣтъ, что по наружности онъ казался гораздо старше, а самъ воображалъ, что ему было по-крайней-мѣрѣ 200 лѣтъ; онъ охотно позволялъ трунить надъ собой на счетъ хозяйской дочери, и даже въ одномъ дрянномъ кабацкѣ, когда потребовали, чтобъ онъ пилъ за здоровье дамы своего сердца, онъ съ разными знаками и подмигиваніями выпилъ за здравіе прелестной дѣвушки, которой имя начиналось съ буквы Д... Теперь вы знаете Сима Тэп-

пертейта (который отправился между-тѣмъ завтракать) именно столько, сколько нужно для знакомства съ нимъ.

Завтракъ былъ солидный, сытный. Кромя обыкновенно-употребляемаго чая съ принадлежностями, столъ трещалъ надъ гнѣтомъ превосходнаго ростбифа, окорока первой величины и нѣсколькихъ Йоркшейрскихъ пироговъ. Тутъ же стояла кружка изъ красной глины, нѣсколько сходная съ старымъ сѣсаремъ; на обнаженномъ темени ея находилась красивая бѣлая пѣна, соответствовавшая паряку Габріеля, и заставлявшая предполагать въ кружкѣ отличное пиво, сваренное дома. Но гораздо драгоценнѣе пива, или Йоркшейрскихъ пироговъ, или окорока, или ростбифа, или чего-нибудь другаго, доставляемаго землей, водой и воздухомъ для пищи и питья, была дочь сѣйсаря, занимавшая верхній коонецъ стола и распоряжавшая завтракомъ. Передъ ея темными глазами даже ростбифъ превращался въ ничто; передъ блескомъ красоты ея хмѣль и солодъ теряли всякое достоинство.

Но отцы никогда не должны бы цѣловать своихъ дочерей въ присутствіи молодыхъ мужчинъ. Это слишкомъ! Человѣкъ можетъ переносить многое, но все имѣетъ свои границы. Такъ думалъ Сима Тэппертейтъ, когда Габріель прижалъ розовыя губки дочери къ своимъ губамъ — прижалъ эти губки, которыя всякій день были очень близки отъ Сима, и въ то же время были такъ далеки отъ него! Сима уважалъ своего хозяина, однакожь пожелалъ, чтобъ Йоркшейрскій пирогъ остановился у него въ горлѣ.

— Папенька, сказала дѣвушка послѣ этого привѣтствія, когда всѣ ушли за столъ:—правда ли, что я слышала сегодня ночью?

— Совершенная правда, моя милая, совершенная правда.

— Я слышала, что, подъѣзжая къ Дондону, вы нашли на дорогѣ молодого мастера Честера ограбленнаго и раненаго.

— Да, это былъ мастеръ Эдвардъ. Подлѣ него стоялъ Барнеби, изъ всѣхъ силъ крича о помощи. Хорошо еще, что такъ случилось, потому-что дорога уединенна и притомъ было поздно, ночь холодна, бѣдный Барнеби отъ ужаса и удивленія потѣшался въ умѣ болѣе обыкновеннаго, и молодой джентльменъ легко могъ бы умереть.

— Ужасно и подумать объ этомъ! воскликнула дочь Габріеля, содрогаясь.—Но какъ вы узнали его?

— Да, отвѣчалъ сѣйсарь:—я не зналъ его, никогда не видывалъ, хоть и часто слышалъ о немъ. Я отвезъ его къ мистриссъ Роджъ: она лишь-только взглянула на него, тотчасъ же сказала мнѣ все.

— Миссъ Эмма прійдетъ въ отчаяніе, если узнаетъ объ этомъ, батюшка, особенно когда расскажутъ ей все съ преувеличеніями, какъ обыкновенно рассказываются подобныя вещи.

— Посуди же, чему подвергаются люди, одаренные сострадатель-

нымъ сердцемъ, сказалъ слѣсарь. — Миссъ Эмма, какъ сказали мнѣ люди въ Кроличьей-Засѣкъ, очень неохотно отправилась съ своимъ дядей въ маскарадъ въ Карлейль-Гоузъ. И я, глупая голова, вмѣсто того, чтобъ вѣхать спать, переговоривъ съ мистриссъ Роджъ, бѣгу туда, уговариваю пріятеля своего, швейцара, чтобъ онъ впустилъ меня, надѣваю маску и домино и вмѣшиваюсь въ толпу посѣтителей.

— Какъ это похоже на васъ, батюшка! воскликнула Долли, обвиняя отца прекрасною своею рукою и цалуя его съ жаромъ.

— Совершенно похоже на меня! повторилъ Габріель, повидимому съ досадою, но въ-самомъ-дѣлѣ обрадованный похвалою и гордясь своею рѣшимостью. — Совершенно похоже на меня... такъ сказала и мать твоя. Но какъ бы то ни было, я вмѣшался въ толпу и меня за это порядкомъ потѣлкали, пощипали и помучили безпрестаннымъ пискомъ: «Развѣ ты меня не знаешь?», «Я узналъ тебя» и всею этою безсмыслицей, которая достигала до ушей моихъ. Впрочемъ, я ходилъ бы тамъ и теперь, не нашедъ того, кого надо было, еслибъ не увидѣлъ въ небольшой боковой комнаткѣ молодую дѣвушку, которая сняла отъ жара маску.

— Это была она? поспѣшно спросила дочь.

— Да, она, отвѣчалъ слѣсарь:—едва я шепнулъ ей о случившемся, такъ тихо, милая Долли, и почти съ такою же нѣжностью, съ какою развѣ только ты могла бы это сдѣлать, какъ она вскрикнула глухо и упала въ обморокъ.

— Что жъ вы сдѣлали?.. Что потомъ?

— Потомъ налетѣли маски съ ужаснымъ шумомъ, визгомъ, гамомъ, и я почиталъ себя счастливымъ, что могъ ускользнуть отъ лихъ, отвѣчалъ слѣсарь.—А что случилось, когда я пришолъ домой, это ты сама можешь себѣ представить, если не слыхала. Ахъ, это бѣдное сердце, которое никогда не выздоровѣетъ... Подай-ка мнѣ Тоби, душенька.

Этотъ Тоби былъ именно та кружка, о которой мы говорили уже выше. Слѣсарь, до-сихъ-поръ сражавшійся безъ устали съ кушаньями, приложилъ теперь губы къ доброжелательному челу почтенной старой кружки, и до-тѣхъ-поръ потягивалъ ея содержаніе, приподнимая все выше и выше, пока Тоби остановился наконецъ головою на носу его. Слѣсарь цмокнулъ тогда губами и съ нѣжностью поставилъ кружку опять на столъ.

Хоть Сэмъ Тэпвертейтъ и не участвовалъ въ этомъ разговорѣ, потому-что никто не обращался къ нему, однакожъ онъ безпрестанно обнаруживалъ такіе знаки удивленія, какіе казались ему сообразнѣйшими для болѣе-выгодной игры своего всепобѣждающаго взора. А такъ-какъ онъ почелъ последнее дѣйствіе слѣсаря особенно-благоприятнымъ случаемъ, чтобъ пустить свои глаза въ маневры противъ

Долли (которая, по его мнѣнію, смотрѣла на него въ немомъ удивленіи), то началъ коверкать и вертѣть всю фізіономію свою, особенно же глаза, такъ ужасно и неестественно, что Габріель, случайно взглянувъ на него, остановился отъ удивленія посреди своей услужительной работы.

— Ба, чортъ возьми! чтоъ сдѣлалось съ этимъ парнемъ? вскричалъ онъ.—Не подавился ли ты?

— Кто? спросилъ Симъ немного презрительно.

— Кто? да ты, чортъ возьми! отвѣчалъ хозяинъ.—Что за дурацкая манера корчить рожи за завтракомъ?

— Корчить рожи, сэръ—дѣло вкуса, сказалъ мѣстеръ Тэнпертейтъ, нѣсколько смущенный, особенно тѣмъ, что и дочь слѣсара засмѣялась.

— Симъ, возразилъ Габріель, хохоча во все горло.—Не будь дуракомъ, потому-что я охотѣе желалъ бы видѣть тебя въ полномъ умѣ. Эти молодые люди, прибавилъ онъ, обратясь къ дочери:—вѣчно выдумываютъ какую-нибудь глупость. Вотъ, вчера вечеромъ, на-примѣръ, былъ опять споръ между Джоемъ Уиллитомъ и старымъ Джономъ — хотъ и нельзя сказать, чтобъ Джой былъ неправъ. Въ одно прекрасное утро онъ улетитъ изъ Майскаго-Дерева, чтобъ поискать счастья въ другомъ мѣстѣ... Ба, ба, ба! это что, Долли? И ты начала гримасничать. Право, эти дѣвочки ни чѣмъ не лучше мальчишекъ.

— Это отъ чаю, сказала Долли, то краснѣя, то блѣднѣя, что, безъ сомнѣнія, происходило отъ обжогі:—чай такъ горячъ...

Мѣстеръ Тэнпертейтъ вперилъ ужасно-пристальный взглядъ въ четверть хлѣба, лежавшую на столѣ, и дышалъ тяжело.

— И больше ничего? отвѣчалъ слѣсарь.—Подлей еще молока. Да! мнѣ жаль Джоя; онъ славный малый, и чѣмъ чаще его видишь, тѣмъ привязываешься къ нему больше. Но, вепомни мое слово,—онъ убѣжитъ, убѣжитъ непременно, онъ самъ сказывалъ мнѣ объ этомъ.

— Не-уже-ли? воскликнула Долли слабымъ голосомъ.—Не-уже-ли это правда?

— Развѣ чай все еще жжетъ тебя, душепъка? сказалъ слѣсарь.

Но Долли, прежде, чѣмъ могла отвѣчать, закашляла, и это былъ такой ужасный кашель, что слезы выступили на глазахъ ея. Простодушный слѣсарь ударилъ ее раза три по спинѣ и употреблялъ еще другія кроткія средства къ исцѣленію, какъ вдругъ отъ мистриссъ Уарденъ явилось посольство ко всемъ тѣмъ, до которыхъ могло оно касаться — съ объявленіемъ, что она, послѣ испуга и тревогъ прошлой ночи, сдѣлалась очень нездорова, и не можетъ встать съ постели, почему и требуетъ немедленной присылки маленькаго чайника съ крѣпко-настоеннымъ чаемъ, нѣсколькихъ кусковъ пирога, не

слишкомъ-большой тарелки съ мелко-нарезаннымъ ростбифомъ и ветчиной, да протестантскій молитвенникъ въ двухъ томахъ, въ восьмушку. Подобно некоторымъ другимъ женщинамъ, которыя въ древнія времена цвѣли въ Англіи, мистриссъ Уарденъ бывала очень благочестива, когда была не въ духъ. Лишь только, бывало, придетъ она въ непріязненное отношеніе съ Габріелемъ, — протестантскій молитвенникъ не выходитъ изъ рукъ ея.

Завтракавшіе знали по неоднократнымъ опытамъ, что значили подобныя требованія. Итакъ, тріумвиратъ всталъ и отправился: Долли—присмотрѣть, чтобы все было исполнено тотчасъ же: Габріель—въ сарай, чтобы исправить какое-то поврежденіе, случившееся съ повозкой; а Сими въ мастерскую, унося съ собою свой пристальный взглядъ, хоть четверть хлѣба, на которую онъ смотрѣлъ сначала, и осталась на столѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, пристальный, окаменѣлый взглядъ его усиливался болѣе-и-болѣе, и когда Сими повязалъ передникъ, этотъ взглядъ сдѣлался невыносимъ... Наконецъ, когда онъ прошелся нѣсколько разъ по мастерской съ сложенными на спину руками, дѣлая притомъ исполнскіе шаги, и оттолкнувъ ногой множество мелкихъ предметовъ, которые попадались на пути, — губы его начали судорожно двигаться; потомъ на лицѣ проявилась мрачная насмѣшка, онъ улыбнулся и при этомъ воскликнулъ съ величайшимъ прервѣніемъ: «Джой!»

— Я смотрѣлъ на нее, когда она говорила объ этомъ человѣкѣ, сказалъ онъ: — и, безъ сомнѣнія, это смутило ее... Джой!..

Онъ снова пустился ходить взадъ и впередъ, но еще скорѣе, и еще болѣе исполнскими шагами; иногда останавливался, чтобы взглянуть на свои ноги, иногда, чтобы такъ-сказать лягнуть ими и еще вскрикнуть: «Джой!» Спусти съ четверть часа, онъ надѣлъ опять свой бумажный колпакъ и попробовалъ приняться за работу. Нѣтъ, работа не клеилась.

— Сегодня я не буду ничего дѣлать, сказалъ мастеръ Тэппертейтъ, бросивъ работу: — буду только точить. Навострю все ножи, ножницы и топоры. Это сообразно съ расположеніемъ моего духа... Джой!

Урр-р-р-р-р-р-р! Точильный камень скоро былъ приведенъ въ движеніе и искры потоками посыпались изъ него. Это было прекрасное занятіе для разгоряченнаго воображенія.

Урр-р-р-р-р-р-р!

— Что-нибудь да будетъ изъ этого! сказалъ мастеръ Тэппертейтъ, останавливая колесо, какъ-бы отдыхая отъ торжества и отирая потъ рукавомъ. — Что-нибудь да окажется же послѣ этого. Надѣюсь, что не прольется кровь человѣческая...

Урр-р-р-р-р-р-р!

ГЛАВА V.

По окончаніи дневной работы, слѣсарь отправился къ раненному жентльмену, чтобъ узнать о его положеніи. Домъ, въ которомъ онъ оставилъ его, стоялъ въ перуцкѣ близъ Соутверка, недалеко отъ Лондонскаго Моста; туда-то побѣжалъ онъ со всевозможною скоростью, чтобъ возвратиться поскорѣе и лечь по раньше спать.

Вечеръ былъ бурный, погода такъ же дурна, какъ была и въ прошедшую ночь. Для такого толстаго мужчины было не легко удерживать въ равновѣсіи на поворотахъ свое тѣло; дѣйствительно, иногда вѣтеръ одерживалъ верхъ и отгонялъ его назадъ на нѣскольکو шаговъ, или принуждалъ, не смотря на всѣ старанія и мужество, искать защиты подъ воротами или въ сѣняхъ, пока сила вѣтра не ослабѣвала. По-временамъ, какъ бѣшеные летѣли на встрѣчу— то шляпа, то парикъ, то то и другое вмѣстѣ, между-тѣмъ, какъ изразцы, глина и подобныя пріятности падали съ крыши передъ самымъ его носомъ на мостовую и въ ту жь минуту разсыпались на тысячи кусковъ, что, разумѣется, нисколько не увеличивало удовольствія прогулки.

— Скверная ночь для такого человѣка, какъ я! сказалъ слѣсарь, стучась тихонько въ дверь дома вдовы. — Я охотно сидѣлъ бы теперь въ уголку у камина старика Джона, — право, клянусь честью!

— Кто тамъ? спросилъ женскій голосъ изнутри. Послѣ отвѣта Габріеля, женщина поспѣшно отперла дверь и поклонилась ему.

Этой женщинѣ было лѣтъ сорокъ, можетъ-быть, съ небольшимъ. Она имѣла привѣтливыя черты и лицо, которое нѣкогда было красиво. На немъ видны были слѣды печали и заботы; но эти слѣды, очевидно, были давнишніе и рука времени отчасти загладила ихъ. Кто когда-нибудь видѣлъ Бэрнеби, долженъ былъ тотчасъ узнать въ этой женщинѣ, по сходству, мать его; но тамъ, гдѣ его черты выражали дикость и отсутствіе ума, у ней выражалось терпѣніе, — слѣдствіе продолжительной борьбы съ жизнію и спокойной рѣшимости.

Одно въ этомъ лицѣ было особенно странно и непріятно. Какъ бы ни было оно радостно, на него никогда нельзя было смотрѣть безъ сознанія въ томъ, что оно чрезвычайно-способно выражать страхъ. Эта черта, впрочемъ, была не на поверхности лица, выражалась не въ отдѣльныхъ чертахъ его; нельзя было, указавъ на глаза, ротъ, или линіи щекъ, сказать: еслибъ то, или другое, было иначе, оно имѣло бы то или другое выраженіе. А между-тѣмъ, эта черта не сходила съ лица, всегда неясно обнаруживавшаяся, но всегда присущая, не исчезавшая ни на минуту. Это была слабая, блѣдная тѣнь какого-то взгляда, тѣнь, которую могло произвестъ только мгновеніе величай-

шаго и невыразимаго ужаса; но какъ эта тѣнь ни была блѣдна и слаба, по ней можно было угадывать, каковъ долженъ быть этотъ взглядъ во всей его силѣ. Этотъ же самый знакъ являлся и на лицѣ ея сына, только слабѣе отпечатанный и, такъ сказать, безъ силы и значенія, потому-что не оживлялся умомъ. Представленный на картинѣ, этотъ знакъ долженъ бы былъ рассказать цѣлую повесть тому, кто замѣтитъ его. Знавшіе исторію Майскаго-Дерева и еще помнившіе, чѣмъ была эта вдова передъ умерщвленіемъ ея мужа и господина, — понимали выраженіе ея фizioноміи какъ-нельзя-лучше. Они поймали, какъ случилась эта перемяна въ ней и знали еще, какъ сынъ ея, родившійся въ тотъ самый день, когда совершенно убійство, имѣлъ на рукѣ кровавое пятно.

— Богъ вамъ въ помощь, сосѣдка! сказалъ слѣсарь, какъ старинный пріятель послѣдовать за нею въ небольшую комнату, гдѣ въ каминѣ горѣлъ отрадный огонь.

— И вамъ также, отвѣчала она улыбаясь. — Доброе сердце привело васъ опять сюда; васъ ничто не удержитъ дома, если кому-нибудь изъ друзей нужна помощь или совѣтъ; я давно уже знаю это.

— Тст... тст!.. возразилъ слѣсарь, грѣя у огня руки и потирая ихъ. — Вы, женщины, любите болтать; ну, что дѣлаетъ нашъ больной, сосѣдка?

— Онъ спитъ теперь. Подъ-утро былъ онъ очень беспокоенъ и нѣсколько часовъ сряду метался во всѣ стороны. Теперь, однакожъ, жаръ прошолъ, а докторъ говоритъ, что ему скоро будетъ легче. Раньше завтрашняго дня ему нельзя будетъ выйти.

— У него были нынче гости. А?.. спросилъ Габріель лукаво.

— Да; старый мастеръ Честеръ былъ здѣсь и ушелъ минутой за двѣ предъ тѣмъ, какъ вы постучались.

— А дамъ не было? спросилъ Габріель.

— Нѣтъ, но было письмо, отвѣчала вдова.

— Ну, это все-таки лучше, чѣмъ ничего! воскликнулъ слѣсарь.

— А кто принесъ его?

— Бэрнеби.

— Бэрнеби настоящее сокровище! Онъ дѣлаетъ свое дѣло, тогда какъ мы, считая себя умниками, ничего не дѣлаемъ. Надѣюсь, онъ не ушолъ опять?

— Слава Богу, онъ теперь ужъ въ памяти. Вы знаете, онъ всю ночь не спалъ и былъ цѣлый день на ногахъ; измучился, бѣдный... Ахъ, еслибъ я почаще могла видѣть его такимъ, еслибъ я могла только побѣдить въ немъ эту странную лѣнь!..

— Все прійдетъ своимъ чередомъ, отвѣчалъ слѣсарь добродушно: — не надо только слишкомъ принуждать его; въ моихъ глазахъ, онъ съ каждымъ днемъ становится лучше.

Вдова покачала головою. Она знала, что слѣсарь говорилъ это не по убѣжденію, а только для того, чтобъ потѣшить ее; однакожь такая похвала ея бѣдному, безумному сыну, была очень ей пріятна.

— Опъ будетъ славнымъ, дѣльнымъ человѣкомъ, продолжалъ слѣсарь:— того и смотри, что пристыдить еще насъ съ тобой, когда мы состаримся... А что нашъ другой пріятель, прибавилъ онъ, взглянувъ подъ столъ и окинувъ глазами комнату: — самый хитрый и лукавый изъ всѣхъ хитрецовъ и лукавцевъ—гдѣ онъ?

— Въ комнату Бэрнеби, отвѣчала вдова съ усмѣшкой.

— О, хитрая штука! сказалъ Уарденъ, покачавъ головою: — при немъ я остерегся бы рассказывать что-нибудь, что надо держать въ тайнѣ. Нѣчего сказать, славная голова: я думаю, онъ можетъ писать, читать, и даже вести счетныя книги, если только захочетъ... Что это? Ужь не онъ ли стучится?

— Нѣтъ, возразила вдова: — это, кажется, съ улицы; послушайте: да, такъ точно... Опять... Стучать въ ставню... Кто бы могъ это быть?

Во все время говорила она шопотомъ, чтобъ не разбудить больного, который лежалъ въ комнаткѣ, бывшей надъ ними и отдѣлявшейся весьма-тонкимъ потолокомъ. Такимъ образомъ прохожій, стучавшійся съ улицы, не могъ слышать ни слова изъ ихъ разговора, еслибъ даже и приложилъ ухо къ ставнѣ. Видя сквозь скважину огонь и не слыша никакого шума, онъ легко могъ вообразить, что въ домъ всего одинъ человѣкъ.

— Какой-нибудь воръ, или мошенникъ, сказалъ слѣсарь. — Подайте-ка свѣчу.

Нѣтъ, нѣтъ, возразила вдова: — такіе гости никогда еще не стучались у моего бѣднаго домика. Оставайтесь здѣсь... Въ случаѣ нужды, я васъ кликну... Пойду лучше одна...

— Зачѣмъ? спросилъ слѣсарь, отдавая не охотно свѣчу, которую взялъ-было со стола.

— Затѣмъ... затѣмъ, что... Я и сама не знаю зачѣмъ... Но мнѣ такъ хочется. Пожалуйста, не удерживайте меня... Прощу васъ.

Габріель взглянулъ на нее съ удивленіемъ, не понимая отъ-чего эта женщина, всегда столь покойная и кроткая, могла быть такъ встревожена бездѣлицею. Она вышла изъ комнаты и заперла за собою дверь. Съ минуту стояла она въ трепетной нерѣшимости, положивъ руку на дверной засовъ. Между-тѣмъ, стукъ раздавался снова, и какой-то голосъ, показавшійся слѣсарю знакомымъ и подѣйствовавшимъ на него непріятно, произнесъ у самой ставни: «скорѣе, скорѣе!»

Слова эти были сказаны тихимъ, однакоже рѣзкимъ тономъ, отъ котораго могъ бы пробудиться спящій... Въ первую минуту они не-

пугали слѣсаря, невольнo отскочившаго отъ окна и начавшаго прислушиваться...

Вѣтеръ, свистѣвшій въ каминѣ, мѣшалъ ему слышать, что проходило въ сѣняхъ; однакожъ, онъ могъ различить стукъ отворившейся двери и скрипъ ступеней подъ ногою какого-то челоуѣка, взбѣжавшаго по лѣстницѣ... Послѣ этого настала минутная тишина; потомъ послышался шумъ, который не былъ ни воплемъ, ни вздохомъ, ни зовомъ на помощь, но могъ заключать въ себѣ все это вмѣстѣ; и наконецъ слова: «Боже мой!» сказанныя такимъ тономъ, что отъ нихъ по тѣлу слѣсаря пробѣжала холодная дрожь.

Онъ бросился въ сѣни. Тамъ стояла она, какъ-будто пригвожденная къ землѣ, съ страшною блѣдностью въ лицѣ, съ неподвижными взорами, устремленными на челоуѣка, котораго онъ видѣлъ въ прошлую ночь... Глаза слѣсаря встрѣтились съ его глазами; взглядъ этотъ былъ быстръ, какъ молнія, и незнакомецъ скрылся...

Слѣсарь устремился вслѣдъ за нимъ, коснулся почти его развѣвавшагося плаща, но въ ту жь минуту почувствовалъ, что кто-то схватилъ его самого за руки и увидѣлъ вдову, упавшую предъ нимъ на колѣни.

— Туда... туда!.. воскликнула она:—оцъ тамъ, въ той сторонѣ!.. Назадъ! Назадъ!

— Тише!.. теперь я вижу его!.. воскликнулъ слѣсарь, указывая рукою:— тамъ... тамъ мелькнула его тѣнь. Кто это?.. Пустите меня за нимъ.

— Назадъ! назадъ! кричала она, схватившись за слѣсаря:— не троньте его... если жизнь дорога вамъ... Приказываю вамъ остаться... Назадъ!..

— Что это значитъ?.. воскликнулъ слѣсарь.

— Все равно, что бы это ни значило; не спрашивайте меня, не говорите, не думайте объ этомъ... Онъ не позволитъ ни слѣдовать за собою, ни схватить себя—это невозможно... Назадъ, говорю я вамъ!

Старикъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ, и какъ ошеломленный ужасомъ ея и отчаяніемъ, остановился... Только тогда, когда она снова затворила наружную дверь засовомъ и съ дикою торопливостію безумной втокнула старика въ комнату, только тогда взглянула она опять на него своимъ страшнымъ, неподвижнымъ взглядомъ, и упавъ на стулъ, закрыла блѣдное лицо свое руками.

ГЛАВА VI.

Пораженный всѣмъ случившимся, старій слѣсарь смотрѣлъ на блѣдную женщину въ какомъ-то страшномъ недоумѣніи и, можетъ-быть, долго остался бы безмолвенъ, еслибъ сожалѣніе и челоуѣколюбіе не развязали ему языка.

— Вы, кажется, нездоровы, сказалъ наконецъ Габріель: — стойте, я позову кого-нибудь изъ сосѣдей.

— Ни за что въ свѣтъ! воскликнула она, отвратя отъ него блѣдное лицо свое и всплеснувъ дрожащими руками. — Ни за что въ свѣтъ! Довольно и того, что вы были свидѣтелемъ всего случившагося...

— Слишкомъ-довольно, или слишкомъ-мало, сказалъ Габріель.

— Какъ вамъ угодно... все равно, возразила она: — только не спрашивайте меня ни о чемъ, умоляю васъ.

— Сосѣдка! сказалъ слѣсарь послѣ минутнаго молчанія: — такъ ли должны вы поступать со мною? Вы знаете меня давно и всегда обращались ко мнѣ за совѣтами... Я не узнаю васъ; вы всегда отличались твердостью души, а теперь...

— Ахъ! возразила она: — лѣта и скорби сокрушили меня; но не спрашивайте, ради Бога, не спрашивайте ни о чемъ; не говорите ничего со мною.

— Но какъ могу я молчать послѣ того, что видѣлъ? воскликнулъ слѣсарь. — Кто былъ этотъ человѣкъ, и отъ-чего появленіе его произвело на васъ такое ужасное дѣйствіе?

Она молчала и держалась за стулъ, какъ-будто для того, чтобъ не упасть.

— Я спрашиваю васъ объ этомъ, Марія, какъ старшій знакомецъ, который, кажется, часто доказываетъ вамъ, какое сердечное участіе принимаетъ онъ во всемъ, до васъ касающемся. Кто этотъ человѣкъ, и что можетъ быть общаго между имъ и вами? Кто этотъ призракъ, являющійся только во мракъ ночи и во время грозы? Какимъ образомъ знаетъ онъ этотъ домъ, куда приходитъ для того только, чтобъ плевать на него и хозляничать въ немъ произвольно, какъ-будто между вами существуетъ какая-то связь, о которой вы даже и говорить боитесь? Кто онъ?

— Вы правы; онъ плюетъ на этотъ домъ, отвѣчала вдова слабымъ голосомъ: — до-сихъ-поръ, только призракъ его носился надъ этимъ домомъ и надо мною и въ полдень и въ полночь; теперь явился онъ самъ, облеченный, какъ и мы, плотью...

— И, конечно, не ускользнулъ бы отъ моихъ рукъ, еслибъ вы не удержали меня, воскликнулъ слѣсарь съ жаромъ. — Но скажите же, что это за загадка?

— Загадка эта, отвѣчала вдова: — должна остаться навсегда неразгаданною... Я не смѣю сказать вамъ ничего больше.

— Не смѣете? повторилъ удивленный слѣсарь.

— Да; но не спрашивайте меня ни о чемъ, продолжала она: — я больна; всѣ жизненные силы какъ-будто умерли во мнѣ... Подите прочь! не прикасайтесь ко мнѣ...

Габріель, сдѣлавшій-было шагъ впередъ, чтобъ поддержать ее,

вдругъ отскочилъ при этомъ восклицаніи и смотрѣлъ на вдову съ ужасомъ и удивленіемъ.

— Оставьте меня; я дойду одна... рука частнаго человѣка не должна прикасаться ко мнѣ въ эту ночь, сказала она слабымъ голосомъ, и вставъ со стула, побрела шатаясь къ дверямъ. Дошедъ до нихъ, она обернулась и прибавила:—Я была принуждена вѣрить вамъ эту тайну: вы честный, благородный человѣкъ и были всегда расположены ко мнѣ; не измѣните же мнѣ и въ этомъ случаѣ; если вверху вы слышали какой-нибудь шумъ, придумайте что-нибудь въ мое оправданіе; скажите, что хотите, но только не то, что вы видѣли, и пусть никогда уже ни малѣйшее слово не напоминаетъ намъ о томъ, что здѣсь было. Я совершенно вѣрюсь вамъ. Забудьте это,—совершенно; а какъ много я вамъ доверяю, этого вы никогда не поймете.

Съ минуту глядя на слѣсара неподвижно; потомъ скрылась за дверь и оставила его одного.

Габріель не зналъ, что думать о всемъ видѣнномъ, и долго еще стоялъ среди комнаты, устремивъ глаза на дверь, въ которую вышла вдова. Чѣмъ болѣе онъ размышлялъ о случившемся, тѣмъ сильнѣе становилось его недоумѣніе. Эта женщина, которая столько лѣтъ вела странную, уединенную жизнь, которая своею кротостью и добродушіемъ заслужила любовь и уваженіе всѣхъ знакомыхъ своихъ — была въ тайныхъ сношеніяхъ съ какимъ-то страшнымъ человекомъ, котораго присутствіе наводило на нее ужасъ, и которому она, не смотря на это, помогала убивать... Все это казалось ему чрезвычайно странно и сильно огорчало его; къ этому огорченію присоединилось еще неудовольствіе на самого-себя: зачѣмъ онъ согласился молчать о всемъ имъ видѣнномъ; еслибъ онъ обнаружилъ болѣе твердости, болѣе настойчивости въ своихъ вопросахъ, вмѣсто того, чтобы согласиться на ея просьбу, то былъ бы теперь гораздо-спокойнѣе.

— Я поступилъ какъ настоящій оселъ, говорилъ самъ-себѣ Габріель, сдвинувъ на сторону парикъ свой, чтобы свободнѣе почесать затылокъ; мнѣ бы надобно было заставить ее признаться во всемъ, а не смотреть на нее разиня-ротъ... Но въ томъ-то и бѣда, что я никакъ не умѣю ладить съ бабами: онѣ всегда дѣлали мнѣ меня что хотѣли...

Говоря это, онъ снялъ парикъ, погрѣлъ у камина носовой платокъ и сталъ потирать имъ лысину.

— Впрочемъ, продолжалъ онъ, какъ-будто успокоясь послѣ этого пріятнаго занятія:—тутъ, можетъ-быть, имѣть ничего важнаго. Первый пьяный бродяга, которому задумалось бы забраться въ домъ, перепугалъ бы эту бѣдную, трусливую женщину; но тогда... Вотъ тутъ-то и штука—зачѣмъ бы ей покровительствовать его бѣгству, зачѣмъ бы не сказать просто, что она перепугалась и сама не знала, что дѣ-

лать. Отъ-чего это былъ онъ, а не другой кто-нибудь? отъ-чего имъ-еть онъ на шеа такое сильное-вліяніе?.. Больше, когда прійдется вдругъ сомнѣваться въ человѣкѣ, котораго знаешь давно и котораго лю-бишь... Кто тамъ?.. Не ты ли, Бернеби?

— Да, да, Бернеби!.. воскликнулъ Бернеби, въбѣжавъ въ комнату: —почешъ ты угадалъ это?

— По твоей тѣни, отвѣчалъ слѣсарь.

— О, о!.. воскликнулъ Бернеби, оглядываясь.—Тѣнь эта большая проказница, она всегда при мнѣ... не отстаетъ, хоть тресни!.. То бы-ваетъ она длинна, какъ колокольня, то мала, какъ карликъ; то бѣ-жить передо мною, то гонится по пятамъ, то стоитъ съ правой, то съ левой стороны; остановись я, а она остановится... Нѣчего ска-зать, большая проказница! И какъ не устанетъ она возиться со мною целый день?.. Ну что жь, затѣмъ же найдешь ты?

— Куда?

— Туда, на верхъ... онъ требуетъ тебя... Постой... да гдѣ же его тѣнь?.. Скажи-ка мнѣ это; вѣдь ты умный человѣкъ.

— Тѣнь его при немъ, Бернеби, отвѣчалъ слѣсарь.

— Нѣтъ, неправда... отвѣчалъ тотъ, покачавъ головою: — отга-дай-ка?

— Не пошла ли она, можетъ-быть, гулять, а?..

— Нѣтъ; онъ промѣнялся тѣнью своею съ тѣнью женщины! шеп-нулъ на ухо старикъ безумецъ, взглянувъ на него съ торжеству-ющимъ видомъ и отскочивъ проворно. — Бѣ тѣнь всегда при немъ, а его при ней... Не правда ли, это смѣшно?..

— Бернеби, другъ мой, подойди сюда, сказалъ ему слѣсарь съ важностью.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, знаю... отвѣчалъ онъ, оста-ваясь въ отдаленіи:—но я себя-на-умъ, не проболтаюсь... Я спраши-ваю только—готовъ ли ты?

Сказавъ это, онъ схватилъ овичу и съ дикимъ хохотомъ сталъ ма-хать ею у себя надъ головой.

— Тише, тише!.. воскликнулъ слѣсарь сурово, желая остановить его.—Я думалъ, что ты сналъ.

— Да, я сналъ съ открытыми глазами, отвѣчалъ Бернеби:—огром-ныя лица проносились мимо меня... они были то рядомъ со мною, то за цѣлую милю... я долженъ былъ волею или неволею проползати чрезъ пещеры, скакать черезъ пропасти и падать съ колоколенъ... Страшныя, смѣшныя фигуры, скорченныя, согнутыя прыгали по мо-ей кровати... смѣялись, плакали, визжали... и это называется спать?..

— Тебѣ чудилось все это во снѣ, Бернеби, сказалъ слѣсарь.

— Во снѣ?.. повторилъ Бернеби тихо и подошелъ ближе къ слѣса-рю:—нѣтъ, это не былъ сонъ.

— Что жь могло это быть, кромѣ сна?..

— Мнѣ чудилось, продолжалъ безумный шопотомъ, опершись на руку Уардена и устремивъ прямо на него дикіе глаза свои:— мнѣ чудилось сію-минуту, что какой-то призракъ въ образъ челоуѣка преслѣдовалъ меня, не выпускалъ изъ вида, забѣгалъ впередъ, прятался какъ кошка по тѣмнымъ угламъ, выжидая, чтобъ я прошолъ мимо, и выползалъ потомъ изъ своей засады... Видалъ ты когда-нибудь, какъ я бѣгаю?

— Какъ же! нѣсколько разъ видалъ.

— Никогда еще не бѣжалъ я такъ скоро, какъ въ этотъ разъ, и не смотря на то, онъ все былъ за мною, ближе, ближе, ближе... Я побѣжалъ еще шибче... вкочалъ съ постели, выпрыгнулъ въ окно — и тамъ, на улицѣ... Но онъ ждетъ насъ — пойдемъ.

— Что же тамъ на улицѣ, Бэрнеби? ты не доскавалъ?.. спросалъ слѣсарь, думая найти какую-нибудь связь между этимъ сномъ и тѣмъ, что случилось действительно.

Бэрнеби взглянулъ ему прямо въ лицо, пробормоталъ какія-то несвязныя слова, замахалъ опять свѣчою и, схвативъ крапче руку слѣсаря, потащилъ его вверхъ по лѣстницѣ.

Они вошли въ небольшую комнату, уставленную соломенными стульями и другими простыми мебелями, но весьма чистую и опрятную. Въ большихъ креслахъ, передъ огнемъ, горавшимъ въ каминѣ, сидѣлъ блѣдный и изнеможенный отъ потери крови сэръ Эдвардъ, тотъ самый молодой челоуѣкъ, который въ предшествовавшую ночь прежде всѣхъ оставилъ Майское-Дерево. Онъ протянулъ руку слѣсарю и приветствовалъ его какъ своего забывателя.

— Ни слова больше, сэръ, ни слова! сказалъ Габріель. — Я слѣдалъ бы то же самое для всякаго въ такомъ положеніи, а тѣмъ болѣе для васъ, сэръ. Известная вамъ миссъ, прибавилъ онъ смѣючись: — не разъ оказывала намъ услуги, и намъ надобно было по квитаться съ нею; надвюсь, что вамъ лучше, и нельзя опасаться никакихъ дурныхъ послѣдствій?

Молодой челоуѣкъ улыбнулся; но въ ту же минуту слѣдалъ движеніе, которое доказывало, что онъ страдалъ сильно.

— Я не чувствую ничего, кромѣ слабости отъ потери крови; рана не опасна, отвѣчалъ онъ, стараясь пересилить боль:— Садитесь, мистеръ Уарденъ.

— Позвольте, сэръ Эдвардъ, остаться здѣсь, подлѣ вашихъ креселъ, чтобъ имѣть возможность говорить съ вами тихо. Бэрнеби нынче не въ хорошемъ расположеніи духа, а въ такомъ случаѣ разговоры ему всегда непріятны.

И сэръ Эдвардъ и слѣсарь взглянули на Бэрнеби, который сълѣ, между-тѣмъ, недалеко отъ камина и съ бессмысленною улыбкою на

лицъ забавлялся дѣлавіемъ узловъ и петель на длинной ниткѣ, обвиняя ея свои пальцы.

— Сдѣлайте одолженіе, сэръ, сказалъ Уарденъ:—разскажите мнѣ подробно обо всемъ, что случилось въ прошедшую ночь... Я имѣю причины спрашивать объ этомъ. Вы уехали изъ Майскаго-Дерева одни?

— Я отправился домой пѣшкомъ. Дошедъ до того мѣста, гдѣ вы нашли меня, я услышалъ лошадиный топотъ...

— За вами? спросилъ слѣсарь.

— Да, за мною; то былъ одинъ провзжій, который, догнавъ меня, остановилъ свою лошадь и сталъ разспрашивать о дорогѣ въ Лондонъ.

— Вы, конечно, были вооружены, сэръ, зная, сколько мошенниковъ шатается по этой дорогѣ?

— У меня была только одна палка, а пистолеты, по несчастію, остались у хозяйскаго сына. Я разсказалъ о дорогѣ провзжему, но прежде, чѣмъ успѣлъ кончить, онъ стремительно бросился на меня, какъ-будто хотѣлъ растоптать конемъ своимъ. Я отскочилъ въ сторону, поскользнулся и упалъ. Онъ ударилъ меня кинжаломъ и взялъ мой кошелекъ, въ которомъ нашолъ немного за свой подвигъ. Теперь, мастеръ Уарленъ, прибавилъ сэръ Эдвардъ, взявъ руку слѣсара и сжавъ ее крѣпко:—теперь знаете вы столько же, сколько и я самъ.

— Но я хотѣлъ бы знать еще примѣты разбойника; каковъ онъ былъ собою? Говорите, пожалуйста, тише, сэръ... Бэрнеби, кажется, не обращаетъ на насъ вниманія; но я знаю его лучше, чѣмъ вы, и увѣренъ, что онъ теперь замѣчаетъ за нами.

Можно было подумать, что замѣчаніе слѣсара было неосновательно, потому-что Бэрнеби, казалось, совершенно занялся своею игрушкою; однакожъ, увѣренность, съ какою Уарденъ сказалъ послѣднія слова, подвѣствовала на сэра Эдварда и онъ отвѣчалъ, понизивъ голосъ:

— Ночь была такъ темна, нападеніе такъ быстро и неожиданно, что я не могу отвѣчать удовлетворительно на вашу вопросъ... Кажется, однакожъ, что...

— Не называйте его по имени!.. поспѣшилъ сказать слѣсарь, слѣдя за взоромъ сэра Эдварда, устремленнымъ на Бэрнеби: — я знаю, что онъ видитъ его; но мнѣ бы хотѣлось знать то, что вы видели.

— Я помню только, продолжалъ сэръ Эдвардъ:—что у него слетѣла съ головы шляпа, когда онъ остановился. Онъ поймалъ ее на воздухъ и надѣлъ опять; при этомъ я замѣтилъ, что голова его была обвязана чернымъ платкомъ. Когда я былъ въ Майскомъ-Древѣ, туда забѣжалъ какой-то незнакомецъ, котораго я не видалъ въ лицо, потому-что сидѣлъ въ сторонѣ; когда же я всталъ, чтобъ выйти изъ

комнаты, и оглянулся, то увидѣлъ его, сидѣвшаго близъ камня, спяною ко мнѣ. Если жъ этотъ незнакомецъ и разбойникъ два разные лица, то звукъ ихъ голоса чрезвычайно сходенъ; я не могъ не замѣтить этого, когда провзжій загворилъ со мною на дорогѣ.

— Вотъ именно то, чего я боялся; этотъ самый человекъ былъ здѣсь нынче ночью! подумалъ слѣсарь, и лицо его покрылось блѣдностью... Боже мой! что все это значить?..

— Гей, гой!.. крикнулъ какой-то рвзкій голосъ: — гей, гой!.. что тамъ?.. гей, гой!..

Крикнувъ этотъ, отъ котораго слѣсарь отскочилъ, какъ отъ сверхъестественнаго шпіона, былъ вбронъ, спустившійся непримѣтно на спинку кресла сэра Эдварда и слушавшій съ такою внимательностью, какъ-будто онъ дѣйствительно могъ понимать то, о чемъ слѣсарь и молодой человекъ разговаривали между собою; при этомъ вбронъ безпрестанно поворачивалъ голову то къ одному, то къ другому изъ нихъ, и казалось, не хотѣлъ проронить ни одного слова.

— Посмотрите! сказалъ Уарденъ, съ удивленіемъ и съ какимъ-то необъяснимымъ страхомъ, внушеннымъ этою птицею.— Видалъ ли кто такого урода?.. О! онъ страшный удалецъ!...

Вбронъ приклонилъ на одну сторону свою голову, въ которой два глаза сіяли какъ два брильянта и, помолчавъ съ минуту, закричалъ рвзкимъ, глухимъ голосомъ, который, казалось, вылеталъ не изъ его клюва, а изъ внутренности туловища: «Гей, гой, гей!... Что тутъ такое?... Крр, крр, крр!.. Смѣйся и веселись, не говори о смерти!.. Гей, гой, гей!... Я дьяволъ! дьяволъ! дьяволъ!... ура!...»

Вбронъ началъ свистать и каркать ужасно, какъ-будто радуясь самъ тому, что сказалъ.

— Я почти готовъ думать, что онъ говоритъ правду!.. воскликнулъ Уарденъ: — посмотрите, какъ онъ глядитъ на меня: точно понимаетъ, что я говорю.

На это вбронъ прискакивая отвѣчалъ: — «Я дьяволъ, дьяволъ, дьяволъ!» и началъ бить себя крыльями, какъ-будто хотѣлъ лопнуть отъ смѣха. Бэрнеби всплеснулъ руками и въ чрезмѣрной радости сталъ валяться по полу.

— Нечего сказать, удивительные товарищи, сэръ!.. замѣтилъ Габріель, посматривая то на вброна, то на Бэрнеби: — у птицы станетъ ума на двохъ!

— Подлинно удивительно! сказалъ сэръ Эдвардъ, протянувъ свой указательный палецъ къ вброну, который, будто въ знакъ признательности къ такой ласкѣ, схватился за палецъ клювомъ: — старъ ли онъ?

— Еще совершенный птенецъ, сэръ, отвѣчалъ Габріель. — Ему, ко-

жетъ-быть, лѣтъ сто-двадцать, не болѣе. Кликни его отсюда, любезный Бэрнеби.

— Кликни его! повторилъ Бэрнеби, бросивъ на Габріеля безсмысленный взглядъ и не трогаясь съ пола, на которомъ сидѣлъ: — кто можетъ его спугнуть оттуда?—Онъ кличетъ меня и я долженъ идти за нимъ, куда онъ хочетъ... не такъ ли, Грейфъ?

Воронъ каркнулъ тихо и отрывисто, какъ-будто хотѣлъ сказать: «Зачѣмъ посвящать этихъ людей въ наши тайны? мы понимаемъ другъ друга, и этого довольно!»

—Мнѣ кликнуть его оттуда! воскликнулъ Бэрнеби, указывая пальцемъ на птицу:—его, который никогда не спитъ, а только дремлетъ!.. Ночью, во всякое время можете вы видѣть глаза его, блистающіе въ моей темной коморкѣ, какъ двѣ яркія звѣзды. Каждую ночь бываетъ онъ веселъ и живъ; толкуетъ самъ съ собою, говоритъ, что наизрѣнь дѣлать, куда хочетъ идти, что украсть, что спрятать! И мнѣ тревожить, мнѣ кликать его? Ха, ха, ха!

Казалось, однакожь, что воронъ самъ-собою рѣшился спуститься со спинки кресель, гдѣ сидѣлъ. Сначала взглянулъ онъ на потолокъ, потомъ на каждого изъ бывшихъ въ комнату, порхнулъ къ дверямъ, спустился на полъ и скорымъ шагомъ, какъ какой-нибудь важный господинъ, отправился прямо къ Бэрнеби, вскочилъ ему на руку и сталъ каркать и свистать съ примѣтнымъ самодовольствіемъ.

Слѣсарь покачалъ головою, сомнѣваясь, можетъ-быть, не былъ ли этотъ воронъ дѣйствительно что-нибудь болѣе ворона — а можетъ-быть и соболѣзнулъ о Бэрнеби, который вмѣстѣ съ птицею катался по полу. Отведя свои взоры отъ бѣднаго юноши, встрѣтился онъ съ взоромъ его матери, которая, вошедъ незамѣтно въ комнату, стояла у дверей молча.

Лицо ея было покрыто смертною блѣдностью и даже губы не имѣли обыкновеннаго своего цвѣта; она побѣдила однакожь свое внутреннее волненіе и смотрѣла на сына съ обыкновеннымъ спокойствіемъ. Уардену показалось, что она содрогнулась, когда онъ взглянулъ на нее, и поспѣшила сказать, обращаясь къ больному:

— Вамъ пора бы лечь въ постелью; завтра васъ отвезутъ къ вашимъ роднымъ; вы просидѣли въ креслахъ долѣе, чѣмъ должно.

Слѣсарь, услыхавъ это, хотѣлъ откланяться.

— Кстати, сказалъ сэръ Эдвардъ, пожавъ ему руку и взглянувъ на мистриссъ Роджъ: что тамъ былъ за шумъ внизу? Мнѣ слышались ваши голоса. Что случилось?

Слѣсарь взглянулъ на вдову; она оперлась на стулъ и опустила глаза; Бэрнеби прислушивался.

— Какой-то пьяница ошибся домою и хотѣлъ насильно войти

сюда, отзывчалъ Уарденъ, бросивъ украдкою взоръ на мистриссъ Роджъ.

Она вздохнула свободнѣе, однакожь не сказала ни слова. Когда слѣсарь простился съ сэръ Эдвардомъ, Бэрнеби взялъ свѣчу, чтобъ посвятить ему на лѣстницѣ; мистриссъ Роджъ, увидѣвъ это, выхватила у сына свѣчу, и съ необыкновенною живостью приказала ему не трогаться съ мѣста. Воронъ послѣдовалъ за сошедшими внизъ, какъ-будто для того, чтобъ удостовѣриться все ли было въ порядкѣ; а когда вдова и слѣсарь дошли до наружной двери, онъ остановился на нижней ступенькѣ лѣстницы.

Трепещущей рукою отодвинула она засовъ и повернула ключъ...
Слѣсарь сказалъ между-тѣмъ тихимъ голосомъ:

— Изъ привязанности къ вамъ и по старому знакомству съ вами, Марія, рѣшился я нынче солгать, чего никогда не дѣлалъ. Я хочу вѣрить, что отъ этого не будетъ ничего дурнаго; подозрѣнія, возбуждаемыя вами во мнѣ, не покидаютъ меня и, признаюсь откровенно, я не охотно оставляю здѣсь сэра Эдварда.. Смотрите, чтобъ съ нимъ не случилось чего-нибудь худаго. Я не считаю его въ безопасности подъ этою кровлею и радуюсь, что онъ скоро оставляетъ вашу домъ. Ну, теперь пустите меня.

Она закрыла лицо руками и горько заплакала; скоро, однакожь, пересиливъ себя, отворила дверь и сдѣлала слѣсарю знакъ, что онъ можетъ идти. Лишь-только слѣсарь успѣлъ переступить черезъ порогъ, какъ дверь захлопнулась за нимъ, но онъ услышалъ съ какою поспѣшностію вдова задвинула засовъ, и какъ ужасно закаркалъ зловѣщій воронъ.

Съ минуту стоялъ слѣсарь, погруженный въ мрачныя мысли.— Чтò все это значить? думалъ онъ:—не-уже-ли эта женщина, которая всегда пользовалась доброю славою, могла рѣшиться на чтонибудь худое... Прости мнѣ, Господи, такія мысли! но она бѣдна, а искушеніе сильно... Каркай, каркай себя, проклятый! Если здѣсь скрывается что-нибудь недоброе, то воронъ не чуждъ этому, я готовъ побожиться!

ГЛАВА VII.

Мистриссъ Уарденъ была женщина причудливая. Она казалась грустною, когда другимъ было весело, и веселою, когда другіе скучали. Капризная отъ природы, она никогда не умѣла скрывать своихъ ощущеній и предавалась имъ со всѣмъ увлеченіемъ своего сердца. Мы сказали уже, что эта добрая дама (которая, вѣроятно, была еще очень недурна собою, хотя и уступала въ красотѣ своей дочери), становилась капризнѣе и несноснѣе по мѣрѣ того, какъ уве-

личивалось ея благосостояніе, такъ, что люди, знакомые коротко съ семействомъ слѣсаря, были убѣждены, что лучшимъ средствомъ къ нравственному исправленію жены его была бы потеря всего его имущества. Мы не можемъ ручаться за справедливость этой гипотезы, но думаемъ, что душа подобно тѣлу приходитъ въ болезненное состояніе отъ слишкомъ-хорошей жизни, и что ее надобно лечить лишениями и несчастіями, какъ тѣло микстурами и порошками.

Главною помощницею и распорядительницею въ домашнихъ дѣлахъ мистриссъ Уарденъ, а также и главною жертвою ея капризовъ была единственная ея служительница, миссъ Меггсъ. Эта Меггсъ была высокая, худошавая дѣвица съ лицомъ, которое, не будучи очень безобразно, имѣло въ себѣ что-то рѣзкое и непріятное. Главною тѣмою ея мыслей и убѣжденій было то, что мужчины вообще не стоить никакого вниманія, что всѣ они непостоянны, лукавы, низки и завистливы. Въ минуты, когда она особенно была раздражена противъ мужчинъ (а это, по замѣчанію злоязычной молвы, случалось именно тогда, когда Симъ Тэппертейтъ не обращалъ на нее вниманія); обнаруживала она желаніе, чтобъ весь женскій полъ вымеръ, для того только, чтобъ мужчины поняли наконецъ, какимъ божественнымъ существомъ пренебрегали они такъ недостойно.

Когда слѣсарь постучался у своего дома, голосъ этой мужчино-ненавистницы, этой Меггсъ, былъ первый, грубо спросившій его: «кто тамъ?»

— Я, Меггсъ, я! отвѣчалъ Габріель.

— Какъ, сэръ, вы уже возвратились? воскликнула Меггсъ, отворяя дверь. — А мы только-что надѣли свои ночные чепцы и хотѣли ложиться спать... О! мистриссъ Уарденъ была такъ нездорова...

Меггсъ сказала это довольно-громко, в Габріель, видя, что двери въ гостиную были открыты, догадался, къ кому относились эти слова.

— Мастеръ воротился! воскликнула Меггсъ, слыша въ гостиную: — вы были неправы, мистриссъ, а я права... Я говорила, что мастеръ не оставитъ васъ однихъ цѣлыя двѣ ночи... Я такъ рада за васъ, мистриссъ, такъ рада!.. Меня уже давно клонилъ сонъ, хоть я и не признавалась вамъ въ этомъ... право, мистриссъ...

— Въ такомъ случаѣ ты сдѣлала бы лучше, еслибъ давно уже отправилась спать, сказалъ слѣсарь, желавшій въ эту минуту, чтобъ вбрызнулъ Борисъ слюу ей на губы и зажалъ ихъ своимъ клювомъ.

— Благодарю, мастеръ, благодарю! возразила Меггсъ: — я не уснула бы спокойно, не уложивъ прежде въ постель мою добрую мистриссъ; а, сказать правду, ей бы давно уже была пора лечь въ постель.

— Ты слишкомъ-заботлива, Меггсъ! замѣтилъ Уарденъ, снимила сюртукъ и взглянувъ косо на служанку.

— Какъ вамъ угодно, мастеръ. Я готова терпѣть за свою добрую госпожу и не требую за свое усердіе къ ней никакой посторонней похвалы, была бы только она мною довольна.

Мистриссъ Уарденъ, сидѣвшая во все время за молитвенникомъ и не говорившая ни слова, приподняла въ эту минуту голову, украшенную огромнымъ ночнымъ чепцомъ, и, вмѣсто благодарности за такую привязанность къ ней доброй Меггсъ, приказала ей молчать.

Меггсъ вспыхнула отъ злости и всѣ жилы шеи ея налились кровью; однакожь она воздержалась и отвѣчала со смиреніемъ:

— Слушаю, мистриссъ.

— Ну, какъ ты чувствуешь себя, другъ мой? спросилъ слѣсарь, сѣвъ на стулъ рядомъ съ женою, которая опять схватила свой молитвенникъ.

— Тебя это очень интересуетъ, не правда ли? отвѣчала мистриссъ Уарденъ, устремивъ глаза въ книгу. — Ты, однакожь, цѣлый день не былъ у меня и не пришолъ бы, еслибъ я даже умирала.

— Чтѣ ты? милая Марта? чтѣ ты, Богъ съ тобою! сказалъ Габріель.

Мистриссъ Уарденъ перевернула листъ и продолжала читать.

— Милая Марта, продолжалъ слѣсарь:—какъ можешь ты говорить такія вещи? Ты знаешь, что я всегда нѣжно любилъ тебя и, конечно, не покинулъ бы, еслибъ ты точно была нездорова.

— Да! воскликнула мистриссъ Уарденъ и залилась слезами:— да, я знаю, ты былъ бы радъ, еслибъ я закрыла навѣки глаза; тогда ты могъ бы жениться на другой...

Меггсъ глубоко вздохнула.

— Но ты скоро уходишь меня, продолжала мистриссъ Уарденъ:— и тогда мы оба будемъ наконецъ счастливы. Единственное мое желаніе — пристроить только Долли, и тогда можешь ты дѣлать со мною чтѣ хочешь...

— Ахъ! воскликнула Меггсъ, вздохнувъ еще громче.

Бѣдный Габріель долго вертѣлъ на себѣ парикъ то въ ту, то въ другую сторону и спросилъ наконецъ глухимъ голосомъ:

— Долли спать уже?

— Мастеръ спрашиваетъ тебя, сказала мистриссъ Уарденъ, обратясь къ Меггсъ и взглянувъ на нее строго.

— Нѣтъ, другъ мой; я спрашиваю не ее, а тебя, сказалъ слѣсарь.

— Слышишь ли ты, Меггсъ? закричала упрямая женщина, топнувъ ногою.—Теперь уже и ты пренебрегаешь мною, не слушаешься меня!.. Это чудесно! только этого не доставало!

При этихъ ужасныхъ словахъ, Меггсъ, у которой слезы были всегда въ запасъ, горько заплакала; мистриссъ Уарденъ последовала ей

привзру и комната огласилась рыданиями и вздохами. Это продолжалось несколько минут, въ теченіи которыхъ Габріель, измученный усталостію и не спавшей прошлую ночь, началъ дремать на стулѣ и, вѣроятно, преспокойно заснулъ бы, еслибъ голосъ мистриссъ Уарденъ, отершей наконецъ свои слезы, не разбудилъ его.

— Не ужасно ли, говорила она:— что со мною поступаютъ такимъ образомъ именно тогда, когда я въ самомъ лучшемъ расположеніи духа и когда желала бы поболтать со всею откровенностію?

— Но на что можешь ты жаловаться, другъ мой? сказалъ Габріель, протирая глаза: — увѣрю тебя, я ничѣмъ не хотѣлъ тебя огорчать.

— На что могу я жаловаться? вотъ прекрасно!.. Нѣчего сказать, пріятно имѣть мужа, который возвращается домой для того только, чтобъ хмуриться или спать, вмѣсто того, чтобъ разсказать что-нибудь.

— Извини, другъ мой; я думалъ, что ты не расположена меня слушать. Впрочемъ, я готовъ разсказать тебѣ все и радъ поболтать съ тобою часокъ—другой...

— Нѣтъ, мастеръ Уарденъ, нѣтъ, отвѣчала она, вставъ съ своего мѣста. — Благодарю покорно... Я не ребенокъ, съ которымъ можно забавляться какъ угодно; я ужъ слишкомъ-стара для этого. Меггсъ, свѣчку.

Меггсъ схватила со стола свѣчу и пошла вслѣдъ за своею госпожою, которая вышла изъ комнаты, бросивъ на мужа сердитый взглядъ.

— Она не въ духъ, подумалъ Уарденъ, поправляя въ каминѣ уголья.— Что жъ? у всякаго свои слабости; не надобно быть слишкомъ-строгимъ; мы такъ давно ужъ живемъ вмѣстѣ...

И, прислонивъ голову къ стѣнкѣ стула, началъ онъ опять дремать. Вдругъ дверь потихоньку отворилась и изъ-за нея выставилась какая-то голова, которая, увидѣвъ Габріеля, въ ту жъ минуту скрылась.

— Мнѣ бы очень хотѣлось, пробормоталъ Уарденъ пробудившись: — чтобъ кто-нибудь женился на Меггсъ; но это невозможно: гдѣ найти такого сумасшедшаго, который рѣшился бы на это?

Габріель опять задремалъ и оставался въ этомъ положеніи до-тѣхъ-поръ, пока огонь въ каминѣ совсѣмъ потухъ. Наконецъ, онъ проснулся, всталъ, замкнулъ наружную дверь дома, положилъ въ карманъ ключъ и отправился спать. Черезъ несколько минутъ показалась опять та же самая голова—и Симъ Тэппертейтъ, съ небольшою лампадою въ рукѣ, вошелъ въ комнату.

— Какой дьяволъ задержалъ его здѣсь такъ долго? проворчалъ онъ сквозь зубы, вошедъ въ комнату и поставивъ лампаду на печь.—

— Теперь уже далеко за полночь!.. Проклятое ремесло! Вотъ вся польза, которую я извлекъ отъ тебя!..

При этихъ словахъ вытащилъ онъ изъ кармана большой ключъ, всунулъ его въ замокъ двери и тихо, съ величайшею осторожностью отворилъ ее. Замкнувъ потомъ дверь съ наружной стороны, спряталъ онъ въ карманъ свой поддвальный ключъ и выбрался на улицу такъ тихо, что слесарь, заснувшій крѣпко, ничего не могъ слышать.

ГЛАВА VIII.

Вышедъ изъ дома, Симъ Тэппертейтъ пустился скорымъ шагомъ по темнымъ улицамъ, хватаясь по временамъ за карманъ, чтобъ удостовериться, точно ли ключъ былъ при немъ. Такимъ образомъ добрался онъ до Бэрбейкена и повернулъ въ одну изъ самыхъ узкихъ улицъ, отирая потъ, катившійся градомъ съ лица. Наконецъ дошелъ онъ до какого-то узкаго прохода, чрезъ который пробрался къ небольшому дворику, темному какъ ночь, и остановился у рѣшотки.

Симъ ударилъ въ нее три раза ногою, но не получая никакого отвѣта на этотъ знакъ, разсердился и ударилъ еще три раза сильнѣе прежняго. Тогда земля подъ ногами его вдругъ растворилась и оттуда высунулась какая-то лысая голова.

— Вы ли это, капитанъ? спросилъ чей-то голосъ.

— Кто же можетъ быть другой? отвѣчалъ мастеръ Тэппертейтъ, и спустился внизъ.

— Теперь такъ поздно, что мы уже перестали ожидать васъ, сказалъ тотъ же голосъ.—Вы запоздали, мастеръ!

— Безъ замѣчаній; я не прошу ихъ у тебя, сказалъ мастеръ Тэппертейтъ съ важностью: — впередъ, маршъ!

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ и проводникъ его вошли въ большой погребъ, въ которомъ было нѣсколько стульевъ, столъ и кровать, покрытая толстымъ одвѣломъ; большой огонь былъ разложенъ въ створнѣ и освѣщалъ сырые своды подземелья.

— Добро пожаловать, капитанъ! воскликнула какая-то высокая фигура, какъ-бы пробудясь отъ сна.

Капитанъ кивнулъ головою, сбросилъ съ себя кафтанъ и, окинувъ глазами того, который шелъ за нимъ, спросилъ:

— Что новаго нынѣе вечеромъ?

Ничего особеннаго, отвѣчалъ тотъ, вытянувшись (а онъ и безъ того былъ гигантскаго роста): — по какому случаю пожаловали вы такъ поздно?

— Это не твое дѣло, отвѣчалъ капитанъ: — готова ли зала?

— Готова! отвѣчалъ провожатый.

— А товарищъ... здѣсь?

— Здесь—такъ же, какъ и нѣсколько другихъ... вы слышите ихъ?
— Они играютъ въ кегли! сказалъ капитанъ съ неудовольствіемъ:
— глупцы!

Нельзя было не отгадать ихъ занятія, потому-что стукъ отъ брошенныхъ шаровъ раздавался подъ сводами сыраго и мрачнаго погребѣ и звучалъ какъ перекаты грома. Такая забава должна была показаться очень-странною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ вмѣсто пола была земля, гдѣ воздухъ былъ тяжелъ и душливъ и гдѣ стѣны во многихъ мѣстахъ были покрыты мохомъ.

Владѣтель этого погребѣ, тотъ самый, которому принадлежала лысая голова, встрѣтившая капитана у рѣшотки, былъ человекъ очень бѣдный и худощавый. Глаза его были закрыты и по трепетанію ихъ можно было догадаться, что онъ былъ слѣпъ.

— Даже и Стэггъ вздремнулъ, сказалъ великанъ, указывая на хозяина.

— Не бѣда, капитанъ, не бѣда!.. воскликнулъ слѣпой.— Не хотите ли чего-нибудь выпить: водки, рому, или джину? все достанемъ для васъ, хотя бы пришлось забраться въ погребъ короля Георга.

— Чего нибудь, только покрепче; а изъ какого погребѣ — мнѣ все равно, хоть бы изъ чортова.

— Славно сказано, капитанъ! возразилъ слѣпой.— Ха ха ха!.. изъ чортова погребѣ... славно! славно!

— Ну, поворачивайся, давай скорѣе! закричалъ мастеръ Тэппертейтъ.

— Сейчасъ! воскликнулъ Стэггъ и какъ зрчій отправился прямо къ шкафу, взялъ оттуда бутылку, наполнилъ стаканъ, не проливъ ни капли, и, подавая его Симу, сказалъ:

— Пей, благородный капитанъ, пей! Смерть всѣмъ мастерамъ! жизнь и здоровье всѣмъ подмастерьямъ, любовь всѣмъ хорошенькимъ дѣвушкамъ! Пей, храбрый генералъ, и согрѣй этимъ виномъ свое мужественное сердце!

Мастеръ Тэппертейтъ взялъ стаканъ и выпилъ. Стэггъ, между тѣмъ, ставъ на колѣни, обхватилъ своими руками его ноги и воскликнулъ съ восторгомъ:

— О! зачѣмъ я слѣпъ! зачѣмъ не могу налюбоваться на эти чудесныя икры... на эти сокровища...

— Пусти меня! закричалъ мастеръ Тэппертейтъ: — пусти!

— Если я ихъ сравню съ своими, продолжалъ Стэггъ, ударивъ себя по икрамъ: — то начинаю ненавидѣть ихъ. Что онъ? щепки и больше ничего!

— И конечно щепки! замѣтилъ съ усмѣшкой мастеръ Тэппертейтъ: — но довольно; возьми стаканъ, и за работу.

Сказавъ это, онъ нахмурилъ брови, скрестилъ на груди руки и,

принявъ величественный видъ, скрылся вмѣстѣ съ длиннымъ товарищемъ своимъ за небольшую дверь, бывшею въ концѣ погребѣ.

Подземная зала, въ которую они вступили, была усыяна опилками; она освѣщалась слабо нѣсколькими зажженными свѣчами и находилась между погребомъ и другою залою, гдѣ играли въ кегли, что ясно доказывалось шумомъ и криками, вылетающими оттуда; скоро однакоже, по знаку, поданному длиннымъ товарищемъ, шумъ этотъ замолкъ, и въ залѣ водворилась мертвая тишина. Товарищъ этотъ подошелъ къ буфету, и досталъ оттуда огромную костяную голень, которая, вѣроятно, принадлежала когда-то человѣку столь же высокому, какъ онъ самъ. Эту кость принялъ мастеръ Тэппертейтъ изъ рукъ товарища какъ скипетръ, свидѣтельствовавшей о его высокомъ достоинствѣ, надѣлъ на голову свою трехугольную шляпу и влѣзъ на большой столъ, на которомъ было приготовлено для него кресло, обложенное человѣческими черепами.

Едва успѣлъ онъ сѣсть на эти кресла, какъ явился другой молодой человѣкъ, поклонился низко капитану, передалъ длинному товарищу огромную книгу съ застѣжками и, подошедъ къ столу, сталъ къ нему спиною. Тогда длинный товарищъ въ свою очередь влѣзъ на столъ, сѣлъ на табуретъ, разложилъ на спинѣ молодаго человѣка огромную книгу и, взявъ перо, съ важнымъ видомъ приготовился писать.

Мастеръ Тэппертейтъ, видя, что все было готово, поднялъ кость и ударилъ ею девять разъ по двумъ лежавшимъ предъ нимъ черепамъ. При девятомъ ударѣ явился изъ кегельной залы третій молодой человѣкъ, поклонился низко и съ почтеніемъ ожидалъ приказаній.

— Ученикъ! сказалъ могущественный капитанъ:—кто ждетъ тамъ!

Молодой человѣкъ отвѣчалъ, что какой-то незнакомецъ пришелъ просить о принатіи его въ общество ученическаго братства, съ распространеніемъ на него всѣхъ правъ и привилегій его. Мастеръ Тэппертейтъ снова ударилъ костью по черепу и воскликнулъ: «впустите его!» Ученикъ опять поклонился почтительно и вышелъ.

Скоро изъ той же самой двери показались еще два ученика, и между ними третій, съ завязанными глазами, котораго они вели подъ руки. На немъ былъ парикъ съ кошелькомъ вмѣсто косы, кафтанъ съ широкими полами и длинная шпага; одинъ изъ проводниковъ этого новоприняемаго кандидата держалъ надъ самымъ ухомъ его длинное, покрытое ржавчиною ружьё, а другой старую саблю, которою онъ размахивалъ во всѣ стороны.

Между-тѣмъ, какъ эта группа приближалась въ молчаніи, мастеръ Тэппертейтъ надѣлъ шляпу. Новоприняемый кандидатъ положилъ руку на грудь и преклонился передъ капитаномъ. Сидъ приказалъ

ить съ глазъ его повязку и устремилъ на него свои пронзительные взоры.

— Начинайте! воскликнулъ онъ потомъ громкимъ голосомъ.

Длинный товарищъ началъ читать слѣдующее:

«Маркъ Джильбертъ; 19 лѣтъ отъ роду; въ ученьи у Томаса Курцона, чулочника; любить дочь Курцона и не можетъ сказать навзрное, любимъ ли ею взаимно, но полагаетъ, что любимъ. Курцонъ, въ прошедшій вторникъ, выдралъ его за уши...»

— Какъ! за что? воскликнулъ капитанъ съ жаромъ.

— За то, что я смотрѣлъ на его дочь, отвѣчалъ кандидатъ.

— Записать: «на Курцона принесена жалоба», и поставить противъ его имени черный крестъ.

— Съ вашего позволенія, великомощный капитанъ, это еще не е, сказалъ новопосвящаемый.—Мэстеръ Курцонъ называетъ своихъ учениковъ лживыми собаками и не даетъ имъ пива, когда они ботають не такъ, какъ онъ хочетъ; самъ ѣстъ честерскій сыръ, а къ потчуеть голландскимъ; въ довершеніе же всего, оставляетъ на чане только одно воскресенье въ цѣлый мѣсяцъ.

— Это важное обвиненіе! сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ величественно:—поставить два черные креста противъ имени Курцона.

— Не угодно ли будетъ высокопочтенному братству, продолжалъ кандидатъ, отличавшійся особеннымъ безобразіемъ: — поджечь нестрахованный домъ Курцона, или поколотить его порядкомъ, когда онъ будетъ возвращаться вечеромъ домой, или пособить мнѣ увезти его дочь и жениться на ней, не смотря на то, хочетъ она этого, или нѣтъ?

Мэстеръ Тэппертейтъ поднялъ свой страшный скипетръ и приказалъ поставить противъ имени Курцона три черные креста.

— Это значитъ, воскликнулъ онъ: — что Курцонъ обреченъ мщенію, ужасному мщенію.

Послѣ этого, капитанъ началъ длинную рѣчь въ которой, объявилъ новопосвящаемому, что по прежнимъ законамъ, въ прежнее время, всѣ ученики, посвящавшіе себя какому бы то ни было мессу, наслаждались полною свободой; могли безнаказанно колоть своихъ мастеровъ и даже при случаѣ рѣзать ихъ на улицахъ; но законы эти нынѣ нарушены и измѣнены разными вредными формами, и что цѣлю ихъ братства было возстановить ее въ прежнее силъ, уничтожить всѣхъ мастеровъ, сокрушить власть ихъ и мстить за всѣ ихъ тиранства. Мэстеръ Тэппертейтъ кончилъ тѣмъ, что спросилъ съ необыкновенною торжественностью новопосвящаемого, чувствуетъ ли онъ въ себѣ довольно силы и мужества къ совершенію такого великаго подвига, и можетъ ли дать клятву употребить всѣ средства къ достиженію этой цѣли, прибавивъ, что есть

еще время одуматься и что онъ можетъ удалиться, если трудности предстоящаго дѣла устрашаетъ его.

На это новопосвящаемый отвѣчалъ, что готовъ дать требуемому отъ него клятву и сдержать ее, хотя бы ему пришлось удавиться. Тогда, по знаку, поданному капитаномъ, началась церемонія посвященія, состоявшая въ разныхъ странныхъ обрядахъ, во время которыхъ черепы освѣтились плоскими и шумъ, замолкшій на время въ кегельной залѣ, возобновился съ большою противъ прежняго силою. Когда требуемая клятва была наконецъ произнесена, мастеръ Тэппертейтъ сошелъ съ своего трона, приказалъ убрать всѣ атрибуты своего могущества, отпереть двери въ погребъ и въ кегельную залу и позволилъ всѣмъ почтеннымъ сочленамъ этого тайнаго братства предаться общему веселью, въ которомъ самъ не хотѣлъ принять участія, считая это несовмѣстнымъ съ своимъ высокимъ званіемъ. Онъ бросился на кровать и, смотря равнодушно на карты, кости и кегли, предался мечтамъ о прекрасной дочери слѣсаря.

— Великій капитанъ! сказалъ слѣпой хозяинъ, подсывъ къ нему: — ты не хочешь ни играть, ни пѣть, такъ выпей чего-нибудь, вино развеселитъ тебя.

Мастеръ Тэппертейтъ осушилъ поданный ему стаканъ, потомъ, загнувъ въ карманъ руки, пустился ходить по залѣ между кеглями и картами. При приближеніи его, игравшіе останавливались и съ почтительнымъ видомъ давали ему дорогу.

— Зачѣмъ не родился я знатнымъ барвиномъ или патриотомъ, думалъ мастеръ Тэппертейтъ, поглядывая разсѣянно на кегли: — тогда былъ бы я на своемъ мѣстѣ. Но быть затеряннымъ въ толпѣ, жить незнаемому никѣмъ, не значить ничего — ужасно!.. Но терпѣніе, терпѣніе!.. Я еще прославлюсь... мнѣ говорить что-то: «ты назначенъ къ великому!» Скоро, скоро явлюсь я въ настоящемъ своемъ видѣ, и тогда какая власть будетъ въ состояніи противиться мнѣ? я трепещу отъ радости при одной мысли объ этомъ... Вина, скорѣе вина!

— Гдѣ новопосвященный? продолжалъ мастеръ Тэппертейтъ, возвысивъ голосъ: — гдѣ онъ?

— Здѣсь, благородный капитанъ! отвѣчалъ Стэггъ: — я чувствую по духу, что рядомъ со мною стоитъ чужой.

— Есть ли у тебя восковой оттискъ ключа отъ дверей дома твоего мастера? спросилъ онъ, бросивъ на новопосвященнаго быстрый взглядъ.

— Есть, отвѣчалъ тотъ почтительно, и подалъ оттискъ.

— Хорошо, ты получишь ключъ, который тебѣ нуженъ, сказалъ мастеръ Тэппертейтъ и сунулъ въ карманъ оттискъ, между тѣмъ, какъ всѣ присутствующіе смотрѣли на него съ какимъ-то благоговѣніемъ.

каждаго изъ нихъ снабдилъ онъ уже такимъ ключомъ и, можетъ-быть, это ничтожное обстоятельство было причиною того уваженія, какое они невольнo питали къ нему. Вотъ отъ какихъ бездьялицъ зависитъ иногда вліяніе, которое имѣютъ люди на подобныхъ себя!

Отведя въ сторону новопосвященнаго, мастеръ Тэппертейтъ сказалъ ему:

— И такъ, ты любишь дочь своего хозяина?

— Да, капитанъ; но у меня честныя намѣренія, клянусь вамъ!

— Есть ли у тебя... спросилъ мастеръ Тэппертейтъ замкнувшись и схвативъ его за руку съ мрачнымъ видомъ: — есть ли у тебя соперникъ?..

— Нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно.

— А еслибъ у тебя былъ соперникъ, что сдѣлалъ бы ты...

Новопосвященный взглянулъ на него выразительно и поднялъ кулакъ съ угрожающимъ видомъ.

— Довольно, воскликнулъ мастеръ Тэппертейтъ:— мы понимаемъ другъ-друга... За нами примѣчаютъ, благодарю тебя!

Сказавъ это, онъ оттолкнулъ его, подозвалъ длиннаго товарища и приказалъ ему прилѣпить немедленно къ стѣнѣ письменное объявленіе, по которому нѣкто Джозефъ Уиллнтъ (извѣстный болѣе подъ именемъ Джо) обрекался опалѣ; въ этомъ объявленіи предписывалось всѣмъ братьямъ-ученикамъ подѣ страхомъ исключенія изъ общества, вредить Джою всѣми средствами, преслѣдовать его, мѣшать ему во всѣхъ предпріятіяхъ и заводить съ нимъ ссоры, гдѣ бы его ни встрѣтили.

Облегчивъ свое сердце этою рѣшительною мѣрою, мастеръ Тэппертейтъ удостоилъ принять участіе въ общей трапезѣ и такъ развеселился, что затянулъ громкую пѣсню, которой всѣ собесѣдники вторили хоромъ; мало того, онъ пустился въ пляску; примѣру его послѣдовали всѣ другіе, и тутъ поднялся такой шумъ и гвалтъ, что стѣны погреба дрожали въ своихъ основаніяхъ. Эта дикая, пьяная оргія могла бы быть весьма продолжительною, еслибъ въбѣжавшій хозяинъ, вышедшій незадолго предъ тѣмъ изъ залы пирушества, не объявилъ, что не болѣе, какъ черезъ часъ настанетъ день, и что всѣ пѣтухи въ Бербейкенѣ затянули свою пѣсню. При этомъ извѣстїи, всѣ пирующие прекратили пляски и пѣсни, построились въ одну шеренгу, мѣрнымъ шагомъ прошли мимо капитана и поспѣшили каждый къ себѣ домой.

— Прощайте, благородный капитанъ, прощайте. Добрая ночь! воскликнулъ слѣпой хозяинъ, провожая мастера Тэппертейта. — Чтoбъ чортъ сломилъ тебѣ шею, проклятый гордецъ! прибавилъ онъ опуская рашетку и будучи увѣренъ, что странный капитанъ, за отдаленностію, не могъ слышать его.

ГЛАВА IX.

Романисты пользуются особенными преимуществами; они входят куда хотятъ, переносятся съ мѣста на мѣсто и даже проникаютъ сквозь замочныя скважины. Да будетъ трижды благословенно это право, дающее намъ возможность послѣдовать за мужчино-ненавистницею Меггсъ въ святилище ея спальни и провести въ ея обществѣ цѣлую ночь.

Уложивъ свою госпожу, миссъ Меггсъ удалилась въ свою комнату, бывшую подъ самой крышей. Не смотря на сказанное ею саркастическую, она не имѣла ни малѣйшаго расположенія ко ему; поставивъ свѣчу на столъ, отдернула она занавѣски небольшого окна и устремила въ задумчивости свои прекрасно-серые глаза на ночное небо.

Можетъ-быть, думала она, какая-нибудь звѣзда назначена для ея местопребыванія послѣ волненій этой земной жизни; можетъ-быть, разгадывала, которая изъ этихъ блестящихъ сферъ была мѣстомъ родины ея млага мастера Тэппертейта, а можетъ-быть и удивлялась, какъ могли эти лучезарныя свѣтила глядѣть такъ спокойно на землю, гдѣ жили такія презрѣныя и ненавистныя существа, какъ мужчины. Сидя такимъ образомъ на окнѣ своемъ, она была вдругъ поражена какинъ-то шорохомъ, прешедшимъ въ сосѣдней комнатѣ, принадлежавшей Симу Тэппертейту, — Тэппертейту, который спалъ въ ней и которому, можетъ-быть (такъ думала по-крайней-мѣрѣ его сосѣдка), въ сладостныхъ сновидѣніяхъ представлялся порою милый образъ милой Меггсъ.

Но теперь было ясно, что онъ не спалъ, и слѣдовательно, не металъ о ней. Безпрестанно-повторявшійся шорохъ доказывалъ, что мастеръ Тэппертейтъ покинулъ свое ложе. Скоро послышался тихій скрипъ его двери и наконецъ шумъ шаговъ въ снахъ... Миссъ Меггсъ поблѣднѣла при этомъ послѣднемъ обстоятельстве, какъ-будто опасаясь, что онъ имѣлъ какое-нибудь дерзкое намѣреніе, и нѣсколько разъ повторяла, задыхаясь отъ сильнаго волненія: «О! какое счастье, что я заперлась! какая благоразумная предосторожность!» Бѣдная дѣвушка, встревоженная такъ сильно разными страшными мечтами, вѣроятно забыла, что предосторожность, которою она такъ хвалилась, не была употреблена ею, и что дверь ея комнаты оставалась всегда незамкнутою.

Одаренная чрезвычайно-тонкимъ слухомъ, миссъ Меггсъ скоро убѣдилась, что шаги, миновавъ дверь ея, взяли другое направленіе, и что комната ея не угрожала осады. При этомъ открытіи, она испугалась еще болѣе и была уже готова закричать: «Воры! грабятъ! рѣжутъ!», какъ вдругъ ей пришло на умъ выбраться самой потихоньку за дверь и удостовѣриться своими глазами, дѣйствительно ли опасенія ея были справедливы.

Высунувъ голову въ дверь, она къ чрезвычайному своему удивленію увидѣла мастера Тэпшертейта, который, будучи совершенно одинъ, сходилъ съ величайшею осторожностію съ лѣстницы, держа въ одной рукѣ башмаки, а въ другой лампаду. Сдѣлавъ сама нѣсколько шаговъ впередъ, она увидѣла, какъ онъ отворилъ дверь гостиной, и сунувшись туда головой въ ту же минуту отскочилъ назадъ.

— Тутъ кроется какая-нибудь тайна! сказала Меггсъ, прыгнувъ опять съ проворствомъ кошки въ свою комнату. — Желаніе узнать что все это значило и удовлетворить тѣмъ своему любопытству было въ ней такъ сильно, что еслибъ она приняла даже опиумъ, то не могла бы заснуть во всю ночь. Минуту спустя, услышала она опять шорохъ, выбрадась опять за дверь и увидѣла, какъ Смиъ вошелъ въ гостиную, откуда уже не показывался болѣе.

Въ одно мгновеніе она была миссъ Меггсъ опять въ своей комнатѣ и бросилась къ окну, которое въ этотъ разъ отворила. Смиъ вышелъ на улицу, замкнулъ за собою дверь, и, сунувъ что-то въ карманъ, отправился далѣе. Увидѣвъ это, миссъ Меггсъ воскликнула: «Небо!» и, схвативъ свѣчу, сошла по лѣстницѣ въ гостиную, а отсюда въ сѣни.

— О! хитрый плутъ! Я готова прозаблудывать голову, что онъ поддѣлалъ себя фальшивый ключъ!.. сказала Меггсъ. — Прощу покорно, кто бы могъ подумать, чтобъ этотъ мальчякъ былъ способенъ на такія дѣла?

Для отстраненія всякаго недоразумѣнія со стороны читателей на счетъ того, почему миссъ Меггсъ употребила слово «мальчякъ», мы должны однажды навсегда замѣтить, что всѣхъ мужчинъ, которыхъ не было еще тридцати лѣтъ, она почитала ни больше, ни меньше, какъ «мальчишками».

Нѣсколько минутъ миссъ Меггсъ не знала, что ей дѣлать, и въ продолженіи всего этого времени не спускала глазъ съ двери; наконецъ вынула изъ ящика лѣсть бумаги, свернула въ трубочку, наполнила его золою отъ каменнаго угля, стала на колѣни передъ дверью и, вложивъ трубочку въ замочную скважину, дунула въ нее сильно, и послѣ этого маневра съ злобною радостію возвратилась къ себѣ въ комнату.

— Ну, сказала она, потирая себѣ руки: — теперь посмотримъ, не придется ли тебѣ, мастеръ, обратиться и къ моей помощи!.. Ха, ха, ха! Теперь у тебя будутъ глаза не для одной Долли... этой толстошеюй утки!

Сдѣлавъ это прекрасное сравненіе, она взглянула съ самодовольной улыбкой въ свое маленькое зеркальцо, какъ-будто хотѣла тѣмъ выразить: «благодаря Бога, про меня этого нельзя сказать!» и въ этомъ случаѣ она была совершенно права. Миссъ Меггсъ не могла

похвалиться полнотою; она была чрезвычайно похожа «на ободранную кошку» — сравнение, которым мастеръ Тэппертейтъ часто мысленно удостоивалъ ее.

— Я не лягу въ постель во всю ночь! сказала миссъ Меггсъ, накинула на себя платокъ, поставила къ окну два стула, съѣла на одинъ изъ нихъ и положила ноги на другой. Я буду дожидаться твоего возвращенія и не отойду отъ окна ни за что въ свѣтъ, ни даже за 50 фунтовъ стерлинговъ.

Съ этии словами, въ которыхъ выражались въ одно времязлость, хитрость, торжество и твердая рѣшимость, облокотилась миссъ Меггсъ на окно и, подобно хищному звѣрю, стерегущему свою добычу, стала дожидаться возвращенія мастера Тэппертейта.

Такъ сидѣла она цѣлую ночь; наконецъ, предъ самымъ разсвѣтомъ, послышался на улицѣ шумъ шаговъ и вслѣдъ за тмъ мастеръ Тэппертейтъ остановился у дверей дома. Миссъ Меггсъ ввѣла, какъ онъ вытащилъ изъ кармана ключъ, какъ пытался вложить его въ замокъ, какъ, встрѣтивъ препятствіе, сталъ онъ выдувать золу, какъ всовывалъ туда кусочекъ дерева, стараясь очистить замокъ, какъ наконецъ вложивъ ключъ, силлся повернуть его, какъ, не успѣвъ въ этомъ, сталъ раскачивать дверь, чтобъ просто отпереть ее, какъ, желая вытащить ключъ, который не вынимался, рванулъ его съ такою силою, что упалъ самъ навзничъ, и какъ наконецъ, видя, что все его усилія были напрасны, съѣлъ въ отчаяніи на порогъ, отирая рукою потъ, градомъ катившійся съ лица его.

Въ эту трагическую минуту миссъ Меггсъ, высунувъ голову въ окно, прикинулась испугавшеюся и слабымъ, дрожащимъ голосомъ спросила: кто тамъ?

— Тст! отвѣчалъ мастеръ Тэппертейтъ и, подбѣжавъ подъ самое окно, сталъ просить, чтобъ она не шумѣла.

— Не воры ли это? воскликнула миссъ Меггсъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! отвѣчалъ Симъ.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула она еще съ большимъ ужасомъ: — не пожаръ ли?.. Гдѣ? Вѣрно близко отсюда... Ахъ, спасите, спасите!

— Меггсъ! миссъ Меггсъ!... воскликнулъ мастеръ Тэппертейтъ: — не-уже-ли вы не унаёте меня?... Это я... Симъ Тэппертейтъ...

— О Боже! что съ нимъ? не въ опасности ли онъ?.. закричала миссъ Меггсъ всплеснувъ руками... Не горитъ ли онъ? О, небо!...

— Я здѣсь, здѣсь! возразилъ Симъ.—Только ради Бога не кричите такъ громко... Я здѣсь... взгляните на меня... Можно ли быть такой безтолковой!...

— Какъ, это вы?... сказала наконецъ миссъ Меггсъ, не обративъ

вниманія на его комплиментъ.. — Но какимъ образомъ? Боже мой, что это значить?.. Я побѣгу сказать мистриссъ.

— Не надо, не надо! воскликнулъ въ отчаяніи мастеръ Таппертейтъ, приподнявшись на цыпочки и стараясь сколько-возможно приблизиться къ окну. — Не надо!... Я уходилъ со двора безъ позволенія, а между тѣмъ съ замкомъ что-то случилось... Сдѣлайте милость, сойдите внизъ, отворите мнѣ окно кухни, чтобъ я могъ попасть въ домъ хоть черезъ него.

— Вы знаете, Симъ, какъ я труслива... Нѣтъ, я никогда не рѣшусь сойти внизъ одна ночью...

— Сжальтесь надо мною... воскликнулъ Симъ: — милая, дорогая миссъ Меггсъ!

Меггсъ глубоко вздохнула...

— Которую я такъ люблю, о которой всегда думаю, продолжалъ Симъ, дѣлая страстные глаза... Сдѣлайте милость, сойдите внизъ...

— О Симъ! воскликнула Меггсъ: — не говорите мнѣ этого.. Я знаю, что если сойду...

— Чтѣ же, мое сокровище?

— Вы захотите цаловать меня... или сдѣлаете что-нибудь еще хуже...

— Клянусь вамъ, ничего не сдѣлаю... Ахъ, Боже мой! смотрите: совсемъ ужъ свѣтло... Ночной сторожъ приближается. Сойдите, умоляю васъ...

Миссъ Меггсъ, которой чувствительное сердце было тронуто его просьбами, рѣшилась предаться судьбѣ своей; она сошла тихонько съ лѣстницы и сама своими нѣжными, худыми ручками отворила внутреннюю ставню кухоннаго окна, помогла Симу влѣзть и, прошептавъ тихимъ голосомъ: «теперь вы въ безопасности!» упала въ обморокъ къ нему на руки.

— Я зналъ, что она не устоитъ противъ меня, подумалъ Таппертейтъ, приведенный въ замѣшательство ея обморокомъ. — Миссъ Меггсъ, миссъ Меггсъ! опомнитесь, прійдите въ себя!.. Что за костлявое созданіе! нельзя порядочно ухватиться за нее... Миссъ Меггсъ!.. да опомнитесь же!...

Но какъ миссъ Меггсъ, не смотря на всѣ его старанія, оставалась глуха и неподвижна, то онъ прислонилъ ее на минуту къ стѣнѣ, какъ трость или зонтикъ, затворилъ окно и потомъ, взявъ безчувственную дѣву на руки, поплелся по лѣстницѣ съ своею ношею, что стоило ему не малаго труда; наконецъ добрался благополучно до ея комнаты, положилъ на постель и оставилъ ее тамъ.

— Пусть будетъ онъ холоденъ какъ ледь, сказала сама себѣ миссъ Меггсъ, пришедшая въ чувство въ ту же минуту, какъ онъ ушелъ: — но я владѣю его тайной, и онъ не ускользнѣтъ отъ меня!

ГЛАВА X.

Въ одно весеннее утро, когда начинающійся годъ, подобно юншъ, не имѣеть еще положительнаго, опредѣлительнаго характера, когда въ-продолженіи нѣсколькихъ часовъ бываетъ то тепло, то холодно, когда на солнцѣ уже лѣто, а въ тѣни еще зима, въ одно такое утро Джонъ Уиллитъ, заснувшій на своемъ желѣзномъ сундукѣ, былъ вдругъ разбужонъ лошадинымъ топотомъ и, выглянувъ въ окно, увидѣлъ какого-то господина, остановившаго коня своего у самыхъ воротъ Майскаго-Дерева.

Остановившійся незнакомецъ былъ серьезный, важный джентльменъ, лѣтъ сорока-пяти, бодрый и стройный собою. Онъ сидѣлъ молодцомъ на своемъ темногнѣдомъ клеперѣ и отличался прекрасною одеждою, въ которой не было, однакоже, ничего моднаго. На немъ былъ сюртукъ светло-зеленаго сукна съ бархатнымъ воротникомъ и съ карманами, узорочно обшитыми широкимъ шнуromъ; бѣлье его было тонко и чрезвычайно бѣло; лошадь прекрасно вычищена, и хоть дорога изъ Лондона, по которой онъ пріѣхалъ, была въ то время чрезвычайно-грязна, однакожъ онъ нисколько не запачкался и стоялъ предъ воротами старинной гостиницы, какъ человѣкъ только-что выѣхавшій для прогулки.

— Какой странный домъ! сказалъ незнакомецъ (голосъ его былъ силенъ и звученъ). — Здѣсь хозяинъ?

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ, отвѣчалъ Джонъ Уиллитъ, выѣжавшій между-тѣмъ на улицу и съ почтеніемъ стоявшій предъ проѣзжимъ.

— Надѣюсь, что у тебя можно найти порядочное помѣщеніе для моей лошади и что вѣбудь поѣсть. Я не прихотливъ: было бы чисто. Да есть ли у тебя комната собственно для меня?.. Судя по величинѣ этого дома, въ немъ, кажется, не можетъ быть недостатка въ помѣщеніи, прибавилъ незнакомецъ, поглядывая на фасадъ трактира.

— Все это можете вы получить здѣсь, сэръ, рѣшительно все, отвѣчалъ Джонъ.

— Тѣмъ лучше, очень радъ, сказалъ незнакомецъ съ улыбкой и проворно спрыгнулъ съ лошади.

— Эй, Гогъ, сюда! заревѣлъ Джонъ. — Извините, сэръ, что заставаю васъ дожидаться; но сынъ мой отправился по дѣламъ въ Лондонъ, а безъ него я всегда въ большомъ затрудненіи... Гогъ!... Этотъ Гогъ, мой работникъ, страшный лѣвтяй, соня; онъ, я полагаю, полу-Цыганъ; лѣвтомъ только и знаетъ, что валется на солнцѣ, а зимой на печкѣ... Гогъ! Господи Боже мой! онъ, кажется, оглохъ... заставляетъ дожидаться здѣсь такого джентльмена... Гогъ! Гогъ!.. проклятый! я желалъ бы, чтобъ онъ околѣлъ...

— Не случилось ли этого съ нимъ въ-самомъ-дѣлѣ? замѣтилъ незнакомецъ. — Я полагаю, что еслибъ онъ еще здравствовалъ, вѣрно бы услышалъ вась давно.

— Если онъ разъ заснетъ, то спитъ такъ крѣпко, что не проснетъ, еслибъ ему стали даже стрѣлять изъ пушекъ въ уши, отвѣчалъ смущенный трактирщикъ.

Незнакомецъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія на эту новую методу будить людей, но стоялъ преспокойно, сложивъ за спиною руки, и смотрѣлъ на Джона, который, держа за поводъ лошадь, не зная броситъ ее или ввести въ сѣни, чтобъ имѣть возможность проводить гостя въ его комнату.

— Вотъ онъ наконецъ, проклятый! воскликнулъ Джонъ. — Развѣ ты не слыхалъ какъ я тебя кликалъ, лѣнтяй?

Тотъ, къ которому были обращены слова эти, не давъ никакого отвѣта, прыгнулъ на сѣдло, повернулъ лошадь къ конюшнѣ и исчезъ въ одну минуту.

— Онъ довольно проворенъ! замѣтилъ незнакомецъ.

— Да, проворенъ, сэръ! отвѣчалъ Джонъ, глядя на то мѣсто, гдѣ стояла лошадь и какъ-будто не понимая, что съ нею сдѣлалось и куда она дѣвалась. — Проворенъ, когда ему вздумается.

Сказавъ это, Джонъ Уиллитъ повелъ своего гостя вверху по лѣстницѣ въ лучшую, великолѣпнѣйшую комнату Майскаго-Дерева.

Комната эта, занимавшая всю середину дома, была очень обширна и имѣла на каждомъ концѣ своемъ по огромному окну, въ которомъ торчало еще нѣсколько расписанныхъ гербами стеколъ, доказывавшихъ, что бывшій владѣтель этого дома приказалъ нарисовать ихъ тамъ вѣроятно по чувству тщеславія и для того, чтобъ солнце, удара на эти гербы, напоминало ему всю древность и славу его фамиліи.

Но все это было во времена оны; теперь же, это самое солнце могло свободно проникать въ разбитыя стекла и освѣщать голыя стѣны залы во всей ихъ наготѣ. Хотя зала эта считалась лучшею въ цѣломъ домѣ, однакожъ она имѣла въ себѣ что-то печальное, грустное, напоминавшее о ея прежнемъ величіи. Будучи слишкомъ велика и слишкомъ пуста, она не представляла ничего къ спокойствію и комфорту того, кто поселился бы въ ней. Богатыя, великолѣпныя занавѣски, блескъ свѣчей, красивыя женщины, стройныя молодые кавалеры, шумъ, движеніе, веселые разговоры, музыка, танцы, шопотъ любви, — все это было когда-то здѣсь; но все это миновалось, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, и домъ, служившій жилищемъ благородному семейству, стоялъ теперь брошенный и лишенный своего прежняго блеска... Грустное чувство пробуждается въ душѣ при видѣ древняго, благороднаго зданія, превращеннаго въ грязный трактиръ!

Теперь все убранство этой залы состояло во множествѣ простыхъ

столовъ и скамеекъ, разставленныхъ въ симметрическомъ порядкѣ предъ огромнымъ каминомъ. Джонъ, положивъ дорожный чемоданъ своего гостя въ уголь и разложивъ огонь въ каминъ, удалился, чтобъ потолковать съ поваромъ, какъ бы угостить получше своего постояльца; но какъ огонь въ каминъ не хотѣлъ разгорѣться, то незнакомецъ отворилъ окно и, съвѣ къ нему, сталъ грѣться на тепломъ жартовскомъ солнцѣ.

Время-отъ-времени покидалъ онъ окно и расхаживалъ по залу всю длину ея; наконецъ, когда огонь разгорѣлся, незнакомецъ отворилъ окно, придвинулъ къ камину единственное кресло, бывшее въ залу, сѣлъ въ него и кликнулъ Джона.

— Что прикажете, сэръ? спросилъ Джонъ.

— Мнѣ нужно перо, чернилъ и бумаги.

Джонъ подалъ все требуемое и хотѣлъ удалиться, но незнакомецъ сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ подождать и, написавъ нѣсколько строкъ, сказалъ ему:

— Недалеко отсюда есть домикъ, который вы называете, кажется, Кроличьей-Заствкой.

Такъ-какъ слова эти были сказаны тономъ человека, увѣреннаго въ томъ, что онъ говоритъ, то Джонъ Уиллингъ удовольствовался утвердительнымъ знакомъ, сдѣланнымъ головою.

— Мнѣ нужно, продолжалъ незнакомецъ, складывая бумагу: — чтобъ кто-нибудь взялся отнести туда эту записку и доставить мнѣ отвѣтъ... Есть ли у тебя для этого кто-нибудь?

Джонъ подумалъ съ минуту и отвѣчалъ: — Есть!

— Я хотѣлъ бы его видѣть, сказалъ незнакомецъ.

Дѣло становилось щекотливымъ; такъ-какъ Джон не было дома, а Гогъ былъ занятъ въ конюшнѣ лошадыю приѣзжаго, то Джонъ намѣревался поручить записку Барнеби, который былъ всегда готовъ бѣжать куда бы его ни послали.

— Признаться откровенно, сэръ, отвѣчалъ Джонъ послѣ минутнаго молчанія: — человекъ, который могъ бы исполнить это скорѣе, чѣмъ кто-нибудь, дикарь... и хотя онъ очень проворенъ на ноги, но съ нимъ не легко сговорить, потому-что онъ немножко тупъ, т. е. слабоумень...

— Надѣюсь, ты говоришь не о... какъ бишь зовутъ его?.. не о Барнеби?.. спросилъ незнакомецъ.

— Именно о немъ, сэръ, отвѣчалъ Джонъ, котораго лицо въ эту минуту выразило величайшее изумленіе.

— Какимъ образомъ онъ здѣсь? спросилъ незнакомецъ спокойнымъ тономъ и съ усмѣшкою. — Я видѣлъ его нынче ночью въ Лондонѣ?

— Онъ бываетъ то здѣсь, то тамъ... отвѣчалъ Джонъ: — бѣгаетъ

туда и сюда какъ заяць... По дорогѣ знаютъ его всѣ, даже дѣти... Иногда прѣзжаетъ онъ, усѣвшись на запяткахъ кареты, иногда съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ на одной лошади... Ни дождь, ни снѣгъ, ни вѣтеръ не удерживаютъ его; все это ему ни по чѣмъ.

— И онъ часто бываетъ въ этой Кроличьей-Засѣкѣ? спросилъ равнодушно незнакомецъ.—Помнится, вчера мать его сказывала что-то подобное... Впрочемъ, я слушалъ безъ вниманія эту добрую женщину.

— Да, сэръ, онъ часто бываетъ тамъ; отецъ его былъ умерщвленъ въ этомъ домикѣ.

— Я слышалъ это, возразилъ незнакомецъ, вынувъ изъ кармана зубочистку.—Весьма непріятный случай для всего семейства!

— Весьма-непріятный!.. отвѣчалъ Джонъ, выпучивъ глаза отъ изумленія, что такое несчастье можно было называть «непріятнымъ случаемъ».

— Признаюсь, продолжалъ незнакомецъ прежнимъ, равнодушнымъ тономъ и какъ-будто говоря съ самимъ-собою: — послѣдствія подобнаго убійства должны быть чрезвычайно-непріятны для семейства... Сколько хлопотъ, сколько толковъ, какая бѣготня, какая суматоха... Все это должно быть несносно... Ты хотѣлъ еще что-то сказать, прибавилъ наконецъ незнакомецъ, обращаясь къ трактирщику.

— Ничего больше, какъ только то, что мистриссъ Роджъ живетъ небольшимъ пансіономъ, получаемымъ ею отъ родственниковъ, и что Барнеби наслаждается въ домѣ полною свободой, отвѣчалъ Джонъ.—Угодно ли вамъ, сэръ, чтобъ онъ исполнилъ ваше порученіе?

— Разумется; сдѣлай одолженіе, приведи его сюда для того, чтобъ я могъ попросить его поторопиться. Еслибъ онъ сталъ отказываться, скажи ему только, что я мастеръ Честеръ — я знаю, что онъ вспомнитъ мое имя.

Джонъ былъ такъ удивленъ, узнавъ, кто былъ его гостемъ, что удивленіе это не имѣло даже силы выразиться ни на лицѣ его, ни въ словахъ; онъ только молча поспѣшилъ выйти изъ залы, такъ что незнакомецъ не могъ замѣтить въ немъ никакой перемѣны. Говорятъ, однакоже, что Джонъ, вышедъ изъ залы, минутъ десять стоялъ молча покачивая головою; какъ бы то ни было, но вѣрно одно—что онъ возвратился въ комнату незнакомца вмѣстѣ съ Барнеби не ранѣе, какъ чрезъ четверть часа.

— Поди сюда, другъ мой! сказалъ мастеръ Честеръ.—Ты знаешь мастера Джозефа Гэрдаля?

Барнеби засмѣялся и взглянулъ на трактирщика, какъ-будто хотѣлъ сказать: «Слышишь, что онъ говорить?» Но Джонъ, приведемъ-

ный въ смущеніе такую невѣжливостью, пониохаъ табану и покачалъ головою.

— Онъ знаетъ его, сэръ; такъ же хорошо знаетъ, какъ вы и я, сказалъ Джонъ, бросивъ, между-тѣмъ, на Бэрнеби сердитый взглядъ.

— Я не ишю удовольствія пользоваться такимъ короткимъ знакомствомъ съ этимъ господиномъ, какъ ты полагаешь, возразилъ незнакомецъ: — и потому сравненіе твое, другъ мой, совершенно напрасно.

Хотя слова эти были сказаны тѣмъ же ласковымъ и спокойнымъ тономъ, какимъ отличался пріѣзжій, однакожь они совершенно сразили бѣднаго Джона, который, приписывая все глупости и невѣжливости Бэрнеби, далъ себѣ слово при первомъ удобномъ случаѣ вынести свою досаду на его вѣрныя и попотчивать его препорядочнымъ толчкомъ.

— Вотъ эту записку, сказалъ пріѣзжій, подозвавъ къ себѣ Бэрнеби:—долженъ ты вручить мастеру Гэрдалю въ собственныя его руки. Подожди отвѣта и принеси мнѣ его сюда. Если же онъ теперь занятъ чѣмъ-нибудь, скажи ему... упомянуть ли онъ то, что ему скажутъ, г. трактирщикъ?

— Если захочетъ, сэръ, отвѣчалъ Джонъ:—впрочемъ, защего порученія онъ вѣрно не забудетъ.

— Почему жь ты такъ увѣренъ въ этомъ?

Джонъ показалъ только рукою на Бэрнеби, который, устремивъ глаза на спрашивавшаго, слушалъ его съ величайшимъ вниманіемъ.

— И такъ, скажи ему, Бэрнеби, что если онъ теперь чѣмъ-нибудь занятъ, то можетъ прійти послѣ самъ сюда, и что я буду готовъ принять его во всякое время... Найдется ли для меня адѣсь какая-нибудь постель, Уиллтъ?

Джонъ хотѣлъ уже распространиться о чудесной постели, которую онъ приготовить своему гостю, но тотъ не далъ ему времени, и отдавая письмо Бэрнеби, сказалъ:

— Ну, скорѣе же.

— Скорѣе! повторилъ Бэрнеби и спряталъ письмо за пазуху.—Скорѣе! Это значитъ скорѣе и таинственнѣе... Посмотрите сюда...

Онъ взялъ, къ величайшему страху Джона, пріѣзжаго за руку и подвелъ къ окну.

— Посмотрите-ка сюда, сказалъ Бэрнеби тихо:—замѣчаете ли вы, какъ они шепчутъ другъ-другу на ухо; какъ они пляшутъ и прыгаютъ... Видите, какъ они примолкли вдругъ, полагая, что на нихъ никто не смотритъ... Но вотъ они опять зашевелились. О, я знаю ихъ! я часто подсматривалъ за ними, лежа въ травѣ... Что такое они тамъ дѣлаютъ?.. не знаете ли вы?..

— Да это бѣлье, которое виситъ тамъ для сушки, отвѣчалъ привѣжій:— оно качается отъ вѣтра..

— Бѣлье! повторилъ Барнеби, взглянувъ ему прямо въ лицо и вдругъ отскочивъ назадъ: — Ха, ха, ха! Право, лучше быть дуракомъ, чѣмъ такимъ мудрецомъ, какъ вы... Вы не видите тамъ цѣлой толпы тѣней, похожихъ на тѣ, что являются во снѣ... Вы не слышите голосовъ ихъ... О, какъ вы жалки!.. Я гораздо-счастливѣе васъ, я вижу и слышу все и не помѣняюсь своею глупостью на вашу умъ... Вы живете во мракѣ—я въ блескѣ свѣта!.. Какъ вы жалки!

Сказавъ это, онъ надвѣлъ шляпу и выбѣжалъ вонъ.

— Странное существо, клянусь честью! сказалъ привѣжій и, вынувъ изъ кармана красивую табакерку, понюхалъ изъ нея табакъ.

— Въ немъ нѣтъ никакого воображенія, замѣтилъ съ важностью Джонъ:—рѣшительно никакого.

Мастеръ Честеръ внутренно усмѣхнулся, но не обнаружилъ этого, и придвинувъ опять кресло къ камину, сдѣлавъ Джону знакъ, что хочетъ остаться одинъ.

Старый Джонъ отправился въ кухню и, поджидая изготовленія завтрака, погружился въ глубокую думу. Онъ не могъ понять, какимъ образомъ мастеръ Честеръ, который, какъ всѣмъ въ околodкѣ известно, былъ въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ мастеромъ Гэрдалемъ, могъ пріѣхать въ Майское-Дерево за тѣмъ только, чтобъ повидаться съ нимъ и послать къ нему нарочнаго. Въ такомъ недоумѣніи, Джону оставалось только посматривать почаще на часы и съ нетерпѣніемъ ожидать возвращенія Барнеби.

Но Барнеби не возвращался. Гостю былъ уже поданъ завтракъ, потомъ обѣдъ; въ каминѣ нѣсколько разъ подкладывались новые уголья; на дворъ начинало уже смеркаться, наконецъ совершенно стемнѣло, а Барнеби все еще не возвращался. Это чрезвычайно удивило и безпокоило Джона, а гость его преспокойно сидѣлъ въ своихъ креслахъ и не показывалъ ни малѣйшихъ признаковъ нетерпѣнія.

— Какъ долго не возвращается Барнеби! рѣшился сказать Джонъ, поставивъ на столъ два подсвѣчника съ зажженными свѣчами.

— Да, отвѣчалъ мастеръ Честеръ, осушивъ стаканъ вина: — но теперь онъ вѣрно скоро будетъ назадъ.

Джонъ кашлянулъ и поправилъ въ каминѣ огонь.

— Судя по тому, что случилось съ моимъ сыномъ, дорѣги здѣсь не совсѣмъ безопасны, сказалъ мастеръ Честеръ:—а такъ, какъ мнѣ вовсе нѣтъ охоты наткнуться на какого-нибудь мошенника, то я рѣшился переночевать здѣсь... Ты, кажется, сказалъ мнѣ, что у тебя есть постель?

— Да еще какая постель, сэръ!.. воскликнулъ Джонъ: — мягкая,

широкая... Вашъ благородный сынъ былъ послѣднимъ гостемъ, спавшимъ на ней; мѣсяцевъ шесть тому назадъ...

— Прекрасно; прикажи только хорошенько выколотить перину и прибавить поскорѣе угольевъ въ каминъ... Домъ этотъ холодноватъ немного.

Джонъ хотѣлъ идти; но вдругъ на лѣстницѣ послышались шаги Барнеби, запыхавшись, вбѣжалъ въ комнату.

— Черезъ часъ явится онъ сюда, воскликнулъ Барнеби:—его пѣлый день не было дома; онъ только сію минуту пріѣхалъ; однакожь, не смотря на свою усталость, онъ поѣвши и попивши прійдетъ къ своему любезному другу.

— Онъ сказалъ тебѣ это? спросилъ пріѣзжій, взглянувъ быстро на Барнеби, но не измѣнивъ нисколько своему хладнокровію.

— Все, кромѣ послѣднихъ словъ, возразилъ Барнеби.—Но онъ подумалъ это; я замѣтилъ по его лицу.

— Вотъ тебѣ за труды, сказалъ мастеръ Честеръ, и сунулъ ему въ руку деньги, взглянувъ прямо въ глаза.

— Мнѣ, Грейфу и Гогу... мы раздѣлимъ это по-равну, сказалъ Барнеби, начиная разсчитывать по пальцамъ: «Грейфъ одинъ, я другою, Гогъ третій, потомъ еще собака, кошка, коза... всѣмъ будетъ довольно... всѣмъ... Пойдите, умные люди! видите ли вы тамъ что-нибудь?»

Онъ опустился на одно колено передъ каминомъ и съ неподвижными взорами сталъ смотрѣть на дымъ, который густою, черною полосою улеталъ въ трубу. Джонъ, принявшій на свой счетъ эпитетъ «умные люди», сталъ также смотрѣть на дымъ.

— Куда это они такъ спѣшатъ? спросилъ Барнеби:—зачѣмъ пергоняютъ другъ друга?.. Экіе проворные! Какая веселая пляска!.. Какъ бы хотѣлъ я попрыгать также вмѣстѣ съ Грейфомъ!

— Что у тебя тамъ въ корзинѣ? спросилъ мастеръ Честеръ, между-тѣмъ, какъ Барнеби все еще смотрѣлъ въ трубу.

— Что въ корзинѣ? воскликнулъ Барнеби, вскочивъ быстро, и прежде, чѣмъ Джонъ успѣлъ отвѣчать.—Что тамъ, хотите вы знать, прибавилъ онъ, трясая корзиною:—что тамъ? Скажи ему!

— Дьяволъ, дьяволъ, дьяволъ! закричалъ какой-то рѣзкій голосъ.

— Вотъ деньги, Грейфъ, деньги тебѣ и мнѣ, сказалъ съ радостью Барнеби.

— Ура! ура! ура! закричалъ вѣронъ.

Джонъ, боясь, чтобъ Барнеби и его чорный товарищъ не надоели наконецъ гостю, взялъ безумца за руку и насильно утащилъ въ залы.

ГЛАВА XL

Въ этотъ вечеръ Джону было много хлопотъ: каждому постоянно-му почитателю Майскаго-Дерева долженъ онъ былъ толковать, что зала, въ которой обыкновенно всѣ собирались, была занята мѣстеромъ Честеромъ, ожидающимъ прибытія мастера Джоэфруа Гэрдаля, къ которому онъ посылалъ съ Бэрнеби записку, вѣроятно, самаго грознаго содержанія.

Новость эта чрезвычайно заинтересовала всѣхъ скромныхъ курильщиковъ, которые, привыкнувъ къ однообразной жизни своей, были очень рады какому-нибудь случаю, дававшему пищу ихъ разговорамъ. Всѣ они видѣли въ томъ, что рассказалъ имъ Джонъ, какую-то тайну, и пустились толковать объ этомъ каждый по-своему, не забывая притомъ ни трубокъ своихъ, ни пива, которое пили очень усердно.

Во всей этой толпѣ только двое не курили, не пили и не разговаривали. Эти двое были—Бэрнеби и Гогъ; первый пріютился къ углу камина и спалъ, или притворялся спящимъ, чтобъ избѣжать вопросовъ, а второй дѣйствительно храпѣлъ во всю мочь, растянувшись передъ очагомъ, на которомъ пылалъ торфъ.

Свѣтъ, падавшій на него отъ огня, выказывалъ во всей красотѣ стройность его формъ. Гогъ былъ прекрасный, здоровый малый; всѣ мускулы его обнаруживали необыкновенную силу, а смуглое лицо и черные длинные волосы могли бы служить моделью любому живописцу. Небрежность его одежды, нечесаная голова, въ которой торчали солома и сѣно, выразительныя, рѣзкія черты лица,—все это обратило на себя вниманіе даже всѣдневныхъ почитателей Майскаго-Дерева; знавшихъ его хорошо, и многіе изъ нихъ, даже самъ Паркесъ, посматривая на Гога, спавшаго крѣпкимъ сномъ, говорили, что онъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь былъ похожъ на разбойника.

—Онъ, вѣрно, дожидаетъ здѣсь мастера Гэрдаля, или, лучше сказать, его лошади, чтобъ поставить ее въ конюшню, замѣтилъ Соломонъ.

— Да, отвѣчалъ Джонъ, закуривъ свою трубку: — онъ всегда возится съ скотами, и потому самъ похожъ на скота.

— Прекрасно сказано! воскликнулъ Паркесъ.

— Вотъ-что значить не получить никакого воспитанія, продолжалъ Джонъ съ важностью. — Онъ остался ребенкомъ послѣ матери своей, которую повѣсили за дѣланье фальшивыхъ денегъ, — и что жъ изъ него вышло?..

— Довольно объ этомъ, Джонъ, сказалъ Соломонъ, начинавшій досадовать, что такой олухъ могъ отвлечь разговоръ ихъ отъ прежняго предмета. — Вы говорили, что мастеръ Честеръ, пріѣхавъ сюда утромъ, занялъ большую залу?

— Да, онъ объявилъ, что ему нужна особая комната.

— Ну, такъ я вамъ скажу, господа, продолжалъ Соломонъ: — что все это значить; онъ и мастеръ Гэрдалъ будутъ тамъ стрѣляться.

При этомъ ужасномъ предположеніи, всѣ взглянули на Джона, а Джонъ, устремивъ глаза на очагъ, думалъ самъ въ себя, какое мнѣніе будетъ имѣть это на его трактиръ.

— Не знаю, сказалъ онъ наконецъ; — могу только объявить вамъ, джентльмены, что когда я вошелъ въ послѣдній разъ въ залу, то видѣлъ, что мастеръ Честеръ поставилъ оба подсвѣчника на каминъ.

— Это такъ ясно, возразилъ Соломонъ; — какъ то, что у мастера Паркеса носъ посреди лица... (Мастеръ Паркесъ, у котораго носъ былъ чрезвычайно великъ, схватился за него невольно, какъ-будто сказанное Соломономъ было личною для него обидой).

— Я говорю вамъ, продолжалъ Соломонъ: — что они будутъ стрѣляться; между джентльменами это часто случается: они приѣзжаютъ въ трактиры, чтобъ выходить на дуэль безъ секундантовъ... Я читалъ объ этомъ не разъ въ газетахъ... Повѣрьте, одинъ изъ нихъ будетъ раненъ, а можетъ-быть даже и убитъ.

— Такъ не-уже-ли Бэрнеби носилъ къ мастеру Гэрдалю вызовъ? спросилъ Джонъ.

— Я въ этомъ увѣренъ, продолжалъ Соломонъ: — они будутъ драться, и если мастеръ Гэрдалъ падетъ, то на полу залы останется такое кровавое пятно, которое никогда не сойдетъ; если же мастеръ Честеръ будетъ раненъ, то пятно будетъ, вѣроятно, еще больше.

— Не-уже-ли? воскликнули всѣ съ ужасомъ.

— Да; я говорю вамъ, что пятно это никогда не сойдетъ; вы знаете всѣ, что такой случай былъ уже въ одномъ домикѣ, который всѣмъ намъ извѣстенъ...

— Въ Кроличьей-Засѣлкѣ, воскликнулъ Джонъ. — Да, такъ точно!

— То-же же... Пятно это смывали, строгаи доску, а кровь все оставалась; сдѣлали новый полъ — все напрасно: пятно явилось опять на томъ же мѣстѣ, и знаете ли что, — подвиньтесь-ка поближе, — я слышалъ и знаю навѣрное, что мастеръ Джоффуа сдѣлалъ изъ этой комнаты свой кабинетъ, и когда сидитъ въ немъ, то закрываетъ всегда ногою кровавое пятно, будучи увѣренъ, что оно тогда только пропадетъ, когда убійца будетъ отысканъ.

При этихъ послѣднихъ словахъ, на улицѣ послышался лошадиный топотъ.

— Вотъ онъ! приѣхалъ! воскликнулъ Джонъ. — Гогъ! Гогъ!

Гогъ вскочилъ и выбѣжалъ вонъ. Джонъ бросился также на встрѣчу мастеру Джоффуа и съ величайшими знаками почтенія ввелъ его въ комнату. Мастеръ Гэрдалъ, котораго Джонъ былъ арендаторомъ, взглянулъ на толпу и, приподнявъ немного шляпу, сказалъ:

— У тебя, Джонъ, есть здѣсь приважій, который присылалъ за мной: гдѣ онъ?

— Въ большой залъ въ первомъ этажѣ, сэръ, отвѣчалъ Джонъ, низко кланяясь.

— Покажи мнѣ дорогу. Лѣстница твоя такъ темна...

Джонъ пошелъ впередъ со свѣчкой; когда они взошли на лѣстницу и когда трактирщикъ хотѣлъ отворить дверь въ залу, мастеръ Джоффуа остановилъ его:

— Не нужно докладывать, я самъ это сдѣлаю, скавалъ онъ:—пожешь идти.

Съ этимъ словомъ вошелъ онъ въ залу и поспѣшно затворилъ за собою дверь. Джонъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія оставаться тамъ одинъ и подслушивать, тѣмъ болѣе, что стѣны были очень толсты. Онъ поспѣшно сбѣжалъ съ лѣстницы, перепрыгивая черезъ нѣсколько ступеней, и присоединился къ своимъ пріятелямъ, ожидавшимъ его въ кухнѣ.

ГЛАВА XII.

Мастеръ Гэрдалъ, захлопнувъ за собою дверь и замкнувъ ключомъ, пошелъ прямо къ камину и остановился предъ сидѣвшимъ въ креслахъ мастеромъ Честеромъ.

Если внутреннія чувства этихъ людей были такъ же несходны между собою, какъ несходна была ихъ наружность, то свиданіе это, казалось, не могло кончиться мирно и спокойно. Лѣтами они были почти-одинаковы, но за то во всѣхъ отношеніяхъ не имѣли рѣшительно ничего общаго, и врядъ ли бы можно было встрѣтить другихъ двухъ человекъ, которые бы такъ мало походили другъ на друга. Одинъ отличался свѣтскою вѣжливостью и изысканностію въ манерахъ и одеждѣ, — другой грубою простотою и небрежностію въ обращеніи; одинъ вѣчно улыбался, другой былъ мраченъ и угрюмъ. Гэрдалъ, казалось, твердо рѣшился не скрывать чувствъ своихъ и высказать всю неприязнь свою человеку, къ которому пришолъ; Честеръ, напротивъ, казалось, хотѣлъ дѣйствовать совсѣмъ иначе, и угадывая всю выгоду, которая могла произойти отъ-того собственно для него, втайнѣ радовался этому.

— Мастеръ Гэрдалъ, сказалъ онъ, не обнаруживъ ни малѣйшей неприязни и не замѣнивъ нисколько своего спокойно-улыбающагося лица:— мнѣ чрезвычайно-пріятно васъ видѣть.

— Оставимъ пустыя учтивости; онъ между нами совершенно неумѣстны, возразилъ Гэрдалъ: — выскажемъ другъ другу прямо и безъ всякихъ обиняковъ то, что намъ надобно высказать. Вы желали видѣться со мною: я здѣсь... Затѣмъ, для чего мы свидѣлись?

— Все тотъ же крутой и неуклончивый нравъ, какъ и прежде!

— Хорошо ли, дуренъ ли я, сэръ, отвѣчалъ Гэрдалъ, прислонясь спиною къ камину и бросивъ на сидѣвшаго въ креслахъ гордый взглядъ: — но я таковъ, какимъ быть хочу; я не перемѣнился нисколько ни въ своей любви, ни въ своемъ отвращеніи; память моя осталась при мнѣ. Вы требовали свиданія, повторю вамъ, я здѣсь.

— Наше свиданіе, сэръ, сказалъ мастеръ Честеръ, ударивъ пальцами по табакеркѣ и замѣтивъ съ усмѣшкой, что мастеръ Гэрдалъ, можетъ-быть безсознательно, схватился за шпагу: — наше свиданіе, вѣроятно, будетъ имѣть самыя мирныя послѣдствія.

— Я пришелъ сюда, отвѣчалъ Гэрдалъ: — по вашему требованію, считая себя обязаннымъ увидѣться съ вами всегда и вездѣ, гдѣ вамъ это будетъ угодно; но пришелъ не за тѣмъ, чтобъ разсыпаться въ пустыхъ фразахъ; въ этомъ отношеніи вы, какъ человекъ свѣтскій, будете имѣть передо мною всегда большое преимущество. Увѣряю васъ, что мастеръ Честеръ въ цѣломъ мірѣ былъ бы послѣднимъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ я рѣшился бы затвѣть борьбу на комплиментахъ и притворствѣ. Признаю себя гораздо-слабѣе его въ искусствѣ владѣть такимъ оружіемъ и думаю, что въ этомъ отношеніи онъ не найдетъ достойныхъ себѣ соперниковъ.

— Вы дѣлаете мнѣ слишкомъ-много чести, сэръ, возразилъ Честеръ съ величайшимъ спокойствіемъ; — благодарю васъ и буду съ вами чистосердеченъ.

— Извините, я не понялъ васъ: чѣмъ хотите вы быть?

— Чистосердечнымъ, откровеннымъ...

— Право? воскликнулъ мастеръ Гэрдалъ съ язвительной усмѣшкой. — Впрочемъ, я не хочу прерывать васъ...

— Я такъ твердо рѣшился на это, продолжалъ мастеръ Честеръ, взявъ стаканъ и выпивъ немного вина: — что вмѣнилъ себѣ въ обязанность не спорить съ вами и не оскорбляться ни чѣмъ, что бы вы могли сказать въ жару разговора.

— Въ этомъ случаѣ, вы опять будете имѣть большое предо мною преимущество; ваше умѣнье владѣть собою...

— Непоколбимо, когда оно можетъ послужить мнѣ къ достиженію моей цѣли, хотѣли вы сказать... Соглашаюсь, пусть будетъ по вашему; теперь я именно въ такомъ положеніи, и думаю, что цѣль наша одинакова; будемъ же стремиться къ ней, какъ люди разсудительные, которые давно уже перестали быть ребятами... Пьете ли вы вино?

— Съ друзьями... отвѣчалъ Гэрдалъ.

— Сядьте по-крайней-мѣрѣ, сказалъ Честеръ.

— Я хочу стоять, возразилъ Гърдаль съ нетерпѣніемъ: — продолжайте...

— Какъ вамъ угодно! отвѣчалъ мѣстеръ Честеръ, перекинувъ одну ногу на другую и взявъ стаканъ съ виномъ, которое онъ разсѣянно началъ разсматривать: — но позвольте вамъ замѣтить, что вы не совсѣмъ-правильно смотрите на вещи; конечно, мы съ вами не те, что свѣтъ называетъ друзьями, однакожь въ этомъ самомъ свѣтъ изъ десяти человекъ, которые величаютъ себя этими именами, девять вѣрно похожи на насъ. У васъ есть племянница, у меня сынъ—славный, но странный малый. Эти молодые люди вздумали влюбиться другъ въ друга, и свѣтъ толкуетъ, что между ними существуетъ то, что онъ называетъ связью... хоть этого еще и вовсе нѣтъ... Но это можетъ случиться, и не-уже-ли потому-что этотъ самый свѣтъ называетъ насъ врагами, должны мы оставаться въ отдаленіи и смотреть спокойно, какъ они бросятся другъ другу въ объятія, тогда-какъ, сблизясь и дѣйствуя согласно, мы можемъ поправить зло и разлучить ихъ.

— Я люблю племянницу, сказалъ Гърдаль послѣ минутнаго молчанія: — это должно казаться вамъ несовсѣмъ-понятнымъ, однакожь я люблю ее.

— Непонятнымъ? воскликнулъ Честеръ, наливая стаканъ и вынувъ изъ кармана зубочистку. — Нисколько; я также расположенъ не дурно къ моему Нэду, или, какъ вы говорите—люблю его... Онъ славный малый и къ тому же красавецъ—право! Но дѣло въ томъ, — я уже сказалъ, что буду съ вами чистосердеченъ,—дѣло въ томъ, что, отложивъ въ сторону взаимное наше нежеланіе породниться и различіе нашихъ вѣроисповѣданій,—а это не бездѣлица,—я не могу согласиться на этотъ бракъ... Не могу, понимаете ли вы? и онъ не состоится.

— Нельзя ли вамъ оставить подобныя выраженія и укротить свой языкъ! воскликнулъ съ запальчивостью мѣстеръ Гърдаль. — Я уже сказалъ вамъ, что люблю племянницу, и не-уже-ли вы думаете, позволю ей отдать свое сердце человѣку, въ жилахъ котораго течетъ ваша кровь?

— Вотъ видите! возразилъ мѣстеръ Честеръ, не обнаруживъ ни малѣйшаго гнѣва на подобную выходку:—какъ выгодно и какъ хорошо говорить съ такою откровенностію. Клянусь честью, я думалъ именно то, что вы сказали... Я очень люблю своего Нэда, я безъ ума отъ него, и скажу прямо, что глупая страсть его могла бъ уже помѣшать намъ сойтись дружелюбно, еслибъ это намъ когда-нибудь вздумалось. Не хотите ли выпить стаканъ вина?

— Выслушайте меня, воскликнулъ Гърдаль, подступивъ ближе и ударивъ по столу рукою. —Если кто-нибудь могъ подумать, или ска-

заять, что мнѣ когда-нибудь приходила въ голову мысль позволить Эмиль Гэрдалю отвѣчать любви человека, который хоть нѣсколько съродни вамъ, тотъ солгалъ самымъ безстыднымъ образомъ!

— Гэрдалю! возразилъ Честеръ, поправляя огонь въ каминѣ:—право, вы дѣйствуете чрезвычайно-благородно, высказывая мнѣ такъ откровенно свои мысли. Увѣряю васъ, я думаю точно также, но къ сожалѣнію не умѣю выражать этого съ такою силою, какъ вы. Въдѣ вамъ известна моя застенчивость, и вы вѣроятно извиняете меня...

— Я желалъ бы лишити Эмму возможности не только видѣть вашего сына, но даже думать о немъ, хотя бѣ это стоило ей жизни... сказала мастерь Гэрдалю, который, между-тѣмъ, сталъ ходить по комнатамъ: — но я желалъ бы, чтобъ это сдѣлалось само-собою, безъ насильственныхъ мѣръ.

— Вы не можете себя представить, какъ я радуюсь, видя, что вы раздвѣяете мое мнѣніе, продолжалъ мастерь Честеръ съ величайшею ласковостію. — Вы видите, какъ мы хорошо сдѣлали, что объяснились лично; теперь мы понимаемъ другъ друга и знаемъ чего должны держаться. Зачѣмъ не пьете вы вина вашего арендатора? — Оно недурно.

— Прошу васъ, возразилъ Гэрдалю:—скажите, кто помогалъ Эмилю и сыну вашему въ ихъ сношеніяхъ?.. знаете ли вы это?

— Вся добрые люди здѣшняго околodka — отвѣчалъ Честеръ съ своею вѣчною улыбкой... а болѣе всѣхъ тотъ посланецъ, который доставилъ вамъ мою записку.

— Бэрнеби! этотъ сумашедшій?..

— Васъ удивляетъ это? и меня также... Я вывѣдалъ это у его матери — очень почтенной женщины, отъ которой узналъ, какъ было дѣло. Немедленно рѣшился я прѣвхатъ сюда, чтобъ повидаться съ вами... Вы пополняли, сэръ, и, кажется, вполне наслаждаетесь здоровьемъ.

— Кажется, мы кончили все? сказалъ Гэрдалю съ нетерпѣніемъ, котораго не старался даже скрыть: — положитесь на меня, мастерь Честеръ; племянница моя отнынѣ совершенно перемѣнится... Я обращаюсь къ ея сердцу, постараюсь пробудить въ ней гордость и припомнить ей ея обязанности.

— То же самое сдѣлаю я съ моимъ Недомъ, возразилъ мастерь Честеръ, поправивъ носкомъ своего сапога уголь въ каминѣ. — Если въ мирѣ есть что-нибудь положительнаго, такъ это конечно отношенія отца къ сыну; я представляю ему, что низкая страсть эта не приведетъ его ни къ какому результату; что я всегда рассчитывалъ для него на богатую партію, которая могла бы успокоить мою старость и удовлетворить мои справедливыя требованія, состоящія въ томъ только, чтобъ всѣ долги мои были заплачены изъ кошелька будущей

жены его; словомъ, что обязанности сына и чувства благодарности къ мамѣ благодарныямъ непремѣнно требуютъ, чтобъ онъ околовалъ какую-нибудь богатую наследницу, увезъ ее...

— И растерзала бы ей сердце, бросивъ ее какъ-можно-скорѣе? заметилъ мастеръ Гэрдалъ, надвывая перчатки.

— Это не мое дѣло, отвѣчалъ мастеръ Честеръ, прихлебывая вино:—это совершенно отъ него зависитъ; ни за что въ свѣтъ не захотѣлъ бы я вмѣшаться въ семейныя отношенія моего сына, особенно въ некоторыя обстоятельства... Не-уже-ли вы не дадите уговорить себя и не выпьете стаканчика... Нѣтъ?... Ну, какъ вамъ угодно, прибавилъ онъ, наливая себѣ еще вина.

— Честеръ! сказалъ мастеръ Гэрдалъ послѣ минутнаго молчанія и взглянувъ на его улыбающееся лицо. — Честеръ! тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ обманъ и хитрости, голова и сердце ваше истинно-дьявольскія...

— За ваше здоровье! воскликнулъ Честеръ, кивнувъ головою... — Извините меня, я перервалъ васъ...

— Но если мы встрѣтимъ затрудненія, стараясь различить этихъ молодыхъ людей? сказалъ Гэрдалъ:—если вы, напримѣръ, съ своей стороны будете въ такомъ положеніи, къ какому средству прибѣгнете вы тогда, мастеръ?

— Къ самому легкому и простому, любезнѣйшій мастеръ, отвѣчалъ Честеръ, развалился въ креслахъ.—Я прибѣгну къ тѣмъ качествамъ, которыя вы такъ благосклонно мнѣ приписываете, хотя, сказать по чести, заслуживаю только въ полюину ваше доброе обо мнѣ мнѣніе... употреблю два весьма обыкновенныя домашнія средства — хитрость и коварство; постараюсь возбудить и съ той и съ другой стороны ревность...

— И такъ, стремясь къ нашей цѣли, мы употребимъ въ дѣло предательство, ложь, обманъ?

— Избави насъ Богъ отъ этого!.. воскликнулъ Честеръ, понюхавъ табуку. — Нѣтъ, предательство, ложь, обманъ тутъ не нужны... нужны только тонкость и дипломатика... словомъ, надобно уметь немного интриговать, и больше ничего.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ все это устроилось какъ-нибудь полегче, сказалъ Гэрдалъ, прохаживаясь по комнатѣ въ сильномъ волненіи:—впрочемъ, если дѣло зашло ужь такъ далеко, что мы должны дѣйствовать, то постараюсь помогать вамъ; это единственный случай, въ которомъ мы можемъ быть согласны... надѣюсь, однакоже, что мы видимся теперь въ послѣдній разъ, и намъ не встрѣтится уже надобности, опять говорить другъ съ другомъ.

— Вы хотите идти? сказалъ мастеръ Честеръ, приподнявшись съ кресла.—Позвольте проводить васъ и посвятить на лѣстницѣ.

— Благодарю, не беспокойтесь; я найду дорогу и одинъ, отвѣчалъ Гэрдалъ и, надѣвъ шляпу, пошелъ къ двери, которую сильно захлопнулъ за собою.

— Какая грубая скотина! проворчалъ Честеръ, опустясь опять въ кресла.

Джонъ Уиллитъ и пріатели его, прислушивавшіеся къ малѣйшему шуму, въ ожиданіи шпажнаго звука или пистолетнаго выстрѣла, и готовые броситься въ залу по первому крику, были чрезвычайно удивлены, увидѣвъ мастера Гэрдала, который живъ и здоровъ сошелъ съ лѣстницы, спросилъ очень-спокойно свою лошадь, сѣлъ на нее съ задумчивымъ видомъ и поѣхалъ прямо домой. Послѣ довольно-продолжительнаго пренія, всѣ эти добрые люди рѣшили, что Гэрдалъ вѣрно убилъ на-повалъ своего противника и оставилъ его въ залѣ плавающего въ крови. Они готовились уже отправиться въ залу церемоніальнымъ порядкомъ, заранѣе устроеннымъ, какъ громкій звукъ колокольчика, раздавагося изъ верхней комнаты, повергъ всѣхъ въ величайшее недоумѣніе; наконецъ, Джонъ Уиллитъ, оправившись отъ этой неожиданности, рѣшился идти самъ; но изъ предосторожности на всякій случай взялъ съ собою двухъ проводниковъ: Гога и Бэрнеби.

Подъ защитой такого сильнаго прикрытія, Джонъ, отворивъ дверь съ трепетомъ переступилъ порогъ и увидѣлъ мастера Честера, сидящаго по-прежнему въ креслахъ.

— Ну, Джонъ, сказалъ Честеръ:—готова ли та комната, которую ты назначалъ мнѣ спальнею? Меня что-то клонитъ ко сну и я хотѣю посмотреть точно ли постель твоя такъ хороша, какъ ты говорилъ...

— О! что до этого, сэръ, вы будете совершенно довольны! воскликнулъ Джонъ, посматривая съ недоувѣрчивостью на своего гостя и надѣясь отыскать на немъ гдѣ-нибудь рану...

— Проводи же меня.

— Милости просимъ, сэръ...

Мастеръ Честеръ всталъ и въ сопровожденіи Джона, Гога и Бэрнеби отправился въ спальню, которая была такъ же пуста и холодна, какъ зала, и въ одномъ углу которой стояла старинная огромная кровать съ грязнымъ пуховикомъ. Честеръ, посмотрѣвъ на нее, улыбнулся и сѣлъ въ кресла. Джонъ, увѣренный, что гость его раненъ, подумалъ, что ему сдѣлалось дурно, и хотѣлъ уже звать на помощь, но Честеръ преспокойно сказалъ ему:

— Добрая ночь, Джонъ; я здѣсь усну прекрасно. Прощай, Бэрнеби; прощай, Гогъ!

Съ этимъ словомъ онъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ его оставили одного и скоро въ верхнемъ этажѣ Майскаго-Дерева воцарилось мертвое молчаніе.

ГЛАВА XIII.

Еслибъ Джозефъ Уиллтъ, или просто, Джой (тотъ самый, на главу котораго мастеръ Тэптертейтъ призывалъ ищеніе всего братства подмастерьевъ) былъ дома, когда въжливый гость его отца остано­вился у воротъ Майскаго-Дерева, ему, конечно, удалось бы какимъ-нибудь образомъ проникнуть въ тайныя его намѣренія. Онъ тотчасъ предупредилъ бы любовниковъ объ угрожающей имъ бѣдѣ и далъ бы чрезъ то средство принять нужныя мѣры, которыми и самъ пособилъ бы имъ, потому-что всѣ желанія Джоя клонились къ тому, чтобъ сдѣлать этихъ молодыхъ людей счастливыми. Но Джоя не было; онъ не могъ знать происшедшаго и былъ принужденъ сѣздить для расчетовъ съ продавцемъ и дистилаторомъ винъ, которому въ концѣ каждаго мѣсяца отвозилъ деньги за всѣ забранныя отцомъ его вина и другіе припасы.

Путешествіе это совершалъ Джой всегда на старой, сѣрой кобы­лѣ, въ которой Джонъ Уиллтъ подозрѣвалъ отличныя качества, бывъ увѣренъ, что она могла бы выиграть первый призъ на скачкѣ, еслибъ только ему вздумалось пустить ее на скачку. Правду сказать, она никогда еще не дѣйствовала на этомъ блистательномъ попри­щѣ и вѣроятно, ей было суждено никогда не бывать на немъ, пото­му-что надъ нею тяготѣло уже добрыхъ четырнадцать или пятнад­цать лѣтъ; но это не мѣшало Джону оставаться при своемъ убѣжде­ніи и каждый разъ, когда Гогъ выводилъ ее изъ конюшни, старый трактарщикъ съ гордостью и любовью посматривалъ на нее.

— Вотъ лошадь! говорилъ онъ:—что за стать, что за ростъ, что за кости!..

Костей было въ ней, дѣйствительно, довольно и въ этомъ, казалось, соглашался даже и Гогъ, который, выведя ее изъ конюшни, подвелъ къ крыльцу въ ожиданіи Джоя.

—Смотри, Джой, береги лошадь; не скачи скоро, сказалъ Джонъ, обращаясь къ своему сыну.

— Это было бы очень трудно, отвѣчалъ Джой, бросивъ презри­тельный взглядъ на клячу.

— Безъ замѣчаній! воскликнулъ Джонъ: — я знаю, для тебя и зебръ былъ бы недовольно проворенъ; ты, пожалуй, радъ бы освѣ­лать дикаго льва... Но, повторяю, прошу беречь мою лошадь и не замучить ее...

— Будьте спокойны, батюшка. Я не замучу ее...

— Молчать! воскликнулъ Джонъ, употребившій это выраженіе весьма-часто въ разговорахъ, которые ему удавалось имѣть съ своимъ сыномъ: — молчать!.. Что это за нарядъ у тебя? къ-чему ты такъ расфрантился?

— Что же находите вы дурного въ этомъ небольшомъ букетъ цвѣтовъ? спросилъ закрасившійся Джой.

— Да къ-чему онъ? Ты очень ошибаешься, думая, что погребщикъ прійметъ тебя ласковѣе съ такимъ букетомъ...

— Я совсѣмъ этого не думаю; красноносый погребщикъ и не увидитъ этого букета; онъ назначенъ не ему... Но что толковать объ этомъ! Отдайте мнѣ деньги, батюшка, и пустите съ Богомъ.

— Вотъ деньги; но смотри же, дай лошади хорошенько отдохнуть, да не останавливайся слишкомъ-долго у Золотога-Льва; а не то, тамъ, пожалуй, Богъ-знаетъ что на меня запишутъ...

— Зачѣмъ же не дадите вы мнѣ самому денегъ на расходы, а заставляете брать все въ долгъ, даже объѣдъ у Золотога-Льва, за который расплачиваетесь сами?..

— Дай ему денегъ! прошу покорно! воскликнулъ Джонъ:— да что же называешь ты деньгами? одинъ гинеи, что ли? Развѣ шиллингъ и шесть пенсовъ, которые я далъ тебѣ, не деньги? а?..

— Шиллингъ и шесть пенсовъ! повторилъ презрительно молодой человекъ.

— Да, шиллингъ и шесть пенсовъ, — шутка это! Въ твои лѣта я не только не имѣлъ въ рукахъ своихъ денегъ, но даже и не выдывалъ такого количества ихъ. Шиллингъ можешь ты употребить на новую подкову, въ случаѣ, если лошадь потеряетъ свою; ну, а шесть пенсовъ остаются тебѣ для расходовъ въ Лондонъ... Развѣ этого мало?..

Джой не считая нужнымъ отвѣчать, сдѣлалъ знакъ Гогу, вскочилъ на сѣдло — и былъ таковъ. Джонъ, стоявшій на порогѣ двери, разинулъ ротъ и смотрѣлъ на удалявшагося сына, или, лучше сказать, на свою сѣрую кобылу, до-тѣхъ-поръ, пока она пропала у него изъ виду; тогда вошелъ онъ обратно въ домъ и легъ отдохнуть часика на два...

Несчастная сѣрая кобыла бѣжала тихою рысцою по большой дорогѣ до-тѣхъ-поръ, пока Майское-Дерево не скрылось за строеніями; тогда, зная привычку своего всадника, она сама-собою пустилась въ галопъ, поворотила въ сторону и, сдѣлавъ довольно-большой кругъ черезъ поле, остановилась наконецъ у одного стариннаго зданія, которое въ первой главѣ этой исторіи мы назвали уже Кроличьей-Засѣкой. Джой соскочилъ проворно на землю и привязалъ лошадь къ дереву.

— Стой здѣсь, старая кляча! сказалъ онъ:— дай посмотреть, итъ ли мнѣ сегодня какого порученія.

Сказавъ это, онъ бросилъ лошади немного скошенной травы и, отворивъ калитку, пустился пѣшкомъ къ Кроличьей-Засѣкѣ.

Тропинка, по которой онъ шолъ, привела его скоро къ самому до-

му. Мертвая тишина царствовала въ его обширныхъ, пустыхъ комнатахъ и въ полуразвалившихся башенкахъ. Садъ, окружавшій террасу, былъ мраченъ и печаленъ; высокая желѣзная рѣшетка, заржавѣвшая отъ времени, наклонилась на бокъ и, казалось, была совсѣмъ готова упасть. По стѣнамъ строенія, во многихъ мѣстахъ, вился дикій плющъ, перемѣшанный съ мохомъ. Даже обитаемая часть дома, бывшая въ лучшемъ состоянн, имѣла въ себѣ что-то мрачное и унылое. При взглядѣ на это зданіе, трудно было представить себѣ, чтобъ въ немъ могла обитать радость, чтобъ стѣны эти могли вмѣщать въ себѣ что-нибудь другое, кромѣ грусти и молчанія.

Такое мрачное состояніе дома могло быть, конечно, во многомъ приписано смерти прежняго его владѣльца и характеру нынѣшнихъ его обитателей; однакожь, если припомнить исторію, соединенную съ этимъ зданіемъ, то все, повидимому, будетъ доказывать, что оно съ незапамятныхъ временъ было назначено къ чему-нибудь ужасному. При воспоминанія о печальномъ происшествіи, случившемся въ немъ, небольшой прудъ, въ которомъ было найдено тѣло управителя, принималъ какой-то особенно-черный видъ, котораго не могъ имѣть никакой другой прудъ; а колоколь, висѣвшій надъ крышею и возвѣстившій въ самую полночь о совершившемся убійствѣ, казался какъ-нибудь роковымъ глашатаемъ; при звукахъ котораго волосы подымались дыбомъ у всѣхъ окрестныхъ жителей.

Джой ходилъ около дома взадъ и впередъ, останавливаясь часто, и не спуская глазъ съ одного окна, какъ-будто поджидалъ чего-то. Такъ прошло около четверти часа; наконецъ, изъ этого окна показалась маленькая, бѣлая ручка, сдѣлавшая молодому человѣку знакъ, на который онъ отвѣчалъ низкимъ, почтительнымъ поклономъ, и поспѣшилъ къ своей лошади, сказавъ самъ себѣ: «Нынче нѣтъ мнѣ никакого порученія!»

Однакожь, шеголеватый нарядъ, за который Джонъ Уиллитъ такъ сердился, и букетъ цвѣтовъ, приколотый къ кафтану Джоя, доказывали, что, за неимѣніемъ чужаго порученія, онъ готовился исполнить свое собственное. Такъ дѣйствительно и было. Кончивъ въ Лондонѣ всѣ счеты съ погребщикомъ, получивъ отъ него расписку и захвативъ въ трактиръ Золотаго-Льва, пустился онъ къ дому слѣсаря, къ которому влекли его прекрасные глаза Долли.

Хотя Джой былъ малый несчастливый, неробкій, однакожь, онъ не скоро рѣшился войти въ домъ Уардена; оставивъ свою лошадь въ ближней тавернѣ, прошелся онъ раза два по улицѣ и наконецъ, призвавъ на помощь все свое мужество, съ трепещущимъ сердцемъ переступилъ черезъ завѣтный порогъ и очутился въ мастерской Габриеля.

— Ба! Джой Уиллитъ! Ты ли это? воскликнулъ слѣсарь, вставъ

изъ за письменнаго стола, за которымъ сидѣлъ надъ своею расходною книгой, и снявъ очки. — Откуда? какъ поживаютъ твои домашніе?

— Какъ всегда, сэръ...

— Ну, слава Богу; а что дѣлаетъ твой буцефалъ? Бѣгаетъ еще? Ха, ха, ха!.. Это что, Джой? букетъ цвѣтовъ?...

— Да-съ, маленькій букетецъ... я думалъ... я хотѣлъ... миссъ Долли.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ слѣсарь, понизивъ голосъ и покачавъ головою: — не Долли: отдай букетъ ея матери, это будетъ лучше... Что жъ? развѣ ты не хочешь отдать его мистриссъ Уарденъ?

— Почему же нѣтъ, сэръ? отвѣчалъ Джой, стараясь скрыть свою досаду:—мнѣ это будетъ очень пріятно.

— Такъ пойдемъ же къ ней; меня сейчасъ звали пить чай; она тамъ въ «гостиной».

— Она! подумалъ Джой:—но кто же эта она: мистриссъ, или миссъ?

Слѣсарь не замедлилъ разсвѣять его недоумѣніе; отворивъ двери, онъ сказалъ громко: —Милая Марта, вотъ тебѣ гость, мастеръ Джой Уиллито.

Но мистриссъ Уарденъ была вовсе не рада этому гостю, и букетъ былъ ей очень-непріятенъ, потому-что въ немъ видѣла она желаніе молодаго человека задобрить ее,—а мистриссъ Уарденъ была вовсе нерасположена подавать ему надежду, чтобъ виды его на миссъ Долли могли когда-нибудь осуществиться. Она вдругъ притворилась, что ей сдѣлалось дурно и, приписавъ эту сильному запаху цвѣтовъ, просила извинить ее, если она положитъ ихъ за окошко. Джой просилъ ее не церемониться и съ грустнымъ сердцемъ увидѣлъ, какъ прекрасныя цвѣты его, которые достать стоило ему такъ много труда, были съ пренебреженіемъ выброшены за окно.

— Теперь я чувствую себя гораздо-лучше, сказала мистриссъ Уарденъ.

Джой поблагодарилъ ее за то, что она успѣшила отдѣлаться отъ букета и старался не показывать вида, какъ огорчало его отсутствіе миссъ Долли.

— У васъ, въ Майскомъ-Деревѣ, собираются ужасныя люди, мастеръ Джозефъ, сказала мистриссъ Уарденъ...

— Почему же, мистриссъ Уарденъ? сказалъ удивленный Джой.

— Я знаю, что каждый вечеръ всѣ ваши сосѣди покидаютъ своихъ женъ и собираются къ вамъ пить и курить... не ужасно ли это?

—Оставимъ ихъ въ покоѣ, другъ мой, и будемъ пить свой чай! за-мѣтилъ слѣсарь...

Въ эту критическую минуту явилась миссъ Меггсъ съ чашками.

— Я знаю, что тебѣ это непріятно слышать, потому-что ты и самъ не прочь отъ такого занятія, продолжала мистриссъ Уарденъ. — Ты радъ не видать жены своей цѣлый вѣкъ, не заботясь о томъ, здорова она, или больна...

— Какъ, напримѣръ, весь вчерашній день, сказала миссъ Меггсъ. — Бѣдная мистриссъ была такъ нездорова, такъ слаба, что у меня сердце разрывалось отъ жалости.

— Тебя объ этомъ не спрашиваютъ! воскликнула мистриссъ Уарденъ.

— Извините; это вырвалось у меня невольно изъ любви къ вамъ.

— Ни слова больше! возразила мистриссъ Уарденъ гордо: — поди посмотри, одѣлась ли Долли и скажи ей, что если она хоть одну минуту заставитъ ждать носилки, въ которыхъ должна отправиться на танцевальный вечеръ, я ихъ отошлю назадъ.

Миссъ Меггсъ, не отвѣтивъ ни слова, вышла изъ комнаты.

— Зачѣмъ же не пьешь ты чаю? спросила мистриссъ Уарденъ мужа: — я вижу, дома тебѣ ничто не нравится. И вы также, мѣстеръ Джозефъ, не пьете...

Джой хотѣлъ что-то сказать въ свое оправданіе; но въ эту минуту явилась Долли, и слова замерли на устахъ юноши. Она такъ была прекрасна, нарядъ ея отличался такимъ вкусомъ, такимъ изяществомъ, что у бѣднаго Джоя разбѣжались глаза; мысль, что она собирается на вечеръ, гдѣ съ нею будутъ танцевать, что его не будетъ тамъ, — мучила его, и онъ внутренно проклиналъ всѣ балы и тѣхъ кто выдумалъ ихъ.

А она даже и не взглянула на него, — или, лучше сказать, почти не взглянула... Бѣдный Джой былъ въ отчаяніи; но вотъ явились носильщики: Долли, увидѣвъ ихъ, обрадовалась и поспѣшила вонъ изъ комнаты; Джой пошелъ въ слѣдъ за нею и помогъ ей сѣсть... Какъ затрепеталъ онъ, когда рука ея прикоснулась къ его ручкѣ! и какая была эта ручка! маленькая, пухленькая, нѣжная... ручка, которой, конечно, не было подобной въ цѣломъ мірѣ—такъ, по-крайней-мѣрѣ, казалось Джою. Долли ласково взглянула на юношу, улыбнулась ему привѣтливо и, опершись на его руку своею рукою, какъ-будто ждала, чтобъ онъ тихо пожалъ ее. Но миссъ Меггсъ стояла рядомъ и глазами аргуса смотрѣла на молодыхъ людей. Наконецъ, носилки тронулись, и Джой, грустный, печальный, возвратился въ гостиную.

Какъ пусто, какъ уединенно казалась ему теперь эта «гостиная»! какъ тѣсно, какъ мучительно было ему сидѣть въ ней, между-тѣмъ, какъ Долли можетъ-быть въ эту самую минуту кружилась въ бѣшеномъ вальсѣ съ какимъ-нибудь счастливецемъ, который обнималъ своею рукою ея чудный, роскошный станъ! Джой былъ такъ занятъ

своими мыслями, что не могъ выговорить ни слова, и только мѣшалъ безпрестанно чай въ своей чашкѣ, какъ-будто въ ней не было ни куса сахару. Габріель также былъ нерасположенъ говорить, а мистриссъ Уарденъ, которая всегда была очень-весела, когда другіе бывали грустными, казалась въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа. Впрочемъ, любезность ея была непродолжительна; посидѣвъ еще съ четверть часа, она встала.

— Куда же ты, другъ мой? спросилъ ее слѣсарь:—останься еще съ нами...

— Благодарю, возразила мистриссъ Уарденъ.—Я не хочу затруднять васъ... Вы вѣроятно хотите курить... трубка и пиво для мужчинъ всегда пріятнѣе бесѣды женщинъ,—и я оставлю васъ на свободу... Прощайте, мастеръ Уиллито, поклонитесь отъ меня мастеру Джону; покойной ночи!

Сказавъ это, она присѣла и вышла изъ комнаты въ сопровожденіи своей вѣрной Меггсъ.

Бѣдный Джой! Могъ ли ты думать, что всѣ надежды твои будутъ имѣть такой конецъ?.. Нѣсколько недель сряду ожидалъ ты, какъ блага, дня, въ который будешь въ домъ слѣсаря; съ величайшимъ стараніемъ собиралъ ты цвѣты для своего букета, хотѣлъ отдать его Долли и сказать ей, какъ нѣжно, какъ пламенно любишь ее, и что же? Букетъ твой выбросили за окно; а Долли?.. Ты увидѣлъ ее только на одну минуту для того, чтобъ проводить на балъ, куда она спѣшила съ такою радостью!.. Все это, и въ особенности холодный пріемъ, сдѣланный ему мистриссъ Уарденъ, сильно огорчило бѣднаго юношу; онъ простился съ своимъ старымъ другомъ, слѣсаремъ, пошелъ за своею лошадейю и отправился домой, думая дорогій о своемъ горькомъ положеніи, о Долли, которая, казалось, мало обращала на него вниманія, о ея злой, капризной матери, о невозможности достигнуть счастья, и о томъ, что ему оставалось только идти въ солдаты или матросы, чтобъ скорѣе кончить жизнь, начинавшую становиться ему въ тягость.

ГЛАВА XIV.

Преданный отчаянію, Джой Уиллито всталъ тихо, мечтая о прекрасной дочери слѣсаря, какъ вдругъ услышалъ за собою лошадиный топотъ; обернувшись, увидѣлъ онъ какого-то молодого джентльмена, который, остановивъ своего коня, назвалъ его по имени. Джой въ ту же минуту ударилъ свою клячу и подскочилъ къ всаднику.

—Я такъ и думалъ, что это вы, сэръ Эдвардъ, сказалъ онъ, снявъ

свою шляпу. — Какой прекрасный вечеръ! какъ я радъ, что вижу васъ опять здоровымъ!

— Ну, что новаго? спросилъ мастеръ Эдвардъ: — все ли она такъ же хороша, какъ прежде? Зачѣмъ же краснѣть, другъ?

— Если я покраснѣлъ, то, конечно, отъ стыда, что могъ такъ глупо взрѣть моимъ надеждамъ, сэръ Эдвардъ... Мнѣ до миссъ Долли такъ же далеко, какъ до неба!

— Полно, Джой; что за отчаяніе! все еще можетъ устроиться... отвѣчалъ мастеръ Эдвардъ.

— Ахъ! сказалъ Джой, съ глубокимъ вздохомъ: — вамъ хорошо такъ говорить... Но оставимъ это; куда вы ѣдете, сэръ? не къ намъ ли, въ Майское-Дерево?

— Да; такъ-какъ я еще не совсѣмъ оправился, то хочу переночевать тамъ, чтобъ завтра петихоньку пуститься домой.

— Если вы не торопитесь, и если вамъ будетъ не скучно ѣхать, соображаясь съ бѣгомъ моей клячи, то я готовъ проводить васъ до Кроличьей-Засѣвки и поддерживать вашу лошадь во время вашего отсутствія; это избавитъ васъ отъ труда идти пѣшкомъ изъ Майскаго-Дерева... У меня довольно времени, и какъ бы поздно я ни пріѣхалъ домой, мнѣ все будетъ казаться еще очень-рано.

— Радъ быть твоимъ товарищемъ; но, пожалуйста, перестань грустить; все еще можетъ поправиться; не надобно только терять надежды, и Долли можетъ еще быть твоею...

Джой грустно покачалъ головою; однакъжь, слова сэра Эдварда нѣсколько ободрили его; онъ далъ шпоры своей клячѣ, и она пошла довольно-скорою рысью, какъ-будто хотѣла показать тѣмъ, что о ней напрасно думали такъ дурно.

Ночь была прекрасна; полный мѣсяцъ разливалъ свой таинственный свѣтъ на окрестныя поля. Тихій, прохладный вѣтерокъ качалъ вершины деревьевъ, которыми была обсажена дорога; путники ѣхали рядомъ, и по-временамъ, переставая разговаривать, погружались въ тихую задумчивость.

— Майское-Дерево сегодня что-то особенно освѣщено, сказалъ сэръ Эдвардъ, когда трактиръ показался изъ-за деревьевъ.

— Да, замѣтилъ Джой и приводился на стременахъ, чтобъ лучше видѣть. — Большая зала освѣщена и кажется въ верхней комнатѣ затопленъ каминъ. Желалъ бы я знать, для кого все это?

— Можетъ-быть, какой-нибудь провзжій, котораго перепугали разсказами о разбойникѣ, напавшемъ на меня, и который не рѣшился ѣхать ночью.

— Это долженъ быть какой-нибудь знатный провзжій: ему отдали даже вашу спальню...

— Ничего, Джой; всякая комната будетъ хороша для меня... Но поведемъ скорѣе; ужъ бьетъ девять часовъ.

Они пустили лошадей своихъ въ галопъ и остановились у той самой рощицы, въ которой Джой утромъ оставлялъ свою лошадь. Мастеръ Эдвардъ соскочилъ на землю, отдалъ лошадь Джой и пошелъ съ величайшею осторожностью къ дому.

Служанка, дожидавшаяся у калитки, впустила его безпрепятственно. Онъ прошелъ скоро чрезъ террасу, взбѣжалъ по лѣстницѣ и достигъ наконецъ старинной, мрачной комнаты, стѣны которой были расписаны разными охотничьими сценами. Удивленный, что служанка не пошла за нимъ, мастеръ Эдвардъ остановился; но вдругъ дверь сосѣдней комнаты отворилась; прекрасная молодая дѣвушка, съ черными локонами, выбѣжала оттуда и бросилась къ нему на шею; но почти въ ту же самую минуту какая-то сильная рука оттолкнула сѣра Эдварда: мастеръ Гэрдалъ стоялъ между нимъ и ею.

Онъ взглянулъ строго на молодаго человека, не снявъ даже шляпы; одною рукою обхватилъ онъ за талю свою племянницу, а другою, въ которой былъ хлыстъ, указалъ на дверь. Сѣръ Эдвардъ не испугался однакожъ и гордо смотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Вы прекрасно поступаете, сѣръ! воскликнулъ мастеръ Гэрдалъ: — подкупивъ людей, прокрадываетесь въ домъ, какъ воръ!... Оставьте насъ сію же минуту и не переступайте никогда моего порога.

— Какъ благородный человекъ, вы бы не должны были пользоваться присутствіемъ миссъ Гэрдалъ и родствомъ съ нею, чтобъ оскорблять меня такъ, какъ теперь оскорбляете, возразилъ молодой человекъ. — Вы сами принудили меня избрать эту дорогу, и вся вина лежитъ на васъ, не на мнѣ.

— Какъ благородному и честному человеку, сказалъ мастеръ Гэрдалъ: — вамъ бы не слѣдовало обольщать сердце молодой, неопытной дѣвушки и, чувствуя всю низость своего поступка, скрываться отъ того, кто служить ей защитникомъ и покровителемъ. Послѣ всего этого мнѣ остается только запретить вамъ входъ въ домъ свой и требовать, чтобъ вы немедленно его оставили.

— Не знаю, возразилъ Эдвардъ: — благородно ли принимать на себя роль шпиона, которой вы не постыдились; знаю только, что слова ваши не заслуживаютъ ничего болѣе, кромѣ презрѣнія.

— Напрасно величаете вы меня шпиономъ, сѣръ, отвѣчалъ спокойно мастеръ Гэрдалъ: — я случайно увидѣлъ какъ вы вошли въ калитку и еслибъ вы не спѣшили такъ, то конечно могли бы услышать голосъ мой въ саду... Но все это не идетъ къ дѣлу; повторяю вамъ, присутствие ваше здѣсь оскорбительно для меня и обидно для моей племянницы.

При этихъ словахъ, онъ еще сильнѣе обхватилъ плачущую дѣвуху, и хотя въ этомъ движеніи было что-то строгое и угрожающее, однакожь лицо его выражало все участіе, которое онъ принималъ въ ея страданіяхъ.

— Мэстеръ Гэрдалъ, сказалъ Эдвардъ: — я люблю ее. Съ радостью пожертвовалъ бы я жизнию, еслибъ могъ искупить ея счастье... Въ ней одной заключается все бытіе мое; она поклялась мнѣ, а я поклялся ей въ вѣчной вѣрности... Чтò же сдѣлалъ я, что вы обращаетесь со мною такимъ образомъ и говорите со мною такимъ тономъ?

— Вы сдѣлали то, сэръ, чего бы никогда не должно было дѣлать, отвѣчалъ мэстеръ Гэрдалъ: — вы смели здѣсь любовную сѣть, которая должна быть разорвана, слышите ли — должна! По-крайней-мѣрѣ я разрываю ее, отвергаю васъ и весь родъ вашъ, въ которомъ нѣтъ ни чести, ни совѣсти.

— Это только слова! возразилъ Эдвардъ гордо.

— Слова, которыя сказаны безвозвратно; замѣьте это, сэръ.

— А вы... прошу васъ замѣтить то, чтò скажу теперь, сэръ, отвѣчалъ Эдвардъ: — ваше холодное, безчувственное сердце, оледеняющее все, чтò только приближается къ вамъ; ваша строгость, наводящая на все страхъ, заставили насъ окружить любовь свою тайною. — Я не дурной, не безнравственный человѣкъ; намѣренія мои чисты, и вы напрасно приписывали мнѣ качества, которыя скорѣе приличны вамъ, чѣмъ мнѣ. Вы не въ состояніи разорвать союзъ, скрѣпленный любовью и взаимнымъ уваженіемъ. — Я не откажусь отъ своихъ правъ; полагаюсь на ея вѣрность и не боюсь вашего вліянія и вашей власти; оставляю ее съ полною увѣренностію, что она никогда не переменится ко мнѣ, и скорблю только о томъ, что оставляю ее въ такомъ домѣ, гдѣ никто не утѣшитъ ея участіемъ въ горести.

Сказавъ это, онъ прижалъ холодную руку дѣвухи къ устамъ своимъ, взглянулъ гордо на мэстера Гэрдала и вышелъ изъ комнаты.

Въ короткихъ словахъ рассказалъ онъ Джою о всемъ случившемся; въ глубокомъ молчаніи повертели они лошадей своихъ къ Майскому-Дереву и остановились у воротъ его, съ сердцами, полными скорби и отчаянія.

Старый Джонъ, сидѣвшій у окна, выскочилъ на дворъ въ ту самую минуту, когда они стали кликать Гога, и сказалъ съ величайшею поспѣшностію сѣру Эдварду:

— Онъ давно ужъ въ постели... въ лучшей моей постели... и, кажется, ужъ започивалъ..

— Кто, Уилли? спросилъ разсѣянно Эдвардъ, слѣзая съ лошади.

— Вашъ почтенный батюшка, сэръ.

— Батюшка? воскликнулъ Эдвардъ, взглянувъ на Джонъ, полный испуга и сомнѣнiя.

— Что вы говорите? развѣ вы не видите, что сэръ Эдвардъ не понимаетъ васъ? сказалъ Джонъ.

— Какъ, сэръ... не-уже-ли вы ничего объ этомъ не знали?.. спросилъ Джонъ, выпучивъ глаза.—Странно!.. Онъ здѣсь уже съ самаго обѣда; къ нему приходилъ мастеръ Гэрдалъ; они долго разговаривали о чемъ-то и мастеръ Гэрдалъ ушелъ отсюда не болѣе часа.

— Мой отецъ здѣсь, Уиллитъ?

— Да, сэръ, вашъ батюшка; онъ тамъ, наверху, въ вашей комнатѣ. Вы, вѣрно, можете еще поговорить съ нимъ; онъ, кажется, еще не спитъ... Да, такъ точно, прибавилъ Джонъ, взглянувъ вверхъ на окна:—онъ не загасилъ еще свѣчей.

Эдвардъ также взглянулъ на окна, вскочилъ на лошадь и, сказавъ, что забылъ что-то въ Лондонѣ, поскакалъ назадъ. Джонъ и Джой стояли на крыльцѣ, какъ вкопанные, и смотрѣли другъ на друга съ безмолвнымъ изумленiемъ.

ГЛАВА XV.

На слѣдующiй день, около полудня, сидѣлъ мастеръ Честеръ у себя дома за завтракомъ; на немъ былъ щеголеватый, покойный шлафрокъ; развалился въ мягкихъ, широкихъ креслахъ, онъ, казалось, отдыхалъ отъ трудовъ и лишенiй предшествовавшаго дня, проведеннаго имъ въ Майскомъ-Деревѣ, гдѣ, не смотря на заботливость стараго Джона, многого не доставало къ удовлетворенiю привычекъ знатнаго гостя.

Кончивъ завтракъ, мастеръ Честеръ сѣлъ къ окну и сталъ смотрѣть разсѣянно на площадь, посреди которой былъ обширный скверъ, гдѣ толпилось уже много народу и гдѣ какой-то молодой человекъ сидѣлъ задумчиво на скамейкѣ.

— Надѣ чрезвычайно терпѣливъ! сказалъ мастеръ Честеръ, взглянувъ на молодаго человека и вынувъ изъ кармана свою золотую зубчистку:—удивительно, какъ терпѣливъ!.. Онъ сидѣлъ тутъ, когда я только-что всталъ, и не перемѣнилъ съ-тѣхъ-поръ нисколько своего положенiя...

Между-тѣмъ, молодой человекъ всталъ и скорыми шагами пошелъ прямо къ дому.

— Право, можно подумать, что онъ слышалъ или понялъ меня, сказалъ мастеръ Честеръ, взявъ машинально газету, которую уже давно прочелъ:—славный малый мой Нэдъ!

Въ эту самую минуту отворилась дверь, и Эдвардъ вошелъ въ ком-

нату; отецъ привѣтствовалъ его наклоненіемъ головы и привѣтно улыбулся.

— Есть ли у васъ время поговорить со мною немного, сэръ? сказалъ Эдвардъ.

— Конечно, Нэдъ; у меня всегда есть время... Завтракалъ ли ты?

— Давно ужь.

— О! какъ же ты рано встаешь! воскликнулъ Честеръ, взглянувъ на сына съ усмѣшкой.

— Сказать правду, продолжалъ Эдвардъ, придвинувъ къ окну стулъ и сѣвъ на него:—я очень-дурно спалъ эту ночь, и потому былъ радъ встать пораньше. Причина моей безсонницы и безпокойства должна быть вамъ известна, сэръ, и объ ней-то хочу я поговорить съ вами.

— Сдѣлай милость, другъ мой, ввѣрь мнѣ свое горе, отвѣчалъ отецъ:—но ты знаешь мои привычки: я не люблю, когда кто слишкомъ распространяется...

— Постараюсь быть какъ-можно-короче и пойду прямо къ дѣлу, отвѣчалъ Эдвардъ.

— Прекрасно. И такъ, ты хочешь сказать мнѣ...

— Ничего больше, кромѣ того, что я знаю, гдѣ вы были нынче ночью, съ кѣмъ говорили и съ какою цѣлію: знаю это потому-что самъ былъ тамъ же, гдѣ и вы...

— Не-уже-ли?.. Какъ я радъ! воскликнулъ Честеръ:— это избавитъ насъ обоихъ отъ скучнаго предисловія. Ты былъ въ томъ же домѣ, гдѣ и я? Зачѣмъ же ты не пришелъ ко мнѣ? Я былъ бы очень радъ видѣть тебя.

— Я зналъ, что то, о чемъ намъ нужно было говорить другъ съ другомъ, будетъ высказано гораздо-лучше тогда, когда мы оба сдѣлаемся нѣсколько-хладнокровнѣе, отвѣчалъ Эдвардъ.

— Чортъ возьми, Нэдъ! воскликнулъ Честеръ:— мнѣ было очень холодно въ этомъ Майскомъ-Деревѣ. Вѣтеръ въ немъ гуляетъ на свободѣ, право, не хуже, какъ въ открытомъ полѣ... Но ты хотѣлъ что-то сказать?

— Я хотѣлъ сказать, что вы, сэръ, сдѣлали меня на вѣки несчастнымъ; хотите ли вы выслушать меня нѣсколько минутъ спокойно и не перебивая?

— Любезный мой Нэдъ; я готовъ слушать тебя съ терпѣніемъ азахорета... Сдѣлай одолженіе, подай мнѣ сливки...

— Я видѣлъ вчера вечеромъ миссъ Гэрдалъ, продолжалъ Эдвардъ, подавъ ему сливки:—дядя ея, въ-слѣдствіе вашего съ нимъ свиданія, запретилъ мнѣ являться къ нему въ домъ, и въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ потребовалъ, чтобъ я оставилъ его.

— Въ дерзкомъ обращеніи его, милый Нэдъ, ты не долженъ и не

можешь винить меня, клянусь тебѣ честью... возразилъ Честеръ:— онъ настоящій мужикъ, необтесанный чурбанъ, незнающій нисколько свѣтскихъ приличій; право, я никогда еще не встрѣчалъ подобнаго невѣжи.

Эдвардъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, между тѣмъ, какъ его почтенный родитель преспокойно прихлебывалъ чай.

— Батюшка! сказалъ наконецъ Эдвардъ, остановясь передъ нимъ: — не будемъ шутить такими вещами, не будемъ также и обманывать другъ друга. Позвольте мнѣ идти моею дорогой, какъ прилично мужу, и не отталкивайте меня отъ себя своимъ равнодушіемъ.

— Предоставляю тебѣ самому судить, любезный Нэдъ, равнодушенъ ли я, отвѣчалъ мѣстеръ Честеръ:— провхать по грязи 25 миль, объѣзжать въ скверномъ трактирѣ, видѣться съ мѣстеромъ Гэрдалемъ, и говорить съ нимъ, какъ съ братомъ или другомъ, ночевать въ Майскомъ-Деревѣ, имѣть собесѣдниками стараго дурака и сумасшедшаго мальчика... Если добровольное обреченіе себя на всѣ эти мученія ты назовешь равнодушіемъ, я замолчу...

— Прошу васъ только подумать, въ какое ужасное положеніе повергли вы меня. Я люблю миссъ Гэрдалъ...

— Любезный сынъ, возразилъ мѣстеръ Честеръ съ улыбкою сожалѣнія: — ты, право, ошибаешься; въ тебѣ столько здраваго смысла, столько ума, что ты не можешь предаться такой глупости, повѣрь мнѣ въ этомъ.

— Повторяю вамъ, продолжалъ Эдвардъ съ твердостью:— я люблю ее. Вамъ удалось разлучить насъ теперь, но я прошу васъ подумать объ этомъ хорошенько и сказать рѣшительно, намѣрены ли вы разлучить насъ навсегда, если это только можетъ удасться вамъ?

— Любезный Нэдъ, отвѣчалъ мѣстеръ Честеръ, понюхавъ табаку и подавая ему табакерку: — говорю тебѣ прямо, что намѣренъ сдѣлать это непременно.

— Выслушайте же меня, батюшка. Съ самаго младенчества былъ я воспитанъ въ довольствѣ и праздности; съ самой колыбели окружала меня роскошь и богатство; меня приучали думать, что не личныя заслуги, не истинныя достоинства должны вести къ возвышенію, а слѣпой случай, удача. Я, какъ говорится, выросъ въ знатности и сдѣлался ни къ чему не годнымъ. Но какое-то тайное чувство говорило мнѣ, что дорога, по которой вы заставили меня идти, была не настоящею дорогою честнаго и благороднаго человека. Я не могъ раболѣпствовать предъ тѣми, которые казались вамъ достойными поклоненія; не имѣлъ силы показывать вниманія тѣмъ женщинамъ, которыхъ вы, по богатству ихъ, прочли мнѣ въ невѣсты; вообще не чувствовалъ въ себѣ способности слѣпо покоряться вашей

воль... Простите, что говорю такъ откровенно; мнѣ надобно было сказать это давно; но вы знаете сами, имѣлъ ли я къ тому случай...

— Все это прекрасно; но къ-чему ты говоришь мнѣ это?

— Къ тому, продолжалъ Эдвардъ съ жаромъ:—что я не могу сносить безусловной зависимости даже отъ васъ, сэръ. У меня потеряно уже много времени; но я еще молодъ и могу воротить потерянное. Дайте мнѣ средства посвятить свои способности и силы какой-нибудь благородной цѣли... Оставьте мнѣ полную свободу проложить самому себѣ дорогу, и вы увидите, что дѣвушка, которую я люблю и которую вы отвергаете потому только, что, кромѣ красоты и добродѣтели, у ней нѣтъ другаго приданого, не будетъ вамъ въ тягость... Хотите ли вы это, сэръ? Отвѣчайте...

— Любезный, милый Нэдъ, возразилъ мастеръ Честеръ, взявъ газету и заглянувъ въ нее разсѣянно: — ты знаешь, какъ я не люблю касаться такъ-называемыхъ семейныхъ исторій; но видя, что ты во многомъ, относящемся къ тебѣ, заблуждаешься до невѣроятности, рѣшаюсь побѣдить свое отвращеніе и дать тебѣ ясный, удовлетворительный отвѣтъ, если ты только сдѣлаешь мнѣ одолженіе замкнешь эту дверь.

Эдвардъ пошелъ исполнить желаніе отца своего, который, между-тѣмъ, взявъ маленькій перочинный ножичекъ, сталъ обрѣзывать себѣ ногти и продолжалъ такъ:

— Мнѣ долженъ ты быть благодаренъ, Нэдъ, что приходишь отъ хорошей фамиліи, потому-что мать твоя, впрочемъ очень милая женщина, съ нѣжнымъ сердцемъ, прекрасною душою и проч., и проч., оставившая меня въ-последствіи, не могла въ этомъ отношеніи многимъ похвастать.

— Однакожь, отецъ ея былъ извѣстнымъ адвокатомъ, замѣтилъ Эдвардъ.

— Точно такъ, Нэдъ; онъ пользовался большою славою въ судахъ и огромнымъ богатствомъ; но, происходя изъ низкаго состоянія, хотѣлъ, посредствомъ дочери своей, вступить въ родство съ какою-нибудь хорошею фамиліею. Желаніе это было исполнено. Будучи младшимъ сыномъ младшаго въ семействѣ, я женился на ней и такимъ образомъ онъ и я достигли своей цѣли. Дочь его вступила прямо въ лучшій кругъ, а я во владѣніе ея имѣніемъ, которое мнѣ было чрезвычайно нужно, увѣряю тебя. Но теперь, любезный другъ, имѣніе это принадлежитъ къ тѣмъ вещамъ, которыя были: теперь его уже нѣтъ — его какъ-будто и не было... Сколько тебѣ лѣтъ? Я всегда забываю...

— Двадцать семь, сэръ.

— Какъ, не ужъ-то столько! воскликнулъ отецъ съ удивленіемъ.— Ну, мой другъ, въ такомъ случаѣ, я могу сказать тебѣ, что послѣдніе

остатки этого имѣнія исчезли лѣтъ девятнадцать тому назадъ... Это было около того времени, когда я переѣхалъ въ этотъ домъ, доставшійся мнѣ отъ твоего дѣда, и когда я началъ жить ничтожнымъ оставшимся у меня доходомъ и моею старинною репутаціею.

— Вы шутите, сэръ?... сказалъ Эдвардъ.

— Ни мало, увѣряю тебя, отвѣчалъ отецъ съ величайшимъ спокойствіемъ.—Всѣ эти фамиліиныя подробности такъ сухи и такъ скучны, что ни въ какомъ случаѣ не могутъ расположить къ шуткамъ; отъ-того-то я такъ и ненавижу ихъ. Но довольно объ этомъ; остальное тебѣ извѣстно... Сынъ, который не можетъ еще быть отцу товарищемъ — то-есть, если ему нѣтъ еще двадцати-трехъ или двадцати-четырехъ лѣтъ — можетъ только стѣснять его, и вотъ почему лѣтъ за пять предъ симъ (у меня память очень-плоха на числа; ты простишь меня, если я ошибаюсь), удалилъ я тебя отсюда и далъ тебѣ средства пріобрѣсти множество познаній ученіемъ. Мы видѣлись рѣдко; наконецъ, ты возвратился, и скажу тебѣ откровенно: еслибъ ты возвратился неучемъ или невѣжей, то я услалъ бы тебя опять какъ-можно-дальше, въ какую-нибудь другую часть свѣта.

— Жалю очень, что вы этого не сдѣлали, сэръ, замѣтилъ Эдвардъ.

— Напрасно, любезный другъ, отвѣчалъ Честеръ очень-спокойно: —напрасно! Я нашолъ въ тебѣ красиваго, ловкаго малаго и ввелъ тебя въ общество, въ которомъ имѣю еще нѣкоторый вѣсъ. Такимъ образомъ открылъ я тебѣ блестящую дорогу ко всему и надѣюсь, что изъ благодарности ты сдѣлаешь съ своей стороны что-нибудь для меня.

— Не понимаю, что вы хотите сказать этимъ, сэръ.

— Вещь очень-простую... Потрудишься вынуть изъ молочника муху, которая залетѣла туда... Я хочу сказать, что ты долженъ поступить точно такъ же, какъ поступилъ я, то-есть, жениться какъ-можно-выгоднѣе и воспользоваться богатствомъ жены, чтобъ жить какъ-можно лучше...

— И сдѣлаться въ глазахъ свѣта презрѣннымъ негодяемъ, расточающимъ чужое достояніе! воскликнулъ Эдвардъ съ негодованіемъ.

— Что ты, Надъ, Богъ съ тобою! возразилъ мастеръ Честеръ хладнокровно: — кто осмѣлится назвать тебя негодяемъ, когда ты будешь сорить золотомъ? Напротивъ, всѣ будутъ уважать тебя, искать твоей дружбы.

Молодой человѣкъ опустилъ голову на грудь и не отвѣчалъ ни слова.

— Я очень радъ, что у насъ завязался такой разговоръ, любезный Надъ, сказалъ наконецъ отецъ, вставъ съ кресла и подошедъ къ зеркалу, въ которое взглянулъ съ довольною улыбкой. Онъ пославъ

между нами совершенную довѣренность другъ къ другу, которая была такъ необходима въ нашемъ положеніи. Признаюсь, однакожь, я думалъ, что все обдѣляется безъ объясненій, и думалъ это до-тѣхъ-поръ, пока не узналъ о твоей страсти къ этой дѣвушкѣ.

— Я знаю, что вы бывали иногда въ затруднительномъ положеніи, сказалъ Эдвардъ, приподнявъ на-минуту голову и опустивъ ее снова на грудь:—но мнѣ никогда не приходило на мысль, чтобъ мы могли быть нищими... Зачѣмъ же, зная расстройство дѣлъ своихъ, воспитывали вы меня какъ богача? Зачѣмъ продолжали вести по-прежнему такую роскошную жизнь?

— Любезный Нэдъ, воскликнулъ отецъ:—ты рассуждаешь какъ ребенокъ. Я для-того-то и далъ тебѣ такое блестящее воспитаніе, чтобъ поддержать свой кредитъ... Что же касается до роскошной жизни, которую веду я, она мнѣ необходима. Я привыкъ ко всемъ удобствамъ, окружающимъ меня, и не могу обойтись безъ нихъ. Но это не мѣшаетъ намъ быть въ самомъ отчаянномъ положеніи. Увѣрю тебя честью, однѣ карманные наши деньги поглощаютъ весь годовою доходъ нашъ.

— Зачѣмъ не зналъ я этого прежде? зачѣмъ заставляли вы меня разыгрывать роль богача, когда я былъ нищимъ?

— Ахъ, другъ мой! Еслибъ ты не разыгрывалъ этой роли, то не былъ бы принятъ такъ хорошо въ свѣтъ и не могъ бы достигнуть цѣли, къ которой я назначаю тебя. Какой богачъ отдалъ бы тогда за тебя дочь свою?... Повторяю тебѣ, долги наши очень-велики и потому тебѣ, какъ молодому, благородному человеку, надобно постараться какъ-можно-скорѣе заплатить ихъ.

— Какую подлую роль разыгрывалъ я, самъ не зная того!.. пробормоталъ Эдвардъ, какъ-будто говоря самъ съ собою.— Я завлекъ блдную дѣвушку, вкрался въ ея сердце для того, чтобъ только растерзать его. О, Эмма! Эмма! зачѣмъ не умеръ я прежде, чѣмъ увидѣлъ тебя!

— Меня чрезвычайно радуешь, любезный сынъ, что ты самъ наконецъ видишь всю невозможность подобнаго союза. Одно различіе религій было бы уже непобѣдимымъ къ тому препятствіямъ, и признаюсь, я не понимаю, какъ могло тебѣ прийдти въ голову жениться когда-нибудь на католичкѣ... тебѣ, протестантскому отъ старинной протестантской фамиліи!.. Но даже, еслибъ можно было устранить и это неудобство, то одна мысль жениться на дѣвушкѣ, отецъ которой былъ зарѣзанъ какъ баранъ и котораго осматривали присяжные, должна бы ужаснуть тебя... Но я, можетъ-быть, надолъ тебѣ всеми этими напоминаніями... Ты, можетъ-быть, хочешь остаться одинъ?... Оставайся, любезный Нэдъ... Я иду со двора, но ввечеру

мы опять увидимся... Смотри же, береги себя, другъ мой—ты такъ нуженъ мнѣ!...

Во все время, пока мастеръ Честеръ говорилъ это, онъ стоялъ передъ зеркаломъ, завязывая свой галстухъ, и наконецъ вышелъ изъ комнаты, напѣвая какую-то арію. Эдвардъ, погружившійся между-тѣмъ въ глубокую думу, казалось, не слыжалъ или не понималъ словъ отца своего и сидѣлъ неподвижно, склонивъ голову на грудь. Черезъ полчаса вошелъ Честеръ, одѣтый очень-шеголевато, вышелъ изъ дому, а Эдвардъ все еще сидѣлъ въ прежнемъ положеніи, какъ окаменѣлый.

ГЛАВА XVII.

Еслибъ мы бросили взглядъ на лондонскія улицы въ то время, къ которому относится разсказъ нашъ, то никакъ не могли бы узнать самыхъ извѣстныхъ нынѣшнихъ улицъ и скверовъ. Такъ измѣнился Лондонъ менѣе чѣмъ въ полстолѣтія.

Самыя главныя и широкія улицы, подобно самымъ узкимъ и рѣдко-посѣщаемымъ, были очень-темны. Правда, онъ были освѣщены фонарями, и фонарщики должны были три раза въ ночь обрѣзывать нагорѣвшія свѣтильни; но, не смотря на это, свѣтъ отъ нихъ и въ началъ вечера былъ самый слабый, а среди ночи, когда въ домахъ и лавкахъ гасли огни, фонари эти бросали на дорогу какой-то мутноватый отблескъ, и двери и фасады домовъ были погружены въ совершенную темноту. Во многихъ маленькихъ улицахъ, посреди густаго мрака, блистали кое-гдѣ слабыя огоньки въ окнахъ. Часто даже жители сами гасили по разнымъ причинамъ фонари, повѣшенные у ихъ домовъ, и при тогдашнемъ безсиліи патрулей никто и не думалъ за это съ нихъ взѣскивать. Такимъ образомъ, даже въ освѣщенныхъ улицахъ, а болѣе всего на поворотахъ и въ переулкахъ, было нѣсколько темныхъ мѣстъ, куда могли всегда скрыться мошенники и гдѣ ихъ опасно было преслѣдовать. Но такъ-какъ старыи городъ отъ предмѣстья былъ отдѣленъ полями, пашнями и пустынными улицами, то преслѣдованіе воровъ было большою частію неуспѣшно, и они легко могли увернуться изъ рукъ служителей правосудія.

Поэтому неудивительно, что, при стеченіи такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, даже въ центрѣ города почти каждую ночь происходили грабежи, нерѣдко сопровождаемые убійствами, и мирные жители, только побуждаемые необходимостью, рѣшались пускаться въ лабиринтъ этихъ улицъ послѣ закрытія лавокъ и магазиновъ.

Тѣ, которые въ полночь рѣшались на подобныя путешествія, шли всегда посрединѣ улицы, чтобъ обезопасить себя по-крайней-мѣрѣ

отъ неожиданнаго нападенія изъ-за уголъ. Рѣдко кто отправлялся безъ оружія и даже безъ прикрытія въ Кентиш-Тоунъ, или Гемпстидъ, въ Кензингтонъ, или въ Челсей. Самыхъ отважныхъ героевъ сопровождали, при незначительныхъ переходахъ, слуги съ факелами.

Еще много особеннаго и замѣчательнаго было въ то время на лондонскихъ улицахъ. На многихъ лавкахъ, наиболее къ востоку отъ Темплъ-Бэра, вѣрныхъ стариннымъ обычаямъ, висѣли огромныя вывѣски, и скрывъ этихъ желѣзныхъ досокъ, слабо укрѣпленныхъ на желѣзныхъ же петляхъ, составлялъ какой-то странный, пронзительный и печальный концертъ. Длинные ряды носилокъ и группы носильщиковъ, въ сравненіи съ которыми нынѣшніе кучера—образцы учтивости и вѣжливости, заграждали дорогу и наполняли воздухъ дикими завываньями. Изъ погребовъ, которыхъ двери черной пастью растворялись на улицы, приглашая къ себѣ самую грубую чернь, несся ревъ смѣшанныхъ голосовъ. Подъ каждымъ навѣсомъ, у каждой лавки толпы работниковъ и факелососцевъ проигрывали то, что заработали въ цѣлый день, и, часто, догорѣвшій факелъ, выпадая изъ рукъ уснушаго посреди этой шумной толпы, освѣщала какимъ-то кровавымъ свѣтомъ эту картину и гасъ, дымясь и разбрасывая искры по грязной мостовой.

Тутъ проходила ночная стража съ палками и фонарями, громко возглашая часъ и состояніе погоды, и тѣ, которые уже засыпали сладкимъ сномъ въ своихъ постеляхъ, просыпались, прислушиваясь къ тому, «идетъ ли дождь, или снѣгъ, морозить, или таетъ». Скромные пѣшеходы бросались въ сторону, услыша крики носильщиковъ: «Дорогу, съ вашего позволенія!». Порою, носилки какой-нибудь знатной дамы, окруженныя толпою слугъ съ факелами и скороходовъ, которые бѣжали впередъ, очищая дорожку, освѣщали на-минуту улицу, и потомъ снова погружалась она въ непроницаемую темноту. Нерѣдко у слугъ, дожидającychся у подъезда господъ своихъ, завязывались драки, и поле сраженія усыпалось пудрою, клочками париковъ и измятыми цвѣтами. Обыкновенно, причиною подобныхъ дракъ была игра, бывшая въ то время почти необходимою потребностью народа. Страсть къ костюмъ и картамъ перешла къ слугамъ отъ господъ и производила множество безпорядковъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ классѣ. Часто, въ то время, когда въ западной части города гремѣли трубы и кадрили масокъ пересѣкали улицы по всемъ направленіямъ, въ Сити цѣлые караваны повозокъ съ кучерами и пассажирами, вооруженными съ ногъ до головы, были останавливаемы толпою разбойниковъ; пистолетные выстрѣлы смѣшивались съ криками, и, смотря по своей силѣ или по упорной защитѣ, злодѣи то грабили повозки, то отступали, не рѣдко

оставляя множество трупов своих товарищей и пассажировъ. Наутро эти ночныя происшествія доставляли неистощимый запасъ для разсказовъ и анекдотовъ праздному любопытству. Порою процессія молодыхъ и пьяныхъ джентльменовъ, отправлявшихся въ Тайбёртъ, забавляла толпу народа, подавая ей прекрасный и поучительный примѣръ.

Между праздными толпами, скитавшимися ночью по улицамъ, замѣтнѣе всѣхъ былъ одинъ человекъ. Его почти каждую ночь видѣли въ разныхъ мѣстахъ, и самый безстрашный, отчаянный гуляка, встрѣтясь съ нимъ, не могъ удержаться отъ невольнаго трепета. Кто онъ и откуда явился? — на это никто не могъ дать отвѣта. Никто не зналъ его имени; онъ былъ незнакомъ ни старикамъ, ни молодому поколѣнью. Онъ не могъ быть шпиономъ, потому-что ни передъ кѣмъ никогда не снималъ своей широкополой шляпы, никогда ни съ кѣмъ не разговаривалъ, не вмѣшивался ни въ какія уличныя исторіи, не прислушивался ни къ чьему разговору, не смотрѣлъ ни на кого, кто проходилъ мимо. Спокойно и молча сидѣлъ онъ по ночамъ до самаго разсвѣта въ погребахъ, между толпами самой буйной и развратной черни.

Какимъ-то привидѣніемъ являлся онъ на ихъ беспорядочныхъ и грязныхъ праздникахъ, пугая ихъ необузданныя и шумныя скопища. Съ наступленіемъ ночи показывался онъ на улицахъ — вездѣ и всегда одинъ, и шелъ скорыми шагами, не осматриваясь, не останавливаясь. Порою (какъ разсказывали тѣ, которымъ случалось съ нимъ встрѣтиться), оглядывался онъ назадъ и потомъ шелъ еще скорѣе. На лугахъ, поляхъ и улицахъ, во всѣхъ частяхъ города, въ восточныхъ и западныхъ, въ сѣверныхъ и южныхъ, какъ тѣнь бродилъ этотъ странный незнакомецъ. И всегда казалось, что онъ торопился оставить то мѣсто, гдѣ его встрѣчали. Встрѣтившійся съ нимъ не смѣлъ взглянуть на него, невольно давалъ ему дорогу и пропускалъ мимо. Когда же потомъ онъ разсматривалъ фигуру незнакомца, скрывающагося въ темнотѣ, ему иногда удавалось поймать взоръ его, обращенный назадъ, и онъ тотчасъ же невольно опускалъ свои глаза внизъ и прекращалъ свои наблюденія.

Этотъ странный образъ жизни, это внезапное появленіе то въ той, то въ другой части города подали поводъ къ разнымъ толкамъ. Незнакомца такъ часто видали почти въ одно и то же время въ двухъ мѣстахъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, что нѣкоторые думали, будто это было два лица; другіе — что онъ сверхъестественною силою переносится съ одного мѣста на другое. Воръ, сирятанный въ своей западнѣ, говорилъ, что онъ какъ тѣнь проскользнулъ мимо его; ночной бродяга повстрѣчался съ нимъ въ самой глухой улицѣ; нищій замѣтилъ, какъ онъ остановился на мосту, свѣсилъ за перилы, поспо-

трѣтъ на воду и потомъ снова исчезъ во мракѣ; могильщики увѣряли, какъ, при ихъ приближеніи, онъ мелькалъ между могилами, и въ то время, когда они рассказывали другъ другу свои замѣчанія; оглянувшись, съ ужасомъ видѣли, что незнакомецъ стоитъ между ними.

Наконецъ одинъ изъ могильщиковъ рѣшился завести разговоръ съ этимъ загадочнымъ существомъ, и въ темную ночь, увидя, что незнакомецъ сидитъ на могилѣ, онъ смѣло подошелъ и сѣлъ подле него.

— Темная ночь, мѣстеръ!

— Да, темна.

— Гораздо темнѣе прошедшей, хоть и та была чертовски-темна... Не встрѣтился ли я недавно съ вами въ Оксфордской-Улицѣ у ратуши?

— Можетъ-быть.

Могильщикъ поглядѣлъ вокругъ себя и видя, что ихъ окружили въ это время его товарищи, рѣшился на отчаянный поступокъ и, ударивъ незнакомца по плечу, вскричалъ:

— Слушайте, мѣстеръ! Что вы вѣчно смотрите со мной? Будьте немножко пообходительнѣе, поразговорчивѣе. Вы здѣсь въ обществѣ джентльменовъ. Про васъ рассказываютъ такія вещи, что волосъ дыбомъ становится! Говорятъ, что вы чорту душу продали...

— Мы все продали чорту свои души, угрюмо отвѣчалъ незнакомецъ.—Еслибъ насъ не было такъ много, онъ бы дороже давалъ за одну душу.

— Видно, вамъ не очень посчастливилось на этомъ свѣтѣ? сказалъ могильщикъ, взглянувъ на блѣдное, худощавое лицо незнакомца и на его ветхое рубище.—Что жъ за бѣда! Это не мѣшаетъ быть веселымъ... Ну-ка, мѣстеръ, затянемъ удалую пѣсенку, такъ горе какъ рукой сниметъ!

— Пой самъ, если хочешь, отвѣчалъ незнакомецъ и, сбросивъ съ плеча его руку, прибавилъ: — да не совѣтую дотрогиваться до меня. Со мною добрый ножъ, который легко выходитъ изъ ноженъ, какъ это ужъ и случилось испытать кой-кому однажды. Я не люблю, чтобъ меня разспрашивали, чтобъ со мной такъ дерзко обходились...

— О-го! ты, кажется, грозилъ мнѣ?

— Да, и докажу всякому, кто дотронется до меня, что слова мои напрасны! вскричалъ незнакомецъ, вскакивая и бросая вокругъ себя дикіе взгляды, какъ-будто спрашивая, кто изъ толпы будетъ такъ смѣлъ, чтобъ на него броситься.

Голосъ, взоры, движенія, полныя какого-то грубаго отчаянія, заставили окружающихъ его отступить на нѣсколько шаговъ.

— Я такой же человекъ, какъ и вы, и живу такъ же, какъ и вы живете, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, все еще стоя въ оборонительномъ положеніи и осматривая своихъ противниковъ. — Что вамъ отъ меня надобно? Какое кому до меня дѣло? Если я не хочу говорить съ вами, не хочу вѣсть съ вами никакихъ сношеній, кто жь меня можетъ къ этому принудить? У меня на это свои причины. Оставьте меня въ покоѣ; въ противномъ случаѣ, горе тѣмъ, которые осмѣлятся напасть на меня, хотя бы ихъ было вдесятеро болѣе!

Глухой шопотъ пробѣжалъ въ толпѣ. Нѣкоторые болѣе благородные люди совѣтовали оставить незнакомца, не вмѣшиваться въ частную жизнь человека, не сдѣлавшаго вреда никому, не принуждать его открывать свою тайну. Когда они кончили совѣщаніе и оглянулись, незнакомца уже не было.

Въ слѣдующій вечеръ, только-что стемнѣло, появился онъ снова на улицахъ. Нѣсколько разъ останавливался онъ передъ домомъ сарая, но домъ былъ запертъ. Потомъ черезъ Лондонскій-Мостъ пошелъ онъ къ Соутверку. На поворотѣ одной улицы, увидѣлъ онъ женщину съ корзиною въ рукѣ и тотчасъ же спрятался за уголъ, выжидая, пока она пройдетъ мимо его; потомъ вышелъ изъ своей засады и, озираясь, пошелъ за нею.

Она заходила въ лавки, покупая разныя вещи для домашняго обихода. Онъ также останавливался, бродилъ около того мѣста, куда она заходила, и потомъ снова слѣдовалъ за нею. Около одиннадцати часовъ, когда прохожіе начинали рѣже и рѣже показываться на улицахъ, повернула она, вѣроятно, домой и вошла въ ту же улицу, гдѣ ее встрѣтилъ незнакомецъ. Улица была пуста и-темна, женщина удвоила шаги свои, робко оглядываясь по сторонамъ. Незнакомецъ преслѣдовалъ ее неутомимо.

Наконецъ, подошла вдова — это была она — къ своему дому и остановилась, чтобъ достать изъ корзины ключъ отъ дверей. Запыхавшись отъ скорой ходьбы и радуясь счастливому окончанію своего путешествія, вложила она ключъ въ замочную скважину и, поднявъ голову, увидѣла передъ собою страшнаго незнакомца.

Онъ зажалъ ей ротъ рукою; это было напрасно: отъ ужаса она не могла произнести ни одного слова.

— Долго подстерегалъ я тебя на улицахъ! Есть ли кто у тебя въ домѣ? Одна ли ты? Отвѣчай!

Какой-то неясный звукъ вылетѣлъ изъ спертой груди ея.

— Если ты не можешь говорить, то сдѣлай утвердительный знакъ.

Она кивнула головою.

Онъ отперъ дверь, ввелъ ее въ домъ и крѣпко заперъ дверь за собою.

ГЛАВА XVII

То была темная и холодная ночь. Огонь потухъ въ каминѣ. Странный посетитель досталъ тлѣющій уголь и началъ раздувать его, поглядывая по-временамъ на вдову, которая въ какомъ-то безпамятствѣ опустилась на стулъ.

Наконецъ, ему удалось раздуть огонь, который былъ необходимъ, чтобъ согрѣть его окоченѣвшіе члены. Платье незнакомца было промочено насквозь, потому-что прошлую ночь и все утро шелъ проливной дождь. Все доказывало, что онъ жилъ подъ открытымъ небомъ, не имѣя никакого пристанища. Перепачканный въ грязи и угляхъ, въ платьѣ, плотно прильнушемъ къ его исхудалымъ членамъ, съ блѣднымъ лицомъ, небритую бороною, стоялъ онъ, жадно слѣдя взорами разгарающеся пламя и порою поглядывая изъ-подлобья на вдову, какъ-бы боясь, чтобъ она не ушла отъ него.

Она закрыла лицо руками, дрожа отъ ужаса, не смѣя взглянуть на страшнаго гостя. Прошло нѣсколько долгихъ и мучительныхъ минутъ. Наконецъ, онъ съѣлъ и сказалъ:

— Это твой домъ?

— Да. Но, ради Бога, зачѣмъ вы пришли сюда?

— Дай мнѣ ѣсть и пить, если не хочешь, чтобъ я самъ здѣсь распорядился... Я прозябъ и голоденъ! Мнѣ необходима пища и теплый уголь, гдѣ бы я могъ отдохнуть. Надѣюсь все это получить здѣсь, отъ тебя...

— Ты разбойникъ изъ Чигуэльской Улицы?

— Да!

— Ты готовъ былъ совершить убійство?

— По-крайней-мѣрѣ это было моимъ желаніемъ. Да что прикажешь дѣлать? Онъ поднялъ ужасный крикъ: «убійцы! спасите!» Ему было бы худо, еслибъ онъ не былъ такъ проворенъ... Я побѣжалъ за нимъ...

— Съ ножомъ? вскричала вдова, поднимая руки къ небу.—О, Боже! Ты слышишь его, Ты видишь этого ужаснаго человѣка!..

И сложивъ руки, подняла она къ небу взоры, полные отчаянія. Сурово посмотрѣлъ онъ на нее, и вставъ съ своего мѣста, остановился передъ нею въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Берегись! вскричалъ онъ дикимъ голосомъ:—берегись оскорблять меня, или ты погибла, — погибла душою и тѣломъ.

— Слушай, продолжалъ онъ:— я дикій звѣрь въ образѣ человѣка, злой духъ облеченный тѣломъ и плотью, привидѣніе, котораго страшатся всѣ живущіе, проклятое существо, жительне здѣшняго міра.. Я ничего не боюсь, я испыталъ всѣ ужасы жизни, я на землѣ живу какъ въ аду; но если ты будешь исполнять мои приказанія и не

будешь оскорблять меня — не сдѣлаю тебѣ никакого зла. Ты осмѣлилась угрожать мнѣ, а я никому не прощаю оскорбленій. Если ты заставишь меня пролить кровь, она падетъ на тебя же и на подобныхъ тебѣ во имя злаго духа, который искушеніемъ ведетъ людей къ погнѣбелю.

При этихъ словахъ, онъ вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и крѣпко сжалъ его въ рукѣ.

— О! накажи этого человѣка, правосудное небо! вскричала вдова.
— Пошли ему минуту раскаянія, и потомъ очисти отъ него землю.

— Дай мнѣ пить и ѣсть, не то я исполню свои угрозы.

— Но оставишь ли ты домъ мой, когда я исполню твое требованіе? Общаешься ли ты никогда сюда не возвращаться?

— Ничего не общаю, отвѣчалъ онъ, садясь за столъ:—кромѣ одного: исполнить свою угрозу, если ты не будешь мнѣ повиноваться.

Она встала и молча подошла къ маленькому шкапу, изъ котораго вынула ломоть хлѣба, нѣсколько кусковъ холоднаго мяса, и поставила все это на столъ. Опъ потребовалъ вина и водки. И это исполнила она. Съ жадностью голоднаго звѣря пожиралъ онъ принесенное ею и во все это время она сидѣла въ противоположномъ углу комнаты, съ ужасомъ слѣдя за его движеніями. Она не смѣла не глядѣть на него: ужасное лицо незнакомца, казалось, приковывало къ себѣ ея взоры. Проходя мимо его къ шкапу, она подобрала платье, опасаясь прикосновенія къ этому человѣку. Окончивъ свой обѣдъ, если обѣдомъ можно назвать животное утоленіе голода, придвинулъ онъ снова къ огню стулъ и, грѣясь у ярко разгорѣвашагося камна, началъ снова:

— Я никогда такъ не былъ доволенъ обѣдомъ, какъ сегодня. Теплое пристанище — для меня необыкновенная роскошь. Кусокъ хлѣба, бросаемый нищему вмѣсто подаенія, былъ бы для меня роскошнымъ пиромъ. Здѣсь такъ хорошо и уютно. Ты одна живешь здѣсь?

— Нѣтъ! отвѣчала она какъ бы противъ воли.

— Кто жъ еще здѣсь живетъ?

— Человѣкъ, мужчина; для тебя все равно, кто бы онъ ни былъ, но я совѣтовала бы тебѣ поскорѣе уйдти отсюда — онъ можетъ застать тебя...

— Я хочу хорошенько согрѣться, отвѣчалъ онъ, протягивая къ огню свои исхудалыя, жилистыя руки. Ты вѣрно богата?

— О, очень! отвѣчала она съ горькой улыбкой: — очень богата!..

— По-крайней-мѣрѣ, я увѣренъ, что у тебя есть деньги — ты сегодня вечеромъ дѣлала разныя закупки.

— Весьма небольшія. У меня осталось два, три шиллинга...

— Дай мнѣ твой кошелекъ. Ты держала его въ рукѣ, когда отворила дверь.

Она молча положила кошелекъ на столъ. Онъ высыпалъ на руку мелкія деньги и началъ ихъ пересчитывать. Въ это время она вдругъ остановилась посреди комнаты, какъ-будто прислушиваясь къ чему-то, и потомъ бросилась къ нему.

— Бери всѣ деньги, бери все, что хочешь, все, что здѣсь найдешь, но ради Бога уходи скорѣе... Онъ сейчасъ прійдетъ... я узнаю шаги его. Я одна могу различить ихъ издали. Уходи! уходи!

— Кто тамъ идетъ? чьи шаги услышала ты?...

— Оставь эти неумѣстные вопросы. Еслибъ я была въ силахъ, своими руками притащила бы тебя къ дверямъ и вытолкнула на улицу. Бѣги! бѣги! Не теряй ни минуты, жалкій разбойникъ!

— Если тамъ ждутъ меня шпионы, то я здѣсь гораздо-безопаснѣе, отвѣчалъ незнакомецъ съ какимъ-то страхомъ:—я хочу здѣсь остаться, и не уйду, пока не минетъ опасность.

— Поведи! вскричала вдова, которая прислушивалась къ шагамъ, раздававшимся по улицѣ и не обращала вниманія на его слова: — слышишь ли ты эти шаги? Это онъ, мой сынъ, мой бѣдный, беззаботный сынъ!..

При этихъ словахъ, произнесенныхъ съ необыкновенною дикостью, снова сильно застучали въ дверь. Онъ взглянулъ на вдову, вдова взглянула на него.

— Впусти его! сказалъ онъ хриплымъ голосомъ.—Я боюсь его не столько, какъ темной, безпріютной ночи. Онъ опять стучится. Впусти!

— Я предчувствовала ужасъ этой минуты, отвѣчала вдова: — это предчувствіе тревожило меня во всю жизнь мою, — я не впущу его. Бѣдствіе неминуемо постигнетъ его, если вы встрѣтитесь съ глазу на глазъ. Сынъ мой! мой несчастный сынъ! О, добрые ангелы неба, передъ которыми открыта истина! внемлите молитвъ бѣдной матери, сохраните ей сына, не допустите его до знакомства съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ!

— Онъ стучится въ ставни! вскричалъ разбойникъ. — Онъ зоветъ тебя. Этого голосъ, этого крикъ... А! это онъ! онъ боролся со мною на дорогѣ, не такъ ли?

Она почти лишилась чувствъ, упала на колѣни и шевелила губами, но не могла произнести ни слова. Пока разбойникъ смотрѣлъ на нее, не зная что начать, куда обратиться, — ставни отворились. Онъ едва успѣлъ съ быстротою молніи схватить со стола ножъ, всунуть его въ рукавъ и броситься въ кладовую, когда Бэрнеби уже постучался въ окно и съ дикимъ торжествомъ поднялъ нижнюю часть его рамы.

— Ха, ха, ха! кто же может не впускать меня съ Грейфомъ? вскричалъ онъ, просунувъ голову въ окно и дико озирая комнату. — Вы тутъ, матушка? Зачѣмъ такъ долго не допускали вы насъ къ свѣту и огню?

Мать замѣаясь сказала что-то въ извиненіе и протянула ему руку. Но Бэрнеби, не принимая руки ея, прыгнулъ въ комнату, бросился къ ней на шею и цаловалъ ее.

— Мы были въ полѣ, матушка; прыгали черезъ рвы, ползали черезъ просѣки, взбирались на крутизны и спускались внизъ. Вѣтеръ дулъ сильно; трава и молодой тростникъ наклонялись и кланялись ему, чтобъ онъ не обижалъ ихъ, трусы! — А Грейфъ — ха, ха, ха! — молодецъ Грейфъ! ему все не по чемъ; когда вѣтеръ покатаетъ его въ пыли, онъ смѣло оборачивается и кусаетъ его... Грейфъ, смѣлый Грейфъ, дрался съ каждою склонявшеюся въточкой... Онъ говорилъ мнѣ, что вѣтки смѣются надъ нимъ... и онъ трепалъ ихъ, какъ будьдогъ. Ха, ха, ха!

Воронъ въ маленькой корзинкѣ, бывшей на спинѣ его господина, слыша, что такъ часто и громко провозносятъ его имя, выразилъ свое участіе тѣмъ, что закричалъ пѣтухомъ, и потомъ произнесъ всѣ слова, какія зналъ, съ такою скоростію и въ такихъ многообразныхъ хриплыхъ тонахъ, что они оказались говоромъ пѣлой толпы народа.

— Какъ онъ слушается меня! продолжалъ Бэрнеби. — Пока я сплю, онъ стережетъ меня, а когда я закрываю глаза, прикидываясь спящимъ, онъ тихонько твердитъ новый урокъ; но всегда присматриваетъ за мною, и если замѣтитъ, что я хоть немножко смѣюсь, тотчасъ перестанетъ болтать. Онъ хочетъ сдѣлать мнѣ скръпякъ, когда совсѣмъ вытвердитъ слова.

Воронъ опять закричалъ пѣтухомъ и такъ увлекательно, какъ будто хотѣлъ сказать: «опять рѣчь идетъ обо мнѣ; я горжусь этимъ.» Между-тѣмъ, Бэрнеби закрылъ окно и, подходя къ огню, хотѣлъ свѣсть лицомъ къ кладовой. Но мать предупредила его въ этомъ, съѣвъ сама такимъ образомъ и подавая ему знакъ, чтобъ онъ свѣлъ напротивъ ея.

— Какъ вы блѣдны сегодня, матушка! сказалъ Бэрнеби, опершись на свою палку. — Мы поступили жестоко, Грейфъ; мы напугали ее!

Дѣйствительно, она испугалась; сердце ея билось сильно. Разбойникъ немного растворивъ дверь своего убѣжища, пристально смотрѣлъ на сына вдовы. Грейфъ, замѣчавшій все, чего даже не подозревалъ господинъ его, высунулся изъ корзины и съ своей стороны сталъ внимательно глядѣть на разбойника сверкающими глазами.

— Онъ бьетъ крыльями, сказалъ Бэрнеби, и обернулся такъ быстро, что едва не замѣтилъ затворявшейся двери и головы подслу-

пивавшаго: — вѣрно тутъ есть кто-нибудь чужой; Грейфъ такъ уменъ, что вѣрно не выдумаетъ небылицы. На; скачи-себя!

Принявъ это приглашеніе съ свойственною ему важностью, вѣронъ вспрыгнулъ на плечо Бэрнеби, оттуда спустился на протянутую его руку, и сошелъ на землю. Когда Бэрнеби снялъ со спины корзину и поставилъ ее съ открытой крышкой въ уголъ, первую заботою Грейфа было закрыть ее какъ-можно-скорѣе и сѣсть на нее. Полагая, безъ сомнѣнія, что теперь отнялъ возможность у всякаго запереть его опять въ корзину, торжествуя, защелкалъ языкомъ и нѣсколько разъ прокричалъ «ура!»

— Матушка, сказалъ Бэрнеби, положивъ шляпу и палку въ уголъ и сѣвъ опять на стулъ, съ котораго всталъ-было:—я расскажу тебѣ, гдѣ мы были сегодня и что дѣлали—хочешь?

Она взяла его за руку, крѣпко сжала ее и кивнула въ знакъ согласія, не имѣя силы говорить.

— Только никому не пересказывай этого, продолжалъ Бэрнеби, грозя ей пальцемъ: — потому-что это тайна, известная только мнѣ, Грейфу и Гогу. Правда, съ нами была и собака, но она не можетъ все еще сравниться съ Грейфомъ; хоть и она тоже молодецъ, но никакъ не угадаетъ, зачѣмъ ходила съ нами, быось объ закладъ... Что ты все смотришь черезъ мое плечо?

— Кто? я? отвѣчала мать слабымъ голосомъ. — Такъ, сама не знаю. Подвинься ко мнѣ ближе.

— Ты встревожена, сказалъ Бэрнеби, блѣднѣя. — Матушка... Ты не видишь...

— Чего?

— Вѣдь нѣтъ... Здѣсь ничего этого нѣтъ, а? шепталъ онъ, двигаясь еще ближе и указывая на родимый знакъ на рукѣ. — Боюсь, что оно здѣсь гдѣ-нибудь. Волосы у меня поднимаются дыбомъ, когда смотрю на тебя, и по всему тѣлу пробѣгаетъ дрожь. Зачѣмъ ты глядишь такъ странно? Развѣ оно въ комнатѣ такъ, какъ мнѣ снилось, брызжетъ кровью на потолокъ и на стѣны? Отвѣчай же? Да?

Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, дѣлая эти вопросы, закрывъ глаза руками. Черезъ нѣсколько времени онъ приподнялъ голову и оглянулся.

— Ушло?

— Да здѣсь ничего и не было, отвѣчала мать, успокоивая его. — Право, ничего, милый Бэрнеби. Посмотри хорошенько! Ты видишь, здѣсь никого нѣтъ, кромѣ меня и тебя.

Онъ со страхомъ посмотрѣлъ на нее и, успокоясь немного, захохоталъ дико.

— Посмотримъ, сказалъ онъ, задумываясь. — Мы ли это говорили? Были ли это ты, да я? Гдѣ мы были?

— Нигдѣ; мы сидѣли здѣсь.

— Ахъ, да, только Гогъ и я, сказалъ Бэрнеби: — вотъ что. Гогъ изъ Майскаго-Дерева, да я, знаешь, да Грейфъ—лежали въ лѣсу, подъ деревьями у дороги, съ потайнымъ фонаремъ, когда пришла ночь; у насъ была собака на веревкѣ, чтобъ тотчасъ спустить ее, когда тотъ человѣкъ пройдетъ мимо.

— Какой человѣкъ?

— Разбойникъ; тотъ, на котораго глязли звѣзды. Мы ужъ нѣсколько ночей подстерегали его впотьмахъ, и ужъ непременно поймемъ его. Я узнаю его изъ тысячи человѣкъ. Смотри сюда, матушка! Вотъ каковъ онъ собой. Смотри!

Онъ обвилъ себя около головы платокъ, надвинулъ шляпу на лобъ, закутался въ сюртукъ и всталъ, до того похожій на подлинникъ, къ которому хотѣлъ поддѣлаться, что темная фигура, выглядывавшая за нимъ изъ коморки, могла быть почтена за тѣнь его.

— Ха, ха, ха! Ужъ мы поймемъ его, воскликнулъ онъ, скидывая съ себя такъ же скоро шляпу и платокъ, какъ скоро надѣлъ ихъ. — Увидишь его, матушка, связаннаго по рукамъ и по ногамъ; увидишь, какъ потащутъ его въ Лондонъ на съдѣльной подпругѣ; услышишь, что онъ на тэйбѣрскомъ деревѣ, если намъ посчастливится. Такъ говоритъ Гогъ. Но ты опять блѣднѣешь, опять дрожишь. Зачѣмъ ты смотришь такъ въ дверь кладовой?

— Ничего, отвѣчала она. — Я не такъ здорова. Поди, лягъ въ постель, милый Бэрнеби; оставь меня въ покоѣ.

— Въ постель! сказалъ онъ. — Я не люблю постели... Я лучше люблю лежать передъ огнемъ и смотреть на мѣстоположенія въ раскаленныхъ углахъ—на рѣвки, пригорки, пещеры въ темнокрасномъ солнечномъ закатѣ, на дикія, огненные лица. Да вѣдь я голоденъ, и Грейфъ тоже не ѣлъ ничего съ самаго обѣда. Дай намъ поужинать. Грейфъ! ужинать; эй, молодецъ!

Вѣронъ захопалъ крыльями и, каркая отъ радости, прыгнулъ къ ногамъ своего господина, раскрывая клювъ, чтобъ подхватить бросаемые куски. Бэрнеби бросилъ ему около двадцати кусковъ, и вѣронъ, не двигаясь съ мѣста, ловилъ ихъ очень ловко.

— Довольно, сказалъ Бэрнеби.

— Больше! кричалъ Грейфъ.—Больше!

Но увѣрившись, что не получитъ ничего болѣе, вѣронъ отретировался съ своею провизіею, выбросилъ куски изъ рта и спряталъ ихъ по разнымъ угламъ; но при этомъ особенно остерегался подходить близко къ кладовой, какъ-бы не довѣряя намѣреніямъ спрятавшагося въ ней человѣка и его силъ противиться искушенію. Кончивъ работу, онъ прошелся два-три раза поперегъ конюшни, стараясь придать себѣ видъ величайшей беззаботности, но при всѣмъ

томъ безпрестанно поглядывая однимъ глазомъ на свое сокровище ; потомъ началъ доставать одинъ кусокъ за другимъ и ѣсть съ величайшимъ аппетитомъ.

Бэрнеби, съ своей стороны, сдѣлавъ тщетныя усилія, чтобы заставить мать раздѣлать съ нимъ ужинъ , повѣлъ тоже плотно. Одинъ разъ, въ-продолженіе этого, онъ хотѣлъ идти за хлѣбомъ въ кладовую ; но мать поспѣшно предупредила его и, собравъ все свое мужество, пошла сама въ кладовую и принесла кусокъ хлѣба.

— Матушка , сказалъ Бэрнеби , посмотрѣвъ ей прямо въ глаза , когда она съѣла опять:—развѣ сегодня день моего рожденія ?

— Сегодня ? отвѣчала она. — Да развѣ ты не помнишь , что онъ былъ съ недѣлю назадъ , и прежде чѣмъ онъ опять прійдетъ , должны бѣ были пройти лѣто, осень и зима ?

— Помню, что до-сихъ-поръ было такъ , сказалъ Бэрнеби. — Но, не смотря на все это, я полагаю , что и сегодня долженъ быть день моего рожденія.

— Почему жь ты такъ думаешь ?

— Я скажу тебѣ почему, отвѣчалъ онъ. — Я видалъ, хоть и не говорилъ тебѣ ничего,—но видалъ, что ты всегда очень печальна въ этотъ день вечеромъ. Я видалъ тебя плачущею, когда мы съ Грейфомъ были очень-веселы, и испуганною безъ всякой причины; пожималъ тебѣ руку, и чувствовалъ , что она была холодна, точно какъ теперь. Разъ, матушка... тоже въ день моего рожденія... я и Грейфъ начали размышлять объ этомъ, отправившись спать, и ночью, когда пробилъ часъ, мы сошли внизъ и подошли къ двери твоей комнаты, чтобы узнать здорова ли ты. Ты стояла на колынахъ... Я опять забылъ, что ты говорила тогда... Грейфъ, что она тогда говорила ?

— Я дьяволъ ! поспѣшно вскричалъ воронъ.

— Врешь, сказалъ Бэрнеби. — Ты что-то говорила въ молитвѣ, и когда встала и начала прохаживаться по комнатѣ , то была такъ же блѣдна, какъ теперь и какъ бываешь всегда въ день моего рожденія. Видишь, я понялъ это, хоть и глупъ. Вотъ почему и говорю теперь, что ты ошибаешься : сегодня долженъ быть день моего рожденія... Грейфъ, вѣдь нынче день моего рожденія ?

Воронъ запѣлъ пѣтухомъ такъ продолжительно, какъ могъ бы запѣть только пѣтухъ, одаренный разумомъ , чтобы провозгласить наступленіе должайшаго дня. Какъ будто въ-самомъ-дѣлѣ понявъ слова Бэрнеби и придумывая, какъ поздравить его, воронъ почелъ приличнѣе всего сказать: «Очень много разъ говорю не быть мертвымъ!» хлопая при этомъ весьма-патетически крыльями.

Мать не отвѣчала на слова сына и старалась обратить его вниманіе на другой предметъ, что, какъ знала изъ опыта, было очень-легко. После ужина , Бэрнеби, не смотря на просьбы матери , легъ на ци-

новкъ передъ каминомъ ; Грейфъ качался на одной ногѣ и то дремалъ въ пріятной теплотѣ, то, казалось, старался вспомнить какую-то рѣчь, которую заучивалъ днемъ.

Наступило продолжительное, глубокое безмолвіе, только марьяда прерываемое Бэрнеби, который все еще пристально смотрѣлъ въ огонь и ворочался на своей постели, то Грейфомъ, который, стараясь припомнить что-то, время-отъ-времени вскрикивалъ глухимъ голосомъ : « Полли, поставь чайн... » и, забывъ остальное, умолкалъ и продолжалъ дремать.

Прошло довольно времени ; Бэрнеби начиналъ уже дышать слыше, правнннше и закрылъ глаза. Но тутъ опять крикъ безпокойнаго ворона : « Полли, поставь чайн... » пробуждалъ его.

Наконецъ Бэрнеби заснулъ глубокимъ сномъ, и воронъ, опустивъ голову на вздувшуюся грудь свою, болѣе и болѣе закрывалъ блестящіе глаза свои, и казалось, тоже расположился спать. Кое-когда бормоталъ онъ еще гробовымъ голосомъ : « Полли, поставь чайн... » но очень невнятно и скорѣе, какъ пьяный человекъ, нежели какъ размышляющій воронъ.

Вдова, едва смѣя дышать, встала съ своего мѣста. Разбойникъ тихонько выбрался изъ кладовой и задулъ свѣчу.

— «...никъ на огонь» вскричалъ Грейфъ, вдругъ вспоминая окончаніе фразы, чрезвычайно громкимъ голосомъ : — «никъ на огонь. Ура! Полли, поставь чай...никъ на огонь, мы всѣ пьемъ чай. Полли, поставь чайникъ на огонь, мы всѣ пьемъ чай. Ура, ура, ура! Я дьяволъ, дьяволъ, чайникъ на огонь! скорѣе. Говори никогда не быть мертвымъ, бау, вау, вау, я дьяволъ; чайникъ на огонь; я... Полли, поставь чайникъ на огонь, мы всѣ пьемъ чай...»

Вдова и разбойникъ стали какъ вкопанные, будто услышали голосъ изъ могилы.

Но и эти крики не могли разбудить спящаго. Онъ обернулся къ огню, рука его опустилась на землю, голова склонилась на руку. Вдова и незванный гость взглянули на него, потомъ другъ на друга, и она указала ему дверь.

— Пстой, прошепталъ онъ.—Славнымъ дѣламъ учини ты своего сына!

— Я не учила его ничему изъ того, что ты слышалъ. Уйди сію же минуту, или я разбужу его.

— Это въ твоей волѣ. Не хочешь ли, чтобъ я разбудилъ его?

— Ты не осмѣлишься этого сдѣлать!

— Я уже говорилъ тебѣ, что осмѣлюсь на все. Онъ, кажется, хорошо знаетъ меня: такъ и я хочу съ нимъ познакомиться.

— Ты хочешь убить спящаго? вскричала вдова, бросааясь между нимъ и сыномъ.

— Женщина! сказалъ онъ сквозь зубы, отводя ее въ сторону:—я хочу посмотрѣть на него получше, и събляю это. Если жь ты хочешь, чтобъ одинъ изъ насъ былъ убитъ, то, пожалуй, разбуди его.

Сказавъ это, онъ подошелъ къ Бэрнеби, наклонился, тихо повернулъ къ огню его голову и всматривался ему въ лицо. Пламя озарило лицо Бэрнеби и осветило малѣйшую черту его. Съ минуту разбойникъ всматривался въ него и потомъ отошелъ быстро.

— Замѣть себя, шепнулъ онъ вдовѣ:—черезъ этого молодца, о существованіи котораго я не зналъ ничего до нынѣшняго вечера, ты въ моей власти. Берегись дурно обращаться со мною! берегись! Я покинуть всѣми; я нищій, умирающій съ голоду: я могу мстить вѣрно и медленно!

— Въ твоихъ словахъ долженъ быть ужасный смыслъ, но я не понимаю его.

— Въ нихъ есть смыслъ, и я вижу, ты понимаешь ихъ какъ-нельзя-лучше. Ты напередъ знала это цѣлые годы, ты сама говорила мнѣ о томъ. Предоставляю тебѣ размыслить объ этомъ. Не забудь же моей угрозы.

Онъ указалъ еще разъ на спящаго и вышелъ тихими шагами на улицу. Мать бросилась на колѣни подлѣ сына и осталась въ такомъ положеніи какъ окаменѣлая, пока слезы, удерживаемыя до-тѣхъ-поръ страхомъ, не облегчили ея стѣсненнаго сердца.

— Боже! воскликнула она:— Ты, научившій меня такой сильной любви къ этой единственной надеждѣ, которая осталась мнѣ отъ миновавшаго счастья,—къ этому больному ребенку, изъ недуга котораго, можетъ-быть, пристокаетъ утѣшеніе, что онъ навсегда останется мнѣ нѣжнымъ, любящимъ сыномъ,—будь ему заступникомъ на мрачномъ пути жизни; иначе онъ погибнетъ, а бѣдное сердце мое не вынесетъ его погибели...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

УМИРАЮЩИЙ ГЛАДИАТОРЪ.

I see before me the gladiator lie...

ВѢСНО.

Лякуеть буйный Римъ... торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена:
А онъ, прозенный въ грудь — безмолвно онъ лежитъ,
Во прахъ и крови скользятъ его колѣна...
И молить жалости напрасно мутный взоръ:
Надменный временщикъ и льстецъ его сенаторъ
Въичають похвалою побѣду и позоръ...
Что яростной толпѣ сраженный гладиаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ... освященный актёръ.

И кровь его течеть — послѣднiя мгновенья
Мелькаютъ, — близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай ..
И родина цвѣтеть... свободный жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленный для брани,
Отца, востершаго нѣмѣющiя длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей.
Всѣ ждуть его назадъ съ добычею и славой
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
• Прости, развратный Римъ, — прости, о край родной!... •

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

2 февраля 1836 г.

II

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Г Э Т Е.

Статья третья.

Гёте въ Веймарѣ съ 1775 по 1796 г. — Путешествіе въ Италію. — Знакомство и дружба съ Шиллеромъ.

Центромъ, около котораго обращались всѣ современныя знаменитости, посѣщавшія Веймаръ, или постоянно-жившія въ немъ, была герцогиня Анна-Амалия Саксен-Веймарская, мать владѣтельнаго герцога, образецъ истинно-царскаго величія, исполненная благородства и любезности въ обращеніи, любительница наукъ и искусствъ, проводившая время въ кругу замѣчательныхъ по уму своему мужчинъ и женщинъ. Сохранившійся до сего времени абрисъ живописца Крауса представляетъ вечернее общество герцогини, состоявшее изъ Виланда, Эйндзеля, Кнебеля, Луизы фон-Гехгаузенъ, Амалии фон-Имгофъ и другихъ, къ которому въ послѣдствіи принадлежали Гёте, Гердеръ, Майеръ и Ферновъ. — Герцогиня хорошо знала музыку и живопись; еще при жизни супруга своего она покровительствовала возраждающейся нѣмецкой драмѣ, и когда Гете въ 1775 году прибылъ въ Веймаръ, театръ былъ почитаемъ моральнымъ учрежденіемъ, школою добродѣтели и нравственности. Съ любовію къ умной, назидательной бесѣдѣ, она соединяла въ высочайшей степени терпимость, и это дѣлало ее способною поддерживать согласіе и отвращать всякое непріязненное столкновеніе разнородныхъ элементовъ двора. Она сообщала всѣмъ окружавшимъ ее страсть къ забавамъ и увеселеніямъ, которыми въ Веймарѣ встрѣчали всякаго посетителя, замѣчательнаго своимъ умомъ и принадлежавшаго къ свѣ-

шуму кругу. Любимецъ ея Виландъ не могъ довольно надвинуться многосторонности ея образованія и постоянству, съ которымъ она старалась обогащать умъ свой разнородными свѣдѣніями, разсуждая попеременно съ Райналемъ о политикѣ, съ Вилозономъ о литературѣ, съ Езеромъ объ искусствахъ.

Таковъ былъ кругъ, въ который должно было вступить Гёте, съ которымъ онъ долженъ былъ соединиться на всю свою жизнь. Вступленіе его походило на триумфъ. Онъ явился въ костюмъ Вертера, проникнутый еще духомъ этого романа, что и дѣлало его чрезвычайно интереснымъ въ глазахъ женщинъ. Изъ нихъ болѣе другихъ сдѣлала на него впечатлѣніе сестра Коцебу, впоследствии вышедшая за святика Гильдемейстера въ Бремень. Въ честь ей написалъ онъ комедію *Die Geschwister*, въ которой изобразилъ себя и ее.—Въ первое время своего пребыванія въ Веймарѣ, Гёте жилъ въ домѣ камер-президента фон-Кальба, который былъ съ нимъ чрезвычайно любезенъ, предвидя въ немъ всемогущаго любимца восемнадцатилѣтняго герцога. Но скоро Гёте поселился въ саду, принадлежавшемъ Бертуху, и граничившемъ съ дворцовымъ паркомъ: это было для него весьма удобно, потому-что, при недостаточности своего туалета, онъ часто пользовался гардеробомъ герцога.

Възвѣстъ съ подобными странностями, которыя всякій легко прощалъ гению Гёте, вскорѣ оказалась большая перемена въ отношеніяхъ его къ прежнимъ друзьямъ. Нѣкоторыхъ онъ приблизилъ къ себѣ; отъ болѣе же часта старался удалиться. Герднеръ былъ призванъ къ веймарскому двору по его рекомендаціи. Графъ Фридрихъ-Леопольдъ Штольбергъ также былъ приглашаемъ въ веймарскую службу, но конечно педаггическое изображеніе придворной жизни, сдѣланное ему Клопштокомъ, заставило его отказаться отъ этого приглашенія. До насъ дошло письмо творца «Мессіады» къ Гёте и замѣчательный отвѣтъ его. «Избавьте насъ, любезный Клопштокъ!»—писалъ ему Гёте 21 мая 1776 года—«отъ подобныхъ писемъ. Они не могутъ помочь намъ, но всегда разстроиваютъ насъ на вѣсколько часовъ. Вы сами чувствуете, что мнѣ нечего отвѣчать на нихъ. Я долженъ или какъ школьникъ пропѣть «*pater pascavi*», или измѣнять себя софизмами, или наконецъ защищаться мужественно; вѣроятно отвѣтъ мой былъ бы смѣшеніе всего этого, и такъ ни слова болѣе. Увѣряю васъ, что у меня не осталось бы ни одной свободной минуты, если бъ я вздумалъ отвѣчать на подобныя увѣщанія. Герцогу было больно слышать такія вещи отъ Клопштока: онъ любитъ и уважаетъ васъ; во мнѣ вы также на этотъ счетъ увѣрепы. Прощайте. Пусть Штольбергъ призываетъ, онъ найдетъ насъ навѣрное несуже, а Богъ дастъ и лучше, нежели какъ воображаетъ.»

Многіе изъ прежнихъ друзей его, которыхъ фортуна Гёте привлекла въ Веймаръ, были приняты имъ холодно и сухо.—Гёте не нравилась серьезная натура его земляка Клингера; онъ находилъ общество его утомительнымъ. Зятя своего Шлоссера Гёте обидѣлъ письмомъ, написаннымъ его камердинеромъ, къ которому онъ не прибавилъ ни одной строчки своей руки. Ленцъ самъ изгналъ себя отъ двора, ибо, по словамъ Виланда, «онъ ежедневно дѣлалъ какую-нибудь глупость». Только съ Меркомъ дружба Гёте продолжалась довольно долго. Добродушный Виландъ едва не обожалъ лю-

бимца герцога. Въ письмѣ къ Мейзелю отъ 16 ноября называется онъ Гёте «величайшимъ гениемъ и добрымъ и любезнѣйшимъ человекомъ». Впрочемъ, слишкомъ навязчивая дружба Виланда скоро надоела Гёте и начала остывать, особливо, когда Виландъ болѣе сблизился съ Гердеромъ, въ характерѣ котораго Гёте всегда находилъ что-то отталкивающее; Гёте не нравилось въ немъ, какъ самъ онъ говоритъ, «въчю дурное расположеніе духа, которыми онъ мучилъ себя и другихъ».

Такой характеръ, конечно, нисколько не согласовался съ веселою свѣтскостію Гёте, съ его юношескою живостію и страстію къ наслажденіямъ, готовою иногда преступить освятенныя временемъ обыкновенія; разговоръ его былъ всегда оживленъ шутками в юморомъ; его богатая фантазія представляла въ волшебномъ блескѣ самыя обыкновенныя предметы. Такимъ образомъ Гёте скоро сблизился душою веселаго круга, который собралъ около себя молодой герцогъ, почти однихъ съ нимъ лѣтъ. Охота сбывалась придворными праздниками въ Тифуртъ и Эттесбургъ, въ память которыхъ много замѣчательныхъ именъ было вырвано собственноручно на одномъ деревѣ въ тифуртскомъ паркѣ.

Вся письма Гёте этого времени, показываютъ какъ доволенъ онъ былъ своею жизнію. 21 декабря 1775 писалъ онъ къ Лафатеру: «Я здѣсь какъ между своими; съ каждымъ днемъ герцогъ становится мнѣ дороже, и мы тѣснѣе связываемся другъ съ другомъ». Въ письмѣ къ Мерку, писанномъ 5 января 1775 года, вслѣдъ за тѣмъ, какъ Гёте сбланъ былъ тайнымъ совѣтникомъ посольства съ правомъ засѣдать и подавать голосъ въ совѣтъ, онъ между прочимъ говорилъ: «Взроятно скоро услышишь ты о моихъ подвигахъ на *Theatro mundi*, и надюсь, я буду сносенъ во всѣхъ его трагикомическихъ сценахъ». — Замѣчательно также и слѣдующее мѣсто изъ письма его къ Лафатеру отъ 6 марта 1776 года: «Я пустился въ океанъ жизни, съ твердою рѣшимостію сдѣлать новыя открытія и пріобрѣтенія, сражаться, и готовый перенести кораблекрушеніе или взорвать себя со всемъ грузомъ на воздухъ».

Эта восторженность скоро уступила мѣсто болѣе спокойному расположенію духа. Въ письмѣ къ Мерку отъ 24 іюля 1776 г., въ которомъ онъ говоритъ, что возвращается къ своему любимому занятію, живописи, и что даже на охоту ѣздитъ съ своимъ портфелемъ, — мы видимъ его опять болѣе углубленнымъ въ самого себя. «Герцогъ» писалъ онъ: «таковъ же, какъ и я, в конечно это многимъ не по-сердцу. Мы рука-объ-руку идемъ по избранному нами пути, сталкиваемся, правда, со всеми посредственно-стями злыми и добрыми, но при всемъ томъ, надюсь, дойдемъ до своей цѣли, потому-что боги видимо на нашей сторонѣ!» — Въ нѣсколько позднѣйшемъ письмѣ къ Лафатеру, отъ 8 января 1777 г., Гёте говоритъ: «Сколько бы ни продлилось теперешнее мое существованіе, — образецъ тревожной и разнообразной свѣтской жизни, — мнѣ навсегда останется отъ него воспоминаніе огорченій, надеждъ, любви, трудовъ, нуждъ, похожденій, скуки, глубостей, дурачествъ, радостей, ожидаемаго и неожиданнаго, плоскаго и глубокаго, и все это украшенное праздниками, танцами, роскошью, блестящими и грешками, — право, прекрасная жизнь! Но при всемъ томъ, любезный братъ, благодаря Бога я счастливъ въ самомъ себѣ и въ отношеніи

къ предназначенной цѣли. У меня нѣтъ ни одного желанія, которое я не надѣялся бы исполнить.»—То же говорить Гёте въ письмѣ отъ 19 февраля 1777 г. «Я совершенно счастливъ въ непрерывномъ движеніи и треніи жизни, и въ душѣ у меня спокойствіе, нежели когда-нибудь; ни къ кому не пишу, ни о комъ не слышу. Кромѣ круга, въ которомъ живу, ни что меня не занимаетъ.»

Гёте вовлеченъ былъ во вся политическія и придворныя интриги, и Герцогства Веймаръ и Эйзенахъ, какъ говоритъ онъ въ письмѣ отъ 22 января 1777 года, представляли довольно просторную сцену для того, кто хотѣлъ испытать себя въ политической роли.—Лѣтнее пребываніе въ деревнѣ, на берегу Ильма, опять возвратило Гёте къ внутренней жизни. «Моя долина» — писалъ онъ къ Мерку 5 августа 1778 г.—«украшается, т. е. я свыкаюсь съ нею и дѣлаю ее пріятнѣе для себя и для другихъ. Я собственными руками расчищаю и убираю запущенныя мѣста, и потомъ предоставляю природѣ довершить мои труды. Эти игрушки для меня то же, что лодка, на которой я объѣзжаю скучныя мѣста моей жизни. Въ глубинѣ души моей все идетъ какъ-нельзя-лучше. Стихія, въ которой я теперь живу, во многихъ отношеніяхъ похожа на воду. Она привлекаетъ всякаго; но, погружившись въ нее до половины, чувствуешь сначала стѣсненіе въ дыханіи, а окунувшись — не видишь ни неба, ни земли; преодолевъ первый страхъ, начинаешь чувствовать, что стихія въ состояніи поддержать тебя, что ты не идешь ко дну, хоть только носъ твой выглядываетъ на поверхности; являются члены и способности лягушечьей патуры, и современемъ привыкаешь малымъ движеніемъ производить многое. — Я сажу теперь деревья, какъ некогда сыны Израиля клали камни—для означенія пути своего».

Это же письмо содержитъ въ себѣ краткое описаніе путешествія въ Гарцскія Горы, увѣковѣченное извѣстнымъ стихотвореніемъ. «Прошлою зимою» писалъ Гёте— «путешествіе на Гарцъ доставило мнѣ чистѣйшее наслажденіе. Ты знаешь, какъ я не люблю, когда обыкновенное, естественное хотѣть представить чудеснымъ, и на оборотъ какъ люблю, когда чудесное происходитъ естественнымъ образомъ. Въ послѣднихъ числахъ ноября, не смотря на холодъ, грязь и снѣгъ, я одинъ-одинехонекъ отправился верхомъ, съ чемоданомъ за седломъ, черезъ Нордгаузенъ, Вернингероде, Госларъ, на высокій Гарцъ (я опишу тебѣ въ другой разъ вся подробности), преодолевъ вся трудности. В 8 декабря, въ часъ по полудни, стоялъ на Броккенѣ, облитый лучами солнца, на словъ снѣга въ полтора аршина толщиною и смотрѣлъ на окрестную страну, подернутую облаками; лѣсничій, котораго я съ трудомъ могъ уговорить быть моимъ вожатымъ, съ удивленіемъ увидѣлъ себя на такой высотѣ, которую онъ считалъ недоступною, живя уже наскольکو лѣтъ у подошвы горы. Тутъ провелъ я одинъ двѣ недѣли, и никто не зналъ гдѣ я. Посылаю тебѣ нѣскольکو строкъ, плодъ уединеннаго пребыванія на Гарцѣ.»—Это было извѣстное стихотвореніе *Зимняя Поѣздка на Гарцъ* (*Harzreise im Winter*) (*). Многія

(* Оно переведено А. Н. Стругойцкимъ и напечатано въ послѣдней книгѣ *Ожества*. Записокъ 1841 года.

мѣста его относятся къ даровитому, но одержимому неизлечимую меланхолію молодому человеку, Плесснугу, съ которымъ Гете познакомился въ Вернингероде.

Къ этому же времени относится непродолжительное пребываніе Гете въ Берлинѣ, куда онъ весною 1778 года сопровождалъ герцога веймарскаго. «Я былъ въ Берлинѣ только нѣсколько дней», писалъ онъ къ Мерку: «и только успѣлъ заглянуть въ него, какъ ребенокъ заглядываетъ въ ящикъ съ игрушками. Но ты знаешь, что значить для меня первый взглядъ, — тысячи идей родились въ головѣ моей. Наконецъ я узналъ короче стараго Фрица (Фридриха II), видѣлъ его житьё-бытьё, его золото, серебро, мраморы, обезьянъ, попугаевъ и взорванные занавѣсы, и слышалъ пересуды о немъ его собственныхъ *меодлеевъ* (Lumpenbunde). Мы проѣхали большую часть арміи принца Генриха; ея движенія и генералы, которыхъ я дюжинами встрѣчалъ на объѣздахъ, обратили мое вниманіе на теперешнюю войну. Впрочемъ, я мало имѣлъ сношеній съ людьми, и во все пребываніе въ прусскихъ владѣніяхъ не сказалъ ни одного слова, котораго нельзя было бы напечатать; за это меня прославили гордецомъ и т. п.»

Еще болѣшніи упрекамъ подвергся Гете отъ друзей за свою новую трагедію *Клавіо*, въ которой онъ опять вывелъ характеръ Вейслингена, чтобъ, какъ самъ онъ говорилъ, представить его во всей полнотѣ главнаго дѣйствующаго лица. Упрекъ, который Гете впоследствии дѣлалъ самъ себѣ, именно, что разсыпанная придворная жизнь стѣсняла, уничтожала дѣятельность его поэтическаго таланта, онъ теперь уже часто долженъ былъ слышать отъ Мерка, который между прочимъ писалъ ему: «Не понимаю, какъ Вольфгангу пришла мысль втереться ко двору? какъ-будто ты не могъ выбрать ничего другаго?»

Дѣйствительно, Гете жертвовалъ почти всею своимъ временемъ и всѣми силами новому своему назначенію. Онъ вполне чувствовалъ и цѣнилъ дружбу герцога, и, можетъ-быть, опасаясь, чтобъ союзъ этотъ не разорвался такъ же скоро, какъ былъ заключенъ, онъ всемерно старался оправдать довѣріе своего государя; можетъ-быть, онъ самъ ещене понималъ ясно что предстоило ему на этомъ поприщѣ. По-крайней-мѣрѣ, онъ дѣйствовалъ добросовѣстно, чему доказательствомъ можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ одного письма его: «Возложенныя на меня обязанности, которыя съ каждымъ днемъ становятся мнѣ легче и труднѣе, требуютъ неусыпной дѣятельности; онѣ начинаютъ дѣлаться для меня священными, и въ этомъ-то, и только въ этомъ я хочу подражать великимъ людямъ. Смотрю на свое существованіе, какъ на пирамиду, которой основаніе мнѣ дано, и которой верхъ я долженъ по возможности вознестъ къ небесамъ. Это желаніе перевѣшиваетъ вся другія и ни на минуту не оставляетъ меня. Мнѣ нельзя терять времени, я уже въ лѣтахъ: можетъ-быть смерть похититъ меня съ половины пути—и столпотвореніе вавилонское останется недоконченнымъ. Въ такомъ случаѣ, всякій, по-крайней-мѣрѣ, скажетъ, что оно начато было по смѣлому плану, а если Богъ продлитъ жизнь мою, то, надѣюсь, у меня достанетъ силъ окончить зданіе». Въ самомъ-дѣлѣ, Гете имѣлъ цѣлю, какъ выразился объ немъ одинъ остроумный писатель: «жить вмѣстѣ для свѣта и искусствъ, для наукъ и природы, соединить въ себѣ прак-

тическую и теоретическую деятельность государственного человека и литератора».

Эти обширные планы скоро должны были уступить место пробудившейся страсти къ театру. Еще въ первое время пребыванія Гете въ Веймаръ разыграны были небольшія пьесы и оперетки въ Эттесбургъ и Тифуртъ, въ буквыхъ рощахъ на берегу Ильма. Написанныя для этого Эйвизелемъ, Зекендорфомъ, Музеусомъ и самимъ Гете пьесы должны были удовлетворять всѣмъ условіямъ времени и мѣста, и потому изъ твореній Гете этого времени заслуживаютъ вниманія только *Рыбачка*, *Эрвинъ* и *Эльмира и Клеудина фонъ-Вилла-Бедла*, не говоря о множествѣ прологовъ и маскеранныхъ сценъ, исполненныхъ безжалостныхъ выходовъ противъ враговъ и друзей: — такъ однажды Гете написалъ вѣную пародію на одну арію изъ виландовой «Альцесты». Больше-серьезный характеръ сохранилъ учрежденный въ Веймарѣ стараніями Гете театръ любителей, который получалъ отъ двора гардеробъ, освѣщеніе, музыку и проч. Даровитая Корона Шреттеръ, бывшая тогда придворною пѣвицею, которую Гете обезсмертилъ въ своемъ стихотвореніи *Смерть Мидина*, блистала преимущественно въ трагическихъ, или такъ-называемыхъ характерныхъ роляхъ превосходною мимикою, высокими, стройнымъ станомъ и изяществомъ движеній. Вплѣдствіи, торжествомъ ея была *Ифигенія* Гете. Игра самого Гете въ роляхъ Альцеста въ *Виновныхъ* и Ореста, исполненная пылкой страсти, была вмѣстѣ съ тѣмъ неразвязна. Онъ лучше игралъ шуточныя роли, особенно въ собственныхъ своихъ пьесахъ, каковы: *Амакъ*, *Палцъ* (Hanswurst) на плавдервейлерской ярмаркѣ и т. п. Эйвизель, Музеусъ и другіе взяли комическія роли, между-тѣмъ, какъ серьезный Кнебель былъ совершенно на своемъ мѣстѣ въ роляхъ царя въ *Счастливыхъ Нищихъ* Гоцци, и Тоаса въ *Ифигеніи* Гете. Всѣ относящіяся къ этому времени сочиненія Эйвизеля, Зекендорфа и другихъ потеряны; изъ твореній Гете, кромѣ большихъ драматическихъ сочиненій, дошли до насъ многія лирическія произведенія, и въ числѣ ихъ *Эпиоамасы*, обработанный тогда въ драматической формѣ.

Въ 1779 году, Гете возобновилъ впечатлѣніе поѣздки своей въ Швейцарію новымъ путешествіемъ вмѣстѣ съ герцогомъ. Письмо къ Мерку отъ 17 октября 1779 содержитъ въ себѣ отрывистыя замѣчанія объ этомъ путешествіи, во время котораго онъ провелъ нѣсколько пріятныхъ дней у Лафатера.

Въ письмѣ къ Мерку отъ 7 апрѣля 1780 года, которымъ Гете уведомляетъ его о своемъ выздоровленіи отъ продолжительной болѣзни, есть большая замѣчанія о нѣкоторыхъ его литературныхъ проектахъ и планахъ, которые, впрочемъ, большею частію остались неисполненными, въ томъ числѣ и біографія герцога Беригардта веймарскаго.

Въ позднѣйшемъ письмѣ къ Лафатеру, отъ 5 іюля 1780 года, Гете опять упоминаетъ о своемъ намѣреніи написать біографію герцога Беригардта; мысль эта, кажется, очень привлекала его. «Я по обыкновенію своему собираю» — писалъ онъ — «матеріалы для біографіи этого человека, который значителенъ какъ государь и человекъ, и въ продолженіи своей краткой жизни былъ любимцемъ фортуны и людей. Онъ жилъ, во время тридцати-

лзгисей войны. Картина его семейства и семейства его братьевъ занимасть меня еще болѣе потому-что я такъ близокъ къ ихъ правнукамъ, въ которыхъ сохранились многія черты ихъ характеровъ.

Объ этой идее самъ Гете говорилъ гораздо позже: «Много тщетныхъ трудовъ и времени посвятилъ я мысли написать исторію герцога Бернгардта. Послѣ долгихъ розысканій и распределенія матеріаловъ я наконецъ убѣдился, что жизнь героя, взятая отдѣльно, не представляетъ изъ себя живой картины. Онъ играетъ достойную роль въ плачевной Илиадѣ тридцатилѣтней войны, но за то не можетъ быть отдѣленъ отъ современныхъ событій и лицъ. Я было-выдумалъ средство помочь себѣ, хотѣлъ написать его жизнь какъ первый томъ, за которымъ должно было слѣдовать продолженіе, — думалъ оставить мѣстами недоделки, которыя внушили бы всякому сожалѣніе, что преждевременная смерть не дала стровителю докончить зданіе. Вся эти труды не была для меня совершенно бесполезны. Какъ Геццфон-Берлихингенъ ознакомилъ меня съ пятнадцатымъ и шестнадцатымъ столѣтіями, такъ теперь открылись передъ мною вся бѣдствія семнадцатаго вѣка».

Занятія другаго рода, вѣроятно, также отчасти были причиною, почему Гете оставилъ свои историческія розысканія. Онъ еще не переставалъ любить художества, къ которымъ пристрастился съ-дѣтства. Его письма къ Лафатеру и Мерку исполнены замѣчаній касательно гравюръ, ландшафтовъ, очерковъ, которые онъ уже имѣлъ или желалъ приобрести, чтобы дополнить свое собраніе. 6 марта 1780 года, писалъ онъ Лафатеру объ Альбрехтѣ Дюрерѣ: «Я съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе уважаю неогцвенныя произведенія этого художника, который въ естественности, возвышенности и граціи имѣетъ равныхъ себѣ, можно смѣло сказать, только въ первоклассныхъ итальянскихъ живописцахъ. Въ последнее путешествіе я составилъ себѣ порядочную коллекцію абрисовъ, особенно ландшафтовъ. Пожалуйста, будь внимателенъ, — черезъ твои руки проходитъ такъ много всякой всячины. Если тебѣ попадется листокъ, на которомъ наброшено перомъ быстрое, непосредственное выраженіе мысли художника, не упускай его, если только можно приобрести его за умеренную цѣну. Ты мнѣ доставишь этимъ большое удовольствіе».

Новою пащею для любви Гетекъ художествамъ было двухдѣльное пребываніе Ёзера въ Эттесбургѣ. Ничто не могло быть для него пріятнѣе свиданія съ наставникомъ своей юности, которому, какъ мы уже видѣли изъ его писемъ, онъ обязанъ наиболѣе своимъ образованіемъ. Ёзеръ занятъ былъ тогда учрежденіемъ и устройствомъ въ Эттесбургѣ театра любителей, на которомъ въ-теченіи четырнадцати дней хотѣлъ поставить гетеву комедію «Птицы» (Die Vögel), подражаніе Аристофану. Гете писалъ объ Ёзерѣ: «Старикъ не имѣлъ ни минуты покоя; цѣлый день онъ хлопоталъ, приказывалъ, пмѣнялъ, рисовалъ, училъ и т. п. Безъ него у насъ теперь все идетъ тише и проще».

Послѣ отъезда Ёзера, страсть Гете къ художествамъ начала уступать мѣсто усиливавшейся въ-послѣдствіи съ годами любви къ предметамъ естественной исторіи. Въ письмѣ къ Мерку отъ 3 іюля 1780 года, говоря о божьѣ Ёзера, высѣченномъ изъ камня скульпторомъ Клауеромъ, онъ при-

совокупляетъ: «Ретатц о камняхъ: я предпринялъ нѣчто весьма пріятное и занимательное. Одинъ молодой человекъ, котораго мы намѣрены употребить по горной части, составляетъ теперь для меня минералогическое описаніе Веймара, Эйзенаха и Іены, собираетъ и полируетъ разныя породы камней; изъ этого составитса простой, но для насъ очень любопытный кабинетъ. Мы много нашли хорошаго и полезнаго, хотъ и нельзя сказать доставилъ кусокъ гранита изъ вашихъ горъ; большіе отколки его заставляютъ меня думать, что Римляне употребляли его для своихъobelisksъ. Также мнѣ хотѣлось бы узнать, какія породы находятся на самой вершинѣ Фельсберга».

Во время этихъ разнообразныхъ занятій въ области искусствъ и науки, поэтическая дѣятельность Гете, кажется, совершенно уснула. Но она опять была пробуждена явленіемъ виландова «Оберона». «Конечно, ты прочелъ уже Оберона и восхищался имъ», писалъ Гете къ Мерку 7 апрѣля 1780 года. «Я послалъ Виланду лавровый вѣнокъ, который очень обрадовалъ его». Въ письмѣ къ Лафатеру отъ 3 іюля 1780 года, Гете говоритъ: «Пока поэзія останется поэзіей, золото золотомъ и кристаллъ кристалломъ, дотѣхъ-поръ всякій будетъ удивляться Оберону Виланда, этому мастерскому художническому произведенію». Какъ высоко цѣнилъ Гете это твореніе можно видѣть изъ письма его отъ 24 іюля 1780 года, замѣчательнаго и потому-что оно не одобряетъ черезъ-чуръ-привязчивой критикой и распространявшейся страсти къ порицанію, не щадившей даже образцовыхъ твореній. «Говоря о виландовомъ Оберонѣ», — писалъ Гете къ Лафатеру — «ты нарочно употребляешь слово *та талантъ*, какъ противоположность или по-крайней-мѣрѣ низшую степень *генія*. Подумавъ хорошенько, ты долженъ сказать, что талантъ есть только языкъ генія. Я не хочу быть привязчивымъ, ибо знаю, что ты хочешь сказать, и только остерегаю тебя. Мы часто бываемъ слишкомъ расточительны на общія выраженія. Сверхъ того, въ такихъ твореніяхъ, какъ Оберонъ, часто остается незамѣченнымъ весьма рѣдкое достоинство, именно, что авторъ хотѣлъ написать и написалъ только то, что есть въ его произведеніи. Онъ заслуживаетъ большую благодарность за художническое чувство и тонкость, съ которою пожертвовалъ тутъ многимъ, и эту справедливость можетъ отдать ему только собратъ и художникъ».

Такія идеи успокоивали Гете при сужденіяхъ толпы, часто весьма одностороннихъ, о собственныхъ его произведеніяхъ этого времени. Многие осуждали его драматическое твореніе «Торжество Чувствительности» (*Triumph der Empfindsamkeit*), принимая его за злую сатиру на тогдашнихъ сценическихъ артистовъ, на ихъ привычки и манеру выразаться, и находя въ немъ намеки на нѣкоторыя современныя событія. Равнымъ образомъ сентиментальность, преобладающая въ комедіяхъ «*Алла*», «*die Geschwister*» и другихъ драматическихъ произведеніяхъ Гете, — встрѣтила противодѣйствіе. Многія шуточныя и серьезныя стихотворенія, написанныя, болѣею частію въ драматической формѣ, по случаю придворныхъ праздниковъ, объясняются непосредственно личными и мѣстными отношеніями. Но «Ионгенія» была основаніемъ высшую поэтическую идею. Первыя

сцены этой трагедии, так же какъ и «Вильгельма Мейстера» — относятся къ этому времени. Многія изъ тогдашнихъ сочиненій своихъ Гете сообщалъ въ рукописи друзьямъ, которыхъ мнѣніе было для него очень важно. 20 юлія 1780 года, писалъ онъ къ Лафатеру: «Одобреніе твое моею «Ифигеніею» пріятнѣйшій для меня подарокъ. Мы такъ близки другъ другу по образу жизни, и при всемъ томъ наши идеи и мечтанія идутъ по столь противоположнымъ направленіямъ, что я никогда не надѣялся даже, чтобы труды мои могли тебѣ нравиться; тѣмъ пріятнѣе мнѣ, что моя Ифигенія наша доступъ къ твоему сердцу».

Въ такомъ расположеніи духа Гете предстояло перенести непріятность, приготовленную ему берлинскимъ книгопродавцемъ Гамбургомъ, который въ 1779 году, безъ согласія автора, издалъ въ двухъ томахъ собраніе его сочиненій. Въ письмѣ къ Гете онъ выхвалялъ свою заслугу передъ публикою и просилъ позволенія прислать ему, въ знакъ признательности, берлинскій фарфоровый сервизъ. Възбѣшенный наглостію непрошеннаго издателя, Гете оставилъ письмо его безъ отвѣта, и только тайно отмстилъ ету стихами, которыхъ вотъ содержаніе: «Милые свидѣтели годовъ, проведенныхъ въ сладостныхъ мечтаніяхъ, увядшіе цвѣты, измятые вуали, помянутыя слезы, печальные заложники давно умершей любви, которые были обречены мною на сожженіе, — васъ схватилъ безстыдный Сосія (*), какъ-будто все мое достояніе перешло къ нему по наследству. И я, живой, долженъ еще съ благодарностію вспоминать объ этомъ поступкѣ за чайнымъ столомъ. Натъ! прочь фарфоръ, прочь бисквиты! для Гамбурговъ я ужъ въ «могилъ.»

Вся эти занятія не отвлекали Гете отъ обязанностей, сопряженныхъ съ званіемъ тайнаго совѣтника, имѣющаго право засѣданія и голоса во многихъ коллегіяхъ. Конечно, герцогъ, по особому расположенію, освободилъ его отъ нѣкоторыхъ тягостныхъ обязанностей, однако онъ писалъ къ Лафатеру въ февралѣ 1781 года: «Я почти слишкомъ много беру на себя, но не могу поступить иначе. Человѣкъ, взявшій на себя государственную службу, долженъ посвятить себя ей исключительно, а мнѣ не хотѣлось бы оставить и другія занятія». Подобнымъ образомъ говорилъ Гете въ одномъ изъ прежнихъ писемъ своихъ къ Лафатеру: «Ты пожалѣлъ бы еще болѣе, еслибъ увидѣлъ въблизи истиннаго отца народа. Никакой языкъ не въ состояніи выразить трудности его обязанностей и заботъ. Способность управлять людьми никогда не бываетъ врожденною. Тотъ, кто наследовалъ власть, долженъ съ такою же трудностію пріобрѣсть эту способность, какъ и завоеватель, — даже еще съ большею. Этого не можетъ понять человѣкъ, который самъ создалъ для себя сферу своей дѣятельности». Но сознаніе собственныхъ силъ придавало ему бодрость; въ письмѣ къ Лафатеру отъ 18 марта 1784 года, онъ говоритъ: «Молю Бога, чтобы онъ еще надолго сохранялъ насъ въ этомъ прекрасномъ мірѣ, и далъ силы служить на пользу его. Я доволенъ своимъ состояніемъ, особенно душевнымъ. Съ каждымъ днемъ пріобрѣтаю я болѣе ловкости въ мірскихъ дѣлахъ, и ежедневно душа моя сбрасываетъ съ себя пелены и расцветаетъ окружающую ее атмо-

(*) Торговецъ наусарпаторъ въ деревнѣ Римъ.

соору тумана; со-временемъ, я думаю, она останется совершенно нагою, хоть теперь на ней еще много оболочекъ.

Если еще что-нибудь особенно могло возвысить Гете надъ гнѣтомъ житейскихъ отношеній, — это колюче врожденное чувство къ красотамъ природы. Садъ его, примыкавшій къ самому веймарскому парку, представлялъ ему много разнообразныхъ наслажденій. «Первыя недѣли весны — писалъ онъ къ Лафатеру 9 апрѣля 1781 года: «для меня неоцѣнны. Каждое утро привѣтствуетъ меня новый цвѣтокъ или новая почка. Тихая, чистая, вѣчно возраждающаяся и незнающая страданій растительная жизнь доставляетъ мнѣ большое утѣшеніе послѣ золь и бѣдствій нравственныхъ и еще болѣе физическихъ, неразлучныхъ съ человѣческою жизнію». Въ позднѣйшемъ письмѣ отъ 22 іюня 1781, Гете говоритъ: «Вѣрь мнѣ, нашъ политическій и нравственный мѣръ подкопанъ катакомбами, клоаками, минами, о связя которыхъ никто не заботится. По этому тотъ, кто имѣетъ о нихъ нѣкоторое понятіе, не будетъ удивляться, если въ иномъ мѣстѣ сдѣлается провалъ, въ другомъ пѣз пропасти покажется дымъ».

При всѣхъ этихъ разпородныхъ занятіяхъ и развлеченіяхъ, Гете опять возвратился къ поэзіи. Кромѣ окончанія «Ифигенія» занимала его мысль представить героемъ драмы Тасса, творца «Освобожденнаго Іерусалима». Дворъ герцогини Амалии доставлялъ ему все необходимое для постановки пьесы; въ немъ онъ изучилъ тонъ, приличный этому кругу. Въ письмѣ отъ 14 ноября 1781 года, извѣщая Лафатера объ окончаніи перваго акта, онъ между прочимъ говоритъ: «Я желалъ бы, чтобъ Тассъ понравился и тебѣ. Вѣчныя безпокойства и заботы, въ которыхъ я живу, не позволяютъ мнѣ долго останавливаться на подобающихъ пріятныхъ трудахъ, и я не вижу передъ собою столько свободнаго времени, чтобъ написать остальные акты. Впрочемъ, со мною дѣлается то же, что съ расточителями, которые въ минуту наибольшаго замѣшательства, побуждаемые духомъ протворчія, пускаются въ новыя предпріятія и раскоды».

Въ этихъ строкахъ Гете прекрасно представилъ себя и *подвижность* своего духа, который рѣдко останавливался долго на одномъ и томъ же предметѣ. Въ томъ же самомъ письмѣ онъ говоритъ: «Я намѣренъ будущую зиму, вмѣстѣ съ учениками и учителями нашей академіи живописи, ближе разсмотрѣть устройство человѣческаго скелета, для ихъ и своей собственной пользы; хочу обратить ихъ вниманіе на достопримѣчательности этого устройства и поставить ихъ въ состояніе познавать и отыскивать свои выгоды въ подражаніи вилной природѣ. При этомъ я разсматриваю папъ остовъ какъ текстъ, изъ котораго можно развить всю жизнь и всю человѣческую природу, и вижу выгоду два раза въ недѣлю говорить публично и разсуждать съ внимательными слушателями о предметахъ весьма для меня интересныхъ — удовольствіе, отъ котораго надо отказаться въ свѣтской и придворной жизни.... Въ жизни я иду все впередъ» — говоритъ Гете въ концѣ письма, — «и начинаю понимать, почему вся люди на землѣ, какъ скоро начнутъ немного устраниваться, необходимо должны идти далѣе».

Наконецъ, увеличеніе занятій заставило его думать о краткости человѣческой жизни. «Я въ такомъ же положеніи, какъ вѣрный другъ въ моей комедіи «Птицы» — писалъ Гете къ Мерку 16 іюля 1782 года: — «во время

прогують заваливають мнѣ на плечи одинъ клочокъ государства за другимъ, а теперь это уже не шутка, потому-что мой почтенный предшественникъ оставилъ своему преемнику много работы. Жизнь, особливо моя жизнь идетъ очень скоро. Иногда мнѣ приходится очень трудно, потому-что я добросовѣстно исполняю свои обязанности. Но опять я думаю: *Nis est, aut inveniam quod quaerimus*. То же говорилъ Гете въ позднѣйшемъ письмѣ своемъ отъ 29 іюля 1782 года: «Я совершенно жертвую собою своими обязанностямъ, и не ишу ничего другаго, какъ будто это есть цѣль всѣхъ моихъ понятій».

Слѣдующія несологическія замѣчанія въ письмѣ къ Мерку отъ 4 октября 1782 года намекаютъ на состояніе души Гете: «То, что человекъ замѣчаетъ и чувствуетъ въ самомъ-себѣ, есть, по моему мнѣнію только меньшая часть его существа. Его болѣе занимаетъ то, чего не достасть ему, нежели то, чѣмъ онъ обладаетъ; ему замѣтнѣе то, что его беспокоитъ, нежели то, что радуетъ. При всѣхъ пріятныхъ ощущеніяхъ душа наша терлетъ само-сознаніе, какъ и тѣло; только непріятныя впечатлѣнія напоминаютъ ей о самой себѣ. Такимъ образомъ, всякій, описывая себя и свою прошлую жизнь, вспоминаетъ только непріятное и горестное, и такъ-сказать стягиваетъ, уменьшаетъ объемъ своего существованія. По этому, чтобъ возстановить полный образъ человека, каковъ онъ есть и былъ, къ собственному его изображенію должно химически присоединить все, что мы знаемъ изъ его поступковъ и твореній».

Между-тѣмъ, поэтическіе труды Гете, и въ томъ числѣ начало «Вильгельма Мейстера», относящіяся къ этому періоду его жизни, были оставлены. Идея «Вильгельма Мейстера», какъ говорилъ Гете гораздо-позже, породило въ немъ «темное предчувствіе великой истины, что человекъ часто рѣшается на предпріятія, къ которымъ природа не дала ему способностей, вступаетъ на поприще, съ которымъ никогда не можетъ сродниться; внутреннее чувство предостерегаетъ его оставить это поприще, онъ не можетъ ясно представить себѣ свое положеніе, — и бессознательно идетъ ложными путями къ ложной цѣли. Въ эту категорию можетъ быть отнесено все, что называютъ ложнымъ направленіемъ, аиллетантизмомъ, и т. д. Отъ времени до времени взглядъ проясняется; тогда имъ овладѣваетъ чувство, сопряженное съ отчаяніемъ; но при первомъ случаѣ онъ опять безъ сопротивленія увлекается теченіемъ. Весьма многіе тратятъ въ подобныхъ попыткахъ лучшіе годы своей жизни и потомъ впадаютъ въ страшное уныніе. Но очень возможно, что эти ложные пути приведутъ наконецъ и заблудшаго къ неосцѣненному благу. Это предчувствіе постепенно развиваетъ Гете въ своемъ «Вильгельмѣ Мейстерѣ», и наконецъ ясно выражаетъ его словами: «Я вижу въ тебѣ Саула, сына Киса, который пошелъ искать ослицу отца своего — и нашелъ царство.»

Къ этому времени, именно къ 1786 году, относится одно событіе, которое дало рѣшительно другое направленіе жизни и умственной дѣятельности Гете. Благосклонность герцога дозволила ему увидѣть страну, которая съ-дѣлства сдѣлалась цѣлію его пламеннѣйшихъ желаній. Въ Италіи его обильное чувство сдѣлалось равно воспріимчивымъ къ возвышенному, и его глубокомысленный взглядъ на природу и искусства нашелъ полное удовлетво-

реніе. Гёте начал свое путешествіе въ Италію веселымъ правдивостю въ Карлсбадъ, въ день своего рожденія, въ кругу друзей. Онъ взялъ съ собою неоконченную рукопись «Ифигенія», о которой писалъ къ Мерку отъ 8 сентября 1786 года: «Пьеса эта, въ настоящемъ ея видѣ, болѣе подходитъ на проектъ, нежели на исполненіе; она написана въ повѣстической прозѣ, которая иногда переходитъ въ либы или въ стихи другихъ размовъ. Конечно, чтобъ это не вредило впечатлѣнію, надо читать ее очень хорошо, и употреблять нѣкоторыя уловки, чтобы скрыть ея недостатки. Гердеръ старается уговорить меня исправить ихъ; такъ-какъ я отъ всѣхъ скрываю цѣль своего путешествія, то онъ думаетъ, что я хочу опять сдѣлать кратковременную поѣздку въ горы, и не будучи любителемъ геологіи, онъ совѣтуетъ мнѣ употребить время и силы на этотъ трудъ, вмѣсто того, чтобъ допрашивать мертвые камни. Теперь я вынулъ изъ своего портфѣля «Ифигенію», и беру ее, какъ спутницу, въ прекрасную Италію. Девять такъ дологъ, мысли ничѣмъ не развлечены и образы древняго міра отнюдь не разгоняютъ повѣстическаго вдохновенія; вмѣстѣ съ движеніемъ и открытымъ небомъ, они возбуждаютъ его дѣятельность.»

Гёте самъ подробно описалъ свое путешествіе въ Италію. Изъ Венеціи, куда пріѣхалъ 28 сентября 1786 г., онъ писалъ: «Я остановился въ прекрасной гостинницѣ «Англійской Королевы», недалеко отъ Площади св. Марка. Окна моей квартиры выходятъ на узкій каналъ, идущій между высокими зданіями. Прямо подо мною мостикъ въ одну арку, а передо мною узкая, оживленная улица. Такъ живу я, и вполне наслаждаюсь уединеніемъ, въ которомъ такъ часто имѣлъ нужду, потому-что нигдѣ нельзя быть столь одинокимъ, какъ въ толпѣ, которая тебя не замѣчаетъ.»

Въ праздникъ св. Михаила, когда несметная толпа тѣснилась черезъ Риальто къ Церкви Архангела, Гёте, объѣвъ лабиринтъ Венеціи, съ ея каналами, мостами и мостиками, усталый бросился въ гондолу и объѣхалъ северную часть Большаго Канала, около острова Клары, черезъ Лагуны, до Площади св. Марка. «Такъ я я» писалъ онъ: «сдѣлался на одну минуту обладателемъ Адриатическаго Моря, какимъ считаетъ себя каждый Венеціанецъ, сидя въ своей гондолѣ. Я невольно вспомнилъ моего отца, который такъ любилъ рассказывать о своемъ итальянскомъ путешествіи. Не будетъ ли и со мною того же? Все меня окружающее такъ почтено; это величественное твореніе соединенныхъ человѣческихъ силъ, великолѣпный памятникъ не одного владыки, но цѣлаго народа. Хотя Лагуны Венеціи отъ времени засоряются и вредные туманы носятъ надъ са болотами; хотя могущество ея ослабло, но при всемъ томъ, учрежденія республики и жизнь ея еще также почтены въ глазахъ наблюдателя... Время сокращаетъ ее, какъ и все на землѣ.»

Гёте объѣжалъ себя много удовольствій, идучи въ Театръ св. Хризостова; но представленіе кребильиновой «Электры» не удовлетворило его, не смотря на очень-хорошую игру актѣровъ. «Однако» писалъ онъ: «я все-таки посѣтилъ театръ не безъ пользы. Итальянскій односложный либъ представляетъ большое неудобство для декламацин, потому-что послѣдній слогъ всегда короткій, и декламаторъ противъ воли долженъ дѣлать на немъ удареніе.» Но болѣе театра занимала Гёте итальянская архитектура, кото-

рая, по собственнымъ словамъ его, «возставала передъ нимъ какъ привидѣніе изъ могилы». Онъ изучалъ Витрувія, Палладію и другихъ писателей, чтобъ достигнуть яснаго, отчужденнаго взгляда на эти почтенныя остатки временъ минувшихъ. Послѣ двухнедельнаго пребыванія въ Венеціи, отправившись черезъ Феррару, Ченто, Болонью, Лугано, Перуджію, Терни и Читта въ Римъ, Гёте могъ сказать самому-себѣ: «Я не долго пребылъ въ Венеціи, но довольно ознакомился съ ея жизнью; я уношу съ собою: если не совсѣмъ полное, то, по-крайней-мѣрѣ, ясное и вѣрное о ней понятіе.»

Въ Болонью, Гёте восхищался многими произведеніями Рафаэля, изъ которыхъ сильнѣйшее впечатлѣніе сдѣлала на него св. Агата. 19 октября 1786 Гёте писалъ: «Образъ ея врезался въ моей памяти, и я хочу мысленно читать ей свою *Ифигенію*»; въ уста героини моей я не вложу ни одного слова, котораго бы не могла произнести святая. Упомянувъ объ этой пріятной ношѣ, которую я таскаю за собою въ путешествіи, не могу умолчать, что посреди великихъ явленій природы и искусствъ меня осаждаютъ рядъ новыхъ поэтическихъ образовъ. Провѣхавъ Ченто, я хотѣлъ продолжать *«Ифигенію»*; но вышло на-оборотъ. Новая идея *Ифигеніи въ Дельфѣхъ* заняла меня, и не дала окончить начатое. Малою какъ-можно-короче мысль мою: Электра, въ полной увѣренности, что Орестъ принесетъ изъ Тавриды въ Дельфы изображеніе Діаны, является въ храмъ Аполлона и посвящаетъ ему, какъ послѣднюю очистительную жертву, ужасную сѣкиру, орудіе столькихъ убійствъ въ поколѣніи Пелопса. Къ ней подходит Грекъ и рассказываетъ, что онъ сопровождалъ Ореста и Пилладу въ Тавриду, видѣлъ, какъ ихъ обоихъ вели на казнь и самъ едва сваясь. Страстная Электра выходитъ изъ себя и не знаетъ, на кого налить свою ярость, на боговъ или на людей. Между-тѣмъ, Ифигенія, Орестъ и Пилладъ также прибыли въ Дельфы. Святое спокойствіе Ифигеніи составляетъ резкую противоположность съ земными страстями Электры, когда онъ сходятся не зная другъ друга. Грекъ видитъ Ифигенію, узнаетъ въ ней жрицу, которая обрекла на жертву обоихъ друзей, и объявляетъ объ этомъ Электрѣ — она готова поразить Ифигенію сѣкирою, которую опять взяла съ алтаря, но счастливый оборотъ отклоняетъ это новос преступленіе. Если эта сцена удастся, то трудно будетъ найти ей подобную на театрѣ. Но при всей готовности воображенія, откуда взять столько времени и рукъ, чтобъ исполнить всѣ эти планы?»

Въ Римѣ оживали Гёте новыя развлеченія, долженствовавшія отвлечь его отъ поэтическихъ трудовъ. Въ письмѣ отъ 1 ноября 1786 г. описываетъ онъ впечатлѣнія, произведенныя на него столицей міра, какъ онъ называетъ Римъ. «Всѣ мечты моей юности» писалъ онъ: «оживились; первыя картины, которыя я увидѣлъ ребенкомъ (одна комната въ домѣ отца моего была увѣшана видами Рима), теперь были передо мною въ дѣйствительности; куда ни обратюсь я, вездѣ встрѣчаю старыхъ знакомыхъ въ новомъ мірѣ. Я нашелъ все такъ, какъ вообразилъ, и при томъ все мнѣ кажется новымъ. То же могу сказать о моихъ наблюденіяхъ и идеяхъ. Я не нашелъ ничего незнакомаго; во мнѣ не родились новыя мысли, но старыя получили столько опредѣлительности, столько жизни, столько связи, что ихъ можно считать новыми.»

Къ интереснымъ знакомствамъ, сдѣланнымъ Гете въ Римѣ. принадлежить знакомство его съ княземъ Лихтенштейномъ, поэтомъ Монти, историческимъ живописцемъ Тишбейномъ и литераторомъ Моррицомъ, умершимъ въ молодыхъ лѣтахъ. Особенно тѣсная дружба связывала его съ двумя послѣдними; въ ихъ обществѣ онъ провелъ много пріятныхъ дней. Тишбейнъ, съ которымъ Гете еще прежде былъ въ перепискѣ, сообщалъ ему вѣрный взглядъ на неогцѣненные произведенія Рафаэля, Микель-Анджело и другихъ художниковъ въ Церкви св. Петра и преимущественно въ Сикстинской Капеллѣ. Моррицъ, известный авторъ «Автона Рейзера», показывалъ непритворную привязанность къ Гете и восторженное удивленіе къ его твореніямъ, особливо къ «Вертеру». Гете также любилъ его и вполне доказалъ свое участіе, когда Моррицъ переломилъ руку. «Что я испыталъ и узналъ» писалъ Гете: «у постели этого страдальца, какъ его пріслужникъ, духовникъ, повѣренный, какъ министръ финансовъ и тайный секретарь,—можетъ со-временно намъ пригодиться. Все это время самыя ужасныя страданія и самыя благородныя наслажденія посѣщали насъ неразлучно.»

Какъ велика была благодарность Гете за эти наслажденія, можно видеть изъ письма его къ его покровителю, герцогу Карлу-Августу Саксен-Веймарскому. Письмо это, отправленное въ ноябрь 1786 года изъ Рима, такъ замѣчательно во многихъ отношеніяхъ, что мы считаемъ необходимымъ привести его здѣсь. «Какъ благодаренъ я вамъ» писалъ Гете: «за этотъ неоцѣненный отдыхъ и свободу! Съ самой ранней молодости душа моя пріяла это направленіе, и я никогда не былъ бы спокойнѣе, не достигнувъ этой цѣли. Моиимъ положеніемъ въ обществѣ обязанъ я личнымъ моимъ отношеніямъ къ вамъ; теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, дайте образоваться новымъ отношеніямъ изъ прежнихъ. Въ теперешнемъ удивненіи моемъ, я опять нашелъ самого-себя; но какимъ?—художникомъ! Значу ли я что-нибудь въ другихъ отношеніяхъ—судить объ этомъ и располагать мною я предоставляю вамъ. Дѣятельною жизнію вы умѣли развить въ себя и взорнрнть царственную способность цѣнить людей и угадывать на-что каждый годится. Я охотно предаю себя этому суду. Спросите меня о симфоніи, которую выхотите разыграть, и я всегда готовъ сказать мое мнѣніе. Дайте мнѣ близъ васъ развить во всей полнотѣ мое существованіе—и тогда направляйте, съ высоты своей, силы мои, какъ вновь-открытій, о-щущенный источникъ, по своей воли. Я теперь уже чувствую пользу этого путешествія: оно очистило мой взглядъ, прояснило мое существованіе. Продлите попеченія ваши обо мнѣ. Вы дѣлаете для меня болѣе, нежели я самъ, болѣе, нежели я смѣю желать и надѣяться. Я вижу такой прекрасный уголокъ земли, а результатъ этого—то, что я могу жить только съ вами и съ близкими вамъ. Да, я могу быть теперь для васъ болѣе, нежели чѣмъ былъ, если вы возложите на меня только то, что кромѣ меня никто не можетъ исполнять, а остальное предоставите другимъ.»

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ своихъ, Гете говоритъ герцогу: «Если вы позволите мнѣ объявить еще одно желаніе, относящееся къ тому времени, когда я возвращусь изъ путешествія, то я буду просить позволенія прежде всего объѣхать ваши владѣнія въ качествѣ совершенно-посто-

роннаго лица, чтобъ съ свѣжимъ взглядомъ и съ неутраченною еще наблюдательностію путешественника обсудить ихъ положеніе. Составивъ такимъ образомъ новое и полное о немъ понятіе, я буду въ состояніи исполнять всѣ обязанности, которыя вашему расположенію и довѣренности угодно будетъ возложить на меня.»

Гете всегда сохранялъ чувства привязанности и уваженія къ герцогу, которому обязашъ былъ и своимъ положеніемъ въ свѣтъ, и счастливыми свободными часами для литературныхъ трудовъ. Въ такомъ расположеніи духа трудился онъ въ Римѣ надъ окончаніемъ «Ифигенія». Въ письмѣ отъ 6 февраля 1787 года, онъ объявлялъ, что трагедія эта уже кончена и лежитъ передъ нимъ переписанная на-бѣло. Въ этомъ же письмѣ онъ вспоминаетъ мѣста, гдѣ преимущественно занимался ею. «На Гардскомъ Озерѣ» писалъ онъ: «когда полуденный вѣтеръ гналъ волны къ берегу, и когда я, по-крайней-мѣрѣ, былъ такъ же одинокъ какъ моя героиня на берегахъ Тавриды, написалъ я первыя строки послѣ новой обработки, которою занимался въ Веронѣ, Виченцѣ, Падуѣ и преимущественно въ Венеціи. Но потомъ работа остановилась. Меня заняла новая мысль, именно: написать «Ифигенію въ Дельфахъ», что я и исполнилъ бы тотчасъ, еслибъ нѣкоторыя развлеченія и чувства долга къ начатой уже пьесѣ не удержали меня. Въ Римѣ опять я занимался ею почти непрерывно. Вечеромъ, ложась спать, я обдумывалъ мой завтрашній урокъ. Почему я предпочелъ прозу, причина этого заключается въ неопредѣлительности нашей просодіи; весьма странно, что въ нашемъ языкѣ можно насчитать весьма-немного слоговъ рѣшительно долгихъ или короткихъ; съ остальными же каждый поступаетъ по своему произволу.»

Впечатлѣніе, произведенное рукописью «Ифигенія» на друзей Гете, не удовлетворило его ожиданіямъ. Благородныя и возвышенныя мѣста, конечно, имѣли свое дѣйствіе, но къ спокойному ходу пьесы они не могли еще привыкнуть; они ожидали болѣе страстнаго безпокойства, «чего-нибудь берлингенскаго», какъ говорилъ самъ Гете. Они представляли себѣ Гете все еще въ періодъ поэтическаго броженія и бурь, который давно уже миновался. Тѣмъ радостнѣе было для него одобреніе нѣкоторыхъ веймарскихъ друзей, которымъ онъ послалъ списки съ «Ифигенія». Такимъ образомъ онъ кончилъ работу, которая, по собственному его призванію, «была въ теченіи цѣлой четверти года его заботою, занятіемъ и изученіемъ.»

Еще до окончанія «Ифигенія», Гете написалъ первыя сцены *Tassa*, отъ котораго ожидалъ большаго эффекта. Въ письмѣ отъ 21 февраля 1787 года, онъ жалуется, что не слыхалъ еще ни одного основательнаго сужденія о своей «Ифигенія», между-тѣмъ, какъ оно было бы для него весьма полезно, ибо «Tassa»—произведеніе совершенно съ нею однородное. «Содержаніе его» писалъ онъ: «еще ограниченнѣе, нежели въ «Ифигенія», и потому подробности требуютъ большаго развитія. Не знаю еще, что изъ него выйдетъ. Все, что до-сихъ-поръ написано, никуда не годится; она лежала слишкомъ-долго, и ни дѣйствующія лица, ни планъ, ни тонъ, не соответствуютъ моему теперешнему взгляду.»

Въ этомъ намъ ретина утверждали Гете похвалы «Иогенинъ», которыя онъ слышалъ отъ некоторыхъ друзей своихъ, которыхъ мнѣнiемъ дорожилъ. «Я знаю» писалъ онъ 3 марта 1787 года изъ Неаполя: «что я сдѣлалъ, и могу говорить объ этомъ, ибо могъ сдѣлать еще болѣе. Если прiятно наслаждаться хорошимъ, то еще прiятнѣе ощущать *лучшее*, а въ искусствахъ много *лучшаго*.» — «Подобная работа» говоритъ Гете въ другомъ письмѣ: «никогда не можетъ быть совершенно окончена; ее должно считать готовою, если по времени и обстоятельствамъ сдѣлано возможное. Но это не устрашитъ меня предпринять такую же операцію съ «Тассомъ»; безъ этого я готовъ бросить его въ огонь. Я хочу упорствовать въ моей рѣшимости, и попробую сдѣлать изъ «Тасса» что-нибудь необыкновенное.

Гете продолжалъ заниматься «Тассомъ» и въ Неаполѣ, не смотря на знакомство и частыя свиданiя съ живописцемъ Филиппомъ Гакертомъ, котораго жизнь впоследствии описалъ такъ привлекательно. Онъ остался вѣрнъ своему отшельническому характеру, въ которомъ его упрекали еще въ Римѣ. Но удаляясь общества людей, онъ любилъ осматривать окрестности. «Неаполь настоящiй рай» писалъ онъ въ мартѣ 1787 г.: «все живутъ здѣсь въ какомъ-то упоительномъ самозабвенiи. Я тоже; я сдѣлалъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ и едва узнаю себя.»

Долго не рѣшался Гете посѣтить Сицилiю. «Въ кругъ понятiй моихъ совершенно не достаетъ идеи морскаго путешествiя. Небольшой перевѣзъ въ Сицилiю поможетъ моему воображенiю и расширитъ передъ мною миръ. И такъ, въ будущiй четвергъ, 29 числа, я отправляюсь въ Палермо на корветѣ, которую, въ невѣдѣнiи своемъ, произвелъ-было на степень «фрегата.» Мучимый припадками морской болѣзни, онъ совсѣмъ не выходилъ на палубу, и не могъ насладиться прекрасною картиною береговъ и острововъ. «Отлученный отъ вѣшняго мира» писалъ онъ: «я вполне предаюсь внутреннему, и предвидя продолжительное плаванiе, задалъ себѣ порялочный урокъ. Изъ всѣхъ моихъ бумагъ я взялъ съ собою на корабль только два первые акта «Тасса»; они были написаны нѣсколько лѣтъ назадъ, прозою, и были вялы, туманны; но эти недостатки исчезли въ новой обработкѣ, въ стихахъ. Изрѣдка я выходилъ на палубу, но моя поэтическая работа постоянно занимала меня, и я довольно ясно уже представлялъ себѣ всю пѣсу.»

Скоро новыя обстоятельства заставили на-время забыть «Тасса». Гете восхищался величественнымъ видомъ моря, съ его безчисленными островами, и видѣлъ въ нихъ лучшiй комментарий къ гомеровою «Одиссею», которую тогда читалъ. «Относительно Гомера» писалъ онъ Гердеру: «съ глазъ моихъ спала завѣса. Его описанiя и сравненiя кажутся намъ поэтическими, между-тѣмъ, какъ они въ высочайшей степени естественны, и притомъ написаны съ чистотою и вѣрностию, которыя приводятъ въ содроганiе. Здѣсь, вблизи описанныхъ имъ мѣстъ, самыя странныя вымышленныя имъ происшествiя кажутся возможными. Постараюсь въ немногихъ словахъ выразить мысль мою: Гомеръ представляетъ намъ действительность, а новѣйшiе поэты гоняются за эффектомъ; онъ описываетъ действительно-ужасное, мы же описываемъ только *ужасно*; онъ изображаетъ истинно-прiятное, мы описываемъ *прiятно*. Отсюда происходятъ у насъ

преупедиченіа, напыщенность, манерность и все ложныя красоты. Если все это уже не ново, то, по-крайней-мѣрѣ, я живо чувствую это въ сію минуту. Теперь только, когда вижу передъ собою эти берега и мысы, заливы и бухты, острова, скалы и песчанья мели, холмы, поросшіе кустарниками, плодоносныя поля, тучныя пастбища, красивые сады, горы, возвышающіяся до облаковъ и веселья долины, и кругомъ всего этого море, столь разнообразное и переменчивое, — теперь только «Одиссея» сдѣлалась для меня живымъ словомъ.»

Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, въ Гете родилась мысль написать трагедію *Наузикая*, которой только первыя двѣ сцены перваго акта напечатаны въ собраніи его сочиненій, и въ которой онъ хотѣлъ самому простому сюжету придать занимательность богатствомъ подробностей, сдѣлавъ мѣстомъ дѣйствія острова и море. Эта мысль такъ озабочивала его, что онъ занимался ею все время пребыванія своего въ Палермо и большую часть путешествія по Сициліи.

Но скоро этотъ сюжетъ потерялъ для него всю прелесть. Въ письмѣ отъ 17 апрѣля 1787 года, Гете жалуется «на истинное несчастье свое быть безпрестанно преслѣдуемому и искушаемому множествомъ демоновъ». Такимъ образомъ, разсматривая въ публичномъ саду различныя растенія, Гете опять попалъ на давнишнюю любимую мысль: отыскать между ними, если возможно, первобытное прозябаемое. Искою эту Гете развилъ въ поэтической формѣ въ своемъ стихотвореніи: *Превращеніе Растеній* (*Die Metamorphose der Pflanzen*), — и потомъ, въ 1790 году, напечаталъ особое сочиненіе, подъ названіемъ: *Опытъ Объясненія Превращенія Растеній*.

О взглядѣ Гете вообще на природу и преимущественно въ противоположности съ искусствами, можетъ дать понятіе письмо, писанное имъ еще въ декабрь 1786 года къ герцогинѣ Луизѣ Саксен-Веймарской. «Самое малѣйшее произведеніе природы» писалъ онъ: «заключаетъ въ самомъ-себѣ свое совершенство; нужно только имѣть глаза, чтобъ открыть эти отношенія, и я увѣренъ, что и въ предѣлахъ самаго ограниченнаго круга находится истинное бытіе. Навротивъ, достоинство всякаго художественнаго произведенія лежитъ внѣ его; главное въ немъ — мысль художника, которая рѣдко бываетъ, или никогда не бываетъ выполнена. Все остальное подчинено принятымъ условіямъ и законамъ, которые хотя извлечены изъ сущности искусства, но не такъ ясны и понятны, какъ законы живой природы. Въ художествахъ все основано на преданіяхъ; произведенія же природы — живое слово Божіе.»

Въ маѣ 1787 года, Гете писалъ къ Герлеру: «Открою тебѣ, что почти постигъ таинство рожденія и организація растеній, и увѣряю, что ничего нельзя придумать проще этого закона. Прекрасное небо Італіи очень благопріятствуетъ подобнымъ наблюденіямъ. Я уже ясно и неоспоримо открылъ главное, т. е., мѣсто, въ которомъ заключается зародышъ будущаго растенія; все прочее также мнѣ понятно, и остается только опредѣлить немногіе пункты. Мое первобытное растеніе будетъ удивительнѣйшее твореніе, которому позавидуетъ сама природа. Съ этою моделью и съ ключемъ къ ней можно будетъ создать безконечное множество растеній, которыя должны быть послѣдовательны (*consequent*), т. е.,

должны быть возможны, хотя и не действительны, должны быть не живописными только и поэтическими вымыслами, но типами, имьющими внутреннюю естественность и необходимость. Этотъ законъ можно признать и ко всему живому.»

Во время путешествія своего, Гете часто и живо чувствовалъ тоску по родинѣ; это видно изъ многихъ писемъ его тогдашняго времени. «Мнѣ непременно должно увидѣть тебя какъ-можно-скорѣе» писалъ онъ къ Гердеру 17 мая 1787: «мы опять проведемъ вмѣстѣ счастливые дни. Я такъ много собралъ впечатлѣній, что имью нужду въ покоѣ для переработанія ихъ. Мы такъ близки другъ другу въ понятіяхъ нашихъ, какъ только можно быть, не бывъ однимъ и тѣмъ же существомъ, а ближе всего въ главныхъ началахъ. Если ты все это время много почерпалъ изъ самого-себя, то я, напротивъ, много приобрьлъ извнѣ, и мы можемъ сдѣлать размѣнъ, выгодный для насъ обоихъ. Конечно, ты правъ, говоря, что всѣ мои понятія преимущественно обращены къ настоящему, а чѣмъ болѣе я вижу свѣтъ, тѣмъ менѣе имью надежды, чтобъ человечество когда-нибудь составило одну благоразумную, мудрую, счастливую массу.»

Гете обывалъ себя много наслажденія отъ третьяго тома гердеровыхъ «Идей о Философій Исторіи Человѣчества», въ то время еще ненапечатаннаго. Когда, наконецъ, онъ получилъ давно-ожидаемую книгу, онъ написалъ къ Гердеру отъ 12 декабря 1787 года: «Прійми искреннюю мою благодарность за *Идем*; въ нихъ сосредоточиваются любопытнѣйшіе предметы, занимавшіе меня въ-продолженіи моей жизни.»

Но узы дружбы, соединившія Гете съ Гердеромъ, замѣтно ослабли по возвращеніи Гете изъ Италіи. Главною преградю, раздѣлившею ихъ, было ихъ различное положеніе въ отношеніи къ новой кантовой философіи, которая въ то время во всей силѣ оказывала свое вліяніе и проповѣдывала совершенно новыя начала какъ для философіи, такъ и для поэзіи и художествъ. Во время появленія кантовой «Критики Чистаго Разума», Гердеръ, хоть и ученикъ его, сдѣлался однимъ изъ самыхъ жаркихъ его противниковъ. Напротивъ, Гете присталъ къ его партіи, хоть онъ вообще не имѣлъ особенныхъ способностей къ философіи въ строгомъ смыслѣ; онъ привалъ его мнѣніе, состоявшее въ томъ, что хоть всѣ знанія наши начинаются опытомъ, но они не всегда пронстекаютъ единственно изъ опыта. Во время своего пребыванія въ Римѣ, Гете часто разсуждалъ съ Морницомъ о художествахъ и ихъ теоретическихъ требованіяхъ, но все-еще сужденія его не имѣли твердаго основанія, которое онъ наконецъ нашелъ въ познѣннѣйшемъ твореніи Канта, въ «Критикѣ Практическаго Разума». Отсюда любовь Гете къ этому творенію и холодность къ Гердеру, который возставалъ противъ него. Во всякомъ случаѣ, изученіе кантовой философіи было во многихъ отношеніяхъ полезно для Гете. Хоть онъ и не могъ согласиться во всемъ съ идеями и взглядомъ кѣнигсбергскаго философа, но главныя положенія «Критики Практическаго Разума» вообще согласовались съ его образомъ мыслей и чувствованій. Эта книга—единственное чтеніе его въ-продолженіи нѣкотораго времени,—ясно выражала ему внутреннюю жизнь художества и природы, и ихъ взаимное другъ на друга дѣйствіе.

Но вскоре Гете самъ убѣдился, что онъ не созданъ для отвлеченной философіи и ея метафизическихъ умозрѣній. Живая природа всегда болѣе занимала его, особенно, когда, по возвращеніи его въ Веймаръ, сообщество съ людьми, каковы Батистъ, Гёттлингъ, Дитрихъ и др., опять разбудило въ немъ любовь къ ботаникѣ. Налзоръ за учеными учрежденіями въ Іенѣ, приведеніе въ порядокъ тамошнихъ музеевъ, разведеніе ботаническаго сада были для него пріятными и вмѣстѣ поучительными занятіями. Исслѣдованіе природы при изученіи обширной, всеобъемлющей науки, вознаграждало ему отсутствіе художественной жизни, какую онъ велъ въ Италіи. Его всегда занимало образованіе и преобразованіе органическихъ и неорганическихъ произведеній природы, и собственная его теорія, развитая въ *Преращеніи Растеній*, служила ему путеводителемъ.

Между-тѣмъ, поэтический гений Гете, по окончаніи «Ионгенівъ» и «Тасса», трудился надъ трагедіею *Эгмонтъ*. Въ это время, одна изъ написанныхъ уже сценъ «Эгмонта» почти слово-въ-слово повторилась въ Брюсселѣ, и была подробно описана въ тогдашнихъ газетахъ. Французская революція и исторія брильянтоваго ожерелья еще во время пребыванія Гете въ Италію сдѣлала на него такое впечатлѣніе, что онъ внимательно слѣдовалъ за ходомъ процесса, начавшагося по этому случаю. Изъ собранныхъ въ Швейцаріи извѣстій о Каліостро и его семействѣ, и помѣщенныхъ въ полномъ собраніи его сочиненій, Гете составилъ комедію *Великій Кофта* (*Der Groschophä*), сюжетъ которой болѣе годился для оперы, судя по нѣкоторымъ аріямъ, написаннымъ капельмейстеромъ Рейхардтомъ. Гете привезъ изъ Италіи пристрастіе къ оперной формѣ, плодомъ котораго былъ неоконченный оперный текстъ *Несомасные Жильцы*. Отголосками его путешествія въ Италію были также *Римскія Элегіи* и *Венеціанскія Эпиграммы*. Впрочемъ, онъ былъ написаны послѣ втораго путешествія въ 1790 году, въ свѣтъ герцогини Амаліи.

Тотчасъ по возвращеніи изъ вторичнаго путешествія въ Италію, Гете, вмѣстѣ съ герцогомъ веймарскимъ, отправился въ Силезію, гдѣ на рейхенбахскомъ конгрессѣ были собраны прусскіе и австрійскіе полномочные. Въ Бреслау находилась главная квартира арміи и собралась большая часть прусскаго дворянства. Здѣсь-то, посреди манѣвровъ отлично-устроенныхъ войскъ, Гете опять совершенно уединился и предался изученію природы, въ особенноти же сравнительной анатоміи. Мысль о существованіи общаго типа для органическихъ существъ, котораго всѣ части явно видны въ нѣкоторыхъ переходныхъ степеняхъ, обратилась наконецъ въ полное убѣжденіе. Многія, болшею частію оставшіяся ненапечатанными разсужденія развивали эту тѣму. Но проблема была слишкомъ-велика, и потому осталась неразрѣшенной; притомъ же, по возвращеніи въ Веймаръ, вниманіе Гете скоро обратилось на предметы другаго рода. Обширная темная комната въ его жилищѣ, расположенномъ на открытомъ мѣстѣ и окруженномъ садами, была чрезвычайно-способна къ хроматическимъ наблюденіямъ, которымъ Гете предался въ это время съ особеннымъ рвеніемъ. Преимущественно обращено было его вниманіе на явленія преломленія лучей въ призмѣ. Результаты своихъ наблюденій Гете сообщалъ свѣту въ

своихъ *драматическихъ* разсужденіяхъ, изъ которыхъ первыя были напечатаны въ 1791 году.

Принявъ около этого времени завѣдываніе Веймарскимъ Придворнымъ Театромъ, Гете опять былъ возвращенъ своему поэтическому призванію и любви къ драматической литературѣ. Страніе развить таланты актёровъ, связать ихъ игру и техническое устройство сцены болѣе совершенными, доставляло Гете много занятія и развлеченія. Въ этихъ заботахъ большую помощь оказывалъ ему Эйзидель, который съ такимъ же пристрастіемъ къ оперѣ тогда только-что возвратился изъ Италіи въ свитѣ герцогини Амалии. Театральныя творенія Чимарозы и оперы другихъ итальянскихъ композиторовъ были разыграны съ большимъ успѣхомъ, а въ концѣ 1791 года была поставлена и первая опера Моцарта, именно «Донъ Жуанъ». Послѣ достаточнаго упражненія таланта актёровъ въ драмахъ и комедіяхъ Юнгера, Ифланда и Коцебу, принялись за болѣе-серьезныя драматическія произведенія Шиллера и Гете, и даже за нѣкоторыя пьесы Шекспира.

Лѣтомъ 1792 года важныя современныя событія отвлекли Гете отъ этихъ пріятныхъ занятій. Между-тѣмъ, какъ воображеніе его пыталось изобразить, въ *Бесподахъ Нѣмецкихъ Эмигрантовъ* и въ комедіи *Бунтовщики* (Di A Gegergen), отдѣльныя сцены тогдашняго театра войны, ему предстояло ознакомиться съ этимъ театромъ на-самомъ-дѣлѣ, ибо онъ долженъ былъ сопровождать герцога веймарскаго въ его походъ въ Шампань. Черезъ Франкфуртъ и Майнцъ, Триръ и Люксамбургъ достигъ онъ Лопви, который 26 августа былъ уже занятъ французскими войсками; отсюда Гете перѣхалъ въ Труа, и чтобъ избѣжать тѣсноты въ дорогѣ, по которой следовала цѣлая армія, онъ отправился по берегу Мозеля до Кобленца. Среди всѣхъ тревогъ и безпокойствъ лагерной жизни, Гете не оставлялъ своихъ ученыхъ занятій, и съ физическимъ словаремъ Фишера продолжалъ наблюдать природу и дѣлать хроматическіе опыты. Мысль составить общую теорію цвѣтовъ (Farbenlehre) относится именно къ этому времени, такъ же, какъ и стихотвореніе *Рейнеке Лиса* (Reineke Fuchs), вольная обработка старинной германской сказки.

Находясь при осадѣ Майнца, Гете получилъ письмо отъ своей матери, которая увѣдомляла его о смерти его дѣда Текстора и указывала на открьившееся мѣсто ратсгера. Нѣкоторое время ему нравилась мысль достигнуть высшихъ должностей въ своемъ родномъ городѣ, но неограниченная довѣренность и неоднократно-доказанная привязанность къ нему герцога веймарскаго, съ другой же стороны чувство признательности—заставили его скоро отказаться отъ этого плана. Сверхъ-того, онъ нашелъ, что подобное поприще не соответствуетъ ни его способностямъ, ни склонностямъ.

Наконецъ, Гете опять возвратился къ своей мирной жизни въ Веймарѣ, увидѣвъ вблизи бѣдствія, навлекаемыя войною на всѣ классы народа. Еще продолжались огромныя потрясенія, порожденныя французскою революціею. Казнь короля и королевы, пенствованіе Робеспьера и другихъ правителей Франціи приводили въ ужасъ всѣхъ, а быстрые успѣхи французскаго оружія заставляли опасаться большихъ измѣненій, если не совершеннаго низверженія существовавшаго порядка. Вездѣ готовились къ войнѣ;

Австрийцы отступили за Рейнъ, Англичане въ Нидерланды, а Французы безпрестанно забирали новыя области и успливались въ своихъ средствахъ. Германія наполнилась переселенцами изъ завяглыхъ провинцій, и не было ни одного семейства, ни одного круга друзей, который не пострадалъ бы болѣе или менѣе. Напрасно Гете предлагалъ своей матерн безопасное убѣжище въ Веймаръ. Она не боялась за себя, утѣшалась цѣстами изъ Вавилон и ни за-что не хотѣла разстаться съ роднымъ городомъ.

Среди всехъ этихъ смутеи Гете по обыкновенію предавался своимъ любимымъ трудамъ. Стихотвореніе *Рейнке-Лиса* было окончено, и первый томъ «Вальгельма Мейстера» отдавъ въ-печать. Равнымъ образомъ не оставялъ онъ своихъ ботаническихъ и минералогическихъ занятій, при чемъ ему было весьма полезно знакомство съ Гетлингомъ, Фогтомъ, Батшемъ и другими профессорами Йенскаго Университета. Особенно радовалъ его рудники въ Ильменнау, и онъ часто вздвалъ любоваться усвѣхами этого предпріятія, которое, впрочемъ, при ограниченности способовъ должно было оставаться въ весьма-небольшихъ размѣрахъ.

Изъ числа отсутствующихъ друзей своихъ, Гете продолжалъ еще связи съ Лафатеромъ и Якоби, хотя переписка съ Лафатеромъ уже начинала замедляться. Ихъ образъ мыслей былъ слишкомъ-различенъ, и поэтому продолжительный размѣвъ идей не могъ быть для нихъ интересенъ.

Неоспоримо важнѣйшимъ событіемъ для Гете въ теченіи 1794 года было начало короткихъ отношеній къ Шиллеру, которымъ впоследствии онъ былъ обязанъ лучшими минутами своей жизни. До сего времени, Гете держалъ себя въ некоторомъ отдаленіи отъ Шиллера, котораго первыя произведенія рѣшительно не нравились ему, напоминая ему періодъ поэтическаго броженія, изъ котораго онъ самъ уже вышелъ. Въ 1789 году онъ содѣйствовалъ ему въ полученіи мѣста профессора въ Йенскомъ Университетѣ, но о тѣснѣйшихъ отношеніяхъ нельзя еще было думать. Даже посредничество Дзальберга и другихъ друзей и почитателей Шиллера осталось безъ всякаго успѣха, и самъ Шиллеръ, послѣ перваго свиданія съ Гете въ Рудольштадтѣ, по возвращеніи его изъ Италіи, кажется, отчаявался въ возможности когда-нибудь сблизиться съ Гете. «Многое» — писалъ Шиллеръ — «что меня занимаетъ еще, уже отжило свое время для Гете. Все существо его устроено иначе, нежели мое, его міръ — не мой міръ, понятія наши совершенно противоположны».

Даже тогда, какъ Шиллеръ уже поселился въ Йенъ, Гете не посвящалъ его. Наконецъ, они встрѣтились въ засѣданіи общества естествоиспытателей, основанномъ Батшемъ. Случайнымъ образомъ они вышли оттуда оба въ одно время. «Между нами» — рассказываетъ самъ Гете — «завязался разговоръ. Шиллеръ, казалось, принималъ большое участіе въ предметахъ, занимавшихъ общество, но сдѣлалъ весьма-глубокомысленное замѣчаніе, что подобная раздробительная метода изслѣдовать натуру едва-ли можетъ быть привлекательна для неученыхъ; я отвѣчалъ, что ова неудовлетворительна даже для посвященныхъ въ таинства науки, и что можно было бы найти другой способъ разсматривать природу не по частямъ, но представлять ее какъ живое и дѣятельное цѣлое, дѣйствующее отъ общаго къ частностямъ. Онъ желалъ имѣть-нѣкоторыя объясненія, но не скрылъ своего сомнѣнія на-

счетъ основательности моихъ мыслей; онъ не могъ согласиться, чтобъ существованіе природы, какою я представлялъ ее себѣ, могло быть выведено изъ опытовъ. Такимъ образомъ мы дошли до его жилища, и занимательность разговора завлекла меня къ нему. Я изложилъ ему мое *Превращеніе Растеній* и между тѣмъ чертилъ перомъ символическое растеніе. Онъ разсматривалъ его съ величайшимъ участіемъ и съ рѣшительною понятливостію. Когда я кончалъ, онъ покачалъ головою и сказалъ: «Это не опытъ, это идея». Такое замѣчаніе поразило меня, потому-что оно ясно обозначало пунктъ, съ котораго мнѣнія наши начинали расходиться: Я очень былъ радъ, узнавъ, что писалъ идеи, не подозревая этого. Шиллеръ отвѣчалъ какъ ученый Кантіанецъ; мой упорный реализмъ былъ поводомъ къ жаркому спору, который кончился перемиріемъ; никто изъ насъ не могъ считать себя побѣдителемъ, по-крайней-мѣрѣ мы оба считали себя непобѣдимыми. Но первый шагъ былъ сдѣланъ. Въ обращеніи Шиллера было такъ много привлекательнаго, что оно привязывало всѣхъ, сближавшихся съ нимъ; жена его съ своей стороны также много содѣйствовала къ упроченію его связей. Такимъ образомъ, великій, неразрѣшимый споръ между объектомъ и субъектомъ запечатлѣвъ нашъ союзъ, который впоследствии продолжался непрерывно и много принесъ пользы намъ и другимъ».

Журналъ *Die Horen*, изданіе котораго замышлялъ тогда Шиллеръ, былъ первымъ узломъ продолжительной связи его съ Гете, потому-что Шиллеръ пригласилъ и его въ сотрудники. «Я общаю себѣ двоякое удовольствіе» писалъ Гете отъ 24 іюня 1794: «какъ отъ журнала, который вы предпринимаете, такъ и отъ участія въ немъ, къ которому приглашаете меня. Съ радостію и отъ всего сердца соглашаюсь принадлежать къ вашему обществу». Въ этомъ письмѣ, онъ обѣщалъ сообщать изъ своихъ рукописей все, что будетъ годиться для журнала. Онъ надѣялся, что, въ связи съ такими достойными литераторами, каковы сотрудники Шиллера, ему легко будетъ опять приняться за свои неконченныя сочиненія. Онъ совѣтовалъ постановить опредѣлительныя начала, по которымъ должно будетъ впоследствии оцѣнять присылаемыя статьи, и тщательно пещись о содержаніи и формѣ, чтобъ надолго сохранить преимущества ихъ журнала передъ другими.

Мѣсяцъ спустя, именно 25 іюля, Гете послалъ уже нѣсколько статей. и вслѣдъ за тѣмъ самъ посѣтилъ Шиллера въ Іенѣ. Въ разговорахъ, предметомъ которыхъ были искусства и теорія ихъ, они сообщали другъ другу идеи свои, которыхъ достигли совершенно различными путями, и въ которыхъ, не смотря на то, оказалось большое сходство. «Съ этого времени» говорилъ Шиллеръ— «Гете чувствовалъ необходимость тѣсно соединиться со мною, чтобъ вмѣстѣ продолжать путь, который онъ началъ одинъ и безъ всякой поддержки».

Еще болѣе могъ убѣдиться въ этомъ Шиллеръ письмомъ Гете отъ 27 августа 1794 года. «Никакой подарокъ» — писалъ онъ — «не могъ быть пріятнѣе ко дню моего рожденія, который будетъ на этой недѣлѣ, какъ ваше письмо, въ которомъ вы подводите итогъ моего существованія, и участіемъ вашимъ ободряете меня къ болѣе-дѣятельному и живому употребленію силъ моихъ. Чистое наслажденіе и истинная польза должны быть не-

премьнно взаимны, и я обещаю себя при случае раскрыть передъ вами, какъ важна для меня бесѣда ваша, которую я считаю эпохою въ моей жизни, и какъ я доволенъ, что до-сихъ-поръ шелъ по избранному мною пути безъ особеннаго одобренія, ибо кажется теперь, послѣ такой неожиданной встрѣчи, мы будемъ странствовать вмѣстѣ. Во всѣхъ вашихъ твореніяхъ я всегда удивлялся рѣдкой добросовѣстности, а теперь надюсь чрезъ васъ самихъ ознакомиться съ ходомъ вашего духа, особенно въ последнее время. Указавъ другъ другу пункты, которыхъ мы достигли теперь, мы будемъ въ состояніи безостановочно дѣйствовать общими силами. Я охотно буду сообщать все свое, и чувствуя, что предпріятія мои далеко превышаютъ человѣческія силы, я желалъ бы многое оставить въ вашихъ рукахъ и этимъ не только сохранить, но и оживить мои труды. Какъ благотельно для меня ваше участіе, увидите современемъ, когда, узнавъ меня короче, замѣтите во мнѣ какую-то нерышительность, которую я не могу преодолѣть, хоть вполне сознаю въ себѣ этотъ недостатокъ».

Въ концѣ этого письма, Гете изъявлялъ сожалѣніе, что отослалъ уже въ Берлинъ рукопись своего «Вильгельма Мейстера», который, по мнѣнію его, могъ бытъ помѣщенъ въ журналъ Шиллера, какъ загадочное твореніе, которыя такъ нравятся Нѣмцамъ. «Если вы найдете» — присовокупляетъ онъ — «что изъ моихъ идей что-нибудь годится для этой цѣли, мы легко можемъ избрать приличнѣйшую форму, а за исполненіемъ дѣло не станетъ».

Во всѣхъ трудахъ Шиллера, относящихся къ этому времени, Гете принималъ живѣйшее участіе, которое еще увеличилось взаимнымъ сходствомъ ихъ идей. 4 сентября 1794 года, Гете писалъ объ одномъ, тогда еще неоконченномъ разсужденіи Шиллера: «Я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ ваше развитіе идеи *возвышеннаго* и убѣдился, что не только васъ занимаютъ одни и тѣ же предметы, но даже нашъ образъ воззрѣнія на нихъ большею частію одинаковъ. Вижу, что мы совершенно согласны въ главныхъ пунктахъ; что же касается до различія точекъ зрѣнія, связи идей и выраженія, — оно происходитъ отъ богатства объекта и отъ соответствующаго ему разнообразія субъектовъ. Прошу васъ сообщать мнѣ мало-по-малу все, что вы написали и издали относительно этого предмета, чтобъ я могъ не теряя времени ознакомиться съ прошедшимъ».

Въ этомъ же письмѣ, Гете приглашаетъ Шиллера посвятить его въ Веймара. «На будущей недѣлѣ» — писалъ Гете — «дворъ ѣдетъ въ Эйзенахъ, и цѣлыя двѣ недѣли я буду такъ одинокъ и независимъ, какъ едва ли опять буду скоро. Навѣстите меня въ это время и остановитесь у меня. Вы можете заниматься чѣмъ вамъ угодно. Въ свободные часы мы будемъ бесѣдовать, посѣщать друзей, которыхъ образъ мыслей наиболее сходенъ съ нашимъ, и разстанемся не безъ пользы. Вы можете расположиться совершенно какъ у себя и вести образъ жизни какой вамъ угодно. Я показывалъ бы вамъ важнѣйшее изъ моего собранія и много новыхъ нитей связало бы насъ».

Шиллеръ принялъ это приглашеніе. «Наша двух-недѣльная конференція» писалъ Гете 10 октября 1794 года: — «показала намъ, что мы согласны въ главныхъ началахъ, и что сѣры нашего мышленія, дѣйстви-

вавія и чувствованія отчасти совпадаютъ, отчасти соприкасаются». Гете ожидалъ отъ этого много пользы для низъ обонхъ. «Я продолжаю», — писалъ онъ — «думать и началъ уже работать для журнала». — Вскорѣ потомъ Гете выслалъ римскія элегии, два посланія и нѣкоторые другіе поэтическіе отрывки. Онъ надѣялся еще найти время для небольшихъ повѣстей, между-тѣмъ, какъ его непрерывно занимало продолженіе «Вильгельма Мейстера». — «Послѣ тяжкаго труда» — писалъ онъ 27 ноября 1794: «котораго требовала такая *псевдо-эпопея*, какъ мой романъ «Вильгельмъ Мейстеръ», я чувствую сильную склонность къ небольшимъ повѣстямъ, и намѣренъ слѣдовать методу рассказчицы въ *Тыслич Одной Ночи*».

Шиллеръ убѣждалъ Гете окончить «Фауста», который давно уже не подвигался впередъ. «Но снѣю» — писалъ Гете, — «раскрыть связку бумагъ, въ которой заключенъ онъ». — Дѣятельность Гете раздѣлена была множествомъ проектовъ, предназначенныхъ болышею частию для журнала. Одною изъ достопримѣчательнѣйшихъ статей Гете, помѣщенныхъ въ журналъ *die Horen*, были *Господы Нѣмецкихъ Эмигрантовъ* (Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten). Содержаніе этой книги взято было изъ современныхъ политическихъ событій. Вообще, Гете подвергалъ всѣ свои произведенія тогдашняго времени суду Шиллера, и Шиллеръ опять возвратилъ ему почти-утраченную увѣренность въ достоинствахъ «Вильгельма Мейстера», породившаго въ читателяхъ, при самомъ началѣ, требованія, которыя Гете не надѣялся удовлетворить. Посылая къ Шиллеру часть рукописи, Гете писалъ, 6 декабря 1794 года: «Посылаю вамъ первую книгу *Вильгельма Школьника* (Wilhelm Schüler), который, не знаю какииъ образомъ, назвался Вильгельмомъ *Мейстеромъ*. Къ-сожалѣнію, первыя двѣ книги будутъ уже напечатаны, когда вы ихъ прочтете. Но, не смотря на то, скажите мнѣ ваше настоящее мнѣніе, — скажите, чего желаетъ и чего ожидаетъ отъ меня публика».

Еще до окончанія всего романа, Шиллеръ сдѣлалъ замѣчаніе, что въ немъ слишкомъ-много мѣста занимаетъ бытъ актѣровъ, что, впрочемъ, входило въ первоначальный планъ Гете. Но кромѣ этого и нѣсколькихъ другихъ неважныхъ замѣчаній, критика Шиллера была такъ основательна и притомъ такъ благосклонна, что совершенно успокоила Гете. «Вашъ отзывъ», писалъ онъ 10 декабря 1794 года: «о первой книгѣ моего романа чрезвычайно ободрилъ меня. Послѣ странныхъ судьбъ, которымъ подвергалось это произведеніе извнѣ и изнутри, я совсѣмъ сблизился съ толку въ моеиъ сужденія о немъ. Наконецъ, я слѣдовалъ только моеиъ идѣи, и буду весьма вамъ обязанъ, если вы выведете меня изъ этого лабиринта». Шиллеръ дѣйствительно много помогъ ему своими совѣтами, и въ письмѣ Гете отъ 25 февраля 1795 года, мы видимъ, какъ онъ былъ благодаренъ ему за это. «Ваши критическія попеченія о моеиъ романѣ», писалъ онъ: «придали мнѣ духу и охоты пересмотрѣть четвертую книгу. Я принялъ ваши намеки и воспользовался ими; надѣюсь также помочь и прочимъ desideriis и въ цѣломъ сдѣлать еще кое-что хорошаго». — «Я очень буду доволенъ» писалъ онъ 11 марта 1795 года: «если романъ мой будетъ являться къ опредѣленнымъ эпохи; но ускорить работу — не въ моиъ силахъ».

Гете очень желалъ видѣться съ Шиллеромъ. «Къ-сожаланію» писалъ онъ 11 марта: «въ-продолженіи всей этой недѣли я не могъ тронуться съ мѣста. Нѣсколько пріѣзжихъ актёровъ, которыхъ мнѣ хотѣлось видѣть на сценѣ, дурная погода и ревматизмъ, слѣдствіе простуды, задерживали меня, и я не вижу еще, когда и какъ удастся мнѣ вырваться къ вамъ». Въ этомъ же письмѣ, Гете признается, что все это время былъ онъ очень прилеженъ, отослалъ въ печать большую часть четвертой книги «Вильгельма Мейстера», и сверхъ-того написалъ повѣсть *Прокураторъ*, помѣщенную впоследствии въ полномъ собраніи его сочиненій. Распредѣливъ хорошо время, Гете надѣялся въ-теченіи этого года окончить многое.

Римскія элегіи, которыя Гете выслалъ для напечатанія въ журналъ, были возвращены ему Шиллеромъ съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, которыя онъ передавалъ на его судъ. Отъ 12 мая 1795 года, Гете писалъ: «Возвращенныя вами элегіи застали меня въ элегическомъ, т. е., въ самомъ жалкомъ положеніи. Послѣ счастливой жизни въ Іенѣ, гдѣ наслаждался духовною пищею и теплымъ воздухомъ, я былъ принятъ въ Веймарѣ очень дурно холодною погодою, и по-необходимости простоявъ нѣсколько времени на сквозномъ вѣтру, получилъ сильную лихорадку, съ жестокою болью въ правой сторонѣ головы, а отъ этого и лѣвая сдѣлалась ни къ чему негодною. Теперь я опять поправился до такой степени, что могу въ своей комнатѣ заниматься остановившимися работами». Больше всего занимался онъ продолженіемъ своего романа. «Наконецъ» писалъ онъ къ Шиллеру: «посылаю къ вамъ второй томъ «Вильгельма Мейстера». Теперь привожу въ порядокъ пятую книгу, и такъ какъ шестая уже совершенно готова, то надѣюсь къ концу мѣсяца отдѣлаться на все лѣто».

Благосклонные отзывы Шиллера придавали ему бодрости для окончанія романа. «Одобреніе, котораго удостоили вы пятую книгу Вильгельма Мейстера», — писалъ Гете 18 іюня 1795 года: «чрезвычайно обрадовало меня и поощрило къ новымъ трудамъ. Мнѣ очень пріятно, что чудныя и забавныя тайны въ моемъ романѣ производятъ желаемое дѣйствіе, и что мнѣ удалось исполненіе предположенныхъ сценъ. Я воспользовался вашими замѣчаніями о практико-теоретическомъ пустословіи, и вычеркнулъ многія мѣста; но едвали мнѣ удастся совершенно изгладить всѣ слѣды прежней обработки, хоть я и сократилъ первую рукопись почти цѣлою третью».

Эти занятія были прерваны разстроеннымъ состояніемъ здоровья Гете. «Мнѣ наскучило мучиться» писалъ онъ 10 іюня 1795 года: «я рѣшился ѣхать въ Карлсбадъ, который одинъ разъ уже избавилъ меня на долгое время отъ подобныхъ страданій». «Четырех-недѣльное пребываніе мое тамъ» говорятъ Гете позже въ письмѣ отъ 18 іюня: «я намеренъ посвятить пересмотру моихъ трудовъ по части естественной исторіи. Мнѣ хочется сдѣлать обзоръ всего уже конченнаго, и опредѣлить за что я долженъ прежде всего приняться, чтобъ сообщить какую-нибудь связь отдѣльнымъ своимъ опытамъ и изслѣдованіямъ».

Въ письмѣ отъ 19 іюля Гете писалъ: «Курсъ леченія начинается уже оказывать пользу; за то я и веду себя совершенно такъ, какъ должно больному

на водахъ. Цѣлые дни провожу въ абсолютномъ бездѣйствіи, вѣчно между людьми, не упускаю никакого развлечения. Я привезу съ собою множество анекдотовъ; но за то, пятая книга романа еще не переписана, и я не произвелъ даже ни одной удачной эпиграммы. Если вторая половина моего пребыванія здѣсь будетъ подобна первой, я возвращусь ни съ чѣмъ».

По возвращеніи въ Веймаръ, Гете опять предался своей обычной дѣятельности; письмо отъ 17 августа содержитъ въ себѣ подробное исчисленіе разнообразныхъ работъ, предпринятыхъ имъ отчасти для журнала «die Horen», и отчасти для «Альманаха Музы», издаваемого въ то время также Шаллеромъ. «Мнѣ кажется» писалъ Гете: «я могу изготавить слѣдующія статьи: въ августѣ, *Бесѣды Нѣмецкихъ Эмигрантовъ*, окончаніе послѣдняго разсказа *Гимнъ*, который я для этого прошу возвратитъ мнѣ; въ сентябрь: *Драма и Романъ, Сказка* (das Märchen); этимъ окончу «Бесѣды»; въ октябрѣ продолженіе *Сказки, Примѣчанія* къ элегіямъ и эпиграммамъ; въ ноябрѣ и декабрѣ *Извѣстія о Генвенуто Челлини* и, если успѣю, что-нибудь изъ *Фауста*. Мой «Фаустъ» подобенъ порошку, освѣщену на дно послѣ какого-нибудь химическаго процесса. Пока его мѣшаешь, то, кажется, онъ распускается; но какъ скоро оставилъ въ покоѣ, онъ опять мало-по-малу садится на дно».

Относящеся къ этому времени путешествіе стариннаго друга Гете, Юганна Гейнриха Мейера, который былъ для него всегда надежнымъ путеводителемъ въ области живописи, скульптуры и другихъ родственныхъ имъ художествъ, пробудило въ немъ желаніе еще разъ вѣзѣть съ нимъ посѣтитъ Швейцарію. «Все это время» писалъ Гете отъ 14 сентября 1795 года: «я стоялъ на одной ногѣ, потому-что другая была уже занесена въ Швейцарію».

Отсутствіе Мейера, по собственному признанію Гете, было весьма для него чувствительно, и онъ сталъ чаще ѣздить въ Іену къ Шиллеру. Эти посѣщенія получали для него еще большій интересъ по случаю знакомства съ Александромъ и Вильгельмомъ Гумбольдтами. Въ бесѣдахъ ихъ, поэзія и искусства часто уступали мѣсто предметамъ естественной исторіи. Шиллеръ убѣждалъ Гете продолжать своего «Вильгельма Мейстера» и работать для журнала, который, впрочемъ, далеко не удовлетворялъ его ожиданіямъ. Онъ надѣялся отъ него всеобщаго, великаго вліянія; на самомъ же дѣлѣ журналъ находилъ мало сочувствія въ публикѣ и на каждомъ шагѣ сталкивался съ ограниченными понятіями. Гете вполне разделялъ восторгъ Шиллера ко всему прекрасному и живую ненависть къ ложному вкусу и къ всякому ограниченію въ наукахъ и искусствахъ. «Вездѣ» писалъ Гете: «проглядываетъ это привидѣніе притязательной посредственности. Удивительно, какое странное смѣшеніе заблужденій и истинъ необходимо для существованія этихъ людей, какую чудную терминологию изобрѣли они, чтобы отстранить то, что имъ не по силамъ, и выставить на показъ, какъ монсеевъ змій, то что у нихъ есть».

Въ такомъ расположеніи духа составлено было извѣстное собраніе эпиграммъ «Хеніен». Это были, какъ говоритъ Шиллеръ въ одномъ изъ тог-

дашнихъ писемъ своихъ, буйныя сатиры на писателей и ихъ произведенія, одушевленные некоторыми поэтическими и философскими идеями. «Ксенія» писалъ Гете гораздо позже: «начавшись съ невиннаго достигли мало-по-малу величайшей рязкости и остроты; они занимали насъ нѣсколько мѣсяцевъ и повившись, наконецъ, въ «Альманахъ Музь», произвели сильное движеніе и потрясеніе въ нѣмецкой литературѣ». — Неизвѣстно, Шиллеру или Гете принадлежала первая идея «Ксеній». Они намѣревались ежегодно помѣщать въ «Альманахъ Музь» подобное собраніе двустихныхъ эпиграмъ на всѣ журналы.

Сначала стрѣлы этихъ эпиграмъ устремлены были только противъ второстепенныхъ дарованій; но поприще постепенно расширялось, и наконецъ стрѣлы ихъ не падали даже именъ, приносявшихъ честь нѣмецкой литературѣ. Многіе изъ обиженныхъ также натягивали лукъ, но рукою слишкомъ неопытною и неловкою.

Кромѣ *Ксеній*, къ этому же времени относится множество отчасти уже упомянутыхъ нами стихотвореній Гете, принадлежащихъ къ числу лучшихъ произведеній германской поэзіи. Таковы: элегія *Алексисъ и Дора* и нѣкоторыя баллады, написанныя для соревнованія съ Шиллеромъ; *Коринфская Невѣста*, *Бандерка*, *Цѣптокъ*, *Wunderschön*, *Юноша и Ручей* (*der Junggesell und der Mühlbach*), *Предательство Мельничихи*. Къ этому же времени относятся многія шуточныя стихотворенія, и между прочимъ пѣвственная застольная пѣсня: *Mich ergreift, ich weiss nicht wie, seliges Behagen*. Для журнала, Гете также постоянно доставлялъ статьи, между прочимъ нѣсколько отрывковъ изъ неоконченнаго еще тогда жизнеописанія флорентинскаго ювелира Бенвенуто Челлини. Но главнымъ занятіемъ его оставался романъ «Вильгельмъ Мейстеръ», и Гете всегда съ благодарностію принималъ критическія на него замѣчанія Шиллера.

Весьма-любопытнымъ дополненіемъ къ характеристикѣ Гете можетъ служить собственное сознаніе его въ письмѣ къ Шиллеру отъ 9 іюля 1796 года. «Недостатокъ, который вы во мнѣ замѣчаете, происходитъ изъ моей сокровенной природы, изъ какого-то реального упрямства (*sic*), въ слѣдствіе котораго я нахожу удовольствіе представлять людямъ не въ настоящемъ видѣ мое существо, мои дѣйствія, мои творенія. Такимъ образомъ я хочу вѣчно странствовать инкогнито, буду предпочитать худое платье хорошему, въ разговорахъ съ посторонними или съ полужнакомыми избирать самые ничтожныя предметы или по-крайней-мѣрѣ самыя ничтожныя выраженія, буду показывать себя легкомысленнѣе, нежели каковъ я въ-самомъ-дѣлѣ, и такъ-сказать поставлю себя между самимъ собою и своимъ собственнымъ явленіемъ».

Не смотря на всѣ эти разнообразныя занятія, Гете нашелъ еще время посвящать особенное вниманіе театру. Послѣ нѣкоторыхъ представленій, въ которыхъ участвовалъ Ифлавлъ, въ мартѣ и апрѣлѣ 1796 года дана была на веймарскомъ театрѣ трагедія Гете, *Эмонтъ*, передѣланная для сцены Шиллеромъ. Это заставило Гете опять приняться за «Фауста», котораго

онъ, по собственному призванію, болѣе отдалилъ отъ сцены, нежели приблизилъ къ ней. Окончаніе «Вильгельма Мейстера» относится къ 1796 году. Гете самъ называетъ его необозримымъ произведеніемъ, какъ бы ни было оно разсматриваемо — въ цѣломъ или по частямъ, и говоритъ, что ему самому не достаетъ масштаба для сужденія о немъ.

К. Л.



СИСТЕМА ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ ГЕРМАНИИ,

КАКЪ СРЕДСТВО КЪ УСИЛЕНІЮ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТАМОЖЕННАГО СОЮЗА И ВООБЩЕ КЪ УКРѢПЛЕНІЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯЗИ ГЕРМАНИИ.

Статья Фридриха Листа (*).

Система желѣзныхъ дорогъ въ Германіи и таможенный союзъ, — сіамскіе близнецы, рожденныя вмѣстѣ, неразрывно связанныя тѣлами, составлющіе духомъ и волею одно существо; они взаимно поддерживаютъ другъ друга и стремятся къ одной и той же цѣли — къ соединенію всѣхъ нѣмецкихъ племенъ въ одну единокую, образованную, богатую, могущественную и неприкосновенную націю. Безъ таможенного союза никогда не могла бы родиться, тѣмъ менѣе исполниться, идея системы желѣзныхъ дорогъ въ Германіи. Только при помощи системы желѣзныхъ дорогъ, общественное хозяйство можетъ достигнуть въ Германіи національнаго величія, и въ свою очередь способствовать полному развитію системы желѣзныхъ дорогъ.

Но система германскихъ желѣзныхъ дорогъ благотворна не по одному, только вліанію своему на матеріальныя выгоды націи: развивая духовныя, и политическія силы, она вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ дѣйствовать и на усовершенствованіе національности Германіи: 1) какъ *средство защиты*, ибо она облегчаетъ сосредоточеніе, распределеніе и направленіе войскъ; 2) какъ *средство распространенія образованности*, ибо она ускоряетъ и облегчаетъ обращеніе произведеній литературы, искусствъ и наукъ, приводитъ въ соприкосновеніе таланты, познанія и предприимчивость всѣхъ родовъ, увеличиваетъ способы образованія для всѣхъ сословій и возрастовъ; 3) какъ *облегченіе* противъ дороговизны, голода и чрезмѣрнаго измѣненія въ цѣнахъ на первыя жизненныя потребности; 4) какъ *средство усиленія народнаго духа*, ибо она со-временемъ искоренитъ все зло провинціальной односторонности и предрасудковъ (Kleinstädtereі); 5) какъ *крѣпкій поясъ около тѣ-*

(*) Бывшаго вюртембергскаго консула въ Сѣверной Америкѣ, извѣстнаго недавно изданнымъ сочиненіемъ «О Национальной Системѣ Политической Экономіи», и перваго провозвѣстника идеи о желѣзныхъ дорогахъ въ Германіи. Статья эта, напечатанная въ только-что полученномъ здѣсь номерѣ журнала «Deutsche Vierteljahrs Schrift», показалась мнѣ весьма интересною, особенно потому, что во многомъ можетъ быть принята въ соображенію при размышленіи о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи, возбуждаемомъ теперь петербургско-московскою желѣзною дорогою. *Ред.*

ла Германіи, связующій всѣ члены ея въ одно могучее и величественное цѣлое, и б) какъ *проводникъ общественнаго мнѣнія*.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, система желѣзныхъ дорогъ не представляеть ни для одного государства столько важности, какъ для Германіи.

По географическому положенію своему, Германія со всѣхъ сторонъ открыта нападеніямъ и, сверхъ-того, имѣеть весьма мало природныхъ внутреннихъ путей сообщенія. Поэтому, ни одна страна такъ не нуждается въ искусственныхъ дорогахъ, чтобъ быть въ состояніи сосредоточивать свои средства защиты и съ быстротою переносить ихъ отъ одной границы къ другой, какъ Германія.

За неимѣніемъ средоточія для наукъ, художествъ и литературы, образованіе въ Германіи наиболее пуждается въ быстрыхъ и удобныхъ средствахъ сообщенія, и потому въ этомъ отношеніи желѣзныя дороги никому не принесутъ такой пользы, какъ ей. Феодалнымъ раздробленіемъ лишенная всѣхъ принадлежностей національности, она наиболее имѣеть нужду въ тѣсномъ соединеніи своихъ частей. Посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, Германія пріобрѣтетъ неисчислимыя выгоды, которыя другія націи получаютъ отъ своихъ столицъ, не чувствуя неравнучныхъ съ тѣмъ зломъ. Она будетъ пользоваться всеми выгодами системы централизаціи, не лишаясь благодѣяній федеративной системы.

Взявъ въ всѣ эти сладствія учрежденія въ Германіи желѣзныхъ дорогъ и притомъ взявъ въ соображеніе, какъ сильно всѣ умственные и политическія усовершенствованія содѣйствуютъ матеріальному благосостоянію народа, каждый необходимо долженъ будетъ согласиться, что ужъ это одно должно сдѣлать необходимымъ учрежденіе въ Германіи системы желѣзныхъ дорогъ, еслибъ даже отъ нея нельзя было ожидать никакихъ финансовыхъ выгодъ. Образованность, существованіе, независимость, неприкосновенность націи — блага неоцѣнимыя, и народъ, который не рѣшится пожертвовать небольшою частію своего богатства для пріобрѣтенія и обезпеченія этихъ благъ, не заслуживаетъ ихъ. Онъ подобенъ скупцу, который, чтобъ не купить закъ и запора, рискуетъ всѣмъ своимъ богатствомъ и жизнью. Французы полагаютъ, что оба занятія Франціи союзными войсками стоить ей до 6-ти бильйоновъ франковъ: Германіи это обошлось бы, конечно, не дешево. И такъ, если система желѣзныхъ дорогъ въ теченіи цѣлаго столѣтія отвлечетъ одно подобное бѣдствіе, то она уже десяткере вознаградитъ всѣ издержки.

Возвратимся опять къ матеріальнымъ выгодамъ и къ таможенному союзу. Въ этомъ отношеніи, система желѣзныхъ дорогъ представляется единственнымъ средствомъ къ раздѣленію труда и къ сосредоточенію производительныхъ силъ въ большомъ размѣрѣ, къ возстановленію равновѣсія между фабричною и земледѣльческою промышленностію между заграничнымъ ввозомъ и вывозомъ. Поэтому, мы прежде всего постараемся доказать важность такого равновѣсія, чтобъ объяснить всю необходимость желѣзныхъ дорогъ въ этомъ отношеніи.

Докторъ Боурингъ, въ донесеніи англійскому парламенту о торговомъ состояніи Германіи, говоритъ, — и мы почитаемъ донесеніе его весьма основательнымъ, — что въ Германіи число земледѣльцевъ содержится къ

числу мануфактуристовъ, какъ 3 къ 1, тогда-какъ въ Англіи оно содержитъ ся какъ 1 къ 2-мъ. Последнее отношеніе, безъ сомнѣнія, не естественно; оно не могло бы существовать, еслибъ въ націи стояли на одинаковой степени промышленнаго развитія. Причиною этого непомернаго увеличенія числа мануфактуристовъ, — первенство Англіи въ торговой и фабричной промышленности. Германцы, конечно, никогда не вздумаютъ гоняться за этимъ первенствомъ; Германія всегда будетъ ограничиваться нормальнымъ состояніемъ, къ которому должна стремиться каждая физически, морально и политически здоровая, образованная нація, котораго не могутъ лишить се успѣхи другаго народа. Это состояніе достигается тогда, когда нація, благопріятствуемая климатомъ и почвою, сама производитъ для себя всѣ мануфактурныя издѣлія и необходимыя колоніальныя продукты получаетъ непосредственно изъ первыхъ рукъ за свои мануфактурныя издѣлія. Глубокомысленнѣйшіе политическіе экономы полагаютъ, что въ этомъ положеніи число мануфактуристовъ къ числу земледѣльцевъ должно относиться какъ 1 къ 1-му.

Но предположимъ, что государства, участвующія въ таможенномъ союзѣ, въ продолженіи первыхъ 10 или 15 лѣтъ, при помощи желѣзныхъ дорогъ и благоразумнаго покровительства фабричной промышленности, достигнутъ того, что на двухъ земледѣльцевъ будетъ приходиться одинъ фабричный работникъ, то и тогда уже послѣдній классъ умножится 2—3 милліонами человекъ. Въ такой же пропорціи увеличатся требованія на произведенія земледѣльческой промышленности, на грубые матеріалы и на колоніальныя товары, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится доходъ съ земель, цѣнность ихъ, и государственныя доходы отъ косвенныхъ налоговъ.

Эти ожиданія не мечты, но естественныя, необходимыя слѣдствія видимыхъ причинъ, и неоспоримо доказываются опытами послѣднихъ 10 лѣтъ. Известно, что во всѣхъ государствахъ таможеннаго союза, въ слѣдствіе развитія мануфактурной промышленности, въ послѣдніе 10 лѣтъ значительно возвысилась цѣнность земли; во многихъ странахъ она возвысилась на 50 и даже 100% и нигдѣ не менѣе 20%. Принявъ всю поверхность Германіи (за исключеніемъ Австріи) въ 150 м. акровъ (по 40,000 кв. футовъ) и оцѣнивъ акръ среднимъ числомъ только въ 40 талеровъ, мы получимъ цѣнность всѣхъ земель Германіи въ 6 билліоновъ талеровъ. Къ этому должно прибавить цѣнность сельскихъ строеній, рудокопенъ и другихъ заведеній, составляющую около $1\frac{1}{4}$ или $1\frac{1}{2}$ билліона. Очевидно, это исчисленіе далеко не равняется подлинному; но и тутъ, увеличеніе цѣнности земель только на 20%, даетъ уже 1600 милліоновъ талеровъ, слѣдовательно, чистый доходъ съ земель увеличится на 50 или 60 милліоновъ, а валовой на нѣсколько сотъ милліоновъ.

Если политика таможеннаго союза будетъ идти одинакимъ шагомъ съ промышленнымъ развитіемъ націи и съ умноженіемъ капиталовъ; если въ продолженіе слѣдующихъ 10 лѣтъ въ помощь народной промышленности устроится вся система германскихъ желѣзныхъ дорогъ, то увеличеніе народнаго богатства въ слѣдующемъ десятилѣтій будетъ гораздо-значительнѣе, нежели въ истекшемъ. То, что предстоитъ еще Германіи совершить для достиженія нормальнаго состоянія въ-отношеніи къ народному хозяй-

ству, гораздо значительнее того, что до сих поръ сделано. Ввозъ иностранныхъ мануфактурныхъ и додумануфактурныхъ издѣлій и колоніальныхъ продуктовъ, за которые Германія большею частію платитъ еще не своими произведеніями, составитъ вѣрно не менѣе 50 или 60 милліоновъ талеровъ. Если эта потребность будетъ удовлетворяться собственными произведеніями, то само собою разумѣется, умноженіе мануфактурнаго класса народа увеличитъ требованіе произведеній земледѣлія, за которыя будетъ большею частію платиться внутренними мануфактурными издѣліями, что необходимо должно усилить мануфактурную дѣятельность. Непременнымъ слѣдствіемъ этого взаимнаго вліянія будетъ увеличеніе суммы произведеній сельской и мануфактурной промышленности въ четыре, даже въ пять разъ противъ того, что нынѣ нація можетъ выиграть непосредственною торговлею съ иностранными государствами и наполняя свои рынки произведеніями иностранныхъ мануфактуръ.

Для Германіи большое счастье, что эти необыкновенныя усовершенствованія средствъ сообщенія совпадаютъ съ эпохою ея промышленнаго возрожденія, ибо только этими усовершенствованіями Германія въ состояніи будетъ отвратить всѣ невыгоды и препоны, представляемыя самою природою ея промышленному развитію, въ сравненіи съ Англією. Важнѣйшая изъ этихъ невыгодъ состоитъ въ томъ, что въ Германіи фабрики большею частію должны приводиться въ движеніе силою воды, тогда-какъ фабрики Англіи движутся паромъ. Съ перваго взгляда, это можетъ показаться несправедливостію, ибо извѣстно, что сила воды, гдѣ она еще не употреблена и не обращена въ капиталъ, несравненно-дешевле силы паровъ; но легко убѣдиться въ справедливости этого положенія, рассматривая его въ отношеніи къ раздѣленію труда и къ соединенію производительныхъ силъ. Главное преимущество паровъ состоитъ въ томъ, что въ странахъ, гдѣ каменный уголь въ изобиліи и дешево, она дѣлаетъ возможнымъ сосредоточеніе фабричныхъ заведеній и капиталовъ, техническихъ силъ и способностей, и образуетъ цѣлыя мануфактурныя колоніи! Сотни фабрикъ раздѣляютъ между собою самыя мелкія отрасли производства. Каждая прядетъ только извѣстный сортъ нитокъ, ткать или печатаетъ только извѣстный видъ матерій. Въ одномъ и томъ же городѣ скопляются цѣлыя арміи работниковъ, и каждый изъ нихъ посвящаетъ себя исключительно какой-либо вѣтви производства и достигаетъ въ своемъ дѣлѣ возможнаго совершенства. Подлѣ фабрикаанта поселяется банкиръ, который снабжаетъ его деньгами, или беретъ на сохраненіе излишніе капиталы; купецъ, который доставляетъ ему грубыя матеріалы и покупаетъ его издѣлія, какъ-скоро они готовы. Сверхъ-того, тутъ возникаютъ заводы для изготовленія машинъ, которые слѣдуютъ тому же правилу раздѣленія труда, посвящаютъ себя одному какому-нибудь роду машинъ и слѣдовательно могутъ изготовлять самыя совершенныя машины за дешевѣйшую цѣну и въ кратчайшее время. Все это чрезвычайно облегчаетъ основаніе и поддержаніе фабрикъ. Фабрикантъ всегда можетъ исправить или замѣнить новыми испортившіяся машины. Опъ ежедневно можетъ увеличивать или уменьшать число работниковъ, сообразно своимъ капиталамъ и сбыту. Въ продолженіи недѣли, онъ можетъ обратить въ деньги всѣ свои капиталы, а въ благопріятное время всеобщаго довѣрія поддержатъ

свое заведеніе однимъ кредитомъ. Близость моря неизвѣрно сподобъ-
шествуетъ его оборотамъ; были примѣры, что привезенная въ Ливер-
пуль хлопчатая бумага черезъ нѣсколько дней, ужь обработанная, опять
отправлялась въ море.

Напротивъ того, вода, какъ движущая сила на фабрикахъ, вообще
очень рѣдка вблизи приморскихъ гаваней. Она находится только во
внутренности страны и рѣдко въ значительныхъ, большей же частію
въ весьма малыхъ массахъ на одномъ пунктѣ, чаще всего въ стра-
нахъ безлюдныхъ, въ уединенныхъ долинахъ. Поэтому, въ мѣстахъ,
гдѣ употребляется двигателемъ вода, каждый фабрикантъ стоитъ от-
дѣльно, Машинистъ, банкиръ, торговецъ живутъ далеко отъ него,
одинъ тутъ, другой тамъ. Грубые матеріалы онъ получаетъ изъ от-
даленныхъ приморскихъ городовъ, и потому долженъ дѣлать большіе
запасы, чтобъ не подвергнуть своего заведенія остановкѣ. Издѣлія свои
онъ долженъ посылать также далеко. Онъ издалека выписываетъ работ-
никовъ, или самъ образуетъ ихъ; поэтому, распространеніе или ограни-
ченіе заведенія—для него дѣло весьма трудное. Онъ по-необходимости дол-
женъ стараться содержать его всегда въ одномъ размѣрѣ и часто прину-
жденъ работать въ убытокъ, чтобъ только сохранить волюнъ свои произво-
дительныя силы въ надеждѣ на лучшія времена. При помощи усовершен-
ствованныхъ способовъ перевоза, все эти неудобства вододѣйствующихъ
фабрикъ не только отстраняется, но даже обратятся въ преимущества въ
сравненіи съ силою паровъ. Фабрикантъ сблизится съ приморскими гаван-
ями, что чрезвычайно облегчитъ ему пріобрѣтеніе грубыхъ матеріаловъ
и сбытъ собственныхъ издѣлій. Съ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ онъ мо-
жетъ дѣлать гораздо большіе обороты; съ большимъ удобствомъ можетъ
самъ отыскивать новые пути сбыта для своихъ произведеній, добы-
вать капиталы, слѣдовать за всеми улучшеніями въ своей отрасли фабрич-
ной промышленности. По причинѣ увеличенія своего круга дѣйствій, онъ
въ состояніи будетъ ограничиться извѣстными отраслями производства;
ему легче будетъ нанимать работниковъ. Онъ будетъ въ тѣсной связи съ
фабрикантами машинъ, которые также поставлены будутъ въ возмож-
ность усовершенствовать свое производство, слѣдуя правилу раздѣленія
труда.

Мы сказали, что неудобства, сопряженные съ вододѣйствующими фабри-
ками, посредствомъ усовершенствованныхъ способовъ сообщенія могутъ
даже быть обращены въ преимущества передъ силою паровъ, и остаемся
при этомъ мнѣніи. Отдѣльность фабрикъ имѣетъ также свою выгодную
сторону. Равнозѣрное распредѣленіе мануфактурной промышленности по
всему пространству государства значительно смягчаетъ неразлучное съ
нею зло и неудобства, и имѣетъ съ тѣмъ благотворное дѣйствіе ея на
земледѣльческую промышленность оказывается повсемѣстнѣе, нежели въ
государствахъ, гдѣ фабричная промышленность сосредоточена въ нѣсколь-
кихъ пунктахъ.—Фабрикантъ, живущій въ маленькомъ городкѣ, или въ уе-
данномъ помѣстьѣ, по необходимости долженъ жить скромнѣе и тише;
нежели живутъ въ большихъ фабричныхъ городахъ; и поэтому при мень-
шихъ доходахъ онъ будетъ также счастливъ. Принужденный содержать

свое заведение всегда на одинакой ногъ, онъ не подвергается коннурренци и внезапнымъ гибельнымъ перомънамъ, отъ которыхъ такъ часто разоряются англійскіе фабриканты. — Состояніе фабричнаго работника, при меньшей поденной платъ, будетъ гораздо болѣе обезпечено, нежели въ Англии, гдѣ онъ сегодня получаетъ двойную плату, а завтра остается безъ работы и безъ хлѣба. — При дешовизнъ содержанія, умѣренная плата будетъ для него такъ же достаточна, какъ для англійскаго работника гораздо вышья. Въ настоящемъ положеніи земледѣля въ Германіи, онъ будетъ въ состояніи съ помощью своего семейства самъ воздѣлывать землю и производить столько, сколько нужно для его семейства, и такимъ образомъ, въ случаѣ уменьшенія заработка на фабрикѣ, безъ крайней нужды ожидать лучшаго времени.

Поэтому, опасенія бѣдствій, которымъ подверженъ рабочій классъ въ Англии, и которыми угрожаютъ Германіи въ случаѣ усиленія ея мануфактурной промышленности, совершенно неосновательны. Въ Англии, эти бѣдствія происходятъ отъ непоумѣрнаго сосредоточенія фабричной промышленности и отъ частыхъ колебаній, которымъ она подвергается въ слѣдствіе своего стремленія къ всемірной монополіи. За отсутствіемъ этихъ двухъ причинъ, Германіи нѣчего опасаться, чтобъ развитіе промышленности наполнило ее полчищами пролетаріевъ.

Протяженіе предполагаемыхъ желѣзныхъ дорогъ во всѣхъ государствахъ таможеннаго союза (со включеніемъ сѣверныхъ государствъ и герцоговъ, намъревающихся приступить къ союзу, но за исключеніемъ Австріи) составляетъ около 520 миль, а издержки построенія будутъ простираются до 150 милліоновъ талеровъ. Слѣдовательно, эти издержки не составляютъ даже 2⁰/₀ цѣнности всѣхъ земель въ Германіи и не болѣе 15% съ ежегоднаго валоваго дохода отъ нихъ. Скорѣе можно при солнечномъ свѣтѣ увѣрять, что день есть ночь, нежели отвергать справедливость положенія, что въ теченіи одной человѣческой жизни, Германія, въ отношеніи къ своимъ производительнымъ силамъ, выиграетъ въ десять, въ двадцать разъ болѣе, нежели сколько будутъ стоить желѣзныя дороги.

Это такъ очевидно, что система германскихъ желѣзныхъ дорогъ перестала уже быть проектомъ. Изъ числа 520 миль, вѣтая часть уже устроена или будетъ окончена въ нынѣшнемъ году. Устройство остальныхъ дорогъ рѣшено, или почти рѣшено. Никто не сомнѣвается болѣе въ томъ, что эти дороги будутъ давать хорошіи доходъ, особливо тогда, когда вса свѣ ихъ будетъ приведена одновременно къ окончанію, ибо только отъ взаимнаго дѣйствія всѣхъ частей системы одна на другую, обращеніе по нимъ людей и товаровъ можетъ достигнуть наибольшей дѣятельности, и местныя, провинціальныя сообщенія обратятся въ національныя.

При такомъ положеніи дѣла, было бы излишне распространяться объ этомъ предметѣ, если бы въ последнее время нѣсколько голосовъ не объявило сомнѣній на счетъ доходности и государственно-экономической пользы желѣзныхъ дорогъ въ Германіи, преимущественно же касательно выгодъ отъ постройки ихъ на счетъ правительства.

Этихъ скептиковъ прежде всего можно увѣрнуть въ томъ, что они вовсе упускаютъ изъ виду вліяніе, которое система желѣзныхъ дорогъ будетъ

нить на усовершенствованіе общенациональнаго, нравственнаго и политическаго быта Германіи.—Если рѣчь идетъ о томъ, должно ли Виртембергское Королевство участвовать во всеобщихъ успѣхахъ цивилизаціи, или оставаться назади, то, кажется, слѣдовало бы обратить вниманіе на выгоды, которыя протекли для этого государства отъ возстановленія національности Германіи,—выгоды, большею частію самыя осязательныя; на-примѣръ, въ-отношеніи къ оборонѣ.

Очевидно, что западныя государства Германіи всего болѣе заинтересованы въ дѣлѣ защиты слабѣйшаго, наименѣе огражденнаго пункта Германіи—ея западной границы. Въ случаѣ войны съ Франціею, они первые подвергнутся всѣмъ ея бѣдствіямъ. Они ли должны быть театромъ военныхъ дѣйствій, или Франція? Должны ли они быть жертвованы вторженію непріятеля отъ превосходящими силами, пока австрійскія и прусскія войска медленно приближаются къ нимъ, или быть увѣренными въ быстрой помощи великихъ державъ при первомъ востребованіи? Должны ли они подвергаться голоду при вхождѣ многочисленныхъ армій, или получать обильныя запасы съ востока? Кажется, не нужно доказывать, что рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ зависитъ преимущественно отъ средствъ сообщенія, и что дѣло идетъ о существованіи Виртемберга и Бадена. Замѣтимъ только, что въ первую войну съ Франціею, на Рейнѣ, вѣроятно, сосредоточатся огромныя военныя силы.

Въ-отношеніи къ распространенію наукъ, художествъ, литературы, національнаго образованія и проч., вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ представляется для Виртембергскаго Королевства не менѣе, даже,—смѣло можно сказать,—болѣе важности, нежели для всякаго другаго государства равной съ нимъ величины. По недостатку морскихъ и рѣчныхъ сообщеній, оно слишкомъ отдалено отъ всего свѣта, и въ немъ не можетъ образоваться торговля и промышленная дѣятельность и сметливость, которыя легко развиваются при значительныхъ оборотахъ.—Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить самая оппозиція и ограниченнѣйшій взглядъ ея на вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ.

По мнѣнію скептиковъ, предположеніе, что желѣзныя дороги способствуютъ развитію промышленности, способствуютъ процвѣтанію земледѣлія, оживляютъ внутреннюю и вѣдную торговлю, и слѣдовательно увеличиваютъ народное богатство и государственные доходы, есть *дерзкая*, ни на чемъ не основанная гипотеза, которую такъ-называемые защитники желѣзныхъ дорогъ выдаютъ за аксіому. «Скорость»,—говорятъ они—«есть единственное преимущество желѣзныхъ дорогъ. Въ-отношеніи къ перевозу тяжестей, эта скорость нужна только для състныхъ припасовъ; но для этого есть уже скорозовы (*Eilfuhrer*) и т. п. Другіе же товары довольно скоро приходятъ къ мѣстамъ назначенія. Ограниченность сбыта происходитъ не отъ недостатка средствъ перевоза, но отъ-того, что рынки переполнены товарами. Огромные торговые и мануфактурные города, каковы Ливерпуль и Манчестеръ, не созданы скоростію сообщеній, но наоборотъ, они создали эту скорость. Примѣръ Бельгіи доказываетъ, что провозъ товаровъ составляетъ только четвертую часть доходовъ съ желѣзныхъ дорогъ. Только относительно перевоза путешественниковъ, желѣзныя дороги пред-

ставляют неоспоримыя выгоды. Но путешествуютъ обыкновенно или по дѣламъ, или для удовольствія. Дѣла можно обдѣлывать письменно; а тѣ, для которыхъ необходимы личныя переговоры, не требуютъ большой поспѣшности. Облегченіе же путешествій по прихоти усилить только пагубную страсть къ удовольствіямъ. Конечно, нѣкоторые города и нѣкоторыя отрасли промышленности получаютъ отъ-того пользу, но обогащеніе нѣкоторыхъ часто влечетъ за собою бѣдность многихъ, и такъ-называемое усиленіе промышленности есть часто не что иное, какъ увеличеніе роскоши съ одной стороны, и недостатокъ съ другой. Железныя дороги могутъ существенно содѣйствовать оживленію промышленности только тамъ, гдѣ она стоитъ уже на такой высотѣ, что для ея дальнѣйшаго развитія не достаетъ лишь большей быстроты сообщеній. А гдѣ железныя дороги не приносятъ дохода, тамъ, слѣдовательно, по нимъ мало вздѣтъ: а гдѣ по нимъ мало вздѣтъ, тамъ можно сомнѣваться въ ихъ государственно-экономической пользѣ.

Вотъ какъ разсуждаютъ скептики. Очевидно, она принадлежитъ не къ дѣятельному, неутомимому классу производителей, но къ спокойному классу потребителей, привыкшихъ къ всѣмъ удобствамъ мирной жизни. Противъ нихъ можно употребить только одинъ, впрочемъ весьма сильный аргументъ ad hominem. Конечно, ихъ потребности въ шелковыхъ и другихъ дорогихъ товарахъ довольно-скоро удовлетворяются посредствомъ обыкновенныхъ сообщеній; конечно, дѣла ихъ могутъ быть обдѣланы перепискою, а для увеселительныхъ прогулокъ ихъ достаточно рейнскихъ пароходовъ; во развѣ это ничего не стоитъ, что они будутъ получать устрицъ и икру, морскихъ рыбъ и раковъ прямо изъ соленой воды?..

Промышленный классъ въ Виртембергѣ; конечно, думаетъ совсѣмъ иначе. Удивительно, почему противники железныхъ дорогъ не спросили своихъ соотечественниковъ-книгопродавцевъ, ювелировъ, бумажныхъ фабрикантовъ: все ли равно для нихъ быстрый или тихій, правильный или неправильный перевозъ товаровъ; все ли равно для нихъ путешествовать скоро, спокойно и дешево, или медленно, дорого и притомъ неудобно; все ли равно для нихъ обдѣлывать дѣла словесно или письменно?

Главнѣйшее заблужденіе противниковъ железныхъ дорогъ состоитъ въ томъ, что они ожидаютъ отъ этихъ дорогъ только скорости, а не дешевизны перевоза товаровъ. Это заблужденіе, такъ же, какъ и другія, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, происходятъ отъ-того, что скептики принимаютъ существующіе нынѣ на отдаленныхъ пространствахъ торговые обороты за мѣрило для будущей національной торговли, тогда-какъ всѣкому понятно, что при помощи всей сѣти железныхъ дорогъ, торговые обороты необходимо пріймутъ совершенно-другой видъ. Весьма естественно, что теперь по отдаленнымъ железнымъ дорогамъ перевозятся мало товаровъ, составляющихъ предметъ торговли. Кому нужно отправить товары, на пр., изъ Мюнхена въ Штутгартъ, тотъ, разумѣется, предпочтетъ шоссе, потому-что на такомъ незначительномъ разстояніи не стоятъ труды перекладываться въ Аугсбургъ. Но при одинаковой платѣ за провозъ, онъ непременно избереетъ железную дорогу, когда она будетъ на всѣмъ протяжении. Съ другой же стороны, пока провозъ товаровъ по железнымъ дорогамъ еще незначителенъ, нѣтъ никакого расчета брать плату меньшую

той, которая берется на шоссе. Эти сообщения еще не устроились; они до сих пор приносят мало выгоды и много хлопот, и даже значительное пониженіе платы, при настоящихъ обстоятельствахъ, едва ли увеличило бы провозъ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ. Теперь онъ пока перевозятъ то, что есть, и берутъ такую плату, чтобы было изъ чего возить. Но и теперь уже плата за провозъ малоцѣнныхъ товаровъ, каковы: топливо, камень и т. п., которые перевозятся на небольшія протяженія, такъ значительно понижалась, что эта отрасль торговли ощутительно оживилась, и если желѣзная дорога не получаютъ еще отъ того большихъ выгодъ, то гнѣ не могутъ получать національно-экономической пользы.

Главный вопросъ состоитъ однако въ томъ: будетъ ли провозъ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ дешевле, нежели провозъ по шоссе? Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, если провозъ будетъ значителенъ. Железная дорога съ двойнымъ рядомъ рельсовъ можетъ только въ продолженіи небольшого времени, когда поезда съ пассажирами прекращаются, перевозить миліоны центнеровъ. При менѣе-значительной скорости сила паровъ такъ дешева, что съ этой стороны нѣтъ препятствій къ установленію самыхъ низкихъ цѣнъ. Сверхъ-того, можетъ быть еще употреблена и сила лошадей, которая, оказывая на желѣзныхъ дорогахъ дѣйствіе въ десять разъ большее, нежели на шоссе, можетъ чрезвычайно понизить цѣну провоза, который непрестанно слѣдуетъ весьма-значительнымъ, какъ-скоро вся сеть желѣзныхъ дорогъ будетъ устроена. Она будетъ значительна, когда дороги управляютъ отъ правительствъ, и когда, слѣдственно, плата будетъ болѣе сообразоваться съ будущими національно-экономическими выгодами, нежели съ временнымъ большимъ дивидендомъ, когда она будетъ назначаться болѣе въ видахъ отдаленной, нежели настоящей пользы.

Вычисливъ хоть приблизительно массу тяжестей, которыя будутъ перевозиться по желѣзнымъ дорогамъ во всей Германіи, именно: колоніальныхъ товаровъ, — каковы: сахаръ, хлопчатая бумага, кофе, табакъ, — туземныхъ произведеній, каковы: шерсть, лёнъ, пенька, желѣзо и другіе металлы, хлѣбъ, овощи, скотъ, кожи, вино, пиво, водка; далее — строительныхъ матеріаловъ, топлива и мануфактурныхъ издѣлій всѣхъ родовъ; принявъ сверхъ-того въ соображеніе, сколько торговое движеніе должно увеличиться въ слѣдствіе улучшенія сообщеній и оживленія промышленности, никто, конечно, не будетъ сомнѣваться въ томъ, что провозъ товаровъ по германскимъ желѣзнымъ дорогамъ долженъ достигнуть весьма-обширныхъ размѣровъ. По-крайней-мѣрѣ, въ послѣднее время мы не встрѣчали ни одного меловика, знающаго дѣло, который бы сколько-нибудь сомнѣвался въ этомъ.

Наконецъ, одно изъ преимуществъ желѣзныхъ дорогъ передъ обыкновенною сухопутною доставкой состоитъ въ томъ, что на нихъ, такъ же какъ на каналахъ, плата за провозъ можетъ быть гораздо-болѣе, нежели на шоссе, соразмѣрена съ цѣнностью товаровъ; что они могутъ назначать плату съ дорогостоящихъ произведеній (какъ на-примѣръ, съ шелковыхъ издѣлій и другихъ предметовъ роскоши, для которыхъ сбереженіе времени и процентовъ на капиталъ, скорость, вѣрность и точность доставки весьма важны) гораздо-большую, нежели почта, и перевозить товары малоцѣнные въ-сравненіи съ ихъ объемомъ, гораздо-дешевле, нежели послѣдній

извозчикъ. Сверхъ-того, тамъ, гдѣ дороги устроены и сдѣланы отъ правительства, предметы, которыхъ дешевая доставка требуется владѣн- государственнаго хозяйства, на-примѣръ, каменный уголь, могутъ быть перевозимы за самую умеренную плату; покрывающую только издержки перевозки и ремонтъ дороги, между-тѣмъ, какъ проценты съ капиталовъ, употребленныхъ на возведеніе дороги, будутъ покрываться съ провоза пассажировъ.

Наши противники не знаютъ ничего этого, а если бы и знали, то это мало принесло бы имъ пользы при ихъ предубѣжденіи, что о национально-экономической пользе учрежденія можно судить по финансовымъ отъ него выгодамъ. Они говорятъ: въ Бельгій провозъ товаровъ приноситъ вчетверо болѣе дохода, нежели провозъ пассажировъ, следовательно, по незначительности своей, онъ не можетъ быть важенъ ни въ финансовомъ, ни въ народно-экономическомъ отношеніи. Они не подозреваютъ, что национально-экономическая польза можетъ быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ менѣе предметъ перевоза доставляетъ финансовой выгоды.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ должно остерегаться дѣлать сравненія между двумя государствами, изъ которыхъ мы знаемъ хорошо только одно, а можетъ-быть и ни одного не-знаемъ. Въ Бельгій существуетъ весьма дѣлательное и систематическое сообщеніе посредствомъ рѣкъ и каналовъ, которое (за исключеніемъ зимняго времени) удовлетворяетъ почти всѣмъ потребностямъ перевоза тяжестей, и притомъ для тяжелыхъ товаровъ удобнѣе и дешевле, нежели желѣзныя дороги. Германія же, напротивъ, совершенно лишена этого пособія; поэтому, здѣсь перевозъ тяжестей по желѣзнымъ дорогамъ будетъ гораздо-важнѣе и въ финансовомъ и въ государственно-экономическомъ отношеніи.

Въ такомъ же положеніи находится и Сѣверная-Америка. Но при этомъ сравненіи, противники желѣзныхъ дорогъ впадаютъ въ совершенно-другую погрѣшность: они судятъ объ иностранномъ государствѣ гораздо-вѣрнѣе, нежели о своемъ отечествѣ. Въ Германіи, говорятъ они, желѣзныя дороги не будутъ имѣть такого вліянія на земледѣліе, ибо она достигла уже «просвѣщенія», что доказывается ежегодно-увеличивающимися переселеніями. Какое понятіе о промышленныхъ отношеніяхъ Германіи! Въ Германіи, по-крайней-мѣрѣ, три милліона рукъ могутъ перейти отъ земледѣлія къ мануфактурной промышленности. Онѣ не переселятся въ другую часть свѣта, но останутся въ отечествѣ и будутъ содѣйствовать усиленію народного богатства; онѣ увеличатъ требованія на произведенія земледѣлія, и удовлетвореніемъ этихъ требованій увеличится торговое движеніе по желѣзнымъ дорогамъ. Да и можно ли ожидать правильнаго взгляда на предметы отъ людей, которые убѣдительнѣйшимъ опытомъ противопоставляютъ только пустыя фразы? Они видятъ и сознаютъ, что *дорога Фердинанда* (Ferdinandsbahn) оказываетъ уже большія услуги для перевоза тяжестей и притомъ съ ощутительною пользою для земледѣлія. Но вѣсто того, чтобъ изъ этого вывести заключеніе, что явленіе это должно повториться и въ остальной Германіи, какъ-скоро отдаленныя плодородныя провинціи соединены будутъ съ многолюдными городами, они говорятъ: «тутъ ошибаясь въ расчетъ на число пассажировъ и по необходимости должны были

силить перевозъ тяжестей, чтобъ отвратить большіе убытки». Но если бы то было и такъ, то что же изъ этого слѣдуетъ? Менѣе ли полезна отъ-те- о дорога? и возможность замѣнить недостатокъ пассажировъ усиленнымъ перевозомъ товаровъ говорить ли въ пользу или противъ устройства желѣзныхъ дорогъ отъ правительства (*)?

Даже, изъ должнаго взгляда противниковъ, судящихъ, по результатамъ главныхъ желѣзныхъ дорогъ, о движеніи, которое будетъ во устрой- шии всей сѣти, протекаетъ нѣкъ сомнѣніе о доходности этихъ дорогъ. Частъ съ тѣмъ рождается другое сомнѣніе: будутъ ли приносить доходъ дороги, на устройствіе которыхъ не рѣшится частныя компаніи? Они полагаютъ, что казна должна рѣшиться на подобное предпріятіе не иначе, какъ нѣкъ въ виду вѣрнѣйшій доходъ; если же частная компанія не увѣрена въ до- ходъ, то, значитъ, весьма сомнительно, чтобъ по дорогѣ былъ значитель- ный провозъ, а слѣдовательно и экономическо-національная польза ея такъ сомнительна.

Всѣмъ этимъ сомнѣніямъ; протекующимъ не изъ сущности дѣла, но изъ страсти къ сомнѣніямъ, которой обыкновенно бывають подвержены са математикъ, ищущающіеся въ чуждыя имъ области, мы противопоста- вимъ доказательства сколько-возможно-опредѣлительныя. Доходы отъ гер- манскихъ желѣзныхъ дорогъ такъ же вѣрны, какъ плоды отъ деревъ, ко- торыя мы сажаемъ; неизвѣстно только, принесутъ ли они первые плоды в четвертомъ и пятомъ году, или на шестомъ и седьмомъ. Но всегда мож- но съ достовѣрностію предполагать, что польза желѣзныхъ дорогъ ко- да-нибудь съ избыткомъ вознаградитъ издержки ихъ построенія, ибо рас- ходы на нихъ съ каждымъ годомъ будутъ уменьшаться, между-тѣмъ, какъ оставаемые ими выгоды годъ-отъ-году увеличиваются. Это подтвер- ждается неоспоримыми опытами. Кто и послѣ этого еще будетъ сомнѣять- ся въ доходности германскихъ желѣзныхъ дорогъ, тотъ, значитъ, отнимаетъ въ будущности германской націи. Весь вопросъ состоитъ теперь только въ томъ: когда онъ начнутъ приносить доходъ? Мы полагаемъ, что въ первомъ году по устройствіи всей сѣти; другіе, можетъ-быть, думаютъ, что въ пятомъ, еще другіе — въ десятомъ. Но это совершенно все равно, сн дороги устраиваются отъ правительства, которыя считаютъ свои періоды жизни вѣками, а не годами. Если пожертвованія, делаемыя ими въ первые десять лѣтъ, вознаградителъ въ теченіи послѣдующаго десятилетія, то они перестаютъ уже быть для нихъ жертвованіями (**). Съ ча-

(*) Противники желѣзныхъ дорогъ говорятъ: «Частныя компаніи едва ли когда-ни- когда рѣшится основать свою спекуляцію на одномъ провозѣ тяжестей, и устраивая въ эту цѣль желѣзная дорога, конечно, не будетъ приносить дохода». Противъ это можно сказать, что есть множество желѣзныхъ дорогъ, устроенныхъ да- того не для провоза собственно-такъ-называемыхъ товаровъ, но единственно для провоза каменнаго угля, дѣса или камня, и приносящихъ значительный доходъ. Въ Бельгіи теперь еще строится желѣзная дорога, предназначенная собственно для выгоды сель- ского хозяйства.

(**) Противники говорятъ: «Правительства не иначе, какъ послѣ вѣрныхъ раз- мышленій должны рѣшиться на предпріятіе, отъ котораго въ настоящее время рѣшится только огромныя издержки, между-тѣмъ, какъ ожидаемая отъ него польза окажется, можетъ-быть, только при будущемъ поколѣніи». Слѣдовательно, эти

стными компаниями было бы совершенно не такъ. Они могутъ разсчитывать только на скорый доходъ, и для нихъ нисколько неутраивательна мысль, что убытки, которые они понесутъ на своихъ акціяхъ, черезъ пять-шесть втрое вознаградятся тѣмъ, кто купитъ эти акціи, въ эпоху упадка ихъ курса.

Поэтому, и окончательное заключеніе противниковъ желѣзныхъ дорогъ, что правительства не должны рѣшаться на предпріятіе, коль-скоро частыя лица отъ него отказываются, — совершенно фальшиво. Тутъ прежде всего должно имѣть въ виду, что доходность отдѣльныхъ желѣзныхъ дорогъ зависитъ преимущественно отъ того, будетъ ли вся система одновременно приведена въ исполненіе. При устройствѣ дорогъ частными компаниями, исполненіе этого условія подвержено было бы множеству случайностей. Ошибочныя вычисленія, непредвидимыя затрудненія въ постройкѣ, торговые кризисы, дороговизна, война, и т. п., могутъ остановить предпріятіе; и при самыхъ основательныхъ надеждахъ на выгоды, еслибъ работы были приведены къ окончанію, акціонеры могутъ лишиться большей части своихъ взносовъ. Отъ подобной остановки въ одномъ государствѣ потеряло бы предпріятіе во всей Германіи, ибо сѣть осталась бы неполною. Но изъ эти пропятствія или вовсе невозможны, или, по-крайней-мѣрѣ, не будутъ имѣть такихъ вредныхъ послѣдствій, какъ-скоро работы приняты правительствами. Такимъ образомъ, можетъ случиться, что желѣзныя дороги частныхъ компаний цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ будутъ безъ дохода; между-тѣмъ, какъ въ рукахъ правительствъ онъ уже въ первый годъ принесла бы доходъ. Наконецъ, должно еще замѣтить, что частныя антрепренёры всегда будутъ стараться назначить сколько возможно высшія цѣны за провозъ, что, само собою разумѣется, ограничивало бы государственную пользу желѣзныхъ дорогъ, тогда-какъ всякое правительство, конечно, изберетъ путь совершенно-противоположный, т. е., прежде всего будетъ имѣть въ виду общую пользу, ожидая увеличенія своихъ доходовъ отъ желѣзной дороги отъ развитія промышленности и торговли.

Изъ этого слѣдуетъ, что подобнаго рода предпріятія могутъ теперь уже обещать правительству вѣрный и достаточный доходъ, и цѣлыя еще столѣтія не находятъ частныхъ антрепренёровъ. Для нихъ необходимы въ высшей степени духъ предпріимчивости и общественности, вѣрныя понятія о промышленности и вещественные капиталы. Вся эти условія можно встрѣтить у частныхъ людей только въ странѣ, которая уже нѣсколько столѣтій пользовалась всеми благодѣяніями цвѣтущей, обширной торговли, но не въ государствѣ, гдѣ она еще только-что начинаетъ вступать въ свои политическія права. Тамъ, при изобиліи матеріальныхъ способовъ, довольно надежды на самый обыкновенный выигрышъ, чтобъ возбудить духъ предпріимчивости; здѣсь всякій будетъ требовать необыкновенныхъ и скорыхъ

тоспада не того мнѣнія, что настоящее поколѣніе должно заботиться о благосостояніи и величій грядущаго? Мы же думаемъ, что подобная нація эгоистовъ стоитъ гораздо ниже селянина, который сажаетъ дерево съ тѣмъ, чтобъ хотя внуки воспользовались его плодами. Самое разное различіе образованнаго человека отъ дикаго состоитъ въ томъ, что первый бросаетъ сѣмена и тамъ, гдѣ не падаетъ собрать жатву, а послѣдній рубитъ цѣлое дерево, для того, чтобъ достать съ него плоды.

ходовъ; чтобъ во всякомъ случаѣ быть увѣрену въ обыкновенность. Тамъ каждый фабрикантъ, каждый владѣлецъ земли, или дома, рискуетъ, возможною потерей на акціяхъ; для видимой общественной пользы предпріятія; которая разомъется и на него; здесь, въ этомъ отношеніи, понятія еще такъ ограничены, что эта польза подвержена сомнію даже у людей, рѣшающихся публично подавать свой голосъ въ дѣлѣ. Какъ въ первомъ случаѣ подобныя предпріятія должны быть предоставлены частнымъ лицамъ, чьихъ силы для нихъ достаточны, такъ во второмъ здравая политика требуетъ, чтобъ правительство приняло на себя исполнское дѣло, котораго боятся частныя лица, и которымъ оно не по силамъ. Следовательно, утверждать, что въ Германіи желѣзныя дороги могутъ быть устроены только при пособіи правительствъ, не значитъ еще соглашаться, что дороги эти не могутъ приносить дохода.

Равнымъ образомъ, и мнѣніе, что государство получить неисчислимыя выгоды отъ желѣзныхъ дорогъ тогда даже, если дороги вовсе не будутъ приносить дохода, не заключаетъ еще въ себя такого сознанія. Это сказано, потому что это справедливо, а не потому, чтобъ сомнѣвались въ финансовой выгодѣ желѣзныхъ дорогъ; это сказано для того, чтобъ опровергнуть сомнѣнія записныхъ скептиковъ, а не для того, чтобъ открыть нашу слабую сторону. Если же противники говорятъ, что государственно-экономическая польза желѣзныхъ дорогъ всегда сомнительна, когда онѣ не приносятъ достаточнаго дохода (ибо это доказываетъ, что на нихъ мало движенія), — то это очевидно нелѣзность. Стало-быть, и провинціальныя дороги и шоссе также не приносятъ никакой государственной пользы, ибо, сколько намъ известно, онѣ во всей Германіи не приносятъ дохода; послѣдніе даже рѣдко покрываютъ издержки, употребляемыя на ихъ содержаніе. Поэтому, всякое государственное учрежденіе, неприносящее финансовыхъ выгодъ, не имѣетъ никакой народно-экономической важности (*).

(*) Чтобъ прикрыть это противорѣчіе, противники говорятъ: «Обыкновенныя дороги суть необходимыя средства сообщенія, и потому составляютъ потребность, объ удовлетвореніи которой должно заботиться правительство; желѣзныя же дороги нельзя назвать потребностью; правительство нисколько не обязано переносить путешественниковъ и товары съ быстротою ветра. Если правительство строить богадельни, изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ оно должно было строить ихъ съ такою же роскошью, какъ дворцы.» Къ этому они еще присовокупляютъ, что «обыкновенныя дороги сдѣлаются только дополненіемъ желѣзныхъ дорогъ, и будутъ относиться къ нимъ какъ притоки къ главнымъ рѣкамъ.» Мысли эти едва заслуживаютъ опроверженія. Отъ-чего желѣзныя дороги не могутъ быть почитаемы необходимою потребностью для торговли цѣлой націи, какъ шоссе и простыя дороги для сообщеній и торговыхъ оборотовъ провинцій и округовъ? Отъ насъ еще не такъ далеко время, когда сомнѣвались въ необходимости послѣднихъ, точно такъ же, какъ теперь сомнѣваются въ необходимости первыхъ. Притомъ же, въ государствахъ, изобилующихъ капиталами, наприм., въ Англіи, правительство не беретъ на себя даже устройствъ и содержанія шоссе, но предоставляетъ это частной предпріимчивости, изъ чего, по логикѣ противниковъ, слѣдовало бы заключить, что и въ Германіи правительства импрессио обременяютъ себя злостною заботою. Мы согласны, что шоссе будутъ въ такомъ же отношеніи къ желѣзнымъ дорогамъ, какъ второстепенныя рѣки къ главнымъ; но вѣдь никто еще не сомнѣвался въ пользѣ большаго рѣка для обширныхъ торговыхъ оборотовъ, потому что малыя рѣки достаточны для менше значительной торговли.

Очевидно, что противникам желѣзныхъ дорогъ рѣшительно не достаетъ яснаго понятія о взаимномъ дѣйствіи производительныхъ силъ и о вліаніи средствъ сообщенія на ихъ развитіе и на умноженіе народнаго богатства. Положимъ, что все матеріальныя, духовныя и политическія условія развитія народной промышленности уже существуютъ (нѣтъ можно съ увѣренностію сказать о Германіи въ настоящее время), все остальное будетъ зависеть уже отъ средствъ сообщенія. Они будутъ въ состояніи въ теченіи одной человеческой жизни, увеличить число людей мануфактурнаго класса, сельскую и фабричную промышленность, цѣну земли, внутреннюю и вѣнскую торговлю, государственныя доходы и военную силу Германіи. Предположеніе это покажется гипотезою только тому, кто никогда не изслѣдовалъ причинъ, въ счастіе которыхъ другія нація достигли подобныхъ результатовъ (*).

Висамопомы-дѣль, чѣмъ болѣе разсуждаешь о слѣдствіяхъ подобаго національнаго учрежденія, тѣмъ ненамѣримѣе оказывается оно. Разсмотримъ ихъ, на-примѣръ, только въ-отношеніи къ округленію германскаго таможеннаго союза и къ усовершенствованію торговой системы его, преимущественно вѣншней.

Нѣтъ-ли всѣ согласны въ томъ, что таможенный союзъ останется весьма несовершеннымъ до-тѣхъ-портъ, пока устья германскихъ рѣкъ и берега германскихъ морей не будутъ принадлежать ему, либо только обладающіи ихъ онъ будетъ поставленъ въ возможность привести въ нормальное положеніе свои взаимныя торговныя отношенія, образовать національный флотъ (на первый разъ хотъ только купеческій), и занять достойнымъ образомъ вѣдѣніемъ своего народонаселенія. Лучшие государственныя люди, въ странѣ, не участвующихъ въ союзѣ, согласны въ этомъ, и она сопротивленія съ каждымъ днемъ становится слабѣе, даже въ приморскихъ городахъ, которые такъ высоко цѣнятъ свою независимость и такъ завидуютъ своимъ сильнымъ сосѣдямъ. Итакъ, здравомыслящіе видятъ уже, что тор-

(*). Народное богатство Англіи начинается собственно съ последней половины семнадцатаго столѣтія. Сэръ Уильямъ Петти въ 1664 году полагалъ весь народный капиталъ Англіи не болѣе какъ въ 250 мил. фунт. стерл. Грегорій Квинтъ, авторъ «British Merchant» въ началѣ XVIII столѣтія цѣнилъ его уже въ 645 мил. Умноженіе капитала едвалилось еще-быстрѣе въ-слѣдствіе метисскаго договора и разпространенія англійской торговли въ Ост-Индіи и Сѣверной Америкѣ. Сэръ Уильямъ Пюльтвей, торговавшій въ свиста, считалъ его уже въ 2,000 миліоновъ, а Бэнъ, въ концѣ XVIII вѣка, въ 2,600 мил. Наконецъ, въ 1839 году, по вычисленію Кэна, народный капиталъ Англіи долженъ былъ простираться до $4\frac{1}{2}$ бильіоновъ, а Мартинъ полагаетъ сумму капиталовъ, принадлежующихъ въ Колоніяхъ, до $2\frac{1}{2}$ бильіоновъ, почему въ настоящее время весь національный капиталъ Англіи, простирается до 7 бильіоновъ ф. стерл. Государственные доходы возрастаютъ еще въ гораздо сильнѣйшей прогрессіи. Въ царствованіе королевы Елизаветы доходы прѣхъ королевствъ не превышали доходовъ Флоренціи (около 15 мил. франковъ, или 600,000 ф. стерл.), а нынѣ они составляютъ отъ 30 до 40 мил. ф. стерл. Кто-начинаетъ эти результаты, кто знаетъ сколько улучшилось съ возни промышленности благосостояніе Франціи, не смотря на разорительныя войны, несправедливыя вѣдѣнія, революціи, и расточительное управленіе еявншесово, тому не покажется страннымъ, если мы отъ совокупнаго дѣйствія желѣзныхъ дорогъ и усовершенствованной политики правительства ожидаемъ удвоенія народнаго богатства и государственныхъ доходовъ Германіи.

годы и благосостояніе приморскихъ городовъ тѣсно связаны съ могуществомъ и независимостію націи. Они видятъ, что требуемая отъ нихъ жертва своей частной независимости ничтожна въ сравненіи съ выгодами, которыя протекать для нихъ изъ національнаго соединенія Германіи. Они помнятъ, что медъ, собранный ими въ свои соты, въ теченіи вѣковъ, при благоприятной свободѣ торговли, въ одинъ день сдѣлается добычею національнаго врага, и понимаютъ, что только великая и связанная общими торговыми выгодами націа можетъ оградить ихъ отъ такого бѣдствія.

Въ Ганноверѣ разко говорили о пользѣ національнаго соединенія Германіи, въ-отношеніи къ Франціи, и вѣроятно, скоро убѣдятся, что то же самое можно сказать и въ-отношеніи къ Англіи. Впрочемъ, и безъ того уже присоединеніе Брауншвейга къ союзу нанесло сильный ударъ прежней системѣ Ганновера. Увѣряютъ, что въ Мекленбургѣ и Гольштейнѣ также серьезно занимаютъ мыслію приступить къ союзу.

Все это показываетъ, что, можетъ-быть, близко то время, когда вся государства и города, доселѣ нерасположенные къ союзу, добровольно присоединятся къ нему, и что какой-нибудь внѣшній толчокъ еще ускоритъ это событіе.

Впрочемъ, должно замѣтить, что таможенный союзъ всегда будетъ въ состояніи, не нарушая народнаго права и общихъ отношеній германскаго союза, коммерчески посадить на мель государства и города, которые будутъ противиться національнымъ выгодамъ всей Германіи и истинной своей пользѣ. Такимъ образомъ, чтобъ дать почувствовать, на-прим., Ганноверу, невыгоды его упорства, союзъ можетъ, и будетъ въ правѣ, обложить меньшею пошлиною товары, идущіе водою черезъ Прейсигъ-Минденъ и Магдебургъ, нежели товары, идущіе транзитомъ чрезъ Ганноверъ. По присоединеніи Ганновера, то же можно будетъ сдѣлать противъ Гамбурга и Бремена, особливо въ томъ случаѣ, еслибъ Ольденбургъ и Гольштейнъ еще прежде приступили къ союзу. Очевидно, что система желѣзныхъ дорогъ, соединяющая Везеръ, Эльбу и Одеръ, чрезвычайно облегчитъ подобныя мѣры.

Вся эти выгоды системы желѣзныхъ дорогъ еще болѣе ощутительны, когда дѣло идетъ о такихъ же мѣрахъ противъ Голландіи. Положимъ, что сѣверныя германскія государства уже вступили въ союзъ, и Рейнъ съ одной стороны соединенъ уже желѣзными дорогами съ Эмсомъ, Везеромъ, Эльбою и Одеромъ, а съ другой, съ системою бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ, — тогда таможенный союзъ можетъ посредствомъ различія пошлинъ заставить Голландію согласиться на все свои требованія, основанныя на обоюдной пользѣ.

Вопросъ объ устройствѣ въ Германіи системы желѣзныхъ дорогъ и объ участіи въ этомъ дѣлѣ правительства, нынче можетъ быть почитаемъ рѣшеннымъ. Правительства баварское и баденское приняли на себя все устройство дорогъ въ ихъ предѣлахъ, и работы производятся уже съ большою дѣятельностію. Саксонія избрала систему вспомошествованій. Тюрингенскія правительства еще колеблются между этими двумя способами; однакожъ рѣшено, что такъ, или иначе, они примутъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Ганноверское правительство объявило себя рѣшительно въ

пользу устроения желазныхъ дорогъ отъ князя, и собственныя выгоды его ручаются, что оно не будетъ медлить исполненіемъ. Оба пуссовскія великія герцоства, говорятъ, рѣшились уже на послѣдній способъ. Отъ Пруссіи также должно ожидать скорыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, ибо для нея весьма-важно соединить свои рейнскія провинціи съ главнымъ королевствомъ. Притомъ же, доходность желазныхъ дорогъ въ Пруссіи, за исключеніемъ весьма незначительныхъ протяженій, такъ мало подвержена сомнѣнію, что требующіяся финансовыя пожертвованія дѣлаются незначительными, въ сравненіи съ ожидаемыми отъ нихъ несчастливыми выгодами.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОРЕНБУРГСКАГО СТАРОЖИЛА.

—
L

РАЗСКАЗЪ АБДРАХМАНА ИШАНА, АВГАНЦА, И МУДРЫ МНРЗЫ,
ИЗЪ НАРОДА ЛАМГАНИ.

1833.

Въ декабрь 1833 года прибыли поименованные муллы съ караваномъ въ Оренбургъ, съ тѣмъ, чтобъ слѣдовать отсель черезъ Россію въ Мекку, на поклоненіе; ближнимъ путемъ, черезъ Персію, мусульманамъ-сунитамъ Средней Азіи слѣдовать вельзя, ибо Персіане, какъ шінты, ихъ преслѣдуютъ и не пропусаютъ. Авганецъ былъ чрезвычайно старъ; высокое, открытое, умное чело и вѣтренная бѣлая борода внушали уваженіе; рѣзкими очертаніями обозначенное лицо его не имѣло ничего монгольскаго, ни даже татарскаго. Плотный товарищъ его походилъ болѣе на подозрительнаго Бухарца и говорилъ, что онъ изъ народа Ламгани, который обитаетъ между Кабуломъ и Пшавуромъ. Это должно быть какое-либо небольшое племя. Но путники не исполнили набожнаго пути своего: они, недолго спустя послѣ прибытія ихъ въ Оренбургъ, зимою, отогрѣвая, по-вечеру, привычную къ теплу кровь свою у самовара, заснули и — не пробуждались: чаль ихъ уморилъ. Вотъ рассказы ихъ:

Ламгани живутъ постоянными жителями въ старинномъ городѣ Али-Шанъ, въ городахъ: Чарбагъ, Тылгали, Исламъ-абадъ, Джеланъ-абадъ. Абдрахманъ жилъ въ городѣ Газни, между Кабуломъ и Кандагаромъ. Оба они оставили лѣтъ двадцать отечество свое.

На пути изъ Амберсера въ Кашемиръ товары носятъ людьми, потому что горы тамъ непроходимы даже для вьючныхъ лошадей и верблюдовъ. Черезъ рѣку Чая, по этой же дорогѣ, устроена переправа, на которой товары перетаскиваются въ ящики, который ходитъ по канату на лету, не касаясь воды. Тутъ живетъ народъ Киштуворъ, гдѣ двое, даже четверо мужчинъ держатъ одну, общую жену. Народъ этотъ подвластенъ Ряджигъ-Сингу, строятъ глиняныя избы, по двѣ, по три вмѣстѣ, а селеній тамъ нѣтъ. Мѣста каменистыя, неровныя; обработка полей до того тяжела и многосложна, что нрѣдко жители привозятъ землю изъ окрестныхъ мѣстъ и строятъ насыпныя поля.

Ниваго или нилъ растетъ въ Баулпурѣ и около города Дейра-Газа-Ханъ и Дейра-Исмаилъ-Ханъ, а въ Мултавъ его нѣтъ. Впрочемъ, Мултавъ страна плодородная, травъ и лѣсовъ изобильно, а есть и рисъ. Рѣка Гиндъ — Индусъ — здѣсь глубока, но далеко не такъ быстра, какъ у Аттока.

Въ Кашемирѣ мѣстоцдоженіе такъ болотисто и низко, что обыцновено для пашенъ и садовъ колотятъ сваи, покрываютъ ихъ досками и насы-

пакутъ сверху землю. Городъ расположенъ оба полы рѣки, длиннику и поперечнику на девять верстъ. Рѣка покрыта лодками и челноками. Улицъ въ городъ пять, дома выстроены по берегамъ рѣки и множество озеръ и заводей. Озера обстроены кругомъ, и по нимъ развѣзжаютъ въ челнокахъ.

Между Коканомъ и Кашгаромъ есть вѣчно-снѣговыя горы. Зимомъ есть, для лошадей, прямой путь, черезъ горы; лѣтомъ идутъ въ объѣздъ, на верблюдахъ, которые по крутымъ, снѣжнымъ и льдистымъ оврагамъ спуститься и подыматься не могутъ. По лѣтней дорогѣ, на хребтахъ снѣгу нѣтъ, но по глубокимъ оврагамъ лежитъ онъ во все лѣто. Каменные Киргизы, Буруты, Кара-Киргизы давно уже не стали больше грабить каравановъ, и Абдрахманъ прошелъ по ихъ землѣ съ караваномъ; одинокихъ путниковъ, однакожъ, они грабятъ и убиваютъ.

Цѣпь горъ Гинду-Кушъ, между горами Кабулъ и Хульмъ, также покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, но горы не круты, и верблюды проходятъ по нимъ даже зимою. Караваны, однакожъ, ходятъ всегда почти черезъ Геранъ, потому-что боятся народа Газира, который грабятъ всякаго, кого осялеть.

Абдрахманъ проехалъ изъ Кашемира въ Кабулъ, тамъ въ Кандагаръ, Бухару, Коканъ, Кашгаръ, Хутанъ, Яркендъ, Аксу и опять въ Кашгаръ. Авганцы раздѣляются на одиннадцать родовъ или поколѣній: 1) Тухи, 2) Дураны, 3) Луганы, 4) Насыръ, 5) Шираны, 6) Сеиданъ, 7) Асуль-дураны, 8) Юсуфъ-Зей, 9) Барыкъ-Зей, 10) Нуръ-Зей, 11) Аллаку-Зей.

Изъ Кабула караваны приходятъ три или четыре раза въ годъ: въ каждомъ караванѣ бываетъ нѣломъ (индиго) навьюченныхъ верблюдовъ отъ 200 до 300. Краску эту возятъ Индійцы, или, какъ ихъ называютъ въ Средней-Азійи, Мултаны и Авганцы-Луганы. Легко можно бы доставлять отсюда въ Россію пудовъ тысячь до десяти. Лѣтъ двадцать тому, платили до 200 руб. за пудъ; нынѣче, на сроки, не платятъ болѣе 80 руб. рѣ Бохаръ продается кубовая краска, или индиго трехъ сортовъ: 1) хурджа, куски въ кулакъ, 40 руб. сер. за пудъ, 2) джама-пуре, 32 руб. за пудъ, 3) гаре, 24 руб. за пудъ.

II.

Повѣствованіе потомка шаховъ авганскихъ, Ша-Заде-Мохаммеда Мустафа, о въ Авганистанѣ.

Ша-Заде-Мохаммедъ-Мустафа есть сынъ Ша-Заде-Мохаммедъ-Насыра, внука Ша-Зимана, правнука Ша-Тимура, праправнука Ша-Ахмуда, бывшего первымъ независимымъ владѣльцемъ Авганистана по смерти Шах-Надыра. Отецъ и дѣдъ его, со многими другими членами авганистанскаго дома, живутъ на содержаніи Англичанъ, въ городѣ Лудіанъ, стоявшемъ на день караваннаго ходу отъ рѣки Сетлюджа и на шесть дней пути отъ города Лагора. На всѣхъ ихъ отпускается ежемѣсячно по десяти тысячъ рупій, изъ которыхъ четыре тысячы выдаются Ша-Зиману, а шесть тысячъ Ша-Шуджа-Уль-Мульку, которые уже отъ себя содержатъ живущихъ съ ними родственниковъ своихъ.

Ша-Заде-Мохаммедъ-Мустафа жилъ съ отцомъ своимъ въ Лудіанъ, когда, въ 1825 году, родная тетка его, дочь Ша-Зимана по имени Таджи-

Джиганъ-Бегюмъ, вышедшая лѣтъ за пятнадцать предъ симъ за божарскаго хана, Мир-Хайдара, вызвала его для свиданія съ нею въ Бохару. Онъ отправился туда, проѣхалъ тайно Авганистанъ, чтобъ не подвергнуться опасности отъ нынѣ-властвующихъ тамъ похитителей престола предковъ его.

Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Бохарѣ, во дворцѣ, при теткѣ своей, Ша-Заде-Мохаммедъ-Мустафа пожелалъ возвратиться въ Индію, но ханъ Мир-Хайдаръ отклонялъ подъ разными предлогами отъѣздъ его; по смерти же Мир-Хайдара, послѣдовалъ на возобновленную просьбу авганскаго князя возвратиться домой — отказъ; онъ вынужденнымъ нашелся прибѣгнуть къ обыкновенной уловкѣ мухаммеданъ при такомъ случаѣ: просить о дозволеніи съѣздовату, для поклоненія гробу пророка, въ Мекку и Медину: въ этомъ, по закону, отказать нельзя.

Проживъ въ Бохарѣ всего годъ и десять мѣсяцевъ, отправился Ша-Заде съ караваномъ въ Хиву, оттуда къ Мамгшлацкой Пристани, тамъ водою до Астрахани, но взморье устья Волги было покрыто льдомъ; судно вынуждено было спуститься къ Кизлярю, откуда князь пріѣхалъ сухимъ путемъ въ Астрахань, а потомъ въ Оренбургъ. Здѣсь онъ показывалъ, что ему отъ роду 24 года; росту онъ небольшого, что ему крайне обидно; наружность его довольно пріятная; здоровья и сложенія слабаго, что должно приписать отчасти воспитанію князей Востока. Ша-Заде сидѣлъ до 18 лѣтъ взаперти въ гаремѣ съ женщинами и не видалъ свѣта. У него, какъ видно изъ сѣдующаго за симъ показанія его, — удивительная память; скромнѣе и даже не смѣлъ въ поступкахъ и разговорахъ, чему, вѣроятно, причиною несчастія, все семейство его постигшія. Относительно намъреній своихъ, объявляетъ онъ только, что жаждетъ быть представленъ къ Высочайшему двору. Онъ, действительно, по отправленіи въ столицу нашу, удостоился счастья личнаго свиданія съ Государемъ Императоромъ; былъ одаренъ; отправился въ Царьградъ и тамъ скончался.

О новѣйшихъ переворотахъ Авганистана, которыми свергнутъ съ престола домъ шаховъ авганскихъ, рассказываетъ Ша-Заде-Мохаммедъ-Мустафа сѣдующее:

По смерти Шаха-Надыра, одинъ изъ военачальниковъ его, природный Аванецъ, поколѣнія Дурани, сынъ султана Салмаса, по имени Ахмедъ, пользуясь общимъ смятеніемъ и безпорядкомъ, занялъ Кандагаръ и Гератъ и двинулся съ войскомъ къ Мешеду, гдѣ находился тогда Ша-Шагрухъ, сынъ Надыровъ, лишенный, по приказанію отца, званія и покинутый вѣроломными сановниками. Безсилый слѣпецъ отказался отъ власти своей, признавъ, по требованію Ахмеда, похитителя этого независимымъ владѣльцемъ Авганистана и отдалъ ему, сверхъ всего, родную дочь свою и еще молодую родственницу; Ахмедъ, принявъ названіе *шаха*, первую взялъ себя, а другую отдалъ сыну своему, Тимуру.

Ша-Ахмедъ основалъ столицу свою въ городѣ Кандагаръ, который выстроилъ вновь, въ двухъ фарсангахъ отъ уничтоженнаго имъ Надыр-Абадъ, основаннаго Надыр-Шахомъ: новый Кандагаръ именуется, въ книгахъ и письмахъ, Ахмедъ-шаги. Владѣнія новаго шаха были обширны: Кашемиръ, Пенджабъ, Мултавъ, Шахриуръ, Лагоръ и даже великій моголъ повинноча-

лись ему; послѣдній, по-крайней-мѣрѣ, уважалъ и боялся его и отдагъ ему свою дочь. Ша-Ахмедъ владѣлъ спокойно 20 лѣтъ и умеръ лѣтъ около 60 отъ роду.

Ша-Тимуръ, старшій сынъ его, наследовалъ престолъ и перенесъ его въ Кабуль, гдѣ, впрочемъ, проживалъ только лѣтомъ, а на зиму отправлялся въ Пшавуръ, потому-что здѣсь зима умереннѣе. Городомъ Кабуломъ управлялъ, во время отсутствія его, третій сынъ его, Ша-Зиманъ; старшій, Ша-Заде-Гаманонъ, былъ начальникомъ Кандагара; второй, Ша-Махмудъ—Герата. Кромѣ сыновей, у Ша-Тимура было шесть братьевъ, которые содержались, по обыкновенію, подъ стражею, въ Балам-Хиссаръ, то-есть, въ замкѣ, составлявшемъ часть царскаго дворца въ Кабуль. И онъ владѣлъ, какъ отецъ, лѣтъ 20, и умеръ, оставивъ много дѣтей.

Ша-Зиманъ, третій сынъ Ша-Тимура, вступилъ—какъ говорятъ—по завѣщанію отца, на престолъ Авганистана. Это было около 1793 года. Желая избавиться опаснаго соперника, пошелъ онъ съ войскомъ на Кандагаръ, захватилъ Ша-Заде-Гаманона, выкололъ ему глаза и привезъ въ Кабуль, гдѣ онъ вскорѣ умеръ подъ стражею, въ замкѣ Балам-Хиссаръ. Сына своего, Ша-Заде-Султанъ-Кейсара, послалъ Ша-Зиманъ съ войскомъ въ Гератъ: Ша-Махмудъ встрѣтилъ его храбро, но былъ разбитъ и бѣжалъ.

Вскорѣ Сенки возстали на новаго шаха, и онъ самъ пошелъ смирять ихъ. Взявъ городъ Лагоръ, посадилъ онъ туда воеводу—Авганца, забралъ найденыя тамъ пушки и отправился съ ними во-своени; но, при переправѣ чрезъ одну изъ обширныхъ рѣкъ Пенджаба, не могъ онъ сладить съ ними и бросилъ ихъ на мѣсть, въ водѣ. Новый воевода не удержался въ Лагоръ. Другой и третій испытали ту же участь, и Ша-Зиманъ увидалъ, что иноземцу нельзя управлять строптивыми Сенками; онъ далъ имъ въ правители природнаго же Сенка, нынѣшняго владѣльца Лагора и Пенджаба, Раджитъ-Синга или Ренджитъ-Цинга. Этотъ ладилъ дѣлами хорошо; прислалъ, между прочимъ, Ша-Зиману покинутыя имъ пушки; Ша за это наградилъ его управляемою имъ, Раджитъ-Сингомъ, областію, въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Ша-Заде-Султанъ-Кейсаръ, по разбитіи дядя своего, Ша-Махмуда, былъ сдѣланъ начальникомъ Герата, а изгнанникъ Махмудъ, посѣтавшій въ Хорасанъ, отправился въ Бохарію, гдѣ тогда владѣлъ отецъ Мир-Хайдара, дядя нынѣшняго хана, Ша-Мураль-Бекъ, или Ша-Мрадъ-Бекъ. Махмудъ былъ принятъ хорошо, но пособія получить не могъ; а наконецъ, въ-слѣдствіе вѣсьма Ша-Зимана, бохарскій ханъ хотѣлъ его даже выдать. Ша-Махмудъ бѣжалъ въ Хиву, къ Ильтезеръ-Хану, который, на требованіе Ша-Мураль-Бека о выдачѣ авганскаго князя, отвѣчалъ рашительнымъ отказомъ. Ша-Махмудъ ухалъ вскорѣ изъ Хивы опять въ Хорасанъ, оттуда къ народу Газира, собралъ войско и пошелъ въ Кабуль. Здѣсь произошло незначительное сраженіе, и городъ передался Ша-Махмуду охотно. Это было въ 1801 году. Ша-Зиманъ бѣжалъ съ визиремъ своимъ, Вафадар-Ханомъ, и приверженцами своими, которыхъ было человекъ 40, къ Пшавуру. Дорогою захватилъ онъ, въ двухъ переходахъ отъ Кабула, въ укрепленное мѣстечко или дачу визира; управитель визирскій, по имени

Ашкитъ, узнавъ о всемъ обстоятельно; заперъ крѣпостцу, угналъ лошадей шаха и донесъ обо всемъ новому правителю. Асат-Ханъ, братъ Фаты-Хана, прѣхалъ изъ Кабула, захватилъ бѣглецовъ, повезъ къ столицу, дорогою выкололъ Ша-Зиману глаза и посадилъ его, въ Кабуль, въ Балаи-Хиссаръ, между-тѣмъ, какъ визиря и большую часть спутниковъ Ша-Зимана казнилъ.

Новый правитель, Ша-Махмудъ, опредѣлилъ начальникомъ въ Гератъ брата своего, Ша-Заде-Фейрузъ-Эддина, смѣнивъ имъ Ша-Заде-Кайсара. Но посаженный Ша-Зиманомъ на воеводство въ Пшавуръ, Шакарпуръ, Мултавъ и Пенджабъ, Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ собралъ войско и пошелъ на Махмуда. Городъ Кабуль сдался ему 1802 года безъ сопротивленія. Придворные сами выдали Ша-Махмуда, который владелъ менѣе двухъ лѣтъ и — нельзя, кажется, сомнѣваться объ участи его, еслибъ Ша-Зиманъ не испросилъ у побѣдителя пощады Ша-Махмуду, который, какъ упомянули мы, за два года передъ тѣмъ выкололъ Ша-Зиману глаза. Это почти безпримѣрная черта восточнаго великодушія. Ша-Махмудъ былъ однакожъ заключенъ въ Балаи-Хиссаръ.

Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ сдѣлалъ сына Ша-Зимана, Ша-Заде-Султанъ-Кайсара, воеводою въ Кандагаръ и шилъ къ нему большое доверіе; онъ сдѣлалъ его намѣстникомъ своимъ въ Кабуль, когда пошелъ усмирять возмущенія въ Пшавуръ, Диръ, Мултавъ и Шакарпуръ. Во время этого отсутствія шаха, Ша-Заде-Султанъ-Кайсаръ вздумалъ — послѣдуя совѣтамъ вельможъ — провозгласить себя шахомъ. Онъ послалъ предварительно брата своего, Ша-Заде-Османа, въ Пшавуръ, чтобъ поджигать возмущенія, а потомъ и самъ отправился вслѣдъ за нимъ съ войскомъ. Шахъ, узнавъ объ этомъ, воротился, ударилъ на Пшавуръ, взялъ послѣ упорной битвы городъ — при чемъ Ша-Заде-Османъ былъ раненъ, но успѣлъ достигнуть Кабула (1806) и оба брата бѣжали-было послѣ неудачной попытки — но, повѣривъ обещаніямъ шаха, сами явились къ нему въ Кабуль, гдѣ были заключены въ Балаи-Хиссаръ, а сообщники ихъ казнены.

Но во время смятеній, Ша-Махмудъ, ослабнвшій Ша-Зимана и возставшій противу владыкаго шаха, освободился изъ заключенія своего и ушелъ къ брату своему Ша-Заде-Фейрузъ-Эддину, въ Гератъ, куда прѣхалъ вмѣстѣ со влиятельнѣйшимъ въ немилость сардаромъ, Фаты-Ханомъ. Братъ принялъ его и подалъ ему руку помощи: Ша-Махмудъ собралъ войско и пошелъ на Кабуль. Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ встрѣтилъ его — слѣды кровопролитной битвы видны доселѣ — разбитый шахъ бѣжалъ въ Пшавуръ, потомъ къ Сенкамъ, а Ша-Махмудъ вступилъ въ городъ и въ 1808 году вторично занялъ престолъ Авганистана.

Ша-Махмудъ посадилъ брата своего, Ша-Аюба, въ Пшавуръ, а сына Ша-Заде-Камрана въ Кандагаръ; брату же Ша-Заде-Султанъ-Галию поручилъ управленіе столицей. Фаты-Ханъ былъ пожалованъ визиремъ, а 16 братьевъ его всѣ были опредѣлены къ должностямъ. Между-прочимъ, Газимъ-Ханъ сдѣланъ воеводою въ Кашемиръ, Самъ-Ханъ въ Диръ, Яр-Мохаммедъ-Ханъ данъ въ помощь Ша-Аюбу, въ Пшавуръ; Дустъ-Мохаммедъ Ханъ въ ту же должность къ Ша-Заде-Султанъ-Галию, въ Кабуль, и пр. Но Ша-Фейрузъ-Эддину не досталось ничего; Ша-Махмудъ былъ обя-

занъ ему помощію, но ненавидѣлъ за то, что онъ прислуживался некогда Ша-Заде-Мохаммедъ-Насыру, сыну Ша-Зимана и отцу Ша-Заде-Мохаммедъ-Мустафа, равно какъ и угождалъ Ша-Шуджа-Уль-Мульку. Ша-Махмудъ, рѣшившись смѣнить Эддина, послалъ визиря своего, Фаты-Хана, съ небольшимъ отрядомъ въ Герать, поручивъ ему выманить оттуда Эддина въ Кандагаръ, а сыну своему, Ша-Заде-Камрану, велѣлъ занять мѣсто начальника Герата; потомъ же и самъ двинулся съ значительными силами на Герать, оставивъ въ Кабуль Ша-Заде-Султанъ-Галия. Но визирь перехитрилъ: Ша-Заде-Фейрузъ-Эддинъ догадался, и дошло до непріятельскихъ дѣйствій съ визиремъ. Ша-Заде-Камранъ счелъ за лучшее повернуть дѣломъ иначе: онъ, чтобы успокоить Эддина и успѣть въ коварномъ обольщеніи — велѣлъ выколотъ глаза визирю; а Ша-Махмудъ, вступивъ безъ сопротивленія въ Герать, захватилъ обманутаго брата, взарившагося ему цѣною глазъ визирскихъ — и отправилъ его, Эддина, въ Кандагаръ, подъ надзоръ тамошняго воеводы Пурдуль-Хана, брата Фаты-Хана.

Когда шестнадцать братьевъ визиря услышали объ ослѣпленіи брата — они соединенными силами поклялись шаху мстить. Старшій братъ визиря, Газимъ-Ханъ, управляя Кашемиромъ, былъ сильнѣе прочихъ. Онъ предложилъ услуги свои Ша-Шуджа-Уль-Мульку, который находился тогда въ Лудіанѣ — вызвалъ его въ Пшавуръ, гдѣ хотѣлъ встатить съ войскомъ и завладѣть, для него, Авганистаномъ. Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ былъ бы не Азіатецъ, если бы онъ не воспользовался приглашеніемъ этимъ; онъ отправился изъ Лудіаны въ Баулпуръ, набралъ тамъ Индійцевъ и Авганцевъ сколько могъ и отправился со значительнымъ ополченіемъ къ городу Дири. Здѣсь сидѣлъ воевода Ша-Махмуда, Саматъ-Ханъ, братъ Фаты-Хана. Онъ сдалъ городъ наперснику своему, Семандеръ-Хану, а самъ ушелъ въ Пшавуръ. Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ взялъ городъ, посадилъ начальникомъ туда другаго брата Фаты-Хана, Мохаммедъ-Зиманъ-Хана, подошелъ къ Пшавуру и взялъ его безъ сопротивленія, потому что начальникъ города, Ша-Аюбъ, призналъ за лучшее покинуть честь и мѣсто на произволъ судьбы и бѣжать.

Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ, будучи еще въ Дири, принялъ посольство отъ жителей области Синдской, которые просили принять ихъ во владѣніе и управленіе свое. Онъ послалъ сына своего, Ша-Заде-Тимура, въ Шакарпуръ, главный городъ Синдовъ, которые всегда состояли подъ владѣніемъ авганскихъ шаховъ. Но Газимъ-Ханъ, вызвавъ Уль-Мулька общеніемъ встатить его съ войскомъ у Пшавура, не сдѣлалъ этого. За это новый завоеватель сталъ обходиться гордо и презрительно съ братьями Газимъ-Хана, и не давалъ имъ никакой власти. Газимъ-Ханъ собралъ шестьдесятъ тысячъ челоуѣкъ, пошелъ къ Юсуфъ-Земъ, гдѣ находился бѣжавшій изъ Пшавура Ша-Аюбъ, провозгласилъ его шахомъ и подступилъ къ Пшавуру, въ которомъ было не болѣе десяти тысячъ войска. Для довершенія бдѣствія, молнія ударила въ пороховой запасъ осажденныхъ Пшавурцевъ: взрывъ этотъ причинилъ такой безпорядокъ и испугъ, что Газимъ-Ханъ взялъ немедленно городъ. Уль-Мулькъ ушелъ къ городу Дири, но братья Газимъ-Хана выгнали его; онъ кинулся въ Шакарпуръ, ко-

торымъ управлялъ, его именемъ, сынъ его, Ша-Заде-Тимуръ. Это случилось въ 1818 году.

Въ-продолженіе переворотовъ этихъ, происходившихъ на востокъ Авганистана, Ша-Махмудъ съ сыномъ своимъ Ша-Заде-Камраномъ, устроивъ дѣла въ Гератѣ и умноживъ войско свое до двадцати тысячъ человекъ, взявъ съ собою слѣпаго визиря, Фаты-Хана, пошли на Кабуль. Но прибывъ въ городъ Газни, узнали они объ измѣнѣ братьевъ слѣпаго визиря въ пользу Ша-Шуджа-Уль-Мулька; и Ша-Заде-Камранъ, не долго думавъ, велѣлъ взрубить слѣпца на куски, и продолжалъ съ отцомъ путь свой. Но Ша-Заде-Султанъ-Гали встрѣтилъ ихъ, разбилъ на голову, и они едва спаслись съ остатками ополченія въ Гератъ, гдѣ, впрочемъ, владычествуютъ нынѣ.

Ша-Аюбъ и Газимъ-Ханъ, взявъ Пшавуръ, отправились на Кабуль. Ша-Заде-Султанъ-Гали вышелъ и къ нимъ на встрѣчу; но счастье ему изменило: онъ самъ былъ убитъ, Кабуль взятъ, и Ша-Аюбъ занялъ престолъ Авганистана, въ 1819 году.

Во время безконечныхъ раздоровъ этихъ, Сенки, пользуясь отсутствіемъ Газимъ-Хана и войска его изъ Кашемира, заняли городъ и область, и владычествуютъ Кашемирскою странкою нынѣ.

Ша-Аюбъ, вступивъ на престолъ, пожаловалъ Газимъ-Хана визиремъ и выступилъ съ нимъ на Шакарпуръ, дабы присоединить своа отдѣлившихся Сяндговъ, которыми управлялъ, по призыву народа, Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ съ сыномъ. Уль-Мулькъ ушелъ, не дожидаясь встрѣчи, въ Индію, въ городъ Лудіану, гдѣ уже находилось семейство его, а Ша-Аюбъ, давъ Шакарпурса своего воеводу, возвратился въ Кабуль. Но въ то же время опять Сенки приступили къ Пшавуру; Ша-Аюбъ встрѣтилъ ихъ; но войско, лишенное болѣзнію визиря начальника своего, было разбито Сенками, и Ша-Аюбъ возвратился въ Кабуль. Побѣдители не за престоломъ гнались: они разграбили весь городъ и ушли во-свои.

Газимъ-Ханъ, возвратившись съ шахомъ въ Кабуль больной, вскоре умеръ; одинъ изъ братьевъ его, Пурдудъ-Ханъ, прибылъ скрытно съ сообщниками въ Кабуль, и, въ соединеніи съ находившимися тамъ братьями своими, условился свергнуть Ша-Аюба съ престола. Они ворвались во дворецъ, убили между прочими сына шаха, Ша-Заде-Мохаммедъ-Исманла, который защищалъ отца и стрѣлялъ въ бунтовщиковъ, захватили самого шаха Аюба, и выгнали его изъ города. Онъ отправился къ Пшавуру къ брату своему, Ша-Заде-Ибрагиму, бывшему тамъ начальникомъ, и съ нимъ вмѣстѣ ушелъ къ Сенкамъ, въ городъ Лагоръ, гдѣ находится оба нынѣ.

Такимъ образомъ, мало-по-малу, весь домъ шаховъ авганскихъ лишился престола и отечества своего, а братья бывшего сардара, Фаты-Хана, который, какъ сказано, вѣшалъ въ неволю у шаха Шуджа-Уль-Мулька и бѣжалъ, вмѣстѣ съ заключеннымъ въ Балян-Хиссарѣ Ша-Махмудомъ въ Гератъ, — братья вельможи этого овладѣли Авганистаномъ и держатся тамъ нынѣ. Но Кашемиръ остался подъ властію Сенковъ, а Гератъ доселѣ управляется Ша-Заде-Камраномъ, сыномъ Ша-Махмуда, ушедшаго въ Индію, въ городъ Лудіану. Областію Сяндскою владычествуютъ нынѣ Белуджи.

Около 1814-го года, Ша-Зиманъ, со звукомъ свонитъ, Ша-Заде-Мохаммедъ-Мустафою, жилъ въ Кабуль; а сынъ Ша-Зимана, отецъ Мустафы, Ша-Заде-Мухаммедъ-Насыръ, былъ уже въ Индостанъ. Онъ вздумалъ идти въ Мекку на богомолье съ сыномъ Ша-Заде-Вудутошъ, съ женою и со взрослою дочерью отъ другой жены, Таджи-Джиганъ-Бегтомъ. При прозвѣдъ чрезъ бухарскій городъ Балъкъ, начальникъ города волею и неволею отправилъ его на Бухару. Ханъ Мир-Хайдаръ, отецъ вышшняго, Насыръ-Уллы, взялъ дочь его себя въ замужество; и Ша-Зиманъ, проживъ въ Бухарѣ только десять дней, отправился черезъ Серахъ въ Мекку, оттуда прибылъ, по истеченіи четырехъ лѣтъ, черезъ Персію, Гератъ и Кандагаръ въ Шакарпуръ, гдѣ владалъ Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ (1817—1819). Когда Ша-Аюбъ подступилъ къ этому городу, то Ша-Зиманъ ушелъ въ Индію. Бухарская ханша, Таджи-Джиган-Бегтомъ, живетъ и понынѣ въ Бухарѣ, во дворцѣ. У ней гостилъ, какъ сказано выше, братъ Ша-Заде-Фаррукъ, пришедшій изъ Мешеда въ 1825 году, бывшій въ 1831 году въ Оренбургъ и проживающій нынѣ въ Коканѣ.

Ша-Заде-Камранъ, владѣтель Герата, крайне притѣсняетъ жителей. Съ Персіанами онъ въ дружбѣ, а хивинскому хану, Мохаммед-Рахиму, за добрый пріемъ отца его, Ша-Махмула, хивинскимъ Ильтезер-Ханомъ, прислалъ онъ слона, или никакъ еще двухъ, съ которыми Хивинцы не знали куда дѣваться, ибо онъ подалъ одинъ почти столько, сколько весь дворъ хавскій, и потому вышшній хивинскій ханъ, Алла-Куль, вздумалъ прислать его російскому Императору въ 1826 году, чтобъ загладить чѣмъ-нибудь грѣхи свои; но слонъ и посоль были отправлены обратно. Лѣтъ послалъ надовшаго ему слона коканскому хану.

Братья Фаты-Хана владѣютъ, независимо одинъ отъ другаго, областми и городами Авганистана; всѣ города разобраны по разнымъ рукамъ, и согласіи между братьями нѣтъ. Въ Кабуль сидитъ Дусъ-Мохаммедъ-Ханъ. Владѣльцы позволяютъ себѣ всякую неправду противъ подданныхъ, какъ только когда-либо славился Востокъ. Они грабятъ сосѣдей, иногда и своихъ, а богатыхъ, если только могутъ ихъ прозвать, казнитъ, и отбираютъ иманіе. Протому, Бухарцы нынѣ почти вовсе не ходятъ въ Кабуль; персидскіе купцы, однакожъ, все еще бываютъ.

Газари есть кочующій и склонный къ грабежу народъ, между Балъ и Кабула. Они подвластны были авганскимъ шахамъ, которые назначали старшинъ изъ нихъ, же и не позволяли имъ грабить; но нынѣ, при общиѣ неурядицахъ Авганистана, они никому не повинуются и грабятъ всякого, кого осмѣлятъ.

Менгѣ опасны Кяфюры, кочевой народъ по окрестностямъ Кабула и Пшавура. Но и тамъ безначаліе производитъ большіе безпорядки.

Сейки, завладѣвъ Кашемиромъ, болѣе и болѣе усиливаются. Ежегодно ходятъ они въ Пшавуру и собираютъ постоянную подать лошадыми, припасами и деньгами. Но Сейки справедливы и правдивы; Кашемиръ несравненно счастливѣе, чѣмъ при Газимъ-Ханѣ. Кашемирцы вовсе были бы довольны, еслибы Сейки не запрещали имъ сѣвать къ молитвѣ съ менарс-

товъ и рзать въ пищу рогатый скотъ, который пользуется у Севковъ неприкосновенною святостью.

Промыслы и торговля упадаютъ въ Авганистанъ съ-году-на-годъ; города бднютъ и пустыютъ. Кабуль былъ болѣе Астрахани; нынѣ онъ опустѣлъ значительно. Хорошій дворецъ кабульскій разоренъ, и Дус-Мохаммедъ Ханъ живетъ въ большомъ домѣ, имъ въ города выстроенномъ. Народъ нерѣдко подсылалъ людей къ Ша-Шуджа-Уль-Мульку и просилъ его возвратиться, а Англичане обнадеживали его, что снабдятъ его войскомъ, когда согласіе упрочится между Россією и Персією.

Ша-Заде-Мохаммед-Мустафа имѣлъ превосходную память для именъ и происшествій и рассказывалъ все, что мы теперь пересказали, порядочно и, при повторенныхъ въ разное время вопросахъ, всегда одинаково; но когда касалось дѣла до времени, онъ нерѣдко сбивался, или показывалъ не всегда согласно съ прежними рассказами своими. Кроме того, нелегко было учитывать его, слѣдовать за счисленіемъ времени и переводить его на нашу эру. По показаніямъ его составлена слѣдующая гѣтосчислительная таблица:

Начало владѣнія Ша-Ахмеда	въ 1748 году.
Смерть его и воцареніе сына его, Ша-Тимура	— 1772 —
Смерть Ша-Тимура и воцареніе сына его, Ша-Зимана	— 1793 —
Сверженіе съ престола Ша-Зимана, воцареніе Ша-Махмуда	— 1801 —
Сверженіе Ша-Махмуда, воцареніе Ша-Шуджа-Уль-Мулька	— 1801 —
Возстаніе Ша-Заде-Кайсара	— 1806 —
Сверженіе Уль-Мулька и вторичное воцареніе Ша-Махмуда	— 1808 —
Вступленіе на престолъ Ша-Аюба	— 1819 —

Вся Авганцы вообще раздѣляются на три поколѣнія: Дуранн, Юсуфъ-Зен и Гильджен; поколѣніе Дуранн имѣетъ девять отраслей: Сиду-Зен, Башу-Зен, Барыкъ-Зен, Популъ-Зен, Нуръ-Зен, Али-Зен, Ачикъ-Зен, Ширъ-Задъ, Везиръ или Уайзиръ; поколѣніе Юсуфу-Зен имѣетъ три отрасли: Мохиндъ, Хамель и Дау-Зен; поколѣніе Гиль-Джен раздѣляется на Насяръ, Са-Акъ, Джабаръ-Хиль и Му-Шуани. Языкъ Авганцевъ есть нарѣчіе персидское; въра мухаммеданская, толка шиитовъ.

Авганистанъ можетъ, или могъ бы выставить до 300,000 воиновъ, говорить князь-новостователь. Въ предмѣстіяхъ Кабула обитаютъ Гулямъ-Хани, царскіе тылохранители, до 12,000. Они живутъ по домамъ семействами, и отправляютъ службу только при дворѣ; лучшіе воины суть: Дуранн, которые говорятъ чистымъ авганскимъ языкомъ; Джауанъ-Ширъ, говорящіе испорченнымъ турецкимъ нарѣчіемъ; они происходятъ отъ Персіянъ, и наконецъ Кугистаны, живущіе въ полторы дняхъ отъ Кабула, въ отрасляхъ Тибетскихъ Горъ. Кугистаны сунниты и говорятъ своимъ особымъ языкомъ. Число ихъ до 200,000. Выключая всегда конныхъ Джауанъ-Шировъ, которые выставляютъ 15,000 воиновъ, въ пѣхоту назначаются изъ всѣхъ другихъ племенъ. Пушекъ мало, и мало ихъ, кромѣ осады, употребляютъ; дерутся войска всегда почти конными и при семъ бываютъ пушечки на верблюдахъ, зябуракъ. Войско вооружается и одѣвается кто какъ можетъ; единообразія нѣтъ; конница имѣетъ сабли, пистолеты, ханджары, конья и луки; кабульскіе луки славятся, и стрѣлки, чтобъ имѣть твердую руку, учатся стрѣлять стоя на одной ногѣ. Пѣхота имѣетъ шамхалы, длинныя ружья, сабли, ханджары, а иногда также стрѣ-

лы. Одежда воиновъ, особенно многочисленнѣйшаго племени Дураны, состоитъ изъ полукафтанья или чекменька; пушкари носятъ обыкновенно родъ легкой армянской одежды. У кого есть, надеваютъ кольчуги, латы, шапаки — берутъ щиты. Воины отличаются отъ гражданъ неширокою, молодецкою одеждою и оружіемъ, которое носятъ всегда. Въ самомъ Кабуль, Индійцы на службу не берутся; въ Пшавуръ, Амбарсаръ и Кашемиръ отчасти служатъ. Войска вообще раздѣляются на даяти, на полки около 1,500 человекъ; даяти на сотни и полусотни.

Высшіе гражданскіе и воинскіе чиновники имѣютъ безотчетную власть надъ жизнью и смертію имъ вѣрренныхъ. Сардари суть главнокомандующіе; ханы первые воинскіе чины ихъ; ханы командуютъ даятиями, двустычными, тысячными и пятистотенными отрядами; шыргазіи помощники и ааступающіе мѣста хановъ; беки, то же, что въ Россіи офицеры, командуютъ обыкновенно сотнями и полусотнями; иногда назначаются изъ простыхъ десятники. Въ военное время получаетъ солдатъ отъ 5 до 10 тумановъ — серебряная монета въ 10 рублей русскихъ. Впрочемъ, не всегда выдается жалованье; одна крайность заставляетъ владѣльца ихъ сардари прибѣгнуть къ этой неприятной мѣрѣ. Въ конницы, у каждаго бываетъ по одной своей, да по одной казенной лошади; продовольствія же, фуража и амуниціи не отпускаютъ никогда. Маркитанты во множествѣ слѣдятъ военныя обозы и владѣть вьючныхъ верблюдовъ со всякими припасами. Въ казенномъ обозѣ есть изъсколькo оружія, немного военныхъ припасовъ, котлы, и мастеровые съ ихъ орудіями. Все это возится на вьючныхъ верблюдахъ. Пушки, запряженныя волами, слѣдуютъ съ этимъ обозомъ. Тутъ же и табакъ, то-есть лекаря, со снадобьями и припасами своими.

Городъ и крѣпость берутъ или приступомъ, взбираясь на стѣны по лѣстницамъ, или разбивая стѣны пушками, или осадомъ, выморивъ крѣпость голодомъ, но на послѣднее очень рѣдко достаетъ у нихъ терпѣнія. Дѣлаютъ и подкопы и подрываютъ стѣны порохомъ. Взятую крѣпость или городъ всегда предають грабежу и расхищенію.

Шахи награждаютъ чиновъ своихъ подарками: кашемирскими шальями, богатыми одеждами; иногда жмутъ и деревнями и землями, но онѣ въ вѣчныхъ не обращаются. Приговоры суда постановляются каземъ или кадіемъ, который вычитываетъ ихъ изъ Алкорана. Во власти шаха изменить приговоръ казья. Уголовныя казни въ Афганистанѣ всегда сопряжены съ варварскими мученіями и истязаніями. Пытка въ употребленіи.

На грабѣжъ посылаютъ нерѣдко не только малые и большіе чиновники, но и сами государи. Посланные собираютъ тайно шайку, нападаютъ на сосѣдей, куда сказано, а иногда и просто гдѣ удобнѣе, угоняютъ съ собой скотъ, лошадей, верблюдовъ, грабятъ жителей и нерѣдко еще уводятъ ихъ въ плѣнъ. Вообще нынѣ—хоть большаго порядка никогда не было—Афганистанъ, распавшись на отдѣльныя части, по областямъ и городамъ, находится въ самомъ жалкомъ положеніи; правъ только сильный, а быть сильнымъ нѣтъ всякій, кто имѣетъ, кромѣ себя самого, хотя одно владычье себѣ лицо; а потому жители во множествѣ бѣгутъ съ мѣста на мѣсто и въ особенности уходятъ изъ большахъ городовъ и стараются открываться по небольшимъ селеніямъ въ неизвѣстности.

Примч. Выписки эти сдѣланы въ 1833 году, т. е. до новаго переворота въ Кабулѣ, произведеннаго Англичанами, и каждое имѣетъ отношеніе къ тому времени.

В. ДАЛЬ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ДЕКАБРЬ 1841 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Для облегченія Герольдіи въ составленіи общаго списка гражданскимъ чинамъ, постановлено: Губернскія Правленія, прочія присутственныя мѣста и всѣ вообще начальства, обязанныя, на основаніи существующихъ узаконеній, представлять въ Герольдію послужные списки о состоящихъ въ ведомствѣ ихъ классныхъ чиновникахъ, должны, сверхъ-того, къ 1-му марта и къ 1-му сентября каждаго года присылать туда же о службѣ означенныхъ лицъ и особыя краткіе списки.

— Обнародовано положеніе для сплава дровъ и бревенъ по рѣкѣ Тосвъ.

— По представленію государственнаго секретаря объ увеличившихся занятіяхъ Отдѣленія Экономіи Государственной Канцеляріи повельно: прибавить къ составу сей канцеляріи одного помощника статс-секретаря съ определеннымъ въ общемъ штатѣ содержаніемъ.

— Высочайше-повельно: отмѣнивъ совершенно дѣйствіе въ грузинскихъ вѣмецкихъ колоніяхъ Церковнаго Устава 1829 года, распространить на сія колоніи общій Уставъ Евангелическо-Лютеранской Церкви въ Россіи 1832 года и принадлежащій къ нему Наказъ Духовенству и начальствамъ сей церкви, взявъ съ отдѣльными въ видѣ дополненія къ Уставу правилами, содержащими особыя права и привилегіи грузинскихъ колониальныхъ обществъ въ духовномъ отношеніи, предоставленныя имъ при самомъ водвореніи въ Грузію и въ-послѣдствіи утвержденныя Церковнымъ Уставомъ 1829 года.

— Коммерческому Банку и конторамъ его дозволено принимать въ залогъ и облигаціи Коммиссіи Погашенія Долговъ новаго 4% займа съ учетомомъ по 70 коп. за рубль по нарицательной цѣнѣ.

— Обнародовано Высочайше-утвержденное положеніе учрежденнаго къ

Нижегородъ-Новгородъ губернскаго дворянскаго банка, подъ наименованіемъ *Александровскаго*. Банкъ сей основанъ дворянствомъ Нижегородской Губерніи въ память посѣщенія Нижнего-Новгорода Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ.

— Воспослѣдовалъ Высочайшій указъ о новомъ таможенномъ тарифѣ, въ силу котораго таможенныя пошлины вообще, соотвѣтственно ходу торговли, съ однихъ товаровъ уменьшены, а съ другихъ уменьшены, въ числѣ же запрещенныхъ дозволяются къ привозу тѣ, которыхъ впускъ не можетъ обращать во вредъ собственной промышленности. Заимствуемъ изъ новаго обидаго Тарифа списокъ товаровъ, запрещенныхъ къ привозу:

Альбомы, или книжки, съ бѣлою и цвѣтною бумагою. Дорожныя аптеки, т. е., всякіе ящики съ лекарствами, для домашняго употребленія. Ассигнаціи русскія, билеты Государственнаго Казначейства, билеты Депозитной Кассы и кредитныя билеты (запрещены и къ вывозу). Басоны бахрамы золотыя, серебряныя, нишурныя, шелковыя, шерстяныя, бумажныя и пр. Бланкеты, или отпечатанныя листки, для конносементовъ и другихъ бумагъ, имѣющихъ опредѣленную форму. Всякія вообще бумажныя и полубумажныя матеріи и издѣлія, печатныя и набивныя, кромѣ особо-поименованныхъ; также папка. Бѣлье всякое шитое и обрубленное, кромѣ принадлежащаго привозящимъ въ Россію. Вовнскіе снаряды, чугуныя и желѣзные, какъ-то: пушки, мортиры, ядра, бомбы и русскія гири и безмѣны. Галантерейныя вещи, кромѣ стальныя и тахъ, которыя пододать подъ дозволенныя статьи о золотыхъ и серебряныхъ издѣліяхъ, также о камняхъ и другихъ веществахъ въ оправѣ. Галуны золотыя, серебряныя и нишурныя. Грибы сухеныя, кромѣ поименованныхъ въ росписи автокарскихъ матеріаловъ. Жиранолоп всякія, кромѣ серебряныхъ и аплике. Запавъсы всякіе, гардины и сторы къ окнамъ. Затворы къ печамъ. Зеркала и зеркальныя стекла. Зоптики всякіе. Книги переплетенныя бѣлыя, копторскія и всякія. Кожевныя издѣлія всякія, кромѣ особо-поименованныхъ. Кошпаки всякіе, не поименованныя. Кофейный суррогатъ, т. е. жженая цкорія, жженыя жолуди и проч. Всякія льняныя и пеньковыя издѣлія, печатныя и набивныя, кромѣ особо-поименованныхъ. Полотно парусное, фламское и равентухъ. Льняныя тесемки. Люстры. Мраморъ съ украшеніями изъ бронзы и тому-подобнаго. Масло льняное, конопляное, рѣпное, ореховое, также изъ сѣменъ подсолнечника, и составное, для освѣщенія употребляемое. Золотая и серебряная позументная работа и золото и серебро волоочное, прядное, битъ, блестящія, также всякія издѣлія позолоченыя и посеребренныя. Платина въ дѣлѣ. Чугунъ въ крицахъ, лому и дѣлѣ (моремъ). Желѣзо въ прутьяхъ и полосное, сортовое и брусчатое (моремъ). Ножи, вилки, щипцы, замки, петли и другіе особо-перезрѣшенные предметы, неподходящіе подъ статью кузнечной работы, также съ черепьями аплике, и посеребренныя и позолоченыя. Клинки или лезвья, шпажныя, сабельныя и кинжалныя, съ золотою и серебряною насѣчкою и безъ опой. Духовныя ружья. Желѣзныя издѣлія луженыя, кромѣ особо-поименованныхъ. Желѣзныя издѣлія изъ проволоки, кромѣ особо-поименованныхъ. Составныя металлы: томпакъ, прищъ-металлъ, арсепиттъ, британскій металлъ и прочіе составныя металлы, въ кускахъ,

лестахъ и издѣліяхъ. Монеты, напечатанныя подъ названіемъ бильоновъ, берлинокъ, цвельверовъ, дитокъ, ползолотокъ и двузолотокъ. Вся низкопробныя иностранныя монеты. Мягкая рухлядь морскихъ собакъ и тюленей; всякія издѣлія изъ мягкой рухляди, меха, палатныя, шубы, тулупы, муфты, и проч., кромѣ шапокъ. Шромъ. Ликеры, паливки и настойки, кромѣ помпенованныя въ росписи аптекарскихъ матеріаловъ. Киршвассеръ. Медъ, липецъ и вишнякъ. Вино и спирты хлѣбные, подслащенные и неподслащенные, также янверъ, или водка можжевельная. Уксусъ пивной. Пиво всякое. Обувь всякая, т. е. сапожная и башмачная работа. Опіать для очищенія зубовъ. Перль щипаный. Платье шитое всякое, женское и мужское, кромѣ принадлежащаго пріѣзжающимъ въ Россію. Подвязки и подтяжки. Порохъ мелкій и пушечный. Порошокъ для очищенія вѣпъ, составленный изъ бычій крови, истрелять въ случаѣ привоза. Постелы и подушки, кромѣ принадлежащихъ пріѣзжающимъ. Фарфоровая посуда. Пудра. Сало котское и сальныя свѣчи. Сахаръ: рафинадъ, мелисъ, думпъ и леденецъ, въ головкахъ, кускахъ и толченый. Селитра очищенная. Соль, въ портахъ черноморскихъ, азовскихъ и дунайскихъ, не исключая одесскаго. Стеарныя и свѣчи стеариновыя. Струя бобровая и кабардинская. Уборы женскіе, головные: чепчики, шелковыя шляпы, токи и тому подобное. Факелы. Фитили. Фуражки. Перловая и маиная крупа. Печеный хлѣбъ, сухари и крекелен. Цикорія, трава и корни. Чай. Часы, стѣнную и столовыя, съ украшеніями изъ металла, мрамора, алебаstra и т. п. Чулки замшевые и штилеты. Ленты російскихъ императорскихъ и царскихъ орденовъ. Шелковыя и полу-шелковыя издѣлія, печатныя, набивныя, также пестрыя не въ нити крашенныя, кромѣ особо-помпенованныя. Шерстяныя и смѣшанныя матерія, издѣлія печатныя и набивныя, кромѣ особо-помпенованныя. Шитье всякое: всякаго рода шитое платье, бѣлье и всякія вещи вышитыя, особо не разрѣшенныя. Шляпы пуховыя и полу-пуховыя, кожаныя, лакированныя, шелковыя и всякія, особо-помпенованныя. Эквипажы, исключая привозимыхъ пассажирами на пароходахъ и тѣхъ, кои упомянуты въ II пунктѣ ст. 949 Св. Зак. Т. VI.

— Въ именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: «По уваженію пользы, какую могутъ приносить сберегательныя кассы, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ правительственномъ отношеніи, повелѣли Мы министру финансовъ, сообразивъ разныя, имѣвшіяся въ виду по сему предмету предположенія съ основаніями подобныхъ кассъ въ другихъ государствахъ и съ правилами Нашихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, составить общій проектъ о сберегательныхъ кассахъ въ Россіи. Представленный, въ-слѣдствіе сего, министромъ финансовъ и въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣнный проектъ Устава таковыхъ кассъ, признавъ предположенной цели соответствующимъ, и утвердивъ оный, повелѣваемъ: учредить, на изъясненномъ въ Уставѣ основаніи, Сберегательныя Кассы, на первый разъ, при Санктпетербургской и Московской Сохранныхъ Казнахъ.»

Выписка изъ Устава Сберегательныхъ Кассъ. 1) Сберегательныя Кассы учреждаются для пріема небольшихъ суммъ на сохраненіе, съ приращеніемъ

проценто́въ, для доставленія чрезъ то недостаточнымъ всякаго званія людямъ средства къ сбереженію, вернымъ и выгоднымъ образомъ, малыхъ остатковъ отъ расходовъ, въ запасъ на будущія надобности. Суммы, вносимыя въ Сберегательныя Кассы, не подвергаются секвестру ни за казенныя, ни за частныя взисканія, и за цѣлостъ ихъ отвѣтствуютъ тѣ государственныя кредитныя учрежденія, при которыхъ онѣ учреждены, собственными своими капиталами. Сберегательныя Кассы учреждаются, на первый разъ, при сохранныхъ казнахъ воспитательныхъ домовъ, а въ послѣдствіи времени и при приказахъ общественнаго призванія, по особому усмотрѣнію правительства. II. Сберегательныя Кассы при сохранныхъ казнахъ состоятъ изъ директора, бухгалтера и кассира, съ потребнымъ числомъ помощниковъ ихъ и канцелярскихъ служителей, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ, въ Санктпетербургъ и Москвѣ, Опекунскихъ Совѣтовъ. Чиновники при Сберегательныхъ Кассахъ могутъ быть опредѣлены изъ тѣхъ, кои уже состоятъ на службѣ въ вышеозначенныхъ мѣстахъ и, въ такомъ случаѣ, по усмотрѣнію начальства, имъ дѣлается прибавка къ получаемому ими жалованью. Для приѣма и возврата вкладовъ назначается одинъ день въ недѣлю, а именно, воскресный (включая св. пасхи, пятидесятницы, также рождества Христова, новаго года и другихъ дванадцатыхъ праздниковъ, если они прійдутся въ воскресный день), отъ 9 часовъ утра до 2 часовъ по-полудни. III. Вклады принимаются отъ одного лица не менѣе 50 коп. сер., и не свыше 10 руб. серебромъ въ одинъ разъ; вся же сумма вкладовъ, одному лицу принадлежащихъ, не должна превышать 300 руб. серебромъ. Въ удостовѣреніе принятой отъ вкладчика суммы выдается изъ Сберегательной Кассы книжка, составленная изъ нѣсколькихъ листовъ особо приготовленной бумаги, съ внутренними знаками, и являющая печатный номеръ и штампель Сберегательной Кассы. На послѣднихъ страницахъ сей книжки должна быть напечатана выписка изъ постановленій Сберегательной Кассы и таблица причитающихся на всякую сумму (до 300 р. включительно) за извѣстное время проценто́въ. IV. Отъ вносящаго въ первый разъ деньга отбирается показаніе объ имени, отчествѣ, фамиліи или прозваніи вкладчика, званіи, лѣтахъ и мѣстѣ рожденія, которое записывается на особо приготовленномъ для того листѣ, и скрѣпляется чиновникомъ, отбиравшимъ оное. Въ то же время вкладчикъ отдаетъ деньги кассиру, который, отмѣтивъ на показаніи номеръ книжки и записавъ принятую сумму въ приходъ, показаніе передаетъ бухгалтеру, вмѣстѣ съ книжкою, въ которую должны быть вписаны имя и фамилія вкладчика, день вноса цѣрами, а внесенная сумма прописью; вкладчику же выдается контромарка, съ означеніемъ номера книжки и имени вкладчика. Въ бухгалтеріи записывается принятая сумма, и книжка передается директору, или его помощнику, который, отмѣтивъ въ своемъ настольномъ реестрѣ количество внесенной суммы, отдаетъ книжку вносителю, по предъявленіи имъ контромарки. При послѣдующихъ вносахъ, вкладчикъ предъявляетъ выданную ему книжку кассиру вмѣстѣ съ вносимыми деньгами, по приѣмъ коихъ выдается ему контромарка, и въ дальнѣйшемъ ходѣ поступаетъ по вышеизъясненному порядку. Приѣмъ денегъ и выдача книжки оканчиваются въ одинъ день. V. Вносимыя въ Сберегательную Кассу суммы приносятся по

4% въ годъ, начиная съ 1 числа послѣдующаго за вносомъ мѣсяца. (Примечаніе. На вклады, внесенные 1 числа какого-либо мѣсяца, проценты считаются съ того самаго мѣсяца). Проценты эти начисляются на всякую внесенную сумму по день возврата капитала, за болѣе прошедшіе мѣсяцы; но, при удовлетвореніи вкладчиковъ, дробь менѣе копейки отбрасывается. Проценты причисляются къ капиталу по прошествіи года, и на оныя вновь исчисляются проценты. При истребованіи всего внесеннаго капитала, или части оного, выдаются вѣсть и проценты, на требуемую сумму причитающіеся. VI. Желающій взять обратно весь капиталъ, или часть оного, объявляетъ о томъ словесно бухгалтеру, который, принявъ отъ него книжку и записать количество требуемой суммы, выдаетъ привносителю контромарку, съ означеніемъ въ ней имени и фамиліи вкладчика и номера книжки, и за тѣмъ приступаетъ къ учиненію расчета процентовъ и подлежащихъ отъѣмкамъ по счетамъ. Въ книжку записывается прописью требуемая сумма съ причитающимися процентами, которая потомъ передается кассиру, Кассиръ, записавъ показанную въ книжкѣ сумму въ расходъ, производитъ выдачу оной предъявителю контромарки, съ возвращеніемъ ему и книжки. Если возвращается сполна вся внесенная сумма, то книжка перечеркивается крестообразно по страницамъ и оставляется въ кассѣ. VII. Какъ возвратъ капитала производится немедленно предъявителю книжки, то Сберегательная Касса не отвѣтствуетъ за выдачу денегъ, еслибъ книжка предъявлена была не тѣмъ лицомъ, которому она принадлежитъ. Въ случаѣ потери кѣмъ-либо книжки, оныя объявляетъ о томъ въ Сберегательной Кассѣ, и если по справкѣ окажется, что та книжка не была предъявлена для полученія денегъ, въ такомъ случаѣ дѣлается надлежащая отъѣмка по книгамъ кассы. Если въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ со дня объявленія о потерѣ книжки, она предъявлена не будетъ въ кассу, то записанный по оной капиталъ съ процентами выдается объявившему о потерѣ книжки. Но если, въ теченіи сего срока, кто-либо предъявитъ въ кассу ту книжку для полученія по ней денегъ, въ такомъ случаѣ опредѣленіе права на принадлежность книжки предъявителю, или объявившему объ утратѣ ея, предоставляется полицейскому или судебному разбирательству. VIII. По окончаніи пріема и выдачи вкладовъ, вѣличныя суммы повѣряются съ книжками и контромарками, и объ оказавшемся составляется журналъ. Въ субботу отпускается въ Сберегательную Кассу, изъ сохранный Казны (или приказа общественнаго призванія), достаточная сумма, по соображеніи обыкновенныхъ ея оборотовъ, въ запасъ для безостановочнаго удовлетворенія вкладчиковъ; остатокъ же въ кассѣ, за всѣми оборотами, возвращается на другой день по принадлежности. Сберегательная Касса представляетъ опекуновскому совету (или приказу) еженедѣльные и мѣсячныя вѣдомости о поступившихъ и истребованныхъ вкладахъ, а по окончаніи года, подробный отчетъ о всѣхъ дѣйствіяхъ для принадлежащей повѣрши, который публикуется во всеобщее извѣстіе.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Мнѣніемъ Государственнаго Совета, Высочайше утвержденнымъ 5

июля 1838 года, для отклоненія затрудненій, встарченныхъ комиссіями для ревизіи дѣйствій дворянскихъ депутатскихъ собраній въ Западныхъ губерніяхъ назначенъ трехлѣтній срокъ на представленіе исполняющихъ при дѣлахъ тѣхъ собраній документовъ о дворянствѣ, на которыхъ опредѣленія ихъ были основаны, съ тѣмъ, чтобъ лица, которыя сего не исполнятъ и не владѣютъ или не владѣли недвижимыми наследными имѣніями, немеленно обращены были въ однодворцы. Хотя срокъ сей уже истощивалъ, но Высочайше повелѣно продолжить оный до 1 января 1871 года для представленія жителями всехъ западныхъ губерній доказательствъ ихъ на дворянство, какъ въ Депутатскія Собранія, такъ и въ Герольдію.

— Высочайше повелѣно возобновить въ 1842 году опыты открытія въ городѣ Рыбинскѣ Временной Конторы Коммерческаго Банка, съ 10 июля по 10 июля, командировавъ для того въ Рыбинскъ по примѣру 1841 года, чиновниковъ, имѣющихъ назначиться въ составъ Нижегородской Временной Банковой Конторы.

— Постановлено: по уваженіямъ крайней надобности въ землемерахъ для полюбовнаго размежеванія, тѣхъ изъ отставныхъ разныхъ ведомствъ землемеровъ, которые изъявляютъ желаніе состоять на службѣ безъ жалованья при посредническихъ комиссіяхъ и по свидѣніямъ своимъ въ межевомъ дѣлѣ могутъ быть полезны для успѣха спеціальнаго межеванія — опредѣлять землемерами при Межевой Канцеляріи сверхъ штата безъ жалованья, съ прикомандированіемъ ихъ потомъ къ посредническимъ комиссіямъ, ограничить право сихъ землемеровъ тѣмъ, чтобъ проведенное ими время на службѣ по спеціальному межеванію было зачтено въ срокъ выслуги къ пенсіи, и чтобъ при томъ испиющіе обер-офицерскія чины, производимы были въ первое классное званіе на общемъ основаніи законовъ.

— Высочайше повелѣно: на будущее время принять за правило обыкательскіе дома, предназначаемые въ крѣпостяхъ въ сломку, съ вознагражденіемъ на основаніи узаконеній о приобрѣтеніи частной собственности на казенныя надобности, не иначе подвергать оцѣнкѣ, какъ по частушенію безотлагательной надобности въ приобрѣтеніи ихъ въ казну.

— Мнѣніемъ Государственнаго Совета постановлено: разрѣшить приказы общественнаго призванія, за исключеніемъ столичныхъ (которые по силѣ Св. Учр. и Уст. о Общ. Приз. Т. 13 ст. 237 ссудъ вовсе не выдаются), на выдачу денежныхъ ссудъ подъ залогъ билетовъ кредитныхъ установленій, кромѣ облигацій Комиссіи Погашенія Долговъ, съ тѣмъ: 1) чтобъ приказы на счетъ представляемыхъ въ оныя залогомъ билетовъ кредитныхъ установленій предварительно спосились только съ опекунами совѣтами, такъ-какъ при взносѣ въ сохранныя казны капиталовъ дѣлаются иногда въ объявленіяхъ условія, препятствующія выдачѣ денегъ по предъявленному билету, а съ банками, по несуществованію тамъ подобныхъ условій, таковыхъ сношеній не дѣлалъ, но въ замѣтъ сего въ залогъ принимали бы такіе банковые билеты, на которыхъ приложенъ грифель, или которые представляются лицами извѣстными и пользующимися общимъ довѣріемъ. 2) Чтобъ ссуды выдаваемы были на одинъ, на два и на три года и до восьми лѣтъ, съ платежемъ капитала и по шести процентовъ,

по срокамъ, установленнымъ въ приказахъ для таковыхъ кратковременныхъ займовъ. 3) Чтобъ въ случаѣ несправности заемщика въ цѣдствѣ, указы, не дѣлая никакихъ отсрочекъ, смѣлѣнно отсылали заложившій билетъ въ кредитное установленіе, изъ котораго онъ выданъ, съ требованіемъ по оному капитала и процентовъ, для чего, если билетъ выданъ на имя вкладчика, при самой ссудѣ требовать отъ него бланковой или передаточной надписи; по удовлетвореніи же претензіи приказа по займу, остальную сумму, хотя бы открылись на заемщика казенныя или частныя взысканія, выдавать ему потому уваженію, что всѣ ввѣряемые кредитнымъ установленіямъ капиталы освобождены отъ всякой конфискаціи.

— Миністеръ Государственнаго Совѣта постановлено: остаточныя по всемъ вообще системамъ золотоносныхъ розсыпей площади отдавать промышленникамъ за 15-ти процентную подать въ томъ только случаѣ, когда заявка въ установленный трех-лѣтній срокъ сдѣлана была на мѣста свободныя, а въ-послѣдствіи оказалось, что мѣста сіи должны быть причислены къ остаточнымъ площадямъ. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ, когда приски на означенныя площади заявлены послѣ уже причисленія оныхъ къ остаткамъ, или когда сами промышленники согласятся внести высшую подать, плата за разработку сихъ розсыпей полагается по 24 процента.

III. Законы относительно состояній.

— По замѣченному разстройству благосостоянія государственныхъ поселянъ Вятской Губерніи Узловъ Слободскаго, Глазовскаго и Орловскаго со времени запрещенія имъ ловить птицъ и звѣрей во всякое время года, происходящему большею частію отъ мѣстности, непредставляющей имъ другихъ занятій, свойственныхъ ихъ быту, вносима была въ Комитетъ Миністровъ записка, о предоставленіи поселянамъ означенныхъ узловъ заниматься азырною и птичною охотою во всякое время года. Въ-слѣдствіе сего воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе: распространить на сіи узлы силу 196 ст. Св. Уст. о Благ. въ Гор. и Казен. Сел. и Высочайше-утвержденнаго 1 мая 1841 года положенія Комитета Миністровъ, которыми дозволено крестьянамъ Архангельской, всей сѣверо-восточной части Вологодской и Верхотурскаго Округа Пермской Губерніи, ловить и стрѣлять птицъ и звѣрей во всякое время года.

IV. Законы относительно службы гражданской.

— Разрѣшено Миністерству Государственныхъ Имуществъ опредѣлять при палатахъ государственныхъ имуществъ ветеринарныхъ врачей изъ числа состоящихъ въ Гражданскомъ Медіцинскомъ Ведомствѣ, съ предоставленіемъ имъ правъ государственной службы и съ назначеніемъ содержания по ближайшему усмотрѣнію Миністерства въ количествѣ не свыше опредѣленнаго по штатамъ для чиновниковъ особыхъ порученій при палатахъ и особо развязныхъ денегъ, относя всѣ сіи расходы, безъ обремененія Государственнаго Казначейства, на общественный сборъ съ крестьянъ.

V. Законы уголовные и рекрутскіе.

— **Поставлено:** а) дополнение къ 383 ст. Рекрутскаго Устава изложить въ слѣдующемъ видѣ: по участкамъ мѣщанъ, крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и крестьянъ удѣльныхъ, дозволяется перемѣнять принятыхъ рекрутъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если тройниковое семейство состоитъ изъ отца съ двумя сыновьями и при наборѣ одинъ сынъ, по дошедшей къ сему семейству очереди, взятъ будетъ въ рекруты, а другой прежде окончанія того набора умереть, въ семействѣ же ни одного не будетъ подростка мужскаго пола отъ 14 до 17 лѣтъ, то дозволяется перемѣнить сего рекрута другимъ подочереднымъ, если отецъ, не пропуская трехъ мѣсяцевъ со дня приѣма рекрута, подастъ о томъ просьбу во время производства набора къ председателю рекрутскаго присутствія, по окончанія же онаго къ губернатору, и по сей просьбѣ представлять свидѣтельство думы, или по принадлежности волостнаго правленія, какъ о смерти оставшагося при немъ сына, такъ и о немнѣніи подростка выше означенныхъ лѣтъ. 2) Такимъ же образомъ дозволяется перемѣнять рекрута, взятаго поочереды съ двойникова семейства, если до окончанія набора послѣдній работникъ сего семейства умереть и между оставшимися членами семейства не будетъ ни одного подростка мужскаго пола отъ 14 до 17 лѣтъ. Въ обоихъ сихъ случаяхъ, дѣлаются немедленно распоряженія о перемѣнѣ рекрута, если онъ не выступилъ еще съ мѣста набора подочереднымъ; въ противномъ же случаѣ, губернаторъ представляетъ о возвращеніи рекрута по установленному порядку. б) Въ измѣненіе статьи 84 Устава о Рекрутской Повинности Евреевъ постановить, чтобъ Евреи, укрывающіеся отъ набора, были зачитаемы, на основаніи 337 ст. Общаго Рекрутскаго Устава, обществу при будущихъ наборахъ.

— Въ дополнение къ подлежащимъ статьямъ Свода Законовъ, поставлено: въ кантонахъ башкиро-мещерянскаго войска окончательныя по деламъ о кражѣ, мошенничествѣ и всякомъ обманѣ расправа предоставляется до 6 руб. сер. попечителямъ; а до 3 руб. сер. кантоными начальникамъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ таковая расправа дозволена земскимъ судамъ и становымъ приставамъ (Пунктъ 37, Приложение къ ст. 688 Учрежд. Губерн. Т. II въ Продолженіи).

VI. Законы гражданскіе.

— Въ разрѣшеніе вопроса: къ какому роду имущества, движимому или недвижимому, должны быть причисляемы золотые прииски и каkimъ порядкомъ могутъ они переходить отъ одного лица къ другому, постановлено: золотосодержащія прииски, отводимыя частными лицами на казенныхъ земляхъ для одной лишь разработки, признаются, въ отношеніи къ золотопромышленникамъ, имуществомъ движимымъ, а потому и въ переходѣ своемъ по наследству или инымъ случаямъ отъ одного владельца къ другому подлежатъ тѣмъ же правиламъ, какія вообще для имущества движимыхъ постановлены. Но при семъ наследники принимаютъ на себя обязательство: во-первыхъ, исполнять въ точности всѣ предписанныя къ добыванію золота правила, и во-вторыхъ, въ случаѣ участія въ наследствѣ нѣсколькихъ лицъ, владѣть приисками, на основаніи горныхъ законовъ,

нераздельно. Въ удостовѣреніе сего они должны при самомъ принятіи наследства представлять тому вѣдомству, отъ коего выдаются дозволятельныя на разработку присковъ свидетельства, особое по установленной для того формѣ объявленіе.

— По предмету о порядкѣ совершенія выводныхъ писемъ на помѣщичьихъ крѣпостныхъ вдовъ и дѣвокъ, отдаваемыхъ въ замужство въ чужое владѣніе, постановлено: оставить выдачу выводныхъ писемъ на крестьянскихъ вдовъ и дѣвокъ въ нынѣшнемъ порядкѣ, то есть, безъ взъисканія крѣпостныхъ пошлинъ и на простой бумагѣ, не воспрещать, впрочемъ, помѣщикамъ если пожелаютъ, облекать эти письма формальностію, свидѣтельствую ихъ въ уздныхъ судахъ.

— Постановлено: дозволить палатамъ государственныхъ имуществъ западныхъ губерній и Бѣлостокской Области употреблять для контрактовъ печатные бланки, согласно установленнымъ формамъ, съ тѣмъ, чтобы бланки сіи печатать на простой бумагѣ съ нужными пробѣлами, для наполненія оныхъ измѣняющимися обстоятельствами, относящимися къ имѣнію, къ обязанностямъ администратора, представленному отъ него залогоу и т. п. При употребленіи сихъ бланковъ для контрактовъ взыскивать съ арендатора или администратора гербовую бумагу натурою, одинъ листъ крѣпостной бумаги по суммѣ контракта, а за печатные бланки, гербовые листы въ 90 коп. сер. и приобщать ихъ къ печатнымъ бланкамъ за шпуромъ и печатью, а на крѣпостномъ листѣ излагать всѣ добавочныя условія контракта и присовокуплять подпись членовъ палаты и лица, заключающаго контрактъ.

— Повельно: при отдачѣ казенныхъ имѣній въ содержаніе, срокомъ не болѣе какъ на шесть лѣтъ, или съ условіемъ по прошествіи оныхъ подвергнуться положеніямъ новой лікстраціи, ограничиться залогомъ на годовую сумму дохода отъ имѣнія.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ДЕКАБРЬ 1841.

Благодѣтельность. Въ честь Поляковъ, падшихъ 17 (29) ноября 1830 года, при самомъ началѣ мятежа, жертвою вѣрности своему Монарху, по Высочайшему повелѣнію сооруженъ памятникъ посреди Варшавы на Саксонской Площади. Государю Императору благоугодно было ознаменовать торжество открытія сего памятника новымъ доказательствомъ непечерпаемой Монаршей милости къ вдовамъ и сиротамъ тѣхъ, памяти коихъ онъ посвящается. Всемилостивѣйше пожалованы слѣдующія награды: вдовѣ генерала отъ инфантерій, генерал-адъютанта графа Станислава Потоцкаго, Марія, 60,000 злотыхъ и домъ на Саксонской Площади, въ которомъ она живетъ теперъ, въ ея собственность. Дѣтямъ генерала отъ артиллеріи графа Мавркія Гауко 50,000 злотыхъ. Дѣтямъ бригаднаго

генерала Трембицкаго 30,000 злотыхъ. Вдовъ бригаднаго генерала Игнатія Блюмера Констанціи 25,000 злотыхъ. Вдовъ бригаднаго генерала Оумы Семіонтовскаго, Павлинъ, 25,000 злотыхъ. Вдовъ полковника Филипа Мецимевскаго, Іозефъ, по другомъ мужъ Суской, и дѣтямъ ея 25,000 злотыхъ.

— Въ 6 день декабря въ Туль открытъ Приютъ для бѣдныхъ дѣтей, стараніемъ и попеченіемъ супруги военнаго губернатора княгини Софьи Петровны Голицыной, которая утверждена и попечительницею сего Приюта. Генералъ отъ кавалеріи графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ, въ ознаменованіе всерадостнѣйшаго дня тезоименитства Государя Императора, препроводилъ къ харьковскому губернскому предводителю дворянства 10,000 руб. ассиг. для учрежденія въ городѣ Харьковѣ дѣтскаго приюта.—Санктпетербургскій купеческій сынъ Аристархъ Погодинъ и придворный мастеръ водочистительныхъ машинъ Дмитрій Аксеновскій привесли въ даръ Демидовскому Дому Призрѣнія Трудящихся: первый ежегодно по 75 руб. сер. и на такую же сумму провизіи, а послѣдній машины для очищенія воды, суммою на 600 руб. асс.—Крестьянинъ Кожевникъ для постояннаго помѣщенія въ селеніи Шуйскомъ Городкѣ (Вологодской Губерніи въ Тотемскомъ Уездѣ) приходскаго училища, пожертвовалъ деревянный домъ, оцѣненный въ 285 р. 70 коп. сер.

Промышленность. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта повелѣно: 1) По неучрежденію Третьяго Россійскаго Страховаго отъ Огня Общества, страхованіе имуществъ въ губерніяхъ и областяхъ, вошедшихъ въ округъ оного, дозволить производить исключительно Второму Страховому отъ Огня Обществу, на точномъ основаніи Устава его 6 марта 1835 года и 2) учредителямъ Третьяго Общества постановить въ обязанность, дабы они собранныя за выданныя акціи деньги безотлагательно возвратили акціонерамъ съ банковыми процентами по расчету и объ окончаніи возврата денегъ объявили въ публичныхъ ведомостяхъ.

— Ламповому мастеру Ивану Биль-Гейварду выдана четырех-лѣтняя привилегія на сдѣланное имъ усовершенствованіе въ устройствѣ лампы, на которую выдана была ему привилегія 6 ноября 1839 года. Въ прошеніи своемъ Биль-Гейвардъ объяснилъ, что изобрѣтеніе, на которое ему выдана привилегія въ 1839 году, состоитъ въ устройствѣ въ концѣ рожка лампы, около пламени, особаго металлическаго колпачка, который, сосредоточивая воздухъ у пламени, сообщаетъ ему большую яркость. Настоящее его усовершенствованіе заключается въ томъ, что, вмѣсто означеннаго металлическаго колпачка или конуса, онъ дѣлаетъ его въ самомъ ламповомъ стеклѣ, и для того ламповое стекло готовится съ перехватомъ или шейкою въ нижней части надъ пламенемъ, и на этотъ перехватъ или шейку кладется металлическое кольцо; усовершенствованіемъ снѣтъ устранивается тѣнь, которую производитъ металлическій конусъ въ прежнемъ изобрѣщеніи. Сущность сего изобрѣтенія остается прежняя, чтобъ питать пламя постояннымъ притокомъ изрѣженнаго воздуха, приводя его надъ горящею поверхностью свѣтильни къ самой точкѣ горѣнія, независимо отъ различныхъ для этой цѣли устройствъ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ 1842 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— Высочайшимъ указомъ, даннымъ 25 декабря 1841 года, повелѣно:

1) Все недвижимыя имѣнія православнаго духовенства западныхъ губерній передать въ вѣданіе и управленіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, за исключеніемъ имѣній, состоящихъ во владѣніи собственно-приходокаго блага духовенства, непринадлежащаго къ нынѣшнему составу кафедральныхъ соборовъ. 2) Составить для епархіальныхъ управленій, кафедральныхъ соборовъ и монастырей штаты, съ назначеніемъ въ оныя окладовъ, сообразныхъ съ потребностями лицъ и мѣсть и приличныхъ сану и степени каждому, и подвести оныя на Высочайшее утвержденіе. За тѣмъ, по недостаточности нынѣшнихъ доходовъ съ духовныхъ мѣстъ западнаго края для удовлетворительнаго и приличнаго содержанія всего тамошняго духовенства и принадлежащихъ оному учрежденій Высочайше предназначены особые способы, именно: доходы съ мѣстій, конекскораинныхъ въ западныхъ губерніяхъ за участіе въ бывшемъ мѣтежѣ, по уплатѣ долговъ и исполненіи другихъ обязанностей, лежащихъ на тѣхъ мѣстіяхъ.

— Высочайше утверждены штаты для православныхъ епархіальныхъ управленій и монастырей въ западномъ краѣ и повелѣно привести оныя въ исполненіе съ 1 мая сего года.

— Канцеляршн по осушенію и воздѣланію окрестностей Санктпетербурга, учрежденной при главноначальствующемъ надъ Почтовымъ Департаментомъ, повелѣно: состоять при министрѣ государственныхъ имуществъ.

— Постановлено: обнѣжить ветхихъ кредитныхъ билетовъ на новыя производя въ Законномъ Банкѣ, на точномъ основаніи правилъ объ обмѣнѣ ветхихъ доносительныхъ билетовъ, распубликованныхъ при указѣ Правительствующаго Сената отъ 25 января 1841 года.

— Государственный Совѣтъ, по разсмотрѣніи внесенной министромъ юстиціи записка о дополненіи правилъ касательно донесенія Правительствующему Сенату о получаемыхъ изъ оного указахъ, мнѣніемъ положило: въ дополненіе и поясненіе надлежащихъ статей Свода Законовъ по т. XXI.—Отд III.

становить нижеследующія по предмету сему правила: 1) Представлены отъ разныхъ мѣстъ и лицъ Правительствующему Сенату ежемѣсячныя о полученныхъ изъ оного указахъ вѣдомости, по тѣмъ изъ сихъ указовъ, которые посылаются только къ *свѣдѣнію*, считать окончательно очистительными довесеніями, и потому особо о полученіи такихъ указовъ уже не рапортовать, а дѣлать лишь надлежащія о томъ отытки въ упомянутыхъ общихъ вѣдомостяхъ. 2) Особые, сверхъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей, рапорты представлять по такимъ только указамъ Правительствующаго Сената, по которымъ требуется какое-либо действительное *исполненіе*. 3) Для сего на воюхъ указахъ Правительствующаго Сената, внизу, гдѣ пишется краткое оныхъ содержаніе, отмѣчать, посылаются ли указы «къ действительному исполненію, или же только къ свѣдѣнію и руководству». 4) Обязанность дѣлать сіи отытки возлагается на подписывающихъ указы обер-секретарей, подъ личную ихъ за непремѣнное исполненіе сего отвѣтственностию. 5) Сообразно съ оными имеющуся при экзекуторскихъ дѣлахъ Правительствующаго Сената книгу дополнять новою графою, помѣщая оную между графами 3-ю и 4-ю, для отытки: къ действительному ли исполненію, или только къ свѣдѣнію и руководству указы посылать.

— Обнародовано: положеніе объ орловской судоходной депутаціи, которая учреждена для усовершенія судоходства и управленія всеми ея отраслями по торговлѣ и мѣстному управленію на протяженіи рѣкъ: Оки отъ Орла до Калуги, и Зуны отъ Мценска до ея впаденія въ Оку.

— Высочайше утверждены правила для дѣловпроизводства въ Герольдіи и временномъ ея присутствіи.

— Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, обративъ вниманіе на врачебную часть вѣрениаго ему министерства, импелъ, что Медицинскій Советъ при настоящемъ его образованіи, не соответствуетъ значенію своему, имъ вышнему въ государствѣ, но врачебнымъ дѣламъ, мѣсту. Предсѣдатель Совета долженъ быть представителемъ всей врачебной науки и давать правительству ручательство въ томъ, что вся заключенная Советомъ будутъ имѣть отвѣчать какъ правиламъ науки, такъ и потребностямъ государства; съ другой стороны, по соединенію въ санатіяхъ совета двухъ началъ административнаго и ученаго, учрежденіе это должно состоять: 1) изъ членовъ правительственныхъ или неправительственныхъ, назначаемыхъ по главнымъ вѣдомствамъ врачебнаго управленія, и 2) изъ членовъ ученыхъ, или совѣщательныхъ, избираемыхъ Советомъ по личному ихъ достоинству, опытности и свѣдѣніямъ, и рассматривающихъ все дѣла Совета съ академической точки зрѣнія науки. Основываясь на сихъ началахъ, министръ внутреннихъ дѣлъ имѣлъ счастье повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора слѣдующія предположенія: 1) Определить, что Медицинскій Советъ есть высшее въ государствѣ врачебно-учебное, врачебно-полицейское и врачебно-судебное мѣсто. 2) Постановитъ, чтобъ каждый изъ членовъ Медицинскаго Совета, управляющій отдѣльною частью, ежегодно отдавалъ Совету отчетъ о дѣйствіяхъ своихъ на вверенной ему части, для представленія Его Императорскому Величеству общаго отчета по всему медицинскому устройству въ государствѣ. 3) Чибъ высшее мѣсто по медицинскому устройству не была представлена на Высочайшее

твержденіе, безъ предварительнаго обсужденія оной въ Медицинскомъ Советѣ. 5) Постановитъ, что предсѣдатель Медицинскаго Совета непременно долженъ быть съять изъ числа врачей. 6) Упразднить званіе действительныхъ членовъ Совета, какъ изъяснившихъ, оставить только vicepresidente и вице-президентовъ, переименовать сикъ послѣднихъ въ званіе совѣщательныхъ и прибавить къ первымъ еще медицинскаго инспектора заведеній Попечительнаго и Онегунскаго Советовъ и медицинскаго чиновника со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія. Если директоръ Департамента Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій не медикъ и не фармацевтъ, то мѣсто его въ Советѣ долженъ занимать старшій совѣтникъ департамента, назначенный всегда изъ числа врачей. 7) Избирать по большинству голосовъ совета умнаго секретаря изъ числа членовъ совѣщательныхъ, съ утвержденіемъ министра внутреннихъ дѣлъ. 8) Ученому секретарю производить жалованье на предметѣ основаніи, а штатную сумму на жалованье управленческихъ двухъ действительныхъ членовъ употребить на бібліотеку и канцелярію совета. 9) Постановитъ, чтобъ дѣла рассматривались и рѣшались большинствомъ голосовъ въ общемъ присутствіи постоянныхъ и совѣщательныхъ членовъ, которымъ во всѣхъ дѣлахъ, подлежащихъ сужденію Совета, шить едѣсь наравнѣ съ первымъ. При равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Въ случаяхъ же, гдѣ нужно ускорить ходъ дѣлъ чисто-административныхъ, предсѣдатель назначаетъ чрезвычайное собраніе однихъ постоянныхъ членовъ; въ присутствіи своемъ и ученаго секретаря. 10) Приводить въ исполненіе утвержденныя министромъ заключенія Совета дерзавшею вышисовъ какъ: суршала оного въ мѣста ведомства временныхъ членовъ. 11) Исключительное право, данное Совету, удостождать врачей безъ испытанія вышисихъ ученыхъ степеней отменить. На всеподданнѣйшемъ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ о семъ Государь Императоръ въ 11 день декабря 1841 года соботвенно-ручно написать повелѣніе: исполнить.

— Высочайшимъ указомъ, въ совѣстительномъ Государя Императора командированіи, даннѣмъ Правительствующему Сенату, повелѣно: возвести желѣзную дорогу отъ Санктпетербурга до Москвы, и по примеру другихъ державъ, возвести одну на счетъ казны; дабы удержать постоянно въ рукахъ правительства и на пользу общую сообщеніе, столь важное для всей промышленной и дѣловой жизни государства. Съ сего цѣлю для устройства, Санктпетербурго-московской желѣзной дороги Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ учредить въ непосредственной отъ Его Императорскаго Величества зависности особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича Наслѣдника изъ славяноуправляющаго путями сообщенія и публичными дѣлами, министра финансовъ, министра государственныхъ имуществъ; министра внутреннихъ дѣлъ, генерал-адъютанта: графа Бенкендорфа, графа Орлова, графа Девятова, графа Клейнмихеля, генерал-лейтенанта Дестрема, Его Императорскаго Высочества Герцога Мейтенбургскаго, генерал-майора Чевкина и состоящаго въ должности вице-министра при Его Императорскомъ Высочествѣ Великой Княжны Ольги Николаевны, графа Вобрикскаго. Саму кандидатуру поручены всѣ главные распоряженія по этому дѣлу, равно

наблюдения за правильными его совершениемъ, сходно особому положению, которое Высочайше дано будетъ. Съ тѣмъ жесть Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволялъ: изъ некоторыхъ членовъ комитета образовать строительную комиссію, которой поручить: ближайшій надзоръ въ сооруженіи, всѣ распорядительныя мѣры и самое производство работъ по особому упомянутому выше положенію, имѣющему быть составленнымъ въ комитетѣ. Председателемъ этой Строительной Комиссіи назначенъ генерал-адъютантъ графъ Вексдорфъ, а членами: генерал-адъютантъ графъ Клейнмихель, генерал-лейтенантъ Дестрель, Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій, генерал-майоръ Чевкинъ, графъ Бобринскій, и инженеръ-полковникъ: Крафтъ и Мельниковъ. Сверхъ-того, при комитетѣ повелѣно быть тремъ членамъ отъ купчества по выбору, собственно для совещаній съ нимъ еясловіемъ нужныхъ. Въяствѣ съ такими распоряженіями, Высочайше возложено на министра финансовъ приготовленіе потребныхъ на возведеніе желѣзнаго пути между столицей денешныхъ способовъ, отдаленно отъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ.

III Губернскія учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе къ составу и правъ ихъ).

— Повелѣно: силу и дѣйствіе 314 ст. пункта прилож. къ 276 ст. Продолженія II Т. Съ. Зак., по коему гражданскіе губернаторы при ѣздахъ губерній получаютъ прогонныя деньги собственно для себя на шесть лошадей и для канцелярій на три лошади, распространить какъ на грузино-имеретинскаго гражданского губернатора, такъ и на начальника Каспійской Области.

— Высочайше утверждено положеніе объ устройствѣ губернскаго города Казани. Для сего учреждается строительный комитетъ, который обязанъ заботиться: а) чтобъ зданія, наблюденію комитета принадлежащія, возведенны были прочно и правильно и служили къ украшенію города, и б) чтобъ дома, дворы, заборы, мосты, сѣзды съ горъ и къ озеру Кабану, мостовыя на улицахъ и площадяхъ, каналы, троттуары, колодцы, водопроводы, бассейнъ, парадныя мѣста, площади, городской садъ и загородныя общественныя дачи были во всегдашней исправности. Комитетъ имѣеть въ своемъ завѣдываніи всѣ городскія общественныя зданія: Казанскій кремль, казармы военныхъ кантонистовъ и прочія воинскія помѣщенія, какъ нынѣ существующія, такъ и впредь могущія быть устроенными, не исключая и принадлежащихъ приказу общественного призванія, и городской садъ съ означенными загородными дачами. Для присмотра за прочіею всѣхъ строеній и означенныхъ мѣсть, опредѣляются два или три комиссара, по выбору гражданъ; на общихъ правилахъ, безъ жалованья. Служба сихъ комиссаровъ должна быть сравнена съ гласными думъ; они исполнятъ въ распоряженіи комитета по дѣламъ устройства города. Къ устройству города комитетъ имѣеть два способа: 1) вспомогательный капиталъ и 2) рабочихъ для вспоможенія обывателямъ въ ихъ постройкахъ. Комитетъ заимствуетъ по мѣрѣ надобности сумму изъ доходовъ

получаемыхъ съ лавокъ казеннаго гостянаго двора, требуя оную по сношеніямъ съ градскою думою. Сверхъ-того, въ вѣдѣніи комитета состоятъ: а) сумма, отпускаемая градскою думою на городскія постройкі и на управленія по сегоднешней росписаніямъ, и б) сумма, назначаемая на содержаніе комитета и арестантской роты. Рабочіе формируются изъ арестантовъ гражданскаго вѣдомства по особому объ арестантской роты положенію. Никакое частное, ни казенное, ни общественное строеніе не можетъ быть возведено вновь, или старое исправлено безъ вѣдома комитета. Всякое новое строеніе не иначе возводится, и всякая перемена фасада не иначе дозволяется; какъ съ Высочайшаго утвержденія плана черезъ Департаментъ Военныхъ Поселеній.

— Высочайше повелѣно распространить на Уезды: Чигиринскій и Родольский—Кіевской, Житомирскій, Ковельскій, Равенскій и Овручскій, Волынской, Ушицкій, Лемичевскій и Балтскій—Подольской Губерніи, во всей силѣ и подробностяхъ Высочайшее повелѣніе 5 мая 1840 года, объ усиленіи способовъ полиціи въ некоторыхъ уездахъ и городахъ Волынской и Подольской Губерніи, кромѣ 7-го и 8-го пунктовъ, имѣющихъ свое особенное къ означеннымъ въ нихъ уездамъ приложеніе, обративъ на вокрытіе вѣчисленійъ по штату разсыльныхъ командъ 12,658 руб. 8¹/₂ к: отпускаемую нынѣ сумму для найма разсыльныхъ привеземскихъ судахъ и становыхъ приставехъ, а остальную изъ этихъ отнестъ на общіе земскіе сборы въ поманутыхъ губерніяхъ.

— Обнародованы Высочайше утвержденные штаты Петергофской и Гатчинской Полціи.

— Для образованія новаго устройства въ полицейскомъ управленіи северной части Таврической Губерніи, повелѣно: 1) Днепропскій и Мелитопольскій Уезды поманутой губерніи раздѣлить на три, поменовать вновь образуемый уездъ Бердянскимъ и установить границы оныхъ, согласно съ особою картою. 2) Уездными городами назначить въ Мелитопольскомъ уездѣ казенное селеніе Ново-Александровку, наименовать оное Милитополь; въ Бердянскомъ портовый городъ Бердянскъ; для Днепропскаго же оставить впредь до усмотрѣнія уезднымъ городомъ городъ Алешки. 3) Съ учрежденіемъ въ портовомъ городѣ Бердянскѣ уезднаго управленія, подчинять оный въ полицейскомъ отношеніи вѣдомству таврическаго губернскаго начальства на общемъ основаніи. 4) Находящіяся нынѣ въ городѣ Ореховѣ мѣста городского и уезднаго управленія и суда перебраться въ вновь-учреждаемый городъ Мелитополь, который и помѣстить тамъ на первый разъ въ казенныхъ домахъ; о возведеніи же необходимыхъ для сего казенныхъ зданій представить по порядку. 5) Возложить на обязанность мѣстнаго начальства составить для города Мелитополя приличныи гербъ и планъ, и оныя съ предположеніями объ устройствѣ хозяйственныхъ способовъ сего города внести на Высочайшее утвержденіе установленнымъ порядкомъ. 6) Обративъ въ мажоранъ техъ жителей города Мелитополя, которые изъявляютъ на сіе желаніе, а прочіихъ оставить въ состояніи поселенія, съ подчиненіемъ однакожъ въ полицейскомъ отношеніи городскому управленію. 7) По примѣру городовъ Ново-Александровска и Грайворна освободить купцовъ Мелитополя отъ платежа гильдейскихъ повин-

ностей, а мѣщанъ отъ взноса мѣщанскаго оклада въ казну въ теченіе пяти лѣтъ. 9) Въ продолженіе того же срока не подвергать сему городу воинскому посту, освободивъ отъ сего также и городъ Бердяевскъ. 10) Въ пользу города Мелитополя отпустить ежегодно изъ Государственнаго Казначейства, на основаніи Высочайше утвержденного 2 мая 1839 года положенія Комитета Министровъ по одному проценту съ лежащаго поступить собственно по сему городу въ казну. питейнаго дохода. 11) Ореховъ, уездный городъ нынѣшняго Мелитопольскаго Уезда; переименовать въ заштатный, и учредить въ немъ полицейское управленіе сообразно послѣдней и способамъ, на томъ основаніи и съ тѣмъ содержаніемъ, какое существуетъ для другихъ подобныхъ заштатныхъ городовъ. 12) Дозволить жителямъ Орехова переселиться по желанію ихъ въ Мелитополь, съ распространеніемъ и на нихъ льготы, даруемой сему посѣданію. 13) Поручить мѣстному начальству вѣдомливо войти въ разсмотрѣніе, какія надобно будетъ учредить въ городѣ Бердяевскъ мѣста полицейскаго, судебнаго и торговаго управленія, въ новомъ назначеніи сего города, представить предположенія свои по сему предмету вмѣстѣ съ проектами штатовъ и Высочайшее утвержденіе черезъ кого слѣдуетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ возложить на обязанность того же начальства представить по порядку соображенія свои о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя признаны будутъ полезными въ отношеніи штатовъ Дивпровскаго и Мелитопольскаго Уездовъ, въ конхъ съ учрежденіемъ уезднаго управленія въ Бердяевскъ часа два должно г-венышеться. 14) По значительному количеству государственныхъ крестьянъ, предположенныхъ къ отчисленію отъ Дивпровскаго и Мелитопольскаго Уездовъ въ новый Бердяевскій Уездъ, предоставить Министерству Государственныхъ Имуществъ учредить въ ономъ установленнымъ порядкомъ управленіе ими, мѣстнымъ потребностямъ сообразное.

III. Постановленія относительно службы гражданской.

— Повелено: инспекторовъ классовъ и учителей батальйоновъ военныхъ кантонистовъ для чинопроизводства причислить къ XII классу, а для назначенія пенсій отнести ихъ къ IX разряду пенсійныхъ окладовъ. Въ семъ же разрядѣ пенсій считать также економовъ и казначеевъ батальйоновъ военныхъ кантонистовъ, которые по расписанію должностей Военнаго Министерства отнесены въ XII классу, но въ расписаніе пенсій не вошли.

— Разрѣшено: чиновниковъ, составляющихъ редакцію газеты «Валескій Выстникъ», а именно: редактора, сотрудниковъ его и канцелярскихъ служителей считать въ Дѣйствительной государственной службѣ, дозволивъ имъ до усмотрѣнія определять при неизбѣжной необходимости редактора и сотрудниковъ его изъ лицъ, принадлежащихъ классовыхъ чиновъ, но съ тѣмъ, чтобъ взятіе сіе не предоставляло имъ по производству въ чинъ другихъ преемъ, противъ общаго, т. е., производить ихъ не иначе, какъ начиная съ XIV класса, по выслугѣ установленнаго срока; за тѣмъ, хотя бы они не имели классовыхъ чиновъ, пока занимаютъ означенныя мѣста, причислять по разряду должностей: редактора къ VIII, а сотрудниковъ его,

если они не изъ учителей, къ IX классу заураль, — канцелярскихъ же служителей сравнить по чинопроизводству съ служащими въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. 2) Редактору предоставить носить мундиръ Министерства Народнаго Просвѣщенія VIII, а сотрудникамъ, если они не изъ учителей, IX разряда. 3) Всемъ чинамъ редакціи предоставить право на полученіе пенсій и единовременныхъ пособій по общему пенсіонному уставу, съ причисленіемъ редактора къ VI, сотрудниковъ, если они не изъ учителей, къ VII, а канцелярскихъ служителей къ IX разряду пенсіонныхъ окладовъ.

— Относительно пріобретенія гражданскою службою въ Финляндіи правъ, сопряженныхъ съ российскими чинами, постановлено: 1) дѣтей чиновниковъ не дворянъ, занимающихъ въ гражданскихъ управленіяхъ Финляндіи, по табели 17-го іюля 1826 года, должности до 9-го класса включительно и прослужившихъ въ сихъ должностяхъ безпорочно шесть лѣтъ, принимать въ гражданскую и военную службу Имперіи наравнѣ съ дѣтьми личныхъ российскихъ дворянъ, съ тѣмъ, чтобъ такимъ же правомъ пользовались и дѣти Финляндцевъ, получившихъ на службу, по Всемилостивѣйшему пожалованію, гражданскіе обер-офицерскіе чины. 2) Дѣтей тѣхъ финляндскихъ чиновниковъ, которые, занимая по табели 1826 года мѣста 8-го класса и выше, находятся въ оныхъ не менѣе 6-ти лѣтъ и притомъ вообще состоятъ въ классныхъ должностяхъ по крайней мѣрѣ 15-ть лѣтъ, опредѣлять въ службу Имперіи наравнѣ дѣтей российскихъ чиновниковъ, состоящихъ въ 8-ми высшихъ классахъ, причисливъ къ сему же разряду и дѣтей Финляндцевъ, Всемилостивѣйше пожалованныхъ за службу российскими штаб-офицерскими чинами. 3) Награжденіе чиновниковъ, занимающихъ должности въ гражданскихъ управленіяхъ Финляндіи российскими чинами за особые отличія оставить на существующемъ нынѣ основаніи, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, чтобъ впродъ къ такой награды представлять не иначе, какъ по выслугѣ опредѣленныхъ российскими узаконеніями для каждаго чина сроковъ и не далее, какъ однимъ классомъ выше того, къ которому занимаемое чиновникомъ мѣсто по табели 1826 года причислено.

— Въ дополненіе къ подлежащимъ статьямъ Свода Законовъ постановлено: церковно-служительскія дѣти православнаго исповѣданія, окончившія полный курсъ ученія въ семинаріяхъ, но не получившія права на чинъ 14 класса, производятся въ оный за выслугу въ гражданской по духовному ведомству службѣ 8-ми лѣтъ, безъ всякаго впрочемъ особаго старшинства въ пользу тѣхъ изъ сихъ лицъ, которые досель въ упомянутомъ ведомствѣ прослужили бы уже болѣе опредѣляемаго нынѣ срока, и безъ распространенія силы настоящаго постановленія на церковно-служительскихъ дѣтей, состоящихъ въ гражданской службѣ не по духовному управленію, а по какой-либо другой части.

IV. Постановленія относительно состояній.

— Для преподаванія способствъ къ вѣдшему распространенію торговли и промышленности къ западному краю Россіи, объемлющемъ Губерніи Мо-

гилевскую, Витебскую, Минскую, Виленскую, Гродненскую, Киевскую, Волынскую, Подольскую, и Область Вьлостокскую и для возвышенія чрезъ то благосостоянія тамошнихъ городовъ, Высочайше повелѣно: 1) купцовъ, мѣщанъ и вообще людей свободнаго состоянія и христіанскаго исповѣданія, принадлежащихъ къ другимъ, выше не поименованнымъ губерніямъ, и имѣющихъ право на переходъ въ городское сословіе, если кто изъ нихъ пожелаетъ приписаться, съ постояннымъ притомъ въ мѣстахъ приписки водвореніемъ,—въ городахъ, или въ имѣющихъ думы или ратуши мѣстечкахъ, казенныхъ и помѣщичьихъ, западнаго края, въ послѣднихъ съ согласія ихъ владѣльцевъ,—допускать къ сему съ одними свидѣтельствами мѣстныхъ начальствъ, что, по существующимъ правиламъ, не представляется никакихъ къ ихъ переходу препятствій; что они не подвергались наказаніямъ по суду за преступленія, и что тѣ изъ нихъ, которые обязаны рекрутскою повинностію, не состоятъ ни на первой, ни на второй очереди, не требуя затѣмъ на причисленіе ихъ согласія отъ новыхъ обществъ. 2) Водворяющимся на сѣмъ основаніи предоставитъ слѣдующія облегченія: а) въ теченіи 25-ти лѣтъ, считая срокъ сей съ 1-го января 1842 года, по 1-е января 1867 года, каждый изъ нихъ увольняется на пятнадцать лѣтъ отъ всѣхъ слѣдующихъ въ казну податей и повинностей, равно и отъ повинности рекрутской, если кто по званію своему оной подлежитъ; б) купцы, при упомянутой льготѣ, сохраняютъ торговыя права той же гильдіи, въ которой каждый до перехода своего состоялъ; а лица, несостоящія въ гильдіяхъ, причисляются къ новому водворенію въ мѣстечке. Но тѣмъ изъ сихъ послѣднихъ, которые своимъ влѣченіемъ и для собственнаго употребленія устроятъ или покупкою пріобрѣтутъ въ мѣстахъ того водворенія дома или торговыя и мануфактурныя заведенія, какъ-то: лавки, заводы, фабрики и т. п., въ продолженіе означеннаго 15-ти-лѣтняго льготнаго срока даруется, безъ платы гильдейскихъ повинностей, право торговли: если таковыя зданія и заведенія будутъ стоить не менѣе семи тысячъ рублей серебромъ, то по первой гильдіи, если свыше трехъ тысячъ, то по второй, и если свыше тысячъ рублей, то по третьей гильдіи. Дѣйствительные купцы третьей гильдіи, при тѣхъ же условіяхъ, пользуются торговыми правами—второй, а купцы второй гильдіи—правами первой; в) въ случаѣ смерти начальника семейства, даруемая льгота, до истеченія каждому срока оной, распространяется и на вдову, дѣтей и прочихъ родственниковъ, къ семейству принадлежащихъ, пока они останутся въ предѣлахъ тѣхъ губерній, для коихъ льгота сія вынѣ постановляется.

— Постановлено правиломъ, чтобъ государственные поселенцы, получившіе образованіе на общественный счетъ для поступленія въ штатныя должности волостныхъ и сельскихъ писарей, или ихъ помощниковъ, со времени назначенія ихъ въ сіи должности обязаны были прослужить въ оныхъ не менѣе 10 лѣтъ, а въ случаѣ желанія ихъ перейти въ другое сословіе, или обратиться къ промысламъ и ремесламъ другаго рода ранѣе означеннаго срока, увольняемы были на общемъ основаніи не иначе, какъ по удовлетвореніи обществъ всѣми употребленными на ихъ образованіе издержками.

— Относительно правъ состоянія жителей въ Ригѣ Евреямъ, по-

становлено: 1) тамъ изъ Евреевъ, кои дѣйствительно жили донынѣ постоянно въ Ригѣ пребываніе, дозволить приписываться къ сему городу и остаться въ ономъ на жительства, не пользуясь однако ни правомъ гражданства, ни правомъ пріобрѣтенія недвижимой собственности; 2) переходъ вновь на жительства въ Ригу Евреевъ не только изъ другихъ губерній, но изъ посада Шлока, отнынѣ впредь рѣшительно воспретить; 3) оставаемыхъ, по силѣ настоящаго положенія, въ Ригѣ Евреевъ обязать носить немецкое платье, и 4) опредѣленіе правъ Евреевъ по производству въ Ригѣ торговли отнести къ окончательному разрѣшенію общаго о рижской коммерціи вопроса.

—По устройству быта однодворцевъ въ западныхъ губерніяхъ, постановлено: 1) составить однодворцамъ и гражданамъ западныхъ губерній новую точнѣйшую перепись; за тѣмъ исключить изъ общества всѣхъ тѣхъ лицъ, которые причислены къ онымъ неправильно, сложить веденки, состоящія за нихъ на обществахъ и освободить сіи послѣдніе отъ уплаты недоимокъ двойнаго и полуторнаго подымнаго сбора за пропускъ по режиссѣ душъ; 2) выдачу гражданамъ и однодворцамъ видовъ на отлучку изъ мѣст жительства, какъ до 30 верстъ, такъ и на дальнѣйшее разстояніе, подвергнуть тѣмъ же правиламъ, какія установлены по сему предмету для мѣщанъ и государственныхъ крестьянъ, поступаая съ отлучающимися самовольно безъ надлежащаго вида, какъ съ бродягами, и сверхъ того съ ихъ семействахъ за воуздомленіе начальства въ теченіи трехъ дней отъ отлучки взъискивать штрафъ по 1 руб. сереб., а тѣхъ, кто будетъ у себя держать гражданъ и однодворцевъ безъ установленныхъ видовъ, подвергать оштрафованію по закону; 3) однодворцевъ, водворенныхъ на земляхъ казенныхъ, или которые впоследствии будутъ на оныхъ переселены, подчинить ведомству Министерства Государственныхъ, Имуществъ и на сей конецъ ввести ихъ въ составъ обществъ государственныхъ крестьянъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они поселены, подвергнуть ихъ одному во всемъ уроченію и одинакимъ казеннымъ повинностямъ, кромѣ полудной подати, но оставя при нихъ названіе однодворцевъ и особыя права, которыя отличаютъ ихъ отъ государственныхъ крестьянъ; 4) распространить на нихъ правила учрежденія о управленіи государственнымъ имуществомъ въ западныхъ губерніяхъ и Бѣлостокской Области на сельскомъ управленіи тамошнихъ государственныхъ крестьянъ, также сельскіе уставы: полицейскій и судебный, съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя окажутся нужными допустить по усмотрѣнію министра государственныхъ имуществъ, въ слѣдствіе ближайшаго соображенія дѣла; 5) оставить однодворцевъ попрежнему при платежѣ подымной подати, впредь до установленія податной системы для государственныхъ крестьянъ, но съ тѣмъ, чтобъ такъ подымную подать, такъ земскій и общественные сборы—однодворцы, живущіе на казенныхъ земляхъ, платили не отдѣльно отъ государственныхъ крестьянъ, а совокупно съ ними, отвѣчая другъ за друга одинаково, какъ лица, принадлежащія къ одному обществу; 6) на семъ же основаніи равнѣя съ государственнымъ крестьянами вносить однодворцамъ хлѣбный сборъ, если отправляютъ хлѣбопашество, и платить денежный сборъ въ продовольственный капиталъ; 7) въ отправленіи рекрутской повинности

подчинить однодворцевъ, на казенныхъ земляхъ живущихъ, правиламъ рекрутскаго устава, постановленнымъ для государственныхъ крестьянъ, распростирая на сихъ однодворцевъ способъ опредѣленія очередей семействъ числомъ работниковъ, а не ревнскихъ душъ и считая очередь у нихъ не отдѣльно, а наравнѣ съ крестьянами того общества, къ которому они принадлежатъ. Отдачу однодворцевъ въ рекруты за предосудительные поступки производить на основаніи существующихъ узаконеній по приговорамъ самихъ обществъ. Однодворцевъ, какъ принимаемыхъ въ военную службу, такъ и отсылаемыхъ по неспособности къ оной, установленному обряду бритію головъ не подвергать; 8) за пользованіе однодворцевъ казенными землями и прочими мѣстными выгодами имѣній, въ которыхъ они водворены, вѣзжать съ нихъ вмѣсто отбыванія хозяйственныхъ работъ натурою поземельный оброкъ, исчисленный люстраціею; 9) однодворцевъ вообще и въ особенности не осадлять, проживающимъ на помѣщичьихъ земляхъ западныхъ губерній и Бѣлостокской Области при селеніяхъ, имѣющихъ въ оныхъ избытокъ, на казенныхъ оброчныхъ статьяхъ и на участкахъ, кои за предположеннымъ уменьшеніемъ фольварковъ могутъ остаться праздыми, 10) однодворцевъ, поселенныхъ на земляхъ собственныхъ, общественныхъ и помѣщичьихъ въ отношеніи отправки рекрутской повинности оставлять при нынѣ существующихъ правилахъ, равно какъ и при платежѣ подымной подати, и 11) однодворцы, живущіе въ округахъ военного поселенія, впредь до восполненія общаго положенія должны оставаться при дѣйствующихъ нынѣ постановленіяхъ.

— Въ разрѣшеніе представленій мѣстныхъ начальствъ о Евреяхъ, принимающихъ христіанскую вѣру, постановлено: 1) при принятіи Евреевъ христіанской вѣры, совершать св. крещеніе и надъ малолѣтними ихъ лѣтъми до 7-ми-лѣтняго возраста; а если принимаетъ христіанскую вѣру только одинъ отецъ, или одна мать, то крестить въ первомъ случаѣ сыновей, а въ послѣднемъ дочерей; 2) Евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру и вступившихъ въ духовное званіе, исключить изъ оклада, въ которомъ они состояли; 3) Евреевъ, обратившихся въ христіанство, выдавать въ пособіе на первоначальное обзаведеніе, каждому, безъ различія пола, отъ 15 до 30 руб. сереб., дѣтямъ въ половину; 4) крестившимся Евреямъ дозволить присоединяться въ купечество, по объявленіи только каушала и извозъ гильдейскихъ денегъ, и къ обществамъ: земледѣльческому, мѣщанскому и ремесленному, безъ предварительнаго согласія такъ, съ тѣмъ, а) чтобъ поселеніе на казенныхъ земляхъ, безъ согласія сельскихъ обществъ, допускаемо было только тамъ, гдѣ за надѣленіемъ крестьянъ узаконенною пропорціею земли остается излишекъ оной, или на земляхъ, предназначенныхъ для поселенія, и б) если въ теченіи установленныхъ льготныхъ лѣтъ Евреи не исполняютъ согласія общества на причисленіе, тогда облагать ихъ полатами, на основаніи 272 ст. Прод. Свод. Зак. Т. IX, съ личною каждаго отвѣтственностію; 5) водвореніе и первоначальное обзаведеніе ново-крещенныхъ Евреевъ, поселяющихся на казенныхъ земляхъ, производить на основаніи правилъ, постановленныхъ для Евреевъ, перечисляющихся въ Херсонскую Губернію, и 6) предоставлять ново-крещенымъ Евреямъ, при поселеніи ихъ на казенныхъ и владѣльческихъ земляхъ, пользоваться льго-

тами, кажда на основаніи дѣствующихъ законовъ предоставлены вообще Евреямъ, переходившимъ въ земледѣльческое состояніе.

V. Законы Уголовныя.

— Высочайше утверждено положеніе о псковской престантской ротѣ гражданскаго вѣдомства, въ составъ сей роты поступаютъ изъ Псковской Губерніи способные по силамъ и лѣтамъ къ работѣ: а) бѣглые и бродяги; б) осуждаемые къ ссылке въ Сибирь на поселеніе за маловажныя преступленія, ненаказанные рукою палача и имѣющіе отъ 35 до 40 лѣтъ; а также преступники, осужденные къ отдачѣ въ военную службу, но оказавшіеся къ оной неспособными и признанные годными къ работамъ; в) осуждаемые въ крѣпостную работу на срокъ, также за неважныя преступленія, или къ заключенію въ рабочіе дома, и г) люди дурнаго поведенія, отдаваемые по приговорамъ обществъ и по волѣ помѣщиковъ для исправленія.

— Относительно правъ полицейскихъ несть въ окончаніи дѣлъ о проступкахъ, постановлено: 1) Дѣла о кражѣ, мошенничествѣ и всякомъ обманѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по существующимъ узаконеніямъ, подлежатъ полицейскому разбирательству, рѣшаются окончательно, съ опредѣленіемъ исправительнаго лишь наказанія, городскими полиціями и земскими судами до 15, а становыми приставами до 5 руб. сер. включительно; виновные же въ кражѣ или обманѣ свыше 15 руб. сереб., отсылаются въ надлежашія судебныя мѣста для поступленія по законамъ 2) Право волостныхъ расправъ рѣшать окончательно до 15 в сѣльскихъ до 5 руб. сереб. дѣла, вѣдомству ихъ подлежашія, распространяется на томъ же основаніи и въ той же стѣпени и на дѣла о воровствѣ-кражѣ и воровствѣ-мошенничествѣ. За тѣмъ все дѣла по тяжбамъ и проступкамъ государственныхъ крестьянъ свыше 15 рублей серебромъ препровождаются къ судебному разсмотрѣнію. 3) Вопросъ касательно того, въ какихъ случаяхъ воровство должно быть почитаемо преступкомъ и въ какихъ переходить оно въ разрядъ преступленій, отнести къ общему пересмотру уголовныхъ законовъ.

— По вопросу о распределеніи малолѣтнихъ бродягъ, оказывающихся къ военной службѣ неспособными, постановлено: Въ дополненіе къ 391 статьѣ Уст. о Бѣл. (т. XIV), постановить слѣдующее правило: малолѣтние бродяги, не могущіе, по какой-либо востойной болѣзни, или по важнѣйшимъ недостаткамъ поступить въ батальоны военныхъ кантонистовъ должны быть обращены въ приказы общественного призванія, съ тѣмъ однако, чтобъ тѣ изъ нихъ, кои отъ болѣзни въ-послѣдствіи освободятся, были, по точномъ удостовѣреніи мѣстной врачебной управы въ годности ихъ къ военной службѣ, немедленно передаваемы по принадлежности военной вѣдомству. При неизлечимости же болѣзни, если она, по свойству своему, не требуетъ непремѣннаго пребыванія и пользованія въ больницѣ, означенные бродяги, по вступленіи ихъ въ совершеннолѣтіе, распределяются порядкомъ, въ ст. 413 Уст. о Бѣл. узаконеннымъ, т. е. приписываются къ податнымъ обществамъ. Когда же они приписаны на селѣ основаніи не пожелаютъ, или, по дурному поведенію, правомъ такой переписки воспользоваться не могутъ, или же когда общества не желаютъ

согласія на ихъ принятіе, то поступать съ ними по смыслу 2 пункта примечанія къ приведенной 413 статьѣ и именно: обращать ихъ въ военно-работчія и арестантскія роты, если токмо сіе, по состоянію ихъ здоровья и по тѣлеснымъ недостаткамъ, окажется, въ-слѣдствіе медицинскаго свидѣтельства, возможнымъ; въ противномъ же случаѣ оставлять ихъ въ заведеніяхъ приказовъ общественнаго призанія для употребленія, подъ строгимъ надзоромъ, въ соответственныя силы ихъ работы.

VI. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

— Въ поясненіе 634 ст. Св. Зак. Гражд. т. X, повелѣно присовокупить къ оной слѣдующее примечаніе: установленный въ сей статьѣ допросъ свидѣтелей, подписывающихся на духовныхъ завѣщаніяхъ, производится безъ присяги, въ присутствіи гражданскихъ палатъ, при представленіи въ оныя завѣщаній къ засвидѣтельствуванію; но если явка въ палату свидѣтелей будетъ по какимъ-либо законнымъ уваженіямъ затруднительна, то допросы отъ свидѣтелей отбираются, по мѣсту ихъ пребыванія, въ уздѣсныхъ судахъ. Буде же свидѣтель ни въ палату, ни въ судъ, по законной причинѣ, явиться не можетъ, то онъ допрашивается уже на дому, при членѣ гражданской палаты или уздѣзнаго суда.

— Государственный Совѣтъ разсматривалъ представленіе министра финансовъ о дозволеніи владѣльцамъ посессионныхъ горныхъ заводовъ посылать въ Сибирь заводскихъ людей для производства золотого промысла. Принявъ въ уваженіе съ одной стороны затрудненія, встрѣчаемыя по отзыву министра заводчиками въ присканіи благонадѣжныхъ людей изъ туземцевъ для тѣхъ-вышнихъ по производству золотого промысла занятій, кои требуютъ особаго искусства и опытности въ семъ дѣлѣ, а съ другой тѣ неудобства, съ которыми была бы сопряжена принужденная посылка въ Сибирь людей, не составляющихъ безусловной собственности владѣльцевъ, Государственный Совѣтъ, въ видахъ обоюднаго въ семъ отношеніи соглашенія интересовъ, положилъ: не касаясь никакими ограниченіями пространства власти лицъ, владѣющихъ горными заводами, или состоящими при нихъ людьми на помѣщичьемъ правѣ, относительно тѣхъ людей, которые приписаны къ симъ заводамъ на правѣ посессионномъ, постановить, что посылка ихъ на золотые промыслы въ Сибирь Западную и Восточную, владѣльцамъ хотя также разрешается, но не иначе, какъ подъ непремѣннымъ условіемъ собственнаго со стороны сихъ людей согласія, надлежащимъ образомъ заявленнаго.

— Постановлено: при назначеніи количества денегъ, какое должны представлять помѣщики въ доплату для полученія зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій за несовершеннолѣтнихъ мальчишковъ, уступаемыхъ ими изъ вѣнчій своихъ въ военное ведомство, руководствоваться не 63 пунк. прилож. 120 къ ст. 3659, част. I., кн. IV, разд. V, гл. III Св. Воен. Пост., но примечаніемъ къ I пунк. ст. 336, т. IV Св. Гр. Зак., какъ основаніемъ на послѣднемъ узаконеніи Рекрутскаго Устава.

— Въ дополненіе и поясненіе ст. 200 Уст. Торгов. (т. XI) постановлено: упомянутыя въ сей статьѣ жалобы на притѣсненія и вообще на неправиль-

ныя дѣйствія торговыхъ депутацій должны быть приносимы казеннымъ палатамъ не далѣе, какъ въ 4-хъ-недѣльный срокъ, считая оныя со дня объявленія участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ постановленій означенныхъ депутацій; по манованіи же сего срока никакія жалобы не принимаются.

— Дозволено принимать въ залогъ, при отдачѣ казенныхъ оброчныхъ статей въ содержаніе, незаселенныя удобныя земли въ Саратовской Губерніи на луговой сторонѣ Волги въ той цѣнѣ, какъ сіе дозволено по питейнымъ откупамъ на будущее четырехлѣтіе.

— Высочайше утверждено положеніе о заставныхъ договорахъ въ остзейскихъ губерніяхъ, составленное для установленія твердаго и опредѣлительнаго при составленіи заставныхъ контрактовъ порядка, равно сообразнаго и съ особенными правами и пользами сихъ губерній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для предупрежденія неправильнаго по такимъ контрактамъ владѣнія и другихъ злоупотребленій и подлоговъ въ ущербъ пошлинъ, слѣдующихъ при переходѣ имѣній.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ 1842 ГОДА.

Народное Просвѣщеніе. — Для возвышенія учебнаго курса въ высшемъ разрядѣ Горьгоряцкой Земледѣльской Школы, повелано: 1) Въ высшій разрядъ Горьгоряцкой Земледѣльской Школы принимать только дворянъ потомственныхъ и личныя, почетныя граждане, священно-служителей и купцовъ 1 и 2 гильдіи, получившихъ уже достаточное общее образованіе, а именно: а) окончившихъ полный курсъ наукъ въ гимназіяхъ; б) принятыхъ по экзамену въ одинъ изъ русскихъ университетовъ и с) по экзамену, въ самомъ заведеніи произведенному, имѣющихъ достаточное понятіе въ наукахъ, гимназическій курсъ составляющихъ, кромѣ языковъ латинскаго, греческаго и французскаго. 2) Учебный курсъ высшаго разряда Горьгоряцкой Земледѣльской Школы распространить въ предметахъ сельскаго хозяйства и притомъ дополнить оный преподаваніемъ русской словесности, нѣмецкаго языка, основаній механики, минералогіи, началъ геодезіи, положительнаго русскаго законодательства и счетоводства. 3) Для преподаванія сихъ предметовъ определять потребное число преподавателей; жалованье имъ, согласно Высочайше-утвержденному 24 апрѣля 1836 года положенію, отнести на счетъ хозяйственныхъ средствъ заведенія и предоставить имъ, кромѣ учителя нѣмецкаго языка, относительно чиновъ, пенсія и мундира, тѣ же права, коими пользуются состоящіе нынѣ при школѣ адъюнкты-профессоры сельскаго хозяйства. 4) Воспитанниковъ высшаго разряда, которые, при хорошемъ поведеніи, окажутъ удовлетворительные успѣхи въ ученіи, выпускать, по окончаніи курса съ чиномъ 14 класса и предоставить всѣмъ пользоваться на службѣ правами воспитанниковъ учебныхъ заведеній 2 разряда.

— По устройству закавказскаго края повелано: 1) Для главнаго управленія всею учебною въ закавказскомъ край частію определять главнаго инспектора закавказскихъ училищъ, съ содержаніемъ и особыми при немъ чиновниками. Инспекторъ долженъ состоять въ тѣхъ же къ главноуправляющему закавказскимъ краемъ отношеніяхъ, въ какихъ состоялъ къ нему, на основаніи положенія 12 мая и 10 апрѣля 1840 года, директоръ Тифлисской Гимназіи. 2) Поскольку въ управленіи инспектора должна состоять вся учебная часть, собственно Министерству Народнаго Просвѣщенія подвѣдомственная, то опредѣленіе и увольненіе его, равно какъ и лицъ, при немъ состоящихъ, предоставить сему министерству на общихъ основаніяхъ, и 3) предоставить министру народнаго просвѣщенія снабдить инспектора особою, по взаимному съ главноуправляющимъ закавказскимъ краемъ согласію, инструкцію.

— Комитетъ Министровъ, по представленію министра народнаго просвѣщенія, положилъ: 1) На всѣ лица обоего пола, какъ иностранцевъ, такъ и русскихъ подданныхъ, которые откроятъ у себя школы, или заведенія къ роду пансіоновъ, безъ испрошенія на то разрѣшенія установленнаго порядкомъ, распространять денежный штрафъ (75 руб. сер.), установленный § 66 Высочайше утвержденного 1 іюля 1834 года Положенія о Домашнихъ Наставникахъ и Учителяхъ, съ обращеніемъ сего штрафа въ пользу капитала призрѣнія, учрежденнаго тѣмъ положеніемъ. 2) Тѣхъ изъ иностранцевъ обоего пола, которые, подвергшись уже разъ вышесказанному штрафованію, вновь начнутъ обучать у себя дѣтей безъ надлежащаго дозволенія, отправлять, согласно § 67 выше помѣнутаго положенія, установленнымъ порядкомъ за границу. 3) Поставить въ непремѣнную обязанность какъ училищному, такъ и гражданскому начальству, чтобъ они явили бдительнѣйшее наблюденіе, дабы частныя учебныя заведенія не были учреждены безъ надлежащаго разрѣшенія. На сіе положеніе Комитета послѣднюю собственноручную Его Императорскаго Величества повелѣніе: «строго наблюдать за симъ и довести Мнѣ донесенія, гдѣ подобныя заведенія находятсѣ.»

Промышленность.— Выданы привилегіи: 1) Механику Францу Тибо, на изобрѣтенную имъ машину для приготовленія паркетовъ, которою, по слову его; работа производится гораздо-совершеннѣе и паркетъ получается болѣе прочный, нежели нынѣ. Прочность эта тѣмъ будетъ большая, что бревна ставятся въ машины стоймя, а не кладутся вдоль, при чемъ обнаруживается вся струистость дерева, и приготовленные такимъ образомъ полы будутъ не только прочны, но и весьма красивы; выдѣлка паркетныхъ половъ составитъ отрасль мануфактурной промышленности, и полы сіи будутъ доступны для всѣхъ домохозяевъ, представляя неоспоримыя выгоды въ отношеніи изящности, экономіи, чистоты. Пользуясь посредствомъ сей машины, прочностью и красотою дерева, употребляемаго въ поперечномъ, а не продольномъ разрѣзѣ, можно съ выгодною употреблять и простое дерево, сообщая ему цѣнность, которой оно до сего времени не имѣло, и тѣмъ способствовать сбереженію дуба, столь драгоценнаго для кораблестроенія. 2) Саранскому подданному механику Герзи—на изобрѣтенный имъ механической двойной ткацкій станокъ, который, по объясненію изобрѣтателя, можетъ при управленіи одного человѣка очень-легко производить вдругъ по два куска ткани и оба челнока ходятъ въ немъ такъ незатруднительно, что изобрѣтатель ползгаетъ устроить оный и для тканія трехъ и четырехъ кусковъ за разъ. На немъ ткется безъ затрудненія шолковыя, шерстяныя, льняныя и бумажныя ткани; для дѣйствія своего онъ не требуетъ никакого особаго движителя, кромѣ того человѣка, который имъ управляетъ. Впрочемъ, онъ легко можетъ быть приспособленъ къ дѣйствію посредствомъ другаго какого-либо движителя, на-пр., паровою машиною и проч.; для этого нужно только замѣнить рукоятку шкворнемъ. 3) Графу Александру Чапкову—на изобрѣтенный имъ фильтръ для свеклосахарнаго производства. Посредствомъ сего фильтра, какъ объясняетъ изобрѣтатель, открывается возможность приготовить сиропъ въ 36° изъ блага песка и устраняя необходимость промывать рафинадъ посредствомъ глины, ибо онъ получается

высшего качества и совершенно-чистый; производство же ускоряется 15-ю днями.

— Высочайше-разрѣшено дозволить волковнику Якобію, титулярному совѣтнику Дорогову и поручику Герасимову учредить въ Казанской Губерніи общество на паяхъ, для выдѣлки стеариновыхъ свѣчей и жировоска; причемъ утвержденъ представленный ими уставъ сему обществу. Цѣль предпріятія его состоитъ преимущественно въ устройствѣ заведеній для улучшенія одной изъ первыхъ и главнѣйшихъ отраслей народной промышленности Россіи — салотопленія, и въ возвышеніи качества и доброты, а чрезъ то и цѣнности издѣлій изъ онаго. Существованіе общества определено со дня утвержденія его на десять лѣтъ съ правомъ сократить или продолжать этотъ срокъ. Капиталъ общества будетъ первоначально состоять изъ 60,000 руб. сер. и долженъ быть представленъ паями въ 1500 руб. сер. каждый. Капиталъ этотъ можетъ быть увеличенъ. Общество займется немедленно устройствомъ въ Казани, или снятіемъ на аренду готового завода для салотопленія по улучшеннымъ способамъ и производства стеариновыхъ свѣчей съ употребленіемъ потребной на то суммы изъ общаго складочнаго капитала, предоставляя себя, впрочемъ, на будущее время право перевести этотъ заводъ, если обстоятельства того потребуютъ, въ другое мѣсто, или устроить сверхъ онаго новый, смотри по видамъ пользы предпріятія. Общество сіе обязано, по силѣ II пункта приложения къ 1387 ст. X т. Св. Зак. Граж. брать, по содержанію своего завода въ городѣ и на продажу его издѣлій, установленное торговое свидѣтельство.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

ЗАПИСКИ ПЕНЗЕНСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА О ТЕОРИИ И ПРАКТИКѢ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Часть I.

(Оповчаніе.)

§ 7.

Иностранцы ведутъ науку сельскаго хозяйства впередъ: у насъ, ошибочныя ея основанія ведутъ неопытнаго хозяина только къ убыткамъ. Разнообразіе мѣстности и вліяніе возвышенностей. Ошибочное заключеніе иностранцевъ, будто нѣкоторые предѣлы возвышенностей равны полосамъ болѣе съвернымъ.

Иностранные мыслители, хотъ весьма сложнымъ образомъ, по возможности идутъ впередъ и, можетъ-быть, достигнуть того, что опростать науку сельскаго хозяйства во многихъ отношеніяхъ, или по просту сказать, приведутъ ее *въ ремесло*, чѣмъ на то гораздо-болѣе нашего невещественныхъ средствъ и несравненно-менѣе разнообразія въ составъ ихъ хозяйствъ. Но у насъ обработано ли ученіе о сельскомъ хозяйствѣ, приспособлено ли оно къ нашимъ климатамъ, мѣстностямъ, расчетамъ и закоположенію?

Всякій безпристрастный и просвѣщенный хозяинъ скажетъ, что у насъ, въ нашихъ русскихъ изданіяхъ, видны только сколки, и то поверхностныя, съ извѣстныхъ всѣмъ образованнымъ хозяевамъ иностранныхъ твореній, въ которыхъ корень ученія основанъ на чуждомъ намъ закоположеніи, на совершенно-различномъ отъ нашего климатъ и убыточныхъ для насъ расчетахъ, — да въ нѣкоторыхъ журналахъ, возгласы ничего недоказывающіе, или лучше сказать, всема ясно выказывающіе неопытность по всѣмъ частямъ сельскаго хозяйства, фанатизмъ науки, или журнальную спекуляцію и шарлатанство, вмѣсто основательности. Дивныя образчики тому и другому были и будутъ указаны въ этихъ «Запискахъ».

Какое же въ настоящее время слѣдствіе можетъ породить такое книжное ученіе о сельскомъ хозяйствѣ? Съ одной стороны, непременно, сбивчивость въ понятіяхъ; съ другой, переведа это ученіе, эту теорію на практику, при «новомъ», «раціональномъ» устройствѣ своего хозяйства, неопытный хозяинъ непременно ошибется въ расчетахъ тѣмъ, что *производитъ будетъ дорогими приемами дешовое, или неумѣстное произведеніе* (это случалось и, къ-несчастью, случается); и тогда, вмѣсто того, чтобъ достигъ цѣли всякаго хозяйства: наибольшей выгоды, потеряетъ, во-первыхъ, главный, ничѣмъ невознаграждаемый капиталъ — *время*, да сверхъ того еще понесетъ денежныя убытки.

Все тутъ сказанное относится болѣе до общаго ученія. Но Россія не Фландрія, гдѣ земледѣліе втиснуто въ тѣсную раму однообразія. У насъ необходимо означать ту мѣстность, для которой не только руководство на какой-нибудь предметъ сельскаго хозяйства написано, но даже и соображенія хозяйственныя пишутся, объясняя ясно: къ какому разряду земель принадлежитъ ея почва и стараются избѣгать при этомъ опредѣленіи сбивчивыхъ названій и ошибочной классификаціи почвъ, какъ непростительныхъ ошибокъ, влекущихъ за собою сбивчивость въ понятіяхъ, или лжеученіе. Также необходимы опыты замѣчанія насчетъ мѣстныхъ расчетовъ, климата и температуры, потому-что на этихъ соображеніяхъ не только у насъ, но и вездѣ опредѣляются посѣвы и приемы въ-отношеніи къ земледобренію и земледольванію; содержится скотъ, основанъ бытъ жителей, введены способы приготовленія прозведеній для продажъ, воздвигаются сельскія хозяйственныя строенія, и рассчитываются лѣтнія и зимнія работы, для которыхъ, вообще, помѣщикъ русскій среднихъ и сѣверныхъ губерній имѣетъ не болѣе 130 дней въ году, а собственно для полевыхъ только 65 дней, вмѣсто 300 или 310, на которые рассчитываютъ фермеры и хозяева германскіе, фламандскіе, французскіе и даже англійскіе.

Въ октябрской книжкѣ «Библіотеки для Читенія» за 1839 годъ, подъ рубрикою «Промышленность и Сельское Хозяйство» напечатана статья: «Что значитъ мѣстность», и пр. Въ этой статьѣ повторяется сказанное иностранцами по тому же предмету. Но иностранцы, особенно Синклеръ, обсуживая основательно нѣкоторыя свои мѣстности, не указываютъ на разительныя степени такого разнообразія, которое у насъ встрѣчается; и потому я счелъ нужнымъ войти по сему предмету въ точнѣйшія изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ иностранныхъ писателей не имѣлъ и не имѣетъ малѣйшаго понятія о ходѣ нашего хозяйства какъ въ-отношеніи къ климату, такъ и въ-отношеніи къ расчетамъ. Не мудрено: иностранцы пишутъ для Европы — а у насъ, особенно тамъ, гдѣ сельское хозяйство, а не оброкъ крестьянъ, даетъ болѣе выгодъ помѣщикамъ — Азія во всемъ значеніи слова; впрочемъ, она не только не мѣшаетъ опытному хозяину посредствомъ своихъ заведеній получать обильное возмездіе за трудъ и положенные капиталы, но, можетъ-бытъ, еще и способствовать къ тому, какъ всегда случается тамъ, гдѣ частная, сметливая,

дѣятельная и просвѣщенная предприимчивость не находятъ еще себѣ вездѣ и во всемъ столкновеніи и совмѣстничества.

Говоря о мѣстностяхъ, надобно замѣтить, что у насъ оны могутъ быть не только 15-ю градусами широты и 36-ю долготы (для Европейской Россіи, не считая Финляндскихъ губерній) одна другой южнѣе, или сѣвернѣе, одна другой восточнѣе или западнѣе; но, сверхъ-того, одна другой несравненно-открытѣе и возвышеннѣе.

Скажу болѣе: теоріи нашей, кажется, вовсе неизвѣстно даже существованіе возвышенной плоскости, которая, прошедъ чрезъ Губерніи Сибирскую, Саратовскую, Пензенскую, Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую и Смоленскую, соединяется съ Торопецкою; неизвѣстно, что она, по возвышенію своему, имѣла вліяніе на образованіе склоновъ ея поверхности; на составныя части различныя ея почвы, на температуру тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя она проходитъ, и вообще на климатъ ея мѣстности; въ-слѣдствіе этого, она также должна имѣть вліяніе на растительность, на бытъ жителей, на поляныя работы, постройки и посѣвы. Въ этомъ последнемъ отношеніи, теорія такъ малосвѣдуша, что еще въ предметъ не имѣла рѣшить вопросъ: почему на южныхъ черноземныхъ почвахъ яровая пшеница родится хорошо, а въ средней полосѣ, на черноземныхъ же земляхъ, вообще, очень-дурно. Чему приписать эту различную производительную силу почвы: единственно ли составнымъ ея частямъ, или теплѣйшему климату, или въ совокупности тому и другому; и какія условія, въ томъ, или другомъ случаяхъ, способствуютъ, или вредятъ растительности?

«Исчислено, — говоритъ Синклеръ, — что 60 ярдовъ (около 170 французскихъ футовъ; а французскіе агрономы полагаютъ отъ 60 до 80 метровъ, — отъ 200 до 265 футовъ) возвышенія почвы отъ поверхности моря, равносильны, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и условіяхъ, одному градусу широты болѣе-сѣверной, или другими словами: «увеличеніе вертикальной высоты на упомянутое число футовъ соответствуетъ, относительно климата, приближенію на одинъ градусъ къ сѣверу.»

Привожу это мнѣніе, однакожь, для того только, чтобъ подтвердить, сколько вездѣ и всѣ мыслящіе люди обращали вниманія на вліяніе, которое производится въ хозяйственномъ быту большею или меньшею мѣстною возвышенностью. Вѣрить этому вычисленію и опредѣленію какъ закону общему нельзя, потому, съ одной стороны, что «температура зависитъ» какъ говоритъ Синклеръ «не только отъ географической широты, но и отъ положенія почвы горизонтальнаго, или наклоннаго къ сѣверу и югу, равно отъ величины угла, составляемаго поверхностью почвы съ горизонтомъ, въ одномъ изъ этихъ наклонныхъ ея направленій, и многихъ другихъ причинъ и обстоятельствъ, еще не точно-ислѣдованныхъ. Съ другой, въ широтахъ болѣе-сѣверныхъ, во время роста и вызрѣванія растеній и плодовъ, солнце свѣтитъ долѣе, или другими словами, день бываетъ продолжительнѣе, нежели въ широтахъ южныхъ; отъ-того нужна для развитія и оплодотворенія сумма тепла

и свѣта, раздѣленная на количество времени, въ обѣихъ мѣстностяхъ уравнивается; все растетъ и вызрѣваетъ гораздо-скорѣе, нежели въ южныхъ; отъ-того въ широтахъ сѣверныхъ могутъ вызрѣвать многія растенія, которыя бы не вызрѣвали въ южныхъ, на высоте, по предъидущему вычисленію равносильной сѣвернымъ широтамъ. Докажемъ это примѣромъ. Вѣроятно, никому въ голову не придетъ въ Крыму, подь 45° широты, на тѣхъ хребтахъ Яйлы, которые не возвышались бы болѣе 2,500 футовъ отъ уровня моря (высота этого хребта, не говоря о Чатырдагѣ, достигаетъ мѣстами до 3,500 футовъ) сѣять пшеницу-арнаутку, тогда-какъ въ степяхъ симбирскихъ, оренбургскихъ, около Самары, на луговой сторонѣ Волги, возвышенныхъ отъ уровня моря, конечно, не менѣе 480 футовъ подь 53° широты, т. е. сѣвернѣе 8 градусами, которые вмѣстѣ съ возвышеніемъ почвы, слѣдовательно, должны были бы имѣть одинаковый климатъ съ возвышенными хребтами Яйлы (полагая, по исчисленію французскихъ агрономовъ, по 265 футовъ на градусъ), арнаутка, или, какъ ее тутъ называютъ, бѣлотурка, родится превосходно, что приписать должно не только отличному свойству известковой почвы, но и тому еще, что во время роста пшеницы, въ этихъ губерніяхъ, подь 53° широты, день бываетъ продолжительнѣе; въ-слѣдствіе чего, для вызрѣванія пшеницы, или другихъ посѣвовъ, тутъ нужно гораздо-менѣе времени, нежели въ Крыму. Изъ этого, кажется, довольно-яснаго примѣра видно, что гг. ученые иностранцы много писали, соображали, но всего не дописали и не досообразили. А почему? Потому-что у нихъ нѣтъ передъ глазами примѣра, который обратилъ бы въ эту сторону ихъ просвѣщенное вниманіе.

§ 8.

Принятая г. Павловымъ классификація почвъ неопредѣлительна, сбивчива и ошибочна. Г. Усовъ тоже принялъ ошибочную. Неопредѣлены границы, раздѣляющія разнородныя почвы. Всѣ принятыя теоріею классификаціи почвъ неопредѣлительны. Точное разложеніе почвъ недоступно земледѣльцамъ. Едва-ли его достигли знаменитые химики. Терминологія путается въ названіяхъ. Разложеніе, сдѣланное г. Германномъ, не повело къ результатамъ очевидно полезнымъ. По принятой методѣ разложенія почвъ, дѣлается ошибочное заключеніе о ихъ тучности. Этотъ недостатокъ въ практическомъ быту замѣняется опытностью. Химическое разложеніе почвъ, въ наше время, не прибавитъ ничего въ пользу земледѣлія.

Не распространяясь болѣе о младенчествѣ теорій, обратимся теперь къ тѣмъ предметамъ сельскаго хозяйства, въ которыхъ она порождаетъ ошибочное и ложное ученіе, между-тѣмъ, какъ эти пред-

меты служить главными основаніями практическому земледѣлію. Начнемъ съ классификаціи почвъ.

Г. Павловъ дѣлилъ ихъ на четыре разряда: *глинистую, песчаную, известковатую и черноземную* (Въ-послѣдствіи я буду говорить о томъ, что нельзя полагать въ числѣ особаго разряда «черноземную», названную такъ г. Павловымъ, потому-что она будто болѣе другихъ пресыщена черноземомъ,— т. е. по смыслу ученія г. Павлова, *перегноемъ*, humus (смотри «Курсъ Сельскаго Хозяйства» г. Павлова, Т. II. страница 29).

Г. Усовъ (смотри его «Курсъ Земледѣлія» стр. 62) къ четыремъ разрядамъ почвъ г. Павлова, прибавивъ 5-й и назвавъ эти почвы «средними», опустилъ изъ виду, что тутъ онъ опредѣлялъ классификацію почвъ первобытныхъ; следовательно, когда дѣло идетъ о среднихъ, т. е. смѣшанныхъ, которыя онъ называетъ «суглинными», супесчаными», то найдется ихъ, по различному смѣшенію, множество, что и самъ г. Усовъ замѣтилъ.

Точное познаніе составныхъ частей почвъ, безспорно, должно бы служить главнымъ основаніемъ теоріи земледѣлія, для чего химическое ихъ разложеніе дѣло необходимое. Но почему познаніе составныхъ частей почвъ должно служить главнымъ основаніемъ теоріи земледѣлія? Чтобъ узнать до-сихъ-поръ дѣло неизвѣстное: *какъ велика степень плодородія данной почвы и для какихъ именно растений она, въ данномъ климатѣ, болѣе способна*. Вотъ что остается рѣшить теоріи. Можно себѣ представить, какъ далека теорія до рѣшенія этого вопроса, когда она не опредѣлила еще границы, отдѣляющихъ одну почву отъ другой, на-прим. песчаной отъ глинистой, и путается въ названіяхъ! Но если границы различныхъ почвъ теоріею точно не опредѣлены, можетъ ли классификація почвъ быть опредѣлительна? Вопросъ этотъ, между-тѣмъ, сдѣланъ въ томъ предположеніи, что такія границы опредѣлить возможно. Мы видимъ слабыя доказательства этому у иностранцевъ, которые старались опредѣлнить такое разграниченіе, постигая, что безъ него не можетъ держаться система, классифицирующая почвы по составнымъ ихъ частямъ, на особенные разряды. Но если мы возьмемъ въ соображеніе безчисленно-различное смѣшеніе почвъ, различную ихъ степень тучности, или безплодія, и различные климаты, имѣющіе всегда прямое вліяніе на посѣвы и растительность, и то дѣтство, въ которомъ находится химія съ сложными своими манипуляціями по предмету разложенія почвъ и опредѣленія ихъ относительнаго достоинства къ климату, воздѣлыванію, посѣвамъ и урожаямъ,—какъ послѣ того удержаться принятой системѣ, которая въ этомъ отношеніи особенно требуетъ точности, и какими способами она можетъ быть полезна сельскому хозяйству, гдѣ все должно быть основано на правилахъ точныхъ, а не шаткихъ, или только гадательныхъ?

Для пракческаго нашего быта, всѣ принятыя системы классификаціи почвъ неопредѣлительны, и потому часто тамъ, гдѣ почва преимущественно глинистая, называютъ песчаную ту, которая въ другихъ мѣстностяхъ называется глинистою; и наоборотъ, почвы преимущ-

щественно-песчанья называются глинистыми, между-тѣмъ, какъ онѣ же между глинистыми называются песчаными. Собственно-черноземныя почвы, по составамъ своимъ бывъ едва-ли не многосложнѣе другихъ, принимаютъ мѣстныя названія еще разнообразнѣе. Все это давнымъ-давно и весьма-справедливо замѣтилъ знаменитый Тэеръ. Съ другой стороны, нельзя воображать, чтобъ разложеніе, на которомъ основана химическая классификація почвъ и терминологія составныхъ частей ихъ, могли быть доступны земледѣльцамъ и тогда даже, когда бы первое опиралось на манипуляцію всегда точную, чего и господѣ знаменитые химики едва-ли достигли; а вторал (терминологія составныхъ частей почвъ) приведена была однажды-навсегда въ систему неизмѣнную.

Еслибъ разложеніе почвъ было дѣломъ легкимъ, всѣмъ подручными, и опиралось на основанія неизмѣнныя, точныя, почему же не разложены наши почвы нашими учителями? Почему не отдѣлены рѣзкими, или хотя понятными границами различныя ихъ разряды? Почему точно не опредѣлены ихъ отношенія къ климату, воздѣлыванію, посѣвамъ и растительности? Почему названія не только составныхъ частей, но и собственно-различныхъ главныхъ разрядовъ почвъ такъ много разъ въ послѣдніе годы измѣнялись и *не вслѣдствіи приняты одинаково?* Почему въ нашихъ ученыхъ книгахъ видны по этимъ предметамъ только поверхностныя выписки изъ иностранныхъ сочиненій, которыя всѣмъ мыслящимъ и просвѣщеннымъ помѣщикамъ и безъ того давно извѣстны, не указывая хозяину на правила точныя и неизмѣнныя?

Г. Германнъ разлагалъ два раза черноземную почву, и хоть онъ пользуется заслуженною извѣстностію, и потому полагать надобно, что манипуляціи, имъ сдѣланныя, были точны, —однакожь со всѣмъ тѣмъ, какъ первое, такъ и второе разложеніе онъ сдѣлалъ только какъ химикъ, безъ всякаго приложенія плода своего труда къ практическимъ потребностямъ сельскаго хозяйства, въ чемъ, вѣроятно, и самъ почтенный г. Германнъ согласится. Впрочемъ, еще вопросъ не изслѣдовать: точна ли та манипуляція, посредствомъ которой опредѣляютъ составъ почвъ, особенно въ-отношеніи ея тучности? Наприм. для того, чтобъ узнать количество находящагося въ почвѣ перегноя, обыкновенно высуша почву, раскаляютъ ее. Послѣ того останутся однѣ минеральныя части; растительныя всѣ сожгутся, ибо, по увѣренію химиковъ, и въ томъ числѣ покойнаго г. Павлова (Курсъ Сельскаго Хозяйства, Т. I, стр. 380), перегной или, какъ его называетъ г. Павловъ, «черноземъ», весь въ массѣ и «каждая ея часть порознь, на огнѣ сгорають безъ остатка». Можно только удивляться, что такая неосновательная и совершенно-ошибочная манипуляція принята и многими почитается настоящимъ проводникомъ для опредѣленія тучности почвъ. Постараемся кратко доказать ошибочную систему такого разложенія.

Когда органическіе остатки утучняютъ почву? Когда они въ полномъ броженіи. Тогда образующаяся слязь и газы служатъ ли они пищею растеніямъ, или только, рылая землю, дѣлаютъ

ее болѣе — проницаемою для свѣта, воздуха и влаги, или болѣе притягивающею влагу, — тогда собственно эти остатки, и во время только ихъ броженія, полезны растительности. Спрашиваю: можетъ ли химическое разложеніе уловить степень и моментъ броженія? Конечно, нѣтъ. Что же можетъ указать химическое разложеніе въ-отношеніи къ тучности почвы? Только количество сгораемыхъ органическихъ частей, находящихся въ почвѣ. Но они могутъ находиться несогнанными, отчасти-согнанными и совершенно-перегнанными. Въ первомъ случаѣ, они, при содѣйствіи свѣта, теплоты, влаги и сѣрпато воздуха, прійдутъ въ броженіе и передадутъ почвѣ ту мѣру удобренія, какую передать могутъ; во второмъ случаѣ, передача эта будетъ не полная; въ третьемъ, едва-ли какая-нибудь будетъ, потому что не только совершенно-перегнанные органическіе остатки не утучняютъ почвы, но навозъ вывѣтрившійся, какъ бы онъ ни напуганъ былъ остатками изъ царства животнаго, уже сильно слабѣетъ. Между-тѣмъ, во всѣхъ трехъ случаяхъ, органическіе остатки, находящіеся въ почвѣ, сгорятъ. Теперь спрашиваю: покажутъ ли они ту степень тучности, которую передать могутъ почвѣ, отчасти передали, или уже передать не въ состояніи? Кажется, отвѣтъ незатруднителенъ, и должно согласиться, что химическое разложеніе почвъ, клонящееся къ тому, чтобъ узнать подлинную ея тучность, или безплодіе—было, есть, по способамъ употребляемымъ, и долго будетъ еще, для практическаго производства, дѣломъ пустое и совершенно-безполезное (Смотри въ этой 1 части на стр. 7-й XX-го тома О. З., отд. IV §. 2-й *Теорія еще въ дѣтствѣ*). Потому-то люди опытные и просвѣщенные увѣрены, что химія въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлала полезнаго для сельскаго хозяйства.

Въ практическомъ быту, этотъ теоретическій недостатокъ весьма-легко и удобно замѣняется многолѣтнею опытностію земледельцевъ, которая переходитъ у нихъ отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку. Съ помощію ея они твердо знаютъ: какіе хлѣба и на какихъ именно мѣстахъ ихъ земли рождаются хорошо, посредственно, плохо, или вовсе не рождаются. Предъ этимъ знаніемъ, книжное ученіе, особенно столь мало обработанное, какъ наше, еще долго будетъ ничтожно. Не зная химическихъ названій, они также знаютъ главные составы ихъ земель до той степени, которой требуетъ практическое производство. Въ-слѣдствіе чего на песчаной почвѣ озимый посѣвъ они вездѣ боронуютъ, чтобъ почва менѣе просыхала; на глинистой это дѣлается только на югѣ, т. е. въ климатъ болѣе-сухомъ и тепломъ; а въ сѣверной части Имперіи бороздятъ мелкими, средними, или весьма-широкими грядами, ados, смотря по климату, обычной температурѣ, цвѣту и составу почвы, и потому еще, на горизонтальной ли площади разбиты поля, гдѣ нѣтъ скатовъ для дождевой и снѣжной воды, или на мѣстахъ отлогихъ, крутыхъ. На глинисто-кислотою землѣ, насыщенной на возвышенныхъ мѣстностяхъ всегда кислотами, какъ наша черноземная почва (о чемъ уже было говорено), сѣять рожь, гречу и овесъ, а не пшеницу, ячмень, горохъ и просо, сѣять всегда хотъ простыми, но приличными приѣмами и способами;

— на известковой почвѣ сѣять послѣдніе хлѣба, а первыхъ мало, и т. д.

Да и что прибавить для пользы нашего земледѣлія, въ настоящее время, химическое разложеніе почвѣ пока еще одностороннее, частное и врядъ ли точное? Что плохатые или кислые, какъ нашъ черноземъ, вмѣстѣ съ животнымъ и растительнымъ туками, надобно удобривать известью, мергелемъ, пескомъ или пережженою глинною? Это было бы возможно у насъ весьма-рѣдко и въ маломъ размѣрѣ, т. е. только въ огородныхъ хозяйствахъ. Въ большомъ потребуетъ огромныхъ денежныхъ пожертвованій, отъ которыхъ произведеніе до того будетъ приходиться производителю дорого, что вмѣсто выгоды доставить убытки, не только отъ низкихъ цѣнъ, которыя у насъ обыкновенно стоятъ на произведенія хлѣбопашества и вообще сельскаго хозяйства, но и потому еще, что въ нашемъ сѣверномъ климатѣ, для произведенія на данномъ пространствѣ тахішимъ продукта — только для обработыванія этого пространства намъ нужно бы имѣть ежегодно вдвое болѣе времени, нежели сколько мы имѣемъ, или обработывать то же пространство вдвое увеличенными силами противъ на-прим. Бельгіи; и это пространство со всемъ тѣмъ дастъ менше произведешій, получаемыхъ Бельгіемъ; въ-слѣдствіе чего это произведеніе будетъ обходиться намъ дороже нежели оно обходится въ Бельгіи (Во II части этихъ «Записокъ», при описаніи бельгійскаго хозяйства, представляется тому доказательство). Что песчаную почву надобно удобривать силіемъ, нежели глинистую и, вмѣстѣ съ животнымъ и растительнымъ удобрениями навозить на поля жирную глину — всѣ эти и прежде упомянутыя средства для поправленія плодородія почвѣ не только весьма-пзвѣстны болѣе трехъ тысячъ лѣтъ, но мы знаемъ также, что они хороши для гряды и огорода, или для малыхъ хозяйствъ французскихъ, англійскихъ и фламандскихъ, гдѣ недостатокъ земли и высокая цѣна на произведенія заставляютъ владѣльца, вспомошествоемаго климатомъ, не жалѣть трудовъ и издержекъ на воздѣлываніе и удобреніе его земли, для полученія съ даннаго пространства тахішимъ произведешій, которыя вырученною за нихъ цѣною окупятъ пожертваніе. Коротко сказать, если бѣ естественныя науки и дали намъ точныя, неизмѣнныя правила для того, чтобъ заставить почву родить самымъ превосходнымъ образомъ все, что на ней, подобно съ климатомъ и требованіями, должно будетъ, наше сельское хозяйство не можетъ воспользоваться этими уроками, потому-что пріемы утѣненія и обработки земли поведутъ хозяина не къ выгодѣ, но къ убыткамъ. Сельское хозяйство не садоводство, которое, по-большей-части, не считаетъ издержекъ; оно не принадлежность прихоти: оно — такая промышленность, которая должна за собою вести непремѣнную выгоду, иначе распались бы всѣ царства и народы и уничтожились бы даже признаки гражданской жизни. Во II части этихъ «Записокъ» (§ 3) будетъ говорено о томъ, что и въ Западной Европѣ дорогія удобрения опытными хозяевами употребляются только въ огородныхъ хозяйствахъ, — *petite culture*.

§ 9.

Мы не имѣемъ для науки сельскаго хозяйства общепринятыхъ словъ. Г. Павловъ даетъ ошибочное названіе перегною, и еще ошибочнѣе опредѣляютъ составъ черноземныхъ почвъ. Черноземныя почвы черны не отъ избытка перегноя. Причина плодородія черноземныхъ почвъ. Почвы эти чисто-глинистыя. Перегноя находится въ нихъ только въ поверхностномъ слое. Подъ нимъ черноземъ всегда тощъ. Онъ кажется однороденъ съ глинною, подъ нимъ лежащею. Еслибъ черноземная почва была черна отъ избытка перегноя, то большая часть растений и деревьевъ на ней не могли бы расти. Западные агрономы не нашли избытка перегноя въ черноземныхъ почвахъ. Они рѣшительно утверждаютъ, что онъ проникнутъ желѣзнымъ окисломъ. Черный цвѣтъ почвы, въ жаркое и сухое лѣто, гораздо-болѣе вреденъ для растительности, нежели полезенъ. Практика допускаетъ классификацію почвы только на два разряда. Слѣдствие ошибочной классификаціи. Черноземная слизь. Нельзя сказать утвердительно, чтобъ перегнойная слизь служила главною пищею растениямъ.

Пензенскій Земледѣлецъ доказывалъ, что до-сихъ-поръ естественная наука, замѣтно, нигдѣ еще не подвинули впередъ сельскаго хозяйства; что принятыя нашими гг. профессорами классификаціи почвъ не одинаковы, неопредѣлительны, сбивчивы и ложны. Ковствѣ этимъ важнымъ недостаткамъ присовокупляется еще важнѣйшій: мы не имѣемъ точной номенклатуры для наукъ, входящихъ въ составъ сельскаго хозяйства, ип точнаго значенія многихъ употребительныхъ названій для производствъ, приемовъ, работъ, произведеній, случаевъ, и даже для нѣкоторыхъ частей сложныхъ орудій и снастей, особенно механическихъ. То-есть, мы не имѣемъ для науки сельскаго хозяйства бездѣлицы — азбуки; и не смотря на то принялись преподавать эту науку на кафедрахъ, забывъ, что безъ точнаго значенія словъ—нѣтъ науки. Отъ-того непонятныя, или ложныя названія, вопросы и совершенная безтолочь въ нѣкоторыхъ разсужденіяхъ...

Для доказательства, изъ множества примѣровъ, укажемъ читателю на тотъ, который обращаетъ на себя особенное вниманіе мыслящихъ хозяевъ. Вѣсть съ тѣмъ опъ послужить окончательнымъ доказательствомъ, что наша теорія сельскаго хозяйства не имѣетъ настоящаго понятія о составѣ и принадлежностяхъ почвъ.

Г. Павловъ говорилъ, что имена, кончающіяся на «земь» должны употребляться въ химіи для веществъ однородныхъ, почему и принялъ для перегноя, humus, названіе «чернозема» («Земледѣльческая Физика» г. Павлова стр. 336), забывъ, что слово «черноземъ» есть имя черноземной почвы, которую, сокращенно, русские люди называютъ *черноземомъ*.

Но это была бы еще не ошибка, а только неудачно-выбранное и сбивчивое названіе. Удивительнѣе же всего, что на той же страницѣ г. Павловъ говоритъ: «Почву, въ составъ которой однородное вещество, черноземомъ (т. е. перегноемъ) называемое, въ сравненіи съ другими находится въ наибольшемъ количествѣ, по примѣру глинистой, песчаной и известковой приличнѣе назвать *черноземною*». Такимъ образомъ, древнее наше слово *черноземъ*, которымъ называются всѣ почвы чернаго цвѣта, въ химической номенклатурѣ г. Павлова получило двойной смыслъ: имъ называетъ онъ перегной, humus, и черноземную почву! Легко постигнуть, какая во многихъ случаяхъ выходитъ изъ этого путаница для тѣхъ, которые доискиваются смысла въ «Земледѣльской Физикѣ», изучая теорію «землеудобренія» и «землевоздѣлыванія».

Но чѣмъ же заврнуть «Земледѣльская Физика», что въ черноземныхъ почвахъ всегда находится избытокъ *перегноя*, когда столѣтняя опытность ей докажетъ, что *выпаханная черноземная почва*, т. е. потерявшая большую часть—не *перегноя*, который, какъ уже доказано, послѣ полного своего броженія перестаетъ служить пищей растеніямъ,—но *органическихъ частей*, способныхъ къ броженію, останется черною, какъ прежде была, и тогда, какъ имъ была пресыщена; между-тѣмъ, послѣ совершившагося полного броженія, или, какъ говорятъ наши кабинетные агрономы, по истощеніи *перегноя*, само-по-себѣ разумѣется, одна должна была сдѣлаться *почвою*, что и доказываютъ урожаи? Слѣдовательно, такая почва можетъ быть гораздо-менѣе насыщена органическими частями, способными къ броженію, нежели известковая и даже песчаная, если первая нова, или та и другая сильно-удобренны.

Но этого мало; если Пензенскій Земледѣлецъ доказываетъ, что черноземная почва чисто *глинистая*, а чернѣе ея цвѣтъ, сильно поглощающій лучи солнечные (при нѣкоторыхъ условіяхъ температуры, это составляетъ главную причину необыкновеннаго ея плодородія, слѣдовательно, и неотъемлемаго достоинства, но только въ сѣверномъ и влажномъ климатѣ и для тѣхъ растеній, которымъ избытокъ кислотъ, находящихся въ этой почвѣ, не вреденъ), происходитъ не отъ *перегноя*, humus, названнаго г-мъ Павловымъ «*черноземочью*», но отъ смѣшенія глины съ другими минеральными частями, которыя ускользнули отъ его вниманія — къ чему послѣ того должно причислить, въ этомъ отношеніи, уроки «Земледѣльской Физики» какъ не къ лжеученію? Доказать же это очень легко.

Когда у насъ кирпичъ выходитъ безцвѣтенъ, то мы примѣшиваемъ къ глинѣ, изъ которой онъ дѣлается, черной нашей землѣ, взятой на 5 и 6 вершковъ отъ ея поверхности, чтобъ въ ней не было замѣтныхъ остатковъ растительности. Послѣ обжига кирпичъ тогда получаетъ яркій алый цвѣтъ.

Безъ познаній химическихъ, всякій кирпичникъ знаетъ, что насыщенная *перегноемъ*, или остатками растительности черная наша земля въ этомъ случаѣ все дѣло бы испортила и кирпичъ послѣ обжига непременно разсыпался бы. Отъ-чего же онъ не разсыпается

и краснѣть? — Во-первыхъ, потому-что черноземъ нашъ, безъ противорѣчя—чисто *глинистая почва*,—это всякому мыслящему хозяину извѣстно; тѣмъ болѣе, что другаго свойства въ этой почвѣ и быть нельзя. Второе — можетъ-быть, отъ образовавшагося въ ней желѣзнаго окисла? Желѣзный окисль, перейдя изъ металла, съ помощію воздуха и сырости, въ окись, т. е. соединившись съ кислородомъ (смотри Основаніе Рациональнаго Хозяйства Тэера, переводъ г. Маслова, т. 3. стр. 29), полагать надобно, и поверхностный слой нашей глинистой почвы окрасилъ въ черной цвѣтъ на такую глубину, до которой достигали вода и воздухъ. Въ этомъ Пензенскій Земледѣлецъ почти увѣренъ, основывая свое убѣжденіе на томъ, что темно-желтая глина, лежащая подъ нашимъ черноземомъ на поларшина, на аршинъ и болѣе глубины, не имѣетъ никакого видимаго и постигаемаго отдѣленія отъ черноземнаго пласта, на ней лежащаго. Если составныя части чернозема измѣнились, то развѣ въ томъ только, что поверхностный растительный слой его вмѣщаетъ въ себя болѣе или менѣе перегною, и весь вообще — двѣ различныя кислоты, происшедшія, полагать надобно, отъ вліяній атмосферныхъ; а глина, подъ нимъ лежащая, бывъ лишена этихъ кислотъ, является чѣмъ глубже, тѣмъ известковатѣе, до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наконецъ превращается въ совершенный мергель, вѣроятно кислотами въ верхнемъ слое почвѣ уничтоженный. Эта догадка опирается на фактъ всѣмъ опытнымъ и мыслящимъ хозяевамъ извѣстный, именно, что эта глина, бывъ подвергнута вліянію свѣта, сырости и воздуха, годъ-отъ-году чернѣетъ; подтвердить это можетъ и опытный помолокъ нашъ, г. Шварцъ, котораго Пензенскій Земледѣлецъ не имѣетъ чести знать (*).

Черноземная почва наша, при обработкѣ, представляетъ всѣ недостатки глинистаго своего свойства: въ составъ ея нѣтъ ни камней, ни хряща, но пахать ее всегда тяжело; а при большой засухѣ, убитая пасущимся скотомъ, она до того твердѣетъ, что для пашни надобно ждать дождя. Но если земля еще не успѣла такъ сильно и глубоко сохнуть и пашня возможна, то она до того бы-

(*) Чтобы узвать—утвердительно, почему чернѣетъ глина, выставленная подъ вліяніе атмосфернаго воздуха, взятая подъ нашимъ черноземомъ на нѣкоторой глубинѣ и пресыщенная обыкновенно известковатыми частями до того, что чистой известью, называемая у насъ *опокою*, таетъ въ ней видимыя жилами, или находится отдѣльными частицами,—полагаю, нужно будетъ опытному химику сперва разложить часть вынут.й известковой глины, и вмѣстѣ съ тѣмъ другую такого же свойства подвергнуть атмосферному вліянію; потомъ эту послѣднюю разлагать нѣсколько разъ, по мѣрѣ того, какъ она будетъ чернѣть въ продолженіи времени. На такой химической процессъ пужо будетъ нѣсколько лѣтъ. Тогда измѣняющіяся ея составныя части, можетъ-быть, укажутъ и причину ея измѣненія. Если, какъ предполагать можно, желѣзный окисль и кислоты чрезъ нѣсколько времени покажутся и уничтожатъ въ ней известковыя части, то эти показавшіяся кислоты, желѣзный окисль и черной цвѣтъ почвы, могутъ быть произведеніями атмосфернаго вліянія, въ чемъ труднѣе и сомнѣваться.

васть комьяста ; что вся пашня состоитъ изъ взвороченныхъ глыбъ, которыхъ ни каткомъ, ни бороною раздробить нельзя. Все это въ совокупности служить неоспоримымъ доказательствомъ, что черноземъ нашъ не только *глинистая почва*, но что онъ при послѣднемъ условіи мало пресыщенъ перегноемъ. Въ противномъ случаѣ, земля была бы рыхла и при засухѣ распадалась отъ пашни, что и случается, когда въ то же время обрабатываютъ земли новыя, богатыя перегноемъ, или сильно-удобренныя. Если бѣ черноземныя почвы были черны отъ «избытка находящагося въ нихъ перегноя», то весь черноземный пластъ долженъ бы имѣть эту богатую принадлежность. А этого-то и нѣтъ! Снимите съ черноземнаго пласта, въ аршинъ и болѣе толщины, поверхностный слой на 7 или на 8 вершковъ: подъ нимъ будетъ земля еще чернѣе, но весьма тощая. Она превратится въ нѣсколько лѣтъ, безъ искусственныхъ способовъ, въ тучную, когда насытится свѣтомъ, воздухомъ, влагою и, — что всего важнѣе, когда показавшаяся на ней растительность, сперва однородная и тощая, потомъ разнородная и годъ-отъ-году сильнѣйшая, будетъ на этой почвѣ расти и гнить, и такимъ образомъ своими остатками во время ихъ гніенія обогащать ее, т. е. дѣлать эту почву рыхлою и удобнѣе для приема свѣта, воздуха и влаги; при чемъ ростъ корней не будетъ встрѣчать такого сильного сопротивленія, какое онъ встрѣчаетъ въ почвѣ болѣе твердой, отъ-чего они могутъ скорѣе и удобнѣе распространяться и находить болѣе пищи, приготовленной атмосфернымъ влияніемъ. Следовательно, если бываетъ *избытокъ перегноя въ черноземной почвѣ, то въ земляхъ новыхъ, невыпаханныхъ и только въ поверхностномъ растительномъ слое, который никогда не бываетъ глубже 6 вершковъ.*

Наконецъ, чтобъ читатель могъ вполне постигнуть, до какой степени ложно предположеніе, будто черноземная почва бываетъ черна, какъ многіе полагаютъ, «отъ избытка находящагося въ ней перегноя», спрашиваю: какое количество перегноя нужно смѣшать съ какою бы то ни было не-черноземною почвою, чтобы она столь же была черна, какъ настоящая черноземная, и возможно ли посредствомъ этого смѣшенія дать не-черноземной почвѣ тотъ цвѣтъ, который имѣетъ черноземная? Отвѣтъ на эти простые и прямые вопросы незатруднителенъ, потому, во-первыхъ, что перегной, бывъ темно-бураго цвѣта, никогда, какъ бы часть его при смѣшеніи ни была велика, не даетъ этой смѣси того черно-снѣга, или лучше сказать, желѣзнаго цвѣта, которымъ отличается настоящая черноземная почва. Следовательно, она черна совершенно-независимо отъ перегноя. Выведемъ другое соображеніе. Не касаясь до разницы, существующей между бурымъ и черножелѣзнымъ цвѣтами, отличающими перегной отъ черноземныхъ почвъ, согласимся, что онъ черенъ отъ избытка перегноя. Въ такомъ случаѣ, для того, чтобъ окрасить обыкновенную глинистую, или песчаную почву въ черный цвѣтъ до той степени, въ какой эти почвы находятся, надобно примѣшать къ нимъ такое ужасное количество перегноя, что послѣ смѣшенія почва можетъ годиться только для посѣва коноплей, и конечно на ней

пшеницы, ржи, овса, ячменя, гречи, гороха, проса, льну ни одинъ мыслящій хозяинъ не посвѣтъ, потому-что такая почва до того будетъ легка и рыхла, что при засухѣ всякое колосовое растение засохнетъ, а при обыкновенной температурѣ повалится. Равнообразно, на такой почвѣ, особенно еще столь глубокой, какъ черноземная (пласть чернозема бываетъ въ аршинъ и болѣе толщины), ни какія деревья, ни кустарники роста немогли бы, потому-что корнямъ ихъ не было бы опоры. Въ этомъ случаѣ, для того, чтобъ такая почва была способна къ поствамъ и насажденіямъ, нужно было бы навозить на нее ужасное количество глины. Слѣдовательно, предполагаемаго «избытка перегноя» въ черноземной почвѣ не только нѣтъ, но и сохрани Богъ, чтобъ онъ былъ.

Всѣ европейскіе трудолюбивые агрономы, занимавшіеся своимъ предметомъ съ знаніемъ дѣла, также нигдѣ не нашли мнимаго избытка «перегноя» въ черноземныхъ почвахъ, и не приписывая ему чернаго, или темнаго ихъ цвѣта, рѣшительно говорятъ о пресыщеніи такихъ почвъ желѣзнымъ окисломъ, весьма вреднымъ для многихъ растений и деревьевъ.

Въ доказательство пусть читатель развернетъ «La Maison Rustique du XIX siècle» — откуда и г. Павловъ почерпалъ свои свѣдѣнія — и сравнить во 2-мъ томѣ «Курса Сельскаго Хозяйства» (§ 10, страница 29) раздѣленіе «почвъ по составу» (!?!), на двухъ съ половиной страничкахъ русской печати помѣщенное, съ II-ю главою I тома иностраннаго сочиненія: «Du sol, de ses propriétés et de la nature diverse des terres» (*) и въ 4 томѣ того же сочиненія, на стр. 333:

(*) Въ этой главѣ, на страницѣ 31, ясно говорится о составѣ, принадлежностяхъ и степени плодородія черноземныхъ почвъ, подъ названіемъ земель песчано-железисто-глинистыхъ «terres sablo-argilo-ferrugineuses».

Подобныя почвы часто встрѣчаются у насъ не только между жирными черноземными; но описанныя принадлежности этихъ земель такъ однородны вообще нашимъ черноземнымъ почвамъ, что я долгомъ почитаю вполне выписать все, что по этому предмету тутъ сказано: «Elles ont deux inconvenients de plus que les terres simplement sablonneuses. La couleur brunatre ou violatre qu'elles doivent à l'oxide de fer et qui les caracterise autant au moins que leur fâcheuse disposition à s'agglomérer en espèces de poudingues plus ou moins compactes, les rend d'un accès plus facile encore à l'excessive chaleur, et la surabondance de cet oxide s'oppose parfois complètement à toute végétation. Il est presque toujours préférable de les cultiver en bois que de toute autre manière... Les bouleaux y croissent bien et divers autres arbres peuvent, sinon y prospérer, du moins y végéter avec assez de force pour acquérir de la valeur.—A force d'engrais peu chauds, on peut aussi risquer sur de semblables terrains la culture du seigle, mais on doit s'attendre à la voir manquer complètement, pour peu que les pluies ne soient pas fréquentes pendant la belle saison» (Т. е. «Въ нихъ (земляхъ песчано-железисто-глинистыхъ) двумя недостатками болѣе нежели въ земляхъ собственно-песчаныхъ. Происходящій отъ желѣзвой окиси ихъ темноватый, или черносвѣій, violatre, цвѣтъ, который ихъ столько же отличаетъ отъ другихъ, какъ и невыгодное расположеніе ихъ превращается въ комья, болѣе или менѣе твердые, даетъ имъ еще болѣе возможности сильно нагрѣваться, и избытокъ этой желѣзвой

«De la classification des terres arables». Тогда неосмотрительность сочинителя «Курса Сельскаго Хозяйства» явно выкажется. Но она не могла иначе произойти, какъ отъ отсутствія положительныхъ свѣдѣній, а особенно необходимой опытности. При нихъ, наша глинистая черноземная почва не могла бы попасть въ особенный 4-й разрядъ, отдѣльно отъ глинистой, помѣщенной въ 1-мъ; не приписано бы ей было избытка перегноя, который можетъ въ ней съ излишествомъ находиться только въ поверхностномъ растительномъ слое; да и вмѣсто того, чтобъ дѣлить почвы на 4 «первобытные разряда» (глинистый, песчаный, известковатый и черноземный), какъ это раз-

окси иногда совершенно противодѣйствуетъ растительности. Почти-всегда выгоднѣе эти земли обращать подъ древесныя насажденія. На нихъ хорошо растутъ береза» (настоящая принадлежность нашего чернозема) «и многія другія деревья, если не роскошно по-крайней-мѣрѣ достаточно для того, чтобъ дать прибыль хозяину. Утучняя эти земли не очень-сильнымъ удобреніемъ, можно на нихъ сѣять рожь; но если въ-продолженіе лѣта не будетъ частыхъ дождей, то и она пропадаетъ».—Это и у насъ всегда случается, если лѣтняя температура очень суха, совсѣмъ тѣмъ, что наши долголежащіе сѣвѣ не лаютъ времени, даже въ сухое лѣто, черноземной почвѣ такъ долго сохнуть и иссушиться какъ въ полосахъ болѣе-южныхъ, для которыхъ это замѣчаніе самое. Въ нашемъ сѣверномъ климатѣ, при скоро-проходящемъ лѣтѣ и особенно, если температура не суха, чернѣйшій цвѣтъ почвы, сильно поглощая лучи солнечныя, дѣлаетъ почву горячѣе, и тѣмъ замѣняется недостатокъ теплоты въ температурѣ. Это главная причина, по которой черноземная почва, неудобренная искусственно, въ сѣверномъ нашемъ климатѣ даютъ обильные урожаи—но только въ тѣ годы, когда лѣто стоитъ довольно-дождливое и теплое. Въ этомъ случаѣ, если бы поверхностный слой этихъ почвъ имѣлъ и слабыя остатки перегноя, т. е. еслибы эти почвы были стары, выпаханны, то конечно можно во многихъ отношеніяхъ обходиться безъ удобренія, особенно тамъ, гдѣ почва и климатъ дозволяютъ сѣять гречу, и она вошла въ сѣвооборотъ непрерывнымъ поствомъ, потому-что она служитъ лучшимъ приуготовленіемъ для будущаго. Но если температура неблагоприятна и особенно если въ маѣ, юнѣ и юль стоять засуха и жары, то черноземныя почвы бесплоднѣе просто-глинистыхъ или глинисто-известковатыхъ, сѣрыхъ, красныхъ или желтоватыхъ—именно отъ своего чернаго цвѣта, сильно-поглощающаго лучи солнечныя.

Я не утверждаю, чтобъ «избытокъ желѣзной окиси иногда не допускалъ растительности», однакожь мы замѣтили, что чернѣйшій цвѣтъ почвы иногда мѣгимъ хлѣбамъ, травамъ и деревьямъ весьма-вредить. Вотъ тому изъ многихъ случаевъ одно доказательство. Одна часть моихъ полей (всѣ на черноземной почвѣ) разбита на 6 клиновъ. Въ сѣвооборотъ ихъ вошла тимоеееватрава въ слѣдующемъ порядкѣ: 1 годъ паръ и озимая рожь, 2-й рожь, 3-й овесъ съ тимоееевой-травой; 4, 5 и 6-й, покосы тимоееевой травы; въ томъ числѣ одинъ годъ выгонъ. Если она вскорѣ послѣ посѣва взойдетъ, а овесъ еще не укроетъ земли, в дни стоятъ ясныя и жаркія, тогда на тимоеееву-траву остается мало надежды: большая часть ея посохнетъ отъ палящихъ лучей солнца только потому, что чернѣйшій цвѣтъ почвы сильно поглощаетъ ихъ. Я знаю, что посѣвъ тимоееевой-травы съ рожью былъ бы вѣдливѣе; но не означилъ такого сѣвооборота по хозяйственнымъ расчетамъ, отъ которыхъ однакоже видно отказаться должно, равно какъ и отъ тимоееевой-травы, если будутъ продолжаться сухіе годы, или съ ранней весны будутъ начинаться жары, какъ въ прошломъ 1841 году.

дѣленіе сдѣлано въ «Земледѣльческой Физикѣ», число первобытныхъ почвъ, въ химическомъ смыслѣ, вѣроятно ограничилось бы только тремя разрядами: *глинистымъ* съ безчисленными своими смѣшеніями, *песчанымъ* и *каменистымъ*.

Въ практикѣ нельзя допустить и такой классификаціи. Тутъ всегда были и будутъ только два ряряда почвъ, одинъ отъ другаго хоть не всегда рѣзко, но по-крайней-мѣрѣ понятно отдѣленные: *пшеничные* и *ржаные*, которые въ свою очередь безчисленно измѣняются въ своихъ составахъ: отъ климата, отъ своей экспозиціи, или того возвышенія, на какомъ онѣ находятся въ-отношеніи къ поверхности моря; потомъ и отъ-того; сколько лѣтъ каждая почва была пахана, какъ глубоко, какими хлѣбами была засѣваема, и если была удобряема, то чѣмъ именно.

Иностранцы присоединяютъ къ этимъ двумъ рярядамъ почвъ третій, *terres à céréales de printemps*, т. е. тѣ почвы, на которыхъ можно воздѣлывать только яровые хлѣба. Но тутъ дѣйствуютъ не качества почвы, а постороннія вліянія на почву, на-прим. разливы рѣкъ, большая возвышенность, или, какъ у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, долго-лежащіе снѣга.

Для подкрѣпленія этихъ доказательствъ, Пензенскій Земледѣлецъ не ссылается на разложенія, много разъ имъ сдѣланныя, черноземной почвы, потому-что доступная для земледѣльца, въ этомъ отношеніи, химическая манипуляція весьма-далека до результатовъ точныхъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не основываетъ своего разсужденія на сравненіи вѣса перегной, глины и черноземной почвы (удѣльный вѣсъ для этихъ трехъ веществъ нельзя опредѣлить) въ различныхъ ея смѣшеніяхъ, потому-что мыслящему читателю и этихъ доказательствъ, кажется, слишкомъ-достаточно, для удостовѣренія въ томъ, что мнѣніе, будто черноземная почва черна «отъ избытка находящагося въ ней перегной»—сказка; а помѣщеніе этой почвы въ особенный 4-й рярядъ отъ глинистой, какъ это сдѣлано въ «Земледѣльческой Физикѣ» и «Курсѣ Сельскаго Хозяйства»—отсутствіе первоначальнаго познанія о свойствахъ и составахъ различныхъ почвъ.

Между-тѣмъ, прочитавъ и затвердивъ урокъ «Земледѣльческой Физики», неопытный хозяинъ и вправду подумаетъ, что черноземная его почва пресыщена перегноемъ. На этомъ основаніи, онъ будетъ распорядиться земледѣліемъ въ своемъ помѣстьѣ, котораго почва весьма легко можетъ быть до того изнурена, что слабые остатки органическихъ веществъ могутъ только въ годы чрезвычайно благоприятныя поправлять обыкновенное ея безплодіе.

Много примѣровъ можно было бы представить, сколько ошибочное книжное ученіе о предметахъ, которые до-сихъ-поръ еще остаются хоть эмпирически, но твердо понятны однимъ людямъ опытнымъ, вело и ведетъ за собою пагубныхъ послѣдствій; но укажемъ на слѣдствіе этого сбивчиваго названія.

За г. Павловымъ начали называть перегной «*черноземомъ*» не мы земледѣльцы - хозяева, которые близко съ нимъ знакомы, но многія другія почтенныя особы; между-тѣмъ, надобно было и черно-

земную почву называть черноземомъ. Изъ этого двоякаго смысла родилась какая-то «черноземная слизь», непонятное учение и во многихъ отношеніяхъ, съ одной стороны, совершенная безтолочь въ опредѣленіи принадлежностей того и другаго, съ другой страннѣе вопросы, на пр. къ чему хозяинъ опытный, но не слѣдившій сбивчиваго и ошибочнаго ученія «Земледѣльческой Физики», отнесеть вопросъ о «черноземной (!!!) слизи» (вмѣсто перегнойной, сдѣланной кѣмъ-то), какъ не къ лжеученію, потому-что тутъ выказывается, будто образующаяся при броженіи органическихъ тѣлъ, при переходѣ ихъ въ перегной, и служащая, какъ говорятъ намъ, «главною пищею растеніямъ», *слизь* имѣеть и можетъ имѣть свое начало отъ черноземной, или другой почвы, которая можетъ служить ей только вмѣстилищемъ? (На этотъ вопросъ г. Шварцъ отвѣчалъ какъ слѣдовало.)

Но къ-чему такое безотчетливое преувеличеніе, будто перегнойная слизь служить «главною пищею растеніямъ»? При опытѣ, поглощенная растеніемъ *слизь* еще не доказательство à priori. Кто не знаетъ, что растеніе можетъ роскошно расти при содѣйствіи температуры на промывномъ сыпучемъ песку? кто не знаетъ, что луковича пустить побѣги и будетъ расти и цвѣсти повышенная надъ стаканомъ воды? кто не читалъ, что дубъ росъ 7 лѣтъ въ одной чистой водѣ? кто не съѣлъ кресс-салата на войлокѣ? Но въ смыслѣ науки, есть доказательства спльнѣе и удовлетворительнѣе тому, что растеніе будетъ расти роскошно и безъ перегнойной слизи. По новѣйшимъ наблюденіямъ утверждаютъ, что перегнойною слизью питается растеніе можетъ только при 15° тепла по Реомюру. Начиная съ половины сентября до апрѣля, кажется, у насъ въ средней и сѣверной полосахъ очень-рѣдко удастся замѣтить тепленькій денекъ, въ который бы термометръ, на открытомъ мѣстѣ, поднялся до + 15°. Да если бы и нашлись такіе два-три дня, конечно вся сумма пятнадцати-градуснаго тепла не составитъ болѣе 24 часовъ. Межтѣмъ, въ сентябрь, ржаньяя озими на тучныхъ почвахъ растутъ и довольно-хорошо, когда температура не ниже +10°. Слѣдовательно, онѣ растутъ безъ посредства перегнойной слизи—въ чемъ и сомнѣваться нельзя, равно какъ и въ томъ, что растеніе можетъ расти въ той почвѣ, въ которой не можетъ быть сколько-нибудь значительной примѣси перегноя.

Недавно я вырвалъ овсяный кустъ, имѣвшій около 80 стеблей, выросшій отъ зерна случайно-упавшаго на валъ, насыпанный около гумна, сперва землю, потомъ глиной, выкопанною изъ канавы по ея протяженію. Этотъ кустъ я храню — не какъ удивительный образчикъ тому, какъ овесъ куститься можетъ (въ 1836 году я выслалъ въ Московское Общество Сельскаго Хозяйства овсяный кустъ, имѣвшій 112 стеблей), но какъ доказательство, что при благоприятныхъ условіяхъ температуры, земля, или эта глина, вѣроятно вовсе лишняя перегноя, можетъ роскошно возвращать растенія.

§10.

Перечень всего, что сказано было о теории сельского хозяйства. Сельскому хозяйству можно учиться как ремеслу, искусству и науке. Какъ понимаетъ это Домбаль.

Въ предыдущихъ §§ я старался доказать, что естественныя науки, которыя приложить можно было бы къ сельскому хозяйству, со съмъ желаніемъ и прилежаніемъ гг. агрономовъ, химиковъ, физиковъ и естественспытателей досель еще далеко вполне не приложены, почему оны сколько-нибудь аначительной пользы сельскому хозяйству еще нигдѣ не принесли, темъ болѣе, что теорія сельского хозяйства по своей необъятной сложности, и какъ наука весьма-недавно-явившаяся, следовательно еще мало обработанная, не можетъ быть наукою точною, какою быть должна; отъ-того сельское хозяйство вездѣ опиралось и опирается болѣе на наглядное ученіе, мысль и толкъ хлѣбопашцевъ; вездѣ совершенствовалось и совершенствуется ихъ сметливостію и опытностію, т. е. искусствомъ, независимо отъ книжнаго ученія—теоріи, которая, конечно, можетъ и должна принести пользу, но когда покажутъ у насъ: наставленія орманальныя, кратко, ясно и безошибочно приспособленныя къ дѣлу, мѣстности, расчетамъ и климату нашимъ, а неотвлеченныя, которыя были и долго еще будутъ удѣломъ не практики, а пріятною и ственною заботою кабинетнаго агронома, и особенно не сбивчивыя, ошибочныя и ложныя, влекушія за собою потери и убытки, малюлько наудачу выбранныя извлеченія изъ тѣхъ сочиненій, гдѣ иностранцы обсуживаютъ со всѣхъ сторонъ возможно-основательнымъ образомъ и въ которую часть предметовъ своего сельского хозяйства еоретически и практически. Иначе эта теорія сельского хозяйства, да ще столь высокоумѣнная какъ наша, или, скажу словами Домбалья (*) дно книжное ученіе, безъ зрѣлой опытности и безъ искусства, не бышая въ роитнаго успѣха, можетъ быть пагубно, — чѣмъ подлинно аша теорія и сбѣдалась. Но г. Павловъ думалъ не такъ. Онъ предпоагалъ, что «наука его готовить не теористовъ, не мечтателей, на противъ образуетъ свѣдущихъ управителей, способныхъ въ каждомъ анномъ случай (!!!) въ большомъ и маломъ хозяйствѣ дѣйствовать о разумнѣю дѣла, а не на слѣпую удачу» (смотри «Русскій Земледельецъ» 1830 года № 8-й, страница 174). Въ III части, я постараюсь предѣлать, сколько это заключеніе можетъ быть справедливо (**).

(*) Прошу читателя прочесть по этому предмету въ «La maison rustique a XIX. siècle» Т. 4, стр. 305, въ книгѣ 7-й, посвященной устройству и аспорядительной части сельского хозяйства «administration rurale» предисловіе, всю первую главу «De l'entrepreneur d'industrie agricole» и замѣтить 1-е глѣваніе этой главы «De l'instruction agricole».

(**) Тэеръ первый раздѣлялъ ученіе о сельскомъ хозяйствѣ на три рода, назвавъ, что можно учиться этой промышленности какъ ремеслу, искусству и науке, и полагая, что въ наукѣ состоитъ главная возможность приводить сельское хозяйство къ полезной дѣла (смотри. Раціональное Хозяйство Тэет. XXI.—Отд. IV.

Между-тѣмъ, книжное ученіе о сельскомъ хозяйствѣ, намъ Русскимъ, менѣе нежели кому нибудь принесло и можетъ принести пользу, какъ потому-что расчеты нашего сельскаго хозяйства не допускаютъ насъ до сложныхъ, следовательно дорогихъ приемовъ, такъ и отъ-того, какъ уже сказано, что нашимъ кабинетнымъ агрономамъ-писателямъ не известны наши климаты, различныя наши мѣстности, требующія различныхъ устройствъ для хозяйства и различныхъ, каждой мѣстности приличныхъ, расчетовъ. Следовательно, у насъ и для насъ теорія земледѣлія и земледобренія еще весьма-далека отъ-того, чтобы быть во всѣхъ отношеніяхъ безошибочною, точною и хозяйству нашему полезною. Оскотоводствѣ и распорядительной части говорить нечего. Въ этихъ отношеніяхъ найдутся у насъ дѣльные записки многихъ помѣщиковъ; но въ показавшихся у насъ учебныхъ книгахъ, весьма-мало отъищемъ дѣльнаго и полезнаго для русскаго сельскаго хозяйства; въ-слѣдствіе этого, по зрѣлому разсужденію и безъ всякаго пристрастія, большая часть нашихъ сельскихъ хозяевъ видятъ въ нихъ только сбивчивые и убыточные для насъ толки и принтеры, выдаваемые нашими учителями, увлеченными системою и чужими мыслями, за неизбѣжныя и благотворныя правила, потому-что эти учителя не обняли всѣхъ причинъ устройства нашихъ хозяйствъ, которыя, имѣя основаніемъ всегда-существующую между нашими южными, средними и сѣверными хозяйствами общую зависимость и вліяніе климата, оправдываются нашими расчетами и получаемыми выгодами тамъ, гдѣ онѣ отъ сельскаго хозяйства получаемы быть могутъ.

ра Ч. 1, § 6, 7, 8, 9, и 10-й). Знаменитый агрономъ тутъ немного умелся пламенными порывами въ пользу науки. Домбаль, его послѣдователь, явился гораздо-точнѣе и основательнѣе. Онъ говоритъ: «Le point fondamental dans l'instruction qui peut assurer la réussite d'un agriculteur ce sont les connaissances agricoles proprement dites, que l'on peut considérer sous trois points de vue: les connaissances du métier, celles de l'art et celles de la science (Т. е. Основное ученіе, необходимое для успѣховъ хозяйства, заключается въ познаніяхъ собственно-земледѣльческихъ, на которыя опирается сельское хозяйство. Эти познанія проявляются въ трехъ видахъ: какъ ремесло, искусство и наука»). Тутъ, подъ словомъ науки, Домбаль совсѣмъ не разумѣетъ высшаго разряда наукъ, которымъ онъ называетъ прикладными, accessoires, но ту способность, которая изучаетъ отношенія между причинами и слѣдствіями, которая силится разсматривать въ общемъ объемѣ слѣдствія наблюденій практики и извлекать изъ нихъ правила, которыя тогда только сдѣлаются искусствомъ, когда практика утвердитъ за ними это преимущество.

ЗАПИСКИ ПЕНЗЕНСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА О ТЕОРИИ И ПРАКТИКѢ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

ЧАСТЬ II.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Во многихъ періодическихъ нашихъ изданіяхъ, въ курсахъ сельскаго хозяйства и земледѣлія, гг. агрономы (какъ въ первой части ихъ «Записокъ» сказано) всегда намъ ставятъ въ образецъ устройство иностранныхъ хозяйствъ. Разсмотримъ, можетъ ли это устройство быть для насъ выгодно.

§ 1.

Устройство бельгійскаго хозяйства. Количество земли. Денежный капиталъ. Сѣвооборотъ. Произведеніе земли. Рабочій народъ и скоть.

Въ Бельгіи, фермеръ, нанявъ 15 гектаровъ земли (13 десятинъ и 1890 квадратныхъ сажень), изъ которыхъ 13 гектаровъ только пахатной, или 11 десятинъ и 2226 квад. сажень, которые, для круглаго счета, почислимъ полными 12-ю десятинами, долженъ имѣть не менше 8000 франковъ, или около 7200 рублей, на устройство маленькой своей фермы и хода своего хозяйства.

Чтобъ отчетность въ фермѣ была ясна и точна, эта сумма обыкновенно дѣлится на два особые капитала. Первый называется *шпенель*, или *ослдьмъ*. На него фермеръ строитъ нужное строеніе, покупаетъ скоть, орудія и сбрую; для этого ему нужно около 2970 рублей. Другой называется *подемжнмъ*, или *оборотнмъ*. Этотъ капиталъ израсходуется ежегодно на плату за наемъ подѣнныхъ, или годовыхъ работниковъ и работницъ, за аренду, или за наемъ земли, налоговъ и повинностей; на покупку удобренія, на поддержаніе въ исправности строенія, орудій, сбруи и на непредвидимые случаи. Онъ можетъ простираться до 4230 рублей. Следовательно, бельгійскій фермеръ тратитъ изъ подвижнаго капитала 352 рубля 30 копеекъ, да считая по 12% на *ослдьмъ*, 29 рублей 70 копеекъ,

всего круглымъ счетомъ 380 рублей ежегодно, на каждую нивъ воздѣлываемую десятину, въ 2400 сажень каждая.

Для того, чтобъ выручить это пожертвованіе, онъ разобьетъ, какъ у насъ говорится, свою землю на 5 полей. Но ближе было бы сказать, что бельгійскій фермеръ разобьетъ свой огородъ на 5 частей и учредить на нихъ слѣдующій сѣвооборотъ: 1-й участокъ засадитъ картофелемъ и снявъ его въ августъ, въ тотъ же годъ осенью засѣваетъ озимую рожью. Со 2-го участка снявъ рожь, послѣ нея, въ тотъ же годъ снимаетъ еще ржану. Съ 3-го снимаетъ весною посѣянный овесъ, въ которомъ остается вмѣстѣ съ нимъ посѣянный клеверъ. Съ 4-го скосивъ два раза клеверъ, засѣетъ его осенью озимую пшеницею. Съ 5-го снимаетъ сперва пшеницу, а потомъ морковь, въ то же лѣто. Посредствомъ такого сѣвооборота, Бельгіецъ, слѣдовательно, получаетъ ежегодно съ пяти его полей 6 урожаевъ колосовыхъ и корнеплодныхъ растений и два укоса клевера. Рабочій народъ въ такой фермѣ состоитъ изъ фермера съ женою, двухъ работниковъ, одного мальчика и двухъ работницъ, всего 7 человекъ. По нашему счету, это ровно три тягла, не полагая въ счетъ дѣтей и стариковъ, которые какъ въ Бельгій, такъ и у насъ, при этихъ трехъ тяглахъ должны числиться. Скотоводство обыкновенно состоитъ изъ 10 коровъ и двухъ добрыхъ вѣжальныхъ лошадей (*).

§ 2.

Вліяніе бельгійскаго климата на обработку и на способы удобренія земли, на посѣвы, домашнія и полевныя работы, и вліяніе нашего на эти же предметы. Наши денежныя капиталы. Пролетарія.

На обработку и удобреніе этихъ 12-ти десятинъ, бельгійскій фермеръ имѣетъ ежегодно не менѣе 5-ти мѣсяцевъ въ году болѣе нашего времени, потому-что жестокихъ морозовъ и глубокихъ снѣговъ въ Бельгій нѣтъ; слѣдовательно, въ-продолженіе нашей глубокой осени, зимы и начала весны, т. е. съ октября до половины апрѣля, онъ имѣетъ время пахать свою землю, перепахивать, удобривать, обрывать, загоразивать и обсаживать, не боясь, чтобъ его загороды, живыя и мертвыя, во время зимнее, занесло въ три-четыре аршина высоты сугробами снѣга, которые намъ весною должно было бы отрывать, иначе они не растають до 1-го мая; а насажденія его были уничтожены 30-градуснымъ морозомъ. Въ это же время онъ имѣетъ возможность дорываться до глины и мергеля, чтобъ то и другое, равно какъ и навозъ, наваживать на песчаный участокъ своей земли, и начинать весенніе посѣвы, не около 1-го мая, какъ у насъ, но въ мартъ; а осенніе, не въ концѣ іюля и непременно 1-го августа, но въ

(*) Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ «la Maison Rustique du XIX siècle» смотр. гл. 4, страницы 385 и 386.

сентябрь и октябрь; отъ-чего въ Бельгін, какъ и у насъ на югъ, время для удобренія, обработки и посѣвовъ гораздо-продолжительнѣе, нежели въ сѣверныхъ полосахъ. Въ-слѣдствіе этого, бельгійскій фермеръ подъ посѣвъ обрабатываетъ землю свою исподволь, соображаясь съ температурою и тѣмъ состояніемъ земли, въ которомъ бываетъ она отъ дождя, или засухи, имѣя возможность отложить обработку, или посѣвъ, не только на день, или на два, но на недѣлю, если земля слишкомъ-мокра, или очень-суха, и обращая въ такое время свою дѣятельность и силу свою на другія полевья же работы.

Насъ, сѣверныхъ хлѣбопашцевъ,— особенно тамъ, гдѣ земледѣліе уже *начинаетъ* развиваться въ огромномъ размѣрѣ, на-прим., въ Губерніяхъ Казанской, Симбирской, въ сѣверной части Саратовской, въ южныхъ: Пензенской и Тамбовской (далѣе къ западу, подъ одними широтами, народонаселеніе живетъ тѣснѣе, слѣдовательно и посѣвы ограниченнѣе)—температура почти всегда лишаетъ возможности ожидать лучшаго времени для обработки земли, посѣвовъ, и даже уборки хлѣба, — потому-что яровые посѣвы, исключая гречи, должны у насъ, въ средней и сѣверной полосахъ, быть посѣяны всѣ въ-продолженіи двухъ, или, много, трехъ недѣль: съ 20-го апрѣля по 7-е мая; а озимой непременно въ двѣ: съ 1-го по 15-е августа; къ этому еще,—всѣ они посѣваются, исключая овощей и гороха, въ-продолженіи трехъ недѣль: съ 15-го іюля по 7-е августа, уже во время озимаго сѣва. Потому-то во многихъ отношеніяхъ, касающихся до обработки земли, посѣвовъ и уборки хлѣбовъ, всѣ наши расчеты и наша теорія основаны на одномъ только: чтобъ не пропустить лишняго дня, лишняго часа, въ которые бы можно было не только засѣять и запахать побольше земли, *въ чемъ состоитъ главная наша выгода*, но и убрать кое-какъ поскорѣе урожай. Одинъ пропущенный день, какъ для яроваго, такъ и озимаго посѣвовъ, очень-часто производитъ неблагопріятное вліяніе на урожай и уборку.

Отъ этого же вліянія климата, въ лѣтнее время и особенно въ прекрасное осеннее, обыкновенно послѣ равноденствія бывающее, у Бельгійца остается также болѣе, нежели у насъ, времени на уборку хлѣбовъ и корнеплодныхъ растений, которыя одни за другими поспѣваютъ съ іюля до поздней осени,—на разныя постройки, особенно каменные,—равно какъ на содержаніе строеній, маленькаго огорода, садика и всей своей усадьбы, въ томъ опрятномъ видѣ, который прельщаетъ глаза путешественника, тѣмъ болѣе, что по ограниченному количеству земли вся она въ дѣль.

У насъ, въ средней и сѣверной полосахъ, только для воздѣлыванія и уборки такого же пространства, т. е. 12 десятинъ, обыкновенными нашими способами, нужно имѣть, вмѣсто двухъ, три лошади и лишнее орудіе: потому-что нашему земледѣльцу остается для полевыхъ работъ гораздо-меньше времени особенно тамъ, гдѣ хлѣбопашество, всегда вмѣстѣ съ скотоводствомъ, составляетъ хотя главную, но не единственную промышленность народонаселенія, т.

е. тамъ, гдѣ у народонаселенія, или въ нѣмѣнн, находится не бѣвое количество пахатныхъ земель (*).

Но если у насъ, въ средней и сѣверной полосахъ, удобривать и обрабатывать землю по способу Бельгійцевъ, то намъ слѣдовало бы ограничиваться такимъ же малымъ пространствомъ полей, имѣть такое же число рукъ, лошадей и орудій, и столько же времени для полевыхъ работъ въ-продолженіи года, сколько и въ Бельгій; или, при нашемъ климатѣ, чтобъ замѣнить недостатокъ времени увеличенною силою, надобно имѣть по-крайней-мѣрѣ вдвое болѣе работниковъ, бѣжалыхъ лошадей и орудій, потому-что снѣгъ и жестокіе морозы осенніе и вѣшніе, грязь и гололеда прекращаютъ у насъ въ средней и сѣверной полосахъ на 6 или на 7 мѣсяцевъ въ году полевья работы, равно какъ и тѣ, которыя требуютъ чистоты и опрятности около дома и на усадьбѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, сѣверный климатъ прекращаетъ у насъ каменные, кирпичныя и земляныя ра-

(*) Въ средней полосѣ, на-прим. въ Пензенской, Тамбовской, отчасти въ Саратовской или Симбирской Губерніяхъ, и тамъ, гдѣ почвы черноземныя мало или вовсе не удобряются,—гдѣ свѣются преимущественно рожь, овесъ и греча, потому-что они родятся тутъ лучше другихъ хлѣбовъ, подь словомъ: «не бѣвое количество земли», надобно разумѣть, если имѣть господское и въ немъ заведена господская полная запашка, господской пашни около двухъ экономическихъ десятинъ (каждая въ 3,200 квадратныхъ сажень) и по $2\frac{1}{2}$ крестьянской, на каждое тягло, въ каждомъ изъ трехъ полей. Всего во всѣхъ трехъ поляхъ господской и крестьянской пашни около $13\frac{1}{2}$ экономическихъ десятинъ на тягло, или во много болѣе 17 казенныхъ;—если же оно оброчное, или казенное, неменѣе $7\frac{1}{2}$ экономическихъ десятинъ на тягло, или во 10 казенныхъ. Однако, во многихъ другихъ мѣстахъ той же средней полосы, гдѣ народонаселеніе живетъ просторнѣе, и особенно гдѣ почвы известковатыя, т. е. тамъ, гдѣ главныя поствы опираются на яровую пшеницу и просо, на-прим., въ той же Саратовской или Симбирской Губерніяхъ, но на луговой сторонѣ Волги, надобно имѣть пахатныхъ земель по-крайней-мѣрѣ вдвое болѣе,— для того, чтобъ земледѣлецъ могъ послѣ трехъ, четырехъ урожаевъ обращать свою землю въ залежа, подь паству скота; чтобъ она чрезъ несколько лѣтъ опять собралась съ новыми силами и могла быть способною опять производить пшеницу и просо. Этимъ только простымъ способомъ, т. е. *многоземельемъ*, вообще у насъ, особенно въ южной полосѣ, земледѣлецъ избавляется труда удобривать свои пахатныя поля искусственнымъ удобреніемъ, которое, въ этихъ отношеніяхъ, всегда можно замѣнять многоземельемъ. Эта система земледѣлія у насъ, по-книжному, называется выгонною. Многоземелье даетъ всегда возможность въ южной и средней полосахъ Имперіи простыми, дешевыми приѣмами производить огромныя количества хлѣба и содержать значительное скотоводство, что, совокупно съ огромнымъ числомъ хлѣбопашцевъ, понижаетъ въ средней и сѣверной полосахъ на то и другое цѣны, до того, что хлѣбопашество и скотоводство перестаютъ быть прибыльною промышленностію въ сѣверной полосѣ, при обыкновенныхъ цѣнахъ на хлѣбъ: климатъ, и отъ-того почва земли, требуютъ тутъ непременно искусственнаго, дорогаго удобренія, которое не окупается низкими цѣнами на произведенія земледѣлія и скотоводства.

боты на 8 мѣсяцевъ, а деревянныя только на три мѣсяца. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему сельскіе жители на сѣверѣ всегда дѣлаютъ строения изъ дерева.

Но этого мало: вмѣсто шести урожаявъ и двухъ укосовъ, которые получить Бельгіецъ съ пяти своихъ участковъ земли, въ нашихъ средней и сѣверной полосахъ, по причинъ неотразимаго дѣйствія климата, мы можемъ снимать ежегодно только по 3 урожая и по одному укосу клевера. На отаву можемъ считать только въ южной полосѣ, и то въ рѣдкихъ мѣстахъ; потому-что эта полоса вообще безлѣсная, плоская и находится подъ вліяніемъ сухой температуры.

Именно: съ 1-го участка ничего; потому-что для посѣва озимой ржи, онъ долженъ быть весну и часть лѣта подъ паромъ, который въ средней и сѣверной полосахъ у насъ необходимъ для того, чтобъ въ краткіе промежутки времени между яровыми посѣвами, сѣнокосомъ, жнитвомъ ржи и ея посѣвомъ, можно было землю, приготовляемую къ озимому посѣву, очистить отъ сорныхъ травъ, хорошенько обработать и начать посѣвъ (въ средней и сѣверной полосахъ) непременно съ 1-го августа, если нельзя ранѣе. Въ Бельгійи сѣютъ рожь въ сентябрь и октябрь; слѣдовательно, тамъ найдется время на очищеніе и приготовленіе земли для озимыхъ посѣвовъ и послѣ того, какъ съ нея снимется картофель, посѣвающій какъ въ Бельгійи, такъ и у насъ, въ концѣ августа. Но у насъ онъ посѣвается послѣ посѣва ржи и даже озимой пшеницы, а въ Бельгійи, по-крайней-мѣрѣ, мѣсяцемъ прежде озимаго сѣва. Вотъ почему въ Бельгійи, и во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ озимый сѣвъ начинается въ послѣднихъ числахъ сентября, октябрь и ноябрь, можно обходиться безъ пароваго поля, т. е. взять съ него, прежде посѣва озимаго хлѣба, урожай; а у насъ въ сѣверномъ климатѣ нельзя. Со 2-го участка снимется рожь, послѣ которой въ то же лѣто никакое однолѣтнее растеніе—корнеплодное, или какое другое—сѣять у насъ тоже невозможно, потому-что оно не вызрѣетъ. Съ 3-го — овесъ, въ которомъ останется посѣянный клеверъ (полагая, что мѣстность дозволитъ посѣвъ клевера). Съ 4-го снимется одинъ укосъ клевера въ концѣ июня; послѣ чего надобно землю немедленно вспахать и дать ей хоть малое время погрѣть, для надежнаго посѣва, въ половинѣ августа, озимой пшеницы. Съ 5-го — пшеница, послѣ которой, такъ же какъ и послѣ ржи, ничего сѣять нельзя. Слѣдовательно, Бельгіецъ получаетъ съ одного и того же пространства земли, сверхъ того, что можетъ получать русскій земледѣлецъ, три лишніе урожая: картофеля, рѣпы и моркови, да лишній укосъ отавы клеверной.

Если русскій земледѣлецъ захочетъ получать то же количество произведеній, которое получаетъ Бельгіецъ, ему нужно будетъ увеличить пространство своей пахатной земли на $\frac{5}{6}$, и для обработки этого лишняго пространства, слѣдовательно, надобно будетъ увеличить количество удобренія, число орудій, рабочихъ людей и лошадей. По этому счету выходитъ: что еслибъ намъ, сѣвернымъ хлѣбопашцамъ, захотѣлось обрабатывать землю по-бельгійски и по-

лучать равныя количества произведеній, намъ нужно увеличить дѣйствующую силу болѣе нежели въ три раза противъ Бельгійца, и все успѣхъ будетъ ненадеженъ, если на этомъ, тщательно воздѣланномъ пространствѣ, будемъ мы сѣять корнеплодные и масляныя растенія, озимыя—овесъ и ячмень, и тѣ же травы для искусственныхъ луговъ, которыя въ Бельгій сѣются,—потому, съ одной стороны, что нашъ жестокой климатъ не допускаетъ въ средней и сѣверной полосахъ дѣлать нѣкоторую часть бельгійскихъ посѣвовъ, легко вымерзающихъ во время зимы, или безснѣжной осени; съ другой отъ-того, что корнеплодные растенія для насъ мало выгодны: сохранять ихъ большими количествами малымъ изживленіемъ, какъ это дѣлается въ Бельгій, намъ невозможно; кормить ими скотъ, зимою, затруднительно и невыгодно; а требованіе на нихъ можетъ быть только въ большихъ городахъ, которыя у насъ очень-рѣдки. Даже искусственныя луга клевера, или тимоеево-травы, рѣдко-гдѣ удаются, потому что эти посѣвы требуютъ влажнаго лѣта, или влажной, сильно-удобренной почвы и умѣреннаго климата, который, у насъ, подѣляемъ двухъ противоположностей, неизвѣстныхъ въ Бельгій и Англіи: сначала весны, по сходѣ снѣга и въ срединѣ лѣта, у насъ бываютъ частыя засухи и нестерпимые жары; въ концѣ же лѣта, около 20-го августа, ужь начинаются морозы, увеличивающіеся въ сентябрь до того, что земля во весь день иногда не оттаиваетъ. Потомъ, въ началѣ ноября морозы доходятъ до 15° — 20° , даже и тогда, когда земля не покрыта снѣгомъ; главная причина этому—сѣверо-восточное наше географическое мѣстное положеніе и длинныя осеннія ночи (*).

(*) О вліяніи нашей измѣчивой и не въ каждомъ году одинаковой температуры на растительность подробно говорено въ 1-й части этихъ «Записокъ», посвященной теоріи сельскаго хозяйства. Здѣсь повторяю, что вліяніе температуры на растительность тѣмъ благотворнѣе, чѣмъ переходъ ея отъ тепла къ холоду менѣе быстръ и разница между максимумомъ тепла и минимумомъ холода менѣе значительна. Эта разница не только между лѣтнею и зимнею температурами у насъ несравненно сильнѣе, нежели на западѣ въ Европѣ, но и переходъ ея отъ тепла къ холоду и наоборотъ, гораздо-быстрѣе, т. е. температура наша гораздо-измѣчивѣе, и потому менѣе благотворна для растительности. Вотъ среднія температуры Москвы и Эдинбурга, лежащихъ почти подъ одною широтою:

СРЕДНЯЯ ТЕМПЕРАТУРА:

	Гола.	Зимы.	Лѣта.	Разность.
Въ Москвѣ.	+3°	—9 $\frac{1}{2}$ °	+15°	24 $\frac{1}{2}$ °
— Эдинбургъ.	+7°	+2 $\frac{1}{2}$ °	+11 $\frac{1}{2}$ °	9°

(—значитъ холода, +тепла). Изъ этой метеорологической таблицы ясно, что въ Москвѣ средняя температура зимы 12° холоднѣе, а лѣто $3\frac{1}{2}^{\circ}$ теплѣе, нежели въ Эдинбургѣ. Отъ-того средняя разность между пониженіемъ и возвышеніемъ тепла и холода въ Москвѣ сильнѣе $15\frac{1}{2}^{\circ}$. Но если взять въ соображеніе максимумъ тепла и минимумъ холода, въ то время, какъ растительность въ полномъ ростѣ, т. е. главное отношеніе климата къ растительности, то разница будетъ ужасная, потому-что въ Московской Губерніи случаются экс-

Вѣшнія засухи вредятъ росту клевера; жары иссушаютъ безвременно его листья и тимоееву траву; а сильные морозы, начинающіеся, въ средней полосѣ, около 20-го августа, прекращаютъ почти всю растительность, особенно однолѣтнихъ растений. Потому, сверхъ продолжительной зимы, если снѣгъ сходитъ въ мартъ и апрѣль медленно, подсыжная вода часто губитъ озимые носѣвы, какъ это и случилось въ 1839 году.

Но тутъ еще не оканчиваются затрудненія и недочеты того земледѣльца, который захотѣлъ бы у насъ ввести бельгійское устройство хозяйства. Вся строенія: жилище хозяина, анбары для храненія хлѣба, хлѣвы, сараи и всѣ помѣщенія, у насъ—въ средней и сѣверной полосахъ, вообще строятся деревянные, согнивающіе и сопрывающіе, по милости нашей разрушительной температуры, обыкновенно чрезъ 20—30 лѣтъ; тогда-какъ въ Бельгій, съ малыми поправками, они стоятъ отъ 120 до 200 лѣтъ. Притомъ наши строенія дешевы только въ лѣсныхъ мѣстахъ; въ степныхъ же мѣстахъ, всякая отчетливая постройка обходится не дешевле бельгійской. Если бы замѣтили на это: почему не строятся изъ камня, или кирпича? Потому,—отвѣчаю,—что у насъ, говоря общественно, во-первыхъ, не найдется для такихъ построекъ двухъ главныхъ предметовъ—времени и денегъ; во-вторыхъ, на открытыхъ мѣстахъ у насъ, въ сѣверной и средней полосахъ, аршинная кирпичная, не только каменная, стѣна промерзаетъ; отъ-чего, во всю зиму, въ низкихъ жилыхъ кирпичныхъ строеніяхъ обыкновенно бываетъ нестерпимый угаръ и вообще сырость (*), а не жилья строенія, разъ

годово морозы въ апрѣль, маѣ, іюнѣ и иногда въ іюлѣ, и хоть рѣдко, но въ такой же степени жары; слѣдственно, разность между пониженіемъ и возвышеніемъ температуры доходитъ до 31°, тогда-какъ въ Эдинбургѣ ова, не будучи колеблема столь сильными и быстрыми пониженіемъ и возвышеніемъ, какъ у насъ, гораздо-постояннѣе; морозы тамъ въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ едва ли бывають; и сверхъ того, ова въ Эдинбургѣ гораздо-влажнѣе; а потому температура Эдинбурга благотворнѣе для растительности.

Лѣтняя температура въ Палермѣ максимумъ $+30^{\circ}$ minimum $+14\frac{1}{2}^{\circ}$, слѣдовательно, въ Палермѣ лѣтняя чувствительная разница $15\frac{1}{2}^{\circ}$, въ Пензѣ 35° и въ томъ числѣ морозы, бывающіе почти ежегодно.

(*) Многіе помѣщики, не щадя издержекъ, строили своимъ крестьянамъ изъ кирпича избы, не вѣря, чтобъ тщательно-возведенное строеніе могло промерзнуть. Но слѣдствія обнаружили ихъ невниманіе къ опытности. Въ Пензенской Губерніи можно кое-гдѣ встрѣтить такіе избы. За то зимою, въ сильныя холода, ежедневный угаръ—ихъ неотъемлемая принадлежность, и этотъ угаръ тѣмъ слышнѣе, что нечистота, неопрятность—спутницы въ жизни того крестьянина хлѣбопашца, который половину года живетъ въ одной избѣ со скотомъ своимъ.

Для жилищъ, строенія, по способу Герарда сдѣланныя, не имѣютъ сказанныхъ недостатковъ, но они требуютъ во всѣхъ отношеніяхъ отлично-прочнаго кирпича, который не вездѣ имѣть можно, и большой точности во всей работѣ; что съ нашими рабочими дѣло весьма-затруднительное; и сверхъ того, подобно всякому каменному зданію, оно не иначе должно строиться, какъ въ лѣтнее время года, которое у насъ обрѣчено на полевая работы.

промерзнуть, при внезапной оттепели покрываются льдомъ, или ивеить, отъ-того, что понизившаяся быстро температура не въ состояніи также быстро передать свою теплоту каменной стѣнѣ, которая остается и послѣ прекратившагося мороза еще на нѣкоторое время промерзнувшею. По этой причинѣ, хранить хлѣбъ въ каменные и кирпичныхъ магазинахъ невозможно, не сдѣлавъ деревянной обшивки по стѣнамъ. Эта же, впрочемъ, всѣмъ мыслящимъ хозяевамъ извѣстная причина, уничтожаетъ сцѣпленіе всякаго рода необожженныхъ кирпичей, отъ-чего глино-соломенные, или земле-соломенные, особенно жилья строенія, въ сѣверномъ климатѣ, такъ непрочны, а землелитныя, *испаровскія*, ни на что не годятся. Сверхъ-того, мы, сѣверные хлѣбопашцы, должны имѣть еще лишнее противъ Бельгійца строеніе для приготовленія нашего хлѣба на продажу, или потребленія, требующее большой заботы и не малаго издвигенія, — овины, для сушки зерна въ снопахъ: молотьба у насъ начинается осенью и оканчивается зимою; въ это время, намоченныхъ осенними дождями, или зимними снѣгами сноповъ чисто обмолотить, безъ исправнаго овина, невозможно. Въ Бельгій, какъ и у насъ на югѣ, вся молотьба сыромолотная, которую сѣверный климатъ рѣдко допускаетъ.

Изъ этого сравненія, кажется, понятно: что если оцѣнивать произведеніе временемъ, работою, или количествомъ его (*), оно намъ въ сѣверномъ климатѣ обходиться должно несравненно-дороже, нежели Бельгійцу, если мы будемъ удобривать и воздѣлывать землю одинаковыми съ нимъ приѣмами; это давнымъ-давно всѣмъ опытнымъ нашимъ хозяевамъ извѣстно, и единогласно подтверждается иностранными писателями. (Смотри русскій переводъ: «Практическаго и умозрительнаго земледѣлія, Синклера». Ч. 1, стр. 21 и 22. «Дѣйствіе климата на произведенія» и «Зависимость издержекъ на воздѣлываніе—отъ климата»). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ выше говорено, поспѣвы будутъ во многихъ отношеніяхъ неумѣстные и повлекутъ за собою невыгоды для хозяина и тяжкіе убытки.

Наконецъ, главная опора отчелливаго хозяйства — денежные капиталы. Спора, кажется, не можетъ быть въ томъ, что мы ими не богаты, потому-что они могутъ рождаться и возрастать отъ сельскаго хозяйства только *въ пропорціи цѣны на произведенія этого хозяйства*. Тамъ, гдѣ эти произведенія сбываются обыкновенно по такимъ низкимъ цѣнамъ, какъ у насъ, денежные капиталы бываютъ всегда очень-бѣдны, отъ-чего и круговращеніе денежное весьма-слабо. Сильные капиталы, употребляемые въ Западной Европѣ на улучшение сельскаго хозяйства, опираются на высокія цѣны, по коимъ хозяева продаютъ свои произведенія.

Сверхъ-того, при сложномъ и искусственномъ устройствѣ хозяйства, наши помѣщики встрѣтили бы важное неудобство въ томъ, что

(*) Оцѣнивать работу деньгами вездѣ можно; но эта оцѣнка будетъ мѣстная, слѣдовательно, чрезвычайно-разнообразная, почему и ответить читателю отъ заключеній общихъ, которыя въ этомъ случаѣ предлагаются.

мы не имѣемъ для отчетливыхъ полевыхъ работъ приученныхъ и надежныхъ работниковъ, которые тогда только явятся, когда въ нихъ будетъ общая, а не частная нужда; а это можетъ случиться тогда только, когда будутъ у насъ пролетаріи, особенный классъ рабочаго народа, какъ въ Западной Европѣ, неизмѣющій поземельной собственности и вообще домашней, ему принадлежащей осядлости.

§ 3.

Скотоводство въ Бельгійи у насъ. Улучшенная порода рогатаго скота. Почему для насъ она невыгодна.

Скотину въ Бельгійи кормятъ, во весь 12 мѣсяцевъ въ году, зеленымъ кормомъ съ малымъ прибавленіемъ сухаго; и это потому опять, что большихъ снѣговъ и жестокихъ морозовъ — нашей русской зимы, — тамъ не бываетъ. Слѣдовательно, не только нѣтъ никакого затрудненія кормить скотъ кореньями, но въ то время, какъ у насъ вся поля покрыты бѣлою снѣжною пеленою, или еще безъ снѣга стоять двадцати-градусные морозы, и скотъ по необходимости должно прокармливать сухимъ кормомъ, — тамъ искусственные луга и коренья, собраные съ нивъ, или оставленные на нивахъ на зиму (какъ это дѣлается въ Англіи), даютъ скоту обильный кормъ. Сверхъ-того, по ограниченному пространству земли, не имѣя возможности содержать скотину на паствъ, искусственные луга съ ранней весны до поздней осени даютъ возможность Бельгійцу кормить свой скотъ, большую часть времени въ году, въ конюшнѣ; отъ этого гораздо-болѣе собирается навоза. Между-тѣмъ, скотина ничего не топчетъ, не портитъ, да и самый пометъ ея всегда прибранъ и употребленъ въ дѣло. Въ этомъ-то послѣднемъ случаѣ, особенно западный хозяинъ опирается на искусственные луга, которыхъ назначеніе состоитъ не только въ томъ, чтобъ получать съ нихъ двойные обильные покосы, но скашивая малую часть ихъ ежедневно для корма содержимаго на стойлѣ скота, во время, гораздо-болѣе нежели у насъ продолжительное, доставлять ему обильное содержаніе на малыхъ пространствахъ сверхъ пастбища, которое можетъ продолжаться на нихъ во всю зиму. Этой-то огромной выгоды, съ одной стороны, мы лишены нашимъ климатомъ; съ другой, гдѣ у насъ скотоводство даетъ хозяину существенныя выгоды — тамъ вообще дешевая земля и многоземелье, во все продолженіе времени подножнаго корма, даютъ возможность содержать скотъ на этомъ дешевомъ пастбищѣ, безъ всякихъ искусственныхъ луговъ, и не запирая его на это время въ конюшни. Весьма-понятно, что такое безъискусственное, простое содержаніе обходится гораздо-дешевле иностраннаго искусственнаго, которое обошлось бы намъ до того дорого, что продажа скота ни въ какомъ отношеніи не могла бы окупить расходовъ; слѣдовательно, искусственные луга

не могут намъ доставить равномѣрныхъ выгодъ, и скоть, побельгійски содержимый, доставилъ бы хозяину одни убытки.

Наши теористы ставятъ намъ въ образецъ это иностранное содержание, равно какъ улучшенныя породы рогатаго скота, содержимаго въ Бельгiи, Голландiи, особенно въ Англии, и желаютъ, чтобъ въ нашихъ хозяйствахъ былъ заведенъ такой же скоть...

О содержанiи было говорено; теперь изслѣдуемъ, какiя обстоятельства содѣйствовали и содѣйствуютъ западнымъ хозяевамъ улучшать породу скота, и почему мы не можемъ слѣдовать изъ примѣрамъ при его воспитанiи.

Но прежде, нежели коснемся этого предмета, нужно имѣть общее понятiе о способахъ Россiи въ-отношенiи къ содержанiю скотоводства, и о ходѣ торговли скотомъ: эти два обстоятельства откроютъ намъ тѣ расчеты, на которые опираются наши хозяева во всѣхъ великороссiйскихъ губернiяхъ, и дадутъ точку опоры, для того, чтобъ опредѣлительно судить объ этомъ предметѣ.

На южныхъ нашихъ степяхъ: екатеринославскихъ, херсонскихъ, таврическихъ, астраханскихъ, отчасти саратовскихъ и оренбургскихъ, на Землѣ Донскихъ Казаковъ, въ Черноморiи и въ Кавказской Области, народонаселенiе, на правильномъ просторѣ, содержитъ свой многочисленный скоть совершенно-патрiархально, потому-что климатъ и обилiе въ дешевой землѣ даютъ возможность содержать его во всѣ времена года на подножномъ корму, или съ малыми на зиму запасами. Тутъ замѣтна Азiя во всѣхъ приѣмахъ и расчетахъ.

Въ губернiяхъ, съвернѣе лежащихъ, должно запасать на зиму сухаго корма для разнороднаго скота на 160, или на 240 дней. Слѣдовательно, въ южныхъ, содержанiе скота мало, или почти ничего не стоить; а въ съверныхъ, оно обходится тѣмъ дороже, чѣмъ мѣстность съвернѣе.

Южный скоть отъ Кубани, низовьевъ Волги и Яика, отъ подножiя Кавказа и съ береговъ Чернаго и Азовскаго Морей, съ саратовскихъ, оренбургскихъ, симбирскихъ, астраханскихъ, таврическихъ и донскихъ степей идетъ чрезъ всѣ великороссiйскiя губернiи въ Москву и Петербургъ на продажу, безъ пошлинь и какихъ-либо акцизовъ въ пользу съвернаго скотоводства, и продается на однихъ рынкахъ съ тѣмъ, который родится и выкармливается въ среднихъ и съверныхъ губернiяхъ. Слѣдовательно, цѣна этому южному скоту, всегда низкая, должна имѣть прямое и неотразимое влiянiе на тѣ цѣны, по которымъ сельскiе жители среднихъ и съверныхъ губернiй продаютъ свой скоть и по которымъ покупается тамъ мясо, сало и кожн. Вотъ отъ-чего на базарахъ Пензенской Губернiи довольно-часто продается говядина по 1 р. 50 копеекъ ассигнацiями за пудъ; а въ Москвѣ и Петербургѣ можетъ она продаваться по 6 рублей.

Въ Германiи, Франции, Англии, Фландрiи и Голландiи усовершенствована и поддерживается улучшенная порода домашняго скотъ, потому-что пудъ говядины продается тамъ отъ 16 до 24 рублей,

масло 40 рублей." Цѣны эти окупаютъ искусственное содержаніе и могутъ доставить прибыль разсчетливому хозяину. Но у насъ, при существующемъ ходѣ дѣлъ сельскаго хозяйства, и происходящихъ отъ-того цѣнъ на мясо, масло и кожи — какаѣ возможность безъ убытка, гдѣ бы то ни было въ Имперіи, содержать рогатый скотъ сколько-нибудь отчетливымъ, или искусственнымъ образомъ, и поддерживать улучшенную породу животныхъ, которая выведена и поддерживается единственно приличнымъ для улучшенной породы содержаніемъ и обильнымъ, слѣдовательно, всегда дорогимъ кормомъ (*)? Конечно, никакой. По этимъ-то причинамъ, скотоводство въ сѣверной полосѣ содержится, по необходимости, всегда на тощемъ, не заботливомъ содержаніи; а въ средней сколько-можно-ближе къ патриархальному порядку. Иначе, мы не могли бы выдержать совмѣстительства съ южными нашими хозяевами. На этихъ разчетахъ основалось у насъ скотоводство, судя по капиталу, на него употребленному, въ южныхъ мѣстахъ очень-выгодное, въ среднихъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ выгоднаго сбыта на сѣно и солому, неубыточное, дающее между-тѣмъ возможность не дорожить ужасною и неотразимою убылью въ нашемъ тощемъ и дешевомъ скотѣ, всегда бывающею въ годы неизобильные, или неблагопріятные по лѣтней, знойной температурѣ. Коротко сказать, эти совершенно-азиатскіе разчеты, нашими агрономами неизслѣдованные и Европѣ неизвѣстные, служатъ главною причиною тому, что опытные хозяева, видя въ предметъ получать съ хозяйствъ своихъ несомнѣнную выгоду, не позволяютъ себѣ увлекаться ошибочнымъ предположеніемъ—чтобъ содержаніе отличнаго и породистаго рогатаго скота могло доставлять увеличенную прибыль. Можно себѣ представить, какую въ этомъ случаѣ пользу хозяевамъ принесетъ страховое для скота общество, и можно ли въ настоящее время сочетать выгоды акціонеровъ такого общества съ выгодами помѣщичьими? При торговлѣ скотомъ—дѣло другое: гуртовщики, гонящие скотъ на продажу въ Москву и Петербургъ, вѣроятно воспользуются условіями общества, потому-что эти условія, обезпечивая ихъ отъ потерь, лягутъ на покупателямъ.

Но и эти, кажется, довольно-убѣдительныя причины, еще не полнены. Тутъ ничего не сказано о неотразимыхъ падежахъ и эпидемическихъ болѣзняхъ, посѣщающихъ наши стада и табуны, если не ежегодно, то ужъ неслучайно въ то время, когда лѣто стоитъ сухое и знойное. Въ Западной Европѣ только мериносы подвержены сильнымъ эпидемическимъ болѣзнямъ, и то потому-что изъ нынѣш-

(*) Различныя улучшенія породы рогатаго скота: свиней, лошадей и овецъ выведены не природою, а человѣкомъ посредствомъ корма, содержанія и совкупленія; природа же, безъ этихъ усилій человѣка, въ малое число поколѣній превратитъ въ нашемъ климатѣ, при скудномъ кормѣ, прекраснѣйшую породу въ хилую, малорослую, или уничтожитъ въ ней тѣ качества, которыя даны ей искусственною человѣкомъ.

нихъ меринисовъ, заводчики, гоняясь за тонкою волною, образовали вообще хилыхъ животныхъ, съ тонкою безъ мѣры кожею, способною носить тончайшую волну. У насъ есть разнаго рода оспа на овецъ, чума, сибирская язва, и другія острыя эпидемическія болѣзни рогатаго скота; моръ на куръ, индѣекъ (даже зайцевъ), разныя сложныя и острыя болѣзни на лошадей: все это случается, и можно сказать, непременно случится въ концѣ іюля и началѣ августа, если лѣто, какъ сказано, стоитъ жаркое и сухое. Для того, чтобъ увѣриться въ очевидности этой напасти, разсуждать много не нужно; стѣдуетъ только посмотреть на скотъ въ это время, или вскрыть трупъ послѣ смерти животнаго, павшаго отъ эпидеміи. Тотчасъ убѣдиться можно, что засухи и жары всему причиною, какъ собственно по причинѣ зноя, отъ котораго скотинѣ укрыться нѣкуда, такъ и отъ высушеннаго жарамъ корма, котораго желудокъ не перевариваетъ. Вотъ источникъ всѣхъ болѣзней скота, которыя еще поддерживаются прогономъ зараженнаго скота, идущаго на дальнія разстоянія, на ярмарки, базары и въ столицы. Отъ-того, когда покажется въ одномъ мѣстѣ болѣзнь, она немедленно разносится по многимъ путямъ торговымъ. Тутъ никакія полицейскія мѣры не въ состояніи остановить, или прекратить зло.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ іюль и августъ стоитъ время сухое и жаркое, немедленно появляется ужасное количество насѣкомыхъ разнаго рода. Изъ нихъ, въ средней полосѣ, опаснѣйшія и наносящія болѣе всѣхъ вреда, во-первыхъ, мошки, поядающія свекловицу (въ прошломъ, 1841 году, сколько мнѣ извѣстно, въ средней полосѣ вездѣ свекловица была поѣдена ими); потомъ, червь, пожирающій съ необыкновенною быстротою овесъ, другой—гречу, третій—капусту. Вмѣстѣ съ ними покажутся слѣпни, отъ которыхъ скотинѣ нѣкуда дѣваться; наконецъ, червь, поядающій озимь, котораго опустошенія не могутъ быть такъ сильны на западѣ Европы, потому-что сѣвъ озимый дѣлается тамъ гораздо-позднѣе нашего, когда черви подобнаго рода не вредятъ болѣе посѣвамъ. Въ южной полосѣ саранча и разнаго рода другія насѣкомыя, вредныя для посѣвовъ и фруктовыхъ деревьевъ,—и все это слѣдствіе обыкновенное: вездѣ лѣтомъ, при постоянной засухѣ и жарахъ, распложается множество насѣкомыхъ, тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ дни лѣтомъ долгіе и много земли не воздѣланной. Уничтожаютъ ихъ только дожди в холодное время. Но когда атмосфера не охлаждается ни дождями, ни суровымъ временемъ, наши домашнія животныя, безъ труда привыкшія выносить двадцати-пяти градусныя морозы, которые иногда превращаются въ тридцати-градусныя постоянныя жары, какіе у насъ бываютъ въ сухое лѣто, въ іюнь, іюль и августъ,—не выносятъ; да и какъ ихъ вынести, когда разница между максимумъ тепла и холода отъ 60° до 64°—ужасно! Между-тѣмъ, это факты неоспоримые. Такія жестокія принадлежности жаркаго лѣта, отражающіяся на посѣвахъ и скотоводствѣ, неизвѣстны ни въ Англіи, ни въ Бельгіи. Тамъ климатъ умѣренный; разница между холодною и жаркою тем-

температурами, какъ уже сказано, едвали выше 35°, отъ-чего климатъ способенъ и выгоднѣе для того и другаго.

Конечно, съ другой стороны, наши длинныя лѣтніе дни и слѣдствія ихъ: жаркая лѣтная температура — величайшее благо, данное Провидѣніемъ сѣвернымъ странамъ. Наши средняя и сѣверная полосы были бы едва обитаемы, еслибъ солнце шло по экватору, а не по эклиптикѣ; тѣмъ болѣе, что онъ удалены отъ средняго океана, не защищены отъ сѣверныхъ вѣтровъ, или мѣстами не мало возвышены отъ уровня моря.

Для повѣрки этихъ расчетовъ и соображеній, стобѣть только спросить: почему нынѣшче многіе помѣщики уничтожили свои прекрасныя заводы рогатаго скота? Можно сказать рѣшительно, что всякій заводъ такой иностранной улучшенной породы, которая бы давала болѣе нашей мяса, масла и сала, въ сѣверной и средней полосахъ не окупить издержекъ и не доставить прибыли хозяину. Такое скотоводство, какъ скаковыя лошади (*) и борзые собаки, могутъ нынѣ быть у насъ только принадлежностію роскоши. А въ южной поло-

(*) Въ примѣръ, тутъ поставлены скаковыя лошади только въ-отношеніи расчетовъ сельскаго хозяйства, которые не допускаютъ въ своихъ заведеніяхъ бесполезной роскоши и всехъ тонкостей скаковаго ремесла на скачкахъ и оцѣнѣ лошадей только по генеалогическимъ дипломамъ. Эти подсобныя средства, конечно, сильны. Но ни азартная игра скачекъ, ни генеалогическіе дипломы, ни даже убѣдительныя доказательства тѣхъ почтенныхъ особъ, которыхъ мы привыкли дорожить, не въ состояніи изъ «чисто-кровной» скаковой лошади сдѣлать лошадь, способную къ ѣздѣ, потому-что чистая скаковая лошадь должна быть сложена такъ, чтобы она могла скакать долговременно, съ нетяжелымъ всомъ, бывъ къ тому предарительно приготовлена. А это сложеніе, если разбирать его механически, должно быть противоположно красивому, покойному движенію и всѣмъ способностямъ, которыя требуются отъ *возовой*, *каретной* или *верховой* лошади—не исключая силы и нрава, судя по многотысячнмъ опытамъ и наглядному сравненію. Слѣдовательно, на скаковыхъ лошадяхъ не можетъ быть требованія постояннаго, вѣрнаго. Сбытъ такихъ лошадей—случайная прихоть богатаго человека; для него скаковыя лошади и скачки только невинная и весьма-занимательная забава, въ которой, къ тому еще, принимаетъ живое участіе публика. А потому, заводъ скаковыхъ лошадей, по моему мнѣнію, не можетъ входить въ статью сельскаго хозяйства, особенно «раціональнаго», о которомъ такъ много нынѣ начали заботиться, и которое должно производить только то, что даетъ постоянную и вѣрную выгоду и можетъ безъ затрудненій скоро сбываться на ближнихъ рынкахъ на чистыя деньги. Это послѣднее обстоятельство тоже дѣло необходимое для «раціональнаго» сельскаго хозяина; иначе, т. е. когда произведеніе какого-нибудь заведенія на ближнихъ рынкахъ сбываться не можетъ, то заведеніе уже не входить въ кругъ сельскаго хозяйства, а должно быть причислено къ фабричному, потому-что тогда владельцу нужно имѣть, сверхъ употребленнаго, еще запасный капиталъ и войти по кредитивнымъ денежнымъ счетамъ въ коммерціальный кругъ дѣйствія, который для помѣщика-дворянина затрудителенъ по многимъ отношеніямъ.

съ и подавно! Тамъ только мѣстная порода, привыкшая къ тамошнему климату, корму и содержанію, способна давать доходъ хозяину.

Эти хозяйскіе расчеты относятся не только къ рогатому скоту, но во многихъ мѣстностяхъ заводы лошадей входятъ въ ту же категорію, особенно если хозяинъ не пріобцаетъ къ опытности и дѣятельности своей цыганства, шарлатанства и барышничества. То же можно сказать объ огромной породѣ свиней. Даже мериносы, бывшіе до 1841 года самою выгодною отраслю скотоводства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ средней полосы и почти-повсемѣстно въ южной, никогда не общались и не общаются выгоды, если хозяинъ будетъ рассчитывать на *тончайшую волну*. Коротко сказать, что тамъ у насъ, гдѣ можно продавать на мѣсть сѣно отъ 40 до 50 копеекъ за пудъ, а солому отъ 20 до 30 копеекъ, нѣтъ никакой надежды получить прибыль отъ скотоводства, какого бы оно рода ни было. Конечно, необходимость заставить и въ этихъ мѣстностяхъ содержать нужное для хозяйства; но за то, исключая вѣжалыхъ лошадей, и содержится оно очень-часто на такомъ корму, который, во время зимы, только спасаетъ его отъ голодной-смерти, и то не всегда.

Изъ множества примѣровъ, которые доказали бы всю справедливость этого заключенія, обратимъ вниманіе читателя на одинъ, доказывающій вмѣстѣ съ тѣмъ и сметливость нашихъ крестьянъ. Въ Тверской и Ярославской Губерніяхъ, какъ и вездѣ, крестьяне обязаны держать лошадей для воздвльванія земли, для своихъ надобностей и, главное, для извозовъ. Тутъ, во многихъ мѣстахъ, они содержатъ для этихъ нуждъ великорослыхъ красивыхъ кобылъ и общественныхъ жеребцовъ, довольно-дорогихъ—единственно для того, чтобъ продавать жеребцовъ сосунками, и брать за нихъ не низкія цѣны. Осенью на ярмаркахъ, въ городахъ и по базарамъ, особенно въ Ростовѣ, Кашинѣ и многихъ другихъ мѣстахъ, можно покупать ихъ сотнями, отъ 10 до 20 рублей за жеребенка. Но почему крестьянинъ отдаетъ жеребенка, который чрезъ полтора года будетъ стоить 150 рублей, за такую низкую цѣну? Потому-что кормъ, въ продолженіе года, дороже ему прійдется, нежели чего будетъ стоить полуторо-годовалый его жеребенокъ.

Между-тѣмъ, въ нашихъ учебныхъ книгахъ для сельскаго хозяйства толкуютъ намъ, иностраннымъ толкомъ, о разведеніи улучшенныхъ породъ домашняго скота, отъ котораго выгоды и убытки, въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, мы давно разочли; учатъ насъ, какъ его кормить, поить и содержать, что мы давно уже знаемъ; одно забыли: какъ безъ убытка его продавать! Это, впрочемъ, такъ и быть должно, когда ученіе объ этомъ предметѣ не что иное, какъ сколокъ съ иностранныхъ изданій, да еще сколокъ весьма-оприметчивый, потому-что иностранцы, извѣщая свое ученіе, вездѣ опираются на свои обычаи, климатъ и, что всего важнѣе, на свои законы, цѣны и расчеты. Все это въ нашихъ учебныхъ книгахъ упущено изъ виду, равно и то, что эти расчеты установили у иностранцевъ, на произведенія сельскаго хозяйства, цѣны сообразныя труду и рас-

ходамъ; между-тѣмъ, какъ законоположеніе, на малыхъ, по сравненію съ обширностью нашей земли пространствахъ, охраняетъ трудъ отъ потерь, которыя могли бы произойти отъ привоза тѣхъ же продуктовъ изъ чуждыхъ странъ, гдѣ ихъ производить до того дешево, что не смотря на дальній привозъ, они сходивъ могли бы продаваться, нежели туземные; такая продажа дѣлалась бы въ ущербъ мѣстнымъ хозяевамъ, приспособившимъ свои хозяйства къ требованіямъ тѣсно-живущаго народонаселенія, и разсчитшимъ свои выгоды на основаніи такого же охранительнаго законоположенія, которое блюдетъ у насъ юную фабрикацію многихъ предметовъ отъ чуждаго намъ дѣятельнаго, болѣе-совершеннаго и опытнаго совѣстничества, имѣющаго возможность почти всѣ предметы этой нашей фабрикаціи, выходящіе изъ самаго низкаго разряда, настоящіе и будущіе, производить и дешевле, и лучше, и прочіе.

Что сдѣлалось бы съ фермерами и хозяевами — помѣщиками Англии, Франціи, Германіи, Бельгіи и Голландіи, еслибъ наши хлѣбъ, скоть, масло, сало и хлѣбное вино ввозились беспошлинно въ эти государства? Производя свои работы наймомъ, слѣдовательно, имѣя возможность оцѣнивать точно и для всѣхъ однообразными способами во что имъ обходятся (*) произведенія сельскаго хозяйства, они должны бы, въ этомъ случаѣ, уничтожить хлѣбопашество, скотоводство и винокурение, или терпѣть отъ своихъ заведеній ужасные убытки, потому-что наши произведенія съ провозомъ могли бы тамъ продаваться гораздо-ниже тѣхъ цѣнъ, по коимъ ихъ произведенія обходятся производителямъ. Или, снимите у насъ пошлину съ иностранныхъ суконныхъ, шолковыхъ и бумажныхъ издѣлій, — что тогда станется съ нашими фабриками? Останутся изъ нихъ только тѣ, которыя производятъ самый плохой, дешевый товаръ; прочія же прекратятъ свои дѣйствія прежде, нежели иностранный товаръ покажется на рынкахъ нашихъ.

Эти примѣры равносильны тому вліянію, которое имѣетъ *скотоводство южное* на скотоводство всѣхъ *сѣверныхъ* и *среднихъ* великороссійскихъ губерній; а *хлѣбопашество среднихъ* на хлѣбопа-

(*) Хоть и мы можемъ оцѣнивать свои сельскія произведенія точно; но способъ оцѣнки у насъ столько же, сколько имѣній, имѣющихъ различное количество земли по числу рукъ, сколько различныхъ цѣнъ на земли, различныхъ качествъ земель, различныхъ мѣстностей, способствующихъ, или неспособствующихъ сбыту, и различныхъ отношеній помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ. Можно къ этому присовокупить, что даже досужество и проворство крестьянъ не одинаковы. Вотъ примѣръ послѣднему. У меня (въ Пензенскомъ Уѣздѣ), какъ и во всемъ околodge, два человека свободно въ день скашиваютъ 3.600 квадратныхъ сажень ржи (разумется, когда рожь косить можно), столько же гречи и трое степныхъ луговъ. Взявъ работниковъ изъ Городищенскаго или Краснослободскаго Уѣздовъ, той же губерніи, надобно урокъ уменьшить одною третью. Подмосковный житель въ полевыхъ работахъ не сработаетъ, въ равное число времени, половины того, что сдѣлаетъ нашъ крестьянинъ.

шество *сѣверныхъ*, и *южныхъ* на *средня*, не смотря на ужасныя разстоянія и тяжелыя сообщенія. И если то и другое въ среднихъ и сѣверныхъ губерніяхъ этимъ ужаснымъ совмѣстничествомъ не уничтожены до корня, это потому только, что сметливость и опытность нашихъ помѣщиковъ и земледѣльцевъ приспособили искусно и неубыточно хозяйства къ такому ходу дѣлъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ту теорію сельскаго хозяйства, о которой у насъ много пишутъ и говорятъ, и не выучились у покойнаго г-на Павлова братією «новому хозяйству».

КРИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ АПОЛЛОНА МАЙКОВА. Санктпетербургъ.
1841.

Даровита земля русская: почва ея не оскудѣваетъ талантами... Лишь только ожесточенное тяжкими утратами, или оскорбленное несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывомъ отчаянія, — какъ вдругъ новое явленіе привлекаетъ къ себѣ ваше вниманіе, возбуждаетъ въ васъ робкую и трепетную надежду... Замѣнить ли оно то, утрата чего была для васъ утратою какъ-будто части вашего бытія, вашего сердца, вашего счастья: это другой вопросъ, — и только будущее можетъ рѣшить его: настоящее можетъ лишь гадать о томъ на основаніи уже даннаго факта. И такой именно фактъ даетъ вамъ издѣшко-дѣпечатанная книга, заглавіе которой стоитъ въ началѣ этой статьи. Отстраняя всѣ гаданія, которыя могутъ быть произвольны, или односторонни, и представляя временно рѣшеніе вопроса о степени поэтической таланта г. Майкова, — мы скажемъ пока только, что многія изъ его стихотвореній обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и *ничто* обѣщающее въ будущемъ. Говоря такъ, мы думаемъ, что много сказали въ пользу молодого поэта: можно быть челове-

комъ съ дарованіемъ и не обѣщать развитія; только сильныя дарованія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія... Явленіе подобнаго таланта особенно отрадно теперь, въ эту печальную эпоху литературы, осиротѣлой и покрытой трауромъ, — теперь, когда лишь изрѣдка слышится свѣжій голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе звучный отголосокъ внутренней думы; теперь, когда въ опустѣвшемъ храмѣ искусства, вмѣсто важныхъ и торжественныхъ жертвоприношеній жрецовъ, видны однѣ гримасы штукмейстеровъ, потѣшающихъ тупую чернь; вмѣсто гимновъ и молитвъ, слышны или непристойные вопли самолюбивой посредственности, или неприличныя клятвы торгашей и спекулянтовъ...

Наша литература, не смотря на свою молодость и незрѣлость, уже свершила нѣсколько фазовъ развитія, уже дала не одинъ фактъ для опытности ума мыслящаго и наблюдательнаго. Изъ числа ея великихъ дѣйствователей, нѣтъ почти ни одного, свободно и до конца развившаго свои творческія силы... Но сколько было у насъ талантовъ, такъ много

общавшихъ, и такъ мало выполнившихъ, такъ великими казавшихся еще недавно, и такъ незначительныхъ теперь!... И все то благо, все добро! Благодаря этому обстоятельству, теперь только развѣ низшіе слои публики, полуграмотная чернь, можетъ принимать за поэзію дикія, взъисканныя и вычурныя фразы, и приходитъ въ неистовый восторгъ отъ тривіальнаго сравненія голубыхъ глазъ съ небомъ, а черныхъ — съ адомъ... Точно также, теперь только развѣ не образованная, не воспитанная посредственность рѣшится «призывать вдохновеніе на *высь чела*, вѣчнаго звѣздой»; выдумать «грудь, которая высоко взметалась безпредметною любовью», или отпустить другія подобныя стихотворныя вычуря. А прежде—и еще очень недавно, все это могло и даже должно было нравиться всѣмъ, заисключеніемъ только немногихъ избранныхъ поклонниковъ искусства. Честь и слава гг. Марлинскому, Языкову, Хомлякову, Шевыреву и Бенедиктову! Они навсегда обратили русскую литературу къ благородной простотѣ, и навсегда избавили нашу публику отъ наклонности къ изъисканной дичи въ мысляхъ и выраженіяхъ!.. Ихъ образъ дѣйствованія и усилія, для этой цѣли, были совершенно-обратные и отрицательные; но за то результаты вышли теперь и прямые и положительные. Въ этомъ случаѣ, намъ мало нужды даже до намѣреній и мотивовъ: результатъ все выкупаетъ, хотя бы онъ былъ и совершенно неожиданнымъ для самихъ дѣйствователей!... Здѣсь нельзя не упомянуть съ благодарностію имени г. Полеваго, который стремился къ той же цѣли, и притомъ еще двумя совершенно-различными путями: *безсознательно* — философско-историческими статьями, критиками и повѣстями; и *сознательно*—превосходными пародіями на стихи въ которыхъ дикихъ поэтовъ, которые помышлялъ онъ въ своемъ «Новомъ Живописцѣ Общества и Литературы» — этомъ лучшимъ произведеніи всей его литературной дѣятельности!... Да, заслуги этихъ людей,

вольныя и невольныя, сознательныя и безсознательныя, поставили, такъ сказать, на ноги нашу юную литературу и нашъ младенчествующій вкусъ. Это произвело важныя и благодѣтельныя слѣдствія. Маленькое дарованіе теперь не попадетъ въ геніи. Посредственность и бездарность можетъ теперь сколько ей угодно пѣть стихами и скрипеть прозою, не подвергаясь опасности быть замѣненною со стороны публики: она теперь обращаетъ на себя вниманіе только журналовъ, и только въ тѣхъ, которые сродни ей, встрѣчаетъ себя похвалы. Чѣмъ труднѣе теперь обратить на себя общее вниманіе, тѣмъ легче истинному таланту быть тотчасъ же замѣченнымъ. Въ прозѣ, еще до-сихъ-поръ и маленькое дарованіе можетъ быть замѣчено; но стихами, которые не то, чтобъ худы, да и не то, чтобъ очень хороши, ужъ невозможно пріобрѣсти ни малѣйшей извѣстности. Время рифмованныхъ побрякушекъ прошло невозвратно; оцущеница и чувствованица ставятся ни во что: на мѣсто того и другаго требуются глубокия чувства и идеи, выраженныя въ художественной формѣ, съ рифмами, или безъ рифмъ—все равно. Для успѣха въ поэзіи, теперь мало одного таланта: нужно еще и развитіе въ духъ времени. Поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ: онъ уже гражданинъ царства современной ему дѣйствительности; все прошедшее должно жить въ немъ. Общество хочетъ въ немъ видѣть уже не потѣшника, но представителя своей духовной, идеальной жизни; оркестра, дающаго отвѣты на самые мудреные вопросы; врача, въ самомъ-себѣ, прежде другихъ, открывающаго общія боли и скорби, и поэтическимъ воспроизведеніемъ испляющаго ихъ...

Если такой взглядъ на важность поэзіи и высокое значеніе поэта не помѣшалъ намъ посвятить цѣлую критическую статью разбору первыхъ опытовъ г. Майкова, — значить, мы много видимъ въ дарованіи новаго поэта. Но это обстоятельство и требуетъ отъ насъ возможно-критической

строгости, которую молодой поэтъ долженъ принять только за доказательство нашего уваженія къ его таланту.

Стихотворенія г. Майкова хоть и расположены безъ всякой системы, безъ всякаго раздѣленія, тѣмъ не менѣе они сами-собою раздѣляются, въ глазахъ читателя, на два разряда, немнѣющие между собою ничего общаго, кромѣ развѣ хорошаго стиха, почти безвѣ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы молодого поэта. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это перлъ поэзій г. Майкова, торжество таланта его. Поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе. Второй разрядъ составляютъ стихотворенія, въ которыхъ авторъ думаетъ быть современнымъ поэтомъ, и которыхъ лучшая сторона — хорошій стихъ. Но объ этихъ послѣ; сперва поговоримъ о стихотвореніяхъ перваго разряда.

Читателямъ «Отеч. Записокъ» должно быть извѣстно наше понятіе о сущности и важности такъ-называемой антологической поэзій, и потому мы, не желая повторять себя, будемъ говорить только о поэзій г. Майкова; тѣхъ же изъ читателей, которые не знаютъ нашего понятія объ антологической поэзій, попросимъ заглянуть въ статью о «Римскихъ Элегіяхъ Гёте» (*). Теорія антологической поэзій имѣетъ такое близкое отношеніе къ вѣкоторымъ изъ стихотвореній г. Майкова, что мы, въ помннутой статьѣ, выписали, какъ превосходнѣйшій образецъ въ антологическомъ родѣ, его лирично-поэтическую, роскошно-художественную пьесу «Сонъ», не зная, кому она принадлежитъ, и написалъ ли авторъ ея еще что-нибудь. Эта пьеса была напечатана первоначально въ «Отечественномъ Альманахѣ» на 1840 годъ, — а мы, при разборѣ этого «Альманаха», еще задолго до статьи о «Римскихъ Элегіяхъ», выписали въ нашемъ журналѣ, это стихотвореніе, скромно под-

(*) «Отеч. Записки» 1841. Т. XVII, отглавленіе «Критики», стр. 23.

писанное буквою М. (*). И — смотрите и судите сами — удивительно ли, что это стихотвореніе, безъ подписи знаменитаго, или, по-крайней-мѣрѣ, знакомаго имени, поразило насъ до того, что мы перенесли его на страницы своего журнала при громкой похвалѣ, и потомъ, съ неослабѣвшимъ энтузіазмомъ, припомнили его черезъ четырнадцать мѣсяцевъ:

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами

На швы желтыя, покрытыя скірдами,
На синіе лѣса, на влажный знакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣтъ столпъ паровъ,

И въ рядкомъ тростникѣ, медлительно качаясь

Своимъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь,

Иду я подъ родной, соломенный своей кровей,

Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ,
И тамъ, съ улыбкой на устахъ своихъ прѣвѣтвыхъ,

Въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,

И съ грудью бѣлою подъ черной кисеей,
Богиня мирная, являясь предо мной,

Слѣньемъ палевымъ главу мнѣ обливаешь
И очи тихою рукою закрываешь,

И, кудри подобравъ, главою склоняясь ко мнѣ,

Лобзаешь мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

(Стр. 9).

Это именно одно изъ тѣхъ произведеній искусства, которыхъ кроткая, цѣломудренная, замкнутая въ самой-себѣ красота совершенно-нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко-блестательна для посвященныхъ въ таинства излщнаго творчества. Какая мягкая, нѣжная кисть, какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искушенную въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе, и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія вполне достаточно, чтобъ призвать въ авторъ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности, дарованіе. У самого Пушки-

(*) «От. Зап.» 1840, т. IX, отд. «Вибл. Хропика» стр. 14.

за это стихотворение было бы изъ лучших его антологических пьесъ. Въ немъ, искусство является истиннымъ искусствомъ, гдѣ пластическая форма прозрачно дышитъ живою идеею.

Чтобъ определить значеніе и достоинство антологической поэзіи г. Майкова, мы должны указать на ея мотивы, найти въ ней художническое profession de foi автора. Въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ, мы находимъ все это, ясно и арко выраженное.

Сомнѣвіе.

Пусть говорятъ—поэзія мечта,
Горьки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымысль—красота;
Пусть вѣтъ для мореходцевъ дальнихъ
Сирень опасныхъ, вѣтъ дріздъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кри-
стальныхъ

Золотовласыхъ вѣтъ паядъ;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ,
И на ночь Геліосъ не сходить
Къ Фетидѣ въ пурпурный чертогъ:
Пусть такъ! во въ полдень листвеѣ
шопотъ

Такъ половъ тайны; шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ; моря ропотъ
Глубокомысленъ; солнце дня
Съ такой любовію приесть
Пучина моря; лунный ликъ
Такъ сокровенъ,—что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;
И ты неволью симъ леленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этии мнѣмъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты! (Стр. 120).

Остановимся на этомъ стихотвореніи, и взглянемъ на него прежде, чѣмъ перейдемъ къ другимъ. По содержанию—это превосходная пьеса; но форма не вездѣ соответствуетъ своему содержанию, и изъ-за поэтическаго, полного жизни и опредѣленности языка мѣстами слышится несвязный лепетъ неповинующейя слову мысли... Стихъ: «Что міръ ея есть міръ пустой и ложный», прозаиченъ; «и блѣдный вымысль—красота»: неопредѣленъ и блѣденъ; выраженіе о Зевсѣ,

«низводящемъ изъ длани потокъ разящей молніи» неутѣрно и въ-отношеніи къ языку, и въ-отношеніи къ поэзіи; «Лунный ликъ такъ сокровенъ» ничего не говоритъ ни уму, ни фантазіи читателя, по причинѣ неточности эпитета; «И ты неволью симъ леленьямъ даруешь жизни красоты»—выражено слабо и неопредѣленно. Последніе два стиха въ пьесѣ прекрасны; во невольны удовлетворительны по мысли: въ нихъ слишкомъ-много сдѣлано уступки, вмѣсто которой читатель самою пьесою настроенъ ожидать, что поэтъ определитъ и объяснитъ, почему неопредѣленные явленія природы производятъ на него впечатлѣнія живыхъ индивидуальныхъ существъ, и въ аркомъ образѣ, замыкающемъ стихотвореніе, примиритъ чисто-поэтическое созерцаніе древнихъ съ нашимъ, на опытѣ науку основаннымъ, и все-таки поэтическимъ созерцаніемъ природы. Но тогда бы эта пьеска была превосходнымъ произведеніемъ искусства: такъ много въ ней взмаху и отважно намѣренія, такъ много высказано стихами, которые мы оставили безъ замечаній. Но все это мы говоримъ мимоходомъ; главное въ этомъ стихотвореніи для насъ, по намѣренію нашей статьи, есть то, что исходный пунктъ поэзіи г. Майкова—природа съ ея живыми впечатлѣніями, такъ сильными, таинственными и обаятельными для юной души, еще неизвѣдавшей другой сферы жизни...

Октава.

Гармонія стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У берега сонныхъ водъ, одинъ бродя слу-
чайно.

Прислушайся душой къ шептанью тро-
стниковъ,

Дубравы говорю; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стѣ-
ховъ

Неволью съ устъ твоихъ размерныя ок-
тавы

Польются, звучныя, какъ музыка дубра-
вы (Стр. 3).

Искусство.

Срзалаь себѣ в тростникъ у побережья шумнаго моря.
 Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
 Разъ увидалъ его старецъ проходной, къ мочлегу
 Въ хижину къ намъ завернувшій (Онъ былъ непонятенъ,
 Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрзалаь
 Стволъ и отверстїй надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ, —
 И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
 Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
 Если внезапно Зефиръ, зарывивъ его воды,
 Трости коснется и звукомъ наполнить поморье. (Стр. 63).

Этихъ двухъ стихотворенїй уже никакъ нельзя сравнить съ перымя; все недосказанное или неопредѣленно-высказанное въ немъ, явилось въ нихъ такъ полно, такъ опредѣленно; прекрасное содержаніе выразилось въ нихъ въ прекрасныхъ формахъ, отличающихся виртуозностію отдѣлки. Что же до содержанія — оно здѣсь представляетъ собою основное положеніе, основное начало эстетики автора, что природа есть наставница и вдохновительница поэта; что у ней онъ прежде всего началъ брать уроки въ искусствѣ слагать славыя пѣсни; что есть соотношеніе, есть родственность между звучною октавою, гармоническимъ гекзаметромъ и шептаемъ тростякомъ, говоромъ и губравъ... Глубоко-жизненное, поэтически-вѣрное начало! Поэзія принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ, уразумѣніе которыхъ должно начинаться съ ощущенія, а не съ рефлексїи: последняя должна быть результатомъ зерваго, при нормальномъ развитїи. Симпатїя къ природѣ есть первый моментъ духа, начинающаго развиваться. Каждый человекъ начинается съ того, что непосредственно поражаетъ его умъ формою, краскою, звукомъ; а природа полна формъ, красокъ и звуковъ. Поэтъ — существо, которое наиболѣе испытываетъ на себѣ непосред-

ственное вліаніе явленїй природы: она по-преимуществу ея связь, ея любимецъ, наперсникъ тайнъ ея. Говори объ этомъ, нельзя не вспомнить чудныхъ стиховъ Пушкина:

Все волновало нѣжный умъ:
 Цветущїй лугъ, луны блистанье,
 Въ часовыя летхой бури шумъ,
 Старушки чудное преданье.
 Какой-то демонъ обладалъ
 Моемъ играмъ, досугомъ;
 За мной повсюду онъ леталъ,
 Мнѣ звуки дивныя шепталъ,
 И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава;
 Въ ней грезы чудныя рождались,
 Въ размыты стройныя стекалаь
 Мои послушныя слова
 И звонкой рѣмой замыкались.
 Въ гармонїи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихоръ буйный,
 Иль влолги напѣвъ живой,
 Иль ночью моря гулъ глухой,
 Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Да, естественно, что поэтъ видитъ поэзію прежде всего въ природѣ, и что природа прежде всего пробуждаетъ поэтическія силы въ юномъ талантѣ. Въ этомъ отношенїи, пѣснь г. Майкова «Октава» и «Искусство» составляютъ главу эстетики, — и эстетикъ не усомнится перенести ихъ въ свою книгу, для явнѣйшаго подтвержденія доказательства своихъ понятїй объ искусствѣ, если только его повлїятъ объ этомъ предметѣ вѣрны. Но природа бываетъ колыбелью поэзіи не только для отлѣпленныхъ лицъ: въ лицѣ древнихъ Эллиновъ, природа была павосомъ поэзіи дѣлаго, человечества. И въ этомъ отношенїи, муза г. Майкова родственна, по своему происхожденію, древне-эллинской музѣ: подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣйствительныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движенїяхъ и чувствахъ еще младенчески-ясной души, еще въ ложѣ природы непосредственно-ощущающаго себя сердца, входятъ она неисчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно-гармоническихъ и безыскусственныхо-изящныхъ пѣсень. Разумѣется, эта

родственность могла бы остаться только въ возможности, еслибъ знакомство съ древними классическими языками не пробудило ее: обстоятельство, много-общающее въ будущемъ для развитія прекраснаго дарованія молодого поэта! Еще въ той поръ возраста, съ которой самъ Пушкинъ только-что началъ писать не-лицейскія стихотворенія, и въ которую жизнь едва-ли еще можетъ дать содержаніе какому угодно таланту, — г. Майковъ, изученіемъ и изысканіемъ древне-классической поэзіи, завоевалъ плодотворную почву для своихъ вдохновеній. И зато — посмотрите, сколько эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ: любое изъ нихъ можно принять за превосходный переводъ съ греческаго; любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будетъ спорить о греческомъ происхожденіи пьесы... Эллинское созерцаніе составляетъ основной элементъ таланта г. Майкова: онъ смотритъ на жизнь глазами Грека, и — какъ мы увидимъ ниже — иначе и не умѣетъ еще смотреть на нее. Если взять въ расчетъ его молодость (а ея, въ этомъ случаѣ, нельзя не брать въ расчетъ), то мы увидимъ въ этомъ начало съ самаго начала, а не съ середины или конца, увидимъ нормальное, художественное развитіе.

На мысъ семь дикомъ, увѣчанномъ бѣдой
осокой,

Покрытомъ кустарникомъ ветхымъ и зеленью
сосенъ,

Печальный Меліскъ, престарѣлый рыбакъ,
скоронилъ

Погибшаго сына. Его взлѣгвало море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое
тѣло.

Овлакавши сына, отецъ подъ развѣсистой
ивой

Могилу ему ископалъ, и, накрывъ ее
камнемъ,

Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ —

Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!
(Стр. 48).

Вчитайтесь въ эту пьесу, вчитайтесь въ ея простой, повѣлимому чуждый всякаго убранства, всякой красоты и всякаго содержанія языкъ, — вы ощутите душою и безконечную красоту и глубокою сохраненіе. Кажется, тутъ нѣтъ ни начала, ни конца, ни цѣлаго, нѣтъ ни намтрєнія, ни цѣли, ни мысли; но оставьте пьесу и вникните, вдумайтесь въ собственное ощущеніе, возбужденное въ васъ ею, и вы въ этомъ ощущеніи уловите цѣлое и уразумѣте намтрєніе, цѣль и мысль... Если же духу вашему не чуждо древнее міросозерцаніе, — вы не можете не признать, что или это стихотвореніе переведено съ греческаго, или, что и человекъ нашего времени, въ эллинской эпохѣ своей жизни, можетъ ставиться Грекомъ, такъ-что самый взыскательный Аѳинянинъ, современникъ Алевизала, не назвалъ бы его обзлѣнившимся варваромъ, а призвалъ бы своимъ соотечественникомъ, кореннымъ жителемъ Аттики и гражданиномъ города Паллады... Но муза г. Майкова не всегда бываетъ такъ и кротка, какъ въ этой скромной идилліи: вередко блистаетъ и жжетъ въ упонятельною роскошью красокъ и образовъ, не переставая ни на минуту быть спокойною, самообладающею и цѣломудренною, въ качествѣ благородной эллинской музы, какъ въ «Бахавкѣ», которая уже извѣстна читателямъ «Отеч. Записокъ» (*). Въ примѣръ такихъ стихотвореній можно привести и —

Доридъ.

Доридъ милая! къ чему уборъ блестящій.
Гирлянды свѣжія, алмазъ, огонь горящій,

И ткани пышныя, и полъ золотой,
Упругій твой корсетъ, сжимающій собой
Такъ жадно, пламенно твои красы ма-
ды,

Твой стройный, гибкій станъ и перся
пальничка?..

Нѣтъ, милая! оставь, оставь уловку ты
Нась разомъ поражать и блестящею кра-
соти

(*) Томъ XVIII (1841) отд. III, стр. 310.

И блескомъ пышныхъ ризъ. Явись мнѣ
не богиней:
Благоговѣннѣ такъ хладно предъ святы-
ней!
Я не его ищу. Явись дѣвою мнѣ,
Земною дѣвою. Со мной наединѣ
Ты косу отрѣши изъ-подъ кольца зла-
таго,
Сорви съ своей груди рукой своей пер-
ловой
Ту розу бладную, желанный дай про-
сторъ.
Горящимъ персямъ. Пусть неприну-
жденный взоръ
Забудеть все любви принамки!.. Другъ
мой въжвыи!
Пусть сердце юное волнуется мятжно,
Пускай спадеть во прахъ и злато и жем-
чугъ
Съ твоихъ роскошныхъ плечъ, съ полу-
прозрачныхъ рукъ...
Ахъ, Боже мой! какъ ты мила, какъ
миль и сладокъ
Олежды и рвчей волшебный беспоря-
докъ!

(Стр. 91).

Знаемъ, что лицемѣрнымъ морали-
стамъ эта пьеса не только не понравит-
ся, но и возбудитъ все негодованіе
ихъ; но потому-то она и прекрасна.
Есть люди, которые отрицательно и
навыоротъ безошибочны въ своихъ
сужденіяхъ и приговорахъ: на что на-
пали они съ остервененіемъ.—знайте,
что это превосходно; что восхваляли
они съ неистовствомъ—знайте, что это
вшло или мертво. Лицемѣрные морали-
сты въ высшей степени обладаютъ
этою *выворотною* вѣрностію сужде-
нія... Что же до ихъ строгости—она
понятна: Шиллеръ, въ одной изъ сво-
ихъ ксеній, сказалъ, что для этихъ
господъ особенно важна власть закона:
не будь въ нихъ страха наказанія,
они обокрали бы свою невесту, обни-
мая ее... Кто имѣетъ счастье быть не
моралистомъ, а человекомъ, и пони-
мать все человеческое,—для тѣхъ сти-
хотвореніе «Доридъ», при всей шало-
вливой вольности своего содержанія,
будетъ образцомъ дѣвственной граци-
озности выраженія, подобно лукавой
улыбкѣ на невинномъ лицѣ юной кра-
савицы.

Жалѣемъ, что мѣсто и время, а
главное—право собственности, не по-
зволяютъ намъ выписать изъ книги г.
Майкова всѣхъ автологическихъ сти-
хотвореній — особенно «Гезіода» и
«Вакха», тѣмъ болѣе, что мы не мо-
жемъ не выписать еще двухъ пьесъ,
довольно большихъ и болѣе, нежели
прочія, характеристическихъ. Вотъ об-
разецъ граціозной наивности древней
музы:

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звуч-
ныя флейты
Рошъ покровителю Пану и свѣтлому Фе-
бу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флей-
тѣ,—и чудный
Звукъ полился изъ бездушнаго ствола.
Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя
журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ ме-
жду листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты
звучкомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливый
нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильва-
новъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ, и помчался на огнен-
ныхъ коняхъ,
Въ пурпуръ алой зари, на златой коле-
сницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно
старался припомнить
Чудные звуки, и ихъ воскресить своей
флейтой;
Грустный, онъ трели выводитъ, но тре-
ли земныя...
Горькій безумецъ! ты думаешь, небо не
трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? *Посмотри:*
улыбалься,
Съ взглядомъ намылившимся слуша-
ють нимфы и фавны.
(Стр. 34).

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ,
какъ умѣетъ нашъ поэтъ быть разно-
образнымъ, не выходя изъ тона автоло-
гической поэзіи:

Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ
дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;

Не слышатъ соловьи и пчолги не слы-
шно...
Ужь полно! не плести тебѣ гирлянды
пышной
И незабудками головки не вѣвчать;
По утренней росѣ ауроры не встрѣ-
чать,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ теплыя пары надъ озеромъ клу-
бятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его
стекль;
Не плюющъ и не цвѣты вносятся по ска-
ль,
А мохъ въ расщелинахъ пушится ран-
нимъ сыномъ.
А ты, мой другъ, все та жь: рзвва, мн-
ла... Люблю,
Какъ, разгорѣвшись и утомившись бѣ-
гомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, страхаешь кудри свѣ-
жны,
Хочешь, и меня цалуешь звонко, пѣ-
жно!

(Стр. 171).

Здѣсь уже другая картина, другое не-
бо, другой климатъ; но тонъ поэзіи, во
созерцаніе, составляющее ея фонъ, все
тѣ же, дышущія сладостію и нѣгою
свѣтлаго неба Элады!..(*)

Однакожь, тотъ не понялъ бы васъ,
кто захотѣлъ бы видѣть въ антологиче-
скихъ стихотвореніяхъ г. Майкова
полное выраженіе древней поэзіи, или
полное выраженіе элементовъ жизни
древнихъ, классическаго духа. Гармо-
ническое единство съ природою, про-
никнутое разумностію и изяществомъ,
еще далеко не составляетъ исключи-
тельнаго элемента древняго міросозер-
цанія. Жизнь древнихъ выражается не
въ одной идилліи, или застольной пѣ-
снѣ, но и въ трагедіи, которая соста-

(*) Вотъ перечень прочихъ пьесъ г. Майко-
ва въ антологическомъ родѣ: VII, *Картина
Вечера, Гезіода, Радость. Это и Мол-
чаніе*, XVII, *Пустыннику, Приану*, XXIV,
XXVI, *Тулау, Овидію, Вакханка, Вер-
тоградъ, Scholia, Вакхъ, Дѣя Элеги,*
Эмиле Утро, Подражаніе Сафо, LIII,
Плющя, Исповѣдь, Циклитъ, Смерть,
LXVIII, LXX, LXXIII, LXXV, *Горы,*
Дионел I.LXXXI, *Поэзія*.

вляла одинъ изъ основныхъ элемен-
товъ ихъ жизни. И если со стороны
идилліи и пѣсни, жизнь Грековъ была
наивно - прелестна, очаровательно-
градіозна, мила и любезна, то, со сто-
роны трагедіи, она была благородна,
доблестна и возвышенна. Первая сто-
рона жизни заставляетъ любить жизнь;
вторая сторона — заставляетъ уважать
ее и гордиться ею. Греки это понима-
ли, — и трагедія была послѣднимъ, са-
мымъ пышнымъ, самымъ благоуза-
вымъ цвѣтомъ ихъ поэзіи. Трагиче-
скій элементъ преобладаетъ уже и въ
самой «Иліадѣ» — этой прародитель-
ницѣ всѣхъ трагедій греческихъ, въ
послѣдствіи явившихся. Чтѣ же раз-
умѣлъ Грекъ подъ «трагическимъ»? —
Не печальную судьбу человѣка, въ
слѣдствіе противорѣчашихъ условій
жизни, или въ слѣдствіе случайности.
Человѣкъ, попавшійся на встрѣчу дя-
кому звѣрю и растерзанный имъ, не
могъ быть героемъ греческой трагедіи.
Трагическое Грековъ заключалось или
въ борьбѣ долга съ влеченіемъ сердца,
воли со страстями, или въ борьбѣ
разумнаго, движительнаго начала съ
общественнымъ мнѣніемъ; результа-
томъ борьбы всегда была гибель героя,
которую ояъ, въ случаѣ победы, запе-
чатлѣвала торжество божественной и-
деи надъ массами, и которою, въ слу-
чаѣ паденія героя, божественная исти-
на запечатлѣвала свое торжество надъ
ограниченностію человеческой лично-
сти. Въ обоихъ случаяхъ, источникъ
борьбы былъ внутренній и заключался
въ духовной натурѣ героя трагедіи, ко-
торымъ могъ быть только великій че-
ловѣкъ, созданный дѣйствовать на ар-
енѣ исторіи, предназначенный осуще-
ствить собою какое-либо нравственное
начало, быть представителемъ какой-
либо идеи. Такъ въ «Антигонѣ» Софо-
кла героями являются: Антигона, какъ
поборница закона родственности, веле-
душно жертвующая своею жизнью для
выполненія того, чтѣ она считала сво-
имъ долгомъ, и невыполненіе чего уви-
зило бы ее въ собственныхъ глазахъ и
было бы ей горше смерти, — и Креонъ,

какъ представитель непреложной власти закона въ гражданскомъ обществѣ. И потому, вся трагедія эта есть не что иное, какъ трагическая ошибка двухъ равно-разумныхъ и великихъ, но на этотъ разъ враждебныхъ началъ. Люди погибли, подобно воинамъ, храбро-сражавшимся за правое дѣло: сердце наше скорбитъ о ихъ гибели; но благословляя падшихъ, мы уже не клянемъ судьбы, ибо видимъ въ гибели героевъ не случайность, но добровольное самопожертвованіе. Антигона могла бы легко спастись отъ гибели, оставивъ свое великодушное намѣреніе похоронить убитаго брата; но тогда она не была бы великою жемчужиною, не была бы героинею, и не было бы трагедіи. Вотъ почему трагедія есть высшій родъ поэзіи; вотъ почему такъ возвышаетъ нашу душу ея окровавленный кинжалъ, ея устланнныя трупами благороднѣйшихъ жертвъ помосты... Герой есть высочайшее и благороднѣйшее явленіе духа мировой жизни; его личность есть апогеоза человечества, которое возвышаетъ ему вѣковѣчные памятники изъ мрамора и мѣди, какъ-бы поклоняясь себѣ въ этихъ гигантскихъ образахъ; герой возбуждаетъ все удивленіе, весь восторгъ, всю любовь человечества; образъ его поддѣрживаегъ въ человечествѣ возвышенную вѣру въ великое, истинное и долблестное жизни, во мракъ ежедневности и случайности поддѣрживаегъ вѣчный свѣтъ разума.. Но почему же герой есть — герой? что дѣлаетъ человека героемъ? — Непзмѣнная возможность трагической гибели, этотъ паеосъ къ идеѣ, простирающійся до величайшей готовности смерти запечатлѣть ея торжество, привести ей въ жертву то, что дается на землѣ только разъ и никогда не возвращается, и чего, слѣдовательно, нѣтъ драгоценнѣе — жизни, и иногда жизнь во цвѣтѣ, въ порѣ надеждъ, въ виду милаго, ласкающаго призрака счастья... И такъ, возможность трагическаго заключается въ условіяхъ ограниченности нашей личности, которой бытіе отдѣляется

отъ небытія едва-замѣтною и слабою нитью, волосомъ, готовымъ порваться отъ дуновения вѣтра, и порваться невозвратно... Намъ огорчаетъ и ужасаетъ эта невозвратность однажды-утраченнаго счастья, однажды-полученной жизни, однажды-приобрѣтеннаго друга, или милой сердца: но уничтожьте эту возможность въ одну минуту потерять данное цѣлою жизнью — и гдѣ же величіе и святость жизни, гдѣ доблесть души, гдѣ истина и правда?.. О, безъ трагедіи жизнь была бы водевилемъ, мишурною игрою мелкихъ страстей и страстишекъ, ничтожныхъ интересовъ, горшочныхъ и копейныхъ помысловъ... Трагическое, это — Божія гроза, освѣжающая сферу жизни послѣ зноя и удущья продолжительной засухи... Грекъ понималъ его своею высокою душою — и, умѣя наслаждаться жизнью, умѣлъ и быть достойнымъ ея наслажденій. Безпечно веселиться на пиру и твердо умирать гдѣ и когда велитъ судьба, — вотъ что было для Грека идеаломъ разумной жизни.

Все великое, земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троя,
Завтра выпадетъ другимъ...
Смертный, смѣль, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробъ — мирно спи!
Жизнью пользуйся — живущій!

Въ этихъ стихахъ заключается весь кодексъ нравственности Грека.

Шиллеръ особенно глубоко постигнулъ своей великою душою трагическую сторону жизни, въ противоположности съ свѣтлою ея стороною, — и глубоко, мощно, со всею роскошью пластической художественности, выразилъ свое созерцаніе древней жизни въ дивномъ, великомъ созданіи своемъ — «Торжество Побѣдителей», такъ прекрасно переданномъ по-русски Жуковскимъ.

Сколькохъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькохъ низкихъ рокъ щадитъ!..
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Тирсиль.
Смертный, вѣчный Дій Фортушъ
Своейравной предалъ насъ:

Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуль!

Какіе переходы отъ высокихъ созерцающей трагической судьбы всего великаго къ веселому взгляду на жизнь!.. Вспомниа Аакса, убившаго себя въ гнѣвъ за коварное похищеніе Одиссея выигранныхъ имъ доспѣховъ Ахилла, братъ его, Оиліидъ, говорить:

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ пожалъ:
Ты своею силой палъ,
Жертвой гибельнаго гнѣва!

Какое величіе, какой пафосъ въ этой догматикѣ героизма, въ этихъ стихахъ:

О Ахилла! о мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посвятитель,
Жребій лучшей взялъ ты въ немъ.
Жить съ людьми племятъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчамъ именаи
И сокрытыя въ пыли!
Слава днѣй твоихъ негнѣна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣтъ она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
(Диомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ за край, гдѣ жилъ дядя,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охраняшему—любовь!
Кто, на судъ являсь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Но нисколько не менѣе *эллинизма* и въ слѣдующей рѣчи Нестора къ Гекубѣ, хоть съ содержаніе, повидимому, и совершенно - противоположно выписаннымъ стихамъ выше:

Несторъ, жизнью ублєнный,
Нацѣдилъ вины оилъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Цей страданій утомленъ;
Добрый вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенъе

Проливаетъ въ насъ оно.
Цей, страдальца! печалю
Услаждаются виномъ:
Боги жалостивы въ немъ
Подкрѣпленныя сердцу дали.
Вспомни матеръ Ниобею:
Что изъдала она!
Сколь ужасная вадъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ не даромъ былъ:
Онъ струею виноградною
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.
Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорбн наши быстро мчатъ
Ихъ смывающая Лета.

Нельзя спрашивать поэта, зачѣмъ у него есть то, а нѣтъ этого; но долгъ критики замѣтить, что у него есть и чего нѣтъ. Вотъ почему мы распространились здѣсь о сущности и значеніи элемента «трагическаго» въ древнемъ искусствѣ, и вотъ почему почитаемъ себя въ правѣ замѣтить, что г. Майковъ и не коснулся этого элемента. Думаемъ, что причина этого заключается не столько въ характерѣ его таланта, сколько въ его молодости, еще переживающей моментъ гармоническаго единства съ природою, въ духѣ древнихъ. Но прійдетъ время—и, можетъ-быть, въ духѣ поэта совершится движеніе: прекрасная природа не будетъ болѣе заслонять отъ его глазъ явленій высшаго міра—міра нравственнаго, міра судебъ человека, народовъ и человечества... И мы вѣрили бы себѣ счастливыми, еслибъ эти строки могли послужить хоть косвенною причиною къ ускоренію этого времени... Г. Майковъ вполне владеетъ орудіемъ искусства—стихомъ, который у него напоминаетъ стихи первыхъ мастеровъ русской поэзіи; а это—великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ! Стихи въ поэзіи—то же, что *слозь* въ прозѣ, а *слозь*—это самъ талантъ, и талантъ необыкновенный... Но мѣрка великаго таланта состоитъ не въ одномъ стихѣ, хотя бы и поэтическомъ, и художественномъ; но еще и въ движеніи,

въ развитіи содержанія поэзіи, источникъ котораго есть движеніе и развитіе духа самого поэта; а движеніе и развитіе состоитъ въ безпрерывномъ отрицаніи вышнихъ моментовъ въ пользу высшихъ. Я никогда не назову великимъ поэта, котораго стихотворенія можно печатать по родамъ пьесъ, а не въ хронологической последовательности. Батюшковъ—поэтъ съ замѣчательнымъ талантомъ; но нѣтъ никакой нужды видѣть поль его пьесами годъ и число, означающіе время ихъ сочиненія...

Но мы отделились отъ своего предмета. Возвращаясь къ нему, должны повторить, что какъ родственъ и присущъ духу нашего поэта элементъ «ваиваго» и «природнаго», такъ чуждъ элементъ «трагическаго» въ древней поэзіи. Разъ г. Майковъ былъ близокъ къ нему, по содержанію, избравшему нѣтъ для самой большой своей пьесы; но онъ и не коснулся трагическаго, хотъ, можетъ-быть, и думалъ вполне его выразить... Мы говоримъ о его драматической поэмѣ «Оливъ и Эсвиръ» (римскія сцены временъ пятого вѣка христіанства). Мысль поэмы—контрастъ и взаимная оппозиція умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго міра. Поэма занимаетъ *шестьдесятъ* страницъ, которыя, въ чтеніи, легко могутъ показаться *шестью-стами* страницами: такъ все неглубоко, блѣдно, слабо, поверхностно и растянута въ этомъ произведеніи! Чѣмъ выше нѣтъреніе поэта, тѣмъ выше должно быть и исполненіе; но г. Майковъ явно взялся за дѣло не по вдохновенію, а изъ рефлексіи, и къ понравившейся ему мысли прибѣлалъ сюжетъ и какіе-то образы безъ лицъ, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать безотчетному желанію дать жизнь преслѣдуемымъ его образамъ, еще не зная, какую мысль выразятъ они... А между-тѣмъ, сколько элементовъ «трагическаго» съ обѣихъ сторонъ могло бѣ и должно бѣ было быть! Римская литература не представляетъ ни одной хорошей тра-

гедіи; но за то, римская исторія есть непрерывная трагедія,—зрѣлище, достойное народовъ и человечества, неистощимый источникъ для трагическаго вдохновенія. Въ этомъ отношеніи, едва ли есть другой народъ, котораго исторія могла бы соперничать съ исторіею Римлянъ. Страстное самозабвеніе въ идеѣ государственности, въ идеѣ политическаго величія своего отечества, паеось къ гражданской свободѣ, къ неварушимости и неприкосновенности правъ сословій и каждаго гражданина отдѣльно, гражданская доблесть, въ цвѣтущіи времена великой республики, и гордая, стоическая борьба съ рокомъ, увлекшимъ къ паденію великую отчизну великихъ гражданъ, и уступчивость судьбъ, въ слѣдствіе гениальнаго предвидѣнія будущаго, уступчивость, роковая для начавшихъ, и счастливая для мѣнѣ-великихъ, но болѣе во время явившихся — вотъ глѣ элементы «трагическаго» въ исторіи Рима, великой отчизны Коріолановъ, Фабіевъ, Гракховъ, Сципіоновъ, Маріевъ, Лукулловъ, Помпеевъ, Цезарей и Антоніевъ — этихъ колоссальныхъ ликовъ, сіяющихъ блестящемъ героическаго величія, вестерпимаго для слабонервныхъ глазъ выродившихся людей нашего времени!.. Правда, поэтъ избралъ эпоху уже выродившагося, умирающаго Рима; но, въ противоположность христіанству, онъ бы долженъ былъ избрать послѣдняго Римлянина, который, независимо отъ всего окружающаго его, въ своемъ личномъ характерѣ, выразилъ бы—сколько стоическою жизнію и трагическою смертію, столько же и тоскою по цвѣтущимъ временамъ своего отечества, все субстанціально, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ. Но Оливъ г. Майкова только эскизъ и больше ничего; собственно, онъ—образъ безъ лица. Другая сторона поэмы—христіанская, тоже полна трагическаго величія, ибо ея альфа и омега—мученичество и смерть за истину; но и она такъ же слаба и блѣдна у нашего поэта, какъ и

языческая. Впрочемъ, вся поэма отличается хорошими, звучными, а иногда и поэтическими стихами, какъ на-пр., вотъ эта пиришестввенная пѣсня Римлянь-язычниковъ :

Блеститъ чертогъ; горитъ елей;
Яснѣнь и миртъ благоухаетъ;
Фонтанъ, шума, между огней
Златыми брызгами играетъ.
Греми, волшебный гимвъ пярвъ!
Песите, юноши, плодовъ
И розъ и листьевъ винограда:
Въичайте насъ! Чтѣ въ жизни намъ?

Мы въ жертву суждены богамъ ужаснымъ
А жертва пышная въ убранствахъ вертограда—
Угодиве богамъ!

Поставеть часть—воззримъ сурово
Мы на гремящій жизни пиръ,
Какъ сей скелетъ блыоголовый,
Былецъ могиль. На звуки флейтъ и лиръ
Онъ безответенъ, гость гробовый!
Но онъ вѣдь пѣлъ, и онъ любилъ,
И богу грозилъ онъ служилъ...
О, други! сыпте розъ гораціева сада
По снмъ бляющимъ костямъ,
И свѣжей кистью винограда
Въичайте черепъ—этотъ храмъ,
Чертогъ покинутый и спрый,
Гдѣ обиталъ животворящій духъ,
Во дни, когда кнеаръ съ звонкой лирой
Его пѣляли чуткій слухъ,
И пилъ онъ розъ благоуханье,
Любилъ кристаллъ амфоры золотой,
И дѣвъ горячія лобзая,
И трепеть груди молодой!

Вообще, когда г. Майковъ выходитъ изъ сферы антологической поэзии, его талантъ какъ-будто слабѣетъ. Доказательствомъ этого можетъ служить маленькая поэмка его «Венера Медицейская», содержаніе которой, какъ можно видѣть изъ самаго ея заглавія, относится къ сферѣ классической поэзіи. Существуетъ преданіе, что знаменитая статуя, известная подъ именемъ *Венеры Медицейской*, есть изображеніе одной римской императрицы. Поэтъ заставляеть ее, выходя изъ волицы, восхищаться собственной красотой—

И вотъ красавицы надменной
Мечта сбылась: перенесло
Волшебство кисти вдохновенной
На мрамора обломокъ брешный
И это гордое чело.
Вамчанное красотой Изиды (!),
И стройный ставъ и шелкъ кудрей:
И Римъ нарекъ ее Кипридой!
И Римъ молился передъ ней!

Мысль, какъ видите, мало-поэтическая, слишкомъ незрѣлая и какъ-будто пльскавная, не говоря уже объ унижающей достоинство искусства мысли—видѣть простую копію, портретъ, въ вдохновенномъ созданіи свободнаго творчества. Самые стихи этой поэмы только красивы и ловки, но не художественны; есть между ними даже оскорбляющіе тонкій эстетическій вкусъ, любящій благородную простоту и точность выраженій, какъ, напр.:

На грудь высокую пустите
Змѣистый локоновъ разливъ.

Что такое: *пустить на грудь змѣистый разливъ локоновъ*? Это было бы хорошо развѣ въ стихотвореніи г. Беликовтѣ, но очень-дурно въ стихотвореніи г. Майкова. Или:

Прошла вѣка. Ихъ молотъ твердымъ
Величья храмы раздроблять.

Что такое: *молотъ вѣковъ, раздробляющій храмы величья*? Не-уже-ли это поэзія, не риторика?..

Не безъ достоинствъ слѣдующіи стихотворенія, съ болѣе или менѣе-антологическимъ оттыкомъ: *Радость, Изильна, XXXIII, Жизнь, Прощаніе съ Деревней, Заря, Г'сры, Мраморный Фавнъ*. Что до послѣдняго стихотворенія,—оно было бы лучше, еслибы не было растянута приставкою и кончилось 25-мъ стихомъ, или—можетъ-быть, и еще лучше—13-мъ стихомъ.

Теперь мы переходимъ ко второму разряду стихотвореній г. Майкова, и съ сожалѣніемъ предупреждаемъ нашихъ читателей, что здѣсь намъ болѣе должно будетъ порицать, чѣмъ хвалить... Въ этихъ стихотвореніяхъ, мы желали бы найти поэта современнаго и по идеямъ, и по формамъ, и по чув-

ствамъ, по симпатіи и антипатіи, по скорбямъ и радостямъ, надеждамъ и желаніямъ, но — увы! — мы не нашли въ нихъ, за исключеніемъ слишкомъ немногихъ, даже и просто поэта... Тамъ хорошіе стихи при сбивчивости идеи, а иногда и при пустотѣ содержанія; тутъ всепродѣленность и вычурность выраженія при усилии сказать что-то такое, чего у автора не было ни въ представленіи, ни въ фантазіи; между всѣмъ этимъ иногда удачный стихъ, прекрасный образъ, а все остальное — реторика: вотъ общій характеръ этихъ стихотвореній. Пересмотримъ ихъ.

Въ «Чулномъ Вѣкѣ» поэтъ воспѣваетъ эпоху Петра-Великаго, которая возсіяла —

..... въ странѣ, загроможденной
Цѣпями горь; въ странѣ, гдѣ льется лѣсъ
Средь блатъ и туздръ; въ той храми-
нѣ солонной,
Гдѣ льды горятъ какъ въ храмиль чу-
десъ...

Не реторика ли это?... Въ концѣ пьесы, авторъ заставляетъ Петра *выливать вѣнецъ на голову Россіи, сардадскимъ млатомъ скрѣплять ея оковы и выковыривать ей булаву (?) и мечъ, а трюмовымъ топоромъ (?) сбивать оковы съ широкихъ вратъ въ Европу*, забывъ, что тогда воротъ (ни широкихъ, ни узкихъ) въ Европу не было, и что въ томъ-то и состоитъ великій подвигъ Петра, что онъ, по выраженію Альгаротти, создалъ Петербургъ, *qui est la fenêtré par laquelle la Russie regarde en Europe*, а слѣдовательно, первый сдѣлалъ и ворота... Стихотвореніе, означенное N. V., превосходно по стихамъ, но мысль — приписать скалъ глубокое участіе къ страданію чловѣка — изысканна... Прекрасны послѣдніе *шесть* стиховъ стихотворенія «Воспоминаніе»; но ихъ-то едва ли кто и прочтетъ послѣ первыхъ восьми стиховъ и, особенно, этого начала:

Когда ты въ пучины было
Окунешься душой...

«Еврейская Пѣснь» отличается прекрасными, звучными стихами и библей-

скимъ колоритомъ въ выраженіи. Пьеса «Монастырь» откровенно названа авторомъ «введеніемъ къ *ненаписанной* поэмѣ». Она начинается этими непоэтическими стихами:

Во дни кровавые, когда Тевтошъ суро-
вый
Эстонцевъ уловляя въ желѣзные око-
вы...

За тѣмъ слѣдуетъ реторика, изрядка прерываемая стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Колопны гордыя, какъ бы утомлены
На мощныхъ раменахъ держать обломки
сводовъ,
Пригнулися къ землѣ...

Обращаемся къ эстетическому чувству и художественному такту автора, и спрашиваемъ его: можно ли, не говоримъ — *печатать*, но читать безъ напряженія и утомленія подобныя стихи? —

Все тлѣвіе и прахъ!

Здѣсь, за оградомъ, въ окованныхъ стѣ-
нахъ,
Гулъ міра умолкалъ предъ образомъ Ра-
спята,
Гласъ вѣры укрощалъ безумныя про-
клятыя,
Усталые пловцы здѣсь пристави обрвали;
И въ мирной келии, отъ суеты вдали,
Прахъ міра отряхнувъ, какъ саванъ на-
дѣвали
Одежду мертвую и къ небу воспарилъ...
Но взыренъ ли онъ былъ, монашескій по-
кровъ?
Всегда ль, въ полуполномъ молчаніи ду-
бровъ,
Въ часы весенніе мечтательныхъ бессон-
ницъ,
Когда, испавъ между готическихъ окон-
ницъ,
Лучъ блѣдный мѣсяца ложился на вѣ-
момъ
Чугунномъ помостѣ блестящими ко-
промъ,
Всегда ль, о ложѣ сна холодномъ забы-
вая,
Склонившись къ окну, отшельница мла-
дая,
Смотря на небеса, летѣла въ горній міръ,
На ловю вѣчности, въ подоблачный вѣсръ,
Гдѣ ангелы поютъ божественныя гимны,
Откуда бѣдую зовутъ гостепріимно?

Каковъ періодъ: неугодно ли прочесть намъ его, не перевода духа, или не скрывъ смысла?... И что за неточность въ эпитетахъ? Что такое «окованныя стѣны», «одежда мертванъ» (авторъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать — «одежда мертвыхъ», да мѣра стиха не позволила), «вѣренъ ли монашескій обѣтъ» (кому и чему вѣренъ?)? Что такое «осенние часы и мечтательныя бессонницы»?..

Теперь обращаемся ко всемъ людямъ съ эстетическимъ вкусомъ и художественнымъ тактомъ: можно ли безъ наслажденія и восторга читать послѣдніе, окончательные стихи этой пьесы, столь пламенные и вдохновенныя? —

Не правда ль, часто взоръ, какъ небо,
голубой,
На небѣ обрѣталъ прекрасный ликъ зем-
ной,
И уху робкому мечтался не молитвы,
А цитры тихій звонъ, или кинкъ опа-
свой битвы,
И грудь вздымалася, и грѣшная слеза,
Туманы лсные красавицы глаза,
На блѣдному лицу жемчужиной блиста-
ла,
И юная глава въ полнени упала
На руки былыя, и прядь златыхъ ку-
дрей
Волною падала по мрамору грудей,
И мѣсяцъ осыпалъ ихъ блѣдными лучами
И трепетно игралъ змивистыми тѣнями?..

Пьеса, означенная № XIV (стр. 30), принадлежитъ не къ числу худшихъ, особенно по окончанію. Въ пьесахъ: «Воробьевы Горы», «Два Гроба», «Истинное Благо», «Мститель» (скандинавская баллада), и «Кладбище» — мы рѣшительно не узнаёмъ г. Майкова, — и подпишите подъ ними: г. Щеткинъ, г. Кроноткинъ, г. Гогниевъ, г. Романовичъ — никто бы не удивился... «Воробьевы Горы» написаны точно какъ-будто г. Бенедиктовымъ; въ нихъ есть «кровель море разливанное» (жалъ, что не *разливанное!*), въ нихъ есть стихи: «И до-полюсныя воды у мо-нихъ воспещуть пѣть», въ нихъ «радется пламени змѣя»; но въ нихъ нѣтъ ни мысли, ни поэзіи, ни даже

хорошихъ стиховъ. Въ «Двухъ Гробахъ» собственно нѣтъ ни одного гроба: рѣчь идетъ о носилкахъ Карла XII и о вѣнцѣ Наполеона, будто-бы забытомъ имъ въ Москвѣ. Исполненіе совершенно соответствуетъ этой изысканной и натянутой мысли, какъ можете судить даже по этимъ двумъ съ половиною стихамъ:

Взглянувъ къ себѣ на грудь увѣнчаннаго
змѣя (?),
Въ объятіяхъ его замучила Россія,
И гробомъ стала...

Бы ли это, г. Майковъ?..

Въ «Двухъ Моряхъ» воспѣты Средиземное и Мертвое (въ Сириі) Моря: идеи нѣтъ, но стихи не дурны, хотя между ними есть и вотъ какіе: «Въ вѣнцѣ бреговъ, на яблोकъ земля» (?), «По немъ (по морю), воздѣвъ шедомъ среброкосматый, станица волавъ не ратуетъ во вѣкъ» (!). — Стихотвореніе «В. А. С.....у» замѣчательно, по хорошимъ стихамъ, какъ этудь. — Въ маленькой поэмѣ «Іафетъ» много ума, есть недурные стихи, но нисколько нѣтъ поэзіи. Впрочемъ, мы, безошибочно высчитавъ, чего нѣтъ въ этомъ «рефлектированномъ» произведеніи, не все высчитали, что есть въ немъ: въ немъ есть изысканныя выраженія: *міръ, обновленный въ купели моря; Кавказскія Горы — юрдыя врата Европы*. «Молитва Бедуива» была бы очень хороша, еслибъ въ ней нѣкоторые стихи не были такъ тяжелы. «Горный Ключъ» принадлежалъ бы къ лучшимъ пьесамъ г. Майкова, еслибъ въ немъ ручки не были названы «рѣзвыми нитями земли». Очень недурна пьеска «Кто-о?» Къ хорошимъ можно причислить еще: «Призывъ», «Безвѣтріе», «Мысль Поэта», «Пѣвцу», «Жизнь», «Мысль», «Заря» и «Е. П. М.»

Да, много, много превосходнаго, много хорошаго; но есть и такое, что неприятно встрѣтить въ печати, и что бываетъ интересно и поучительно развѣ въ полныхъ собраніяхъ твореній великихъ поэтовъ, по смерти ихъ издаваемыхъ... Ляно, что пьесы въ родъ

«Воробьевыхъ Горь» и «Кладбища» написаны г. Майковымъ давно уже, и милы ему, можетъ-быть, потому именно, что были первыми пробными звуками его музыки; но мы судимъ о нихъ какъ чужіе и посторонніе имъ... Но болѣе всего советуемъ молодому поэту—и да прійметъ онъ нашъ советъ съ тѣмъ же радушіемъ и тою любовію, съ какими мы даемъ его!—советуемъ беречься изысканности въ идеяхъ и образахъ, советуемъ слѣдовать болѣе своему непосредственному чувству и художественному такту, чѣмъ вкусу толпы... О, берегитесь этой толпы, молодой поэтъ! Она измѣчива въ своей благосклонности, и постоянно упускаетъ только тѣхъ, кого боится, а боится только тѣхъ, кто не за ней идетъ, а за собою ведетъ ее, не оглядываясь назадъ... Ей ничего не стѣбитъ низвергнуть истуканъ, ея же самую стѣпленный (обыкновенно изъ весенняго свѣту — это любимый ея матеріалъ); во она всегда проходитъ съ потупленными очами и на цыпочкахъ мимо не ея созданнаго кумира... Вспомните, что у насъ есть теперь великіе поэты, которыхъ слава продолжалась не долѣе трехъ лѣтъ... по-крайней-мѣрѣ, я слышалъ объ одномъ, который такъ могъ угодить толпѣ мншурнымъ блескомъ и изысканными *выраженіями*, что она, толпа, въ несколько мѣсяцевъ раскупила первую часть его стихотвореній; но вторая часть ихъ была издана только разъ, третья давно готова... въ рукописи, да дѣло стало за тѣмъ, что никто не беретъ издать... Странное дѣло! въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Майкова, стихъ — просто пушкинскій, нѣтъ неточныхъ эпитетовъ, лишнихъ словъ, натянутыхъ или изысканныхъ выражений, нѣтъ полутона фальшиваго: въ нихъ, онъ — истинный, глубокой и притомъ *опытный*, *искушенный* художникъ, въ рукѣ котораго не дрожитъ рѣзецъ и не даются произвольныхъ штриховъ; но въ не-антологическихъ стихотвореніяхъ, по-крайней-мѣрѣ, въ большей части

ихъ, есть и неточные эпитеты, и неопредѣленность въ идеѣ, и изысканная фраза, и чуждая всякаго вчужденнаго значенія слова...

Однакожь и между послѣдними есть, какъ мы уже видѣли, хорошія; мы нарочно ничего не говорили до-сихъ-поръ о четырехъ пьесахъ не-антологическаго содержанія, но превосходныхъ: указаніемъ на нихъ мы достойно заключимъ статью свою. Пьесы эти особенно примѣчательны, какъ свидѣтельство духовной подвижности поэта: въ нихъ видно зерно и зародышъ новой для него эпохи творчества, новыхъ созданій въ будущемъ... Такова пьеса LV (стр. 119), которой не выписываемъ, потому-что и безъ того много уже выписано; такова эта маленькая пьеска:

Жизнь безъ тревогъ—прекрасный, свѣт-
 лый день;
 Тревожная—вспы младаго грома,
 Тамъ—солнца лучъ, и въ зной оливы
 свѣтъ;
 А здѣсь—и громъ, и молнія, и слезы...
 О! дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ
 грозъ
 И горечь слезъ, и сладость слезы!

На эту пьеску не нужно комментаріевъ: кто жаждетъ такъ же и горечи, какъ и сладости грезъ, тотъ будетъ — «царства дивнаго всеисильный властелинъ»... Но перлы не-антологическихъ стихотвореній г. Майкова это— «Ангель и Демонъ» и «Раздумье». Вотъ первое.

Подземлюютъ споръ за человека
 Два духа мощные: одинъ—
 Эдемской двери властелинъ
 И вѣрный стражъ ее отъ вѣка;
 Другой—во всемъ величьи зла;
 Владыко сумрачнаго міра:
 Надъ огненной его порфирой
 Горятъ два огненныхъ крыла.
 Но торжество кому жь уступитъ
 Въ пыли рожденный человекъ:
 Вѣнецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ,
 Или чашу временную нѣтъ?
 Господень ангелъ тихъ и ясенъ:
 Его живить смиренна лучъ;
 Но пылкій (!) демонъ такъ прекрасенъ,
 Такъ лучезаренъ и могучъ!

Какая глубокая идея! Но форма— надо сказать правду—не совсѣм охватила и выразила это необъятное содержаніе: чего-то не достааетъ, что-то недоговорено; эпитетъ пышный не удовлетворителенъ—мы думаемъ, что даже гордый больше бы шелъ къ внутреннему смыслу пьесы. За то «Раздумье»—верхъ совершенства во всѣх отношеніяхъ: въ антологической, роскошно-художественной формѣ поражаетъ оно содержаніемъ изъ другой сферы...

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ до-
машнихъ ларь
Ведетъ спокойно вѣкъ! Ему обильный
ларь
Прольютъ все боги: лугъ еще заблещетъ,
пшвы

Церера озлатитъ; акація, оливы
Вѣтвями домъ его обнимутъ; надъ пру-
домъ

Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
Густые тополи взойдутъ и засребрятся,
И дозы каждый годъ подъ-осень отяг-
чатся

Кистями сочными: ихъ Вакхъ благосло-
витъ!..

Не грозенъ для него свѣтильникъ эмме-
видъ,

Безъ страха будетъ ждать овъ ужасовъ
Эреба;

А здѣсь рука его на жертвенникъ неба
Повергнетъ не дрожа плоды, яитарный
медъ,

Ихъ розъ гирляндами и миртомъ обо-
вѣсть...

Но я бы не желалъ сей жизни безъ во-
вѣнья,

Мнѣ тягостно ея разивривое теченье.
Я тайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы

порой
И бури, и тревогъ, и вольности святой,
Чтобъ духъ мой: крѣпнуть могъ въ боре-
ніи мятежномъ,

И, крылья распустивъ, орломъ широко-
бѣжливѣ

При общемъ ужасѣ надъ льдами горъ
вѣтять,

На бездну упадать и въ небѣ утопать.

Да, позволительно и можно многого надѣяться въ будущемъ отъ духа, способнаго отрывать отъ участи, столь полной обаятельнаго счастья, и питать, въ молодой груди, желанія, отъ которыхъ не у всѣхъ и не у каждаго не поблѣвѣютъ лавиты отъ ужаса, но запылаютъ яркимъ румянцемъ могучаго ршенія, а очи заблещутъ гордымъ сознаніемъ собственной силы и упоеніемъ безконечнаго блаженства.

**КУЗЬМА ПЕТРОВИЧЪ МИРОШЕВЪ. РУССКАЯ БЫЛЬ ВРЕМЕНИ
ЕКАТЕРИНЫ II. Сочиненіе М. Н. Загоскина. Четыре части. Москва.
1842.**

Г. Загоскинъ пишетъ очень мало, но, сравнительно съ другими, онъ у насъ самый плодотворный романистъ. Въ десять лѣтъ слишкомъ—вотъ уже шестой романъ, да въ промежуткахъ, повѣстей съ пятокъ: по-нашему, по-русски, это много, очень-много. Самъ г. Булгаринъ написалъ всего-навсего только пять романовъ, и ужь больше—можно поручиться—не напишетъ ни одного: такъ ему посчастливилось въ этомъ дѣлѣ. Важный фактъ въ исторіи русскаго романа, потому-что въ ней г. Булгаринъ играетъ гораздо-большую и важнѣйшую роль, нежели какъ думаютъ и враги и почитатели его несравненнаго таланта! Такъ-какъ мы принадлежимъ къ числу послѣднихъ, т. е. почитателей, то и почтаемъ долгомъ объяснить значеніе г. Булгарина въ плачевной исторіи русскаго романа,—тѣмъ болѣе, что, безъ того, мы никакъ не въ состояніи дѣлать настоящей оцѣнки послѣднему роману г. Загоскина.

Вся русскіе романы можно раздѣлить на два разряда. Первый разрядъ къ началу «Бурсакомъ» и «Двумя ванами» Наръжнаго, а кончился тремя попытками даровитаго И. И. Лажечникова—«Послѣднимъ Новикомъ», «Ледянымъ Домомъ» и «Басурманомъ». Здѣсь не мѣсто сравнивать между собою таланты обоихъ романистовъ; довольно сказать, что это таланты яркіе, замѣчательные, и что ничего общаго, никакой исторической

связи между ними нѣтъ. Наръжный явился слишкомъ-рано, не издавалъ ни журнала, ни газеты, гдѣ бы могъ ежедневно хвалить самого-себя,—и прошелъ незамѣченнымъ, остался безъ подражателей. Романы Лажечникова были, напротивъ, оцвѣнены публикою по достоинству, безъ всякихъ на этотъ счетъ стараній съ его стороны, или со стороны его друзей, издающихъ газеты и журналы. Романы Лажечникова были фактами эстетическаго и нравственнаго образованія русскаго общества, и навсегда будутъ достойны почетнаго упоминованія въ исторіи русской литературы. Къ этому же разряду надо причислить и «Юріи Милославскаго» г. Загоскина; но о немъ рѣчь послѣ.

Второй разрядъ романовъ ведетъ свое начало издаека.

У насъ образовался особый родъ романа, который сперва назывался *нраво-описательнымъ*, *нравственно-сатирическимъ*, а теперь ужь никакъ не называется, хотя бы и долженъ былъ называться *моральнымъ*. Блестательный талантъ г. Булгарина былъ творцомъ этого рода романовъ; не менѣе блестящий талантъ г. Загоскина былъ его утвердителемъ и распространителемъ. Господа Зотовъ и Воскресенскій принадлежатъ къ числу самыхъ счастливыхъ и даровитыхъ подражателей этихъ двухъ сочинителей. Проницательный читатель и безъ насъ угадаетъ имена прочихъ многи-

сленныхъ романствовъ этой категоріи. Но, сверхъ морально-сатирическаго романа, есть еще два разряда романовъ, которые, впрочемъ, составляютъ одинъ разрядъ съ нимъ. Мы говоримъ о романахъ *восторженномъ*, *патетическомъ*, живописующемъ растрепанные волосы, вкоченные чувства и кипящія страсти. Основателемъ этого рода романа былъ даровитый Марлинскій, у котораго есть тоже свои счастливые подражатели. Третій родъ романа — *идеально-сантиментальный*: его началъ г. Полевой своими сладенькими повѣстями, онъ же и кончилъ его въ переслащенномъ романѣ своемъ «Аббадонна»; — подражателей у г. Полеваго не имѣется.

Всѣ эти три рода романа образуютъ собою одинъ разрядъ. Разсмотримъ его.

До Вальтера Скотта не было истиннаго романа. Великое твореніе Сервантеса «Донъ-Кихотъ» составляло исключеніе изъ общаго правила, а знаменитый «Жилблазъ де-Сантлана» Француза Лесажа прославленъ не въ мѣру и не по достоинству. Это не больше, какъ довольно-недурное произведеніе, которое однако было бы лучше, еслибъ не было такъ разнунто, или еслибъ его сократить на половину, т. е. изъ восьми частей сдѣлать только четыре. Романы восемнадцатаго вѣка: Радклифъ, Дюкре-дю-Мениля, Жанлисъ, Коттевъ, Шписа, Клаурева и другихъ, — только до Вальтера Скотта могли считаться романами: они изображали не общество, не людей, не дѣйствительность, а призраки большаго, или празднаго воображенія. Знаменитые англійскіе *Памелы*, *Клариссы*, *Грандиссоны* и *Ловеласы* держались ближе общества и дѣйствительности; но лидактическая цѣль убила въ нихъ поэзію. Вальтеръ Скоттъ первый показалъ, чѣмъ долженъ быть романъ. До него думали, что «пѣсня—быль, а сказка—ложь», какъ говоритъ русская поговорка, и что, поэтому, чѣмъ больше неправды въ романѣ, тѣмъ онъ лучше. Желая придать ему какую-ни-

будь цѣну въ глазахъ людей *солидныхъ* и *разсудительныхъ*, навязали ему полезную цѣль — исправлять нравы, осмѣивая пороки и хвала добродѣтель. Такимъ-образомъ, роману было приказано быть органомъ ходячихъ моральныхъ истинъ своего времени. Да, *своего времени*, ибо ходячая мораль такъ же измѣнчива, какъ и курсъ голландскаго червонца: въ прошломъ вѣкѣ мораль предписывала бѣдному и незначительному человѣку имѣть ватрона-благодѣтеля, низко ему кланяться, почитать за честь быть допущеннымъ къ его столу или къ его ручкѣ: теперь все это считается униженіемъ человеческого достоинства. И такъ, что теперь называется *подличаньемъ*, тогда называлось *умльнемъ жить*: что теперь называется *подлостью* — тогда называлось — скромностью и смиреніемъ; что теперь называется *благородствомъ души* — тогда называлось *гордостью*, она же есть *смертный врыкъ*... Такимъ-образомъ, сочинители давали человѣчскія имена и фамиліи своимъ жалкимъ, а вердю и подмевкимъ моральнымъ понятіямъ, выдавая свое резонерство за «нравственность» да еще «чистѣшную», а свою картофельную сантиментальность — за «любовь». Эти ограниченные понятія и сладенькія чувствованія означались номерами и особыхъ ярлычкахъ, а ярлычки наклеивались на лбахъ безобразныхъ фигуръ грубо-вырванныхъ изъ карточной бумаги: весьма-остроумно-придуманное удобство для читателя романа: благодаря ему, читатель уже не могъ запутаться во множествѣ именъ и одинаковыхъ фигуръ, потому-что на лбу каждой читалъ: «добродѣтельный № 1», «злой № 2» и т. д. Тогда все были или добродѣтельные или злодѣи; не было необходимѣйшихъ и многочисленныхъ членовъ общества — глупцовъ и безцвѣтныхъ характеровъ, которые ни добры, ни злы, и т. п. Романъ всегда оканчивался благополучно, и зѣвующій читатель оставлялъ книгу не прежде, какъ воспѣвъ расправу,

т. е. брака гонимой четы, награды добрым и наказанія злымъ. Всѣ говорили одинакимъ языкомъ; о колоритѣ мѣстности, различіи сословія никто и не спрашивалъ.

Мы не безъ умысла распространились о старинномъ романѣ и высказали о немъ читателю истинныя, нѣсколько уже старыя и давно всѣмъ извѣстныя: намъ это было нужно для того, чтобы показать, какъ новѣйшій романъ вѣкторыхъ знаменитыхъ сочинителей далеко ушелъ отъ романа добраго стараго времени, чѣмъ отъ него разнится и чѣмъ на него похожъ. «Но вѣдь вы общали намъ разобрать новый романъ г. Загоскина, а говорите о романахъ, которые были за сто и дальше лѣтъ до г. Загоскина?»—Я о немъ-то и говорю, какъ увидите ниже.

Вальтеръ Скоттъ не изобрѣлъ, не выдумалъ романа, но открылъ его, точно такъ же, какъ Колумбъ не изобрѣлъ и не выдумалъ Америку, а только открылъ ее. Сервантесъ, заломго до Вальтера Скотта, написалъ истинный историческій романъ. Правда, онъ явно имѣлъ сатирическую цѣль — осмѣять запоздалое и противное духу времени рыцарствованіе въ мечтахъ и дурныхъ романахъ, — и этой цѣлью великій человѣкъ заплатилъ дань своему вѣку; но творческій, художественный элементъ его духа былъ такъ силенъ, что побѣдилъ разсудочное направленіе, и Сервантесъ, стремясь къ нравоисправительной цѣли, достигъ совсемъ другой цѣли — именно художественной, а черезъ нее и нравоисправительной. Его донъ-Кихотъ есть не карриатура, а характеръ, полный истинны и чуждый всякаго преувеличенія, не отвѣченный, но живой и дѣйствительный. Идея донъ-Кихота не принадлежитъ времени Сервантеса: она — обще-человѣческая, вѣчная идея, какъ всякая «идея»: донъ-Кихоты были возможны съ-тѣхъ-поръ, какъ явились человѣческія общества, и будутъ возможны, пока люди не разбѣгутся по лѣсамъ. Донъ-Кихотъ — благородный и умный человѣкъ, который весь, со

всѣмъ жаромъ энергической души; предался любимой идее; комическая же сторона въ характерѣ донъ-Кихота состоитъ въ противоположности его любимой идеи съ требованіемъ времени, съ тѣмъ, что она не можетъ быть осуществлена въ дѣйствіи, приложена къ дѣлу. Донъ-Кихотъ глубоко понимаетъ требованія истиннаго рыцарства, разсуждаетъ о немъ справедливо и поэтически, а дѣйствуетъ, въ качествѣ рыцаря, вѣлпо и глупо; когда же разсуждаетъ о предметахъ витрыцарства, то является истиннымъ мудрецомъ. И вотъ почему есть что-то грустное и трагическое въ судьбѣ этого комическаго лица, а его сознаніе заблужденій своей жизни на смертномъ одрѣ возбуждаетъ въ душѣ глубокое умиленіе и невольное наводитъ васъ на созерцаніе печальной судьбы человѣчества. Каждый человѣкъ есть немножко донъ-Кихотъ; но болѣе всего бываютъ донъ-Кихотами люди съ пламеннымъ воображеніемъ, любящею душою, благороднымъ сердцемъ, даже съ сильною волею и съ умомъ, но безъ разсудка и такта дѣйствительности. Вотъ почему въ нихъ столько комическаго, а комическое ихъ такъ грустно, что возбуждаетъ смѣхъ сквозь слезы; еслибъ это были люди ничтожныя — они не были бы даже и слишкомъ-смѣшны: истинныхъ донъ-Кихотовъ можно найти только между не дюжинными людьми. Но главное: они всегда были, есть и будутъ. Это типъ вѣчный, это единая идея, всегда воплощающаяся въ тысячахъ разныхъ видахъ и формахъ, сообразно съ духомъ и характеромъ вѣка, страны, сословія и другими отношеніями, необходимыми и случайными. Такъ и теперь сколько есть донъ-Кихотовъ, напр., въ одной литературѣ! Человѣкъ, который искренно убѣжденъ въ томъ, чему уже никто не вѣритъ, и который жертвуетъ трудомъ, достояніемъ, спокойствіемъ и здоровьемъ для убѣжденія другихъ въ своемъ убѣжденіи, — развѣ это не донъ-Кихотъ? Сколько умнаго, истиннаго въ томъ, что говорить онъ, а цѣлое все-таки —

ложь, возбуждающая уже не негодование, а смѣхъ, вызывающая не возмущенія, а насмѣшки...

И такъ, достоинство сервантесова романа — въ идеѣ: идея сдѣлала его вѣчнымъ, никогда-неумирающимъ и никогда-нестаряющимся поэтическимъ произведеніемъ. Въ идеѣ заключается причина того, что, несмотря на испанскія имена, мѣстность, обычаи, частности, — люди всѣхъ націй и всѣхъ вѣковъ читаютъ и будутъ читать «Донъ-Кихота». Что же касается до испанскаго колорита и событій, характеровъ и лицъ — этотъ колоритъ свидѣтельствуемъ, что идея «Донъ-Кихота» — живая, воплощенная и обособившаяся, а не отвлеченно-общая и отвлеченная идея.

Вотъ это-то жизненно-органическое сліяніе общаго (идеи) съ особымъ (вѣкъ, страна, индивидуальныя характеры) составляетъ сущность и достоинство романовъ Вальтера Скотта. Этотъ великій поэтъ былъ челоуѣкъ, Британецъ и баронетъ въ-добавокъ: у него были свои личныя понятія и понятіяица, свои личныя чувства и чувствованіяица, національныя вражды и ненависти, народныя предрассудки, что все, вмѣстѣ взятое, и сгубило его «Исторію Наполеона». Но онъ ничего этого невносилъ въ свою творческую дѣятельность, и входя въ созерцаніе судебъ челоуѣчества и челоуѣка, откладывалъ въ сторону свою личность и свое баронетство: онъ хотѣлъ только приковать къ бумагѣ видѣнія и образы, возникавшіе передъ его внутреннимъ окомъ, а судить, резонировать о нихъ предоставлялъ другимъ. И хорошо сдѣлалъ: онъ вообще не мастеръ былъ судить; но въ творчество былъ великій мастеръ. Потому-то романы его были зеркаломъ дѣйствительности, въ которомъ она походила сама на себя больше, нежели тогда, когда оставалась бы просто дѣйствительностію. Въ его романахъ вы видите и злодѣевъ, но понимаете, почему они — злодѣи, и иногда интересуетесь ихъ судьбою. Большею же частію,

въ романахъ его вы встрѣчаете мелкихъ плутовъ, отъ которыхъ происходятъ всѣ бѣды въ романахъ, какъ это бываетъ и въ самой жизни. Герои добра и зла очень рѣдки въ жизни; настоящіе хозяева въ ней — люди середины, ни то, ни сѣ. Вальтеръ Скоттъ былъ натуры глубокой, но спокойной и тихой, пользовался отличнымъ здоровьемъ и не зналъ нищеты и бѣдности. Отъ-того, взглядъ его на жизнь веселъ и ясенъ, а романы, большею частію, оканчиваются счастливо; но, какъ челоуѣкъ гениальный, а следовательно, и уважавшій свято объективную истину изображаемаго имъ міра, онъ написалъ нѣсколько романовъ, которые очень похожи на ужасныя трагедіи, какъ напр. «Ламмермурская Невѣста», «Сев-Романскія Воды», «Дивенто, или Іуанъ» (со стороны судьбы Ревелія), «Морской Разбойникъ» (Бренда)... Да, романы Вальтера Скотта потому великія произведенія искусства, что они не прекраснее и не разшироплинее, а дѣйствительное, хотя и идеальное, изображеніе жизни какъ она есть. Только жалкіе писаки подблуживаютъ и подурманиваютъ жизнь, стараются скрывать ея темныя стороны, и выставляя только утѣшительныя. Но романы этихъ господъ-сочинителей похожи на грюшевыя пряники, которые услаждаютъ вкусъ одной черни, поддонковъ и ослаковъ челоуѣчества. Истина выше всего, и какъ ни закрывайте глаза отъ зла — зло отъ этого не меньше существуетъ-таки. Недавно было въ модѣ нападать на современныхъ французскихъ романистовъ за исключительно — мрачный взглядъ ихъ на жизнь; но теперь порядочные люди уже не нападаютъ на нихъ за это, сколько потому что эти нападки уже старая пѣсня, столько и въ-слѣдствіе умной, хотя и поздней догадки, что никто не можетъ видѣть вещи иначе, какъ онъ представляются ему, и что кто не любить мрачныхъ картинъ, тотъ не смотри на нихъ, а писать ихъ все-таки не мѣшай. Теперь эти нападки сдѣлались достоинствомъ меньшей литературы

братія, — и Боже мой! какія тонкія остроты, какія грозныя анаэмы бросаетъ она на бѣдную французскую литературу, втайнѣ удивляясь ей, и въльвъ питаясь убогими крохами съ ея богатаго стола... Смѣшно и жалко!...

Какъ великій гевій, Вальтеръ Скоттъ не могъ не имѣть сильнаго вліянія на свой вѣкъ и даже на людей, съ которыми у него и у которыхъ съ нимъ не было ничего общаго. Въ бросились писать историческіе романы, не зная исторіи, будучи чужды всякаго историческаго созерцанія и взгляда на жизнь, и думая, въ простотѣ сердца, что романы великаго Шотландца отъ-того такъ удались, что въ нихъ исторія слита съ частнымъ бытомъ, и что имъ стоитъ только перелистовать какой-нибудь томъ исторіи Карамзина, да придумать любовь, разлуку, препятствіе и благополучный бракъ—такъ и они будутъ Вальтерами Скоттами — и разбогачьются, и прославятся. Нѣкоторымъ въ-самомъ-дѣлѣ удалось это въ каррикатурахъ и въ мнѣвьяхъ. Впрочемъ, не должно думать, чтобъ такъ-вы только были результаты движенія, произведеннаго Вальтеромъ Скоттомъ: они были безконечно-важны во всѣхъ отношеніяхъ, и для всѣхъ литературъ, слѣдственно и для нашей. Мы уже упоминали о прекрасныхъ попыткахъ Лажечникова, и могли бы сдѣлать еще важнѣйшія указанія, — но это не относится собственно къ роману. Любопытно было бы взглянуть, какъ подѣйствовала Вальтеръ Скоттъ на большую. по числу, часть своихъ подражателей; но это когда-нибудь, — а теперь обратимся къ романамъ г. Загоскина и къ другимъ одной съ ними категоріи.

«Юрій Милославскій» былъ первымъ историческимъ романомъ на русскомъ языкѣ. Историческаго въ немъ было — надо сказать правду — очень мало, если исключить собственные имена, числа и внѣшнія событія. Русскіе люди первой половины XVII вѣка у него очень-похожи на мужичковъ и бородастыхъ торговцовъ нашего вре-

мени. Герой — образъ безъ лица, не человекъ и не тѣнь: его ни руками схватить, ни глазами увидѣть; но что всего забавнѣе, этому безтѣлесному существу авторъ навазалъ понятія, чувства и деликатность сантиментальныхъ героевъ прошлаго вѣка. Замашка — основать русской романъ XVII вѣка на любви, показываетъ, что авторъ не вникъ въ бытъ старой Руси и увлекался подражаніемъ Вальтеру Скотту. Вся лица романа — осуществленіе личныхъ понятій автора; всѣ они чувствуютъ его чувствами, понимаютъ его умомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ нравятся въ чтеніи, потому-что авторъ умѣлъ придать имъ какой-то призракъ дѣйствительности, и это умѣнье обличало въ немъ преніяго драматическаго писателя. Особенно же нравятся эти лица тѣмъ достолюбезнымъ добродушнымъ, которое умѣлъ придать имъ авторъ. Познакомившись съ такимъ лицомъ на одной страницѣ романа, вы знаете, что онъ будетъ говорить и дѣлать на другой, третьей — и такъ до послѣдней, а все-таки съ удовольствіемъ слѣдите за нимъ. Но герой добра и зла ужасно-неудачны: мы говорили уже о самомъ Милославскомъ, а теперь скажемъ, что и таинственный незнакомецъ, открывающійся потомъ Мишинымъ, не лучше его; бояринъ Кручина и другъ его сбиваются на мелодраматическихъ злодѣевъ... И однакожь романъ произвелъ въ публикѣ фуроръ: онъ былъ первая попытка на русской исторической романъ; сверхъ-того, въ немъ много теплоты и добродушія, которыя сдѣлали его живымъ и одушевленнымъ; рассказъ легкій, лющійся, увлекательный: ничему не вѣрите, а читаете, словно «Тысячу и Одну Ночь». Его и теперь можно перелистовать съ удовольствіемъ, какъ, вѣроятно, вы перелистываете иногда «Робинюна Крузосъ», который въ дѣтствѣ доставлялъ вамъ столько чистѣйшаго и упительнѣйшаго наслажденія. — За «Юріемъ Милославскимъ» послѣдовала другой русской исторической романъ г. Загоски-

на «Рославлеву». Онъ былъ повторенъ «Юрія Милославскаго»: тѣ же лица, тѣ же характеры, тѣ же начала, тѣ же достоинства и недостатки, исключая одной героини, которая сдѣлалась виновата передъ судомъ автора въ томъ, что, какъ женщина, полюбила мужчину, неспрашивая, какой онъ ваціи. И за это, авторъ старался всеми силами выставить ее въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, а героя тѣмъ паче возвеличить; но какъ сей великій мужъ былъ роднымъ братомъ боярина Юрія Милославскаго, то романъ и палъ, не смотря на возгласы пріятелей. Не будемъ и мы тревожить его праха.—«Аскольдова Могила» была могилою славы автора, какъ историческаго романиста; онъ самъ это увидѣлъ, и утѣшился тѣмъ, что изъ плохаго романа сдѣлалъ плохое либретто для хорошей оперы. Тогда онъ обратился къ простымъ, неисторическимъ романамъ, въ которыхъ талантъ его явно попалъ въ свою настоящую сферу, хотъ и повибился изъ силъ, напрягая ихъ въ чуждой ему сферѣ, куда приманила его подражательность. Подливно, справедливо сказано :

Гоши природу въ дверь—она влетитъ въ окно!..

Оставимъ пока романы г. Загоскина и обратимся къ историческому обозрѣнію романической дѣятельности другаго знаменитаго таланта: такъ требуется *внутренняя* связь нашей статьи.

Первымъ романомъ г. Булгарина былъ знаменитый въ русской литературѣ «Иванъ Выжигинъ». — это извѣстие всей просвѣщенной Европѣ. Сатира и мораль составляютъ душу этого превосходнаго произведенія; сатира отличается такимъ жолчнымъ остроуміемъ, а мораль—такою убѣдительною, что тотчасъ же по выходѣ «Ивана Выжигина», въ Россіи уже нельзя было увидѣть ни одного изъ пороковъ и недостатковъ, осмѣянныхъ г. Булгаринымъ. И не удивительно: въ сатиру ему служилъ образцомъ Су-

марковъ, «гонитель злыхъ пороковъ». Вторымъ романомъ г. Булгарина былъ «Димитрій Самозванецъ», который, впрочемъ, показалъ, что историческая почва нисколько не родственна таланту г. Булгарина, столь сильному и поэтическому на моральной почвѣ. Романъ палъ, и только чрезвычайный успѣхъ *Выжигина* помогъ разойтись единственному изданію *Самозванца*. Въ немъ были все недостатки «Юрія Милославскаго», но не было ни тѣи теплоты и добродушія, составляющихъ неотъемлемое достоинство произведенія г. Загоскина. Впрочемъ, г. Булгаринъ умѣлъ, съ другой стороны, сдѣлать свой историческій романъ если не интереснымъ, то заслуживающимъ неоспоримаго уваженія: именно, съ моральной стороны, съ которой онъ такъ замѣчательнъ. Вотъ что сказалъ о немъ Пушкинъ, прикинувшись разъ Теофилактомъ Косичкинымъ: «Что можетъ быть нравственнѣе сочиненій г. Булгарина? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ: сколь не похвалю лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игрѣ и тому под. Г. Булгаринъ наказуетъ лица разными затѣливыми именами: убійца названъ у него *Ножовымъ*, взяточникъ—*Взлукинымъ*, дуракъ—*Глаздуринымъ*, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова—*Хлопухинымъ*, Димитрія Самозванца—*Каторжниковымъ*, а Марину Мнишекъ— княжною *Шможиною*: за то и лица сіи представлены въ сколько бѣдно» (См. «Телескопъ» 1831 года, ч. IV). Третьимъ романическимъ подвигомъ г. Булгарина былъ «Петръ Ивановичъ Выжигинъ» — опять историческій романъ, гдѣ Наполеонъ былъ представленъ въ контрастѣ съ Петромъ Ивановичемъ, и гдѣ Петръ Ивановичъ совершенно заслонилъ Наполеона — что и доказало неспособность г. Булгарина живописать историческія личности, особенно такіа великія, какъ Наполеонъ. Г. Загоскинъ въ то же время и также неудачно изображалъ Напо-

леова въ своемъ «Рославленѣ»: чудное сходство въ направленіи романтической дѣятельности обоихъ этихъ писателей!.. Тогда г. Булгаринъ съ горя отъ неудачи впалъ въ новую неудачу — написалъ третій и послѣдній историческій романъ свой — «Мазепу». Дружба всѣми силами старалась поддержать это произведение, но и сама рушилась подъ тяжестью такого подвига: читателя, можетъ-быть, вспомнить ловкую статью о «Мазепѣ» въ «Б. для Ч». Тогда г. Булгаринъ написалъ «Записки Чухина», гдѣ снова, и уже навсегда, вошелъ въ родственную его таланту сферу.

Теперь намъ остается рассмотреть, что такое моральный романъ, т. е., какъ онъ пишется и къ чему онъ годенъ. О *восторженномъ* родѣ романовъ новаго сказаъ вѣчего; что же до *идеально-сантиментальныхъ*, то здѣсь не мѣсто и не время распространяться о нихъ; мы предоставляемъ себѣ воспользоваться этимъ удовольствіемъ при поминаніи перваго романа въ такомъ родѣ, или — чего лучше! — при выходѣ послѣднихъ двухъ частей «Аббадонны» г. Полеваго: извѣстно, что первые четыре части были издавы два раза безъ хвоста, о которомъ мы имѣемъ понятіе по двумъ большимъ отрывкамъ, напечатаннымъ въ «Смѣхъ Отечества» 1840 года. Итакъ, приступаемъ прямо къ разбору «Кузьмы Петровича Мирошева», какъ типическаго представителя цѣлаго рода романовъ, который должно назвать *морально-сатирическимъ*.

Всѣ главы въ новомъ романѣ г. Загоскина означены разными затѣйливыми заглавіями, которыя вошли въ моду въ нашей литературѣ съ появленіемъ въ свѣтъ «Повести о томъ, какъ поссорился Иванъ Инаповичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Первая глава «Кузьмы Петровича Мирошева» гласитъ «О томъ, гдѣ и когда случилось то, о чемъ разсказывается въ этой истинной повѣсти». Начинается она возраженіемъ противъ несправедливо-приобрѣтенной рѣкою Сурую извѣстности въ народѣ (вѣроятно, народъ Певзенской Губер-

ин, гдѣ она только и извѣстна): авторъ справедливо замѣчаетъ, что покрытыя сосновыми лѣсами берега Суры очень мрачны, и что Сура течетъ на обверъ. Вы ожидаете, читатель, встрѣтить на берегу этой несправедливо-прославленной (что неопровержимо доказано г. Загоскинымъ почти на двухъ страницахъ) рѣки городъ, или деревню, гдѣ родился герой, или гдѣ началось дѣйствіе романа: ничего не бывало! Сура не имѣетъ никакого отношенія къ роману, точно такъ же какъ и Гангесъ или Ниль; на берегу Хопра начался и кончился романъ... Вы, можетъ быть, думаете, что авторъ распространился *ни-съ-того-ни-съ-сего* о Сурѣ только для того, чтобы къ его роману, тощему содержаніемъ, прибавилось полторы лишнія сгравички: ошибаетесь, читатель! Нѣтъ, это просто пораженіе русскимъ пѣснямъ: кто не знаетъ, что почти всѣ наши народныя пѣсни начинаются, не съ того, съ чего начинаются, а именно съ того, съ чего не начинаются, на-пр.:

Ужь не лебедь ходить белая
По зеленой травкѣ шолоковой,
Ходить красна дѣвица душа
Во кручицѣ, въ мысляхъ горестныхъ,
и пр.

Или:

Не былинушка въ чистомъ полѣ запята-
лась,
Запяталась безпріютная головушка,
Безпріютная головушка молодецкая, и пр.

Продолжаю. Хопру посвящено только нѣсколько строкъ; за тѣмъ на тринадцати страницахъ слѣдуетъ описаніе деревни, принадлежавшей герою романа. Деревня — какъ всѣ русскія деревни — ничего особеннаго! Въ число этихъ тринадцати страницъ должно включить легенду объ источникѣ, или родникѣ въ деревнѣ Мирошева. Вотъ ужъ этого не понимаемъ: зачѣмъ сюда зашла эта легенда, если не для забавы читателей? ибо тѣ добрые люди, которые могли бы прійти отъ нея въ умиленіе, за безграмотностію, не прочтуть романа г. Заго-

скива. Изъ второй главы узнаёмъ, «Откуда происходитъ родъ Мирошевыхъ, и отъ-чего у прадеда Кузьмы Петровича было двѣ тысячи душъ, а ему досталось только пятьдесятъ». Авторъ начинаеть родъ Мирошевыхъ не съ лица Леды, а только лѣтъ за сто съ небольшимъ до царя Θεодора Иоанновича; и потому надо прочесть, по-крайней-мѣрѣ, три странички, прежде, чѣмъ дойдешь до отца героя романа, Кузьмы Петровича. Отецъ его тянулся изъ всѣхъ силъ имѣть псарюю—не меньше, чѣмъ у князя Ромодановскаго, и протаивуль тысячу-шестьсотъ душъ, а сыну оставилъ съ небольшимъ четверста. Петръ Кузьмичъ женился на модницѣ, которая разорила его въ разоръ и терпѣть не могла своего сына (онъ-то и герой романа) за его кучерское имя,—что я заставило Петра Кузьмича отвезти малолѣтняго Кузьму Петровича въ Петербургъ и отдать въ жадетскій корпусъ. Черезъ пять лѣтъ, родители Кузьмы Петровича умерли, и ему отъ четырехъ-сотъ душъ крестьявъ осталось только триста рублей денегъ.

Теперь мы будемъ слѣдовать за романомъ не по главамъ, а постараемся разказать содержаніе всѣй книги покороче. У Кузьмы Петровича была дядька, Прохоръ Кондратьевичъ—маленькое, и не совсѣмъ удачное подражаніе *Савельичу* въ «Капитанской Дочкѣ». Здѣсь особенно интересно мнѣніе автора о слугахъ такого рода; представляемъ его на судъ читателей:

«Куда дѣвалось это побольше върнихъ слугъ боярскихъ? Оно исчезло вмѣстѣ съ патриархальными нравами нашихъ предковъ. Теперь такая безкорыстная любовь къ чужому ребенку можетъ показаться невѣроятною, а встрѣпиу это бывало сплошь. Обыкновенно *барское дитя*, переходило отъ кормилицы къ нянюшкѣ, отъ няни мальчикъ поступалъ подъ надзоръ дядьки, и всѣ эти хожатые: кормилица, нянюшка и дядька, сохраняли до самой смерти неизмѣнную привязанность къ ребенку, который въ послѣдствіи становился ихъ баряномъ. *Разумствуй*, эта любовь была всегда самая слѣпая и безотчетная; обыкновенно каждая нянюшка и

каждый дядька не сомнѣвались, что видя и умѣя и лучше своихъ братьевъ и сестеръ. Это бы еще ничего: но они также были увѣрены, что оно не могло быть никогда и ни въ чемъ виноватымъ. Отъ этого происходили иногда споры, которые не всегда оканчивались миролюбиво: бывало два брата подерутся между собою, а тамъ—глядяшь, и нянюшки таскають другъ-друга за волосы» (Ч. I. Стр. 53).

Получивъ пастѣдство (300 руб.), Мирошевъ былъ выпущенъ изъ корпуса офицеромъ и заказалъ себѣ Нѣмцу портному полевую форменную экипировку; а Прохоръ выторговалъ у Нѣмца тридцать рублей изъ ста, расплакавшись передъ нимъ о бѣдности барина. Затѣмъ, Мирошевъ пошелъ въ прусскую кампанію. Но увѣренію почтеннаго и даровитаго автора «въ товарищи полюбили его за кроткій нравъ, примѣрное добродушіе и веселый обычай, который, однакожъ, не помѣшалъ ему быть самымъ разсудительнымъ и степеннымъ прапорщикомъ во всей арміи; служивые говорили о немъ, какъ о самомъ отличномъ и исправномъ фрунтовымъ офицерѣ, а вся молодежь называла его *дядюшкой*. Лицо, какъ видите, идеальное. вполне заслуживающее чести быть героемъ такого прекраснаго романа, какъ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ». Прохоръ тоже попалъ въ большую честь за свою услужливость и честность, а главное—за умѣные объясняться съ Нѣмцами. Одинъ русскій офицеръ попросилъ у Нѣмца молока, а тотъ подалъ ему колбасу—офицеръ было и въ зубамъ Нѣмца; но позвала Прохора, и тотъ сталъ на четвереньки, заревѣвъ теленкомъ (?!). Нѣмецъ догадался—и дѣло кончилось миролюбиво. Въ полку былъ поручикъ Фурсиковъ—забика въ мирѣ и трусь на войнѣ. Мирошевъ былъ свидѣтелемъ его трусости (повтореніе слово-въ-слово исторіи съ княземъ Блѣткнвымъ въ «Рославленѣ»). Когда кончилась война, и Мирошевъ воротился съ полкомъ въ Россію, Фурсиковъ былъ эскадрон-

нимъ командиромъ и такъ распекалъ при всякомъ случаѣ нашего Мирошева, что тотъ подалъ въ отставку и поѣхалъ въ Москву искать своихъ сослуживцевъ — не помогутъ ли они найти ему штатское мѣстечко. Имѣнія съ нимъ было — пара крестьянскихъ лошадей, телега, да пять дѣловыхъ въ карманъ. Жалѣлъ о немъ болѣе всѣхъ гуляка и рубака, добрый малый, Костоломовъ... Да! я забылъ сказать, что у Мирошева была родная тетка, старая дѣвица, у которой было 50 душъ крестьянъ, и съ которою мать его, а ея сестра, была во враждѣ. На дорогахъ къ Москвѣ, Мирошевъ разговорился съ Прохоромъ о-томъ-о-сѣмъ, и Прохоръ, между прочими умными вещами, которыя онъ такой мастеръ говорить, сказалъ, что не худо бы Кузьмѣ Петровичу имѣть душъ тысячъ двѣ крестьянъ. «Э! — отвѣчалъ Мирошевъ: хорошо было бы, еслибъ хоть вотъ и этакую деревеньку — вотъ, что стоитъ на лѣво-то!» Тутъ баринъ и лѣвщикъ пустились въ запуски хвалить деревеньку, — и у Мирошевапись-того, ни-съ-сего загорѣлось оставаться въ ней кормить лошадей, хоть онъ еще и мало отъѣхалъ. Слуга было запорилъ, но скоро согласился: вѣдь противъ судьбы не пойдешь... Да, судьбы, читатель, судьбы: радостное бѣшеніе вашего сердца и тонкая пропницательность вашего ума давно уже сказали вамъ, къ чему велутъ всѣ эти подробности... Путешественники остановились въ крайней избѣ у старосты Пароена. Прохоръ предлагаетъ барину объѣдъ, но баринъ хочетъ гулять. Оно такъ и должно: всѣ истинные герои романовъ любятъ гулять и мечтать, хоть бы они родились и жили въ такое время, когда по-пусту шататься не любилъ и всякому гулянью предпочитали — поплотнѣе набивши желудокъ, хорошеенько всхрапнуть. Но Мирошевъ былъ изъ грамотныхъ и, вѣроятно, уже прочелъ «Приключенія Никавора, несчастнаго Дворянина»: — похождения знаменитаго «Георга Милорада Английскаго» тогда едвали еще были изданы.

Вотъ Мирошевъ и спрашиваетъ у одного мужичка, можно ли погулять въ рощѣ. — Сколько душъ угодно, не то, что въ рощѣ, да и въ саду. — Стадобыть, господь въѣтъ дома? — Была барыня, да и та умерла. — (Понимаете?..) Такъ и домъ посмотреть можно? — Вѣстимо. Пока ключница пошла за ключами, Мирошевъ глядѣ въ дверь одной комнаты, да и остолбенѣлъ... Тамъ — видите — сидѣла, облокотясь на столъ и читая книжку, прелестная молодая дѣвица съ печальнымъ лицомъ. Описание ея красоты пропускаемъ: оно превосходно, но нѣсколько сбивается на общій тонъ чувствительныхъ романовъ. Вдругъ у дѣвицы выступили на глазахъ слезы, а у Мирошева облилось сердце кровью. «Боже мой! — подумалъ онъ: — и это небесное созданіе, этотъ ангелъ несчастливъ! Красавца, онъ разспросилъ ключницу потому объ этой дѣвицѣ, и узналъ, что она — дочь бѣдныхъ, благородныхъ родителей, сирота, призрѣнная покойною владѣтельницею деревеньки. Яркими красками описала Мирошеву ключница Федосья добродѣтели сей дѣвицы, и какъ она, Федосья, видѣла во снѣ свою умершую дочь и прочее, все такое... Гуляя, Мирошевъ расплакался, — изъ сего ясно видно, что онъ «полюбилъ сильно, глубоко и вѣчно, а въ тоу чувственную любовью, что вспыхнетъ да пройдетъ». Наплакавшись и вагулявшись, онъ воротился въ деревню — глядѣ, въ ней движеніе: мужики и бабы въ праздничныхъ платьяхъ, и лишь только кто увидитъ его, бухъ ему въ ноги... — Чтѣ такое? спрашиваетъ изумленный Мирошевъ. — Такъ-съ, ничего-съ! отвѣчаетъ ему таинственнымъ голосомъ Прохоръ. Короче, читатель: помѣщица села Хопровки, недавно умершая, была *вышереченная* тѣтка Мирошева, и Кузьмѣ Петровичу не даромъ захотѣлось кормить лошадей въ этой деревенькѣ... Впрочемъ, вы давно уже ожидали такого чуда. Но вотъ бѣда: тѣтишка-то хотѣла отказать имѣніе своей помѣщицѣ; Кузьма Петровичъ даже на-

шелъ написанную вчертъ духовную, которую не успѣли переписать за смертію помѣщицы. Какъ истинный герой романа, чувствительный и великодушный, онъ почитаетъ себя не въ правѣ воспользоваться наслѣдствомъ, не ему отказаннымъ, и, къ величайшему огорченію Прохора, отдаетъ деревню Марьѣ Дмитриевнѣ, которая жила въ людской, въ семействѣ добродѣтельнаго лакея Лаврентія, — а самъ хочетъ уѣхать въ Москву. Героиня наша и не прочь-было, да какъ узнала ошъ Прохора, что у его барина-то имѣнія всего-на-все, и съ лошадыми, рублей на 50, — то и не хотѣла уступить герою въ великодушій, и *печатнымъ*, т. е. книжнымъ слогомъ плохихъ романовъ второй четверти текущаго столѣтія, на-чисто отперлась отъ деревни: иду-де, говоритъ, въ монастырь. За тѣмъ слѣдуетъ въ высшей степени патетической сцена: Мирошевъ, собравшись съ духомъ, предлагаетъ ей владѣть деревнею вмѣстѣ, а то — говоритъ — и уѣду на край свѣта, и сойду съ ума, и умру съ тоски. Все это очень хорошо, весьма трогательно, только во всемъ этомъ не видно ни сколько людей того времени, а слѣдовательно, и никакихъ людей. Но передъ взводомъ, оба они явились вдругъ людьми того времени: не говоря уже о невѣствѣ, самъ женихъ страшно затосковалъ о томъ, что ихъ нѣкому проводить къ вѣнцу и не будь Федосьи и Прохора, я думаю, что бракъ не состоялся бы, а романъ кончился бы во-время... Изъ перкви, Мирошевъ, по предложенію новобрачной, пошелъ на могилу тѣтки: тамъ Марья Дмитриевна посадила кустъ розановъ, который сначала было началъ расти, а потомъ завялъ, листья облетѣли. Приходить и — о, диво дивное и чудо чудное! — кустъ разросся, раззеленѣлся, расцвѣлъ... «О, матушка, матушка!» вскричала Марья Дмитриевна, удавъ на могилу своей благодѣтельницы: «я повиннаю тебя: ты благословляешь дитя свое, ты радуешься его счастью!» Послѣ этого трогательнаго воззванія по та-

кому чувствительному поподу, молодые упали на колѣни на могилѣ. Замѣтливъ эффектъ, произведенный надъ мужемъ своею рѣчью. Марья Дмитриевна проговорила другую — еще лучше, обнявъ своего нѣжнаго супруга: «О, мой другъ! теперь нѣтъ сомнѣній, мы будемъ счастливы! Она благословляетъ нашъ союзъ. Вчера этотъ кустъ походилъ на *мертвый трюнь*, а сегодня... Посмотри, какъ пышны эти розаны, какъ свѣжа эта зелень! Видишь ли, какъ блестятъ на листочкахъ эти алмазные капли росы!.. О, вѣтъ, вѣтъ! Это не роса: это радостныя слезы моей второй матери!».. Милое, доброе созданіе эта Марья Дмитриевна: и говорить, какъ пишетъ, или словно по печатному читаетъ; во всякомъ случаѣ, говорить какъ не говорить и теперь, и какъ еще менѣе могли говорить въ тѣ времена, когда въ слѣдствіе родительской предосторожности на счетъ нравственности дочерей, двушекъ не учили ни читать, ни писать... Зачѣмъ же она такъ говорить, какъ нигдѣ не говорить, кромѣ плохихъ романовъ? Затѣмъ, милостивые государи, чтобы плавить воображеніе, тронуть сердце и убѣдить умъ читателя, какъ это предпринимается въ любой риторикѣ...

Вы думаете, что тутъ и все? что наши герои зажили бы благополучно и — и роману конецъ?... Какъ бы не такъ! Это еще только *первая* часть, только вступленіе, за которымъ слѣдуютъ три части; это только прісказка, а сказка-то вперед... Доскажемъ же ее какъ-нибудь.

Между первую и второю частью проходить 18 лѣтъ. Марья Дмитриевна уже превратилась въ барыню толстую, плотную и румяную — простонародный идеалъ русской красоты! (Замѣчательно, что у г. Загоскина въ этомъ романѣ дѣйствующія лица большею частью плотныя, толстыя, а мужичны почти всѣ лысые...) Она уже объясняется просто, иногда даже черезчуръ-просто, какъ всѣ русскія помѣщицы того времени, т. е., 1780 года. Куз-

ма Петровичъ мало переѣзжался, да и не отъ чего: вѣдь онъ это время только ѣлъ, пилъ да спалъ; человекъ онъ былъ добрый — мухи не обидитъ, на слугу не осердится; и такъ, не удивительно, что онъ только постарѣлъ немного. У нихъ есть дочь, Варинька — вотъ ужъ милочка-то: глаза голубые (счетомъ два). носикъ... ну, да вы и такъ ее знаете назусть. Авторъ очень жалветъ, что принужденъ былъ сравнить ея станъ съ аравійскою пальмою, а не съ русскою сосною, — и мы вполнѣ раздѣляемъ его горе.

Шлякомъ сердце и какаля-то наклонность къ мечтательности составляли отличительную черту ея характера: въ этомъ она вовсе не похожа на своихъ родителей, которые не давали волю (и) своему воображенію (и не мудро: у нихъ ея вовсе не было!), не залетали въ туманную даль, а жили по-просту, какъ Богъ велѣлъ, — и вѣрно въ нашъ романтическій вѣкъ показались бы людьми весьма обыкновенными, прозаическими и даже пошлыми (*вотъ что правда, то правда!*). Бѣдняжки! они не знали, что разгульная и буйная жизнь имѣетъ свою поэзію (*но не-уже-ли же животной жизни противопоставляется только разгульная и буйная: есть еще разумно-человѣческая, которая выше той и другой!*); что жизнь спокойная, не волнуемая страстями, вовсе не жизнь, а прозябаніе; что мы, хотя живемъ на сѣверѣ, а должны сморать на западъ, и такъ же, какъ тамъ, думать объ одномъ только земномъ просвѣщеніи, то есть: что мы можемъ забыть о земной нашей родинѣ; но за то должны передъ наукою благоговѣть какъ передъ святынею, и художеству поклоняться какъ божеству.

А! вотъ что! понимаемъ... Но возмните немного терпѣнія — то ли еще поймете: для того-то мы и пересказываемъ вамъ содержаніе этого романа. Недалеко отъ Мирошевыхъ деревня Кирсанова, богатаго помѣщика, у котораго есть сынъ. Разумется, онъ влюбился въ нее, а она начала «обожать» его. Къ Мирошевымъ ѣздить сосѣди: Вертлюжины, мужъ — дуракъ, а жена — кокетка, модница, сплетница и все

что угодно: авторъ изобразилъ ее со всею ѣдкостью своей неподражаемой ироніи; потомъ, бѣдный помѣщикъ, Зарубкинъ, сплетникъ, пьяница, побироха и шутъ. Мы и не упоминали бы о немъ, да съ нимъ былъ анекдотъ, который вѣрно характеризуетъ то прекрасное время, когда люди «передъ наукою не благоговѣли, какъ передъ святынею, и художеству не поклонялись, какъ божеству». Послушайте рассказъ самого Зарубкина о томъ, что сдѣлалъ съ нимъ Аюнька, шутъ Кирсанова:

«Да, сударь! привязался ко мнѣ, проклятый! Научили чтоль его — не знаю. Началъ такіа ве пригожія рѣчи говорить, вѣчески меня порочить; а сначала все въ шутку поворачивалъ, да онъ ужъ больно сталъ пахальничать: натянулъ палець, да и щолкъ меня по носу; а его отпехнулъ — а онъ и ну драться. А Иванъ Никитиероичъ, чѣмъ бы дурака-то унять, кричить: «Не поддавайся, Аюнька!» — а тотъ я пуще! Гляжу: ахти! дурака-то ужъ и до рожи добврается!... Я и руками и ногами, кричу: «батьюшк! бьетъ! батьюшк! бьетъ!» а ея высокопродіе такъ и умираетъ со смѣху. Да ужъ смюнокъ-то его, Владиміръ Ивановичъ, дай Богъ ему здорюве, такой добрый! схватилъ Аюньку за воротъ и оттащилъ прочь; а все этотъ шальной риза два създалъ меня по уху. Что будешь дѣлать!» (Часть II. стр. 20—21.)

Да, можно повѣрить, что Зарубкинъ «не благоговѣлъ передъ наукою, какъ передъ святынею, и художеству не поклонялся, какъ божеству»: такое самоуниженіе и животоно незнаніе своего челоуѣческаго достоинства никогда не соединяется съ благородною любовью къ наукѣ и возвышенной страстью къ искусству. И что идетъ къ Зарубкину, то же можно сказать и о вѣкъ «Зарубкиныхъ...»

Въ сѣдствѣ деревни Мирошевыхъ было имѣніе одного богача-графа, который, поручивъ его управленію холопа своего, Курочкина, не хотѣлъ и знать о немъ: въ немъ было всего только 400 душъ! Курочкинъ этотъ

былъ знаменитый, въ духъ того времени, законоведецъ: чуть кто ему не понравится—тяжбу, да и оттягаетъ, именемъ графа, сколько захочетъ десятии земли, или лѣсу. У Курочкина былъ сынъ — ошцдеръ... Я и забылъ сказать, что въ семействѣ Мирошевыхъ есть дѣвушка *Дулиша* — родъ подруги и горячивой Вариньки, дочь того Лаврентія, что вѣсегда призралъ—было Марью Дмитріевну. Курочкинъ началъ намекать Мирошеву о сватовствѣ, а тотъ, думая, что дѣло идетъ о Дуляшѣ, и радехонекъ; но когда недоразумѣніе разъяснилось — въ Мирошевъ проснулась дворянская гордость. Прохоръ чуть не избилъ сваху; Марья Дмитріевна—та, что говорила по печатному на могилѣ — не уступила въ ревности Прохору: насилу отстоялъ отъ нихъ Мирошевъ бѣдную сваху. Впрочемъ, этой свахѣ досталось и отъ автора: онъ такое приваля горячее участіе въ оскорбленіи Мирошева, что изобразилъ ее хуже чорта и такъ смѣшно, что еслибъ прочелъ Прохоръ, то сказалъ бы: «блѣтущки-свѣты, животники надорвешь — умора да и только...» Также саркастически изображенъ и сынъ Курочкина: самъ Митрофанъ Фоявизица — умница передъ нимъ. Оно такъ и надо; чѣмъ солонѣй севрюжина, тѣмъ вкуснѣе для извѣстнаго разряда гастрономовъ... Между-тѣмъ, ваши голубки вздыхаютъ, воркуютъ, и разъ такъ разворобались, что и кольца помѣнялись. Владиміръ Ивановичъ Кирсаповъ — второе изданіе Кузьмы Петровича, только съ корректурными поправками въ правописаніи: онъ надѣленъ всеми возможными добродѣтелями, и не имѣетъ только лица и характера, но похожъ на вырванную изъ картузной бумаги фигурку, у которой изъ-подъ головы тотчасъ же начинаются ноги, и на лбу арлычокъ съ номеромъ. — «Я — говоритъ онъ — противъ воли отца на тебя не женюсь, а любить буду до гроба и умру твоимъ суженымъ.»

«О! какое невъяснимое блаженство пообразилось въ глазахъ Вариньки! — Мои же суженымъ! — повторила она. Да чего еще могу просить у Бога? Ты ставишь вѣчно любить меня — да! вѣчно!.. Здѣсь ты будешь женихомъ моимъ, а тамъ — Господь назоветъ насъ супругами! Онъ услышитъ мою молитву: твоя невѣста умретъ прежде тебя... О! какъ она будетъ тебя дожидаться!... Владиміръ! — продолжала Варинька, снима съ пальца золотое кольцо, — можешь быть въ церкви Божіей и въ не уластися никогда обмѣняться кольцами: надѣнь его и дай мнѣ свое. Если ты снѣ не снимешь его съ моего пальца, то, будь увѣренъ, я лягу съ нимъ въ могилу...»

— Теперь мы съ тобой обручены! — сказалъ Владиміръ, глядя съ неизвѣстною любовью на Вариньку. О, мой ангелъ невинности и доброты! — продолжалъ онъ, цѣлуя ея руку, — какая женщина въ мірѣ можетъ rivalить съ тобою!... О, повторь, мой другъ! еслибъ любовь моя не была такъ чиста, какъ эти ясныя небеса... еще чаше — какъ душа твоя! я не смѣлъ бы тогда прикоснуться къ тебѣ, не смѣлъ бы взять тебя за руку!.. Какъ я люблю тебя здѣсь, такъ можно будетъ мнѣ любить тебя и тамъ, гдѣ вѣтъ ничего земнаго. Ты правду сказала, Варинька: если не въ здѣшнемъ, такъ въ будущемъ мірѣ Господь благословитъ нашъ союзъ» (Ч. II. стр. 240—241.)

Каково? — Попробуйте найти такую сцену любви у Шекспира, Байрона, Вальтера Скотта, Купера, Шиллера, Гёте, Руссо, Пушкина: увѣрю васъ, что не найдете. Лучше не трудитесь, не ищите напрасно... Вотъ перо, такъ перо!.. Господи, подумаешь, какіе есть сочинители на свѣтѣ: начнешь читать — такъ невольво и плачешь и смѣешься, смѣешься и плачешь...

Эта *трогательная* сцена любви была подслушана Вертлюгинкою, которая нагло навязывалась на Кирсапова и ревновала его къ Варинькѣ. Въ слѣдствіе этого, старикъ Кирсаповъ увезъ своего сына въ Воронежъ, чтобъ насильно женить его тамъ на дочери своего богатаго пріятеля; отъ-этого Варинька, на 94 страницѣ III части, упала въ обморокъ, и съ той же

минуты, какъ истинная героиня романа, съблалась больна; а Курочкинъ между тѣмъ затѣялъ дѣло, въ-слѣдствіе котораго Мирошевъ увидѣлъ себя въ необходимости ѣхать въ Москву. Варинька исхудала—узнать нельзя; къ большому несчастью, ее чутъ не залечилъ Пѣмецъ - лекаръ. *Чинатьевна* (которую мы доселѣ знали подъ именемъ *Федосы*) ворожить и колдуетъ, не смотря на свою набожность.

Несмотря на это грубое невѣжество, на эту странную смѣсь веры съ суевѣріемъ, въ старину едвали ужъ не тверже вѣрили, и ужъ конечно лучше нашего умѣли любить.

И спору нѣтъ: въ романѣ г. Загоскина столько представлено неоспоримыхъ доказательствъ этой истины, что невольно жалѣешь о своемъ отчаянномъ безвѣрїи въ гаданія, наговоры, вспрыскиванія, и о своей рѣшительной неспособности объясняться въ любви на манеръ *Мирошевыхъ* и *Курсановыхъ*...

Дуняша давно уже играетъ не послѣдную роль въ романѣ, а ея грудь все еще высоко взметывается безпреломною любовію, говоря высокимъ сло-гомъ. Но не безпокойтесь: такая достойная дѣвица не останется безъ «предмета»: авторъ неуслышно блится за героями и героинями своего романа; онъ любитъ пары, и когда попадется, у него голубокъ какъ съ неба свалится. На святкахъ Дуняша пошла ворожить въ баню, которая стояла въ полѣ за околицею. Вдругъ звонъ колокольчика—оглянулась: за ней косматое чудовище—ахъ!.. и въ обморокъ. Очнувшись, увидѣла она не чудовище, а его... Онъ сбился съ дороги (въ тотъ вечеръ была страшная мятель) и пришелъ на огонекъ... Оказалось, что это русскій лекаръ, изъ Воронежа. Онъ вмгъ вылечилъ Вариньку, сказавъ ей, наединѣ, разумеется, что Влади-миръ вѣренъ, а въ вѣдшее доказательство вручилъ ей и письмо. Слово-во рукой сняло болѣзнь — отецъ и

мать въ восторгѣ: они увѣрены, что лекарство подѣйствовало. Ужься, «лекаръ поглядѣлъ на Дуняшу такъ чудно, что она вся вспыхнула». Понимаете?.. Вотъ вамъ и еще пара голубковъ. Они же и ровня: лекаръ тоже сынъ крѣпостнаго человека... Надо сознаться, что подъ чудотворнымъ перомъ г. Загоскина все такъ хорошо улаживается, что лучше желать нельзя. Онъ повертываетъ законами действительности подобно тому герою русской сказки, который только скажетъ: «по моему прошенію, по щучьему велѣнію» — и какъ тутъ было...

Мирошевъ отправился съ Прохоромъ въ Москву, и на дорогѣ (очень-кстати) встрѣтился съ Костоломовымъ, который тоже ѣдетъ въ Москву искать себѣ мѣста городничаго въ какомъ-нибудь городишкѣ. Опъ—видите—любилъ несчастно, и, по великодушію, рѣшился подарить отцу своей возлюбленной любимаго полвопътова борзата кобеля, *Буля*, чтобы тотъ согласился отдать свою дочь за того, кого она любила (*Ч. III. Стр. 263—276*). Въ Москвѣ, прїатели остановились на подворьѣ, и тотчасъ же были свидѣтелями, какъ стѣщикъ Вавька Канинъ поймалъ разбойника, обманувъ его прежней прїязнью.хлопоты Мирошева о дѣлѣ кочичились тѣмъ, что подъячій Тетерькинъ, которому опъ, по простотѣ своей, не смотря на всѣ предостереженія Прохора, вѣтрился, —разорилъ его въ конецъ. Нашелся идеально-честный человекъ, который взялъ на себя трудъ объяснить простаку, что его стряпчій сидитъ въ тюрьмѣ, откуда пойдетъ на каторгу, а его дѣло едвали когда кочичится. Домой! Но не на чемъ; ѣсть тоже нѣчего. Одна падежда на Костоломова, а тотъ самъ ѣдетъ къ Мирошеву попросить займы. Узнавъ о положеніи прїателя, Костоломовъ тащеть его объѣдать къ какому-то графу.

«У нѣкоторыхъ изъ вельможъ, жившихъ въ Москвѣ на покой, почти ежедневно были такъ-называемые *открытые столы*. Ка-

ждый опрятно-одетый человекъ. хотя бы онъ былъ вовсе незнакомъ хозяину. могъ смѣло приходить обѣдать за этотъ столъ; его не спрашивали, кто онъ такой. Дождавшись въ столовой хозяина и *отъискивъ ему низкій поклонъ*, онъ садился за общую трапезу и кушалъ въздоровье во славу Божию и въ честь русскаго гостеприимнаго хозяина, которому и кушанье показалось бы не вкуснымъ, еслибъ за его столомъ сидѣло менше ста человекъ гостей. Этотъ обычай извѣстенъ намъ по одному преданію. Мы не дошли еще до просвѣщенной разсчетливости нашихъ западныхъ соседей, у которыхъ отдѣльный сынъ не придетъ не-званный обѣдать къ отцу; но несмотря на это, съ трудомъ уже върнемъ, что русское хлѣбосолюство могло когда-нибудь существовать въ такомъ обширномъ размѣрѣ, — и вотъ почему я нашелъ необходимымъ предвѣрять своихъ читателей, что этотъ обычай дѣйствительно существовалъ на Руси, и что были у насъ такіе бояре, которые находили удовольствіе угощать однихъ и тѣмъ же столомъ и бѣдныхъ и богатыхъ, и друзей и незнакомыхъ; однимъ словомъ, дѣлиться со всѣми богатствомъ, которыми награждалъ ихъ Господь — и проживать свои доходы дома, а не копить деньги для того, чтобъ проматывать ихъ на чужой сторонѣ, ради *приобрѣтенія себѣ европейскаго имени*. (Ч. IV. Стр. 122—123).

Теперь мы понимаемъ, въ чемъ дѣло...

Какъ ни допытывался Мирошевъ у Костоломова имени графа — тотъ не хотѣлъ его сказать до обѣда. Съли. Мирошеву досталось сидѣть подлѣ какого-то отставнаго драгунскаго офицера, который очень странно велъ себя и походилъ на помѣшаннаго. Нало замѣтить, что и Мирошевъ служилъ въ драгунахъ и былъ въ отставномъ драгунскомъ мундирѣ. Послѣ обѣда, узнавъ отъ Костоломова, что они обѣдали у того самого графа, съ которымъ у него процессъ, Мирошевъ, отъ простоты своей, перепугался — и бѣжать, а съ испугу едва могъ проговорить свою фамилію спрашивавшему его о ней дворецкому. На другой день вечеромъ Прохоръ, къ несказанной своей радости, получилъ, на имя своего

баркина, одиннадцать серебрившихъ ложекъ. Черезъ нѣсколько часовъ, Мирошевъ узналъ, черезъ разговоры незнакомыхъ ему людей въ гостиницѣ, что отставной поручикъ *Мирошевъ*, обѣдая у графа *такого-то*, укралъ серебрившую ложку, а графъ, когда ему донесли, велѣлъ отдать ему и остальные одиннадцать, говоря, что можетъ быть, бѣдный человекъ нуждается — такъ пусть ужъ у него будетъ целая дюжина... Мирошевъ съ отчаяніемъ о потерѣ честнаго имени наговорилъ короба три великолѣпныхъ фразъ и со-всѣмъ бы зарылся, еслибъ Костоломовъ не напомнилъ ему о жентъ и дочери.

Здѣсь я прерву повѣствованіе (которое, впрочемъ, скоро кончится), чтобъ замѣтить, какой великій мастеръ г. Загоскинъ завязать и развязать узелъ романа. Процессъ Мирошева явно долженъ былъ быть проигранъ; Мирошевъ — нищій безъ земли съ 50-ю душами; ему нѣ на что и домой воротиться — бѣда да и только! Чѣмъ кончиться роману? гдѣ быть свадьбѣ и богатству, которыми оканчивается всякій порядочный романъ въ трогательномъ родѣ? Но гений таитъ и найдетъ, гдѣ обыкновенный умъ потеряется: авторъ самымъ естественнымъ образомъ свелъ Мирошева съ графомъ въ ту самую минуту, когда уже самъ читатель видитъ, что безъ участія графа роману не распутаться. Встрѣча съ графомъ была несчастна для Мирошева: она лишила его еще и чести, когдауже онъ былъ лишень куска хлѣба, — не безпокойтесь, это не что другое, какъ «игра трудностями» со стороны автора. Вы ближе къ развязкѣ, чѣмъ думаете. Костоломовъ, идя отъ Мирошева домой, увидѣлъ, что на какого-то ольятаго полѣмеди человека вапали три мужика: Костоломовъ разогналъ ихъ, а въ томъ, котораго спасъ отъ нихъ, узналъ сѣщика Ваньку Каина. Счастливая встрѣча, не правда ли?... Отецъ родной, услуга за услугу: помоги отыскать вора, что, нарядившись въ дра

гускій мундиръ, укралъ у графа серебряную ложку!—Изволь, сударь!—Стучатся молодцы въ избушку. Отворишь имъ замъшались: замѣтно было, что кого-то прятали. Вошли, а подъ лавкой лежитъ казакинъ, картузь и драгусская шапка. Гостей встрѣтила баба-торговка всякимъ товаромъ, какой Богъ пошлетъ.—Нѣтъ ли чего купить, Матренушка?—спросила Канинъ. — Вынесла разное платье.—Нѣтъ ли серебрца?—Какъ не быть!—да и тащить ларець; открыла, а ложка-то тутъ вотъ и графскій гербъ на ней... —Гдѣ взяла?—Мѣщанинъ продалъ.— Вотъ не этогъ ли, что ходитъ въ этомъ?—сказалъ Канинъ, вытаскивая изъ-подъ лавки казакинъ, картузь и саблю. Свиснулъ Канинъ — палетъла его команда, и скрутили молодца, что былъ за перегородкою... Видите ли, какъ все счастливо случилось, удалось и уладилось? Видите ли, что невинность всегда оправдывается, а преступленіе всегда откроется?.. Поутру Канинъ представилъ молодца съ ложкою къ графу. Мирошевъ, извъщенный Костоломовымъ обо всемъ тотчасъ же, началъ каяться въ грѣхъ отчаянія... Развязку немудрено повялъ: графъ просить у Мирошева извиненія, увѣряетъ его, что процессъ кончился въ его пользу, даетъ ему денегъ на дорогу и пакетъ, который просить его вѣлѣтъ Курочкину прочесть при себѣ вслухъ. Мирошевъ униженно благодарить графа и просить его похвалиться о мѣстѣ городничаго въ Новохоперскъ для Костоломова.—Извольте: вамъ это не почемъ.— Наконецъ, блаженный Мирошевъ упалъ въ объятія дородной супруги и чувствительной дочери, а Прохоръ побѣждалъ звать Курочкина. Между-тѣмъ, въ отсутствіе Мирошева, у Кирсанова съ отцомъ была горячая сцена: молодець такъ расплакался и такъ «трогательно» говорилъ, что старикъ махнулъ рукою—«только, говоритъ, самъ не поѣду сватать, а письмо напишу». Мирошевъ, въ сльдствіе правилъ, Богъ-знаетъ - почему навязанныхъ на него

авторомъ, не соглашается на этотъ вынужденный и веровный бракъ, и говоритъ женѣ книжнымъ нашего времени языкомъ, слѣдующую рацию: «Эхъ, Марья Дмитриевна! тѣми ли мы посмотримъ на нее (т. е. на дочь) глазами, какими будетъ смотреть Иванъ Никифоровичъ? Она единственное дитя наше, наша радость, ваше утѣшеніе; а что она для него? Деревенская барышня, дочь вечнаго дворянина, безъ всякаго свѣтскаго образованія, помѣха всѣмъ честолюбивымъ его видамъ, и вдобавокъ ко всему этому—бѣдная дѣвушка, которая, по смерти отца и матери, получить пятьдесятъ душъ!.. О, мой другъ! и пр. (Ч. IV. стр. 258—299).—«Вотъ, какъ бы за нею было душъ хоть *двѣсти*»—прибавилъ онъ... Тутъ явился Курочкинъ съ поклонами и трепетомъ, чуя бѣду; распечаталъ конвертъ—тамъ купчая на село Воздвиженское, состоящее изъ *четырехъ-сотъ тридцати-семи* душъ, со включеніемъ въ ихъ число и Курочкина; купчая на имя Мирошева... О, великодушный графъ!.. И какъ все это кстаті!.. Добродѣтельный Мирошевъ простилъ Курочкина и, не смотря на сопротивленіе Прохора, отпустилъ его на волю даромъ. Тутъ какъ нарочно и старый Кирсановъ раскаялся въ своей гордости и—шастъ на дворъ... Боже мой, какъ все это кстаті!.. Говорите послѣ этого, что на землѣ вѣтъ счастья!..

Вы думаете — конецъ: вѣтъ еще! Авторъ повялъ, какъ больно читателю будетъ разстаться скоро съ такими прекрасными и нравственными людьми, каковы герои его несравненнаго романа: онъ показываетъ намъ ихъ всѣхъ ровни черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ знаменитаго дня чтевія купчей. Бывшая Варинька Мирошева, а теперь Варвара Кузминишна Кирсанова, стала женщиною прекрасною, но *дородною*... Удивительное счастье для героини романовъ г. Загоскина—чуть перестанутъ сантиментальничать и выражаться «высокимъ слогомъ»—

тотчасъ и разжирѣютъ: сдѣлая благодать Божія!.. Марья Дмитріевна уже очень поустарѣла, а Кузьма былъ еще довольно свѣжъ. У дородной Варвары Кузминишны было двѣ дочери и сынъ. Авторъ показываетъ намъ всѣхъ ихъ за чаемъ, подѣ липкою: умиленная картина семейственнаго счастья!.. Тутъ сидитъ и старикъ Кирсановъ, и новохоперскій городничій Костоломовъ, и новохоперскій уездный врачъ Логинновъ, супругъ Дуяшши. Изъ ихъ разговоровъ узнаёмъ, что Алексій Панкратычъ Курочкинъ, сынъ бывшаго прикащика, теперь уездный засѣдатель,—тотъ, что было—лѣтъ въ женихъ Варивычъ—попалъ въ уголовную. Вертлюгина по духовной покойнаго мужа владѣла его имѣніемъ; племянникъ его вступился и доказалъ, что духовная фальшивая, и что Вертлюгина вложила перо въ руку уже умершаго своего сожителя, и подписала такимъ образомъ духовную, а дуралей Курочкинъ подписался свидѣтелемъ... Боже мой! какія гнусныя дѣла творились въ тѣ блаженныя времена, когда «не благоговѣли передъ наукою, какъ передъ святынею, и не поклонялись искусству, какъ боже-ству, когда тверже вѣрили и пламеннѣе любили, чѣмъ теперь!»..

Далѣе, изъ разговоровъ собесѣдниковъ узнаёмъ, что Прохоръ Кондратьевичъ—лежитъ при смерти, и не мудро: ему уже за девяносто. Вдругъ докладываютъ, что умеръ и велѣвъ барину отлатъ какой-то ларецъ: въ немъ былъ образокъ, 10 цѣлковыхъ, двѣ игрушки и истертые дѣтскіе башмачки Миршева...

Изъ этого длиннаго изложенія содержанія длиннаго романа г. Загоскина можете видѣть, читатель, какъ легко писать такіе романы для всякаго,

кто только захочетъ писать: стоитъ разъ осмѣлиться, а тамъ ужъ не трудно набить руку. О талантъ, идея и тому подобныя вещахъ нечего и говорить, когда рѣчь идетъ о такихъ романахъ. Спрашиваемъ прямо и не шутя: не-уже-ли сколько-нибудь-образованный и начитанный человѣкъ увидитъ въ *Мирошеви* и *Кирсановъ*—героевъ романа, лица и характеры типическіе?.. Скажите, чѣмъ они отличаются одинъ отъ другаго, и не похожи ли одинъ на другаго, какъ двѣ капли воды, взятыя изъ одного и того же пруда?.. Умные люди говорятъ, что въ Божіемъ мірѣ нельзя сыскать двухъ листочковъ, совершенно сходныхъ между собою; а тутъ вдругъ два героя въ одномъ романѣ, которыхъ не чѣмъ отличить другъ отъ друга! Образъ мыслей ихъ одинъ и тотъ же, языкъ и фразы—тѣ же; притомъ въ нихъ нѣтъ ничего приваждѣющаго къ ихъ времени. Не-уже-ли трудно выдумать, и одинъ присѣсть, сто такихъ героевъ, какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга, и въ то же время ни на кого, ни на что, даже на самихъ себя, не похожихъ? И это искусство, литература, романъ... Но далѣе... Но что говорить далѣе? Въдъ героини такъ же хороши, какъ и герои. По-крайней-мѣрѣ, онѣ хоть жирѣютъ съ годами, следовательно, измѣняются хоть физически... А сахарныя сцены любви, приличные фразы приторныхъ чувствованій и водяныхъ ощущеній?.. И это мы читаемъ въ 1842 году, и это будутъ хвалить пріятельскіе журналы и покупать доверчивые покупатели? А что за содержаніе романа? Человѣкъ получалъ чудеснымъ (т. е. несбыточнымъ) образомъ наслѣство, и *таковымъ* же образомъ влюбился и женился, за неумѣніемъ и неспособностью сдѣлать что-нибудь болѣе обыкновенное. Этими бы следовало и

говяты; жадется, и самъ авторъ такъ думалъ, но дойдя до послѣднюю страницу, вдругъ рѣшился продолжать на авось, доэврившись не фантазіи, а рукъ и перу... Во второй части являюся новые уже герои: зачѣмъ же романъ названъ *Кузьмою Петровицею Мирошевымъ*? И опять—что за содержание?—Путавица несбыточно-статливыхъ событій, страшныя хлопоты судьбы, нарушившей законы действительности,—и все это для того только, чтобъ оставить за Мирошевымъ его 50 душъ и наклеить носъ Курочкину!.. Даже не для того, чтобъ соединить «закономъ бракомъ» два безличныя, но добродѣтельныя существа: ибо старикъ Кирсавовъ рѣшился переломить свою гордость и пріѣхать къ Мирошевымъ, вичего не зная объ окончаніи процесса. Следовательно, процессъ, наполняющій собою двѣ съ половиною части романа, не имѣетъ никакого отношенія къ судьбѣ «злополучныхъ любовниковъ»? И такъ, къ чему же все это и за чѣмъ все это? Какой смыслъ, какая цѣль, какое намѣреніе?—И однакожь, въ романѣ есть все это: и смыслъ, и цѣль, и намѣреніе, только плохо выраженныя, безталантно выполненныя. Но о нихъ сейчасъ.

Мы видѣли, что всѣ герои и героини романа г. Загоскина раздѣляются на три разряда: № 1, добродѣтельные, № 2, злодѣи, № 3, лица комическія. Каковы первые—мы уже говорили. Вторые—каррикутуры, въ которыхъ, однакожь, есть призракъ действительности, какъ, напримеръ, въ негодяѣ Курочкинѣ. Третьи всѣхъ удачлѣе въ лицѣ Фодосыи и Прохора. Это не личности, не характеры; но искусственныя олицетворенія словія. Все это, разумѣется, лучше

безцѣльныхъ героевъ. Они, по-крайней-мѣрѣ, говорятъ языкомъ—слѣдствіе вліянія Вальтера Скотта даже на «сочинителей» романовъ. Этотъ языкъ грубо и неэлящю вѣрнѣе природѣ. Въ Прохорѣ заключена вся мысль романа; на немъ сосредоточено все вдохновеніе, весь пафосъ концепціи; онъ истинный и единственный герой романа, Ахиллъ этой вывороченной на изнанку «Илиады». Авторъ любитъ его, удивляется ему; онъ искренно жалветъ, что ужъ нѣтъ болѣе такихъ слугъ. Прохоръ является на первыхъ страницахъ романа и сходитъ съ него—на послѣдней. Въ немъ основная мысль, въ немъ смыслъ, цѣль и намѣреніе романа. Мысль эта—превосходство нравовъ старины передъ современными, разумность того времени, когда не благоговѣли передъ наукою, какъ передъ сватынею, и не поклонялись искусству, какъ божеству»... Стравная неаваистъ къ наукѣ и искусству, удивительная вражда къ просвѣщенію!..

Героиня романа—Фодосья. Въ ней мы видимъ неоспоримый документъ (запыленный, заплесневѣлый и подгнившій отъ времени), доказывающій, что только во времена суевѣрія «умѣютъ и твердо вѣрять и горячо любить». Напрасно даровитый сочинитель не сдѣлалъ изъ Прохора и Фодосыи—злополучныхъ любовниковъ, въ концѣ романа преодѣлывающихъ всѣ препятствія и вступающихъ въ «законный бракъ». Тогда бы юное поколѣніе нашего времени знало у кого учиться любить...

Но довольно, читатели! Если мы заняли ваше вниманіе разборомъ «Кузьмы Петровича Мирошева»—это потому что романъ г. Загоскина есть типъ моральныхъ и сатирическихъ русскихъ

романовъ нашего времени, глава всѣхъ — ускорить по-возможности это воз-
 ихъ. Скоро о подобныхъ явленіяхъ уже дѣльное время, которое будетъ сви-
 не будутъ ни говорить, ни писать, какъ дѣтельствомъ, что наша литература и
 уже не говорить и не пишутъ больше общественный вкусъ сдѣлали еще
 о *Выжтинныхъ*, — и цѣль нашей статьи шагъ впередъ...



РУКОВОДСТВО КЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. Сочиненіе Фридриха Лоренца. Часть I. Санктпетербургъ. 1841.

Въкъ нашъ — по-преимуществу историческій въкъ. Историческое созерцаніе могущественно и неотразимо приняло собою весь сфера современнаго сознанія. Исторія сдѣлалась теперь какъ-бы общимъ основаніемъ и единственнымъ условіемъ всякаго живаго знанія: безъ нея стало невозможно достиженіе ни искусства, ни философіи. Мало того: само искусство теперь сдѣлалось по-преимуществу историческимъ: историческій романъ и историческая драма интересуютъ теперь всѣхъ и каждаго больше, чѣмъ произведенія въ томъ же родѣ, принадлежащія къ сферѣ чистаго вымысла. Люди ограниченныя никакъ не могутъ примирить, въ своемъ сухомъ и узкомъ понятіи, свободнаго вымысла фантазіи съ историческою дѣйствительностію, — и въكتورые изъ нихъ, съ свойственнымъ невѣжеству простодушіемъ, громко, во всеуслышаніе, издѣваются надъ историческимъ романомъ, какъ надъ нелѣпностію, которая оскорбляетъ здравый смыслъ и помрачаетъ славу генія шотландскаго романиста: въ слѣдствіе своей, эти жалкіе умники не видятъ, что все величіе генія Вальтера Скотта именно въ томъ и состоитъ, что онъ былъ органомъ и провозвѣстителемъ въка, давшимъ искусству историческое направленіе. Упадокъ живописи въ наше время происходитъ совсѣмъ не отъ того, чтобъ это искусство исчерпало все свое содержаніе и отжило свой въкъ: нѣтъ, содержаніе всякаго искусства есть дѣйствительность, слѣдственно, оно неисчерпаемо и вѣстоцимо, какъ сама дѣ-

ствительность... Можно утверждать съ большимъ основаніемъ, что живопись — не умерла, а только обезсилѣла въ наше время, стараясь держаться старыхъ предавій, идти по слѣдамъ, разъ и, будто-бы, навсегда проложеннымъ великими мастерами среднихъ вѣковъ, силясь остановиться въ сферѣ вѣкогда могущественныхъ и великихъ, но теперь уже мертвыхъ интересовъ и не дѣлалась искусствомъ по-преимуществу историческимъ. Да, только въ исторической живописи могутъ являться теперь великіе творцы, ибо только историческая дѣйствительность можетъ теперь дать живописи и живое содержаніе и современный интересъ... Таково вліаніе исторіи на современное искусство!

Въ знаніи, историческое созерцаніе едва-ли еще не больше замѣтно. Давно ли эстетика шла своимъ особымъ путемъ, не спрашиваясь у исторіи, не соприкасаясь съ нею? Еще и теперь многіе добрые люди, повторяя чужіе зады, пренаивно увѣряютъ, что искусство само-по-себѣ, а жизнь само-по-себѣ, что между тѣмъ и другою нѣтъ ничего общаго, и что искусство унизило бы, снизойдя до современныхъ интересовъ. Дѣйствительно, если полъ «современными интересами» разуметь моды, биржевой курсъ, сплетни и мелочи свѣта, то искусство играло бы слишкомъ-жалкую роль, еслибъ унизило до симпатій къ такимъ «современнымъ интересамъ». Такъ и было съ искусствомъ во Франціи, когда оно заставляло греческихъ и римскихъ героевъ выражать современныя двор-

скія сплетни. Нѣтъ, не то разумѣтся подъ историческимъ направленіемъ искусства: это или современный взглядъ на прошедшее, или мысль вѣка, скорбная дума, или свѣтлая радость времени; это не интересы сословія, но интересы общества; не интересы государства, но интересы человечества; словомъ, это *общее*, въ идеальномъ и возвышенномъ значеніи слова... Мы теперь знаемъ уже, что искусство, какъ выраженіе сознанія того или другаго народа и цѣлаго человечества въ известную эпоху,—есть какъ бы біеніе пульса его жизни, а потому и развитіе и исторія искусства тѣсно связаны съ развитіемъ и исторіею народа или человечества. Въ слѣдствіе этого, мы теперь знаемъ, что у новѣйшихъ народовъ Европы, съ тѣхъ временъ, когда они познакомились съ древними литературами, не могло, да и никогда не можетъ быть эпопея въ родѣ «Иліады» и «Одиссеи», и что «Освобожденный Иерусалимъ», «Потерянный Рай», «Мессіада» и т. п. суть произведенія людей даровитыхъ, но отнюдь не гениальныхъ, — произведенія блестящія, но въ то же время и ложныя... Мы теперь знаемъ, что сатира не есть осмѣяніе пороковъ для исправленія нравовъ, но что это есть высшій судъ надъ падшимъ обществомъ, его предсмертный, раздражающій душу вопль, и что Персія и Ювеналы явились въ римской литературѣ не случайно, а необходимо, и притомъ въ самую пору, такъ-что райе не могли явиться... Мы теперь знаемъ, что романъ и драма должны преобладать, въ наше время, надъ всеми другими родами поэзіи, какъ наиболее-примичныя и способныя формы для выраженія современной дѣйствительности. Мы теперь знаемъ, что поэты нашей эпохи не могутъ быть ни классиками, ни романтиками, но что въ ихъ произведеніяхъ должны заключаться и классицизмъ и романтизмъ, какъ прошедшее заключается въ настоящемъ. И все это мы потому знаемъ, что знаемъ законы развитія духа человеческого въ исторіи...

Въ наукѣ—собственно, вліяніе историческаго созерцанія такъ же ощутительно, какъ и въ искусствѣ. Мы разумѣемъ здѣсь преимущественно философію, какъ науку тѣхъ живыхъ истинъ, которыя положены краеугольными камнями міроздаанія. Впрочемъ, здѣсь вліяніе было взаимное: отъ успѣха исторіи, какъ науки, сдѣлался возможнымъ окончательный успѣхъ философіи, которая, въ свою очередь, по мѣрѣ собственныхъ успѣховъ, возвышала достоинство исторіи, какъ науки. Можно сказать, что философія есть душа и смыслъ исторіи, а исторія есть живое, практическое проявленіе философіи въ событіяхъ и фактахъ. По Гегелю, мышленіе есть какъ-бы историческое движеніе духа, создающаго себя въ своихъ *моментахъ*: и ни одинъ философъ не далъ исторіи такого безконечнаго и всеобъемлющаго значенія, какъ этотъ величайшій и послѣдній представитель философіи...

Историческое созерцаніе пришло всю современную дѣйствительность—даже самый бытъ нашъ. Чувство общности теперь ведеъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде было. Каждый живѣе чувствуетъ себя въ обществѣ и общество въ себя, и каждый по-крайней-мѣрѣ претендуетъ служить обществу, слуга себя-самому. Вражда между сословіями исчезаетъ, и они примиряются въ признаніи взаимной необходимости и взаимной мнѣности для общества. Зависть уступаетъ мѣсто соревнованію. Общественныя предпріятія возбуждаютъ общій интересъ, какъ дѣло, лично до насъ не касающееся. Какая-нибудь желанная дорога утверждается на основаніи опытовъ прошедшаго, на предвидѣніи результатовъ въ будущемъ. Для общества какъ-будто исчезло различіе между прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ: общества равно живутъ теперь во всѣхъ трехъ этихъ отношеніяхъ времени, — и настоящее для нихъ есть результатъ прошедшаго, на основаніи котораго должно осуществиться и ихъ будущее. *Прогрессъ и движеніе* сдѣлались теперь словами

ежедневными. Новизна никого не пугает; предвѣла усовершенствованіемъ никто не видитъ. Каждое общество теперь, въ каждую минуту своего существованія, представляется въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, которыя суть живыя летописи прошедшаго, свидѣтельство настоящаго и пророчество будущаго: это ступени историческаго движенія общества, ступени, едва ли отдѣленные другъ отъ друга какими-нибудь пятилѣтіями!... Такъ скоро все движется теперь...

Какая же причина этого скорого движенія? — Созрѣвшее историческое сознание, въ-слѣдствіе успѣха, въ послѣднее время, исторіи, какъ науки.

Исторія была всегда и у всѣхъ народовъ: у одного какъ преданіе, у другаго какъ сказка, у третьяго какъ поэма, у четвертаго какъ хроника, и т. д. У Грековъ была даже художественная исторія, гдѣ съ критическимъ анализомъ событій соединялось и художественное изложеніе. Но это все-еще не та исторія, о которой мы говоримъ: это еще простая исторія, какъ разсказъ о событіяхъ въ жизни народа, а не исторія, какъ наука. Народъ самъ-посебѣ еще немного значить, и сколько есть народовъ на землѣ, о которыхъ мы знаемъ только то, что они есть, а больше ничего о нихъ и знать не хотимъ. Притомъ же, повѣствованіе о томъ, что было, — еще не исторія. Средніе вѣка были богаты хрониками, которыхъ простодушные авторы описывали что и какъ видѣли съ своей точки зрѣнія. Теперь исторія, изъ хроники, сдѣлалась «мемуарами». Но все это только матеріалы для исторіи, еще не исторія. Сущность исторіи, какъ науки, состоитъ въ томъ, чтобъ возвысить понятіе о человечествѣ до идеальной личности; чтобъ во внѣшней судьбѣ этой «идеальной личности» показать борьбу необходимаго, разумнаго и вѣчнаго съ случайнымъ, произвольнымъ и преходящимъ, а въ движеніи впередъ этой «идеальной личности» показать побѣду необходимаго, разумнаго и вѣчнаго надъ случайнымъ,

произвольнымъ и преходящимъ. Да, задача исторіи — представить человечество, какъ индивидуумъ, какъ личность, и быть біографіею этой «идеальной личности». Человѣчество есть именно — «идеальная личность»: личность — потому-что у него есть свое я, есть свое сознание, хотя и выговариваемое не однимъ, а многими лицами; есть свои возрасты, какъ и у человѣка, есть развитіе, движеніе впередъ; идеальная — потому-что нельзя эмпирически доказать ея существованія, указавъ невѣрующему пальцемъ и сказавши: «вотъ человечество — смотри!»

И однакожъ, сколько-ѣтихъ невѣрующаго, которые никогда не признаютъ существованія того, на что нельзя указать, чего нельзя увидѣть глазами, обонять носомъ, отвѣдать языкомъ, услышать ухомъ, осязать рукою!... Таково свойство всякой живой истины: сколько громко говорить она живой душѣ, столько нѣма для мертвой! Никто не усомнится въ существованіи человечества, какъ числительнаго собранія двуногихъ тварей, населяющихъ собою земной шаръ; но многіе ли въ состояніи понять, что человечество есть не только *сбирательное*, но еще и *личное* имя — названіе одного лица, которое, проживши нѣсколько тысячелѣтій, подобно каждому человѣку, отдѣльно взятому, не помнитъ своего рожденія и первыхъ лѣтъ своего бессознательнаго существованія; которое, подобно каждому человѣку, отдѣльно-взятому, было младенцемъ, отрокомъ, юношею, и теперь стремится къ своей полной возмужалости; которое, подобно каждому, отдѣльно взятому человѣку, всегда стремилось къ положительному убѣжденію и знанію, и всегда отрицало свое убѣжденіе и знаніе, чтобъ, на его развалинахъ, основать болѣе-близкое къ истинѣ; которое, подобно человѣку, заблуждалось и возставало, страдало и блаженствовало, и котораго жизнь вѣчно будетъ состоять въ томъ, чтобъ заблуждаться и возставать, страдать и бла-

женствовать .. Однакож , изъ этого отнюдь не слѣдуетъ , чтобъ человѣчество стояло на одномъ мѣстѣ , или чтобъ оно стремилось отъ одной жи къ другой: ятъ жи для человѣчества, но есть только старая истина, которая, разрушаясь, рождаеть изъ себя новую, высшую истину, подобно фениксу, въ новой красѣ возраждающемуся, по восточному предаію, изъ собственнаго пепла... Человѣчество движется не прямою линіею и не зигзагами, а спиральнымъ кругомъ, такъ-что высшая точка пережитой имъ истины въ то же время есть уже и точка поворота его отъ этой истины,— правда, поворота не вверхъ, а внизъ; но для того внизъ, чтобъ очертить новый, болѣе обширный кругъ и стать въ новой точкѣ, выше прежней, и потомъ опять идти, *понижася*, вверху . . . Вотъ почему человѣчество никогда не стоитъ на одномъ мѣстѣ, ни отодвигается назадъ, дѣлая такимъ образомъ бесполезнымъ пройденный прежде путь: это только попятное движеніе назадъ, чтобъ тѣмъ съ болѣею силою ринуться впередъ... Сперва свѣтъ званія и цивилизаціи блеснулъ на берегахъ Еврата, Тигра и Нила, но перешедши въ Грецію, померкъ, — потомъ Греція же возвратила его, и уже не въ томъ видѣ, въ какомъ получила, но въ большемъ и лучшемъ; Македонскій герой разлилъ его до береговъ Гавгеса, утвердилъ въ Сири, Египтѣ и Малой Азіи... Погибъ міръ древній, съ его цивилизаціею и просвѣщеніемъ, съ его искусствомъ и правомъ; и что же?—варварскія тевтонскія племена, разрушившія Западную Римскую Имперію, съ лихвою возвращаютъ теперь землѣ Гомера и Платона взятое ими отъ нея, а смѣшавшіеся съ Римлянами Вандалы и Готы не взято же будутъ дремать въ позорномъ бездѣйствіи .. Движеніе и развитіе человѣчества основано на простомъ законѣ смертности отдѣльныхъ лицъ: народится поколѣніе, образуется въ извѣстную форму, пріобрѣтеть себя, или просто привычкою усвоить

себя, извѣстный кругъ мыслей, извѣстныя убѣжденія и понятія, въ которыхъ и умираеть, съ которыми ему такъ же трудно разставаться, какъ съ жизнью. Но вотъ слѣдующее за нимъ поколѣніе уже развится отъ него: съ жалостію принимаетъ оно всякое нововведеніе, всякую новую мысль; старое поколѣніе обыкновенно упрекаетъ новое въ вольнодумствѣ и развратѣ, а новое обыкновенно изподтишка смѣется надъ старымъ, не слушая его, до-тѣхъ-поръ, пока наконецъ не состарѣется само и не будетъ играть такой же роли въ-отношеніи къ смѣнившему его поколѣнію; — между-тѣмъ, то, что вначалѣ казалось вольнодумствомъ и развратомъ, въ-послѣдствіи признается и добрымъ, и истиннымъ, и полезнымъ... Въдъ было же время, когда сожженіе на костръ еретиковъ, вольнодумцевъ и чародѣевъ считалось дѣломъ богоугоднымъ, и когда величайшимъ безбожіемъ могло показаться сомнѣніе въ необходимости и святости благонамѣреннаго и благочестиваго аутодафе; а теперь?.. Сколько же легло въ землю поколѣній, связанныхъ собою, подобно звеньямъ цѣпи, «тогда» и «теперь»! Въдъ такой переворотъ въ образѣ мыслей не могъ совершиться скоро! Сколько сожжено было вольно-мыслящихъ о сожженіи!.. Но одна только смѣна поколѣній поколѣніемъ еще недостаточна для движенія человѣчества по пути развитія и совершенствованія: въ-отношеніи къ движенію, юныя поколѣнія играютъ роль только плодородной почвы, на которой скоро принимаются сѣмена пруселствія. Сѣмена же эти бросаются на плодородную почву гениями—этими избранныками и помазанныками свыше, творящими волю посылающаго ихъ... Иногда одного изъ такихъ гениевъ достаточно, чтобъ оплодотворить живую мыслию цѣлый вѣкъ, —и если онъ влатель, подобно Александру Македонскому, Юлію-Цезарю, Карлу-Великому, Петру-Великому, Наполеону—онъ покоряеть себя массу; если же онъ являеться адаль, подобно ты-

сѣчь представителей идеи, то, большею частію, несчастіемъ жизни и раннею, преждевременною могилею утверждать въ массахъ свою идею, — и часто тѣ же люди, которые гнали его при жизни, потомъ готовы растерзать всякаго, кто не захочетъ безмысленно и безусловно боготворить благородную жертву ихъ невѣжественнаго остервененія... Но поколѣніе, современное генію, проходить, — и слѣдующія за нимъ безпечно рвутъ небесные цѣлты истины на могилѣ генія и упиваются ихъ божественнымъ ароматомъ, какъ-бы не подозревая, что они взрошены кровію посвящаго ихъ... Но геніи явленіе рѣдкое; всякая сильная натура, всякій человекъ, превышающій окружающую его толпу, есть двигатель въ сферѣ своей дѣятельности, — и такимъ образомъ, изъ совокупности многихъ частныхъ движеній, имѣющихъ началомъ своимъ одного великаго двигателя, составляется общее движеніе массъ. Врачный духъ сомнѣнія и отрицанія, какъ элементъ, или, лучше сказать, какъ сторона всецѣлаго и вѣчнаго духа жизни, играетъ въ движеніи великую роль, отрывая отъ живыхъ лицъ и цѣлы массы отъ непосредственныхъ и привычныхъ положеній, и стремя ихъ къ новымъ и сознательнымъ увѣженіямъ...

Все сказанное нами — истины столько же несомнѣнныя, сколько и не новыя; но для всѣхъ ли, и для многихъ ли? Повторяемъ: историческое созерцаніе есть основа всякаго знанія, всякой истины въ наше время. Безъ него невозможно понимать, какъ слѣдуетъ, ни искусства, ни философіи, ни права... Само естествознаніе будетъ безъ него мертвымъ сборомъ фактовъ, а не живымъ знаніемъ. Не даромъ называется оно иначе «естественною исторіею!».. Да, естествознаніе есть исторія творящей природы, повествованіе о восходящей лѣтвицѣ ея явленій, картина развитія въ живомъ природѣ того же духа вѣчной жизни, который развивается въ исторіи, — что Шеллингъ выразилъ двумя многозна-

менательными словами: «Dens fit»... Безъ историческаго созерцанія, безъ понятія о прогрессѣ человечества, безъ вѣры въ разумный промыслъ, вѣчно торжествующій надъ произволомъ и случайностію — нѣтъ истиннаго и живаго знанія въ наше время. Будьте вы ориенталистомъ, изучите всю восточную мудрость, блистайте фактическими познаніями въ естественныхъ наукахъ, удивляйте свѣтъ огромною начитанностію и фейерверочнымъ остроуміемъ; издѣвайтесь, въ угоженіе толпѣ, надъ всякимъ такъ-называемымъ априорнымъ знаніемъ, и прославляйте гымой, мертвый эмпиризмъ: вы все-таки не будете отъ этого ученымъ человекомъ, не сдѣлаетесь органомъ вѣка, но удивите одну лишь чернь и заставьте мудрыхъ пожалѣть о столь блестящихъ и такъ-дурно употребленныхъ способностяхъ, если вы не понимаете, что современное состояніе человечества есть необходимый результатъ разумаго развитія, и что отъ его настоящаго состоянія можно дѣлать послышки къ его будущему состоянію, что свѣтъ побѣдитъ тьму, разумъ побѣдитъ предразсудки, свободное сознаніе сдѣлаетъ людей братьями по духу и — будетъ новая земля и новое небо...

И однакожь, не смотря на ясность и ощутительную достовѣрность этой идеи, — ее не такъ-то легко усвоить себѣ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Вотъ почему многіе весьма умные отъ природы люди не признаютъ ея съ какииъ-то упорствомъ и ожесточеніемъ. Если трудно отъ эмпирическаго созерцанія переходить къ отвлеченнымъ понятіямъ, то еще, кажется, труднѣе отвлеченныя понятія возводить въ живые идеальныя образы безъ лицъ. Такъ не всякій способенъ самъ собою отъ людей и народовъ сдѣлать отвлеченіе и называть его человечествомъ; но еще менѣе найдетъ способныхъ одушевить это отвлеченіе мыслію, дать ему индивидуальность и личность. Говори о подобной неспособности, мы разумемъ людей, которые наткнулись на

подобный вопрос уже в зреломъ возрастѣ, когда привычка, лѣнь и неповоротливость разъ-установившагося ума заставляютъ ихъ крѣпко держаться за однажды-навсегда-полученныя впечатлѣнія и понятія. Не то бываетъ въ возрастѣ дѣтства и первой юности, когда способность непосредственно и незамѣтно для самого учащагося принимать въ себя идеи находится въ полной своей дѣятельности. И потому-то первоначальное ученіе такъ важно для челоука, что, можно сказать, рѣшаетъ участь всей его жизни. Хорошо и прочно положенное основаніе ученію есть ручательство за истинную и основательную ученость. Душу ученія составляетъ система и наукообразность изложенія. Самое дурное ученіе — это ученіе посредствомъ игры, забавы, ученіе простое и естественное. Поэтому, дурно, но систематически и наукообразно ученый въ дѣтствѣ челоукъ счастливей всякаго самоучки, ибо что онъ знаетъ, — знаетъ прочно, а главное, всегда можетъ учиться самъ, и его ученія приобрѣтенія всегда будутъ отличаться обширностію, глубиною, основательностію, если не всегда, при этомъ, многосторонностію, — тогда-какъ самоучка всегда и все будетъ схватывать скоро и живо, но вместе съ тѣмъ и поверхностно, неословательно, непрочно, сбивчиво, калейдоскопически. Что же касается до предрасудковъ, вырадающихся въ ученіе, то умъ, прелоставленный самому себѣ, едва ли не еклонивъ къ предрасудкамъ, нежели умъ, направляемый авторитетомъ книги, или учителя.

Выше говорили мы о важности исторіи, какъ науки, для современнаго образованія, необходимаго каждому челоуку, не только ученому, но и просто мыслящему. Изъ предшествовавшихъ же разсужденій не ясно ли видно, какъ важно преподаваніе исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ? Для дѣтей моложе 14-ти лѣтъ исторія можетъ имѣть значеніе только развѣ сказокъ богатырскихъ, и многія изъ нихъ

съ большею охотою будутъ читать Квинта Курція о бѣ Александрѣ Македонскомъ и военную исторію Римлянъ. Собственно же исторія для нихъ не существуетъ. Тѣмъ не менѣе время отъ 12-ти до 14-ти лѣтъ есть самое удобное для приготовительнаго занятія исторіею, для изученія, въ систематической связи и послѣдовательности, фактовъ, событій, чиселъ, мѣстъ, именъ и т. п. Налегать на одну; память вредно и гибельно; но и безъ помощи памяти опять же нельзя обойтись: а такъ-какъ только у дѣтей эта способность можетъ дѣйствовать самобытно, безъ особеннаго участія интереса и разумнія, то и всего удобнѣе положить въ эту эпоху возраста прочное; фундаментальное знаніе исторіи. Разумѣется, это знаніе будетъ фактическое, чуждое всякихъ взглядовъ и непосредственныхъ разсужденій; но хорошо-составленная учебная исторія никогда не можетъ быть книгою только-что фактическою, въ прошломъ значеніи этого слова. Въ ней событія (конечно, сухія и мертвыя по самой уже краткости изложенія) представлены въ органической связи и соотвѣтственности, во взаимномъ воздѣйствіи и протовождѣствіи одного событія на другое, одного народа на другой, такъ-что ученикъ, самъ того не замѣчая, владѣетъ цѣлымъ, хоть и далеко не подробнымъ и неполнымъ очеркомъ судебъ челоучества. Но всего важнѣе то, что онъ, непосредственно, самъ того не замѣчая и не отдавая себѣ въ томъ отчета, привываетъ созерцать народъ и челоучество, какъ идеальную личность; следовательно, безъ труда и отвлеченнаго усилія можетъ входить въ исторію, какъ въ науку, которая болѣе нежели что-либо другое должна сбывать изъ него челоука, какъ въ-отношеніи къ современной образованности, такъ и въ-отношеніи къ гуманности. Имѣя такимъ образомъ въ рукахъ своихъ ариаднину нить, съ которою, не опасаясь заблудиться, можно ходить по лабиринту безчисленныхъ фактовъ,

звая, гдѣ и какъ должно помѣститься каждаѣ изъ нихъ, ученикъ дѣлается готовымъ къ болѣе обширному и подробному курсу, гдѣ мысль событій является не только непосредственно, но и освѣщается взглядами автора. Фундаментъ важенъ для дома, который онъ долженъ держать на себѣ; но самъ-по-себѣ онъ ни къ чему негодна и совершенно-безполезная вещь: гурь исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ долженъ быть для ученика домою на фундаментъ приготовительной исторіи. Здѣсь ученикъ уже мыслить на основаніи фактовъ, сначала приобретенныхъ имъ безсознательно, учебною рутинною, и расширять кругъ своихъ фактическихъ познаній на томъ же основаніи. Если онъ и не будетъ слушать университетскаго курса, — онъ все-таки сдѣлалъ великое приобретение: самъ-собою можетъ онъ учиться исторіи, какъ наукѣ, или по-крайней-мѣрѣ, будетъ въ состояніи читать съ пользою большія историческія сочиненія, не какъ «повѣствованія о замѣчательныхъ происшествіяхъ въ мірѣ», но какъ живую картину пути и хода, которыми человечество почти отъ животной безсознательности дошло до современнаго состоянія...

Изъ этого видна великая важность хорошихъ историческихъ учебниковъ для среднихъ учебныхъ заведеній. «Руководство ко Всеобщей Исторіи» профессора Лоренца принадлежитъ къ лучшимъ явленіямъ въ своемъ родѣ не въ одной русской литературѣ: это сочиненіе современно-европейское, напоминающее собою лучшія нѣмецкія руководства послѣдняго времени, какъ наприм. Лео, и др. Конечно, книга г. Лоренца не есть собственно курсъ для среднихъ учебныхъ заведеній: она составлена изъ читаній имъ въ Педагогическомъ Институтѣ лекцій, но она годится также и для гимназій, семинарій, и можетъ быть полезна особенно для тѣхъ учащихся, которымъ не имѣютъ возможности поступать въ университеты. Мы слишкомъ далеки

отъ смѣлой мысли повѣрнуть со стороны современности, свѣжести и достоверности фактической стороны сочиненіе автора, извѣстнаго въ Европѣ своею ученостію; но не почтемъ нескромностью бросить взглядъ на творца г. Лоренца со стороны общей идеи его.

Первыя же строки во «Введеніи» показываютъ, какъ верно и современно понимаетъ исторію г. Лоренцъ.

«Нынешнее состояніе міра и его образованіе (говоритъ онъ) развитіемъ своимъ представляетъ содержаніе, а совершеніемъ результатъ всеобщей исторіи. Хотя человѣкъ неизмѣняется въ своей умственной и физической природѣ, хотя онъ все тотъ же, каковыиъ вышелъ изъ рукъ Создателя — тѣ же желанія наполняютъ его сердце, тѣ же страсти управляютъ его поступками, тѣ же горести и радости сопровождаютъ его, которыми онъ чувствовалъ при началѣ своего вѣчнаго странствованія: однако, въ развитіи своихъ способностей, онъ не всегда одинаковъ, но различно пользуется своими силами, и умственные его богатства увеличиваются; ибо ничто не погибаетъ изъ того, что производитъ человеческій родъ въ своемъ развитіи. Одна генерация идетъ вслѣдъ за другою, и каждое поколѣніе прибавляетъ къ наслѣдству, поученному отъ предковъ, свои собственныя приобритенія и, такимъ образомъ увеличиваетъ его, передаетъ своимъ наслѣдникамъ. Что для одной генерации ново и должно было пройти чрезъ все противорѣчія и побѣдить все предрасудки, то становится знакомою вещью для слѣдующихъ за нею. Теперь дѣти понимаютъ то, что было тайною для мудрейшихъ людей времени прошедшаго, потому-что все понятіи, все мысли, истекающія изъ дѣятельности ума человеческого, подобно атмосферѣ, ложатся надъ человечествомъ. И какъ наше тѣло вдыхаетъ въ себя физическую атмосферу, такъ и духъ дышетъ этою духовною атмосферою, которая становится для него воздухомъ жизни.

«Естественно, что эта умственная атмосфера, подобно физической, имѣетъ свои, такъ сказать климатныя особенности, смотря по тому, больше или меньше какой-либо народъ пользуется результатами всеобщаго развитія. Но какова бы ни была природа, находящаяся въ области исторіи, во

всякомъ можно найти хоть часть этихъ результатовъ. И только тамъ, гдѣ исчезаетъ всякій следъ исторіи, нашъ духъ не можетъ дышать, лишась своей атмосферы, какъ человѣкъ не можетъ жить въ водѣ. Образованный человѣкъ, находясь среди Новозеландцевъ, чувствуетъ то же самое, еслибъ его окружило стадо дикихъ звѣрей. Человѣчскій духъ подобенъ вѣнчающему руднику, изъ глубины котораго извлекаются всегда новыя сокровища. Извлеченіе этихъ сокровищъ и очищеніе ихъ отъ нечистой примеси—вотъ трудъ, который составляетъ собственный предметъ исторіи; и тотъ народъ самый богатый, который является въ исторіи самымъ дѣятельнымъ. Такой народъ мы называемъ «историческимъ», потому что онъ думая трудится только для своей пользы, трудится для пользы цѣлаго міра, и результаты его дѣятельности равные или даже выше дѣлается общими достояніемъ. Поэтому-то историкъ не съ равнымъ анимациею смотритъ на всѣ народы; по всѣмъ своимъ влеченіямъ устремляется въ особенности на какой-либо народъ, который началъ или продолжаетъ дѣятельное развитіе умственной дѣятельности человѣческаго рода, который не только усвоилъ себѣ всѣ прежнія приобрѣтенія, но и уложилъ ихъ. Такъ Греція, въ продолженіи некотораго времени, была центромъ всеобщей исторіи, потому сошла со сцены и потеряла всякій историческій интересъ. Такъ Палестина некогда приобрѣла большое значеніе, а теперь только своими святищами памятниками возбуждаетъ наше вниманіе. Но то, что развилось на этихъ ничтожныхъ точкахъ земнаго шара, распространилось по всей землѣ, потому что другіе усвоивали эти приобрѣтенія и развивали далее. И такъ, хотя народы, по совершенію своего умственнаго развитія, необходимо ослабѣваютъ и умиротворяются, во всякомъ случаѣ, человечество, рассматриваемое какъ одно цѣлое, идетъ впередъ. Законъ, по которому все происходитъ, вѣченъ и неизмѣненъ, и исторія, въ цѣломъ своемъ составѣ, прекрасна и велика, какъ прекрасны и велики другія творенія, въ которыхъ духъ Божій соблагovolилъ открыть міру свое могущество и мудрость.

Къ этому нечего прибавить; похваля здѣсь также неумѣтны: дѣло говорить само за себя. Не вѣрны также безусловно согласиться съ мнѣ-

ніемъ почтеннаго автора о Китаѣ и Индіи, въ-сладствіе котораго эти двѣ страны будто-бы не могутъ и не должны имѣть мѣста въ исторіи, по причинѣ ихъ совершенно-изолированнаго развитія. Такъ, Китай не имѣлъ дѣйствія на другія государства, которыя, въ свою очередь, на него не имѣли никакого вліянія; но не-уже-ли-же Ассиріяне, Вавилоняне, Мидяне и самые Персы, потому только, въ историческомъ смыслѣ, важнее Китаю, что они были во вѣтшихъ столѣтіяхъ съ Египтомъ, Палестиною и Греціею? И не-уже-ли такое великое явленіе, какъ Китай, велико въ исторіи и безъ всякаго къ ней отношенія? А Китай—великое явленіе, —не теперешній Китай—это хорошо сохранившійся, вѣтченіе тысячелѣтій, мумія,—а Китай древній, первоначальный, гдѣ человеческое впервые изъ состоянія семейственности перешло въ состояніе обществяности, государственности... Китай выразилъ собою моментъ семейства-государства: патриархальность высшей власти, руководящейся опредѣленными установленіями, безпредѣльное уваженіе къ отеческой власти и обожествленіе умершихъ предковъ, также точно обнаруживаетъ въ немъ *первое* (по времени явленія) государство въ мірѣ, какъ и его первоначальность, *только теперь* смѣшная въ своей крайности, но достойная уважительнаго изслѣдованія, какъ первый моментъ общественныхъ формъ. У семитическихъ народовъ, высшая власть явилась уже чистымъ деспотизмомъ, какъ второй моментъ необходимо-последовательно истекшій изъ перваго, выраженаго Китаемъ. Духъ человѣчскій, въ своемъ развитіи, не дѣлаетъ скачковъ, и мы скорѣе готовы думать, что, по древности Китаю, потерявъ слѣды его какъ бы то ни было сношеній съ другими народами, нежелая думать, что Китай не принадлежитъ къ исторіи. Случайно только то, что лишено идеи, а Китай выразилъ собою идею перваго гражданскаго общества, чему: подтвержденіемъ слу-

затѣ его постановленія, нравы, самое отсутствіе религіи, бѣдный языкъ, гдѣ одинъ звукъ выражаетъ пятьдесятъ совершенно-различныхъ понятій, іероглифическое письмо, — самое наконецъ презрѣніе къ другимъ народамъ, какъ къ варварамъ... Г. Лоренцъ не говоритъ ни слова о сношеніяхъ Индіи съ другими народами, чѣмъ и исключаетъ ее изъ исторіи; а между-тѣмъ включаетъ Индію въ исторію за ее литературу... Не явное ли это противорѣчіе?... Индія точно заслуживаетъ почетное мѣсто въ исторіи за ее религиозныя секты, за ее литературу и искусство вообще. Въ ней мы видимъ теократическую націю, насквозь пропитанную религиозностію, а въ ее религиозныхъ сектахъ—обожествленіе матерей и животности, — повсюду телокоры и было въ ней признано благороднѣйшею формою духа, а боги ее такъ часто являлись въ формахъ животныхъ. Это обожествленіе природы есть первый моментъ религиознаго сознанія. Мы видимъ его и въ Египтѣ, гдѣ быки, кошки, анкты, лукъ, чеснокъ и пр., были божествами; но въ религіи Зендовъ второй моментъ религиознаго сознанія — отрицаніе природы въ пользу отвлеченныхъ представленій добра и зла, на которыя распалась, дѣятельностію движущейся діалектики мысли, всецѣлость бытія общаго, отрицаніе образовъ природы въ пользу безплотныхъ духовъ свѣта и тьмы. Въ Индіи же, вы видите первый моментъ искусства, которое изъ символики силится перейти въ художественность, и колеблется между двумя крайностями, производя чудовищные образы боговъ и колоссальные храмы, лишенные всякой гармоніи и стройности. Въ Египтѣ искусство подвинулось впередъ: боги привли болѣе человѣческой образъ; въ изваяніяхъ человѣческихъ фигуръ видны соразмѣрность, правдоподобіе и искусство; но эти фигуры неподвижны, примужденны, какъ-будто связаны: художественный духъ Грека развязалъ ихъ, обожествивъ, въ своихъ изваяні-

яхъ, образъ человѣческой. Вотъ точка, съ какою, по нашему мнѣнію, должно смотрѣть на историческое значеніе народовъ. Только тотъ народъ имѣетъ право назваться «историческимъ», который выразилъ, своею жизнью, моментъ діалектически-развивающейся идеи человечества, — и съ этой точки зрѣнія, Китай и Индія — страны, въ высшей степени историческія. Г. Лоренцъ говоритъ, что у Индіи нѣтъ исторіи: мы осмѣливаемся не соглашиться въ этомъ случаѣ съ нашимъ знаменитымъ ученымъ. Въ Индіи нѣтъ исторіи династій, войнъ, договоровъ, словомъ, исторіи политической: но есть исторія браминнама и буддизма, есть исторія искусства и литературы — и вотъ ее настоящая, истинная исторія: другой не должно и искать... Г. Лоренцъ нѣсколько-подробнѣе говоритъ о Зендахъ, Мидянахъ, Персахъ, Вавилонянахъ и Ассиріянахъ — и что же? изъ сказаннаго имъ объ этомъ предметѣ—существенно только то, что сказалъ онъ о религіи Зендовъ—ученіи Зороастра, а все остальное, что говорить онъ,—мы не понимаемъ, почему оно историческое. и до какой степени оно можетъ служить картиною развитія древнѣйшаго человечества... Съ этой точки зрѣнія, мы находимъ не совсѣмъ-удовлетворительнымъ отлѣтъ о Египтѣ: мало сказано о религіи, объ искусствѣ, о нравахъ, законахъ. Зато исторія Греціи изложена, какъ еще никогда не излагалась на русскомъ языкѣ. Страницу, подобную 83—84, мы считаемъ однимъ изъ верховъ исторіи г. Лоренца: только при такомъ объясненіи духа народа изъ его воозніи можно повѣсть исторію народа! Въ наше время слово «всеобщая исторія» налагаетъ на автора огромныя обязанности, поэтому-что заставляетъ ожидать отъ него полной картины жизни народовъ, гдѣ, подобно искусно-расположеннымъ тѣнямъ, должны занимать свое мѣсто: и религія, и искусство, и науки, и ремесла, и нравы, и подати, и войска, а не одни только войны да договоры. Политическая сторона должна быть

только рамою исторiи, а не содержанiем ея; собственно же, политическая исторiя есть исторiя специальная, какъ, на пр., исторiя войнъ, исторiя литературы, искусствъ, ремеслъ и т. п. Въ этомъ отношенiи, исторiя Греции изложена г. Лоренцомъ превосходно. Вся части ея расположены съ такимъ искусствомъ, что въ умъ читателя впечатлѣвается полная картина возникновенiя, развитiя, упадка, взаимныхъ отношенiй всѣхъ республикъ греческихъ; надъ всѣмъ носится духъ цѣлой Эллады во всей полнотѣ и во всей обаятельной красотѣ своей... Авторъ вводитъ насъ даже въ семейныя, такъ-сказать, тайны греческихъ обществъ: говоритъ о жалованьи судьямъ, солдатамъ, о податяхъ, о богатыхъ помѣстьяхъ аѳинскихъ аристократовъ, съ золотыми и серебряными рудниками, въ Фракiйскомъ Херсонесѣ и на островахъ... Если въ исторiи Греции г. Лоренца, слаба какая-нибудь часть, такъ это — по нашему мнѣнiю — очеркъ греческой мнѳологии: греческiе мнѳы представляютъ собою полное развитiе, въ поэтическiхъ, пльвительныхъ образахъ, глубочайшаго философскаго содержанiя; въ нихъ заключается вся мудрость эллинская, которая навсегда останется мудростiю человѣческою... Систему греческихъ мнѳовъ слѣдовало бы или развитъ поподробнѣе и поглубже, чѣмъ это сдѣлалъ г. Лоренцъ, или совсѣмъ не упоминать о нихъ...

Также хорошо, если еще не лучше, изложена у г. Лоренца исторiя Римлянъ до Августа. И не мудро: здѣсь все положительно, не сложно, и перейти отъ исторiи Греции къ исторiи Рима все равно, что изъ области нѣмецкаго умозрѣнiя войти въ мiръ практической дѣятельности Англичанъ. Не распространяясь въ подробностяхъ, замѣтимъ только, что въ очеркѣ латинской литературы, г. Лоренцъ заставляетъ Овидiя далеко уступить въ талантѣ даже Виргилiю, что, по нашему мнѣнiю, весьма несправедливо: ибо Овидiй — истинный поэтъ, а Виргилiй только щеголеватый стихотворецъ, ловкiй реторъ въ сти-

хахъ. Но это, разумеется, мелочь: все же остальное въ исторiи Римлянъ у г. Лоренца превосходно.

Къ общимъ достоинствамъ прекраснаго творенiя г. Лоренца принадлежатъ, кромѣ глубокой учености, еще и благородное, хотя и спокойное, сообразное съ достоинствомъ исторiи одушевленiе. Симпатiя ко всему великому, доблестному, возвышающему душу также составляетъ одну изъ отличительнѣйшихъ чертъ исторiи нашего учонаго и даровитаго профессора. Сколько для примѣра, столько и для того, чтобы скрысить конецъ нашей статьи, выпишемъ здѣсь очеркъ личности Александра Македонскаго.

«Характеръ Александра Великаго, въ слѣдствiе множества распущенныхъ о немъ истеричныхъ разсказовъ, часто былъ представляемъ въ ложномъ свѣтѣ; поему, означивъ его исторiю, мы должны сказать нѣсколько словъ о его личномъ характерѣ — по крайней мѣрѣ, сколько нужно для показанiя обыкновенно вносимыхъ на него обвиненiй. Онъ былъ генiй, въ томъ никто не можетъ сомнѣваться; онъ имѣлъ необыкновенную пророчливость въ дѣлахъ военныхъ, въ этомъ ему уступали первенство даже старыя, опытные генералы, вышедше изъ школы его отца; политическiй умъ и кротость души онъ показывалъ въ поступкахъ своихъ съ побѣжденными. Съ этими качествами онъ соединялъ еще и поэтическiй духъ и живую, все одушевляющую и все за собою увлекающую фантазiю. Если бы утверждали только, что Александръ, будучи еще такъ молодъ, не могъ предохранить себя отъ влiянiя безпрерывнаго счастья и ласкательства, которыя обыкновенно дѣйствуютъ на душу человека; если бы его обвиняли только въ горячности, раздражительности и истеричнѣи противорѣчiя: то это было бы согласно какъ съ психологическою, такъ и съ историческою истиною, потому что Александръ былъ человекъ и слѣдовательно подверженъ слабостямъ. Но такъ какъ всякое блистательное явленiе несомненно для людской зависти, то обыкновенно стараются «рвать лучезарное, и погнать поганя возвышенное.» Сiя судьба постигла и Александра; въ слѣдъ за славой его подвиговъ идутъ обвиненiя, что онъ будто бы былъ преданъ нѣквстѣ и другимъ порокамъ, и одну изъ величай-

изъ душа, которая когда-либо являлась въ человѣческомъ тѣлѣ, впадаютъ въ разъ презрѣннѣйшихъ страстей. Преданіе о наклонности Александра къ вѣну проницаетъ изъ самаго мутнаго источника: за брѣно можно принять только то, что Александръ часто угощалъ своихъ генераловъ, и по окончаніи завоеваній завелъ у себя зрѣи: то и другое соответствовало приворнымъ обычаямъ Македоніи и Персіи. Какъ царь Персидскій онъ долженъ былъ имѣть гаремъ, какъ царь Македонскій, онъ долженъ былъ угощать своихъ вѣнныхъ вассаловъ и съ ними пить. Но то онъ не предавался ни сладострастію гарема, ни плавству, о томъ свидѣлствуютъ его два, которыхъ вѣрно не могъ совершить какой-нибудь сладостлюбивый и преданный шельмству чловѣкъ. Также и то, что онъ объявилъ о своемъ божественномъ происхожденіи, не есть еще доказательство его надменной гордости; онъ самъ шутилъ на счетъ этого съ Греками; только для Персіи оно долженствовало имѣть священный блескъ, въ которомъ они неохотно отказывали своимъ повелителямъ. Александръ ревностно заботился о распространеніи наукъ и искусствъ. Славнѣйшіе художники этого времени были: живописецъ Апеллесъ и скульпторъ Лизиппъ, которые слѣдовали еще хорошему вкусу, не смотря на то, что искусство начало тогда клониться къ фантастическому и колоссальному. Такъ Стасикратъ хотѣлъ сдѣлать изъ Аѳонской Горы колоссальную статую Александра. Въ правой рукѣ она должна была держать городъ

съ 10,000 жителей, а лѣвой — чашу, изъ которой большая рѣка выпадала бы въ море. Умнымъ и прекраснымъ отвѣтомъ Александръ отклонилъ этотъ планъ. Онъ сказалъ: «Оставьте гору Аѳонскую, какъ она есть: довольно и того, что она служитъ памятникомъ глупой гордости одного царя; Кавказъ, Гемоды и Каспійское-Море скажутъ обо мнѣ потомству. Они будутъ памятникомъ монахъ двѣихъ.» Любовь къ поэзіи Александръ показалъ не только глубокою уваженіемъ къ твореніямъ Гомера, но и тѣмъ, что онъ, среди громовъ войны и подъ бременемъ множества зачатій, самъ писалъ эпическія произведенія. Также на Естественную Исторію Аристотеля онъ употребилъ большія суммы и безъ его пособій и повелѣній успѣшное исполненіе этого великаго творенія было бы невозможно.»

Въ-заключеніе, мы должны сдѣлать два прозаическія замѣчанія: во-первыхъ, для чего выписки изъ греческихъ писателей не переведены по-русски? Знаніе греческаго языка у насъ совсемъ не такъ распространено, какъ въ Германіи, и для большинства читателей г. Лоренца эти выписки только бесполезно увеличиваютъ книгу. Во-вторыхъ: переводъ, не смотря на изъясненную авторомъ, въ предисловіи, благодарность разнымъ грамотѣямъ, рѣшительно недостоинъ такого сочиненія, какъ исторія г. Лоренца.

ОСНОВАНИЯ БОТАНИКИ, составленные Павломъ Горяниновымъ. Съ 9-ю гравированными таблицами и 236 изображеніями растений. Санктпетербургъ. 1841.

Въ предисловіи, заключенномъ тирадою изъ сочиненія знаменитаго шведскаго преобразователя ботаники (С. Linnæi Genera plantarum 1737), почтенный авторъ, извѣстный публикѣ уже многими своими сочиненіями, говоритъ, что послѣ многихъ издаваемыхъ на отечественномъ языкѣ переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій общей ботаники—и *его трудъ не покажется излишнимъ* тому, кто вникнетъ въ сущность его. Боже насъ сохрани почитать какое-нибудь явленіе въ небогатой еще литературѣ нашей излишнимъ! у насъ, дай Богъ, чтобы писали—и побольше читали, особенно такихъ, относящихся къ реальнымъ наукамъ, сочиненій:

Далѣе, авторъ говоритъ, что блистательные успѣхи фитологій, въ послѣднемъ десятилѣтіи, требовали совершенной передѣлки прежней его книги (изданной въ 1827-мъ году подъ заглавіемъ: «Начальныя Основанія Ботаники», которая и почиталась лучшею въ то время книгою). Это неоспоримо для каждаго читателя; но мы прибавили бы съ своей стороны: *передѣлки въ самомъ духѣ или направленіи* сочиненія—и въ этомъ-то, намъ кажется, главные недостатки *новой* его книги. Онъ говоритъ (въ предисловіи), что «здесь изложены основанія ботаники такъ, чтобы съ помощію этой книги были понятны тѣ сочиненія, въ ко-

торыхъ описываются признаки растений», следовательно, чтобы познать на-прим. извѣстное классическое сочиненіе Бишопа «Handbuch der Botanischen Terminologie», гдѣ со всею возможною полнотою и подробностію изложены признаки растений и посвяены большею частію вѣрнымъ и достовернымъ изображеніямъ?—Положимъ, что авторъ разумѣетъ ботаническія сочиненія описательныя; но и тогда можно ли почитать цѣлю учебной книги—одно уразумѣніе другихъ сочиненій? Намъ кажется, что пиша какую-либо учебную книгу, непрежненно должно обращать строгое вниманіе на то, *для* кого она пишется, то-есть назначить себѣ опредѣленную цѣль и сообразоваться съ нею. Положеніе г. Горянинова, какъ профессора въ высшемъ учебномъ заведеніи, имѣющемъ опредѣленную цѣль: образованіе возмужавшихъ врачей, требовало и требуетъ, по нашему мнѣнію: 1) сколько-возможно-краткаго изложенія ортогографіи; 2) не обширнаго, но позволяющаго изложениа способовъ произрастанія и размноженія растений, или явленій жизни растительной, т. е. физиологій; 3) изложенія правилъ ботаники *врачебной* и исчисленія по какой-либо естественной системѣ—съ краткимъ описаніемъ самыхъ естественныхъ группъ растений, заключающихъ въ себѣ употребительныя во врачеваніи, съ ум-

занієм именно употребительных родовъ, самыхъ породъ и того, какія именно части ихъ употребительны. Къ этому можно было бы прибавить указаніе на растенія и части растеній, которыя, по незнанію или съ намъреніемъ, могутъ быть употребляемы одні вместо другихъ—и на тѣ способы, которыя злонамъренныхъ или невѣжественныхъ подмѣсей, на-примѣръ, шафрана и т. п.

Но г. Горяниновъ желалъ издать возможно-полную, сообразную съ новѣйшими успѣхами науки учебную книгу ботаники, — и потому намъ остается смотреть только на то, какъ достигъ онъ цѣли, предназначенной имъ самимъ себѣ, не по отношенію его самого, какъ преподавателя, къ нуждамъ его слушателей — а въ отношеніи къ наукѣ вообще. Мы прочитали книгу всю — не раскрывая ея на угадъ, чего особенно не желаетъ авторъ въ своемъ предисловіи (стр. VI.) — сравнивали даже нѣкоторыя мѣста текста и приложенныя таблицы съ прежде-изданою авторомъ книгою, и можемъ сказать вообще, что направленіе сочиненія кажется намъ слишкомъ-общимъ, сокращеннымъ, терминологическимъ, линнеевскимъ. Линней, какъ извѣстно, былъ великій, безсмертный въ лѣтописяхъ науки преподаватель ботаники; но Линней, котораго, такъ-сказать, историческое назначеніе было разобрать хаосъ господствовавшей до него сбивчивости въ терминахъ, въ описаніяхъ, въ классораспределеніи растеній, исполнилъ названіе это, по тогдашнему времени, съ гениальнымъ успѣхомъ, — почему и чувствуется какъ гевій въ классораспределеніи и сжатой характеристикѣ еще не слишкомъ многочисленныхъ въ его время родовъ и породъ растеній. Но истекшее послѣ Линнея столѣтіе, съ открытіемъ въ 10 разъ болѣе новыхъ (болѣе нежели въдесятеро противу того, что было извѣстно этому учителю тогдашнихъ учителей) породъ растеній, съ новымъ, такъ сказать, пересозданіемъ

фитотоміи, съ болѣе или менѣе-удовлетворительными успѣхами небреженной Линнеемъ растительной физиологии, и отрасли ея, — растительной патологии, — съ появленіемъ новыхъ частей науки ботанической географіи и палеонтологіи растительной, — приблизило насъ къ недостижимымъ для Линнея идеаламъ самой классификаціи естественной, хотя и лѣтъ еще великаго Аполлона, подведшаго все безъ исключенія растенія подъ систему естественную и удовлетворительную. Слѣдовательно, линнеевское направленіе, въ книгѣ изданной спустя слишкомъ сто лѣтъ все-преобразующаго времени, едва ли можетъ быть одобрено судомъ безпристрастнымъ.

Конечно, нѣкоторымъ образомъ г. Горяниновъ сообразовался и съ успѣхами науки, помѣстивъ въ своей книгѣ статьи и о внутреннемъ строеніи растеній (*Phytanatomia*, вместо принятаго уже всѣми наименованія *Phytotomia*; стр. 15—41), и о химическомъ составѣ растеній (*Phytochemia*, стр. 41—45), и о жизненныхъ дѣйствіяхъ и явленіяхъ въ растеніяхъ (*Phytophysiologia*, вместо *Phytophysiologia*; стр. 45—55), и о видоизмѣненіяхъ и болѣзняхъ растеній (*Phytopathologia* стр. 55—66), и описаніе органовъ растеній и терминологію (стр. 67—243), и ботаническую систематику (стр. 244—282), и фитографію (стр. 283—324), и, въ видѣ дополненія, литературу медицинскій ботаники (стр. 324—326), прибавивъ ко всему этому въ азбучномъ порядкѣ главныя латинскіе термины и нѣкоторыя нѣмецкіи и французскіи (стр. 327—348) и заключивъ все это исъясченіемъ рисунковъ (стр. 349—373); но выпуская правила ботаники врачевной, ботаническую географію и палеонтологію, г. Горяниновъ сообразовался, кажется, болѣе съ тѣмъ, чтобы сдѣлать книгу свою дешевле, доступнѣе для большинства покупателей—хотя бы это было на счетъ полноты науки. Изложенное нами здѣсь заглавіе и объемъ статей разбираемой книги показываетъ

однако, что духъ сочиненія есть чисто-терминологическій, то-есть, стремленіе автора, при разсматриваніи чего-либо, преимущественно обращено къ опредѣленіямъ, подраздѣленіямъ, наименованіямъ и синонимамъ, и во всегда достаточно—къ сущности предметовъ.

Но чтобъ не сказалъ кто-нибудь, а тѣмъ болѣе самъ издатель разсматриваемаго нами сочиненія, что мы делаемъ приговоръ свой слишкомъ-поспѣшно, не прочитавъ, можетъ-быть, всей книги, а раскрывая въ ней кое-что наудачу, пройдемъ по частямъ всѣ статьи ея и представимъ доводы нашего мнѣнія, что духъ сочиненія—по превосходству, терминологическій.

Такъ на стр. 3-й самаго введенія, авторъ говоритъ, что «для настоящаго изученія ботаники необходимо точное знаніе всѣхъ частей растений съ видопомѣненіями ихъ, что объясняетъ *терминологию*, или *органографію*». Здѣсь замѣчательно вотъ что: авторъ не только смѣшиваетъ терминологию съ органографіей, но и отдаетъ преимущество терминологіи предъ органографіею, тогда-какъ всѣ уже теперь согласились въ важномъ достоинствѣ органографіи, которой части даже обрабатываются монографически, — и никто уже не заботится такъ сильно о терминологіи, составляющей часть органографіи, какъ это сдѣлано у Альфонса Декандолля, или прилагаемой даже въ видѣ отдельнаго словаря къ общепотаническимъ сочиненіямъ, какъ, на-пр., у г. Бишопа, въ его «*Lehrbuch der Botanik*», и даже къ отдельнымъ флорамъ, какъ, на-пр., у Коха, въ его «*Deutschlands Flora*».

Далѣе, давая наставленія приступающему къ изученію ботаники, не знаемъ, почему г. профессоръ отдаетъ преимущество нашъ, или портфель съ пропускнуо бумагою, противу жестянки, дающей возможность собирать растенія во всякое время сутокъ и во всякую погоду; здѣсь опять выставляется терминологія на первомъ планѣ: «опредѣленные растенія надобно

умѣть расположить по какой-либо системѣ и описать ихъ, чему учить *терминологию*, систематика, энтографія и другія части энтологіи.» Стр. 5—17 содержатъ въ себѣ объясненіе *терминовъ*, служащихъ для обозначенія важности растеній.

Въ растительной анатоміи господствуютъ также опредѣленія и подраздѣленія—смѣсь латинскихъ и иноязычныхъ терминовъ,—и нововведенія, на-прим., *цикасовыхъ*, вмѣсто принятаго названія саговыхъ, или *цикадовыхъ* (*Cycadeae Rich.*), стр. 26; «Черешки одуванчика», вмѣсто цвѣточныхъ *ножекъ* одуванчика (стр. 3); на стр. 32, вмѣстѣлища собственнаго сока (*reserpacula succi proprii DC.*) называются «собственными сосудами» (*vasa propria*), шипы (*aculei*) называются «иглами» (стр. 35 и стр. 116 и 117), а иглы или ости (*spinae*) «шипами». Мѣстами есть и собственная ортографія, такъ, на стр. 36 и другякъ: *желѣзки*, вмѣсто желѣзка (*glandulae*); даже произвольныя поставленія видовыхъ названій, вмѣсто родовыхъ, на-пр., на стр. 37, *душистою осокорью* называется порода тополя бальзамической, тогда какъ осокорь есть извѣстная порода тополя (*populus nigra L.*). При краткомъ, сжатомъ объясненіи, — вдругъ выраженія фигурныя, на-пр., на стр. 39: «по *студу* и *тысячи*», вмѣсто: по множеству, или, говоря о химическомъ составѣ растеній, на стр. 44, — «*тысячи породъ, сродныхъ съ мятою!*»

Но намъ пришлось бы писать почти столь же обширную статью, какъ сама разбираемая книга, еслибы мы захотѣли слѣдить терминологическій духъ ея на каждой страницѣ. Предоставляемъ читателямъ самимъ продолжать эти изысканія: скажемъ только, что оригинальность автора видна именно какъ въ собственно ему принадлежащемъ употребленіи общепринятыхъ въ нашемъ отечественномъ языкѣ терминовъ, такъ и въ введеніи новыхъ, изъ которыхъ нѣкоторые заслуживаютъ одобреніе, напр., слово *клубень*, съ нѣмецкаго *knolle*, вмѣсто слова *шиш-*

ки (устройство, употребляемое и для означенія утолщенных подземных вѣтвей, *faber*, и многозначенія сборныхъ плодовъ некоторыхъ, на-пр., хвойныхъ растений—*strobilus*, *conus*). Въ этомъ случаѣ, нельзя не поблагодарить автора за то, что онъ, оставивъ авторитетъ своихъ предшественниковъ въ отечествѣ, подражательно вводитъ слова нашихъ учителей-Германцевъ, всегда добросовѣстно заботящихся о точности выраженій и терминовъ.

При этомъ нельзя не подивиться, однакожь, какъ ускользнуло отъ вниманія автора застарѣлое у насъ злоупотребленіе: называть растенія—прозябеными, прозябаемыми, какъ-будто растенія прозябають, зябають, или промерзають, преимущественно предъ животными в другіи земныи тѣлами. Этотъ терминъ, по видимому, представлялъ уже автору затрудненіе въ отличеніи растенія отъ акта первоначальнаго вырастаія зародыша изъ сѣменныхъ оболочекъ его, и состоянія юнаго растеньица, что у насъ доселѣ, въ русскихъ учебныхъ книгахъ ботаники, называлось также *прозябениемъ* (*germinatio*), и самаго акта растительной дѣятельности вообще, или рашенія (*vegetatio*), противопологаемаго акту дѣвствія и плодоношенія. Эту растительную дѣятельность г. Горняиновъ называетъ—то *прозябениемъ* (стр. 44), то (на страницѣ 47) *рашениемъ*; актъ же первоначальнаго выходенія зародыша изъ сѣмени и дальнѣйшаго его возрастанія—то называетъ онъ *первопрозябениемъ* (стр. 47, 53), то *прозябениемъ* (на стр. 215). Пора бы, кажется, вовсе изгнать изъ языка науки слова: прозябеніе, прозябаемое, прозябословіе и пр.; иначе, нельзя понять, почему подъ полюсами нѣтъ растительности: вѣдь тамъ прозябаніе и прозябеніе въ высшей степени господствуютъ въ слѣдствіе отсутствія тепла, которое, —кажется никто въ этомъ не усумнится,—для всякаго живаго растенія безъ исключенія, въ большей или меньшей степени, такъ же необходимо, какъ и для каждаго животнаго.

Не мало удивила насъ также несвоевѣстность нѣкоторыхъ выраженій; на-пр., уродливости сами-собою случающіяся (*spontaneae*), въ отличіе отъ искусственныхъ, названы *произвольными* (стр. 55); разновидность рыбы, воспитываемая для маслососныхъ сѣменъ (*Brassica Napus*), названа *масляною рыбою* (тамъ же).

Вообще, почитаемъ обязанностію заимѣтить, что статьи, долженствующія представлять растительную химию, физиологию и патологию — не на своемъ мѣстѣ: имъ гораздо приличнѣе было бы находиться послѣ органиграфіи, безъ которой онѣ неудобопонятны.

Также удивило насъ, что окончанія корешковъ, по способности ихъ всасывать водянистые растворы, названныя Декаидоломъ губочками (*sporigioles*) авторъ нашъ называетъ *скоажистыми* (стр. 69), тогда какъ въ нихъ никакнхъ видимыхъ скважинъ не имѣется. Не согласнымъ съ новѣйшими успѣхами науки кажется намъ также то, что авторъ смѣшиваетъ настоящіе корни (*radices*), съ корневищами (*rhizomata*) на стр. 70 и 71.

Не можемъ объяснить себѣ, почему г. Горняиновъ слои заболови (*albuginosa*) не хочетъ принимать въ счетъ числа лѣтъ двустебелодольныхъ древеснистыхъ растеній, а признаеть только слои одной старой (отвердѣлой) древесины (*lignum perfectum s. duramen asutor*).— стр. 76, тогда какъ извѣстно, что число лѣтственныхъ слоевъ первой, также ежегодно по одиначъ нарастающихъ, бываетъ иногда значительное!

Не постигаемъ также причины для чего общепринятый терминъ «соломина» (*culmus*) на стр. 76 замѣняетъ словомъ «былина», тогда какъ это послѣднее слово у всѣхъ грамотныхъ обитателей великой Россіи обозначаетъ вообще травянистый стебель, а не исключительно стебель злаковъ, который и у простолудниковъ нашихъ и у самого автора въ первомъ изданіи называется *соломинною*. Не-уже-ли ав-

тору неизвестны изложенныя уже и на русскомъ языкѣ общія правила именословия терминологии, которыми предписывается: «если одно изъ значеній (слова) болѣе вообще известно, то въ этомъ-то значеніи и надобно принимать слово». Следовательно, слово «былина» должно быть и въ учебной книгѣ принято въ такомъ же значеніи, какъ и въ языкѣ общеупотребительномъ. Не менѣе известно автору разсматриваемаго нами сочиненія и другое правило именословія: «если какое-нибудь «техническое слово было уже предложено въ известномъ точномъ значеніи и если притомъ это слово не «противно правиламъ грамматики, или «самымъ фактамъ, то оно должно быть «предпочтено всѣмъ словамъ для выраженія одного и того же предмета «или понятія, послѣ него предложеннымъ» (см. Введ. въ Изученію Бот. Альф. Декандоля, т. I. стр. 3.) — но авторъ, наперекоръ этому правилу, цвѣточную ножку (*pedunculu*) называетъ *черешкомъ* (стр. 77, 130 и пр.), а черешокъ листовой (*petiolus*) называетъ *стебелькомъ*. — лучше ли такая новизна въ сравненіи съ прежними терминами? При выраженіи, на пр. *petiolus vaginans*, надобно было бы сказать *стебелькъ*, *объемлющій стебель*: не будетъ ли это нѣсколько сбивчиво?

Но вотъ, на стр. 79-й встречаемъ попытку сообразоваться съ новѣйшими успѣхами отечественной ботаники, — попытку, которая удивила насъ еще болѣе. Въ первомъ изданіи своемъ, говоря о стеблѣ вьющемся (*caulis volubilis*), почтенный авторъ слѣдовалъ ученію Линнея, который смотрѣлъ на вьющійся стебель снаружи и опредѣлялъ направление его противно тому, какъ опредѣляютъ новѣйшіе писатели, слѣдуя Декандолю, поставившему себя внутри образуемой вьющимся стеблемъ спирали. Въ первомъ изданіи своей книги, авторъ правильно говорилъ о стеблѣ вьющаго (*convolvulus*), что онъ завивается вправо (*dextrorsum*), а о стеблѣ хмѣля (*Humulus Lupulus*, L.), что онъ зави-

вается влѣво (*sinistrorsum*); только въ самомъ объясненіи были некоторыя несообразности съ природою (см. стр. 49 прежа. изд.). Въ этомъ же изданіи, слѣдуя Максимовичу и переводчику Ришара, хотѣвшимъ казаться будто согласить возвращеніе Линнея съ декадоловымъ, встречаемъ удивительную разладницу въ русскихъ и латинскихъ терминахъ, такъ что всякому известное выраженіе *dextrorsum* — на вопросъ *quomodo «куда?»* — означающее направленіе завиванія вправо, *contra motum solis vulgo*, какъ говорилъ Линней (см. *Philos. bot edit. tertia Berol. 1790. стр. 40*), по-русски значить *справа*; на вопросъ «откуда?» и на оборотъ выраженію *sinistrorsum*, означающему направленіе влѣво — или *secundum solem vulgo* по Линнею (см. тамъ же *Phil. bot.*), должно соответствовать слово *слева*: — иная путаница, происшедшая отъ сличенія ученія Линнея съ декадоловымъ.

Не касаясь многихъ другихъ нововведеній и переименованій терминовъ, несогласныхъ съ правилами науки, позволяемъ себѣ обратить вниманіе еще на одинъ, по-видимому весьма заманчивый нововодный изъшедшій авторомъ терминъ: *жизнушку* (*fovilla*). Известно, что для обозначенія предметовъ и частей ихъ въ ботаникѣ всегда предпочитаютъ существительныя имена и сколько возможно слова короткія, немногосложныя и благозвучныя, чтобы имѣть возможность составлять изъ нихъ по мѣрѣ надобности сложныя и прилагательныя. Такимъ образомъ, ботанической русскій языкъ обязанъ г. профессору Куторгѣ весьма хорошимъ, подслушаннымъ въ народѣ рускомъ терминомъ *цвѣтень* (*pollen*), вмѣсто употреблявшагося доселѣ двусловнаго выраженія *цвѣточная пыль*, или слишкомъ-общаго не научнаго выраженія *пыльца!* Слово «цвѣтень», существительное имя, не многосложное, позволяющее образовать изъ себя слова производныя — и напротивъ рус-

сному слуху; притомъ же, по употребленію его въ определенномъ значеніи у народа не могущее обозначать ничего другаго, кромъ того, что по-латинъ ботанисты называютъ *pollen*; следовательно, этотъ терминъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ науки, и вужь только ученымъ привыкнуть къ его употребленію. И слово *жизушка*, въ отношеніи къ немногосложности и благозвучію своему, также весьма было бы хорошо — для замѣненія двусловнаго выраженія *оплодотворяющая жидкость*; но слово это звучитъ весьма сходно съ употребительнымъ уже родовымъ названіемъ *жизушкою*, Двиг. (*sempervivum*, f.), а притомъ и дѣлаетъ изъ который намекъ на одну изъ теорій оплодотворенія, чего, какъ известно, набѣгать должно, пока еще вѣтъ на на одной сторонѣ достовѣрности. Такъ Августъ Пярмъ Денандолъ обозначилъ одну форму такъ называемыхъ сосуловъ растений — словомъ *полосатый* (*vaissseau gaué*), вместо сюрнаго въ тогдашнее время названія *лжедмхальца* (*fausse traché*). Касательно же оплодотворенія сѣмянъ растений, существуютъ, какъ известно, въ наше время два воззрѣнія: по одному изъ нихъ цвѣтешевый мѣшечекъ (*Pollenschlauch* нем., *boyaie pollinique* франц.) служитъ къ произведенію зародыша только динамически, какъ-бы возбуждая такъ-сказать искру новой жизни и тѣмъ производя зачатокъ новаго растенія; въ случаѣ справедливости этой теоріи, конечно, слово, означающее живительное начало — *жизучекъ* было бы весьма пригодно; но по другой теоріи Шлейдена, принимаемой Виллеромъ также неча-обумь, а въ-слѣдствіе непосредственныхъ собственныхъ наблюденій, и которой въ наше время слѣдуютъ нѣкоторые другіе, какъ впроятвѣйшей, самъ цвѣтешевый мѣшечекъ, входя

верхнимъ концомъ своимъ непосредственно въ полость яичка, составляетъ зачатокъ новаго растенія, — следовательно, не оживляетъ существовавшей уже, но производитъ зародышъ, не только *участвуетъ* (!?) въ его образованіи (см. стр. 165). Не лучше ли и здѣсь употреблять известный уже латинскій терминъ *ovilla*, какъ самъ авторъ употребляетъ слово *стима* (стр. 175)?

Находимъ также, что одни и тѣ же предметы называются разными именами и получаютъ различныя определенія; такъ на пр. плоды аюпита, аквилегія на стр. 191 — почитаются мѣшечками (*folliculus*), а на стр. 207 причислены къ *сосуденникамъ* (*syncysium Gorian.*), обозначаемымъ вновь-созданнымъ терминомъ, вмѣсто котораго въ первомъ изданіи находимъ *плодосестріе* или *совѣстіе* (*sagra-delpha Gorian*).

Находимъ и наоборотъ, что предметы весьма-разнородные, даже противоположныя, поставляются въ одну категорію, такъ, напр. на стр. 211 въ примѣръ сѣмень *прямостоящихъ* (*sem. erectum*), которыя авторъ именуетъ *воспрямленными*, приводятся сѣмена сливы, (*Prunus*), клещевины (*Ricinus*), и грецкаго орѣха (*Juglans*), которыя всѣ почитаются *прямыми*, что, если не ошибаемся, значитъ одно и то же съ *пряморостными* (*ovulum et semen orthotropum Mirb. a. atropum schleid.* стр. 171), между-тѣмъ, какъ самъ авторъ сѣмена орѣховыхъ (*Juglandaceae*) вѣдетъ съ мириковыми (*Muticaceae*) и гречишными (*Polygonaceae*), справедливо относитъ къ *пряморостнымъ*, а сѣмена молочайныхъ, или, какъ ихъ называетъ нашъ авторъ *молочаевыхъ*, куда безспорно принадлежитъ клещевина — къ *опрокинутымъ* (*sem. anatropum*; смотр. тамъ же стр. 171); притомъ же, авторъ, вопреки

всѣмъ описателямъ растений, *исключя* сѣмена сливы и клещевины называютъ воспрявленными (*sem. erecta*), а *прямоотстоящія* сѣмена сростнопыльниковыхъ, яблока винограда — *превращенными* (*sem. inversa*), упрекая другихъ въ томъ, что они не различаютъ надлежащимъ образомъ въ сѣмени *физиологической*, или лучше, по Мирбелю, органической верхушки его отъ геометрической, и на той же 211-й страницѣ называетъ сѣмена винограда и яблока *восходящими* (*ascendentia*), а сѣмена клещевины *нисходящими* (*descendentia*), что согласно съ другими фитографами: — не явныя ли это противорѣчія самому себѣ? а дѣло въ томъ, что авторъ самъ смѣшиваетъ воззрѣнія физиологическія съ фитографическими, изъ которыхъ послѣднія существовали гораздо-равнѣ первыхъ, введенныхъ въ науку микроскопическими изслѣдованіями Мирбеля и другихъ еще здравствующихъ ученыхъ.

По мнѣнію автора, *котиледоны* не суть листья зародыша, хоть въ этомъ никто нынѣ уже не сомнѣвается; они только *превращаются* въ *сѣменные листья*, *когда стѣмля прозлбасть!* (см. стр. 216). И такъ какъ ученіе о видоизмѣненіяхъ растительныхъ органовъ у него изложено на стр. 55—59, и *котиледоны* всегда отличаются имъ отъ *настоящихъ* листьевъ (стр. 94 и 217), то учащійся едва-ли получить истинное понятіе о ихъ сущности, организации и отправленияхъ.

На 217-й страницѣ, о зародышѣ пшевицы авторъ говоритъ, какъ о двухъ-меходольномъ, и ризаровы терминны *hypoblastus* и *epiblastus* — употребляетъ въ своемъ исключительно ему собственномъ значеніи, почитая эти части зародыша, вопреки Рихарду, сѣменодолями.

Систематическая ботаника изложена

слишкомъ-коротко относительно самаго ученія, и слишкомъ-плодовито относительно вычисленія различныхъ, отчасти давно забытыхъ и нынѣ никакъ уже неупотребляемыхъ системъ; посему-то, при афористической методѣ изложенія, многое весьма неясно и сбивчиво — мы не хотимъ сказать, даже ложно. Такъ, говоря о естественномъ семействѣ (стр. 246), авторъ утверждаетъ, что и его составляютъ роды, сходствующие между собою въ разныхъ отношеніяхъ, *кромя цвѣтка и плода*; иной подумаетъ, что для составленія семейства вовсе не требуется существенное сходство растений по строенію цвѣтовъ и плодовъ ихъ!

На той же 246-й страницѣ Линнеева система безусловно называется *удобнѣйшею* для практическаго познанія растений и *употребительнѣйшею*. Касательно удобства замѣтимъ, что изложеніе ея на русскомъ языкѣ для дѣвиць было бы — не скажемъ неприлично, но отвратительно, тогда какъ ламаркова двураздѣльная метода доступна для всякаго. Употребительность линеевой системы нынѣ также повсюду выходитъ изъ моды, и авторъ, по нашему мнѣнію, напрасно старается защищать *эту знаменитую* систему (на стр. 252-й) отъ упрека въ существенномъ ея недостаткѣ: раздѣленіи сродныхъ растений, которое не порождъ системы только по отношенію къ логикѣ Линнея, но всегда порождъ по отношенію къ практическому изученію растений. Объ употребительнѣйшей естественной методѣ знаменитаго жевекаго ботаника Августа Пирама Декандоля (къ общему сожалѣнію всѣхъ друзей науки похищеннаго смертію въ сентябрь мѣсяцъ 1841), авторъ говоритъ, что она *не облачаетъ науки!*

Систему Эндлихера, знакомство съ которою, по употребительности новѣй-

шить классических сочинений его (*), по нашему мнѣнію необходимо для учащихся, авторъ не разбираетъ во все, потому только, что 62 класса его *трудно удержатъ въ памяти*. Не-уже-ли авторъ, будучи самъ медикомъ и весьма хорошимъ практическимъ врачомъ, не замѣтилъ, что память вещь весьма-относительная, что въ-отношеніи къ памяти и Линнеева система также будетъ трудною, ибо и по Линнеевой системѣ нельзя останавливаться на одномъ первомъ дѣленіи царства растительнаго на классы, но надобно знать и подраздѣленія классовъ на порядки (Ordines), или разряды, и дальнѣйшія подраздѣленія на роды, породы, и проч. Надобно знать сколько возможно болѣе самихъ растений, следовательно, стремиться къ познанію всѣхъ болѣе 85,000 описанныхъ породъ ихъ!

«Полагая слѣдовать *коренной* системѣ Жюсэ, съ которою можно (?) согласовать всѣ новые успѣхи классификаціи и органографіи (!?) растеній, и извлекая изъ новѣйшихъ системъ все лучшее (т. е. по индивидуальному возрѣнію автора, что ему казалось лучшимъ) и исклѣчивъ изъ царства настоящихъ произрастаемыхъ грибовъ и водорослей, какъ среднеорганическихъ тѣлъ» стр. 264), авторъ предлагаетъ однакоже свою собственную систему, на весьма-удовлетворительныхъ по его убѣжденію основаніяхъ установленную, въ которой 4 области, 12 классовъ, 44 разряда и, если не ошибаемся, также болѣе 200 се-

мействъ, во которой, по весьма-уважительнымъ причинамъ, разбирать мы не станемъ, а скажемъ только, что два класса среднеорганическаго царства (Amphorganica), авторомъ принимаемаго, грибы и водоросли, вѣроятно изъ свисхожденія къ привычкѣ соотечественниковъ почитать ихъ за растенія, также вычислены здѣсь съ четверочисленными ихъ подраздѣленіями, а о двухъ другихъ классахъ этого мѣждоимочнаго царства, *полиморфикахъ* и *акалефахъ* сказано, что они описываются въ зоологін (см. стр. 280). Наконецъ, въ фитографіи авторъ слѣдовалъ также своему собственному порядку. говоря 1) о именахъ растений, 2) объ отличіяхъ или характерахъ, 3) объ описаніяхъ растений — съ присокупленіемъ, для примѣра, латинскаго описанія одувачика аптечнаго (*Tagetes officinale Wigg.*), 4) о формахъ ботаническихъ сочиненій, къ которымъ авторъ относитъ также и Степана Крашенинникова *Описаніе земли Камчатки 1754—86* (стр. 311), 5) о изображеніяхъ растений, 6) о травникахъ или травохранилищахъ, — и заключаетъ литературу медицинской ботаники, или исчисленіемъ въ которыхъ ботаническихъ сочиненій, содержащихъ въ себѣ или одни описанія, или описанія и изображенія растений, употребительныхъ во врачеваніи, технологіи, сельскомъ хозяйствѣ... Здѣсь бы нашлось многое, на что также можно было бы сдѣлать въ которыхъ замѣчанія; но чтобы не утомлять долѣе читателей, мы позволимъ себѣ сказать въ сколько словъ еще и о томъ, что намъ особенно понравилось въ сочиненіи г. профессора. Сюда принадлежатъ: 1) въ которые весьма-счастливо-придуманые термины, на прим. *присоски* (*Haustoria*, стр. 72), *folia sigmoideo-nervia* (стр. 106), *Клубень* (*Tuber*, стр. 124), *пряморостное* яичко (*s. orthotropum*),

(*) *Genera plantarum secundum ordines naturales disposita auctore Stephano Endlicher. Vindobonae 1836—1840.*

Enchiridion botanicum, exhibens classes et ordines plantarum, accedit nomenclator generum et officinalium del usualium indicatio, auctore Stephano Endlicher. Lipsiae et Vindobonae 1841.

опрокинутое (anatrofum), *дугоростное* (campylotrofum), *полудугоростное* (amphitrofum), стр. 171 и 172; *разсылки* (Diatomaseae), стр. 240; 2) изложение: на прим. о расположении листьев стр. 92—97—соответственно новейшим изсѣдованіямъ Браве и Марціуса; также о цвѣтрасположеніи вообще (стр. 137—и 138); о растені-

яхъ тайноцвѣтныхъ (стр. 220, 243), о травохранилищахъ (стр. 318—324).

Заключимъ статью свою изъвлеченіемъ благодарности автору за трудъ его на поприщѣ еще не волея у насъ цѣнимомъ и мало поощряемомъ. Безкорыстный трудъ его, какомъ бы онъ ни былъ, вѣрно найдетъ себѣ читателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ФЕВРАЛЬ.

75) Эвелина де Вальерозъ. Романъ въ четырехъ томахъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Второе, исправленное изданіе. Санктпетербургъ. Въ типографіи Ильи Глазунова и К°. 1841—1842. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 249, во II-й — 264, въ III-ей — 274, Въ IV-ой — 345 стр. (Цѣна 3 р. сер., въсовыхъ за три фунта).

Читателямъ уже извѣстно наше мнѣніе о романѣ г. Кукольника. Это далеко не художественное произведеніе: въ немъ нѣтъ ни идеи, ни слишкомъ-вѣрнаго и глубокаго взгляда на эпоху, ни внутренняго содержанія, поражающаго единствомъ впечатлѣнія и ясною ощутительностію того, чего нельзя выразить словомъ и чего поэтическая форма была бы только чувственнымъ проявленіемъ. Героиня романа служитъ лишь внѣшнимъ центромъ множества событій и множества лицъ, живущихъ къ ней слишкомъ-мало отношенія. Сама-по-себѣ она — ни глубоко-задуманная и хорошо-выполненная женскія характеръ, ни даже особенно интересное описаніе характера: бѣдныя, безцвѣтныя, оббавачена черта-

ми общими и неопредѣленными. Другія лица не чужды внѣшняго интереса въ запутанномъ механизмѣ романа; но ни одно изъ нихъ не можетъ назваться типическимъ лицомъ. Лучше другихъ Гарь-Піонъ. Гойко сбивается на мелодраматическаго героя, — а онъ-то собственно и есть герой романа: по-крайней-мѣрѣ, въ романѣ, все черезъ него и имъ, и ничего безъ него, такъ-что еслибъ Гойко не спасался безпрестанно отъ смерти чудеснымъ образомъ, чрезвычайно-похожимъ на *deus ex machina*, то романъ остановился бы. Авторъ не зналъ бы, что ему дѣлать съ своими героями и дѣйствующими лицами и куда ихъ дѣвать. На Ришелье г. Кукольникъ смотритъ слишкомъ-не-вѣрно: Ришелье, по его мнѣнію, подорвалъ, гоненіемъ аристократіи, французскую монархію и приготовилъ вѣншіе перевороты въ исторіи Франціи... Такой взглядъ есть лучшая мѣрка достоинства романа: на должномъ основаніи нельзя создать хорошаго произведенія. Всякая великая историческая личность творитъ волю пославшаго ее, хотя, по-видимому, и совершаетъ

только свою собственную волю; всякій великій историческій дѣйствительный вы-поднять требованія духа времени, которыхъ онъ есть только представитель, а не производитель, хоть онъ и думаетъ осуществлять лишь свои собственные понятія о потребностяхъ общества; потому ни о какомъ историческомъ героеѣ, какъ бы великъ онъ ни былъ, нельзя сказать, что онъ сдѣлалъ не то, что должно, — или хвалить его за то, что онъ сдѣлалъ хорошо, когда бы могъ, если бы захотѣлъ, сдѣлать худо. Историческое лицо дѣлаетъ только то, что необходимо, — по крайней мѣрѣ, только необходимыми изъ его дѣйствій проваждаютъ результаты; все же принадлежащее его личному произволу, и доброе и худое, существуетъ временно, не оставивъ никакихъ слѣдствій и исчезая вмѣстѣ съ лицомъ. Что за гигантъ такой кардиналъ Ришелье, что могъ сдѣлаться владыкою судебъ цѣлаго народа и провазвести не то, чего высшія силы хотѣли, а что его кардинальской эминенціи было угодно!.. Подобное историческое созерцаніе и мелко, и ограниченно, и старо. Да притомъ, г. Кукольникъ навязалъ Ришелье дѣло, котораго тотъ и не думалъ дѣлать: онъ сокрушилъ феодализмъ и приуготовилъ монархію Людовика XIV, которая потомъ пала въ слѣдствіе причинъ, нисколько независѣвшихъ отъ кардинала Ришелье; а г. Кукольникъ заставляеть его подрывать монархію и религію!...

Въ изображеніи характера Ришелье авторъ держался известнаго романа Альфреда де-Виньи «Сен-Мартъ». Вообще, этотъ романъ имѣлъ большое вліяніе на романъ г. Кукольника, и не смотря на то, ихъ никакъ нельзя сравнивать между собою въ достоинствахъ. Мы не слишкомъ-высокаго, или, лучше-сказать, слишкомъ-невысокаго понятія объ «облизанномъ» (какъ называлъ его Пушкинъ) произведеніи щепетильнаго французскаго романиста; но оно, по нашему мнѣнію, все-таки несравненно-выше своего русскаго от-

прыска. Ово проще, малосложнѣе, ярче по очеркамъ характеровъ, и проникнуто началами, которыя, каковы бы они ни были, даютъ ему жизнь и колоритъ. Г. Кукольникъ писалъ свой романъ безъ особенныхъ притязаній: ему, вѣжется, просто хотѣлось написать повѣсть съ разными похождениями, способными занять свою калейдоскопическою пестротою не слишкомъ-взыскательное вниманіе пристраднаго читателя, и онъ вполне достигъ своей цѣли. Смерть того, у него была еще и задушевная мысль — представить картину состоянія искусствъ въ Италіи и Франціи XVII столѣтія. Въ этомъ, у него нтъ ничего общаго съ де-Виньи; но зато, все это у него нисколько не вѣжется съ романомъ, и составляетъ какъ-бы вставку, занимающую пять главъ, названныхъ авторомъ римскими и отиѣченыхъ предостерегательнымъ эпиграфомъ «ad libitum», а это значитъ, что авторъ забываетъ отъ чтенія этихъ римскихъ главъ всякаго, кому «почену-либо подробности художественной исторіи могутъ показаться незанимательными и утомительными». Что касается до насъ, — намъ эти подробности не показались незанимательными и утомительными, мы прочли ихъ съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ самый романъ. — Есть и еще важное различіе романа г. Кукольника отъ романа де-Виньи: русскій романистъ представилъ Сен-Мара совершенно-иначе, чѣмъ французскій, и гораздо-ближе къ исторической истинѣ.

Говоря вообще, если разсматривать романъ г. Кукольника внѣ строгихъ требованій искусства, — это очень-приятное явленіе въ нашей мертвой и скудной литературѣ: это просто — длинная повѣсть, переполненная затѣйливо-запутанными и удовлетворительно-распутанными происшествіями; повѣсть, умно-задуманная, внимательно-сображенная, но не концептированная; повѣсть, для которой много было употреблено труда, изученія, но мало вдохновенія; наконецъ, повѣсть, въ которой мало

внутреннего, но бездна внешнего интереса, какимъ отличается, въ пр., «Тысяча и Одна Ночь». Въ ней есть эффекты, довольно неловкие, какъ на пр., смерть кардинала Ришельё; но большая часть ея эффектовъ отличается умомъ и вкусомъ. Вообще, этотъ романъ написанъ для образованной части публики, а не для полуграмотной черни, для которой сочиняются беззубо-сатирическіе, пошло-моральные и приторно чувствительные романы. Мы не перлюстрируемъ произведеній г. Кукольника: видимъ въ немъ дарованіе, котораго и не оспориваемъ; но не видимъ въ немъ ни генія, ни громаднаго таланта, который въ немъ признается иногда (когда требуютъ того особыми обстоятельствами) въ некоторыя журналы, печатно-называющими себя его друзьями и пріятелями...

Романъ г. Кукольника изданъ прекрасно.

76) Кузьма Петровичъ Мирошевъ. *Русская быль В(ремени) Екатерины II. Сочиненіе М. Н. Загоскина. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1842. Въ четырехъ частяхъ. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 200, во II-й — 248, въ III-й — 279, въ IV — 290 стр. (Цѣна 5 р. сер., съ перес. 5 р. 70 к. сер.)*

Появленіе новаго романа г. Загоскина есть истинный праздникъ для критики, — потому мы и посвятили Кузьма Петровичу Мирошеву особую статью въ отдѣленіи Критики. Какъ узнали, и сколько позволили намъ слабыя силы наши, подробно и искренно изложили мы свое скромное мнѣніе объ этомъ несравненномъ произведеніи, и что всего важнѣе въ отношеніи къ нему — не испугались двоекато труда прочесть его отъ начала до конца, и потомъ разобрать его отъ первой страницы до послѣдней. А трудъ, — сознайтесь, былъ не шуточный: въ 1017 страницъ, хоть и довольно разгонисто напечатанныхъ!.. Чтобы не ограничаться сухимъ библиографическимъ извлеченіемъ, мы рѣшились дѣлать, что при-

всѣхъ достоинствахъ, какія только можно ожидать отъ новаго романа автора «Искусителя» и «Тоски по Родинѣ» — Кузьма Петровичъ Мирошевъ, значительно уступаетъ этимъ двумъ, съ такою славою предшествовавшимъ ему, произведеніямъ. Мы знаемъ, что мнѣніе другихъ журналовъ не будетъ согласнo съ нашимъ; но «Отеч. Записки» въ томъ и оставляютъ свою славу, тѣмъ и приобрѣли себѣ доваріе у просвѣщенной публики, что имѣютъ свое, независимое мнѣніе...

«Мирошевъ» выданъ изданию — что дѣлаетъ большую честь типографіи г. Ставанова, рѣшительно лучшей въ Москвѣ. Излѣненное употребленіе прописныхъ буквъ тамъ, гдѣ нужно употреблять строчныя, и другія орфографическія странности — напр.: лице(о), плече, поле(в)ой, даровы(о)и и т. п., — вѣроятно, не зависяли отъ типографіи.

77) Стихотворенія Аполлона Майкова. *Спб. 1842. Въ типографіи Эдуарда Праца. Въ 8-ю д. л. 240 стр. (Цѣна 1 р. 50 к. сер., въсовыхъ за 2 фунта).*

Русская литература приобретаетъ въ г-нѣ Майковѣ новое весьма-замѣчательное и подающее о себѣ хорошія надежды дарованіе. Это собраніе изящныхъ стихотвореній г. Майкова, можетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, назваться *сюрпризомъ* публики, которая въ одно и то же время, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, уверится въ истинности дарованія новаго поэта и узнаетъ о его существованіи. Причина этого заключается въ томъ, что г. Майковъ мало печаталъ въ по временныхъ изданіяхъ свои стихотворенія, — и если печаталъ, то большею частію безъ подписи имени, и большею частію въ такомъ журналѣ, въ которомъ публика не читаетъ стихотвореній, уверянная напередъ, что тамъ стихи находятъ въ большей или меньшей аналогіи съ персидскимъ выраженіемъ: «называть жемчугъ на нить опресаній», — а вѣдѣно, что въ-слѣдствіе

этого выражения; стихъ есть нечто условное, искусственное, веиниющее никакого отношенія въ своему содержанию... Въ этой книгѣ «Отъч. Записокъ» мы повѣстали подробный разборъ стихотвореній г. Майкова, гдѣ, со всею искренностію и прямою, изложили свое мнѣніе почти о каждой вѣсь особенно, желая сдѣлать нашу статью полезною для молодого поэта. Хорошее назвали мы хорошимъ, дурное дурнымъ, и только объ нѣмъ посредственномъ совсѣмъ умолчали. Посмотримъ и послушаемъ, что скажутъ другіе, и не забавлять ли насъ неловкими употребленіями словъ: «художественность», «субъективность», «идея» и т. п. O. imitatores!.. Особенно забавно будетъ читать сужденія о ластоватствѣ стихотвореній г. Майкова, какъ все лучшее въ нихъ будетъ похулено, во имя такъ-называемой «моральности», которая вѣдь въ томъ и состоитъ, чтобы не понимать ничего истинно-прекраснаго, и какъ все худшее въ нихъ будетъ превознесено за изысканныя выраженія, неопредѣленные и незрѣлыя мысли и мнимую идеальность — недостатки, которыхъ тоже не чужда муза г. Майкова. Но мы слышали, что одинъ изъ моральныхъ критиковъ уже выполнилъ эту задачу къ полному своему удовольствію, подавъ г. Майкову мудрый совѣтъ не воспѣвать языческихъ боговъ, во избѣжаніе соблазна мірнинъ, во услаждать «братію» назидательными стихотвореніями, которыхъ главнѣе условіе, по его мнѣнію — отсутствіе всякаго изищества и надутые водргасы о томъ, что всѣ уважаютъ, но чему уже никто не вѣритъ, на-прим., о томъ, что люби добродѣтель — будешь богатъ, не имѣй таланта — станешь хорошо писать, и т. п. Говорятъ, что въ-свѣдствіе этой прекрасной теоріи, сей критиканъ съ презрѣніемъ отбросилъ объ автологическихъ стихотвореніяхъ, составляющихъ торжество таланта г. Майкова, и расхвалилъ именно тѣ его стихотворенія, которыхъ бы ему со-

вѣтъ не слѣдовало печатать... Мы не читали знаменитой критики, и потому не знаемъ, до какой степени справедливы эти слухи о ея содержаніи, равно какъ и то, будто-бы этотъ же артистартъ открылъ въ г. Славинѣ великій талантъ; но мы почитаемъ здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о современномъ невѣжествѣ, которое, прикрывая себя именемъ какой-то глумительной морали, сврежетъ зубы на Аполлона Веллелерскаго и Венеру Медичейскую... Дай только волю этимъ набавнымъ зубамъ — они сгрызутъ бы божественный храмъ какъ гнилу картофельну; да не упалъ бы тогда отъ нихъ ни Дредевейской Галлерей, ни нашей Академіи Худомствъ...

Стихотворенія г. Майкова изданы припрасно.

78) *Исторія Древней Философіи, приспособленная къ понятію каждому образованнаго чловѣка.* Карла Зедергольма, — доктора философіи и евангелическаго дивизионаго проповѣдника. Москва. Въ тип. А. Свѣна. 1842. В 8-ю д. л. Дѣлъ части. Въ 1-й — 282, во 11-й 197 стр. (Цѣна 10 р., съ перес. 12 р. ас.)

Въ русской литературѣ такъ мало является книгъ, предметомъ которыхъ была бы философія, что мы должны принимать со всевозможною признательностію сочиненія, въ которыхъ обнаруживаются добросовѣстныя, долгія занятія величайшею изъ наукъ. Вотъ почему, мы съ признательностію привѣтствуемъ благородный трудъ г. Зедергольма и со всею искренностію желаемъ ему продолженія, не смотря на то, что не признаемъ многихъ положеній, которыхъ постановка оныхъ неходкимъ пунктомъ своей исторіи философіи.

Пусть будетъ у насъ больше книгъ, которыхъ заставляють размышлять, пробуждаютъ стремленіе къ высшему знанію. Главная дѣло въ томъ, чтобы пробудить это стремленіе; а обыкновенныя пошлѣныя, обескураживающія же не боятся.

потому что въ Дилематическомъ процессѣ времени дождь уничтожаетъ себя и дѣлаетъ только большую лужею истинѣ. Да свержъ-дего, мы втораемъ съ Гёте, что —

Ein guter Mensch in seinem dunkeln
Drange,
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst, —

и, по нашему мнѣнію, значить имѣть мало уваженія и довѣрія къ разумности духа человеческого, если содержать его въ пеленкахъ невѣдѣнія, или отдавать отъ него познаніе всяческихъ противорѣчій и тревожащихъ происходящихъ въ его мірѣ.

Мы скоро надѣемся посвятить особую статью исторіи философіи по поводу книги г. Зедергольца, и потому здѣсь скажемъ только несколько словъ о введеніи, которое есть философское *profession de foi* автора. Въ этомъ введеніи, г. Зедергольцъ говоритъ о значеніи философіи, о цѣли ея и необходимости, о постепенномъ ея развитіи, о различныхъ философскихъ вѣрствѣнахъ, и проч. и проч. Все это изложено прекраснымъ языкомъ и отличается ясностію. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать здѣсь все, что г. Зедергольцъ говоритъ о философіи вообще: какъ о наукѣ, и цѣляхъ ея:

«Объективная цѣль философіи — есть узнаваніе всего сущаго. Каждому образованному, мыслящему человеку, даже незамышляющемуся ученымъ образомъ философіей, невольно представляются вопросы о мірѣ, о самомъ себѣ и о Богѣ, вопросы, которыми наукообразное рѣшеніе — есть философія, и на которое онъ, сообразно степени своей духовной жизни, долженъ отвѣчать, чтобы чувствовать себя дополненнымъ въ мірѣ. Чувствъ къ благородству, благочестивости, тѣмъ чаще и живѣе, особенно въ настоящее время, должны представляться ему такіе вопросы о Богѣ, Его судьбахъ и Промыслѣ, о чловѣкѣ и его значеніи, о свободѣ человеческой, о происхожденіи зла, о действительности откровенія, о различіи вѣрствѣнахъ и его бо-

жественнато. Осмыслить, о цѣли государственя и церкви и взаимоотноеній ихъ отношеній, о жизни во смерти тѣла, и т. д. Мы не можемъ отречься отъ этихъ вопросовъ, должны заниматься ими. И не только заниматься ими должны мы, но и рѣшать ихъ, рѣшать справедливо, если хотимъ обрести успокоеніе въ здѣшней жизни, истинно-вѣрной проповѣдью.»

Далѣе прекрасно отвѣчаетъ г. Зедергольцъ на вопросъ, такъ часто предлагаемый многими о пользѣ философіи:

«О пользѣ философіи собственно не слѣдовало бы и говорить, ибо истина есть также сама себя цѣль, какъ изыщество и благо, и вопросъ, къ чему служить истина, столько же сраженъ, сколько вопросъ къ чему служить Аполлонъ Бельведерскій, или какая польза отъ справедливости, чести, или благочестія. Какъ ни исследуемо, что мы ищемъ истины для нашего внутренняго спокойствія, однако въ высшемъ смысле только истина сама по себѣ есть верховная цѣль, къ которой направлены все стремленія философіи, и которая служитъ верховною наградою ея многотрудныхъ усилій. Одному только этому служенію частѣйшимъ и непосредственнымъ образомъ посвятила себя философія. Вся прочія науки ивѣютъ также и построннія цѣли, приложенія въ людскихъ занятіяхъ, прамислахъ, общественныхъ потребностяхъ; — одна философія есть исключительно жрица истины. Пужие ея (для земной жизни) все науки, — превосходятъ ея нѣтъ ни одной.»

«Кромѣ такой объективной пользы, философія имѣетъ еще субъективную, состоящую въ томъ, что правильное изученіе ея больше всего другою служитъ къ возвышенію духа. Если философія сообщаетъ намъ познаніе истиннаго, существеннаго и основнаго во всѣхъ предметахъ, то такое познаніе въ здѣшномъ духѣ наклонитъ и сердце и волю къ сему истинному существо и основанію бытія и отворотитъ отъ призрачнаго, ничтожнаго и пошлаго въ жизни. Если философія убѣждаетъ насъ въ вѣчности и божественности, стоимъ предъще вѣковнаго, — то она воспламенитъ любовь и одушевленіе, преданность и благоговѣніе къ нему въ душѣ, не совершеню погрязшей въ неправдѣ. Сообщая намъ познаніе высшаго назначенія нашей жизни, она возбудитъ и волю къ достиженію этого назначенія. Вообще, если она дѣлаетъ

вать эмпирическое и идеальное направление в области мысли, возвышает нас до сознания идеи истинного, благого и праведного, то сердце и воля, мысль и желание, чувствование и действование необходимо подпадают тому же направлению. Если цель всего философского мышления состоит в совершенной гармонии мирозерцания, то философия должна пробудить и в жизни стремление къ этой гармонии, которая всю жизнь человека в чувств, пробужденных и поступках приведет в созвучие съ верховною целью божественнаго мироустройства. Дайте только человеку, говорит Шеллинг, сознание того, что онъ есть, — онъ скоро познаетъ чьимъ долженъ быть.

Въ высшей степени важно, что г. Зедергольмъ говоритъ о необходимости философии:

«Философия является какъ нечто необходимое для отдельнаго лица; общества и государства. Она необходима отдельному лицу, какъ скоро оно достигло известной степени духовнаго развитія, ибо безъ нее человекъ не можетъ устроить своей умственной жизни, а потому не можетъ удержаться на степени образованнаго человека, до которой довел его успехъ в другихъ отрасляхъ знанія и которой онъ не хотѣлъ и не можетъ оставить. Это видимъ мы ежедневно въ непріятномъ призраке тахъ, которые, до своего общественнаго или по своему частному ученому образованию, дошли до той точки, гдѣ имъ нужна философия, и которые однакожъ упорно удаляются отъ нея, и такимъ образомъ, не смотря на преимушество частнаго образования, остаются невъждами» и проч.

Равнымъ образомъ весьма замѣчательно возраженіе г. Зедергольма противникамъ и порицателямъ философии, считающимъ стремленіе ея тщетнымъ и принимающимъ ее за вещь бесполезную; такихъ порицателей онъ выразительно называетъ «чернью духовнаго міра».

Читатели видятъ въ выпискахъ, которые мы позволили себѣ сдѣлать изъ введенія, какъ возвышенно смотритъ г. Зедергольмъ на предметъ свой, и какъ достойна книга его самаго живаго вниманія публики. Тѣмъ непріятнѣе намъ необходимо назвать невѣрными положенія автора, которые придалъ онъ

за основаніе своей «Исторіи Философии»: Хорошо говорить о философии вообще: — не значить еще быть внимательнымъ ей, ея логической дисциплинѣ. И доказательство этому представляетъ самое введеніе г. Зедергольма. Не смотря на множество прекрасныхъ и истинныхъ мыслей, — въ цѣломъ это странная смѣсь истинныхъ понятій и истинностическихъ представлений, — теологія и философія, результаты позднѣйшей философіи и схоластическія предубѣжденія, — Гегели Штала (хоть авторъ и не ссылается на Штала въ своемъ руководствѣ, но ссылается съ нимъ въ своихъ основаніяхъ). Главнѣйшая причина такого страннаго смѣшанія, по нашему мнѣнію, произошла отъ-того, что авторъ не опредѣлилъ спекулятивно сферу философіи и религіи и не уяснилъ себѣ самостоятельнаго значенія и автономіи философіи. Г. Зедергольмъ лишь на словахъ признаетъ право ея все подвергать своему изслѣдованію; онъ не даетъ ей въ то же время свободы въ результатахъ этого изслѣдованія, и потому, въ сущности, отрицаетъ у нея и самое право изслѣдованія, — право, которое не признаетъ никакихъ авторитетовъ, каковы бы они ни были, потому-что предметъ философіи есть не только абсолютное, являющееся въ историческомъ ходѣ времени, и слѣдственно, носящее въ себѣ моментъ разрушенія и перехода въ высшую форму, — но также и абсолютное, пребывающее вне времени и пространства.

Г. Зедергольмъ не принадлежитъ собственно ни къ какой философской школѣ — il prend son bien où il le trouve — а потому и всего менѣе можетъ быть названъ «философомъ». Основныя положенія его, да и вся вообще философская сторона его книги погнѣваются, какъ далека авторъ отъ философской спекулятивности. То, что г. Зедергольмъ называетъ восточною философіею — было религіею Востока: вѣдѣ философія видитъ исходнымъ пунктомъ своимъ моментъ субъективности

и индивидуальной свободы, которых не было ни въ религии, ни въ государствах Востока, гдѣ человекъ, какъ, наприм., въ Индіи, до такой степени былъ безличенъ и потонулъ въ созерцаніи всеобщей субстанціи, что незамѣтилъ не только исторіи, — даже простой хронологіи. Мы весьма жалеемъ, что по многимъ причинамъ не можемъ войти въ подробное рассмотрение основныхъ положеній г. Зедергольма ..

Первая часть книги г. Зедергольма начинается отъ такъ-называемыхъ философіи индійской, китайской персидской и оканчивается греческими софистами; вторая начинается Сократомъ, оканчивается эпохою разрушенія греческой философіи и переходомъ ея въ римскій міръ.

Считаемъ долгомъ обратить вниманіе мыслящихъ и любознательныхъ людей на книгу г. Зедергольма, — хотя въ то же время сознаемъ, что философія не есть сборъ какихъ-нибудь, хоть и прекрасныхъ, но принятыхъ на веру, или произвольныхъ мнѣній, положеній, представленій и т. п., но что она есть великая и важная наука, основанная на имманентномъ началѣ, развивающаяся изъ него по законамъ внутренней, самодѣйствующей необходимости, — наука, исключаяющую всякую произвольность субъективныхъ мнѣній, всякую особность, принадлежащую индивидуальности человеческой; ибо предметъ ея — бытіе, или сущность міра явленій, — и абсолютная истина, отрѣшенная отъ временности, страстей и уклоненій жизни человеческой — истина, которая есть новѣйшій factum всего конечнаго, ибо она рано или поздно, въ той или другой формѣ, но разражается надъ конечнымъ и привязываетъ его къ суду своему.

79) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Археологическою Коммиссіею. Томъ третій. IV. Новгородскія Лѣтописи. Санктпетербургъ. Въ томъ.

Эдуарда Праца. 1844. Въ 4-ю в. л. IX, 308 стр. (Цѣна 2 р. сер.)

Новый великій трудъ, предпринятый Археологическою Коммиссіею... Наконецъ исполнится заветная мысль Шлегелера, Карамзина, мысль, въ настоящее время сдѣлавшаяся требованіемъ всѣхъ людей образованных: у насъ будетъ полное собраніе Русскихъ Лѣтописей! Поблагодаримъ же наше просвѣщенное правительство, предупредившее частную дѣятельность, не всегда успѣшную въ столь важныхъ предпріятіяхъ; поблагодаримъ и дѣятельныхъ членовъ Коммиссіи, съ такимъ усердіемъ исполняющихъ возложенную на нихъ обязанность, и порадуемся за успѣхи отечественной исторіи...

Но не одна мысль объ изданіи Русскихъ Лѣтописей возбуждаетъ въ насъ столь отрадное чувство: передъ нами лежитъ самое начало труда, соответствующее всѣмъ требованіямъ изыскательной критики. Чтобы исполнѣть убѣдить читателей въ справедливости нашихъ словъ, прежде, нежели приступимъ къ разбору третьяго тома Русскихъ Лѣтописей, изложимъ правила, принятые въ руководство редакціи, основывавшаяся на ежегодныхъ отчетѣхъ г. министра народнаго просвѣщенія о дѣйствіяхъ Археологической Коммиссіи и на протоколахъ ея засѣданій.

Извѣстно, что при изданіи лѣтописей доселѣ употребляли у насъ слѣдующіе три способа: одинъ печатали какой-нибудь отдѣльный списокъ буква-въ-букву, безъ всякихъ поправокъ и сличеній съ другими, болѣе или менѣе сходными (зюда относится «Списокъ Кенигсбергскій» и «Лѣтописецъ Львовскій»), — изданіе, чуждое критики, и потому справедливо-отвергаемое въ наше время. Другіе, взявъ въ основаніе лучшій или древнѣйшій списокъ, передавали его также безъ всякихъ измѣненій, но съ примѣчаніями и вариантами, заимствованными изъ другихъ однородныхъ списковъ (такъ издавалъ профессоръ Тимковскій вѣсторову лѣтопись по списку мнѣха Даврентія), — способъ болѣе

критическій, но необъясняющій того, какъ должно поступать при изданіи всѣхъ вообще лѣтописей. Наконецъ, и самая метода Шлёцера, думавшаго восстановить первоначальный текстъ несторовой лѣтописи, не говоря уже о несравненности такого мнѣнія, по его собственному признанію (см. его «Нестора», часть I, стр. 409—416), требуетъ предварительнаго изданія свода, составленнаго, по крайней мѣрѣ, изъ двадцати различныхъ списковъ. Слѣдственно, очевидно, что если Комиссія въ предпринимаемомъ ею изданіи и могла руководствоваться въ некоторыхъ правилахъ своихъ предшественниковъ, то, во всякомъ случаѣ, они были неудовлетворительны для исполненія такого труда во всей его обширности, ни даже въ примѣненіи къ составнымъ частямъ его.

Итакъ въ виду эти недостатки издаваемыхъ доселѣ отдѣльныхъ лѣтописей, одинъ изъ членовъ Комиссіи, еще въ 1837 году, предложилъ ей свое мнѣніе, состоявшее въ слѣдующемъ: 1) Издѣвать прежде всего лѣтописи Нестора съ вариантами по лучшему списку, какъ основную вещь другимъ лѣтописямъ. 2) Продолжателей Нестора раздѣлить на отдѣльные временники, принявъ въ каждомъ разрядѣ за основаніе лучший и полнѣйшій списокъ, такъ текстъ, а изъ прочихъ предлагая варианты или отдѣльныя статьи въ видѣ дополненій. 3) Тѣми же правилами руководствоваться при изданіи лѣтописныхъ сборниковъ, степенныхъ книгъ и хронографовъ. Такимъ образомъ всѣ лѣтописи и другія историческія сочиненія составили бы одно полное собраніе, раздѣленное на пять отдѣленій. Одобривъ это мнѣніе, Комиссія въ томъ же году получила правила для руководства при ея изданіяхъ, гдѣ между прочимъ, по назначенію отдѣльнаго редактора лѣтописей, на него возложена была, обязанность раздѣлить всѣ извѣстные списки на отдѣльные временники и лѣтописные сборники, разутья подъ именемъ первыхъ лѣто-

писи, содержащія въ себѣ преимущественно описаніе событій отдѣльныхъ княжествъ и областей, какъ-то: Бѣла, Новгородъ, Псковъ, а подъ вторыми своды лѣтописей, составленные известными лицами въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ; далѣе, раздѣлить ихъ на разряды, приготовить къ изданію текстъ каждого разряда по лучшему списку, а изъ однородныхъ съ нимъ пододить варианты, дѣлая сверхъ-того нужныя примѣчанія и дополненія. Тѣмъ и другимъ должно была предшествовать изданіе временника Нестора въ видѣ особенной лѣтописи съ вариантами, замѣстительными изъ всѣхъ списковъ отдѣльныхъ временниковъ и лѣтописныхъ сборниковъ между-тѣмъ, какъ изданіе хронографовъ предположено ограничить напечатаніемъ вполнѣ одного лучшаго списка, присовокупивъ къ нему изъ прочихъ всѣ такъ называемыя *русскія статьи* или хронологическія черточки отечественныхъ событій. Наконецъ, степенныя книги и другія историческія сочиненія назначено пригласить къ изданію на основаніи тѣхъ же правилъ, составляя основные тексты по лучшимъ спискамъ; а изъ однородныхъ замѣстивъ варианты. Для успѣшнаго начала предприняемаго труда, оставалось только собрать нужныя издателю памятники древности: но это было не затруднительно, потому-что, съ одной стороны главный редакторъ лѣтописей, Я. И. Бердяевъ, во время своего путешествія осматривавшій большую часть библиотекъ и архивовъ Сѣверо-Восточной и Средней Россіи, зналъ по собственному опыту не только о достоинствахъ и количествахъ разбланныхъ въ нихъ материаловъ, но могъ также указать мѣсто, гдѣ хранилась та или другая рукопись съ другой стороны, Археографическая Комиссія, пользуясь Высочайшимъ разрешеніемъ, была уверена въ безпрепятственности исполненія всѣхъ съ требованій, относительно предприняемаго изданія. Но для того, чтобы не упустили изъ виду и тѣхъ матері-

ловъ, который не могъ быть ей неизвѣстенъ, она обратилась къ частнымъ лицамъ съ просьбою доставить ей на время принадлежащія имъ полныя рукописи и списки, съ общаніемъ возмещать ихъ владельцамъ въ цѣлостн.

Такъ начала Комиссія свой нелованскій трудъ, и, между тѣмъ, какъ во Франціи, въ Англіи и Италіи подобныя предпріятія шли медленно или даже неусугодно, главный редакторъ «Русскихъ Литературъ» работалъ неутомимо и съ очевидной волею. Уже въ началѣ 1840 года г. министръ народного просвѣщенія, въ отчетѣ своемъ Государю Императору, доносилъ, что изъ числа 155 рукописныхъ лѣтописей, поступившихъ въ Комиссію, — 53 списка употреблены для наданія временнаго Нестора; что она списала по себѣ отъ этихъ списковъ и раздѣловъ на три текста (древній, средній и новѣйшій) по отличительнымъ признакамъ въ слогѣ, отъзнахъ и дополненіяхъ; что всѣ другіе списки лѣтописей разложены на отдѣльныя временники и лѣтописные сборники, и что совѣтъ приготовленъ къ печатанію первыхъ трехъ томовъ, въ которыхъ будутъ включаться, кромѣ отдѣльнаго временника Нестора, Лаврентьевская, Матвѣевская и Новогородская лѣтописи. По-истинѣ, нельзя не удивляться тайной неутомимости и вниманія требуетъ оличенія различныхъ списковъ, раздѣленіе ихъ на разряды, доведеніе вариантовъ и самое печатаніе текста, въ которомъ, по правду, примятому редакціей, исправлены мѣста, слова и даже буквы замѣняются болѣе исправными изъ другихъ списковъ, съ оставленіемъ верныхъ въ вариантахъ; дабы, имея въ виду то, что въ этомъ отношеніи успѣли сдѣлать трудолюбивый Шабцера и дѣятельный преемство Тимковскій, первый въ теченіе 40, а послѣдній въ продолженіе 10 лѣтъ, и наконецъ, не забывая, что Комиссія въ то же самое время трудилась надъ изданіемъ

множества другихъ, не менѣе важныхъ матеріаловъ для исторіи. Какъ добросовѣстно и съ какими вниманіемъ къ успѣхамъ науки дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ редакція, между прочимъ показывается и то, что приготовивъ изъ лѣтисей первые три тома «Лѣтописей», она не рѣшилась приступать къ печатанію временника Нестора, ожидая двухъ рукописей, нужныхъ для объясненія текста вариантами. Такихъ образцовъ, третій томъ является въ свѣтъ прежде втораго и перваго.

Новгородскія Лѣтописи, составляющія содержаніе изданнаго тома, напечатаны по двѣнадцати различнымъ спискамъ и раздѣлены на три разряда, или отдѣльныя лѣтописи. Желющимъ ознакомиться короче какъ съ этими списками, такъ и съ принятымъ въ оформленіе текстовъ, рекомендуемъ обратиться къ самому изданію: мы же, съ своей стороны, вкратцѣ изложимъ содержаніе «Лѣтописей». Первая изъ нихъ, начинаясь 1016 и оканчиваясь 1444 годомъ, изображаетъ древнее политическое и гражданское устройство Новгорода, дѣла тамошней церкви, сношенія съ русскими князьями (почему она особенно важна для исторіи удѣльныхъ княжествъ), войны съ чужеземными сосѣдями и пр. Составляя единственный источникъ для исторіи древняго Новгорода, она вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ назваться вполне достоверною во самому слою вхождащихъ въ нее матеріаловъ. Вторая лѣтопись, идущая съ прерывомъ въ некоторые годы отъ 911 по 1587 годъ, до исхода XV столѣтія, — истинна охлада съ новгородскою первою и некоторыми другими лѣтописями, но съ XVI в. содержитъ своимъ совершенно отъ нихъ развитыя. Сверхъ множества современныхъ событій, она поясняетъ древнюю извѣстность Новгорода и указываетъ на обстоятельства, дополняющія исторію маря Іоанна Васильевича, въ смутную эпоху опричины, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ спискѣ другихъ лѣтописей. Наконецъ, третья лѣтопись (отъ 888 до

1716 г.), служащая дополнением первой и второй, состоит по-большой-части из сказаний о дѣлахъ церковныхъ и заключаетъ въ себя нѣсколько отдельныхъ повѣстей, изъ которыхъ наиболѣе любопытны: о казни Новгородца царемъ Иоанномъ-Грознымъ, и о покореніи Новгорода Шведами въ началѣ XVII вѣка. Сверхъ-того, въ концѣ двухъ послѣднихъ лѣтописей приложены прибавленія, изъ которыхъ первое содержитъ въ себя роспись новгородскихъ владыкъ и отрывокъ изъ разряда новгородскихъ лѣтописей, безъ начала и конца, а вторая — повѣсть объ осадѣ Тихвинскаго Монастыря въ 1613 году.

О томъ, что вышняя сторона изданія вполне соответствуетъ важности его содержанія, заключаая въ себѣ, сверхъ вариантовъ, необходимыя примѣчанія, дополненія и предисловія не считаемъ нужнымъ упоминать; замѣтимъ только, что къ тексту приложены искусные снимки съ двухъ рукописей (Синодальной и Академіи Наукъ), содержащихъ въ себѣ первую новгородскую лѣтопись.

Въ полной увѣренности, что Археологическая Комиссія, съ такимъ успѣхомъ начавъ изданіе «Русскихъ Лѣтописей», будетъ также дѣлательно и добросовѣстно продолжать свой скромный, но истинно-полезный трудъ, мы пожелаемъ только, чтобъ вышедшее теперь изданіе нашло себѣ самый обширный кругъ читателей, — желаемъ этого для несомнѣнной пользы, которую извлечетъ русская исторія отъ обрабатыванія источника столь богатаго и еще такъ мало-ислѣдованнаго даже записными учеными.

80) *Россійская Статистика. Императорская Санктпетербургская Университетская заслуженная профессора, действительнаго статскаго советника и кавалера Е. Зябловскаго. Второе изданіе. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова. 1842. Въ 8-ю д. л. Дѣл. части. Въ 1-й 470, во 11-й 188 стр. (Цѣна 1 р. 75 к. сер.)*

Нынѣше понятія о статистикѣ сдѣлались болѣе, нежели когда-нибудь разнообразны. На вопросъ: что такое статистика? найдется множество ходячихъ мнѣній. Большая часть писавшихъ и пишущихъ объ этой наукѣ, понимаютъ ее какъ описаніе состоянія государства, и почти каждый изъ пишущихъ предполагаетъ ей особую мѣру. Однакожь, мнѣніе, выражающееся въ вѣдомствѣ, сколько-нибудь замѣчательномъ трудѣ по части статистики, часто даже безъ вѣдома «сочинителя», состоитъ въ томъ, что статистика не должна, не можетъ быть простымъ описаніемъ. Стараніе вывести результаты, подозрѣваніе подъ голыми фактами чего-то общаго, какихъ-то законовъ, касающихся человека, показываютъ, что статистика должна стоять выше описанія, выше описательныхъ знаній, на ступени науки нравственной. Это показываетъ также, что предметъ ея исслѣдованій не государство, разсматриваемое какъ организмъ, не достопримѣчательное въ немъ, какъ думали и думаютъ многіе; но — человекъ, поставленный подъ извѣстныя условія нравственности, происхожденія и историческаго развитія. Предметъ ея, другими словами, та же воля человека, но разсматриваемая не въ свободномъ своемъ развитіи, а запечатлѣнная необходимостію отъ вѣстности, времени и генетическаго происхожденія человека. Каждый статистическій фактъ, каковъ бы онъ ни былъ, носитъ на себѣ отпечатокъ этой тройственной необходимости. Но это мнѣніе, повторяемъ, хоть и безсознательно выражаемое во многихъ сочиненіяхъ статистическихъ, теперь еще исключеніе, проблема. Большая часть пишущихъ о статистикѣ, оставаясь упорными послѣдователями Ахенвала, понимаютъ подъ словомъ «статистика» описаніе достопримѣчательнаго въ государствахъ, и смотря на предметъ съ этой точки, покушаются создавать какую-то науку, пишутъ такъ-называемую или статистику. Они заблуждаются, потому-что не

нзя построить науку на столь шаткомъ основаніи, какъ понятіе «достопримѣчательнаго»; но, по крайней мѣрѣ, они смотрятъ на свой предметъ съ известной точки. и живутъ, слѣдственно, какой-нибудь взглядъ.

Что же такое такъ-называемая «Россійская Статистика» г. заслуженнаго профессора Зябловскаго, изданная теперь во второй разъ и перепечатанная съ изданія 1832 года? — Перебирая въ памяти всѣ известныя намъ, существовавшія и существующія, мнѣнія о статистикѣ, мы не видимъ, чтобъ какое-нибудь изъ нихъ могло быть удобопримѣнимо къ этой «Россійской Статистикѣ». Сочинитель не высказываетъ своего понятія о статистикѣ, а изъ того, что написано въ книгѣ, названной имъ «Россійскою Статистикою», нельзя вывести ровно ничего. Это — даже и не описаніе достопримѣчательнаго въ государствѣ: это просто какой-то сборъ свѣдѣній; принадлежащихъ географіи, исторіи, области наукъ естественныхъ и законовѣдѣнія, собранныхъ безъ всякой связи, не проникнутыхъ ни малѣйшимъ свѣтомъ мысли, и извлеченныхъ съ такими страшными ошибками, съ такою непростительною небрежностію и невниманіемъ, что мы не смѣемъ даже приписать вышедшаго нынѣ изданія самому сочинителю: намъ оно кажется скорѣе спекуляціею книгопродавца, и притомъ спекуляціею самою жалкою и грѣшною. Не стоитъ труда доказывать все это; взгляните лишь въ оглавленіе — вы тамъ не найдете. (на-примѣръ, въ главѣ II-й, гдѣ исчислены всѣ министерства) не найдете Министерства Государственныхъ Имуществъ; эта огромная вѣтъ управленія оставлена въ прежнемъ составѣ Министерства Финансовъ. Сочинитель не потрудился даже взглянуть въ свою книгу: онъ пустилъ, или позволилъ пустить ее въ свѣтъ для назиданія читателей (если такіе найдутся), несколько не заботясь о томъ, что Россія 1842 года во многомъ не та, чѣмъ она была за десять лѣтъ. Посмотрите далее: о важ-

ныхъ преобразованіяхъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія также ни слова: Университетъ св. Владиміра какъ-бы не существуетъ; Медико-Хирургическая Академія оставлена въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; о преобразованіи отдѣленія ея въ Москвѣ также ни слова; важнымъ преобразованіемъ кавказскаго края тоже какъ-бы не существовали; о преобразованіи земскаго полицейскаго управленія — ни слова... Впрочемъ, подобныхъ неслосмотровъ такъ много, что исчислять ихъ всѣ не было бы возможности. Да и что за названіе: «Россійская Статистика»? Если слово «статистика», походящему мнѣнію (которому, какъ можно догадываться по книгѣ, не непричастенъ и сочинитель) должно заключать въ себѣ понятіе *настолицю состоялія*, то, при переводѣ этого слова по-русски, что такое будетъ *Россійскою настолицею состоялія*?

81) О Нагайцахъ (.) *кочующихъ въ Кизлярской Степи. Вторая отдѣленіе (?)*. Сочиненіе путешествоващаго по Россіи съ 1824 по 1835 годъ Андрея Павлова. Санктпетербургъ. Въ тип. Департамента Вѣшной Торговли. 1842. Въ 8-ю д. л. 47 стр.

Это не что иное, какъ *второе отдѣленіе* сочиненія «О Азіатскихъ Народѣхъ, обитающихъ въ Южной Россіи», о которомъ мы говорили во второй книгѣ «Отеч. Записокъ»; а совсѣмъ не *второе отдѣленіе* сочиненія «О Нагайцахъ». Причина такой безтолковости въ заглавіи заключается вообще въ неумѣянн авторѣ складно и логически выражаться. Въ книгѣ его много интересныхъ фактовъ; но написана она какимъ-то «нагайскимъ» слогомъ.

82) Описаніе Санктпетербурга и Узванныхъ Городовъ С. Петербургской Губерніи. Часть третья. Ивана Пушварева. Санктпетербургъ. 1841. Въ тип. С. Петербургскаго Губернскаго Управленія. Въ 8-ю д. л. 168 стр.

Книга г. Пушварева интересна по содержанію, и вообще хорошо написана.

на, если исключить иногда излишнія, несоотвѣщающія къ дѣлу разглагольствованія, въ родѣ слѣдующаго: «Какую цѣнность имѣютъ у насъ книги, особенно такія, въ которыхъ нѣтъ двухъ, трехъ убійствъ, бѣшеной любви, холодной измѣны?... И не остроумно, и несправедливо!

83) Константинополь и Турки. *Часть первая. Санктпетербургъ. Въ тип. А. Борсина и К°. 1842. Въ 4-ю д. л. 221 стр. (Цѣна за обѣ части 15 р. сер.)*

Эта книга содержитъ въ себѣ довольно-подробную исторію древней Византіи, нынѣшняго Константинополя, отъ основанія его Греками до нашихъ временъ; къ исторіи приложена хронологическая роспись государей, царствовавшихъ въ Константинополѣ отъ значенія его столицей Римской Имперіи до нашихъ временъ и подробное описаніе примѣнительныхъ зданий, мѣстъ, нравовъ и образа жизни жителей столицы Оттоманской Порты. Книга первоначально была написана по-англійски и издана съ прекрасными гравированными картинками: г. Спирдичъ купилъ въ Англіи доски картинокъ, а текстъ поручилъ перевести кому-то по-русски, — и вотъ теперь вышла первая часть этого сочиненія съ картинкою вмѣсто виньетки, на заглавномъ листѣ, съ сорока-семью картинками планомъ Константинополя и картой Босфора. Содержаніе книги весьма интересно; переводъ хорошъ; изданіе-великолепно и роскошно.

84) Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. *Соч. Владимира Строева. Две части. Санктпетербургъ. 1841 — 1842. Въ тип. А. Гоансона. Въ 8-ю д. л. Въ 1-й части 222, во 2-й — 215 стр. (Цѣна 2 р. сер., въсвыхъ за 2 фунта).*

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать интересно о предметѣ всѣмъ известномъ, старомъ и избитомъ; но въ то же время нѣтъ и ничего легче этого. Пришла груда свѣдѣній, драмъ неспособности со стороны автора; какъ молотомъ чаще

всего въ томъ, что хотѣтъ быть новымъ во что бы ни стало, ищутъ предметовъ поразительныхъ, важныхъ, и, пренебрегая фактами, пускаются въ философскія извѣрженія и поэтическія описанія. Это общій недостатокъ девосто-девятой маю ста путешественій. Почти всѣ они бываютъ удивительно-глубокомысленны, бываютъ удивительно-живописны, и — невыносимо-скучны. Все хорошо въ нихъ, а зѣвнешь; все ново, а между тѣмъ мавѣстные и дешевые «guides» въ 16-ю и 32-ю долю листа, напечатанные мелкимъ шрифтомъ, такъ и толпаются въ вашей памяти. Вы хотите познакомиться съ характеромъ народа въ-его домашнемъ быту, у себя дома, такъ-сказать. — а часть душъ скучными описаніями маматинскихъ и зланий, щедро разсыпая архитектурные термины. Если у васъ стѣнетъ терпѣнія прочесть такую книгу, вы обыкновенно говорите, протяжно зѣвая: «стояло ли падать такъ далеко, чтобъ написать книгу, которую всаки можетъ составить и не выѣзжая изъ своего захоустья, не только изъ предѣловъ родины?...» Чтобъ путешестіе было интересно, надо только смотреть на вещи просто и, не говоря о поразительныхъ, передавать вѣрно, какое впечатлѣніе произвели на автора самые обыкновенные и вседневные предметы. Само-собой разумѣется, что всякая страна имѣетъ свое значеніе, свою фязіюномію и свою вседневность. Въ Англіи, кроме парламентовъ, важны фабрики, купеческія конторы и рабочій классъ народа; въ Германіи всего важнѣе университеты; но во Франціи, прежде всего — улицы, кафе, театры, бульвары и гулянья. У кого есть глаза, чтобъ видѣть, уши, чтобъ слышать, и разумокъ, чтобъ понимать видимое и слышимое, — тотъ сейчасъ пойметъ, какъ на что должно обратить особенное вниманіе, и съ которой стороны должно взглянуть на предметъ, общій многимъ странамъ. Газеты издаются во всей Европѣ, такъ же, какъ театры есть, во всей Европѣ, во всѣхъ

они или наслаждение, или удобство жизни, а во Франціи — необходимость, насущный хлѣбъ, какъ въ старой Испаніи — бон съ быками и ауто-да-фееретикомъ. Литература составляетъ важную сторону жизни каждого европейскаго народа; но въ Германіи она тѣсно связана съ наукою, въ Англіи она — просто литература; въ Северо-Американскихъ Штатахъ — обнародываніе богословскихъ мнѣній равныхъ сектъ; а во Франціи, литература — сама жизнь, по преимуществу народная, и тѣмъ менѣе общечеловѣческая. Опера въ Парижѣ — или наслажденіе немногихъ, или тщеславіе цѣлаго народа; а въ Италіи, это цѣлая жизнь, какъ во Франціи литература и журналистика. Итакъ, оставьте въ сторонѣ и даву, и вышину, и развѣтры, и формы Notre Dame, Луара, Тюльери, Пале-Рояля и пр., а лучше, если ужъ заговорили о нихъ, разскажите намъ, какими образомъ возникли эти зданія изъ исторической жизни народа, и какими обстоятельствами, невозможными у всякаго другаго народа, сопровождалось ихъ построеніе: какъ смотритъ на нихъ народъ, какіихъ событій въ его жизни были они театромъ или свидетелями. Не пересчитывайте число улицъ, не знакомьте насъ съ ихъ названіями: все это и мелко, и ничтожно, и трудно для памяти; а лучше скажите намъ, какъ толпится по нимъ живое народонаселеніе народа: идетъ ли оно важно, развѣреннымъ шагомъ, съ скучною и аватическою физиономіею, или суетится, веселое, беззаботное, полное жизни и интереса. Словомъ, такъ покажите намъ народъ на улицѣ, чтобы мы тотчасъ же узнали, каковъ онъ и у себя въ домѣ, а въ домѣ покажите намъ его такъ, чтобы мы могли догадаться; каковъ онъ въ театрѣ. Стены ничего не значатъ: важны только люди...

Для наблюдательнаго путешественника очень легко схватить характеристическія черты страны, потому что характеръ страны прежде всего выла-

зываетъ изъ самихъ; какъ привычная болѣзнь. Въ Парижѣ, вамъ не понадобится дома, котъ бы вы были иностранецъ, или полагриксъ: — вамъ захочется бѣгать съ дура до ночи, во кафе, увидать бульвары, театры. Тамъ всего легче излечиться отъ русской хандры, или апатіи, и англійскаго сплина. Тамъ по неволѣ вы сдѣлаетесь говорливы, почувствуете охоту до чужестранцевъ и новостей. Тамъ вы будете даже любезнымъ, хотя бы вы были семипариствъ, квантеръ, или степной житель. Въ Италіи (вообще) вы сдѣлаетесь обожателемъ прекрасной природы, хотя бы отъ роду не видѣли въ природѣ ничего другаго, кромѣ полей, которыя производятъ хлѣбъ, и пашу, которыя удобряются помѣ, сдѣлаетесь меломаномъ, хотя бы уши ваша неспособны были отличить ромбаса Глинки отъ пѣсни Шуберта, или уличной шарманки отъ скрытки Озе-Буля. Въ Римѣ же вы непременно сдѣлаетесь антикваріемъ и особенно комментаторомъ. Вся сущность науки тамъ въ комментаріяхъ. Мысль Данта, какъ поэта — будетъ для васъ постороннимъ дѣломъ: вся ваша работа, вся дѣятельность и трудолюбіе устремится на то, чтобы на каждый стихъ Данта быть въ состояніи прочесть наизусть тысячу комментаріевъ. А Данта читать — истинное дѣло — все равно, что кураться въ Адриатическомъ Морѣ. Избави васъ Богъ подлазаетъ: атри страсти къ комментаріямъ, этому ррличному мѣзму: иначе вы воротитесь домой съ огромнымъ запасомъ, пустыхъ комментаріевъ, но безъ живой души и здраваго смысла, сдѣлаетесь страждымъ, педагогомъ, вакалымъ врагомъ жидотворной идеи, наступленнымъ обожателемъ мертвой буквы, жаднымъ лакомкой до пергаментной гнили и фоліантной пыли., О, берегитесь, берегитесь! Иначе кто за смѣшную роль будете вы играть, какъ лукава будутъ улыбаться, слушая, какъ вы въ высокопарныхъ фразахъ, прорываемыхъ точками, какъ будто отъ дырки, будете

производить въ гонимъ в Вальтеръ-Скотты какого-нибудь погребственнаго и талляскаго романиста, или кстати и не кстати обращаться къ классической почвѣ и голубому небу Италіи.

Часто путешественники вредятъ себѣ и своимъ книгамъ дурною замашкою видать въ той или другой странѣ не то, что въ ней есть, но то, что они заранее, еще у себя дома, рашились въ ней видать, въ слабѣеіе одностороннихъ убѣжденій, закоренѣлыхъ предрассудковъ, или какихъ-нибудь внешнихъ цѣлей и корыстныхъ расчетовъ. Нѣтъ ничего хуже кривыхъ и косыхъ взглядовъ; нѣтъ ничего неспоспѣе искаженныхъ фактовъ. А факты можно искажать и не выдумывая лжи. Иностранецъ, прѣѣхавшій въ Петербургъ въ правдивный день, можетъ встрѣтить на улицахъ много пьяныхъ мужиковъ, — и если онъ будетъ выходить изъ своей квартиры только по праздникамъ, и притомъ вечеромъ, то безъ всякой лжи будетъ въ правѣ написать, что на петербургскихъ улицахъ ему попадалось много пьянаго народу изъ черни; но будетъ ли онъ правъ, если напишетъ, что когда на выйдѣ въ Петербургъ на улицу, всегда встрѣтишь множество пьяныхъ аженгельменовъ? Во всѣхъ большихъ городахъ есть большіе пороки, и кто хочетъ писать въ нихъ только одной этой стороны, тотъ всегда найдетъ ее. Поэтому, нѣтъ ничего легче, какъ оклеветать, или превознести страну: не нужно выдумывать фактовъ, стоить только обратить вниманіе преимущественно на тѣ факты, которые подтверждаютъ заранее-составленное мнѣніе, закрывая глаза на тѣ которые противорѣчатъ этому мнѣнію. Такимъ образомъ, никого не обманывая вымышленною ложью, можно увѣрять, что Французы — народъ суровый, тяжелый, расчетливый, корыстный; а Англичане — народъ живой, легкій, увлекающійся, снпзначивый и даже — чего добраго — гуманный!.. При этомъ случаѣ, очень-удобно, можно доказать, что все-

дѣ и все худо, что Европа гонитъ, что желѣзные дороги ведутъ въ адъ, и тому подобныя странности... Но эти странности. — чтобы не назвать ихъ иначе. — бывають еще снѣшеѣе, когда путешественникъ худо играетъ приятную на себя по расчетамъ роль: когда, въ немъ неволью проглядываетъ влобострастное удивленіе къ предметамъ, въ-отношеніи къ которымъ онъ слитя выказатъ притворное равнодушіе. Такииной, говоря съ презрѣтлемъ о Беранже, Жоржѣ Завалѣ, Викторѣ Гюго. — вдругъ издаетъ на колѣни передъ какииъ-нибудь Ламартиномъ, какииъ-нибудь Альфредомъ де Виньи, какииъ-нибудь господиномъ де-Бальзакомъ. Такие путешественники въ обонѣ случаяхъ обнаруживаютъ дикость врововъ, неспагченныаъ цивилизаціеи и образованіемъ.

Путешественіа влпнутя иногда въ формѣ ежедневныхъ записокъ, — в-тогда центромъ описаній дѣлается личность самого путешественника. Эта форма чрезвычайно-интересна и увлекательна. Рааумѣется, для этого прежде всего нужно, чтобы личность путешественника не только не оскорбляла своимъ цинизмомъ, но еще и заинтересовывала бы читателя благоуханными впечатлѣніемъ своей непосредственности. Но каково же будетъ это - благоуханное впечатлѣніе, если путешественникъ рассказываетъ вамъ, какъ и что покупалъ онъ на площадѣ?... Такая простонародная, площадная и циническая сцена не можетъ быть пріятна даже и тогда, когда дѣло идетъ о дырявомъ плащѣ; но каково же, когда вопросъ заключается въ сапогахъ, или въ чемъ-нибудь еще болѣе домашнемъ?.. Что за удовольствіе для читателя узнать, что нашъ путешественникъ такъ чуждъ чувства нващнаго, что приходится въ-вступленіе при видѣ прекрасныхъ, но безполезныхъ вещей, которыми любить окружать себя образованное чувство даже и въ житейскихъ мелочахъ, и на которыхъ даже бѣднѣиъ, но эстетиче-

ски-настроенный человек нашего времени охотно уступает часть своих средств, какъ на необходимости?.. Нашъ языкъ не любитъ чопорной изысканности въ формахъ, но онъ еще далѣе отъ цинической неопрятности въ наружности. Есть люди, которые и въ халатѣ умѣютъ быть пристойными; но есть люди, которые и во фракѣ оскорбляютъ чувство приличія. Авторъ можетъ показаться своимъ читателямъ и въ халатѣ; но подобныя фамильярности съ его стороны не должны впадать въ цинизмъ. Записки путешественника не только могутъ, должны быть просты; всему есть границы, полагаемыя чувствомъ и смысломъ, и отрывистыя отиѣтки, подобныя слѣдующимъ: «злы, легли спать; — вчера пошито было въ дешовый кабакъ обѣдать — на дорогѣ застигъ проливной дождь, — писали съ женой письма — напомни-те бы собою записки прославленнаго Голема титулярнаго советника По-прыщина...»

Иногда путешествія пишутся въ какомъ систематическомъ порядкѣ. Авторъ сперва описываетъ зданія, потомъ промышленность, нравы народа, и такъ далѣе, посвящая каждую главу на особый предметъ, о которомъ онъ уже не имеетъ нужды говорить въ другихъ главахъ своей книги. Эта форма имѣетъ свою выгоду и свою хорошую сторону, представляя читателю рядъ отдѣльных и цѣлыхъ картинъ. Если она ерлетъ въ калейдоскопической живописи описанія, зато дѣлаетъ безопаснѣе личность автора отъ непріятнаго впечатлѣнія на читателя. Г. Строевъ чевъ-хорошо поступилъ, избравъ ту форму, хотя къ описанію Парижа грывочныя записки и всего лучше дуть. Г. Строевъ болѣе или менѣе, но почти вездѣ избѣгъ исчисленныхъ на недостатковъ, которые въ особенности врелать книгамъ путешествій. Правда, найдется въ его книгѣ нѣсколько ничего-всезначущихъ выраженій въ видѣ «Сѣверной Пальмиры», «подъ кото-

рою, незвѣстъ почему, ему угодно разумѣть нашъ Петербургъ. Конечно, Петербургъ городъ великолѣпный и необыкновенно-красивый, но это совсѣмъ не причина называть его ни Пальмирою; ни Вавилономъ, ни другимъ древнимъ чуть-чуть недопотопнымъ городомъ, о которомъ мы не можемъ себя сдѣлать никакого представленія. Вообще, обыкновеніе называть новое старыми именами — Наполеонъ Цезаремъ, Барклай Фабиемъ, Кутузова сѣвернымъ Сципіономъ (для отличія отъ южнаго) прилично только для новыхъ изданій исторіи г. Кайданова, и развѣ еще литературщикамъ, подвизающимся въ заднихъ рядахъ фельетонной литературы. Можно еще упрекнуть г. Строева въ разсужденія, хоть ихъ у него — слава Богу — и немного. Такъ, напримеръ, онъ могъ бы, безъ всякаго ущерба, но съ явною выгодою для своей книги, уловить насъ отъ своихъ взглядовъ на современную французскую литературу, ограничиваясь фактами и не мудрствуя... Мы охотно вѣримъ, что г. Строеву, какъ бывшему фельетонисту и автору давно-забытыхъ (по счастью для него) «Сценъ Петербургскаго Жизни», Бальзакъ кажется великимъ романистомъ. Г. Бальзакъ дѣйствительно колоссъ передъ всѣми нашими бальзачниками, которые съ такимъ подробнымъ анализомъ расплываются въ описаніи будуара, наряда, движеній и сердецъ своихъ графинь, княгинь и княженъ. Одно уже то, что Бальзакъ всегда шелъ своею дорогою и не только никому не подражалъ, но родилъ тысячи плохихъ подражателей, доказываетъ, что Бальзакъ человекъ съ замѣчательнымъ талантомъ. Онъ большой мастеръ разсказывать, и еслибъ не расплывался въ водяномъ и растянutomъ много-словіи, которое онъ выдаетъ за тонкій анализъ платья, компанъ, душъ, сердецъ, страстей и чувствъ — плодъ будто-бы глубокой наблюдательности; еслибъ онъ не выдумывалъ графинь и маркизъ, какія существуютъ только въ

его воображенія, прикованномъ къ прихотливъмъ сѣновою, а описываятъ болѣе-доступную и болѣе-вѣроятную ему дѣйствительность. — онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательныхъ писателей втораго или третьяго разряда, не былъ бы теперь забытъ и осмѣянъ въ Парижѣ, не выискался бы такъ скоро и не издавалъ бы цѣлѣныхъ статей подъ фирмою злодѣя «*Revue parisienne*». Тѣмъ же, мы охотно вѣримъ, что г. Строеву не можетъ слишкомъ нравиться г-жа Дюлаванъ: у всякаго свой вкусъ. И потому мы не будемъ спорить съ г. Строевымъ, а скажемъ просто, что его книга о Парижѣ чрезвычайно-любопытна по содержанию, богата фактами, хорошо написана, живо изложена, — и вообще данъ интересна, что трудно отъ нея оторваться.

85) Русская Грамматика Александра Востокова, по начертанію его же сокращенной грамматики полнаго изложенія. Изданіе пятое. Санкт-петербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. XXII и 417 стр.

Грамматика г. Востокова до-сихъ-поръ лучшая и единственно-хорошая русская грамматика. Преподаватели и учащіеся жалуются на тяжеловѣстность изложенія его грамматики; до нѣкоторой степени, вѣдая не согласиться съ справедливостію этихъ жалобъ, и вообще въ ней найдутся, можетъ-быть, нѣкоторые другіе недостатки. Но, не смотря на то, до-сихъ-поръ, она — лучшій и единственный сборникъ превосходныхъ матеріаловъ для составленія хорошей учебной русской грамматики. А пока она лучшая и между учебными грамматиками: спросите любого ученика, чья система спряженій и вообще глаголовъ понятнѣе и проще — г. Востокова, или г. Греча, — и ученикъ ответитъ вамъ... Да что ученикъ? — спросите лучше самихъ себя, въ состояніи ли вы сами понять хоть что-нибудь въ системѣ глаголовъ и спряженій г. Греча?

86) Сочиненія Гёте, (.) Выпускъ I. Санктпетербургъ. Въ тип. Имп. Главн. нова и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 82, 27, 25 и 14 стр. (Цѣна 1 р. сер.; въковытъ и 2 фунта).

Нашего въ мірѣ поэтовъ написалъ столько великаго и безсмертнаго, какъ Гёте, и ни одинъ изъ мировыхъ поэтовъ не написалъ столько разнаго вѣдласту и разнахъ пустяковъ, какъ Гёте. О причинахъ этого явленія здѣсь не мѣсто и не время; распространяться; впрочемъ, въ душѣ, причина эта заключается въ томъ, что Гёте былъ столько же *Нильскъ*, сколько и *Германскъ*, тогда-какъ Шиллеръ, на-пр., былъ только *Германскъ* — иррацией потокомъ *Арминіевъ*, и въ свольке не родилъ *Ицкамъ Ицаночкамъ* и *Адамкамъ Адамочкамъ*. Независимые господа, взыщите переводить всего Гёте, начали вѣрно съ этихъ его произведеній, которые, любя его славу и гений, должно бы было перевести послѣ всего. «*Братъ въ Страна*» — сладенькое произведеніе по вкусу XVIII вѣка. «*Классико*» уже извѣстность по хорошему переводу г. Строевщинава. «*Добрыя Женщины*» (разсказъ) — что-то такое, поди чѣмъ если подвизаться имя какого-нибудь обыкновеннаго нѣмецкаго писателя, то вникъ и читать не станеть, и что, даже ир имени Гёте, трудно дочесть до конца. «*Простое Подражаніе Фридрихъ Маера, Стиль и О. Лаконовъ*» — очень интересные, хоть и небольшие статьи. Статьей, означенныхъ общими именами: «*Мелкія Статьи*» — незначительны. Извѣстные переводчики, переводъ Гёте, словно издаютъ журналъ: первый выпускъ у нихъ, развлеченіи и отвлеченія; — впереди, всего драмы, потомъ ирвѣсти; дайте, ученые статьи, а наконецъ — сядь; каждое отвлеченіи ирвѣсти, особую; нумерацию; такъ-что, по окончаніи всего перевода, повиситъ будетъ лишнее возможности вѣрности его въ одну книгу. Но извѣстность о содержаніи втораго выпуска на ирвѣсти, кто дитюка отъ. Будеть повторитъ съ каждымъ выдѣломъ. Новое бы ели

ничего, лишь бы хорошо переводили; особенно худо то, что встрѣчаются фразы, подобныя слѣдующимъ: «Я никогда не встрѣчалъ человека, болѣе высокомернаго, *межелю какъ я самъ*»; «Еслибы даже возложили на меня вѣнецъ — я полумалъ бы, что разумѣется само собою (?!?!...), и именно по этому я былъ такой же человекъ, какъ всѣ другіе люди», и пр.

Не понимаемъ, къ какой стати и по какому праву гг. переводчики разбираютъ автобіографію Гёте на клочки и отрывки, которые нисколько не интересны, тогда-какъ эта автобіографія чрезвычайно-интересна. Вообще, видно, что это предпріятіе придумано вѣско и нисколько необдуманно, что у трудящихся нѣтъ ни плана, ни цѣли, что каждый изъ нихъ — кто во что гораздъ... А между-тѣмъ, господамъ-переводчикамъ не мѣшало бы подумать о томъ, что они дѣлаютъ: вѣдь если они порядочно переведутъ только прозаическія сочиненія Гёте, и тогда дѣло въхъ будетъ почтенно и заслужить благодарности. Зачѣмъ шалить тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о важномъ предметѣ, не о пустякахъ какихъ-нибудь? Пусть бы принялись они за Гёте посерьезнѣе, да начали переводить прежде всего тѣ изъ его произведеній, которыя могутъ поднять, а не уронить его на святой Руси. Чего бы лучше начать съ «Вильгельма Мейстера», «Wahlverwandschaften» или, если ужъ съ драмъ, такъ съ «Гёца фон-Берлихингена», изуродованнаго на Руси дряннымъ переводомъ, въ которомъ дѣйствующія лица драмы Гёте выражаются языкомъ московскихъ брадатыхъ торговцовъ и извозчиковъ?..

87) Карманный Пѣсенникъ, или собраніе новѣйшихъ куплетовъ изъ оперъ и водевилей. Собралъ А. Андрѣ(е)евымъ. Въ двухъ частяхъ. Изданіе второе, въ дополненіемъ. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ. 1842. Въ 16-ю д. л. 146 стр.

Всякій «Новѣйшій Пѣсенникъ», выходящій изъ русской типографіи, — будетъ ли онъ карманный или некарманный. XXI.—Отд. VI.

ный, не что иное, какъ книгопродавческая спекуляція на карманы — это уже наконецъ литературная аксіома, для которой не нужно ни примѣровъ, ни доказательствъ. Любопытно однако иногда узнать, что такое собиратель называется пѣсеню или куплетомъ, и какъ онъ выбираетъ ихъ въ свой «избранный» пѣсенникъ? На-прим., г. Андрѣ(е)евъ — что бы такое прибралъ онъ для своего «собранія» пѣсенъ и новѣйшихъ куплетовъ? О, тутъ есть вещи... Послушайте: отдѣлъ I-й, пѣсни *русскія и любовныя*:

Не гордитесь, красны дѣвкп,
Ваши взоры намъ издѣвки...

Или:

Внимаи, внимаи теперь драгая:
Отважу, на слова, себя,
Скажу, что лишь глаза казали,
И, можетъ быть, давно сказали,
Внимаи те: я люблю тебя.

Или:

Отлети ты, мысль любовна,
Я невѣрнымъ не горю;
Я и тѣмъ уже виновна,
Что объ немъ я говорю.

Г. Андрѣевъ, кажется, совершенно увѣренъ, что все это пѣсни, пѣсня и пѣсни! Но куплеты, то-есть, куплеты, еще интереснѣе; ихъ сочиняли доморощенные куплетисты Н. С. и А. С., и потому они отличаются особенною наивностию. Г-нъ А. С. особенно въженъ и игривъ въ куплетахъ:

«Если дѣвушки *метресы*,
Бросимъ *мудрости улы*,
Если дѣвушки *тигресы*,
Будемъ тигры *такъ и мы!*»

Достаточно, совершенно-достаточно! Нельзя еще лучше высказаться въ одномъ куплетѣ, въ одномъ четырехстишномъ куплетѣ! Теперь мы вполне узнали г-на А. С. Какъ жаль, однако, что не приложенъ еще портретъ автора! Любопытно было бы взглянуть...

88) Буря 30-го мая 1841 года. Москва. Въ тип. А. Евригнова. 1841. Въ 1/2

12-ю д. л. 47 стр. (Цѣна 1 р. 40 ас. въсов. за 1 фунтъ.)

Если говорить правду, то бури здѣсь нѣтъ никакой, и книжка такъ же справедливо могла бы быть названа «Чепухою», какъ теперь называется «Бурею». Но дѣло не въ томъ: здѣсь есть слогъ, — и какой слогъ? слогъ А. А. Орлова. Рѣдко можно встрѣтить въ литературѣ явленіе болѣе-утѣшительное! Слогъ Александра Аноимовича воскрешаетъ, — этотъ грязный, неумытый слогъ, пересыпанный учеными терминами. Наконецъ, почитатели таланта покойнаго съ торжествомъ могутъ воскликнуть на весь міръ: «эврика!». Гдѣ и почему скрывался до-сихъ-поръ ученикъ знаменитаго мастера, это намъ неизвѣстно; но что теперь онъ въ-очью выявляется, это не подлежитъ болѣе сомнѣнію. Посмотрите: «Дядя Иванъ радехонекъ былъ до пес plus ultra, въ особенности когда я, со сторицею, возвратилъ ему уцербъ, навесенный моею утробой». Или это: «Бѣднаго Петра Ануфріевича этотъ шопоть коробилъ въ дугу». Еще «Дядя мой безпрестанно погромъчивая денежками, ни на минуту не умолкалъ въ похвалахъ покойному; готовъ былъ замѣнить четырехъ скотовъ, и на своихъ раменахъ стащить его милость въ могилку. День похоронъ былъ днемъ его гастрономическаго торжества. Лишь только онъ ввалилъ къ себѣ въ домъ, ребяташки тотчасъ выгрузили его карманы, вапнвенные миנדальнымъ, ветчиной, блинами, и проч. — Наконецъ вотъ что можемъ считать дѣломъ рѣшенымъ: великій мастеръ нашелъ себѣ достойнаго подмастерья!.. Сходство поразительное: та же грязь, нечистота, тотъ же цинизмъ въ каждой чертѣ, и въ то же время — остроуміе и ученость! Извѣстно, что только покойный А. А. Орловъ могъ согласить въ своихъ твореніяхъ подобныя несомнѣнные понятія. Намъ остается пожалѣть объ одномъ — что ния такого оригинальнаго писателя, какъ авторъ «Бури», пока остается подъ завѣсою неизвѣстности.

Конечно, онъ умолчалъ объ этомъ по скромности...

89) Пять Стихотвореній. Н. Ступина. *Въ пользу нуждающихся соотечественниковъ. Спб. 1842. (Титлографія не означена). Въ 32-ю д. л. 39 стр.*

Не знаемъ, какимъ образомъ поможетъ г. Ступинъ «нуждающимся соотечественникамъ» своими «Пятью Стихотвореніями»... Вѣрно, онъ думаетъ, что его стихотворенія будутъ покупаться?.. Увы, мы не думаемъ этого: потому-что ради чего покупать пять стихотвореній г. Ступина? Если ради поэзіи, — ея нѣтъ въ нихъ; если ради благотворительности, — то не лучше ли прямо подать нуждающемуся, не подвергаясь скукѣ читать плохіе стихи А не-уже-ли такіе стихи — хороши:

Кто всенародно торгуетъ (?)
Стихотворенія искусствомъ (?)
Тотъ не простительно грѣшитъ
Предъ вдохновеніемъ и чувствомъ.
Онъ сребролюбецъ, онъ купецъ,
Онъ не поэтъ, не святлѣйшій геній,
Поденщикъ жалкій, злой скупецъ,
Онъ продавецъ стихотвореній!

Помыслите, да это просто — вирши, которыхъ никому и даромъ не нужно! Ужъ конечно, г. Ступину никогда не прійдется «торговать искусствомъ стихотворенія», хотя бы ему и вдувалось заняться этою вѣтвію промышленности: онъ по-неволѣ останется чистъ въ такомъ грѣхѣ... Такъ точно есть люди, которые нападаютъ на преступленіе — имѣть слишкомъ много ума, ибо-де умъ часто вводитъ въ грѣхъ: положимъ, что и такъ, да они-то изъ чего хлопечуть? — вѣдь они, уже самими своими мнѣніемъ о вредѣ ума, избалованы отъ грѣховъ, а до другихъ ни что за дѣло?..

90) Репертуаръ Русскаго и Платеонъ Всѣхъ Европейскихъ Театровъ, на 1842 году. Изданіе П. Песоваго. Санктпетербургъ. 1842. № № 1. 2. 3. 4.

Соединение *двух* названий на заглавномъ листѣ *одною* изданіемъ не новость на Руси: такъ «Сынъ Отечества» и «Сѣверный Архивъ» долго играли, во взаимныхъ объятіяхъ, роль дуэтройки; обнявшіеся «Репертуаръ» и «Пантеонъ» — вторая, если не ошибаемся; двойчатка въ русской литературѣ: она представляетъ собою самый разительный примѣръ измѣчивости судьбы всего подлуннаго и умилительное зрѣлище примирившихся враговъ, которые, въ порывѣ новой дружбы, смѣнившей старую вражду, такъ и хотятъ задушить другъ друга въ тѣсныхъ объятіяхъ... Но сущность дѣла заключается въ самомъ дѣлѣ, а не въ его названіи. Такъ иная книга смѣло называетъ себя, на-прим., исторіею русскаго народа, а въ-самомъ-то дѣлѣ есть перефразировка исторіи Карамзина, одобренная высшими взглядами, высокопарными философскими выходками, не кстати приводимыми и плохо понятыми идеями Гизо, Тьерри, Нибура; такъ иное сочиненіе сизло называетъ себя «драматическимъ представленіемъ», тогда, какъ въ-самомъ-то дѣлѣ оно есть оскорбительная пародія на великое созданіе величайшаго гения негѣпность, оскорбляющая и эстетическій вкусъ, и здравый смыслъ... Такъ и «Репертуаръ», соединившись съ «Пантеономъ», измѣнился и расширился только въ заглавномъ своемъ листѣ, сжавшись однако въ числѣ листовъ: все же прочее осталось въ немъ по прежнему, развѣ съ тою разницею, что стало еще хуже, чѣмъ было прежде. Эта разница неоспоримо доказывается содержаніемъ первыхъ четырехъ книжекъ журнала - двойчатки. Вотъ что говоритъ редація на 39 стр. первой книжки: «Въ прошедшіе три года, удерживаясь въ сихъ предѣлахъ, Репертуаръ нерядко затруднялся при печатаніи піесъ, *принужденный* иногда выбирать не изъ *хорошаго лучшаго*, а изъ **ДУРНАГО ПОСРЕДСТВЕННОГО**. И такъ, «Репертуаръ» наконецъ самъ съ наивною откровенностію сознался, что

цѣлые три года выбиралъ онъ *изъ дурнаго посредственнаго*, и слѣдовательно набивался одною *посредственностію!*.. Къ этому прибавлять нечего: собственное сознание паче всякаго свидѣтельства... Можно развѣ замѣтить, что слово «посредственный» употреблено редакціею изъ деликатности къ собственному самолюбію, и замѣняетъ слова «вадоръ» и «пустяки»... «Но, — продолжаетъ *откровенная* въ прошедшемъ и *осторожная* въ настоящемъ редація, — пывъ это неудобство устранило: соединившись съ Пантеономъ, Репертуаръ раздвигаетъ предѣлы свои и, не ограничиваясь піесами играными, будетъ давать читателямъ своимъ такія оригинальныя и переводныя піесы, которыя хотя бы не были, но могутъ быть играны на русской сценѣ. Мы сами думаемъ, что «Репертуаръ» будетъ давать такія піесы: ибо онъ уже перевелъ съ французскаго наскоро-руку новую піесу Скриба «Цѣпь»; но кромѣ ея, онъ печатаетъ все играныя на сценѣ чудища театральнаго міра: «Отецъ и Дочь» — пошлость первой величины; «Елена Глинская» — скучная и длинная пародія на шекспирова «Макбета»; «Приключеніе на искусственныхъ водахъ» — комедія-водевиль, передѣланная съ французскаго г. П. Каратыгинымъ, конечно, въ тысячу разъ лучше «Отца и Дочери» и «Елены Глинской», но эта бездѣлка хороша на сценѣ, особенно если хорошо играется, а не въ печати. Вотъ драматическія сокровища, напечатанныя въ четырехъ первыхъ книжкахъ «Репертуара и Пантеона»: было изъ чего и соединиться, какъ-будто бы для подобныхъ пустяковъ пужны соединенныя сплы!..

Изъ статей не-драматическихъ, самыя замѣчательныя въ этихъ четырехъ книжкахъ «Репертуара» — Отрывки изъ философическихъ записокъ суфлера, Фоки Савельича Пѣтушкова — О. Бугарина, и «Обзоръ русской драматической словесности» князя А. А. Шаховскаго. Извѣстно всѣмъ, что г.

Булгаринъ особенно силенъ въ статьяхъ юмористическихъ. Вотъ образчики дивнаго остроумія его, украсившіе собою первую книжку «Репертуара» на нынѣшній годъ:

«Однажды (слова суфлёра), за столомъ, на пилянцахъ жены его (подрядчика), попросилъ онъ прочесть монологъ изъ *Андромачи*, графа Хвостова. Передо мною стояло преогромное блюдо съ воздушнымъ пирожнымъ, называемымъ *безе!* Я какъ равнулъ, со всего размаха, первый монологъ, такъ всѣ пирожки разметались съ блюда, какъ пчелы изъ улья, и улеглись на прическахъ купеческихъ жёнъ и дочекъ, убранныхъ руками парикмахеровъ изъ-подъ вывѣски: *Здѣсь бръютъ и кровь отворяютъ*. Пошла лутерья! У одной дамы пирожокъ оттанулъ локоть и, прильпнившись къ лицу, снялъ слой свинцовыхъ бѣлъ и сурьмы; у другой силъ на чепецъ, какъ ворона на гнѣздъ; у третьей залѣпилъ глазъ, которымъ она умильно поглядывала на путейскаго офицера,» и т. п.

Не правда ли: какъ все это остро и мило, безъ натяжки, безъ преувеличенія, безъ дурнаго тона?.. Мы увѣрены, что почитатели «Репертуара» *жизнотики надорвали*, хохоча до слезъ и крича: «Ай, уморушка! ну, ужъ господинъ-Булгаринъ! распотѣшилъ душеньку!»

«Место мое самое не видное въ театрѣ».

Острота!..

«Будучи, такъ сказать, поправляемъ ноздями актеровъ, я всегда въ *головѣ* у нихъ».

Каламбуръ!

«Кузнецъ праздновалъ крестины, и мѣхъ въ тотъ день не *надувалъ*, а ночью *надули* кузнеца, и украли у него мѣхъ».

«Я чтобы отдалиться отъ него, приказалъ ему притти къ себѣ за мѣхомъ, давъ адресъ не свой, а известнаго актера-*надушала*, который у авторомъ передъ бенгальскимъ лапкя *сосетъ*, а послѣ бенефеиса честь ихъ *рыззетъ*».

«Бенефицианты жестоко *надуваютъ* почтеннѣйшую публику, а она хотя и *надушается*, но все-таки платитъ деньги».

Но лучшая острота во всей статьѣ— это «излеченіе отъ гнѣва *декоктоме дубинорумъ*»!!!...

«Обзоръ Русской Драматической Словесности» есть какой-то запоздалый

голосъ, нескладно-вопиющей о гевин Сумарокова, съ важностію разбирающей красоты его трагедій. Статья начинается такъ:

«Предки наши, Славяне, занимавшіе пространство отъ Балтійскаго до Чернаго морей, и въ соединенія съ норманскими воинами составлявшіе одно обширное государство» и проч.

Скажите на милость: какое отношеніе имеютъ Славяне и Норманы, Балтійское и Черное Море къ русскому театру, начавшемуся въ губернскомъ городѣ Ярославѣ, въ половинѣ XVIII вѣка?.. Мнѣнія, изложенныя въ этой статьѣ, такъ вѣрны, что даже редакція «Репертуара» принуждена была, на каждой страницѣ, дѣлать оговорки въ выноскахъ: «Это мнѣніе почтеннаго автора сей статьи, а не редакціи Репертуара»... Такъ зачѣмъ же было помѣщать все это?.. Вѣрно, зачѣмъ, что ваше изданіе есть корзина, въ которую каждый можетъ бросать все, что ему вздумается?..

О критикѣ «Репертуара» много говорить нечего, кромѣ того, что здѣсь набиваютъ руку и востряютъ свое перо и способности дѣти, которымъ страшно какъ хочется поскорѣе нѣтъ усы и быть литераторами: это замѣтно и по взглядамъ, и по понятіямъ, и по слогу, и подѣтскому неумѣнью выражаться грамотно и складно..

Въ *Смеси* помѣщаются разные остроумные кушеты изъ такихъ водевилей, которые даже «Репертуару» совѣстно было принять на свои страницы. Вотъ для образчика:

Я одурѣлъ, я опьялъ
И отъ вина, и отъ испуга;
Съ начала до конца ревалъ,
Какъ быкъ, иль во сто пудъ былъ!
Ну, словомъ, всѣхъ я удивилъ,
И пьесу *дельвольски* украсилъ:
Музы ногу отдалъ
И президенту носъ разквасилъ.

Скажите, Бога ради: для кою печатаются всѣ эти плоскости и пошлости? Не-ужели у «Репертуара» можетъ быть своя публика?..

91) **Руководство къ Производству Хозяйственной Съёмки, Межеванія и Нивелированія.** А. Болотова, *имеральнаго штаба полковника, Императорской Военной Академіи профессора геодезіи. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Штаба Отд. Корпуса Внутр. Стражи. Въ 8-ю д. л. XII и 362 стр. Съ 4-мя таблицами и 9-ю чертежами.* (Цѣна 10 р., съ перес. 12 р. асс.)

Авторъ этого сочиненія уже не въ первый разъ является передъ читателями съ результатами трудовъ своихъ: Въ 1837 году, издалъ онъ «Геодезію», заключающую въ себѣ сводъ лекцій, преподаваемыхъ имъ въ Императорской Военной Академіи. Не смотря на неотъемлемое достоинство этой книги, намъ кажется, что авторъ не имѣлъ досуга развить всѣ предметы, заключающіеся въ его «Геодезіи», до такой степени, которая удовлетворяла бы требованія людей, посвященныхъ въ таинства науки. По всей вѣроятности, г. Болотовъ предполагалъ при преподаваніи распространять и измѣнять по усмотрѣнію различныя статьи своего сочиненія, и потому изложилъ въ некоторыхъ изъ нихъ слишкомъ сжато, а въ другихъ довольствовался одними лишь намеками (*).

«Руководство къ Производству Хозяйственной Съёмки», нынѣ изданное г-мъ Болотовымъ — отнюдь не переводъ какого-нибудь иностраннаго сочиненія, ни компиляція изъ различныхъ книгъ по предмету съёмки написанныхъ, но напротивъ — сочиненіе оригинальное, составленное для русскихъ съёмщиковъ, на основаніи Высочайше-утвержденныхъ межевыхъ по-

(*) Мы слышали, что г. Болотовъ приготовляетъ теперь второе изданіе своей «Геодезіи», которой вся первая часть будетъ изложена совершенно въ иномъ видѣ, и читатели найдутъ въ этомъ сочиненіи полное руководство къ производству геодезическихъ и астрономическихъ дѣйствій, сообразно современному состоянію науки въ Германіи.

становленій. Авторъ, имѣя въ виду сделать свою книгу доступною для большей части читателей, ограничивался при изложеніи содержащихся въ ней предметовъ первыми началами геометріи.

Сочиненіе г. Болотова состоитъ изъ восьми главъ. Глава 1-я, служащая введеніемъ, заключаетъ въ себѣ предварительныя понятія о планахъ различнаго рода. Весьма замѣчательнъ въ ней способъ черченія угловъ посредствомъ таблицы хордъ: хотъ этотъ способъ отнюдь не новъ, однакожь онъ у насъ въ Россіи не употребителенъ, при всемъ превосходствѣ своемъ, не только надъ простыми транспортирами, но и надъ транспортирами съ нивисами. Еще въ 1822 году, издавы были г. Рейснгома таблицы хордъ съ подробнымъ описаніемъ употребленія ихъ, но онѣ были оставлены безъ вниманія, вѣроятно потому — что длины хордъ въ нихъ выражены въ десяти-тысячныхъ частяхъ радіуса: такое дробное выраженіе неудобно въ практикѣ и можетъ затруднять несвѣдущихъ въ математикѣ. Въ разсматриваемой же нами книгѣ, длины хордъ выражены въ тысячныхъ доляхъ радіуса, и потому, для построенія угловъ по этимъ таблицамъ, можно употреблять обыкновенные масштабы съ раздѣленіемъ дюйма на сто частей. Для сокращенія же самой таблицы, въ ней помѣщены только хорды соответствующія угламъ, разступающимъ между собою отъ 5 до 5', что для пракческаго употребленія весьма достаточно, по той причинѣ, что посредствомъ лучшихъ асглоабій, употребляемыхъ нашими землеѣтрами, невозможно отсчитывать углы точнѣе, какъ отъ 5 до 5'.

Во 2-й главѣ, говорится о вѣшеніи и измѣреніи линій и объ экерѣ: первая половина ея необходима для каждаго съёмщика, потому-что всѣ изложенныя въ ней правила для вѣшенія и измѣренія линій могутъ служить при всѣхъ родахъ съѣмокъ; вторая же

половина должна принести весьма-большую пользу въ-особенности всѣмъ сельскимъ хозяевамъ, которые найдутъ въ ней полное руководство для съѣмки безъ всѣхъ вообще инструментовъ, исключая эскера, который можетъ быть сдѣланъ всякимъ плотникомъ. При этомъ долгомъ считаемъ обратить вниманіе читателей на пользу, которая можетъ быть доставлена тѣмъ сельскимъ хозяевамъ, кои не имѣя никакихъ углоуѣрныхъ орудій, желали бы означить на планѣ окружную между своихъ владѣній, или по плану произвести размежку. Приемы къ тому служащіе, предложенные во всей подробности на стр. 43—51-й, ни у кого не заимствованы авторомъ, но принадлежать исключительно ему-самому.

Глава 3-я, о буссоляхъ, написанная, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ, — для землеустроителей и лѣсничихъ, не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго и составлена со всевозможною полнотою. Читатели найдутъ въ ней описаніе способовъ, служащихъ для намагничиванія и для опредѣленія склоненія стрѣлки (въ числѣ послѣднихъ, весьма-замѣчательнъ способъ посредствомъ таблицъ, придуманныхъ авторомъ). Подробное руководство для съѣмки буссолюю, въ этой главѣ помѣщенное, можетъ принести большую пользу не только гражданскимъ, но и военнымъ съѣмщикамъ.

Въ главѣ 4-ой, о мензулѣ, предложено описаніе устройства, повѣрки и производства съѣмки этимъ инструментомъ, гораздо-полезнѣе и удовлетворительнѣе, нежели въ «Геодезіи», прежде изданной авторомъ. Въ этой статьѣ заслуживаетъ преимущественно вниманіе читателей описаніе новой мензулы г. Рейсига, нынѣ вводимой въ употребленіе на всѣхъ государственныхъ съѣмкахъ.

Глава 5-я, объ астролябіи, — одна изъ важнѣйшихъ, по множеству совершенно-новыхъ статей, въ ней заключающихся; примѣчательнѣйшія изъ

нихъ: повѣрка астролябіи; причины, почему часто не смыкаются на бумагѣ фигуры, снятыя астролябію: способы исправлять это неудобство: полное руководство въ опредѣленію румбическихъ угловъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ намагниченныя стрѣлки вовсе не дѣйствуютъ, и къ возобновленію истребившихся на мѣстности межншкковъ, и проч.

Въ главѣ 6-ой, о рѣшеніи различныхъ вопросовъ по снятымъ планамъ, помѣщены статьи: 1) опредѣленіе количества земли; 2) межеваніе; 3) нартъвка десятищъ, и 4) проложеніе въ лѣсу, просьба: въ первой изъ нихъ, должно обратить вниманіе на описаніе *аэрометра*, весьма замысловатаго и полезнаго въ практикѣ инструмента, неловно изобрѣтеннаго г. Бибиковымъ. Въ статьѣ о межеваніи, изложенной съ большими подробностями, замѣчательныя геометрическіе приемы служащіе для лѣшенія площадей въ содержаніи данныхъ чиселъ, и описаніе производства размежки земель развокачественной почвы и цѣнности.

Въ главѣ 7-ой, о лѣсной съѣмкѣ, объясняется во всей подробности: какіе именно мѣстные предметы должны быть обозначаемы на лѣсныхъ планахъ; какимъ образомъ должно раздѣлять лѣса на кварталы, для введенія правльнаго лѣсохозяинства, и какіе приемы употребляются при производствѣ лѣсной съѣмки; въ заключеніе этой статьи, описаны различные роды лѣсныхъ плановъ, на основаніи правилъ принятыхъ учеными лѣсничими.

Глава 8-я, о нивелированіи, написанная собственно для нашихъ инженеровъ, составлена авторомъ гораздо-удовлетворительнѣе, нежели статья о томъ же предметѣ, помѣщенная въ его «Геодезіи», и бывшая одною изъ слабѣйшихъ частей всего сочиненія. И напротивъ, въ статьѣ о нивелированіи въ разсматриваемой нами книгѣ, читатели найдутъ много такихъ практическихъ замѣчаній, которыхъ мы досихъ-поръ не встрѣчали ни въ одной

изъ иностранныхъ геодезическихъ сочиненій.

Изъ этого поверхностнаго обзора книги г-на Болотова читатели могутъ судить какъ о богатствѣ ея содержанія, такъ и о пользѣ, которую можетъ принести ея изученіе нашимъ стѣмщикамъ. Это сочиненіе есть плодъ трехлѣтнихъ занятій человека, душою предавшаго наукѣ. Изданіе книги, прозвонившееся подъ руководствомъ самого автора, весьма-исправно и опротно; чертежи, при ней находящіеся, отличаются ясностью и чистотою отдѣлки.

92) Росписаніе Трактовъ отъ Санктпетербурга и другихъ важнѣйшихъ мѣстъ Россійской Имперіи, съ означеніемъ ра(э)счета (.) сколько слѣдуетъ платить проконовъ за двѣ лошади на каждой стациіи и съ алфавитными указателями городовъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вишебера и сына. 1842. Въ 16-ю д. л. 178 стр. (Цѣна 75 коп. сер., съ перес. 1 р. сер.).

Полное, хоть и не совсѣмъ грамотное, заглавіе этой книжки набавляетъ насъ отъ труда говорить о ея назначеніи, а тѣмъ болѣе о пользѣ, которая для людей, отправляющихся въ путь, несомнѣнна.

93) Атласъ Музеума Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Томъ I. Тетрадь VII. Санктпетербургъ. Въ тип. Третьяго Департамента Государственныхъ Имуществъ. 1841. Въ 8-ю д. л. 8 стр.

Содержаніе седьмой тетради — слѣдующее: «Приготовление животнаго угля», «Дуговой скобель или Кротовая борона», «Паровой приборъ для растапливанія воска», «Кочворѣзъ», «Царкуль для измѣренія окружностей» — съ чертежами весьма-хорошо-исполненными.

94) Появленіе Искусственнаго Ухода за Пчелами между Крестьянами въ Россіи. Санктпетербургъ. Въ тип. Третьяго Департамен-

та Государственныхъ Имуществъ. 1841. Въ 8-ю д. л. 28 стр., съ рисунками въ текстъ.

Эта брошюрка заключаетъ въ себѣ пріятное извѣстіе, что одинъ мужичокъ, навивавшійся для работы въ школу пчеловодства г. Прокоповича, близъ Батурина, перенялъ разные приемы содержанія пчелъ; отъ него, по дознанной пользѣ, тѣ свѣдѣнія распространились по раскольничьимъ слободамъ Черниговской Губерніи, Узловъ Стародубскаго и Новозыбковскаго, а отсюда уже по Губерніямъ Курской, Орловской, Полтавской, Киевской, Подольской, Могилевской, Тверской, Тамбовской и Воронежской. Плата за надзоръ и веденіе паськи говоритъ сочинитель, г. Пакорскій-Жоравко: «бываетъ отъ 800 до 1.200 рублей и болѣе въ лѣто, смотря по числу ульевъ». Это доказываетъ, что въ тѣхъ мѣстахъ существуютъ огромныя пчельники, и ими весьма-привлечно занимаются, что они даютъ большіе доходы, и что ремесло пчелинца у насъ быстро будетъ распространяться, представляя ощутительныя выгоды.

95) Ручная Книга Русской Опытной Хозяйки, составленная изъ сорокалѣтнихъ опытовъ и наблюденій доброй хозяйки русской. Санктпетербургъ. 1841. Въ тип. Ионасона. Въ 12-ю д. л. XV и 315 стр.

Для того, чтобъ постигнуть все то, что содержитъ въ себѣ эта книжечка, не нужно 40 лѣтъ. У насъ еще нѣтъ сочиненія о домашнемъ хозяйствѣ, которое содержало бы въ себѣ систематическое описаніе свойствъ всякъ предметовъ кухни и проч., дѣйствія ихъ на организмъ человека и животныхъ, въ разныхъ видахъ, средства разведенія, собиранія, сбереженія, и пр. и пр. Но объ этомъ, можетъ быть, поговоримъ послѣ.

Главный недостатокъ разсматриваемой книжки тотъ, что она дорога (1 р. 50 к. сереб. для кухарокъ много!)

96) Посредникъ или изложение способовъ полюбовнаго спеціально размежеванія обществъ и чрезполосныхъ земель, съ прибавленіемъ формъ и проектовъ объявленій, доверенностей, полюбовныхъ сказокъ, мѣновыхъ записей и другихъ актовъ, по разнымъ случаямъ размежеванія. Ручная книжка для поземельныхъ владѣльцевъ. Составлена авторомъ Капцеларскою Самоучителемъ Федоромъ Русановымъ. Москва. Въ тип. Николая Степанова. 1842. Въ 12-ю д. л. 160 стр. (Цѣна 5 р. ассиг., вѣсов. за фунтъ).

Книга къ случаю, потому-что всѣ помѣщики заняты теперь размежеваніемъ. Правда, она немножко опоздала, потому-что изъ среды дворянства выбираютъ теперь посредники — не книги, а живыя существа, помѣщики, но и посредникамъ-дворянамъ не мѣшаетъ, на всякій случай, запастись посредничьими-книжками, гдѣ правила размежеванія изложены ясно, съ надлежащею подробностію.

97) О Рожкахъ или Спорыньѣ, появляющихся въ ржаныхъ колосьяхъ, и болѣзни, происходящей отъ употребленія ихъ въ пищу въ хлѣбъ. Второе изданіе. Москва. Въ тип. В. Кирилова. 1842. Въ 12-ю д. л. 32 стр., съ двумя рисунками.

Эта брошюра, достигшая второго изданія, есть не что иное, какъ статья, перепечатанная изъ 12-го номера «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», за 1838 годъ. Одинъ изъ рисунковъ представляетъ изображеніе колоса съ рожками, а другой — чертежъ выемки съ жолобомъ для отаѣленія рожковъ отъ ржаныхъ зеренъ.

98) О Постной и Скоромной Пищѣ въ медицинскомъ отношеніи, соч. Ив. Зацепина. Часть первая. Москва, Въ тип. Лазаревыхъ Института Воспитаній Языковъ. 1844. Въ 8-ю д. л. 66 стр. (Цѣна 50 к. сер., вѣсов. за фунтъ.)

Между-тѣмъ, какъ большая часть современныхъ врачей, основываясь на

опытахъ Мажанди, Тидемана, Гмелина и другихъ фибіологовъ, считаютъ мясную пищу самою приличною для человѣка; Иванъ Яковлевичъ — (читатели помнятъ, какъ еще въ 1839 году г. Зацепинъ сердился на насъ за то, что при разборѣ его книги «О Жизни» мы называли его просто г. Зацепинымъ, и тогда же объявилъ, что его зовутъ не только г-мъ Зацепинымъ, но и *Иваномъ Яковлевичемъ*) — идетъ наперекоръ большинству, утверждая, что мнѣніе врачей нашего времени невѣрно. Слѣдуетъ думать, что Иванъ Яковлевичъ говоритъ правду, ибо онъ разсматриваетъ вопросъ о постной и скоромной пищѣ съ своею, особенною, болѣе нежели научной точки зрѣнія; а такъ-какъ статьи Ивана Яковлевича, по словамъ объявленія о подпискѣ на его «Терапевтическій Журналъ», *отраднымъ*, то, въ слѣдствіе сего Иванъ Яковлевичъ говоритъ не только справедливо, но и откровенно. Въ эпиграфѣ къ своему разсужденію избралъ онъ пословицу: *доброму сухарь на пользу, а злому мясное не впрокъ*, — выборъ многозначительный, ясно показывающій, кому и что должно кушать, и сверхъ того соображающій всю, болѣе чѣмъ научную теорію автора. Отъ медицинско-физиософскаго или философско-медицинскаго (что почти одно и то же) разсужденія о постной и скоромной пищѣ вообще, *отрадный* авторъ переходитъ къ діететикѣ и правиламъ жизни русскаго народа; здѣсь, на немногихъ страницахъ, сказано такъ много и умно, что вы и тутъ почувствуете *отраду*, т. е. нечто въ родъ восторга, который обнаружите веселіемъ въ сердцѣ и улыбочкой на устахъ. Подробно обозрѣвая хлѣбъ, проникая въ кашу и погружаясь во щи, Иванъ Яковлевичъ мимоходомъ бросаетъ испытующій взоръ на добавленія къ хлѣбу, щамъ и кашѣ, разумѣя подъ этимъ книжнымъ названіемъ капусту, лукъ, чеснокъ и прочіе предметы съ прибавками, въ слѣдующемъ родѣ: «капусты — лихова не попуститъ; лукъ

— семь недуговъ лечитъ; чеснокъ — семь недуговъ наводитъ: грибы, рѣдька, свекла, горохъ и огурцы, свѣжѣе и зеленѣе по временамъ, молоко кислое и масло коровье и конопляное» (стр. 34). — Но нигдѣ Иванъ Яковлевичъ не возбуждаетъ столько *отрады*, какъ въ изображеніи ѣды и сна простолюдиновъ. Здѣсь — что слово, то картина. Мы вѣрны, что г. Загоскинъ въ будущемъ романѣ не упуститъ изъ виду этой *традной* брошюры: «Вотъ сидятъ они на столѣмъ и ѣдятъ горячія щи съ хлѣбомъ, приравляя простое кушанье острыми шутками, и кончили свой обѣдъ кашею съ масломъ или со щами; наѣлись до сыта и, помолвившись, легли отдохнуть, кто на чемъ попало, подложивъ подъ голову свою одежду или цюпій кулакъ. Легъ нашъ простолюдинъ и тотчасъ заснулъ. Началась работа въ его тѣлѣ: снаружи повадилъ зарръ изъ его кожи и легкихъ, а внутри выступили пищеварительные соки: желудокъ началъ пережѣвывать и перекипать грубую пищу; черезъ часъ преворилъ ее въ хорошую пищевую мѣсь и выгналъ въ 12-ти-перстную кишку. Здѣсь здоровая, выработанная желчь, налившись изъ своего приятельща, отделила изъ нея питательный сокъ и млечные сосуды начали всасывать его по всей внутренней поверхности тѣла. Тутъ проснулся нашъ простолюдинъ, всталъ и перекрестился; намывшись, принялся за работу и занянулъ любимую пѣсню» (стр. 59 и 60).

99) Литературный Кабинетъ, труды артистовъ Императорскихъ московскихъ театровъ: П. С. Мочалова, Г. Т. Ленскаго, А. П. Славина, С. П. Доловьева и покойнаго Н. Цыганова. — Н. В. Беклемишева, Иеронима Южнаго (псевдонимъ), П. А. Шестова, И. А. Ваненко, Г. П. Проволаманскаго, А. А. Сумарокова, А. Н. П-ше, Г. Глѣрьова, Г. Н. Протопопова, А. П. Мартюча (псевдонимъ), Н. Ивалса, Элизы Р. К. Кауля, Г. Румянцова, Г. А.ча, Г.ви, А. П. Б. р. и. ва, Г.

Т. XXI. — Отд. VI.

Смирнова. Москва. Въ Университетской типографіи. 1842. Въ 12-ю д. л. Два чиста. Въ 1-й — 124. во 2-й — 79 стр. (Цѣна на р. 45 к. сер., вѣсѣв. за фунтъ).

Боже мой! сколько именъ безъ имени! сколько живыхъ и умершихъ, сколько умершихъ — живыхъ! Пѣть средства протѣсниться сквозь эту смѣсь лицъ, истинныхъ и вымышленныхъ. Но если Иванъ Яковлевичъ могъ уже прозрѣть въ двѣнадцати-перстную кишку, то и мы не будемъ отчаиваться, поспѣваемъ его отважному примѣру, прочтемъ труды артистовъ.

Имя Мочалова не безъ намѣренія поставлено на первомъ мѣстѣ: одно изъ стихотвореній его, по нашему мнѣнію, лучшее во всемъ сборникѣ; почитателямъ такихъ сценическихъ талантовъ, каковъ Мочаловъ, конечно будетъ пріятно прочесть литературное произведеніе этого замѣчательнаго трагика.

Отвѣтъ Могильщику.

Не надо мнѣ чувства въ могилу сырую
Съ мечтою былого на вѣкъ зарывать.
Найду я для нихъ могилу другую
Върай скороню ихъ — теплый имъ лежать.

Пусть мѣстомъ могилы — имъ родина будетъ;
Въ груди, подлѣ сердца, пусть крѣпко уснутъ;

Никто ихъ въ груди моей вѣкъ не разбудитъ,
И люди къ могилѣ ихъ вѣкъ не пойдутъ.

Віеніемъ сердца ихъ сонъ не прерветъ:
Оно будетъ тише и рѣже стучать, —

И сладко уснувши, уже не проснется —
Какъ подлѣ младенца родимая мать,

Курганъ свяжимъ дерномъ, цвѣтами покрытый,
Быть-можетъ разроютъ съ улыбкою злой,

А въ этой могилѣ — людьми позабытой —
И сладокъ, и вѣренъ ихъ будетъ покой.

Все прочее ниже посредственности, кромѣ стиховъ Иеронима Южнаго. Что жъ касается до произведеній г. Глѣрьова и А. Н. Пеше, — c'est un glorieux péché. -- Изданіе опрѣтно.

100) Рѣчь о Воспитаніи, основанномъ на законѣ Божіемъ, произнесенная штатнымъ смотрителемъ Воронежскаго Уѣзднаго Училища. 4-го марта 1841 года, при открытіи Нижнедѣвickaго пригородскаго училища. Москва. Въ типографіи В. Кириллова. 1842. Въ 12-ю о. л. 26 стр.

Уѣчь, написанная по всѣмъ правиламъ реторики Кошанскаго, съ уступленіями, возвращеніями, наращеніями, и пр. и пр.

101) Всеобщая Историческая Библиотека. Книжка 12. *Исторія Ломбардіи*. Ф. Х. А. Гассе. часть III. Москва. Въ тип. Степанова. 1841. Въ 8-ю о. л. 91 стр.

Тѣмъ, которые, можетъ-быть, начали уже забывать, что есть на свѣтѣ, и именно въ русской литературѣ, «Всеобщая Историческая Библиотека», чрезъ сіе напоминаетъ, что она дѣйствительно есть, живетъ и движется. Продолжается исторія Ломбардіи, Гассе, сочиненіе, какъ извѣстно, не отличающееся болышими достоинствами и выходящее видѣ болѣе подробной лѣтописи, нежели собственно-исторической книги, которая въ вѣрной и точной картинѣ изображала бы судьбу народа. Въ слѣдующей книжкѣ обѣщаютъ окончаніе этой немного-странной исторіи. Дальнѣйшіе виды «Всеобщей Исторической Библиотеки» совершенно неизвѣстны.

102) Дѣтя-Художникъ. *Тетрадь первая*. Санктпетербургъ. 1842. (Типографіи не означено). Въ 8-ю о. л. 53 стр. (Цѣна 1 р. сер., въ совѣхъ за фунтъ).

Выписываемъ предисловіе этой умной и полезной для дѣтей книжки: оно даетъ полное понятіе о ея цѣли и достоинствахъ.

«Дѣтя-Художникъ, представляющій всѣ необходимые указанія для составленія красивыхъ игрушечкѣ, изображенныхъ въ книгѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ изложеніи предварительныхъ поясненій, наставляя въ рисунокѣ, вырѣзываніи, сгибаніи, склеиваніи и раскрашиваніи предметовъ, которые дѣтя, любящее забавляться симъ родомъ занятій, пожелаетъ составить изъ бумаги; за

тѣмъ, въ главѣ объ употребленіи циркуля, линійки и треугольника, сообщаетъ крайне упрощенный, но полный курсъ начальной геометріи, изложенной какъ можно понятливѣе для дѣтскаго возраста. Начиная отъ черченія линіи, наставленія перходятъ къ измѣренію линій и ихъ разстояній, къ дѣленію линій, угловъ, къ черченію угловъ, фигуръ правильныхъ и неправильныхъ. Далѣе находятъ собственныя указанія для черченія, вырѣзыванія, сгибанія и раскрашиванія, сначала предметовъ легкихъ, за тѣмъ труднѣйшихъ, а именно, отъ черченія и склеиванія изъ бумаги, стула, кресель, стола, комода, и т. п., къ склеиванію домика, конюшни, сарая, избы, будки съ часоникомъ, сачей, и наконецъ кареты. Для упряжки, въ мнѣштурныхъ сани или въ карету лошадей, приложены образцовые рисунки лошадей, начертанные извѣстными нашимъ художникомъ, профессоромъ барономъ П. Кютомъ; копировать лошадь съ этого рисунка можетъ быть полезнымъ не только для *художниковъ-дѣтей*.

«Большая часть чертежей въ сей тетради исполнены оригинальнымъ способомъ, сберегающимъ издержки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволяющимъ, назначивъ невысокую цѣну этому новому изданію, сдѣлать его доступнымъ для большаго круга любознательной юности.»

Къ этому мы можемъ прибавить, что всѣ рисунки исполнены прекрасно.

103) Русская Грамматика. составленная А. Ивановымъ. Третье, исправленное и дополненное изданіе. Книга сію одобрена Советомъ Императорскаго Училища Правовѣднiа и принята за руководство къ преподаванію въ этомъ заведеніи Слѣб. Въ типографіи III Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи. 1842. Въ 8-ю о. л. 407 стр. (Цѣна 70 к. сер. въ совѣхъ за фунтъ).

Грамматика г. Иванова принадлежитъ къ числу довольно-сносныхъ компилляцій, т. е. довольно-хорошо-слѣдственныхъ и склеенныхъ выборокъ изъ разныхъ грамматикъ. Впрочемъ, не смотря на то, она преисполнена разнаго рода промаховъ, неточныхъ опредѣленій, произвольныхъ раздѣленій и проч. Укажемъ на нѣкоторые.

• Предметы бываютъ: 1 одушевленные, т. е. имѣющіе жизнь. — Произведенія растительнаго царства имѣютъ жизнь, однакожь *липа* или *дубъ* не суть одушевленные предметы. *Существова, одаренная способностію произвольнаго движенія съ мѣста на мѣсто*, называются одушевленными предметами.

• *Собственное имя*, которымъ мы называемъ *нѣкоторые* (?) предметы, для отличія ихъ отъ подобныхъ же предметовъ, на-прим. *Россіянинъ* и проч. — *Стало-быть*, слово *Россіянинъ* служилъ для отличія одного Россіянина отъ другаго Россіянина?.. Очень-хорошо!.. Къ числу собственныхъ же именъ, авторъ относитъ слова: *май, понедѣльникъ*... Тоже недурно!..

Мѣстоименіе авторъ опредѣляетъ стариннымъ манеромъ частью рѣчи, употребляющейся вмѣсто имени, тогда-какъ мѣстоименіе есть часть рѣчи, выражающая сознаніе личности и ея отношенія къ другимъ личностямъ и предметамъ. Въ-слѣдствіе нашего взгляда, *сея, этотъ, мой, твой* будутъ уже не мѣстоименіями, а прилагательными: мѣстоименіями же останутся только: *я, ты, онъ, мы, вы, они, кто, что, нѣкто, кто-нибудь, нѣчто, что-нибудь, никто, ничто*. Да и по опредѣленію г. Иванова, *мой, твой, свой*, не суть мѣстоименія: какія имена замѣняютъ онъ собою?

Въ примѣрѣ: «онъ *играетъ* съ нимъ въ кегли» авторъ называетъ глаголъ *играетъ* взаимнымъ: не правда; взаимные глаголы оканчиваются на *ся*, а безъ этого всѣ глаголы сдѣлались бы взаимными!

• Видѣ служить къ различію дѣйствія или состоянія предмета». Въ этомъ опредѣленіи ровно ничего не сказано.

Много можно бы сдѣлать подобныхъ замѣчаній на грамматику г. Иванова...

) Краткая Арифметика, *служащая къ легчайшему обученію малолѣтнему юношеству, въ вопросахъ и отвѣтахъ, состоящая изъ двухъ частей*, издавая Константина Меморскимъ. Печатано съ изданія 1833 года, безъ ис-

правленія. Москва. Въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1841. Въ 12-ю д. л. 168 стр.

• Арифметика Меморская»: чего жъ вамъ еще больше, и что объ ней можно сказать? • Печатано безъ исправленія... но развѣ можно ее исправить? Горбатаго исправить лишь могла.

105) Живописное Лото, *игра, служащая для упражненія въ Россійскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ*. Москва. 1841. Въ литографіи Корнилы Тромонина.

Игра эта, говоритъ издатель, употребляется такимъ же способомъ, какъ и обыкновенное лото, съ тою только разницею, что мѣсто цифръ занимаютъ карточки, съ словами на трехъ языкахъ, соответствующія таковымъ же словамъ, подъ конями изображены различные предметы, замѣняющіе нумера. Симвъ способомъ, дѣти, играя, берутъ число карточекъ, съ словами на трехъ языкахъ, которыя должны быть затвержены въ памяти, и незамѣтно научаются вести разговоры, на какомъ-либо языкѣ. Отъ словъ можно переходить къ фразамъ.

Вотъ диковинная вещь! Выучитесь говорить на двухъ языкахъ, играя въ лото! Право, диковинка! Мы советуемъ г-ну издателю попробовать прежде этотъ способъ или на самомъ себѣ, если онъ не говоритъ еще на иностранныхъ языкахъ, или на одномъ изъ своихъ родственниковъ: мы тогда прийдемъ полюбоваться его успѣхами. А между-тѣмъ скажемъ, что пора бы оставить недѣльную мысль *учиться шутя и играя*. Теперь надъ нею смѣются даже дѣти.

106) Наши, *списанные съ натуры Русскими*. Выпуски 6, 7 и 8 (Цѣна 80 коп. сер. за всѣ три выпуска).

Эти три выпуска содержатъ въ себѣ одну статью «Армейскій Офицеръ», — статью, которая написана умно, живо, остро, и въ которой много истиннаго и вѣрнаго, есть иронія, и нѣтъ пошлой сантиментальности. Картинами»

на этотъ разъ нельзя быть совершенно-довольну: онъ какъ-будто не совсѣмъ русскія, если приглядѣться къ нимъ поближе. Такъ, на-прим., Бубликовъ похожъ нѣсколько на иностраннаго офицера тѣмъ, что его виц-мундиръ не въ обтяжку, и какъ-то мышковато сидитъ на немъ. За то, Нѣмпы (на стр. 60) — прелесть, чудо типической вѣрности!..

107) *Исторія Петра Великаго. Съ 500 оригинальными рисунками, гравированными въ Лондонѣ. Выпускъ 3. 32 стр.*

Объ этомъ изданіи новаго говорить нечего: оно продолжаетъ быть все тѣмъ же и такимъ же, чѣмъ и какимъ было въ началѣ, по тексту и картинкамъ. Когда оно переимѣнится къ лучшему въ томъ или другомъ, или въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, мы не замедлимъ поговорить о подобной чудесной метаморфозѣ: но какъ это чудо еще не совершилось, то мы пока скажемъ о томъ, что случилось уже.

Въ 34 № «Св. Пчелы» прочли мы странную рекритику на *дальнюю* статью г. Полеваго объ изданіи г. Эльснера...

Г. Полевой сказалъ нѣсколько горькихъ истинъ объ историческомъ *таламѣ* г. Ламбина и извѣствѣ рисунковъ: отзывъ его оказался слишкомъ холоднымъ г. Булгарину, и онъ *гранулъ*, въ 34 № «Св. Пчелы» слѣдующею декларациею:

«Намъ весьма непріятно, что мы должны развѣстать съ почтеннымъ Н. А. Поле-

вымъ, котораго литературные труды заслуги мы вполнѣ уважаемъ. При всѣхъ своихъ познаніяхъ, и при всей своей благонравности, Н. А. Полевой доказалъ критикою (Русскій Вѣстникъ № 10, 184, стр. 158—188) на первую тетрадь исторіи г. Ламбина истинно древилго правду, что никто не можетъ быть судіею въ собственномъ дѣлѣ. Н. А. Полевой, какъ извѣстно, печатаетъ теперь большую исторію Петра Великаго, и во время его занятій ему предложили составить *Краткую Исторію* для политическаго изданія. Любо искренно свой предметъ, Н. А. Полевой согласился на предложеніе, и написалъ уже болѣе половины *Краткой Исторіи*, какъ вдругъ вышла въ свѣтъ первая тетрадь г. Ламбина, и трудъ Н. А. Полеваго остался подъ спудомъ! Событіе это, хотя *имины* *словами* (?) рассказано самимъ Н. А. Полевымъ, на стр. 161—163 критики. Мы вѣ сколько не сомнѣваемся, что никакое расчетливое побужденіе не руководило перомъ критика, но *зналъ сердце человеческое*, нельзя не согласиться, что *критикъ не могъ оставаться гладнокровнымъ въ этомъ дѣлѣ*. Н. А. Полевой утѣшался надеждою, что жизнеописаніе его любимаго героя будетъ издано со всевозможною роскошью, и затѣитъ политическое изданіе жизни Наполеона, и вѣрутъ въ надеждѣмъ рухнулъ! Спрашиваемъ всѣхъ психологовъ (*Зачѣмъ же не просто—честныгъ люди?*): можетъ ли намъ нравиться предметъ, разрушившій наши любимыя надежды?—Надобно бѣть боже, нежеланіемъ, чтобъ отзывчатъ утвердительно! А въ этомъ случаѣ почтенный Н. А. Полевой выказалъ мало стоицизма. Онъ разгнѣвался, и проч.»

Вотъ языкъ истинной дружбы! Такъ должны писать истинные литераторы!..

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МАРТЪ.

108) Два Призрака. Романъ. Соч. Ф. Фанъ-Дима. Санктпетербургъ. Въ тѣхъ Третьемъ Департамента Государственныхъ Имуществъ. 1842. Четыре части. Въ 12-мъ д. л. Въ 1 части 252, во II—208, во III—228, во IV—258 стр. (Цѣна 5 р., съ перес. 6 р. 50 к. сер.).

Въ оправданіе мудрой русской поговорки: «не родись ни уметь, ни пригожъ, а родись счастливъ», недавно появившееся имя г-на Фанъ-Дима грозитъ сдѣлаться знаменитымъ именемъ въ современной русской литературѣ. Благодаря вкусу, образованности, безпристрастію и добросовѣстности нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ, которые по селмаго неба превознесли воляную, цѣтскіе-несвязную и напыщенную поѣсть «Александрина» — первый опытъ Фанъ-Дима. «Два Призрака» были превознесены ими только еще въ видѣ извѣщеній о появленіи этого романа: что же будетъ въ критикахъ и рецензіяхъ о немъ?.. А между-тѣмъ, «Два Призрака» не только не уступаютъ въ пулкости и воляности «Александринѣ», но едва-ли еще и не превосходятъ въ этихъ качествахъ — ужъ тѣмъ однимъ, что въ-четверо длиннѣе и пухлѣе ея. Эти «Два Призрака» не что-иное, какъ одинъ призракъ, и суть самое «призрачное» явленіе современной литературы — четырех-томный вульгарное виѣстияще словъ безъ значенія и «разъ безъ содержанія, длинный, утомительный разсказъ о происшествіяхъ и случаяхъ, которыхъ не знаетъ въ дѣйствительности; вялое и

безцвѣтное изображеніе людей, характеровъ и общества, которыхъ не было, вѣтъ и не будетъ нигдѣ, кромѣ холоднаго воображенія безталантныхъ сочинителей...

Мѣркою достоинства всякаго литературнаго произведенія, претендующаго на изображеніе дѣйствительности, должно быть его сходство съ изображаемою дѣйствительностію. Посмотримъ же, до какой степени г. Фанъ-Димъ является вѣрнымъ живописцемъ современной дѣйствительности, которую онъ рисуетъ въ своихъ «Двухъ Призракахъ».

Идеальный кирасирскій офицеръ, Владиміръ Марлинь, «страстно влюбленъ» въ Агаею, или Агату Леновскую, идеальную девицу рѣдкой красоты, но и безпримѣрной глупости. Въ-послѣдствіи оказывается, что она втайнѣ «боготворила» идеальнаго кирасира, а дурочкой только приниживалась, въ-слѣдствіе добровольно-даннаго ею обещанія своему ревнивому жениху, Васильскому, бывшему любовнику ея матери, которая, умирая, взяла съ ребенка-Агаты вѣзду выйдти за своего уже пожилаго обожателя. Вотъ основа романа. — Скажите: гдѣ бывають такіа дѣвушки, которыя даютъ и слерживають слово играть въ обществѣ роль дурь? Гдѣ бывають женихи, которые, изъ ревности, требуютъ подобныхъ условій отъ своихъ невѣстъ? Гдѣ бывають общества, въ которыхъ совершаются такіа чудныя исторіи? Видите ли, какъ проста и естественна завязка романа.

какъ она въ духъ современнаго общества, и какъ вѣрно характеризуетъ она современную действительность!.. Но дальѣ: идеальная Агата тайно присылаетъ къ идеальному кирасиру письма, по добродушному убѣжденію автора, полная ума, чувства и жемчужной прелести, и подписывается подѣ письмами *Ариэлемъ*. Идеальный Марлинь, любя Агату, влюбляется и въ таинственнаго *Ариэля*, и такимъ образомъ колеблется между «двумя призраками» до-тѣхъ-поръ, пока дѣло не объяснилось въ концѣ четвертой части и онъ не женился, вмѣсто двухъ, на одномъ призракѣ. Въ первой и въ половинѣ второй части призрачена, ни въ селу, ни къ городу, какая-то Аменаида Гольцева, — тоже «идеальная» женщина, страстно влюбленная въ «идеальнаго» Марлиня. Это обстоятельство значительно увеличиваетъ пухлую толщину и томительную скуку романа.

Сказать о содержаніи романа, укажемъ на некоторые частности его. Не угодно ли вамъ полюбоваться, напр., картиною «большаго свѣта»?

Послѣ разныхъ сценъ на вечеръ у Аменаиды Гольцовой, прѣзжаетъ туда старый вѣстовщикъ и сплетникъ Гранитскій, и рассказываетъ обществу свѣжую новость о появившейся въ Петербургѣ красавицѣ. Дамы пристають къ нему съ вопросами, мужчины молча окружаютъ его.

— Да-съ, продолжалъ Гранитскій съ самодовольною улыбкою, мы кое-что успѣли узнать объ этомъ *дивномъ явленіи*. Красавица только-что прѣехала изъ Тамбовской губерніи; ей всего семнадцать лѣтъ; матери у нея нѣтъ, отецъ, Павелъ Игнатьевичъ Леновскій, заслуженный Суворовскій Генералъ, тяжело взраженный, и потому никуда не выѣзжаетъ изъ дома. Въ собраніе онъ отпускалъ дочь съ теткой, съ которой она(,) кажется(,) будетъ выѣзжать въ продолженіе цѣлой звыи.

Марлинь обнаруживаетъ, что онъ знаетъ Леновскую; его просятъ нарисовать обществу ея портретъ.

— Я плохой живописецъ портретовъ, особенно на словахъ; потому мнѣ снѣзу взять

на себя описаніе такой красавицы. Что же касается до ея ума и любезности, продолжалъ онъ занимаясь, то я еще такъ мало знаю Агатию Ивановну...

Вотъ именно языкъ «большаго свѣта»!..

Но «записка» не долго продолжалась со стороны идеальнаго кирасира: кто-то усомнился въ красотѣ Агаты, — и Марлинь воскликнулъ:

— Леновская прелесть — какъ любовь въ первыхъ мечтахъ юности, какъ робкое желанье, озаренное яркими, алмазными лучами надежды! Ея красота пышнѣе, роскошнѣе всего, что можетъ выразить это слово, для нея — всякое сравненіе живо и мертво! При первомъ взглядѣ на чудную дѣвушку. Разъяслены надобны перестаютъ казаться идеалами; но когда взглянешь на нее въ другой разъ, когда встрѣтишь ея чарующій взоръ, невольно усумнишься въ ея земномъ существованіи, и душа рвется спросить: много видѣвъ звучнымъ словомъ Байрона: «откуда ты?»

Владиміръ говорилъ, будто, повужасный неподлинный чувствомъ удивленія; но, высказавъ свое мнѣніе, вызванное только ошибочнымъ перетолкованіемъ его движеній, онъ неожиданно замолкъ и лице его своимъ приняло прежнее, задумчивое выраженіе.

Это — изволите видѣть — *большой свѣтъ!* Такъ описываютъ большаго свѣтъ тѣ, которые знаютъ его только по повѣстямъ Марлинскаго...

Характеровъ въ этомъ романѣ нѣтъ: въ немъ все призраки, которые говорятъ длинно, утомительно, надутю и плоско. Самъ Марлинь, что называется — просто глупъ, и слава Богу: ея высокопарная дичь явно заимствована изъ «Милорда Англичискаго» и «Гуаки или Непреоборимаго Вѣрности». Агата... но мы объ ней не скажемъ ни слова, изъ уваженія къ ея твердой рѣшимости сказать глупою и, въ оправданіе этой благородной рѣшимости, выпишемъ нѣсколько словъ изъ ея писемъ:

«Я сейчасъ изъ Александрискаго театра..... Я видѣла M-me Allan въ трогательной роли la lectrice... Исполненіе прекрасно, я была въ восхищеніи, плакала, но не забывала, что я въ театрѣ и что она ак-

триса, — впрочем (,) кажется (,) актриса замечательная и любимая публикою..

Конечно, не рѣшившись твердо играть роль глухой, нельзя восхищаться, плакать отъ игры артиста, и въ то же время не забыть, что онъ актёр?.. Еще менѣе нельзя говорить холодно, предположительнымъ тономъ, что г-жа Алланъ, кажется, актриса замѣчательная и любимая публикою... Но сивашіе и карикатурныя всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ романа — Петръ Александровичъ Смѣльскій, на которомъ авторъ хотѣлъ показать опытъ своего комическаго дарованія. Если прочія лица надуты и натянуты, то лицо Смѣльскаго плоско и тривіально, тогда-какъ авторъ явно силится сдѣлать изъ него умнаго, милаго и достолюбезнаго чудака. — Но я не хочу ее любить! — говорить Маринѣ Смѣльскому. — Не хочешь? возъ это новость? Давно ли въ твоей поэтической, художественной башнѣ слова: *любовь и воля* стали ходить въ одной упряжкѣ? Ты не хочешь ее любить, прошу покорно! За что же такіа немилости? — Такъ отъчалъ Смѣльскій Марину.

Только не желая распространяться о пустякахъ, не приводить изъ этого романа примѣровъ приторной дружбы, сладенькой любви, приличной сентиментальности и другихъ подобныхъ жалкихъ чувствованій. Но, вѣето этого, приведемъ нѣсколько примѣровъ романческаго слога г. Фанъ-Дина: «побѣдительный роень острогъ и оригинальныхъ шутокъ ослѣпить общее мнѣніе и увлечь его за собою»; «посвятую ему званіе шампанскимъ свои сухіе влоди, и, съ доброй подорожной прокладтій, отправитъ къ черту свою глупую страсть»; «за явнымъ отказомъ автора живописать интересную красавицу, намъ, любезный читатель, остается осадлатъ ваше воображеніе, и думать на немъ оубкивать оригиналъ нашей героини (,) или другую красавицу, столь же совершенную: итакъ, погу въ стремлѣ, смонъ на сѣдло, стачанный мятъ, мой счита-

тель...»: — авторъ владеетъ внимательнымъ слухомъ: онъ слышитъ даже быструю рѣчь воображенія (?), нямой говоръ сердца или шопотъ таинственный души (?), такъ же ясно, какъ громкій перебой рѣчей гостинной, какъ звонкую трещотку людскихъ мнѣній, или *масляную тревогу* поэтическаго восторга...;

«въ груди ея горѣлъ жаръ тропиковъ»; «самыя высокія идеи являлись въ разговорахъ его естественно (,) мило, безъ малѣйшей натяжки, не на ходулахъ напыщеннаго романтизма, но на двухъ здоровыхъ ногахъ образованнаго здраваго смысла»; «сердце женщины, а тѣмъ болѣе умной, образованной и склонной къ мечтательности, есть горнило, въ которомъ замалетса часто будущность человѣка и всегда опредѣляются настоящіа границы способности и достоинства его»; «разговоръ съ Смѣльскимъ вслѣдилъ ея чувства надеждой»; «когда же напротивъ въ фантастическомъ эскадронѣ думъ Владимира все обстоило благополучно»; «дума человеческая — такая же бездна, когда въ ней заволнуютъ волны злобствующей ревности»; «Владимиръ Маринѣ сдѣлалса *чудо какой милочка*... Но довольно — всего не перечтешь и не выразишь...

Подражая такъ карикатурно Маринскому въ слоги, г. Фанъ-Динъ, къ сожалѣнію, не подражаетъ ему въ правильности языка: въ «Духъ Прозрамакъ» часто попадаются галлицизмы, въ ромѣ слѣдующаго: Но увидѣвъ полагаетъ человека, лицо его потерлело выраженіе особеннаго удовольствія (ч. I, стр. 178), и пр.

Въ заключеніе, должно сказать, что «Диа Прозрама» напылены множествомъ разсужданій, изъ которыхъ нѣны обнаруживаютъ въ авторѣ чловека умаго и образованнаго; но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказываютъ, что умъ, и начитанность, при отсутствіи востетическаго чувства, вкуса и творческой изобрѣтательности, при неадаптивіи сердца чловекаго и современной дѣйствительности, ничкого не

могут сдѣлать романистомъ и мещаномъ...

109) Шекспиръ. *Съ англійскаго Н. Кетчера. Выпускъ седьмой и осьмой. Генрихъ VI. Часть вторая и третья. Москва. 1842. Въ тип. Степанова. Въ 12-ю д. л. 131 и 134 стр.*

Г. Кетчеръ продолжаетъ выполнять благородное предпріятіе свое съ усердіемъ, достойнымъ участія всякаго образованнаго человѣка. Давно ли мы извѣщали читателей о выходѣ «Генриха V» и 1-й части «Генриха VI», какъ вотъ ужъ передъ нами лежатъ 2-я и 3-я части его. Бросивъ здѣсь взглядъ на общее содержаніе всѣхъ трехъ частей «Генриха VI-го».

Конечно, мы не находимъ еще въ историческихъ драмахъ Шекспира, — произведеніяхъ его молодости, — той глубины и всеобъемлемости, которыя въ послѣдствіи раскрылъ онъ въ своихъ мировыхъ трагедіяхъ, — «Гамлетъ», «Лира», «Отелло» и «Макбетъ»; но вса его могучая сила уже разлитавлась. Не заботясь о буквальной исторической точности, вѣрный лишь существовавшему духу исторіи, — быстро выводитъ онъ лица свои и рѣзко, почти мгновенно, обрисовываетъ ихъ. 1-я часть «Генриха VI» открывается похоронною музыкою надъ гробомъ преждевременнo-умершаго царственнаго героя — Генриха V, и во все вродолженіе величественной трилогіи, полной кровавыхъ смутъ и потрясеній, кажется, слышится голосъ страждущаго государства, вызывающій къ нему: «Ты одинъ лишь могъ подать помощь: но ты умеръ, — а съ тобою умерло и счастье Англіи!» Въ этой 1-й части «Генриха VI» видимъ мы начало партій Білой и Красной Розы, подлѣ важныхъ знаменій которыхъ совершилось столько ужасныхъ дѣлъ. Перемѣнчивыя послѣдствія войны Англичанъ во Франціи занимаютъ наше вниманіе. Не станемъ говорить о томъ истинномъ, съ кимъ Шекспиръ представлялъ здѣсь Жанну д'Аркъ — испа-

женіи, которыхъ онъ заималъ изъ духу своего времени и своихъ национальныхъ предрасудкахъ. Замѣтимъ, однакожь, что лишь историческія изъясненія къ новейшаго времени одолжены мы восстанокленіемъ этого знаменитаго историческаго явленія въ его возвышенной дѣйствительности. Вообще, въ 1-й части видимъ мы, какъ черы внутреннихъ раздоровъ близится къ ищдранъ Англіи. Военноначальнъ блещетъ ея тускибета, юношеская эпоха ея завоевательной славы кончилась, — а гражданское и государственное величіе свое должна она купить ироническими внутренними смутами и потрясеніями. Драма оканчивается утратою французскихъ провинцій. Разговоръ старца Мортимера въ тюрьмѣ съ Ричардомъ Плантагенетомъ, — въ заключеніи герцога Йоркскима, — содержитъ въ себѣ элегоію и завѣщаніе вразъ Йоркского дома на корону Англіи.

Во 2-й части видимъ мы, что эти бѣдственныя права совершили и приносятъ вродавые плоды. Быстро сдѣлать государственныя связи; неспособный, хотя и благочестивый Герардъ VI не въ силахъ удерживать ихъ. Здѣсь въ особенности сосредоточивается и себѣ наше вниманіе супруга его, королева Маргарита — существо злое, вѣроное и вѣистъ страстное, любящее. Супруга ея съ своимъ слабымъ, неостепеннымъ, хотя и благочестивымъ характеромъ, — для нея жалокъ и вразителенъ. Она оскорбляетъ его вродатиними словами, что по неволѣ слабѣтъ въ насъ участіе къ человѣку, который можетъ снести подобное. Но какии трагическимъ достоинствомъ обласъ Шекспиръ страсть ея къ Соосамъ! Безъ всякаго старанія оправдать чилибо, или облагородить преступность любви ихъ, онъ одною чарующею силою выраженія возбуждаетъ въ насъ сердечное участіе въ ихъ горести.

Внутреннѣе вродавила смуты, толмаче начинившіяся во 2-й части, въ 3-й уже выступаютъ со всею своею габельною яростію. Картины становятся

ирачиѣ и ирачиѣ, и наконецъ кажутся уже писанными не красками, а кровію. Съ ужасомъ смотришь, какъ изъ одной скорби рождается новая скорбь; ищенье возмущаетъ ищенье — и въ обществѣ разрывѣ всѣхъ узъ человеческого общества ожесточаются самыя благороднѣйшія натуры. Состраданія нѣтъ ни къ кому и ни въ комъ. Мы дѣйствительно присутствуемъ тажкоу кривизнѣ и страданію государства, которые тѣмъ таже и безотрадне на насъ дѣйствуютъ, что ихъ произвело не движеніе общественныхъ интересовъ, а одинъ личный права домогъ ланкастерскаго и Йоркскаго. Герцогъ Йоркскій, котораго честолюбіе, по крайней мѣрѣ, оправдывалось благородными его качествами, рано умираетъ, и вся послѣдующая борьба состоитъ только изъ того, чтобы поддержать неспособнаго Генриха VI, или возвести на престолъ сластолюбца Эдуарда, который смертію скоро лишается короны, такъ дорого имъ купленной. Рыцарственный Варвикъ гибнетъ въ бесславныхъ смутахъ, и Ричардъ III, способствуя брату овладѣть короною, пробуетъ руку въ кровавыхъ дѣлахъ, которыя скоро должны проложитъ ему дорогу къ собственному возвышенію. Въ обѣихъ послѣднихъ частяхъ Генриха VI. уже явственно обозначается характеръ его. Какъ черная, грозовая туча, медленно, но неизбежно приближается онъ. Среди всеобщаго разстройствѣ предстоитъ намъ беззащитный Генрихъ VI, протій, благородный, но безъ всякаго царственнаго призванія. Умирая отъ руки Ричарда, при послѣдней минутѣ своей прозрѣваетъ онъ еще ужаснѣйшее, конитъ чреватое будущее, и симъ предчувствіемъ ирачнаго грядущаго, въ которомъ уже обозначается предъ нами страшная личность Ричарда III — оканчивается величественная трагедія...

110) Жизнь и Поэзія Вильяма Шекспира. Романы Кенига. Переводъ съ немецкаго. Москва. 1842. Въ тѣхъ II. Степанова. Четыре части. Въ 12-ю д. л.

Въ I и части 106, во II-й — 254. во III-й — 204, во IV-й 152 стр. (Цѣна 10 р. асс., въсов. за 4 ф.).

Мы некогда подробно рассказали содержаніе этого романа, при появленіи его на нѣмецкомъ языкѣ (*), и тогда же отдали ему справедливости, какъ книгѣ весьма занимательной. Не разсматриваемъ теперь его содержанія, чтобы не повторять самихъ себя, но советуемъ читателямъ ознакомиться съ сегою книгою, гдѣ они найдутъ Шекспира запутаннымъ въ самыя интересные отношенія, подъ вліяніемъ самыхъ прекрасныхъ чувствъ, съ поэтическими идеями, — хотя въ любовникѣ Тэялы и не замѣтна еще та натура, изъ глубины которой возникли «Гамлетъ», «Лиръ», «Отелло»; не видно, какъ эта натура настроена была къ этимъ великимъ созданіямъ. Но во всякомъ случаѣ романъ Кенига составляетъ самое отрадное явленіе среди этой груды печатнаго мусора, которую высыпали наши типографіи въ прошломъ мѣсяцѣ на терѣливую русскую публику.

Романъ Кенига переведенъ на русскій языкъ очень хорошо и изданъ изящно. Желательно было бы, чтобы г. переводчикъ, такъ искусно владеющій языкомъ, подарилъ насъ еще какими-нибудь замѣчательнымъ произведеніемъ нѣмецкой литературы.

111) Альманахъ съ памятью двухъ столѣтнему юбилею Императорскаго Александровскаго Университета, изданный Я. Гротомъ. Гельсингфорск. Въ тѣхъ. едовъ Сумеліуса. 1842. Въ 8-ю д. л. 503 стр. (Цѣна 1 р. 50 к. сер., съ перес. 2 р. сер.).

Заглавіе этой книги само говоритъ о причинѣ и цѣли ея явленія, — и потому мы прямо приступимъ къ разсмотрѣнію составляющихъ ее статей.

Первая статья «Воспоминанія Александровскаго Университета», принадлежитъ самому издателю и содержитъ въ себѣ подробную исторію финляндскаго святителя наукъ. Абоскій Уни-

*) От. Зап., томъ IX (1840), Библ. Хр. «Июстр. Литература».

верситетъ основанъ 1640 года, 14 июля; следовательно, существуетъ свыше 200 лѣтъ, и потому — старѣйшій университетъ въ Россійской Имперіи: послѣ Дерптскаго, который основанъ въ 1632 году, но былъ закрытъ съ 1710 по 1719 годъ. Еще Густавъ-Адольфъ думалъ объ основаніи университета въ Финляндіи; но тридцатилѣтняя война помѣшала ему въ этомъ, и онъ успѣлъ только обратить старинную абоскую школу въ гимназію. Вотъ эта-то гимназія и была обращена королевою Христиною въ университетъ, по старанію графа Браге, губернатора Финляндіи. Въ обвародованной по сему случаю королевской грамматѣ, между прочимъ, излагается, на старинномъ шведскомъ языкѣ, какъ во всѣ времена міра признавалось, что школы и академіи подобны разсадникамъ и растительницамъ, гдѣ изъ книжныхъ искусствъ добрые нравы и добродѣтели свое первое происхожденіе извлекаютъ. и какъ въ прежнія времена не только язычники крайне заботились объ основаніи и учрежденіи такихъ школъ, но и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ было какое-нибудь понятіе и свѣдѣніе о Богѣ, всегда о томъ же пеклись: особливо съ-тѣхъ-поръ, какъ христіанство стало оварять вселенную, начали разные христіанскіе короли и регенты не менѣе прилагать величайшее стараніе... и пр. Потомъ говорится, что по столькимъ полезнымъ примѣрамъ въ чужихъ земляхъ и въ отечествѣ, а наиболѣе по примѣру Густава-Адольфа-Великаго, который между-прочимъ возстановилъ академію въ Упсалѣ и основалъ новую въ Дерптѣ, признаётся за благо къ чести и украшенію нашего Великаго Княжества Финляндскаго учредить въ Або, вмѣсто гимназіи «academiam» или университетъ. Далѣе, предоставляются новому учрежденію тѣ же права и преимущества, какими пользуется Академія Упсальская, и повелѣвается всѣмъ уважать по достоинству реченный нашъ Абоскій Университетъ, какъ мастерскую добродѣтелей и свободныхъ

книжныхъ искусствъ. Открытіе университета было религиозно-патриотическимъ торжествомъ всего края, на всѣхъ сословіяхъ, и было совершено со всѣми возможными великолѣпіемъ. На другой день, въ главной аудиторіи была разыграна студентами правоучительная комедія «Студенты», которая была принята съ восторгомъ многочисленной толпою зрителей и зрителейницъ, и въ которой доказывалось, какъ нѣкоторые родители зѣло скупо снабжаютъ деньгами своихъ сыновей, кои обыкновенно и становятся прилежны; а другіе снабжаютъ ихъ всѣмъ, чего ни погрѣбуютъ; чрезъ каковую неразумительную щедрость сыновья становятся нерадивы, ослушны, и негодны: какъ нѣкии юноши предаются роскоши, игрѣ и другимъ порокамъ, и становятся развратны; другіе же прележатъ наукамъ, добродѣтели и страху Божію, и становятся достохвальными и преиспренными мужами. Новооткрытую академію стали называть Абоскою, Аурическою (по рѣкѣ Аурѣ, при которой стоитъ Або), Христининскою. Она имѣла каменный двух-этажный домъ, гдѣ была гимназія, и все помѣщеніе состояло изъ пяти комнатъ, въ которыхъ зимою было невыносимо холодно.

На содержаніе университета первоначально назначено было только 6125 серебряныхъ талеровъ, часть которыхъ выплачивалась изъ Абоскаго Казначейства, а остальныя — натурою, т. е. изъ бомъ, сѣношъ и пр. Профессоровъ первоначально было 11, изъ которыхъ только два Финна, а прочіе — Шведамъ: студентовъ 44, изъ которыхъ только 8 было Финновъ. Любопытно распределеніе предметовъ по философскому факультету, въ которомъ было 6 кафедр: *политики и исторіи* (politices et historiartum), *греческаго и еврейскаго языковъ* (linguarum hebrææ et græcæ), *математики* (mathematicum), *физики и ботаники* (physices et botanices), *логики и логики* (logices et poëseos), *красноречія* (eloquentiæ, куда добровольно относи-

лась только латинская литература). Не прошло года, как число учащихся возрасло до 300. Лекции читались на латинскомъ языкѣ. Въ 1643 году университетъ уже назначилъ промоцію, или возведеніе студентовъ на степень *магистровъ*. Отъ высшаго начальства посылдовало строжайшее предписаніе возводить въ эту степень только самыхъ достойнѣйшихъ. Объ одномъ студентѣ при этомъ случаѣ постановлено было, что такъ какъ онъ *сип віта ет могибус* (по поведенію) грубовать, хотя впрочемъ ученая персона, то и позволить ему только держать преніе на степень, но не промовировать его. Объ одномъ магистрѣ, *dominus Torrensis*, сказано въ протоколѣ консисторіи (универс. совѣта): «Не благоприлично, что онъ въ разныхъ мѣстахъ сватается, почему рег оссаціонет и замѣтить ему, чтобы онъ впредь не такъ часто, какъ доселѣ, пѣлъ свои пѣсни и вирши; онъ ни ему, ни академіи никакой похвалы не приносить». Также, какъ черту тогдашнихъ нравовъ, приводимъ резолюцію, приложенную при промоціи: «Поелику оный *Сифридусъ* къ отвѣту не готовъ, то философскому факультету потребовать, чтобы онъ еще 3 года пробылъ здѣсь при академіи и учился прилежно. Впрочемъ, означенный *Dr. S.* можетъ тотчасъ послѣ промоціи отправиться куда-нибудь въ Швецію, *идь бы его слабость in studiis не могла обнаружиться къ посярмленію сей академіи*».

Но разительнѣйшую черту въка представляетъ осужденіе на смерть одного студента, Эолениуса, за *колдовство*, въ 1661 г. Въ числа обвиненій были и его быстрые успѣхи въ латинскомъ и восточныхъ языкахъ, красивый почеркъ, и легкость, съ какою другой студентъ выучился у него латинскому языку. Быть бы бѣдному на кострь, еслибъ не вступился за него Браге, ненашедшій достаточныхъ причинъ къ осужденію Эолениуса, и велѣвшій зачесть ему въ наказаніе долговременное заключеніе въ карцерѣ. Подобный же

случай былъ въ 1670-году. У студента Гуннеруса, въ Ревелѣ, нашли тетрадь, въ которую онъ, бывши еще въ Або, выписалъ откуда-то нелѣпыя правила о томъ, какъ посредствомъ союза съ нечистымъ духомъ сдѣлаться вдругъ ученымъ, и т. п. По возвращеніи въ Або, онъ за это былъ присужденъ къ тюремному заключенію, къ покаянію и удаленію навсегда изъ университета. Самъ тогдашній проканцлеръ Гецеліусъ старшій, человекъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный, участвовалъ въ этомъ рѣшеніи; но в оно, пожалобѣ обвиняемаго, было уничтожено графомъ Браге. Этотъ замѣчательный человекъ, стоявшій выше своего грубаго вѣка, до самой смерти своей, слишкомъ 40 лѣтъ былъ покровителемъ Абоваго Университета.

Изъ нашихъ сокращенныхъ выписокъ читатели могутъ видѣть, какъ интересна статья г. Грота; не желая разстаться съ нею такъ скоро, выписываемъ вполнѣ слѣдующее мѣсто:

«Но ничто такъ не показываетъ грубости тогдашнихъ нравовъ, даже въ самыхъ школахъ, какъ обычай, известный подъ именемъ *депозиции*. На молодыхъ людей, хотѣвшихъ поступить въ Университетъ, надѣвали платье изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, черныя плащъ, шапку съ осливыми ушами и съ рогами. Потомъ, начерчивъ лицо ихъ и въ каждый уголокъ рта вставивъ имъ по длинному свиному клыку, депозиторъ—такъ назывался особый человекъ—съ огромной аллебардой въ рукѣ, гналъ ихъ, какъ стадо, въ университетскую залу, гдѣ ихъ ожидало многочисленное общество. Тамъ они становились въ кружокъ около своего пастыря: онъ начиналъ выравнивать и мрить ихъ своею аллебардой, корчить передъ ними лицо, присѣять, сѣяться надъ ихъ маскараромъ. Потомъ произносилъ онъ рѣчи, доказывая по-своему необходимость воспитанія и, задавая разные вопросы, слегка ударялъ новичковъ, когда клыки мѣшали имъ отвѣчать; особыми щипцами схватывалъ ихъ за горло, вставлялъ на полъ; клыки ихъ, рога и уши срывались съ пороками, невѣжествомъ и глупостями. Вырывая послѣ эти украшенія, говорилъ, что такъ точно науки должны истреблять».

изъ нихъ все дурное. Еще выкинулъ онъ изъ особаго мѣшка стругъ, призывавъ ихъ ложиться по очереди на полъ, стругала ихъ во асфхъ направлеиіяхъ и дѣйствіе это уподобляла дѣйствию ученія на душу. Слѣдовали разныя другія церемоніи въ томъ же родѣ, послѣ чего онъ оказывалъ свонхъ мучениковъ цѣлыми ведромъ воды и вытиралъ имъ лицо жесткой тряпкой. Тутъ онъ провозглашалъ ихъ *свободными студентами академи*; но съ тѣмъ, чтобъ они еще в изсѣцель ходили въ своихъ черныхъ плащахъ и прислуживали старымъ студентамъ съ безусловною покорностью. Служба эта называлась *некаллизмомъ* и до послѣднихъ временъ сохранилась въ нѣкоторой степени при Абоскомъ Университетѣ. Должность же депозиторъ была уничтожена еще въ исхвдъ 17-го столѣтія (поставовленіемъ 25 ноября 1691 г.). До того времени она поручалась обыкновенно какому-нибудь магистру, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ. Депозиторъ содержался на издѣлвеніи студентовъ. Консисторія должна была напоминать ему, чтобъ онъ обращался съ ними порядочно и пристойно.

«Другимъ обычаемъ того времени было представленіе въ Университетѣ комедій при торжественныхъ случаяхъ: актерами были студенты, игравшіе подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ. Этотъ обычай перешелъ въ Або изъ Упсалы, куда занесенъ былъ изъ школъ іезуитскихъ.

«Какъ черту, характеризующую языкъ, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ опредѣленія университетской консисторіи отъ 1642 года. «На ректорскихъ угощеніяхъ (т. е. обѣдахъ, даваемыхъ новыми ректорами) должно подавать в ординарныхъ блюдахъ, не считая масла, хлѣба и окорока; послѣ обѣда не разносить конфектъ, а развѣ только сыръ. И надлежитъ ректору подавать хорошее финское пиво и немного французскаго вина» и т. п. Потомъ исчислены почетныя чины, которые ректоръ долженъ торжественно приглашать; «что касается до типографщика, книгопродавца и переплетчика, то ректоръ можетъ приглашать ихъ черезъ своего собственнаго слугу, если заблагоразсудитъ». Сверхъ того дозволяется ректору позвать одного изъ двухъ добрыхъ пріятелей или родственниковъ и двухъ изъ студентовъ, которые при торжествахъ участвовали въ музыкѣ. Женщинъ отнюдь не велѣво приглашать, ни даже женъ профессоровъ или другихъ гостей, и подлѣ опасе-

ніемъ широкое запрещеніе прервать до другаго дня.

Также подробно и также интересно рассказываетъ г. Гротъ и дальнѣйшую исторію Абоскаго Университета до незабвеннаго дня $\frac{1}{16}$ іюня 1808 года, когда Высочайшимъ рескриптомъ на имя проанцлера, епископа Тевгстрема, Императоръ Александръ утвердилъ «силу всякъ правъ и преимуществъ Абоскому Университету присвоенныхъ», и когда богатыя милости высокаго ревнителя просвѣщенія дали этому учрежденію новую силу и новую жизнь. 1-го апрѣля 1809 г. Або былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Благословеннаго, а на другой день в Абоскій Университетъ. «Мы едва открыли глазамъ своимъ» говоритъ профессоръ Јагусъ: «когда этотъ гверборейскій Атлантъ, презирая некастыя, верхомъ вѣхалъ въ городъ почти безъ свиты: всѣмъ вокругъ стоявшимъ тѣсною толпою, вляялся онъ съ необычайною радостію привѣтливостію. Допущенные въ присутствіе Монарха, не могли мы надивиться чудной сладости его рѣчи. милостивому и плѣнительному его обращенію и всѣмъ высокимъ украшеніямъ души его. Какъ блистательно явилъ онъ ихъ, бывъ въ этомъ святыхъ музъ 2 апрѣля 1809 года! съ каимъ вниманіемъ все разсматривалъ, съ какою чрезвычайною кротостію въ выраженіяхъ принималъ онъ благоговѣнное привѣтствіе Камея. при чемъ — повѣрить ли потомки? — столы передъ трономъ, для него приготовленными!» Канцлеромъ университета былъ назначенъ сверва М. М. Сперанскій, потомъ графъ Арифельтъ, по смерти котораго выборъ палъ на графа Н. П. Румянцова; но какъ онъ отказался отъ предлагаемой ему должности, то университетъ оспирителся повергнуть къ престолу всеводданнѣйшую просьбу, не удостоить ли великодушный Монархъ и его, по пріѣзду Упсальскаго и Лундскаго Университетовъ, пользовавшихся не разъ счастиемъ состоять подлѣ управленіемъ

меновъ королевскаго дома. подобною шлюстою, дарованъ ему канцлера въ собѣ Е. И. В. Государя Великаго Князя Николая Павловича. Императоръ, съ войственными благодушiемъ списавъ на просьбу университета, въ канцелярiи котораго теперь хранится одинъ драгоцѣнный актъ, писанный по-французски—рескриптъ Великаго Князя на имя членовъ университета... Любопытные могутъ прочесть его въ татъ г. Грота.

Такъ, по присоединенiи Финляндiи къ Россiи, обогащенный во всѣхъ отношенiяхъ, университетъ сей началъ въ новыхъ стѣнахъ и жизнь въ полномъ смыслѣ новую. Въ теченiи 9-ти лѣтъ слишкомъ, онъ, подъ отеческимъ правленiемъ Его Высочества, спокойно наслаждался плодами щедротъ Александра, и посреди постоянныхъ усповъ, признательно благословлялъ имена своихъ державныхъ покровителей. Неожиданная кончина обожаемаго Государя поразила музъ Ауры глубокою печалью; но могли ли слезы ихъ не оушиться, когда другой августѣйшiй гранитель ихъ, воспрiавъ державу, назначилъ канцлеромъ Абоискаго Университета своего первороднаго сына и наследника, Государя Великаго Князя Александра Николаевича?

1827 года, 4 сентября и. с., городъ Або жестоко пострадалъ отъ сильнаго пожара; въ числѣ другихъ общественныхъ зданiй, сгорѣлъ и университетъ. Съ своею библиотекою; но щедротами благополучно-царствующаго нынѣ Императора, подобно финиксу изъ пепла, снова возродился къ большому еще прогнву прежняго благосостоянiю. Маянвестомъ 21 октября 1824 г., Высочайше повелѣно, чтобъ Финляндскiй Университетъ, для тѣснѣйшаго соединенiя съ верховными правительственными кѣстами края, переведенъ былъ въ Гельсингфорсъ, и въ память своего незабвеннаго благотворителя, впредь назывался «Александровскимъ». Октября 1, 1832 года были торжественно открыты лекцiи уже въ новыхъ зданiи

Гельсингфорса. Отсюда университетъ получалъ пособiя. Особенно трогательнъ и замѣчательнъ, какъ признакъ образованности, развитой и въ низшемъ сословiи Финляндцевъ, былъ даръ, присланный университету *крестами* одного прихода (Вихтисъ, въ Ниландской Губернiи); даръ этотъ состоялъ въ 50-ти бочкахъ ржи, которыя университету предоставлялось употребить по его благоусмотрѣнiю...

Студентовъ, посѣщавшихъ Финляндскiй Университетъ отъ 1640 по 1840 годъ, было 15,763. Изъ этого числа, къ первому столѣтiю относится 6,684 человекъ, ко второму 9,079.

1840 года, iюля 21. Александровскiй Университетъ праздновалъ свой *двухстолѣтнiй юбилей*, который былъ торжествомъ всей Финляндiи. Въ статьѣ г. Грота, любопытные найдутъ всѣ подробности этого торжества.

Вторая статья въ альманахѣ г. Грота, есть «Путешествiе на Юбилей 1840 года» — большое стихотворенiе (стр. 117—132), знаменитаго финляндскаго поэта Францѣна. Оно отличается общими качествами всѣхъ, писанныхъ на торжественные случаи стихотворенiй.

«Финляндiя въ русской повѣи», письмо къ Цигнеусу г. Плетнева, замѣчательно, какъ фактъ, до какой степени Финляндiя имѣла влiянiе на вдохновенiе нашихъ поэтовъ.

Нѣсколько дней въ Лапландiи — въ высшей степени любопытная статья г. Кастрена, доцента финскаго и древнихъ сѣверныхъ языковъ при Александровскомъ Университетѣ. Г. Кастренъ не разъ путешествовалъ по разнымъ областямъ Финляндiи, собирая памятники народной финской словесности. Главный трудъ г. Кастрена есть шведскiй переводъ въ стихахъ большой финской поэмы «Калевала».

«Необойденный Домъ» — повѣсть князя Одоевскаго, прекрасно рассказанная.

«О національномъ характерѣ Финновъ» — чрезвычайно — любопытная

статья г. Эмина, лектора истории при гимназии въ Борго, и редактора литературнаго листа.

• Макбетъ христіанская ли трагедія? — статья г. Рушеберга, не обличающая въ автора особеннаго критическаго такта, или современныхъ понятій объ искусствѣ.

• О литературной совѣстливости. — письмо къ Рушебергу графа Соллогуба, содержаніемъ и изложеніемъ своимъ не совсѣмъ напоминаетъ даровитаго автора «Исторіи Двухъ Калашъ», «Тарантаса» и «Аптекариши». Немного странны могутъ показаться эти нападки на журналистику и на французскую литературу, какъ-будто отъ нихъ гибнетъ міръ?.. Гдѣ люди, тамъ и зло; но гдѣ люди, тамъ же и добро: вольно же, видя одно, не указывать на другое?.. И какъ сравнить Парижъ съ Або? Въ послѣднемъ не удивительна чистота нравовъ и безкорыстіе ученой и литературной дѣятельности: въ этомъ маленькомъ свѣтломъ ручейкѣ нѣтъ подводныхъ камней, на немъ не бываетъ бурь и урагановъ, — плыви-себя, ничего не бойся, ничѣмъ несоблазняйся созерпав бядную, но величавую природу и погружаясь во внутрь святилища души своей... Парижъ — море, океанъ; но тамъ-то и слава свѣлому пловцу, презирающему и ярость волнъ и губительную твердость подводныхъ камней. А такіе отважные пловцы только и бывають, что на большихъ моряхъ... Немного странно и, признаваясь, немного смѣла мысль — изречать анаѣму на цѣлый народъ, и объявлять его никуда негоднымъ... Пора бы оставить намъ выходки на цѣлыя націи, вмѣстѣ съ оставленными выходками противъ моднаго платья, французскаго языка, баловъ и тапцевъ: все это не худо бы предоставить моральнымъ и бездарнымъ романистамъ... Деньги — вотъ зло въ литературѣ! — кричать всѣ. Да помяните, кто же можетъ существовать безъ денегъ, или кто захочетъ трудиться безъ вознагражденія?

Не продается сочиненіе,
Но можно рукопись продать!

справедливо сказалъ Пушкинъ. Торгуешь своими трудами только посредственность; истинный талантъ не воцѣтеть для себя университетнымъ взять деньги за свой литературный трудъ, но почтетъ низостію писать для денегъ. Нѣтъ, и у насъ есть благородные дѣйствователи. отродныя исключенія изъ общаго правила. Ссылаемся въ этомъ на самого графа Соллогуба, который, вѣроятно, самъ знаетъ не двухъ, не трехъ изъ нихъ... Тоже и въ журналистикѣ: это «Отч. Записки» могутъ сказать смѣло, гордо и не краснѣя...

Но не съ одной этой стороны мы не согласны съ статьею графа Соллогуба: мы думаемъ также, что онъ несомнѣно опредѣлительно характеризуетъ русскихъ писателей:

«Передъ нами Державинъ съ своими юнымъ стихомъ, Крыловъ съ народными баснями, Кривзинъ съ совѣстливыми и прекрасными трудами, Пушкинъ, пылающій страстію и остроуміемъ (и только?...), Жуковскій, докторъ нашего университета, гремѣщій о славѣ русскаго величія на кровавомъ полѣ бородинской битвы. Вотъ имена, которыя мы произнесемъ съ гордостію... а за ними имена Батюшкова, Вивенитинова, Козлова, Языкова, Гоголя, Хомякова...»

Впрочемъ, если мы и нападаемъ на статью графа Соллогуба, то нападаемъ только на сущность ея, на содержаніе, а не на небрежности въ языкѣ: это прелоставляемъ мы на разживу нашей братіи; только ея терпѣнію средно вычислять опечатки и мелкія оmissions противъ грамматики, которую она такъ твердо выучила. Судить о содержаніи она не въ силахъ; еслижъ когда и прійдется, то наскажетъ такихъ ливковинковъ, что досыта нахохочешься ей, на-примѣръ, вдругъ покажется, что повѣсти Нарыжнаго во сто кратъ лучше повѣстей Гоголя (далея ей эти Гоголь!), что въ повѣстяхъ Гоголя нѣтъ философскаго взгляда на свѣтъ, что господѣ не шути хлопочуть о философи

скихъ взглядахъ!..), итъ познаиіе сердца человеческого, и, наконецъ, что князь Одоевскій и графъ Соллогубъ выше Гоголя, какъ Чинбарасо выше Пулковской Горы... Избави насъ Богъ вступать въ споры съ этими господами о дѣлѣ вкуса, котораго имъ не далъ Богъ: но зачѣмъ же они ставятъ князя Одоевскаго и графа Соллогуба ниже даже гг. Бугарина и Греча, и объявляютъ, что оба означенные литератора не умѣютъ писать, не знаютъ языка и грамматики (если грамматикъ г. Греча—такъ правда: да кто же ее и знаетъ кромѣ самогo почтеннаго ея автора?).. Что все это доказываетъ? — То, что гдѣ есть литераторы, тамъ есть и «сочинители», гдѣ люди, тамъ и разныя насъкомыя, созданныя только для того, чтобъ жужжать и издывать людямъ, которые то-и-дѣло прихлопываютъ ихъ...

•Нынешніе крестьяне-поэты Финляндіи—прелюбопытная статья г. Ленрота, провинціального врача къ Каявѣ. Г. Ленротъ—ревностный собиратель финскихъ народныхъ пѣсень, словицъ и т. п. Онъ обошелъ въ некоторыхъ части Финляндіи пѣшкомъ, и важѣйшими плодами его странствованій были: «Каятелетаръ» (Дочь Арфы), огромное собраніе отдѣльныхъ пѣсень, и «Калевала» (Финляндіа), 32 большія пѣсни, составляющія, по открытію, одно дѣло, родъ эпической поэмь.

Вообще, любопытѣйшія статья въ альманахѣ г. Грота суть тѣ, которыя непосредственно относятся къ Финляндіи.

112) *Маранны, историческая повесть* Людвига Филиппсона. *Перевелъ съ немецкаго* Бернардь Бергензонъ. *Одесса. Въ юридической типографіи. 1842. Въ 12-ю д. л. 269 стр. (Цѣна 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к. сер.)*.

Это одно изъ тѣхъ бельетрическихъ произведеній, которыхъ въ много-пишущей и много-читающей Германіи дѣланы сотни тысячъ, которыя тамъ печатаются для удовольствія самихъ

сочинителей, но не читаются публикою, и которыя переводятся иногда на русскій языкъ неопытными юношами, употребляющими на нихъ свое званіе немецкаго языка и свободное время. *Маранны*—испанскіе Евреи, которые по принужденію приняли христіанскую вѣру, втайнѣ всоудѣвая свою, за что благочестивымъ и ревностнымъ испанскимъ духовенствомъ я были преданы аутодафе, въ XV столѣтіи, при Фердинандѣ-Католикѣ. Къ этому обстоятельству авторъ, г. Филиппсонъ, присоединилъ взятіе Гренады, — изъ толпы образовъ безъ лицъ, изъ множества риторическихъ рѣчей, несвойственныхъ говорящимъ, составилъ повѣсть немного-похуже «Флоріана Гонзалъва Курдуанскаго» и немного-лучше «Георга, милорда Англичскаго». Что касается до перевода, онъ довольно-хорошъ; жаль только, что трудъ переводчика потраченъ неумѣстно; въ особенности же переводъ замѣчательнъ тѣмъ, что принадлежитъ бывшему воспитаннику еврейскаго училища въ Одессѣ, и служитъ образцомъ того старанія, съ какимъ молодые люди изъ Евреевъ усваиваютъ себѣ языкъ русскій.

113) *Звѣздочка. Разныя сочиненія* Ивана Ваненко. *Москва. 1842. Въ тип. Лазаревыхъ. Дѣя части. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й—246, во 11-й 208 стр.*

Прежде, назадъ тому не болѣе года, г. Ваненко писалъ только прозою, и мы охотно готовы были согласиться съ тѣми, которые бы сказали, что у г. Ваненко есть признаки таланта. Но теперь—увъ!—г. Ваненко пишетъ даже и стихами, тамъ убійственно-водными стихами, которые показываютъ отсутствіе не только таланта, но и всякаго хорошаго такта: на-прим., такіе стихи:

Я наружностью цѣль,
Я еще не отцвѣлъ,
Но внутри меня червь источилъ
И я только одной
Укрѣпляюсь корою (!?)
И послѣднихъ лѣшюся силъ. (стр. 11)

Или:

Развѣтай, мой какъ пупцовый,
Василечникъ брюзовый,
Я вилету тебя въ взнокъ
Милый мой цвѣтокъ!
Что мнѣ розы и лилеи,
Полевой цвѣтокъ милѣе,
Поселянкой бѣдной онъ
Больше предпочтѣть.

Слѣдующіе стихи также едва-ли могутъ дать выгодное понятіе о вкусѣ г. стихотворца:

Жуковского или Козлова
Прочтешь—благодаришь душой,
А какъ возьмешь читать другога,
То скажешь—*дуй его горой!*..

И послѣ такихъ стиховъ можно еще ручаться за талантъ? можно подозрѣвать присутствіе сколько-нибудь вѣрнаго такта? — Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ; и если бы нужны были доказательства еще болѣе убѣдительныя, мы могли бы представить ихъ не только изъ стиховъ г. Ваненки, но и изъ его прозы, потому-что вторая часть его «Звѣздочки» писана прозою. Но мы не думаемъ, чтобы нужно было доказывать то, что ясно какъ день Божій. По-крайней-мѣрѣ, чтеніе стихотвореній г. Ваненки произвело на насъ такое странное дѣйствіе, что мы и въ самой прозѣ его, не смотря на все желаніе, не могли найти ничего добраго, ничего такого, что могло бы возбудить охоту и впредь читать его сочиненія.

114) Местъ за Местъ. (*Древнее русское народное преданіе*). *Поэма въ стихахъ*. Сочиненіе К. Е.... *Съ картинкою*. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1844. Въ 16-ю д. л. 108 стр.

Г. К. Е... говоритъ, что это его «первые опыты», которые онъ «посвящаетъ въ пользу бѣднаго семейства». Плохое же средство избралъ г. сочинитель благодѣтельствовать ближнимъ! Его первые опыты едва-ли кто купитъ. Если бы такъ члвчвколюбивы, г. сочинитель, то есть много другихъ, простѣйшихъ средствъ благотворить несчастнымъ, а пользоваться бѣдствіемъ бли-

жнихъ для того, чтобы пріобрѣсть себѣ жалкую извѣстность, — совершенно нечеловѣколюбиво. Скажите, за что благодѣтели, купившіе вашу книжку, должны будутъ читать такіе стихи:

«Вдругъ бѣсъ-то и стигнулъ креста и сробалъ
А этаго струсила, надъ экой каной
Пострѣлъ испугею, подумай, родной!
Мы будемъ умнѣе; какъ разъ покрай-
тъ
Заставимъ Асмодею». — А вотъ что, какъ я, и т. д.

115) Ковкелъ Бунтовщиякъ, или *Машина свадьба*. *Новыйнаи поема*. Ивананіе второе. Москва. 1842. Въ тип. Лазаревскаго Инст. Вост. Языков. Въ 8-ю д. л. 81 стр.

Авторъ говоритъ въ эпиграфѣ, что въ старыхъ повѣстьяхъ есть уже много пыли,

Но эта вновь составлена изъ пыли.

Это ошибка: онъ хотѣлъ сказать, что въ старыхъ повѣстьяхъ есть уже много пыли, а эта есл составлена изъ пыли, изъ той дрянной пыли, которая толстымъ слоємъ лежитъ на старыхъ повѣстьяхъ. Второе изданіе этой книги есть не что иное, какъ остроумная и стификація. Слова «второе изданіе» собственно должны относиться къ оберткѣ книжки, на которой явилась выетка.

116) Деревенская Забавная Струшка, по вечерамъ рассказывающа прстонародныя веселыя сказочки и разныя старинныя небыллицы. Не люблю, въ слушай, а глать не машай. Москва. Въ тип. И. Смирнова. 1842. Въ 8-ю д. л. 274 стр.

Коллекція интересныхъ сказокъ, когда красовавшихся на лубочныхъ картинкахъ, теперь является въ видѣ напечатанной *разсудалскою печатью* Варварское искаженіе! Здѣсь уже вы найдете «Повѣсти о баблѣхъ увергалъ, и о непостоянныхъ ихъ документальч». Здѣсь хотя и есть «Емеля дурачонч», «Иванъ царевичъ» въ мужицкихъ лантѣхъ и рукавицахъ, но есть также и

«Эдуард Царевичъ». Старушка уда-
рится въ Нѣмечину!

117) РУССКІЙ ПАТРИОТЪ. *Отече-
ственное пѣснопѣніе. Спб. Въ типогра-
фіи Карла Крайя. 1842. Въ 8-ю д. л. 24
стр.*

Неизвѣстный «пѣснопѣвецъ», на-
строивъ свою лиру на классическій
ладъ, такъ взываетъ къ Россіи:

Не пасынокъ — твой сынъ, слуга не лице-
мѣрный,
Дерзаетъ пить тебя, и думу думать — слаухъ.

Чувство любви къ отечеству — благо-
родное и возвышенное чувство; но оно
должно высказываться не въ плохихъ
вершахъ, и такъ-какъ хорошая цѣль не
оправдываетъ дурнаго выполненія, —
то ны и советовали бы неизвѣстному
«отечественному пѣснопѣвцу» занять-
ся лучше сочиненіемъ протоколовъ и
отношеній, чѣмъ терзать слухъ своихъ
соотечественниковъ стихотворною не-
сладницею, въ родѣ слѣдующей:

Россіи каждый дворянинъ
Благими красится дѣлами,
Родные чувствами, сердцами.
Вельможа, воинъ, гражданинъ.
Вѣщалъ въ сердцѣ правоту,
Нося савъ званія священный (?),
Борясь русскій просвѣщенный,
Превращъ надменность, суету —
Для общей пользы и для блага,
Трудовъ и жизни не жалея,
Къ Царю душою членима, —
Добромъ свой изъяснитъ шагъ,
Не для себя, не для родни,
Но жатву Россіи собираетъ.
Борясь русскій просвѣщенъ;
Въ душѣ и въ чувствахъ благороденъ;
Палаты, склоняется въ прахъ несроденъ,
И изгою не пресмыченъ;
Умираетъ въ жизни средѣ дозволителъ,
Врагъ роскоши пустой, *дѣтской*;
Супругъ, отецъ въ семействахъ изъясненъ,
И другъ радуша, хлѣбосолюбивъ.

Читая подобныя нечѣстности, понево-
лѣ вспоминаешь о «Петриадахъ», «Але-
ксандріадахъ» и другикъ «идахъ»,
«адахъ», и «адахъ»; а вспоминая о
нихъ, поневоля вспоминаешь стихъ изъ
романа Гребенцова:

Не замороситъ отъ этихъ нечестъ!

118) Гуакъ, или непреоборимая стр-
лость. *Рыцарская повесть. Изданіе
второе. Спб. Въ типографіи А. Сытца.
1842. Дѣя части. Въ 12-ю д. л. Въ I-ой
— 115, во II-ой — 101 стр.*

Глупая сказка въ родѣ «Георга Ми-
лорда Английскаго». Какъ жаль, что
наши грамотные простолюдины не мо-
гутъ вычѣивъ лучше удовлетворять
свою охоту къ чтенію! Языкъ, право-
писаніе, бумага, печать — все въ «Гу-
акъ» соответствуетъ нечѣстности и по-
шлости содержанія и вполне оправды-
ваетъ назначеніе типографіи г. Сы-
тца.

119) Сказка о Мельникѣ (-) Кол-
дунѣ, о Хлопотливой Старухѣ (,) и
о Жидакѣхъ и Батракахъ. Соч. Е.
Алипанова. Изданіе второе. *Въ ти-
пографіи Е. Алипанова. Въ 32-ю д. л.
59 стр.*

Если правда, что эта книжонка на-
печатана вторымъ изданіемъ, — то по-
тѣмъ же самымъ причинамъ, по ка-
кимъ «Гуакъ или непреоборимая стр-
ность» достигъ втораго изданія. Али-
пановъ смыслѣнный русскій мужичокъ,
разсудившій, что авторство ему спо-
дручнѣе хлѣбопашества, а перо лег-
че сохи и бороны, — и вотъ, настроивъ
волосяной гудокъ, нашъ мужичокъ по-
етъ православному люду:

Въ подмосковской деревнюшкѣ,
Въ свѣтлой, поленькой избушкѣ,
Жилъ, былъ мельникъ чудородъ,
А по имени Федотъ.
Съ молодыхъ лѣтъ до морщины,
Не знавалъ Федотъ кручины;
Съ изъсвей рожь, овесъ молютъ,
Попѣвалъ, за поمولъ
Бралъ охъ денежки съ народа,
Цалъ, закинувъ сѣти въ воду;
За ничто считавъ ершей,
Шукъ ловилъ, да карасей;
Възъ ушницу, пѣлъ до поту:
То-то жизнь была Федоту!

Въ-самомъ дѣлѣ, этотъ Федотъ былъ
мужикъ не глупый: лучше потѣтъ
илъ ужою, чѣмъ надъ влѣхкими вир-
шами, плоскими и грязными сказками.

120) **Петръ Великій. историческая ораторія въ двухъ отдѣленіяхъ, переложенная съ нѣмецкаго П. Ободовскимъ, и положенная на музыку Л. Фуксомъ. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Крайя. Въ 8-ю д. л. 46 стр.**

Эта книжечка издава на двухъ языкахъ — нѣмецкомъ и русскомъ. Авторъ нѣмецкихъ стиховъ неизвестенъ; ихъ передѣлалъ на русскій ладъ — г. Ободовскій, переводчикъ тысячи-одной нѣмецкой драмы, которыя обыкновенно съ такимъ шумомъ даются на Александринскомъ Театрѣ, и которыя равно ничего не значатъ для драматической литературы. Ораторія была исполнена недавно въ концертѣ здѣшняго Филармоническаго Общества; мы ничего не слышали о музыкальномъ ея достоинствѣ, но душевно желаемъ, чтобъ музыка произвела благоприятнѣе впечатлѣніе на публику, нежели то, какое производятъ стихи ея. Не худо бы помнить г-мъ стихотворцамъ, работающимъ надъ оперными и ораторными либретто, что не все то поэзія, что укладывается въ размѣръ и заостряется рифмами. Въ стихахъ г. Ободовскаго есть такія двукомки, что Боже упаси!

121) **Материалы для Статистики Россійской Имперіи, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія, при статистическомъ отдѣленіи Совѣта Министрства Внутреннихъ Дѣлъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1841. Въ 8-ю д. л. 382, 45, 205, 144 и V стр. (всего 781 стр.) и V № № таблиц. (Цѣна 3 р., съ пер. 4 р. 50 к. сер.).**

Эта огромная книга, составляющая второй томъ или продолженіе къ книгѣ, изданной подъ тѣмъ же названіемъ въ 1839 году, (*) богата драгоценнѣйшими матеріалами для статистики, ожидающими искусной руки, которая дала бы имъ жизнь. Она содержитъ въ

(*) Отд. Записки 1839, томъ IV, Библ. Хрон. стр. 52.

себѣ: 1) Краткое обзорніе древнихъ русскихъ вѣданій и другихъ отечественныхъ памятниковъ (Церкви и монастыри). — (382 стр.); 2) Законы народонаселенія въ Россіи (численное отношеніе одного пола къ другому, пространныя къ народонаселенію, умирающихъ къ раждающимся и т. п.); 3) Историко-статистическое обзорніе Рязанской Губерніи; 4) Статистическое обзорніе Кавказской Области; 5) Города Рязанской Губерніи; 6) Города Тульской Губерніи; 7) Историческая и статистическая записка о дворянскомъ сословіи в дворянскихъ имуществѣ въ Черниговской Губерніи; 8) Потребленіе вина въ Россіи; 9) Статистическія свѣдѣнія о лѣсной и рыбной промышленности Верхнеудинскаго Округа; 10) Сравнительная вѣдомость объ отправкѣ съ рыбныхъ приставей лѣсныхъ товаровъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, съ 1830 — 1840 года; 11) Обзорніе руднаго производства частныхъ оренбургскихъ заводовъ, въ 1838 году; 12) Справочныя цѣны на провіантъ и фуражъ въ Москвѣ въ теченіе 21 года, съ 1819 по 1840 годъ (съ таблицами).

Всѣмъ извѣстно, какъ трудно, или лучше сказать, какъ невозможно у насъ собирать частному человѣку статистическія свѣдѣнія: винною, наданною отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, посвященное правительствомъ даетъ прочное основаніе и вѣрный источникъ для хорошихъ сочиненій по части русской статистики. Эта огромная книга, какъ замѣчено, уже вторая, и, безъ сомнѣнія, ихъ будетъ еще много, — чего и должно желать: ибо въ такомъ дѣлѣ — чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

122) **Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива, съ присоединеніемъ списковъ со многихъ хранящихся въ ономъ любопытныхъ документовъ, составленное Петромъ Ивановичемъ Москвинымъ. Въ тип. Селивановскаго. 1842. Въ 8-ю д. л. XVII, 447 и 29 стр.**

Мы не помнимъ времени, когда бы съ такою неутомимую заботливостію

отыскивались и издавались въ свѣтъ памятники нашей старины и многоразличные акты, служащіе къ объясненію нашихъ древностей, нашей исторіи, какъ теперь. Москва и Петербургъ будто соперничаютъ въ приготовленіи изданій, въ которыхъ бы изъяснялись или, по-крайней-мѣрѣ, содержались какія-нибудь новыя открытія, сдѣланныя въ послѣдніе годы по части нашей старой письменности. Благодаря этимъ изданіямъ, литература источниковъ для русской исторіи сдѣлала уже многія очень-важныя приобрѣтенія (о которыхъ достаточно понятіе читатели могутъ получить изъ отчетовъ Библіографической Хроникі нашего журнала) и, какъ видно по всему, продолжаютъ дѣлать ихъ и теперь. Въ доказательство нашего мнѣнія, на этотъ разъ беремъ только замѣчательный трудъ г-на Иванова, который давно уже извѣстенъ своею дѣятельностію и способностію въ разработкѣ актовъ, принадлежащихъ древней нашей исторіи. Книга г. Иванова, не смотря на скромное заглавіе, содержитъ въ себѣ очень-много любопытнаго и важнаго не только для любителей старины, но и для самой исторіи. Она составлена по бумагамъ, принадлежащимъ Разрядному Архиву и до-сихъ-поръ остававшимся почти нетронутыми, хоть важность ихъ во многихъ отношеніяхъ неоспорима. Г. Ивановъ начинаетъ свою книгу описаніемъ самого архива; то-есть содержащихся въ немъ документовъ. Эти документы дѣлятся на восемь разрядовъ: 1) боярскія книги; 2) боярскіе списки (содержавшіе сходнаго съ первыми, кромѣ того, что здѣсь въ описаніи всевозможная краткость, ограничивавшаяся почти показаніемъ однихъ именъ); 3) десятичные списки (съ подробнымъ показаніемъ людей, принадлежащихъ къ военному званію); 4) смотрныя списки (гдѣ означались и самыя оклады); 5) осмотры раненныхъ и престарѣлыхъ; 6) десятичные о раздачѣ наградъ; 7) жилищныя списки; 8) списки о состояніи городовъ.

Но самую интересную часть книги г. Иванова безусловно составляютъ приложенія, или выборъ изъ архивныхъ документовъ, сдѣланный съ большимъ умѣньемъ. На первомъ мѣстѣ найдете здѣсь выписки изъ списковъ, относящихся до разнаго рода служебъ, извѣстныхъ у насъ въ древности; нельзя составить себѣ лучшаго понятія о состояніи и средствахъ нашего военнаго класса въ древнія времена, какъ по этимъ извлеченіямъ. За тѣмъ слѣдуютъ «Документы, относящіеся до (?) вступленія на російскій престолъ Михаила Феодоровича Романова и послѣдовавшихъ за тѣмъ событій». Эта часть — одна изъ самыхъ интересныхъ въ книгѣ г. Иванова. Здѣсь собраны не только грамматы, относящіяся до вступленія царя Михаила Феодоровича на престолъ, но и всѣ тѣ, въ которыхъ содержится распоряженія великаго Земскаго Совѣта, пока онъ управлялъ дѣлами всего Московскаго Государства. Эти акты особенно важны въ историческомъ отношеніи. Изъ нихъ мы получаемъ ясное понятіе объ обширной, хоть и непродолжительной дѣятельности нашего Земскаго Совѣта и о томъ важномъ значеніи, которымъ онъ пользовался во время своего властвованія. Здѣсь, кромѣ постоянной заботливости совѣта о возстановленіи законнаго самодержавія, находимъ и наказы воеводамъ, предводительствовавшимъ войсками, и распоряженія относительно заготовленія запасовъ, препращенія грабежей и разбоевъ, назначенія новыхъ воеводъ, и проч. и проч. Далѣе, слѣдуетъ описаніе нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ церковныхъ церемоній, напримѣръ, шествія патріарха на ослати, что обыкновенно происходило въ верблюе воскресенье, и др. Но всего занимательнѣе въ книгѣ г. Иванова, по нашему мнѣнію, «Дѣла по мѣстничеству». Г. Ивановъ напечаталъ уже въ «Историческомъ Сборникѣ» нѣсколько разобраныхъ имъ мѣстническихъ процессовъ; здѣсь онъ дѣлаетъ очень-важное къ нимъ прибавленіе, прилагае

«дѣла», относящіяся собственно къ временамъ царя Михаила Феодоровича и послѣдующихъ царствованій. Всѣ эти акты служатъ самымъ яснымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу того мнѣнія, что преобразование, предпринятое Петромъ-Великимъ, было для насъ совершенно необходимою, показывая, до какой мелочной формальности дошла—было русская жизнь, предоставленная самой-себѣ. Мы уважемъ особенно на «дѣло» князя Козловскаго съ Нарышкинымъ, которымъ указано было находиться за столомъ у патриарха. Это дѣло замѣчательно особенно потому-что оно относится ко временамъ содѣйствованія, слѣдовательно, производилось спустя нѣсколько лѣтъ послѣ сожженія разрядныхъ книгъ царемъ Феодоромъ Алексѣевичемъ. Кроме того, любопытенъ и самый ходъ дѣла. Козловскій, вѣроятно для того, чтобъ не быть видѣтъ съ Нарышкинымъ, свазался больнымъ; его велѣно привезти въ его же каретѣ: но какъ предусмотрительный князь припряталъ и экипажъ и лошадей, то его возложили на простую телегу и въ такомъ экипажѣ привезли ко дворцу, куда онъ внесенъ былъ на «кисель», или рогожѣ. Но князь и здѣсь не оставилъ своего упрямства: вмѣсто того, чтобъ вѣдти къ столу, онъ расположился на полу и лежалъ «многое время». Наконецъ его подняли, и какъ онъ не хотѣлъ садиться, то его цѣлымъ столомъ держали ползучіе... По царскому указу, князь Козловскій былъ приговоренъ къ лишенію боярства.

Последнее отдѣленіе въ книгѣ г-на Иванова составляютъ разныя донесенія государямъ, рачи или говоренныя, жалобы по разнымъ случаямъ и «Наказъ о посольствѣ въ Китай Феодора Байкова» — акты не менѣе важныя и любопытныя. Словомъ мы не могли бы ожидать отъ частнаго собирателя болѣе-интереснаго и занимательнаго собранія грамотъ и актовъ, какъ то, какое нашли въ книгѣ г. Иванова.

Сверхъ всего, это изданіе обогащено нѣсколькими списками съ рукописей и указателемъ.

Наконецъ, мы не можемъ удержаться, чтобъ не взять изъ книги г. Иванова двухъ замѣчательнѣйшихъ и чрезвычайно-характеристическихъ современныхъ актовъ. Одинъ изъ нихъ есть прошеніе князей Трубецкаго и Пожарскаго царю Михаилу Феодоровичу:

«Государю Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всея Русіи, голони твоимъ Митѣя Трубецкой да Митѣя Пожарской челомъ бьютъ. Были мы холопи твои на твоей государственой службѣ подѣ Москвою въ 119 году и голодъ и нужду великую терѣли, и въ приходѣ тотъ въ крѣпкихъ осадахъ сидѣли, и съ разорителя вѣры крестьянской, съ Польскими и съ Литовскими людьми, бились не щадя голодъ своихъ, и всякихъ людей на то приводили, что не увидя милости Божіей, отъ Москвы не отхаживать. И милостію Всемогущаго Бога и Пречистыя Богонатери, и твоимъ, Государевымъ, Царевымъ и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всея Русіи счастьею, и дворянъ, и приказныхъ людей, и дѣтей боярскихъ, и атамановъ, и казковъ, и стрѣльцовъ, и всякихъ служилыхъ людей прямою службою и провѣю, Московское Государство отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей очистили, и многихъ людей свободными учинили, и нынѣ, Государь, приходить къ намъ и стольники, и стряпчѣ, и дворяне московскіе, и приказные люди, и жильцы, и изъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе, которые съ нами холопи твоими были подѣ Москвою, и бьютъ челомъ тебѣ, Государю, чтобъ намъ видѣть твои царскіе очи на встрѣчѣ, а ми холопи твои безъ твоею государева указу на встрѣчу тебѣ Государю жать не смѣли, и ожидаемъ отъ тебѣ Государя милости и твоего царского указа, какъ ты намъ, холопамъ своимъ повелѣши. И милостъ бы тебѣ Государю надѣ нами и надѣ всеми разными людьми, которые были съ нами

подъ Москвою, показать, велѣть намъ
той Государевъ указъ учинить, гдѣ
велишь намъ холопомъ твоимъ и всамъ
ратнымъ людямъ, свои царскіе пре-
зѣтлые очи видѣть на встрѣчѣ, и въ
который день и въ которомъ мѣстѣ.

Другой актъ относится къ истин-
ности и не менѣе замѣчательнъ своею
законическою выразительностію. Это —
дѣло стольника Татищева съ Пожар-
скимъ:

7126 июня въ 10 день, писалъ къ
Государю, Царю и Великому Князю
Михаилу Федоровичу всеа Русіи, изъ
Калуги бояринъ князь Дмитрей Ми-
хайловичъ Пожарской, что онъ лежитъ
боленъ, и ожидаетъ смерти съ часу. —
И Государь, Царь и Великій Князь
Михаилъ Федоровичъ всеа Русіи, ука-
залъ къ боярину ко князю Дмитрею
Михайловичу Пожарскому съ своимъ
государевымъ милостивымъ словомъ
и одоровъ спросити послать столь-
ника Юрья Игнатѣева сына Татищева;
и Государю, Царю и Великому Князю
Михаилу Федоровичу всеа Русіи, былъ
челомъ стольникъ Юрья Татищевъ,
что ему къ боярину ко князю Дми-
трею Михайловичу Пожарскому захати
нужно. — И Государь, Царь и Вели-
кій Князь Михаилъ Федоровичъ всеа
Русіи, стольнику Юрью Татищеву ве-
лѣлъ отказать, что ему ко князю Дми-
трею захати мочно, бьетъ челомъ онъ
на князя Дмитрея не по делу, и велѣлъ
его поставити къ ругѣ. — И по Государ-
еву, Цареву и Великому Князю Миха-
илу Федоровичу всеа Русіи указу, Юрью
Татищеву сказано, чтобъ онъ у руки
былъ и ко князю Дмитрею захалъ, и
Юрья Татищевъ государева указу не
послушалъ и съ веру сбжалъ. И къ
Юрью посылаемы пользачіе, Федька
Явановъ съ товарищы; и Юрья у себя
не сказавъ, и у него взяты люди его,
и того же дни Юрья въ Разрядѣ явилъ
и передъ Государемъ ставленъ. — И
Государь, Царь и Великій Князь Ми-
хаилъ Федоровичъ всеа Русіи, указалъ
Юрья Татищева за безчестье боярина
князя Дмитрея Михайловича Пожар-
Т. XXI. — Отд. VI.

скаго бити кнутомъ и отослать ко кня-
зю Дмитрею воловою. — И того же дни
Юрья Татищевъ кнутомъ съ Разрядъ
битъ, и ко князю Дмитрею посланъ съ
Воротынцомъ съ Федоромъ съ Мато-
вымъ. (стр. 337—8).

123) Очерки Россіи, издаваемыя
Владиміромъ Пассекомъ. Книга V. Мо-
сква. Въ тип. Н. Степанова. 1842. Въ
8-ю д. л. 254 стр.

Не разъ уже мы имѣли случай отда-
вать должную справедливость этому во
всѣхъ отношеніяхъ прекрасному изда-
нію: теперь, при выходѣ пятой книж-
ки, намъ остается еще разъ повторить
нашу благодарность дѣятельному изда-
телю за уманье его составлять книжки
этого занимательнаго сборника. Пятая
книжка также составлена изъ нѣсколь-
кихъ отдѣльныхъ статей, принадлежа-
щихъ частію самому издателю, частію
его сотрудникамъ. Первое мѣсто, какъ
по порядку расположенія, такъ осо-
бенно по интересу и важности содер-
жанія, принадлежитъ безспорно «Порт-
фелю Ломоносова», откуда нѣсколько
бумагъ, отрывковъ и замѣчаній было
уже сообщено въ предыдущихъ книж-
кахъ «Очерковъ»: Новыя бумаги, на-
печатанныя въ послѣдней книжкѣ, точ-
но также взяты съ собственно-ручныхъ
черновыхъ Ломоносова, и заключаютъ
въ себя разные проекты и предполо-
женія, которыя онъ составлялъ по раз-
нымъ предметамъ въ качествѣ члена
Академіи. Для насъ и для науки нашего
времени эти бумаги безъ сомнѣнія не
могутъ имѣть никакого особеннаго зна-
ченія; но будущій біографъ Ломоносо-
ва найдетъ въ нихъ самое неоспоримое
и осязательное доказательство его мно-
госторонней и разнообразной ученой
дѣятельности. Обращая особенное вни-
маніе на отношенія Ломоносова къ со-
членамъ его въ Академіи, — сколько мо-
жно судить объ этомъ по его черно-
вымъ бумагамъ, — г. Пассекъ очень о-
строумно замѣчаетъ: «Мы видимъ, что
Ломоносовъ вполнѣ сочувствовалъ ве-
ликому преобразователю Россіи и, какъ

человѣкъ въ полномъ смыслѣ народный, не находящій въ его преобразованіяхъ ничего противорѣчающаго своимъ понятіямъ и чувствамъ. Это великое доказательство народности самого Петра. И вредные плоды отъ перенесенныхъ съ Запада усѣховъ образованности должно искать не въ *насажденіи* Петра, но въ ложномъ ихъ направленіи, въ нецѣлительномъ, чудкомъ народности, воздѣлываніи этого расадника: иначе могъ ли бы архангельскій крестьянинъ, а потомъ образованный и глубоко ученый человѣкъ, страдавшій и падшій въ борьбѣ за народность, — *сочувствовать* великому преобразователю и говорить: *дайте возрасть свободно насажденію Петра Великаго*... Въ томъ, что г. Пассекъ говоритъ далѣе, онъ уже нѣсколько увлекается своею мыслию. — Изъ прочихъ капитальныхъ статей, входящихъ въ составъ пятой книжки, мы должны назвать здѣсь двѣ: «Обычаи и повѣрья Финновъ» и «Нѣсколько свѣдѣній о Новгородской Губерніи». Первая, принадлежащая самому издателю, отличается многими замѣчательными подробностями о домашнемъ бытѣ этого племени и также можетъ дать довольно-ясное понятіе о народной его поэзіи. Вторая статья, составленная по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, замѣчательна подробнымъ и вѣрнымъ описаніемъ системъ водныхъ сообщеній, имѣющихъ отношеніе къ Новгородской Губерніи. — Въ смыслѣ интереснѣе прочихъ изслѣдованіе о «ключѣ», упоминаемомъ въ олеговомъ договорѣ, — также самого изда-

124) *Исторія Похода 1815 года. Сочиненіе прусской службы майора Фовъ Дамипа. Съ примѣчаніями дивизионнаго генерала старой арміи французской. Перев. съ французскаго генеральнаго штаба генераль-лейтенанта Хатовъ 1-й. Томъ первый, въ 2-хъ частяхъ. Съ тремя планами и картою театра военныхъ дѣйствій въ Нидерландахъ въ 1815-мъ году. Санктпетербургъ. Въ военной типографіи. 1842. Въ 8-ю д. л. 519 стр.*

Чѣмъ многостороннѣе представляется какой-либо предметъ, тѣмъ вѣрнѣе и ближе къ истинѣ онъ постигается. Историческій фактъ, въ иѣкоторомъ отношеніи, — родъ тяжёлаго дѣла, чтобъ глубоко изслѣдовать, вѣрно осудить и справедливо рѣшить его, надобно выслушать не только обѣ учащіяся стороны, но и свидѣтелей. Поэтому, для насъ, Русскіяхъ, чрезвычайной но-важны свѣдѣтельства другихъ народовъ въ дѣлѣ великой амеріканской войны, въ которой мы играли такую важную и блестящую ролю. «Исторія воюема 1815 года», сочиненная Прусскаго и пополненная дрімѣчаціями Французска, весьма-интересна для историка мелкой войны. Переводчикъ прекрасно выполнилъ свое дѣло. Изданіе опрятно и снабжено необходимыми приложеніями, т. е. планами и картами, вѣрно и отчетливо сдѣланными.

125) О (объ?) Индійцахъ, водворившихся въ Астрахани. 5-е отдѣленіе, сочиненіе путешествовашаго въ Россіи съ 1824 по 1835 годъ, Андрея Павлова. Спб. Въ типографіи А. Бородинъ и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 15 стр.

Не знаетъ, будетъ ли г. Павловъ еще что-нибудь издавать «о (объ) Индійцахъ, водворившихся въ Астрахани»: только эта тетрадка есть интересна отнюдь не своимъ отдѣленіемъ «о (объ) Индійцахъ». Названо же оно пятимъ вѣроятіемъ по отычѣи отъ русскаго языка сочинителя, съ 1824 по 1835 годъ путешествовашаго по кабардинскимъ, калмыцкимъ и другимъ улусамъ, по тому новолію замѣстовашаго вѣтихъ улусовъ свѣтаніемъ и востановленіемъ способъ выраженія. Повторяется же два раза славянское наименованіе г. Павлова: оно интересно по содержанию, но безграмотно по изложенію.

126) Московскій Адрессъ Блвендарь, для жителей Москвы, составленъ по оффиціальнымъ документамъ сендѣльскимъ К. Пистремомъ. Томъ первый. Путеводитель Москвы. М.

ств. В тип. С. Сажаловскаго. 1842. В 8-ю д. л. 147 стр.

Москва, обширная и разнообразная, не совѣмъ-знакомая и кореннымъ своимъ жителямъ, давно нуждается въ хорошемъ путеводителѣ. Немногія сочиненія, изданныя по этому поводу, оказались неудовлетворительными, и г. Инстремъ рѣшился исправить этотъ недостатокъ. Онъ предпринялъ «составить книгу, которая, удовлетворяя любопытству, разрѣшала бы затрудненія при разнообразныхъ сношеніяхъ и занятіяхъ жителей» (Москвы). Онъ предпринялъ «доставить отвѣты на всѣ вопросы любопытства и необходимости». Но достигаетъ ли этой цѣли «Московский Адрессъ-Календарь»? Судя по первой части, въ которой помѣщенъ собственно «Путеводитель Москвы», едва ли можно сказать утвердительно. За исключеніемъ бѣглаго очерка возстановленія Москвы подъ управленіемъ князя Д. В. Голицына, книжка состоитъ изъ голой номенклатуры частей, улицъ, церквей и другихъ зданій. «Адрессъ-Календарь» отличается совершеннымъ отсутствіемъ логическаго порядка; такъ, на-прим., Школа Рисованія графа Строганова и другія заведенія, помѣщающіяся въ наемныхъ домахъ, превращены въ «публичныя зданія и присутственныя мѣста!» Между наименованіями рынковъ, площадей и мостовъ попадаются фамиліи городскихъ нотаріусовъ и маклеровъ — живыя существа, одиноко стоящія между мертвыми принадлежностями Москвы! Путеводитель Москвы не отличается даже полнотою, на-пр.; въ изъ него не узнаете, есть ли въ Москвѣ «Кавуинская Площадь», хотя эта красивая площадка находится въ центрѣ города.

127) Существуютъ ли въ Медицинѣ, для леченія воспалительныхъ и лихорадочныхъ болѣзней основанія прочныя тѣла, какими наполнены иностранныя вистальныя настоящія времени. Москва. В тип. графини Лазаревыхъ Ин-

ститута Восточныхъ Языковъ. 1842. В 12-ю д. л. 71 стр.

Заглавіе выражаетъ вопросъ. Содержаніе книги должно быть отвѣтомъ. Мы прочли всю книжку — и отвѣта не нашли: вина не наша. Авторъ дѣльно говоритъ о пищѣ, желудкѣ, лихорадкѣ и горячкѣ; но вопросъ не въ этомъ, а въ слѣдующемъ: «существуютъ ли въ медицинѣ; для леченія воспалительныхъ и лихорадочныхъ болѣзней» и такъ далѣе?..

128) Леченіе Молокомъ, или изложеніе врачебныхъ качествъ молока, сыворотки, пахта и проч., съ наставленіемъ какъ употреблять ихъ въ разныхъ болѣзняхъ. Состав. А. С. — въ. Москва. В тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1842. В 18-ю д. л. 71 стр.

Маленькая книжонка, т. е. маленькая компиляція, о которой больше ничего сказать. Развѣ (съ позволенія составителя) спросить только, что значать въ концѣ книги выставленныя таинственныя слова: *Л. М. (?)* Мы думали, думали, и никакъ не догадываемся, что они означаютъ. Вѣрно: *Люби Мелъ*, что очень-кстати, подлѣ статьи: «О сметанѣ и маслѣ».

129) Практическія Упраженія въ Физикѣ, или собраніе вопросовъ и задачъ съ отвѣтами и рѣшеніями. Пьерра, профессора математики и физики. Переводъ съ французскаго А. Н. Въ двухъ частяхъ. Санктпетербургъ. 1842. В 8-ю д. л. VI и 298 стр. Съ чертежами.

Вотъ книга истинно-полезная! Для молодыхъ людей, которые, научая физикѣ, хотятъ, чтобъ въ нихъ умъ остался познания ясныя и прочныя, это необходимое пособіе. У насъ, на русскомъ языкѣ, есть довольно сочиненій, своихъ ли то, или переводныхъ, въ которыхъ излагается болѣе или менѣе удовлетворительно физика какъ цѣлое, какъ наука; но не было доселѣ отдѣльной книжки, въ которой были бы избраны задачи, относящіяся къ различ-

ныкъ пунктамъ теоріи этой науки. Однакожь, необходимость подобныхъ упражненій при изученіи физики не подлежитъ никакому сомнѣнію. Во всякой наукѣ, какъ во всякомъ дѣлѣ, есть своя практика, и вы не можете освободить себя отъ ней безъ существеннаго вреда для себя. Въ изученіи физики практика можетъ быть двухъ родовъ: рѣшеніе задачъ на бумагѣ, и обращеніе съ инструментами, или, какъ говорятъ, манипуляція. Второго рода упражненія, безъ сомнѣнія, самыя полезныя и близкія къ цѣли, какова бы ни была эта цѣль, но они не всякому споручны, между-тѣмъ, какъ упражненія перваго рода всегда доступны для учащагося. Изъ матеріальныхъ условій здѣсь не нужно ни инструментовъ, ни разныхъ веществъ: нуженъ только листъ бумаги да перо, предполагая, что вы имѣете въкоторыхъ свѣдѣніа въ математикѣ. Дѣло состоитъ въ томъ, что въ изученіи физики, равно какъ въ частныхъ физическихъ изысканіяхъ, исчисленіе имѣетъ свое необходимое мѣсто. Вы работаете чистымъ мышленіемъ, когда это достаточно; въ другихъ случаяхъ, вы беретесь за инструменты, когда до этого доходить дѣло; наконецъ, вы прибѣгаете къ исчисленію, какъ скоро въ вашъ вопросъ входитъ известное число условій, изъ которыхъ надобно извлечь одинъ результатъ. Такъ, думаемъ мы, должно понимать изученіе физики, и съ этой точки зрѣнія оценивать книгу, представляющую собраніе важнѣйшихъ задачъ, рождающихся изъ различныхъ физическихъ теорій. Подобная книга есть необходимое дополненіе «Руководствъ къ Физикѣ», «Опытовъ Физики», или назовите, какъ угодно сочиненія, въ которыхъ представляется вся совокупность физики. Безъ упражненій, безъ рѣшенія задачъ, учащійся никогда не будетъ имѣть познаній точныхъ, и въ случаѣ нужды не будетъ въ состояніи приложить свои познанія къ дѣлу. Долгъ вы перебираете какой-нибудь предметъ физики въ своей головѣ однимъ

чистымъ мышленіемъ, долготъ все можетъ идти хорошо, и все кажется вамъ такъ легко, какъ хозяину въ его домѣ; вамъ легко, потому-что вы тогда усматриваете предметъ въ однихъ общихъ его чертахъ, и не замѣчаете тысячи условій, которыми онъ можетъ быть окруженъ въ природѣ или въ дѣйствіяхъ человѣческихъ. Но какъ-скоро вамъ случится или понадобится рѣшить какой-нибудь опредѣленный вопросъ, вы изумитесь, увидите трудности, которыя вамъ представятся. Это оттого, что вы до сего времени не упражнялись въ распутываніи мелкихъ обстоятельствъ вопросовъ, и что изъ области общихъ теорій, гдѣ все подводится къ весьма-невысокимъ опредѣленнымъ идеямъ, и гдѣ мы властелины, вы переходите въ міръ фактовъ, который разнообразенъ, обремененъ случайностями, и который зависитъ отъ насъ менѣе, потому-что въ немъ мы не строимъ теорій, не творимъ, а только наблюдаемъ и рассчитываемъ данныя. То, что мы говоримъ, вещь весьма простая; но есть простые вещи, о которыхъ надобно напоминать безпрестанно: это именно вещи, которыя наименѣе льстятъ нашей врожденной безопасности.

Въ-самомъ-дѣлѣ, большая часть молодыхъ людей не думаютъ ли, что достаточно пройти курсъ физики по какому-нибудь «Руководству», чтобъ знать эту науку? Ошибка, жестокая ошибка! И чтобъ увѣрится въ самнитъ въ своей ошибкѣ, пусть каждый изъ нихъ возьметъ для рѣшенія какунибудь задачу, на-примѣръ, одну изъ содержащихся въ книгѣ, по поводу которой мы пишемъ это. Если учащійся не рѣшалъ еще ни одной задачи по физикѣ, онъ непременно будетъ остановленъ при первой попыткѣ, хотя бы избранная имъ задача была одна изъ самыхъ простыхъ, и хотя бы онъ уже прошелъ полный курсъ науки. Что это значитъ? То, что пока мы не сдѣлали никакого приложенія своихъ познаній, долготъ-поръ не можемъ сказать о себѣ, что мы *знаемъ*. Приложеніе, уотре-

бленіе въ дѣло нашихъ познаній, есть единственная и лучшая повѣрка ихъ основательности; это пробный камень, который тотчасъ обличитъ степень и духъ вашего образованія. Въ физикѣ, подобно какъ во всѣхъ опытныхъ или исчислительныхъ наукахъ, безъ приложеній нѣтъ знанія; люди, привыкшіе къ учености легкой, приобретаемой простымъ чтеніемъ или слушаніемъ, никогда не согласятся въ этомъ, но за то они и не могутъ никогда показать своего знанія на дѣлѣ.

• Практическія Упраженія въ Физикѣ, Пьерра, представляютъ собраніе вопросовъ и задачъ, сопровождаемыхъ рѣшеніями, по всѣмъ частямъ физики. Это сочиненіе, по словамъ автора, есть плодъ уроковъ господъ Дюлонга, Пульэ, Деспрэ, Баббинэ и Жамэ. Оно назначено для воспитанниковъ Политехнической и Нормальной Школы, желающихъ занять высшія мѣста въ своихъ классахъ.

• Убѣдясь собственнымъ опытомъ, — говоритъ авторъ, — что для лучшаго изученія физики не достаточно знать одну ея теорію, мы приняли за правило предлагать своимъ ученикамъ для рѣшенія очень много вопросовъ, методически налагаемыхъ, съ тою дальною, чтобы лучше познать ихъ съ самою теоріею. Предлагаемыя задачи могутъ быть полезны воспитанникамъ и въ томъ отношеніи, что при помощи ихъ, и при основательномъ изученіи главныхъ началъ физики, они лучше готовятъ себя къ важнымъ приложеніямъ этой прекрасной науки, которая становится день со дня болѣе полезными и болѣе обширными.

Со всѣмъ этимъ нельзя не быть согласну; и такъ какъ изученіе науки имѣетъ одну и ту же цѣль вездѣ, в у насъ и во Франціи, то книга Пьерра столько же и по тѣмъ же причинамъ будетъ полезна и для русскаго юношества. Скажемъ, что для насъ она еще нужнее, потому что у насъ нѣтъ подобнаго пособия для изученія физики, тогда — какъ на французскомъ языкѣ есть еще книга г. Барн, тоже представляющая равныя задачи по этой наукѣ. Удивляемся, какимъ образомъ Пьерръ

не знаетъ о существованіи этой книги и русскій переводчикъ не поправляетъ его; въ Предисловіи сочинителя между прочимъ, говорится: «очень много надано собраній задачъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ математики; но сколько извѣстно, нѣтъ ни одного сочиненія въ такомъ родѣ по физикѣ!».. Оставляя въ сторонѣ этотъ взглядъ, должно сознаться, что задачъ у Пьерра представлено много по всѣмъ частямъ физики, исключая, впрочемъ, акустику, магнетизмъ, электро-магнетизмъ, и новую часть оптики. Эти послѣднія части надѣлены авторомъ гораздо-скупѣе; но въ оправданіе его можно сказать, что онѣ менѣе другихъ важны для практики. Намъ особенно понравилась часть задачъ, относящихся къ теоріи газовъ и паровъ; и это безспорно статья самая важная для приложеній. Но и по другимъ частямъ физики есть не мало любопытныхъ, истинно-прекрасныхъ задачъ. Нѣкоторыя изъ новѣйшихъ открытій, какъ, на-примѣръ, открытія Дюлонга касательно теплотвора, также подали автору поводъ къ задачамъ; но онъ не касается новѣйшихъ пріобретеній науки. Однѣ изъ задачъ относятся къ ученой физикѣ, другія къ химіи, или къ предметамъ чисто-практическимъ. Не въ этомъ изобиліи мы замѣтили излишества; есть слышомъ-много такихъ задачъ, что, унѣ рѣшить одну изъ нихъ, учащійся былъ бы въ состояніи самъ рѣшить многія другія, которыя основываются на томъ же началѣ физики, и которыхъ рѣшеніе зависитъ отъ тѣхъ же или отъ подобныхъ пріемовъ исчисленія. Хорошо помогать учащемуся; но помогать слишкомъ-много значитъ лишать его употребленія собственныхъ силъ ума и следовательно располагать его къ устной лѣности. Съ другой стороны, объемъ книги увеличенъ безъ пользы вещами, которыя входятъ въ самый курсъ физики; таковы, на-прим., длинный выводъ законовъ равноускореннаго движенія, и вопросъ 30 й о

уменьшеніи напряженія тяжести по мѣрѣ углубленія во внутренность земли. Что касается до порядка, въ которомъ авторъ расположилъ задачи одну за другою, то онѣ идутъ параллельно съ самымъ курсомъ физики, такъ-что учащійся проходитъ эту книгу сразу и по мѣрѣ того, какъ подвигается въ изученіи науки. Такимъ образомъ онъ тотчасъ прикладываетъ къ делу приобретенныя познанія, проясняетъ ихъ въ своемъ умѣ, и усваиваетъ себя науку. Авторъ поступилъ умно, что передъ каждымъ отдѣленіемъ задачъ напомнилъ въ короткихъ словахъ законы физики, которые должны служить основаніемъ при рѣшеніи ихъ; эта мѣра какъ-бы связываетъ изученіе физики съ упражненіями. Въ концѣ книги помѣщены многія таблицы, именно: таблица относительнаго вѣса и объема воды отъ 0 до $+ 30^{\circ}$ по опытамъ Гельстрема, таблица относительнаго вѣса и объема воды, принимая единицу того и другаго, при температурѣ наибольшей плотности воды; таблица относительнаго вѣса газовъ, взявъ плотность воздуха за единицу; таблица относительнаго вѣса твердыхъ тѣлъ, взявъ плотность воздуха за единицу; таблица относительнаго вѣса главнѣйшихъ паровъ, взявъ плотность воды за единицу; таблица относительнаго вѣса наиболее-употребительныхъ жидкостей, взявъ относительный вѣсъ воды при наибольшей ея плотности; таблица коэффициентовъ совершеннаго расширенія наиболее-употребительныхъ жидкостей; таблица коэффициентовъ линейнаго расширенія твердыхъ тѣлъ; таблица температуръ плавленія легкоплавкихъ тѣлъ; таблица удѣльнаго теплотвора главнѣйшихъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ; таблица удѣльнаго теплотвора главнѣйшихъ газовъ, взявъ за единицу удѣльный теплотворъ атмосфернаго воздуха; таблица удѣльнаго теплотвора главнѣйшихъ газовъ при равныхъ вѣсахъ, взявъ за единицу удѣльный теплотворъ воды; наконецъ отношеніе между удѣльными теплотворами главнѣйшихъ газовъ при

постоянномъ давленіи и постоянномъ объемѣ. Мы съ намѣреніемъ перечислили эти таблицы, чтобъ показать, какую возможность имѣетъ учащійся, съ помощію этой книги, разнообразить самъ задачи автора, перенѣвая ихъ данны на другія, взятыя изъ таблицъ.

Въ рѣшеніи физическихъ задачъ, нельзя обойтись безъ помощи математики. Иногда бываетъ достаточно элементарныхъ свѣдѣній въ этой наукѣ, а иногда требуется знаніе дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Но Пьерръ предлагаетъ лишь такія задачи, которыхъ рѣшеніе зависитъ отъ первоначальныхъ частей математики; арифметика, элементарная алгебра и геометрія, вамъ совершенно достаточно для того, чтобъ справиться съ его нивею. И притомъ еще большая часть вопросовъ рѣшается очень просто.

Въ русскомъ переводѣ есть нѣкоторые недосмотры. Число 9,8088, выражающее скорость приобретаемую тѣломъ, свободно падающимъ, въ концѣ первой секунды паденія, относится къ Парижу; надлежало измѣнить его пріимчивительно на-примѣръ, къ Петербургу. Другія данныя, имѣющія связь съ предъидущимъ, тоже оставлены какъ онѣ есть въ французскомъ подлинникѣ. Корректурѣ не безъ грѣха. Переводчикъ самъ замѣтитъ ошибки, когда мы укажемъ ему, на-примѣръ, на стр. 13 строк. 3, стр. 13 строк. 8, стр. 32 строк. 6. Но это легкіе промахи, которые не мало не препятствуютъ намъ рекомендовать книгу Пьерра учащимся физикѣ.

130) Руководство къ Геонозіи, составленное Корпуса Горныхъ Инженеровъ генералъ-майоромъ, С. Петербургскаго Университета профессоромъ Д. Соколовымъ. Съ атласомъ изъ 40 таблицъ, Санктпетербургъ. 1842. Въ тит. 3. Прага. Двѣ части. Въ 8-ю д. л. В 1-й — XXVII и 472, во 2-й — 344 стр.

— Атласъ изъ 40 Таблицъ къ Руководству къ Геонозіи Д. Соколова.

Санктпетербургъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 33 пр. текста и 40 таблицъ.

Въ 1839 году г-нъ Соколовъ издалъ урсь геогнозін въ 3-хъ частяхъ, и мы тогда же чистосердечно высказали свое мнѣніе о важномъ и полезномъ для насъ, Русскихъ, трудѣ почтеннаго профессора (*). Съ полнымъ удовольствіемъ спѣшимъ и теперь порадовать улыбку извѣщеніемъ о новомъ сочиненіи г. Соколова. Руководство къ геогнозін отличается отъ Курса Геогнозін не только заглавіемъ, но и выборомъ, объемомъ статей и самою истемою. И если въ Руководствѣ къ геогнозін выпущена вся геологическая часть, бывшая, какъ мы тогда же амѣтили, слабѣйшею частью сочиненія, и выпущена вся геологическая часть, составляющая дѣльнѣйшій первыи томъ, то остальные части обработаны въ болѣею подробностію, и почтенный авторъ очень удачно воспользовался сочиненіемъ извѣстнаго англійскаго геогноста Лейелля (*Elements of Geology*), имѣвшемъ 6 изданій.

При Руководствѣ къ Геогнозін приложено перечеъ окаменѣлостей, характеризующихъ различныя формаціи, и въ особой тетради изданіи 194 чертежа, объясняющіе какъ характеристическія окаменѣлости, такъ и различныя видоизмѣненія геогностическихъ образований. То и другое составляетъ важное пособіе при практическихъ занятіяхъ. Наконецъ, подробное писаніе русской формаціи значительно пополняетъ Лейелля; а легкость изложенія и прекрасный языкъ г. Соколова дѣлаютъ его книгу доступною и внимательною не только для людей, освятившихъ себя горному дѣлу, но и для каждаго образованнаго человѣка.

131) Основанія Ботаники, составленныя Павломъ Горяиновымъ. Съ ю гравированными таблицами и 236 образженіями растений. Санктпетербургъ. 1841. Въ 8-ю д. л. XVI и 473 пр.

Объ Основаніяхъ Ботаники г. профессоръ Горяинова мы говоримъ подробно въ отдѣлѣ Критики этой же книжки нашего журнала.

132) Пробирное Искусство. Учебное руководство для воспитанниковъ Школы Горно-Заводскихъ Наукъ Гр. С. В. Строгановой. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Фишера. Въ 8-ю д. л. IV и 80 стр. (Цѣна 60 к. сер., перес. за фунтъ).

Это руководство даетъ, хотя краткое, но ясное понятіе о пробирной дѣлѣ. Предметы расположены въ надлежащей системѣ и изложены совершенно удовлетворительно. Приведенные опыты пробовапія рудъ и заводскихъ продуктовъ соответствуютъ настоящему состоянію пробирнаго искусства. Вообще, появленіе этой книги удовлетворяетъ современной потребности русской горной литературы, которая, крѣпъ руководствѣ къ геогнозін и минералогіи, не имѣетъ у насъ ничего оригинальнаго.

Начальство школы изъявило въ предисловіи намѣреніе издать и другіи части горныхъ наукъ, что не только принесетъ пользу Школѣ Горно-Заводскихъ Наукъ, но вообще будетъ способствовать къ распространенію хотя элементарныхъ понятій о горныхъ знаніяхъ, столь необходимыхъ въ теперешнее время.

Намъ остается пожелать, чтобъ руководства къ познанію прочихъ горныхъ наукъ были составлены съ такою же ясностію и добросовѣстностію и были изданы столь же хорошо, какъ теперъ-разсмотрѣнное нами сочиненіе, котораго, можно сказать, единственныи недостатокъ, принимая въ соображеніе цѣль изданія, составляетъ способъ изложенія въ вопросахъ и отвѣтахъ, — способъ уже давно всѣми оставленный: онъ ведетъ прямо къ механическому изученію предмета, чего должно избѣгать во всѣхъ наукахъ, а гдѣ болѣе въ наукахъ техническихъ; въ чемъ же состоитъ преимущество этого

(*). Отеч. Зап. томъ V, отдѣл. Критики.

устарялага способа школьных тетрадокъ, едва-ли рѣшить кто-нибудь даже и изъ запоздалыхъ его приверженцевъ.

133) **Обозрѣніе Успѣховъ Науки Сельскаго Хозяйства въ Россіи въ послѣднее тредлѣтіе.** Соч. К. Веселовскаго. Санктпетербургъ. Въ тип. Третьяго Департамента Министрства Государственныхъ Имуществъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 164 стр.

Полюза обозрѣній этого рода ощути- тельна и давно дозвана; у насъ это, кажется, первый опытъ: гдѣ болышею благодарностію обязаны мы автору, употребившему немалый трудъ на из- влечение представляемыхъ имъ свѣдѣ- ній изъ разныхъ сочиненій и періоди- ческихъ издавій.

Здѣсь сначала говорится объ учеб- ныхъ специальныхъ заведеніяхъ для образованія земледѣльцевъ; но въ числѣ прочихъ не упомянуто объ Аль- кустовскомъ (которое, правда, дол- жно быть переведено въ другое мѣсто), хотя не забыто заведеніе профессо- ра Павлова, съ смертію его вѣроятно закрытое; въ числѣ лицъ, принима- ющихъ земледѣльцевъ для обученія по частямъ ихъ званію собствен- нымъ, опущенъ г. статскій совѣтникъ К. И. Гибенталь, въ Витебскѣ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Бѣло- русского Общества Сельскаго Хозяй- ства.

Расположеніе книжки г. Веселовска- го, или распредѣленіе предметовъ сдѣ- лано весьма-хорошо: къ сожалѣнію, о нѣкоторыхъ упоминается только, что такой-то писалъ о томъ-то; но что онъ писалъ, съ какимъ успѣхомъ — о томъ ни слова.

Въ числѣ сочиненій по хозяйствен- ной части, авторъ ставитъ, какъ и слѣ- довало, «Журналъ Русскаго Садовод- ства», издававшійся П. И. Шварцомъ и печатанный въ Санктпетербургѣ; но изъ многочисленныхъ статей, по пово- ду вновь-выходившихъ экономиче- скихъ книгъ, въ немъ помѣщенныхъ.

приводится только одна А. Х., о томъ, что назипшее въ рыхливаніе земли пред- ло для сажаемыхъ или разводимыхъ на ней растений. Между-тѣмъ, мысль, въ томъ же журналѣ развитая о не- основательности мнѣнія, будто бы рас- тенія питаются какою-то черноземно- слизью, поддѣрживаемая нѣкѣ мнѣ- ніемъ издателей «Revue Progressive d'Ag- riculture, de Jardinage etc.», тоже не- служивала быть упомянутою, а жо- жетъ-быть и нѣкоторыя другія.

По предмету разведенія хмеля и о- вощей вообще надлежало, кажется, сказать что-нибудь о трудахъ П. И. Шварца по тѣмъ же предметамъ.

Наконецъ, не обращено вниманія на начинающіеся опыты одного любили- скаго агронома, нанявшаго землю бо- лотистую или сырую, поросшую гѣ- сомъ въ близни Гатчины, о которыхъ еще въ прошломъ году читали мы въ «Зе- мледѣльческой Газетѣ».

Желаніе автора, въ началѣ 14 стра- ницы, изъясненное, раздѣляемъ въ по- ной мѣрѣ, для успѣха въ развитіи на- роднаго богатства вообще.

Дальнѣйшихъ изъясненій и выш- сокъ не дѣлаемъ, не сомнѣваясь, что всякій любитель науки сельскаго хо- зяйства прочтетъ все сочиненіе, и чемъ расказаться не будетъ.

Разъ то еще прибавимъ, что мы в немъ не прииѣгли нигдѣ рѣчи объ «Атласѣ Музеума Вольнаго Экономиче- скаго Общества».

134) **Энциклопедія Домовод- ства и сельскаго хозяйства, заключаю- щая въ себя все предметы, относящіяся до энциклопедіи различныхъ отраслей и- родской и сельской промышленности, яв- ляющіяся къ русскому хозяйству и до- полняемая новѣйшими опытами и от- крытіями, переведенная съ известнаго сочиненія, составленнаго экономическимъ обществомъ и издавнаго Ф. Кирго- фонъ, экономикъ комиссаромъ. Тетрадъ I. О наземныхъ, изъ добычани и употре- бленіи какъ удобряющихъ средствахъ для полей и садовъ. Москва. Въ типографіи**

Лазаревых Института Восточных Языков. 1842. В 8-ю д. л. IV и 48 стр.

Особенность этой энциклопедии состоит в изложении, формах и слогѣ, по которымъ она относится къ сочиненіямъ практическимъ, а не ученымъ, и назначена для экономовъ; а у экономовъ, какъ извѣстно, въ настоящее время, ни охоты заниматься обширнымъ изученіемъ хозяйства вообще, чисто-химическими и физическими изслѣдованіями, или философическими спорами.

Изданіе составится изъ нѣсколькихъ книжекъ. Во второй будетъ говорено о почвахъ и земледѣліи, въ третьей о разведеніи полевыхъ растений, и т. д.

135) Пояснительныя Чертежи для посещающихъ публичныя лекціи Химической Химіи (.) преподаваемой въ Московск. Императорскую Московскую Университета. (?) Родіономъ Гейманомъ, профессоромъ химіи, статс. советн., кав. и разныхъ ученыхъ обществъ членомъ. Тетрадь I. Москва (.) 1842 года. Литографовалъ А. Рудневъ. (II) печатано въ типографіи А. Чижикова. Въ листъ.

Не правда ли, заглавіе грамотно, и особенно удачно расставлены прописныя буквы съ знаками пронианія? Но такое ли еще правописаніе встрѣтите вы въ пописаніяхъ, взятыхъ изъ двухъ-трехъ иностранныхъ сочиненій!.. Изданіе строе. Но вы спросите, можетъ-быть, откуда и зачѣмъ зашелъ въ заглавіе «Чертежей» «Планъ Лабораторіи» и проч. Не знаемъ; вѣроятно, владельцу угодно было представить въ рисунокъ планъ этой части Московскаго Университета, — только!

136) Правила Игры (въ?) Преферансъ, или строгое руководство для желающихъ научиться играть въ преферансъ, начеркнутое изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій о преферансѣ и изъ советное опытныхъ игроковъ. Съ эмблемою: «Играй по не отыгрывайся». (Рус-

ская пословица). Сиб. Въ типографіи Карла Крайя. 1842. В 16-ю д. л. 47 стр. (Цѣна 50 к. сер., перес. за фунтъ.)

Авторъ, какъ изволите видѣть, не речиталъ для этой книжечки въ 47-мъ страницъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій, да еще пользовался совѣтами опытныхъ игроковъ: трудъ немаловажный и вполне достойный такого великаго предмета, какъ игра въ преферансъ. Жаль только, что авторъ нигдѣ не привелъ названій этихъ сочиненій, и тѣмъ лишилъ насъ возможности изучать предметъ по источникамъ. Еще болѣе жаль, что, излагая, по примѣру всѣхъ ученыхъ, первоначально о выгодахъ и преимуществахъ своего предмета, онъ не объяснилъ исторически его происхожденія, и называя камильи преефансъ русскимъ, не показавъ существуютъ ли еще иностранныя, хоть въ памятникѣхъ, и отъ чего эта игра изъ ранга подкаретныхъ возвысилась на степень игры салоновъ и гостинныхъ; конечно, она съ тѣхъ-поръ получила высшее и полное развитіе?..

Жаль также, что для непосвященныхъ многія положенія совсѣмъ необъяснены, такъ, на прим., отъ-чего при игрѣ въ 9-ть, оба непременно идутъ въ вистъ, но не получаютъ ничего за взятки (§ 58), тогда какъ извѣстно, что существуетъ еще 10-ая взятка, которая въ такомъ случаѣ пропадаетъ, и что при игрѣ, на-прим., въ 7-мъ и 8-мъ, разбираются всѣ взятки, и за нихъ платятся? Еще можно бы пожалѣть, зачѣмъ авторъ, читая иностранныя сочиненія, пренебрегаетъ русскимъ языкомъ, когда на-прим., въ предисловіи на страницѣ (должно быть) второй, изъясняется такъ: «благоразумный и осторожный игрокъ никогда ничего не проиграетъ въ преферансъ, и рискуя при несчастіи малый выигрышъ, можетъ быть при счастіи въ большемъ выигрѣть» и проч.; но жалеть объ этомъ мы не рѣшаемся.

137) **АРХИТЕКТУРНЫЯ ФАНТАЗИИ** К. ШРЕЙДЕРА. *Санктпетербургъ. 1841. Выпускъ 1-й. Въ-листъ. 5 листовъ* (Цѣна каждой вып. 3 р. сер., вѣс. за 2 ф.).

Чувство красоты нераздѣлимо въ человѣкѣ съ сознаниемъ собственного достоинства: на этой-то нераздѣлимости и основано наше стремленіе къ улучшенію и украшенію внѣшней и внутренней стороны нашихъ жилищъ, и самая страсть къ красивымъ игрушкамъ и изящнымъ бездѣламъ. Люди, непонимающіе подобнаго стремленія и подобной страсти, обнаруживаютъ или грубо-развитую, или низкую натуру...

Г. Шрейдеру пришла благая мысль — дать нашимъ помѣщикамъ средство изящно обстроиваться. На первый разъ онъ предлагаетъ великолѣпный загородный домъ въ греческомъ вкусѣ; деревенскій господскій домъ въ національномъ русскомъ вкусѣ; сельскій домъ въ готическомъ и загородный домъ въ восточномъ вкусѣ: все это у Г. Шрейдера — прелесть, очарованіе и заглядывье. Вся четыре дома нарисованы, разумѣется, съ фасаду, къ которому приложены подробные планы внутренняго расположенія, и потомъ планы садовъ къ домамъ.

«Архитектурныя Фантазій» составлять 20 таблицъ, которыя выйдутъ въ четырехъ выпускахъ, по 5-ти таблицъ каждый; при четвертомъ выпускѣ приложится объяснительный текстъ и заглавный листокъ, изящно напечатанные на веленовой бумагѣ. Отъ всей души желаемъ успѣха этому истинно-прекрасному и полезному предпріятію.

138) **Сцены изъ Частной Живн.** *Разнохарактерный Digestiszeitent.* Москва. 1842. *Въ литографіи* К. Тромонина.

Двѣнадцать картинокъ, изображающія разныхъ лица въ разныхъ положеніяхъ. Здѣсь вы увидите комиссіонера, пиръ горой, почтара, счеты да разсчеты. Нѣкоторыя подожженія и физіономіи довольно-вѣрно схвачены, и могутъ возбудить улыбку.

139) **ГАПСАЛЬ** (,) *древній разрушенный замокъ въ Эстляндіи* (,) и при ономъ то-юже имени узвѣдній городъ, идя пользуются морскими ваннами. (,) съ описаніемъ замка. Н. С. Санктпетербургъ. 1842. *Въ тип.* А. Гюгансона. *Въ 8-ю д. л.* 85 стр. (Цѣна 1 руб. 25 коп. сер., перес. за 1 фунтъ).

Авторъ этой книжечки, пользовавшійся, въ 1840 году, морскими гапсальскими ваннами, составилъ описаніе Гапсаля и краткую исторію его отъ построенія замка въ 1228 году до нынѣшняго времени. Къ этому присоединилъ онъ переводъ восьми древнихъ актовъ, относящихся къ исторіи Гапсаля, и литографированный видъ замка въ нынѣшнемъ его состояніи. Все это очень-занимательно, особенно теперь, когда многіе изъ чающихъ движенія воды, вероятно собираются уже ѣхать или въ Гельсингфорсъ, или въ Гапсаль. Послѣднимъ совѣтуемъ запастись этой книжечкой: съ нею имъ пріятнѣе будетъ гулять по шестивѣковымъ гапсальскимъ развалинамъ.

140) **Руководство къ Преподанію Ариметики** малолѣтнымъ дѣтямъ. *Составлено* Петромъ Гурьевымъ. *Часть вторая. Напечатано иждивеніемъ Санктпетербургскаго Воспительнаго Дома.* Санктпетербургъ. *Въ тип.* Карла Крайя. 1842. *Въ 8-ю д. л.* IX, 221 стр. (Цѣна 1 р. сер., вѣс. за фунтъ).

Первая часть этой книги вышла въ 1839 году, и объ ней мы представляли отавывъ въ свое время. Въ предисловіи къ являющейся теперь второй части, авторъ старается оправдать себя отъ нѣкоторыхъ замѣчаній, которыя были ему сдѣланы касательно первой части. Такъ какъ недостатки, въ которыхъ упрекали автора въ то время, не исчезли и во второй части его труда, то безпристрастіе заставляетъ насъ привести напередъ его оправданіе, тѣмъ болѣе, что оно опирается на весьма-здравыхъ помятыхъ о преподаваніи вообще и въ частности о преподаваніи ариметики.

Главный урекъ, сдѣланный мнѣ,—говорить г. Гурьевъ,—состоитъ въ томъ, что будто бы я слишкомъ растянулъ свое Руководство къ Арифметикѣ. Если преподавать по этой книгѣ, замѣчаютъ нѣкоторые, гдѣ нѣсколько десятковъ страницъ инято только первыми десятию числами, по надобно будетъ потратить весьма много времени, которыми вообще должно дорожить въ школахъ. Съ перваго взгляда, это вѣщичіе покажется справедливымъ; но если внимательнѣе разсмотрѣть дѣло, вникнуть въ выгоды, происходящія отъ постепеннаго изложенія и той строгой отчетливости, которой я вездѣ подвергаю ученика: то замедленіе во времени будетъ только кажущимся. То, что въ началѣ, по причинѣ строгой послѣовательности, замедляетъ успѣхи, потомъ, на оборотъ, ускоряетъ ихъ; ибо ученикъ, будучи веденъ по методу мною изложенной, всегда съ сознаніемъ, не имѣетъ надобности безпрестанно возвращаться къ пройденному, какъ это почти всегда бываетъ при старыхъ методахъ. Самыя важныя, по моему мнѣнію, шибки элементарныхъ преподавателей суть поспѣшность и желаніе скорее насладиться плодами трудовъ своихъ, блеснуть успѣхами учениковъ, и всегда забывать шерель, несообразно съ силами учащихся. Отъ того происходитъ почти общее явленіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, по изъ класса, состоящаго изъ тридцати или сорока учениковъ, обыкновенно успѣть менше, нежели половина, и то самыхъ даровитыхъ, которые и безъ учителя, съ помощію одного руководствъ, во многомъ успѣли бы сама-собой, а прочіе схватываютъ одни вершки знанія, и принуждаютъ учителя безпрестанно возвращаться къ пройденному... Привожу здѣсь небольшую выкладку, чтобъ оправдать мои слова. Обыкновенно начинаютъ учить дѣтей арифметикѣ съ семилѣтняго возраста; но часто случается видѣть пятнадцатилѣтнихъ юношей, которые, не смотря на то, что занимаются арифметикою около осьми лѣтъ, слабо знаютъ ее. Разсчитывая болѣе на посредственныя способности учениковъ, нежели на даровитыя, можно рѣшительно тверждать, что среднимъ числомъ, каждому приходится заниматься арифметикою, въ крайней-мѣрѣ, шесть лѣтъ. Полагая учебный годъ въ 9 мѣсяцевъ, за исключеніемъ каникулъ, воскресныхъ и табельныхъ дней, и круглыми числомъ по четверку урока въ недѣлю, выйдетъ 86½ урока,

посвящаемыхъ собственно арифметикѣ. Итого огромный! Въ чемъ же обыкновенно проходитъ это время? По-большой-части въ механическихъ пріемахъ исчисленія и въ безпрестанныхъ повтореніяхъ пройденнаго, гдѣ дѣйствуетъ только одна память. Отъ того такія занятія тяготятъ учащихся; является скука, а гдѣ скука, тамъ и отвращеніе. Итакъ, вмѣсто того, чтобъ затруднить и себя и учащихся безпрестаннымъ повтореніемъ одного и того же, не лучше ли съ самаго начала поступать хотя медленно, но съ строгою отчетливостію, всегда давать болѣе пиши разсудку, нежели памяти, и сколько возможно возбудить самостоятельность ученика?...

«Когда я составлялъ свое Руководство, то преимущественно писалъ въ виду самостоятельность учениковъ, ибо убѣжденъ, что большая часть неуспѣховъ происходитъ не столько отъ способностей, сколько отъ недостатка самостоятельности. Нервѣдо видяшь, что учитель въ классѣ принимаетъ на себя роль оратора, вмѣсто того, чтобъ быть руководителемъ и только наводить учениковъ на сознаніе. Отъ этого ученики ведутся какъ бы на помочахъ, и не смѣютъ сдѣлать шагу безъ своего наставника; когда же потомъ, будучи предоставлены самимъ себѣ, встрѣчаютъ какія-нибудь затрудненія, то спотыкаются и уже не двигаются съ мѣста. Привычка довершаетъ дѣло. Такимъ образомъ умъ, не привычный съ раннихъ лѣтъ пытать свои силы, дѣлается въ-послѣдствіи недоверчивымъ къ самому себѣ, и радъ, если за него работаютъ другіе. Вотъ причина плоскихъ умовъ, которыми такъ бываютъ богаты общества.»

Все это прекрасно; и нельзя умнѣе разсуждать о преподаваніи наукъ дѣтямъ. Но главное состоитъ въ томъ, чтобъ исполнить на дѣлѣ этотъ планъ медленнаго, но отчетливаго преподаванія, возбуждающаго самостоятельность ученика. И здѣсь-то авторъ оставляетъ насъ не совсѣмъ-довольными. Мы прочли съ особеннымъ вниманіемъ его книгу, важную по своему предмету и по задачѣ, которую онъ самъ положилъ себѣ въ-отношеніи къ методу изложенія предмета. Не можешь не признать въ г. Гурьевѣ человека мыслящаго и знакомаго съ трудными дѣломъ педагогикѣ; но иногда человекъ,

вня и чувствуя неправильность хода вещей, нивать болѣ ревности, нежели силъ ввести новый порядокъ. Безспорно, что въ преподаваніи дѣтямъ наукъ, особенно математическихъ, вопросительная метода — самая лучшая; но надобно знать, что метода есть личное искусство учителя, и что невозможно, да и безразсудно было бы подумать сообщить ему это искусство, если онъ не приобрѣлъ его собственнымъ опытомъ. Умѣнье преподавать, по какой бы то ни было методѣ, не можетъ быть перенато изъ книги; изъ книгъ мы только узнаемъ факты, отдѣльныя понятія, не болѣе: а умѣнье преподавать есть вѣчто такое, что выше всего этого. Оно не можетъ быть подчинено какому-нибудь формамъ, опредѣленнымъ однажды навсегда, и годнымъ для всѣхъ случаевъ; напротивъ, учитель долженъ измѣнять свои приемы (мы не говоримъ методу) сообразно съ понятіями и отвѣтами ученика, подобно какъ полководецъ измѣняетъ свою тактику, сообразуясь съ силами и движеніями непріятеля. Какъ же вы хотите, чтобъ учитель ариметики слѣдовалъ предписанному вами порядку, дѣлая ученику въ такомъ-то мѣстѣ такой-то вопросъ, за нимъ непременно такой-то другой, потомъ именно такой-то третій, и такъ далѣе? Чѣмъ же тогда становится преподаваніе, какъ не чтеніемъ вашей книги, и въ чемъ будетъ оно состоять, какъ не въ механическихъ приемахъ, къ которымъ, впрочемъ, вы, г. авторъ, питаете такое отвращеніе? Учителю тутъ очевидно ничего не остается дѣлать, какъ взять въ руки вашу книгу, и дѣлать ученику готовые вопросы. То, надъ чѣмъ стоитъ въ книгѣ буква *У.*, будетъ говорить учитель; а то, что означено буквою *Д.*, будетъ говорить дитя. Изъ этого выйдетъ разговоръ между двумя дѣйствующими лицами, которые могутъ не понимать ни ариметики, ни другъ друга, но изъ которыхъ каждый будетъ безошибочно сказывать свою роль. Учитель лишь только подавить пружину

вопросомъ — тотчасъ дитя дастъ отвѣтъ, и самый вѣрный, точь-въ-точь, какъ написано въ вашей книгѣ!.. А если дитя, не зная, какой отвѣтъ поставленъ въ книгѣ на слѣданный учителемъ вопросъ, сдѣлаетъ ему свой отвѣтъ, или, что еще хуже, предложитъ отъ себя вопросъ самому учителю, тогда что дѣлать этому бѣдняку? Его роль разстроена! Не вѣтъ, надобно непрекѣпно, чтобъ и учитель и дитя говорили вслѣдъ въ свое время, и точно такъ, какъ значится въ книгѣ г. Гурьева; ибо въ этомъ состоитъ его медленное, но отчетливое преподаваніе, возбуждающее самостоятельность ученика.

Замѣтите еще, что въ книгѣ г. Гурьева, дитя отвѣчаетъ всегда вполнѣ, и притомъ иногда очень умно; послѣ чего учитель восклицаетъ: «хорошо!... Я думаю!

Въ-самомъ-дѣлѣ, это было бы хорошо, еслибъ ученики дѣйствительно отвѣчали всегда такъ хорошо, такъ вѣрно и дально. Но въ книгѣ г. Гурьева отвѣчаетъ не ученикъ, а самъ авторъ.

Сколь ошибочна мысль, возложить руководство къ преподаванію ариметики въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, это почувствовалъ самъ авторъ, дошедъ до тѣхъ пунктовъ, гдѣ неустойчивость этой методы наиболѣе-ощутительна. Онъ совершенно отказался отъ ней въ статьяхъ о составныхъ числахъ, о дробяхъ періодическихъ, о дробяхъ непрерывныхъ, и во всей остальной части книги принявъ ровное и правильное изложеніе дѣла.

Нельзя упрекнуть автора въ неостаткѣ ясности. Иногда вещи довольно-отвлеченныя для дѣтскаго ума онъ доводитъ мало-по-малу до очевидности, развивая предметъ съ умною постепенностью и наводя самого ученика на дѣло. Жаль только, что все это останется на бумагѣ, и что, въ дѣйствительности, никогда не можетъ быть такого разговора между учителемъ и дитятею. Мы пожалѣемъ еще, что авторъ слишкомъ-долго останавливается на одномъ и томъ же, стараясь

яснить понятія дитяти. Всему есть игра! Краткость можетъ быть темна, но и излишняя говорливость можетъ наскучить. Этотъ упрекъ, который былъ уже сдѣланъ г. Гурьеву, по поводу первой части его труда, и отъ котораго онъ старается оправдаться въ написанномъ нами предисловіи ко второй, конечно можетъ быть извиненъ; но старавіемъ раскрыть предметъ какъ-можно-болѣе и съ разныхъ точекъ зрѣнія; но есть возможность сказать съ одинаково-полнымъ развитіемъ на одной страницѣ то, что у него иногда занимаетъ три, или четыре страницы. Этого особенно мы въ правѣ требовать отъ книги учебной, гдѣ краткость есть вмѣстѣ экономія. И для чего это множество повтореній одного и того же, если дитя отвѣчаетъ у васъ такъ коротко? То, что говорится у автора во второй степени, есть безусловное повтореніе сказаннаго въ первой. Въ своемъ мѣстѣ надлежало развить болѣе сложеніе, вычитаніе и пр. дробей, и не возвращаться къ нимъ снова, чтобъ не сказать ничего новаго. И мы не можемъ понять, что за различіе между второю степенью и первою степенью, въ которыхъ излагается одинъ и тотъ же предметъ, съ тою явшею особенностью въ оглавленіи, что первая направлена къ наустному исчисленію, а вторая къ письменному. Еще болѣе непостижимо для насъ, почему авторъ не распорядилъ такимъ же двойнымъ образомъ предметовъ, входящихъ въ его третью степень, и безъ жонглѣжъ, показанныхъ съ тѣмъ, чтобъ ученики ихъ поняли какъ-слѣдуетъ. Но въ этой третьей степени нѣтъ уже ни вопросовъ ни ответовъ, ни наустнаго, ни письменнаго исчисленія, такъ-что это отдѣленіе рѣшительно не гармонируетъ съ предъидущими, и какъ-бы падаетъ само собою отъ книги.

Очевидно, книга г. Гурьева не можетъ годиться для учащагося, потому-что самъ авторъ выдаетъ ее за руководство къ преподаванію. Но обра-

тился къ некоторымъ частнымъ замѣчаніямъ.

Стр. 3: «Чтобы дѣятельность внутренней сообразности могла быть успешна, прежде надобно развить внешнюю наглядность и посредствомъ искусства пособить, такъ сказать, (?) природѣ». Едва-ли кто скажетъ, чтобъ такой непонятный языкъ годился въ учебной книгѣ.

Далѣе, на той же страницѣ, авторъ отсылаетъ читателя къ песталоцциевымъ таблицамъ чиселъ, увѣдомляя, что онѣ помѣщены въ концѣ книги. Вы ищите таблицъ въ означенномъ мѣстѣ, и нигдѣ ихъ не находите. Между-тѣмъ, авторъ очень-часто ссылается на нихъ, и отъ этого многое для васъ непонятно.

На стр. 8 и 9, авторъ утверждаетъ, что обыкновенная дробь можетъ имѣть двоякое происхожденіе: «во-первыхъ, отъ раздѣленія единицы на извѣстныхъ одинакія части; во-вторыхъ, отъ раздѣленія меньшаго числа (нѣсколько единицъ) на большее». На-примѣръ, о дроби $\frac{3}{4}$ сказать: это три четверти, по его мнѣнію, есть то же, что сказать: это три раздѣленные на четыре. Такое смѣшеніе двухъ весьма-различныхъ идей, происшедшее отъ ихъ тождественнаго выраженія на бумагѣ, вы найдете едва-ли не во всѣхъ книгахъ. Если относить то и другое выраженіе къ единицѣ, то они, конечно, будутъ тождественны; и дѣйствительно, три четверти единицы, на-примѣръ, рубля, представляютъ совершенно ту же величину, какъ и три единицы: на-пр., три рубля, раздѣленные на четыре; другими словами, три четверти рубля значить то же, что четвертая часть трехъ рублей: въ томъ и другомъ случаѣ, мы имѣемъ семьдесятъ-пять копеекъ. Но если я не отношу выраженія $\frac{3}{4}$ къ единицѣ, а говорю просто: три четверти и три раздѣленные на четыре, то вы спросите: три четверти чего? Это можетъ быть три четверти двухъ единицъ, трехъ единицъ, и пр., на-прим., двухъ рублей, трехъ рублей,

и пр.; однимъ словомъ, величина трехъ четвертей будетъ измѣняться, смотря потому, что беретъ вы три четверти; тогда какъ три раздѣленные на четыре, обозначаютъ величину опредѣленную, именно ту, которая происходитъ отъ раздѣленія ни болѣе ни менѣе какъ трехъ единицъ, на-пр., трехъ рублей на четыре. Притомъ еще, если и относить выраженіе $\frac{3}{4}$, къ единицѣ, три четверти означаютъ самую величину, а три раздѣленные на четыре обозначаютъ лишь дѣйствіе дѣленія, а не результатъ его, не величину, хотя бы по окончаніи дѣленія эта величина вышла та же, которая означается словами «три четверти»; итакъ, это не одно и то же, а, правильнѣе сказать, двѣ различныя точки зрѣнія на одно и то же. Пора бы перестать повторять эти затверженныя ложныя понятія!..

Стр. 12. У. Вотъ нѣсколько дробей $\frac{4}{7}, \frac{2}{5}, \frac{5}{6}, \frac{3}{9}, \frac{7}{10}$; назовите ихъ числителей и знаменателей. — Д. Числители суть: 4, 2, 5, 8, 7; знаменатели: 7, 3, 6, 9, 10. — Обыкновенно въ книгахъ такъ опредѣляютъ знаменателя; но, выскнувъ въ дѣло своимъ собственнымъ умомъ, и забывъ твердыя всѣми понятія, мы легко увидимъ, что на-пр., въ дроби $\frac{4}{7}$, знаменатель есть не 7, а $\frac{1}{7}$; одна седьмая. Въ самомъ дѣлѣ, я указываю вамъ на дробь $\frac{4}{7}$; вы говорите: четыре; я прерываю васъ и спрашиваю: четыре чего? вы отвѣчаете: четыре седьмыхъ. Очевидно, что здѣсь дѣло идетъ о седьмыхъ, а не о семи; слѣдовательно, седьмая, $\frac{1}{7}$, есть знаменатель дроби $\frac{4}{7}$.

На стр. 18 и 19, авторъ раздѣляетъ дроби на *правильныя* и *неправильныя*. Правильная дробь будетъ у него та, въ которой числитель менѣе знаменателя; а неправильная та, въ которой числитель болѣе знаменателя. Но что касается до насъ, то, судя по здравому смыслу, а не по закоренѣлымъ обычаямъ, мы находимъ, что, на-прим., въ дроби $\frac{7}{4}$ нѣтъ ничего неправильнаго, потому-что она имѣетъ свое значеніе, то-есть свою величину; а развѣ непра-

вильныя понятія о ней нѣкоторыя-решетивосты...

Тамъ же, на вопросъ дитяти: почему такія выраженія, которыя болѣе цѣлаго, называются также дробями, хотя и неправильными? учитель отвѣчаетъ: «Потому именно, что они имѣютъ видъ дроби, и что въ такихъ выраженіяхъ мы часто нуждаемся въ исчисленіи». Итакъ, на одномъ видѣ выраженія вы основываете его опредѣленіе? Послѣ этого, выраженія $\frac{1}{2}, \frac{6}{2}, \frac{8}{2}$, и пр., также будутъ дроби и притомъ неправильныя? Не вѣрите ли будетъ сказать, что это *дробныя числа*?

На стр. 19, авторъ называетъ *смѣшанными* числаки — выраженія такія, какъ $2\frac{1}{2}, 3\frac{3}{4}$, и пр. Новое безпольное и ложное названіе, которое только требуетъ лишняго мѣста въ памяти дитяти, а въ умъ его возбуждаетъ превратныя понятія.

Почему статья о приведеніи дроби къ одному знаменателю, стр. 65—70, изложена не въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, не по методу автора?

Приступая къ сложенію дроби, авторъ упускаетъ изъ виду сказать, почему должно напередъ привести ихъ къ одному знаменателю. Дитя непременно сдѣлаетъ своему учителю этотъ вопросъ.

Стр. 89—95. Способы узнавать дѣлимость чиселъ безъ остатка на цифры 1, 2, 3, и пр., не выведены изъ одного общаго начала; слѣдовательно, вопреки методу автора, они ставятся для ученика дѣломъ памяти.

Въ статьѣ о умноженіи и дѣленіи составныхъ количествъ, стр. 130—133, не всѣ случаи показаны.

Стоятъ особеннаго замѣчанія понятія автора о способѣ рѣшенія различныхъ задачъ, относящихся къ тройнымъ правиламъ (стр. 199).

«Задачи, относящіяся къ такъ-называемымъ тройнымъ правиламъ, въ большей части ариметическихъ книгъ рѣшаются помощію пропорцій; но уже въ первой части предлежащаго руководства мы увидимъ, что въ рѣшеніи такихъ задачъ легче

можно обойтись без этого механическаго пособия, и гораздо проще и сообразнѣе съ разсудкомъ приводить ась рѣшенія къ закону равенства. Представимъ здѣсь нѣсколько рѣшеній возможно — разнородныхъ вопросовъ, чтобъ убѣдиться наконецъ, что употребленіе пропорцій въ ариметикѣ есть дѣло совершенно лишнее.»

Есть два способа рѣшать задачи, относящіяся къ тройнымъ правиламъ: 1) приведеніе данныхъ къ единицѣ, 2) пропорціи. Первый способъ зависитъ исключительно отъ соображенія и не имѣетъ для себя установленной формулы на бумагѣ; второй, напротивъ, выражается формулою, состоящею въ равенствѣ двухъ отношеній. И тотъ и другой способъ хороши; даже мы думаемъ, вопреки г. Гурьеву, что второй предпочтительнѣе. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ математикѣ, чистое соображеніе, неподдерживаемое высшими законами, всегда имѣетъ какую-то шаткость и неопредѣленность, особенно въ дѣтяхъ; тогда-какъ формула, какъ въ настоящемъ случаѣ пропорціи, какъ-бы устанавливаетъ наши соображенія; даетъ имъ опору и видъ. Просто умствуя, дѣтя скорѣе ошибется, нежели опираясь на пропорцію; пропорціи — это въ задачахъ его указка. Надобно только, чтобъ дѣтя не дѣйствовало ею механически; надобно, чтобъ оно поняло напередъ очень-хорошо, что такое пропорціи вообще и какъ она рождается изъ задачи сама собою. Какъ скоро учитель растолкуетъ это дѣтяти, то оно всегда дастъ задачѣ форму пропорціи, и дастъ не механически, а съ сознаніемъ; составить же пропорцію значить уже рѣшить задачу. Притомъ, первый способъ въ сущности не отличается отъ втораго; въ первомъ, умствованіе выражается словами, во второмъ то же, совершенно то же умствованіе выражается цифрами. И первый способъ имѣетъ еще ту невыгоду, что, поступая по немъ, вы должны пройти чрезъ рядъ умствованій, который тѣмъ длиннѣе, чѣмъ болѣе данныхъ въ предложенной задачѣ; тогда какъ пропорціи даетъ тотчасъ и только одну форму

вашей задачѣ, сколь бы она ни была обременена данными.

Сочиненіе г. Гурьева, мы говоримъ съ удовольствіемъ, есть плодъ его собственнаго мышленія и опыта; тѣмъ не менѣе должно сознаться, что оно попытка нововводителя, конечно, заслуживающая уваженіе по своей цѣли, но неудачная по исполненію и ошибочная въ сущности. Не смотря на большее число ариметическихъ книгъ, увеличившееся теперь единицею, у насъ все еще не достаетъ по этой части сочиненія удовлетворительнаго.

141) *Латинская Грамматика, изданная въ пользу юности А. Лейбхрехтомъ, бывшимъ учителемъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ при Московскѣй Губернской Гимназіи. Изданіе четвертое, вновь исправленное и умноженное статей о латинскомъ стилистическомъ.* Москва. Въ Университетской типографіи. 1842. Въ 8-ю д. л. 278 стр.

Г. Лейбхрехтъ былъ опытный и знающій свое дѣло учитель. Доказательствомъ служатъ учебныя книги, имъ изданныя: «Нѣмецкая Грамматика», «Нѣмецкая Хрестоматія», и «Латинская Грамматика», которыя, — не смотря на быстрое движеніе всего, слѣдственно и учебныхъ руководствъ, впередъ, — до-сихъ-поръ приносятъ пользу, не замѣненные другими, лучшими.

142) *Ариметика, Геометрія и Звѣлемяріе, для первоначальной обученія, народныхъ школъ и сельскихъ жителей, съ 135 фигурами. Соч. Буассе, профессора математики. Переводъ съ французскаго. Изданіе книгопродавца Андрея Глазунова, съ братьями. Москва. Въ типографіи Августа Семена. 1842. Въ 12 ю д. л., Три части. Въ 1-й — 92, во 2-й — 70, въ 3-й — 48.*

Хорошее руководство, въ которомъ кратко и ясно изложены основанія трехъ наукъ, всѣмъ почти вужныхъ.

143) *Таблица Греческой Исторіи (.) отъ самыхъ отдаленныхъ временъ (?), до обращенія ея (т. е. исторіи)*

ет римскую провинцію. Изд. И. Эйпердингъ. Санктпетербургъ. 1844. In-folio. Одни листъ. (Цѣна 2 р. 50 к. ас.)

144) ТАБЛИЦА Римской Исторіи (,) отъ древнѣйшихъ временъ, до раздѣленія имперіи. Составленная по хронологическимъ таблицамъ Лангле, Дюфрениу, Гельвеція, Гохерта. Изд. И. Эйпердингъ. Санктпетербургъ. 1844. In-folio. Одни листъ. (Цѣна 2 р. 50 к. ас.)

Весьма-небезполезныя пособія для нагляднаго способа изученія исторіи. Не мѣшало бы только г-ну составителю писать нѣсколько-грамотнѣе, чтобъ учащіеся Русскіе, повторяя по его таблицамъ исторію, не разучились русскому языку.

145) ПОЛИТИЧЕСКІЙ БАЛАНСЪ Земнаго Шара, для употребленія чиновниковъ, банкировъ, купцовъ, путешественниковъ и юншества, или Опытъ Всобщей Статистики Земнаго Шара, согласно съ нынѣшнымъ политическимъ ономъ раздѣленіемъ и нынѣшними открытіями. Показывающей пространство каждому юсударства, число жителей ономъ вообще и знатнѣйшихъ городовъ съ особенностію, доходы, доли, сухопутную и морскую силу, имя царствующаго юсударя (или главы настоющаго (?) правительствва) (,) съ означеніемъ его резиденціи, времени возшеств. ею на престолъ, несовершеннолѣтія (?) исповѣдуемой имъ аеры и династіи (,) къ которой принадл. и проч. Составленный г. Бальби: (,) переведенный съ фр. И. Эйпердингомъ, съ присовокупленіемъ географической (,) по проекціи Меркатора (,) карты, и столицій изъ двухъ траверсованныхъ большихъ александрійскихъ листовъ, къ обслѣженію коихъ слѣдуетъ особо при семъ напечатанная книжка. Санктпетербургъ 1844.

Не смотря на крайне-безграмотное заглавіе этихъ таблицъ, — онѣ весьма полезное дѣло, за которое, даже и при небрежномъ выполненіи, нельзя не поблагодарить г. издателя.

146) НАТУРАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ для юншества, расположенная систематически и съ приложеніемъ атласа, заключающаго въ себя больше семи сотъ искусно траверсованныхъ изображеній замѣчательнѣйшихъ предметовъ изъ всѣхъ царствъ природы. Переводъ съ 7-ю французскаго изданія. Часть вторая. Москва. 1842. Въ тип. Сивера. Въ 8-ю д. л. 156 стр.

Книжка — достойно оканчивающаго описаніе животныихъ. Читатели уже знаютъ наше мнѣніе о первой ея части (*). Лучшее страницее въ книгѣ, конечно, послѣдняя, на которой ясно и чѣтко напечатано: «конецъ». Мы такъ пріятно были поражены этою припискою, что предоставляемъ читателямъ разрѣшить слѣдующіе вопросы: 1) Почему авторъ, издающій «Натуральную Исторію съ изображеніями предметовъ изъ всѣхъ царствъ природы», говоритъ исключительно только о названіяхъ животныихъ? 2) Почему онъ оканчиваетъ натуральную исторію, т. е. зоологію, указаніемъ на нѣкоторыхъ насѣкомыхъ? 3) Гдѣ же остались классы кольцевоу, наливчатыхъ животныихъ, глистовъ, бѣжевинокъ, жгучихъ моллюсковъ, и проч.? Что же касается до мистификаціи, заключающейся въ словахъ: «Натуральная Исторія, расположенная систематически, съ искусно траверсованными изображеніями», мы объ этомъ не хотимъ и спрашивать, зная, что это не богѣе, какъ мистификація, весьма обыкновенная въ быту торговомъ.

147) ИСТОРИЯ Петра Великаго. Съ 500 оригинальными рисунками, траверсованными въ Лондонѣ. Выпускъ 4-й. (Цѣна кажд. вып. 60 к. сер.; за пересылку доставляется 1 р. 50 сер.)

Предпріятіе г. Эльснера такъ довольно собою и безкорыстными заступничествомъ одного знаменитаго сочинителя, что и не думаетъ намѣняться къ лучшему. Это обстоятельство и насъ

(*) «Отеч. Зап.» 1842, томъ XX, Библ. Хр. стр. 75—77.

дѣлаетъ постоянными въ нашихъ отзывахъ о плохой компиляціи г. Ламбина, о суздальскихъ картинкахъ и о предпріятіи благонамѣреннаго г. Эльсвера. Вглядитесь въ картинку на 93-й страницѣ: юнаго Петра представляетъ безобразная куколка, стойма надѣтая, а не посаженная на коня; кругомъ исо- вые охотники съ лукошками на головахъ и въ рукахъ; съ правой стороны, вы видите толстаго мужика верхомъ на лошади — онъ держитъ сверо- ренныхъ собакъ; задомъ къ нему зрится другая мужицкая фигура на лошади же: лукошко на головѣ фигуры № 2 приросло своею верхушкою къ обнаженной головѣ фигуры № 1, а слѣдѣ- шее съ фигуры № 1 лукошко приросло къ спинѣ фигуры № 2. Цѣлое этой картинки невыразимо-прекрасно! Для остроумнаго и забавнаго пера содер- жанія картинокъ на 107 и на 118 стра- ницахъ могло бы подать поводъ къ большой критической статьѣ: это неис- черпаемая бездна смѣшнаго! Что имен- но хорошо, — такъ это ревильионовскія вивьетки, ни съ того, ни съ сего, ще- драю рукою разсыпанныя по безобраз- ному изданію.

Теперь о текстѣ. Неподражаемое перо г. Ламбина очаровательно въ исто- рическомъ повѣствованіи: безъ всякихъ усилій, но съ большимъ успѣхомъ, со- здаетъ оно то съ тацитовскимъ сло- гомъ г. Кайданова, то съ чувствитель- нымъ тономъ «Ильи Муромца», — то съ эпическою высокопарностію «Марьи Посадницы»... Объ идеяхъ и взглядахъ г. Ламбина нечего и говорить: г. Лам- бинъ беретъ ихъ цѣликомъ и готовымъ изъ богатаго, въ этомъ отношеніи, источника — «Дзвонъ» Голикова, кото- рыя онъ съ такимъ чудовищнымъ ус- пѣхомъ перефразировываетъ.

148) Учебная Книга Вскошій Исторіи. (Для юношества) сочиненіе заслуженнаго профессора И. Кайдано- ва. Древняя Исторія. Отъ сотооре- нія міра (?) и (?) происхожденія первыхъ государствъ до переселенія народовъ и на- Т. XXI.—Отд. VI.

денія западной римской имперіи. Изданіе четвертое, исправленное, съ присовоку- пленіемъ къ нему хронологической табли- цы событийъ древняго міра. Санктпетер- бурга. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 552 стр.

Что это за книга, такъ слыно, разго- нисто, такимъ крунымъ и избитымъ шрифтомъ, на такой сѣрой и грубой бу- магѣ напечатанная, что безъ перчатокъ страшно брать ее въ руки!.. Это, милос- тивые государи, знаменитая исторія г. Кайданова, — та самая, изъ которой вы вѣкогда знали такъ много словъ и фразъ и такъ мало фактовъ и дѣла, и которая вѣкогда подавалась значитель- но-пооправдѣе, чѣмъ издана теперь... Но не будемъ осуждать ее за эту, въ- сколько-циническую, небрежность въ убранствѣ: ей не до наружности; она теперь переживаетъ самое трудное время своей жизни — можетъ-быть, свои послѣднія минуты... Было время, ког- да не могли повредить ей ни явная брань, ни насмѣшливыя похвалы жур- налистовъ: она была одна — публика понимала ей настоящую цѣну и все- таки покупала ее; но появленіе «Исторіи» г. Смагардова; и наконецъ «Исторіи» г. Лоренца было для нея гибель- нѣе самыхъ злыхъ критикъ и ядови- тыхъ рецензій. И вотъ она спѣшитъ «исправиться», убавляетъ слова и фра- зы, запасается большимъ количествомъ фактовъ, даже вмѣняетъ нѣкоторые изъ любимѣйшихъ своихъ возвращій; но — увъ! — все это тщетно: духъ ея все тотъ же, начала тѣ же; слѣдовательно, «исправленіе» только внѣшнее, а не внутреннее. По-прежнему толкуетъ она о «пользѣ исторіи», о чемъ давно уже никто не толкуетъ; по-прежнему оста- ется она при добродушномъ убѣжде- ніи, что, прочтавъ ее, исправятся и будутъ вести себя хорошо и царства, и народы, и администраторы, и вой- ны, и чиновники, и купцы, и мѣща- не... Это грустное обстоятельство не скрылось отъ провинціальнаго взора какого-то петербургскаго книгопро-

давца, г. Петра Занкина, издателя истории г. Кайданова, — и, чтобы помочь горю, сей достойный торговец безсмертными проваждениями ума российских сочинителей, отъ Михайлы Морского до г. Кайданова включительно, по случаю выхода 3-й части «История» г. Кайданова, распустилъ по городу, при театральныхъ афишахъ, свою собственную афишу — уже не первый опытъ своего книгопродавческаго красноречія, въ которой, между прочимъ, особенно замечательны, своею силою и гостиндворскою выразительностью, следующие строки, достойныя, вмѣстѣ съ именами г. Кайданова и г. Занкина, перейти въ потомство:

«Можно и должно сказать, что г. Кайдановъ списалъ (кому?) почетное въ учебномъ мѣрѣ названіе *заслуженнаго профессора* не одною только заслугою узаконенныхъ для полученія сего названія лѣтъ, но и потому, что онъ действительно оказалъ великія заслуги нашему отечеству по учеб-

ной части. Воспитавши Санктпетербургскаго Педагогическаго Института и потомъ ученикъ отличившихъ германскихъ историковъ, онъ первый у насъ началъ писать исторію въ *духѣ философіи*, съ чувствованіями христіанской вѣры, преданности къ престолу и любви къ отечеству и вообще къ роду *человѣческому*. Образъ мыслей его далъ направленіе и другимъ въ нашемъ отечествѣ сочинителямъ историческихъ учебныхъ книгъ. Почти все она равно какъ и почти все вышедшее вонъ просвѣщенное русское поколѣніе, обучалось исторіи по сочиненіямъ г. Кайданова; многія изъ его сочиненій переведены на языки нѣмецкій, польскій, молдавскій и сербскій.»

Мы увѣрены, что благонамѣренный голосъ г. Петра Занкина не вонде будетъ раздаваться, но будетъ далеко слышимъ всеми посетителями гостиннаго двора, покупающими, между разными товарами, и учебныя книги въ родѣ «Исторія» г. Кайданова...

==

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССИИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

6) HISTORICA RUSSIAE MONIMENTA, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta, ab A. I. Turgenewio Consiliar. st. act. et equ. Tomus I. SCRIPTA VARIA E SECRETO ARCHIVO VATICANO et aliis archivis et bibliothecis Romanis excerpta continens, inde ab anno MLXXV ad annum MDLXXXIV. Petropoli. Typis Eduardi Pratz. 1844. — Акты Историческія, относящіяся къ Россіи, извлеченныя изъ иностранныхъ

архивовъ и библиотекъ Д. Ст. Сов. А. И. Тургеневымъ. Томъ I. Выписки изъ Ватиканскаго тайнаго архива и изъ другихъ римскихъ библиотекъ и архивовъ, съ 1075 по 1584 годъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1844. Въ 4-ю д. л. XV, IX — XVII и 399 стр. (Цѣна 2 р. сер.).

Въ наше время, когда историки, подъ необходимымъ условіемъ критическаго разбора фактовъ, признаютъ полезными всѣ возможные источники, относящіе-

ся къ нѣмъ предмету, сношенія какогolibо государства съ другими и извѣстія объ немъ иностранцевъ получили также полное право гражданства въ числѣ матеріаловъ, болѣе или менѣе важныхъ. Въ этомъ отношеніи, не говоря о томъ, какъ изученіе иностранныхъ писателей и документовъ было полезно для объясненія исторіи западныхъ народовъ, мы можемъ указать и на отечественную исторію, которая обогатилась многими важными подробностями съ тѣхъ поръ, какъ на этотъ источникъ и у насъ стали обращать должное вниманіе: некоторыя страницы въ «Исторіи Государства Россійскаго», основанныя на извѣстіяхъ современныхъ иностранцевъ, и преимущественно новѣйшія изслѣдованія нашихъ археологовъ и историковъ служатъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Смотря съ этой точки на изученіе иностранныхъ памятниковъ о Россіи, нельзя не радоваться новому изданію Археографической Комиссіи, удовлетворяющему отчасти общему желанію любителей исторіи — имѣть по возможности полное собраніе относящихся сюда матеріаловъ, весьма многочисленныхъ, даже судя по тѣмъ изъ нихъ, которые известны намъ въ рукописяхъ или книгахъ, составляющихъ библиографическую рѣдкость. Очевидно, что съ этой стороны настоящее изданіе, содержа въ себѣ почти исключительно сношенія одной Италіи съ Россіей, Лявюю, Ливоніей и Польшей, не можетъ намъ казаться вполне удовлетворительнымъ; но съ другой стороны этотъ трудъ представляется тѣмъ болѣе важнымъ, что помѣщенные въ немъ статьи, какъ оффиціальныя, болѣею частью достовѣрны, и потому не требуютъ критической цѣнки, безъ которой не возможно обойтись, пользуясь извѣстіями иностранныхъ писателей, часто пристрастными и недовольно-точными. Что касается до самого содержанія издав-

ныхъ нынѣ актовъ, то хотя они преимущественно выражаютъ одну в ту же мысль — стремленіе папъ, какъ верховныхъ представителей западной церкви, подчинить востокъ и сѣверъ Европы своей духовной власти; но какъ верѣдка между актами подобнаго содержанія встрѣчаются и таіе, которые относятся непосредственно къ другимъ событіямъ, то и въ этомъ отношеніи новое изданіе Комиссіи можно назвать не только важнымъ, но и разнообразнымъ. Въ доказательство приведемъ доносенія и письма разныхъ лицъ изъ Польши въ Италію о современныхъ происшествіяхъ въ Россіи, о войнахъ ея съ Крымомъ, Ливоніей и Польшей, о предложеніи царю Іоанну Васильевичу польскаго престола по смерти Сигизмунда-Августа, также переговоры о томъ царя съ польскими панями; далѣе, любопытное писаніе Россіи, составленное венеціанскимъ посломъ Тіеоломъ, описаніе Московіи, составленное венеціанскимъ же посломъ Фоскаріо, длинное, укорительное посланіе польскаго короля Стефана-Баторія къ царю Іоанну Васильевичу и проч. Жалеть, что предѣлы библиографической статьи не позволяютъ намъ исчислять и другіе замѣчательные акты и привести нѣкоторыя отрывки, указывающіе на тогдашнюю политику дворовъ римскаго, русскаго и польскаго; но для полноты обзора считаемъ необходимымъ указать читателямъ во-крайней-мѣрѣ на главные пункты, къ которымъ относятся разнообразныя статьи, составляющія содержаніе перваго тома «Историческихъ Актовъ».

Выше мы сказали, что стремленіе папъ подчинить своей власти восточныя и сѣверныя страны Европы представляется какъ главное содержаніе документовъ, издаваемыхъ Комиссіей. Въ-самомъ-дѣлѣ, исключая немногія статьи (отчасти нами уже исчисленныя) чисто-историческаго содержанія, всѣ остальные, состоящія въ грамма-

тахъ и донесеніяхъ, выражаютъ непосредственно эту главную цѣль римскихъ первосвященниковъ, которой они такъ упорно, хотя большею частью безуспѣшно, старались достигнуть въ продолженіи цѣлаго ряда столѣтій. Не смотря однако на это единство цѣли, всѣ принадлежащіе сюда документы, по различію времени и государствъ, которыя находились въ сношеніяхъ съ Римомъ, можно раздѣлять на четыре части: одна изъ нихъ представляетъ сношенія папъ съ Южной Русью, именно съ великимъ княземъ кievскимъ Изяславомъ — Дмитріемъ (посланіе къ нему Григорія VII въ 1075 г.), съ князьями Галицкими и Владимірскими (здѣсь особенно замѣчательны письма папы Иннокентія IV къ князю Данилу галицкому и брату его Васильку Владимірскому), съ королями и герцогами польскими. Второю разрядъ составляютъ грамоты и посланія папъ къ жителямъ и духовенству Ливоніи, содержащія въ себѣ частію распоряженія ихъ касательно устройства тамошней церкви и частію различныя привилегіи, дарованныя ими тамъ и другимъ; сверхъ-того, сюда же принадлежатъ некоторые акты, касающіеся распространенія латинской вѣры въ Россіи. Но гораздо для насъ важнѣе сношенія римскихъ первосвященниковъ съ Литвою и великими князьями владимірскими и московскими, въ послѣдствіи царями всей Россіи. Первые заключаются въ письмахъ папъ къ великимъ князьямъ литовскимъ, особенно къ Гедимину, Ягайлу и Витовту, коихъ Мартинъ V называетъ даже своими вассалниками въ Новѣгородѣ и Псковѣ, думая, вѣроятно, что эти области зависели отъ государей литовскихъ; а вторыя представляютъ хитрую политику Рима, стремившагося подчинить и Россію духовной власти папскаго престола. Сюда принадлежатъ преимущественно письма къ великому князю Георгію Всеволодовичу, св. Александру Невскому, къ великому князю Василью Іоанновичу и

самому царю Іоанну, грамота папы Евгенія IV митрополиту Исидору о назначеніи его легатомъ апостольскаго престола въ Россію, наставленіе Герберштейну, инструкція іезуиту Поссевино, и проч.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ источникахъ, откуда Археологическая Комиссія заимствовала настоящее собраніе иностранныхъ актовъ. Началомъ этому изданію, какъ видно изъ предисловія къ первому тому, послужили выписки, сдѣланныя ученымъ аббатомъ Альбертранди изъ ватиканской и другихъ римскихъ библиотекъ для историка Нарушевича, по волю польскаго короля Станислава Августа. Экземпляръ ихъ, писанный рукою Альбертранди, былъ подаренъ самимъ королемъ тогдашнему посланнику нашего двора въ Варшаву, Я. И. Булгакову, отъ котораго онъ въ послѣдствіи достался г-ну А. И. Турганеву. Думая нѣкогда издать эти выписки, г. Турганевъ во время своего путешествія по Германіи, Италіи, Франціи, Англіи, Даніи и Швеціи успѣлъ составить новую коллекцію, богаче альбертрандиевой, которой запасъ особенно увеличился выписками изъ ватиканскаго тайнаго архива, при содѣйствіи начальника его, графа Маріно Марини. Всѣ эти приобрѣтенія, сдѣланныя г. Турганевымъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, были поднесены Государю Императору, вмѣстѣ съ коллекціею выписокъ Альбертранди, и въ концѣ 1839 года, по Высочайшему повелѣнію доставлены въ Археологическую Комиссію, которая немедленно приступила къ ихъ печатанію въ двухъ отдѣльныхъ томахъ. Издаваемый нынѣ первый томъ содержитъ въ себѣ выписки ватиканскія съ 1075 года до кончины царя Іоанна Васильевича въ 1584 году, расположенныя по порядку времени, такъ что между актами, прибрѣтенными чрезъ графа Маріно Марини, вставлены альбертрандиевы гдѣ слѣдовало, а въ случаѣ

тождества актовъ, помѣщенныхъ у того и другаго, выбираемъ былъ исправнѣйшій списокъ, съ показаніемъ при немъ вариантовъ изъ другаго списка.

7) *Beschreibung aller im Russischen Reiche gegrabenen oder projectirten schiff-und flossbaren Kanäle etc. mit einer Karte, von I. Ch. Stuckenberg* (Описание всѣхъ проведенныхъ и проектированныхъ въ Россійской Имперіи судоподобныхъ и сплавныхъ каналовъ; съ картою; соч. И. Штукенберга). Санктпетербургъ. 1841.

Это замѣчательное сочиненіе, увѣнчанное отъ Академіи Наукъ демидовскою наградою, есть плодъ труда многолѣтняго. Благотворныя идеи русскаго правительства касательно канализаціи, и обширныя работы, которыми первое начало положено было основателемъ всего великаго въ Россіи — Петромъ I-мъ, представлены съ возможною точностію и ясностію. Еслибъ эта книга появилась въ какой-нибудь другой европейской литературѣ, она нашла бы себя самый радушный пріемъ у всѣхъ. Душевно желаемъ, чтобы не одни только *hommes du métier* обратили вниманіе на этотъ громадный трудъ, который даетъ право г-ну Штукенбергу на почетное мѣсто между лучшими статистиками. Книга эта имѣетъ еще и то достоинство, что она не отличается сухостію, которая такъ свойственна подобнымъ произведеніямъ. Въ ней можете найти дополненіе къ нашей исторіи въ біографическихъ очеркахъ людей, сотрудничавшихъ правительству въ исполненіи этихъ изумительныхъ работъ, которыхъ совершенное окончаніе такъ необходимо для процвѣтанія внутренней торговли. Душевно желаемъ, чтобы книга г-на Штукенберга скорѣе переведена была на русскій языкъ.

8) *NOTIZEN über das Kaiserliche Erziehungshaus zu St. Petersburg während der Jahre 1834 bis 1840. Von doctor Ph. Doerr. Oberarzte desselben* (Извѣстія объ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Воспитательномъ Домѣ отъ 1834 по 1840 годъ). Санктпетербургъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 42 стр.

Эти извѣстія составляютъ продолженіе извѣстій, издаваемыхъ въ 1834 году и помѣщенныхъ въ V ч. Собранія Сочиненій Санктпетербургскаго Общества Нѣмецкихъ Врачей, и переведенныхъ на русскій языкъ. Нѣтъ нужды говорить объ интересѣ первыхъ извѣстій, напечатанныхъ въ 1834 году: всѣмъ, кто читалъ ихъ, знаетъ, какъ они любопытны. Въ нынѣшнихъ извѣстіяхъ, сначала описывая удобства лазарета для возрастныхъ воспитанницъ и другаго лазарета для грудныхъ младенцовъ, г. Деппъ говоритъ о преобразованіи Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома слѣдующее:

«25 марта 1834 года по Высочайшему повелѣнію воспитанники перемѣнены въ Гатчинскій Воспитательный Домъ; равно и изъ Богдѣльни Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома питомцы мужскаго пола переведены въ Гатчину. 1837 года послѣдовала важная перемена въ судьбѣ воспитанниковъ. Филантропія Воспитательнаго Дома и въ-слѣдствіе этого неограниченный пріемъ дѣтей въ домъ, примѣрное попеченіе объ нихъ, далѣе, отличное образованіе.—все это было причиною непомернаго умноженія питомцевъ. Не только незаконнорожденные дѣти изъ столицы, но и изъ окрестныхъ губерній поступали въ домъ; мало этого, приносили даже незаконныхъ дѣтей подъ видомъ «незаконнорожденныхъ», чтобы избавить ихъ отъ обязанностей завія, къ которому они принадлежали. Отъ этого въ 1831 году число принесенныхъ въ домъ простиралось до 4088 и въ 1836 до 3237. Это умноженіе числа дѣтей въ Воспитательномъ Домѣ причинило затрудненія въ присканіи кормилицъ для нихъ. Кроме того, послѣднія ре-

визія показала, что народонаселение претерпѣваетъ убыль, потому-что крестьянки, кормя дѣтей Воспитательнаго Дома, не заботятся о собственныхъ дѣтяхъ. Чтобы ограничить лепомъзро-большой приносъ незаконнорожденныхъ младенцевъ и доставить способъ воспитываться сиротамъ бѣдныхъ заслуженныхъ чиновниковъ, Высочайше повелѣно (25 июня 1837 года), чтобы находящіеся въ деревняхъ и впрѣдъ туда поступающіе питомцы были причисляемы къ сословію крестьянъ и мастеровыхъ; въ военную же службу могутъ поступать они лишь по собственному ихъ желанію. Преподаваніе наукъ не прекращается; но этихъ должны пользоваться сироты бѣдныхъ заслуженныхъ чиновниковъ включительно до 9 класса. Число этихъ сиротъ опредѣляется до 1000 (т. е. по 500 мужскаго пола въ Гатчинскомъ Воспитательномъ Домѣ и 500 женскаго пола въ таковомъ же Санктпетербургскомъ). Эти сироты образуются для занятія мѣстъ учителей и наставницъ, особенно для губерній. Слѣдствіемъ этого узаконенія было, что въ 1837 году выто обратнѣ 860 дѣтей и въ 1838, 334 дѣтяти, и что приносъ младенцевъ значительно уменьшился. Въ дополненіе къ этому Высочайше повелѣно (15 мая 1839 года), чтобы съ 1-го числа января 1840 года принимать дѣтей въ дома, но не давать билетъ, на конѣ обыкновенно означалось имя и № дѣтяти. Другое важное обстоятельство составляетъ то, что рожко-вспомогательное заведеніе отдѣлено отъ общаго управленія Воспитательнаго Дома. Это заведеніе, възрѣное главному акушеру, вынѣ приносить Отечеству особенную пользу, въ чемъ доселѣ очень нуждались—образованіемъ повивальныхъ бабокъ изъ крестьянскихъ дѣвокъ, отдаваемыхъ господами въ ученье за весьма умеренную плату. Но такъ какъ потребность въ повивальныхъ бабкахъ по уздамъ значительно уменьшилась, то положено нѣтъ только 45 ученицъ на иждивеніи казны.

Послѣ этого г. Деппъ исчисляетъ болѣзни. I. У *возрастныхъ дѣтей* были: *ложная корь* или *корь безъ лихорадки*. Эту форму сыпи, опровергаемую многими, г. Деппъ имѣлъ случай наблюдать два раза: гѣтомъ 1836 года и зимою 1839 года на 40 дѣтяхъ, когда эта же сыпь была замѣчаема въ городѣ и смѣшиваема съ *просовидною сыпью*

(rubeolae). Далѣе слѣдуютъ: *корь, просовидная сыпь, красуха* (скарлатина). Замѣчательно, что въ предшествовшіе годы были только два случая этой болѣзни. Рѣдкое появленіе ея на дѣтяхъ въ Воспитательномъ Домѣ находится въ совершенной противоможности съ эпидеміею скарлатинною, когда въ городѣ вымираютъ цѣлыя семейства. — *Золотуха*. Г. Деппъ очень одобряетъ употребленіе ворвани (oleum jessoni aselli) и йода въ этой болѣзни. Старорусскія соляныя воды особенно полезны для золотушныхъ. — *Длѣзичья немочь*, одна изъ болѣзней, начаше бывающихъ въ Санктпетербургѣ. Лучшія средства отъ этого суть: углекислѣе и сѣрнокислѣе желѣзо и ревелскія купальни. — *Рожка на лицѣ, чесотка*. Не смотря на примѣрную чистоту, эта болѣзнь появляется часто. — *Смертностіи*. Въ отдѣленіи возрастныхъ воспитанницъ (въ высѣмъ сиротскомъ институтѣ) смертностіи была самая малая; нао 100 воспитанницъ умерло 1%, въ продолженіе года; изъ всего же числа ихъ 1/10 изъ 100. Должно замѣтить при этомъ, что при приѣмѣ сиротъ обращается болѣе вниманія лишь на безпомощное ихъ состояніе, нежели на физическое здоровье. II. *Болезни новорожденныхъ дѣтей*. *Воспаленіе глазъ у новорожденныхъ младенцевъ*. Пятая доля дѣтей заражалась этою болѣзнію въ Воспитательномъ Домѣ, а четыре пятыхъ поступали съ нею. — *Рожка у новорожденныхъ дѣтей* бываетъ особенно послѣ привітія оспы и зависитъ отъ неосторожнаго обхожденія съ дѣтми, хотя главная причина заключается въ эпидеміи. Изъ всѣхъ средствъ противъ этой болѣзни г. Деппъ почитаетъ лучшимъ скарвенкацію (насыткн кожи). — *Венерическая болѣзнь у новорожденныхъ*. Въ этой статьѣ приводятся мнѣнія писателей о наследственной венерической болѣзни. Способъ леченія, употребляемый авторомъ, заслуживаетъ быть изученнымъ. — *Отухломъ на голову новорожденныхъ младенцевъ*. Въ частной практикѣ, авторъ замѣчалъ эту бо-

лѣвъ, въ-теченіе 26 лѣтъ, только у двоихъ, но въ Воспитательномъ Домѣ у 262 дѣтей. Весьма-интересны результаты группораздѣленія умершихъ отъ этой болѣзни. Сказавъ свое мнѣніе о причинахъ, отъ чего зависитъ эта болѣзнь, авторъ подробно излагаетъ методу лечения. — *Предостражательная оспа.* Г. Деппъ всегда замѣчалъ, что оспа Дженнера доселѣ оказывала желаемое дѣйствіе, и не было надобности поновлять это вещество. Число дѣтей, коимъ прививается оспа въ-продолженіе года, бываетъ до 4000; кромѣ этого привозится 2000 дѣтей со стороны. — *Природные недостатки въ образованіи тала.* Замѣчательнѣйшіе между ними были: недостатокъ верхней губы (у 1 мальчика), заячья губа (у 5 м. и 4 д.); зубъ въ нижней челюсти (у 3 мальч.). (Суевѣрные люди весьма не рады бываютъ, когда ребенокъ рождается съ зубами; это, по ихъ мнѣнію — самое злое предвѣстіе); два зуба въ нижней челюсти (у 13 м. и у 1 д.); недостатокъ наружнаго лѣваго уха (у 2 м.); недостатокъ лѣваго верхняго плеча (у 1 д.); недостатокъ лѣвой ручной кисти (у 1 м. и у 1 д.); недостатокъ пальцевъ на обѣихъ рукахъ (у 1 м.); сращеніе пальцевъ на рукахъ (у 6 м. и у 2 д.); шесть пальцевъ на каждой рукѣ (у 2 м. и 3 д.); сращеніе задняго прохода (у 2 м. и у 3 д.); гермафродитовъ (2 м. и 2 д.); раздвоеніе спиннаго канала (у 2 м. и 4 д.). — *Смертность.* Вообще въ предшествовавшія шесть лѣтъ смертность грудныхъ дѣтей, т. е. на первомъ году жизни, была почти 50 идо 100. Въ Воспитательномъ Домѣ въ Вѣнѣ умираютъ 66 $\frac{1}{4}$, идо 100, не смотря на то, что вѣнское заведеніе имѣетъ многія преимущества предъ нашими, именно: благопріятнѣйшій климатъ, большее благосостояніе крестьянъ, принимающихъ питомцевъ на вскормленіе, большее образованіе, отъ-чего, следовательно, беременныя прѣтерпѣваютъ менше насилія, и привозъ за новорожденными лучше. Напротивъ, у насъ предрасудки относительно больницъ и родиль-

ныхъ домовъ такъ велики, что по-крайней-мѣрѣ шестая часть дѣтей, приносимыхъ въ Воспитательный Домъ суть уродливыя, недоразвитыя, больныя и даже умирающія. Только часть дѣтей, поступающихъ въ здѣшній Воспитательный Домъ, рождался въ родильнѣ. Въ Вѣнѣ и Прагѣ $\frac{19}{100}$ незаконныхъ младенцевъ рождался въ родильняхъ, учрежденныхъ при воспитательныхъ домахъ. Но такъ какъ въ воспитательныхъ домахъ въ Вѣнѣ и Прагѣ одна кормилица кормитъ двоихъ дѣтей, и послѣдніа отдаются въ деревни на вскормленіе искусственной пищей (beim Wasser erziehen), а не грудью, то неудивительно, что смертность дѣтей на первомъ году жизни очень-велика въ сравненіи съ смертностью въ Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ. Если бы наши питомцы подвергались несчастію быть вскармливаемыми искусственной пищей, то едва-ли бы двадцатая часть ихъ достигала годоваго возраста (Замѣчанія г. Деппа о состояніи воспитательныхъ домовъ въ Вѣнѣ и Прагѣ очень интересны). — Въ одной изъ таблицъ показано, сколько по 1 число января 1840 года состояло питомцевъ въ ведомствѣ Воспитательнаго Дома.

I. Въ самомъ домѣ грудныхъ дѣтей обоаго пола	882
— сиротскомъ институтѣ дѣвицъ, приготовляющихся въ наставницы	551
— музыкальномъ классѣ, дѣвицъ, приготовляющихся въ учительницы музыки	32
Приготовляемыхъ въ наставительницы за дѣтьми	38
Приготовляемыхъ въ швейки	292
Прислуги мужскаго пола	54
— — женскаго —	486
Обучающихся мастерствамъ, мужскаго пола	28

Фельдшеро́въ, аптекарскихъ, архитекторскихъ учениковъ и писарей	39
Больныхъ, поступившихъ въ лазаретъ съ разныхъ фабрикъ и заведеній, мужскаго пола.	19
женскаго —	3
<hr/>	
Всего, мужскаго пола.	571
женскаго —	1853

II. Въ дома:

Въ деревняхъ, мужскаго пола.	6068
— — — женскаго пола.	7583
На воспитаніи у обывателей въ столицѣ, мужскаго пола.	33
женскаго —	45
На воспитаніи у обывателей въ Гатчинѣ, мужскаго пола.	6
женскаго —	5
Въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ	596
— С. Петербургскомъ Универ- ситетѣ	8
— Дерптскомъ	6
— Академіи Наукъ	7
— — — Художествъ	2
— Коммерческомъ Училищѣ.	10
— ученыхъ и салонниковъ	16
— Межевомъ Училищѣ	32
— Фельдшерской Школѣ	41
На Александровской Ману- фактурѣ, мужскаго пола	399
женскаго пола	187
— частныхъ фабрикахъ, м. п. женскаго пола.	103
У мастеровъ, мужск. пола.	812
женскаго пола.	2
— Въ Училищѣ Глухонѣ- мыхъ, мужскаго пола	14
женскаго	16
— — — Слѣпыхъ, м. п. женскаго	4
— — — — —	2
— Богадельнѣ, жен. пола	101
— разныхъ женскихъ учеб-	

ныхъ заведеніяхъ въ при- служъ, женскаго пола	400
<hr/>	
— Всего муж. п.	8163
жен. п.	8373

Желательно, чтобъ кто-нибудь изъ просвѣщенныхъ врачей передалъ на русскомъ языкѣ извѣстія о нынѣшнемъ состояніи Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома: это могло бы служить важнымъ матеріаломъ для медицинской статистики. Нельзя умолчать при этомъ, что отчеты о больницахъ, составленные гг. Герцогомъ, Дешпомъ, Зейдлицомъ и Майеромъ — прекрасные матеріалы для статистики Россіи. Порадуемся, что попечительный Совѣтъ также издастъ отчеты о подвѣдомственныхъ ему больницахъ, составленные, какъ намъ извѣстно, гг. главными врачами. Это будетъ явленіе пріятное, давно ожидаемое.

9) *BULLETIN de la Société Imperiale des Naturalistes de Moscou. Année 1842: N° 4. Avec une planche. Moscou, de l'imprimerie d'Auguste Serten.* (Бюллетень Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы. Годъ 1842. № 4. Съ однимъ рисункомъ). Москва. Въ тип. Семена. 1842. Въ 8-ю д. л. 249 стр.

Этою книжкою начинается изданіе журнала Общества въ текущемъ году. Содержаніе первой книжки слѣдующее: 1) Байнальско-Даурская Флора (начало), г. Турчанинова; 2) Обзоръ окаменѣлостей Московской Губерніи (съ однимъ рисункомъ); г. Фишера фон-Вальдгеймъ; 3) Четыре новые рода русскихъ растений, собранныхъ г. Карелинымъ; 4) Указаніе и краткое описаніе растений, собранныхъ г. Карелинымъ на высотахъ Алатау, въ 1841

году, для Общества (начало). Здѣсь вновь описываются многіе новые роды и виды русскихъ растений; 5) Описание минеральной воды; открытой въ самомъ городѣ Москвѣ, на Варварской Площади, г. Германа. Авторъ, известный практическими свѣдѣніями въ изученіи минеральныхъ водъ, находитъ въ московской водѣ ближайшее сходство съ пирмонтскими ключами и несомнѣвается, что она окажется весьма дѣйствительною во многихъ трудныхъ болѣзняхъ, для изслѣдованія чего его свѣтлость градоначальникъ Москвы сдѣлалъ нужныя распоряженія. Что если Москва въ-самомъ-дѣлѣ будетъ имѣть дѣйствительный, цѣлебный минеральный источникъ?.. 6) Смѣсь. 7) Метеорологическія наблюденія, производимыя въ Обсерваторіи Московскаго Университета, за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1841-го года, г. Спасскаго. 8) Выписки изъ протоколовъ засѣданій Общества. 9) Приложение геогностическій разрѣзъ пространства между Москвою и Бѣлзвымъ, сдѣланный по наблюденіямъ извѣстныхъ геологовъ, Мурчисона, де-Варнеля, Блэсиуса и графа Кейзерлинга, посѣтившихъ Россію въ прошломъ году. — Изданіе «Бюллетена» еще извѣстнѣе прошлагодннго.

10) DICTIONNAIRE FRANÇAIS - ARABE - PERSAN ET TURC. *Par le prince Alexandre Handjéri. Tome troisième. P—Z. Москва. Въ Университетской типографіи. 1844. Въ 4-ю д. л. 806 стр.*

Трудъ князя Ханджери, истинно-исполнскій, конечно. Занимающіеся восточными языками будутъ ему врно благодарны.

Т. XXI.—Отд. VI.

11) HISTOIRE DE LA LITTÉRATURE FRANÇAISE depuis son origine jusqu'à nos jours, par Joseph Courmand (Исторія Французской Литературы отъ начала ея до нашихъ временъ, соч. І. Курмана). Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Journal de S.-Petersbourg. Въ 8-ю д. л. 307 стр.

12) LECTURE GRADUÉE. *Ouvrage dans lequel les difficultés de la lecture sont simplifiées et présentées graduellement. Dedié aux mères par A. Boniface, instituteur (Постепенное Чтеніе. Сочт. А. Бонифасомъ). Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова. 1841. Въ 8-ю д. л. 106 стр.*

Первая изъ этихъ книгъ написана въ чисто-французскомъ критическомъ духѣ: въ ней всѣ авторы похвалены, даже и такіе, которыхъ ни у кого не достанетъ духу прочесть; всѣ литературныя имена удостоены почетнаго упоминовенія — даже и такія, которыя при жизни носившихъ ихъ, были извѣстны друзьямъ ихъ и родственникамъ. Такъ пишутся всѣ французскіе курсы литературы — такъ написалъ свой курсъ и г. Курманъ, и, какъ истинный Французъ, написалъ ясно, толковито, хорошимъ языкомъ, и издалъ не только опрятно, но и красиво.

Заглавіе второй книги говоритъ за ея содержаніе; мы прибавляемъ отъ себя только, что исполненіе очень-хорошо.

13) DEUTSCHE SYNESTOMATIK zum Gebrauch der deutschen Hauptschule St. Petri (Нѣмецкая Хрестоматія для употребленія въ Главномъ Нѣмецкомъ Училищѣ Св. Пе-

тра). Санктпетербургъ, 1842. Въ
тип. Крайл. Въ 8-ю д. л. 286 стр.

гизъ, издаваемыхъ въ Россіи, — ни хуже,
ни лучше. Она, вѣроятно, имѣетъ осо-
бое назначеніе, которое лучше извѣст-
но издателю, нежели намъ.

Учебная книжка въ родъ сотни дру-

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Изъ безчисленнаго множества разсказовъ о путешествіяхъ и поездахъ, снова появившихся въ Англіи въ последнее время, упомянемъ здѣсь только о нѣкоторыхъ, замѣчательнѣйшихъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ: *Incidents of travel in Central America, Chiapas and Yucatan* by John L. Stephens. 2 vols (*Приключенія во время путешествія по Центральной Америкѣ, Чиapasу и Юкатану*, Джона Л. Стефенса, 2 части). Эта любопытная книга разошлась въ короткое время въ Америкѣ въ числѣ 10,000 экземпляровъ, и переведена уже на французскій и нѣмецкій языки. Авторъ ея былъ отправленъ президентомъ Соединенныхъ-Штатовъ, Фан-Буреномъ, съ дипломатическою миссіею въ Среднюю Америку, и получилъ позволеніе путешествовать по ней и обозрѣть ее по мѣрѣ исполненія возложеннаго на него порученія. Прибывъ на мѣсто, бывшее дѣлю поѣздка, онъ встрѣтилъ вездѣ возмущенія и междоусобія, и потому продолжалъ свое путешествіе, углубляясь во внутренность страны на 3,000 нглійскихъ миль. Путешествіе его не-

полнено самыхъ любопытныхъ приключеній и особенно важно тѣмъ, что онъ подробно описываетъ таинственные остатки самыхъ древнѣйшихъ обитателей американскаго материка. Онъ посѣщалъ много древнихъ, существующихъ теперѣ въ оныхъ развалинахъ городовъ, и товарищъ его, живописецъ Катервудъ, не смотря на величайшія затрудненія, вездѣ на мѣсть срисовывалъ любопытнѣйшіе предметы, служащіе теперь украшеніемъ книги, изданной чрезвычайно-роскошно.

Не менѣе важно во многихъ отношеніяхъ состоящее въ связи съ предъидущимъ сочиненіе: *Letters and Notes on the manners, customs and condition of the North American Indians* by George Catlin, 2 Vols with 400 illustrations (*Письма и замѣтки о нравахъ, обычаяхъ и положеніи Индійцевъ Сѣверной Америки*, Джорджа Катлина, 2 тома съ 400 гравюрами). Авторъ восемь лѣтъ сряду бродилъ по пустынямъ и дугамъ Сѣверной-Америки, посѣщая британскія, американскія и мексиканскія владѣнія, въ надеждѣ собрать болѣе полныя и точныя свѣдѣнія о нра-

вахъ и обычаяхъ дикихъ племенъ, нежели тѣ, какія собраны были до него другими. Ревность его была подстрекаема особенно увѣренностью, что эти многочисленныя племена человѣческаго семейства быстрыми шагами приближаются къ своему уничтоженію, — что они исчезаютъ тамъ болѣе, чѣмъ ближе подходятъ къ нимъ просвѣщеніе, — что они, по собственному выраженію ихъ, *напреваются отъ правителъ къ тѣнямъ отцовъ своихъ въ страну заходящаго солнца*. Въ продолженіе восьмилѣтнихъ, исполненныхъ опасностями странствованій, наблюденій и изысканій, автору было возможно посѣтить сорокъ-восемь различныхъ племенъ, составляющихъ до 400,000 душъ и болышую часть живущихъ еще въ первобытной дикости. Будучи страстнымъ художникомъ, Кетлингъ не оставлялъ нигдѣ холста и кисти, такъ-что возвратился съ 500 написанными на мѣстахъ масляными картинами, въ числѣ которыхъ около 300 портретовъ начальниковъ, воиновъ и пр., по-большой-части снисанныхъ въ ростъ, вооруженныхъ и одѣтыхъ въ костюмы племени; на прочихъ картинахъ изображены деревни, религиозныя празднества, пляски, игры дикихъ и т.д.; въ нихъ слышкомъ 3,000 фигуръ. Самъ авторъ выставлялъ оригинальныя картины свои въ Egyptian hall, въ Лондонѣ, подъ названіемъ «North American Museum» (сѣверо-американскій музеумъ). Въ цѣломъ, эти изображенія носятъ на себѣ еще отпечатокъ мгновеннаго впечатлѣнія; въ нихъ замѣтно что-то отрывочное, разрозненное и это вредитъ только стилю, по не занимательности предмета.

Неменѣе любопытныя свѣдѣнія о «краснокожихъ» доставляетъ *The Canadas in 1844 by Sir Richard Bonycastle, 2 vols. (Канада въ 1844 году, сэра Ричарда Боннейкстля, 2 части)*. Бѣдныя цвѣтныя, вытѣсняемые жестоко-сердыми американскими пионерами, укрываются къ челоуѣколюбивымъ (можетъ быть, изъ такихъ же видовъ это-

изма) британскимъ обитателямъ Канады. Здѣсь ихъ принимаютъ съ распаростертыми объятіями, и они наслаждаются благодѣяніями цивилизованной жизни, часто, къ-сожалѣнію, превращающимися для нихъ въ гибель. Особенно любовь къ *красной водѣ* дѣйствуетъ на неосторожныхъ дѣтей природы вреднѣе, нежели притѣсненія Американцевъ. Иногда цѣлыя племена подвергаются строгостямъ военной дисциплины; такъ, на-пр., неоднократно упоминаемое Куперомъ племя Могаковъ, отличавшееся дикостью, служило подъ начальствомъ автора Канады въ пограничной войнѣ 1837 года, и онъ хвалитъ услуги, оказанныя ему этими дикарями при равныхъ случаяхъ. По окончаніи войны, вѣскольکو ружей, нѣскольکو женскихъ уборовъ, нѣскольکو ящиковъ табаку, небольшое количество пороха и свинца вполнѣ вознаградили вѣрныхъ союзниковъ за ихъ помощь. Кромѣ подробностей о краснокожихъ, въ книгѣ замѣчательны еще топографическія свѣдѣнія о Канадѣ, и ближайшія указанія о ливнѣхъ сообщенія и позиціяхъ, представляемыхъ этою страной для торговли и войны. При всемъ богатствѣ свѣдѣній, книга, однакожъ, лишена всякой живости, и авторъ часто утомляетъ читателя сухостью и разнообразіемъ своего слога.

Между множествомъ книгъ о Новой Зеландіи, можно упомянуть объ *Account of the Settlements of the New-Zealand Company by sir W. Petre (Извѣстія о Поселеніяхъ Новозеландской Компаніи, соч. сэра Уильяма Петра)*. Это значительное поселеніе въ Тихомъ Океанѣ, обещающее сдѣлаться для этого міра островомъ средоточіемъ новой цивилизаціи, значительной торговли и расцвѣтающей промышленности, сначала нѣскольکو не было поддерживаемо англійскимъ правительствомъ. Напротивъ, компанія, основавшая первыя поселенія, была еще принуждена бороться съ интригами и подозрительными мѣрами, принятыми для ограниче-

нія ея англійскими губернаторами. Другая книга — *Rambles in New Zealand*, by M. J. C. Bidwill (*Пронюлки по Новой Зеландіи*, соч. М. I. Ч. Бидуиля) представляет весьма точное изображение внутренности острова, куда до сих пор проникли еще весьма немногие путешественники. Сверхъ-того, она содержитъ въ себѣ важныя и любопытныя свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ обитателей Новой-Зеландіи. Изъ замѣтокъ путешественника видно, что, для совершеннаго истребленія бѣдныхъ островитянъ, достаточно представить этимъ задорнымъ племенамъ полную волю и не вмѣшиваться въ ихъ непрерывныя внутреннея раздоры. Нѣтъ сомнѣнія, что человеколюбивая Англія воспользуется этимъ совѣтомъ!!

Въ книгѣ *Account of Konaour in the Himalaya etc.*, by the late Capt. Alexander Gerard (*Свѣдѣнія о Канавурѣ въ Гималайскихъ Горахъ и проч.* капитана Александра Жерара), г. Джоржъ Ллойдъ собралъ разсѣяныя по разнымъ географическимъ «обозрѣніямъ» статьи знаменитаго путешественника по Индіи, Александра Жерара. Особенно любопытно, между прочимъ, описаніе Канавурскаго Округа, простирающагося на пространствѣ около 80 милью берегамъ Сутладжа (Sutledje), одной изъ пяти рѣкъ, отъ которыхъ страна Пенджабъ заимствовала свое названіе. Округъ этотъ нѣчто въ родѣ вѣснаго рая, заключеннаго въ исполнинскихъ Гималайскихъ Горахъ, изъ которыхъ самая меньшая превосходитъ величиною Мон-Бланъ. Въ эту счастливую долину путешественники проникаютъ сквозь 15 горныхъ тѣснищъ, изъ которыхъ самая просторная возвышается на 15,000 футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Не смотря на это значительное возвышеніе, страна далеко не такъ холодна, какъ можно было бы предполагать, и это зависитъ отъ сухости воздуха въ Гималайскихъ Горахъ. Величайшія опасности, которымъ подвергаются путешественники на этихъ исполнинскихъ горныхъ хребтахъ, происходятъ отъ

силы вѣтра, быстро оледеняющаго тѣло; иногда на пространствѣ нѣсколькихъ миль путешественникъ не находитъ никакого топлива, подвергаясь въ то же время вредному вліянію разрѣженнаго воздуха, приписываемаго легковѣрными туземцами испареніямъ ядовитыхъ растеній. Эти туземцы, по словамъ автора, дѣятельны, благородны, гостепріимны и необыкновенно добросовѣстны во всѣхъ своихъ поступкахъ. Они вмѣстѣ пастухи и вупцы; лѣто проводятъ въ прелестнѣйшихъ долинахъ, осенью отправляются на рынки въ Гаррокъ, Лехъ и Мурдваръ (Garroc, Leh, Murdwar); въ зимѣ приходятъ въ свои деревни, гдѣ ткутъ грубыя шерстяныя матеріи, изъ которыхъ готовятъ себѣ плащи, головные уборы и даже башмаки. Зимній кормъ стада состоитъ преимущественно въ древесныхъ листьяхъ, складываемыхъ на плоскихъ крышахъ домовъ. Мѣсто не позволяетъ намъ войти въ подробнѣйшее разсмотрѣніе этой интересной книги: жаль только, что на наданіе жераровыхъ бумагъ обращено весьма мало вниманія; желательно бы, чтобъ всѣ свѣдѣнія Жерара и двухъ братьевъ его, также извѣстныхъ своими путешествіями по Индіи, были собраны и наданы съ болѣею послѣдовательностью.

Другое сочиненіе о гималайскихъ странахъ — *Notes on the religious, moral and political state of India*, by Col. Sykes (*Замѣтки о религіозномъ, нравственномъ и политическомъ состояніи Индіи*, К. Сейкса). Важнѣйшая часть этой книги — та, въ которой доказывається, что брахманамъ, священный языкъ и литература Индусовъ отнюдь не происходятъ изъ основнаго источника, появившагося безъ всякаго вліянія другихъ народовъ. Авторъ подкрѣпляетъ свои изслѣдованія путевыми замѣтками китайскаго буддистскаго жреца, по имени Фа-хи-анъ, посѣщавшаго Индію около 399 года по Р. X. По преданіямъ этого древняго путешественника, въ его время господствуютъ

щею религією въ Индіи былъ буддизмъ; брахманизмъ же былъ или неизвѣстенъ, или ограниченъ немногими округами. Изъ этого слѣдуетъ, что священныя книги и поэмы, повѣствующія о всеобщемъ распространеніи брахманизма, относятся къ позднѣйшему времени. Далѣе, изъ разсказа Фа-хи-ана видно, что языкъ *пали* былъ въ то время общеупотребительнымъ нарѣчіемъ въ Индіи, и это подтверждается относящимися къ буддизму надписями на древнихъ памятникахъ, открытыхъ между Гималайскими Горами и Коморинскимъ Мысомъ. Изъ всего этого Сейксъ заключаетъ, что санскритскій языкъ, по-крайней-мѣрѣ въ настоящемъ своемъ видѣ, не существовалъ тогда, а какъ слово: *пали* означаетъ то же, что «основной», слово же *санскритъ* то же, что «усовершенствованный» или «выглаженный», то авторъ полагаетъ, что санскритскій языкъ вѣроятно искусственный, составленный изъ *пали*. Между-тѣмъ, если и предположить, что брахманизмъ не существовалъ въ настоящемъ видѣ своемъ, однакожь изъ историковъ эпохи Александра-Македонскаго и изъ извѣстій самого Фа-хи-ана видно, что въ Индіи существовали люди, которые были извѣстны подъ именемъ *брахмановъ*. Сейксъ приводитъ цѣлый рядъ доводовъ, которыми доказываетъ, что они были свѣтскими людьми, а не жрецами, и даже принадлежали къ буддистскому исповѣданію. Онъ говоритъ, что еще въ VII столѣтіи они почитались въ Южной и Восточной Индіи чужестранцами, и только позже усилились и сдѣлали Пешджабъ резиденціею своей власти. Слѣдствіемъ этого было бы, что они находились въ сношеніяхъ съ сосѣдними бактрійскими Греками, и потому греческое образованіе могло не имѣть на нихъ вліянія, что и доказывается другими изслѣдованіями въ новѣйшее время, какъ напр., Wall's «On the propagation of Alphabets and other phonetic systems throughout Eastern Asia.»

— Положительныя показанія китай-

скихъ путешественниковъ, недостатокъ древнихъ надписей на санскритскомъ нарѣчии и совершенное *исключеніе исторіи* изъ круга санскритской литературы — безъ сомнѣнія сильныя основанія противъ предполагаемой древности брахманическихкихъ учрежденій, философіи и литературы. Впрочемъ, Веды, Пураны и другія священныя книги Индусовъ, по всемъ вѣроятностямъ, исполнены перерывовъ и поддѣльныхъ мѣстъ. Удерживаемся отъ всякаго приговора въ этомъ дѣлѣ и приводимъ только заключительныя слова автора, характеризующія въ то же время Англичанъ: «Если брахманизмъ не имѣетъ ни неоспоримой древности, ни неизмѣннаго характера, то мы въ правѣ думать, что, при мѣрѣхъ, употребленныхъ съ осторожностію и кротостію, всегда возможны перемѣны, по мѣрѣ того, сколько онѣ согласуются съ духовными потребностями Индусовъ, для улучшенія нравственнаго и общественнаго положенія этихъ народовъ и способствованія имъ вѣчному блаженству.»

Еще заслуживаютъ особеннаго упоминанія:

Rambles in Ceylon, by Lieut. de Butts (Прогулки по Цейлону, поручика де Буттса). Хотя вся книга составлена довольно-небрежно, однакожь она имѣетъ некоторое достоинство по совершенному недостатку свѣдѣній объ этой важной индійской колоніи Англичанъ. Узкій проливъ, отдѣляющій островъ Цейлонъ отъ твердой земли, въ прежнія времена, былъ, повидимому, перешеекъ, прорытый, вѣроятно, какъ-нибудь переворотомъ въ природѣ. Священный островъ Рамизерамъ, лежащій посреди этого пролива, привлекаетъ пилигримовъ съ Цейлона и твердой земли, и потому кажется памятникомъ древней связи, существовавшей между островомъ и материкомъ. На островѣ Рамизерамъ, за высокими стѣнами, находится необъятный, огромный храмъ, вмѣстѣ съ большими водоохранилищами для предписываемыхъ законовъ

омовеній Индусовъ и съ многочисленными часовнями. Въ длинныхъ галлереяхъ стоятъ исполинскіе идолы Вишны, Шивы и прочіихъ индусскихъ божествъ, представленныхъ въ стоячемъ положеніи. Большая часть храма, святая-святыхъ, недоступна невѣрующему Европейцу; отсюда-то раздаются непрерывно звуки музыки, и священныя дѣвы, составляющія хоръ, бросаютъ скрытно любопытные взгляды сквозь полураздвинутыя занавѣсы. Превосходная Тринкомалійская Гавань, по выгодному своему положенію, составляетъ одну изъ лучшихъ гаваней въ Индійскомъ Океанѣ, и прекрасный островъ со своими роскошными лѣсами и тропическими растеніями представляетъ изъ себя восхитительное зрѣлище. Одно изъ главныхъ удовольствій для проживающихъ здѣсь Европейцевъ — охота за слонами, находящимися въ лѣсахъ Цейлона, вмѣстѣ съ другими дикими звѣрьми, въ большомъ числѣ. Авторъ описываетъ такую охоту чрезвычайно-заманчиво. Недалеко отъ Тринкомалы находится одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній рукъ человѣческихъ, сохранившееся отъ древнѣйшихъ временъ и противорѣчащее настоящей необразованности Цингалезовъ. Это Канделейское Озеро (Kandeleu-^{ea}), необытное циклопическое водохранилище, въ широкой долинѣ, имѣющее въ окружности около 15 квадратныхъ миль. Долина эта составлена изъ скалистыхъ обломковъ, складенныхъ одинъ на другой, и образуетъ искусственную плотину для принятія водъ, стекающихъ изъ соседнихъ горъ во время дождей; она изобилуетъ такимъ образомъ сильно-населенными низменности отъ наводненія. Этотъ геркулесовскій трудъ тѣмъ болѣе достоинъ удивленія, что пособія механики при подобныхъ работахъ, вѣроятно, были еще тогда совершенно неизвѣстны, и, слѣдовательно, все это произведено единственно помощію физическихъ силъ строителей. На любопытномъ островѣ Цейлонѣ не суще-

ствуетъ, какъ въ Индустанѣ, различія кастъ: здѣсь есть только одна каста, презираемая, подобно индусскимъ паріямъ, — каста родіасовъ (Rhodias), которая состоитъ по-большой-части изъ преступниковъ всякаго рода. Туземцы нѣсколько разъ отказывались, при встрѣчавшихся случаяхъ, помогать англійскому правительству въ поимкѣ какого-нибудь изъ этихъ преступниковъ, предлагая, напротивъ, травить и убивать его, какъ дикаго звѣря. Англійское правительство старается образовать этихъ несчастныхъ и облегчить ихъ участь; поэтому родіасы болѣе держатся Англичанъ, нежели своихъ цингалезскихъ земляковъ, которые до-сихъ-поръ упорно отказываются служить вмѣстѣ съ ними въ полкахъ, составленныхъ изъ Малайцевъ. — Отъ прежней столицы острова, Анараджапура (Anaradjahpooa) остались одніи истинно-колоссальныя развалины, между-прочимъ 1600 огромныхъ колоннъ, служившихъ подпоркою одному буддическому храму, и 6 дагобасовъ (dagobas), или необъятныхъ каменныхъ массъ, съ немногими вмѣстѣлицами внутри, которыя, подобно египетскимъ пирамидамъ, служили памятниками царствованію государя, соорудившаго ихъ. Эти дагобасы, однако, гораздо неуклюжѣе, нежели драгоценные египетскіе монолиты, и самыя большіе, при вышинѣ и діаметрѣ въ 270 футовъ, содержатъ въ себѣ каменную массу въ 450 000 англійскихъ кубическихъ ярдовъ. Исчисливъ достопримѣчательности острова, авторъ представляетъ еще нѣсколько подробностей о системѣ, которой слѣдуетъ здѣсь англійское правительство; только при послѣднемъ губернаторѣ приняты разумнѣйшія основанія въ-отношеніи къ свободѣ торговли, а уменьшеніемъ таможенныхъ пошлинъ на вывозные товары оживлена торговля и невѣроятно умножилось благосостояніе жителей.

Чрезвычайно интересна, какъ современная новость, книжка — *Narrative*

of a recent imprisonment in China after the Wreck of the Kite by John Lee Scott (Повествованіе о плѣнѣ въ Китаѣ послѣ крушенія брѣга «Коршунъ», Джона Ли-Скотта). Китайская жизнь и нравы — сокровище, котораго долго не исчерпать; авторъ книги — молодой морякъ на купеческомъ суднѣ; воспользовавшись несчастіемъ, постигшимъ «Коршуна», онъ рассказываетъ съ величайшею простотою происшествія, которыхъ былъ очевидцемъ и въ которыхъ самъ дѣйствовалъ, но рассказываетъ такъ живо и увлекательно, какъ едва-ли рассказало бы намъ самое ученое и изысканное сочиненіе. Невозможно передать въ короткихъ словахъ содержаніе этой книжки, но, при случаѣ, мы представимъ читателямъ въ особой статьѣ краткое извлеченіе изъ повѣсти о страданіяхъ несчастнаго экипажа и соединенное съ нею изображение жизни и сравнительныхъ обычаевъ его мучителей — Китайцевъ.

Менѣе занимательно въ-отношеніи къ живости изображенія, но важно по научнымъ замѣчаніямъ твореніе профессора китайскаго языка при Лондонскомъ Университетѣ, С. Кидда: *China, or Illustrations of the Symbols, Philology, Antiquities etc. of the Chinese*. Авторъ намъренъ представить въ образѣ картину китайскаго мышленія и для этого начинаетъ объясненіемъ обстоятельствъ, болѣе всего имѣвшихъ вліяніе на образованіе китайскаго характера. Значительную часть ихъ приписываетъ онъ языку, и въ-слѣдствіе этого преимущественно занимается изслѣдованіемъ природы и силъ ея. Въ противность Депоисъ, Кидда утверждаетъ, что въ китайскомъ языкѣ господствуетъ не алфавитная, а символическая система; для этого онъ сравниваетъ систему китайскихъ символовъ съ системою египетскихъ иероглифовъ. Вслѣдъ за тѣмъ доказывается, что фонетическая система толкованія, защищаемая Шампольономъ, основывается на заблужденіи, потому что это приемъ, несоединимый съ ду-

хомъ символическаго языка, въ которомъ нельзя переносить идеи на звуки. Отъ языка, авторъ переходитъ къ обычаямъ и въ разныхъ точкахъ показываетъ существенное сходство между Китайцами и Египтянами, особенно чрезвычайную важность, какую они поставили въ церемоніалѣ погребенія и обыкновеніе ихъ знакомиться посредѣ жизни съ картиною смерти. Сильное вліяніе, какое обнаруживаетъ система китайской цивилизаціи, авторъ находитъ и въ томъ, что татарскіе завоеватели Китая заимали свои национальные обычаи обычаями покореннаго народа. Мавджурская династія выдумала баснословную генеалогію, въ-слѣдствіе которой производитъ происхожденіе своего основателя отъ небесной сороки: Эта птица до-сихъ-поръ почитается покровительницею царскаго рода. Китайцы чрезвычайно суевѣрны и особенно преданы астрологіи и магіи. Большая часть ихъ вѣромантическихъ обрядовъ ребячески-нелепы, а многіе отвратительны. Любопытно, что они, подобно пивагорейцамъ и древнимъ Египтянамъ, придаютъ нѣкоторымъ цифрамъ мистическое значеніе. Китайцы говорятъ, что числа начинаются единичною, ставятся совершенными при 3-хъ и оканчиваются 10 ю. Три, какъ и у Египтянъ, означаетъ множественное число: поэтому, желая показать множественное число какого-нибудь предмета, они повторяютъ три раза слово, его изображающее. Основаніемъ многихъ китайскихъ символовъ служитъ то же начало. Па-примѣръ, три солнца означаютъ блескъ, три языка — болтливость, символъ водосъ, повторенный три раза, означаетъ шкуру животныхъ, пухъ птицъ, вообще что-нибудь нѣжное, мягкое. Тройкій символъ травы означаетъ генерическое выраженіе для растеній, травъ и деревьевъ, три дерева — лѣсъ; мы умолчимъ о многихъ подобныхъ примѣрахъ. Египтяне употребляютъ символъ 3 также для выраженія неспособности говорить, потому

что, если ребенок не говорит, достигнув трехъ лѣтъ, то можно предполагать, что онъ не будетъ говорить никогда. Тотъ же законъ лежитъ въ основаніи трехгодичнаго траура дѣтей по родителямъ, потому-что въ-продолженіе этого времени послѣ смерти родителей дѣти почитаются особенно безпомощными. — Мы коснулись только тѣхъ частей книги, которыя имѣютъ болѣе общій интересъ: большая же половина ея назначена для ученыхъ, занимающихся этимъ предметомъ.

Отъ этнографіи, или народоописанія—къ исторіи одинъ только шагъ; мы дѣлаемъ этотъ шагъ и скажемъ еще о вѣсколькихъ важнѣйшихъ историческихъ произведеніяхъ новѣйшаго времени. Отдѣлъ исторической литературы въ Англии все еще удерживаетъ свою прежнюю значительность со времени Юма, Гиббона, Робертсона, Кокса, Розку (Roscoe), Литтльтона, этихъ двухъ великихъ триумвиратовъ древнѣйшей исторіографіи, до Вальтера Скотта, Ливгарда и Галлама. Въ послѣднее время явилось опять вѣскольکو превосходныхъ специальныхъ историческихъ книгъ; мы уже прежде упоминали объ Исторіи Европы во время французской революціи въ 10 томахъ, Арчибалда Азисона, равно какъ и о большихъ произведеніяхъ Эльфинстона и Милля объ Индіи. Передъ нами лежитъ опять удачное сочиненіе подъ названіемъ: *The History of the Western Empire from its Restoration by Charlemagne to the Accession of Charles V*, by Sir Robert Comyn, 2 vols (*Исторія Западной Имперіи отъ возстановленія ея Карломъ-Великимъ до востшествія на престолъ Карла V*, соч. сэра Роберта Комина, 2 части). Авторъ, главный судья въ Мадрасѣ, употребилъ рѣдкіе часы своего досуга на изученіе исторіи развитія европейскихъ народовъ, начиная съ того времени, когда Карлъ-Великій возстановилъ Западную Римскую Имперію, до востшествія на престолъ Карла V-го. Послѣдняго происшествія, конечно, нельзя принять за

время освобожденія народовъ отъ цѣпей среднихъ вѣковъ; но въ то время, когда Карлъ V принялъ бразды правленія, различные элементы новаго государственнаго общества пріобрѣли твердость, оставившую дальнѣйшіе успѣхи народовъ выше всякаго человѣческаго руководства. Человѣческій духъ мало-по-малу страхалъ съ себя иго догматовъ безъ явнаго сопротивленія и только увлекаемый обстоятельствами. Авторъ видитъ между двумя даттами заглавія своей книги особенную эпоху общественнаго движенія, какой-то родъ опеки, которую производили на европейскую цивилизацію папа и императоръ. Царствованіе Карла-Великаго, борьба между императорами и папами, исторія императорскаго дома Гогенштауфеновъ, исторія французскаго вліянія въ Италіи, организація ломбардскихъ муниципалитетовъ, большой расколъ на Западъ и соборъ въ Констанцѣ, злоупотребленія рыцарства, введеніе тайныхъ судилищъ, времена Борджіевъ, италіянскія войны, камбресскій миръ, — вотъ почти рядъ событій, который проходятъ авторъ съ рѣдкою ясностью взгляда и умомъ, образованнымъ посредствомъ основательнаго подготовительнаго ученія.

Въ другомъ родѣ и именно для новой исторіи весьма важно — *Memoirs of the R. H. Warren Hastings, late Governor-General of India, including his Journals and Letters by the Rev. G. R. Gleig. 3 vols* (*Записки Уаррена Гастингса, послѣдняго генерал-губернатора Индіи, содержащая въ себѣ его журналы и записки, Д. Р. Глейга, 3 части*).

Хоть литературныя заслуги этого сочиненія, составленнаго по оригинальнымъ бумагамъ, хранящимся въ семействѣ Гастингса, незначительны, однакожь, необыкновенная судьба знаменитаго генерал-губернатора Индіи, преемника лорда Клейва, все-таки представляетъ высокій интересъ. Имя этого человѣка, изъ нищеты вдругъ очутившагося на вершинѣ человѣческаго величія, казалось, назначено было для

громкой славы, какъ вдругъ, посреди блистательнѣйшаго поприща, знаменитый процессъ, продолжавшійся девять лѣтъ, бросилъ ужасный свѣтъ на его тиранническое и продажное управленіе. Гастингсъ, оправданный парламентомъ по политическимъ видамъ, но лишенный всѣхъ чиновъ и неисчислимыхъ сокровищъ, провелъ послѣдніе дни своей жизни въ темномъ забвеніи, хоть и въ роскоши, которую обязанъ благодареніямъ Остндской Компаніи, вынужденнымъ настойчивыми требованіями. Гастингсъ умеръ въ 1818 году, 86 лѣтъ, отъ болѣзни, которая препятствовала ему принимать пищу. Страшна судьба, осудившая грабителя множества провинцій на голодную смерть!.. Не смотря на довольно-пустыя размышленія, которыя старались оправдать Гастингса, большая часть злодѣлій, ему приписанныхъ, осталась неопровержимою, и даже эти записки индійскаго Верреса выставляютъ въ еще болѣе-яркомъ свѣтѣ преступленія его тиранніи, продажности и необузданной расточительности. Можетъ-быть, мы скоро разовѣдемъ передъ читателями полную драму англійскаго управленія въ Индіи, драму исполненную крови, ужасовъ и необузданнаго своеволія.

Упомянемъ еще о книгѣ, непринадлежащей ни къ одному изъ двухъ рядовъ книгъ, о которыхъ мы говорили, хоть она и является съ нѣкоторыми претензіями; это книга, подъ заглавіемъ: *The Student life of Germany by William Howitt, from the unpublished Memoirs of Dr. Cornelius* (Жизнь

Студента въ Германіи, Уильяма Хоуитта, изъ неизданныхъ записокъ доктора Корнеліуса). Жизнь нѣмецкаго бурша должна представить текстъ для компіляціи этой толстой книги; авторъ пользовался неизданными рукописями какого-то доктора Корнеліуса. Англичанинъ поступилъ бы лучше, подражая манеръ этого нѣмецкаго доктора. Если, какъ сказано въ предисловіи, нѣмецкій авторъ имѣетъ цѣлю уменьшить пристрастіе германскаго юношества къ пиву и дракамъ, а англійскій — приучить своихъ молодыхъ земляковъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ къ удовольствіямъ болѣе благороднымъ, нежели тѣ, которыя предаются они теперь, то ужь, конечно, такая книга самое неудобное орудіе для достиженія этой цѣли. Гейдельбергскіе «фуксы», впрочемъ, нисколько не стоятъ ниже кембриджскихъ *Trenchbergers* (тарелочныхъ шапокъ). Если студенты на Неккерѣ много поютъ, то студенты на Кэмѣ (Cam) пьютъ еще болѣе, и пиво и табакъ замѣняютъ здѣсь дорогой шерри, кларетъ и портвейнъ, такъ какъ короткую венгерку и нѣмецкую фуражку замѣняютъ жоккейская шапка и охотничье платье. Студенческое варічье, впрочемъ, и здѣсь и тамъ одинаково невысоко, но можетъ-быть въ Германіи не такъ остроумно, какъ въ Англіи. Сверхъ-того, кодексъ пивныхъ и дуельныхъ законовъ, ночныя экспедиціи и пѣсни бурша — слишкомъ истерты, да и весьма важны для наполненія ими тоастыхъ томовъ.



ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ послѣднее время промышленная сторона сильно развилась во французской литературѣ, и это развитіе усиливается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Говорятъ, въ мастерскихъ механическихъ искусствъ существуетъ особенный родъ распредѣленія работъ, который облегчаетъ и ускоряетъ ихъ; напр., при дѣланіи кареты, одинъ работаетъ колеса, другой рессоры, третій лакируетъ и расписываетъ ее. Право, можно подумать, при взглядѣ на нѣкоторыя произведенія, присвоеняющія, однако, себѣ названіе произведеній умственныхъ, что и въ литературѣ есть подобныя фабрики, гдѣ употребляютъ такія же средства.

Чтобъ отыскать причину этого прискорбнаго движенія, увлекающаго большую часть французскихъ романистовъ на путь чисто-торговой, надобно обратиться назадъ, къ довольно-давнишнему произведенію журнализма, — роману-фэльтону. Согласились ли бы Гёте, Вальтеръ Скоттъ, Фильдингъ, Руссо, эти люди, обладавшіе силою творчества, — согласились ли бы они лати наперекоръ своему таланту, чтобъ удовлетворять ненасытную прихоть толпы? Не побоялись ли бы они, что посреди убійственной атмосферы міра дѣйствительнаго не такъ роскошно расцвѣтетъ прелестный міръ ихъ фантазіи? Видано ли когда-нибудь, чтобъ прелестныя героини: Мианьона Гёте, Юлія Руссо, Софья Уэстеръ Фильдинга, или чистыя, невинныя дѣвуш-

ки Вальтера Скотта владѣли свои длинныя одежды по этой аренѣ, или употребляя выраженіе одного французскаго критика, по этому пыльному бульвару литературы, называемомъ ежедневною газетою? Мы знаемъ, что между полумертвыми рыцарями фэльтона нѣтъ писателей, которые могли бы равняться Гёте, Вальтеру Скотту, или Руссо, что горестное вліяніе подѣннаго вдохновенія помѣшало бы имъ достигнуть той высоты, на которую способности ихъ давали бы имъ право; но можно ли смотрѣть безъ сожалѣнія на таланты признанныя, неоспоримые, пускающіеся по этой же пагубной стезѣ? На землѣ, всякой вещи опредѣлено приличное мѣсто. Предоставьте дикую пѣсню странствующаго Цыгана публичной площади и пріятную болтовню повѣствователя уютной комнатѣ съ каминомъ!

Между-тѣмъ, еслибъ повѣсть отъ того не теряла, намъ было бы мало заботы, рассказываютъ ли ее у камина, или на площади; мы жалѣемъ только о томъ, что на повѣсти отпечатлѣвается мѣсто, гдѣ она рассказана. Повѣствователь въ одно прекрасное утро смыло пускается въ рассказъ, который долженъ быть такъ же продолжителенъ, какъ существованіе французскаго министерства, или засѣданія палаты. Авторъ надѣется на долгую жизнь и продолжительное адоровье лицъ, которыхъ онъ пускаетъ въ свѣтъ. Къ несчастію, существа вымышленныя подвержены,

подобно существамъ дѣйствительнымъ, безчисленному множеству болѣзней. На другой же день, герой начинаетъ бредить и героиня впадаетъ въ слабость. Романистъ предпринялъ переѣздъ, который долженъ продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ, запасшись провизією только на нѣсколько часовъ; онъ завелъ декорацин для своего театра, костюмы для своихъ актеровъ и забылъ только — пьесу, или, лучше сказать, онъ надѣялся, что она придетъ сама-собою, и — вотъ несчастіе — она дѣйствительно приходитъ сама-собою, въ родѣ тѣхъ пьесокъ (proverbes), которыя импровизировались каждый вечеръ, въ XVIII вѣкѣ, на театрахъ любителей. Благодаря побужденіямъ всякаго рода, находимымъ въ степеніи публики, благодаря ея любопытству, ея одобренію и поощренію, всякій наконецъ находить чѣмъ наполнить свою ролю. Тогда, по истеченіи часа, бывала сыграна драма; теперь, въ теченіи мѣсяца, оканчивается романъ. Но сорившіе такимъ образомъ, въ XVIII вѣкѣ, каждый вечеръ, остроуміемъ, были вельможи и знатные люди, способные только на сочиненіе нѣсколькихъ мадригаловъ, которыми разгоняли свою скуку и нагоняли скуку на другихъ, между-тѣмъ, какъ люди, которые нынче такъ небрежливы на свой умъ, — настоящіе литераторы, назначенные если не прославлять человѣческую мысль негибнущими твореніями, то, по крайней-мѣрѣ, понимать искусство и стремиться къ возвышенной цѣли.

Говоря о романистахъ-фельетонистахъ, не будемъ упоминать о тѣхъ, которыхъ произведенія зарыты еще въ столбцахъ газетъ. Пусть они сами вырываютъ мертвыхъ, которыхъ разбросали на поляхъ битвы въ ежедневныхъ газетахъ, пусть хоронятъ ихъ въ книжкахъ въ восьмую долю листа: будемъ говорить только о тѣхъ, которые исполнили уже этотъ «последній долгъ» въ-отношеніи къ своимъ умственнымъ произведеніямъ.

Романъ *Mathilde, ou les Mémoires d'une jeune Femme*, par Eugène Sue (*Матильда, или Записки Молодой Женщины*, Эжена Сю) — самый поразительный примѣръ, который можно привести въ подтвержденіе сказаннаго нами противъ того пагубнаго способа изданія, который приняла большая часть французскихъ романистовъ. Это романъ, который, не смотря на всѣ свои недостатки, на всѣ психологическія претензіи, на безконечныя длинноты, на нѣсколько-ребяческое пристрастіе къ святскому блеску, возбуждаетъ, однакожъ, интересъ и оправдываетъ до нѣкоторой степени любопытство, съ которымъ его всѣ читаютъ. Мнѣ кажется, это произведеніе, тщательно обдуманное госпожиною Сю, имѣло бы своего рода цѣнность, еслибъ представляло болѣе чистоты стили и особенно являлось въ болѣе-благообразныхъ размѣрахъ. А то судите сами — шесть томовъ! Да это длиннѣ исповѣди Жан-Жака Руссо, чуть-чуть не длиннѣ «Семейства Холмскихъ»! Правда, дѣло шло не о бездѣлицѣ: авторъ намѣревался посвятить насъ во всѣ сердечныя тайны молодой женщины...

Полныя свѣдѣнія въ подобномъ предметѣ заставляютъ предполагать въ авторѣ наблюденія, дѣланныя не въ школѣ, и это предположеніе таково, что всякому автору пріятно породить его въ умъ читателей. Матильда г. Сю не скрываетъ отъ васъ ни одной мысли своей. Я помню фразу, гдѣ она говоритъ: «Я — о! я всегда употребляла во зло анализъ!» Надо сознаться, что она отдаетъ себя нѣкоторую справедливость. Я увѣренъ, что она побѣдитъ величайшихъ философовъ шотландской школы въ наблюденіяхъ надъ всеми феноменами души. Впрочемъ, это не психологія, полная аффектаціи и наперности: тонкость наблюденія частныхъ, чрезвычайная тщательность въ изслѣдованіяхъ не исключаютъ нѣкоторой живости чувства, которое довольно-удачно выражается въ нѣсколь-

ких мѣстахъ этого романа. Впрочемъ, романистъ впадаетъ въ погрѣшность, которая давно уже замѣтна въ немъ. Надѣливъ своего героя — нѣчто въ родѣ кавалера Грандиссона — языкомъ, переполненнымъ риторическими эффектами и метафорами, онъ самъ восхващается его краснорѣчіемъ. Нѣтъ, одинъ только человекъ могъ сказать, приводя свои собственныя слова: «*J'étais sublime*»; это Жан-Жакъ, когда бросившись къ ногамъ г-жи д'Удто, въ рощахъ Шевретты, онъ вдругъ вскакиваетъ свѣтлый и вдохновенный... Стыть-поръ, романисты часто примѣняли слова Руссо къ самимъ-себѣ или къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ, но они не имѣли на это никакого права, и читатели всегда противорѣчили ихъ мнѣнію.

Всѣ различные характеры, всѣ разнообразныя и безпрестанно-мѣняющіяся положенія души, наконецъ все, что выражаетъ нравственную часть Матильды, выказывается въ г. Сю, или, скорѣе, продолжаетъ выказывать въ немъ истинную способность наблюдать и глубоко чувствовать. Притомъ же, надо сознаться, все, что относится къ психологіи, имѣетъ всегда для читателя, наперекоръ ему самому, особенную прелесть. Книга, въ которой подробно изображена страсть, всегда производитъ на васъ такое жевпечатлѣніе, какъ книга медицинская: вы поминутно прерываете чтеніе, для увѣренія себя, что не одержимы ни одною изъ описываемыхъ болѣзней. Этотъ родъ интереса, исполненнаго внутренняго движенія, не единственный въ романѣ «Матильда»: въ этой книгѣ можно указать еще на другой, совершенно новый родъ интереса, можетъ-быть самый сильный — тотъ, который порождается удачнымъ изученіемъ нравовъ высшаго общества. Знаніе свѣта, если онъ представленъ безъ излишней свисходительности, насколько похоже на то, о которомъ мы говорили сейчасъ — на знаніе женщины; оно обнажаетъ передъ вами автора и заставляетъ искать

въ самыхъ привычкахъ его жизни объясненія ошибокъ, которыя онъ можетъ сдѣлать противъ вѣрности дѣйствительности, или противъ вкуса. Г. Сю, по нашему мнѣнію, очень-удачно выбралъ изъ этого опаснаго положенія. Можетъ-быть, онъ слишкомъ тщательно занимается изображеніемъ матеріальнаго блеска. Есть страницы, которыя очень годны для съдѣльника, другія, которыя должны читать обойщикъ для усовершенствованія себя въ своемъ ремеслѣ, иныя годны для портнаго. А между тѣмъ, вся эта роскошь овладѣваетъ нашимъ вниманіемъ; пріятно видѣть, какъ мчатся кареты съ гербами по мелкому песку у подѣздовъ; съ удовольствіемъ читаете вы описъ всѣхъ мѣбелей отеля Рошгюна; наконецъ, описаніе костюмовъ и обоевъ доставляетъ вамъ нѣкоторое удовольствіе, ощущаемое обыкновенно при видѣ тѣхъ венеціанскихъ матерій, которыхъ роскошныя цвѣта такъ ярко изображены Веронезомъ. Всѣ эти блестящія декорачіи назначены для театра, котораго актѣры выбраны между-благороднѣйшими и богатѣйшими лицами. Драма г. Эжена Сю начинается въ послѣднихъ дняхъ возстановленія Бурбоновъ. Жома жаммергерровъ въ Парижской Оперѣ не замѣнена еще тою, въ которой члены Жокейскаго Клуба выказываютъ теперь свою денежную знаменитость. Еще существуетъ общество однородное, плотно-смикнутое и связанное; въ него еще не проникли раздоры. Потому является іюльская революція, и послѣ первыхъ ужасовъ, скрытыхъ подъ тѣнями парка, мало-по-малу начинаетъ собираться на нейтральной землѣ посольскихъ домовъ огромное число эмигрантовъ, которые возвратились изъ изгнанія, продолжавшагося мѣсяца три. Между этими эмигрантами, нѣкоторые такъ смѣлы, что рискуютъ даже ступить краснымъ коблукомъ на траву, измятую сапогомъ національнаго гвардейца. Въ чрезвычайно-забавномъ письмѣ г-жи Ришвилль есть картина, въ которой очень тонко переданы всѣ эти

оттѣнки. Впрочемъ, не надобно преувеличивать достоинства всѣхъ этихъ подробностей свѣтской жизни; тѣ, которые держатся чисто-нравственного порядка, подають часто поводъ къ насмѣшкамъ или спорамъ; тѣ же, которые придерживаются порядка физическаго, могутъ производить на публику странное и не слишкомъ-пріятное впечатлѣніе. Не надо довѣрять всѣмъ тонкостямъ эрудиціи: нѣтъ ни одной изъ нихъ безъ педантизма.

Между-тѣмъ, г. Сю заслуживаетъ упрекъ не только за слишкомъ-мелочную точность въ изображеніи неважныхъ обычаевъ и за слишкомъ-сильную страсть выставлять на видъ бездѣлицы, о которыхъ надобно умѣть молчать. Нѣтъ, въ «Матильдѣ» есть другіе важнѣйшіе недостатки. Слогъ этого романа по-большой-части совершенно лишень литературнаго достоинства. Это большею частію наборъ словъ, иногда сентиментальная декламация: исключая тѣхъ рѣдкихъ мѣстъ, на которыя мы указали, слова никогда не имѣютъ въ немъ того опредѣленнаго значенія, той живописности, которая придаютъ книгѣ цвѣтъ и жизнь. И однакожь, г. Сю вовсе не пытается того равноводшій къ слогу, которое стараются выказывать многіе романисты; напротивъ, онъ часто увлекается къ тому, что требуетъ самой большой тщательности и тонкости. Въ «Матильдѣ» есть мѣста, гдѣ авторъ задалъ себѣ трудную задачу — подражать Ларошфуко и Лабрюйеру. Рассказъ иногда прерывается сентенціями о любви, о самолюбіи, о всѣхъ предметахъ, которыми занимались лучшіе умы самыхъ блестящихъ эпохъ французской литературы. Попытки эти неудачны. Тамъ, гдѣ надѣешься узнать результатъ трудолюбиваго размышленія, тщательно сохраненнаго существованія — чувствуешь вліяніе спѣшной работы, вынуждаемой пагубною газетною срочностью. Романъ «Матильда», какъ всѣ почти фельетонные романы, по стилю своему кажется произведеніемъ какой-то незаконноро-

жденной импровизаціи, немнѣющей даже энергическихъ оборотовъ и неожиданныхъ эффектовъ законной импровизаціи. Въ немъ скорѣе встрѣчается немощь, нежели смѣлые обороты. Догматическое выраженіе: «Вотъ фраза, которая не слѣлана; вотъ страница, которая не написана» безпрестанно представляется уму въ-продолженіе чтенія этого длиннаго романа. Авторъ, чтобы удостоиться похвалъ, непохожихъ на тѣ, какими осыпано было послѣднее его сочиненіе, долженъ былъ не какъ свѣтскій человекъ, но какъ литераторъ представить себя врагомъ тривиальности. Не смотря на всевозможное благородство нравовъ, которые кто-либо старается описать, стиль можетъ быть простымъ. Въ самыхъ блестящихъ обществахъ говорятъ языкомъ столь же свойственнымъ писателю, какъ и языкъ площади. Его-то, при поспѣшности работы, слишкомъ-часто употреблялъ г. Сю, какъ орудіе, наиболѣе ему сподручное.

Впрочемъ, не смотря на ненабѣжные недостатки книги, написанной для фельетоновъ ежедневной газеты, — слабость стиля, велеречіе, длинноты и немощи всѣхъ родовъ, «Матильда» не лишена высокихъ достоинствъ и даже — смѣло скажемъ, — частности. достойныхъ всевозможной похвалы. Нельзя того же сказать о романѣ г. Сульэ. Переходить отъ «Матильды» къ «Четыремъ Сестрамъ» Фредерика Сульэ; значитъ оставлять длинный рядъ раззолоченныхъ салоновъ, гдѣ вы дышали свободно, и забраться подъ вязкіи потолки хижинъ. Вы уже не въ высшемъ свѣтѣ, ни въ низшихъ слояхъ общества, а въ одномъ изъ тѣхъ безъименныхъ обществъ, которыя найдете въ каждомъ кварталѣ Парижа — обществъ безъ фивіономіи и особеннаго отпечатка, въ которыхъ плачевные звуки фортепьяно раздаются на молчаливыхъ и мрачныхъ празднествахъ. Это не добрые и откровенные мѣщане, полобные изображеннымъ на нѣкоторыхъ фламандскихъ картинахъ и въ нѣкото-

рых повѣстяхъ Гюго — и въ это мѣщанство угрюмое, скарое и не-ловкое, знакомое со всѣми горестями и страданіями самолюбія. Хорошо бы еще, еслибъ вы по-крайней-мѣрѣ были между честными людьми! Но лица г. Сульё не имѣютъ даже и этого достоинства. Это также не забавные и смѣлые плуты, подобно лесежевишъ, полные остроумія и увлекательности посреди своего цинизма, въ казакинѣ, обшитомъ галунами, съ шапкой на бекрень. — и въ, это жалкіе мошенники XIX столѣтія, въ черномъ платьѣ, въ очкахъ и морщинистыхъ перчаткахъ, которые отворяютъ ротъ для диссертациі о купеческихъ оборотахъ или для раскрытія тайнъ газетчика - промышленника вашего разряда. Даже стремительность работы, валагаемой ежедневными газетами, не извиняетъ достаточно подобнаго произведенія. Четыре сестры, изъ которыхъ одна привязывается къ обольстителю, а три остальные выходятъ замужъ за плутовъ — вотъ дѣйствующія лица, которыхъ представляеть намъ г. Сульё въ продолженіе четырехъ томовъ, или правильнѣе въ продолженіе тридцати-сорока фѣльетоновъ. Почти всѣ читатели оларены справедливымъ отвращеніемъ къ про-никновенію въ постыдныя тайны парижской жизни, которую такъ сильно злоупотреблялъ г. Бальзакъ. Любопытство, возбуждаемое этимъ изображеніемъ пороковъ, есть чувство, которое должно подавлять всячески. Слогъ «Четырехъ Сестеръ» совершенно соотвѣтствуетъ основъ книги. Г. Сульё, желая представить актрису въ блестящемъ положеніи, ведетъ васъ въ будуаръ «truffé de meub'es». Ежеминутно читаете вы разговоры, которые заставили бы васъ убѣжать, еслибъ они были произносимы передъ вами живымъ голосомъ, — разговоры, которые г. Бальзакъ любитъ растягивать въ своихъ сочиненіяхъ — о плутняхъ и бѣгахъ и ростовщиковъ.

Воображеніе г. Фредерика Сульё ода-рено неоспорною силою. Онъ можетъ

держать въ рукахъ нити тысячи ин-тригъ, которыя спутываетъ и распу-тываетъ по своей волѣ. Нѣкоторые ро-маны его представляютъ удивительныя сложности, которыя требуютъ отъ чи-тателей утомительнаго вниманія, но иногда окончателно производятъ на умъ сильное впечатлѣніе. Онъ можетъ вла-дычествовать надъ публикою, которая ищетъ сильныхъ впечатлѣній въ жи-зни воображаемой, не находя ихъ въ жизни дѣйствительной. У него все одѣ-вается въ тѣ матеріальныя формы, ко-торыя отличить издали глазъ читате-ля. Фредерикъ Сульё, впрочемъ, часто отличался бельетрическими произве-деніями, которыя имѣютъ неоспоримое достоинство. Тонкое знаніе человѣче-скаго сердца, изложеніе, чуждое вы-чурности, отсутствіе насильственныхъ сближеній въ завязкѣ и развязкѣ могли бы дать ему почетное мѣсто между нынѣшними французскими романиста-ми, еслибъ срочная журнальная рабо-та не губила иногда его произведеній въ самомъ зародышѣ. Вспомните его «Влюбеннаго Льва», «Призракъ Лю-ви», которыя вы читали въ «Отече-ственныхъ Запискахъ», или прочтите послѣдній романъ его «Маргариту», напечатанную въ этой же книжкѣ, — и простите ему грѣховныхъ «Четырехъ Сестеръ»... Хотя эти «Четыре Сестры» совершенно противоположны, по роду своему, «Матильдѣ», однако одинакія причины произвели въ этихъ двухъ книгахъ одинакія слѣдствія: во всемъ, чтó относится къ монотоніи, многорѣ-чивости и слабости, г. Сульё можно у-прекать въ томъ же, въ чемъ мы упре-кали г. Сю.

Поговоримъ теперь о писателѣ, кото-раго имя недавно еще приобрѣло себѣ громкую, заслуженную славу. Шарль Бернаръ, выступивъ на поприще ли-тературной дѣятельности и отличаясь какъ слогомъ, такъ и идеею своихъ произведеній, былъ чуждъ тѣхъ пре-увеличеній, которыя начинали уже надвигать публикѣ. Въ немъ неви-дно было ни скучнаго духа анализа,

увлекавшего некоторых романистов из области метафизики в область медицины, ни необузданного желания сильных ощущений, переносившего в искусство силу меча, которую пора бы выжить и из общества. Это был один из тех людей, которые связаны с своею эпохою болѣе остроумными наблюденіями, нежели страстною восторженностью. Г. Бернаръ не востаетъ противъ атмосферы, въ которой суждено развиваться его натурѣ; онъ, кажется, никогда не ощущалъ той необходимости, безпрестанно представляющей некоторымъ другимъ писателямъ — ставить на болѣе-роскошный театръ минувшаго сцени, порожденныя ихъ воображеніемъ. Есть поэты, которымъ невозможно отказать отъ бархатнаго платья и пудры, которые не согласятся изобразить дворянина безъ шпаги, нотариуса безъ письменнаго прибора, знатной дамы безъ робонда. Г. Бернаръ, какъ комическій писатель, котораго достоинства давно уже признаны, такъ же умѣетъ довольствоваться нарядами своего вѣка, какъ и его правами. Онъ срисовываетъ то, что видитъ передъ собою, не требуя у искусства, чтобы оно подвергло предметы магическимъ измѣненіямъ. Банкиръ, у него, такъ же мало говоритъ языкомъ Тюрккарета, какъ и носитъ его огромный парикъ или жилетъ изъ золотой ткани (*). Слава Богу, что въ литературу есть еще подобныя таланты, безъ пренебреженія говорящіе объ обществѣ, въ которомъ они родились, и описывающіе пороки его съ насмѣшливою улыбкою. Еслибъ, въ срединѣ XVIII-го столѣтія, Лесажъ бредилъ о палатинахъ, а Маривъ о придворныхъ Франциска I-го, мы были бы лишены прекрасныхъ произведеній, дополняющихъ

(*) Читатели «Отеч. Записокъ» могутъ судить о талантѣ Шарля Бернара по его повѣстямъ: *Львиная Кожа* (томъ IX), *Лолла Любопиткова* (т. XI) и *Пятидесятъ Лѣтъ* (т. XVIII).

самую лучшую сторону этой эпохи. Между тѣмъ, талантамъ, воображающимъ такимъ образомъ дѣйствительную жизнь, представлялось затрудненіе, которое было легко преодолѣвать: это вулгарность, которой такъ боится поэты, что, желая избѣгнуть береговъ, на которыхъ живетъ она, часто пускаются въ мрачную и туманную даль невѣдомаго океана. Г. Бернару представлялось только одно средство избѣгнуть этого, — средство, состоящее въ томъ, чтобы производить умеренно, держась сколько-можно пути, проложеннаго первыми его произведеніями. Если кому-нибудь суждено было оставаться вдали отъ движенія журнальнаго, то конечно ему. Если романъ, по предмету своему, уже принадлежитъ жизни дѣйствительной: если онъ еще болѣе соединится съ нею своимъ стилемъ, т. е. если разговоръ въ немъ сохранитъ всѣхъ неприличности обыкновенной бесѣды, тогда остается мало мѣста искусству; послѣднее произведеніе г. Бернара доказываетъ это какъ нельзя лучше. Почти всѣ сочиненія, собранныя имъ подъ названіемъ «Подводнаго Камня» (L'Écueil), были напечатаны въ разные времена въ періодическихъ изданіяхъ. Вы всегда встрѣтите у г. Бернара взгляды, исполненные тонкой наблюдательности; но, вмѣсто того, чтобы выставить ихъ на видъ, какъ дѣлалъ онъ прежде, посредствомъ какихъ-нибудь изысканныхъ оборотовъ, даже иногда съ некоторою претензіею въ выраженіи, онъ изображаетъ ихъ первыми попавшимися ему словами. Тутъ нѣтъ оживленнаго тона бесѣды, потому-что въ ней вяжутся лица, которымъ вызываютъ остроты и выходки; это скорѣе фамильярный тонъ переписки. Вы подумаете, что это перо, которое написало уже двадцать длинныхъ посланій и котораго быстрота возрастала тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе руководило имъ размышленіе. Авторъ «Гордіемъ Узла» и «Жерфо» умѣлъ иногда придавать своимъ произведеніямъ особен-

ный отпечаток скромностью, которую тщетно предписывает критика большей части современных романистов. Я очень помню одну из его повстей, которой развязка может служить образцом умѣня предоставляя читателю заботу об окончаніи дѣйствія, искусно недоконченнаго. А какимъ образомъ возможно приводить въ дѣйствіе эти вспомогательныя силы искусства, требующія большой заботливости и вниманія, когда каждый часъ, употребленный на размышленіе, долженъ уменьшать извѣстную сумму времени, которой невозможно увеличить! Еслибъ драматической писатель былъ принужденъ работать за завѣсомъ, готовымъ подняться надъ каждою сценою его произведенія въ ту минуту, когда оная ея оканчивается, былъ ли бы онъ въ состояніи заниматься отдѣлкою діалога и теми безчисленными сценическими приличіями, отъ которыхъ, часто, зависитъ весь успѣхъ пьесы. Французскіе романисты поставили себя именно въ это положеніе: если есть какой-нибудь жаръ въ статьяхъ, которыя они отдають въ журналъ отрывками, — крики вѣтерпнвнх публики могутъ проникнуть до убѣжища, въ которомъ они работаютъ; если жъ жаръ ихъ остылъ, — зѣвота аудиторіи можетъ помѣшать ихъ труду и уничтожить его. Состояніе опасной восторженности или пагубной, безнадежности — вотъ все, что можетъ принести имъ безирерывное столкновеніе съ ихъ ежедневными судьбами...

Между привидѣніями, появившимися въ прошедшіе мѣсяцы, и вызываемыя нами поочередно, вотъ еще два, и притомъ два самыя милыя, непривлекшія сначала на себя нашего вниманія: «Маленькая Королева» (La Petite Reine) и «Госпожа де-Рѣ» (Madame de Ricux), Шарля Ребо, — по видимому, старшія сестры «Матильды». Героини г-жи Шарля Ребо не пострадали, въ продолженіе столькихъ томовъ, какъ героиня г. Сю, но страданія ихъ при за-

оченіи въ одинъ томъ въ восьмушку были не менѣе сильны и жестоки. «Маленькая Королева» — романъ, напоминающій подчасъ романъ Купера «Послѣдній изъ Могикиановъ». Во всякомъ случаѣ, однакожъ, не смотря на неоспоримую занимательность послѣднихъ произведеній г-жи Ребо, мы не находимъ въ нихъ болѣе этого сильнаго таланта, столь гибкаго и смѣлаго, который подарилъ намъ «Теобальдомъ», «Клодъ Стоккомъ» и многими другими повѣстями.

Если талантъ, подобный тому, какимъ одарены многіе романисты, — талантъ, котораго силу можно почти измѣрять числительнымъ образомъ, какъ силу паровыхъ машинъ, о которомъ можно сказать, на-примѣръ: «это талантъ силою въ десять романистовъ, могущій доставлять въ годъ отъ двадцати до тридцати томовъ въ восьмую долю листа»; если воображеніе, подобное тому, которое задумало и исполнило «Записки Дьявола», «Всеобщую Исповѣдь» и множество другихъ ужасающихъ предпріятій; словомъ, если самая сильная изъ всѣхъ литературныхъ организацій преклонилась предъ журнализмомъ, то какая участь ждетъ дарованіе, которое должно было отъ самой природы уже получить тонкіе, нѣжные органы? «Госпожа де-Рѣ» появилась фельетонами: — вывѣдь, знаете, что многія героини г-жи Ребо смѣшались теперь своей краснорѣчивой или жалобной голось съ криками, раздающимися ежедневно на политической аренѣ. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы послѣднія произведенія лишены были всѣхъ прежнихъ достоинствъ этой писательницы. Отнюдь не составляя поразительнаго контраста съ прежними произведеніями, «Госпожа де-Рѣ», напротивъ, напоминаетъ лучшую литературную эпоху ея автора. И въ этомъ романѣ, цѣломудренная довѣрчивость сердца часто уступаетъ восторженности краснорѣчія; даже въ описаніяхъ, которыми обыкновенно изобильны и прекрасны, въ

встратите потребность, или, лучше, привычку сильных ощущений, характеризовавших эту школу, которой влияние очень ослабло в послѣднее время. Когда г-жа де-Рё пускается бродить по обширным равнинамъ Америки, она почти всегда дышетъ какимъ-то бурнымъ воздухомъ; вечеромъ, если она открываетъ окно для созерцанія неба, то ужь непременно въ безпредѣльномъ пространствѣ воятъ «безпокойныя облака», по выраженію одного поэта, и вѣтеръ, вѣющій изъ длинныхъ аллей сада, приноситъ къ ней знойныя испаренія. Развязка возвращаетъ васъ также къ тому времени, когда романнсты отняли у любви стараго мнѳологическаго ея жоака, чтобъ дать ей въ проводники смерть. Но васъ, къ-несчастью, возвращаетъ къ эпохѣ болѣе новой—дѣйствіе не довольно связанное.—слогъ чрезвычайно-небрежный. Вотъ, по нашему мнѣнію, недостатки, которыхъ причину открыть нетрудно. Г-жа Ребо сохранила талантъ пейзажиста (который, у многихъ писателей настоящаго времени, оживляетъ созданія хворыл), и книга ея дышетъ свѣжимъ, ароматнымъ воздухомъ. Но, увы! откуда поднимаются нынѣ всѣ чарующіе клнги, всѣ вѣжныя благовопія, которые собираетъ она? Изъ *фельетона*, то-есть изъ какой-то подземной галлерей, построенной подъ колоннами журнала, какъ туннель съ низкими сводами подъ шумными улицами города. Тамъ ли могутъ расцвѣтать роскошныя цвѣты и наполтъ воздухъ своимъ благоуханіемъ? Какимъ торжествомъ для насъ было бы, еслибъ, протѣстовавъ противъ влияния *фельетона* на искусство, нападавъ на него всѣми силами, мы имѣли передъ глазами какую-нибудь книгу, написанную съ талантомъ и добросовѣстностью, которую могли бы указать вамъ, сказавъ: «Вотъ книга, которой интрига не зависѣла отъ случайности: вотъ слогъ, на которомъ не видно поспѣшности; вотъ мысли, порожденные не подѣнничьимъ вдохнове-

ніемъ; вотъ книга, напоминающая вамъ прекрасныя дни французской литературы... Увы! передъ глазами нашими—*Эмеранса* г-жи Анслѳ. Да, «*Эмеранса*» явилась бы очень кстати, чтобъ показать, сколько какое-нибудь произведение выигрываетъ въ новости и свѣжести, если оно напередъ отрывками не сталкивалось съ публикою. Къ пріятно было бы сказать: «Г-жа Анслѳ подарила намъ романомъ, который останавливаетъ мысль на серьезномъ и остроумномъ изученіи. Книга ея болѣе, нежели живая картина свѣтскихъ нравовъ: это произведение, въ которомъ попеременно разсматриваются великіе общественные вопросы на страницахъ, исполненныхъ краснорѣчиваго остроумія и пр. и пр.» Эти похвалы было бы тѣмъ пріятнѣе сказать намъ, что всѣ онѣ соотвѣтствуютъ ясно выраженнымъ въ романѣ г-жи Анслѳ требованиямъ.

Авторъ «*Эмерансы*» поставилъ себѣ цѣлю не бездѣлицу—онъ хотѣлъ представить изображеніе всего общества, хотѣлъ описать общество во всѣхъ его классахъ, хотѣлъ ввести васъ во внутренность аристократическихъ салоновъ. Романъ г-жи Анслѳ доказываетъ, что недовольно быть посвященнымъ въ тайны свѣтскихъ обычаевъ, чтобъ воспроизводить свѣтскіе нравы въ художественномъ твореніи. Свѣтскіе писатели часто менѣе всего умѣютъ живописать то, что всегда у нихъ передъ глазами. Одни думаютъ, что въ слогѣ надобно сохранять совѣстливо всѣ небрежности бесѣды; другіе воображаютъ, что нельзя выбрать, для изображенія мысли на бумагѣ, довольно изысканныхъ и высокопарныхъ выраженій.

Г-жа Анслѳ принадлежитъ къ послѣднему разряду. Но если она старается отыскивать самыя высокопарныя обороты рѣчи, въ то же время она нерѣдко пренебрегаетъ простыми грамматическими правилами. Чтѣ же до самаго расположенія сценъ, надо сознаться,—она не болѣе театральна

въ этотъ романъ, какъ и авторы всахъ произведеній, въ которыхъ замѣтна попытка изображать свѣтъ, какъ, наприм., въ «Матильдѣ». И здѣсь то же множество драматическихъ эффектовъ; на вечерѣ, мужчина съ мужественными и краснорѣчивыми голосомъ, являющійся у людей, напавшихъ на самыя драгоценныя чувства его; или къ концу бала, разряженная свѣтская дама описываетъ элегическимъ тономъ страданія своей внутренней жизни, принуждая всѣхъ слушателей уважать ея благородныя несчастія. Въ «Эмерансъ» найдете вы какого-то г. де Верженна, которому нѣ въ чемъ завидовать князю д'Эриккуру-Матильды». Сцена, когда баронесса Валенкуръ рассказываетъ горести, которымъ подвергалась въ продолженіе двадцати-лѣтняго замужства, могла такъ же хорошо происходить въ отелі г-жи де-Ришвилль, какъ и въ отелі г-жи де-Савиньи.

Между-тѣмъ, однакоже, мы нашли у г-жи Анслѣ нововведеніе, честь котораго принадлежить исключительно ей. Она вздумала выводить на сцену, гдѣ играютъ ея актёры, въ видѣ вѣрныхъ лицъ, людей изъ дѣйствительной жизни, сохранившихъ свое настоящее имя. Г. Гизо являлся уже въ «Габріели»; теперь являются княгиня Чарторжская, г. Мартинезъ де-ла-Роза и многіе другіе. Весьма остроумная мавера—говоритъ любезности лицамъ, извѣстнымъ въ обществѣ, и каждому удѣляетъ по воспоминаванію! Нововведеніе г-жи Анслѣ можетъ повести къ тому, что свѣтскіе люди будутъ исполнять обязанности въжливости посредствомъ визитныхъ карточекъ, писемъ и романовъ...

Отъ этихъ произведеній, написанныхъ съ цѣлію торговою, или для того, чтобы принести дань свѣту и друзьямъ, обратимся къ некоторымъ сочиненіямъ, составленнымъ съ большею добросовѣстностію, съ цѣлію чисто или относительно литературною. На этотъ разъ упоминаемъ о двухъ

книгахъ, которыя, хотъ и не написаны съ этою цѣлію, но привносятъ дань модѣ на «тевтонизмъ», начинающейся теперь во Франціи. Съ некотораго времени, во Франціи стали много писать о той таинственной странѣ, изъ которой получаютъ эстетики, символика, мнѣлогія и другіе «германизмы», какъ выразился недавно «Journal des Débats». Если изъ всѣхъ этихъ попытокъ наука и не извлечетъ никакой существенной пользы, то, по крайней-мѣрѣ, хотъ немного разсѣется глубокой мракъ, закрывавшій до-сихъ-поръ Францію отъ взоровъ Германіи. Изъ множества такихъ книгъ вотъ лучшія: *Sur l'Art en Allemagne, par Hippolyte Fortoul (Объ Искусствѣ въ Германіи, Ипполита Фортуля)* и *le Rhin, par Victor Hugo (Рейнъ, Виктора Гюго)*.

Авторъ перваго сочиненія имѣетъ только одну претензію—дать вѣрное и назидательное руководство, написанное съ добросовѣстностію, съ глубокимъ изученіемъ, съ знаніемъ дѣла, и въ надеждѣ видѣть себя оцѣненнымъ людьми знающими. «Никто» говорить Фортуль: «ни по ту, ни по сю сторону Рейна не закроетъ этой книги, не узнавъ изъ нея чего-нибудь новаго.» Эти слова, кажется, скорѣе внушены спокойною совѣстію, нежели дерзкою самоувѣренностію. Въ-самомъ-дѣлѣ, неутомимый авторъ, одаренный свѣтлымъ взглядомъ на науку и живую восприимчивостію впечатлѣній, не пропустилъ ни одного случая для пріобрѣтенія себя прочныхъ свѣдѣній касательно направленія художествъ въ Германіи. Вообще, онъ не доверяетъ себѣ, видѣвъ и коснувшись предметовъ, но еще ищетъ въ художественной литературѣ одобренія своихъ критическихъ мыслей и накопце требуетъ у людей знающихъ по этой части необходимыхъ объясненій или указаній. Г. Фортуль, не смотря на свой французскій патриотизмъ, выказываетъ вѣрное и прямое сужденіе; онъ держаетъ на хвалу и цоричаніе пред-

метовъ, не выставляя на видъ того безпристрастія, которое очень дешево въ настоящее время. Хотя, время-отъ-времени, онъ обнаруживаетъ претензію на важность ученаго, однакожь готовъ слѣдить за нѣмецкимъ художникомъ въ его мастерскую и въ его частной жизни; картина семейнаго быта и общественной жизни дюссельдорфскихъ живописцевъ, представленная имъ, вѣрна, любопытна и хорошо написана.

Во второй книгѣ, любимый поэтъ новой Франціи, вѣскольکو лѣтъ уже молчавшій, наконецъ прерываетъ это продолжительное молчаніе. Викторъ Гюго вполнѣ вознаграждаетъ утраченное время книгою своею «le Rhin», состоящею почти изъ тысячи страницъ, — разумеется, вознаградилъ не тѣхъ, которымъ дорога поэтическая слава творца «Notre Dame de Paris» и которые полагаютъ, что эстетическія наслажденія должно взвѣшивать, а не мѣрять.

Новая книга Виктора Гюго, по главному предмету своему, есть не больше, какъ описаніе путешествія, — описаніе, подобное тѣмъ, какія доставляетъ всякій туристъ, .. порядочно владѣющій языкомъ и имѣющій столько терпѣнія, что можетъ извлекать изъ путеводителей, статистическихъ сочиненій, собраній сказокъ и легендъ и т. п., больше или менѣе занимательнаго матеріала для книги. Предметъ, подобный тому, какой выбралъ Викторъ Гюго, въ-самомъ-дѣлѣ, самый удобный для писателя, имѣющаго цѣлю съ возможно-мѣньшимъ трудомъ составить два порядочные тома. Предметъ его богатъ неисчерпаемо. Поэтому и Викторъ Гюго безъ большаго напряженія силъ написалъ книгу, которую можно, конечно, читать съ удовольствіемъ, но которая ужь никакъ не заслуживаетъ названія «монументальной»; какъ провозглашаютъ ее книгопродавцы въ объявленіяхъ.

Авторъ начинаетъ описаніе своего путешествія отъ парижской заставы; исчисляетъ поменьше всѣ деревни по

правую и лѣвую сторону дороги въ Мё; изображаетъ свои страданія въ diligенсѣ, рассказываетъ свои приключенія въ гостиницахъ и съ немилосердною подробностію описываетъ вслѣдъ за каменъ въ постройкахъ среднихъ вѣковъ, который перемѣна лошадей на станціяхъ даетъ ему возможность осмотрѣть. Эта страсть къ самымъ незначительнымъ остаткамъ архитектуры среднихъ вѣковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ diligенсѣ останавливалась на обѣда или ночлега пассажировъ, дѣлается настоящимъ бичомъ для читателя не-антикварія. Готическое окошко, ничего не говорящая надпись — для Виктора Гюго предметы многогортѣваго удивленія; всякая починка, не исключая необходимѣйшей; всякое возстановленіе, какъ бы искусно и со вкусомъ оно ни было исполнено — для него постунокъ варварскій; если жь дѣло идетъ о совершенномъ обновленіи, то онъ посыпаетъ главу свою пепломъ и закрываетъ лицо. Конечно, любовь къ памятникамъ предковъ — благородное чувство, и нельзя довольно желать, чтобы оно усиливалось больше-и-больше въ Европѣ и становилось могущественнымъ защитникомъ застывавшихъ ей остатковъ удивительной архитектуры среднихъ вѣковъ; но эта любовь должна-быть въ-самомъ-дѣлѣ поклоненіемъ прекрасному и великому, — поклоненіемъ, которое происходило бы отъ чувства. Важность предмета отягчаетъ благородную страсть отъ слѣпой маніи, и тѣ, въ чьихъ глазахъ достаточно одной древности предмета для приобрѣтенія права на уваженіе и удивленіе, подвергаютъ величайшему сомнѣнію не только свой вкусъ, но и свою правдивость.

Чтобъ показать поэтическую непріемлемость Виктора Гюго въ его новой книгѣ, приведемъ только два примѣра. Поле монширальной битвы кажется ему, по кучѣ жернововъ, лежащихъ на немъ, необъятною шашечницею, на которой исполнены сыгравшія партію, а въ Верениѣ онъ находить

«страшный символ» въ томъ обстоятельствѣ, что площадь, на которой былъ схваченъ Лудовикъ XVI, имѣетъ видъ сѣмры. — аналогія, которая и заставляетъ его удивляться; отъ-чего ния челоуѣка, схватившаго несчастнаго короля, было Билльи (billot), а не Билльма.

Наблюденія Викторъ Гюго въ Германіи занимательны, хотъ и рѣдко поучительны, и еслибъ «Путевыя Впечатленія» Александра Дюма не приучили насъ къ тому, что французскіе литераторы дѣлають въ чужихъ странахъ самыя неожиданныя открытія о состояніи нравственности и успѣховъ ума, то многія наблюденія автора удивили бы насъ своею неоспоримую оригинальностью.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ особомъ направленіи этой книги. Французскій писатель, особенно, если онъ стремится къ государственнымъ должностямъ, какъ на-прим. Викторъ Гюго, никакъ не можетъ описать путешествія по Рейну, не примѣшивая къ нему какихъ-нибудь патристическихъ желаній и надеждъ. И Викторъ Гюго почелъ бы себя плохимъ Французомъ, еслибъ, при имени Рейна, не выступилъ на арену вооруженный мечомъ и копьемъ для защищенія требованій Франція относительно «естественныхъ границъ ея». Онъ старается (не доказывать, ибо доказательствъ, по его мнѣнію, тутъ не требуется) приблизить минныя права своего отечества на рейнскую границу къ исполненію указаніемъ средствъ и путей для этого. Если, въ 1815 году, Франція лишилась рейнской границы, или, по взгляду Викторъ Гюго, ее лишили благоприобрѣтенной ею собственности, это было единственно дѣломъ нѣкоторыхъ властей, желавшихъ бросить яблоко раздора между двумя государствами, которымъ сама природа велѣла жить въ тѣснѣйшей дружбѣ. Германія, какъ мы узнаемъ отъ Викторъ Гюго, по настоящему, обманута тѣмъ, что ей возвратили древнія ея провинціи, и

она вѣрно отказалась бы принять на себя это бремя, еслибъ проникла въ чужеземную политику, ибо теперь идетъ дѣло о томъ, чтобы сбить ихъ опять добрымъ манеромъ, и Викторъ Гюго сознается, что это затруднительно при господствующихъ вышѣ «ложныхъ понятіяхъ о народной чести и подобныихъ плачевныхъ народныхъ предрассудкахъ». Между-тѣмъ, онъ однакожъ убѣждаетъ, что Германія наконецъ согласится удовлетворить добровольно требованіямъ Франціи (ибо Викторъ Гюго другъ Германіи и ему было бы жаль, еслибъ Франція была принуждена приступить къ насильственнымъ мѣрамъ «и къ взыску своего законнаго права прибавить еще ужасный вѣсъ своего гнѣва»). Вѣдь и все-то дѣло въ томъ только, чтобы придумать вознагражденіе за уступку лѣваго берега Рейна! Викторъ Гюго видитъ два различные интереса, требующіе вознагражденія за лѣвый берегъ Рейна — интересы Пруссіи и Германіи. Первая можетъ считать себя удовлетворенною тѣмъ, что владѣнія ея округлятся уступкою, другая — приобрететъ новыя владѣнія за Дунаемъ. Но, Боже мой! сколько важныхъ противорѣчій могутъ еще встрѣтить подобныя предположенія объ удовлетвореніи требованій Франціи!

Въ заключеніе, упомянемъ еще о выходѣ въ свѣтъ пятаго тома знаменитой «Исторіи Франціи». *Мишле*, содержащемъ въ себѣ исторію событій при Карлѣ VII (1422—1461). Здѣсь авторъ находитъ удобный случай развить великій талантъ писателя и историка. Осада Орлеана, процессъ и казнь Жанны д'Аркъ, необыкновенные успѣхи французскаго оружія, изгнаніе Англичанъ, зависть между Карломъ VII и Филиппомъ-Добрымъ разсказаны съ удивительнымъ искусствомъ и историческою вѣрностію. Особенно исторія Жанны д'Аркъ, занимающая бѣльшую часть этого тома, доказываетъ проникательность историка; онъ отыскалъ въ оригиналь-

ныхъ актахъ этого процесса содержание для трогательнаго, поэтическаго и истиннаго разсказа объ этомъ таинственномъ и необыкновенномъ явленіи. Склонность автора къ отвлеченнымъ и часто страннымъ идеямъ за-

мѣтна на этотъ разъ въ нѣсколькостической главѣ о Подражаніи Иисусу Христу. Вообще, книга Мишлэ приносить честь французской литературѣ и составляетъ эпоху въ искусствѣ писать исторію.

К. ЛИНШЕРТЬ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Духъ человѣческой живетъ въ безпредѣльности, не ограничиваясь ни пространствомъ, ни временемъ, не нуждаясь ни въ желѣзныхъ дорогахъ, ни въ пароходахъ, ни въ аэростатахъ. Но, желая подробнѣе вникать въ явленія древняго міра, или узнать нравы и обычаи отдаленныхъ народовъ, онъ, выросшій на національной почвѣ извѣстной страны, встрѣчаетъ преграды, которыя могутъ быть отстранены только основательнымъ изученіемъ языковъ и нравовъ другихъ народовъ. Безъ этого, творенія древнихъ и современныхъ иностранныхъ литературъ останутся для насъ скрытыми и безцѣльными сокровищами. Вѣкъ нашъ, стремящійся ниспровергнуть всѣ границы пространства и времени, старается уничтожить и преграды, стѣсняющія умственныя сношенія народовъ между собою. Въ этомъ отношеніи, переводы замѣчательнѣйшихъ твореній суть лучшіе посредники между отдаленными временами и народами. Съ помощію ихъ, мы свободно плываемъ теперь по океану литературы, то срывая французскій модный пѣтухъ, то забавляясь чудными, фантастическими образами Востока. Какъ Англія — страна матеріальной промышленности дѣятельности, такъ Германія преимущественно подвизается въ области умственной дѣятельности, перерабатывая произведенія иностранныхъ литературъ и наполняя ими свои обширные книжные рынки. Но и такая меркантильная предприимчивость имѣла черхъ и вытѣсила добросовѣстный, тщательный трудъ. Впрочемъ, теперь у насъ вообще народомъ чувствуется необходимость легкимъ изученіемъ замѣчатель-

нѣйшихъ твореній всѣхъ литературъ достигнуть общихъ результатовъ човѣческаго образованія. Франція также въ послѣднее время много трудилась для того, чтобъ сдѣлать для себя доступною литературу иностранныхъ, и множество любопытныхъ явленій по части переводовъ, изъ которыхъ мы назовемъ только замѣчательнѣйшія, заставляють насъ обратить прежде вниманіе на то, какимъ образомъ воодѣлывается во Франціи это поле.

Много высказано было насмѣшекъ надъ попытками Французовъ усвоить себѣ лучшія литературныя произведенія соседей. Начиная съ Баранта, переводчика Шиллера, до Мармьё, переводчика Гёте и нѣкоторыхъ другихъ твореній сѣверныхъ литературъ, всѣ французскіе переводчики своими немовѣрными промахами и ошибками доставляли неизсякаемый источникъ для насмѣшекъ. Эти переводчики, большую частію, старались переложить духъ автора, не усвоивъ еще себѣ совершенно иностраннаго языка. Цѣлительность къ точному смыслу словъ и выраженій, поверхностное понятіе объ общемъ духѣ автора, и желаніе передавать его въ красивыхъ формахъ, — вотъ слабая, и вмѣстѣ смѣлая сторона французскихъ переводчиковъ. Мы сами слышали, какъ одинъ изъ остроумнѣйшихъ писателей Франціи, составившій себѣ извѣстность переводами, утверждалъ, что переводчику поэтическихъ твореній совѣтъ не нужно понимать оригиналъ въ подлинникѣ, что сличенія разныхъ прозаическихъ переводовъ совершенно для него достаточно, и наконецъ, что слѣдуетъ рабское подчиненіе подлиннику ста-

снятъ полетъ воображеніи. Изъ всего, выраженнаго въ этомъ слишкомъ-сильномъ парадоксѣ, можно согласиться только съ тѣмъ, что переводчикъ съ поэтическимъ дарованіемъ, при помощи хорошаго прозаическаго перевода, можетъ иногда угадать, почувствовать и передать тончайшіе оттѣнки своего автора. Для французскаго переводчика важнѣе всего понять ходъ идей писателя и передать ихъ въ формахъ, соответствующихъ вкусу націи. Ничто не должно напоминать, что это иностранное произведеніе; такимъ образомъ вся особенность подлинника будутъ утрачены, но по-крайней-мѣрѣ переводъ не будетъ противорѣчить образу мыслей и требованіямъ языка Французовъ. При всей не музыкальности своей природы, Французъ гораздо чувствительнѣе къ римическому устройству и къ гармоніи періодовъ, нежели Нѣмецъ или Англичанинъ. Во Франціи, самый посредственный прозаическій писатель владѣетъ языкомъ легкимъ и изящнымъ, между-тѣмъ, какъ въ Англіи и Германіи самые лучшіе литераторы въ этомъ отношеніи часто хромаютъ и спотыкаются. Напротивъ, поэтическія требованія французскаго слуха, какъ извѣстно, очень ограничены. Французскому языку не достаетъ римической плавности, которая отличаетъ поэтическія произведенія другихъ народовъ, и потому для него рѣшительно невозможно подражаніе древнему и сѣверному метру. Нѣкоторыя попытки наложить на французскій языкъ оковы гекзаметра имѣли результатъ траги-комическій. Съ другой стороны, ограниченность въ расположеніи рифмъ не дозволяетъ французскому переводчику варіо передавать южныя и восточныя формы. Англійскій и нѣмецкій языки отличаются большою гибкостью и выработанностью для выраженія поэтическихъ абрамовъ иностранныхъ литературъ.

Царь сѣлетонистовъ, непобѣдимый на жураальномъ поприщѣ, но такъ

легко побѣждаемый, когда пускается на крылатомъ конѣ въ дальнія странствованія, Жюль-Жаневъ, подарилъ французскую литературу прекраснымъ переводомъ стернова «Чувствительнаго Путешествія», которое надано великолѣпно, съ прекрасными гравюрами и виньетами, и нѣтъ большой успѣхъ. Переводчикъ написалъ къ нему небольшое предисловіе, показывающее, съ какою любовію онъ трудился надъ авторомъ, который, при всемъ своемъ неистощимомъ юморѣ; сохранилъ столько любезности. Языкъ перевода нисколько не уступаетъ подлиннику въ простотѣ и нѣжности, и на устахъ сантиментальнаго путешественника вполне сохранена плутовская улыбка, проглядывающая сквозь его слезы. Переводъ этотъ можно включить въ число удачливѣйшихъ.

Изъ сборниковъ, имѣющихъ цѣлю распространеніе во Франціи лучшихъ произведеній иностранныхъ литературъ, преимущественно замѣчательны три: *Bibliothèque des classiques latins, par Nisard*; *Bibliothèque Charpentier*, и *Bibliothèque choisie*, изъ которыхъ оба послѣднія, кромѣ переводовъ, заключаютъ въ себя и произведенія французской литературы. Въ «Библіотекѣ» Нисара, предлагающей видѣть съ переводами весьма удовлетворительный текстъ оригинала, помѣщены, кромѣ новыхъ переводовъ, также нѣкоторые старые, которыхъ достоинство всѣми признано. Въ самомъ дѣлѣ XVII и XVIII вѣка обогатили Францію такими переводами греческихъ и латинскихъ классиковъ, которые до-сихъ-поръ могутъ еще соперничать со всѣми новѣйшими въ стараніи сблизить современную читающую публику съ классическою древностію. Для примѣра приведемъ извѣстные переводы Амюта и г-жи Дасъ, которые до сего времени не потеряли еще своего достоинства. Развѣренный, чопорный языкъ того времени гораздо-болѣе соответствуетъ подобнымъ твореніямъ, нежели нынѣшній, живой, разжиженный

выи, порхающій и неспособный къ спокойному, обдуманному ходу. Въ двухъ послѣднихъ упомянутыхъ нами сборникахъ, гдѣ, какъ сказано, промѣ переводовъ, помѣщаются произведенія французской словесности, явилось уже много трудовъ, заслуживающихъ полнаго вниманія. Назовемъ некоторые удачнѣйшіе переводы изъ Библиотеки Шарпантье, уже весьма многоюмной. Латуръ, молодой писатель. известный своими драматическими произведеніями, посвятилъ себя съ большимъ успѣхомъ переводамъ съ итальянскаго. До-сихъ-поръ изданы его переводы *Записокъ Альфиери*, *Теорій Сильвіо Пеллико*, *Драмъ и Стихотвореній Мациони*. Переводы его отличаются особеннымъ вкусомъ и изяществомъ. Сверхъ того, итальянской литературы посвятили себя *Бризо*, о которомъ мы уже говорили, какъ объ авторѣ Маріи и другихъ лирическихъ стихотвореній, и *Ал. Деллакс*. Первый изъ нихъ перевелъ *Божественную Комедію Данта*, а второй *Освобожденный Иерусалимъ* Таоса. Изъ переводовъ съ англійскаго, наиболее замѣчательнѣе переводъ мильтонова *Потеряннаго Райа*, академикомъ Понжервиллемъ, который былъ уже известенъ очень хорошимъ переводомъ творенія Лукреція *О Природѣ*. — Менѣе удаченъ переводъ, сдѣланный Ларошеиъ, твореній лорда Байрона. Волканическія строфы англійскаго поэта, конечно, весьма трудно выразить въ непокорныхъ формахъ чуждаго языка, чему доказательствомъ можетъ служить множество неудачныхъ опытокъ и на другихъ языкахъ. — Богатые рудники германской литературы съ большимъ успѣхомъ разрабатываются К. Мармье, котораго переводы *Вертера* и некоторыхъ драмъ Гете и Шиллера — труды, заслуживающіе полную благодарность. Равнымъ образомъ, въ переводѣ Блаза гётова *Фауста* (первый полный перевод *Фауста* во Франціи), встрѣчается весьма много счастливыхъ мѣстъ; во всемъ томъ

большая часть красотъ подлинника утрачена въ переводѣ и созданія чистѣйшей, возвышеннѣйшей поэзіи разжидились до прозы, не смотря на даровитость и опытность переводчика. При этомъ случаѣ, упомянемъ еще о другихъ весьма важныхъ заслугахъ переводчика въ отношеніи къ германской литературѣ, именно о новомъ переводѣ его замѣчательнѣйшихъ лирическихъ произведеній Германіи. Переводы классическихъ твореній въ *Bibliothèque Charpentier* менѣе удовлетворительны, но тѣмъ удачнѣе переводъ *Корана*, сдѣланный Казимирскимъ (Поликомъ, участвовавшимъ въ послѣднемъ безуспѣшномъ французскомъ посольствѣ въ Персію) и переводъ *Конфуція*. Потъ.

Bibliothèque choisie, которая, кажется, начинаетъ уже упадать въ соперничество съ предыдущемъ изданіемъ, считается въ числѣ своихъ сотрудниковъ гораздо-менѣе замѣчательныхъ именъ. Любопытнѣйшіе изъ помѣщенныхъ въ ней переводовъ суть переводы твореній *Камюенса*, и драматическихъ произведеній принцессы Амалии Саксонской, наполняющихъ уже нѣсколько томовъ. Стихотворныя иностранныя произведенія въ почти переведены прозою, что невольно приводитъ къ мысли, какъ трудно французскому переводчику передать своимъ читателямъ хоть тѣмъ разиѣра, ритмъ и всѣхъ поэтическихъ украшеній оригинала. Французскій стихъ носить на себѣ такую отличительную печать, осужденъ, если можно такъ выразиться, на такое рѣшительное однообразіе, что духъ подлинника непременно будетъ потерянъ, какъ-скоро переводчикъ рѣшится переводить стихами. Стоитъ только сравнить дамартяновъ переводъ части *Чайльд-Гарольда*, въ которомъ, впрочемъ, много отлично-удавшихся мѣстъ, съ подлинникомъ, чтобъ убедиться, что не только нѣкоторыя черты, но и смотря на всѣ старанія переводчика, совершенно утрачены, но да-же, въ цѣломъ, твореніе это при-

нило совершенно другой тонъ и колоритъ. Еще должно съ похвалою замѣтить Делатровъ переводъ *Тимоха Ассискаю*, Шекспира, отличающійся энергіею и вѣрностію. Делатръ же издавъ лодъ названіемъ «*Chants du Voyageur*» собраніе лирическихъ стихотвореній, отъ которыхъ, по словамъ Филарета Шала, вѣтъ сѣвернымъ холодомъ и кальвинизмомъ, ибо сочинитель родомъ изъ французской Швейцаріи. При этомъ случаѣ, не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ въ области *лирической поэзіи*, и прежде всего назовемъ *Réveries sur le bord du Cher*, par Mad. Agathe Vaudouin, исполненнымъ вѣжной меланхоліи, свободной отъ всякой аффектаціи, хоть они и обращаются въ весьма-тѣснымъ кругѣ. Г-жа Болуэнъ не переступаетъ за границы своего семейства; она поетъ о своихъ дѣтяхъ, о своемъ жить-бытьи и не идетъ выше вдовствующей графини Монтанвиль. Замѣчательнѣе собраніе стихотвореній. *Chants du psalmiste*, par Rhéal и *Gerbes de Poésie*, par Gont. Demartres, первая по своей силѣ и опредѣлительности, а послѣдніи по живости, легкости, убѣдительности и звучной гибкости стиха. Барбье, напротивъ того, въ своихъ *Chants civils et religieux* по-прежнему идетъ путемъ *соціальной поэзіи*, и если иногда замѣтеть въ немъ недостатокъ гибкости и живости фантазіи, то мысли его всегда исполнены мужественной важности и силы. — Далѣе, вышли въ свѣтъ *Le poëme de Roncevaux traduit du Roman en français par Bourdillon* (мы упоминали уже объ этомъ твореніи, коснувшись цѣла преданій о Карлѣ-Великомъ), и *Poësie de Sinesius et d'Orientius*, переводъ Колломберта. Въ гимнахъ Синезіуса, бывшаго епископомъ въ Штолемандѣ, равно какъ и въ стихотвореніяхъ епископа галльскаго, св. Ориенціуса, хотя въ меньшей степени, Филаретъ Шаль видитъ и глубокую истинку, какъ напримѣръ въ Новалисе, или что-то благовѣстное, ираческое, какъ въ Оберманнѣ.

Галль Ориенціусъ болѣе положителенъ, исполненъ морали, и изобилуетъ описаніями своего вѣка и нравовъ; Синезіусъ, напротивъ, лирикъ — теологъ, забывая землю, возносится къ небесамъ, и испаряется въ христіанскомъ платонизмѣ, почему Шаль весьма справедливо сравниваетъ его съ Ламартинонъ.

Изъ новостей изящной литературы особенно любопытны *La jeunesse de Mirabeau*, par Mad. Louise Collet. Г-жа Колле известна уже нѣкоторыми прекрасными стихотвореніями и комедією, подъ названіемъ «*la Jeunesse de Goethe*», а послѣднее ея сочиненіе есть первый ея опытъ въ прозѣ. Сочиненіе это собственно не романъ, но біографическій отрывокъ, который истыны подробности о жизни Нотъ, крѣсть жительства предковъ Марabo, и о городѣ Э, гдѣ онъ показалъ первую попытку своего красноречія, дѣлаютъ весьма любопытнымъ. Далѣе, назовемъ цѣлый гуртъ романовъ для любителей (*amateurs*): *le Monsieur*, Поль-де-Коза, — *le Chevalier de Clermont*, Вепрѣ и Монвѣ, — *le Nom de famille*, Симѣ, — *la Goutte d'eau*, Сувестра, — *Simca*, Манжена, — *Bianca Teobaldi*, *mœurs italiennes*, Дильмана, — *le Chevalier de Chaville*, Жакоба, — *Nôtre Dame de Pilar*, графиня де-Вольдемаръ, — *Léolo ou le Montagnard*, Шао, — *le Tasse et la princesse Eleonore d'Est*, г-жи Готи, — *Les îlots de Martin Vaz*, Корбера, — болѣею частію въ двухъ томахъ. — Вышла двойная біографія герцога и герцогини Марльборо, подъ названіемъ *le Duc et la duchesse de Marlborough*, Симона. Авторъ, показавшій въ своихъ «*Observations recueillies en Angleterre*» необыкновенную наблюдательность и глубокое изученіе англійскихъ нравовъ, предлагаетъ въ послѣднемъ, прекрасно исполненномъ сочиненіи своемъ вѣрное изображеніе знаменитой герцогской Геты. Наконецъ, вышла *Histoire de Jeanne de Constantinople, comtesse de Flandre et de*

Hainaut, *Jergé*, полу-романъ, полу-исторія, но весьма-интересная книга.

Въ книгѣ, подъ названіемъ *les Industriels*, явился совершенно-новый родъ иллюстрированныхъ физиологій (*Physiologies illustrées*). Книга эта издана съ удивительною роскошью, и украшена гравюрами Анри Монье, народнаго живописца и творца «*Scènes populaires*» и «*Mr. de Prudhomme*». Въ ней преимущественно представляются нравы, обычаи и бытъ мелникъ ремесленниковъ. Тотъ же Монье издавъ *Scènes de la ville et de la campagne*, въ 2 томахъ, съ виньетками и политипажамъ, — диалогизированныя правоописанія; въ нихъ вполнѣ выказывается коимъ, которымъ обладаетъ авторъ какъ писатель и какъ живописецъ. Не менѣе занимателенъ, хотя не новъ по своему содержанію, парижскій правоописательный романъ, подъ названіемъ *Zizi, Zozo et Zaza, histoire de trois étages (les enfans de Paris moeurs parisiennes par Vanderburch) 2 vols.* Авторъ принадлежитъ къ числу лучшихъ французскихъ романистовъ, и хотя сфера его не высшее общество, а бытъ среднего класса, но въ описаніяхъ своихъ онъ весьма-тонокъ и грациозенъ. Въ послѣднемъ сочиненіи онъ описываетъ судьбы трехъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя родились въ одну часъ, въ разныхъ этажахъ одного и того же дома. Въ первомъ этажѣ обитаетъ богатство, съ атрибутами своими: удовольствіями и опасностями; во второмъ—тихая и однообразная умѣренность, въ третьемъ горькая бѣдность. Какія судьбы ожидаютъ трехъ героинь? *Z. № 1* вступаетъ въ блестящій кругъ высшего общества; самона дурнаго воспитанія развиваются въ ней и приволятъ ее къ краю погибели; *Z. № 3* встрѣчаетъ на каждомъ шагѣ опасности и искушенія, но твердостью сохраняетъ свою чистоту и непорочность. Только *Z. № 2*, подъ защитою посредственности (*mediocrité*), проводить безмятежную жизнь, удаленная отъ всѣхъ превратностей свѣта. Бо-

гатство сюжета придаетъ особенную занимательность картинѣ, а исполненіе подробностей такъ мило и изящно, что всякій прочтетъ эту книгу съ удовольствіемъ.

Г-жа д'Ольнэ, известная своимъ прекраснымъ еочиненіемъ для дѣтей, подъ названіемъ «*Memoires d'une poirée*», посвятила новое свое сочиненіе часто весьма-несчастному, по-крайней-мѣрѣ всѣмъ забытому классу слугъ и служанокъ. Романъ ея, подъ названіемъ «*Marianne Aubry*», заслуживаетъ похвалу какъ по доброй его цѣли, такъ по благороднымъ совѣтамъ и наставленіямъ. Марианна Обри, старая служанка, рассказываетъ исторію своей жизни, которой результатъ состоитъ въ томъ, что съ помощію здраваго смысла, усердія и глубокаго чувства долга, она не только удовлетворяла всегда требованіямъ своихъ господъ, но умѣла даже оказать имъ истинныя услуги, приобрести ихъ любовь и сдѣлаться какъ-бы необходимымъ членомъ ихъ семейства. Авторъ заслуживаетъ упрекъ только за нѣкоторыя частности, преимущественно за то, что тонъ разсказа не вездѣ согласуется съ цѣлю сочиненія и часто удаляется отъ вѣрной простоты, которая неизрѣменно должна характеризовать подобную книгу. Въ концѣ романа, г-жа д'Ольнэ говоритъ: «Книга моя окончена; боюсь, что многимъ она покажется скучною. Марианна совсѣмъ не похожа на обзорительныхъ героинь романовъ; меня упрекнуть, можетъ-быть, въ томъ, что я идеализировала бѣдную служанку; скажутъ, что это уже совсѣмъ не служанка. Но это еще не доказано. Чтобы писать книгу, надо только оставаться въ границахъ возможнаго, и я, съ своей стороны, вижу гораздо менѣе неправдоподобнаго въ умной дѣвушкѣ, съ христіанскими чувствами и способной къ самоотверженію, нежели въ большей части героинь романовъ. Мы безпрестанно слышимъ жалобы господъ на слугъ, и наоборотъ; отнюдь не беру на себя разрѣшить этотъ споръ,

но только изъ участія къ судьбѣ слугъ пишу эту книгу. — При всемъ уваженіи къ благой цѣли сочинительницы, мы, однакожъ, готовы сомнѣваться, чтобъ книга ея сколько-нибудь способствовала къ улучшенію состоянія этого класса людей, о которыхъ одинъ изъ ихъ соотечественниковъ сказалъ: «la domesticité c'est notre malheur, et nos maîtres ce sont nos domestiques.» Толчокъ долженъ послѣдовать со стороны самихъ господъ; они только могутъ воспитать и образовать слугъ.

Весьма важно вновь-вышедшее сочиненіе подъ названіемъ *la Médecine des passions ou les passions considérées dans leurs rapports avec les maladies*, доктора Декарэ. Вотъ оглавленіе этого сочиненія: *Отдѣленіе I.* О страстяхъ вообще. Опредѣленіе страстей, ихъ мѣстопробываніе, ихъ причины, ихъ семіотика, ходъ, сложность и кривизна. Вліяніе на человѣческой организмъ и на общество, обращеніе съ ними въ медицинскомъ, законодательномъ и религіозномъ отношеніи. *Отдѣленіе II.* О разныхъ родахъ страстей: 1) скотскія страсти: пьянство, развратъ, гнѣвъ, страхъ, склонность ко всякимъ излишествамъ; 2) общественныя страсти: любовь, гордость и тщеславіе, честолюбіе, зависть и ревность, скупость, страсть къ играмъ, склонность къ самоубійству, дуэль, тоска по родицѣ; 3) умственные качества: страсть къ наукамъ, музыкальная манія, чрезмѣрная любовь къ порядку, художественный, политическій и религіозный фанатизмъ.

Недавно вышелъ 8 томъ *Encyclopedie nouvelle*, издаваемый извѣстнымъ энергическимъ Леру, бывшимъ сенсимовьянствомъ, вмѣстѣ съ Рено. Въ этомъ томѣ замѣчательная статья Рено: *Zoroastre*, о которой одинъ французскій журналъ говоритъ: «Редакторы, стараясь поддержать всѣ права философіи и распространить ея владычество, проповѣдуетъ начала, передъ которыми должны пасть во прахъ всѣ ничтожныя теоріи. Мы советуемъ рѣ-

шаться на чтеніе этого тома не иначе, какъ вооружившись достаточно противъ пантеизма, который въ послѣднее время начинаетъ подкапывать общество, и противъ утопическихъ началъ коммунизмовъ, которые суть не что иное, какъ политическое приложеніе перваго. — Другія замѣчательныя статьи восьмага тома: Энциклопедія суть: *Voltaire*, Леру; *Washington*, Фаба; *Xenophon*, Эшара, въ особенности же *Zoologie*, Жозефуа Сент-Илера, которая вполне соответствуетъ знаменитости своего автора. Тотъ же Леру выдалъ *Семь рѣчей о нынѣшнемъ состояніи общества* (*Sept discours sur la situation actuelle de la société*), съ эмпирикою: *futuram civitatem inquirimus* (исслѣдуемъ будущность государства). Глубокомысленныя наблюденія и вѣсколькимъ счастливымъ мыслямъ переплетаны здѣсь съ самыми поверхностными сужденіями.

Далѣе, вышла:

Pythagore, ou précis de la philosophie ancienne et moderne dans ses rapports avec les métamorphoses de la nature ou la métempsychose (переселеніе душъ). По этому названію уже можно судить о занимательности сочиненія.

Esquisses des harmonies de la création ou les sciences naturelles étudiées du point de vue philosophique et religieux, et dans leur application à l'industrie et aux arts, par L. T. Iehan. Слогъ и содержаніе этого сочиненія, вѣроятно, заслужать всеобщее одобреніе.

Histoire des lettres aux cinq premiers siècles du christianisme, par A. Duquesnel, есть вмѣстѣ и любопытная исторія литературы и живая картина брани, веденной въ эту эпоху противъ азычества и ложныхъ ученій сектъ.

Etudes sur les tragiques grecs, ou examen critique d'Eschyle, de Sophocle et d'Euripide, par H. Patin, можно смѣло назвать образцомъ изящнаго слога и ясности мыслей. Первый томъ называется общемою исторіею греческой трагедіи; все сочиненіе будетъ состоятъ изъ трехъ томовъ.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Философскія разсужденія сдѣлались, кажется, необходимою принадлежно-стью романа въ Германіи, хоть нельзя сказать, чтобъ философія сколько-нибудь выиграла отъ этого. Замѣчательнѣйшіе нѣмецкіе романисты могутъ быть раздѣлены на два класса: на романистовъ и нувеллистовъ. Собственно *романъ*, прикрываетъ историческую мантию свои разсужденія о современныхъ политическихъ и религіозныхъ вопросахъ; *повѣсть* обыкновенно исполнена житейской философіи, которая легко слѣдуетъ образу мыслей и склонностямъ автора, и едва заслуживаетъ имени философіи. Далѣе, отличительная черта нашего времени состоитъ въ углубленіи въ самого-себя; разсужденія о ходѣ индивидуальнаго образованія, изображенія внутренней жизни, такъ-называемыя автобіографія и т. п., составляютъ большую часть нынѣшней изящной литературы Германіи. Нашъ вѣкъ, который въ своемъ учено-промышленомъ направленіи ниспровергаетъ всѣ преграды, преступаетъ всѣ формы, хочеть, кажется, умственно углубиться въ самого-себя, чтобъ въ себѣ найти опять глубину чувствъ, изглаженную быстрыми пере-мѣнами вѣшней жизни. Если періодъ, который заключили собою Шиллеръ и Гёте, можно назвать эпохою космополитизма, то теперешняя литературная эпоха можетъ быть названа эпохою самосозерцанія, которое должна развить любовь къ отечеству и чувство собственнаго достоинства. Множество жизнеописаній извѣстныхъ лицъ, автобіографій, особенностей въ юности и другихъ эпохъ частной и общественной

жизни челоуѣка, преимущественно занимають дѣятельность германскихъ литераторовъ, и доказываютъ, какъ глубоко это направленіе укоренилось въ наше время. Выѣстъ съ этими явленіями, показываются другія, которыя кажутся анахронизмами и хотять возстаовить архи-геніальную литературу прошедшаго столѣтія, подобно тому, какъ мода породила вкусъ временъ возрожденія (Renaissance) и Людовика XIV. Мы назовемъ здѣсь только творенія *Беттими фон-Арниме*, *Гуцкова* «Сыновей Базедова» и нѣкоторыя сочиненія *Мундта*, *Винбарта* и *Кюне* — «*подражающую Жаль-Полю юную Германію*», а для доказательства сказаннаго, упомянемъ о нѣкоторыхъ новѣйшихъ произведеніяхъ.

Путешествіе въ жизни (Die Reise in das Leben), романъ Фридриха Зегера. Лейпцигъ. 1841 г. въ 2-хъ частяхъ. — Путешествіе «in das Eeben», есть не что иное, какъ путешествіе въ Испанію молодаго Нѣнца Юліуса, который, принявъ участіе въ междоусобной войнѣ, «опытноію приобрѣтаетъ твердыя правила жизни». Судьба видимо печется о романистахъ, дѣлая то ту, то другую страну театромъ военныхъ дѣйствій, безъ этого куда быимъ переносить дѣйствія своихъ романовъ? Мирныя страны такъ скоро истощаются... И такъ, Юліусъ отправляется въ Испанію, узнаетъ христиносовъ не со-всѣмъ съ выгодной стороны, и еще съ худшей карлистовъ, за исключеніемъ одной Изабеллы, которую послѣ того, какъ отецъ ея, вѣчто въ родѣ Дон-Кихота, и отвратительный женихъ умирають въ битвахъ, оставляетъ Испа-

цію и сопровождает Юлиуса въ Германію, гдѣ ее можно отыскать въ какомъ-нибудь уголкѣ его супругою. Старый нѣмецкій сержантъ, который служить между христіансами и старается ввести у нихъ нѣмецкую субординацію, нѣмецкій порядокъ, играетъ при этомъ главную ролю, и своимъ добродушнымъ, педантическимъ характеромъ стараго служки составляетъ самое изящное ядро романа. При ничтожности вымысла, рассказъ очень длиненъ. Всѣ дѣйствующія лица, какъ обыкновенно въ нѣмецкихъ романахъ, или слишкомъ-карикатурны, или слишкомъ-идеализированы. Языкъ простъ, безъ малѣйшей оригинальности.

Гораздо-остроумнѣе изданное послѣднее твореніе одного изъ лучшихъ германскихъ нувелистовъ, Эстляндца *фонъ-Штернберга*, отличающагося вкусомъ, глубиною вымысла, остроуміемъ и ироніею, равно какъ здравою логикою въ сужденіяхъ. Въ большомъ сочиненіи своемъ, *Saint Sylvan* (1839 г. 2 тома) представилъ весьма-удачно біографію въ романической формѣ на историческомъ грунтѣ; теперь онъ издалъ подъ названіемъ *Альфреда* (*Desauz*, 1841), небольшую повѣсть, написанную, кажется, для книгопродавцевъ и писателей; испорченность критики, меркантильное обращеніе съ талантомъ, отношенія писателей высшаго сословія къ издателю, платящему за труды, — все это могло бы служить прекрасною темою для небольшихъ картицъ, но нисколько не прилагивается къ жизни несчастной дѣвушки, о которой вѣдь идетъ рѣчь. Камелія, молодая дама, живеть въ избыткѣ, но не знаетъ ни своихъ родителей, ни источникъ своего матеріальнаго благосостоянія. Въ послѣдствіи она узнаеть, что отецъ ея, принадлежащій къ знатной фамиліи, сдѣлался разбойникомъ и убійцею и теперь продолжаетъ это ремесло для того только, чтобъ доставить своей дочери возможность вести прежнюю блестящую жизнь. Это открытіе заставляетъ ее отказать жениху ея, молодому

писателю *барону Дюбарру*; къ сего-то жизни относятся все литературно-книгопродавецкіе эпизоды, неимѣющіе большой связи съ судьбою Камелія. При всемъ томъ, тонія и изрѣзны замечанія, прекрасное изображеніе характеровъ, ядрей и одушевленный языкъ дѣлаютъ книгу эту весьма занимательною.

Въ *назвѣ* *Повѣстей* Георга *фонъ-Рейнбека* (*Situationen. Ein Novellenkranz von Georg v. Reinbeck. Stuttgart, 1841.*) Лучшее въ этомъ сочиненіи — предисловіе, заключающее въ себѣ *теорію повѣсти*, въ которой много истиннаго, хоть ее и нельзя назвать глубокомысленною. Авторъ отдѣляетъ повѣсть отъ романа. «Повѣсть» говоритъ онъ есть поэтическое изображеніе происшествія, которое должно дѣйствительно принадлежать какой-либо эпохѣ образованности. Вотъ что повѣсть имѣетъ общаго съ романомъ. Но романъ заключаетъ въ себѣ значительную часть необыкновенной человѣческой жизни, даже дѣлую жизнь, а иногда и болѣе: романъ всегда остается поэтическою біографіею, между-тѣмъ, какъ повѣсть ограничивается *однимъ* какимъ-нибудь явленіемъ, необыкновеннымъ положеніемъ изъ жизни человека. Если въ романѣ должна занимать нашъ жизнь героя съ ея превратностями, то, напротивъ, весь интересъ повѣсти долженъ сосредоточиваться на одномъ происшествіи. Это сосредоточеніе интереса на событіи, рѣшающемъ судьбу человека, сближаетъ повѣсть съ драмою, почему гораздо-легче сдѣлать драму изъ повѣсти (шекспировы драмы изъ повѣстей итальянскихъ поэтовъ), нежели изъ романа; но этого нельзя сказать о всякой повѣсти, ибо главная занимательность драмы состоитъ въ достиженіи или недостиженіи известной цѣли и въ сопряженной съ этимъ борьбѣ, что вовсе ненужно для повѣсти. — Въ этомъ опредѣленіи особенно замѣчательно назначеніе романа, какъ поэтической біографіи, потому-что, въ самомъ-дѣдѣ, чѣмъ далѣе уклоняется

романъ отъ этой пьесы, гдѣ становится слабѣе и неудовлетворительнѣе. Поэты Рейнскія въ римскомъ постановленному имъ правилу, что поѣтка не должна пускаться къ разсужденію, иже отвлеченное мышленіе иногда не должно преобладать въ поэтическихъ твореніяхъ, да сверхъ того, поѣтка, по опредѣленію Боккачіо, должна гораздо-болѣе-вѣжливѣ романъ приближаться къ искусному расказу. Намъ не согласится, что въ послѣднее время характеръ поѣтки совершенно исказонъ разсужденіями о художествахъ, о предметахъ политики, литературы, религіи; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ поѣтка нисколько не должна была сообразоваться съ духомъ времени, и оставаться всегда вѣрною опредѣленію Боккачіо. Только злоупотребленіе вредно и опасно. Въ разсматриваемыхъ нами поѣткахъ, элементъ мышленія оставленъ уже слишкомъ въ тѣни для событий часто весьма-беззанимательныхъ. Изъ всѣхъ поѣтокъ, одна только: «Насобльковельный Бракъ», носитъ на себѣ печать современности. Дѣда хоронивъ фамиліи, считая бракъ учрежденіемъ, унижающимъ монцину, жинета въ связи съ избраннымъ ей мужчиною, котораго въ связи всѣ считаютъ ся мужемъ. Раздающаяся страсть къ другому и искушеніе нарушить вѣрность къ Албрехту, отырываетъ ей глаза; она видитъ, что ей не достаетъ чего-то, именно чувствъ дома, и чтобъ неразрывно приковать себя къ Албрехту, сама требуетъ благословенія церкви, которое прежде отвергала. Таинствъ образомъ, бракъ торжествуетъ. Разсказъ живъ, чрезвычайно-наженъ и совершенно соотвѣтствуетъ своей цѣли.

Извѣстный писатель Гейнрихъ Лаубе, замѣчательный своею чрезвычайно-разнообразною дѣятельностію, писавшій въ послѣднее время и драмы, и романы, и охотничьи пьесы, и объ исторіи литературы, и о политикѣ, — издавъ теперь новую литературную рѣчь: *Претендентъ*. Этотъ претендентъ — часовщикъ *Наундорфъ*, изъ

прусскаго городка Кроссена, живущій въ Лондонѣ и выдающій себя за Лудовика XVII-го. Небольшая монографія Лаубе объ этомъ, конечно весьма любопытномъ эпизодѣ изъ новейшей политики, заключаетъ въ себя, во-первыхъ, изданныя самимъ Наундорфомъ въ Лондонѣ записки, далѣе, разказъ его дальнѣйшихъ походовъ, и наконецъ разборъ права его на французскій престолъ. Дать болѣе десяти тому назадъ какой-то часовщикъ дѣ Кроссена выдавалъ себя за наследника французскаго престола, сына Лудовика XVI-го, котораго несправедливо считали умершимъ. Последствія этой дерзкой выдумки скоро развились систематически. Наундорфъ (содержавшійся нѣсколько дѣтъ въ тюрьмѣ за дѣланіе фальшивой монеты) или выдумалъ свою исторію, основываясь на этомъ слухѣ, или дѣйствительно есть спасенный сынъ Лудовика XVI-го. Многіе вѣрили послѣднему; но правительство прусское считало его обманщикомъ. Наундорфъ бѣжалъ во Францію, нашелъ тамъ много приверженцевъ, но наконецъ былъ изгнанъ, и теперь живетъ въ Лондонѣ, занимается, какъ говорятъ, военными науками. Онъ въ-самомъ-дѣлѣ обладаетъ удивительнымъ сходствомъ съ членами фамиліи Бурбоновъ. Лаубе изслѣдывалъ, впрочемъ не строго, всѣ доказательства справедливости его притязаній, особенно показанія многихъ легитимистовъ, старыхъ придворныхъ дамъ и старыхъ служителей несчастнаго дома Бурбоновъ. Но должно замѣтить, что до-тѣхъ-поръ легитимисты поддерживали всѣ подобныя притязанія, чтобъ только поставить въ затрудненіе нынѣшнее правительство Франціи. Вотъ почему, вѣроятно, они и покровительствовали и Наундорфу, а это-то авторъ и вынулъ изъ виду. Ограниченность мѣста не позволяетъ намъ распространяться о всѣхъ подробностяхъ этого любопытнаго явленія; замѣтимъ только, что авторъ не вездѣ совершенно ясно излагаетъ свои мысли: иногда

считаешь его совершенно убѣжденнымъ въ подлинности королевскаго происхожденія Наундорфа, а вслѣдъ за тѣмъ онъ называетъ его обыкновеннымъ обманщикомъ. Весьма-желательно, чтобы какой-нибудь основательный законодатель изслѣдовалъ этотъ вопросъ юридически.

Бандомиръ, курляндская повѣсть Лаубе, 2 части. Митава. 1842 года (*Der Bandomire, Kurische Erzählung, von H. Laube*). Тутъ встрѣчаемъ Лаубе на совершенно новомъ пути, и на этотъ разъ можемъ остаться имъ довольны. Тутъ нѣтъ никакой особенной цѣли; отвлеченныя разсужденія не преобладаютъ въ сочиненіи, и все оно содержитъ въ себѣ только описаніе нравовъ извѣстной мѣстности и извѣстной эпохи. Формальное историко-географическое введеніе переноситъ насъ въ Курляндію, гдѣ открывается эпизодъ изъ буйной жизни независимаго дворянства въ началѣ прошлаго столѣтія. Изображеніе чрезвычайнаго живо, и читатель съ любопытствомъ слѣдуетъ за судьбою обоихъ героевъ, оканчивающуюся неожиданной развязкою.

Гораздо-замѣчательнѣе слѣдующее твореніе: *Томасъ Мюнцеръ*, нѣмецкій романъ Теодора Мундта (*Thomas Müntzer, ein deutscher Roman, von Theodor Mundt, 3 Bände, Altona, 1841*). — Названіе «нѣмецкій романъ», понимаемое въ обыкновенномъ смыслѣ, слишкомъ-скромно для этой, во многихъ отношеніяхъ замѣчательной книги. Судя по историческому имени, которымъ названъ романъ, всякій обманется, ожидая и на этотъ разъ найти обыкновенный историческій романъ, съ которымъ читающій міръ, къ сожалѣнію, уже слишкомъ знакомъ. Обыкновенно, авторъ встаетъ и двигается на историческомъ грунтѣ одну или нѣсколько паръ нѣжныхъ любовниковъ и переиживаетъ ихъ приключенія съ извѣстными историческими лицами, или же послѣднія сами, въ самомъ неисторическомъ искаженіи, окружены театральнымъ или повѣствователь-

номъ обстановкой, гнать неученнаго читателя выдуманнми плачемъ и сантиментальными восторгани. Много жаловались на подобныя произведенія, безславящія исторію. «Томасъ Мюнцеръ» стоитъ выше такого упрека. Въ немъ нѣтъ ни одной такъ-называемой поэтической вольности, произвольно искажающей историческую истину; нѣтъ ни любовныхъ страданій, ни любовныхъ восторговъ; нѣтъ приторной сантиментальности; нѣтъ запуганностей и занимательныхъ приключеній для напряженія ослабѣвшихъ нервовъ. Но что же въ немъ, наконецъ? — *Исторія* во всемъ ея величіи и потрясающей истинѣ, поэтически-отраженная съ ученою важностью и совѣтливою вѣрностью. — И все-таки это романъ? почему жь не «Исторія нѣмецкой крестьянской войны», для которой, не смотря на все, что писано уже о ней, осталось сдѣлать еще очень много? Такое произведеніе, конечно, могло бы дополнить историческую литературу, но, въ отношеніи къ тѣснѣйшему кругу образованныхъ читателей, не произвело бы дѣйствія; большой же части публики, ищущей не столько основательнаго образованія, сколько сильныхъ ощущеній, оно не могло бы внушить того наставительнаго прищипа, который низпосланъ вѣчнымъ промысломъ для предостереженія грядущихъ вѣкомъ въ этомъ несчастномъ, но остроумномъ возмущеніи, котораго зачинщикомъ былъ дикій, односторонній, ограниченный мечтатель Томасъ Мюнцеръ.

Ландшафтный живописецъ старается передавать, въ своей картинѣ, природу съ возможною вѣрностью, чтобы созданіе его производило на насъ такое же дѣйствіе, какъ сама природа. Но онъ, кромѣ того, обязанъ обозначать рѣзкими чертами и дѣлать яснѣе прекрасное, разсѣянное въ природѣ въ слишкомъ-большихъ размѣрахъ, чтобы легче было обозреть его. Поэтому живописецъ обязанъ гармонически соединять дѣйствія естественныхъ явле-

ни, чтобъ созвучіе ихъ быстрѣе переливалось въ душу соверщающаго. Великій художникъ рѣшаетъ эту задачу, созерцавъ сперва самъ природу окомъ искусства и, по правиламъ его, созная, какіе элементы ландшафта въ данномъ случаѣ, при идеальномъ возвышеніи и соединеніи, производятъ настоящій эффектъ.

Въ этомъ смыслѣ, авторъ «Томаса Мюнцера» созерцалъ исторію окомъ поэзіи, и возбужденную тѣмъ восторженностью назвалъ въ поэзіи, которой высочайшее впечатлѣніе должно произойти именно отъ-того, что онъ выставляетъ полную, вѣрную историческую истину, но въ идеальномъ расположеніи, освѣщаемую поэтическимъ блескомъ, — чтобъ истина, въ неразрывной связи съ извѣстнымъ, дѣйствовала тѣмъ сильнѣе и трогала болѣе.

Но въ этомъ ли состоитъ высочайшая задача историка, котораго предметъ не менѣе сопряженъ съ поэзіею? Настоящее время не имѣетъ уже ничего общаго съ тридцать-первою олимпиадою, когда отецъ исторіи читалъ собранной въ Элидѣ Греціи свои восхитительныя картины персидскихъ войнъ и былъ награжденъ всеобщимъ одобреніемъ. Нынѣшніе историки наши не могутъ уже писать такъ. Большая часть новѣйшихъ историческихъ матеріаловъ отвергаетъ подобную обработку и требуетъ строгаго критическаго и философскаго изслѣдованія. Отличныя современные намъ историки и этимъ производили превосходное дѣйствіе, но оно уже не поэтическое, а ученое.

Авторъ «Томаса Мюнцера», желая историческую истину достигнуть поэтическаго эффекта, обязанъ былъ не уступать историку въ-отношеніи основательнаго изысканія исторической истины описываемаго имъ событія, далеко не воплію открытой. Онъ тщательно собиралъ вездѣ матеріалы и воспользовался многими, которые до сего времени лежали безъ употребленія въ архивахъ и бібліотекахъ.

Томасъ Мюнцеръ, какъ представляетъ его Мундтъ, не есть созданіе его своевольнаго воображенія; напротивъ, онъ добросовѣстно, хотя ивъ поэтическомъ духѣ, представилъ образъ мечтателя изъ собственныхъ бумагъ его, почти никѣмъ доселѣ неразобранныхъ. Также, — смотря по возможности, — поступилъ авторъ и съ другими дѣйствующими лицами, изъ которыхъ составилъ богатую картину. Императоръ Максимилианъ I, кардиналъ Лангъ, герцогъ Ульрихъ Виртембергскій, Филиппъ, ландграфъ гессенскій, Лютеръ, Меланхтонъ и многіе другіе, — всѣ они до малѣйшей черты изображены съ удивительною историческою вѣрностью и производятъ необыкновенный эффектъ. А между-тѣмъ, авторъ не держался новѣйшей манеры: описывать случайныя, вѣщныя подробности — этою живописи словъ, отъ которой рябитъ въ глазахъ, и которая не въ-состояніи представить какой-либо образъ въ свѣжей, жизненной цѣлости. Въ изображеніи побочныхъ лицъ, о которыхъ не сохранилось современныхъ историческихъ преданій, обнаруживается въ полной мѣрѣ способность автора къ свободнымъ созданіямъ и за дѣйствующими лицами перваго и втораго плана движется крестьянская война, возбужденная Томасомъ Мюнцеромъ, въ темныхъ, ужасныхъ массахъ, но всегда такъ, что ее можно обозрѣть и удобно и поучительно.

Къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ новѣйшей германской литературы принадлежитъ «Первая Лекція Шеллинга въ Берлинѣ». — Читатели наши знаютъ ее по переводу, который мы помѣстили во второй книжкѣ нашего журнала на нынѣшній годъ, и, слѣдственно, сами могутъ судить о ея достоинствахъ.

Was ich erlebte, aus den Erinnerungen niedergeschrieben von Heinrich Steffens. 1 und 2 Bd. 1840. 3 und 4 Bd. 1841. Breslau (Мои приключенія. Изъ воспоминаній Генриха Стеффенса. Ч. 1 и 2 — 1840, 3 и 4 — 1841. Бреслау). Съ-тѣхъ-поръ, какъ Гёте на-

чалъ писать записки о духовномъ и литературномъ развитіи Германіи, біографическая истинна и вымыселъ являлись часто въ области литературы; но только рѣдко читали мы записки, которыхъ авторы принимали бы сами участіе въ изображаемыхъ ими предметахъ и событіяхъ; между-тѣмъ, на этомъ основывается преимущественно направленіе подобныхъ изображеній и ихъ интересъ. Кто, въ духовномъ отношеніи, стоитъ внѣ предмета, скоро соскучится, какъ бы ни были хороши внѣшнія описанія его или забавные анекдоты. Немногіе современники, по разностороннему участію въ ходѣ германской литературы, имѣютъ болѣе права на составленіе записокъ, какъ Стеффенсъ. Къ общему интересу присоединяется здѣсь еще частный: поэтъ и философъ Стеффенсъ особеннымъ образомъ сосредоточивается въ нравственной индивидуальности. Если, поэтому, первые три тома новаго его сочиненія, въ которыхъ авторъ ведетъ насъ въ свою сѣверную отчину — Норвегію и Данію, менѣе удовлетворяютъ общему, національному интересу, за то они доставляютъ намъ любопытныя свѣдѣнія о развитіи поэта и человѣка, и тамъ, гдѣ авторъ не научаетъ, онъ умѣетъ пріятно занимать разными эпизодами. Представимъ здѣсь только главные моменты. Прежде всего должно обращать вниманіе, — это нѣкоторымъ образомъ естественное условіе — на внѣшнее воспитаніе мальчика. Отецъ его, полковой докторъ въ небольшомъ приморскомъ городѣ Даніи, бросаетъ своихъ трехлѣтнихъ и четырехлѣтнихъ сыновей въ море, чтобъ они научились плаванію, и т. д.; эта ранняя, естественная гимнастика, которую авторъ продолжалъ, достигнувъ юношескихъ лѣтъ, безъ сомнѣнія имѣла немаловажное вліяніе на свойственную ему живость и подвижность. Второй значительный моментъ состоитъ въ томъ, что у этого мальчика есть любящая, глубоко-религіозная мать, тогда-какъ, съ другой стороны,

отецъ, строго-раціональный, образовываетъ умственные его способности. Съ-дѣтства силовный къ тихой бесѣдѣ съ самимъ-собой и съ прекрасной природой, онъ, ни въ дурныхъ учителяхъ, принужденъ быть еще болѣе единиться въ самого себя и равно начать свою духовную самостоятельность; авторъ не скрываетъ отъ себя ни дурныхъ, ни хорошихъ послѣдствій этого положенія, въ которое былъ поставленъ: что касается до дурныхъ послѣдствій, онъ при разныхъ случаяхъ упоминаетъ о какомъ-то домыслѣ самимъ-собой, объ околѣ къ всегдѣшней и неосновательности знанія разныхъ школьныхъ предметовъ; добрыя послѣдствія выступаютъ въ дальнѣйшемъ самостоятельномъ развитіи. Во второмъ томѣ, юноша вступаетъ въ студенческую жизнь въ Копенгагенѣ, заводитъ связи съ первѣйшими талантами своего втораго отечества (потому-что онъ родомъ изъ Норвегіи); положеніе родителей и привычная собственная самостоятельность приводятъ его къ жизни хлопотливой и разнообразной. Мать Стеффенса, по серьезности его, рано назначила его для богословскаго поприща, но на него слишкомъ сильно водѣйствовало очарованіе природы, которая съ-этихъ-поръ овладѣла самою усиленною научною его дѣятельностью: онъ особенно пристрастился къ математикѣ. Въ третьемъ томѣ, авторъ предпринимаетъ ученое путешествіе къ западнымъ берегамъ Норвегіи и особенно въ Бергенъ. Если научная польза этого путешествія и не очень значительна, за то мы обязаны слѣдующимъ здѣсь наблюденіямъ на жизнь и природой многими преемственными характерами и сценами въ его повиднѣншихъ повѣстяхъ. Неловольный своими трудами и давно уже желая посѣтить Германію, авторъ ѣдетъ водою въ Гамбургъ, чтобъ отсюда отправить въ Копенгагенъ собранные въ Норвегіи предметы, но будучи уже недалеко отъ цѣли, претерпѣваетъ кораблекрушеніе, отъ котораго

спасаетъ только книгу Ланнек. — После разныхъ неудачъ, ему удается наконецъ получить въ Киль мѣсто приват-доцента; по этому случаю, онъ представляетъ намъ много занимательныхъ свѣдѣній о тогдашнемъ состояннн Кили и Голстинии, но и здѣсь онъ чувствуетъ себя еще недовольно-близко отъ переворота въ умозрительной философи, только-что начатаго Фихте и Шеллингомъ. Въ четвертомъ томѣ вступаетъ онъ въ этотъ новый, германскій миръ, и съ-сихъ-поръ описанія его становятся гораздо интереснѣе, потому-что мы знаемъ уже людей, которыхъ уваженіе и дружбу онъ приобрѣтаетъ: Гёте и Шеллингъ стоятъ между ими на первомъ мѣстѣ. Уже въ Киль Стефенсъ приготовилъ себя изученіемъ Спинозы, къ философіи природы; особенно любопытно его признаніе (IV, стр. 255 и д.) въ томъ, какъ въ Спинозѣ становится для него яснымъ единство между нравственною жизнью и сознаніемъ и какъ это знаніе расширяется для него въ философіи природы. Онъ не только въ восторгѣ пристраетъ къ послѣдней, но своими положительными познаніями природы, приобретенными особенно подъ руководствомъ геогноста Вернера, вноситъ еще въ натуральную философію новый, болѣе реальный элементъ. Визстъ съ тѣмъ, онъ представляетъ намъ замѣчательнѣйшія личности и литературныя произведенія тогдашняго времени, изъ первыхъ особенно Фридриха Шлегеля, Новалиса и Тика. Авторъ такъ же удаляется отъ извѣстныхъ сѣвншнихъ односторонностей такъ-называемыхъ романтиковъ, какъ и отъ пустаго, фантастическаго направленія вырождавшейся натуральной философіи. Зато онъ принимаетъ самое сильное участіе во всѣхъ истинно-значительныхъ стремленіяхъ тогдашней литературы въ поэзіи, искусствахъ, исторіи. Авторъ называетъ скрытымъ богатствомъ положительнаго духа тотъ духъ, который объялъ его тогда; свяжо и сильно билъ въ началѣ XIX вѣ-

ка ключъ, который, въ настоящее время, полувисая уже. Новѣйшее критическое направленіе кажется ему бѣднымъ въ-сравненіи съ этимъ духомъ, исполненнымъ юношескаго огня; на стр. 401 говоритъ онъ: «Я, бѣдный! чувствую себя чуждымъ въ этомъ мирѣ и именно отъ богатства своей юности; я владѣю еще всѣмъ, а никто не хочетъ понять меня. Миѣ какъ-то чудно, когда, въ видѣ новаго наставленія, которое долженъ обсудить, встрѣчаю критическія мысли, которыя тогда были почти тривиальны. Онъ ведутъ настоящее поколѣніе къ ничтожеству (Nichts). Для меня тогда уже разрѣшилось туманное сомнѣніе въ вѣчномъ сіяніи свѣта и любви. — Съ любопытствомъ ожидаемъ продолженія этихъ записокъ, потому-что, какъ извѣстно, Стефенсъ позже принималъ дѣятельное участіе и въ политическомъ развитіи германскаго народа.

Denkwürdigkeiten des Freiherrn Achatz Ferdinand von der Asseburg, aus den in dessen Nachlass gefundenen handschriftlichen Papieren bearbeitet von einem ehemals in diplomatischen Anstellungen verwendeten Staatsmanne. Mit einem Vorworte von K. A. Varnhagen von Ense, Berlin, 1842. (*Достопримчательности изъ жизни Фрейгера Ачаца Фердинанда фон-дер-Ассебурга*). Эта тщательно-составленная біографія замѣчательнаго государственнаго человека преимущественно заслуживаетъ вниманіе любителя исторіи своею историческою вѣрностію. После нѣкоторыхъ подробностей о родѣ Ассенбурговъ, описываются юность и первые годы службы фрейгера Ачаца Фердинанда. Онъ родился 20 іюля 1721 года, въ Мейзедорфѣ. Отецъ его, Іоганъ Людвигъ, былъ прусскій камергеръ и владѣтель Мейзедорфа. Мать его была Анна Марія, урожденная фон-Шуденбургъ, изъ дома Авенбургъ. Ачацъ Фердинандъ въ 1744 году вступилъ въ службу ландграфа гессен-кассельскаго. Два года спустя, онъ былъ сдѣланъ совѣтникомъ посольства и въ

этомъ качествѣ употреблялся для многихъ дипломатическихъ порученій. Въ 1752 году, получивъ званіе тайнаго советника посольства, онъ по своимъ частнымъ дѣламъ ѣздилъ въ Копенгагенъ, и былъ приглашенъ въ датскую службу. Такимъ образомъ съ 1754 до 1760 года онъ жилъ въ Штокгольмѣ, въ 1762 при берлинскомъ дворѣ, гдѣ велъ переговоры съ русскими уполномоченными о требованіяхъ императора Петра III отъ датскаго двора. Кончина императора прекратила эти переговоры. Агацъ былъ отправленъ въ Ганау, гдѣ черезъ его посредство положено было бракосочетаніе наслѣднаго принца Вильгельма съ одною изъ дочерей Фридерика V, короля датскаго. — Потомъ онъ короткое время былъ посланникомъ при виртембергскомъ дворѣ, и наконецъ посланникомъ въ Санктпетербургѣ. Здѣсь онъ содѣйствовала раздѣлу части Голштинскаго Герцог-

ства, принадлежавшаго Россіи, на Гравства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, и въ награду за это пожалованъ былъ отъ Христіана VII въ тайные конференц-советники. Въ 1769 году онъ вторично былъ датскимъ посланникомъ въ Штугартѣ, но уже въ 1771 году, съ согласія датскаго короля, вступилъ въ русскую службу. Императрица Екатерина употребила его для переговоровъ бракосочетаніи наслѣдника престола Павла Петровича съ дармштадтскою принцессою Вильгельминою, которая скоро (1776) умерла. Въ послѣдствіи, Ассбургъ былъ российскимъ посланникомъ на имперскомъ сеймѣ въ Регенбургѣ, и до самой своей смерти велъ такую же дѣятельную жизнь. Онъ умеръ въ мартѣ 1797 года. Множество приложеній придають еще большее достоинство этому сочиненію, весьма-важному для исторіи Германіи, Даніи и даже Россіи.

К. ЛИН. РТЪ.

ДОРОЖНЫЕ ЗАПИСКИ НА ПУТИ ИЗ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВЪ СИБИРЬ. (Статья десятая). (*) — *Пермь. — Наружное устройство города. — Промышленность и торговля. — Просвященіе. — Жизнь въ Пермѣ. — Образованность. — Воспоминаніе объ Александрѣ Благословенномъ и Александрѣ Цесаревичѣ. — Заключение.*

Въ «Вивлиоикѣ» Новикова есть статья о Пермской Губерніи, — статья небольшая, заключающая въ себѣ нѣкоторыя географическія свидѣнія объ томъ краѣ. Въ этой статьѣ, писанной лѣтъ десять спустя послѣ основанія Перми, находится описаніе этого города. И статья не устарѣла! Пермь — продолженіи пятидесяти лѣтъ почти нисколько не улучшилась, не разрослась. Если вамъ случилось видѣть планъ Перми — не судите по немъ объ этомъ городѣ: это только проектъ, проектъ, который едва ли когда-нибудь приведется въ исполненіе. Почти половина улицъ пермскихъ существуетъ лишь на планѣ.

Въ Перми только 28-я улицъ переулковъ. Улицы расположены параллельно съ берегомъ Камы и соединяются одна съ другою посредствомъ параллельныхъ переулковъ, перестыкающихъ улицы пользанными углами. На улицахъ выстроены дома на довольно-большой раз-

(*) Первые девять статей «Дорожныхъ записокъ» помѣщены въ «Отеч. Запискахъ», въ томахъ VI-мъ, VII-мъ (1839), VIII-мъ, XII-мъ, XIII (1840), XV-мъ, XVIII-мъ (1841) и XX-мъ (1842).

стояннн одинъ отъ другаго; въ переулкахъ же (исключая только двухъ) — нѣтъ ни одного дома. Поэтому, съ перваго взгляда, Пермь представляется городомъ обширнымъ; но какъ-скоро вы въдете во внутренность ея, увидите какую-то мертвенную пустоту. Только на одной улицѣ вы найдете еще кое-какое движеніе, кое-какую жизнь — именно на той, по которой расположены постоянные дворы. На всѣхъ другихъ круглый годъ тишина патриархальная, нарушаемая только несноснымъ трескомъ бумажныхъ змѣйковъ, которые стаями парятъ надъ городомъ. Я жилъ въ Перми на одной изъ главныхъ улицъ, но часто случалось, что сидя прядь окномъ, я по полчасу не видалъ ни одной живой души, исключая босыхъ мальчишекъ, бѣгавшихъ съ своими змѣйками. Случалось мнѣ проходить пѣшкомъ чрезъ весь городъ изъ конца въ конецъ и на всемъ этомъ пространствѣ встрѣтить человѣкъ десять, пятнадцать.

Въ Перми только три церкви: одна въ монастырѣ, другая соборная, третья приходская. Есть еще церкви — на кладбищѣ, въ больницѣ, въ тюремномъ замкѣ, въ квартирѣ епархіальнаго архіерея и старообрядческая. О церкви въ монастырѣ и ея мраморномъ иконостасѣ я уже говорилъ прежде: прибавлю здѣсь нѣсколько словъ объ иконахъ, въ ней находящихся. Въ холодной церкви онѣ очень обыкновенны, но въ теплой довольно замѣчательны: онѣ строгановскаго стила и хотя не древни, но отличаются кра-

сотами неподражаемыми. Особенно хороша икона св. евангелиста Иоанна: въ пурпуровой одеждѣ, этотъ святой, кажется, совсѣмъ выходитъ изъ золотого поля иконы. Вместе съ этимъ достоинствомъ живописи образъ этотъ не лишень и достоинствъ иконописца. Какой-то ревнитель итальянской живописи, подправляя эти иконы, положилъ на лица святыхъ румянецъ, и этимъ, разумеется, испортилъ все дѣло. Церковь въ домѣ епархіальныхъ архіереевъ устроена недавно. Въ приходской церкви во имя Пресвятой Богородицы явстрѣтилъ нѣсколько устюжскаго стиля образовъ, довольновысокой работы. Малочисленность церквей въ Перми заставила прихожанъ позаботиться о распространеніи этой церкви: выломали въ ней стѣны, построили другія, оставя прежній куполь, и увидѣли, что зданіе должно скоро развалиться. Не знаю, успѣли ли предупредить это несчастіе.

Тагъ-какъ въ Перми много Поляковъ, то въ ней открыты католическій костѣлъ. Особаго зданія для него, впрочемъ, не существуетъ: онъ помѣщается въ одномъ изъ большихъ каменныхъ домовъ, находящихся на берегу Камы, и съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе разрушающихся.

Городъ обстроенъ очень-незавидно: каменныхъ домовъ только 40, и изъ этого небольшого количества едва-ли не 20 стоятъ пустыми. Большая часть ихъ находится на берегу Камы, на самомъ видномъ и на самомъ лучшемъ мѣстѣ города. Когда Пермь была основана, богатые владѣльцы окрестныхъ имѣній и заводовъ построили по одному или по два дома въ новомъ городѣ. Эти-то дома, принадлежащіе гр. Строганову, гр. Строгановой, Лазаревымъ, Яковлеву, Деиндовымъ, ии. Голыцинымъ и проч., нѣкѣмъ кромѣ повторенныхъ не заняты и, пустые, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе приходятъ въ ветхость. — Въ Перми встрѣтите и такіе каменные дома, которые, не бывъ еще достроены, развалились. Лучшее зданіе въ Перми — Александровская

Больница; присутственные мѣста и гимназія помѣщаются въ домахъ посредственныхъ, и, кромѣ этихъ домовъ, во всей Перми нѣтъ ни одного порядочнаго дома. — Гостиный дворъ самаго жалкаго вида: — онъ чрезвычайно сходенъ съ казанскимъ дегтарнымъ рынкомъ.

Мостовыхъ въ городѣ нѣтъ, и отъ этого нѣкоторые пермскія улицы въ ненастное время рѣшительно непроходимы: весною и лѣтомъ, во время дождей, по главной площади обыкновенно протекаетъ огромный ручей, который часто бываетъ похожъ на порочную рѣчку. — Деревянные тротуары не привносятъ никакой пользы: опасно ступать на нихъ, потому-что легко можно отъ этого переломить ногу. — Фонарей на улицахъ въ Перми не знали и не знаютъ, и потому въ осеніе вечера пѣшеходамъ бываетъ довольно нелегко добираться до своихъ квартиръ. Лѣтомъ, въ Перми, площади и улицы обильно покрываются лѣсами, зимой снѣгомъ, счищать который не имѣютъ обыкновенія. Поэтому, во обихъ сторонамъ дорогъ образуются обыкновенно высокія снѣжные стѣны, а площади покрываются огромными сугробами. Снѣгу бываетъ каждый годъ въ зимней сторонѣ очень много, и потому въ Перми маленькіе домики, находящіеся близъ поля, рѣшительно завоеваны имъ; тогда-то изъ дворовъ ихъ притѣкаютъ и приходить не въ ворота, а черезъ ворота.

Разсмотрѣвая Пермь въ отношеніи промышленномъ, мы увидимъ, что въ туть состояніе этого города едва-ли выгодно. Вся пермская промышленность ограничивается канатнымъ производствомъ на фабрикѣ купца Смышляева и кожевеннымъ — въ десяти базахъ, прилежавшихъ себѣ названіе заводовъ. Первое производство поддерживается единственно тѣмъ, что въ Перми производится грузка сибирскихъ товаровъ на суда для отправки въ Нижній-Новгородъ; вторымъ же болѣе занимается выходцы изъ Кургур — этого города, въ который

всякій житель непременно или кожевникъ, или сапожникъ.

Торговля Перми также не въ завидномъ положеніи. Въ ней купеческихъ капиталовъ первой гильдіи только два, да еще 22 третьей гильдіи, живущихъ въ Перми; 1-й гильдіи—2 (муж. пола), 2-й гильдіи одинъ человекъ и 3-й семь человекъ. Десять человекъ составляютъ все купеческое сословіе! и гдѣ же? въ губернскомъ городѣ самой богатѣйшей русской губерніи...

Пермь—торговля съ другими городами не ведетъ.

Торговля въ Перми страдательная: вся она находится въ рукахъ взынковскихъ кодебщиковъ, въ рукахъ азеиной, поселяющихся въ Перми на время—впредь до обогащенія.

Вотъ въ короткихъ словахъ образъ пермской внутренней торговли:

Взынковскій или гороховскій мальчишъ, немнѣющій на своей многолюдной, но малоземельной родинѣ хлѣба засушнаго, занимается въ приказникахъ кодебщику съ книгами и краснымъ товаромъ. Выходивъ себѣ копейку, онъ накупаетъ галантерейныхъ вещей и смѣло отправляется въ Пермь за вѣрнѣйшимъ барышомъ. Этотъ вѣрнѣйшій барышъ чрезвычайно-великъ. Обыкновенно Взынковецъ покупаетъ галантерейныя вещи, вышедшія изъ употребленія. Прежде эти вещи продавались, положимъ, за 1,300 рублей съ лажемъ (*), т. е., за 1,000 ассигн.,—но теперь онѣ залежались, и купецъ съ радостію продаетъ ихъ кодебщику за свою цѣну или даже и въ убытокъ себѣ, лишь бы только онѣ не занимали у него въ лавкѣ мѣста. Положимъ, онѣ продаютъ все это за 975 р., т. е. за 750 рублей ассигнаціями. Этотъ

товаръ онъ везетъ въ Пермь и продаетъ тамъ за-камскимъ «невѣгласямъ» за самый модный, за привезенный недавно изъ Парижа. «Въ Москвѣ» говоритъ Пермяку торговецъ: «заплатилъ я за этотъ товаръ 1,300 руб.; къ этому я прибавляю только 260 руб. Двадцать процентовъ, кажется, немного. Посудите сами: безъ малаго полторы тысячи верстъ я везъ товаръ этотъ, чтобы намъ продать его.» Пермякъ всамъ объёмомъ души своей обрадовался такой дешевизнѣ; онъ слышалъ, что въ самомъ-дѣлѣ эти вещи были въ модѣ и, не говоря ни слова, даетъ безкорыстному торговцу просимые имъ 1,560 руб. ассигнаціями. Торговецъ получаетъ такимъ образомъ на 750 руб. 810 руб. барыша. На будущій годъ онъ вѣтъ эти 1,560 руб. пускаетъ въ ходъ и получаетъ уже на нихъ около 1,600 р. барыша.

Такими азеерами онѣ дѣтъ въ семь составитъ себѣ капиталъ тысячъ, поменьшой-мѣрѣ, въ 35 или 40; и тогда, поклонившись Пермьянамъ, уѣзжаетъ на свою родинау, или въ какой-нибудь торговый городъ, гдѣ заживаетъ себѣ, благодаря черезъ-чуръ патриархальной простотѣ степныхъ жителей степной Перми.

Лажъ, существовавшій въ Россіи, ни для какой другой губерніи не былъ такъ вреденъ, какъ для пермской, въ которой его не было (**). Всѣ товары, покупаемые торговцами въ Нижнемъ, или въ Москвѣ на серебро съ лажемъ, продавались въ Перми по казенному курсу, съ прибавленіемъ процентовъ за провозъ, и прочая. Чтобы видѣть яснѣе, какимъ образомъ взынковскіе торговцы наживались отъ Пермяковъ, представляю слѣдующую таблицу:

	Цѣна на Нижегородской Ярмаркѣ или въ Москвѣ на асс. съ лажемъ.	Цѣна въ Перми съ прибалоніемъ 20% на провозъ и пр. на асс.	Барышъ на аршинъ или фунтъ на ассигнаціи.
Сахару пудъ.....	30 р. 76 к. 40 р.	48 р.	17 р. 24 к.
Кофе фунтъ.....	1—22— 1—60	1—92	70—
Воску пудъ.....	46—15— 60—	72—	25—85—

(*) Это было писано еще въ 1839 году.

(**) Въ Перми и во всей Сибири никогда не было лажа. Только мелкая серебряная монета до четвертака исключительно обращалась съ лажемъ, выше настоящей цѣны.

Сукна аршинъ	20—	26—	31—20—	11—20—
Шелковой матеріи арш. . .	5—	6—50	7—80—	2—80—
Ситцу аршинъ.....	1—	1—30	1—56—	56—
Шампанскаго бутылка...	10—	13—	15—60—	5—60—

Пятьдесятъ-шесть копейекъ на рубль! что въ Россіи города не могутъ быть хорошо же умѣли наживаться пермскіе Вязниковцы! признаваемы исключительно мѣстопробываніемъ промышленности, и что чаще учрежденіе ихъ зависить отъ потребности правительственной, отъ необходимости имѣть средоточіе для управленія какимъ-либо краемъ.

Если покупателя жаловались на эти непомѣрные барыши и говорили, что купецъ долженъ продавать, напр., аршинъ сукна за 22 рубля, тогда послѣдній съ обычною своею ужимкою говорилъ: «Помилуйте-съ; въ Нижнемъ четыре рубля дороже того, что вы изволите жаловать съ». — Да это съ лажемъ, а вы хотите взять безъ лажа. — «Потому-то яи желаю взять безъ лажа, что въ Перми вѣтъ его». Что вы будете съ нимъ дѣлать? а вещь нужна; цѣна ея во всѣхъ лавкахъ одинакова, и хочешь-не-хочешь, заплатишь за нее цѣну непомѣрную. Не выписывать же изъ-за тысячи верстъ вещь, которая нужна сейчасъ!

При такомъ образѣ торговли возможно ли ея усовершенствованіе? можетъ ли Пермь сдѣлаться торговымъ городомъ? Конечно, вѣтъ, тѣмъ болѣе, что въ ней вѣтъ ни капиталовъ, ни купеческаго сословія, а есть только торговши, своими оборотами обирающіе добрыхъ, но несметливыхъ Пермцевъ.

Торговля не можетъ развиваться въ Пермь и по причинѣ ея невыгоднаго положенія. Отъ-чего же Пермь основана? отъ-того, что мѣсто, на которомъ она построена, повзвилось казанскому губернатору князю Мещерскому. Нужно было образовать главный городъ намѣстничества—и основали Пермь, которая есть не что иное, какъ колонія правительства. Другихъ побудительныхъ причинъ къ основанію Перми не было, да и быть не могло. Что же вышло? Образовался городъ, но купцовъ въ немъ не было; учредили въ немъ три годовыя ярмарки, но на нихъ ничего не стали привозить; отъ недостатка капиталовъ — явилось отсутствіе всякой промышленности. Кѣпень весьма справедливо замѣтилъ,

что въ Россіи города не могутъ быть признаваемы исключительно мѣстопробываніемъ промышленности, и что чаще учрежденіе ихъ зависить отъ потребности правительственной, отъ необходимости имѣть средоточіе для управленія какимъ-либо краемъ.

Все это было причиной того, что въ Перми вѣтъ постояннаго мѣстнаго общества, вѣтъ дворянъ, потому-что, немногочисленные, но зато богатѣйшіе изъ всѣхъ русскихъ помѣщиковъ, дворяне пермскіе, живутъ въ столицахъ. Вѣтъ купцовъ, потому-что въ Перми вѣтъ ни торговли, ни промышленности. Всѣ жители Перми состоятъ изъ служащихъ чиновниковъ, изъ Вязниковцевъ, прибравшихъ въ свои руки кое-какую торговашку пермскую, изъ мѣщанъ и изъ военныхъ каштонистовъ. Мѣстное дворянство замѣняется небольшоимъ числомъ *кондовыхъ* Пермцевъ, которые сначала были мѣщанами, при открытіи намѣстничества поступили на службу, дослужились до коллежскаго ассессора, приписались къ казанскому дворянству, за вѣнчаніемъ въ самой Перми дворянскаго депутатскаго собранія, и наконецъ, по оставленіи службы, остались дожидать вѣтъ въ родномъ городѣ своемъ.

Такова Пермь...

Но мы не кончили еще о торговлѣ: надобно будетъ сказать что-нибудь о ярмаркахъ пермскихъ. Въ Перми учредились три годовыя ярмарки. Проектъ положенія объ нихъ былъ даже соображенъ съ положеніемъ объ устройствѣ ярмарки нижегородской. Заговорили, зашумѣли въ тишинѣ пермской о новыхъ ярмаркахъ. Пермьки дѣлме два года только и толковали о томъ, какъ ирбитская ярмарка теперь падеть, да и нижегородской доставется. Ждали съ нетерпѣніемъ 9 мая — дня ярмарки. Онъ наступилъ: послѣ обѣдни отправились съ крестницами ходомъ къ гостиному двору; внутри его

отслужили молебень; — день былъ прекрасный, народу множество. Въ самомъ дѣлѣ, это было похоже въ мнѣнью на освященіе флаговъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, торжественно совершаемое 15 іюля каждаго года. Разница была только въ томъ, что народа было въ Перми въ тысячу разъ меньше противъ нижегородскаго, и еще въ томъ, что въ день освященія флаговъ въ Нижнемъ-Новгородѣ торговля начинаеть уже свое кипучее движеніе, а Ока и Волга красуются тысячами судовъ, разукрашенныхъ разноцвѣтными флагами; на Камѣ же видѣлась

Только лодочка косая, на которой перевезали лѣсники въ пустынные лѣса за яровами. Но между тѣмъ ярмарка началась. Привезли рублей на 200 каменной посуды, а Вязниковцы, торгующіе обыкновенно сваружи гостинаго двора, перешли съ своими товарами въ его внутренность. Флагъ ввѣлъ — товаровъ не было. Вязниковцы, наскучивъ торговать внутри гостинаго двора, перешли на обычныя мѣста своя — ярмарка кончалась. Наступило время другой ярмарки — та же исторія; пришелъ и третій срокъ — опять то же. И ярмарки пермскія стали существовать только по имени. Такъ существуютъ оны и до сихъ поръ...

Улучшеніе пермскихъ фабрикъ едва ли возможно. Причиною этого можно считать существованіе ирбитской ярмарки. Эта ярмарка, одна ли не третья въ Россіи, находится близъ Перми, значительно подрываетъ ея торговлю. Торговый Кунгуръ съ довольно-обширною ярмаркою находится только верстахъ въ 90 отъ Перми, въ окрестностяхъ которой и сельскихъ ярмарокъ множество. Все это служитъ сильнымъ противодѣйствіемъ къ развитію и усовершенствованію ярмарокъ пермскихъ. Скажутъ: Пермь на Камѣ, на такой большой рѣкѣ!... На это отвѣчаю: еслибъ желѣзные и соляные караваны, идущіе въ Нижній, суда съ китайскими товарами, которыхъ часть грузится въ Перми, да коломенки съ саранульскими хлѣбомъ, который ве-

зуть въ бесплодную Чердынь — еслибъ все эти суда, въ срочное время разъ въ годъ, не оживляли Камы, тогда бы эта огромная, но пустынная рѣка имѣла совершенное сходство съ Обью, Енисеемъ, Леною, Колымою и пр. Кама только въ древности видѣла на берегахъ своихъ мѣста торговли — нынѣ она не видитъ ихъ. И потому-то рѣка эта не можетъ для Перми сдѣлать ничего больше того, что она сдѣлала. А сдѣлала она Пермь мѣстомъ грузки части китайскихъ товаровъ, отправляемыхъ на нижегородскую ярмарку. И то еще хорошо. Если бы не Нижній, плохо бы было Перми!

Прежде нежели мы скажемъ о просвѣщеніи въ Перми, взглянемъ на состояніе просвѣщенія въ Пермской Губерніи и сравнимъ его съ просвѣщеніемъ въ прочихъ восьми губерніяхъ, составляющихъ Казанскій Учебный Округъ, и съ 1827 имѣющихъ право гордиться своимъ просвѣщеніемъ, развитымъ въ нихъ попечителемъ округа, М. Н. Мусинымъ - Пушкинымъ. Этому попечительному хозяину учебныхъ заведеній Казанскаго Округа, восточная часть Европейской Россіи обязана настоящимъ просвѣщеніемъ и слѣдовательно улучшеніемъ быта общественнаго и частнаго. По справедливости можно сказать, что исторія просвѣщенія Россіи съ благодарностію будетъ вспоминать имя этого мужа, на ряду съ именами другихъ, славою которыхъ уже и теперь полна Россія.

Въ составъ Казанскаго Учебнаго Округа, кромѣ Пермской Губерніи, входятъ еще Казанская, Нижегородская, Пензенская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская и Вятская. Изъ нихъ Пермская Губернія занимаетъ первое мѣсто по числу учащихся. Сравнительное состояніе просвѣщенія въ восточной части Европейской Россіи можно видѣть изъ слѣдующей таблицы (*).

(* Она основана на оффиціальныхъ извѣстіяхъ за 1840 годъ. Университетъ Казанскій, какъ не входящій въ составъ округа, здѣсь не былъ принятъ къ соображенію.

Губерніи:	Пространство въ квадратныхъ миляхъ.	Число жителей мужскаго пола.	Число учебныхъ заведеній подъ ведомствомъ М. Н. П.	Число вышедшихъ учениковъ изъ училищъ въ 1839 году.	Число вышедшихъ учениковъ изъ училищъ съ аттестатами.
Пермская.....	5997	707,728	33. Крѣпѣ того находится много школъ другихъ вѣдомствъ; общее число ихъ можно положить около 50.	720	300
Казанская.....	1100	607,306	40. Съ Первой Гимназіей и частными пансіонами.	659	180
Нижегородская..	870	516,309	21	335	94
Симбирская.....	1298	600,726	17	408	159
Пензенская.....	708	485,621	16	432	206
Саратовская.....	3752	770,085	14	423	52
Астраханская....	4129	114,800	8	190	56
Оренбургская....	5549	851,385	18	357	147
Вятская.....	2683	720,473	26	628	282

Изъ этого мы видимъ, 1) что Пермская Губернія по количеству учащихся занимает первое мѣсто изъ восточныхъ европейскихъ губерній. Къ 1 января 1840 года въ учебныхъ заведеніяхъ этой губерніи было 2144 человека, а въ нынѣшнее время, по причинѣ открытія нѣсколькихъ приходскихъ училищъ и умноженія во всѣхъ заведеніяхъ учащихся, число

это возросло болѣе нежели до 2500 человекъ. Если же присоединить къ сему числу число учащихся въ семинаріи и въ другихъ духовныхъ училищахъ, въ Училищѣ Дѣтей Канцелярскихъ Служителей, въ школахъ при казенныхъ заводахъ, зависящихъ отъ Министерства Финансовъ, и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, — тогда все число учащихся въ Пермской Губер-

Общее число уче- никовъ.	Число учениковъ.			Отношенія.				Отношеніе выбывшихъ съ аттестатами къ числу учащихся.
	Изъ дворянъ и чинов- никовъ.	Изъ жандармъ и муш- кетъ.	Изъ крестьянъ и раз- кошницъ.	Учащихся къ числу жителей.	Учебныхъ заведеній къ числу учащихся.	Числа учащихся къ пространству.	Отношеніе всѣхъ вы- бывшихъ учениковъ къ числу учащихся.	
2144	271	550	950	1:330	1:65	1— на $2\frac{1}{8}$ к. м.	1:3	1:7
2083	473	624	458	1:292	1:52	2— на 1 к. м.	1:3	1:11
1120	210	320	305	1:461	1:53	$1\frac{1}{8}$ на 1	1:3	1:12
1173	235	256	349	1:512	1:70	1— на $1\frac{1}{10}$	1:3	1:7
2113	391	436	409	1:230	1:132	3— на 1	1:5	1:10
1413	285	538	136	1:545	1:101	1— на 3	1:3	1:27
592	130	291	79	1:194	1:74	1— на 7	1:3	1:10
995	348	224	304	1:846	1:55	1— на $5\frac{1}{2}$	1:3	1:6
1596	245	781	278	1:451	1:61	1— на $1\frac{1}{2}$	1:3	1:5

ніи будетъ болѣе нежели 3500 чело-
вѣкъ. 2) Что отношеніе учащихся къ
пространству и къ числу жителей
Пермской Губерніи представляетъ
результаты весьма благоприятныя. При
этомъ случаѣ должно обратить внима-
ніе на огромное пространство Перм-
ской Губерніи, на множество земель не-
заселенныхъ и на большое количество
жителей, которыхъ, при нихъ гражда-

ственности, просвѣщеніе еще не до-
ступно (Пермяки, Вогулы, Башкиры и
даже Татары). Если бы не было этого,
Пермская Губернія представлялась бы
еще болѣе съ выгодной стороны, въ
отношеніи просвѣщенія. 3) Что ни въ
одной восточной губерніи Европейской
Россіи просвѣщеніе такъ не распро-
страняется между низшими классами
народа, какъ въ Пермской. Это завд-

яить отъ-того, что въ этой губерніи находится много приходскихъ училищъ, существующихъ съ цѣлю распростра- нить если не образованіе, то по край- ней-мѣрѣ грамотность между низшими классами народа. Изъ губерній, состав- ляющихъ Казанскій Учебный Округъ, больше всего учащихся изъ дворянъ въ Пензенской, изъ средняго сословія въ Вятской, а изъ низшаго сословія въ Пермской Губерніи. 4) Что число окончившихъ курсъ въ учебныхъ заве- деніяхъ Пермской Губерніи предст- авляетъ также довольно-утѣшительные результаты.

Замѣчу при этомъ случаѣ, что меж- ду жителями Пермской Губерніи охота учиться весьма ошутительна. Учеб- ныя заведенія ея всегда полны, и число грамотныхъ въ ней едва-ли не боль- ше противъ другихъ великороссійскихъ губерній. Не вышло пока изъ ея жителей гениальныхъ поэтовъ, ни гениальныхъ ученыхъ, но все-таки Пермь можетъ похвалиться тѣмъ, что она была ро- дицею А. Ѳ. Мерзлякова, незабвенна- го профессора Университета Москов- скаго.

Въ Перми, изъ учебныхъ заведеній находится: гимназія, уѣздное учили- ще по методу Ланкастера, семинарія, Училище Дѣтей Канцелярскихъ Служи- телей и Школа Военныхъ Кавтонистовъ. Близъ города на Мотовилихинскомъ казенномъ Заводѣ есть горная школа.

Въ гимназіи бываетъ около ста че- ловѣкъ учащихся. Большая часть окан- чивающихся въ ней курсъ остаются въ Пермской Губерніи на службу; нѣко- торые поступаютъ для дальнѣйшаго образованія въ Казанскій Универси- тетъ. При гимназіи находится библио- тека и кабинетъ физической и минера- логической. Въ библиотекѣ находится около 2000 книгъ, и въ томъ числѣ нѣсколько весьма замѣчательныхъ би- блиографическихъ рѣдкостей, рукопи- сей и дорогихъ уражей. Изъ нихъ замѣчательны «Атласъ Пермскаго На- мѣстничества» съ планами предполагае- мыхъ городовъ и описаніями, состав- ленный въ 1781, какъ проектъ; под-

линное привѣтствіе Евреевъ, подве- сенное Императрицѣ Екатериной II, - нѣкоторыя другія. — Желательно бы- ло бы, чтобъ кто-нибудь описалъ би- блиографическія рѣдкости этой библио- теки. — Много книгъ было пожертвова- но бывшимъ пермскимъ генерал-гу- бернаторомъ Модерахомъ во время от- крытія главнаго народнаго училища. — Физическій кабинетъ необходимъ. Въ немъ производится метеорологическія наблюденія, прежде отправлявшіяся въ Академію Наукъ. Минералогическій кабинетъ состоитъ изъ штучовъ, собранныхъ въ богатой минералогіи Пермской Губерніи. — Надобно отдать должную справедливость В. І. Антро- пову, бывшему лѣтъ шесть тому на- задъ директоромъ училищъ Пермской Губерніи. Ему, какъ гимназисту, такъ и подвѣдомственная ей училища обяза- ны своимъ прекраснымъ устройствомъ. Признательные Пермьки до-сихъ-поръ вспоминаютъ этого достойнаго хозяина пермскихъ учебныхъ заведеній. — Въ Училищѣ Дѣтей Канцелярскихъ Служителей учащихся бываетъ около 30 человекъ. — Кончившіе въ немъ курсъ занимаютъ должности канцелярскихъ служителей въ Губерніяхъ Пермской и Вятской.

Въ Перми находится публичная би- блиотека для чтенія. Она помѣщается при Училищѣ Дѣтей Канцелярскихъ Служителей. Библиотека бѣдная: въ ней не болѣе 400 книгъ, и въ томъ числѣ немного хорошихъ. Вновь выписыва- ется очень мало — почти ничего. Чи- тателей почти нѣтъ. Въ домахъ слу- чается видѣть книги изъ ильинской библиотекы, привезенныя изъ-за ста- версть.

Пермское общество состоитъ, какъ я замѣтилъ уже, изъ заѣзжихъ чиновни- ковъ. Это общество щепетливо, имѣ- етъ большія претензіи на вкусъ и на об- разованіе, многіе держатъ и на уче- ность. Прежде, нежели начну я ха- рактеризовать это общество, скажу, что и въ немъ есть прекрасныя исклю- ченія: и въ Перми вы найдете лю- дей, съ которыми не скучно провести

время, которые имъють вѣршій взглядъ на вещи, хорошо образованы; но ихъ немного, къ-сожалѣнію...

Я уже не разъ замѣчалъ о радушномъ гостепрѣимствѣ пермскихъ жителей. Надобно имъ отдать въ этомъ отношеніи справедливость. Точно ни въ одномъ краю нашей обширной Россіи, исключая развѣ Сибири, вы не найдете такого радушія. Прѣзжайте въ Пермь, и хоть вы не имѣете тамъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, но будете всякимъ приняты и обласканы какъ желѣзя-лучше. Въ каждой домѣ васъ прѣймутъ какъ роднаго, попросятъ жаловать почаще, быть какъ дома, — и ходите къ этимъ ласковымъ людямъ хоть каждый день — вы не васкучите имъ, васъ всегда будутъ принимать съ радушіемъ. Этикетной взискательности здѣсь не знаютъ, и въ Перми необременительныя ни визиты, ни прѣемы гостей.

Зовъ въ Перми не любятъ; звать другъ къ другу больше запросто. Зато ужъ если Пермь расхочется да зачасть пиръ званый, тутъ у него полѣдная копейка пойдетъ ребромъ. Вы вшитесь на званый пиръ: сначала угостятъ васъ чаемъ по сибирской пропорціи, т. е. елико возможно больше; потомъ, самъ хозяинъ сдѣлаетъ вамъ пуншъ съ прибавленіемъ необыкновеннаго количества бордосской водки. Платъ искусно пуншъ считается въ Перми важнымъ достоинствомъ. Слѣдъ за пуншемъ вамъ подадутъ карточку: отъ игры отговариваться нельзя: го стихія пермской жизни. Пермь имѣе всего за карточнымъ столомъ. Гратъ въ бостонъ (вистъ въ Перми мало потребителенъ) со всевозможными козырями и кодыями вы должны непременно отъ шести часовъ пополудни до двухъ пополудни. Въ-продолженіе вы васъ запоятъ наливками многочисленныхъ сортовъ и качества. Кромѣ обыкновенныхъ въ Россіи малиновокъ, бивонокъ и пр., васъ поподають сто сибирскихъ — княженичковой, львиной, и въ некоторыми другими. Подаютъ десертъ, состоящій изъ ва-

реній и яблокъ, которыя здѣсь не такъ обыкновенны, какъ въ другихъ частяхъ Россіи. Апельсиновъ бываетъ въ Перми мало, винограда еще меньше, персиковъ, абрикосовъ, ананасовъ, кажется, совсѣмъ не знаютъ. Начиная съ девяти часовъ до двухъ, вамъ нѣсколько разъ подадутъ нѣсколько карафиновъ разнообразныхъ водокъ и домашнихъ закусокъ. Въ два часа позвуютъ васъ ужинать, и вотъ когда всѣ гости, по выраженію чешскаго поэта, —

За предолги столы свля
Каждый по своску чину (*).

Тогда начнутъ подавать одно за другимъ едвали не тысячу и одно кушанье. Безъ шести холодныхъ, безъ шести соусовъ, безъ шести жареныхъ и безъ пяти *хлѣбныхъ* въ Перми столъ не столъ. Изъ числа блюдъ, явятся и національные пермении или пельяны, въ разныхъ видахъ, т. е. вареные, печеные, жареные, и пр. При каждой перемѣнѣ блюдо подадутъ вамъ рюмки по двѣ вина — мадеры, портвейна (это любимое вино Пермьковъ), хереса. Здѣсь употребляютъ все такія вина, которыя, по выраженію Марлинскаго, ближе къ цѣли: марго, лафитъ, со-тервъ стоятъ на столѣ только для близира, и до нихъ никто не дотрогивается. Не выпить обычной рюмки вина — значитъ обидѣть хозяина: онъ будетъ передъ вами кланяться, упрашивать, а если вы съ нимъ коротки, то даже и «штучку отометь»; такъ, напримеръ, приставитъ къ вамъ двороваго мальчика, который скажетъ вамъ сказку про *блага быка*. Эта дѣтская шутка здѣсь имѣетъ свое примѣненіе къ главному пункту пермской жизни — гостепрѣимству; мальчикъ подойдетъ къ вамъ, станетъ за стуломъ и спроситъ: «Сказать ли вамъ сказку про *блага быка*?» Если вы скажете «вѣтъ», онъ вамъ отвѣчаетъ: «Вы говорите вѣтъ, я говорю вѣтъ, сказать ли вамъ сказку про *блага быка*?» Вы замолчали — не-

(*) Руско. Kralodworsky въ пьесѣ *Lafise a Lubox*.

отвязчивый мальчишка говорить: «Вы молчите и я молчу» и пр. Все это возбуждает общий смѣх и непритворное веселье гостей, а вы все-таки до-тѣх-поръ не освободитесь отъ благо-го быка, пока не выпьете рюмки, вамъ предлагаемой. Такимъ образомъ васъ заставятъ выпить рюмокъ десять ви-на самого крепкаго, которое иногда даже нарочно разбавляютъ съ ромомъ «для-ради вашей крепости». И такъ пьютъ всѣ. Вдумайте же вы вмѣсто всѣхъ этихъ ужасныхъ рюмокъ налить и выпить полстакана сотериа — васъ прозовутъ пьяницей. Именно ужъ правду говорятъ: что городъ, то воровъ, что деревня, то обычай, что селенье, то повѣрье.

Но вотъ подали первое жаркое и начинаютъ щедрою рукою разливать шампанское. Пьютъ его и за столомъ и послѣ стола. Какихъ тостовъ не бываетъ при этомъ случаѣ! пьютъ и здоровье всѣхъ православныхъ хри-стіанъ, и здоровье всего рода человѣческаго... Провозглашаютъ ли тостъ за здоровье кого-нибудь близкаго хозяину, онъ отвѣчаетъ: «Врешъ, мое здоровье двадцать-пятое, пей за другихъ»; все заключается питьемъ ликѣра и снова начинающейся игрою въ карты.

Таковы пермскіе балы...

Въ Перми бываютъ и собранія, въ Перми и кадрили танцуютъ и мазурку *откалываютъ*. Уже именно *коткалываютъ*. Полъ стучитъ, пыль вьется столбомъ отъ наблуконъ локонъ кавалеровъ. Таковыя веселости бываютъ въ домѣ благороднаго собранія. За то какъ веселятся! вотъ ужъ на рас-пашку веселятся!

Собранія бываютъ рѣдко. Балы иногда довольно-сносны, и бывающіе въ домѣ канцелярскаго училища даются еще рѣже. За то у *аристократовъ* (!) пермскихъ разобраны дни. Сегодня играютъ въ карты и пируютъ у одного, завтра у другаго и т. д.—у каждаго въ недѣлю разъ. У богатыхъ собираются и по два раза въ недѣлю.

Дѣтотъ пируютъ каждый праздникъ съ утра до вечера на заимкахъ. Заимка есть родъ дачи, устроенной близъ города. — Часто катаются на лодкахъ по Камѣ, дѣлаютъ пикники. Весело живутъ—приживаючи.

Театровъ и другихъ представлений не знаютъ.

Наряды въ Перми везъискианни; впрочемъ, картинки журнальныя и здѣсь соблазняютъ дамъ и дѣвиць.—За то наряды дамскіе здѣсь не такъ убыточны, какъ въ другихъ мѣстахъ: въ Перми, дама, създивъ одинъ разъ на балъ, не броситъ новаго платья, но вышьетъ въ немъ еще нѣсколько разъ, даже до-тѣх-поръ, пока оно не изна-сится совершенно. Этимъ вознагра-дается дороговизна матерій, упо-требляемыхъ для дамскихъ нарядовъ. Дороговизна необыкновенная: аршинъ тюля средственной доброты стбитъ въ Перми 8 руб., аршинъ атласа 10 руб. асс.—Впрочемъ, пермскія крас-вицы чрезвычайно-рѣдко одѣваются въ тюль, въ атласъ и въ бархатъ; деш-венькая кисея, за штуку которой платятъ рублей 15—20 ассигнаціями, счи-тается щегольскою матеріей. Безвы-сѣе и здѣсь замѣтно: не рѣдко можно встрѣтить въ пермской гостиниѣ да-му въ какомъ-нибудь красномъ пла-тьѣ съ бѣлыми или зелеными фалбо-рами, или въ зеленомъ платьѣ съ жел-тымъ шарфомъ — настоящая ничища съ лукомъ! Въ Перми и на прегра-сный полъ карты имѣютъ сильное вліяніе: по шести и по восьми часо-въ не выходятъ изъ-за карточнаго стола не только дамы и перерѣзныя дѣвы, которыхъ и въ Перми не обе-решься, но даже и *барышни-невѣсты*, которыя тоже возигрываютъ въ бо-стой. Хорошо играть въ карты — неопцненное достоинство для Перми-ка. Тринадцать въ сюралъ—есть вы-сочайшее блаженство...

Въ Перми, какъ водится, и гуля-нья публичныя есть: есть *place parade*. поросшія травою; здѣсь гуляютъ дѣ-тотъ по наломаннымъ троттуарамъ

и съ восхищеніемъ слушаютъ гарнизонную музку, восхищаются ба-рабавомъ. Есть бульваръ, совершенно заброшенный, съ ротоюдою, грозящею гуляющимъ своимъ паденіемъ; въ этомъ мѣстѣ бываетъ народное гулянье въ троицынъ-день: качеля, винная выставка, пестрый людъ, пьяныя толпы—вотъ предметы, встрѣчающіеся на этомъ гуляньѣ. Въ другое время года поздно вечеромъ по бульвару ходить недолично...

Говорятъ всѣ и вездѣ по-русски. Французскаго словечка, увы, не услышите въ пермскихъ гостиницъ! Пермьки, побуждаемые патриотизмомъ, говорятъ, что они не говорятъ по-французски отъ-того, что считаютъ это унижительною для Русскихъ. Заговорите съ кѣмъ вамъ угодно по-французски, всякій отпуститъ вамъ слѣдующую фразу, которую сочинилъ въ Перми, и которую знаетъ наизусть всякій Пермькъ, даже и не умѣющій а отъ б отличить: *Je parle en française avec les étrangers, скажетъ онъ жемаясь и вывертывая свою голову:—qui ne peuvent parler en russe, mais... mais parler en française avec les Russes...* При семъ случаѣ Пермькъ замѣтется и отойдетъ отъ васъ съ торжествующимъ видомъ.—Хорошо, прекрасно было бы, еслибъ все это происходило отъ энтузіастическаго патриотизма, но вотъ бѣда—всякій Пермькъ, а еще болѣе всякая хорошенькая Пермляка, и полепетала бы французѣ, да не умѣетъ... Французскихъ учителей въ Перми нѣтъ, книгъ французскихъ нѣтъ... Что прикажете дѣлать? И радъ бы въ рай, говорить пословица, да грѣхи не пускаютъ. За то ужъ вышеприведенную фразу въ Перми всякій, всякая и всякое проговорить вамъ незанкнувшись. Чудна Пермія!

Что еще сказать о пермскихъ жителяхъ?.. Да, кстати объ языкѣ. По-русски здѣсь говорятъ не перемѣняя о на а; замѣчательно, что во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ говорятъ вмѣсто о—а, притивный этому выговоръ

называютъ *семсока*, а въ Перми говорятъ свысока—значитъ говорить по московскому нарвчію. Другая замѣтная въ Перми особенность языка состоитъ въ томъ, что всѣ говорятъ речитативомъ, и притомъ послѣднее слово рѣчи поютъ. Это чрезвычайно-непріятно для слуха, а особенно если слышишь говорящими такъ людей высшаго класса. Много употребляется въ Перми словъ особенныхъ. Не могу всѣхъ перечислить, но предлагаю здѣсь нѣкоторыя: *шаньга*—роль втрусши; *мохотить*—пить; *займка*—дача; *убойить*—поставить кого-нибудь въ непріятное положеніе (говорится во время карточной игры); *бардадымъ*—трефовый король; *баской*—хорошій; — *ланской*—прошлогодній; *бусой*—дымчатый; *робиты*—дѣлать, работать; *бахилы*—широкіе сапоги; *шугай*—верхнее платье жевшицъ, душегрѣйка; *шуйтъ*—пугать; *балакирь*—горшокъ, въ которомъ держатъ молоко; *отмодъ*—проклятой, чортъ; *шатунъ*—бродяга, чортъ; *крещеный*—Русскій, православный; *керосакъ*—раскольникъ; *юлубецъ*—пріступокъ у русской печи; *знать*—видно; *казаматъ*—неблагопрістойный домъ; *утресь*—утромъ, и многія другія. Изъ янхъ нѣкоторыя я замѣчаю прежде.

На ннхъ словахъ дѣлаются неправильныя ударенія — *переворотъ* и др.; въ дѣйствительныхъ глаголахъ изъяснительнаго наклоненія настоящаго времени втораго и третьяго лицъ единственнаго и перваго и втораго множественнаго числа — опускаютъ букву *e*, на-прим. *знашь, знать, знамъ, знате; дѣлашь, дѣлать, дѣлаемъ, дѣлаете* и проч. т. п.

Образованность большей части пермскихъ жителей заслуживаетъ особеннаго вниманія. Эти сужденія о наукахъ и въ особенности о бѣдой русской литературѣ, эти приговоры всему недонятному налагаютъ странный отпечатокъ. Тамъ судятъ о наукахъ по-свѣдому: безсвязный разсказъ о мелочныхъ происшествіяхъ они называ-

ють исторіей, рядъ числъ — статисти- кой, а реторику — основой просвѣщенія. Для нихъ скученъ Вальтеръ Скоттъ; они не читаютъ Лажечникова, а иныя прочія произведенія мелочной литера- туры они считаютъ за chef d'oeuvre искусства. Толстыхъ журналовъ не любятъ, газетный листокъ доставля- етъ имъ несказанное удовольствіе; Московскимъ Вѣдомостямъ они покла- няются какъ яолу. Прибавленія къ этимъ Вѣдомостямъ доставляютъ имъ сюжетъ для разговоровъ на цѣлую недѣлю, до слѣдующей почты. — Ино- странной литературы не слѣдятъ: во всемъ городѣ не выписывается ли од- ного листка на языкъ чужеземномъ. Ле- жать, правда, на столахъ у некоторыхъ пермскихъ фешенеблей томы Гюго и Дюма, но ни кѣмъ не читаются. Кар- ты, карты и карты — онъ важнѣе ли- тературы!

Впрочемъ, есть въ Перми и литера- торы-псевдонимы, которые выдали свои сочиненія напечатанными. Здѣсь полъ словомъ «псевдонимъ» я разумю не такого литератора, который полъ сво- имъ сочиненіемъ подписываетъ чужое имя, а такого, который полъ чужимъ подписываетъ чѣтко свою фамилію.

Изъ пермской типографіи, кромѣ губернскихъ вѣдомостей, изрядка вы- ходятъ особыя сочиненія. Такъ, напр., въ 1804 году вышло «Хозяйственное Описаніе Пермской Губерніи» Н. Попо- ва, въ двухъ томахъ in folio. Оно бы- ло послѣ перепечатано въ Петербургѣ, но первое изданіе составляетъ вынѣ большую рѣдкость. Въ 1832 напеча- тана была книжка «Краткое Статистиче- ское Обзорніе Пермской Губерніи», со многими любопытными данными, но написанная языкомъ ужаснымъ (*).

Еще одна особенность пермской жи- зни — пермечи. Эти маленькіе, изъ пшеничной муки слѣпанные пирожки съ свинойю играютъ важную роль въ Перми. Названіе свое они получили

(*) Въ 1841 году, это сочиненіе было кѣмъ-то выглажено, вычищено и явилось на страницахъ одного русскаго журнала съ подписью *Николюскій*.

отъ того, что имѣютъ форму уха, а пе- рмичски *паль* значить ухо — *паль хлѣбъ*. Этотъ хлѣбъ въ видѣ уха со- ставляетъ любимѣйшее кушанье Пер- мяковъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, пермечи очень вкусны — въ Перми они ед- ли не лучше всего прочаго. Особенно въ заговѣнныя и въ розговѣнныя потреб- ляется необятное количество пермеч- ной. Свиинна рубится на деревянныя доски, и одинъ проказникъ высчиталъ, что въ заговѣнныя въ одной Перми православныя вмѣстѣ съ пермечами съѣдятъ непременно четыре полты дровъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если вы пойдете пѣшкомъ вечеромъ въ заговѣнныя по пермскимъ улицамъ, въ каждомъ домѣ услышите стукъ ножа, кото- рымъ рубятъ свиинну для пермечей. Всѣ, не исключая и высихъ, часто зв- нуть къ себѣ гостей на *пермечи*. Въ такомъ случаѣ почти весь столъ со- стоитъ изъ пермечей. Ъдятъ ихъ ва- ренныя съ укусомъ, ѡдятъ пермечи подъ соусомъ, пермечи жареныя, и прочая, и прочая. Это кушанье имѣ- етъ большое вліяніе на семейную жизнь Пермичковъ. Сколько составилось свадебъ, сколько людей влюблялось, дружилось, ссорилось, мирилось — за пермечами!

Жить въ Перми дешево. За кварти- ру, состоящую въ особомъ флигелѣ съ семью комнатами, особой кухней и прочими хозяйственными службами платилъ по 25 рублей въ мѣсяцъ. Ржаной хлѣбъ въ 1839 была цѣна около одного рубля ассигнаціями за пудъ; всѣ прочія жизненныя потре- бности также дешевы: пара раб- чиковъ въ дешевую пору пролетѣтъ за 18, а въ дорогую за 40 копеекъ ассигнаціями. За то ужъ предметъ роскоши, и вообще товары привоз- ныя — дороги непомерно.

Въ Перми живутъ тихо, безмятежно. Рядко варушается ея спокойствіе. Пермички добрыя граждане, патриоты. До-сихъ-поръ сохраняются въ памяти ихъ два случая, слѣвавшіеся эпохами въ исторіи Перми: посѣщеніе Перми Императоромъ Александромъ-Благо-

словеннымъ въ 1824 году, и посвященіе этого города Государемъ Цесаревичемъ Наслѣдникомъ престола русскаго — Александромъ Николаевичемъ.

Покойный Императоръ около трехъ дней былъ въ Перми. Кому не памятенъ, кому не извѣстенъ ангельскій характеръ этого умирителя Европы! Кто не знаетъ о его улыбкѣ, привлекавшей къ нему сердца, не только всѣхъ многочисленныхъ его подданныхъ, но даже и иностранцевъ, видѣвшихъ въ немъ не отца, какъ Русскіе, но только великаго человека! Расскажу здѣсь о двухъ случаяхъ, доказывающихъ благочестіе и добродушіе незабвеннаго Александра. Первый изъ нихъ, кажется, еще не извѣстенъ всѣмъ, о второмъ же гдѣ-то писали.

Когда Императоръ вхалъ въ Пермь, онъ остановился для перемѣны лошадей въ селѣ Дубровскомъ (Оханскаго Уѣзда Пермской Губерніи). Священникъ села этого, восьмидесяти-лѣтній старецъ, жизни благочестивой, въ полномъ облаченіи съ святымъ крестомъ въ рукахъ дожидаясь повелителя милѣеювъ на церковной паперти. Царь земной пошелъ въ храмъ поклониться Царю Небесному. Священникъ, ублещенный глѣтами, стоялъ на порогѣ церкви, и какъ-скоро увидѣлъ Императора — смутился, рука его, державшая крестъ, надражала. Слезы градомъ потекли изъ очей его, когда онъ увидѣлъ Государя и дрожавшимъ голосомъ онъ тихо началъ читать: *Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголю Твоему въ миромъ, жо видѣста очи моя, и трочая.* Государь, услышавъ послѣднія слова молитвы Симеона Богопріимца, взглянулъ съ ангельскою улыбкой на почтенное лицо старца и, приложась къ юднесенному имъ кресту, поцаловалъ руку достойнаго служителя алтаря Божія. Старецъ еще болѣе смутился, слезы умиленія текли по ланитамъ его... До того былъ пораженъ священникъ этимъ поступкомъ благочестиваго христіанина-Царя, что онъ до самой смерти своей ни о комъ бо-

лѣе не говорилъ, кромѣ Александра, цаловалъ руку свою, которой коснулись царственные уста. Черезъ годъ достигла до него страшная вѣсть: Александра Павловича не стало. Священникъ съ воплемъ совершилъ панахиду по душѣ Его и — вскорѣ самъ отошелъ туда, куда былъ призванъ Александръ отъ земнаго своего пририща.

Этотъ примѣръ благочестія и свисходительности Царя русскаго до-сихъ-поръ живеть въ памяти жителей пермскаго края.

Другой примѣръ свисходительности Императора: когда онъ пріѣхалъ въ Пермь, тотчасъ же отправился въ квартиру епископа Іустина. Этотъ Іустинъ, сперва жившій долго въ Венеціи, былъ епархіальнымъ архіереемъ Пермской Епархіи. Достигнувъ глубокой старости, онъ уволенъ былъ на покой и жилъ среди бывшей паствы его. Императоръ отправился къ нему безъ свиты, и когда вошелъ въ комнату старца, епископъ привалъ его сначала за свитскаго генерала, но вскорѣ увидѣлъ свою ошибку и съ слезами умиленія благословилъ Благословеннаго.

— Какъ вы себя чувствуете? спросилъ Государь.

— Старость чувствую, Ваше Императорское Величество, отвѣчалъ старецъ.

— Довольны ли вы? какъ вы живете?

— Отъ щедротъ Вашего Величества я получаю пенсію, и суммы, получаемой мною, достаточно для старика.

— Не обезпокоилъ ли я васъ неожиданнымъ, быть-можетъ, посщевіемъ?

— Счастье лицедрѣть священную особу моего Государя пролило цѣлительный бальзамъ въ душу мою. Теперь я умру спокойно.

Довольно-долго бесѣдовалъ съ Іустиномъ Императоръ и потомъ похалъ осматривать городъ.

Въ память посщевія Перми Императоромъ Александромъ, въ этомъ ге-

родъ устроила больницю Александровскую — лучшее зданіе города. Это богоугодное заведеніе служить здѣсь памятникомъ Царя Богу-угоднаго.

Другой Александръ посѣтилъ Пермь лѣтомъ 1837 года. Пламенное желаніе видѣть надежду Россіи, первенца Царя православнаго, собрало многочисленныя толпы жителей. Пермь ожила кипучею жизнью. Желаніе народа пермскаго наконецъ осуществилось: Наслѣдникъ удостоилъ Пермь своимъ посѣщеніемъ. Онъ съ заботливостію осматривалъ городъ, внимательно вникалъ во все подробности, посѣтилъ присутственный мѣста, гимназію, богоугодныя заведенія. Восхищенный народъ день и ночь стоялъ предъ низенькими окнами небольшого дома губернаторскаго, въ которомъ останавливался Цесаревичъ... Но къ-чему это описывать? Кто не знаетъ, какъ мы Русскіе смотримъ на Царей нашихъ и дѣтой ихъ; кто не чувствовалъ изъ насъ того высокаго чувства восхищенія, которое овладѣваетъ Русскимъ, когда онъ смотритъ на Царя или сына Царя! Только Русскіе Царя своего зовутъ — *Богамъ земнымъ*.

Величественно было зрѣлище, когда Государь Наслѣдникъ изволилъ кататься въ нарочью для сего устроенномъ катерѣ по рѣкѣ Камѣ. Почти всегда пустынная рѣка оживилась. Тысячи мелкихъ лодокъ, въ которыхъ сидѣли Пермскіе въ своихъ праздничныхъ одеждахъ, кружились вокругъ катера, въ которомъ сидѣлъ Александръ. Громкое «ура» слышно было и съ берега и на Камѣ; все было весело, все было живо. Народъ ликовалъ...

Грустно было Пермчанамъ провожать своего драгоценнаго гостя. Это чувство тоже всемъ намъ знакомо. Видѣвъ какую-то тягостную пустоту въ городѣ, изъ котораго ухлѣлъ Высочій Посѣтитель, чувствуешь какую-то особенную грусть въ душѣ и самую природу видишь въ какомъ-то тусломъ свѣтѣ... Благословенія сыпались на ухлѣващаго Наслѣдника, который и послѣ отъѣзда изъ Перми благотворилъ

ея жителямъ: розданы были значительныя суммы въ пособіе немущимъ...

Чѣмъ заключить описаніе Перми?... Развѣ сказать нѣсколько словъ вообще о ея характерѣ. Пермь — городокъ порядочный, но безжизненный, торговля и промышленности въ немъ почти вѣтъ, грамотности много, образованности не бывало. Его жители радушны, гостеприимны, добры, довольно стражны; между ними, какъ обыкновенно водится, есть люди и достойные, есть люди и никуда не годные. Пошеголять ученостію они любятъ, но часто не впадаютъ. Жаркіе споры Пермчанъ о наукахъ часто доходятъ до ругательства или поставляютъ одну сторону въ непріятное положеніе. Примеръ: Пермскій, благоговѣющій предъ памятью Аннибала, заспорилъ съ однимъ моимъ знакомымъ, кто былъ выше, Наполеонъ или Аннибалъ. Споръ происходилъ въ чужомъ домѣ послѣ ужина. Дѣло было за полночь; хозяинъ морщился: спорщики повали это я пошли изъ комнаты. На бѣду наполеониста, у защитника Аннибала не было никого, ни колесницы, и онъ помѣстился въ сани къ своему противнику. Морозъ былъ трескучій, градусовъ въ сорокъ; но наши спорщики продолжали свой споръ; наполеонистъ довезъ аннибалиста до его дома, и этотъ полчаса стоялъ одною ногою въ саняхъ, а другою на свѣту, безпрестанно повторяя: «да согласитесь же, что Аннибалъ былъ выше Наполеона». Споръ кончился тѣмъ, что заступникъ карагеевскаго полководца отморозилъ себѣ носъ... Этого случая достаточно, чтобъ охарактеризовать пермскіе ученые споры; — а какъ иногда бывають курьозны они! Иногда племянникъ важнаго человека, выгнанный изъ университета, съ диктаторскою важностію доказываетъ, что Карамзинъ писалъ исторію не фактически, а историографически; въ другой разъ начнется разсужденіе о желѣзной дорогѣ въ Англію, а изъ нея на Курильскіе Острова. Чудо что за споры!

Вообще же, Пермь тиха, безмятежна:

жизнь въ ней ровнившая, безъ бурь, только съ крошечными страстниками. Знаютъ только двѣ страсти: въ карточки поиграть, да гостя получше угостить. И Пермь независима: она считаетъ себя лучше всѣхъ городовъ и уворно стоитъ за свое. Пермь настоящій русский Китай... И какое китайство въ ней — удивительно! Скоро ли то она выйдетъ изъ своего безжизненного оцепененія? Давай Господи поскорѣе. Что ни говорите, а вѣдь Пермь на матушкѣ Святой Руси; вѣдь не послѣдняя же она спица въ колесницѣ.

4-го августа, мы рѣшились отправиться въ Кунгуръ, городъ славный своею промышленностію, торговлею, богатствомъ и пещерою въ Ледяной Горѣ. Прощай, Пермь, молодая Пермь, лексматы прикидывающаяся степенною и тихою старушкою! Никогда не забуду я ни твоихъ картъ, ни твоихъ веремей, ни су насъ въ Архангельскѣ и другихъ оригиналовъ! никогда не забуду твоихъ... Ну, да ужъ ничего не забуду. Еще разъ прощай, Пермь, молодая старушка, гостеприимная чудачка, добрая хлѣбосолюда! Въ тебѣ никто ничего не жалеть для прозвжающихъ. Чего ни попросишь — всего дадутъ. Прощай!

Павелъ Мельниковъ.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Письмо IX (*).

Парижъ, 7-ю февраля 1842.

Праздники здѣсь начались весьма своеобразно, а именно: новой оперой Галеви, нестовыми балами-маскарадами въ театральнхъ залахъ, вприворомъ къ смерти трехъ заговорщиковъ въ послѣ помилованныхъ), осужденіемъ журналиста Дюпоти, приговореннаго къ 5-ти лѣтнему заключенію,

(*). Первые два письма напечатаны въ XV-мъ, второе, третье, четвертое и пятое въ XVI-мъ, шестое въ XVIII-мъ, седьмое въ XIX-мъ и восьмое въ XX томѣ «Отеч. Записокъ».

полной реакціей правительства духу неограниченной свободы, и увеличеніемъ гарнизона. Я присутствовалъ на весьма важномъ засѣданіи Палаты Перровъ, когда адвокаты въ черныхъ своихъ мантияхъ и въ трех-гранныхъ шапкахъ, которыя давали имъ очень большой сходство съ портретами Вандика и Рубенса, вставали одинъ за другимъ, защищая каждый своего обвиненнаго кліента; я видѣлъ этого Дюпоти, которому судьба предоставила быть козломъ покаянія журналистики и въ видъ котораго посадили на одну скамейку съ убійцами всю революціонно-пишущую братію. — Невозможно было дать болѣе сильнаго урока! Трибуна обвиненныхъ представляла контрастъ поразительный: на одномъ концѣ скамейки сидѣлъ Кенясе, выстрѣлившій въ принцевъ, плотный, ражій мужчина, съ грубыми чертами лица и въ синей блузѣ работника; на другомъ — молодой человекъ дѣтъ 33, шегольски одѣтый, во фракѣ, завитый, въ бѣлыхъ перчаткахъ — левъ однимъ словомъ! Адвокатское краснорѣчіе есть что-то условное, згло-напыщенное, неисключая театральнаго эффекта и трескучей фразы, но поразительное особенно для свѣжихъ глазъ, каковы мои, искусствомъ отыскать уголокъ въ кодексѣ, буковку, недоразумѣніице, что-нибудь незаконецъ, и если не закрыть обвиненнаго отъ меча правосудія, то смягчить ударъ по-крайней-мѣрѣ. Есть что-то великодушное и въ размахиваніи руками, и въ придуманномъ пониженіи голоса, и въ этихъ вопросахъ, долженствующихъ остаться безъ отвѣта, и въ этихъ восклицаніяхъ. Кажется, будто дѣло идетъ о собственной головѣ защитника, приходитъ мысль: «квотъ человекъ, который для благороднаго своего подвига не погнушался бы сдѣлаться балетмейстеромъ, механикомъ уездскаго физика, и даже составителемъ живыхъ картинъ. — Я думаю, Палатѣ, нестово и прехитростно вынутававшій Кенясе, отдалъ бы половину своихъ доходовъ, чтобъ какой-нибудь

шутникъ съдвѣялъ искусственный громъ надъ головами паровъ въ срединѣ его рвчи. Однакожь, послѣдствія доказали, что ни главный прокуроръ Гебертъ, сидѣвшій за особевнымъ столомъ въ красной мантии, ни канцлеръ, сидѣвшій за другимъ, ни всѣ почтенные пары, сидѣвшіе полукругомъ и украшенные почтеными сдвинками, а большую частію ничѣмъ похожимъ на волосы неукрашенные — не были увлечены краснорѣчіемъ адвокатовъ. Дюпоти, почти сглаживавшій важность настоящаго преступника Кениса, приговоренъ былъ къ 5-ти лѣтнему заключенію, всегдашнему состоянію подъ присмотромъ полиціи и уплатѣ издержекъ, — и Франція почувствовала наконецъ, что у ней есть чья-то сильная правительственная рука. Этимъ ударомъ и побочными, слѣдовавшими за нимъ, совершенно нарушено то равенство борьбы между всеми партіями, о которомъ я писалъ въ послѣднемъ письмѣ. Наврасно журналисты вылали *декларацию*, а провинціальныя прислали депутатовъ для подтвержденія ея своими подписями; наврасно говорила она о гонимыхъ на печать и принимала рѣшеніе защищать свободу тишенія до-нельзя: это ужъ не тотъ мажоритъ журналистовъ, съ котораго началось постыдное кровопролитіе 1830 года. — Я видѣлъ слѣдъ за этимъ слѣдующее: 31-го декабря выпущенъ былъ изъ темницы Ламинѣ. Толпа молодежи и учениковъ собралась переглянуть его окнами, кричала «vive!», требовала появленія его на балконѣ, какъ вдругъ будто изъ земли появился отрядъ солдатъ, занявъ улицу съ одной стороны, взявъ ружье подъ прикладъ и по командѣ офицера пошелъ тихо на толпу, сдвинулъ ее, выгналъ на бульваръ, и скрылся.

Душою всѣхъ внутреннихъ и вѣстныхъ событій Гизо — замѣчательнѣйшее лицо нашего вѣка. Сколько ненависти, сколько восторга! Рѣшительно можно сказать, что во Франціи нѣтъ ни одного человека, который говорилъ бы о немъ кладнокровно и ко-

торый съ его именемъ не открылъ бы въ задушевныя свои мысли. Притомъ же, онъ и загадка для современниковъ: хочетъ ли онъ утвердить монархію на такомъ незыблемомъ основаніи, чтобы уже никакое столкновеніе партій не могло поколебать ее, или только эгоистически хочетъ торжество своей партіи — мѣщанства, bourgeoisie; свергнетъ ли его Палата Депутатовъ, или онъ запретъ это собраніе — невѣстно...

На театрѣ *Porte St-Martin* дается нынѣ презабавная шутка, подъ именемъ «1841 и 1941 годъ, или Парижъ сегодня и Парижъ черезъ 100 лѣтъ». Это одно изъ тѣхъ обзорныхъ, въ которыхъ всякая новая выдумка, всякій новый романъ, пьеса, происшествіе, заслужившіе почему-либо вниманіе публики въ прошедшемъ году, находятъ каламбуръ, остроту, пародію. Пьеса открывается разговоромъ работниковъ у артезіанскаго колодца: это знаменитый парижскій гренельскій колодезь, который, точно, въ прошедшемъ году такъ проказалъ, какъ-будто самъ запрашивался въ водевилѣ: во первыхъ, завязъ въ немъ кусочекъ инструмента, которымъ ковыряли его, а во вторыхъ, вмѣсто илючевой воды, сталъ онъ выбрасывать массы грязи и возродилъ опасеніе въ ученомъ мірѣ и въ правительствѣ, что обезсилятъ грунтъ земли, на которомъ стоитъ Парижъ, и приготовитъ такимъ образомъ поглощеніе сего воваго Вавилова. На сценѣ колодезь этотъ выбросилъ вмѣсто грязи прехорошенькую дѣвушку, легко, во благоаристойно-одѣтую — Истину, которая, въ награду за случайное свое освобожденіе, даетъ зеркало владѣтелю колодца и говоритъ: «Ты узнаешь настоящее значеніе всѣхъ вещей». Съ этого начинается рядъ сценъ, выводившихъ чрезвычайно остроумно въ каррикатуры все, надъ чѣмъ плакалъ Парижъ, за что платилъ деньги, о чѣмъ толковалъ серьезно, — а за цѣмъ и многіе иные языки, — все, чѣмъ восхищался. Теперь Парижъ помнитъ въ театрѣ похотѣть надъ самимъ-сбой и сказать: «какой же я

былъ дуракъ!» Чудная пьеса! и мнѣ пришло въ голову въ антрактѣ, когда отдыхалъ отъ непрерывнаго смѣха, разобрать вамъ ее ради поученія, пополнивъ некоторыми собственными комментаріями, впрочемъ, вездѣ ясный, сильный и во многихъ мѣстахъ *высокаго* достигающій текстъ ея.

И такъ, вотъ является олицетвореніе нашего вѣка, открытій и выдумокъ въ особѣ г. Блакфорта. Чтѣ я сдѣлалъ въ прошломъ году? А вотъ, посмотрите: я изобрелъ для артистовъ головнаго убора восковыя фигуры женщинъ во весь ростъ, который за зеркальными стеклами великолѣпныхъ магазиновъ, освѣщенный сильнымъ свѣтомъ газа, повертываются весь длинный, зимній вечеръ дѣйствіемъ особенной машины предъ глазами проходящихъ и толпы праздныхъ гулякъ, осуществляя такимъ образомъ возможность сказки Гофмана. Вслѣдъ за этимъ вносилъ пьедесталь, Блакфортъ понимаетъ пружину, и является дѣвушка, великолѣпно-расчесанная, съ открытою грудью, и вертится медленно, вертится постоянно. Потому: «Я изобрелъ средство косые глаза возвращать на настоящій путь, такъ-что съ-атихъ-поръ весь роль человѣческой будетъ правильно смотреть на вещи!» И тутъ же производитъ операцію, которая несчастнаго пациента обращаетъ въ какое-то чудовище. «Мало того: я подрѣзываю язычокъ въ горлѣ» — и болѣзненное мычавіе молодого человѣка, потерявшего даръ слова, послѣ операціи, возвыщается объ успѣхъ новаго открытія. Наконецъ, показываетъ онъ ящикъ съ замкомъ-кавказомъ отъ воровъ, имѣющій одинъ недостатокъ: онъ такъ дорогъ, что, купивъ его, вы ничего не оставите для сохраненія, — и фельетонъ журнала съ повѣстью, каждый разъ отсылаемой къ слѣдующему номеру, такъ-что склеенныя вмѣстѣ листки составляютъ огромную ленту, для развитія которой не остается сцены театра. Блакфортъ тутъ же предлагаетъ писать, вмѣсто *окованіе впередъ*: «окончаніе завѣщающаго законному наследнику моему». Темъ и огра-

Т. XXI. — Отд. VIII.

ничился Блакфортъ, при исчисленіи новыхъ открытій; по обзорѣ его далеко не полно. Куда же дѣвался онъ объявленія, печатаемыя на послѣдней страницѣ журналовъ, — эта послѣдняя страница есть такой волшебный міръ, съ которымъ не можетъ сравниться никакая фантастическая сказка. Тамъ растутъ китайскія деревья, приобретаая въ 13 леей толщину дуба, считающаго себя сотеяку-другую лѣтъ; тамъ есть печь, которую стобитъ только ввести въ комнату, чтобы она обратилась въ паровую баню; тамъ есть порошки отъ извѣстныхъ болѣзней, не требующіе ни малѣйшихъ предосторожностей и столь невинныя съ виду, что вы можете глотать ихъ передъ 12-ти-лѣтней дѣвочкой и она васъ спроситъ только: «зачѣмъ вы ѣдите конфеты, когда это зубамъ вредно?»; тамъ есть неизносимыя платья, шляпы, на которыхъ пропущены были, съ согласія Англіи, Атлантическій Океанъ и онъ выдержали опытъ; нестерпимыя свѣчи, лампы почти безъ масла, сапоги, излечивающіе подгргу: совершенный ералашъ физическихъ законовъ міра!.. Необходимости сбыть товаръ произвела извѣстный кредитъ, которымъ славится Парижъ, а необходимость имѣть наличную деньги произвела всѣ эти шарлатанства и услужливость гг. «ремесленныхъ профессоровъ», какъ они себя называютъ. Не солгу вамъ ни въ единомъ словѣ, если скажу, что г. Штаубъ, знаменитый портной, оцѣнивъ съ опытною знатока красоту моихъ лундноронъ, собственной своей особой изволилъ часто ждать въ передней аристократическаго моего пробужденія. Говорятъ также, что я за честь заставить звать Штауба отъ скуки, плачу 10 или 20 франковъ лишнихъ при каждой вещи... Та же нужда дала ро-родила вещь почти неповторяемую: музыкальная газета, вапримѣръ, за 24 франка въ годъ, дастъ вамъ кромѣ вумера журнала, десятка лѣвовыхъ романсовъ, десятковъ портретовъ виртуозовъ и три или четыре концерта, гдѣ участвуютъ многія знаменитости Итальянской

и Французской Оперъ. А вотъ это какъ покажется вамъ: вы подписываетесь на газету «Фигаро», платите деньги и получаете билетъ абонимента. Кажется и все? какъ бы не такъ! Ступайте въ любой изъ трехъ богатѣйшихъ магазиновъ, приторгуйтесь къ вещицѣ, и вмѣсто денегъ заплатите билетъ абонимента: его примутъ какъ ассигнацію, а газету вы все-таки получаете какъ ни въ чемъ не бывало. Тутъ ужъ человѣческая догадка должна признаться въ собственномъ безсиліи, и тушой умъ мой ничѣмъ другимъ изъяснить это не можетъ, какъ только желаніемъ гг. издателей ощущать, во что бы то ни стало, давленіе имперіала на ладони. Кстати о магазинахъ. Здѣсь существуетъ приятное обыкновеніе дарить другъ друга въ новый годъ — въ сѣдствіе пословицы: «маленькіе подарки способствуютъ дружбѣ». Недавно огромный окна магазиновъ, — а магазины здѣсь — это дѣлыя улицы, это безконечный переходъ отъ кашемира къ едва существующимъ (такъ легки!) тканямъ и отъ нихъ къ бронзѣ, золоту, серебру, картинкамъ, статуйкамъ и проч. — эти окна заняты были подарочными вещами. Конечно, прошелъ тотъ уливительный вѣкъ, когда богатый человѣкъ могъ сидѣть на креслѣ, которое само-по-себѣ было художническое произведение, смотрѣться въ зеркало, принадлежавшее къ исторіи искусства, когда Бешвенуто-Челлини помѣчалъ въ запискахъ своихъ: «Я сдѣлалъ превосходную чашу кардиналу... Я выковалъ рукоятку книжала для герцога...» и проч., — нечего и говорить! все зримое и покупаемое нашимъ поколѣніемъ — безъ стѣла, ничтожно, мертвено; во здѣсь какъ-то оно замысловато въ собственномъ безсиліи, хитроство въ пошлости своей, мелочно со споровкой, и есть нѣкотораго рода польза и занимательность въ разсматриваніи вытѣшняго ремесла въ полномъ его проявленіи. Наконецъ, упоминать ли вамъ о мелкой промышленности, которая собираетъ остатки обжуренныхъ и брошенныхъ сигаръ,

чиститъ вамъ за 10 копеекъ сапоги, продаетъ листки вечернихъ журналовъ за ту же сумму, играетъ на кларнетѣ, приерживаетъ васъ за 5 копеекъ, когда вы выходите изъ кабриолета и словомъ живете пылью, упавшею съ вашихъ ногъ, прокармливается гвоздемъ, выпавшимъ изъ вашего коблукъ, спекулируетъ сброшенной перчаткой, и пр. Къ числу, можетъ-быть, самыхъ замысловатыхъ выдумокъ вашего вѣка принадлежатъ ухищренія воровъ, не смотря на бдительность полиціи, которая, надо правду сказать, удивительна. У одного изъ знакомыхъ моихъ вытасчилъ изъ кармава фрака 300 франковъ молодой человѣкъ, спросившій у него о дорогѣ куда-то и тотчасъ узнавшій въ немъ иностранца по отвѣту. «Я также иностранецъ», сказалъ онъ: «и могу подвѣяться съ вами нѣкоторыми свѣдѣніями: вотъ Площадь Согласія, это луксорскій обелискъ, а это церковь Магдалины, обратитѣ вниманіе ваше на горельефъ Фронтонна...» А покуда тотъ обращалъ вниманіе, кошелекъ противозаконно перемѣнилъ хозяина. Последняя воровская штука, здѣсь случившаяся, рѣшительно принадлежитъ исторіи мошенничества и водевилю. Известно, что дамы самаго высшаго легитимисткаго общества являются въ дома *кеттировати*, собираютъ милостыню на бѣдныхъ своего округа, и ради благороднаго своего подвига даже въ звязъ христіанскаго смиренія вступаютъ въ комнаты холостяковъ, взбираются на чердаки, и не гаушаются самыхъ черныхъ закоулковъ дома. Не нужно говорить, что сдѣлало мошенничество прокладное... Подъезжаетъ великолѣпная карета; человѣкъ въ чулкахъ и пряжкахъ отворяетъ дверцу, выходитъ дама щегольски-одѣтая, по имени де-Фюсагъ, или что-то такое на акъ, и, обобравъ порядкомъ весь домъ, благополучно отъѣзжаетъ. Исправительная полиція, засѣданія которой, какъ вообще всѣхъ судовъ, публичны и находятся въ *Palais de Justice* — старомъ зданіи на островѣ Сити, представляетъ иногда

сцены занимательные драмъ круглаго года. Въ будущихъ письмахъ я вамъ опишу (разумется, если отвѣтите мнѣ на это письмо) все здѣшнее судопроизводство, а теперь только скажу, что формы его одинаковы, какъ для уголовного преступника, такъ и для хмѣлемъ-ушибеннаго, и что мнѣ казалось, будто съ этими ограниченными формами нельзя заставить даже Павлуши какого-нибудь выучить басенку г. Б. Ө. Однакожь, нѣтъ... Да впрочемъ, это послѣ. Пояснивъ такимъ образомъ первую сцену, возвращаюсь снова къ пьесѣ.

Толпа модистокъ съ визгомъ выбѣгаетъ на сцену, преслѣдуя какую-то дѣвушку въ шубейкѣ. «Подайте намъ ее: она перепортила у насъ поддельные цвѣты, подмочила башмаки и разстроила всѣ наши предположенія!» — Да кто же ты? спрашиваетъ почтенный старичокъ, владѣтель зеркала у гонимой дѣвушки. «Лѣто, сударь» отвѣчаетъ шубейка. Не знаю, справедлива ли эта насмѣшка надъ лѣтомъ, но что касается до зимы, — то это совершенная самозванка. На улицахъ грязь, ведѣлку постоялъ холодокъ въ 7 градусовъ, а и пропалъ: фонтанъ Пале-Рояля бьетъ до-сихъ-поръ, Сена течетъ безъ льда... Разговоръ модистокъ въ этой сценѣ есть мѣстная, непереводаемая каррикатура. Вообще, присутствіе женщины въ Парижѣ даже поразительно — замѣтно: рѣзительно въ виднаго магазина, ни одной лавки, ни одного ресторатора, гдѣ бы не было за бюро и прилавкомъ красиво одѣтой дѣвушки, въ передничкѣ и ожерельѣ. Даже въ публичныхъ lieux d'aisance, гдѣ берутъ съ васъ за удобство, соединенное съ вѣкторомъ роскошью, 15 копеекъ, даже и тамъ въ конторѣ счетныхъ книги ведетъ и деньги принимаетъ молодая женщина, одѣтая въ суровку. Въ маскарадахъ Большой Оперы лоретки въ черныхъ капюшинахъ своихъ интригуютъ, ревнуютъ, или обѣяютъ своихъ поклонниковъ; но что дѣлается въ залѣ тѣмъ первымъ классомъ, погибшимъ — это

описать трудно! Женщины въ мужскихъ костюмахъ и мужчины въ разныхъ фантастическихъ одѣяніяхъ, охвативъ, сжавъ другъ друга, вихремъ несутся вдоль залы, опрокидывая все, что попадется на пути. Вопли и бѣшеные крики неистоваго удовольствія возносятся до небесъ; громовая музыка не въ-состояніи заглушить адскаго шума; всякое движеніе есть обѣда, съ умысломъ навесенная приличію; всякое слово — веблагодаруміе или волюность человека, разорвавшаго на вѣ-которое время всѣ связи съ обществомъ и его условіями. Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ эту оргію, эту свачущую толпу, услышалъ эти визги женщинъ — меня кинуло въ дрожь буквально: мнѣ показалось, будто пушечнымъ выстреломъ выкинуло меня вдругъ изъ настоящей жизни куда-то за 2000 лѣтъ въ вакханаліямъ и луперкаліямъ — таковы маскарады Парижа въ Большой Оперѣ. Какаа разница, Боже мой! съ баломъ, даваемымъ въ залѣ *Opera Comique* высшимъ легитимистскимъ обществомъ въ пользу *ancienne liste civile*, т. е. пансіонеровъ Карла X-го. Билетъ стоилъ 20 франковъ. Въ 10 часовъ всѣ ложи наполнились разодѣтыми ламами, и *coup d'oeil* снизу на эти три ряда цвѣтовъ, женскихъ головокъ и туалетныхъ драгоценностей — былъ превосходный. Въ самой залѣ чинная тѣснота, толчки утонченной въжливости, молчаливые кадрили. Берье, знаменитый ораторъ легитимистской партіи, принималъ поздравленія въ ложахъ отъ дамъ за рѣчь, произнесенную имъ въ это же утро въ палатѣ противъ права взаимнаго осмотра кораблей державами: тутъ онъ извергъ хулу на Англичавъ и поднялъ бурю. Шо и Гизо, отвѣчавшій ему, стоялъ поздравленій: его ледяная рѣчь, рядомъ съ огненной импровизаціей, Берье, захватила энтузіазмъ палаты и остановила его. — Наконецъ, упомяну вамъ еще о классѣ женщинъ: это гризетки, т. е. дѣвушки магазиновъ, трудя, ремесла, которыя, для переясенія жизненныхъ тревоженій, соединяются

въ группы тоже съ трудомъ и ремесломъ — студентами, артистами, стихотворной и повествовательной молодежью, — и все это участіе женщины въ обществѣ даетъ Парижу особенный характеръ, не безъ ъкоторой прелести, не безъ ъкотораго ъжнаго отъѣвка. Скажу это для поученія тѣхъ, кто считаетъ городокъ этотъ смѣсью крови и грязи и укрепитъ такое мнѣніе въ публикѣ.

Возвратимся къ пьесѣ. Великое затрудненіе причиняетъ всѣмъ сущимъ на сценѣ бѣсть Мольера, которому никто не можетъ найти приличнаго мѣста, подобно тому, какъ правительство не знало, въ какомъ углу Парижа поставить ему памятникъ. Происходитъ по этому случаю замѣчательный разговоръ: поставить его на Площади Медицинской Академіи нельзя: онъ такъ часто оскорблялъ медицину; на Площади Сорбонны — нельзя: онъ не любилъ педагоговъ; — словомъ, перебрали всѣ площади и ни одна не годилась для Мольера: онъ оскорбилъ почти всѣ площади и почти всѣ народные памятники. Досталось бы отъ него, думаю, и вытѣшней Сорбоннѣ, и вытѣшней *Collège de France*. Въ этихъ двухъ знавіяхъ происходятъ публичныя лекціи знаменитѣйшихъ профессоровъ Парижа, получающихъ жалованье отъ правительства, и лекціи которыхъ, посвящаемыя всѣми классами народа, принадлежатъ къ числу парижскихъ зрелищъ, во-первыхъ, по отсутствію, по-крайней-мѣрѣ, въ философическихъ и литературныхъ лекціяхъ, строгой науки, а во-вторыхъ, по необычайному старанію профессоровъ сдѣлать чтенія свои какъ-можно-остроумнѣе, пестрѣе, замысловатѣе. Никто такъ мастерски не наводитъ этого лоска, свойственнаго статейкѣ, какъ Амперъ. Онъ читаетъ исторію французской литературы въ XVI и XVII столѣтіяхъ, разобралъ Монтеня, какъ человека, писателя и философа, и перешелъ легкимъ очеркомъ Шарона къ Паскалю. Это самое лучшее проявленіе французскаго анализа: текстъ пи-

сателя даетъ профессору обильный источникъ для отрывочныхъ замѣчавій всегда остроумныхъ; сближеніе ъкоторыхъ мѣстъ порождаетъ особенную игру мыслей, гдѣ и софизмъ, и практически-ѡбрная мысль равно искрятся и блистаютъ; частыя обращенія къ исторіи поражаютъ эпизоды, гдѣ историческія лица группируются съ ѡбразностью и увлекательностью современныхъ записокъ, а все вмѣстѣ образуетъ пѣвтистую и занимательную лекцію. Только гораздо-позже, когда вы пожелаєте возвратиться къ основной мысли, увидите очень простое положеніе, что XVI столѣтіе, бурное, скептическое, породило необходимо-правильный, религіозный ѡбъкъ Людовика XIV-го, а Монтень, съ холоднымъ, ѡсколько ѡгностическимъ своимъ характеромъ, обратился, какъ свойственно этимъ характерамъ, къ самому-себѣ, написалъ, не думая, выводы эгого изученія и создалъ, во-первыхъ, прекрасную скептически-философическую книгу, а во-вторыхъ, прекрасную, живую, ѡбрую французскую прозу. — Озанамъ читаетъ ѡ немецкую литературу, начавъ съ Нибелунговъ и, мимо Гудруны, достигнувъ миннезингеровъ. Эго воплощеніе французскаго эклектизма, столь спокойнаго для изыскателя: всѣ матеріалы подъ рукой — стоить только класть ихъ всегда параллельно. Онъ находитъ въ Нибелунгахъ то же присутствіе судьбы и теоріи *возмездія*, какъ и въ греческихъ эпопеяхъ. Тутъ являются ему два ряда немецкихъ критиковъ; одни говорятъ: Гомера не было, и всѣ, какъ древнія, такъ и новыя эпопеи созданы народомъ, а собраны только однимъ человекомъ; другіе говорятъ: Гомеръ былъ, и всѣ эпопеи, старыя и новыя, созданы однимъ гевіальнымъ человекомъ, представителемъ народа. Эклектикъ тотчасъ миритъ двухъ враговъ, находя, что каждый отчасти правъ, и это объясненіе вопроса, какъ видите, немноготрудное. Впрочемъ, Озанамъ привлекаетъ огромную публику, и рукописанія часто гремѣтъ ему сколько ж

занимательность самаго сказанія, столько и за тѣ вѣмецкія идеи, въ которыхъ оныя должны входить для химическаго процесса ихъ соединенія и переварки — Филаретъ Шаль читаетъ англійскую литературу. Востуительная лекція его отличалась особенно произвольными положеніями, весьма неостаточно оправданными, а слѣдующія лекціи показали это еще яснѣе. Раздѣленіе поэзіи на условную и истинную, на ложную и вѣрную, на искусственную и простую, невыведенное ни откуда, а между-тѣмъ пренебрежительно подтвержденное примерами въ томъ и другомъ родѣ, поражаетъ глаза. Достоинство его лекцій лежитъ собственно въ большей или меньшей занимательности этихъ примеровъ и на общемъ или меньшемъ остроуміи, въ которыхъ оныя приводить. — Эдгаръ Киндъ еще не начиналъ своихъ лекцій о литературѣ Южной Европы. — Кроме этихъ лекцій, читаются курсы литературъ: китайской, коптской, санскритской, индійской и Господь знаетъ еще какой. Лекціи естественныхъ наукъ, ремеслъ — всегда полны. Есть еще множество частныхъ курсовъ. Недавно былъ а въ институтѣ, заведенномъ частными людьми для образованія ораторовъ, въ которыхъ дѣйствительно такъ нуждается Франція. Въ положенные дни всякій можетъ явиться на кафедрѣ института и говорить на заданную тему. Принимаема была: «о пользѣ искусства для оратора». Истинно сказать, часа два болтали пустяки, — чему, впрочемъ, кажется мнѣ, главною причиною была сама тема. Лучше всѣхъ о прекрасномъ и благородномъ говорилъ бывшій издатель Франкфуртскаго Журнала — Дюранъ. Онъ пользуется въ Европѣ не очень завидной репутаціей, но о тѣхъ вещахъ говоритъ всегда со слезами на глазахъ...

Я здѣсь досталъ у А. И. Тургенева послѣдніе три тома Пушкина, и послѣ 14-ти лѣтъ воздержанія отъ русской литературы съ перваго приѣма наткнулся прямо на нашего псковскаго усопшаго. Господи Владыко! какъ оныя

ударилъ по всему существу!.. Да вы, впрочемъ, не поймете, что я началъ читать за границей Пушкина. Издатель рѣшительно ничего не въ въ литературу, даже такого, чтобы надѣлало шуму. Французы совершенно согласны, что путешествіе Гюго на Рейвъ — случайно. *Майорка* Жоржъ-Завда, тоже путешествіе, расшевелило несколько умовъ, но скоро было забыто въ свѣтлѣ таковой резолюціи: не можетъ быть, чтобы Майерля была такъ хороша. Романъ Бальзака, печатавшійся въ *Siècle* и вышедшій особенной книжкой — *Записки Двухъ Дьвошювъ*, — кажется, возбудилъ даже здѣсь негодованіе излишней фигурностью выраженія. Предпочитаютъ ему *Кавалера Арменцалля*, Дюма, но многіе говорятъ: «я не читаю романовъ Дюма, потому что ожидаю, когда оныя переиздаются въ драмы: тогда будетъ легче, занимательнее. да и деньги хорошо употребятся — пьесу увидишь, и романъ узнаешь». Книгопродавцы прибѣгли съ торжкомъ картинкамъ и великолѣпнымъ изданіемъ, чтобы завлечь охолодѣвшую публику: новый романъ Суль: *Еслиби молодость вѣдала! Еслиби старость могла!* издается еженедѣльно листками, со всею типографскою роскошью, и Богъ-знаетъ, когда кончится. Въ этомъ родѣ замѣчательны статьи, собранныя подъ заглавіемъ: *Дѣтскія, писанныя ими самими* (reprints of their themes), а нарисованныя дружными, съ прекрасными карриатурами Говарина. Политическія брошюры распространяются страшно, — такъ распространяются, что одному человѣку уже и вычитать нельзя, что появляется въ педялю. Я только хожу да поглядываю на окна книжныхъ магазиновъ, гдѣ каждый день является новая аффиша. Вчера возвѣщали о брошюрѣ: *А было стекло!* третьяго дня: *Счетъ пощечинъ, полученныхъ Франціей;* сегодня: *Памфлетъ и Исторія*. Плюнешь всякій разъ, да и отойдешь прочь!

Наконецъ, первый актъ пьесы заключается пародіей всѣхъ театровъ:

туль въ каррикатуры являются цѣлыя сцены изъ замѣчательнѣйшихъ пьесъ прошлаго года, сыплются намеки на авторовъ, актёровъ и актрисъ, на писателей, деревянную мостовую, новыя моды, и чортъ-знаетъ еще на чтѣ. Думаю: только цензура помѣшала вывѣсти на сцену палаты, магистратъ, людоедство и дворъ.—Такъ изволить тѣшиться Парижъ надъ самимъ собою. Второй актъ, занятый будущиостію Парижа, гдѣ пароходы ходятъ въ 36 часовъ въ Пекинъ, аеростаты летаютъ въ Гаваню за сигарами, люди всѣхъ націй появляются на улицахъ всемірнаго города, вымощенныхъ уже *bois de raissandre* — фантастически, довершаетъ эту пьесу, доставившую мнѣ болѣе удовольствія, чѣмъ *Кипрская Королева* въ процессіями, сереналами, твиздами; чѣмъ *Цѣпля Скриба*, поддерживаемая превосходною игрою Плесси, въ роли графини; чѣмъ вѣсколько-накальный воевиль *Виконтъ Лето-рьеръ*, гдѣ Дежазѣ въ мужскомъ костюмѣ такъ дерзостно-хорошо играетъ; чѣмъ Арналь съ уморительными ужимками въ *Палитинъ*; Лафонъ съ ироніей, скрывающей глубокую испорченность—въ *Электрической Цѣпли*; буфъ *Левассоръ* въ фарсѣ *Смѣій Чулокъ*, и снаденкая Вольви въ сантиментальномъ воевилѣ *Парижскія Фен*;—болѣе, чѣмъ, вѣроятна, доставать удовольствія новоожидаемыя пьесы Гюго, Дюма и Балзака...

А — въ.

*

ЗАСѢДАНІЯ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ РОССІИ И ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ САНКТПЕТЕР-
БУРГСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

Въ предидущей книжкѣ нашего журнала изложена была только первая часть отчета, читаннаго въ публичномъ собраніи Академіи, 31 декабря 1841 года. Теперь весь отчетъ напечатанъ въ №№ 217, 218 и 219 из-

даваемой Академіею газеты «*Bulletin Scientifique*», и мы даемъ извлеченіе изъ остальныхъ частей его, именно — о занятіяхъ гг. академикомъ и объ ученыхъ путешествіяхъ.

Занятія гг. Академикомъ. — Въ теченіи минувшаго года, Академія издала пять тетрадей своихъ «*Записокъ*» и двѣ «*Собравія сочиненій постороннихъ ученыхъ*»; сверхъ-того 42 нумера «*Bulletin Scientifique*», котораго девятый томъ вынъ оконченъ. Собравіе статей, читанныхъ въ послѣднемъ публичномъ засѣданіи, издано вмѣстѣ съ Отчетомъ, а донесеніе о десатомъ присужденіи демидовскихъ премій, съ рецензіями увѣчавшихъ сочиненій, составляетъ томъ въ 25 листовъ, тоже отпечатанный. Сборникъ, имѣющій цѣлю распространить въ чужихъ краяхъ вѣрныя свѣдѣнія о Россіи и сосѣдственныхъ съ нею азіатскихъ странахъ, основанный гг. *Барошъ* и *Гельмерсеномъ*, и издаваемый подъ покровительствомъ и на счетъ Академіи, умноженъ въ минувшемъ году двумя томами, пятый и шестымъ, изъ которыхъ первый содержитъ въ себѣ мелкія статьи, а второй историческое описаніе путешествія по Уралу и Киргизской Степи одного изъ издателей, г. Гельмерсена. Вторая часть этого путешествія, содержащая въ себѣ ученые результаты, печатается.

Психрометрическія и барометрическія таблицы, вычисленныя г. *Купферомъ*, отпечатаны и разосланы во всѣ гимназій, гдѣ производится метеорологическія наблюденія, и въ главныя станціи, учрежденныя съ этой цѣлю въ разныхъ мѣстахъ Имперіи Корпусомъ Горныхъ Инженеровъ. Тотъ же физикъ, хотя и безъ непосредственнаго участія Академіи, издалъ труды Комиссіи, учрежденной для опредѣленія русскихъ мѣръ и вѣсовъ, въ которой г. *Купферъ* былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ. Это твореніе составляетъ два большіе тома въ 4 д. л. съ атласомъ и содержитъ въ себѣ подробное описаніе дѣйствій Комиссіи для утвержденія на прочныхъ основаніяхъ

единицы мѣръ и вѣсовъ русскихъ и сравненіе ихъ съ мѣрами и вѣсами иностранныхъ.

Наковецъ, г. Шмидтъ издалъ тибетско-нѣмецкій лексиконъ, а г. Броссе грузинскій романъ «Барсова Кожа». Первое изъ этихъ твореній, заключающее въ себя болѣе 25,000 словъ и алфавитный списокъ словъ нѣмецкихъ, открываетъ новое поле для изученія не только русскимъ, но и иностраннымъ ориенталистамъ и принадлежитъ къ числу тѣхъ изданій, которыми Академія всегда можетъ гордиться.

Мы говорили уже (От. Зап. Т. XX, Смѣсь, стр. 27), что, по предложенію г. непрѣмѣнаго секретаря, Академія предположила издать математическую и физическую переписку нѣкоторыхъ знаменитыхъ геометровъ прошедшаго столѣтія, хранящуюся въ академическомъ архивѣ.

Еще въ январѣ сего года г. Струве, въ представленной имъ запискѣ, предложилъ новое опредѣленіе коэффициента абераціи, болѣе точное, нежели то, которое служило основаніемъ знаменитымъ кѣнигсбергскимъ таблицамъ (Tabulae Regionontanae reductionum и проч.). Численная величина, найденная г. Струве, есть $20''/493$, а вѣроятная погрѣшность этого значенія не превышаетъ $1/400$ секундъ. Рядъ наблюдений, произведенный посредствомъ большаго репсольдова инструмента прохожденій, установленнаго въ первомъ вертикаль, надъ одной звѣздой Большой Медвѣдицы во время наибольшей и наименьшей ея абераціи, привелъ нашего астронома къ этому важному результату. Въ то же время, г. Струве извѣстилъ Академію, что ученикъ его, г. Шидловскій (изъ Харькова), опредѣлилъ, подъ его руководствомъ, коэффициентъ нутаціи, основывая выводы свои на шестнадцатилѣтнихъ наблюденияхъ примыкъ восходящей полярной звѣзды, произведенныхъ въ Дерптѣ посредствомъ одного и того же инструмента. Этотъ элементъ, по вычисленію г. Шидловскаго, равенъ $9''/219$, а вѣроятность, что онъ заключается меж-

ду предѣлами $9''/20$ и $9''/24$, есть $1/2$. Известно, что предвареніе равноденствій, аберація и нутація суть элементы для приведенія наблюденій мѣста свѣтила; пока эти элементы не опредѣлены съ точностію, доведенною до степени несравненно выше той, которой ожидать можно отъ отдѣльнаго наблюденія, до-тѣхъ-поръ результаты, выведенные изъ ряда наблюденій, будутъ ошибочны, и эта ошибочность произойдетъ именно отъ невѣрности элементовъ. Въ наше время, когда блестящіе успѣхи увѣнчали успія астрономовъ-наблюдателей, художниковъ-механиковъ и оптиковъ, соревнующихъ между собой для достиженія возможной степени точности въ наблюденіяхъ мѣста свѣтила, — кѣнигсбергскія таблицы, единственное до сихъ-поръ астрономическое пособіе для приведенія наблюденій, не могутъ уже быть признаваемы непогрѣшительными. Это самое побудило нашего астронома прежде всего предпринять новое, болѣе точное опредѣленіе этихъ элементовъ астрономическихъ вычисленій, которое могло бы послужить основаніемъ новымъ таблицамъ для приведенія. Самъ г. Струве завялся абераціею; опредѣленіе предваренія равноденствій поручилъ сыну своему Отову Струве, а изслѣдованіе нутаціи г. Петерсу; выитъ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ объявить, что оба астронома исполнили этотъ важный трудъ съ успѣхомъ, который вполне оправдалъ ожиданія ученаго ихъ наставника. Г. Отовъ Струве, въ диссертациі своей о численномъ опредѣленія предваренія равноденствій, при чемъ онъ принялъ въ соображеніе собственное движеніе въ пространствѣ центра тяжести солнечной системы, дополнилъ, сверхъ-того, весьма удовлетворительнымъ образомъ, примѣчательный трудъ г. Аргеландера о собственномъ движеніи нашей системы, подвергнувъ новому изслѣдованію вопросъ о направленіи этого движенія, и опредѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ угловую скорость. Нашъ молодой астрономъ нашелъ, что движеніе сол-

вечной системы, наблюдаемое на расстоянии среднего удаления звѣздъ первой величины, равняется $0//,33$ въ годъ; слѣдовательно, если допустить для паралакса звѣзды первой величины найденное астрономами значеніе $0//,21$, то окажется, что наша система движется въ пространство со скоростью 30 мильоновъ географическихъ миль въ годъ. Г. Отонъ Струве вычислилъ также среднее частное движеніе неподвижныхъ звѣздъ, и пашель, что оно въ 2.4 раза быстрее движенія солнца.—Предметъ разсужденія г. Петерса, какъ мы уже говорили, состоялъ въ опредѣленіи коэффициента нутаціи, выведеннаго изъ прямыхъ восхожденій полярной звѣзды по наблюденіямъ, которыя производились въ Дерптѣ съ 1822 по 1838 годъ. Этотъ трудъ отчасти подтверждаетъ результатъ, найденный г. Шидловскимъ, и, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ болѣе лояврія по той причинѣ, что г. Петерсъ принималъ въ расчетъ многія важныя обстоятельства, увеличившія много-сложность вычисленія, и на которыя г. Шидловскій не обратилъ вниманія. Прибавимъ къ этому, что теоретическія изслѣдованія г. Петерса о формулѣ нутаціи, приобрѣли труду его почетное мѣсто въ летописяхъ астрономіи; въ анализѣ своемъ, онъ не откинулъ ни членовъ, зависящихъ отъ перигея, ни другихъ неравенствъ движенія луны, и тѣмъ самымъ придалъ своимъ выводамъ степень точности, которой не достигли знаменитые его предшественники на этомъ трудномъ поприщѣ.

Что касается до коэффициента аберраціи, для котораго мы привели выше величину, не утвержденную еще окончательно, то г. Струве обѣщалъ въ скоромъ времени сообщить Академіи подробное разсужденіе объ этомъ третьемъ элементѣ. Остается намъ еще упомянуть объ одномъ важномъ трудѣ, предпринятомъ на Главной Обсерваторіи. Мы говоримъ объ обзорѣнн сѣвернаго небеснаго полушарія въ-отношеніи числа неподвижныхъ звѣздъ до сѣд-

мой величины исключительно, а равнымъ образомъ и двойныхъ звѣздъ; первыя изслѣдованія, относящіяся къ этому предмету, г. Отонъ Струве сообщилъ Академіи въ любопытной запискѣ, и эти изслѣдованія несомнѣнно свидѣтельствуютъ о несравненномъ превосходствѣ нашей обсерваторіи передъ всѣми другими. Покажеться скажемъ только, что въ разсмотрѣнной досель части неба, составляющей около одной трети всего небеснаго свода, найдено нашими наблюдателями новыхъ кратныхъ звѣздъ до 202, несостоящихъ въ дерптскомъ каталогѣ, и въ томъ числѣ 59 такихъ системъ, въ которыхъ разстоянія составляющихъ звѣздъ мене одной секунды; въ дерптскомъ каталогѣ подобныхъ системъ только 24.

Цюрихскій ученый г. Швейцерь, который поселился въ Пулковѣ, чтобы усовершенствоваться въ практической астрономіи, производитъ подъ надзоромъ г. Струве трудъ, весьма важный для географіи и статистики вашего отечества: онъ занимается возможно-точнымъ опредѣленіемъ пространства нашихъ губерній, показываемаго въ разныхъ сочиненіяхъ чрезвычайно-различнымъ образомъ. Трудъ сей, предпринятый по настоянію г. Кеппена, начать съ восьми губерній, посѣщенныхъ имъ въ минувшемъ году. — Г. Бэръ представилъ Академіи карту Колмскаго Округа, составленную г. Миллеромъ во время путешествія ея вмѣстѣ съ г. Бэромъ по Лапландіи, въ 1840 году. Теченіе рѣки Колмы на этой картѣ выправлено: оно почти таково, какъ означено на одной старинной картѣ, изданной Академіею и составляетъ почти прямой уголъ съ направленіемъ, которое придало ей въ подробной картѣ, изданной отъ Девон Картъ.

Г. Бэръ представилъ также Копенгагену вычисленіе дневнаго движенія температуры Бутін, страны, лежащей подъ весьма-высокою широтою и потому представляющей нѣкоторое сходство съ Новою-Землею. Въ тем-

пературѣ этого замѣчательнаго острова есть странности, о которыхъ г. Бэръ писалъ прежде; такъ, напримеръ, на Маточкиномъ-Шарѣ высшая температура бываетъ въ ноябрѣ въ 6 часовъ вечера, въ декабрѣ около полуночи, а въ январѣ даже въ два часа по полуночи. Наблюденія, произведенныя въ проливѣ Карскія Ворота, показываютъ, хотя и не столь разительнымъ образомъ, слѣды такого же источника теплоты. Это явленіе совѣмъ незамѣтно въ Бутіи, которая вообще представляетъ замѣчательное отличіе въ дневной температурѣ, что должно быть приписываемо неодинаковому направлевію вѣтровъ, господствующихъ въ этихъ странахъ. — Г. Купферъ сообщилъ Конференціи записку о температурѣ двухъ источниковъ пресной воды, въ Николаевѣ, которую наблюдалъ г. Кюорре, а г. Гельстремъ, изъ Гельсингфорса, вычисленіе времени вскрытія и замерзанія Сѣверной Двины.

Въ 1839 году, по Высочайшему повелѣнію, наряжена была Комиссія для изысканія, какое вліяніе производитъ истребленіе льсовъ на обмеленіе рѣкъ, къ чему подали позволеніе доносить о значительномъ и постоянномъ пониженіи уровня воды, происходящемъ будто бы въ Волгѣ. Комиссія почла необходимымъ между-прочимъ устроить обширную систему гидрометрическихъ и метеорологическихъ наблюденій въ разныхъ мѣстахъ теченія этой рѣки. Когда г. Кёппенъ предпринялъ статистическое путешествіе по некоторымъ внутреннимъ губерніямъ Россіи, Комиссія, въ которой онъ членомъ, поручила ему означитъ мѣста самыя приличныя для учрежденія метеорологическихъ станцій. По возвращеніи изъ поѣздки, г. Кёппенъ представилъ подробное донесеніе съ приложеніемъ карты устьевъ Волги и Западной Двины. Донесеніе его содержитъ въ себѣ множество важныхъ свѣдѣній и достоверныхъ данностей о количествѣ воды, доставляемомъ верхею и среднею Волгою, о коли-

чествѣ и состояніи льсовъ по берегамъ этой рѣки и потребленіи льса въ странахъ, ею орошаемыхъ. Эти свѣдѣнія, кромѣ того, что послужатъ матеріаломъ при занятіяхъ Комиссіи, представляютъ общую занимательность, и потому г. Бэръ помѣстилъ донесеніе г. Кёппена въ своемъ Сборникѣ. — Гидрографическій Департаментъ Морскаго Министерства, по желанію Академіи, поручилъ капитану Рейнке, при съѣмкѣ береговъ Финляндіи, слѣдять на прибрежныхъ скалахъ неизгладимые знаки для измѣренія постепеннаго пониженія уровня Балтійскаго моря. Г. Рейнке исполнилъ это порученіе съ точностію, и представилъ Академіи подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, къ которому приложены превосходно исполненныя карты и нѣсколько плановъ. Записка его, столь важная для будущихъ наблюденій, будетъ напечатана въ «Собраніи Сочиненій Постороннихъ Ученыхъ» вмѣстѣ съ картою, а планы отлавы на сохраненіе въ академической архивъ. Подобныя наблюденія надъ уровнемъ Каспійскаго Моря производятся по распоряженію г. министра финансовъ, въ Баку, на основаніи инструкціи, составленной г. Ленцомъ.

По физикѣ, г. Ленцъ представилъ Академіи записку о теоріи магнито-электрическихъ машинъ. При всей употребительности этихъ машинъ въ наше время, теорія ихъ еще не была изслѣдована и механики строили магнито-электрическія машины безъ всякаго ученаго основанія, соображаясь, напротивъ, въ отношеніи къ толщинѣ проволоки съ существующими удачными образцами. Г. Ленцъ старался отвратить этотъ недостатокъ, выведя законы магнито-электрическихъ машинъ и формулы, ихъ выражающія, изъ многочисленныхъ своихъ опытовъ и наблюденій надъ одной машиною работы Кларка. Онъ же сообщилъ Конференціи результаты опытовъ своего помощника г. Пчельникова надъ проводящею силою человеческого тѣла въ отношеніи къ гальваническому току,

и продолжаетъ принимать дѣятельное участие въ опытахъ и изысканіяхъ своего сочлена г. Якоби, касательно разнообразныхъ примѣненій гальванизма и электро-магнитной силы. Эти труды заняли большую часть времени г-на Якоби, и привели его къ чрезвычайно-важнымъ практическимъ результатамъ, которыхъ онъ, однакоже, еще не объявлялъ публично. Онъ пополнилъ и издалъ въ минувшемъ году описаніе трехъ новыхъ электро-магнитныхъ приборовъ своего изобрѣтенія, именно: рычага для измѣренія притягательной силы электрическихъ магнитовъ, и двухъ регуляторовъ, съ непостояннымъ сопротивленіемъ, изъ которыхъ одинъ жидкій, а другой съ проволокою. Г. Якоби отвѣчалъ въ ученой запискѣ на замѣчанія г. Беккереля касательно сравнительнаго измѣренія дѣйствія двухъ voltaическихъ паръ, одной мѣдно-цинковой, другой платино-цинковой и читалъ въ Конференціи записку, извлеченную изъ его корреспондентіи съ лондонскимъ ученымъ г. Гровомъ (Grove) о новомъ замысловатомъ способѣ гравированія лагертонныхъ досокъ посредствомъ гальванизма: г. Гровъ заключаетъ одно изъ своихъ сообщеній замѣчаніемъ забавнымъ, но тѣмъ не менѣе справедливымъ, что вскорѣ подлѣ гравюрами можно будетъ подписывать: *рис. Свѣтъ, грав. Электричество*. -- Наконецъ, полковникъ Путей Сообщенія г. Волковъ сообщилъ г. Лещу, для представленія Конференціи, записку о новой классификаціи тоновъ и происхожденія гаммы, основанныхъ на новомъ началѣ музыкальной гармоніи (*).

Труды по части химіи академикомъ гг. *Тесса* и *Фрицше* и казанскаго профессора г. *Клауса*; по части ботаники, гг. *Триніуса*, *Рупрехта*, *Мейера*, *Фишера*, *Траутфеттера* и *Бессера*, описаніе которыхъ было читано

(* Эта статья подъ названіемъ «О Музыкальныхъ Гаммахъ» напечатана въ Отеч. Запискахъ прошлаго года (Томъ XVI, отд. II стр. 53).

въ Конференціи, къ-сожалѣнію, такого рода, что мы не можемъ здѣсь говорить о нихъ, потому-что они были бы непонятны для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не посвятили себѣ въ особенности изученію этихъ двухъ наукъ.

Г. *Брандтъ* занимался въ минувшемъ году изученіемъ позвоночныхъ животныхъ, водящихся въ Россіи, и въ особенности млекопитающихъ и птицъ. Между-прочимъ, онъ представилъ Академіи описаніе одной породы кошки, свойственной Россіи, породы неудовлетворительно описанной у Паласа подъ именемъ *Felis Manul*, а также другой породы кошки, *Chat Serpelin* Жардина, которая доселѣ не встрѣчалась въ Россіи, и которой прекрасный образчикъ прислалъ въ Академію г. Даль. Въ третьей запискѣ, г. Брандтъ разсматриваетъ двѣ новыя породы сибирскихъ сусликовъ. Изысканія этого академика о русскихъ птицахъ заключаются въ четырехъ запискахъ, изъ которыхъ двѣ содержатъ въ себѣ описаніе шести новыхъ породъ, привезенныхъ частію г. Карелинымъ, путешествовавшимъ по порученію Московскаго Общества Испытателей Природы. Остальныя двѣ записки имѣютъ предметомъ довольно-редкую породу клестъ, которую Гилдештеттъ называетъ *Loxia rubicilla*. Авторъ доказываетъ, что всѣ три вида этой породы волятся въ Россіи, хотя Паласа въ своей зоографіи упоминаетъ только объ одной. Сверхъ того, г. Брандтъ представилъ Конференціи нѣсколько дополненій къ прежнимъ изысканіямъ своимъ о многоговорящихъ. Наконецъ, критическое обозрѣніе богатой коллекціи астеріевъ, хранящейся въ академическомъ Музеумѣ, подало ему поводъ къ наблюденіямъ надъ двумя живыми породами этихъ животныхыхъ, при чемъ онъ описалъ нѣсколько новыхъ видовъ. Къ этимъ многочисленнымъ трудамъ почтеннаго академика надобно прибавить еще и то, что онъ началъ нынѣшней зимою первый публичный курсъ зоологіи въ со-

отношеніи съ сравнительною анатоміею и физиологіею. Такимъ образомъ прекрасная академическія коллекціи, которыми доселѣ могли пользоваться только члены Академіи, будутъ приносить новую пользу, служа превосходнымъ пособіемъ для молодыхъ людей, желающихъ изучить естественную исторію. — Г. Бэръ представилъ Конференціи записку, въ которой изложены наблюденія его надъ физіономіи арктическаго моря, произведенныя во время двухъ его путешествій въ 1837 и 1840 годахъ. Полярная лисица (песецъ, *Canis lagopus*), убитая въ сорокѣ верстахъ отъ столицы, въ Ораніенбаумскомъ Уездѣ, подава г. Бэру поводъ къ изысканію настоящихъ границъ отечества этой гиперборейской породы, къ чему повело его еще болѣе то, что около того же времени, въ Финляндіи убито пять песцовъ. — Г. *Мекстріе* описалъ ночную бабочку, привезенную изъ Туркоманіи г. Карелинымъ и не сходную ни съ одною изъ европейскихъ породъ, почему нашъ энтомологъ и составилъ изъ нея новый родъ подъ названіемъ *Axiopropa*. Корреспондентъ Академіи г. Геблеръ прислалъ въ Конференцію опредѣленіе нѣсколькихъ новыхъ породъ жесткокрылыхъ насекомыхъ, вошедшихъ въ Сибирь, а графъ Кейзерлингъ и профессоръ Блазиусъ описали новой породы малой полевой мыши (*Arvicola gatticeps*), которую они наблюдали живую въ Устюгѣ, въ Вологодской Губерніи. Г. Геккель прислалъ изъ Вены, для помѣщенія въ *Bulletin Scientifique*, извѣстіе о нежданномъ зоологическомъ фактѣ, именно объ открытіи въ Европѣ новаго позвоночнаго животнаго: въ прѣсныхъ водахъ Далмаціи водится рыба, которая доселѣ еще никѣмъ наблюдаема не была и столь замѣчательна въ отношеніи физиологическомъ, что г. Геккель почелъ необходимымъ составить изъ нея новый родъ, который и назвалъ *Auloruge Hügeli*. Профессоръ Кіевскаго Университета Св. Владимира, г. *Миддендорфъ*, сопутникъ г.

Бэра въ его послѣднемъ путешествіи на сѣверъ, представилъ Конференціи донесеніе объ орнитологическихъ результатахъ этой экспедиціи. Донесеніе его содержитъ въ себѣ не только исчисленіе семидесяти пяти породъ птицъ, которыя они наблюдали, но и замѣчанія о ихъ образѣ жизни, и сверхъ того сравнительное обзорное орнитологіи русской Лапландіи, Норвегіи, Швеціи, Фрейскихъ Острововъ, Исландіи, Гренландіи и Сѣверной Америки. Изъ этого сравненія авторъ дѣлаетъ общіе выводы о географическомъ распредѣленіи птицъ, которое, повидимому, подвержено условіямъ неодинаковымъ съ условіями распредѣленія теплоты на земномъ шарѣ. Записка г. Миддендорфа признана достойною помѣщенія въ «Собраніи Сочиненій Пестрорвскихъ Ученыхъ».

Извѣстно, что ветеранъ нашихъ анатомистовъ, г. *Загорскій*, посвятилъ вечеръ своей жизни составленію русскаго словаря анатоміи. Онъ уже представилъ Академіи двѣ оконченныя части этого важнаго и многосложнаго труда.

Г. *Гельмерсенъ* издалъ первую общую геогностическую карту Европейской Россіи, съ объяснительною запискою. Это твореніе стоило автору многотрудной и долговременной работы, и будетъ пополнено его дальнѣйшими изысканіями. — Корреспондентъ Академіи, профессоръ Эйхвальдъ, прислалъ въ Конференцію двѣ записки, по части геогнозиса и палеонтологіи, одну объ иктиосаврахъ и цератитахъ, находящихся въ Россіи, другую объ отдаленной горѣ Богдо, лежащей въ Астраханской Губерніи, по Волгѣ, на востокъ отъ Чернаго Яра. Эта гора, по мнѣнію г. Эйхвальда, принадлежитъ къ силурійской системѣ.

Г. *Келленъ* занимался въ минувшемъ году двумя главными предметами: приблизительнымъ опредѣленіемъ матеріальныхъ элементовъ статистики, — пространства и народонаселенія Имперіи, и потомъ средствами

свошенія между жителями, а именно: почтовыми свошеніями. Извѣство, что общее народонаселеніе Россіи исчислено за 1838 годъ. Послѣ того Академія, съ разрѣшенія г. министра финансовъ, получила копіи съ податныхъ списковъ по всемъ губерніямъ, и эти данныя доставили г. Кеппену возможность составить таблицы народонаселенія по губерніямъ и по состояніямъ. Для опредѣленія относительнаго народонаселенія Имперіи, необходимо составить предварительно собраніе этнографическихъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ официальныхъ доносеній и изъ твореній новѣйшихъ авторовъ о различныхъ народахъ, обитающихъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ. Въ отношеніи къ первымъ изъ этихъ восточниковъ, г. непрѣтный секретарь съ призвательностію упоминаетъ въ своемъ отчетѣ о свѣдѣніяхъ, доставленныхъ Академіи гг. губернаторами архангельскимъ, оренбургскимъ и симбирскимъ, касательно народонаселенія обоаго пола двородческихъ селеній внутреннихъ нмъ губерній. Что касается до точнѣйшаго опредѣленія пространства губерній, то объ этомъ мы уже упоминали выше, говоря о работахъ, производимыхъ въ Главной Обсерваторіи. Въ ожиданіи окончанія этого важнаго вычисленія, г. Кеппенъ изготовляетъ доносеніе о своемъ статистическомъ путешествіи, совершенномъ въ 1840 году, и сообщилъ уже Конференціи нѣкоторыя части этого труда, именно упомянутую выше статью о Волгѣ и другую статью о мѣсечномъ промышленъ въ Россіи. Тотъ же академикъ намѣревается издать на русскомъ языкѣ статистическій сборникъ, въ который входили бы, съ дозволенія начальства, официальные свѣдѣнія, доставленные Академіи разными прачительственными лицами и мѣстами и статьи самого г. Кеппена. Планъ этого изданія предварительно одобренъ Академіею.

— Г. Броссе перевелъ съ рукописи, хранящейся въ Азіатскомъ Музеумъ Академіи, грузинскую исторію Сехвіа Чхеддзе и Папуна Орбеліанова;

онъ извлекъ изъ Главнаго Московскаго Архива переписку на греческомъ языкѣ грузинскихъ и кахетинскихъ вѣдѣтелей съ Россіею въ XVIII столѣтіи и сообщилъ Конференціи описаніе и рисунки разныхъ грузинскихъ древностей. Сверхъ-того, онъ издалъ извѣстіе о драгоценномъ собраніи древнихъ грузинскихъ рукописей, приобретенныхъ по его представленію, Академіею, и другое, о тифлисскомъ календарѣ. Тотъ же академикъ читалъ въ Конференціи продолженіе своего проекта собранія доселѣ не напечатанныхъ твореній армянскихъ писателей и надиралъ за изданіемъ записокъ Вертабидовъ, Іоанна Крымскаго и Іоанна Кахатъова, содержащихъ въ себѣ подробное описаніе многихъ армянскихъ монастырей, между прочимъ Ахпатскаго, и оригинальный текстъ находящихся въ нихъ историческихъ надписей. Эти надписи доставлены Академіи барономъ Ганомъ. — Г. Дорнъ, продолжая свои историческія изысканія о странахъ и народахъ кавказскихъ, основанныя на восточныхъ источникахъ, сообщилъ Конференціи еще одну часть этого творенія, содержащую въ себѣ матеріалы грузинской исторіи. Въ Bulletin Scientifique напечатана критическая записка г. Дорна о рукописной исторіи Афгановъ, соч. Наметулаха, а въ другой запискѣ онъ описалъ третью астрологію съ арабскими надписями, доставленную къ нему профессоромъ Казанскаго Университета, г. Казембекомъ. — Г. Шеренъ, занимающій изученіемъ оссетинскаго языка, представилъ Конференціи нѣмецкій переводъ грамматики этого языка, который онъ намѣренъ издать вслѣдъ за русско-оссетинскою грамматикою. — Г. Шмидтъ, чтобы пополнить свой курсъ тибетскаго языка, намѣренъ присоединить къ грамматикѣ и лексику этого языка, которыми учевый свѣтъ уже обязанъ его неутомимой дѣятельности, тибетское твореніе, которое могло бы служить для упражненія занимающихся этимъ языкомъ, какъ уже прежде онъ издалъ для пособія при изученіи мон-

ольскаго языка, кроме грамматики и эскизов, поэму «Гессарь-Хавъ». Г. Пиндъ избралъ для этого одинъ изъ многочисленныхъ томовъ тибетскаго іандшура, подъ заглавіемъ «Дзапгунъ», или «Умный и Дуракъ», собраніе правоучительныхъ сказокъ, основанное на вѣрованіи въ переселеніе ушъ и назначенное для поясненія отлеченнаго буддистскаго ученія. Онъ представилъ Конференціи вѣмецкій переводъ этого творенія, который намѣревается издать вмѣстѣ съ текстомъ. Дверхъ-того, онъ читалъ въ Конференціи записку, содержащую въ себѣ новыя доказательства, въ подтвержденіе вѣрнѣя его объ истинномъ происхожденіи наименованія «маншу».

Восточная нумизматика обогатилась являю сочиненіями ученаго ориенталиста, г. Френа. Важнѣйшее изъ нихъ есть, безъ сомнѣнія, каталогъ коллекціи мхаммеданскихъ медалей, принадлежащей Ростовскому Университету. Эта коллекція, основанная знаменитымъ Тиксеномъ, пополненная въ послѣдствіи собраніемъ Адлера и многими другими пріобрѣтеніями, вверена была просвѣщеннымъ начальствомъ этого университета г. Френу, который изъ признанности къ своей родинѣ и изъ уваженія къ памяти своего наставника, Тиксена, вызвался составить систематическое описаніе этой коллекціи. Каталогъ нашего ученаго ориенталиста, написанный на латинскомъ языкѣ, отправленъ, само собою разумѣется, въ Ростовъ; но онъ сообщилъ Конференціи для помѣщенія въ Bulletin Scientifique краткое, систематическое обзоріе всей этой коллекціи и извѣстія о замѣчательнѣйшихъ, еще неизданныхъ, монетахъ, которыя въ ней заключаются. Разрытія, произведенныя въ Грузіи и въ Кавказской Губерніи доставили—первыя многія замѣчательныя монеты послѣдняго карезмскаго хана, чеканенныя въ Грузіи, а вторыя значительное число рѣдкихъ куфическихъ монетъ, пріобрѣтенныхъ графомъ С. Г. Строгановымъ. Г. Френъ описалъ эти монеты въ двухъ

ученыхъ статьяхъ, а въ третьей запискѣ вѣкторыя неизданныя монеты, которыми Азіатскій Музеумъ Академіи обязанъ просвѣщенной щедрости частныхъ людей. Наконецъ, г. Френъ изложилъ въ обширной статьѣ топографическое обзоріе всѣхъ арабскихъ монетъ, вырытыхъ изъ земли въ Россіи, съ хронологическимъ и географическимъ опредѣленіемъ этихъ открытій

Г. Грефе возстановилъ и разобралъ въ двухъ запискахъ разныя греческія надписи, открытыя въ послѣднее время. Камни, на которыхъ находятся эти надписи, найдены въ Анапѣ, въ Керчи, въ одномъ греческомъ монастырѣ въ Нахичеванѣ на Дону, и въ деревнѣ Недвиговкѣ, лежащей на правомъ берегу самаго сѣвернаго устья Дона. По близости этой деревни открыты также остатки древняго укрѣпленія, окруженнаго стѣнами и рвами, и слѣды улицъ обширнаго города. Г. Кеппенъ, который первый писалъ объ этомъ открытіи, полагаетъ, что то должны быть слѣды древняго Танаиса, и это предположеніе подтверждается найденными тамъ надписями, объясненными во второй запискѣ г. Грефе. — Г. пасторъ *Муральтъ* младшій, сообщилъ Конференціи описаніе латинской рукописи, на пергаментѣ, содержащей въ себѣ толомеру космографію и принадлежащей Библиотекѣ Главнаго Штаба. Авторъ приводитъ въ своей статьѣ тѣ главы этого творенія, которыя касаются до вышедшей Россіи, именно до европейской и азіатской Сарматіи, Херсонеса Таврическаго и Колхиды. — Наконецъ, мы не можемъ не упомянуть о сочиненіи, которое, подъ скромнымъ видомъ разбора обширнаго творенія, содержитъ въ себѣ изысканія, показывающія, что авторъ обладаетъ необыкновенными познаніями по части археологіи, еще мало воздѣланной. Мы говоримъ о пресловудномъ донесеніи г. Берварди о «Морской Археологіи» Жаля, донесеніи, которое удостоилось одобренія нашего ученаго мореходца, адмирала Круженштерна, и Академіи.

Вотъ численные итоги дѣятельности Академіи въ минувшемъ году. Изъ 94 статей, читанныхъ въ сорока засѣданіяхъ Копференціи. 35 касаются до наукъ физико-математическихъ, 32 относятся къ естественной исторіи и 27 имѣютъ предметомъ исторію, филологію и науки политическія. Въ томъ числѣ находится: 11 пространныхъ твореній, которые должны быть изданы отдѣльно. 28 записокъ и 55 статей менѣе обширныхъ. Наконецъ, палобю замѣтить, что 23 дѣйствительные члена Академіи доставили 64 сочиненія, въ томъ числѣ 10 обширныхъ твореній; шесть статей и одно пространное твореніе принадлежать шестерымъ чиновникамъ Академіи; восемь статей доставлены шестью корреспондентами Академіи, а остальные 15 четырнадцатью посторонними учеными.

Ученыя путешествія.—Г. Купферъ обозрѣвалъ лѣтомъ минувшаго года магнетическія обсерваторіи, учрежденныя въ Сибири, на горныхъ заводахъ. Онъ намѣренъ издать подробное описаніе своего путешествія, и потому мы не станемъ говорить здѣсь объ этомъ предметѣ; замѣтимъ только, что одному изъ статей пожевія объ участіи Россіи въ большомъ магнетическомъ предпріятіи англійскаго правительства поставлено, что главный директоръ магнетическихъ обсерваторій на сибирскихъ заводахъ долженъ отправиться на мѣсто, чтобъ лично сообщить въблюденіямъ направленіе, сообразное съ новымъ планомъ. Такимъ образомъ, и этой мѣрою, которая, конечно, будетъ способствовать къ усиленію въ Россіи склонности къ магнетическимъ наблюденіямъ и лѣтвенности къ нимъ, науки обзавы попечительности г. министра финансовъ, графа Е. Ф. Канкринна, и просвѣщенной дѣятельности г. начальника Штаба Корпуса Горныхъ Инженеровъ, генерал-майора Чевкина. Для снабженія гимназій и другихъ учебныхъ заведеній метеорологическими инструментами; ассигнованы были, съ разрѣшенія

г. министра народнаго просвѣщенія, значительныя суммы; въ слѣдствіе того, въ механической мастерской Академіи изготовлены и поставлены, подъ наблюденіемъ г. Купфера, барометры, термометры, которые онъ и раздалъ, во время своего путешествія, по сибирскимъ учебнымъ заведеніямъ. Теперь мы можемъ надѣяться имѣть, всаательно климатологіи Азіатской Россіи, давшая столь же точныя, какъ и тѣ, которые уже имѣемъ по метеорологіи Европейской Россіи. Посему, рѣшеніе многихъ занимательныхъ задачъ, которыя одна Сибирь должна уже представлять по причинѣ своего огромнаго протяженія, не можетъ быть замедлиться, и, благодаря г. министру народнаго просвѣщенія, Россія приобрететъ новое право на призвательность тѣхъ, которые интересуются успѣхами физики земнаго шара.

Г. Гельмерсену поручено было обозрѣть, минувшимъ лѣтомъ, мѣсторожденія каменнаго угля въ Тульской и Калужской Губерніяхъ, и опредѣлить ихъ относительную древность. Недавно полагаютъ, что эти пласты принадлежатъ къ собственно-такъ-называемой каменно-угольной формации, то есть, къ верхнему ярусу каменно-угольной почвы, и сравнивали ихъ съ йоркшейрскими мѣсторожденіями каменнаго угля въ северной части Англіи. Исследования вѣщаго геолога доказали совершенно-противное: онъ убѣдился, что эти пласты не только не принадлежатъ къ каменно-угольной формации собственно-такъ-называемой, но заключаются въ нижнемъ ярусу нашего каменно-угольнаго известняка. Это очевидно доказывается тѣмъ, что тульскіе и калужскіе каменно-угольные пласты, равно какъ и тѣ, которые находятся въ Новгородской Губерніи и которыхъ древность еще прежде съ точностію опредѣлена г. Гельмерсеномъ, лежатъ непосредственно на древнемъ красномъ песчаникѣ, или на девоніанской системѣ г. Мурчисона. Г. Гельмерсенъ убѣдился, что эта система, на которую прежде и не обращали вниманія, силь-

но развита въ Орловской Губерніи; онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что результаты его изысканій публично припаяны и одобрены первѣйшими геологами зашого времени, Леонардомъ де Буккомъ и Мурчисономъ.

Изслѣдованіе полярныхъ странъ европейской части Россіи обращало на себя, въ последнее время, особенное вниманіе Академіи, и потому она съ величайшею готовностію приняла предложеніе, сдѣланное ей въ апрѣлѣ мѣсяца мѣсяца хранителемъ ея ботаническаго музея, г. Рупрехтомъ, вывавшимся совершить на свой счетъ путешествіе въ тѣ изъ этихъ странъ, которыя наименѣе изслѣдованы, именно: въ самую западную часть земли Самоѣдовъ и въ особенности Кавинскій Полуостровъ, непосѣщенный еще ни однимъ натуралистомъ. Г. Рупрехтъ отправился въ путь въ мѣсяцѣ мѣсяцѣ мѣсяцѣ съ г. Савельевымъ, который, гажше по любви къ наукамъ, принялъ участіе въ его предпріятіи. Путешественники возвратились въ столицу черезъ пять мѣсяцевъ. Въ продолженіе этой экспедиціи, г. Савельевъ наблюдалъ уклоненіе магнитной стрѣлки въ четырехъ мѣстахъ, склоненіе въ десяти, и магнитныя силы земли въ семи. Высота полюса измѣрена въ восьми мѣстахъ, а въ двухъ, ю берегу Ледовитаго Моря, географическая долгота опредѣлена по наблюденіямъ разстоянія Солица, Луны и Венера. Пользуясь ѣздою на оленяхъ и юмпасомъ, гг. Рупрехтъ и Савельевъ оставили карты посѣщенныхъ ими странъ и положили на плавь южную часть острова Калгуева, окрестности Микулкина Носа, теченіе Индеги на пространствѣ 50 верствъ отъ берега, а все теченіе рѣки Кулоя на протяженіи 200 верствъ. Барометрическія измѣренія были производимы на островѣ Калгуевѣ, на Тиманскомъ берегу и на Кавинскомъ Полуостровѣ. Эти измѣренія доказали, что возвышенія, которыя, если верить туземцамъ и географическимъ картамъ, суть высокія горы, два заслуживаютъ названіе холмовъ.

Мивный хребетъ, перестѣняющій Кавинскій Полуостровъ въ направленіи отъ сѣвера къ югу; существуетъ только на картахъ. Путешественники наши замѣтили, что на островѣ Калгуевѣ земля на глубинѣ въ аршинъ и болѣе никогда не оттаиваетъ, въ чемъ они не могли съ точностію убедиться ни въ Малой Землѣ Самоѣдовъ, ни на Кавинскомъ Полуостровѣ. Геологическое строеніе тѣхъ земель было совершенно неизвѣстно. Гг. Рупрехтъ и Савельевъ замѣтили двѣ совершенно-различныя формаціи: каменно-угольный известнякъ, богатый окаменѣlostями, близъ Мезенскаго Залива и съ обѣихъ сторонъ возвышенностей, состоящихъ изъ минеральнаго камня и находящихся на Чайцинскомъ Носу. Горы, которыя идутъ отъ сѣверо-западной оконечности Кавина Носа къ юго-востоку, состоятъ изъ кристаллическихъ породъ и особенно слюнистаго и глинистаго сланца. Гранитъ находится только на каменномъ островкѣ, близъ Микулкина Носа, между-тѣмъ, какъ лежащій наспротивъ мысъ Барминъ состоитъ изъ глинистаго сланца, азонита и діоритовъ. Изъ минераловъ г. Рупрехтъ нашелъ въ горахъ Кавина Носа ставролитъ, венису и слюду въ довольно-большихъ кускахъ, а въ вѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ слѣды рухлака, заключающаго въ себѣ характеристическія и весьма хорошо сохранившіяся ископаемыя юрскаго эпохи. Г. Гельмерсенъ, разсмотрѣвъ привезенныя этими путешественниками образчики означенныхъ ископаемыхъ, заключаетъ съ вѣкоторою достовѣрностію, что пласты известняка, залегающіе въ окрестностяхъ Индеги, принадлежатъ къ среднему, а отчасти къ нижнему ярусу нашего каменно-угольнаго известняка. Онъ замѣчаетъ, что сія формація не встрѣчается нигдѣ въ Россіи сѣвернѣе этого. Открытіе смолистаго дерева и желатаго явтаря на сѣверномъ берегу Кавинскаго Полуострова и вообще Ледовитаго Моря, есть геологическій фактъ, весьма занимательный. Академія имѣетъ образчики этихъ минераловъ, най-

денные за Туруханскомъ, и известно, что они находятся также за Каменскимъ Заводомъ на востокъ отъ Екатериенбурга; а это показываетъ, какъ далеко простираются третичные пласты, въ которыхъ эти тѣла очевидно принадлежатъ. Флора тѣхъ травъ изслѣдована вполнѣ, и, не говоря еще о новыхъ породахъ, которыя могутъ включаться въ коллекціи, привезенныхъ нашими путешественниками, г. Рупрехтъ общаетъ сообщить Академіи любопытныя замѣчанія касательно географическаго распредѣленія растеній. Хотя эти страны и небогаты породами, однакожь онѣ представляютъ довольно обильную растительность и только въ сѣверной части острова Калгуева есть равнины почти обнаженныя или покрытыя рѣдкою растительностію. Флора тѣхъ мѣстъ замѣтно отлична отъ флоры Лапландіи. Путешественникъ нашъ былъ пораженъ между прочимъ тѣмъ, что леса очевидно все болѣе и болѣе удаляются отъ береговъ; онъ нашелъ несомнѣнные признаки, что деревья толстоствольныя росли нѣкогда близъ самаго моря, между тѣмъ, какъ выше гачъ и тѣхъ лѣсовъ ближе тридцати верстъ отъ берега и даже болѣе. Изысканія гг. Бэра и Мидендорфа о фаунѣ полярныхъ странъ оставили немного дѣла г. Рупрехту. Однакожь онъ сообщил Академіи въ которыхъ свѣдѣнія о географическомъ распредѣленіи животныхъ и между прочимъ о томъ, что на Канинскомъ Полуостровѣ водятся въ большомъ количествѣ новая порода ново-землянской пеструшки, которой совсѣмъ нѣтъ на островѣ Калгуевѣ. Этномологія обязана этому путешественнику новою пороодою «фабрики», а орнитологическая коллекція Академіи 64 породами птицъ и, что еще важнѣе, Академія приобрѣла въ тѣхъ мѣстахъ ревностнаго и свѣдущаго собирателя, смотрителя Мезенскаго Училища, г. Быстрова. Ночва западной части земли Самоѣдовъ; такъ же какъ и Лапландіи, повидимому, не скрываетъ въ себѣ никакихъ допотопныхъ животныхъ, тѣмъ болѣе замѣчательно,

что путешественники наши за Печорою и по близости озера Урдюги (известнаго по бывающимъ въ немъ постояннымъ приливамъ и отливамъ), нижнюю челюсть молодого мамонта. Эта кость, равно какъ и всѣ коллекціи, привезенныя гг. Рупрехтомъ и Савельевымъ, находится въ академическомъ музеемъ.

Не ставемъ говорить подробно о путешествіяхъ, имѣющихъ одну какую-либо опредѣленную цѣль. Притомъ, известно уже, что по литературамъ народовъ Средней Азіи, Академія имѣетъ въ Пекингѣ агента, г. Васильева, состоящаго при русской духовной миссіи, а въ руссійско-американскихъ колоніяхъ собирателя предметовъ естествоиной исторіи, отличнаго препаратора, г. Вознесенскаго, который вполнѣ воспользовался пребываніемъ своимъ въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ. Поддерживаемый въ своихъ похвальныхъ усиліяхъ правителями колоній, гг. Курьяновымъ и Эголинымъ, и другими лицами, состоящими въ службѣ Россійско-Американской Компаніи, онъ во время нѣсколькихъ поѣздокъ собралъ множество весьма замѣчательныхъ произведеній природы, которыя привезены сюда въ совершенной сохранности и послужатъ къ пополненію богатыхъ академическихъ музеевъ.

Г. Академикъ Фрише поѣхалъ съ ученою цѣлю Германію, Францію и Швейцарію и былъ представителемъ русскихъ ученыхъ въ собраніи германскихъ врачей и естествоиспытателей, происшедшемъ въ Брауншвейгѣ.

Наконецъ, мы должны упомянуть объ одной ученой экспедиціи, которая будетъ совершена въ нынѣшнемъ году. Планъ этой экспедиціи, составленный Академіею, удостоенъ Высочайшаго утвержденія, и на этотъ предметъ ужъ ассигновано изъ Государственнаго Казначейства 13,000 руб. серебромъ. Известно, что простой русскій купецъ въ Якутскѣ, любопытствуя узнать, на сколько промер-

застъ земля, вырылъ для этого колодезь въ 380 футовъ глубиною, и Академія приняла на себя передъ ученымъ системою обязанности произвести въ этомъ колодезѣ систематическія наблюденія надъ температурою земли въ разныхъ глубинахъ. Обстоятельства, независимыя отъ Академіи, не позволяли ей досель исполнить свое намѣреніе. Между-тѣмъ, это сдѣлалось тѣмъ необходимымъ, что англійскіе ученые, пораженные важностію столь замѣчательнаго геологическаго факта, приняли мѣры для изслѣдованія его въ арктическихъ странахъ новаго свѣта. Притомъ, двѣлетняя переписка, которую Академія производила въ послѣднее время съ мѣстными начальствами въ Сибири, привела ее къ убѣжденію, что единственное въ старомъ свѣтѣ мѣсто, котораго не посѣщали ни одинъ образованный чело-вѣкъ, и которое, следовательно, по необходимости должно быть представлено нестерно на всѣхъ географическихъ картахъ, заключается въ предѣлахъ нашего отечества. Это мѣсто, правда, почти недоступное, есть страна, лежащая за Туруханскомъ, между рѣками Пясинною и Хатангою, и до береговъ Ледовитаго Моря. Замѣтивъ такую недостаточность, Академія должна была заботиться объ устраненіи его, чтобъ не подвергнуться справедливому упреку въ равнодушіи къ важному вопросу, касающемуся до отечественной географіи. Подобная экспедиція, чтобъ быть какъ-можно-болѣе подвижною въ странѣ, гдѣ средства сообщенія чрезвычайно затруднительны, не должна быть ни слишкомъ-многочисловою въ своей цѣли, ни слишкомъ-многочисленною въ своемъ составѣ, ни слишкомъ-ограниченною во времени, назначенномъ для ея совершенія. Притомъ, она должна состоять подъ начальствомъ ученаго, котораго силы вполне соотвѣтствовали бы его усердію и рвенію въ пользѣ науки, ученаго, если можно, заравѣ знакомаго съ затрудненіями, которыя противопоставляютъ изслѣдованіямъ климатъ

и суровая, дикая природа полярныхъ странъ; наконецъ, что всего важнѣе, онъ долженъ обладать разнообразными сибирскими, необходимыми для исполненія столь труднаго порученія. Академія нашла въ эти качества въ молодомъ докторѣ Мидлендорфѣ, о которомъ мы уже не разъ упоминали; онъ покинулъ для этого Университетъ св. Владиміра, гдѣ занималъ кафедру зоологій. Какъ-скоро приготовленія будутъ окончены, г. Мидлендорфъ, получивъ надлежащія инструкціи отъ здѣшнихъ физиковъ и естественныхъ историковъ, отправится въ путь изъ С. Петербурга. Съ Высочайшаго разрѣшенія, нѣкоторые изъ членовъ этой экспедиціи, вѣроятно, подъ руководствомъ г. Шёгрона, будутъ заниматься изученіемъ языковъ, нравовъ и обычаевъ народовъ, обитающихъ на сѣверѣ Сибири.

Въ вышнемъ году Академія надѣется сообщить публикѣ дальнѣйшія подробности этой важной и занимательной экспедиціи.

*

ПОВѢДКА ВЪ КИТАИ, (Статья пестая) (*). *Китайскіе праздники. — Бельды. — Подарки. — Иллюминаціи и фейерверки. — Кредиторы и заимодавцы. — Числовники и дѣлопроизводство. — Исканіе мѣсть. — Взяточничество.*

У Китайцевъ только три праздника въ теченіи цѣлаго года: одинъ день весною, когда плоды начинаютъ завязываться, одинъ день лѣтомъ, когда начинаютъ снимать хлѣбъ, и половина первой луны новаго года. а у нѣкоторыхъ и цѣлый мѣсяць. Недѣли за двѣ и за три уже замѣтно бываетъ приближеніе праздниковъ: всакій, начиная отъ вельможъ до бѣдняка, заботится о заготовленіи и разсылкѣ подарковъ началь-

(*) Первые пять статей напечатаны въ «Отеч. Запискахъ» 1841 года, томы ХVIII и XIX, и 1842 года, томъ XX.

вигамъ, роднымъ и знакомымъ. При выборъ подарковъ, всего важнѣе точно опредѣлить отношенія дарищаго къ тому лицу, кому посылаются подарки: въ комъ Китаецъ имѣеть надобность, тому посылаетъ и подарки болѣе цѣнные; въ комъ не имѣеть нужды, тому избираетъ кое-что для исполненія обычая. Самые бѣдныя люди, имѣя надобность въ вельможѣ, входятъ въ долги и посылаютъ ему подарки, верѣдко превышающіе въ нѣсколько разъ все ихъ состояніе. Подарки эти состоятъ изъ самыхъ различныхъ предметовъ: посылаются дорогіе шѣха, шелковыя матеріи, разныя вещицы изъ нефрита, плоды, сладкіе хлѣбцы, жаренные поросята и утки, кувшины съ водкою, въ которыя иногда, для подслащенія опускаютъ слитки золота, — денегъ же въ этихъ случаяхъ явно не посылаютъ. Цѣнность подарка на наши деньги можетъ простираться отъ нѣсколькихъ рублей до сотни тысячъ серебромъ. Съѣстные припасы и плоды разсылаются обыкновенно въ бумажныхъ лакированныхъ коробкахъ (хэ-пзы), которыхъ бываетъ двѣ, четыре и восемь; разумѣется, къ лицу вышему или уважаемому непременно должно посылать восемь. — Китаицы придають этимъ подаркамъ большую важность, и ведутъ самый точный счетъ, что кому послали, и что отъ кого получили. Боже сохрани, если кто-нибудь, приславшій прежде по обстоятельству подарки высокой цѣны, при перемѣнѣ отношеній вздумаетъ въ слѣдующій годъ прислать что-нибудь подешевле — въ такомъ случаѣ всѣ прежнія связи прерываются, и самые искренніе пріатели становятся открытыми врагами. Ниому надобно посылать подарки въ тридцать или сорокъ домовъ: слѣдовательно, заготовленіе подарковъ стоило бы слишкомъ дорого; поэтому, смысленный Китаецъ припасаетъ заблаговременно только тѣ подарки, которые назначаются важнѣйшимъ особамъ; прочимъ же посылаетъ вещи, получаемыя имъ отъ родственниковъ и знакомыхъ. И случается, что жареный поросенокъ, перебывавъ въ

нѣсколькихъ домахъ, чрезъ пять, шесть дней возвращается къ своему первому хозяину. Сколько разорительны эти подарки для господъ, столько прибыльны для слугъ, которые во всѣхъ домахъ получаютъ довольно-значительную сумму на водку. Плата слугамъ за принесенные подарки также бываетъ сообразна съ отношеніями господъ; такъ, напримеръ, слугъ министра, или князя нельзя дать менѣе полу-фунта серебра; слугъ же самаго послѣдняго изъ знаемыхъ дають рублей семь или восемь на наши деньги.

Мы и въ оградѣ нашего монастыря не могли избавиться отъ этой разорительной вѣжливости. Каждый изъ насъ получалъ подарки болѣе или менѣе; въ особенности же страдалъ отъ нихъ нашъ медикъ: всѣ пациенты его, чтобы выразить свою признательность къ нему и уваженіе, наперерывъ прислаивали ему корзины съ хлѣбцами на прогорѣломъ маслѣ и съ жареными поросятами и утками. Каждый новый годъ онъ выплачивалъ слугамъ до четырехъ фунтовъ серебра!

Въ то время, какъ слуги бѣгутъ изъ дома въ домъ и разносятъ подарки, господа верѣдко не смѣютъ и носа высунуть за двери своихъ домовъ. Съ конпомъ, стараго года приволаются въ ясность всѣ старыя счеты съ мастерами, ланочниками и займодавцами: длинныя фаланги прикапиковъ осаждаютъ жилища должниковъ съ длинными счетами въ рукахъ, съ запасомъ просьбъ, упрековъ и ругательства въ головѣ; покажишь должникъ — и его оглушатъ требователи, готовые истощить всѣ способы убѣжденій, не исключая и физическихъ. Нервѣдко промотавшійся господачикъ укрывается въ домъ пріятеля отъ такихъ преслѣдованій, а если и рѣшается выйти на улицу, то зорко высматриваетъ своихъ займодавцевъ, всегда готовый скрыться въ первомъ переулкѣ. Къ особому правительству китайскій займодалецъ прибѣгать не смѣетъ, опасаясь слишкомъ большихъ издержекъ, и зная, что должнику гораздо-выгоднѣе показать болѣ

недрости передъ судьбою и слава-гельно остаться правымъ. Едва наступитъ новый годъ, всѣ преслѣвованіи канчиваются, и всѣкій заводавецъ, тотоный наказуе въбитися въ глаза своему почтеному должнику, встрѣчаетъ его привѣтливою улыбкою и обычнымъ поздравленіемъ — да-си («великая радость»); о долгахъ же вѣтъ и помина—до новаго праздника.

Наступленіе новаго года у Китайцевъ празднуется съ большимъ торжествомъ въ-продолженіи цѣлой ночи, предшествующей радостному ялю, и даже цѣлаго дня. Громъ и трескъ бураковъ и шутокъ не умолкаетъ по всѣмъ улицамъ и переулкамъ. Всѣ лавки съ жизненными припасами, трактиры, булочная и харчевни запираются на три дня, всѣ прочія лавки на полвѣсяца и даже болѣе; временныя лавочки и балагалы разбираются совершенно; работъ вѣтъ; всѣкій съ самаго утра спянитъ развезти свои визитныя карточки, ужь развѣ тотъ, кому не на что павить и осла, развезитъ ихъ ишькомы. Визиты на новый-годъ незатруднительны: у каждаго воротъ стоять прииратникъ и принимаютъ карточки, подаваяему слугою прихаживаю, если отношеніи между посѣщаемымъ и посещаемымъ равны; но если послѣдній несравненно-ниже перваго, то господинъ самъ долженъ выйти изъ экипажа и лично отдать свою карточку прииратнику. Визитныя карточки у Китайцевъ состоятъ изъ листочка бумаги ярко-краснаго цвѣта, на которомъ отпечатаны съ одной стороны имя и фамилія, а съ другой мѣсто жительства. Визиты эти продолжаются съ развѣта и до шести часовъ вечера въ-теченіи первыхъ трехъ дней. Послѣдніе же легкій трауръ начинаютъ дѣлать визиты на шестой день. Въ глубокомъ траурѣ визитовъ не дѣлаютъ. Можете себя яредставить, какія замѣнительства происходятъ въ хозяйственномъ отношеніи отъ трехдесяти-запирани лавокъ съ съестными припасами; разумеется, всѣкій пригото-вляетъ себѣ продовольствіе заранее на

все это время; но тѣ, которые, по рѣзу жизни, должны быть въ трактирахъ и харчевняхъ, противъ воли постытся три дня, поддерживая кое-какъ свое существованіе черствыми хлѣбцами и сухими закусками.

Послѣ визитовъ, начинаются праздни-ства для родственниковъ и знакомыхъ; мужчины приглашаются къ мужчинамъ; а женщины къ женщинамъ. Мы въ-сколько разъ бывали на подобныхъ собраніяхъ, и нашли ихъ чрезвычайно-скучными: встрѣчаютъ другъ друга условными длинными церемоніями; послѣ которыхъ садятся за столы, и сидятъ за ними по нѣсколько часовъ сряду, толкуя о производствѣ чины, о чиновникахъ, отрешенныхъ отъ должностей за злоупотребленіа, и о трактирахъ, славящихся какимъ-нибудь кушаньемъ. Разговоръ Китайцевъ лишешный-всѣхъ интересовъ политическихъ, литературныхъ, интересовъ науки, тавется меленно и лвино; и такъ непохожъ на живой, горячій разговоръ между Европейцами, какъ без-тѣвныи, вздорныя картины иль непохожи на произведенія европейскихъ художниковъ. Мы не могли быть въ обществѣ женщинъ; но и въ ихъ бесѣды такъ же скучны и однообразны, какъ бесѣды иль почтениыхъ супруговъ. Чтобъ какъ-нибудь оживить свое общество, женщины обыкновенно приглашаютъ къ себѣ слѣпыхъ, непременно слѣпыхъ музыкантовъ, которые попеременно то играютъ на инструмен-тахъ, то поютъ, то сказываютъ сказки.

Съ шестнадцатаго числа первой луны новаго года и до восемнадцатаго — каждый вечеръ гордіа во всей имперіи бывають илминированы разноцвѣтными фонарями. Иллюминація эта зажигается только у лавокъ и кумиревъ; частіе же дома не освѣщаются. Иныя лавки, въ которыхъ производится торговля преимущественно слакими хлѣбцами, траить на эти освѣщенія значительныя суммы; какъ внутри, такъ и снаружи, обвѣшиваютъ около стѣнъ шелковыя фонари съ разрисованными

изображеніи драконовъ и другихъ предметовъ; иногда, число фонарей у одной лавки простирается до трехсотъ. На улицахъ, всякій, кто хочетъ, спускается въ эти три два бураки и огненные фонтаны; фейерверки эти мало-замѣчательны. Напротивъ, тѣ фейерверки, которые сожигаются при кумирняхъ, во время мѣстныхъ праздниковъ, отличаются иногда замысловатостію чисто-китайскою: послѣ различныхъ колесъ, фонтановъ, пальмъ и другихъ огненныхъ явленій, въ заключеніе спектакля зажигается обыкновенно коробка, повѣшенная на высокихъ подставкахъ; изъ нея вдругъ вываливается дно — и представляется взорамъ зрителей какая-нибудь огненная башня, или ваза, блестящая брилліантовымъ огнемъ; когда это явленіе сгоритъ, изъ коробки выпадаетъ второе дно — и вы видите передъ собою огненнаго движущагося дракона, или иное чудовище; наконецъ проваливается послѣднее дно — и изъ пламени летятъ въ толпы зрителей десятки живыхъ голубей и воробьевъ, а иногда среди огня подымается живой красиво-одѣтый мальчикъ. Съ восемнадцатаго числа почти всѣ лавки бываютъ отперты, и только немногіе лавочники пируютъ до окончанія мѣсяца. Не должно удивляться тому, что Китайцы такъ долго празднуютъ новый-годъ и даже куццы охотно запираютъ свои лавки дней на двадцать и болѣе, лишая себя выгоды отъ продаж; у нихъ вѣтъ въ-продолженіе цѣлаго года постоянныхъ праздниковъ, какъ у насъ черезъ шесть дней въ седьмой, и весь отдыхъ Китайцевъ отъ трудовъ, какъ мы уже сказали выше, бываетъ три раза въ году. Для насъ, Европейцевъ, покажется непонятнымъ, какъ можно цѣлый годъ работать, не имѣя почти никакого періодическаго усюженія для возобновленія изуряченныхъ силъ. Но надобно знать, какъ работаютъ Китайцы. Вялые и лѣнныя отъ природы, они неохотно принимаютъ за дѣло, и безпрестанно отрываются отъ него, чтобъ вычислить свою крошечную мѣдную трубку, набить ее та-

бакомъ, выстѣчь огня и закурить, или налить себѣ чаю и выпить чашку. Чиновники вѣздятъ въ присутствіе часа на два или на три, и то не за тѣмъ, чтобъ заниматься дѣломъ, а только показать свою гражданскую дѣятельность. Какъ же гнать дыма? кто производитъ ихъ? Въ Китаѣ есть особый классъ людей, котораго, кромѣ небесной имперіи, вы нигдѣ не найдете: это *шу-бань*, что по-нашему значить *писецъ*; — писцы наследуютъ свои должности отъ отцовъ и дѣловъ, и остаются всегда слоємъ званія, не имѣя права выкупить чина, ни идти на экзаменъ для полученія его. Съ малолѣтства занимаясь подъ руководствомъ отцовъ, они приобретаютъ большой навыкъ въ дѣлахъ той отрасли государственнаго управленія, въ которой они работаютъ, и такъ хорошо затверживаютъ все запутанное и верѣдко противорѣчащее одинъ другому законы, что могутъ по произволу подводить тотъ или другой законъ, и рѣшать дѣла какъ имъ угодно; следовательно, не только просители, но и самые чиновники, которые, иногда не занимаясь дѣлами, только подписываютъ то, что имъ подадутъ, переходятъ въ полной отъ *шу-бань* зависимости, и частые переводы чиновниковъ изъ одного мѣста въ другое нисколько не вредятъ дѣлопроизводству. Вообще, *шу-бань* получаютъ самое бездѣльное жалованье отъ казны, а имѣя и совѣтъ его не имѣютъ; но зато вся сдѣлка между просителями и чиновниками проходитъ черезъ ихъ посредство, и тутъ на нихъ долю перепадаетъ не малая-толика. Писцы эти являются къ должности одѣтые просто и даже бѣдно; но если бы вы взглянули на ихъ дома, построенные обыкновенно не на вилу, а въ какомъ-нибудь тѣсномъ и глухомъ переулкѣ, вы изумились бы удобству, простору и чистотѣ извнѣ, доводству и роскоши внутри дома, между-тѣмъ, какъ невѣрные чиновники, которые непосредственно начальствуютъ надъ *шу-бань*, прѣзжаютъ въ присутствіе въ шелковыхъ плащахъ, а живутъ большею частію в

наемныхъ вѣтхихъ домахъ, и постоянно нуждаются въ самыхъ необходимыхъ житейскихъ потребностяхъ. *Шу-бань* производятъ всѣ дѣла не въ одной столицѣ, но и во всѣхъ провинціяхъ.

Чиновники, служащіе въ столицѣ, съ трудомъ перебиваются, и входятъ въ значительные долги, выжидая мѣста въ провинціи, которое всегда приноситъ хорошій доходъ. Эти мѣста не даются даромъ, и цѣна, которую слѣдуетъ заплатить за новую должность въ провинціи, опредѣляется количествомъ дохода, простираясь отъ нѣсколькихъ тысячъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей. Деньги за мѣста, составляютъ главный доходъ въ системѣ взяточничества высшихъ сановниковъ государства, отъ которыхъ зависитъ назначеніе должностей. Взятки эти не отдаются лично и открыто; искатель предварительно знакомится съ приближеннымъ слугою вельможи, заступающимъ у него должность докладчика, и черезъ него вручаетъ своему будущему патрону росписку изъ мѣняльной лавки на известную сумму, которую онъ выдалъ мѣняльщикамъ наличнымъ серебромъ. Докладчикъ тоже получаетъ при этомъ случаѣ свою опредѣленную долю, отъ 10 до 20 процентовъ. Случается, что на одно мѣсто является нѣсколько искателей; каждый изъ нихъ приноситъ свой подарокъ,—но мѣсто остается за тѣмъ, кто принесъ болѣе. При этомъ *благопріобрѣтеніи*, у китайскихъ вельможъ есть своего рода чести: отдавъ мѣсто одному, они имѣютъ въ виду и прочихъ принесителей, назначая ихъ въ послѣдствіи на открывающіяся вакансіи. Такіе вельможи считаются между народомъ людьми благородными, которые, разумѣется, *возьмутъ*, но за то *сдѣлаютъ*; другіе же, помѣстивъ одного, забываютъ совершенно остальныхъ, если эти остальные не напоминаютъ о себѣ при слѣдующихъ вакансіяхъ новыми приношеніями.

Теперь, можетъ-быть, вы спросите, гдѣ взять бѣдному, задолжавшемуся

чиновнику, такую значительную сумму на полученіе мѣста, и, что еще важнѣе, на уплату всѣхъ долговъ передъ выѣздомъ изъ столицы, равно и на то, чтобъ пріѣхать къ мѣсту новаго служенія съ должною важностію. Но вы не знаете Китая, великаго Китая, съ его 400 миллионовою населеніемъ, если думаете, что въ четыре тысячи лѣтъ это существованіе такая важная отрасль государственнаго управленія, какъ взяточничество, не приведена тамъ въ надлежащую систему. Чиновникъ, ищущій мѣста, продаетъ или закладываетъ все свое движимое и недвижимое имѣніе, что называется до послѣдней нитки; обѣгаетъ друзей и знакомыхъ; подниметъ на ноги и просьбы, и убѣжденія, и обманъ,—и такъ-и-сякъ собираетъ нужное приношеніе. Выигралъ — хорошо; проигралъ — нѣчего дѣлать; но выиграть рѣдко не удастся, и едва онъ получитъ назначеніе, какъ уже всѣ остальные препятствія устраняются легко. Къ нему является благодѣтельный ростовщикъ, который тотчасъ же выплачиваетъ всѣ его долги, и даетъ значительную сумму денегъ на заготовленіе всего нужнаго для дороги, и для составленія свиты, приличной новому его званію. Если чиновникъ не пользуется особенною довѣренностію, то ростовщикъ, взявъ напередъ бумаги, утверждающія чиновника въ новомъ его званіи, самъ сопровождаетъ его до мѣста назначенія и остается тамъ жить, пока весь долгъ и съ огромными процентами не будетъ ему сполна выплаченъ, что, впрочемъ, оканчивается довольно-скоро. Тотчасъ по пріѣздѣ новаго чиновника, мѣстные *шу-бань* подносятъ ему *фэнь-цзы*, приношеніе, предварительное собранное со всѣхъ лицъ, сколько-нибудь подчиненныхъ новому чиновнику, для первоначальнаго его обзаведенія, что вѣрнѣе вознаграждаетъ его вдругъ за всѣ повеселенные убытки. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ провинціи, чиновникъ возвращается въ столицу съ огромнымъ состояніемъ, такъ-что тотъ-

дась вокушаетъ нѣсколько домовъ, отстроиваетъ общ. богатое помѣщеніе и живетъ полнымъ бариниомъ. Но не всегда чиновнику удается прожить въ провинціи нѣсколько лѣтъ: смерть отца или матери, по китайскому обычаю, заставляетъ его, оставивъ должность, прѣхать къ родителямъ и совершить образъ погребенія. а потомъ дожидаться, безъ всякихъ занятій, окончанія полнаго траура, продолжающагося у Маньчжуровъ годъ, а у Китайцевъ три года. По окончаніи траура, онъ снова долженъ добиваться съ прежняго мѣста. Хорошо еще, если такая потеря случится тогда, когда уже онъ вступилъ въ должность; во всякомъ примѣрѣ, что во время до-рочи къ мѣсту назначения, онъ получаетъ известіе о кончинѣ родителей, и тогда, не получивъ еще *фэнь-цзы*, онъ долженъ возвратиться назадъ, обремененный долгами и обремененный снова увеличить ихъ для пышныхъ похорождъ и новихъ искательствъ. Вотъ причина огромныхъ процентовъ, получаемыхъ ростовщиками за услуги такимъ чиновникамъ.

Подъ словомъ *фэнь-цзы*, Китайцы разумѣютъ всякое денежное приношеніе, а такіа приношенія дѣлаются не только чиновникамъ отъ иншихъ, но даже и между знакомыми въ извѣстныхъ случаяхъ. Такъ, на-примѣръ, въ день похорождъ, свадьбы, или при полученіи мѣста, Китаецъ дѣлаетъ торжественное приглашеніе всѣмъ своимъ знакомымъ. и они, являясь, вручаютъ ему конвертъ съ своей картичкой и съ слиткомъ серебра, количество котораго опредѣляется отношеніемъ гостя къ хозяину. Последний, благодаря за *фэнь-цзы*, съ приличными оговорками, что это совершенно-лишнее, — тутъ же передаетъ пакетъ вѣрочко-присланимому доврѣнному человеку, который вѣтшиваетъ принесенное и записываетъ въ книгу, чтобъ можно было сосчитать всѣ приношенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ знать, кому сколько отдаривать, въ случаѣ подблуга же приглашенія. Если кто,

по обстоятельствамъ, не можетъ прѣхать самъ, то онъ все-таки обязанъ прислать свой *фэнь-цзы*; въ противномъ случаѣ, всѣ связи прерываются. У самыхъ бѣдняковъ, какъ, на-прим., у солдатъ, *фэнь-цзы* не бываетъ меньше двухъ, или трехъ рублей; у людей средняго состоянія простирается рублей до ста; а у вельможъ доидитъ до тысячи. Гости прѣзжаютъ въ продолженіе цѣлаго дня, и хозяинъ, послѣ первыхъ привѣтствій, усаживаетъ прѣзжавшихъ за столы, разставленные подъ шатромъ, разбитымъ на дворѣ дома. Смотри по величинѣ шатра, въ немъ помѣщается до десяти столовъ и болѣе.

Гости обязаны не всѣ вдругъ. а по времени своего прѣзда, и хозяинъ старается усадить ихъ сообразно съ ихъ званіемъ. Такъ-какъ у каждаго стола обыкновенно помѣщается шесть человекъ, то хозяинъ приказываетъ подавать кушанье только на тѣ столы, у которыхъ собирается болѣе числа гостей, уклоняясь отъ этого порядка, когда прѣзжавшіе гости значительны по своимъ отношеніямъ. Хотятъ бы ихъ было только двое, кушанья подаются тотчасъ, — и въ полномъ количествѣ для шестерыхъ; остальные же, не такъ важные гости, терпѣливо сидятъ у столовъ, ожидая, пока выйдутъ прѣзжавшіе не составятъ условнаго числа — шести. Всякій, отобѣдавъ, отправляется домой, и столы очищаются для новыхъ посѣтителей.

Обнаруживая мало дѣятельности въ домѣ, Китайцы мало заботятся и о своемъ хозяйствѣ. Въ домѣ достаточнаго владѣльца, всѣ распоряженія дѣлаются главнымъ изъ слугъ; сами же господа, — ни мужъ, ни жена, — болѣею частью ни во что не вѣтшиваются. Годовыхъ запасовъ никогда не дѣлаютъ, и всякую мелочь для стола покупаютъ ежедневно. Погребовъ въ домахъ нѣтъ, хотя, по глинистому грунту земли, устройство ихъ было бы возможно. Лѣдъ также покупается ежедневно на рынкахъ у продавцовъ, которые всѣмъ день, привозятъ его въ

огромныхъ ледниковъ, расположенныхъ по берегу канала. Въ каждомъ порядочномъ домѣ есть особенный закупатель, дѣйствующій заодно съ поваромъ, и умѣющій всегда составить «аптекарскій счетъ». Къ увеличенію домашнихъ расходовъ много содѣйствуетъ обычай Китайцевъ обѣдать порознь, такъ что отецъ, какъ глава семейства, обѣдаетъ прежде, потомъ мать, сыновья и дочери послѣ нихъ, и притомъ каждый особо; а жены сыновей, обязанныя прислуживать матери, и играющія въ домѣ роль почти служанокъ, получаютъ свою долю обѣда послѣ всѣхъ. Даже въ самомъ низкомъ классѣ, мужъ обѣдаетъ одинъ и прежде всѣхъ; несоблюденіе же этого обыкновенія почитается незваніемъ правилъ приличія.

Дэ-Минъ.

ПЕДАНТЪ. Литературный типъ.

Всѣмъ ученымъ и образованнымъ людямъ вѣдомо, что словесность, т. е. литература, должна имѣть цѣлю — *поучать, услаждать*. Покойный Мерзляковъ, великій знатокъ и учитель по части изящнаго, даже перенелъ (и прекрасно), кажется, изъ Тасса, чудесные стишки на этотъ счетъ:

Такъ врачъ болящаго младенца ко устамъ
Цесетъ оіаль, сладкими унитанъ по кра-
ямъ:

Счастливецъ обольщенъ, плетъ горькое
цѣленье,

Обманъ ему далъ жизнь, обманъ ему спа-
сенье!

Другими словами: литература есть искусство «золотить пилюли». Мораль— дѣло хорошее, спору нѣтъ, но и скучное, горькое—противъ чего опять никто спорить не будетъ; следовательно, надо же ее подслащать, *разсѣивать*, чтобы она достигала своей цѣли, т. е. исправляла нравы, дѣлала дурака умнымъ, пьяницу трезвымъ, взяточника и казнокрада—безкорыстнымъ, бездарнаго писака отучала отъ пера, абед-

ника и клеветника отъ ложныхъ доносовъ...

Далѣе, всей просвѣщенной Европѣ извѣстно, что «идеалъ» есть не что иное, какъ собраніе въ одну фигуру разныхъ чертъ, разбросанныхъ въ природѣ и дѣйствительности,—а отсюда не сама дѣйствительность въ возможности. Творчества тутъ не нужно: хотите изобразить красавицу — приглядывайтесь ко всѣмъ красавицамъ, которыхъ имѣете случай видѣть; у одной срисуйте носъ, у другой глаза, у третьей губы и т. д. — такимъ образомъ вы нарисуете красавицу, лучше которой уже нельзя и вообразить.

Я нахожу оба эти опредѣленія — «литературы» и «идеала»—чрезвычайно-основательными и вѣрю имъ безусловно. Особенно-хороши они тѣмъ, что, во-первыхъ, избавляютъ автора отъ необходимости имѣть талантъ и фантазію, а во-вторыхъ, уничтожаютъ возможность писать такіа изображенія, въ которыхъ всякій, ктобы ни былъ, могъ узнать себя и, въ-слѣдствіе этого, жаловаться на личности...

Само-собою разумѣется, что этотъ взглядъ на «литературу» и «идеалы» особенно удобенъ для «типовъ» въ родѣ тѣхъ, которые теперь извѣстны подъ именемъ «Нашнихъ». Гоголь сказалъ великую правду, что «у насъ если скажешь объ одномъ коллежскомъ ассесорѣ, то всѣ коллежскіе ассесоры, отъ Риги до Камчатки, непременно пріймутъ на свой счетъ» (*). Поэтому, я нахожу гораздо-приличнѣе и удобнѣе изображать такіе типы, которыхъ совѣтъ нѣтъ въ дѣйствительности, но которые были бы очень смѣшны: чрезъ это авторъ достигнетъ двухъ цѣлей разомъ—доставить удовольствіе своимъ читателямъ и никого не обидѣть.

Вотъ причины, которыя заставили меня взяться за перо, которое давно уже было мною забыто, и попытаться сдѣлать очеркъ одного изъ такихъ пе-

(*). «Современникъ» 1836 года, т. III, стр. 60.

дантовъ, которыхъ нѣтъ и быть не можетъ, но которые могутъ существовать въ правомъ воображеніи человѣка, подобно мнѣ имѣющаго свободное время для бумагомаранія. Если мой педагогъ не разсмѣшитъ васъ и не доставитъ вамъ удовольствія — это обнаружитъ только мое неумѣнье и мою безталантность. Я нарочно взялъ предметъ для тиша изъ такой сферы, которая у васъ не представляетъ собою ни сословія, ни касты. Всѣ эти мои оговорки проистекаютъ изъ рокового предчувствія, что мой типъ, вмѣсто улыбки, возбудитъ въ васъ зевоту, вмѣсто того, чтобы разсмѣшить, усыпить васъ; ибо — признаюсь вамъ — я не слишкомъ-то полагаюсь на свой талантъ по части типовъ... «Такъ зачѣмъ же беретесь?» скажете вы. Впрочемъ, хочется попробовать — «авось-либо» — великое слово для русскаго человѣка, который многое дѣлаетъ на «авось»; потомъ, неотвѣзчивыя просьбы друзей: «вы-де знаете педагоговъ и можете ихъ изобразить; теперь-де типы въ модѣ, наши въ ходу; да кто вамъ скажетъ, что вы не можете? вы человѣкъ съ дарованіемъ»... Что будете дѣлать! Вы не знаете, что это за народъ — мои приятели! Какъ пристануть — непременно уговорить; станутъ вамъ доказывать, что вы человѣкъ съ дарованіемъ — право, сочините романы, хотя бы всю жизнь занимались математикою, или сельскимъ хозяйствомъ... Ну, что и будетъ — начинаю и, для успокоенія крѣпко-біющагося сердца, прошу васъ еще замѣтить, что это не типъ собственно, а скорѣе очеркъ, или проектъ для типа ..

Не воображайте себѣ моего педагога человѣкомъ старымъ, съдымъ, беззубымъ, добрымъ и глупымъ, обожателемъ Хераскова, поклонникомъ Сумарокова, послѣлователемъ философіи Баумейстера, пѣнники Аполлоса и реторики г. Толмачева: то педагогъ доблаго стараго времени, педагогъ-покойникъ. — миръ праху его! Пѣть, я хочу вырвать вамъ силуэтъ педагога новейшихъ временъ, педагога-романти-

ка, который такъ молодъ, что еще и не родился на свѣтъ; такъ вамъ знакомъ, что вы не повѣрите мнѣ, чтобы его можно было зайти и на лугъ, не только на землѣ. Но если ужъ болтать, то надо болтать обстоятельно, дѣлая видъ, что говоришь правду: въ эгомъ-то и все смѣшное моего типа... Мой педагогъ — сынъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Не претевая на богатство, онъ претеваетъ на знатность рода. Зовутъ моего педагога: *Людоръ Ипполитовичъ Картофельчъ*. Росту онъ весьма небольшого; въ молодости былъ сухошавъ и тшедушень, а теперь довольно-осанистъ и имѣетъ брюшко, нѣсколько четверугольное и похожее на фоліантъ. Еслибъ не досада на усѣхъ другихъ и на свои собственныя вѣдучи увѣрить свѣтъ въ своей геніальности, мой педагогъ былъ бы такъ толстъ, что, при малости роста, подходилъ бы на огромное in-quarto. Глаза у него сѣрые, а волосы средніе между русыми и рыжеватыми; на правой щекѣ бородавка съ довольно-длинною косичкою. Не помню, когда онъ родился; знаю, что въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, когда всѣ журналы наши превратились въ толки о классицизмѣ и романтизмѣ, Картофельчъ воспитывался въ одиновенномъ пансіонѣ губернскаго города, въ которомъ родился. Пансіонъ содержался обрустившимъ Нѣмцемъ — назовемъ его хоть Гофратомъ (я слышалъ, что всѣ Нѣмцы — гофраты). Картофельчъ обнаруживалъ блестящія способности, и былъ первымъ ученикомъ по всемъ предметамъ, особенно по части русскаго словесности. Прилежаніе его было примѣрно; поведеніе соответствовало прилежанію. На торжественныхъ актахъ онъ всегда говорилъ передъ публикою рѣчи и стихи, въ высшихъ классахъ — сочиненія своихъ учителей, а въ высшихъ — собственнаго издѣлія. Онъ первый побилъ товарищей издавать журналъ, разумѣется, писанный, и каждую неделю по рукамъ мальчишковъ ходила чисто

и аккуратно переписанная рукою Картофелина тетрадка, подъ названіемъ «Съверная Флора, № такой-то». Тетрадка почти вся состояла изъ сочиненій Картофелина, или *Безбрежина*, какъ онъ называлъ себя на романтическомъ языкѣ: тутъ были стихи, повѣсти, критика въ смѣсь. Стихи и критика всегда были сочиненія Людора Безбрежина: онъ объявлялъ себя моподпостомъ этихъ двухъ отдѣленій. Г. Гофратъ чуть не плакалъ отъ удивленія при видѣ успѣховъ и всеобъемлющей дѣятельности свѣтила своего наисова: послѣ каждаго новаго романтическаго стихотворенія, онъ бралъ Картофелина за уши, слегка приподнималъ и вѣжно цаловалъ въ голову. Всѣ ученики смотрѣли на него, какъ на генія; а учитель словесности, учившійся некогда по Бургіну и, следовательно, классикъ по веболѣ, даже побивался его. Обремененный лаврами, мой Картофелинъ, сей нукъ (увы, не послѣдній!) Василя Кирилловича Трелиаковского, прѣвхалъ въ одну изъ стодлицъ нашихъ, — положимъ въ Москву. Не помню, что онъ дѣлалъ нѣсколько лѣтъ; но вотъ онъ является учителемъ «россійской словесности»... Да, я непременно хочу сдѣлать моего педагога учителемъ словесности: знаменитый дѣтъ всѣхъ педагоговъ, Василя Кирилловича Трелиаковский, былъ «профессоромъ элоквиціи», а паче всего авторитетъ цѣптическихъ: одной этой причины уже слишкомъ достаточно, чтобъ я сдѣлалъ моего педагога учителемъ «россійской словесности»; сверхъ-того, я убѣжденъ отъ всей души, что никакой званіе такъ не идетъ къ педагогу, какъ званіе учителя «россійской словесности». Да, эта «россійская словесность» преимущественно сродучна для шарлатановъ и педагоговъ: въ нее можно класть что угодно, поттуда можно вынимать какія угодно теории, безъ опасенія заплатить пошлицу за болтовню. Я не хочу ѳтихъ сказать, чтобъ всякій учитель словесности былъ педагогъ — смѣшно и странно было бы питать такую, исключительную

и ложную мысль! Хорошіе и достойные люди есть вездѣ. Я хочу только сказать, что педагогъ непременно долженъ быть учителемъ россійской словесности.

Но мой педагогъ не ограничился однимъ учительствомъ: онъ, какъ и следовало ожидать, пустился въ литературу. Всѣ альманахи и журналы были наполнены его стихами. Стихи были гладки, но тяжелы; полны мыслей, — но эти мысли отзывались чѣмъ-то напряженнымъ, изысканнымъ и дикимъ, такъ-что свутри походили на совершенную бессмыслицу — не только бессмыслицу, а сваружи казались чрезвычайно-глубокими и возвышенными. Хотя толпа болѣе видятъ сваружи, чѣмъ свутри, однако она не читала стиховъ Картофелина, я осталась при одномъ уваженіи къ нимъ. Въ то время, одинъ ловкій промышленникъ основалъ журналъ, который, по его плану, долженъ былъ отличаться добросовѣстностью, ученостію и безкорыстіемъ. Послѣдняя статья касалась исключительно однихъ *сотрудниковъ*; издатель же имѣлъ о ней свое понятіе, которое не почиталъ нужнымъ объяснять во всеуслышаніе. Хитрый авторепренеръ тотчасъ смекнулъ, что за птица Картофелинъ. Онъ поваялъ, что ототъ червильный витязь готовъ трулиться до кроваваго поту изъ одной «славы», изъ одного удовольствія каждый день пересчитывать сколько новыхъ строкъ прибавилось у него къ числу уже написанныхъ: чистое и благородное удовольствие всѣхъ педагоговъ! О, педагогъ похожъ въ этомъ отношеніи на скрагу, который, отходя ко сиу, пересчитываетъ, сколько рублей и копеекъ прибыло у него съ утра... Журналистъ не ошибся: Картофелинъ оказался для него золотымъ человекомъ: онъ взвалилъ на себя всю работу, а разживу предоставилъ хозяйнѣ, который, впрочемъ, почелъ нужнымъ, изъ приличія, увѣрить его, что небольшія выгоды отъ журнала онъ употребляетъ на изданіе полезныхъ книгъ и вспомоществованіе бѣднымъ людямъ, а самъ

питается безкорыстною любовію къ наукѣ и высокими мыслями. Добродушный педантъ повѣрилъ: онъ былъ столько же безкорыстенъ, честенъ и доверчивъ, сколько и опромегчивъ... И это нисколько не удивительно: ограниченность такъ часто соединяется съ добродушною честностію — по крайней-мѣрѣ, до-тѣхъ-поръ, пока не раздражаютъ, умышленно, или неумышленно, въ мелкаго самолюбія...

Но вотъ что многимъ можетъ показаться невѣроятнымъ: прозаическими статьями своими Картофелинъ обратилъ на себя общее вниманіе, какъ человекъ со вкусомъ, умомъ и дарованіемъ, — и я долженъ сознаться, что такое мнѣніе о Картофелинѣ было только преувеличено, во въ основаніи не совсѣмъ-несправедливо. Мой педантъ — изволите видѣть — дѣйствительно не безъ ума и не безъ способностей; онъ только ограниченъ, но не глухъ, только мелочно-самолюбивъ, но не бездаренъ; послѣдній достоинства онъ, въ качествѣ педанта, долженъ приобрести въ послѣдствіи, когда мелкое самолюбіе его, въ союзъ съ лѣтами, задушить въ немъ то немногое, что дала ему природа. Притомъ же, обстоятельства времени много способствовали Картофелину прослыть даже гениемъ — по-крайней-мѣрѣ, въ кругу своихъ друзей и товарищей по наисвойной — сотрунниковъ рукописной «Съверной Флоры»: педанты прежнихъ временъ тащились по избитой колеѣ Баттѣ и Лагарповъ, а мой Картофелинъ привился за вѣмечину. Малой онъ былъ работящій, прилежный; память у него была здоровая; вѣмецкому языку онъ былъ выученъ еще въ дѣтствѣ. Я увѣренъ, что — по истинкѣту, онъ выбралъ бы своими героями Клопштока и Шиколаи, но слава Гёте и Шиллера тогда была уже во всемъ своемъ колоссальномъ величіи, а Шлегелей тогда еще считали великими людьми: — такъ ему, знаете, при готовыхъ повитіяхъ, чужимъ умомъ и при фразистомъ языкѣ не трудно было доказать не тѣмъ, что онъ есть...

Притомъ же, въ молодости, всякій человекъ живѣе, а слѣдственно, и умнѣе, чѣмъ въ старости, и по истинкѣту отстаиваетъ новое противъ стараго... Впрочемъ, и тогда уже многіе замѣчали въ слогѣ Картофелина что-то пухлое, дряблое, какую-то искусственную простоту и натянутую оригинальность, что-то отзывающееся солодовымъ корнемъ и сытою... Эти люди не ошиблись, какъ увидимъ ниже.

Вотъ побхалъ мой педантъ за границу — вы думаете, въ Германію? — Я самъ то же думалъ сперва, но моя фантазія велитъ мнѣ послать его въ страну *филологовъ* и *комментаторовъ*, гдѣ въ каждый стихъ великаго поэта написано по сту тысячъ томовъ объясненій и примѣчаній. Не знаю, что онъ тамъ дѣлалъ цѣлыя семь лѣтъ, но знаю, что присылалъ оттуда предкиа стихотворенія.

Наконецъ, мой Картофелинъ возвращается въ любезное отечество... Боже мой, какъ онъ перемѣнился! Побхалъ молодымъ литераторомъ, котораго настоящую цѣну немногіе понимали, а воротился педантомъ, котораго значеніе уже всемъ ясно... Сѣмена привесли плоды, и натура сказалась... Начнемъ съ того, что онъ пріѣхалъ съ брюшкомъ — доказательство, что онъ страдалъ о судьбѣ человечества въ своихъ стиховкахъ.. Натянутая важность лица, при смѣшной фигурѣ и кругломъ брюшѣ, сдѣлала его похожимъ на лягушку, которая, въ бисѣтѣ Эзона, хочетъ раздуться въ вола. Самолюбіе его дѣйствительно раздулось, какъ прыщъ: страшно и гадко приоснуеться къ нему. Общество педантъ сталъ принимать за свое училище, салонъ за аудиторію, свѣтскихъ людей — за школьниковъ: говорики все свысока, словно лекцію читаетъ, и если кто не слушаетъ его съ благоговѣніемъ, на тѣхъ смотритъ онъ презрительно, и если кто заговоритъ, хотя бы на противоположномъ концѣ залы, онъ посмотритъ на того, какъ Юпитерь олимпійскій — съ гавномъ въ помаваніемъ бровей... Любимый раз-

скажъ его о томъ, какъ онъ ходилъ, въ Парижъ, на поклоненіе къ великому романисту. Въ Германіи педаггъ былъ прѣзюмъ; она ему не понравилась. Нѣмцы—говорилъ онъ—раздружились, въ своей отвлеченности, съ жизнью; они презираютъ величайшую изъ наукъ—филологію; они предпочитаютъ ей философію, это буйное обожествленіе разума... Я былъ въ Берлинѣ,—и мой бѣдный черепъ трещалъ отъ мудреныхъ вещей, которыя слышалъ я въ тамошнемъ университетѣ... Нѣмцы забыли великаго Бахмана и предпочитаютъ ему сухаго, отвлеченнаго, схоластическаго Гегеля, этого Авраамелехаповѣйшей философіи». Педаггъ мой говоритъ голосомъ важнымъ, протяжнымъ и тихимъ, въсколько переходящимъ въ фистулу, какъ-будто отъ изнурительной полноты оцущеній въ пустой груди, какъ-будто бы отъ изнеможенія въ-слѣдствіе частой декламации ex-officio. Въ школу онъ приносить съ собою графинъ сахарной воды, которую заливаетъ почти каждую своимъ фразу... И вѣтъ, въ порывѣ моего *тилическаго* вдохновенія, мнѣ кажется что я вижу его на учительскомъ стулѣ, возсѣлающаго съ приличною важностію, слышу его чахоточный голосъ, безпреставно прерывающійся отъ полноты педаггическаго самодовольствія и хлебковъ сахарной воды: «Милостивые государи! я былъ тамъ и тамъ, а вы не были; но это ничего: послѣ того, что я расскажу вамъ о тѣхъ страхахъ—вамъ покажется, что вы сами тамъ были... Нѣмцы вздумали мирить философію съ жизнью—они воображаютъ, что можно эту цвѣтушую жизнь сдѣлать содержаніемъ бездушныхъ логическихъ формулъ... Нѣмцы не любятъ буквы... а я, господѣ, и—признаюсь—люблю букву... Вотъ я было—вздумалъ прочесть эстетику Гегеля, но принужденъ былъ бросить ее подъ столъ: помилуйте, господѣ, вѣдь книги пишутся для удовольствія, а не для ломанія головы...» Литературы педаггъ, конечно, не оставилъ; но его дѣятельность уже

измѣнилась: о Нѣмцахъ и нѣмецкомъ онъуже—ни слова.. Слогъ его сталъ дикъ до послѣней степени. Желая полнать до сѣдмаго неба повѣсти своего пріятеля, онъ говоритъ, что его пріятель вывинулъ все ящики въ многосложномъ бюро чедовѣческаго сердца... Начиная восхищаться роливою, онъ дѣлаетъ вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: что, если бы наша Волга, забравъ съ собою Оку и Каму, да соешившись съ Лавою, Енисеемъ, Обью и Днѣпрочъ, влѣзла на Альпы, то оттуда—у у у у! на все концы Европы; куда бы дѣвались все эти Французишки, Нѣмчура?... Не правда-ли, подобные вопросы приличны только или педаггу, или крестьянскому мальчику, который говоритъ: «а что, тятя, колибъ вашъ чалый меринъ-то сбѣглся бурюю коровою—вѣдь мама молочка еще бы дала мнѣ?»... Вы смѣтаете, читатели? моя выходка вамъ кажется фарсомъ, плоскою шуткою? Смѣйтесь, а я стою на томъ, что педаггъ еще и не то въ состояніи написать. Вѣдь я васъ предупредилъ, что пишу выдумку, игру моею досужей фантазіи, а не списываю рабски съ дѣйствительности: такъ не мышайте же мнѣ выдумывать. И такъ, и увѣренъ, что мой педаггъ слова не скажетъ въ простотѣ—все съ ужимкой: напр., вмѣсто того, чтобъ сказать, что Петербургъ построенъ на ровномъ мѣстѣ онъ скажетъ, что ровная глѣдь подкатилась подъ огромные дома града Петрова... и пр. и пр.

Воротившись изъ-за границы, мой педаггъ перемѣнился и въ другомъ отношеніи: бывало, онъ вздыхалъ въ стѣшновкахъ о дувѣ и дѣвѣ, горевалъ о какой то разрозненности съ нимъ воли; а теперь очень прозаически, но за то выгодно и тепло пристроился и зажилъ филистеромъ. Уже не знаю, отъ этого ли, или отъ долговременнаго пребыванія за границею, только мой педаггъ, воротившись, сдѣлался ужаснымъ витяземъ жолтыхъ перчатокъ и прекраснаго пола: въ каждой статьѣ своей онъ твердилъ по сту разъ, что

онъ даже дома ходитъ въ желтыхъ перчаткахъ; при выходѣ всякой плохой книжки, но лишь бы написанной женскою рукою, онъ, бывало, такъ и кричить: *place aux dames!* Съ особенною ревностію писалъ онъ статьи о балахъ и маскарадахъ; въ этихъ статьяхъ видно было утомленіе отъ тавдевь, ибо за каждою фразою слывалось, по-крайней-мѣрѣ, три точки... Это такъ понравилось педанту, что онъ безъ толчекъ послѣ каждой своей фразы ужъ ничего не могъ писать.

Много прошло времени, многое измѣнилось съ-тѣхъ-поръ, а мой педантъ не долженъ измѣняться: любовь его къ буквѣ должна все больше и больше увеличиваться; ненависть и отвращеніе ко всему живому и разумному — также. Слова «идея» онъ не долженъ слышать безъ ужаса и безъ точекъ... По моему мнѣнію, онъ даже долженъ сдѣлаться лицемѣрнымъ моралистомъ и лавжою, потому-что, всегда думая давать тонъ и направленіе времени, онъ всегда былъ и всегда долженъ быть рабомъ времени и выдавать за новость то, что уже давно сказано другими, болѣе его сметливыми людьми. И такъ, мой педантъ принимаетъ полъ свое критическое покровительство все бездарное и ложно моральное, и на повалъ бранить все, въ чемъ есть жизнь, душа, талантъ... Онъ безпристрастенъ и, зажмуривъ глаза, колотитъ направо и налево, и чужихъ и своихъ, если послѣдніе, будучи ему чужими по таланту, бьютъ своимъ по отношеніямъ... Да, онъ вѣрнъ своему правилу...

Не смотря на то, что мой педантъ долженъ быть отъ природы довольно-добрымъ и честнымъ человѣкомъ, — пять существа болѣе его способного быть злымъ и низкимъ. Дело въ томъ, что онъ не что иное, какъ раздутое самолюбіе: хвалите его маранье, дорожите его критическими отзывами, — онъ добръ, веселъ, любезенъ по-своему, онъ готовъ сдѣлать вамъ все хорошее, что только въ его возможности; но беда ваша, если вы не съумаете,

или не захотите скрыть отъ него, что вы и умнѣе и талантливѣе его, что у него самолюбіе съело небольшую долю ума, вкуса и способности, данныхъ ему природою... О, тогда онъ готовъ на все злое и глупое — берегитесь его!.. Ревензія его тогда превращается въ площадную брань, критика становится похожа на позывъ къ отвѣту за дѣланіе фальшивой монеты... Тогда вы у него — кондотьерн, бавлнтъ... Да, педантъ все проститъ вамъ, кромѣ невыносимой для него обиды — быть умнѣе и талантливѣе его... Но во всякомъ случаѣ, это существо болѣе смѣшное и забавное, чѣмъ опасное: ибо противъ его «позывовъ» есть правосудіе, а противъ тупыхъ зубовъ его есть литературные давности, которые, шутя, выдергиваютъ ихъ...

И не смотря на все это, еще многое бы можно было поразсказать о педантѣ; но не все же вдругъ, надо что-нибудь побережъ и на будущее время. Притомъ же, я еще не знаю, понравится ли вамъ, читатели, и то, что я написалъ. Если же понравится, то ждите отъ меня типъ *литературную циника*: это человѣкъ, который, въ свой живя въ бочкѣ, важилъ себя ломы и деревни; человѣкъ, который, въ свой занимаясь исключительно перекупкою и перепродажею мусора, битой посуды, стараго желѣза и кирпича, успѣлъ увѣрить всѣхъ, что онъ — и ученый и литераторъ; человѣкъ, который, въ свой будучи спекулянтомъ, увѣрилъ всѣхъ что онъ — идеальности, безкорыстія и добросовѣстности; человѣкъ, который самъ ничего не сдѣлалъ, кромѣ неоправданныхъ изданий, дурныхъ переводовъ, а всѣхъ твердитъ съ циническою короткостію: «вадо дѣлать, вадо удовлетворять текущей потребности»; человѣкъ, который, если и издалъ вѣскольکو плохихъ книгъ, то чужими руками сострлпанннхъ, а прославлнлся дѣятельнымъ; человѣкъ, который одолжитъ васъ при нуждѣ бездѣлкою, да заставитъ васъ перевести книгу, выгоду отъ которой честно раздѣлитъ съ вами такъ: вамъ словесно

благодарность, а себѣ деньги... Да, мало ли еще можно написать такихъ типовъ? А газетёры, журналисты, фельетонисты, романисты, ювелилисты, водевиллисты и другіе «исты»?.. Вотъ гдѣ заключаются неисчерпаемыя сокровища для «Шашки»...

Петръ Бульаговъ.

*

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Театральная литература наконецъ надобна намъ до-нельзя! А между-тѣмъ «Театральная Хроника» необходима въ журналѣ, какъ дополненіе къ «Библиографической Хроникѣ». Что тутъ дѣлать? — Мы рѣшились говорить только о пьесахъ, примѣчательныхъ по эффекту, произведенному ими на публику Александринскаго Театра; о другихъ или умалчивать, или говорить коротко, безъ изложенія содержанія. Въ-самомъ-дѣлѣ, легкое дѣло — разсказывать содержаніе того, въ чемъ не только содержанія — смысла не бываетъ!...

Съ чего же начать? — Въ-продолженіи трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ надѣлали много шуму слѣдующія пьесы, о которыхъ мы не говорили, и изъ которыхъ едва-двѣдутъ только послѣднія, а первыя уже умерли:

1) Князь Серебряный, или Отчизна и Любовь, оригинальная драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Н. Филимова.

Эта драма — переделка известной повѣсти Марлинскаго «Назды». Переделывать повѣсть въ драму, или драму въ повѣсть — противно всемъ понатіямъ о законахъ творчества, и есть дѣло посредственности, которая своего выдумать ничего не умѣетъ, и потому хочетъ жить, по неволѣ, чужимъ умомъ, чужимъ трудомъ и чужимъ талантомъ. Когда такого рода черныя вытязи хватаются за хоро-

шую повѣсть — оскорбительно видѣть, какъ они уродуютъ прекрасное произведеніе; когда они берутся за плохую повѣсть — досадно видѣть ихъ тщетныя усилія воскресить забытую вѣщность. Повѣсть Марлинскаго «Назды» въ свое время была хороша и стоила своего успѣха. Хотя герой ея, по своимъ чувствамъ, понатіямъ и поступкамъ, былъ Пѣмецъ съ русскимъ именемъ, хотя въ его русскихъ поговоркахъ высказывался пѣмцкій складъ ума; хотя всѣ событія повѣсти натянуты и неестественны, страсти поставлены на холоду, характеры составлены по рецептамъ: однако бойкій, олушеченный разсказъ и хороший языкъ автора всѣми были приняты за удивительное мастерство воскресать «дѣла давно минувшихъ дней», предавая старину глубокой, живописать страсти и изображать характеры, да еще какіе — глубокіе, сильныя, идеальныя... Но теперь — иное дѣло! Съ-тѣхъ-поръ много утекло воды въ океанъ забвенія, а съ нею и вода повѣстей Марлинскаго... Съ-тѣхъ-поръ причитались, присмотрѣлись и прислушались ко многому новому, и лучше поняли, что такое творчество, народность въ искусствѣ, созданныя характеры, истинныя чувства и естественно-развивающееся дѣйствіе. Теперь читать «Назды» — все равно, что перечитывать страшные романы г-жи Радклифъ, которые въ свое время производили фуроръ во всей просвѣщенной Европѣ. Видѣть же на сценѣ плохую переделку устарѣвшей повѣсти — хуже всего худого, что только можно придумать. Содержаніе «Назды» Марлинскаго такъ всемъ известно, что вѣтъ никакой надобности пересказывать его — особенно по поводу плохой драмы.

2) Максимъ Созонтовичъ Бекрзовскій, оригинальная историческая быль въ двухъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, соч. Г. А. Смирнова.

Первый опытъ въ драмѣ новаго дарованія, успѣшнѣе проявится еще толь-

ко въ двухъ посредственныхъ комедіяхъ — «Сбитая Бороча» и «Сваха Стряпчій»... Березовскій — студентъ Академіи, даровитый композиторъ, хочетъ жениться на Аниотѣ, страстно-влюбленной въ него дѣвушкѣ, дочери его хозяйки. Музыкальное сочиненіе его доставляетъ ему похвалу Академіи и покровительство графа Алексѣя Васильевича (фамиліи скрыта авторомъ), который даетъ ему возможность отправиться въ Италію. Восторги артиста — отчаяніе невѣсты — клятвы въ ненарушимости слова со стороны жениха. Воротившись въ отечество, Березовскій влюбляется въ дочь графа, своего покровителя. За чѣмъ-то и какъ-то, въ домъ графа является Аниота и возбуждаетъ подозрѣніе въ женихѣ графини. баронъ Клокъ, который и застаётъ любящихся въ инжюномъ объясненіи. Графъ съ безчестіемъ выгоняетъ Березовскаго изъ дому. Онъ отравляется и умираетъ съ разными монологами, при вопляхъ Аниоты и ея матери, которая Богъ знаетъ откуда взялась тутъ; прибѣгаетъ графиня Марья Алексѣевна и падаетъ на колѣни передъ трупомъ — зававъсь опускается, публика хлопаетъ въ ладоши и кричитъ «*Каратыина, Дюръ!... Дюръ, Каратыина!*»...

3) Ромео и Юлія. Драма Шекспира, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Переводъ М. Каткова.

Чего не дѣлаютъ у насъ съ бѣлвнымъ Шекспиромъ? Его переиздываютъ и варіируютъ г. Полевой, его переводятъ какіе-то мальчики, его соображаютъ артисты, растагиваютъ плохіе переводчики; его, наконецъ, даютъ на русской сценѣ, вмѣстѣ съ *Серебряными, Березовскими, Гладиаторами, Нарцисами, Уголиками* и прочимъ сценическимъ гламомъ!.. Переводимъ «Ромео и Юлію» еще по-счастливилось: переводъ г. Каткова изъ лучшихъ русскихъ переводовъ драмы Шекспира; но давать его на сценѣ не слѣдовало: для роли Ромео нуженъ былъ артистъ не только пламенный, вдохновенный, но еще и молодой

и прекрасный собою; для роли Юліи нужна такая артистка, какой еще на русской сценѣ не бывало; для прочихъ дѣйствующихъ лицъ также нужны актёры, какихъ у насъ или очень мало, или совсѣмъ нѣтъ. Бѣда Шекспиру: публика при представленіи его пьесъ спитъ, а онъ, вишь, виновать!... Впрочемъ, лучше всѣхъ исполнилъ свою роль г. Максимовъ 1-й, игравшій Меркутію. Переводъ г. Каткова «Ромео и Юлію» напечатанъ въ «Паптеонѣ» 1841 года, следовательно, нѣтъ нужды рассказывать содержаніе этой пьесы, *нечаянно* попавшей на сцену...

4) Маскарадъ при Лудовикѣ XIV. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ французскаго П. С. Федоровымъ.

Содержаніе этой пьесы хорошо известно посѣтителямъ французскихъ спектаклей Михайловскаго Театра; для всѣхъ ярочихъ — это уже старая новизна, да намъ и всегда рассказывать: насъ ждутъ еще: «Отецъ и Дочь», «Римскій Боецъ» и «Елена Глѣбская»... Сверхъ-того, хорошо рассказать содержаніе такой чисто-французской пьесы едва-ли не такъ же трудно, какъ и написать ее: въ ней вся калейдоскопическая живость и граціозна и игривость французской жизни, французскаго юмора, ума, остроумія, драматическаго гевія... И, Боже мой! какъ невыразимо — хорошо идетъ эта пьеса на Михайловскомъ Театрѣ! Какъ хорошо г. Алланъ въ роли герцога Валуа — настоящий герцогъ, не слуга въ герцогскомъ платьѣ!... Какъ хороша г-жа Алланъ въ роли герцогини Валуа — настоящая герцогиня, не горничная въ платьѣ герцогини! А несравненный Верпѣ въ роли Шарло! Какая жизнь, какое движеніе, быстрота, истина въ сценѣ маскарада, гдѣ герцогъ воочувствуется за маскою, не подозревая, что это — жена его! На русской сценѣ, же дуретъ г. Максимовъ 1-й въ роли Шарло; только жалъ, что онъ мало похожъ на Французца...

5) Отецъ и Дочь. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Передѣланная съ итальянскаго П. Г. Ободовскимъ.

Г. Ободовскій, вмѣстѣ съ г. Полевымъ — самые ревностные работники для сцены Александринскаго Театра. Любо-дорого смотреть на плодovitую и не утомимую дѣятельность! Однѣ все переводить и переводить, и притомъ именно все, т. е. всякую вслащину въ чувствительномъ и трогательномъ родѣ; другой... но позвольте, сперва надо поговорить объ одномъ...

Чтобъ быть счастливейшимъ человекомъ въ мірѣ, дѣйствуя на литературномъ поприщѣ, прежде всего должно — не имѣть таланта... да не имѣть таланта, однако же и не быть совершенно бездарнымъ писателемъ а такъ-себѣ — знаете — середка на половинѣ, ни то, ни сѣ: толпа любить посредственность... Потомъ, должно имѣть много дѣятельности, такъ, чтобъ, напр., ставить драму за драмою — словно блины печь: толпа не злопамятна, и требуетъ, чтобъ ей безпреставно напоминали себѣ, чтобъ имъ пришедшаго ей по плечу господина-сочинителя безпреставно рыбилъ въ ея глазахъ... Потомъ... но что слѣдуетъ потомъ, я разскажу вамъ послѣ, когда-нибудь, а теперь мнѣ нужно поскорѣе разсказать вамъ содержаніе «Отца и Дочери», а то, пожалуй, такъ мы и доберемся до «Елены Глинской...»

Агнеса Дюберстоля вышла замужъ за лорда Станлея, противъ воли своего отца; отъ-сега рѣшительный отецъ сошелъ съ ума и пошелъ въ домъ умалишенныхъ. Черезъ пять лѣтъ, лорду Станлею надобно ворковать съ своею вѣжною голубкою; въ душѣ его пробудилось честолюбіе; цѣлый годъ живетъ онъ въ Лондонѣ, хлопочетъ по выборамъ; а жена тоскуетъ въ небольшомъ городкѣ близъ Дублина. Наконецъ, супруги увидѣлись, — и мужъ безъ дальнихъ околичностей предлагаетъ женѣ разводъ: ему надо

жениться на дочери какого-то маркиза, чтобъ открыть себѣ политическую карьеру. Жена въ обморокъ, пользуясь которымъ мужъ хочетъ отправить ее во Францію, подкупивъ капитана корабля. Очувшись, Агнеса несетъ разную высокопарную дичь о проклятіи отца, о сбывшихся надъ нею его мрачныхъ предсказаніяхъ. Слуга Робертъ помогаетъ ей убѣжать съ патилеткою ея дочерью, Кларію. Въ лѣсу встрѣчается она съ отцомъ, который, съ оборванной цѣпью на ногѣ, вырвался изъ дома умалишенныхъ. Слѣдуетъ сцена столкновенія вивонной дочери съ сумасшедшимъ отцомъ, сцена, исполненная самыхъ пошлыхъ и приторныхъ эффектовъ, общихъ мѣсть и пустыхъ восклицаній. Все это кажется толпѣ ужасно-патетическимъ, отчаянно-потрясающимъ: такъ видитъ ребенокъ страшное привидѣніе въ человѣкѣ, который, чтобъ испугать его, надѣлъ свою шубу шерстью вверхъ... И въ самомъ-дѣлѣ, Агнеса такъ испугалась, что повесла неисчерпаемую дичь, исполненную *высокаго слога* и неспавія грамматики:

СЕЙ *горькій видъ* страданій не спасу,
О, Господи! разрушъ меня огнемъ небеснымъ,
Мой *злусмы* прахъ вели ты бурямъ разметать;

Я довела его до страшнаго безумья,
Дни вѣчнаго отца я отравила, я!...

Потомъ Агнеса приходитъ въ модный магазинъ Фанни, дочери своей кормилицы. Фанни даетъ ей убѣжище, черезъ что лишается всѣхъ своихъ покупщицъ — дрянныхъ жевшицъ, которыя такъ и бросаютъ въ Агнесу свои тартюфскія аваемы: Мало того: онѣ хотятъ лишить Фанни жениха, но Генрихъ, сей великодушный женихъ, еще болѣе влюбляется отъ-этого въ свою невесту. Агнеса добивается въ домѣ сумасшедшихъ мѣста сидѣлки при своемъ отцѣ. Наконецъ, его чудеснымъ образомъ испѣляютъ музыкою; за чѣмъ слѣдуютъ объятія, охи, ахи, вздохи... Все это крайне растянута, водляно, приторно;

пошло, вздорно, фразисто; характеръ нѣтъ, дѣйствія никакого. Не мудрено: плоская мелодрама эта передѣлана изъ опернаго либретто... Что въ либретто хорошо, какъ положеніе для музыки, то въ драмѣ, естественно, выходитъ ужасно нелѣзно...

6) Римскій Боецъ (*Гладиаторъ*). Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. А. Сумѣ, передѣланная съ французскаго В. К.

Когда думаешь, говоришь, или пишешь о какихъ бы то ни было драматическихъ пьесахъ, о какомъ бы то ни было театрѣ, — всегда и невольно вспоминаешь нашъ Михайловскій Театръ, его французскую труппу, его русскую публику. Чудный театръ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ — нельзя довольно нахвалиться имъ!... Вотъ, напр., какъ не поставить его въ образецъ всѣмъ театрамъ въ мірѣ за его репертуаръ: на Михайловскомъ Театрѣ даются или веселые, живые, забавные и умные водевилы французскіе, прекрасно-поставляемые, превосходно-выполняемые; или комедіи, въ которыхъ отражается современная жизнь, въ концепціи и выполненіи которыхъ виденъ этотъ общественный тактъ, сценическое умѣнье, простота и истина, свойственныя только французскимъ писателямъ нашего времени, — таковы комедіи *Samaraderie, Un bal masqué, Les premières armes du duc de Richelieu*, и т. п.; или наконецъ такъ-называемую «драму» — эту единственно-истинную трагедію нашего времени, которая находитъ патетическое, потрясающее и высокое въ прозѣ повседневнаго быта, въ дѣйствительности современной жизни, таковы пьесы — *La famille Riquebourg, ou le mariage mal assorti, La Lectrice, Une Faute, Une Chainé* и т. п. Но на немъ не даютъ ни шекспировскихъ трагедій, для которыхъ мала наша французская труппа, и которымъ не соответствуютъ ея первые таланты, ни по-вѣйшихъ издѣлій подѣ громкимъ именемъ трагедій — этихъ жалкихъ и по-

шлыхъ подѣлокъ подѣ шекспировскую и шиллеровскую драму, которые такъ же похожи на свои образцы, какъ трагедіи Корнеля и Расина на трагедіи Эсхила, Софокла и Эврипида... За то, въ Михайловскій Театръ ходитъ наслаждаться изящнымъ искусствомъ, а не звать и хлопать. Если дадутъ водевилъ — вы смѣетесь отъ души; если дадутъ комедію, — вы и смѣяться мыслите и наслаждаетесь; если дадутъ драму, — потрясенная душа ваша надолго освѣжается отъ удумы прозаической вседневности мощными и благородными впечатлѣніями... Если изрѣдка случается вамъ видѣть скучныя пьесы и на Михайловскомъ Театрѣ, — такъ это развѣ такъ-называемую «высокую комедію» XVIII вѣка; но и тутъ васъ вознаграждаетъ превосходная, художественная игра артистовъ. Но если ужъ и звать, такъ конечно лучше отъ плохой комедіи, чѣмъ отъ плохой, или в превосходной, но плохо-выполняемой трагедіи: ибо въ послѣднемъ случаѣ требованія ваши выше и важнѣе...

«Гладиаторъ» есть именно одна изъ тѣхъ трагедій, въ которыхъ авторы становать на дыбы свою фантазію. прищиприваютъ ее насильственнымъ экстазомъ, ищутъ содержанія въ народахъ, вѣкахъ и эпохахъ, извѣстныхъ имъ только по книгамъ, и то весьма мало; одна изъ тѣхъ трагедій, гдѣ что ни чувство, что ни мысль, что ни слово — то и ложь и фальшь; одна изъ тѣхъ трагедій, которыя сильно распялываются на пять актовъ и множество отдѣленій, картинъ, сценъ, выхоутовъ и т. п., для того только, чтобъ сравняться въ объѣмѣ съ драмами Шекспира; наконецъ одна изъ тѣхъ трагедій, которыя пишутся для зрѣвоты и рукопискаваній толпы зѣвующей, а все хлопающей, чтобъ слышать себя же самое и чтобъ деньги недаромъ пропадали... Когда Французъ пишетъ драматическую пьесу, не выходя изъ соціального элемента, твердо держась своего національнаго содержанія истерическаго и сущна-

сти современной жизни, — ему вѣтъ соперниковъ: онъ простъ, истиненъ, ловокъ, живъ, остроуменъ, блестящъ, трогателенъ, глузокъ; но за то, когда онъ залетитъ въ прошедшіе вѣка и къ чужимъ народамъ, когда съ важнымъ видомъ берется создать что-нибудь великое, — не меньше пяти актовой пьесы, — онъ ложенъ, вычуренъ, фразёръ, декламаторъ, эффектёръ, поверхностенъ, пустъ, скученъ... Нѣмецъ тутъ съумѣетъ быть хоть вѣрнѣе исторіи и выказать свою громадную вродичію; слѣдственно, въ его драмѣ хоть что-нибудь можно пайдти, а у Француза — ровво ничего не найдете, вромъ скуки и трескотни надутыхъ фразъ и фейерверочныхъ эффектовъ... Содержаніе «Гладиатора» всего лучше подтвердить нашу мысль.

Мать кесаря Гордіана имѣетъ много тайнъ, которыя не могутъ привести чести такой важной особѣ ея пола; гладиаторъ — наперсникъ и повѣренный этихъ страшныхъ и грязныхъ тайнъ. Когда императрица Фаустина готовилась сдѣлаться матерью, ее кто-то увѣрилъ, что для счастья новорожденнаго нуженъ составъ, слѣзанный изъ свареннаго ребенка; и вотъ Фаустина замучила одну женщину, разрывающуюся въ пытки, преждевременно, дѣвочкою, которую въ ту же минуту вырываетъ изъ рукъ Фаустини вѣтхавшій отецъ новорожденной: это самъ гладиаторъ. Онъ спасся съ дочерью въ Египетъ, но тамъ ее у него украли, и съ-тѣхъ-поръ онъ потерялъ ее изъ виду. Флавіанъ, римскій аристократъ, — послѣдователь эпикурейской школы, страстно любитъ свою вевольницу — Неомедию, и хочѣтъ на ней жениться. Фаустина, видя въ Неомедіи свою соперницу, велитъ гладиатору убить ее; но гладиаторъ, замѣтивъ въ жертвѣ сходство съ своею женою, разжалобился и покаялся отмстить Фаустинѣ за смерть жены. Но вотъ сцена языческаго брака: не смотря на то, что Неомедія — тайнѣ христіянка и ревностная ученица проповѣдника Ориссена; она рѣ-

шается соединиться съ своимъ возлюбленнымъ по языческимъ обрядамъ и передъ лицомъ языческихъ божествъ. Вбѣгаетъ гладиаторъ, — ее вытаскиваютъ; потомъ царь схватилъ Ориссена, повосившаго боговъ Рима, и жрець осуждаетъ его на смерть. Тогда въ порывѣ религіознаго увлеченія, Неомедія объявляетъ, что она — христіянка, и опрокидываетъ алтарь Юпитера. Ее осуждаютъ на смерть въ циркѣ, отъ руки гладиатора. Входитъ гладиаторъ въ циркъ, машетъ словно тросточкой, огромной булавою — Римляне изъ всѣхъ силъ бьютъ въ ладоши, за-видѣвъ такого молодца... Вотъ вводятъ Неомедию; гладиаторъ опять разжалобился — проситъ Римлянъ помиловать красавицу — тѣ кричатъ «смерть!» — дѣлать нечего: «Ну, душенька (говорить гладиаторъ), ставьте на колѣни и нагните головку». — Извольте, суларь. — «Теперь снимите же покрывало съ вашихъ плечъ. — «Ахъ, какъ можно! стыдно-съ, при всѣхъ-съ. — Ничего-съ» — да и сдернулъ покрывало. Глядь: на шеѣ родимый знакъ — божіи! это дочь его — ахъ, охъ, о!!! Родитель мой!... Дочь моя!... Рукоплесканія... Фаустина привуждена спасать Неомедию: отъ нея, по изреченію оракула, зависитъ участь императора, ея сына... Но поздно: вародъ окружилъ темницу и хочѣтъ растерзать Неомедию; гладиаторъ прошилъ стѣну, ворвался, зарвалъ дочь, и — папыщевой гадиматьвъ копецъ!... Характеровъ нѣтъ, естественности — ни наволюсь, смыслу — мало; за то, безсмысленныхъ эффектовъ бездна...

7) Елена Глинская, драматическое представленіе, въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Николая Полеваго.

Быть всемъ во всемъ, и быть во всемъ первымъ — кажется, девизъ литературной дѣятельности г. Полеваго. Слава Кузена заставила его быть философомъ (о существованіи Гегеля г. Полевой узналъ недавно и, слѣдственно, поздно, когда ужъ не въ состояніи былъ соперничать съ нимъ); слава Гизо и

Тьерри заставила его написать шесть томов «Исторія Русскаго Народа» въ XVIII томахъ; опыты Баранта рассказывать исторію простодушнымъ языкомъ лѣтописей заставили г. Полеваго написать «Клятву при Гробѣ Господнемъ»; слава Шлегелей, барона Экштейна и статьи французскаго журнала «Globe» сдѣлали г. Полеваго критикомъ и возбудили въ немъ любовь и удивленіе къ Шекспиру, превратившіяся теперь въ соревнованіе; слава Свѣ заставила г. Полеваго сдѣлаться политико-экономомъ и произвести въ Московской Коммерческой Академіи превосходную рѣчь «О вевещественномъ капиталѣ»; ну, словомъ статистика, политическая экономія, исторія, философія, критика, филологія, грамматика, этика, журналистика, лирическая поэзія, повесть, романъ, — все это поприще одного г. Полеваго, одного, безъ соперниковъ, безъ помощниковъ... Вольтеръ и Гёте нашего времени, г. Полевой принялся наконецъ за драматическую поэзію. Мелкія пьесы ему ни по чемъ: онъ пишетъ не считая, печатаетъ, не гордится, ставитъ на сцену, не гоняся за рукоплесканіями, хотя, — изъ вѣжливости, — и выходитъ на вызовы публики Александринскаго Театра. . . Что ему маленькія пьесы! Онъ такъ же не могутъ ничего ни убавить, ни прибавить къ его славы, какъ и листки калуэра или мяты не могутъ украсить собой лавроваго вѣнца... Но и не въ патристическихъ пьесахъ представляетъ г. Полевой свою заслугу: онъ хочетъ состязаться съ Шекспиромъ, и если не побѣдитъ его, то не уступитъ ему — знай-де нашили!.. Для этого, онъ сперва *поправилъ*, т. е. переделалъ «Гамлета», и безъ всякаго разсчета и умысла, совершенно-безсознательно достигъ прекрасной цѣли: представивъ это вѣковое, колоссальное произведеніе въ мнѣлиторныхъ размѣрахъ, онъ такъ самымъ приблизилъ его къ смѣлу толпы, и, при помощи дарованія актеровъ, сдѣлалъ изъ Руси *народнымъ* это слабое подобіе шекспировскаго созда-

нія, отразившаго въ себѣ свой оригиналъ, какъ капля воды отражаетъ въ себѣ солнце. Вызовъ послѣ перваго представленія и вообще чрезвычайный успѣхъ передѣлки «Гамлета» открыли г. Полевому тайну его признанія и его гевія — онъ сдѣлалъ да и написалъ — пародію на «Ромео и Юлію», которую назвалъ «Уголио». Намъ скажутъ, что въ содержаніи «Уголіо» нѣтъ ничего общаго съ драмою Шекспира: да, во вѣнѣшемъ содержаніи, т. е. въ «сюжетѣ» тощ мало общаго, но мысль, но паесть пьесы рождены рѣшительно драмою Шекспира. Въ наше время никто не будетъ такъ простъ, чтобъ подражанію формѣ извѣстнаго произведенія; тѣмъ менѣе можно ожидать подобныхъ подражаній отъ того, кто первый въ Руси возсталъ противъ пошлой подражательности псевдо-классическихъ временъ. Вся постройка «Уголіо» лежитъ на любви Ниво къ Вероникѣ, и всѣ сцены любви того и другаго суть не что иное, какъ самая жалкая пародія на сцены любви въ «Ромео и Юлію». Что у Шекспира глубоко и мощно, блудитъ въ то же время и граціозно, — то у нашего самороднаго драматурга слабо, мелко, приторно, фразист, сладенько, примично... Ниво и Вероника — это аркадскіе пастушки, взятые изъ идиллій г-жи Деульеръ; это раздумленные герои «Лоріановскихъ и геснеровскихъ» поэмъ. Но г. Полевому показалось, что послѣ «Уголіо» ему остается только не останавливаться и продолжать идти. Слѣдствіемъ того убѣжденія была новая пародія на Шекспира — «Елена Глисска». Въ «Уголіо» онъ пародировалъ «Ромео и Юлію»: въ «Еленѣ Глисской» онъ пародируетъ — легко сказать! — «Макбета». Взглянемъ на содержаніи этой новой пародіи.

Теперь ввелось въ мелу каждому глѣствію драмы давать особое какое-нибудь эффектное и заманчивое названіе: этого требуетъ, вѣроятно, искусство сочиненія эфешишь, отъ котораго чистъ зависитъ успѣхъ драмы. Г. Поле-

зой — пламенный поборникъ этого прекраснаго нововведенія, бодро составляетъ въ немъ съ прочими корифеями современной драматической литературы — гг. Оболенскимъ, Марковымъ, Бахтуринимъ и прочими. Подобная поддержка умнаго нововведенія тѣмъ умилительнѣе со стороны г. Полевскаго, что онъ давно уже не любитъ никакихъ нововведеній, даже въ орфографіи, и преслѣдуетъ ихъ всею важностію своего, — впрочемъ, уже нѣсколько запоздалаго, — авторитета. И потому, *первое* дѣйствіе его новой драмы называется «Боярскій Советъ», *второе* — «Графовитая Палата», *третье* — «Литовскій лѣсъ», *четвертое* — «Кремлевскій Теремъ», *пятое* — втроято, для большаго эффекта, какой всегда производить таинственность, никакъ не названо. Вся пьеса титулуется «драматическимъ представленіемъ», втроято, для доказательства ея близкаго родства съ созданіями Шекспира. И такъ, первое дѣйствіе — «Боярскій Советъ». Дѣйствіе происходитъ въ залъ кремлевскихъ теремовъ, но совѣта мы не видимъ: сперва являются дьякъ и окольныйчій, и первый сообщаетъ второму, что бояре — шумятъ. За тѣмъ слѣдуетъ длинная, скучная и ничего въ себѣ не заключающая сцена между двумя этими безличными лицами. Но вотъ явленіе второе: оно поживѣе. Бояре являются на-лицъ и «шумать», ругая Оболенскаго, заклинавъ не уступать ему. Хитрый интриганъ Василій Шуйскій подтруниваетъ надъ ними себѣ подъ носъ. Является Оболенскій, и велитъ имъ идти по домамъ, такъ какъ-де княгиня уже распустила советъ. — Пойдемъ! — А почему? — И пошла потѣха! Главная причина спора — осужденіе на смерть князя Андрея, втораго сына Іоанна III, произнесенное княгиней Еленою, матерью Грознаго. Это споръ и брани дошло-было и до рѣзни; но вотъ является новый герой — лично, славившійся необходимою принадлежностію всякаго русскаго романа и

русской драмы — шутъ, Пахомко. Его шутки образумливаютъ бояръ — они становятся тише, и уже только ржать другъ на друга, но не кусаются. Входитъ Елена: В. Шуйскій уже успѣлъ ей «донести». Она велитъ боярамъ просить прощенія у Оболенскаго, но тѣ рѣшительно отказываются, а Оболенскій говоритъ, что презираетъ равно и ихъ вражду и ихъ дружбу. Иванъ Бѣльскій умоляетъ княгиню отменить приговоръ князю Андрею, а Пахомко трунить надъ В. Шуйскимъ, поетъ, домагается — приятная смѣсь высокаго съ комическимъ!.. Наконецъ, Елена остается на сценѣ только съ Оболенскимъ, Пахомкою и Запольскою (наперевидею). Она говоритъ Оболенскому, что смирить буйство бояръ, осмѣливающихся не уважать его, опору престола и защитника царства. Оболенскій проситъ ее дать ему слушать на полѣ брани доказатъ ей, что онъ готовъ вѣсти ей жизнь на жертву.

Елена (къ жаромъ).

Итъ, жизнь твоя нѣтъ дорога — щади ее!

Оболенскій (изумался).

Княгиня!

(Безволею).

Я иду готовить войско

На встрѣчу польскаго посла в Шихъ-Алѣ.

Чудная сцена! какъ ловко умѣлъ нашъ драматургъ приподнять для зрителей и читателей край завѣсы, скрывающей его драму, и одвою фразою обнаружить любовь Елены къ Оболенскому!... Правда, это при Запольской и Пахомкѣ; но вѣдь сильныя чувства не замѣчаютъ свидѣтелей, а къ-тому же. Запольская — наперевидею Елену, Пахомко — шутъ, дуракъ — не пойметъ: такъ чего же ей было и церемониться?...

Во второмъ актѣ, Марія доуствуетъ печально объ отсутствіи голубца ея — Оболенскаго, и жалуется на его охлажденіе. Входитъ Пахомко. Онъ, вѣрно, знакомъ; по-правдѣй-мать. Пахомко называетъ себя *слугою* Маріи. Онъ проситъ ее спасти отъ смерти «важнаго человека». — Да какъ же

это? — Попробуй мужа. — А кто мой муж? — Будто ты не знаешь? — Из этого узнаем мы, что Оболенский женат на Марии *многознитно*, — что было очень в духъ того времени. Она даже не знаетъ, кто ея родители. Слышенъ стукъ — Паломко уходитъ, Оболенский входитъ — слѣдуетъ важная сцена, гдѣ Марія говоритъ, что она «состарилась сердцемъ». Онъ проситъ у ней чару романа, чтобъ развеселиться. Марія говоритъ про себя: «Не поцѣлуй Марію, а чара романа развеселитъ его!..» Какъ все это в духъ того времени! Конечно, теперь вѣдь не пьютъ романа!... Оболенский одинъ; въ длинной монологахъ, онъ калветъ Марію, рассказываетъ, что «матернюю судьбу свою и огненные страсти соединилъ съ ея невиннымъ сердцемъ» — «горе (продолжаетъ онъ), когда не *чисталъ любовь, святалъ сердца связала, а корысть*» (именно языкъ того времени!..). Далѣе, онъ вспоминаетъ время, когда думалъ только о мечѣ, смѣясь надъ боярскими смутами... «Будто огненные змѣи, теперь они облачили меня» заключаетъ онъ. Какое выразительное слово «облачили»! Однако, оно приводитъ меня въ неполное раздумье: если авторъ надвѣялся затѣе придать этому слову польское значеніе, то оно неимѣетъ тутъ никакого смысла; если же понимать въ настоящемъ, а не *переносномъ*, значеніи, то надо придать змѣямъ лапы, которыхъ эти пресмыкающіяся такъ же лишены, какъ медведи жала. А все-таки же хорошо это «облачить» — и смѣло, и живописно, и ново!...

Слѣдствіемъ просьбы Маріи было то, что Оболенский догадался о ея тайныхъ сношеніяхъ съ кѣмъ-то, разсвѣдствль, какъ огненный змѣй съ лапами, и хотѣлъ «облачить» — старую няню Марію, но разуудилъ отложить это интересное дѣло до другаго болѣе удобнаго времени, и ушелъ. Дѣйствіе переносится опять въ кремлевскія палаты. Елена принимаетъ посла крымскаго хана, который говоритъ

завоевичю; Оболенскій ему не уступаетъ, — война объявлена. За тѣмъ представляется Шихъ-Алей. Далѣе польскій посолъ требуетъ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ выдачи Глинскихъ, родственниковъ Елены; надвѣсь на Оболенскаго. Елена и польскому послу объявляетъ войну.

Въ литовскомъ лѣсу совершаетъ свои чары колдунъ съ вайделотами. Онъ осыпаетъ чертой и толкаетъ о Гедимнахъ и Ольгердахъ. Является Симеонъ Бѣльскій. Онъ передался на сторону Литовцевъ и въ битвѣ съ Оболенскимъ смертельно раненъ. Колдунъ осердился, и пуще прежняго сталъ звать чертой:

Совершайся ада месть!
Зло, раздръ, погубель, брани,
Ухищраье, ищенье, лести,
Съ адскимъ пламеникомъ въ длани
На могучаго вождя
Поспѣшите, поспѣшите!
Какъ туманомъ ослапите
Очи свѣтлыя его!
Будто хитрою змѣю,
Въ сердце, въ умъ его вползите,
Въ ядъ тлетворный обратите
Свѣтъ ума и солныа свѣтъ...
Мщениа, алобъ жары вѣтъ!

Испугавшись самъ какофонія и безсмыслицы этихъ стиховъ, колдунъ проваливается подъ полъ при ударѣ грома. Бѣгутъ Поляки, преслѣдуемые Русскими. Оболенскій вступаетъ, отъ нечего-дѣлать, въ разговоръ съ умирающимъ Бѣльскимъ, который отъ-того только и не торопится умереть, что ему нужно побраниться съ Оболенскимъ. Застимъ онъ умираетъ. Оболенскій, опершись на мечъ, читаетъ надъ тѣломъ Бѣльскаго длинную рацию. Приходитъ колдунъ и вызываетъ открытъ ему будущее, становится его въ кругъ и не велитъ призывать имени Божьяго. Оболенскій труситъ. Гремить громъ. Черты поютъ хоромъ слѣдующую галлматію:

Свѣте громъ
Рашетомъ!
Жарьте змѣй
Для людей!
Поспѣшите, поспѣшите,
Духи тьмы!

Оболенскій со страстей не замѣчаетъ, что черти его надуваютъ, и что въ нихъ пѣсни нѣтъ смысла. Является котѣль съ *тяжущимися* (о чемъ тяжба — не сказано) привидѣніями. Черти опять затаили стихотворную дичь:

Гей, гей, гей, гей!
На пагубу людей
Мы собрались
Мы привеселись!
Кипитъ котель очарованій
И гибнетъ человека умъ
Въ огни волшебныхъ обаяній
И тяжкихъ и преступныхъ думъ.

Является женщина подъ покрываломъ, съ вѣщомъ въ одной рукѣ, съ кинжаломъ въ другой. — Кто ты, привидѣніе? — спрашиваетъ Оболенскій. — Я Елена. — А вѣнецъ чей? — Мономаховъ. — А кому его? — Тебѣ. — А сынъ Елены? — Привидѣніе грозитъ кинжаломъ... Оболенскій ругаетъ привидѣніе, выбѣгаетъ за черту, — и все исчезаетъ. Странно, читатели, не правда ли? Но не пугайтесь — вѣдь это только пародія, и притомъ очень не ловкая, на сцену вѣдь въ «Макбетъ»... Можеть быть, это насмѣшка надъ Шекспиромъ, допустившимъ участие нечистой силы въ драму, полную во всемъ остальномъ истины и дѣйствительности?.. Но, г. Полевой, вѣдь «Макбетъ» историческая драма, у ней нѣтъ ничего общаго съ драматическими трюнками Шекспира; следовательно, Шекспиръ имѣлъ полное право на страшно-поэтическое олицетвореніе страстей Макбета въ образъ вѣдьмъ, существованію которыхъ въ его время еще вѣрили; а ваше «драматическое представленіе» — вѣдь историческая эпоха, изображаемая имъ.. относится не къ многочисленному періоду русской исторіи, а къ самому историческому?..

Выбывая изъ круга, въ которомъ его морочили драмными, бессмысленными виршами и вошлыми фокус-пусами, Оболенскій зацѣпляется за трупъ Бѣльскаго: многознаменательная случайность!.. Громко грозитъ онъ съездъ колдуна, а тихонько спрашиваетъ его: «Мой ли будетъ вѣщецъ, и не

погибну ли я?» Колдунъ отвѣчаетъ плохими стихами:

Нѣтъ, долготѣнь, славень,
Ты будешь, во страшись: настанетъ часъ
твой.

Когда двѣ свидѣтся сестры
Во иркъ, ередь ночной норы,
При свѣтѣ мѣсяца *мадага!*
Кольца страшися *золота!*,
И зелья берегися *михота!*

(Насильливо.)

Привѣтствую тебя, великій князь московскій!

За тѣмъ громъ; колдунъ опять проваливается подъ полъ; слышны трубы; бѣгутъ воеводы; одинъ кричитъ: «здравствуй, *таня Гланица!*» — нѣтъ, извините: «намѣстникъ смоленскій!» — Другой кричитъ: «здравствуй, *таня Кавдора!*» — опять нѣтъ: «намѣстникъ казанскій!» — сейчасъ-де прискакалъ гонецъ отъ Елены! Какова пародія, читатели? — Право, что передъ нею Эпсилда, вывороченная наизнанку!..

Скучно разсказывать содержаніе того, въ чемъ нѣтъ никакого содержанія, въ чемъ есть только — слова, слова, слова какъ говоритъ Гамлетъ; скучно развивать дѣйствіе драмы, въ которой нѣтъ никакого дѣйствія, есть только разговоры, — и потому сократимъ остальные два акта въ нѣсколько строкъ и скажемъ, во-первыхъ, что самое смѣшное, плоско-эффективное мѣсто въ IV актѣ есть сцена Пахомки съ Труниллою, изъ-подъ надзора котораго шутъ уводятъ Марію, а въ V актѣ явленіе тѣни предка Глинскихъ въ длинномъ саванѣ; далѣе то, что Марія сходится въ келью съ сестрою своею, Соломовіею, разведенною супругою Василия Іоанновича; что Елена даетъ кольцо Оболенскому; что В. Шуйскій, неся ядъ Елены, хвалитъ Оболенскому, съ злобною улыбкою, доброе, заморское вино, исцѣляющее отъ всѣхъ недуговъ, а Оболенскій, какъ дуракъ, ничего не видитъ, ничего не понимаетъ, обвиняется и воркуетъ съ Маріею... Мелодрама заключается прилично, съюною сценою:

В. Шуйскій.

Вонны! Возьмите Оболенскаго!

МАРІА (схватившая его)

Нѣтъ! я не отдамъ его—онъ мой!

(падаетъ въ его объятія.)

Оволенскій.

Прочь, презрѣнные услужники! благоговѣйте передъ судьбою, постигнувшаго преступное величіе—благоговѣйте передъ вѣчной правдивости! (становится передъ Марію на колѣни.)

МАРІА.

Мой милый! есть за гробомъ жизнь!

(умираетъ)

Оволенскій.

Жизнь за гробомъ! Да, я знаю, вѣрю, что есть она, и страшусь помыслить о ней! — Я вижу, кровавые, вижу жребій мой въ злыхъ взорахъ вашихъ! — Невѣстия жребій! куда ты довела меня? Какъ очистить преступленіе мое... Она будетъ за меня молиться!

О, реторика! о, наборъ словъ, взятыхъ и сведенныхъ на улачу изъ словаря! О, герой безъ образа и лица, безъ характера и силы, безъ величія и смысла! О, драма, въ которой все говорить — говорить много, длинно, водяно, сентиментально, растлито, вяло, плохую рубленую прозу, и никто ничего не дѣлаетъ! О, драма, въ которой нѣтъ ни характера, ни дѣйствія, ни народности, ни стиховъ, ни языка, ни правдоподобія; но въ которой много русскихъ словъ, ошибокъ противъ грамматики и языка, въ которой бездна скуки, скуки, скуки!... О, жалкая и оскорбляющая чувство пародія на великое созданіе великаго гения!...

Помните ли вы, читатели, какой грозный разборъ написалъ, въсегда, издатель «Московскаго Телеграфа» на мелодраму князя Шаховскаго «Двумужница»? Этотъ разборъ г. Полевой перепечаталъ потомъ, слово-въ-слово, въ своихъ «Очеркахъ русской литературы», взланныхъ имъ въ Петербургъ, въ 1839 году... Если вы сохвѣтъ не знаете этой статьи, или забыли ее,—мы напомнимъ вамъ кое-что изъ нея. Статья эта написана въ формѣ разговора, будто-бы подслушаннаго г. Полевымъ въ кассѣной Петровскаго Театра: одинъ изъ разго-

варивающихся, молодой человекъ, защищаетъ «Двумужницу», другой, старикъ, нападаетъ на нее.

Молодой человекъ. Если вамъ мало нравилась, которая напечатана въ «Сѣверной Пчелѣ», такъ довольно ли будетъ того, что въ Петербургъ зрители рыдали. не просто плакали отъ нея; дамы были въ истерикъ и обморокахъ; мужнины кричали, что у нихъ *русскій духъ въ очью предается*; что это свѣтлая звезда народности литературной, національности драматической, пьеса лебедя поэтическаго. А вы согласитесь, что Петербургъ всегда перецеголяетъ Москву вкусомъ.

Старикъ. Едва ли въ драматическомъ искусствѣ. Гдѣ допылъ Филатна шлещетъ въ митавскомъ маскаралѣ, гдѣ допылъ уродливыми бешенными пьесами безобразить сцену, тамъ едва ли можно положиться на вкусъ публики. Вы извѣданы «Двумужницу» здѣсь?

М. Ч. Нѣтъ, не видѣлъ. Но это чудо, это предельно...

Ст. А судя по прежнему—

М. Ч. Что же: по прежнему?

Ст. То, что князь А. А. Шаховской дѣлать испыталъ всѣ роды драматическаго сочиненія: писалъ трагедіи, комедіи, оперы, водевилы, мелодрамы, въ стихахъ и прозѣ; бралъ предметы изъ библіи—авсонитѣ «Девбору»—изъ исторіи, изъ сказокъ; передѣлывалъ въ драму романы В. Скотта, М. П. Загоскина, поэмы Пушкина, обещалъ весь міръ, ища предметовъ для драмы, былъ и въ древней Греціи, и въ новой Франціи—такое безпокойство показывать, безъ сомнѣнія, или многообразіе великаго гения, или рѣшительную неудачу, которая встрѣчаетъ писателя на всѣхъ тропинкахъ Парнаса, такъ-что ему не остается ничего дѣлать, какъ...

М. Ч. Ну что жъ—докончите.

Ст. Какъ перестать писать, или сознаться, подобно Репетилову:

И я въ чины бы лѣзь, да неудачи встрѣтилъ! ()

Не знаю, какъ вамъ, читатели, а мнѣ такъ кажется, что все это можно приписать къ г. Полевому, по поводу его «Елены Глинской»... Да, въ статьѣ о «Двумужницѣ» я вижу горькую насмѣшку судьбы, надвѣвающейся надъ человѣческой личностію... Статья эта была рѣзка, но справед-

() См. «Очерки Русской Литературы» Ч. I, стр. 417 и 418.

дѣла и основательна; а между-тѣмъ, все-таки «Двумужница» князя Шаховскаго въ тысячу разъ лучше и «Елены», и всѣхъ патріотическихъ, и народныхъ, и чужестранныхъ драматическихъ представлений г. Полеваго.... Отъ-чего же г. Полевой попалъ съ такою энергіею и такимъ жаромъ на пьесу князя Шаховскаго?... Отъ-того, читатели, что въ жизни человека есть періодъ, когда всякое посредственное или фальшивое явленіе въ сферѣ искусства кажется святотатственнымъ оскорбленіемъ священнѣйшихъ вѣровацій души... Мы потому же самому попали и на «Елену Глявскую»...

Не дивитесь, что г. Полевой въ-тогда такъ хорошо понималъ достоинство драматическихъ произведеній, на поприщѣ которыхъ теперь самъ подвизается съ такимъ усердіемъ и талантъ успѣхомъ: *тогда* и *теперь* — между этими словами — увы! — много разницы... Мало ли, что было тогда, и мало ли, что теперь?... Въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 года, мы находимъ слѣдующія, достойныя замчанія строки: «Тотъ оскорбитъ меня, кто подумаетъ, что я хоть *что-нибудь общаго* имѣю съ издателями «Сѣверной Пчелы» (Т. XIII, стр. 267). А *теперь*...

8) Все кончилось благополучно! *водевилъ въ одномъ дѣйстви*, съ французскаго.

Передѣляя на русскіе нравы французскаго водевиля «La mère et l'enfant se portent bien», который на французской сценѣ забавляя и мила, но содержаніе котораго не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ русскимъ нравамъ.

9) Ужасы въ шестомъ этажѣ, или у страха глаза велики, *водевилъ въ одномъ дѣйстви*, переводъ съ французскаго.

Фарсъ, который непременно долженъ быть разыгранъ французскими артистами, чтобы не быть грубо-пошлымъ.

10) Сваха-стрипчій, оригинальная комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Смирнова.

Г. Смирновъ есть авторъ «Сбитой Бороды»: этого достаточно, чтобы отгадать достоинство «Свахи-Стрипчяго».

11) Военные Граждане, или Русскіе въ гостяхъ, *анекдотическій водевилъ въ одномъ дѣйстви*, соч. Г. П. П.

Анекдотическій вздоръ, о которомъ не стоить говорить, но который можно посмотреть на сценѣ—ради игры г. Мартынова.

12) Мужъ, Жена и Знатный Другъ, *комедія-водевилъ въ одномъ дѣйстви*, *взятая съ французскаго* П. И. Григорьевымъ.

Комедія въ подлинникъ принадлежитъ Скрибу: это обстоятельство достаточно ручается за ея достоинство. Что же до передѣлки этой комедіи на русскіе нравы — искусство г. Григорьева изображать людей порядочнаго общества и «знатныхъ друзей» подвержено большому сомнѣнію.

13) Левъ Гурычъ Уляева Осипова Синичкины, или онъ у ней первый, а она у него вторая. *Комедія-водевилъ въ 5 картинахъ*. *Передѣлка съ французскаго*.

Одно и то же надоедаетъ: пора бы перестать и Синичкинымъ торчать въ афеншахъ, особенно такимъ, которые поцали намъ поводъ вспомнить о нихъ. Пошутить хорошо разъ, и отъ себя; продолжать же чужую шутку—скупно и пошло.

14) Симонъ - Сиротинка, или дальше моря, меньше горя. *Водавилъ въ одномъ дѣйстви*, переводъ съ французскаго Соловьева.

Мы ничего не скажемъ объ этой пьесѣ, кромѣ того, что *дальше эдобра-меньше скуки*.

15) Павелъ Павловичъ съ Стругою. *Комедія въ одномъ дѣйстви*.

стѣи, сокращенная изъ старинной комедіи П. Каратыгичевымъ.

Въ этой «сокращенной» повеліи представлены случаи, совершенно невозможные въ русскомъ быту; а дѣйствующія лица въ ней — русскія, и дѣйствіе въ Петербургѣ.

16) Еще Пугачева, или Такъ вотъ что. *Вадески въ одномъ дѣйствіи, переданный изъ старинной комедіи.*

Новое доказательство, что одна и та же шутка не должна повторяться двухъ разъ, подъ опасеніемъ сдѣлаться плоскою и скучною.

✱

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Мы говорили уже о намѣреніи г. Превѣ, комиссіонера Общества Поощренія Художниковъ — издать *литографическую коллекцію картинъ, изображающихъ знаменитыя событія изъ русской исторіи*. Первую тетрадь этой «коллекціи» будутъ составлять четыре картины, которыхъ сюжеты взяты изъ жизни Петра-Великаго: 1) Усмиреніе раскольниковъ, 2) Водруженіе креста на общей могилѣ падшихъ подъ Полтавою русскихъ воиновъ, 3) Происшествіе при Прутѣ, и 4) Событіе на Лахтѣ (*). Въ концѣ прошлаго года, издана первая картина, или первый литографированный эстампъ: читатели наши уже знаютъ о немъ; теперь вышелъ другой эстампъ, изображающій «Событіе на Лахтѣ», — событіе, ускорившее кончину Петра-Великаго: извѣстно, что за нѣсколько времени до своей смерти, Петръ, уже чувствовавшій себя нездоровымъ, похалъ осматривать работы въ Сестербекѣ, и, оставившись около деревни Лахты, увидѣлъ судно, шедшее изъ Кронштадта съ пассажирами и брошенное бурей

(*) Цена всей тетради 20 р. сер., съ пер. 21 р. сер.

на мель; онъ послалъ помощь погибавшимъ, замѣтивъ, что посланные дѣйствуютъ медленно, бросился въ море и спасъ большую часть пассажировъ, самъ простоявъ долгое время въ водѣ. Когда онъ возвратился въ Петербургъ, Екатерина испугалась, замѣтивъ, какіе успѣхи сдѣлала бодьзнь въ ея державномъ судругѣ. Дѣйствительно, Петръ съ этого времени впалъ въ жестокой недугъ, который и сдѣлался предсмертнымъ: 28 января 1725 года, онъ скончался. Въ этомъ эстампѣ, о которомъ говоримъ мы, изображено самое событіе на Лахтѣ — спасеніе погибавшихъ пассажировъ. Фигура Петра величественна и прекрасна; лицо отличается близкимъ сходствомъ; группы матросовъ, пассажировъ и людей, посланныхъ для спасенія ихъ, разнообразны и расположены весьма искусно. Чистота, мягкость, вѣрность и отчетливость оттиска ставятъ эту литографію паравиъ съ лучшими иностранницами; самое же сочиненіе картины дѣлаетъ честь молодому художнику, г. Чорикову. На камнѣ рисоваль ее г. Разумихинъ, извѣстный по сдѣланной имъ литографированной копіи съ «Послѣдняго дня Помпеи»; печатана она въ лучшей петербургской литографіи — у г. Поля. Вышина эстампа — 1 аршинъ, ширина — 1 аршинъ и 5¹/₂ вершковъ. Остальные два эстампа первой тетради, представляющіе событіе при Прутѣ и водруженіе креста на полтавской могилѣ, выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. Желаемъ полного успѣха этому прекрасному предпріятію и обращаемъ на него вниманіе просвѣщенной публики.

—Художники, гг. Соколовъ и Клюквинъ, сдѣлали, въ прошломъ мѣсяцѣ, весьма-пріятный подарокъ вѣнзъ тучинмъ память великаго поэта русской земли—Пушкина. Г. Соколовъ снялъ съ натуры, а г. Клюквинъ зарисовалъ на камнѣ *Могила Пушкина при монастырѣ Сятогорскѣ* (*). На картинѣ

(*) Цена 1 р. сер.

къ съ правой стороны изображена часть монастырской церкви — алтарь; противъ него возвышается насыпь съ простымъ чернымъ крестомъ, на которомъ бѣлыми литерами написано: *Пушкина* — самая краснорѣчивая надпись! Сколько думъ, сколько горькихъ думъ родится въ душѣ вашей при взглядѣ на эту картинку, на эту историческую могилу, такъ рано скрывающую отъ мира великаго представителя нашей національной поэзии...

— Въ занимающіея русское исторію и любяще ея для ней — самой, безъ отношенія къ лицамъ, трудившимся на пользу ея и правящимся нѣтъ, или не правящимся, — сохранить на долгу благодарную память о трудахъ покойнаго *Ю. И. Венелина*, умершаго въ 1839 году. Его «Древніе и нынѣшніе Болгаре», «Сиадинаваніа и ея вождивіа», «О пѣсняхъ западныхъ Славянъ», и проч., и проч. проложили новый путь къ изслѣзованію исторіи племенъ славянскихъ, и только близорукое невѣжество, или рзсчетливое шарлатанство можетъ называть эти почтенные труды бреднями, глупостью, или другими столь же важными именами. Болгаре, живущіе въ Ожесѣ, отбѣили труды Венелина съ другой стороны: они говорятъ, что онъ сочиненіями своими обратилъ вниманіе на угнетенныхъ потомковъ Древней Болгаріи, возбудилъ къ новой жизни Болгарь, и чрезъ то сдѣлаю, можетъ быть, виновникомъ ихъ возрожденія». Въ слѣдствіе этого, они заказали ему въ Италіи памятникъ, теперь уже привезенный въ Одесу. Памятникъ состоитъ изъ большой мраморной колонны, украшенной урюко съ крестомъ, а на pedestalъ слѣдующая надпись золотыми буквами:

На первой сторонѣ:

«ЮРЦЮ ИВАНОВИЧУ ВЕНЕЛИНУ
«Одесскіе Болгаре.
«1841».

На другой:

«Родился 1802, скончался 1839 года.»

На третьей:

«Напомялъ о быту о званіи, но и въ когда славномъ, могущественномъ племени Болгарь, и пламенно желалъ видѣть его возрожденіе.»

На четвертой:

«Божѣ Всемогущій! услыши молитву раба твоего!»

Кака-свѣро устаноятся дѣрѣя, — памятникъ будетъ отправленъ въ Москву, на могилу уловаго, въ Давидовомъ Монастырѣ.

— Шауя понесла значительную потерю въ лицѣ сѣра Аленораира Бориса (Вагнеръ); которому Европа обязана множествомъ вѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній о Восточной Индіи. Онъ убитъ въ Кабуль 2-го ноября прошлаго года со многими Англичанами при бывшемъ тамъ возмущеніи.

— Станиславъ Жюльенъ перевелъ недавно съ китайскаго на французскій языкъ древнее знаменитое твореніе Тау-те-кингъ, сочиненіе китайскаго философа Лао-Тсеу, который жилъ въ 6-мъ столѣтіи до Рождества Христова, и почитается до сихъ поръ у ученыхъ Китайцевъ чѣмъ-то въ родѣ Платона. Книга напечатана поволама съ китайскимъ текстомъ и съ приличными комментаріями. Древнее ученіе Тао, которое возобновилъ и распространилъ философъ Лао-Тсеу, имѣетъ въ Китаѣ болѣе 100 милліонъ приверженцевъ и послѣдователей, хотя оно и противоположно нѣшупіеау, которое составляетъ основу китайской религіи. Означенная книга напечатана въ индѣевнѣ французскаго правительства, по дѣйствію китайскимъ шриотомъ, который Жюльенъ получалъ за шесть лѣтъ предъ симъ отъ французскихъ миссіонеровъ, живущихъ около Китая. Этотъ китайскій шриотъ поступилъ нынѣ въ собственность Парижской королевской типографіи. Для этого заведенія привезены также недавно изъ Макао нѣсколько крупныхъ и мелкихъ китайскихъ шриотовъ, единазначилъ съ большимъ искусствомъ

— Въ Антверпенѣ, любитель живописныхъ картинъ, гдѣто Лемонсье, обдадетъ рѣзкимъ сокровищемъ: превосходною картиною Рубенса, представляющею бой амазонокъ, которая считалась въ Европѣ давно потерянною. Съ этой знаменитой картины давно хранился въ мюнхенской библиотекѣ одинъ только эскизъ.

— Въ Парижѣ основано недавно общество для поощренія художествъ и сбыта картинъ, произведеній ваянiя и пр. выгоднымъ для художниковъ образомъ. Въ главѣ этого общества находятса самъ король и все его семейство. Общество считаетъ своими членами множество покровителей художествъ, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ Францiи.—Каждый членъ этого «Société d'encouragement des arts vivans» вноситъ ежегодно въ общую кассу 25 франковъ и получаетъ за это пожертвованiе, кромѣ прекрасной гравюры, билетъ на лоттерей, въ которой между каждыми 15 номерами одинъ непременно выигрышный (пзвою отъ 25 до 5000 франк.). Въ этой лоттерей можно выиграть знаменитыя серебряныя издвiя Бенвенуто Челлини, статуи Пралля, Дарю, Дантана, Гестера и др.—Главный выигрышъ: богатая серебряная вызолоченая ваза, съ золотыми украшенiями.

—Публичная продажа картинъ графа Перрего въ Парижѣ уже кончена; многiя картины старыхъ и знаменитыхъ живописцевъ куплены въ Англию.—За лучшiя 69 картинъ изъ поманутой галлерей заплачено на аукционѣ 441,528 франк. Одна картина Вувермана пошла за 35,100 фр., а Фандерголда за 26,850 фр. Картины новѣйшихъ художниковъ продавались по низкой цѣнѣ.

— Метеорологическое явленiе, бывшее въ Перми 31-го августа, теперь объясняется другимъ, о которомъ пишутъ: изъ Нижняго Тагала. Во вторую часть часу ночи на поманутое число многiе изъ жителей завода услышали

подрезанный гулъ, слышнiй сходство съ раскатомъ отдаленнаго грома; вскорѣ потомъ почувствовали минутное колебанiе земли, отъ-чего мебель и другiя комнатныя вещи пришли въ легкое сотрясенiе. Когда наступилъ день, въ атмосферѣ начались тѣ же самыя перемѣны, какiя видимы были въ Перми. поутру; небо озарилось яркимъ розовымъ свѣтомъ, съ отблескомъ излодобiе искръ; далѣе, красноватый цвѣтъ воздуха перемѣнился въ желтый, оранжевый и палевый, сгущающiйся иногда до такой степени, что нельзя было различить близкiе предметы. Около девяти часовъ утра, великойшій дождь освѣтилъ атмосферу, но странный видъ ея не взмѣнился до позднихъ сумерекъ. Одинъ рыбагъ былъ застигнутъ землетрясенiемъ на заводскомъ прудѣ. По словамъ его, уларъ, сопровождаемый шумомъ и гуломъ, слышнѣе быль съ стѣра; вслѣдъ за нимъ, рыба водилась на поверхность воды, и сдѣлалось столь сильное волненiе, что мастеровой едва не погибъ, прежде нежели успѣлъ выбраться на берегъ. Замѣчательно также позавише людей, находившихся тогда въ шахтахъ малагаго рудника: суля по узкому треску, они думали, что надъ мѣстомъ работы ихъ разразилась громовая туча. Вопросъ о предѣлахъ землетрясенiя разрѣшается извѣстiями, которыя получены изъ Васимуткинскаго и Чернисточинскаго Заводовъ. Въ первомъ мѣстѣ, лежащемъ на западной отлогости Урала, видны только метеорологическое явленiе; во второмъ, къ востоку отъ хребта, оно сходствовало, въ признакахъ, съ вивне-тагальскимъ. И тамъ, площадь, гдѣ замѣчены дѣйствiя скрытнаго волкана, имѣетъ поперечникъ, равный сорoku верстамъ, и лежитъ вся въ границахъ Азии.

— Въ окрестностяхъ Неаполя недавно открыты великолѣпныя развалины древней римской виллы. Развалины лежатъ на оконечности горы Паулиппской, откуда превосходный видъ на островъ Исхiю и другiе живо-

писные острова Неаполитанскаго Залива. Остатки этихъ развалинъ состоятъ изъ двухъ театровъ, амфитеатровъ и другихъ строеній; изъ множества колоннъ съ капителями, богатыхъ мраморныхъ карнизовъ, и пр. Нѣсколько древнихъ комнатъ покрыто превосходною живописью во вкусъ помпейской; тамъ же найдено нѣсколько остатковъ статуй. Всѣ эти древности лежатъ почти на два фута въ землѣ, на поверхности которой растетъ въ изобиліи виноградъ. Всѣ строенія, открытыя по сіе время, нахоятся въ столь хорошень состояніи, что съ небольшою починкою, въ нихъ можно жить и теперь совершенно-удобно. Археологи и антикваріи назвали эти новооткрытыя развалины *Виллою Луккула*.

— Великобританскій Музеумъ ассигновалъ 500 фун. стерлинговъ на доставку въ Лондонъ великолѣпнаго древняго саркофага, выстѣннаго изъ бѣлаго мрамора и находящагося нынче въ юго-восточной части Малой Азіи. Г. Феллоу, извѣстный археологъ, отправился за этимъ драгоценною добычею съ потребнымъ числомъ людей. Саркофагъ длиною въ 18 футовъ, и украшенъ барельежами, представляющими разныя сраженія древнихъ народовъ. Тамъ же отыскано нѣсколько камней съ древними надписями, которыя разгадалъ и разобралъ одинъ германскій профессоръ древностей. — Говорятъ, эти надписи поясняютъ многія темныя мѣста въ исторіи Малой Азіи.

— Въ Лондонъ привезенъ недавно огромный скелетъ мамонта, котораго порою давнымъ-давно исцѣла съ лица земля. Этотъ костякъ имѣетъ въ длину 32 фута и 15 футовъ въ вышину. Онъ найденъ въ Америкѣ въ рукавѣ рѣки Оссажей. Каждый клыкъ мамонта длиною въ 10 футовъ. Но замѣчательнѣе всего, что въ костяхъ этого допотопнаго животнаго найдено острое копейцо стрѣлы, и это заставляетъ предполагать, что въ тѣ времена жили люди и занимались зѣтри-

номъ ловлею. Что-то на это скажутъ ученые геологи?

— На кирпичномъ завоѣ г-на Мисбахъ, лежащемъ на Висской Горѣ, найдены въ землѣ, на глубинѣ 9 футовъ, древніе римскіе столбики — указатели дорожныхъ стадій, принадлежавшіе къ 143—253 год. до Рождества Христова. На трехъ изъ этихъ камней вырѣзана надпись: *Vindobona* (Вѣна).

— Не только музыка входитъ нынче въ составъ леченія ума-лишенныхъ; но въ Америкѣ лечатъ ихъ даже танцами. Въ Уорчестерѣ былъ недавно балъ въ домѣ сумасшедшихъ. Больные такого рода очень любятъ танцовать, и въ Америкѣ они обязаны каждаю недѣлю быть непременно въ танцклассѣ. Балы въ уорчестерскомъ домѣ сумасшедшихъ даются въ длинной галлерей, примыкающей къ главному зданію больницы. — Сорокъ паръ сумасшедшихъ обыкновенно танцуютъ, а другіе ихъ товарищи чинно сидятъ въ залѣ и смотрятъ на танцующихъ. Танцевальная зала убрана гирляндами и фестонами изъ цвѣтовъ и травъ; на хорахъ помѣщается многочисленный оркестръ, составленный частію также изъ сумасшедшихъ. Нѣкоторые изъ танцующихъ выказали помѣшательство своего ума тѣмъ, что нарядилась въ самыя фантастическія костюмы. Балъ кончился въ 9-ть часовъ вечера; всѣ сумасшедшіе попарно прошли нѣсколько разъ по залѣ въ польскомъ танцѣ, и отправились спать безъ ужина.

— Книга г. Дика «*Celestial Scenery*» содержитъ въ себѣ между прочимъ слѣдующее астрономическое вычисленіе. Кругъ, который описываетъ планета Уранъ около солнца, составляетъ 11,314,600,000 англійскихъ миль. Планета пробѣгаетъ этотъ длинный путь въ 30,686 дней, т. е. почти въ 84 года; хотя она оборачивается около солнца очень медленно, но не смотря на то дѣлаетъ 15,000 миль въ часъ. — Положимъ что паровая машина, пробѣгающая по желѣзной дорогѣ 30 миль въ часъ, должна пробѣжать о-

значенный путь Урана около солнца, то ей надобно было бы употребить на этот путь 64,570 лѣтъ, а Уранъ, который въ 80 разъ болѣе земнаго шара, пробѣгаетъ помянутое пространство только въ 84 года...

— Въ Алжирѣ съ такою силою свирѣпствуютъ лихорадки между французскими солдатами, что въ госпиталяхъ на одинъ хивинъ употребляются ежегодно 100,000 франковъ. Главный врачъ марсельской больницы, Боденъ, предложилъ французскому медицинскому правленію въ Алжирѣ замѣнить хивинъ мышьякомъ, и давать его больнымъ въ малыхъ приемахъ. Известно, что мышьякъ въ перемежающихся лихорадкахъ оказываетъ весьма-благодѣтельное дѣйствіе.

— По случаю неблагопріятныхъ извѣстій, полученныхъ изъ Африки, о истребленіи болѣзнями большей части Англичанъ, прилегающихъ къ нигерской экспедиціи, одинъ англійскій докторъ помѣстилъ въ газетъ «the Times» нѣсколько весьма оригинальныхъ наблюденій надъ заразительностію лихорадки malaria, болотной, чумной и пр. По теоріи наблюдателя, миазмъ лихорадочный не сообщается человеку посредствомъ дыхательнаго органа въ легкія, но дѣйствуетъ на всю наружность кожи. Доказательствомъ этому служитъ то, что туземцы и вообще народы жаркихъ климатовъ натираютъ тѣло свое масломъ и другими жгучими веществами, для предохраненія себя отъ заразительныхъ лихорадокъ; напротивъ, Европейцы часто обмываются водою и очень-легко принимаютъ въ себя туземную заразу. Известно, что въ Турціи всѣ продавцы оливковаго масла вовсе неподвержены чумѣ. Во время ужасной чумы, бывшей некогда въ Лондонѣ, ни одинъ работникъ на свѣчномъ заводѣ не умеръ отъ язвы.—Авторъ означенной статьи совѣтовалъ всемъ иностранцамъ, живущимъ въ жаркихъ климатахъ, гдѣ свирѣпству-

етъ malaria, мочить одежду поутру и вечеромъ въ пальмовомъ маслѣ.

— Мореплаваніе при рижскомъ портѣ началось 10 апрѣля и продолжалось въ 1841 году, до 3 декабря. Кораблей въ приходѣ было: изъ иностранныхъ портовъ 1,065, въ томъ числѣ съ полнымъ грузомъ 339, съ частью груза 36, съ баластомъ 690; изъ российскихъ портовъ 177, изъ коихъ съ грузомъ 63, съ баластомъ 114. Отправлено въ иностранные порты 1057 кораблей, а въ российскіе 177. Въ сравненіи съ 1840 годомъ, было болѣе въ приходѣ, изъ иностранныхъ портовъ 18; въ отходѣ 30 кораблей. Развозъ малая, потому что отпускъ товаровъ былъ въ общей цѣнности почти одинаковъ съ тѣмъ годомъ. Льна, льнаго и коноплянаго сѣмена и масла вывезено болѣе, но хлѣба, пеньки, шкуры, сала, омыръ кожъ и нѣкоторыхъ другихъ товаровъ отправлено менше. На зимовку осталось въ портѣ кораблей и приморскихъ судовъ 22, строувъ съ внутренними произведеніями было въ приходѣ къ Ригѣ 602,—вротавъ 1840 г. болѣе на 163. Всего отправлено товаровъ въ иностранныя земли на 14,021,321 руб. 95 коп. сер.—болѣе вротавъ 1840 г. на 1,308,898 р. 85 коп. сер.

→ Вотъ годъ одесской торговли въ 1841 году. *Отпускъ моремъ за границу:* товаровъ принадлежащихъ къ живненимъ привасамъ, на 5,170,294 руб. сер.; служившихъ къ фабрикамъ и рукодѣліямъ, на 4,971,691 р.; обработанныхъ въ разныхъ издѣліяхъ на 252,644; разныхъ другихъ на 334,977; итотгорусскихъ товаровъ на 10,729,606 руб. сер.; монеты на 13,860; всего русскихъ товаровъ и монеты на 10,743,466 руб. сер. Сверхъ того, вывезено иностранныхъ товаровъ: *обратно за границу* на 28,165 руб. сер.; *транзитомъ*, на 15,801 руб. серебр. *Привозъ:* моремъ и сухимъ путемъ изъ-за границы, иностранныхъ товаровъ, принадлежащихъ къ живненимъ

потребностямъ, на 1,978,924 р. сер.; служащихъ къ фабрикамъ и руководящихъ, на 1,806,285; обработанныхъ въ разныхъ издѣлкахъ, на 973,782; разныхъ другихъ, на 566,713 р., и того иностраннхъ товаровъ, на 4,828,704 р. сер.; монеты на 695,235, а всего товаровъ и монеты ввезено на 5,520,939 руб. сер. Такимъ образомъ, общій оборотъ заграничной торговли по отпуску и привозу товаровъ и монеты составляетъ 16,264,405 руб. сер.; перевесь отпуску русскихъ товаровъ надъ привозомъ иностранныхъ составляетъ въ 1811 году 5,903,902 руб. серебр.

— По письмамъ изъ Нью-Йорка известно, что вскорѣ приведенъ будетъ въ дѣйствіе проектъ прорытія на Панамскомъ Перешейкѣ, суходорога канала, который соединитъ Атлантическій Океанъ съ Тихимъ Моремъ. Это испанское предприятие влзаетъ исполнить на свой собственный счетъ общество акціонеровъ подъ управленіемъ французскаго инженера Альфонса Мореля.

— Несколько французскихъ капиталистовъ намѣрены, съ помощію правительства, привести въ дѣйствіе испанскій проектъ: соединитъ рѣку Луару съ Рейномъ посредствомъ подземнаго канала длиною въ 20,000 метровъ. Это будетъ самое длинное подземелье въ свѣтѣ. Прорытіе канала обойдется весьма-дорого; но такъ-какъ ливни его пройдутъ сквозь богатые пласты каменнаго угля, то это обстоятельство значительно уменьшитъ расходы, и послужитъ также къ успешной каменно-угольныхъ копей.

— Джемсъ Торнтонъ, профессоръ химіи въ Филадельфіи, изобрѣлъ новый составъ для литья зеркальных стеколъ, который конечно произведетъ всеобщій переворотъ въ фабрикаціи этихъ вещей. Ему удалось составить металлическую прозрачную жидкость, которая выливается на широкую доску какой-угодно величины, покрытую предварительно листовымъ оловомъ. Если эта масса застываетъ на доскѣ, то она представляетъ видъ настоящего

стеклянаго зеркала. Торнтонъ обилдѣ, для пробы, этою массою стѣны и потолокъ огромной залы. Когда застывали въ ней джестру и вѣсколко лампъ, то отраженіе огня въ зеркальномъ потолкѣ и стѣнахъ залы произвело удивительный эффектъ.

— Для того, чтобъ сообщить гипсовымъ статуямъ наружную крѣпость, и дать имъ видъ мраморныхъ изваяній, по совѣту англійскаго скульптора Пешуара должно поступать слѣдующимъ образомъ: надобно распустихъ 3 фунта красцовъ въ $2\frac{1}{2}$ квартахъ воды, разогрѣвъ эту смесь и окунуть въ растворъ отъ 15 до 30 минутъ, гипсовыя статуи, бюсты и пр. Когда высохнутъ статуи, ихъ должно опять облить тѣмъ же растворомъ, но уже холоднымъ; потомъ образовавшіеся на статуяхъ кристалловою кору счищать песочною бумагою, наконецъ полировать статую чистой льняною тряпкой, смоченной водою.

— Въ Англии какой-то артиллеристъ изобрѣлъ новаго рода пушечное ядро, которое имѣетъ столь же быструю и разрушительную силу, какъ молнія. Изъ каждой обыкновенной пушки можно стрѣлять такими ядрами; но изобрѣтатель свѣдалъ на этотъ предметъ особаго рода орудіе, которое такъ легко, какъ обыкновенное ружье, и одинъ человекъ посредствомъ его можетъ легко уничтожить цѣлый линейный корабль (?). Говорятъ даже, что этою одною пушкою съ молниеносными ядрами можно разрушить цѣлый флотъ, любую крѣпость на суше, пути и взорвать на воздухъ какой-угодно городъ (?). Это изобрѣтеніе испытано было въ Ульвичѣ въ присутствіи особой комисіи, составленной изъ опытныхъ артиллеристовъ и найденно весьма пригоднымъ для истребленія людей, кораблей, домовъ, крѣпостей, и пр.

— Отставной прусскій ротмистръ г. Бисмаркъ изобрѣлъ новую военную машину, которой дѣйствіе весьма-гибельно; ядро, выстрѣленное изъ его машины, не только зажигаетъ разнае предметы, но огонь его вичѣмъ негас-

сильно невозможно. Другой изобретатель, механик Дрейзе, въ Эрфуртѣ, усовершенствовала ружье или мускетонъ, который пробивает пулею толстую доску въ 600 шагахъ. Это изобретение, говорятъ, болѣе относится къ усовершенствованію пороха, слѣдовательно, выдумку Дрейзе можно приложить ко всякому роду пушекъ, которыя отъ-того получаютъ тройную противъ прежней силу.

— Англичанинъ, подполковникъ Бланшаръ, выдумалъ особаго рода щитъ, который могутъ носить на полѣ сраженія два человека, и который совершенно защищаетъ артиллеристовъ отъ непріятельскихъ ружейныхъ выстрѣловъ. Подполковникъ Мендизъ употребилъ этотъ щитъ, для прикрытія артиллеристовъ, дѣйствующихъ конгревовыми ракетами. Это изобретение усиливаетъ еще болѣе разрушительное дѣйствіе ракетъ.

— Въ городѣ Эвертонъ, лежащемъ по соседству Ливерпуля, слывава перловъ все изъ чугуна въ 119 футовъ длиною и 48 шириною, вылитая на чугуно-литейномъ заводѣ братьевъ Гавтомъ. Она сооружена въ готическомъ вкусѣ, но безъ колокольна, которая еще неготова и моделируется поштучно на томъ же заводѣ.

— Нѣкто Дюпонъ объявилъ въ парижскихъ газетахъ, что онъ покупаетъ или мѣняетъ на новыя все старыя поношенныя шали, которыя съ большимъ барышомъ можно сбывать въ Германію и Россію. Не мѣшаетъ это замѣтить нашимъ дамамъ.

— Тонкошерстные козы и овцы слѣдуютъ скоро дороже лучшихъ скаковыхъ лошадей; въ Германіи, верѣю за хорошаго козла съ длиною и мягкою шерстью платятъ до 1000 талеровъ. Недавно предлагали одному овчарному заводчику въ Силезіи за отличнаго породистаго козла тысячу червонцевъ, но заводчикъ не согласился на предлагаемую плату.

— Во Франціи потребляется ежегодно курительнаго и нюхательнаго табаку на 150 мил. франковъ; изъ этой сумми

табачный откупъ приносятъ чистой прибыли 70 мил. франк.

— Нѣкто Зуръ, въ Балтиморѣ, изобрелъ паровую машину для дѣланія кирпичей, силою въ 8 лошадей. Эта машина, при помощи 4 работниковъ и 3 мальчиковъ, можетъ изготовить въ часъ 1500 кирпичей, которые гораздо крѣче и лучше дѣлаемыхъ обыкновеннымъ образомъ.

— Во Франціи 12,319 большихъ и малыхъ больницъ и богаделенъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи доходъ въ 52 миліяна франковъ, который употребляется на вспоможеніе и пользование 153.000 человекъ бѣдныхъ;— 6.375 конторъ благотворительности, которыя распоряжаются доходомъ въ 12 миліоновъ франковъ и доставляютъ помощь 696.000 бѣднымъ;— 42 студіи камеры (monts de piété), имѣющихъ капиталъ въ 35 миліоновъ франковъ, которые даютъ въ займы подъ залогъ разныхъ вещей, и проч.;— Правительствомъ, сверхъ того, призываетъ 27,500 незаконнорожденныхъ дѣтей, на воспитаніе которыхъ употребляется ежегодно 10 миліоновъ франковъ;— 20 больницъ для умалишенныхъ, и 22 другія подобныя заведенія, которыя издерживаютъ ежегодно до 5 миліоновъ франковъ, благотвора 12,000 человекъ... Это только въ одной Франціи! А послушайте-ка нашихъ моральныхъ поэтовъ: они вамъ запищатъ, что нашъ языкъ—холодный, эгоистическій, что въ Европѣ развратъ чувства и воли, что Европа гаетъ, сплела,—и наговорятъ вамъ еще съ три короба подобнаго взлору...

— Въ одной северо-американской газетѣ; рассказывается слѣдующее: *„Ливезвилъ, цветущій и тѣсно-населенный городъ, вовсе разрушенъ; одинъ только домъ, оставшійся отъ него; означать теперь мѣсто, гдѣ жила столыя народа. Наши читатели конечно спросятъ: можетъ-быть, этотъ городъ разграбили и сожгли дикая разбойничья шайка Куманховъ?—Нѣтъ, мн. гт. все дома Ливезвила, построенныя на*

колесахъ, уехали въ соседній городъ Ла-Баку, отстоящій отъ перваго въ одной милѣ. Ла-Бака, счастливая соперница Линневилла, забравъ къ себѣ все дома послѣдняго города, сдѣлалась теперь очень-богатою, и обещаетъ быть современемъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ западныхъ штатовъ Америки.

— Изъ дневника общества вспомошествованія претерпѣвшимъ кораблекрушеніемъ на берегахъ Северо-Американскихъ Штатовъ видно, что въ прошедшемъ году потонуло тамъ 511 судовъ разнаго размѣра, именно: 67 трехмачтовыхъ кораблей, 120 бриговъ, 233 шкуны, 14 барказовъ, 6 пароходовъ и 81 судно другихъ названій. Въ Клоарвъ погибла наибольшая часть судовъ. До 700 человекъ утонуло при этихъ кораблекрушеніяхъ.

— Вся сухопутная военная сила Северо-Американскихъ Штатовъ должна состоять изъ 12,530 человекъ. Но на самомъ дѣлѣ она гораздо-малочисленнѣе; ибо въ каждой ротѣ пѣхоты, вмѣсто полнаго комплекта, имѣется налицо половинное число людей, следовательно, всей арміи считается не болѣе 7,000 человекъ; народная милиція состоитъ изъ 775 генераловъ, 2,864 офицеровъ генеральнаго штаба, 15,941 штаб-офицеровъ, 52,431 обер-офицеровъ; всего 62,050 офицеровъ, 1,431,902 унтер-офицеровъ, музыкантовъ и солдатъ. — Итакъ, всей милиціи 1,503,952 человека.

— Къ множеству варварскихъ религіозныхъ обычаевъ Индійцевъ должно причислить одинъ малоизвѣстный въ Европѣ, который сопровождается пышнымъ торжествомъ. Индійскій идолъ Яянатъ (Jaunath) вырывается изъ дерева, размазаннаго красками; его возобновляютъ чрезъ каждые три года. Для этого избирается въ лесу особеннаго рода дерево, на которомъ не садилась бы отъ вѣка никакая хищная птица. Если посвященнымъ въ это дѣло людямъ удастся отыскать по извѣстнымъ признакамъ такое священное дерево, они срубаютъ

его, обрамываютъ, и потомъ опашутъ бранивами для освященія. Потому этого новаго идола торжественно вносятъ въ пагоду одинъ человекъ, который однакоже не долженъ послѣ того оставаться въ живыхъ. Идоловосецъ, къ концу года, непременно долженъ умереть, и только имѣетъ свободу — выбрать себѣ родъ смерти.

— По индійской мифологіи, Вишну въ восьмомъ своемъ превращеніи явился на восемь царевнахъ; когда же онъ освободилъ изъ плѣна отъ исполнискаго царя Бумазура 16,000 prisoners, то сдѣлалъ ихъ всѣхъ своими женами. Следовательно, этотъ индійскій богъ имѣлъ всего-на-все 16,008 женъ, изъ которыхъ каждая родила ему по десяти сыновей. Для такого огромнаго семейства онъ приказалъ на большомъ островѣ, лежащемъ въ морѣ, построить цѣлый городъ. Знаменитый архитекторъ того времени построилъ городъ и дворецъ для всѣхъ женъ Вишну въ одну ночь, какъ гласитъ преданіе. Безчисленныя дѣти Вишну, однакоже, не наслаждались добродѣтелей своего великаго отца, и потому были прокляты богомъ Даркасомъ; когда же Вишну оставилъ свое земное поприще, морскія пучины поглотили въ своей утробѣ весь островъ съ городомъ, дворцами и всеми находившимися въ нихъ сокровищами.

— Въ послѣднюю испанскую войну было нѣсколько жаркихъ сшибокъ въ Толозѣ въ славствіе похода Леопольда О'Доннелла противъ карлистовъ, стоявшихъ при Верѣ. Однажды ночью рота Гвипускойцевъ взяла штурмомъ небольшое укрѣпленіе, лежащее между Гервани и Астигарага. Побѣдители перерезали гарнизонъ укрѣпленія и увезли съ собою непріятельскую лушкуну. Это поруганіе чести христіаносовъ требовало примѣрнаго мщенія: О'Доннелль взялъ въ плѣнъ нѣсколько карлистовъ, велѣлъ отправить ихъ въ Сан-Себастьянъ и тамъ разстрѣлять для потѣхи народа. Рождественнымъ мес астиныхъ жертвъ пришли въ Толозу, и умалили старую гове-

решашу, мать О'Доннелл, чтобы она упростила жестокосердаго своего сына похиловать плѣнныхъ. Добрая старушка написала сыну такое письмо: «Я дала тебѣ жизнь, я научила тебя быть добрымъ, истиннымъ христіаномъ. Если ты можешь еще называться моимъ сыномъ, то исполняй обязанность добраго христіанина». Къ чести О'Доннеллѣ должно прибавить, что онъ свято исполнялъ повелѣніе матери и помиловалъ плѣнниковъ.

— Королева Викторія нарисовала вѣсьма похожій портретъ новорожденнаго своего сына, который уже наитографированъ и продается во вѣсьхъ лондонскихъ магазинахъ эстамповъ.

— Принцъ валлійскій, сынъ королевы Викторіи, получилъ въ подарокъ отъ известнаго богача, г. Томсона, кровать изъ чернаго дерева, украшенную резьбою изъ слоновой кости, и принадлежавшую некогда кардиналу Уольси (Wolsey), умершему въ 1530 году.— Ротшильдъ предлагалъ за эту кровать г. Томсону 1,500 гиней.

— По извѣстіямъ, взятымъ изъ Quarterly Review, число Англичанъ, постоянно-живущихъ во Франціи, простирается до 54,000 человекъ, не считая множества туристовъ, которые разсыпаны по всему свѣту. Въ Голландіи, Франціи, Швейцаріи, Италиі и Германіи считается ихъ до 100,000 человекъ, которые получаютъ ежегодно изъ Англіи по-крайней-мѣрѣ 5 милліоновъ фунтовъ стерлинг., проживая всю эту огромную сумму за границею. Газета «Le Globe» полагаетъ, что въ Англіи съ посредственными доходами нельзя жить пріятно и удобно (comfortable). Англія хороша только для богачей.

— Недавно умеръ въ Уорчестерѣ богатѣйшій чужецъ, который завѣщалъ послѣ себя огромное наследство, à la Testisson, въ 600,000 фунтовъ стерл., которое должно въ теченіе сорока лѣтъ безпрестанно наростать процентами. По истеченіи этого времени, наследникъ его получитъ въ свое владѣніе

капиталъ въ 4,800,000 фунт. стер. (120,000,000 руб. ас.).

— Одна изъ самыхъ богатѣйшихъ картинныхъ галлерей во всей Италиі, принадлежавшихъ частнымъ людямъ, находится въ Болоньи, во владѣніи простаго башмачника. Въ Парижѣ его прозвали бы: le cordonier monstre. Этотъ башмачникъ, по имени Ланди, обладаетъ особеннымъ изящнымъ вкусомъ въ выборѣ картинъ: онъ истинный знатокъ въ художествахъ и особенно въ живописи. Ланди съ большою предупредительностію и ласкою показываетъ вѣсьмъ путешественникамъ свою галлерей. Наобно къ этому прибавить, что онъ не только известный знатокъ картинъ, но и первый въ Италиі башмачникъ. У него живутъ до 300 подмастерьевъ, которые обуваютъ ноги вѣсьхъ щеголихъ Италиі; но, что всего важнѣе, Ланди собственноручно шьетъ для папы римскаго историческія бархатныя туфли съ крестами, которыя плѣчуютъ съ такимъ усердіемъ благочестивые католики.

— Недавно какой-то истый африканскій Мавръ въ бѣлой чалмѣ и бурнусѣ, горло прогуливаясь по набережной Conti въ Парижѣ, увидѣлъ огромную афишу на стѣнѣ магазина, которая гласила слѣдующее: «Продаются двадцать прелестныхъ актриссъ за 18 франковъ.» Мавръ, прочитавъ объявленіе, не вѣрилъ глазамъ своимъ: «Великъ Аллахъ!» воскликнулъ мусульманъ: «да эти актриссы дешевле варенаго риса. Какіая красotka обойдется менѣе одного франка! Бездѣлица сказать, двадцать райскихъ хурій, блондинокъ, брюнетокъ, съ соболывыми бровями, да такая покушка свела бы съ ума самого турецкаго падишаха! Блондинку я назову Надпрою, брюнетку Фатьмою, красавицу съ каштановыми волосами Зюлейкою... Воображеніе Мавра забралось уже въ седьмое небо, когда онъ вошелъ въ магазинъ, гдѣ торговали невольницами. «Ты проднешъ двадцать актриссъ, за 18 франковъ?» сказалъ мусульманинъ: «вотъ тебѣ наполеондоръ, давай ихъ

суда.» Хозяинъ отвѣчалъ, что ему должно дать сдачи сорокъ су, или прибавить еще двухъ актриссъ. «На что мнѣ твои су? давай, въ прибавокъ, еще двѣ актриссы!» Продавецъ развернулъ перелъ покупщикомъ огромный листъ велевой бумаги, на которой напечатано двадцать извѣстныхъ парижскихъ актриссъ, довольно-дурныхъ лицомъ. «Вотъ двадцать сценическихъ красавицъ со всѣхъ нашихъ театровъ!» прибавилъ онъ. Мавръ въ бѣшенствѣ повѣшалъ опретью изъ магазина.

—Нынче, 1-го марта, мы простимся съ Тальйою, простимся надолго, если не навсегда. Благодарность ей, полная благодарность за тѣ несчастливыя наслажденія, которыми она дарила намъ въ-продолженіи четырехъ лѣтъ! Петербургъ не забудетъ ее, какъ вѣрно и она не забудетъ Петербурга, такъ радушно ее принявшаго... Много было писано у насъ въ похвалу ей, но все это писано не можетъ сравниться съ тѣми похвалами, которымъ разсыпали ей парижскіе журналы. Парижъ до-сихъ-поръ еще не можетъ перестать говорить о Тальйою и восхищаться ею хоть по воспоминанію. Недавно въ одной французской газетѣ было напечатано слѣдующее: «Въ тандѣхъ, Тальйою-ки настоящая Француженка, въ любви Итальянка; въ домашнемъ быту Нѣмка; если она говоритъ про «свой чудный талантъ, то обличаетъ «въ себѣ Шведку, въ благотвореніи «она настоящая Англичанка.»

— Знаменитый «ортезьянисть Листъ говоритъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ благодарные Венгерцы поднесли ему въ подарокъ саблю, всѣ журналисты безпрестанно вызываютъ его на бой своими пристрастными критиками. «Но я не могу» прибавляетъ онъ «употребить противъ нихъ этого оружія, потому что сабля моя почетная.»

— Древній луксорскій обелискъ навводитъ на парижскихъ «лавѣровъ и звякъ страхъ и трепетъ. Онъ съ нѣкотораго времени наклонился на 17 пядиаметровъ. Говорятъ, что если министерство публичныхъ работъ заравне

не приметъ нужныхъ предосторожностей, то старый Египтянинъ поклонится такъ низко доброму городу Парижу, что разлавитъ подъ собою множество народа.

— По соседству прусской границы, въ небольшой брауншвейгской деревнѣ жилъ бѣдный старый музыкантъ, который ежедневно ходилъ съ своимъ контрбасомъ черезъ прусскую границу и игралъ за нѣскольکو грошей въ ближнемъ жидовскомъ шинкѣ. Для защиты своего инструмента отъ непогоды, онъ покрывалъ обыкновенно его чехломъ изъ вошанки. Недавно умеръ этотъ бѣдный старикъ, и оставилъ послѣ себя капиталъ въ 30.000 талеровъ, который собралъ онъ конечно не отъ своей игры, но отъ контрбанды: старикъ имѣлъ привычку каждый разъ переносить черезъ границу въ своемъ контрбасѣ тонкіе и нѣжные шелковые товары, кружева и пр. Таможенная стража, не подозрѣвая никакой хитрости въ старомъ музыкантѣ, пропустила его нѣскольکو лѣтъ черезъ границу безъ обыска.

— Недавно въ Брюсселѣ былъ пожаръ, угрожавшій совершеннымъ истребленіемъ многихъ богатыхъ фабрикъ, въ соседствѣ лежавшихъ; за недостаткомъ воды, пожарная команда вздумала гасить огонь пивомъ, котораго было запасено на ближней пивоварнѣ до тысячи бочекъ. Пиво тозю погасило вскорѣ огонь, и хозяинъ пивоварни при этомъ случаѣ спустилъ весь свой товаръ за наличныя деньги.

— Въ Парижѣ вошелъ теперь въ моду германскій дантистъ Веберъ-Гостейнъ, который имѣетъ отличную зубную фабрику подъ фирмою: *Vousquet, dentiste du Roi.*—Этотъ зубной врачъ не только приготовляетъ золотыя челюсти съ предестными бѣлыми зубами, но и дѣлаетъ золотыя носы, покрытыя эмалью, весьма-сладко съ натуральными. Подѣльный носъ прикрывается особымъ механизмомъ къ лицу безносаго, и только осзавіемъ

можно удостовериться о подложности этого члена.

— Докторъ Джонъ Кройгенъ, владѣтель огромной мамонтовой пещеры, находящейся въ области Кентуки (въ Сѣверной Америкѣ) устроилъ въ глубинѣ этой пещеры, на разстояніи цѣлой мили отъ входа въ нее, просторную гостиницу, гдѣ путешественники могутъ имѣть все нужное для ихъ удовольствія, и даже ночевать въ огромномъ подземельѣ.

Въ газетѣ Aargauer Schweizer Vote напечатано слѣдующее объявленіе: «Знаменитый педагогъ Песталоцци покоится вѣчнымъ сномъ подлѣ биртской школы, съ крыши которой льетъ на его гробницу дождевая вода, и современемъ уничтожатся самые слѣды послѣдняго убійца безсмертнаго чловѣка. Для предупрежденія этого нужно сдѣлать на крышѣ школы водосточную трубу. Нижеподписавшійся готовъ устроить ее, если пріятели и друзья покойнаго пришлютъ ему потребную сумму на помянутый предметъ.— Замокъ Леипбургъ. 6 января 1842 года. Христіанъ Лише, учитель».

— Извѣстная германская писательница, графиня Ганъ-Ганъ, рассказываетъ, что она въ продолженіе 6-ти мѣсячнаго своего пребыванія въ Ниццѣ связала 12 паръ чулокъ, написала романъ «Ульрихъ» и выучилась испанскому языку.— Вотъ образцовое трудолюбіе!

— Пивагоръ, открывъ свое знаменитое положеніе, принесъ, съ радости и изъ благодарности, въ даръ богамъ сто быковъ. «Потому-то» говоритъ Бѣрне: «съ тѣхъ поръ все быки и прочіе скоты дрожать со страху при открытіи другими новой истины». Не худо замѣтить это изреченіе закореннымъ противникамъ новизны, или всякаго новаго слова, которымъ эта идея выражается.

— Ужъ три мѣсяца продолжается въ Парижѣ процессъ журнала «la Presse» съ графомъ Куршанъ, который продалъ для фельетона этой газетѣ

свою оригинальную повѣсть. Но справедливѣе оказалось, что эту оригинальную повѣсть графъ Куршанъ списалъ изъ книги, напечатанной за 25 лѣтъ предъ симъ и сочиненной графомъ Потоцкимъ. Адвокатъ газеты требуетъ съ графа за злоупотребленіе общественной довѣренности 25.000 франковъ штрафа, но королевскій прокуроръ предложилъ судьямъ вложить на него только 10,000 фр. пемв.— При этомъ случаѣ, не вліявшие будеть упомянуть, какъ собираютъ деньги изъ стивныя французскіе писатели за свои фельетонныя работы. Балзакъ получилъ за свою повѣсть «Деревенскій Священникъ», помещенную въ шести фельетонахъ газеты, 3000 франковъ; Скрибъ за повѣсть «Юдишь» 2000 фр., Ламартина за одну только фельетонъ, написанный большею частью въ стихахъ, 1,000 фр. Эженъ Сю за свой романъ «Матильду» 7000 франк. По тѣмъ дѣло еще не кончилось; книгопродавецъ, который захочетъ переиздать романъ изъ фельетона, долженъ также заплатить съ авторомъ. Сверхъ того, мелкіе журналы также обязаны дать вознагражденіе автору за перепечатаніе его повѣстей. Неудивительно послѣ этого, что французскіе писатели перваго разряда не только живутъ въ довольствѣ и роскоши, но даже и дѣлаются богатыми.

— Вотъ рецептъ для составленія новаго романа, предлагаемый однимъ изъ французскихъ журналистовъ, которому, вѣроятно, надобно фельетонные романисты: «Настоящій молниеносный романъ долженъ быть соображенъ въ 3 томахъ, и состоять по-крайней-мѣрѣ изъ тысячи страницъ и болѣе. Надобно въ него положить слѣдующія снадобья: любовныя сцены растянуть на 120 страницахъ; изображеніе природы и сельской жизни 15 стр. попойки за обѣдомъ 12; описаніе двухъ баловъ, если можно одинъ въ знатномъ домѣ и другой хоть въ купеческомъ, 30 стр.; сцены съ трескучими театральными эффектами—15; похвальные красавицы—15; двѣ свадьбы врѣ-

жающихъ между собою невѣсть съ причетомъ старыхъ тетушекъ—30; два смертные случая—25 стр. Герой романа долженъ быть описанъ подробно съ вальтеръ-скоттовскою точностію, на что потребуются не меньше 70 страницъ. — На долю героини романа надобно отпустить по-крайней-мѣрѣ 90 страницъ; родъ ея долженъ происходить отъ самой древней фамиліи; она должна быть очень богата, или бѣдна до крайности, во во всякомъ случаѣ ангелъ красоты: коралловыя губки, розовый ротикъ, глаза дикой кошечки и проч. Описаніе будуара красавицы займетъ страницъ 70; повѣдка ея въ дилижансѣ, или на пароходѣ—20; подставное лицо романа, родственникъ и другъ героя или героини романа долженъ быть оригинальнымъ добрякомъ съ примѣсью порадочной порціи глупости, или ужь злодѣй и интриганъ на славу; на описаніе этого лица потребуются 25 страницъ. — На женскіе наряды и прочія мелочи туалетныя примѣрно выйдеть 120 стран. и болѣе. На описаніе матушки, употребляющей всевозможные маневры, чтобъ выдать свою дочку за мужъ — 63 стран. Чувствительныя разсужденія и сантиментальныя философствованія—80. На страшныя катастрофы 25 стр.; наэпизоды, которые нейдуть къ дѣлу. 115 стр.; нашироковѣщательныя изображенія необходимыхъ лицъ и вещей надобно употребить 75 стр. — И такъ всего выйдеть тысячи страницъ, что и составить *полный* романъ.

— Во Франціи самоубійство сдѣлалось вывѣче чѣмъ-то въ родѣ повальной болѣзни; очень часто самый ничтожный случай бываетъ тамъ причиною самовольнаго лишенія жизни. Одному зятому вина предложена была на пробу бутылка рейнвейна. Зятокъ ошибся во вкусъ, и принялъ новое вино за старое. Товарищи осмѣяли его за этотъ промахъ, а бѣдный зятокъ не могъ вывести ихъ насмѣшекъ, и лишилъ себя жизни. — Какая-то дама встрѣтила на улицѣ знакомаго, который на поклонъ ея не отвѣтилъ такую же учтивостію.

Это неуваженіе обычныхъ приличій такъ огорчило даму, что она удушила себя угольнымъ чадомъ. — Раздаватель лотерейныхъ билетовъ замѣтилъ, что изъ его конторы не вышло ни одного выигрышнаго комера. Онъ подумалъ, что такая неудача можетъ удалить отъ него всѣхъ искателей счастья и лишитъ насущнаго хлѣба, — думалъ, думалъ, да и зарѣзался въ своей конторѣ. — Въ Анжерѣ портной отправился на тотъ свѣтъ весьма оригинальнымъ образомъ: онъ обернулъ нѣсколько разъ около своей шеи крѣпкую нитку, вдѣлъ въ нее куриную кость, и сунулъ нитку до-тѣхъ-порѣ, пока она совсѣмъ не затянула ему горла.

— Въ Брюсселѣ всѣ говорятъ теперь о похищеніи одной богатой наслѣдницы; свояченицы бельгійскаго министра Б., племянникомъ гентскаго архіепископа. Дѣвушка похищена съ придворнаго бала, и чтобы замедлить преслѣдованіе или поговню за любовникомъ, съ этого бала въ одно время уѣхали четыре кареты, запряженныя лошадами одной масти, и въ каждую карету сѣли кавалеръ и дама совершенно-похожіе по платью и росту другъ на друга. Кареты разъѣхались въ разныя стороны. Бѣглые любовники счастливо добрались до Лондона, обвѣчались, и намѣрены теперь возвратиться въ Брюссель.

— Одиъ Англичанинъ, живущій въ Суффолькѣ, содержитъ пять кошекъ, которыхъ пускаетъ въ свой садъ стеречь кусты малины, вишенъ и крыжовника отъ нападенія воробьевъ и другихъ птицъ, истребляющихъ ягоды. Каждая кошка ходитъ на стражу съ ошейникомъ, привязанный къ дереву на длинной цѣпочкѣ. Птицы, замѣтивъ непримиримыхъ своихъ враговъ, не подлетаютъ къ плодовымъ кустамъ, и ягоды остаются неприкосновенными. Другой Англичанинъ, тоже искусный садоводъ, чтобъ сохранить отъ птицъ свой виноградъ, растущій на длинной шпалерѣ, опредѣлилъ въ сторожи кошку, которая исправляла свою должность

съ особенныхъ раченіемъ на привязи въ 200 футовъ длиною.

— Баронесса Дракъ, Француженка, живущая въ Канадѣ, можетъ назваться настоящею Діаной XIX столѣтія. Она въ теченіе своей жизни застрѣлила на охотѣ 637 волковъ, не считая кабановъ, оленей и другой «смелкой» дичи. Последняго волка застрѣлила она, сидя на лошади и преслѣдуя его во весь опоръ. Баронесса никогда не выходила изъ дому безъ своры прекрасныхъ борзыхъ собакъ. Большая часть мебели ея, столовый приборъ, черенки ножей и вилокъ сдѣланы изъ роговъ оленей, убитыхъ ея рукою. На поясъ она всегда носитъ охотничій свистокъ, сдѣланный изъ клыка огромнаго кабана, застрѣленнаго ею же.

— Въ Парижѣ вышшею зимою на нѣкоторыхъ балахъ, вмѣсто оркестра, употребленъ былъ хоръ пѣвчихъ. До двѣнадцати паръ дамъ и мужчинъ очень согласнопѣли французскія кадрили, галлопады, мазурки, вальсы и пр. Пѣвческій хоръ, вѣроятно изъ экономіи, составленъ былъ изъ приглашенныхъ на балъ гостей. Этотъ родъ баловъ заслуживаетъ вниманіе публики болѣе по своей оригинальности; но нельзя сказать, чтобъ вокальная музыка танцевъ производила особенно-пріятный эффектъ.

— Въ Мюнхенѣ покрыты были всѣ издержки на пострасіе изарскаго мо-

ста, стѣншаго полтора шварцено Флоряновъ, тѣмъ, что правительство приказало надбавить на мѣру днаго одинъ геллеръ (Heller—медкая монета). Въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ Баварцы, благодаря своему знаменитому пиву, заплатили казѣ нечувствительно означенную сумму. — Въ Фюртѣ на пивные геллеры правительство сдѣлало, въ теченіе 15 лѣтъ, двѣ церкви, длинной мостъ о 16-ти аркахъ, школу, ратушу (стѣвшую 30,000 Флорин.), и всѣ городскіе ковадцы.

— Въ одной германской газетѣ пишутъ, что яко-бы въ Петербургѣ живеть танцевейстеръ, пріѣхавшій изъ Голландіи, по имени Ярвисъ (Jarvis), который объявилъ во всѣхъ петербургскихъ газетахъ, что дастъ балъ для почтешейшей публикѣ на снѣгу!! При первомъ выпавшемъ снѣгѣ, онъ исполнитъ свое обѣщаніе, и готовъ будетъ вобиться объ закладъ съ любымъ кавалеромъ или дамою, что вытопчетъ на снѣгу, въ тактъ подъ музыку, ихъ имя и фамилію, и не истребитъ этихъ слѣдовъ своей чудной каллиграфіи, продолжая на снѣгу свой танецъ. Билеты для входа на этотъ снѣжный балъ раздаются въ казанско-вѣскомъ саду, по одному рублю ассиг. съ персоны; тѣ особы, которыя желаютъ помѣститься на террасѣ, въ теплой оранжерей, платятъ два рубля серебромъ.

М О Д Ы.

Бальная платья почти всѣ дѣлаются съ двойными юбками; украшенія на платьяхъ составляютъ кружево, ленты, или цвѣты; большею частію, какъ мы уже говорили, юбки убаваются только спереди въ родѣ передника, или по обѣимъ сторонамъ en échelle, суживаясь у талии и постепенно расширяясь изъ низу. Многія носятъ корсажи съ острыми мысами; рукава очень-короткіе.

Черное шерстяное платье прежде

исключительно означалось для глубокаго траура, но теперь, съ появленіемъ матерій кашемировыхъ, d'gar royal и казимира, — черный и темнозеленый цвѣтъ предпочитаютъ другимъ для гвзитвнхъ платьевъ и платьевъ для прогулки. Пелеринны все больше и больше входятъ въ употребленіе; на прогулкахъ, въ театрахъ, всюду они начинаютъ замѣнять мантильи и бурнусы.

РЕЦЕНЗИЯ О ЧИСМЕНСКОМЪ СРАЖЕНІИ (*).—Недалеко отъ меня жилъ въ своемъ помѣстьѣ старикъ, имѣвшій около ста лѣтъ отъ рода и твердо помнившій многія событія изъ начала царствованія Екатерины - Великой. По обыкновенію всѣхъ стариковъ, для которыхъ настоящее и будущее представляють одну утомительную перспективу физическихъ страданій, онъ любилъ на крыльяхъ мечты переноситься въ область прошедшаго и воспринимать въ памяти своей то прекрасное время, когда сердце его, теперь остывшее уже подъ ледянымъ гвѣтомъ старости, трепетало отъ полноты жизни и сладостныхъ впечатлѣній юности,

Которой-ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежить пестра, необозрима...

Лучшимъ перломъ въ вѣщъ его воспоминаній была эпоха турецкой войны, начавшейся въ 1769 и конченной въ 1774 году выгоднымъ для Россіи кучук-кайнарджійскимъ миромъ. Походы Румянцева въ Молдавію и Валахію, взятіе Бендеръ графомъ Панинымъ, занятіе Крыма княземъ В. М. Долгоруковымъ, кагульская битва, и пиры, данные матерью отечества въ Петербургъ, по случаю заключенія мира съ Турками,—все это составляло въ памяти старца живую, какъ-бы недавно-разыгранную драму, въ которой актѣрами были герои его любимого времени, а авторомъ — святая истина. Рассказывая объ этихъ событіяхъ и увлекаясь поэзіею ихъ, старикъ не забывалъ однако положительной стороны историческихъ легендъ — правды, и часто подкрѣплялъ слова свои указаніемъ на какую-нибудь печатную бумагу, или частныя письма, въ которыхъ современникъ - писатель излагалъ по-

дробности дѣла, или повѣрялъ другу наблюденія свои надъ характеромъ дѣйствующихъ лицъ, открывая, безъ всякой пощады, глубокія тайны ихъ семейной жизни. Почти каждая изъ этихъ бумагъ украшалась собственно-ручными замѣтками старика: въ нихъ онъ уяснялъ то, что показалось бы для потомковъ слишкомъ-темнымъ, и дополнялъ пропуски, сдѣланные писавшими по умыслу, или по небреженію.

Наконѣцъ, въ прошломъ году, этотъ соствъ мой, утомленный долгими страданіями, — неразлучными спутниками глубокой старости, — выполнялъ послѣднюю обязанность челоука: онъ умеръ смертію обыкновенныхъ помѣщиковъ:

.....посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

Такъ-какъ покойникъ не принадлежалъ къ числу людей, которыхъ имена увѣковѣчиваются въ потомствѣ, то память о немъ сохранилась только въ маленькомъ кругу, переходящемъ за черту одного узла, и будущій потомокъ нашъ, проходя мимо деревяннаго креста, отмѣченнаго именемъ старца, не замечаетъ о судьбѣ міра, о возрожденіи и паденіи царствъ, съ которыми такъ тѣсно связываются имена великихъ людей, — нѣтъ, онъ равнодушно взглянетъ на эту скромную гробницу и не почтитъ ея ни слезою участія, ни восторгомъ пылкой души, пораженной величіемъ прошедшаго. Но эта могила не лишена прелести воспоминаній для тѣхъ, кто коротко зналъ покойника: къ числу ихъ принадлежу и я. Мнѣ и теперь еще слышится звучный, овергическій рассказъ старца о гигантскихъ подвигахъ героевъ его вѣка, о домашней жизни ихъ и даже о разныхъ мелочахъ, пошлыхъ въ быту частнаго лица, но чрезвычайно-любопытныхъ тогда, когда они бросаютъ хоть мало свѣта на характеръ и привычки великаго челоука, державшаго въ могучихъ рукахъ своихъ участь государствъ и наро-

(* Печатаю эту статью въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ отъ почтеннаго автора, которому долгомъ считаю свидѣтельствовать искреннюю благодарность за прекрасный подарокъ «Отечеств. Запискамъ».

Ред.

довъ. Мнѣ и теперь еще памяты отумасянные слезами восторга глаза старца, въ которыхъ свѣтилась любовь къ прошедшему и дрожаніе рукъ, показывавшихъ слушателямъ заветные листы, свидѣтельствующіе о славіи его любимаго времени... Пусть пройдутъ еще многіе годы — и тогда одинъ взглядъ на старую печатную бумагу, или на письмо, написанное широкими, прямыми, какъ шеренга солдатъ, буквами, съ двумя или тремя титлами и недописками на каждой строчкѣ—сейчасъ же напомятъ мнѣ изощренную страданіемъ физиономію покойнаго союда и его дребезжащій, но одушевленный голосъ, которымъ онъ рассказывалъ свои интересныя легенды.

Чаше или рѣже испытывать на себѣ эти впечатлѣнія—зависитъ теперь совершенно отъ моей воли, потому что изъоторыя изъ замательнѣйшихъ бумагъ, принадлежавшихъ умершему, достались мнѣ, и я съ особеннымъ удовольствіемъ готовъ передать ихъ вниманію читателей «Отечественныхъ Записокъ», если почтенному редактору угодно будетъ удѣлить имъ нѣсколько страницъ своего прекраснаго журнала (*).

Передо мною лежитъ теперь «Реляція о Чесменскомъ Сраженіи», напечатанная на большомъ, согнутомъ вдвое полулистѣ. Отъ нея такъ и вѣетъ семидесятымъ годомъ прошлаго столѣтія! Толстая, желтоватая бумага, какой не отыщете въ наше время даже въ лавкѣ Воронина, въ которой, какъ уже извѣстно, продаются всѣ издѣлія стробумажной промышленности; буквы въ родѣ нынѣшняго миттеля, крупныя, толстыя, аляповатыя; орфографія, изъясляющая прописными буквами свое глубокое почтеніе всѣмъ прилагательнымъ, произведеннымъ отъ собственныхъ именъ, и всѣмъ чинамъ и до-

стоинствамъ; слогъ, нѣсколько удаленный отъ сухаго слога официальныхъ бумагъ того времени, и кой-гдѣ испещренный цвѣтами реторики, которые такъ нравились въ прошломъ столѣтіи и нравятся въ некоторымъ «сочинителямъ» даже въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка,—вотъ наружные признаки этой реляціи. За то внутренняя, существенная сторона ея такъ полна, отчетлива и заключаетъ въ себѣ столько важныхъ подробностей, что можетъ пролить яркій свѣтъ на описываемую ею эпоху, — а надобно сказать, что эта эпоха очень важна для исторіи русской славы.

Вотъ въ чемъ дѣло. Варшавскій кабинетъ, угрожаемый войною со стороны Россіи, желая раздѣлить силы Русскихъ, обратился къ Оттоманской Портѣ съ убѣжденіемъ—объявить войну Екатеринѣ-Великой. Диванъ, еще живо поминившій недавнія победы Миниха, обрадовался случаю отмстить за нихъ: по его распоряженію, Татары, подвластные Портѣ, вторглись въ Сербію, и быстро, какъ опустошительный ураганъ, приближались къ русской границѣ. Сохранить миръ было невозможно, а потому Екатерина II, съ твердостью, достойною ея великаго духа и съ надеждою на правосудіе промысла, подписала опредѣленіе войны съ Портою. Это было въ январѣ 1669 года. Скоро послѣ того загремѣло русское оружіе—и фанатические воиноподобники Мухаммеда оросили кровію своею пологіе берега Дивстра... Предоставимъ исторіи описывать дальнѣйшіе подвиги Румянцева, Панина и Долгорукова на сушѣ, и перейдемъ прямо къ тому времени, когда русскій флотъ, подъ главнымъ начальствомъ графа А. Г. Орлова, соединился въ Средиземномъ Морѣ и занялъ операціонную линію вдоль Архипелага и береговъ Малой Азіи. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ сраженій, въ которыхъ выгода победы всегда оставалась на сторонѣ нашихъ, турецкій флотъ былъ настигнутъ русскимъ у чесменскаго порта... Но реляція доскажетъ осталь-

(*). Покорившись прошу объ этомъ, и увѣренъ, что читатели «Отеч. Записокъ» повторять за мною эту просьбу. Ред.

ное. Предлагаю ее читателямъ слово-въ-слово и притомъ безъ всякихъ перемѣвъ въ орфографіи.

Продолженіе извѣстій о дѣйствіяхъ флота Ея Императорскаго Величества противъ Оттоманской Порты.

«Сего Сентября 13 дня получено отъ Генерала Графа Алекси Григорьевича Орлова съ куріеромъ изъ Италіи ко двору Ея Императорскаго Величества донесеніе о совершенномъ истребленіи Турецкаго флота при берегахъ Асійскихъ, которое состоитъ въ слѣдующемъ:

«Когда Контръ Адмиралъ Елфинстовъ съ своею эскадрою соединился при берегѣ Морейскомъ съ эскадрою подъ командою Адмирала Спиридова, и получено было извѣстіе отъ упомянутаго Контръ Адмирала, что онъ на пути своемъ съ подрывленіемъ нѣсколькихъ кораблей отъ Адмиральской эскадры гвалъ непріятеля, который, для соединенія съ оставающимися позади его кораблями, бѣжалъ къ створамъ Асим, то въ то время Генералъ Графъ Орловъ прибывъ изъ Морей съ двумя кораблями, по соединеніи всего флота взялъ главную команду надъ онымъ. Первое его попеченіе было заpastись провіантомъ и водою.

«Что исполнивъ, опасались одного только того, дабы непріятеля не упустить за Дардавеллы, чего для съ благополучнымъ вѣтромъ и отправились искать онаго. Подъезжая къ острову Хіо увѣдомились, что Турецкій флотъ находится въ каналѣ за онымъ островомъ. Отряженъ былъ туда для полученія точнаго извѣстія корабль Ростиславъ, на которомъ посланъ былъ отъ главнокомандующаго Контръ Адмиралъ Грейгъ. Сей по возвращеніи объявилъ, что непріятельскій флотъ усмотрѣлъ ходящій подъ парусами въ лѣвѣи большихъ корабляхъ; но какъ уже было подъ вечеръ, то положено лавировать во всю ночь въ устьи онаго канала, а на разсвѣтъ войти туда. исполнивъ сіе въ назначенный часъ,

и увидѣвъ стоящаго непріятеля въ боевомъ порядкѣ, убавили парусовъ, чтобъ дожидаться отставшихъ судовъ. По приближеніи которыхъ, главные командиры събравшись вмѣстѣ съдѣлали распоряженіе къ атакѣ слѣдующимъ образомъ: Кораблямъ команды Адмирала Спиридова сочинять передовый строй боя; а кораблямъ Графа Орлова средній, Елфинстовымъ же двѣять сторожевой строй. Какъ развѣхались начальники по своимъ мѣстамъ, то данъ былъ сигналъ съ корабля Трехъ Іерарховъ, дабы стротиться къ бою по вышеположенному рописанію и идти къ атакѣ. Первымъ былъ корабль Европа, вторымъ Евстафій, третьимъ Три Святителей, четвертымъ Іануарій, пятымъ Три Іерарха, шестымъ Ростиславъ, седьмымъ Нетронъ Мена, восьмымъ Святославъ, деватымъ Саратовъ, а два фрегата, которымъ должно было быть тутъ же, къ тому времени не подошли. Въ семь порядкѣ 24 іюня въ половинѣ двенадцатаго часа подошли къ Турецкому флоту. Оный стоялъ однимъ крыломъ примкнувшись къ мѣли и къ небольшому каменному острову, другимъ протянулся къ порту, называемому Чесме, находясь въ весьма выгодномъ положеніи. Вдругъ началась съ Турецкаго флота по нашему жестокая пальба. Европа вступила въ бой, который въ половинѣ перваго часа сдѣлался общимъ. Евстафій, на которомъ былъ нашъ заслуженный Адмиралъ Спиридовъ, съ несказаннымъ терпѣніемъ и мужествомъ выдерживалъ всѣ непріятельскіе выстрѣлы, подходя къ нимъ ближе; а пришедъ къ мѣру началъ производить свой огонь безъ умолка съ такою жестокостію, что непріятель отъ того великій вредъ почувствовалъ. Однакожъ ядра непріятельскіе съ разныхъ кораблей противу его устремляющихся не переставали осипать его. Тутъ вступилъ въ сраженіе и корабль Трехъ Святителей, такъ же и Іануарій выдвинувшись въ передъ изъ своихъ мѣстъ. По семь сталъ сражаться и корабль главнокомандующаго.

манующаго, называемый Трехъ Иерарховъ, за которымъ послѣдовалъ Ростиславъ, на коемъ находился князь Юръя Долгоруковъ. Корабли же командоваемыя Елфинстеновою по положенію своему были въ некоторомъ отдаленіи. Ударъ за ударомъ выстрѣловъ пушечныхъ сливаясь, непрерывный громъ производили. Воздухъ, наполненъ будучи дымомъ, скрывалъ корабли отъ вида другъ у друга, такъ что и лучи солнца померкли. Свистъ ядеръ летящихъ и разныя опасности представляющіяся, и самая смерть смертныхъ ужасающая не были довольно сильны произвести робости въ сердцахъ сражавшихся со врагомъ имевши Христова Россіанъ, истинныхъ сыновъ отечества и достойныхъ подданныхъ Великія Екатерины. Въ самомъ жесточайшемъ сраженіи были четыре корабля: Евстафій, Три Святителя, Лавуарій и Три Иерарха. Напослѣдокъ корабль Евстафій, сѣвцясь съ кораблемъ главнокомандующимъ надъ непріятельскимъ флотомъ, производилъ въ самое то время пушечную и ружейную пальбу, отъ чего оный и загорѣлся. Корабль же Трехъ Иерарховъ, лежа на якорѣ и сражаясь съ двумя непріятельскими, увидѣвъ въ опасности Адмирала, и тотчасъ отрубилъ якорь изъготовился къ абордажу: но примѣтивъ, что непріятельскій корабль горитъ, привужденъ былъ принятое намѣреніе оставить, давъ сигналъ, чтобъ всѣ военныя шлюпки поспѣшали къ Евстафію. Подгорѣвшая у Турокъ мачта упала поперегъ на нашъ корабль, спевдившійся и почти уже завладѣвшій онымъ, и тѣмъ въ пламень привела и нашъ. Въ самомъ скоромъ времени послѣ того корабль нашъ взорвало, за которымъ слѣдовалъ и непріятельскій. Сіе происшествіе, и то что Турки не могли уже болѣе терпѣть, зря столь жестокою и неустрашимую съ нашей стороны атаку, привели флотъ Оттоманскій въ трепеть, который отрубивъ якорь и поднявъ парусы бѣжать началъ въ великомъ смѣтеніи въ Портъ подъ защищеніе крѣпости Чесме. Графъ Ор-

ловъ поднимать всѣ парусы на корабль Трехъ Иерарховъ стремился въ самый внутрь непріятельскаго флота, но не былъ въ силахъ догнать оный за легкостію Турецкихъ судовъ. Скоро послѣ того обрадованъ оный былъ извѣстіемъ полученнымъ о спасшихся съ корабля Евстафій, между которыми Адмиралъ, Кавитанъ и братъ его Графъ Федоръ Орловъ находился.

«Послѣ сего сдѣлано распоряженіе запереть непріятельскій флотъ со всѣхъ сторонъ въ гавани, служившей ему убѣжищемъ, что вскорѣ и исполнено. Наряженъ для бомбардированія непріятеля одинъ бомбардирскій корабль, который и причинялъ ему чрезъ цѣлые сутки вредъ и безпокойство. Непріятель съ своей стороны изготавилъ на берегу большую батарею, и поставилъ тамо болѣе двадцати пушекъ. Между-тѣмъ наши приготавляли четыре брандера. На другій день по собраніи совѣта положено было производить атаку ночью, къ коей наряжены были четыре корабля: Нетровъ, Мевя, Ростиславъ, Саратовъ и Европа, и два фрегата, подъ командою Контръ Адмирала Грейга. Подъ сими прикрытіемъ слѣдующую ночь, призвавъ Господа силъ въ помощь, брандеры и отправлены, на которыхъ посланы были явившіеся къ тому охотники двое изъ Россіи и нашей службы двое Англичанъ, прочимъ же кораблямъ велено быть въ готовности для поддержанія. Непріятель примѣтивъ идущихъ началъ производить преужасный огонь со всѣхъ своихъ кораблей и съ берега. Наши не упустили ничего, чтобъ равномерно имъ отвѣтствовать. Начали Оттоманскіе корабли загараться, но скоровостижно пожары сіи ими утушаемы были, пока наконецъ загорѣлся на одномъ ихъ корабль марсель, что Контръ Адмиралъ Грейгъ примѣтивъ, самъ пересталъ производить пальбу, и велѣлъ ити брандерамъ. Оные ни мало не мѣшавъ исполняли свою должность съ великимъ терпѣніемъ и неустрашимостію по давному имъ наставле-

вію съ желаемиымъ успѣхомъ: въ чемъ отъменно отличился господинъ Ильинъ, который подошелъ къ Турецкому кораблю съ полнымъ экипажемъ находящемуся, въ глазахъ къ положилъ браваду въ корабль и зажегши браваду возвратился безо всякой торопливости съ присутствіемъ духа, какъ и прочіе, назадъ. Тутъ же увидѣли вдругъ въ разныхъ мѣстахъ загорѣвшійся флотъ непріятельскій, узяли и побѣду свою совершенно. Возхищенные симъ зрѣлищемъ изъавляли они другъ другу радостное сердце своихъ чувствъ, и каждый изъ нихъ ощущая веселіе, свойственное побѣдителямъ, возсылаъ Всевышнему хвалу о томъ, что могъ подать вѣлжымъ опытъ усердія къ своей Государынѣ и отечеству. Въ самое сіе время съ кораблей нашихъ, у прикрытія бывшихъ, началась пачи пальба вѣжесточайшая въ томъ намъреніи, дабы непріятелю ни гаситъ, ни спастися не давать времени. Вскоръ по семь началось врать непріятельскіе корабли одинъ по другому. Сіе чрезвычайное явленіе столь ужасно было, что и берега стоцали; и по истеченіи малаго времени весь непріятельскій флотъ обращенъ въ пепель, исключая одинъ корабль о шестидесяти пушкахъ и пять галеръ, котормя нашимъ достались въ добычу съ вѣсколькими малыми судами. По семь высадили нашихъ людей на берегъ, кои взяли непріятельскую батарею, и того же дня самъ главнокомандующій съ братомъ своимъ Графомъ Федоромъ Орловымъ и съ находящимся при немъ лейбъ-гвардіи Майоромъ Княземъ Долгоруковымъ и Контръ Адмираломъ Грейгъ взяли на Аватолійскій берегъ. Нашедши тамъ при многомъ числѣ мертвыхъ тѣлъ множество раненыхъ и утопающихъ непріятелей изъ чловѣколюбія спасали жизнь оныхъ, а большому числу изъ нихъ отъ Высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества дана была свобода.

«Въ портъ сочтено огнемъ изстребленаго Турецкаго флота :

«15 ливейныхъ кораблей, изъ коихъ шесть отъ 80 до 90 пушекъ, прочіе были отъ 70 до 60, шесть фрегатовъ, вѣскольکو шебекъ и брегантинъ, множество полугалеръ, фелукъ и другихъ малыхъ судовъ, а всѣхъ вообще около ста судовъ.

«Въ заключеніи главнокомандующій флотомъ Генералъ Графъ Орловъ приносилъ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшее поздравленіе съ сею знаменитою побѣдою, повергаетъ себя со всеми въ командъ его находившимися ко стопамъ Самодержицы, и предлагаетъ въ Высочайшую милость и благоволеніе Ея, особливо же рекомендуетъ Контръ Адмирала Грейга, какъ храбраго, искуснаго, и деутомимаго офицера».

Такъ-такъ эта реляція есть только продолженіе извѣстій, до нея изданныхъ, хотя она напечатана на особомъ полулистѣ, то, можетъ-быть, по сей причинѣ, не выставленъ на ней годъ событія; но ототъ важный пропускъ вполнѣ вознаграждается собственно-ручною замѣткою преемника владѣльца реляціи, которую списываю здѣсь съ подобающею точностію:

«Все сіе происходило сказаннаго числа 1770 году и съ той поры побѣдившіе врага Христова Россіея пребывали мило Богу и преуспѣвали въ побѣдахъ на суши и мори. Герой же сей знаменитой баталіи Графъ Орловъ проименованъ отъ Государыни Чесменскимъ».

Должно полагать, что эта замѣтка написана гораздо-позже 1770 года, потому-что въ то время выраженіе: «и съ той поры побѣдившіе врага Христова Россіея» и проч. не могло бы имѣть приличнаго мѣста. Орфографія замѣтки, особенно же перемѣна буквы ѣ на букву и и смѣгченіе твердаго ѣ въ словѣ «мили» (мили)—сочинена подъ вліяніемъ южнорусскаго нарѣчія.

Продолженіе войны и слѣдствія ея извѣстны каждому образованному читателю; мнѣ остается только замѣтить, что Chesменское сраженіе было знаменитѣйшимъ дѣломъ нашего фло-

та въ-продолженіе всей кампаніи; послѣ него Русскіе доплывали до береговъ Африки, водружали побѣдосный флагъ свой на многихъ островахъ, принадлежащихъ Турціи, и возвратились въ отечество покрытые славою и обогащенные новою опытностію въ искусство мореплаванія.

Князь Вл. К—въ.

Ноября 27.
1841.

Г. Глинскъ.

ЗАСѢДАНІЯ УЧОНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ РОССІИ И ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

I.

ИМПЕРАТОРСКАЯ САНКТПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

Въ засѣданіи 10 декабря 1841, г. *Струве* читалъ отчетъ о библиотекѣ Пулковской Обсерваторіи, обогащенной чрезъ покупку собранія книгъ покойнаго доктора Ольберса, въ Бременѣ. Для заведенія сколько-возможно-полной, но сообразной съ мѣстною плѣлю библиотеки при Пулковской Обсерваторіи, была назначена особенная сумма, и потомъ на обогащеніе ея ассигнована годичная сумма 1000 рублей. Стараніями г. директора обсерваторіи, образовалась библиотека не обширная, но отборная; до прошлаго лѣта она содержала въ себѣ 1) собраніе небесныхъ картъ 8 номеровъ. 2) 562 творенія, составляющихъ 1566 томовъ, и 321 мелкое сочиненіе. Между-прочимъ, библиотека уже могла похвалиться многими важными коллекціями; таковы, напримѣръ, мемуары Парижской Академіи до новѣйшихъ временъ, асѣ egiditogus, комментарий и мемуары Санктпетербургской Академіи, всѣ совершенно полныя, и еще многія сочиненія, которыя считаются большими рѣдкостями. Благодаря ревности г. Струве и мѣрамъ, которыя онъ принималъ во время своего послѣдняго путешествія по Германіи, библиотека Пулковской Обсерваторіи владѣтъ те-

перь, сверхъ того, собраніемъ книгъ Ольберса, которое составляетъ богатѣйшее ея приобрѣтеніе. Въ-самомъ-дѣлѣ, библиотека Ольберса была одна изъ лучшихъ частныхъ германскихъ библиотекъ по части астрономіи; покойный владѣлецъ ея, человекъ, имѣвшій достатокъ, составляя ея въ-теченіи болѣе 50 лѣтъ, съ рвеніемъ и разборчивостію, имѣя преимущественно въ виду свою любимую часть, кометографію, и многіе еще несовершенныя проясненные вопросы по части исторіи астрономіи. Библиотека Пулковской Обсерваторіи получила слѣдующее приращеніе: небесныхъ картъ 24 нумера, книгъ 632 въ 978 томахъ, мелкихъ сочиненій 2249.

Г. Струве, представивъ каталогъ библиотеки по отдѣленіямъ, сообщаетъ библиографическія извѣстія о многихъ рѣдкостяхъ, въ ней находящихся; это 50 книгъ, коихъ древность восходитъ далѣе 1550 года.

—Г. Буяковскій представилъ Академіи первые листы своихъ *Основній математической теоріи вѣроятностей*. Это сочиненіе будетъ издано на русскомъ языкѣ; оно раздѣляется на двѣ части: въ первой говорится объ опредѣленіи вѣроятностей, когда надежды (chances) могутъ быть выведены а priori, изъ самаго вопроса; во второй, болѣе-пространной, авторъ занимается изысканіемъ законовъ вѣроятности, опредѣляемой а posteriori, то-есть въ случаѣ, когда все число надеждъ неизвѣстно или неопредѣленно. Важнѣйшія и полезнѣйшія приложенія анализа случаевъ будутъ показаны въ этой второй части. Сочиненіе окончится примѣчаніями, объясняющими разныя аналитическія теоріи, которыя были опущены въ текстъ съ тою цѣлью, чтобъ не прервать нити изложенія. «Предпринимая на русскомъ языкѣ сочиненіе объ анализѣ вѣроятностей» говоритъ г. Буяковскій, «я прежде всего имѣлъ цѣлью пополнить одинъ изъ промежутковъ нашей математической литературы. Вторая цѣль моя, и гораздо труднѣйшая для достиженія, со-

стоитъ въ томъ, чтобъ сдѣлать болѣе доступными трудныя теоріи, которыхъ есть столько примѣровъ въ исчисленіи случаевъ.»

— Въ засѣданіи 7 января 1842, г. Якоби читалъ отчетъ о своихъ трудахъ по части электромагнетизма въ 1841 году. «Позвольте мнѣ, говорить ученый физикъ, кратко обозначить мѣсто, которое гальванизмъ и электромагнетизмъ занимаютъ въ области науки и жизни; ибо это мѣсто мнѣ кажется нѣкоторымъ образомъ исключительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что большая часть родовъ практики, имѣющей предметомъ нужды или пріятности жизни, находилась уже въ полномъ цвѣтѣ, прежде нежели узнали ихъ отношенія къ наукамъ. Звѣзды были наблюдаемы прежде, нежели Ньютонъ опредѣлилъ ихъ движеніе; химическіе процессы употреблялись прежде, нежели узнавъ вѣсъ атомовъ; машины строились прежде, нежели была известна формула живыхъ силъ, и пр. Не такова судьба предмета, о которомъ я говорю. Въ тихомъ кабинетѣ одного съвернаго учонаго (*) дѣлается открытіе, которое поставляетъ въ тѣснѣйшее отношеніе двѣ силы природы, представлявшіяся дотѣхъ во всѣхъ явленіяхъ совершенно-раздѣльными между собою. Существованіе этихъ силъ тогда едва было известно въ области, въ которой движутся учоныя изысканія, и еще далеко отъ того, чтобъ найти себѣ приложеніе къ жизни. Но лишь прошло нѣсколько лѣтъ, и это мирное учоное завоеваніе не только само возрасло значительно, но и проникло различными направленіями въ практику; скажемъ еще болѣе: стали дѣлать съ этой стороны такія большія требованія отъ новой отрасли физики, что ихъ можно извицитъ лишь прелчувствіемъ того, что еще оставалось сокрыто. Было бы неумѣстною скромностью съ моей стороны, еслибъ я не упомянулъ о вліяніи, которое съ того времени мои труды имѣли на практиче-

ское развитіе гальванизма и электромагнетизма во многихъ отношеніяхъ. Но не стыжусь сознаться, что я нѣрѣдко бываю въ положеніи того ученика-чародѣя, въ которомъ практическія требованія преобладаютъ и даже не терпятъ необходимаго ограниченія. Я называю судьбу гальванизма и электромагнетизма исключительною потому, что практическія приложенія этихъ двухъ физическихъ учений суть, болѣе нежели гдѣ-либо, ихъ чада; дѣйствительно, всѣ приложенія, которыя сюда относятся, родились и возрасли на почвѣ науки, и только отъ науки могутъ получить свое дальнѣйшее развитіе. Особенный интересъ даетъ этимъ занятіямъ, по моему мнѣнію, то обстоятельство, что это первый и самый рѣзкій примѣръ спльнаго вліянія, которое успѣхи науки могутъ имѣть на жизнь. И потому-то все, что дѣлается въ этой области, будетъ ли оно даже имѣть направленіе еще болѣе промышленное, — не недостойно вниманія Академіи.

«Перехожу къ приложеніямъ электромагнетизма, какъ движущей силы. и къ тому состоянію, въ которомъ теперь находится этотъ предметъ. Вы знаете, что въ концѣ 1837 года, по приказанію г. министра народнаго просвѣщенія и президента Академіи, я былъ приглашенъ сюда, чтобъ относящіяся къ гальванизму и электромагнетизму опыты, сдѣланные мною въ Кѣнигсбергѣ и въ Дерптѣ на собственный мой счетъ, повторить въ большемъ размѣрѣ и вмѣстѣ изслѣдовать законы электромагнитныхъ машинъ. Щедротами нашего Монарха вознаграждены издержки, бывшія необходимыми для этого. Я представилъ г. министру программу, и онъ поручилъ разсматривать ее Академіи. Въ этой программѣ я не возбуждалъ ожиданій, которыя не могли исполниться, и просилъ не слыхкомъ-краткаго времени для рѣшенія моей задачи. Такъ-какъ программа вытекала изъ свойства предмета и изъ моего личнаго настроенія, то я и не имѣлъ нужды держать ее всегда передъ

(*) Эрстеда. Ред.

глазами, чтобъ не отступить отъ ней, но производилъ свои опыты совершенно сообразно съ нею.

«Вы знаете, въ какомъ состояннн были наши познанія касательно электромагнетизма при началѣ моихъ опытовъ. Мы, правда, удалось построить машину, которая съ средствами относительно - малыми производила дѣйствиe изумительное; но до этого построения достигнуто было ошущью, и потому оно не могло основываться ни на какомъ опредѣленномъ началѣ. Установить это начало, и установить съ такою же вѣрностью, какъ это бываетъ при другихъ машинахъ—вотъ на что смотрѣлъ я, какъ на основаніе моей задачи; самая же задача можетъ быть выражена въ слѣдующемъ простомъ вопросѣ: *Какое тахітм механической работы можно получить чрезъ электролитическое разведеніе даннаго количества цинка?* Чтoбъ дойти до рѣшенія, надобно было напередъ изслѣдовать законы электромагнитнаго возбужденія и притягиванія, значеніе разнѣтровъ желѣза, круговъ проволоки и пр. Рядъ работъ, которыя я, вмѣстѣ съ г. Ленцомъ, сдѣлалъ для достиженія этой цѣли, былъ вамъ представленъ въ свое время и напечатанъ въ «Bulletin Scientifique». Мы будемъ имѣть честь представить вамъ въ скоромъ времени, и вполнѣ, работу болѣе-обширную; она была давно начата, продолжалась въ теченіи прошлаго года, но еще не могла быть совершенно приведена къ концу. Эта работа, впрочемъ, важна болѣе для статической стороны электромагнитныхъ машинъ; въ-отношеніи къ тому, чтo въ машинахъ вообще называется исполненіемъ, или экономическимъ дѣйствіемъ, онѣ имѣютъ въ-которымъ образомъ то же значеніе, какъ изысканія о силѣ напряженія водяныхъ паровъ, при различныхъ температурахъ, въ-отношеніи къ паровымъ машинамъ. Известно, — и это узвано было уже въ-послѣдствіи, — что, не смотря на возрастаніе силы напряженія водяныхъ паровъ гораздо быстрѣе, всели возрастаніе

температуры, машины съ выскокимъ давленіемъ не доставляютъ безусловныхъ, экономическихъ выгодъ. После мы покажемъ, сходство паровыхъ машинъ съ машинами электро-магнитными; а теперь обратимъ вниманіе на одно различіе, отъ котораго происходитъ необыкновенная трудность въ нашемъ предметѣ. Много было сдѣлано опытовъ, изъ которыхъ со всею опредѣленностью выводится количество топлива, потребное для того, чтобъ, по совершенномъ сгорѣннн, превратить, напримѣръ, кубическій футъ воды въ 1700 (около) кубическихъ футовъ паровъ. Вообразимъ, что эти пары заключены въ призму съ подвижнымъ дномъ, и опять сгущены въ одинъ кубическій футъ воды; припомнимъ еще, что давленіе атмосферы на каждый квадратный дюймъ есть 15 фунтовъ: тогда легко можно вычислить, что мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи механическую силу, которая въ состояннн подвять около 3.672,000 фунтовъ на 1 футъ высоты. Въ то же время будетъ вычислено тахітм работы, которое можно получить отъ даннаго количества топлива. Махітмъ есть предѣлъ, за который нельзя выйти: такое мы имѣемъ о немъ понятіе. Слѣдовательно, въ усовершенствованіяхъ, которыя люди каждый день вводятъ въ паровыя машины, они имѣютъ въ виду только приблизиться болѣе и болѣе къ этому предѣлу, и, при крайнемъ счастіи, достигнуть его. Знать съ опредѣленностью о существованнн такого предѣла и даже имѣть возможность обозначить его числомъ, — неоцѣненная выгода для изысканій; безъ этого, они не имѣли бы опоры и были бы дѣлаемы на вѣтеръ. Замѣтимъ также, что въ ходѣ возрастанія теплоты, какъ механическаго дѣятеля, нѣтъ нигдѣ промежутка, нѣтъ ничего таинственнаго, и съ самаго начала можно знать тотчасъ съ величайшею опредѣленностью, на какой пунктъ должно обратить свои изслѣдованія, чтобъ получить какой-нибудь результатъ. Совершенно иначе въ электромагнит-

ныхъ манивахъ: въ нихъ форма явленія проста, но сила, съ которою имѣешь дѣло, остается въ глубокомъ мракъ. Знаемъ ли мы, что въ гальваническихъ явленіяхъ причина и что дѣйствіе? необходимъ, или мѣшаетъ этотъ разведенный атомъ цинка? Телота говоритъ намъ весьма разнообразно; мы видимъ, чувствуемъ, измѣряемъ, какъ и съ какою силою приводитъ она въ движеніе частицы тѣлъ, но магнитное желѣзо нѣмо и непроницаемо.

«Гола полтора назадъ, я имѣлъ честь представить Академіи ноту о законахъ электромагнитныхъ машинъ, въ которой этотъ предметъ изложенъ такъ, какъ позволяетъ настоящее состояніе нашихъ свѣдѣній. Тамъ я показалъ, что во всякомъ родѣ машинъ и батарей этого рода *механическая работа находится въ прямомъ отношеніи къ потребленію цинка и независима отъ органовъ движенія*. Какъ вездѣ въ природѣ, дѣйствіе здѣсь — окончательное. Этихъ законовъ, въ ихъ подробностяхъ, я еще не могъ подвергнуть строгому опытному анализу; но все у меня готово, чтобъ воспользоваться первымъ досугомъ для этого труда. Законы электромагнетизма доселѣ открывались мнѣ только въ общихъ фактахъ, и помощію ихъ я былъ въ состояніи изяснить множество явленій, къ которымъ прежде не было ключа. Теперь же необходимо опредѣлить постоянные законы, и именно найти механическую работу, которую можетъ сдѣлать электролитическое разведеніе даннаго количества цинка. Между-тѣмъ, я обращаю ваше вниманіе на одинъ фактъ, который не позволяетъ считать безусловнымъ результатъ этого изысканія, и который изумитъ химиковъ; именно, одинъ и тотъ же атомъ цинка можетъ дать различныя количества механической работы, смотря по тому, въ цинко-мѣдной ли батарее или въ цинко-платиновой будетъ онъ разведенъ. Въ послѣднемъ случаѣ эта работа въ $1\frac{3}{4}$ раза болѣе, нежели въ первомъ; но вообще, она пропорциональна электро-движущей силѣ ме-

талловъ, употребленныхъ на батарею. Наибольшая часть известныхъ доселѣ обнаруженій гальваническаго тока пропорциональны ей же; но здѣсь встрѣчается первое исключеніе, и мнѣ кажется, что именно этотъ, а не другой какой-нибудь фактъ долженъ повести къ рѣшенію важнаго вопроса о томъ, какаѣ теорія должна быть принята: химическая, или теорія прикосновенія. И тотъ же фактъ заставляетъ думать, что рѣшеніе будетъ въ пользу послѣдней.

«Въ точныхъ наукахъ есть факты, которые даютъ опору наукѣ и устанавливаютъ ея рѣшительное направленіе. И тѣ правы, которые не считаютъ безплодными трудовъ, имѣющихъ предметомъ электромагнитныя машины, когда эти труды привели къ результату, столь важному и такому, что, если развить его болѣе, онъ общаетъ еще другіе выводы для теоріи электромагнетизма.

«Я долженъ еще замѣтить, что великія надежды, которыя питала Германія въ-отношеніи къ электромагнетизму, должны войти въ свои надлежащія границы теперь, когда мы достигли до законовъ, о которыхъ сейчасъ говорили. Конечно, отъ расположенія органовъ движенія въ электромагнитныхъ машинахъ можно ожидать еще многого; но отъ одного ихъ увеличенія или умноженія, съ удержаніемъ тѣхъ же батарей, ожидать нечего. Не скрою, что въ-продолженіе нашихъ работъ мы сами были въ подобномъ заблужденіи, и что много случилось горькихъ разочарованій прежде, нежели мы достигли до этого убѣжденія.

«Небуду утомлять васъ исчисленіемъ и описаніемъ разнообразныхъ снарядовъ, которые были построены для нашихъ опытовъ, тѣмъ болѣе, что четверо изъ господъ-товарищей нашихъ имѣли оффиціальныя случаи разсмотрѣть этотъ предметъ во всей подробности. Но замѣчу, что мѣстныя обстоятельства окружили исполненіе этихъ работъ необыкновенными трудностями, которыя, наконецъ, сдѣлались почти нестерпи-

мыми. Предпріятыя прошлою осенью опыты, которые, по причинамъ, несколько не касающимся собственно такъ-называемаго электромагнетизма, не соответствовали самымъ справедливымъ ожиданіямъ, представляютъ на то доказательства. Изъ этихъ опытовъ, многочисленныхъ и сдѣланныхъ въ большомъ размѣрѣ, я не могъ и не хотѣлъ извлечь никакихъ положительныхъ и точныхъ формулъ; да и кто вздумалъ бы искать точныхъ результатовъ съ снарядами, въ которыхъ то расположеніе частей, то построеніе, были источниками многочисленныхъ ошибокъ! Несправедливо было бы изъяснять эти ошибки невыгодно для электромагнитной силы. Конечно, не долго будетъ оставаться не восполненнымъ этотъ промежутокъ, который доселѣ препятствуетъ совершенно опредѣлить настоящее состояніе предмета. Но если даже экономическая выгода будетъ на сторонѣ прежнихъ двигателей, какъ почти можно предвидѣть: тѣмъ не менѣе электромагнитныя машины имѣютъ свою будущность.

Я считаю механическую часть, именно расположеніе органовъ движенія, почти законченною. Хотя усовершенствованія въ этомъ отношеніи возможны, но они, по самому свойству своему, могутъ появляться лишь мало-помалу, и, какъ я думаю, не приведутъ къ рѣшенію вопроса. Такому будущности должно предсказать самому произведенію гальваническаго дѣйствія, которое должно считать источникомъ этой силы. Здѣсь мы вступаемъ на почву, съ которой открываются обширныя виды. Прежде всего замѣчаемъ, что въ экономическомъ отношеніи, собственно дѣло идетъ о томъ, чтобъ образовавшейся въ гальваническихъ батареяхъ цинковой соли найти обширное техническое приложеніе и, слѣдовательно, вѣрный сбытъ, который бы покрывалъ, отчасти или совершенно, издержки электромагнитныхъ машинъ. Нельзя напередъ утверждать, что это невозможно; недавно г. Дюма, въ своемъ отчетѣ, читанномъ въ

Парижской Академіи Наукъ, говорилъ объ опинкованіи желѣзныхъ вещей мокрымъ путемъ, какъ о предметѣ чрезвычайно-важномъ. Замыщеніе желѣзнымъ ничуть не кажется невозможнымъ, и чрезъ это издержки содержанія машинъ уменьшились бы. Чтобъ начать съ батареей на сѣрвокислой мѣди, вообразите себѣ большой снарядъ для приготовленія гальванопластическихъ предметовъ. Съ тѣмъ же атомомъ цинка или желѣза, которымъ вы представите мѣдь въ твердомъ ея видѣ, требуемомъ техническими приложеніями, можете также получить известное количество механической работы. Въмѣсто чистой сѣрвокислой мѣди можно взять, если есть случай, такую, которая ситѣна съ желѣзными солями, и даже мѣдныя растворы, приготовленные для излеченія цемента. Смѣло увѣрю, что выгода простирается бы отъ 16,000 до 18,000 пудовъ этого цемента въ годъ. И въ то же время какую значительную движущую силу мы могли бы имѣть въ своемъ распоряженіи, есдабъ разводили электролитически желѣзо, пропадающее даромъ! Такая сила, конечно, зависѣла бы только отъ мѣстныхъ отношеній, подобно тому, какъ это и бываетъ въ которыхъ образѣ въ паровыхъ машинахъ. Еще многимъ другимъ металлургическимъ процессамъ предстоитъ преобразованіе, долженствующее произойти отъ электро-химіи; и здѣсь механическая работа была бы получена какъ побочное дѣйствіе. Повтому, я думаю, надобно было бы прилежно заняться этимъ предметомъ. Пусть дѣлаютъ гальваническія батареи не для электромагнитныхъ машинъ, но пусть строятъ такія машины тамъ, гдѣ гальваническія батареи, или вообще электролитическіе процессы, введены или могли бы быть введены для другой цѣли, напримеръ, на монетныхъ дворахъ, на мѣднѣныхъ заводахъ, или въ другихъ обстоятельствахъ, о которыхъ я предполагаю говорить во второй части моего донесенія.

«Такъ какъ въ предметѣ, который насъ занимаетъ, усовершенствованіе

процѣнѣ гальваническихъ батарей всегда остается главнымъ дѣломъ, электро-магнитныя машины должны повѣстись сами-собою, когда электролитическіе опыты распространятся болѣе, какъ это безъ сомнѣнія и случится. Толчокъ, который, два года назадъ, анъ электромагнитнымъ изысканіямъ, же произвелъ самые неожиданные результаты, которые непременно будутъ имѣть благоприятное обратное дѣйствіе. Съ моей стороны было бы непротивительно односторонностью, еслибы вздумалъ считать изысканія, дѣлаемые по части электромагнетизма, относящимися къ вопросу о электромагнитныхъ машинахъ, на томъ основаніи, что результаты этихъ изысканій еще не обозначились съ очевидностію. Явленія, съ которыми мы здѣсь имѣемъ дѣло, такъ многосторонни и многообразны, что еслибы даже намъ суждено было не дойти до рѣшенія задачи, тогда какъ мы идемъ на нее прямо, то съ-тати мы не можемъ сомнѣваться, что наконецъ разрѣшимъ ее съ той или съ другой стороны. Если въ предложенныхъ изысканіяхъ найдено будетъ, что цинкъ слишкомъ дорогъ, то просто должно будетъ стараться найти способъ сдѣлать его дешевле, и такимъ образомъ обезопасить судьбу электромагнитныхъ машинъ. Вступивъ же однажды на поприще, надобно и держаться на немъ.»

Окачивая свое чтеніе, г. Якоби предлагаетъ представить Академіи, въ одномъ изъ ближайшихъ ея засѣданій, вѣдѣніе о другихъ своихъ работахъ, которыми онъ преимущественно занимался въ прошломъ году, и особенно въ последнее время.

—Г. Гусъ сообщилъ Академіи любопытное письмо г. Эренберга, изъ Берлина. Знаменитый нѣмецкій натуралистъ извѣщаетъ нашу Академію о добъ земли, наполняемой маленькими живыми животными, въ почвѣ Берлина. Это—ископаемая микроскопическія твари, находящіяся подъ берлинскими домами. Любопытствующіе могутъ узнать подробности этого рѣдкаго и уд-

дивительнаго явленія въ ежемѣсячныхъ отчетахъ Берлинской Академіи, именно въ тетради за іюль прошлаго года. Съ того времени стало еще вѣрнѣе и яснѣе, что въ Берлинѣ есть огромное ископаемое совмище непримѣтныхъ для глаза животныхъ, которое лежитъ непосредственно на буромъ пескѣ и внизу глины. Этотъ, можно сказать, слой животныхъ находится болѣею частию на глубинѣ отъ 15 до 20 футовъ подъ уличною мостовою, и отъ 3 до 8 футовъ подъ двумя рѣкѣ Спре. Толщина слоя простирается во многихъ мѣстахъ до 5 и даже до 8 футовъ, а въ другихъ, по увѣренію работниковъ, копающихъ землю, до 60 и почти до 100 футовъ. Въ улицахъ Luisenstrasse и Carlsstrasse многіе дома, которые по незванію были построены на этой почвѣ, обвалились, и это заставляетъ при постройкѣ новыхъ домовъ класть глубокой фундаментъ, который бы опирался на бурый песокъ.

Всего замѣчательнѣе, что многія изъ этихъ маленькихъ животныхъ совмищъ не живутъ на поверхности земли въ Берлинѣ. Но, по изслѣдованіямъ г. Эренберга, они живутъ въ рѣкѣ Пеенѣ близъ Вольгаста, и попадаютъ кучами въ третичныхъ слояхъ. Пеена принадлежитъ къ системѣ Одера, а Спре къ системѣ Эльбы. Въ Эльбѣ, близъ Куксгагена, г. Эренбергъ не нашелъ никакихъ слѣдовъ ископаемыхъ живыхъ животныхъ. Далѣе лежитъ Балтійское Море, на 100 футовъ ниже Берлина.

Подземная, невидимая и давняя жизнь этого рода, на такомъ огромномъ пространствѣ, и въ связи съ другими фактами, заслуживаетъ особенное вниманіе, и г. Эренбергъ предлагаетъ этотъ предметъ на дальнѣйшее изслѣдованіе.

Движеніе этихъ маленькихъ животныхъ, взятыхъ порознь, усматривается рѣдко. Многія изъ нихъ, подобно устрицамъ, постоянно неподвижны, а нѣкоторыя, похожія на корабляки, ползаютъ медленно, но примѣтно для глазъ. Признакъ жизненности этихъ микроскопическихъ тварей состоитъ главнѣйше въ томъ, что многія изъ

нихъ наполнены зелеными или желтыми яичками, между-тѣмъ, какъ всѣ другія не представляютъ ничего подобнаго.

Не все это ископаемое совмѣще живеть; напротивъ, тутъ являютя слоготъ съ живыми животными, то съ мертвыми поверемъшию.

— Въ заставлѣн 21 января, г. Якоби читаль донесеніе о гальванографіи. Академія помнить, что 7 августа 1840, г. Якоби представилъ ей первые и очень удавшіеся образчики гальванографіи, отъ имени Его Императорскаго Высочества Герцога Лейхтенбергскаго. Его Императорское Высочество сдѣлалъ рисунки разныхъ родовъ, частію на полированной мѣди, частію на плакированныхъ серебряныхъ (обложенныхъ серебромъ) доскахъ, и для этого употребилъ растворъ дамаровой смолы въ терпентинномъ маслѣ (скипидарѣ). Гальванопластическая копія этихъ досокъ прямо представила готовый для оттиска вырзокъ оригинальнаго рисунка. Это прекрасное и важное приложеніе гальванопластики открыло рисовальному искусству новое и обширное поле, потому-что чрезъ это образовалась совершенно-особенная техника.

Въ-последствіи, Его Императорское Высочество употреблялъ, вмѣсто смолы, обыкновенный англійскій лакъ, который онъ вводилъ перомъ на полированныхъ, но вовсе неприготовленныхъ металлическихъ доски. Такимъ образомъ произошли представленныя Академіи письма и рисунки, изъ которыхъ видно, что самыя тонкія черты могутъ быть воспроизводимы этимъ способомъ.

Кромѣ художественнаго и техническаго интереса, гальванографія представила еще физическое явленіе, которое сопровождается ее, и которое состоитъ въ томъ, что и поверхности, непроводящія электричество, мало-помалу покрываются мѣдью совершенно правильно. Это явленіе не такъ легко объяснить, какъ кажется съ перваго взгляда, потому-что здѣсь никакъ нельзя думать, чтобъ непроводящія вы-

пуклыя части мало-помалу покрывались мѣдью снизу. Касательно этого, Его Императорское Высочество изясняется такъ въ письмѣ своемъ къ г. Якоби:

«Въ опытахъ моихъ вовсе не было нужды обводить непроводящую часть рисунка проводящею оболочкою, потому-что гальваническій осадокъ шель совершенно своимъ порядкомъ и безъ этой арматуры; въ первые 24, 48 или 72 часа доска быстро покрылась мѣдью, увеличилась въ толщину и въ массу; и когда ея толщина несколько превзошла уровень выпуклыхъ частей, то осадокъ началъ показываться и на этихъ выпуклыхъ частяхъ. И такъ, въ приготовленіи моихъ гальванографическихъ досокъ должно различить три періода. Въ первомъ періодѣ, равновременное покрытіе доски на всѣхъ проводящихъ ее пунктахъ: осадокъ прерывчатый, то-есть съ промежутками. Во второмъ періодѣ, преемственное покрытіе непроводящей части рисунка, при чемъ самыя выскія выпуклыя мѣста покрывались прежде другихъ, а самыя высшія послѣ. Въ третьемъ періодѣ, возрастаніе осадка шло равновременно и равномерно на всѣхъ пунктахъ, потому-что гальваническій токъ ударялъ повсюду только на металлическія пункты.»

Въ-самомъ-дѣлѣ, гальванографическія доски представляютъ видъ отличный отъ обыкновенныхъ гальванопластическихъ оттисковъ. Въ гальванопластическихъ оттискахъ, гдѣ оригиналъ состоитъ изъ металлическихъ или проводящихъ поверхностей, видны, при значительной толщинѣ, на задней ихъ сторонѣ, возвышенія и углубленія, точно соотвѣствующія оригиналу, которая следовательно суть контраформы передней стороны. Напротивъ, въ гальванографическихъ доскахъ, на задней сторонѣ видятся очерки передней, но въ томъ же порядкѣ, и следовательно они представляютъ оригинальный рисунокъ въ обратномъ видѣ. Возвышенности, составляемыя чернилами рисунка, даютъ соотвѣствующія у-

глубленія не только на передней стороне, но и на обратной въ гальванопластическихъ свѣткахъ.

Г. Якоби сообщаетъ Академіи свѣдѣнія о другомъ любопытномъ опытѣ, который Его Императорское Высочество сдѣлалъ прошлымъ лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ. Взявъ металлическую доску, на которой находился рисунокъ или письмо, онъ связалъ ее съ мѣднымъ полюсомъ батареи; такимъ образомъ вся чистая часть доски была гальванически выжжена, и сохранились только исписанныя мѣста; эти мѣста образовали выпуклый рисунокъ, который тотчасъ могъ быть оттиснуть подобно гравировкѣ на деревѣ. Это новый гальванографическій способъ, который, кажется, можетъ получить дальнѣйшее усовершенствованіе быть употребляемъ для извѣстныхъ дѣлей. Едва ли нужно замѣчать, что гальванической смѣсь все равно, былъ ли рисунокъ или мастерское произведеніе искусства вы предоставляетъ ей дѣйствию; это дѣйствіе всегда одинаково. Но г. Якоби замѣчаетъ еще, что хотя Его Императорское Высочество написалъ число года 1841 на послѣдней доскѣ уже послѣ того, какъ опытъ былъ изъ ходу два дня и поверхность получила волнистый видъ, однакожь дѣйствіе само-собою продолжалось еще въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

«Еслибъ» говоритъ г. Якоби: «подобныя гальванографическія попытки были начаты ранѣе, то вѣтъ сомнѣвія, художники завалили бы гальванографіею и уже усовершенствовали бы ее по возможности. За тѣмъ, учоній физикъ представилъ Академіи нѣкоторыя гальванографическія образчики, совершенно оправдывающіе ожиданія, которыя были возбуждены успѣхомъ первыхъ опытовъ. Листы, представленные г. Якоби, сообщены были ему графомъ Раппау, датскимъ посланникомъ въ Петербургъ; это оттиски мѣдныхъ досокъ, которыя были приготовлены по упомянутому способу г. Гофманомъ, капитаномъ датской королевской артиллеріи; что же касает-

ся до ясности и чистоты чертъ, то эти оттиски совершенно удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ, которыя можно объявлять на рисунокъ, сдѣланный перомъ, или на литографію. Какія чернила употребляетъ г. Гофманъ, еще неизвѣстно; но изъ оттисковъ можно видѣть, что для линейнаго черченія они должвы имѣть многія свойства, которыхъ вѣтъ въ веществахъ, употребившихся доселѣ. Г. Гофманъ говоритъ, что послѣ многихъ опытовъ ему наконецъ удалось найти вещество, которое такъ превосходно течетъ на перъ, что имъ можно писать или рисовать на бумагѣ съ такою же тонкостію, какъ тушью. Изобрѣтатель говоритъ, что этотъ способъ представляетъ передъ гравированіемъ на мѣди и передъ литографіею слѣдующія выгоды:

1) На металлической доскѣ вѣтъ нужды рисовать или писать въ превращенномъ видѣ, такъ что всякій рисовальщикъ можетъ быть употребленъ на это, и очевидно, что онъ тѣмъ болѣе превзойдетъ гравѣра на мѣди, чѣмъ искусствѣ самъ рисуетъ или пишетъ, потому-что оттиски суть совершенный образъ его работы; 2) работа на мѣди идетъ гораздо скорѣе, и слѣдовательно обходится дешевле; 3) каждая ошибка въ рисованіи можетъ быть исправлена съ величайшею легкостію, и доска отъ него ни мало не потерпитъ; а это, естественно, имѣетъ выгодное вліяніе на расположеніе духа рисовальщика въ-продолженіе работы.

Судя по предметамъ, къ которымъ г. Гофманъ доселѣ сдѣлалъ приложеніе своего гальванографического способа, можно думать, что онъ особенно идетъ для каллиграфическихъ, топографическихъ и строительныхъ работъ.

Послѣ этихъ замѣчаній невѣроятно, чтобъ въ приготовленіи досокъ г. Гофмана рѣзецъ сколько-нибудь участвовалъ, и можно думать, что не требуется никакого особеннаго искусства, кромѣ искусства рисованія, и никакихъ большихъ приготовленій, чтобъ прилагать къ дѣлу этотъ способъ. Прав-

да, въ-отношеніи къ произведеніямъ высокаго искусства, рѣзецъ не легко можетъ быть замѣненъ; но еще остается родъ произведеній гораздо болѣе обширный и требующій множества рукъ: это тотъ самый родъ, который мы обозначили нѣсколько-выше. И сама Академія Наукъ найдетъ въ этомъ свои выгоды, потому-что впередъ, при изданіи сочиненій, сопровождаемыхъ рисунками или картами, она не будетъ имѣть нужды дѣлать издержки для гравировки на мѣди, которая часто требуютъ огромныхъ суммъ.

Г. Якоби, указавъ еще на пользу новаго гальванографическаго способа для изданія рукописей ориенталистовъ и для многихъ находящихся въ дѣйствиі работъ по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, предлагаетъ Академіи: 1) сообщить свѣдѣнія объ этомъ предметѣ и другимъ ея отдѣленіямъ; 2) представить находящіяся на лицо передъ Академіей пробные оттиски, съ извлеченіемъ изъ протокола, г. министру народнаго просвѣщенія; 3) принять приличныя мѣры, чтобы сколько возможно скорѣе слѣлать извѣстнымъ и ввести въ употребленіе новый гальванографическій способъ.

II.

Археографическая Коммиссія.

Въ-продолженіе юня, іюля и августа минувшаго года, Археографическая Коммиссія имѣла пять засѣданій.

Членъ Коммиссіи, г. Строевъ, при-слалъ изъ Москвы слѣдующее любопытное донесеніе о предположеніяхъ своихъ касательно начала регулярныхъ войскъ въ Россіи: «Въ 1630 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, готовясь къ войнѣ съ Польшею, возымѣлъ намѣреніе пригласить изъ иностранныхъ «лютеранскихъ» земель офицеровъ и рядовыхъ по найму, и сформировать регулярные полки. Недостатки народной «посохи» были слишкомъ явны въ войнѣ 1610—12 годовъ. Это намѣреніе дая и отца его, патриарха Фила-

рета, было отчасти приведено въ дѣйствіе полковниками Фанъ-Дамомъ и Леслиемъ, случившимися въ Москвѣ. Нѣмцы были наняты, прибыли въ Москву, участвовали въ польскомъ походѣ, и потому частью остались здѣсь навсегда, частью опять уехали за границу. Вотъ начальная эпоха образованія регулярнаго войска въ Россіи. Извѣстно, что царь Алексій Михайловичъ, особенно въ послѣдніе годы своего царствованія, имѣлъ цѣлыя полки *солдатъ* (пѣшіе) и *рейтаръ* (конные), которые хотя и составили уже изъ Русскихъ, но были образованы Нѣмцами, и офицеры были большею частію Нѣмцы же, особенно въ рейтарахъ. Для военной исторіи второй половины XVII вѣка матеріалы не початы въ Разрядномъ Архивѣ при Московскомъ Сенатѣ. Петру-Великому предоставлено было Провидѣніемъ преобразование, или лучше сказать, дообразование регулярныхъ войскъ въ Россіи, а отнюдь не начало ихъ, какъ утверждаютъ новѣйшіе историки, на перекоръ документамъ архивскимъ. Такимъ образомъ, важный фактъ 1630 и 31 годовъ, «наемъ Нѣмцевъ» и въ-послѣдствіи образованіе, по образцу ихъ и ими же, регулярныхъ войскъ въ русскомъ царствѣ, выясняется дѣлами Московскаго Архива Министрства Иностранныхъ Дѣлъ, извѣстными подъ названіемъ «Вызды» (1631 года № 1, 3, 6, 11 и 1632, № 1 и 2). Изъ этихъ дѣлъ напечатаны въ румянцовскомъ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ» (Ч. III, № 81—89, 104) отрывки безъ связи и не совсемъ ясны; сама же дѣла, въ ноябрь 1839 года, по Высочайшему повелѣнію вытребованы изъ архива г. вице-канцлеромъ и переланы для храненія въ Главный Штабъ. Теперь, когда третій томъ «Актовъ Историческихъ» еще не оконченъ, Археографической Коммиссіи, по мнѣнію моему, не бесполезно просмотрѣть въ Главномъ Штабѣ означенныя дѣла и напечатать все недостающее для полноты и ясности отрывковъ, помѣщенныхъ

въ румянцовскомъ «Собраніи Грамотъ». Что же касается остальныхъ «Выздовъ» 1630—34 годовъ, въ С. Петербургъ неотправленныхъ, то можно было бы поручить члену Коммиссіи, князю М. А. Оболенскому, какъ начальнику Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, доставить надлежащія по сему предмету выписки».

Въ-слѣдствіе сношенія Министерства Народнаго Просвѣщенія съ Военнымъ Министерствомъ по этому предмету, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: возложить пересмотръ хранящихся въ Генеральномъ Штабѣ дѣлъ, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о началѣ въ Россіи регулярныхъ войскъ, на гвардіи капитана Висковатова, съ тѣмъ, чтобъ все, что будетъ открыто любопытнаго по предметамъ не-военнымъ, было сообщено въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Но позже (20 августа), г. военный министръ сообщалъ г. министру народнаго просвѣщенія, что по пересмотрѣ переданныхъ въ 1835 году изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Главный Штабъ старинныхъ дѣлъ, о началѣ образованія въ Россіи регулярныхъ войскъ, оказалось, что они заключаютъ въ себѣ одни только предметы, исключительно къ военной части относящіеся.

— Члены Коммиссіи, протоіерей Іоаннъ Григоровичъ и г. Коркуновъ, представили 127 актовъ, выбранные ими изъ коллекціи столбцовъ, хранящихся въ Астраханскомъ Губернскомъ Правленіи и принадлежащеіе XVII-му вѣку. Многіе изъ этихъ актовъ, сколько можно судить по ихъ названіямъ, весьма любопытны. Они относятся къ сбереженію нашей юго-восточной границы въ XVII вѣкѣ, къ рыбнымъ и солянымъ промысламъ въ томъ краю, къ винодѣлію, шелководству, къ обезопасенію нашей торговли съ Персією, Бухарою, Хивою, къ сношеніямъ съ кочевыми народами, Крымцами, Нагайцами, съ Грузією, Имеретією и пр. Есть акты, относящіеся къ мятежамъ

и разбоямъ раскольниковъ въ астраханскомъ краю и о мѣрахъ къ прекращенію ихъ; есть любопытная для статистики того времени «Роспись» о количествѣ винограда, купленнаго и собраннаго въ астраханскихъ царскихъ садахъ; грамота астраханскому воеводѣ объ отдачѣ отправленныхъ къ нему литовскихъ мальчиковъ въ ученіе мастерамъ, умѣющимъ дѣлать панцири и сабельныя булатныя полосы, и другая грамота о приглашеніи такихъ же черкесскихъ мастеровъ въ Москву, и пр., и пр. Также интересны должны быть акты, относящіеся къ суду надъ архимандритомъ Астраханскаго Троицкаго Монастыря, Іосифомъ.

— Изъ протокола засѣданія Коммиссіи 22 іюля видно, что разборъ древнихъ актовъ, хранящихся въ архивѣ бывшаго Литовскаго Трибунала, порученъ будетъ двумъ особымъ чиновникамъ, г. Марциновскому и Нарбуту, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Коммиссіи.

— Одинъ изъ чиновниковъ Археогрѣфической Коммиссіи, г. Молдинскій, представилъ найденныя имъ въ Тверской Губерніи двѣ рукописи XVII столѣтія, которыя, повидимому, заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ фактовъ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ г. Молдинскій въ доносеніи своемъ объ этихъ рукописяхъ: «Онѣ принадлежатъ къ такъ-называемымъ *Разрѣдамъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отличаются отъ нихъ, ибо содержатъ въ себѣ челобитныя и грамоты по дѣламъ мѣстничества, чего нѣтъ въ обыкновенныхъ *Разрѣдахъ*. Сверхъ военныхъ и правительственныхъ распоряженій, въ сихъ рукописяхъ находится описаніе встрѣчъ при московскомъ дворѣ королевичей: шведскаго Августа и датскаго Вольдемара (по-сладше довольно-подробно); весьма-обстоятельно описано бракосочетаніе Лжедмитрія съ Марією Мишкевъ, и гораздо короче — царя Михаила Теодоровича; также находятся выписки изъ *Дворцовыхъ Записокъ* о царскихъ сто-

лахъ; о встрѣчахъ патриарховъ: переградскаго, Теремія и Филарета Никитича, также послѣвъ персидскихъ, датскихъ, англійскихъ, шведскихъ и австрійскихъ. Далѣе, сіи рукописи могутъ служить къ дополненію генеалогіи дворянскихъ родовъ и списковъ городовыхъ воеводъ. Наконецъ, онъ мѣстами поясняютъ и исторію событій; такъ, напр. доселѣ полагали, что князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, въ 1609 году, за болѣзнію отъ полученныхъ ранъ жилъ въ низовыхъ своихъ отчинахъ; но изъ этихъ книгъ видно, что онъ тогда былъ посланъ на службу въ Коломну, что тамошній воевода Иванъ Пушкинъ былъ челомъ государю о счетѣ съ нимъ по мѣстничеству, и что они потомъ позваны были въ Москву. Неизлишне замѣтить, что редація разрядныхъ книгъ являла значительно разнится.»

III.

ИМПЕРАТОРСКОЕ МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ.

Въ засѣданіи 15 января, вице-президентъ Общества, г. Фишеръ фонъ Вальдгеймъ читалъ: 1) записку—второе дополненіе къ описанію окаменѣлостей, собранныхъ г. майоромъ Вагенгеймъ фонъ-Кваленъ на западномъ склѣнѣ Урала, въ числѣ коихъ новыя *Tetragonolepis Murchisonii*; *Palaeoniscus Tschekvinii*,—*Modiola restricta*, и сообщилъ программу сочиненія, которое готовить г. Вагенгеймъ объ Уралѣ, —и 2) записку о новомъ жесткокрыломъ насѣкомомъ, найденномъ г. Карелинымъ, *Cicendela Karelinii*.—Первый секретарь Общества, г. Рульѣ, показывалъ раковину животнаго, описанную въ первый разъ Палласомъ на Волгѣ, а впоследствии занесенную плотами изъ Россіи въ Балтійское Море и переходящую нынѣ постепенно къ западу, такъ что она уже нѣсколько разъ была описана иностранними писателями за новое животное. Г. Рульѣ привезъ ее изъ Гамбурга.

Въ засѣданіи 19 февраля вице-президентъ Общества читалъ: 1) описаніе двухъ новыхъ прямокрылыхъ насѣкомыхъ: *Thrinchus Schrenki* и *Decticus Sedakovii*. Первое сообщено докторомъ Шренкомъ изъ киргизскихъ степей, а второе В. И. Съдаковымъ изъ Верне-Удинска; описаніе обѣихъ войдетъ въ описаніе прямокрылыхъ насѣкомыхъ Россіи; 2) записку о новомъ родѣ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ *Pleates*, близкомъ къ роду *Silpha*; описываемое насѣкомое собрано въ Ситкѣ и принадлежитъ богатому эвтомологическому собранію профессора Яшгольца, находящемуся нынѣ при Московскомъ Университетѣ; 3) записку о четырехъ новыхъ видахъ ископаемыхъ растеній для Урала: *Adiantites Brownii*, *A. Brohngniartii*, *Aspleites Hookeri* и *Huminyphyllites incerta*.—Сверхъ того, г. Фишеръ представилъ высланныя на его имя записки дѣйствительнаго члена графа Кейзерлинга: описаніе остатковъ русскаго ископаемаго животнаго: *Elaematherium*, и — записку полковника Оливьері о расположеніи толщъ горныхъ породъ Московской и смежныхъ губерній.

— Дѣйствительный членъ графъ Кейзерлингъ выслалъ отпечатаннныя для Общества геогностическій разрывъ пространства между Москвою и Блѣвнымъ, составленный имъ въ совокупности съ гг. Мурчисомъ, Блаузомъ и Деверполъ, во время путешествія ихъ по Россіи.

— Членъ Общества, г. Спасскій, представилъ двѣ свои статьи: 1) свѣдѣнія метеорологическихъ наблюденій, дѣлаемыхъ въ астрономической обсерваторіи Московскаго Университета съ 1838 по 1841 годъ; 2) средняя температура атмосферы въ Москвѣ съ 1820 по 1841 годъ, —и статью г-на дѣйствительнаго члена профессора Кюора: «Средняя температура Казани съ 1828 по 1837 годъ». При семъ г. Спасскій предложилъ Обществу пригласить членовъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, производить наблюденія надъ температурою ключей, что по-

жетъ повести изъ любопытнѣйшихъ эмпирическихъ результатамъ. Общество, одобрявъ предложеніе г. Спасскаго, положило принять его къ исполненію.

— Г. Карелинъ выслалъ второе, третье и послѣднее продолженіе описанія и списка растений, собранныхъ и описанныхъ имъ вмѣстѣ съ г. Кирпичевымъ въ продолженіе 1841 года для Общества; тутъ много новыхъ видовъ и новыхъ родовъ, какъ-то: *Kankripia*, *Waldhesma*, *Richteria*, *Acanthospermatus*.

— Первый секретарь Общества, докторъ Рудѣ, читалъ свою статью «Общій Планъ Зоологіи». Рассмотрѣвъ предметъ зоологіи въ полномъ его объемѣ и современномъ развитіи, онъ старался раскрыть возможно-удобный и логическій планъ науки—какъ философіи, такъ и исторіи ея, въ послѣдней онъ указываетъ на первоначальное развитіе зоологіи въ Россіи, излагаетъ характеръ принимаемыхъ имъ періодовъ, рассматриваетъ критически главнѣйшія существующія вышѣ ученія, и наконецъ излагаетъ въ краткихъ чертахъ высшнее состояніе науки въ Европѣ преимущественно изъ сивльній, собранныхъ имъ за-границею въ прошломъ году.

IV.

Парижская Академія Наукъ.

Въ заступаніяхъ 3-го и 10-го января замѣчательнѣе всего записка, читанная г. Ламе́, тѣмъ самымъ, который въскользь лѣтъ назадъ былъ профессоромъ у насъ въ Петербургѣ, а теперь находится въ томъ же званіи при Парижской Политехнической Школѣ. По своему предмету и вѣнечѣ во взглядѣ на предметъ, записка г. Ламе́ съ перваго раза отдѣляется отъ этого множества мемуаровъ всякаго рода, которыми бывають, вполнѣны заступанія Парижской Академіи. Известно, до какой крайней степени раздробленія дошли нынѣ естественныя науки и занятія ученыхъ во Франціи; г. Ламе́, утомленный, вроятно, подоб-

нымъ порядкомъ вещей, дѣлаетъ попытку собрать разсѣянное и дать всему некоторый видъ единства. При стоящемъ состояніи разсѣяности, въ которомъ находится факта различныхъ отраслей наукъ и особенно физики, пріятно видѣть, когда человекъ, одаренный способностію обобщать, хочетъ собрать и связать все эти факты, устроить ихъ въ систематическую совокупность, и возстановить науку, теряющуюся въ этой странной дробности; въ этомъ океанѣ мелкихъ фактовъ и еще болѣе мелкихъ наблюденій, наконецъ въ этихъ безчисленныхъ дѣленихъ и подраздѣленіяхъ явленій, изъ которыхъ состоитъ матеріалъ ея. Во Франціи, большая часть ученыхъ имѣетъ систематическое предубѣжденіе противъ подобныхъ предпріятій. Не смотря на то, Академія слушала съ любопытствомъ и вниманіемъ чтеніе записки г. Ламе́, въ которой этотъ учивый физикъ пытался поаяться до общаго начала своей науки. Это покушеніе, болѣе или менѣе удачное, сдѣланное умомъ столь отличимымъ, возбудило живое участіе даже въ тѣхъ, которые думаютъ, или, лучше сказать, привыкли думать, что еще не пришло время обобщать давняго опыта, и что обобщеніе должно естественнымъ порядкомъ выйдти изъ наблюденія частныхъ фактовъ, сгруппированныхъ мало-по-малу, а не изъ какихъ-нибудь началъ, положительныхъ умозрѣніемъ, или анализомъ математическимъ. Но въ запискѣ, читанной г. Ламе́, и служащей лишь введеніемъ въ сочиненіе болѣе обширное, авторъ именно имѣетъ цѣлью доказать, что общее начало физики выходитъ наружу само собою; что оно естественно вытекаетъ изъ сближенія разныхъ предположеній, служившихъ исходными пунктами для новѣйшихъ открытій насчетливо свѣта, электричества и теплоты; и что отрицать великую вѣроятность начала, связывающаго эти предположенія, значило бы отрицать очевидную полезность самыхъ предположеній. Мысль подвѣстѣ разныхъ явленія свѣта; теплоты,

-электричества, подъ сотрясенія воздуха, окружающаго и проникающаго въ тѣла, конечно не нова; но возвращаясь къ теоріи этого всеобщаго дѣятеля, въ присутствіи новыхъ фактовъ, которыми обогатилась наука въ послѣднее время, ученый профессор Политехнической Школы дойдетъ, можетъ-быть, до выводовъ удовлетворительныхъ, или остроумныхъ.

Впрочемъ, должно сказать, что мысли, которыми г. Ламе окончилъ чтеніе своей записки, были совершенно-неожиданны. Дѣло идетъ о причинахъ, которыя, по его мнѣнію, произвели разногласіе, существующее теперь между физиками касательно расширенія воздуха на переходъ отъ 0 до 100 градусовъ (стоградусаго термометра). Поновѣйшимъ изысканіямъ г. Реньйо, число данное г. Гэ-Люсакомъ, назадъ тому около тридцати лѣтъ, и представляющее то, что въ физикѣ называется коэффициентомъ расширенія газовъ, должно быть понижено отъ 375 до 366. Если была ошибка въ изысканіяхъ Гэ-Люсака, то, по мнѣнію ученыхъ, она должна быть приписана единственно несовершенству способовъ изслѣдованія въ то время, потому-что только въ естественномъ усовершенствованіи ученыхъ способовъ должно искать причину результата различнаго и болѣе точнаго, до котораго дошелъ г. Реньйо. Слава Гэ-Люсака, и известная его точность нисколько не терпятъ отъ этого разрывчія съ г. Реньйо, на разстояніи болѣе нежели тридцати лѣтъ, и знаменитый ученый просто подчиняется здѣсь закону гораздо-болѣе неизмѣнному, нежели всѣ законы физики, — закону непрестаннаго движенія и усовершенствованія человѣческихъ познаній; самъ г. Реньйо будетъ владѣть истинною только до-тѣхъ-поръ, пока другой, — не искусившій его, а выступившій позже его на поприще науки, и воспользовавшійся всѣмъ, что было сдѣлано до него, — подойдетъ ближе къ истинѣ. Можно предсказать, что такъ будетъ всегда, до конца міра:

полная истина далека отъ нашихъ исканій.

По г. Ламе не думалъ, что Гэ-Люсакъ ошибся. Въмѣсто того, чтобы допустить существованіе подобной ошибки, которую онъ однакожь встрѣтилъ бы на каждомъ шагу въ исторіи науки и въ трудахъ самыхъ знаменитыхъ ея истолкователей, г. Ламе спрашиваетъ себя, не должно ли приписать перемѣнѣ, происшедшей въ самыхъ элементахъ факта, различіе мнѣній, открывшееся между наблюдателемъ нынѣшнимъ и наблюдателемъ прежняго времени, такъ что, по этому предположенію, Гэ-Люсакъ и г. Реньйо получили результаты различныя не отъ совершенства нашихъ инструментовъ, или отъ слабости чувствъ, которыя служатъ органомъ человеческому разуму, а отъ перемѣны, происшедшей въ атмосферическомъ давленіи. Г. Ламе, по собственному его объясненію, убѣжденъ въ непремѣнности законовъ природы; но онъ сомневается въ строгомъ постоянствѣ исходныхъ пунктовъ термометра, то-есть нуля и ста градусовъ. По его мнѣнію, возможно, чтобы промежутокъ между этими двумя температурами измѣнился; отсюда произойдетъ ощутительная разница въ коэффициентъ расширенія газовъ, если его опредѣляли въ различныя времена.

Мы дождемся сообщенія остальной части труда г. Ламе, чтобы окончательно судить о его видахъ и изложить вполне наше мнѣніе. Однакожь, считаемъ не лишнимъ привести слова, которыми оканчивается извлеченіе изъ его записки, напечатанной въ *Compte rendu de l'Académie*. «Разница между результатомъ, полученнымъ назадъ тому лѣтъ двадцать пять Гэ-Люсакомъ, для выраженія коэффициента расширенія газовъ, и результатомъ, полученнымъ въ послѣднее время гг. Рудбергомъ и Реньйо, можетъ быть изъяснена тогда только, когда допустимъ, что въ теченіе четверти столѣтій дѣвленіе воздуха попытало на землѣ увеличеніе, равное осмысленное давленію восьми или

девяти десятых миллиметра столба ртути, — приращение слабое, но достаточное для того, чтобы сблизить два главные пункта термометра двумя градусами, взятыми по первоначальному разделению». Но перемещение градуса в самых лучших термометрах давно сделанных, — факт весьма известный вышшим физикам, и нам кажется, что этот факт естественно объясняется изменениями, происшедшими в состоянии стекла и понятными без всякого вмешательства сотрясений эира, которого натура и законы притом так мало нам известны. В-самом-дѣлѣ, мы знаемъ, что черезъ десятокъ лѣтъ послѣ того, какъ сдѣлать термометръ, шарикъ его какъ-будто отступаетъ назадъ по причинѣ сжатія стекла; отъ-того выходитъ, что 0° поднимается, между-тѣмъ, какъ предѣлъ сотаго градуса можетъ остаться тотъ же, ибо стекло принимаетъ свою первоначальную вместимость какъ-скоро будетъ доведено до-этой температуры. Такимъ образомъ, два пункта термометра очевидно остаются ближе одинъ къ другому; впрочемъ, это явленіе было подтверждено опытами, въ которыхъ перемещали по произволу градусъ термометра, нагрывая охлаждая его попеременно съ большею или меньшею скоростію.»

Передъ такими фактами предположеніе перемѣны, происшедшей въ давленіи атмосферическомъ на разстояніи двадцати-пяти лѣтъ очевидно не можетъ держаться, и все должно пасть на самихъ испытателей. Между самымъ искуснымъ ученымъ и непреклонностію основныхъ фактовъ природы выборъ не можетъ быть сомнѣтеленъ ни минуты. Даже предполагая, что эта непреклонность не безусловная, много ли значитъ промежутокъ двадцати-пяти лѣтъ, чтобы онъ могъ произвести ощутительное измѣненіе въ являющихся, можно сказать, основаніяхъ явленій природы? Если эти основанія в-самомъ-дѣлѣ испытываютъ какія-нибудь ощутительныя измѣненія, то,

конечно, на очень-большомъ разстояніи времени и по истеченіи цѣлыхъ вѣковъ; но двадцать-пять лѣтъ, — это меньше нежели жизнь человѣка. И г. Ламѣ размыслилъ ли о всѣхъ перемѣнахъ, которыя неминуемо произошли бы во всѣхъ тѣлахъ природы, особенно въ тѣлахъ одушевленныхъ, и во множествѣ явленій, отъ самаго легкаго возмущенія въ столь основномъ фактѣ, какъ давленіе атмосферы? Вся сущность земли не составляютъ ли совокупности, которой разныя части связаны между собою, и въ которой самое легкое движеніе отозвалось бы въ послѣднихъ звеньяхъ цѣпи? И такъ, система г. Ламѣ требуетъ, чтобы онъ перебралъ и пересмотрѣлъ всѣ звенья этой цѣпи, для удостовѣренія въ измѣненіяхъ, которыя необходимо должно было испытать каждое изъ нихъ.

Впрочемъ, вопросъ о коэффиціентѣ расширенія газовъ — вопросъ еще нерѣшенный. Правда, г. Плюзъ сообщилъ Академіи наблюденія г. Магуса, которыя согласуются съ наблюденіями г. Реньё въ-отношеніи къ воздуху; но г. Реньё оспаривалъ точность многихъ результатовъ, полученныхъ берлинскимъ профессоромъ въ-отношеніи къ другимъ газамъ, особенно же въ-отношеніи къ сернистой кислотѣ.

— Г. Ларѣ читалъ донесеніе о запискѣ г. Седильё, профессора въ страбургскомъ медицинскомъ факультетѣ. Этотъ трудъ имѣетъ предметомъ ампутацію явлен. Измѣненія, которыя г. Седильё ввелъ въ эту важную хирургическую операцію, и которыя коснулись способа, принятаго самимъ г. Ларѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ, не препятствовали докладчику отдать всю справедливость таланту и искусству его собрата.

Потомъ г. Ларѣ представилъ Академіи сочиненіе г. Гамă, бывшаго хирурга арміи, подъ заглавіемъ: «Esquisse historique du service de santé militaire en général, et spécialement du service chirurgical depuis l'établissement des hôpitaux militaires en France». Это сочиненіе — плодъ цѣлой жи-

зии, проведенной съ отличнымъ усердіемъ на медицинской службѣ въ арміи; въ этой книгѣ есть чрезвычайно-любопытныя свѣдѣнія касательно исторій водной медицины съ самаго ея начала, и даже рантѣ того времени, какъ она правильно установилась, когда раненные солдаты могли получать помощь лишь отъ хирурговъ, состоявшихъ при особахъ принцевъ, или при другихъ важныхъ лицахъ, либо отъ тѣхъ, которые добровольно слѣдовали за арміей. Прекрасное устройство, полученное этимъ установлеиіемъ при Лудовикѣ XV; услуги, оказанныя французской арміи хирургами, которыхъ г. Ларэ — послѣдній, знаменитѣйшій представитель; униженіе, въ которое постепенно впали эти полезные люди вмѣстѣ съ цѣлымъ медицинскимъ сословіемъ, неизмѣющимъ уже, какъ прежде, никакого представителя, никакого защитника ни въ Палатѣ Паровъ, ни въ государственномъ совѣтѣ: все это рассказано авторомъ съ жаромъ, иногда даже съ горечью, очень позволительною человеку, который видѣлъ вблизи рассказываемые имъ факты, который терпѣлъ отъ недостатковъ устройства военной медицины, и который дѣлаетъ себя органомъ справедливыхъ жалобъ своихъ товарищей. Сочиненіе г. Гамá заключаетъ въ себѣ множество официальныхъ документовъ и преисполнено весьма-интересными рассказами, которыхъ нельзя найти въ общихъ исторіяхъ войнъ.

— Г. Боденсъ сообщилъ воту о новомъ способѣ леченія водяной болѣзни. Этотъ способъ состоитъ, говоритъ авторъ, въ томъ, чтобъ сдѣлать свинцу имбьюшій цѣлюю—дать медленный выходъ изливающейся жидкости, по мѣрѣ того, какъ она образуется. Г. Боденсъ уже излечилъ многихъ этимъ способомъ, который имѣетъ ту выгоду, что не подвергаетъ большаго послѣдствіемъ воспаленія, причиняемаго способами, употребляемыми досель. Однако г. Серръ потребовалъ, чтобъ воту г. Боденса, которая, по его мнѣнію, заключаетъ въ себѣ предложенія

и факты довольно-странные, была отослана на разсмотрѣніе особой комиссіи.

— Г. Араго сообщилъ новыя свѣдѣнія о работахъ, произволившихъ въ гренельскомъ артезианскомъ колодезѣ, и клонящихся къ тому, чтобъ вытянуть изъ лиры металлическую трубу, которая была въ нее опущена и которая уступила во многихъ пунктахъ давленію воды, такъ-что вода, вырваная изъ глубины земли наружу, встрѣчала непреодолимое препятствіе. Г. Мюло, управляющій работами при гренельскомъ колодезѣ, послѣ многихъ усилій, успѣлъ наконецъ извлечь эту трубу въ цѣлости; надобно было сломать ее, разбить на части, навинтить ее на глубинѣ болѣе, нежели ста метровъ, и собразить дѣйствіе удара съ силою влеченія, чтобъ вытянуть различные обломки трубы. Теперь остается опустить новую трубу, болѣе прочную, нежели первая, и все заставить надѣяться, говорить г. Араго, что Парижъ наконецъ получитъ чистую воду изъ этого колодеза.

— Трудно сдѣлать выборъ въ множествѣ предметовъ, которые наполнили слѣдовавшія за тѣмъ три записки — 17, 24 и 31 января. Часть сообщеній, слѣванныхъ Академія, мы принуждены опустить, о другихъ лишь упомянуть. Скажемъ нѣсколько словъ о новыхъ трудностяхъ, представляемыхъ пресловутымъ гренельскимъ колодезю, который, кажется, созданъ для того, чтобъ обить съ толку всѣ расчеты науки и обезоружить всѣ способы искусства. Вопросъ запутывается болѣе и болѣе по поводу этого предпріятія, на которомъ строилось столько великолѣпныхъ надеждъ, и запутывается до такой степени, что инженеры и геологи совершенно теряются въ догадкахъ о причинѣ встречаемыхъ ими трудностей. Каждую недѣлю являются въ Академію Наукъ по-крайней-мѣрѣ двѣ теоріи явленной прошедшихъ и даже будущихъ, и теперь есть десять или двѣдцать способовъ объясненія фактовъ. И такъ,

теперь въ руках ученых обильный запасъ объясненій, болѣе или менѣе удовлетворительныхъ, въ ожиданіи окончательнаго результата.

Но надо знать, что мы находимся здѣсь въ области совершенно неведомой, и что трудно предвидѣть, какъ изъ ней выпутаются. Въ первый разъ ученые проникаютъ въ это вмѣстѣ еще подземной воды, лежащее даже ниже толстаго мѣловаго слоя, который составляетъ дно парижскаго бассейна, и, на зло всемъ расчетамъ науки, не знаютъ, откуда берется эта вода, и какой источникъ доставляетъ пищу этому огромному резервуару. Эта вода, поднимаясь черезъ отверстіе, представляетъ такія явленія, которыхъ причины неизвѣстны, и которыя притомъ соотвѣтствуютъ огромной силѣ, бросающей воду со ста пятидесяти футовъ глубины выше уровня земли. Трубы, которыя инженеры усиляются просунуть до два этого колодезя, чтобъ искать свѣтлой воды ниже чернаго песка, ее возмущающаго, и безпрестанно выносиваго въ огромномъ количествѣ на поверхность земли, эти трубы чрезъ нѣсколько времени оказываются сплюснутыми, скривленными, сломанными на многихъ пунктахъ ихъ протяженія. Откуда эти усилія давленія, дѣйствующаго со внѣ во внутрь, которыя отъ времени до времени вдругъ приостанавливаютъ теченіе воды внутри трубы? Какими средствами уничтожить эти затрудненія, и какъ побѣдить ихъ, взявъ трубы болѣе прочныя? Тутъ еще остается слѣзать много изысканій; и это новое поле, открытое для науки, есть доселѣ самый положительный результатъ работъ, сдѣланныхъ въ Гренелѣ. Но чтобъ съ выгодой разработывать это поле, чтобъ воспользоваться этимъ случаемъ приобрести новыя познанія о составѣ коры земнаго шара на извѣстной глубинѣ и о теченіи водъ, которыя тамъ движутся, прежде всего надо внимательно наблюдать факты, слѣдить ихъ постоянно и потомъ уже пускаться въ толкованія; отъ-того мы не приписываемъ боль-

шой важности этому множеству явлений, составленныхъ въ кабинетѣ, вдали отъ мѣста явленій.

Между многими гипотезами, болѣе или менѣе вѣроятными, болѣе или менѣе важными, упоминаемъ объ одной. Нѣкоторые думаютъ, вѣтъ ли опасности, чтобъ отъ непрестаннаго дѣйствія воды, взрывающей песокъ, не случился огромный, глубокой обвалъ, или чтобъ воды Сены не процѣдилась чрезъ какую-нибудь расщелину и потомъ не исчезли бы въ этой безднѣ; и если благоразуміе потребуетъ закрыть гренельскій колодезь, какъ уже не въ шутку и говорили, то какъ остановить этотъ столбъ воды, которой токъ можетъ разрушить самыя сильныя препятствія и прорѣзаться сквозь слой окружающей ее земли?

Но трудно думать, чтобъ когда-нибудь дошли до подобной крайности; напротивъ, средства науки и искусства внушаютъ надежду, что это великое предпріятіе будетъ доведено до желаемаго конца.

— Г. Гаспаренъ читалъ доведеніе касательно весьма-важнаго вопроса о воспитаніи шелкоичнаго червя. Сообщаемъ читателямъ извлеченіе изъ того, что наиболѣе замѣчательно въ его доведеніи:

«Съ-тѣхъ-поръ, какъ Франція занимается средствами уничтожить рабство въ своихъ колоніяхъ, она слѣдила внимательно то, что произошло въ колоніяхъ англійскихъ, гдѣ рабство уже уничтожено. Самый замѣчательный изъ всехъ фактовъ этого новаго порядка вещей—безспорно, оставленіе или по-крайней-мѣрѣ ослабленіе производства сахара, работы трудою, которая противна новоосвобожденнымъ Неграмъ. А такъ-какъ воздѣлываніе сахарнаго тростника распространено почти во всехъ французскихъ владѣніяхъ жаркаго пояса, то можно опасаться, чтобъ день освобоженія чернаго племени не былъ днемъ совершеннаго оставленія этого воздѣлыванія и, слѣдовательно, днемъ разоренія колонистовъ. Если они напередъ не позаботятся замѣнить хо-

тя отчасти сахарный тростникъ другимъ растеніемъ, котораго воздѣлываніе было бы не столь трудно, и однакожь выгодно.

«Эти мысли занимаютъ правительство, и въ числѣ новыхъ растеній, которыхъ воздѣлываніе оно хочетъ ввести въ колоніи, находится шелковичное дерево. Г. Перотѣ, который уже ввелъ шелковичное дерево на Филиппинскихъ Островахъ, получилъ порученіе извѣдать средства распространенія шелковичной промышленности на Антильскихъ Островахъ. Но здѣсь этотъ ботаникъ встрѣтилъ тѣ же трудности, которыя, къ счастію для европейскихъ производителей, останавливаютъ успѣхи производства шелка въ Бенгаліи и во всѣхъ жаркихъ странахъ. Еслибъ этихъ трудностей тамъ не было, нѣтъ сомнѣнія, что въ въскольکو лѣтъ Италия и Франція потеряли бы одинъ изъ главныхъ источниковъ своего богатства, потому что они принуждены были бы бороться съ соперниками, которые имѣли бы работниковъ за дешевую цѣну, обширныя земли и климатъ такой, что воздѣлываніе можетъ возобновляться тамъ нѣскольکو разъ въ годъ. Дѣло правительствна — измѣрить великость этой опасности и подумать, не обратятся ли болѣе къ пользѣ другихъ попытки и изысканія, которыя оно заставляетъ дѣлать на Антильскихъ Островахъ; дѣло же Академіи — сказать то, что она знаетъ.

«Г. Перотѣ дѣлаетъ сперва вопросъ: отъ-чего яйца шелковичныхъ червей, привезенныхъ изъ Франціи на Антильскіе Острова и жившихъ тамъ уже семь или восемь лѣтъ, вылупаются лишь черезъ восемь или девять мѣсяцевъ, не смотря на постоянную температуру 22 или 23 градусовъ, въ которой они находятся?

«Невыгоды, на которыя жалуются г. Перотѣ, существуютъ не на однихъ Антильскихъ Островахъ. Во всѣхъ климатахъ яйца шелковичныхъ червей хорошей породы вылупаются, за немногими исключеніями, лишь спустя

восемь или девять мѣсяцевъ послѣ кладки. Если наблюдать происходящее внутри яйца, то можно видѣть, что зародышъ начинаетъ показываться пять дней спустя послѣ кладки; онъ представляется подѣ видомъ тонкой непрозрачной перепонки, которой вѣтшія расширения уже облачаютъ форму головы животного. Среди зимы можно различать его определенную форму, его голову, ноги, и проч. Но черезъ сколько времени эта форма обрисовывается совершенно? Этого еще не знаютъ, потому что наблюденія были сдѣланы только до пятнадцатаго дня послѣ кладки, и такимъ образомъ оставался промежутокъ многихъ мѣсяцевъ, въ-продолженіе которыхъ наука не сдѣлала развитія зародыша. При всемъ томъ несомнѣнно, что одна теплота не замѣняетъ времени и не ускоряетъ развитія зародыша; и напрасно подвергаютъ яйца дѣйствию температуры насиживанія въ-продолженіе немногихъ мѣсяцевъ послѣ кладки. И такъ, на Антильскихъ Островахъ нѣтъ никакого явленія, которое не представлялось бы въ Южной Европѣ; и извѣстно еще, что яйца, привозимыя изъ Китая, переходятъ экваторъ и испытываютъ теплоту, очень достаточную для того, чтобъ они могли вылупиться, когда ихъ привезутъ на твердую землю, и однакожь эти яйца доходятъ цѣлы во Францію.

«Я говорилъ, что есть нѣкоторыя исключенія. Въ-самомъ-дѣлѣ, если взять яйца шелковичнаго червя, положенныя очень недавно, и подвергнуть ихъ дѣйствию температуры 25 или 30 градусовъ, то въ-которые изъ нихъ вылупятся; собирая этихъ червей-скороспѣлыхъ и распространяя ихъ, вы произведете племя *trivoltis*, такъ названное отъ-того, что оно линяетъ только три раза, вмѣсто четырехъ, во дѣлаетъ куколки большыя и слабыя. На Антильскихъ Островахъ произвели это племя, по показаніямъ г. Перотѣ, такимъ же способомъ, и оно представляетъ тамъ ту же невыгоду для шелковичной промышленности.

«На Антильскихъ Островахъ, яйца шелковичныхъ червей, подверженные дѣйствию окружающей температуры, которая есть 22 или 23 градуса, представляютъ особенныя явленія: они вылупаются послѣдовательно одно за другимъ, со дня-на-день, въ продолженіе шести или семи мѣсяцевъ сряду. Этотъ фактъ подтверждаетъ подозрѣнія, которыя мы имѣли съ давняго времени о необходимости низкой температуры для содѣйствованія развитію зародыша шелковичнаго червя. Такое подозрѣніе родилось въ насъ отъ неудачи яицъ, сохранившихся въ-продолженіе лѣта въ мѣстахъ слишкомъ жаркихъ. Полъ тропиками, гдѣ температура однообразна, яйца должны испытывать то же невыгодное дѣйствіе, которое въ первомъ случаѣ происходитъ отъ жаркихъ комнатъ. Это подтверждается тѣмъ, что, по свидѣтельству г. Перотѣ, если положить яйца на четыре или на пять мѣсяцевъ въ ледникъ, то они вылупаются всѣ вмѣстѣ, подобно какъ это дѣлается въ Европѣ. Кажется, именно помощію этой предосторожности, колонисты Антильскихъ Острововъ успѣли достигнуть правильнаго вылупанія шелковичныхъ червей.»

— Г. Матьѣ представилъ весьма благопріятный отчетъ о новомъ дневномъ и ночномъ телеграфѣ, изобрѣтенномъ г-мъ Сильвестромъ Вильялонгомъ. Всѣ бывшія до-сихъ-поръ покушенія сдѣлать телеграфическіе знаки видимыми во время ночи, посредствомъ свѣта, остались безъ успѣха. Эта неудача происходила преимущественно отъ-того, что во всѣхъ придуманныхъ доселѣ системахъ, лампы помѣщаемы были вѣв телеграфовъ, и такимъ образомъ подвергались всѣмъ вліяніямъ непогоды, такъ-что сторожъ не могъ тотчасъ различать знаки, дурно освѣщаемые, когда дуетъ вѣтеръ, идетъ дождь и пр. Г. Вильялонгу пришла счастливая мысль заключить весь приборъ освѣщенія внутрь обсерваторіи и отбросить свѣтъ на чечевицеобразныя стекла, которыя сами составляютъ вѣтви телеграфа; такъ-что сильная

лампа, поставленная среди кабинета, — въ которомъ дѣлаются наблюденія и котораго размеры разчислены, въ фокусъ съ чечевицеобразныхъ стеколъ, укрыта слѣдовательно отъ всякаго вѣшняго вліянія и постоянно видна для сторожа, освѣщаетъ съ той и съ другой стороны телеграфъ, получающій извѣстіе и телеграфъ, передающій его. То же расположеніе примѣняется къ телеграфическимъ знакамъ во время дня, потому что вѣтви машины видны на черномъ фонѣ, и когда наступитъ ночь, достаточно засвѣтитъ лампу, чтобъ продолжать телеграфическую корреспонденцію безъ остановокъ. Эта система весьма замысловата; и такъ какъ она совершенно соответствуетъ потребностямъ корреспонденціи, и по удобству, съ которымъ можетъ быть употреблена на обсерваторіяхъ, и по разстоянію, на которомъ при ея помощи видны свѣтъ, равно какъ и по простотѣ знаковъ, придуманныхъ изобрѣтателемъ, то надобно надѣяться, что г. Вильялонгъ наконецъ приведетъ въ дѣйствіе столь важное усовершенствованіе, въ которомъ еще нуждаются телеграфы.

— Г. Біо сообщилъ Академіи результатъ оптическаго опыта, которому оное подвергалъ вещество, имѣющее видъ натуральной маины и продаваемое обыкновенно за настоящую маину для аптекъ. Помощію своего замысловатаго анализа, г. Біо открылъ существенное различіе между этимъ веществомъ и натуральною маиною ясени, подобно какъ г. Плюзъ уже доказалъ то же самое посредствомъ анализа химическаго.

— Г. Жобаръ, изъ Брюсселя, прислалъ ноту о главныхъ причинахъ взрывовъ въ паровыхъ машинахъ. Авторъ приписываетъ взрывы внезапному воспламененію смѣси водорода, происходящаго отъ разложенія воды на раскаленныхъ стѣнахъ котла, съ атмосфернымъ воздухомъ, вкрадывающимся иногда чрезъ насосъ, который доставляетъ воду машинѣ. Этотъ новый способъ объясненія взрывовъ ца-

ровых машинъ надо еще тщательно поверить.

— Г. Араго представилъ Академіи новыя дифференціальные термометры г. Вальсерайна. Тонкая чувствительность этихъ инструментовъ превосходитъ все, что сказано было досель для измѣренія мелкихъ различій въ температурѣ.

— Г. Бекрель читалъ записку подъ заглавіемъ: *О электро-химическихъ свойствахъ простыхъ тѣлъ и о приложеніи ихъ къ художествамъ*. Дѣло идетъ о новыхъ способахъ позолоты, которые начинаютъ теперь вводиться въ художества; для этой цѣли авторъ употребляетъ, вместо обыкновенныхъ гальваническихъ столбовъ, дѣйствіе слабыхъ токовъ, которые онъ уже приложилъ съ такимъ успѣхомъ въ воспроизведеніи кристаллизаціи минераловъ. Это промышленное изобретеніе, котораго начало восходитъ къ первымъ опытамъ г. Деларива, и изъ котораго г. Рюльъ извлекъ въ послѣдствіи такія полезныя приложенія, возбуждаетъ живѣйшее любопытство въ Академіи. Г. Бекрель представилъ ей образцы весьма удавшіеся.

— Лѣтъ десять назадъ, г. Ламар-Тико, въ запискѣ, представленной Академіи, сдѣлалъ вопросы: пьютъ ли змѣи?, способны ли онѣ сосать коровъ?, производить ли онѣ теплоту насжи-вая свои яйца? Въ то время г. Дюмериль, бывшій докладчикомъ, опровергалъ извѣстія автора и оспаривалъ эти различныя способности змѣй. После того, очень недавно, г. Валансьенъ сообщилъ свои наблюденія надъ змѣею, которая насживала яйца въ Jardin de Plantes; онъ замѣтилъ при этомъ случаѣ довольно-значительное повышеніе температуры. Теперь г. Дюмериль возвращается къ этому предмету; онъ не отвергаетъ въ змѣяхъ способности жить, впрочемъ, не подлежащей уже никакому сомнѣнію, потому-что сама, надъ которою дѣлали наблюденіе въ Jardin des Plantes, пила нѣсколько разъ въ-присутствіи свидѣ-телей, во время насживанія своихъ

яицъ; но онъ никакъ не допускаетъ, чтобъ змѣи могли сосать коровъ, и основываетъ свое мнѣніе на организаціи змѣй, на формѣ ихъ зубовъ и чѣлустей. Что же касается до повышенія температуры во время насживанія яицъ змѣею, то г. Дюмериль приписываетъ это повышеніе не матеря, а развитію зародыша въ яйцѣ, подобно тому, какъ это бываетъ при выходѣ сѣмянъ. Эта записка вѣроятно скоро будетъ разрѣшена наблюденіями коммиссіи, которой поручено подать свое мнѣніе о запискѣ г. Валансьена.

ЗАДАЧИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ПАРИЖСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ.

3-го января объявлены преміи Академіи за 1840 годъ. Обыкновенно предполагается, что труды, удостоенныя академическихъ наградъ представляютъ существѣннѣйшіе успѣхи знанія. Между-тѣмъ, въ нынѣшнемъ году не только этого не случилось въ Парижѣ, но еще ни одна изъ большихъ задачъ Академіи не разрѣшена и упомянуто только о весьма-немногихъ отличныхъ промжеденіяхъ. Между-тѣмъ, не должно думать по этому заключенію о состояніи наукъ во Франціи. Это странное явленіе объясняется съ одной стороны тѣмъ, что ученые часть публики очень охотно предпринимаютъ собственныя изслѣдованія, но рѣдко чувствуютъ въ себѣ охоту состязаться для полученія преміи; съ другой стороны, причина заключается въ самомъ родѣ предлагаемыхъ задачъ. Что касается большой преміи по математикѣ: «Определить нарушенія движеній въ эллипсисѣ рядами періодическихъ величинъ такимъ образомъ, чтобъ посредствомъ числительныхъ таблицъ можно было во всякое время определять возмозженіе планетъ», то эту задачу отложили до 1843 года, потому-что на нее не явился ни одинъ соискатель. Въ-самомъ-дѣлѣ, не смотря на труды отличныхъ астрономовъ, мы все еще не имѣемъ основную теорію змѣненій лу-

ныхъ и планетныхъ движеній и должны пока довольствоваться приблизительными свѣдѣніями. По этому, задача требуетъ рѣшенія вопроса, который назначаетъ или произвестъ, посредствомъ анализа, совершенный переносъ въ механику небесныхъ тѣлъ, или навсегда остаться задачей. Во всякомъ случаѣ онъ не будетъ рѣшенъ и въ 1843 году.

То же самое, только въ другомъ смыслѣ, можно сказать о вопросѣ, подвергнутомъ конкурсу въ краткое министерство Дюпена, который обѣщалъ премію въ 6000 франковъ за полезнѣйшее примѣненіе паровой силы къ судоходству и за лучшую систему въ механизмѣ, грузѣ, вооруженіи и прочемъ устройствѣ кораблей такого рода. Эту премію можно было бы получить еще въ 1836 году. Были, правда, соискатели, но они не имѣли достаточныхъ средствъ, чтобы прантически доказать свои изобрѣтенія и улучшенія, а потому и эта задача ждетъ еще рѣшенія, не смотря на то, что, повидимому, по этой части поступило нѣсколько полезныхъ сочиненій. — Не болѣе удачи имѣла большая премія физики, требовавшая опредѣленія собственныя теплоты главныхъ простыхъ (несложныхъ) тѣлъ, кислотъ, солей и, въ придачу, ихъ органическихъ связей. Тутъ въ-самомъ-дѣлѣ требовалось вдругъ слишкомъ-много, и одно послѣднее условіе должно отвѣять мужество уравнистѣйшаго наблюдателя. Послѣ этого остались еще двѣ истинно-исполняскія задачи, изъ которыхъ одна требовала, чтобы были показаны путемъ опыта послѣдовательныя, физическія, химическія и органическія измѣненія въ яйцахъ птицъ и лягушекъ. Что касается другой физической задачи 1837, возобновленной въ 1839, нерѣшенной въ 1841 и заданной вновь къ 1844 году, то трудность и объемъ ея претупали все обыкновенныя предѣлы. Известно, что изученіе и точное знаніе органа голоса столь же трудно, какъ запутано, и безчисленное множество сочиненій о че-

ловѣческомъ голоосѣ существенно не подвинуло насъ нисколько впередъ. Академія же требовала опредѣленія механизма голоса не только у людей, но и у всѣхъ животныхъ, имѣ одаренныхъ. Задававшіе этотъ вопросъ, не подумали о томъ, что единственная, основанная на опытахъ теорія голоса пѣвчихъ птицъ уже почти превышаетъ силу человека. Академія наконецъ убѣдилась въ этомъ и вычеркнула изъ программы—птицъ и насѣкомыхъ. Такимъ образомъ, задача ограничилась голосомъ человѣка и млекопитающихъ животныхъ; къ ней написано шесть сочиненій, которыя, однакожь, не были удовлетворительны, почему задача въ третій разъ предложена къ 1844 году.

Изъ этого слѣдуетъ, что если Академія не хочетъ вѣчно отсрочивать рѣшенія своихъ задачъ безъ всякаго успѣха, то должна рѣшиться наконецъ раздроблять ихъ и награждать по частямъ, чего я заслуживаю въ некоторыхъ сочиненіяхъ. — Если, въ публичномъ годичномъ засѣданіи, за исключеніемъ преміи Лавуаза, состоящей изъ медали цѣною въ 635 франковъ, присужденной прусскому ученому, Бремюкеру, за открытіе кометы 27 октября 1840-го года, Академія не присудила ни одной большой преміи, то это объясняется необыкновенною, даже неестественною трудностью задачъ. Къ-счастью, мудрыя и благодѣтельныя монтионовы преміи не подвержены предвѣщенію, но пріобрѣтаются лучшими сочиненіями по части улучшеній и усовершенствованій инструментовъ механическихъ, статистическихъ, физиологическихъ, медицинскихъ, хирургическихъ, также открытіямъ средствъ противъ вредныхъ для здоровья ремеслъ, и Академіи остается только выбирать лучшее между хорошимъ. Этихъ-то премій и добиваются всего болѣе. Изъ нихъ премія по экспериментальной физиологии, къ-сожалѣнію, весьма незначительная, присуждена сочиненію г. Шоссэ «Recherches expérimentales sur l'inaction»; почетнаго упоминанія удо-

стоялись новѣйшія изслѣдованія Лекалю о человѣческихъ волосахъ, а статья г. Матеуччи объ электрическихъ явленіяхъ въ животныхъ обѣщана награда въ 1843 году, потому-что содержащіеся въ ней факты еще не могли быть повѣрены комиссіею, что должно разумѣть и объ улучшеніяхъ въ области вредныхъ здоровью занятій—*arts insalubres* — при чемъ комиссія должна будетъ выбирать между открытіями, сдѣланными въ Швейцаріи, Англіи и Франціи гг. де-ла-Ривъ, Элькинговомъ и Рюользомъ, а можетъ быть и между новѣйшимъ способомъ проведенія трубъ для газа и ключевой воды, придуманнымъ г-мъ Шамруа. Медицинская Комиссія выразилась опредѣлительнѣе въ пользу работъ гг. Танкереля-де-Планша и Амюсса. Первый получилъ премію въ 6000 франковъ за свое сочиненіе объ отравленіяхъ свинцомъ, доказавъ присутствіе этого металла въ органахъ человѣческаго тѣла, гдѣ онъ производитъ то боль, подобную ревматизму, то онѣмѣніе, то нервные припадки. Г. Амюсса получилъ 4000 франковъ за изслѣдованіе вступленія воздуха въ вены, при чемъ авторъ доказалъ, что большой можетъ въ-продолженіе наилучше-удающейся операціи умереть, какъ пораженный громомъ, и противъ этого г. Амюсса старается находить мѣры предосторожности. Премія, основанная Лапласомъ и состоящая въ полномъ собраніи его твореній, досталась, по обыкновенію, первому воспитаннику Политехнической Школы, какому-то г-ну Рейссу.



О ЗВУКОИЗМѢНЕНІИ (*Umlautung*).
Грамматическая аппелляція къ здравому смыслу и безпристрастію. (Статья первая) (*). — Въ дѣлѣ (какъ выражаются ученые грамматикѣ) сочетанія

(*) Редакторъ «Отечеств. Записокъ» получилъ эту статью при слѣдующемъ письмѣ:

«М. Г. Знаю, что въ одномъ вашемъ

звукѣ, или (какъ думаю простѣе сказать) въ дѣлѣ соединенія буквъ между собою и въ дѣлѣ измѣненія буквъ одной на другую, неперемѣнный законъ — благозвучіе, а мудрый законодатель, знающій потребность защищаго вкуса — народное ухо. Отъ-того-то, пристраиваясь и прислушиваясь къ измѣненію звуковъ въ словахъ, видишь такое чудное и свободное разнообразіе. Такъ Грекъ, по требованію изящнаго слуха, въ *τοῦ φο*, *ε* перемѣнял и въ *ο* и въ *α*: *τέτροφα*, *ετραφῆν*, *τροφῆ*, *τραφερός*, — въ *ἴβττι*, *η* измѣнял въ *α*: *ἴβτατον*, *ἴβταμεν*, въ *τιθῆτι* ту же *η* перемѣнял въ *ε*: *τιθεμεν*. Въ латинскомъ языкѣ находишь ту же свободу и разнообразіе въ звукоизмѣненіи, наприм., *facio*, *fecī*, *conficio* и т. п., — въ нѣмецкомъ то же: *Vater*, *Väter*, *liegen*, *ich lag* и т. п. — въ славянскомъ также: *крыло*, *кромь*, — *ямь-сѣмь*, — *понтѣ*, *напоятѣ* и т. п. Мы Русскіе также отъ людей не прочь; мы говоримъ и пишлемъ: *времлю*, *тромъ*, *погремушка*; *веду*, *вѣлѣ*, *водити*; *шетать*, *шопотъ*, *шепнуть* и т. п.

Странно, однакожь, что у нашихъ грамматиковъ утвердилась мысль довольно-непонятная «будто гласная о никакъ не можетъ слѣдовать за согласными шипящими (ж, ч, ш, щ) и азычною џ (Гречъ «Практ. Грам.» § 536. «Чтенія о Рус. Яз.» 1—198. Востокова «Простран. Грам.» §§ 29 и 169.)

Смылаюсь на всѣхъ добрыхъ людей. — не мы ли никогда не носимъ ни желтыхъ перчатокъ, ни шелковыхъ матерій? а на всякомъ порядочномъ чловѣкѣ вы увидите и *жолтые* перчатки, и что-нибудь изъ *шолковой* мате-

журналъ убѣжденіе находитъ себя нѣсто, я рѣшился обратиться къ вамъ. Если найдете эту первую статейку о звукоизмѣненіи достойною занять нѣсто въ вашемъ журналѣ, напечатайте ее; этимъ вы дадите мнѣ смѣлость представить другую статейку о томъ же предметѣ. Это мои первые опыты, написанные по случаю размышленій, возникшихъ при преподаваніи отечественнаго языка» и проч.

рин. Не мы ли (каюсь, грѣшный человекъ) избѣгаемъ ученыхъ и учености, но глубоко уважаемъ *учоныхъ* и охотно занимаемся *учоностью*? Кому нравятся черныя кудри? Но послушали бы отъ молодѣжи, какъ она съ ума сходитъ отъ *чорныхъ* кудрей? — И какъ часто мы желаемъ всмотрѣться въ лицо, а не въ лицѣ! Даже мой Иванъ — даромъ что парень не далѣкій — никогда не подавалъ мнѣ счѣта, а какъ ни спросишь, несѣтъ-себѣ *счотъ*, — да и сапоги-то всё чистилъ *щоткой*, а не счѣткой, — сколько я ему ни толковалъ правило, преподаваемое г. Гречемъ. Ну, говорить ли хоть одинъ порядочный человекъ иначе? Откуда же къ намъ забрело странное требование грамматики, совершенно-противорѣчащее всему, и никѣмъ не соблюдаемое?

Правда, нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣ шипящихъ буквъ и язычной *щ*, въ славянскомъ языкѣ не слѣдуетъ *о*, но *е*; да вѣдь то въ славянскомъ, а не въ русскомъ! Когда же мы въ своей грамматикѣ освободимся отъ тягостнаго чуждаго вліянія? Когда же отделимъ чуждую примѣсь, совсѣмъ несвойственную нашему родному языку? Скоро ли мы дождемся чисто-русской грамматики, и оставимъ въ покоѣ славяно-русскую?

Вы согласны, что главный законъ соединенія гласной съ согласною — благозвучіе? Хорошо. Для народа приятно, благозвучно слышать: *чорный*, *счотъ*, *старичокъ*, *шоль*. Почему же не правильно писать эти слова съ голосу народнаго, а вадѣ писать: «*черный*, *счеть*, *старичекъ*, *шель*»? Еслибъ *е* была коренная буква, — ну, такъ и быть, нечтѣ, ещё можно бы слушаться наставленія грамматики. А то, вѣдь, давнымъ-давно дознано, что не гласныя, а согласныя составляютъ корень слова. Невѣрующіе пусть потрутся прочесть введеніе къ знаменитому словарю Ливде. Такъ къ-чему же всё такія орфографическія умищанья и затверженныя встарь правила? къ-чему насилія закосядой орфографіи?

Встрѣчая въ грамматикѣ подобныя правила, невольно назовѣшь справедливымъ и это насмѣшливое ея опредѣленіе: «Грамматика собственно есть старинная, мастистая, достопочтенная наука, которая учитъ говорить и писать именно такимъ образомъ, какъ никто на свѣтѣ не говоритъ, и какъ, слѣдовательно, никто не долженъ писать.»

Перевесѣмся въ вѣка градушія, отдаленныя, когда, по волю судьбы, и нашъ языкъ вступитъ на чреда языковъ мѣртвыхъ, и сдѣлается предметомъ изученія; представимъ же, что кто-нибудь изъ образованныхъ Русскихъ возсталъ бы и явился посреди сонма ученыхъ, и услышалъ бы горячо, съ одушевленіемъ декламирующаго начальныя строки двухъ прекрасныхъ пьесъ—двухъ нашихъ великихъ поэтовъ:

«Пошѣлъ — и гдѣ тристаты злобы?»
«О чѣмъ шумите вы, пародные вити?»

Какое грустное, тяжелое чувство ощутилъ бы нашъ воскресшій соотечественникъ, видя такое искаженіе нашего гармоническаго слова въ устахъ ученыхъ собратій! Я понимаю это тяжелое чувство: я имѣлъ несчастье испытать его еще при жизни, не такъ далѣко отъ Москвы...

Нѣтъ, господа-учители влоквици и хитростей грамматическихъ, о можеть и должнѣ слѣдовать за буквами шипящихъ и язычною *щ*, когда всё такъ произносятъ, и слѣдовательно, когда требуетъ этого общепринятое произношеніе народа. Пишите-ка лучше какъ уже многие начали писать — *шоль*, *лжотъ*, *щотка*, *счотъ*, *лицо*, и т. п.

Но какъ прикажете писать: *жоны* или *жены*, *чорный* или *черный*, *щоки* или *щекы*, — или, другими словами: какъ писать тѣ слова, которыя, при переходѣ изъ единственнаго числа во множественное, или на оборотъ, или еще при переходѣ изъ мужскаго рода въ женскій перемѣняютъ удареніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣняютъ *о* въ *е* или

е въ о? Надъ отвѣтомъ залумываться | бѣчего; пишете *жоны, щоки, чорный* и т. п., т. е. пишете согласно съ общепринятымъ произношеніемъ. Не будетъ ли путаница и сбивчивость?— Боже мой! мы вѣчно всего боимся! Если Нѣмцы не затруднялись постановить за непремѣнное на письмѣ отмѣчать перемѣну а въ ѧ, о въ ѳ, и въ ѱ въ некоторыхъ словахъ при переходѣ ихъ изъ единственнаго числа во множественное, на-примѣръ *Stadt* множ. *Städte*, *Ros* множ. *Röste*, *Hut* множ. *Hüte*, отъ-чего же намъ только веловко и труано допустить у себя подобныя измѣненія, когда они на-самомъ-дѣлѣ существуютъ въ языкъ нашемъ? И чѣмъ же мы затрудняемся? Какъ-будто одинъ нашъ языкъ дѣйствуетъ на-авось, а не слѣдуетъ извѣстному, непреложному закону! Нѣтъ, произношеніе наше не самовластно, но строго повинуется одному закону. И вотъ этотъ законъ изъ вашимъ услугамъ: «когда надъ слогомъ изъ шиплящей буквы и гласной е во множественномъ числѣ дѣлаемъ удареніе, то е всегда переходитъ въ о. На-примѣръ, женѣ, мн. жбны, щекѣ, мн. щбкн. То же должно замѣтить и объ имевшихъ прилагательныхъ усѣченнаго окончанія; они, при переходѣ изъ мужескаго рода въ женскій, вмѣстѣ съ перемѣною ударенія перемѣняютъ о въ е. На-примѣръ чорень—жен. чернѣ, жолтъ—жен. желтѣ, увлечѣнъ—жен. увлеченѣ—множ. увлечены.

Попробуйте, найдите хоть одно слово, которое составило бы исключеніе изъ этого правила! Откуда же въ насъ такая недогадливость и не охота писать въ угодность требованіямъ образованнаго слуха? Однакожь не безъ улыбки можно здѣсь замѣтить, что одинъ *чортъ* составлялъ исключеніе изъ стариннаго правила вашихъ грамматиковъ: его только не посмѣли советовать писать по указанному правилу, хотя во множественномъ будетъ *черти*, а не *чорти*. Такова ужь, видно, сила печистаго даже и въ грамматикѣ! А я прибавлю еще, что *чортъ* не под-

ходить и подъ зложенное нами правило. Ужъ такова натура чорта: шидтъ его не умѣстишь!

Не лишнимъ считаю прибавить несколько словъ въ разсужденіи окончаній именъ и всѣ то же при шиплящихъ и язычной ц. Многіе, даже изъ извѣстныхъ литераторовъ, затрудняются писать: *отцовъ, душою, ножомъ* и т. п. Какое затрудненіе! Давно Добровскимъ рѣшено, что при измѣненіи словъ по окончаніямъ гласныя твёрдыя (з, э, о, у, ы) всегда смѣняются твёрдыми, а мягкія (я, е, ё, ю, и)—мягкими. На-примѣръ,

Именит.	нож-ъ	лиц-о
Р.	нож-а	лиц-а
Д.	нож-у	лиц-у
Т.	нож-омъ	лиц-омъ.

Не потому ли не самому примѣру должны измѣняться и другія слова? Развѣ для нихъ другой законъ? Мы и послѣ изслѣдовавіи Добровскаго преподаёмъ вотъ какія диковинки: «Въ творительномъ падежѣ именъ мужескаго и средняго рода и при удареніи пишется е: на примѣръ *отцами, лицами, мечемъ, лицею*» и т. п. (зри «Прак. Рус. Грам.» г. Греча § 556). Поздравляю учёность вашу! Такъ по-вашему: сынъ пошёлъ гулять съ отцемъ; онъ порѣзалъ себя ручёвкн ножемъ? Вотъ уже, въ самомъ-дѣлѣ, учёность, а не учёность? Нѣтъ, по-нашему, по-неучовому, должно бы написать: сынъ *пошёлъ гулять съ отцомъ*; онъ порѣзалъ себя *ручонки ножомъ*. За то, какъ долженъ сердиться на подобную орфографію тотъ знаменитый критикъ, который между-прочимъ прославился замѣчательными предисловіями къ «учёнымъ» книгамъ своего друга! Богъ съ нимъ! пускай сердится!.. Пожелавъ ему добраго здоровья, я всегда оставусь съ своимъ убѣжденіемъ.

П. Доброхотовъ.

Ярославль,
1842 г., февраля 5-го.



ПИСЬМО ИЗЪ ИТАЛІИ.

Римъ. Октября 29-е, 1841.

...Въ Римъ въѣхалъ я съ самымъ обыкновеннымъ чувствомъ. Прежде часто и много думалъ я о немъ; но по мѣрѣ моего къ нему приближенія, глаза, встречая по Италиі столько прекраснаго, невольно отвлекли воображеніе къ настоящему — и оно уже какъ-то охладѣло къ воспоминаніямъ минувшаго; притомъ и папскій солдатъ въ изношенномъ голубомъ мундирѣ, подошедшій у заставы къ дилижансу спрашивать паспортъ, кажется, охолодилъ бы и дѣйствительное поэтическое одушевленіе. Възбужаемъ. Я увидѣлъ передъ собою обширную площадь; среди ея стоялъ египетскій обелискъ, окруженный четырьмя предельными фонтанми; по краямъ площади бѣлѣлись колоссальныя группы мраморныхъ статуй. «Piazza del Popolo» сказалъ кто-то въ дилижансѣ. Площадь народная!... Все, что воображеніе прежде мечтало о древнемъ Римѣ, — все при этомъ видѣ и словѣ вдругъ закипѣло въ немъ. «Я въ Римѣ, Я въ Римѣ!» твердилъ я себѣ съ невольчивостію. Да и гдѣ же, кромѣ Рима, можетъ быть такая площадь? Нигдѣ не встрѣчалъ я площади столь торжественно-величавой, такъ дышавшей искусствомъ. Восторгъ мой по-прежнему простывалъ, когда дилижансѣ тѣхалъ по длинному Corso; съ жаждою къ деревостаямъ, ища ихъ повсюду глазами, я безъ вниманія смотрѣлъ на превосходные palazzi, какими обставлены узкія улицы Рима.

Немного оправившись въ гостиницѣ, я тотчасъ же спросилъ себѣ сісегопе и велѣлъ вести себя на Фога гошапо.

Видите это широкое поле; на немъ нѣтъ ни домовъ, ни пашень: — словно растутъ одни обломки, его покрывающіе. А было время, когда за право стоять на этомъ полѣ бывали кровавыя войны; народы, составіе Риму, рѣшались или погибнуть, или стать римскими гражданами. Не быть римскимъ

гражданиномъ значило быть ничѣмъ. Для подачи голосовъ цѣлые города спѣшили на форумъ; площадь становилась тѣсною; толпы взбирались на колонны храмовъ, на крыши оружіевъ зданій. Гдѣ дано было слову человѣческому больше силы, гдѣ больше могло оно лать челоуѣку, какъ не на этомъ форумѣ? Началъ здѣсь жить Римъ — и умеръ здѣсь. Никогда не былъ онъ такъ могучъ, какъ въ эпоху гражданскихъ междоусобій своихъ: въ жаркихъ схваткахъ ораторовъ, въ борьбѣ общественныхъ стѣнхъ республика расправляла свои мышцы. Если народу суждена великая миссія въ исторіи челоуѣчества, — все преграды, встрѣчающіяся ему въ его развитіи, обращаетъ онъ только въ питаніе своего могучаго организма.

Теперь, видите направо восемь колоссальныхъ колоннъ, поддерживающихъ остатки карниза и аркады: — это былъ Храмъ Счастія; возлѣ, пониже, стоятъ три колонны превосходной работы; въ кускѣ большаго преледнаго карниза, уцѣлѣвшаго на нихъ, можно еще прочесть: «tornante»; это былъ храмъ Юпитера Громовержца. Недалеко отъ нихъ вышла въ полевицу изъ земли роскошная арка Септимія-Севера. Тамъ подалее въ полѣ — одиноко стоятъ три колонны: онѣ поддерживаютъ широкій, величественный карнизъ самой изящной работы: это остатки зданія, въ которомъ принимала республика чужестранныхъ пословъ. Далѣе, всю правую сторону горизонта заслоняетъ длинная гора мусора, кирпича и мраморныхъ обломковъ, заросшихъ густою травою. Это было зданіе, котораго великолѣпіе недоступно нашему воображенію, — это былъ дворецъ цезарей. Около развалинъ этихъ глядятъ въ пустынное поле великолѣпная, почти вся уцѣлѣвшая, но чуждая древняго изящества, арка Константина — и нѣмая тѣнь арки Титовой. Наконецъ, обращаешь взвво, глаза останавливаются на громадной, полуразрушившейся массѣ, поднявшейся широкими арками въ 5 величайшихъ рядовъ. Это Коллизей...

Сурово стоишь ты, памятникъ величїа римскаго! Но не битвы гладиаторовъ, не рысатища, не представленїя занимають въ немъ меня, — вѣтъ, здѣсь защищаль Римъ свое существованіе отъ неслыханнаго и послѣдняго противника своего: тысячи христіанъ замучены на широкой аренѣ этого амфитеатра...

Когда мрачный Тиверій, обладатель міра, смотря изъ дворца думалъ о безграничномъ могуществѣ своей имперіи, въ то время въ одной дальней ничтожной провинціи его имперіи совершилось великое таинство, къ принятію котораго народы приготавлились цѣлые вѣка, съ трепетомъ предчувствуя его прїшествіе... Римъ получилъ не замѣтную, но смертельную рану.

Посмотрите теперь на зачатіе міра новаго: вы видите ступень, на которую всходитъ человечество, видите внутреннюю жизнь его. Погрузитесь въ нее мыслію, или глубокимъ чувствомъ — и вамъ ясно будетъ, какъ божественный порядокъ царствуетъ въ ней: нѣтъ случайности, — единая воля, единый животворный лучъ духа пролипаютъ отъ вѣка всѣ эти тревоженія міра, которыхъ смыслъ, лишь по прошествіи столѣтій открывается слабымъ очамъ нашимъ. Видители, какъ по жиламъ человечества пробирается новая влага, сильнѣе забило сердце его: словно проснулось оно отъ долгаго, томительнаго сна. Теперь посмотрите, какъ ставяутъ состязаться два міра: можно ли было ожидать, чтобы стихій столъ противоположныя вдругъ явились лицомъ-къ-лицу? Царство наше тамъ, говоритъ одна, таинственно указуя на небо другой, упоенной своею роскошною природою, развѣвлившей въ ней свою чувствительность... Какъ забыть свои наслажденія, оторваться отъ радушной своей матери? Наше царство здѣсь! возражаетъ она.

Смотря на это состязаніе, подумаетъ ли, — не-уже-ли эти новые люди хотятъ переродить свѣтъ? Какъ разрушить то, что до-сихъ-поръ составляло сущность и условіе жизни? какъ

идеальному міру ихъ замѣнить очаровательную дѣйствительность настоящаго! Это мечты энтузіастовъ: онѣ разсвѣтятся, какъ эти сотни сектъ, наполнившихъ Грецію... Но въ этихъ сотняхъ сектъ человечество училось понимать и сознать себя; онѣ служили буквами для великаго слова: мысль явилась, — слово выговорено... Прости теперь, вѣчная, свѣтлая религія Грековъ! Человѣкъ мнѣетъ свѣтлый міръ твой на міръ таинственный, но великій; онѣ бросаетъ твои роскошныя благовопія, такъ сладко вѣжившія тѣло; бѣжитъ съ твоихъ радостныхъ празднествъ, гдѣ чувства вѣжились въ упоеніи; онѣ бросаетъ твой тирсъ и вѣнки цвѣтовъ: его вѣтцы сплетены изъ тернія.

Сначала Римъ добродушно смотритъ на великое таинство, совершающееся предъ очами его. Какого царства хотятъ они? спрашиваетъ обладатель міра. Царства духа! Римъ не понимаетъ этого и спокойно записываетъ въ свои лѣтописи странное для него явленіе.

Проходить годы; древо новой жизни возрастаетъ; подъ таинственную сѣнь его толпами стремится люди, — и наконецъ, съ недоумѣніемъ замѣчаетъ Римъ, что эта странная жажда міра невидимаго точитъ корень его существованія, разрушаетъ гражданское устройство его. Съ удивленіемъ разсматриваетъ онѣ новаго противника: Римъ не понимаетъ, не знаетъ оружія, которымъ сражается противникъ. Покогутъ ли тутъ мечи, когда онѣ, слабый, незащитный, съ радостію даетъ убивать себя и, умирая, говорить о любви и вѣчной жизни! Взволновался Римъ. Борьба кипитъ, — необыкновенная, неслыханная, — борьба величайшей силой съ величайшею слабостію. Какъ тяжело прокладываетъ себѣ дорогу свѣтъ, возражающей человечество, — тяжело, но онѣ торжествуетъ съ каждымъ днемъ. Посмотрите же, какъ судорожно мечется древній міръ, какъ умираетъ онѣ. Напрасно уливаешь ты амфитеатры свои кровью христіанъ; напрасно

скликаешь народъ рукоплескать гибели ихъ! Народъ плещеть, — а выходить изъ театра въ задумчивости: божественная тайна уже смутно почувствуется имъ... Напрасно ты, изуревный миръ, утомись, наконецъ отворяешь противнику врата своего города, напрасно возводишь его на тронъ своихъ императоровъ, — онъ неумолимъ: онъ разрушитъ тебя и прахъ твой развеетъ по землѣ...

Досадовать ли, дивиться ли, что нельзя здѣсь найти даже слѣдовъ множества превосходныхъ памятниковъ древности, видя храмы ея перестроенными для другаго назначенія, украшеннаго обломками ихъ древняго великолѣпія? Конечно, разрушеніе древняго міра было необходимымъ условіемъ христіанства; а въ жаркой битвѣ достаетъ ли вниманія берегу прекрасное кольцо врага, или драгоценный поясъ его. Въ послѣдствіи невѣжество и время довершили остальное. Но для меня это повсюдное сліяніе лъччества съ христіанствомъ составляетъ дивное, неописанное очарованіе Рима. Эта окаменѣлая вражда двухъ міровъ съ неодолимою силою овладѣла умомъ моимъ. Уныло-таинственнымъ взоромъ смотритъ она здѣсь въ безконечное будущее... Необыкновенное чувство объемлетъ душу, когда стоишь на этомъ рубежѣ двухъ міровъ, видя трупъ стараго и уже дряхлѣющую жизнь новаго... Сколько торжественныхъ, возвышающихъ ощущенийъ проходитъ по душѣ, когда бродишь по Риму, по этому зѣмлю, которымъ соединило человечество двѣ великія и только одна намъ известная эпоха жизни своей!

Но и независимо отъ древностей своихъ, Римъ имѣетъ свой особенный, глубокой характеръ, о которомъ не можетъ дать ни малѣйшее понятіе ни одинъ изъ городовъ Европы. Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, Римъ можно сравнить съ поэтомъ или художникомъ, у котораго среди самыхъ простыхъ явленій обыкновенной ежедневности, безпрестанно проблескиваетъ этотъ неподражаемый взглядъ на пред-

меты, эта молниеносность мысли, невольнѣ поражающіе насъ и заставляющіе глубоко чувствовать, или задумываться. Такъ въ Римѣ: идете по узкой, нечистой улицѣ, — вдругъ предъ вами прекрасная площадь съ знаменитымъ памятникомъ; изъ сумрачнаго переулка выходишь къ роскошнѣйшему фонтану. И эта безпрестанная неожиданность, съ какою встрѣчаешь здѣсь произведенія искусства, кажется, еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе ихъ. Въ день моего пріѣзда съюда, бродя въ сумерки по городу, — какъ изумился я, когда запачканная, узкая улица вывела меня на площадь, и передъ собою увидѣлъ я Мостъ Св. Ангела, по берегамъ бѣднаго Тибра живописно-толпящіеся домики, въ зелени кипарисовъ и акацій; вѣтвь вырвавшаяся на вечернемъ, розовомъ небѣ куполъ Петра, и прямо—величественный памятникъ Адріана, обращенный въ Замокъ Св. Ангела. Но изумленіе мое было иное, когда на другой день, изъ улицы воюющей, наполненной мясными лавками, пекарнями, мастерскими, вышелъ я къ Ватикану. Передо мной была обширная площадь, обитая колоннадою въ четыре ряда; посреди египетскій обелискъ; по обѣимъ сторонамъ ея густыми снопами бющія фонтаны. Длинныя ряды колоннъ служили словно двумя колоссальными крылами храму, и живо, легко поднимавшемуся надъ ними своимъ воздушнымъ куполомъ. Впечатлѣніе было для меня тѣмъ необыкновеннѣе, что на площади раннимъ утромъ нѣтъ никого: тишина увеличивала торжественность впечатлѣнія. Видъ очаровательный! После я не разъ думалъ: отъ-чего эта площадь такъ влечетъ меня къ себѣ? Эти колонны очень обыкновенны, — да и къ-чему тянутся онѣ? Фонтаны? въ Римѣ есть лучше. Фасадъ церкви? не скажу, чтобъ очень нравился мнѣ. Нѣтъ, очарованіе состоитъ въ цѣломъ: эти разрозненные части, такъ по видимому обыкновенныя, если разсматривать ихъ порознь, соединены между собою воздушною симпатією, живутъ

только общему жизни, и разрозненные умрутъ, утратятъ свое таинственное очарованіе; глаза, разъ устремившіеся на нихъ не могутъ оторваться.

Говорить ли вамъ о величии храма Петра, его куполь, древнихъ ирамо-рахъ, мозаикахъ, картинахъ? говорить ли вамъ о великодушныхъ церквахъ Рима? Слишкомъ бы много заняло времени. Одно замѣчу только, что глядя на чувственный характеръ и роскошныя формы нѣтъ, и думая о таинственномъ значеніи христіанства, о стремленіи его совлечь съ человека чувственность и поработить себѣ элементы ея, — чувствуешь, что здѣсь христіанство возросло на чуждой ему почвѣ: здѣсь оно благоухаетъ античностью. Тогда становится понятно, что истинное христіанское зодчество должно было явиться только у народовъ новыхъ и дѣвственныхъ, цѣломудренно и исключительно принявшихъ въ себя символъ христіанства, — между тѣмъ, какъ здѣсь они слились съ чувственными симпатіями древняго, прекраснаго міра. Всѣ эти здания церкви, даже и самый храмъ Петра, помни, такъ же напоминають собою духовную религію Христа, какъ Сатро вассино — древній каинтоидъ.

Скажу нѣсколько словъ объ окрестностяхъ. Середи широкаго, пустыннаго поля стоитъ Римъ; кругомъ его безмолвіе и пустота: ни птицъ, ни стада, ни деревень. Слѣды римскихъ дорогъ уцѣлѣли еще на мѣстахъ, гдѣ теперь никто не ходитъ, — рѣдко, кое-гдѣ увидишь дерево — вѣжну римскую пшцу. Не видно слѣдовъ влуга на поляхъ. Вдали, по южному горизонту, синѣютъ гряды Аппенинъ. По доли всюду разсыпаны развалины. Высоко тянутся арии древнихъ водопроводовъ, — и, полуразрушенныя, пыла уцѣлѣвшія, поросли мхомъ и травой. Вечеромъ, если пустынное поле облекается торжественнымъ величіемъ и какою-то задумчивою, меланхолическою красотою. Я часто здѣсь смотрю заходящее солнце. Последніе его лучи обмиваютъ развалины аркамъ, огненно-пурпурнымъ свѣтомъ; поле оживляется

какою-то унылою жизнью; далеко кругомъ тихо и пусто... Вдали вечерніе пары сливаются вершины горъ съ небомъ; закатъ покрываетъ отлогости ихъ чудесными лилово-розовыми отливами... Въ эти минуты поле имеетъ для меня очарованіе неизъяснимое...

В. Б.—нѣ.

*

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

L'AUBERGE DE SHANTILLY (Трактиръ въ Шантильи), *воденіе въ одномъ дѣйств. соч. Поль де Кока.*

Капитанъ Дельбуа, женившійся на дѣвушкѣ съ романтическимъ характеромъ, принужденъ оставить ее, чтобъ ѣхать въ армію; разлука эта тѣмъ болѣе ему тягостна, что жена его должна сдѣлаться скоро матерью, и онъ, прощаясь, приказываетъ ей непремѣнно родить сына. После этого, капитанша, какъ водится, производитъ на свѣтъ дочь, а чтобъ избѣжать упрековъ мужа, скрываетъ полъ новорожденнаго младенца и воспитываетъ дѣвочку какъ мальчика. Въ 16 лѣтъ Габріель Дельбуа остается сиротою; мать ея умерла на берегахъ Сены, а отецъ на берегахъ Березины. Нѣкто Дорси, котораго капитанъ, оторвавшись въ походъ въ Россію, назначилъ опекуномъ своего мнѣшаго сына, презираетъ, подобно своему приятелю, все, что только не можетъ сдѣлаться солдатою. Габріель, желая перемѣнить образъ мыслей своего опекуна, дѣлаетъ столько шалостей, и такъ усердно подражаетъ во всемъ самымъ отчаяннымъ повѣсамъ, что Дорси, выведенный изъ терпѣнія, говоритъ наконецъ, что онъ желалъ бы быть лучше опекуномъ дѣвушки, чѣмъ такого буяна. Мамзель Дельбуа, дождавшаяся только этого, признается, что она дѣвушка и опекуна ея, кото-

рый самъ еще человекъ молодой, женится на ней.

MARIKOU LE DECOUVERTEMENT D'UNE JEUNE FILLE, драма-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ гг. д'Авена и Альгана.

Въ этой паксывой и длинной драмѣ Марія, молодая шведка, желая уговорить какого-то льва жениться на дѣвушкѣ, которую онъ оболыстилъ и которая ей пріятельница, принимаетъ его къ себѣ наканувъ своей свадьбы. Женихъ застаётъ ихъ вмѣстѣ, думаетъ, что онъ обманутъ, вызываетъ на дуэль льва; стравляется съ нимъ и, ранивъ его, отправляется служить въ Африку. Возвратясь оттуда, онъ узнаётъ свою ошибку и женится на Маріи. Для этого избитаго сюжета было бы довольно одного акта, а изъ три, — и парижская публика зѣваетъ.

LE GRAND PALATIN (Великій Палатинъ), водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Дювера, Лозана и Леру.

Эта пьеска должна была явиться на сцену подъ названіемъ «Супругъ Королевы» (*Le Mari de la Reine*); но цензура запретила ее, и она болѣе года не могла быть играна; наконецъ авторы рѣшились въсколькo передѣлать ее и послѣ продолжительныхъ стараній и просьбъ, послѣ всѣхъ возможныхъ интригъ и происковъ, водевиль этотъ былъ игранъ по особенному дозволенію короля. Вотъ его содержаніе: баронъ Гекторъ, государь и повелитель Зерингена, государства, состоящаго изъ трехъ селеній, двухъ деревень и 350 подданныхъ, былъ избранъ тайнымъ совѣтомъ великой палатинши мангеймской, упрочить ея славленную династію и разделить съ нею бремя правленія. Но молодая палатинша чувствуетъ отвращеніе къ мужу, котораго ей навязали, и доказываетъ ему это самымъ ужаснымъ образомъ. Онъ носить только титло мужа, тогда какъ кавалеръ д'Арандаль, первый министръ, пользуется всеми привилегіями, которыхъ такъ жаждетъ бѣдный

Гекторъ. Одинъ кавалеръ располагаетъ всѣми министрами, и имѣть огорченій, которыхъ бы онъ не заставилъ испытать бывшего владѣтеля Зерингена. Къ довершенію несчастія, Гекторъ ревнуетъ, и имѣетъ на то полное право, потому-что записка д'Арандаля попадаетъ ему въ руки. Честолюбивый придворный, какъ новый Лейчестеръ, осмѣливается просить свиданія у своей государыни, во время маскарада, который назначенъ въ тотъ же вечеръ; онъ хочетъ получить ленту перваго ордена государства. Гекторъ искуснымъ образомъ подмѣняетъ одну записку другою; свиданіе должно было состояться въ залѣ цвѣтовъ — Гекторъ булетъ тамъ, а д'Арандаль отправится дожидаться въ залѣ Меркурія.

Что случилось, что случилось — не знаемъ, только мы находимъ палатива въ богатомъ плафокѣ, расхаживающаго во внутреннихъ апартаментахъ принцессы, едва отвѣчающаго на вопросы д'Арандаля. Является принцесса, слѣдуетъ объясненіе. О, небо! Она была въ залѣ цвѣтовъ; Гекторъ изъ ея рукъ получилъ орденъ — Гекторъ обманулъ ее; но какая жепщина не проститъ такого обмана? — Принцесса перемѣняетъ свое о немъ мнѣніе; онъ вступаетъ наконецъ во всѣ права свой, а д'Арандаль отправляется посланникомъ въ Константинополь.

Пьеска имѣла огромный успѣхъ, которому во многомъ содѣйствовала игра актѣра Арналя и актрисы Теньи.

LA DOUVELE ÉPREUVE (Двойное испытаніе), комедія въ стихахъ, Ипполита Люка.

Г. де Нуармонъ имѣлъ у себя въ домѣ благородный театръ и чрезвычайно пристрастился ко всему, что только имѣетъ малѣйшій вѣлъ комедіи. У него подъ опекой прекрасная Изѣ де Ренси, наследница огромнаго имѣнія, и Альфонсъ, двоюродный братъ ея, къ которому фортуна не была такъ благосклонна. Г. де-Нуармонъ мечтаетъ о томъ, чтобъ женить этихъ молодыхъ людей. Но любить ли они другъ друга?

Онъ по-крайней-мѣрѣ думаетъ такъ; во Изѣ немного суетна и капризна, а Альфонсъ гордъ, и чувства ихъ еще не обнаружилась. Добрый старичокъ рѣшается испытать своихъ питомцевъ и, желая дать дѣвушкѣ, которой нравъ съ каждымъ днемъ становится высоко-мѣриве, полуденный урокъ, выдумываетъ слѣдующую басню: онъ, послѣ большаго приготовления и предисловій, объявляетъ своей питомицѣ, что она не дочь графа Ревси.—Кто же мой отецъ? вы? восклицаетъ испуганная Изѣ.—Нѣтъ, отвѣчаетъ г. де-Нуармонъ въ смущеніи:—вотъ твой отецъ, и онъ указываетъ на стараго слугу, къ которому Изѣ бывала очець-часто несправедлива. Можно представить какое впечатлѣніе производитъ это на умъ молодой дѣвушки; она почитаетъ величайшимъ несчастіемъ имѣть такого отца; но доброе сердце беретъ наковедь вверхъ падъ нею и она со смиреніемъ покоряется своей участи.—Увлеченная благородствомъ чувствъ, она хочетъ объявить Альфонсу о перемѣнѣ, происшедшей въ ея положеніи, — перемѣнѣ, которая дѣлаетъ его богатымъ, а ее нищею; но не имѣя духа сказать ему объ этомъ, рѣшается писать; — потомъ отправляется верхомъ въ Булонскій Лѣсъ, въ сообществѣ г. д'Олбаня и жены его, которая имѣетъ нѣкоторые виды на Альфонса, и еще одного молодого «льва», котораго плѣнила Изѣ не столько своею красотою, сколько своимъ богатствомъ. Лошадь прекрасной амазонки горяча; она взмываетъ на дыбы. Изѣ падаетъ и лишается чувствъ, г-жа д'Олбанъ ухаживаетъ за нею, выводитъ записку, прочитываетъ ее и отдаетъ Альфонсу. Ревность не разбираетъ средствъ; во г-жа д'Олбанъ сама попадаетъ въ разгнѣвицы ея сѣти. Любовь Альфонса воспламеняется еще больше; теперь онъ богатъ, онъ предложитъ свою руку Изѣ, которая такимъ образомъ не потеряетъ ничего. Г-жа д'Олбанъ напрасно старается отвлечь его отъ этого намѣренія → всѣ ея старанія тщетны.

Послѣ сцены съ нѣмымъ отцомъ, самой комической въ пьесѣ, потому что старый слуга ни за что не соглашается принять на себя званіе родителя Изѣ, — является де-Нуармонъ, признается, что все это была одна шутка, что онъ хотѣлъ сыграть комедію, и пьеса оканчивается свадьбою молодыхъ людей.

LA SENSIBLE ÉLECTRIQUE (Электрическая Цѣпь), комедія въ двухъ дѣйствіяхъ гг. Габріеля и Фредерика Тома.

Въ 1778 году Парижъ, Версаль и весь дворъ были очарованы знаменитымъ Месмеромъ; онъ до того обольстилъ всѣхъ своимъ ученіемъ, что Академія Наукъ и Медичинскій Факультетъ почли своею обязанностію вмѣшаться въ это дѣло. Ученый шарлатанъ, какъ называли его тогда академики, принужденный оставить Францію, увхалъ оттуда, однакоже не съ пустыми руками: если вѣрны записки того времени, онъ вывезъ съ собою 400,000 ливровъ, собранныхъ его знаменитыми адептами.

Маркизь де-Бопенсонъ принадлежалъ къ ревностѣйшимъ поклонникамъ животнаго магнетизма. Жизнь этого достойнаго дворянина была посвящена двумъ занятіямъ, равно ему любезнымъ: утро проводилъ онъ у великаго Месмера, а вечеръ за кулисами Оперы, посреди богинь танцевъ, такъ что умъ его былъ предавъ магнетизму, а сердце нимфамъ кордебалета, хотя судьба навѣлила его такою женою, которая могла бы заставить быть вѣрнымъ всякаго мужа. Но маркизь не дорожилъ сокровищемъ, котораго былъ обладателемъ: мамзель Корина, первая танцовщица Королевской Академіи Музыки (такъ, бывало, титуловалась нынѣшняя Большая Опера), преслѣдуемая маркизомъ, почти общала ему свиданіе. Если у ней во время балета будетъ въ рукавѣ зеленый посохъ, то это знакъ, что она соглашается ужинать съ маркизомъ, если же посохъ будетъ желтый, то она

отказывается. Маркиза узнаёт объ этомъ условіи отъ своего кузена, молодого гвардейца, который съ своей стороны влюбленъ въ милую кузину. Надо было во что бы то ни стало удерживать маркиза дома, потому что бывшая жена не очень падаетъ на твердость тавцовщицы. И такъ, маркиза прикидывается больною, падаетъ въ обморокъ; гвардейцу поручается вѣхать въ Оперу и узнать какого цвѣта будетъ посохъ. Оправившись отъ обморока и оставшись одна съ мужемъ, маркиза старается занять его. — Вѣрите ли вы магнетизму? спрашиваетъ она его: — вѣрите ли вы ему такъ, какъ вѣрить моя бабушка, которая утверждаетъ, что между мужьями и ихъ женами существуетъ электрическое сочувствіе, дѣлающее между ими все общими, даже и тогда, когда они бываютъ далеко другъ отъ друга: то, что чувствуетъ одинъ, чувствуетъ и другой, что дѣлаетъ одинъ, въ ту же минуту то же начинаетъ дѣлать и другой? — Маркизь не очень вѣритъ этой фантазмагоріи; маркиза видитъ необходимость удалить его на время изъ Парижа и уговариваетъ вѣхать въ Нормандію. Присутствіе маркиза тамъ необходимо по случаю важнаго процесса, который производится въ Руанскомъ Парламентѣ. Бопенсовъ колеблется. Пріѣзжаетъ гвардеецъ. — Желтый! говоритъ онъ громко: — зеленый! шепчетъ на ухо маркизь. Отчаянный маркизь отравляется въ Руанъ, оставляя въ Парижѣ маркизу и кузена ея, гвардейца.

Маркизь останавливается въ Руанѣ у родственника своего, г. Патюреля, совѣтника парламента; во г-жа Патюрель такъ хороша собою, что, увидѣвъ ее, вѣтринный Бопенсовъ забываетъ и жену свою и даже Корину. Дѣла идутъ скоро и хорошо. Г-жа Патюрель любитъ покетничать и охотно слушаетъ всякія вѣжвости. Вчера, во время игры въ трик-тракъ, ей тихонько сжали маленькую, хорошенькую ножку, сегодня похитили у ея роскошной талии розу, и наконецъ до-

бились даже свиданія. Но вотъ электрическое сочувствіе начинаетъ дѣйствовать. Гвардеецъ въ Парижѣ также пожалъ ножку, отнялъ розу и добился свиданія. Все это узнаётся въ Руанѣ чрезъ письмо маркизы. И такъ электрическое сочувствіе не мечта: «Месмеръ подлинно великій человекъ, и я, поклонникъ его, дѣлаюсь его жертвою!» говоритъ самъ себѣ маркизь. Онъ не можетъ однакоже рѣшиться отказаться отъ свиданія, — плетъ; но какое мученіе! какое ужасное положеніе! онъ у ногъ совѣтницы — и тремещетъ; онъ цалуетъ хорошенькую ручку — и холодная дрожь разливается по его жилкамъ; наконецъ камеристка вбѣгаетъ, объявляя о возвращеніи г. Патюреля. — Не помѣшали ли также и гвардейцу? восклицаетъ маркизь, и ему ставятся почти дурно отъ волненія и радости. Маленькая, пухленькая ручка возвращаетъ его къ жизни — ручка эта принадлежитъ маркизь, которая, будучи старинною подругой по пансіону съ совѣтницей, пріѣхала изъ предосторожности въ Руанъ для того, чтобъ соединить оба конца электрической цепи. Множество сѣвшихъ, истинно-комическихъ сценъ упростили успѣхъ этой пьесы, хотя въ ней видна еще неопытность молодого автора, Фредерика Тома, общающаго современемъ въ себѣ хорошаго драматическаго писателя.

UN WAS WLEU (Синій Чулокъ)
водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Фердинанда Лангле и Вильиѣва.

Мамзель Атевансъ Камузѣ, получившая небольшое наслѣдство, заводитъ магазинъ и рѣшается отказаться навсегда отъ зѣмужства, чтобъ наслаждаться полною свободой. Ее мучитъ жажда авторства; она предлагаетъ ему со всѣмъ увлеченіемъ своего сердца, пренебрегая заботами домашними, и поступаетъ наконецъ въ число членовъ клуба женщинъ-писательницъ. Но у ней есть обожатель Полидоръ, который хочетъ во что бы ни стало излечить ее отъ авторства. Онъ пере-

дѣается въ платьѣ фермера, который заставляетъ Атевансу подписать какой-то разорительный контрактъ; потомъ является въ видѣ г-жи Пазифѣ, президентши клуба, и говоритъ ужаснѣйшій вздоръ; наконецъ, превратясь въ студента-буяна, преслѣдуетъ бѣдную Атевансу. Она видитъ необходимость найти человека, который могъ бы служить ей защитникомъ. Полидоръ только этого и жаль: онъ отерываетъ любовь свою модисткѣ, женится на ней, и въ немъ узнаетъ она и фермера, и президентшу, и студента-буяна. Фарсъ этотъ довольно-забавенъ; очевидно, онъ написанъ для того, чтобъ заставить актѣра передѣлываться нѣсколько разъ и выказать разносторонность своего таланта.

LA TANTE MATH GARDÉE (Тетушка подѣ плохимъ надзоромъ), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, г. Баяра.

У г. Буврѣля есть старый, богатый дядя, котораго онъ единственный наследникъ, и котораго смерти онъ, какъ достойный племянникъ, ожидаетъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Но дядя себѣ-на-умъ; не смотря на свои 60 лѣтъ, онъ женится на молодой, хорошенькой дѣвушкѣ, и бѣдный Буврѣль начинаетъ трепетать за свое наследство, утѣшая себя впрочемъ мыслію, что дядя его уже препорядочно старъ. Главное состоитъ въ томъ, чтобъ помѣшать молодой, хорошенькой тетушкѣ заровать старика наследника, и вотъ Буврѣль дѣлается самымъ вѣрнымъ, самымъ неутомимымъ аргусомъ, стрегущимъ добродѣтель тетки; онъ отстраняетъ всѣхъ ея обожателей и старается даже возбудить въ дядѣ ревнивыя подозрѣнія; но старикъ такъ увѣренъ въ своей дражайшей половинѣ, что смѣется надъ опасеніями племянника, который между тѣмъ еще неусыпнѣе въ своемъ надзорѣ. Наконецъ, у него есть чѣмъ убѣдить дядю: онъ засталъ одного молодого человека, г. Леопольда, у ногъ

молоденькой тетушки, слышалъ такіе слова, которыя не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія объ опасности, ему угрожающей, и онъ бѣжитъ къ старику объявить обо всемъ. Добрый старичокъ встревожился не на шутку; но Леопольдъ, чтобъ отловить всякое подозрѣніе, женится на молодой дѣвушкѣ, которую Буврѣль прочилъ себѣ въ невѣсты. Несчастный теряетъ жену, но по-крайней-мѣрѣ ему остается надежда сохранить наследство, и онъ снова начинаетъ сторожить свою тетушку и мѣшать ей въ ея любовныхъ шашняхъ. Г. Бааръ, написавшій такъ много хорошихъ пьесъ, могъ бы оставить въ своемъ портфѣлѣ эту тетушку, и никто бы ничего не проигралъ отъ этого.

EUGENIE LA LINGÈRE (Швейя), *драма-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ*.

Если до-сихъ-поръ кто-нибудь думалъ, что ремесло швеи подавляетъ въ молодыхъ дѣвушкахъ всякое нѣжное чувство, тотъ можетъ убѣдиться въ противномъ, прочитавъ эту драму. Мало того: онъ увидитъ, что за прилавкомъ модныхъ парижскихъ магазиновъ скрываются всѣ добродѣтели, и что тамъ можно часто найти невѣсту, у которыхъ оказывается принагого до 500,000 франковъ годоваго дохода. Удивительный городъ Парижъ!

LE MARÉCHAL DE MONTEUC (Маршалъ Монлюкъ), *драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ*, г. Маря Лафонтъ.

Маршалъ Монлюкъ знаменитъ въ исторіи фанатизмомъ своимъ противъ гугенотовъ. Онъ обнаружилъ столько жестокости въ войнахъ религіозныхъ, что это обстоятельство приобрѣло ему милости Катерины-Медичи. Брантомъ, котораго нельзя назвать историкомъ чувствительнымъ, называетъ маршала Монлюка *жестокимъ человекомъ*. На-старости Монлюкъ написалъ исторію своей жизни и составилъ описаніе своихъ походовъ; явигу эту Генрихъ IV

называлъ «Библіею солдатскою». Монлюкъ говорить въ ней о себѣ съ такою же похвалою, съ какою графъ де-Гермазъ рассказываетъ свои подвиги дону Диего. Въ ней онъ отбросилъ въ сторону маску скромности... Кстати о маскѣ, здѣсь будетъ не лишнимъ замѣтить, что маршалъ Монлюкъ былъ принужденъ носить маску, будучи раненъ въ обѣ щеки при осадѣ замка Табештейна, въ 1550 году.

Вотъ человекъ, котораго г. Мари Лачонъ вывелъ на сцену. Дѣйствіе происходитъ въ Тулузѣ; маршалъ поддерживаетъ королеву Катерину-Медици противъ парламента. Капитулы, вооружась закономъ выдаютъ въ Катеринѣ королеву конституціонную, что очень не нравится властѣлюбивой государынѣ. Она утѣшаетъ себя только вѣжкою привязанностію къ молодому оруженосцу Гастону. Но Катерина такъ же несчастлива въ любви, какъ и въ политикѣ: Гастонъ влюбленъ въ молодую фрейлину королевы, Анну Флеменсъ. Въ минуту увлеченія, Катерина открываетъ Гастону заговоръ, приготовленный къ двю св. Варооломея. Гастонъ въ свою очередь повѣряетъ это своей любовницѣ, и королева подслушиваетъ ихъ разговоръ; при этомъ она узнаетъ, что Гастонъ, обращенный соперникомъ Монлюка, д'Обиньѣ, принялъ законъ реформатскій.

Съ этой минуты гибель Гастона рѣшена. Королева обращается къ Монлюку, который во всякомъ другомъ случаѣ былъ бы готовъ служить орудіемъ къ мщевію. Но Гастонъ его побочный сынъ; мать его сошла съ ума, и Монлюкъ отказывается умертвить Гастона. Королева принуждена притворствовать; она дѣлаетъ видъ, будто соглашается на бракъ Гастона и Анны; но въ ту самую минуту, когда они готовятся отправиться въ Ларошель, въ сопровожденіи д'Обиньѣ, она возбуждаетъ Монлюка противъ его стариннаго врага, и убійцы, покупленные отцомъ на гибель его соперника, умерщвляютъ его сына.

LES TROIS FILS (Три сына), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

Пьеса эта упала съ перваго представленія; шумъ въ театрѣ былъ такъ великъ, что актёръ, вышедшій возвѣстить имя автора, долженъ былъ удалиться, не назвавъ его. Содержаніе комедіи состоитъ въ томъ, что одинъ отецъ, имѣвшій трехъ сыновей, выгналъ изъ своего дома одного изъ нихъ за то, что тотъ любилъ шампанское, карты и женщинъ; братья его также не отказывались отъ этихъ трехъ вещей, но умѣли притворяться и остались дома. Въ послѣдствіи, этотъ блудный сынъ остепенился и взялъ къ себѣ отца своего, котораго въ свою очередь выгнали другіе два его сына. Изъ всего этого слѣдуетъ, что можно быть порядочнымъ человекомъ, любя выше-реченныя три вещи:—выводъ, можетъ быть, не совсемъ-нейтральный.

LE DUC D'OLONNE (Герцогъ д'Олоннъ), комическая опера; слова Скрыба, музыка Обера.

Герцогъ д'Олоннъ, знатный испанскій вельможа, предавъ тайно Филиппу V, который ищетъ завоевать Испанію посредствомъ французской арміи, предводительствуемой герцогомъ Вандомомъ. Герцогъ д'Олоннъ, бывшій на сторонѣ Испанцевъ, готовъ оставить ихъ и перейти съ полкомъ къ Филиппу V. Намѣреніе его открыто; Вандомъ знаетъ это и спѣшитъ предупредить герцога д'Олонна объ опасности, которая угрожаетъ ему; онъ поручаетъ это кавалеру Вильярдуану, котораго герцогъ д'Олоннъ зналъ въ Парижѣ. Кавалеръ, по милости герцога, въ одинъ и тотъ же день лишился своего состоянія, былъ равенъ на поединкѣ и рассорился съ своею любовницею. Это такіа услуги, которые не забываются, и потому-то кавалеръ предаетъ герцогу душой и тѣломъ. Шатаясь по большимъ дорогамъ Испаніи, кавалеръ Вильярдуанъ, измученный усталостью, былъ возвращенъ къ жизни стаканомъ воды, поданнымъ ему молодою дѣвуж-

кой, которой образъ глубоко върезался въ его сердце.

Все это только введеііе; но вотъ начинается интрига. Герцогъ д'Олонвъ, предупредившій Вильярдюзномъ, рѣшается передаться явио Филиппу и соединиться съ Вандомомъ; но онъ обладаетъ огромнымъ богатствомъ и хочетъ спасти свои помѣстья отъ конфискаціи. Какъ же это сдѣлать? Онъ придумываетъ совершенно особый къ тому способъ: женюсь, — думаетъ онъ. — и переищу все свое имѣніе на имя жены. Известно, что этотъ способъ удастся не въ одной Франціи... Но какую жену выбрать? Боже мой! Первую, какая попадется... Герцогъ слышитъ случайно о дочери одного храбраго сержанта и посылаетъ за нею. Хорошенькую Бьянку не прельщаетъ титулъ герцогини; она любитъ... кого бы вы думали? Кавалера де Вильярдюзна! — Однакоже она должна покориться своей участи и сдѣлаться женою герцога. Является Бьянка подъ длиннымъ покрываломъ, и герцогъ, — замѣтьте какая странность — не побоялся даже посмотреть, какова собою та, которой онъ даетъ свое имя. Онъ рѣшается приподнять покрывало Бьянки только въ ту минуту, когда долженъ разстаться съ нею; но ему не достаетъ времени взглянуть на нее: его арестовываютъ и заключаютъ въ темницу по повелѣнію герцога австрійскаго.

Бьянка спасается бѣгствомъ изъ замка своего супруга подъ одеждою молодого монаха и попадаетъ въ руки кавалера Вильярдюзна, который узнаетъ въ ней дѣвушку, подавшую ему стаканъ воды. Но герцогъ д'Олонвъ, котораго показали мертвымъ, является и разстроиваетъ все мечты ихъ. Онъ, не зная, что Бьянка жена его, въ свою очередь влюбляется въ нее. Но вотъ все эти персонажи собираются ко двору Филиппа V; королева полюбила Бьянку и назначила ее своею камерера-майоръ. Герцогъ, супругъ ея, который не узнаетъ Бьянки, и Вильярдюзнъ, пожалованные въ гранды, ухаживаютъ за

нею. Герцогъ д'Олонвъ, желая побѣдить своего соперника, предлагаетъ Бьянкѣ свою руку и свои богатства, а чтобы не сдѣлаться двоеженцемъ, онъ, по просьбѣ Бьянки, успѣваетъ уговорить папу расторгнуть бракъ его; папа соглашается съ условіемъ, чтобы и жена герцога также изъявила на то свое согласіе; Бьянка только этого и ожидаетъ; она подписываетъ свое согласіе и, ставши свободною, выходитъ за Вильярдюзна; герцогъ тогда только узнаетъ, что она была та самая женщина, съ которою онъ вѣчался; но дѣло кончено, и онъ не можетъ уже поправить того, что самъ надѣлалъ. — Музыка этой оперы, написанная Обергомъ, прекрасна и напоминаетъ собою лучшія созданія этого замѣнительнаго композитора.

L'ONCLE BARTISTE, водевилъ въ одномъ дѣйствіи г. Сувестра, — не отличается ничѣмъ особенно-замѣчательнымъ; онъ, какъ говорится, дюжинный водевилъ и держится на сценѣ только непопражаемою игрою славнаго Буффѣ; читатели простятъ насъ, если мы не станемъ имъ рассказывать содержаніе этой пьесы, тѣмъ болѣе, что намъ предстоитъ поговорить довольно-подробно о новой драмѣ Александра Дюма. Слушайте! слушайте! Драма называется «Лоренцино» —

LORENZINO. — Флоренція долго была обуреваема смутами и революціями. Въ-продолженіи 194 лѣтъ Медичи три раза были изгнаны изъ этого города и три раза возвращаемы въ него съ болѣею властію, чѣмъ прежде. Флоренція была безпрестанно въ воинственномъ положеніи; почти каждый день на улицахъ ея происходила битва, лавки запирались; потомъ каждый изъ Флорентинцевъ начиналъ выглядывать въ окно, и видя, что гроза миновалась, принимался съ безпечностію за свои обыкновенныя занятія. Другое бѣдствіе, къ которому Флорентинцы не были такъ равнодушны, опустошало городъ: моровая язва похищала жертвы тысячами, зачумленные кварталы отщипались со

всѣхъ сторонъ, и никто изъ жителей не выходилъ на улицу безъ предохранительныхъ лепешечекъ... Проповѣдники публично предсказывали кончину міра и поражали отчаяніемъ всѣ сердца; прибавьте къ этому голодъ, и вы будете имѣть понятіе о сладостной жизни, которую вели некогда люди на очаровательныхъ берегахъ Арно, такъ воспѣваемыхъ поэтами.

Когда изгнанныкъ Малатеста пролазъ папъ Флоренцію, которую защищалъ самъ Микель-Анджело, укрывая гору Мивьяти,—Медичи были снова восстановлены. Герцогъ Александръ, племянникъ папы, былъ объявленъ самовластнымъ правителемъ, и Флоренція стала одлакивать свою утраченную свободу. Герцогъ уничтожилъ званіе говфалоньера, главнаго начальника республики, а вмѣстѣ съ нимъ уничтожилъ и совѣтъ патриціевъ, высшее правительственное мѣсто, существовавшее во Флоренціи въ-продолженіи трехъ вѣковъ, и двѣнадцать говфалоньеровъ, предводительствовавшихъ военными силами республики и защищавшихъ всегда независимость города. Флорентинцы жаловались императору, который не виная ихъ просьбамъ и утвердилъ власть герцога Александра, отдавъ ему руку побочной дочери своей, Маргариты. Онъ самъ прибылъ во Флоренцію, чтобъ утвердить на престолѣ своего зятя, вопреки партіи, известной подъ именемъ *изгнанниковъ*.

Въ числѣ этихъ изгнанниковъ были Филиппъ-Строцци сынъ его. Петръ, сдѣлавшійся врагами родственника своего, герцога Александра, не столько изъ любви къ независимости отечества, сколько изъ личныхъ видовъ и по фамильнымъ распрямъ. Луиза Строцци, супруга Каппони, одна изъ красивѣйшихъ женщинъ Флоренціи, была оскорблена Сальвиати, придворнымъ герцога. Сальвиати, атакованный братьями Луизы и тяжело раненный, требовалъ у герцога мщенія, и Строцци, нанеся жестокія обиды своимъ судьямъ, бѣжали изъ Флоренціи. Одинъ молодой человекъ, принадлежавшій также

къ семейству Медичи, по имени Лорансъ, старинный другъ Филиппа Строцци, передался герцогу Александру и былъ почитаемъ своими прежними друзьями за измѣнника. Исполнителемъ прихотей герцога и старыи товарищъ всѣхъ его оргій, онъ занималъ при дворѣ самое постыдное мѣсто. Лорансъ, изгнанный изъ Рима навою Климентомъ VIII за искаженіе древнихъ статуй, укрывся во Флоренціи. О немъ сужденія были различны: одни называли его *Лоренцино*, почитая его человекомъ малодушнымъ, мелочнымъ, скучнымъ, — другіе *Лоренциакіо*, подзвывая въ немъ человека, способнаго на дѣла великія, не смотря на его безпечность и вѣтренность. По ихъ мнѣнію, Лорансъ или Лаврентій Медичи носилъ личину, подъ которою и скрывался.

Бенвенуто Челлини, замечательный скульпторъ, говорить въ своихъ запискахъ, что, будучи однажды во дворѣ герцога Александра и разсуждая о медали, которую намѣревался выбить въ честь этого государя, онъ шутя-попросилъ Лоренцино показать ему совѣтъ, что выставить на оборотѣ портрета герцога. «О! воскликнула Лоренцино съ странною улыбкой: — я дамъ этой медали такой реверсъ, который удивитъ весь міръ!»—Герцогъ Александръ, бывший тутъ же, началъ смѣяться надъ этими словами, которыя приписывалъ в, ожденію фаворитству Лоренцино, тогда какъ Лоренцино давно уже замышлялъ его погибель. Герцогъ, невѣрчивый ко всѣмъ, носившій всегда подъ одеждой панцаря, доверялъ только одному Лоренцино и, не смотря на всѣ предостереженія, не могъ думать, чтобъ товарищъ его буйныхъ удовольствій могъ скрывать въ головѣ своей злые замыслы. За то некогда заговоръ не былъ веденъ съ такимъ искусствомъ, никогда ни одинъ человекъ не умѣлъ притвориться такъ, какъ притворялся Лаврентій Медичи.

Характеръ Лоренцино не могъ во остановить на себѣ вниманія господина Александра Дюма, который, посе-

лившись во Флоренцію и встрѣгая на каждомъ шагѣ славы Медичи, избралъ одного изъ нихъ героемъ своей драмы. Это ужь такъ заведено у г. Дюма: для того онъ и путешествуетъ, чтобъ собирать сюжеты.— При подвѣтѣ завѣса, какой-то человекъ стоитъ у лѣстницы: это служитель герцога, дожидающійся своего господина, Лоренцино. Герцогъ на любовномъ свиданіи; вскорѣ Лоренцино спускается съ лѣстницы; онъ держитъ въ рукахъ панцирь герцога и бросаетъ его въ колодезь. Спусти минуту, раздается звукъ шпагъ; два изгнанника, возвратившіеся тайно, нападаютъ на герцога. Герцогъ храбръ; онъ защищается и побуждаетъ, прощая Лоренцино, который подинулъ его въ минуту опасности. Филиппъ Строцци и шутъ Микелли являются на сцену послѣ ухода герцога и объясняютъ причину мщенія, которое привело сюда каждаго изъ нихъ: Строцци помнитъ еще обиду, нанесенную сестрѣ его Сальвiати, а Микелли ненавидитъ герцога за то, что онъ обезчестилъ его невѣсту Неллу, которая умерла потомъ въ монастырѣ. Лоренцино съ своей стороны отправился на свиданіе съ своею невѣстою, прекрасною дочерью Строцци. Изгнанникъ, увидѣвъ Лоренцино, вышедшаго изъ его дома ночью, останавливаетъ его и вызываетъ на поединокъ; но Лоренцино отъзывается; тогда Строцци указываетъ шуту Микелли на своего трусливаго родственника, какъ на человека, который больше другихъ препятствуетъ возвращенію свободы Флоренціи, и какъ на товарища всѣхъ оргій герцога.

Лоренцино возвращается во дворецъ къ своей невѣстѣ, которая узнаетъ отъ него, куда удалился отецъ ея. Лоренцино приготовляетъ свой планъ. Герцогъ влюбленъ въ Луизу; Лоренцино заставитъ его арестовать Строцци, судитъ его и даровать ему пощалу только по просьбѣ дочери. Лоренцино надѣется найти между тѣмъ случай моразить герцога. Но вотъ является Микелли въ намѣреніи умертвить

самого Лоренцино; это не удастся ему; они объясняются, и Микелли предается совершенно тому, котораго за минуту хотѣлъ лишить жизни.

Строцци укрывается въ монастырѣ республиканца-монаха Леонардо. Дочь его является туда же; онъ проклинаетъ ее за любовь къ Лоренцино, который уже деленъ на него. Въ-самомъ-дѣлѣ, герцогъ Александръ самъ приходитъ въ монастырѣ, чтобъ схватить Строцци. Луиза бросается къ ногамъ его и молить пощадить отца; герцогъ говоритъ, что это зависитъ отъ нея и что Лоренцино объяснить ей, на какомъ условіи отецъ ея можетъ быть спасенъ. Лоренцино успокоиваетъ Луизу, и она совершенно возвращается ему.

Филиппъ Строцци, не столько доверчивый, какъ Луиза, вручаетъ ей ядъ, когда она приходитъ къ нему въ темницу.—«Имени Строцци угрожаетъ позоръ, говоритъ онъ:—обычай мнѣ пріять этотъ ядъ, если честь твоя будетъ въ опасности!» Молодая двушка даетъ клятву исполнить волю отца. Лоренцино въ свою очередь является въ ту же самую темницу, чтобъ исповѣдаться предъ Леонардомъ, и рассказываетъ ему о своемъ планѣ. Монахъ благословляетъ его и говоритъ, обращаясь къ узникамъ, которые хотѣтъ растерзать Лоренцино: «Оставьте его! Онъ великій человекъ и посрамитъ насъ всѣхъ!»

Наконецъ наступаетъ минута мщенія. Лоренцино вводитъ Луизу въ спальню герцога, гдѣ уже укрывается Микелли. Луиза, оставшись одна, думаетъ, что ее обманули: она слышитъ шаги герцога, и, помня клятву свою, выливаетъ ядъ... Луиза ошиблась: то былъ не герцогъ, а Лоренцино, сплывшій открыть ей все; но онъ пришелъ слишкомъ поздно: смерть летаетъ уже надъ головою бѣдной двушки, она вскорѣ умираетъ, и когда является герцогъ, то находитъ только одинъ холодный трупъ. Историческая катастрофа слѣдуетъ за появленіемъ герцога, и ею оканчивается драма.

Идъ, кинжалы, поединки, оболъщения, чудовищныя оргіи—мотивы устарѣвшей теперь «юной литературы», собраны здѣсь вкупѣ. Г. Александръ Дюма едали не единственный теперь во Франціи представитель «неистой школы». А пора бы, казалось, образумиться!

SEBRIC LE NORVÉGIEN (Норвежець Целрикъ), драма *въ пяти дѣйствіяхъ*, г. Феликса Пиата.

Этотъ Целрикъ сначала невольникъ, потомъ шпионъ,—дѣлается властителемъ и въ свою очередь окружаетъ себя невольниками, плѣнными и палачами. Подобно Мазаньеллу, онъ упивается до пресыщенія чувственными наслажденіями, подобно ему, сходить наконецъ съ ума. Ко всему этому прилежена любовная интрига, развитая довольно-улачно. Но все это ужъ старо и не возбуждаетъ интереса.

GRINGALET FILS DE FAMILLE, *водевиль въ 3-хъ дѣйствіяхъ*, гг. Дюмерсана и Дюпѣти.

Эта пьеса—продолженіе забавнаго и известнаго уже всѣмъ водевиля «Les Saltimbanques», съ которымъ, впрочемъ, не можетъ сравниться въ занимательности; это одинъ изъ самыхъ пошлыхъ фарсовъ, которые когда-либо являлись на сценѣ, и мы не считаемъ нужнымъ рассказывать его содержанія.

MON PARRAIN DE PONTOISE (Кумъ изъ Понтуаз), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*.

Мосё Бенуа, бывшій торговецъ хрусталёмъ, оставивъ торговлю, уладился въ Понтуазъ. Тамъ управляетъ имъ самовластво пожилая служанка мамзель Дусэ, которой очень хочется сдѣлаться мадамъ Бенуа. Но вотъ является мамзель Роза, дочь стариннаго друга бѣднаго продавца хрустала. Мамзель Дусэ, предчувствуя, какъ опасно такое соперничество, старается вредить молодой дѣвушкѣ всѣми садами, сплет-

ничаетъ, интригуетъ и вооружаетъ противъ нея цѣлый городъ; наконецъ добродѣтель торжествуетъ, пороки наказаны, и слѣдовательно, вы сами догадаетесь, чѣмъ кончается этотъ скучный водевиль.

LES CIRCONSTANCES ATTÉNUANTES (Обстоятельства, смягчающія наказаніе), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, гг. Лафранка и Лабиса.

За одною хорошенькою вдовушкой, у которой 300,000 капитала, ухаживаютъ два обожателя; одинъ изъ нихъ, зная, что соперникъ его влюбленъ не столько во вдовушку, сколько въ ея деньги, крадетъ эти 300,000; соперникъ его отступается отъ вдовушки; начинается процессъ, и вдовушка узнать въ воръ своего обожателя; къ дѣлу приплетаются «смягчающія обстоятельства», воръ-любовникъ оправдался, и вдовушка отдаетъ ему свою руку, а онъ возвращаетъ ей деньги, и дѣлу конецъ.

LE LAZARET (Лазаретъ), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*.

Какой-то господинъ и жена его сидятъ въ марсельскомъ карантинѣ вмѣстѣ съ богатымъ Англичаниномъ, котораго преслѣдуютъ мысли совершенно-оригинальная: этотъ почтенный джентльменъ двадцать лѣтъ разъѣзжаетъ по свѣту для того, чтобы найти молодую и хорошенькую женщину, которая подарила бы его своею любовью и тутъ же бы лишила себя жизни. По мнѣнію чудака, это единственное средство, которымъ женщина можетъ избѣжать искушенія и не слѣзаться невѣрною. Супруга вышереченнаго господина дѣлается предметомъ исканій Англичанина; но она, готовая на первый пунктъ условія, чувствуетъ отвращеніе ко второму и отвергаетъ любовь джентльмена. Мужъ, подслушавшій весь разговоръ изъ-за огромнаго тюка шерсти, выльзаетъ оттуда восхищенный добродѣтелью жены своей. Но этотъ тюкъ только вчера сгружонъ

съ корабля, пришедшаго изъ Египта, страны знаменитой чумою и «восточнымъ вопросомъ». Несчастный мужъ долженъ пробить въ карантинѣ еще полный срокъ; это чрезвычайно не нравится его дрозжайшей половинѣ—Англичанинъ является къ ней на помощь: онъ остается вмѣсто ея мужа и тѣмъ охотнѣе, что въ карантинѣ прибыла цѣлая партія бедуиновъ и бедуинокъ, въ которыхъ онъ надѣется найти наконецъ жену отъискиваемую имъ такъ долго. Водевилью очень забавствъ.

Le mari malgré lui (Мужъ по неволѣ), комедія въ одномъ дѣйствіи, Проспера Пуатвена.

Представьте себѣ двухъ храбрыхъ ветерановъ великой арміи, капитана и сержанта, которые, сославшись свои пенсіоны, свои воспоминанія, свои ревматизмы и свои раны, живутъ тихо и спокойно, какъ вдругъ любовь нарушаетъ сладость такого счастливаго состоянія. Капитанъ получаетъ совѣтъ—неожиданно наследство въ 40,000 фравковъ! Елиабъ Наполеонъ былъ еще на Островѣ Св. Елены, они вооружили бы корабль, чтобъ похитить императора изъ рукъ мучителей его, Англичанъ; но маленький капраль почиываетъ спокойно подъ сводами Ивалидова Дома,—я такъ, капитанъ, отъ него-дѣлать бросаетъ взоры на одну хорошеву, молоденькую дѣвушку, которой мать не совѣтъ—равнодушна къ его сержанту. Онъ рассказываетъ красавицѣ про свои походы; но въ этомъ отношеніи онъ не такъ счастливъ, какъ Оттело, плѣвившій подобными разказами Дездемону. Молодежь слушательница любитъ уже одного прекраснаго ремесленника, который не можетъ жениться на ней, потому-что бѣдѣвъ, а у ней вѣтъ приданаго. Вы вѣрно уже догадываетесь какое употребленіе сдѣлаетъ капитанъ изъ своихъ денегъ?.. Онъ откажется отъ своихъ надеждъ и соединитъ любовниковъ? Такъ точно.

LES MÉMOIRES DU DIABLE (Записки Дьявола), комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. Араго и Вермона.

Баронъ де-Ронкроль, обладатель обширныхъ помѣстій, умираетъ скоропостижно, оставивъ жену и дочь, прекрасную Марію; родственники греза, желая воспользоваться наследствомъ его, требуютъ отъ баронессы письменнаго документа, что она дѣйствительно жена барона; документа этого нѣтъ, и несчастная баронесса, вмѣстѣ съ дочерью, изгоняется изъ замка, который принадлежитъ ей по праву. Но вдругъ является какой-то человекъ, одѣтый въ черное платье и въ плащъ, подбитомъ красною матеріею,—является къ баронессѣ и обѣщаетъ возвратитъ ей все ея богатства съ тѣмъ условіемъ, чтобъ она отдала ему свою дочь. Мать отказывается, но Марія соглашается, и уговоръ подписанъ. Незнакомецъ, обѣщая сдержатъ свое слово, отдаетъ Маріи бумаги и исчезаетъ. Марія развертываетъ бумаги и видитъ слѣдующее заглавіе: *Записки Дьявола!*

Въ этихъ запискахъ приведены разные тайныя обстоятельства о родственникахъ барона; обнаруженіе этихъ тайнъ неминуемо погубитъ ихъ и незнакомецъ пользуется этимъ, чтобъ заставить ихъ призвать баронессу законною женою барона и возвратитъ ей ея наследіе. Всѣ принимаютъ незнакомца за чорта, но онъ не что иное, какъ бѣдный писецъ въ нотаріальной конторѣ, который, случайно узнавъ о тайныхъ преступленіяхъ родственниковъ барона, желаетъ защитить его вдову и дочь, которую онъ любитъ. Исполнивъ свое желаніе, онъ видитъ какое разстояніе отдѣляетъ его отъ знатной дѣвушки и великодушно отказывается отъ руки, на которую имѣлъ право по условію; но Марія въ свою очередь не принимаетъ этой жертвы и дѣлается счастливою женою счастливаго молодого человека.

Этотъ водевиль чрезвычайно-интересенъ своими подробностями и иску-

ствомъ, съ какимъ ведевався интрига. Онъ имѣлъ огромный успѣхъ.

QUAND ON N'A RIEN À FAIRE (Отъ вѣчего-дѣлать), *водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ* и *Les noces de Jossine* (Свадьба Жюкриса), *тоже водевилъ*. Вотъ двѣ пьесы совершенно противоположны другъ другу; первая, писанная съ большими претензіями на остроуміе, спутана до невпознаваемости; вторая, составленная кое какъ, забавна и смѣшна какъ всѣ Жюкрисы, взятые вмѣстѣ; мы не хотимъ пускаться читать читателямъ, рассказывая имъ содержаніе скучной пьесы, и не рассказываемъ содержанія забавной, по весьма уважительной причинѣ:—въ ней нѣтъ никакого содержанія.

LES RESSOURCES DE QUINOLA, *пѣса въ пяти дѣйствіяхъ*, г-на Балзака!..

Балзакъ, великій Балзакъ, этотъ гений, котораго даже трость сдѣлалась извѣстна цѣлому міру, — Балзакъ, не испугавшійся паденія своего «Вотрена», отошедшаго въ вѣчность прямо съ досокъ сцены театра Porte St. Martin, — Балзакъ, котораго, по словамъ одного глубокомысленнаго московскаго путешественника, Москва учитъ выкусть и ждуть къ себѣ петербургиво, съ козлюпреломленіемъ, — Балзакъ, господинъ де-Балзакъ написалъ новую драму и отдалъ ее на театръ Одеонъ. Но, увы! и эта сцена была также сколько для его новаго героя, какъ и та, на которую онъ выпустилъ своего «Вотрена». Новый герой господина де-Балзака упалъ, и такъavelo, что вѣрно ужъ никогда не подымастся на ноги... Да! не везётъ счастье господину де-Балзаку! Пѣра ему изъ Парижа поскорѣ въ Москву!..

Но вотъ его новая драма. Альфонсъ Фонтанаресъ, еще во времена Филиппа II, хотѣлъ подарить Испаніи и своему вѣку великую тайну паровъ; но Фонтанаресъ, какъ всѣ гении, бѣдѣетъ, и надежды его существованія основаны на лѣномъ Ка-

волѣ, отъявленномъ плутъ и мошенникъ, который принимаетъ на себя званіе слуги Альфонса и разными просками успѣваетъ прокрасться къ королю; онъ объявляетъ ему, что господинъ его избралъ средство двигать кораблемъ безъ парусовъ и веселъ; Филиппъ посылаетъ Альфонса въ Барселлону построить такой корабль; тамъ Альфонсъ влюбляется въ молодую вдову, которая, чтобъ помочь ему привести въ исполненіе его предпріятіе, отдаетъ ему свои брилліанты; Альфонса обвиняютъ, будто-бы онъ укралъ брилліанты; но Марія признается, что она его любовница и сама отдала ему брилліанты; онъ спасенъ, — но вотъ бѣда: какая-то барселлонская прелестница въ свою очередь влюбляется въ Альфонса и, желая привлечь его къ себѣ, интригуетъ противъ него для того, чтобъ привести его въ отчаянное положеніе и потомъ явиться ему на помощь подобно гению хранителю. Къ довершенію несчастія, Альфонсу даютъ, для исполненія возложеннаго на него порученія, товарища, который присваиваетъ себѣ всю славу прижитивія силы паровъ. Альфонсъ, видя это, взрываетъ корабль, нѣтъ между-тѣмъ построенный. и такимъ образомъ міръ лишается важнаго изобрѣтенія, которое въ-послѣдствіи должно было сдѣлать такой важный переворотъ въ дѣлахъ міра сего.

И только, и больше ничего! Скучно, длинно, тяжело — *шесть* безконечныхъ актовъ... Восплачьте, всѣ нѣжныя сердца, рыдающія, по увѣренію означеннаго русскаго путешественника, надъ романами творца «Шаргеновой Кожи»: вѣтренные, непостоянные, зловредные Французы *осеистали* великаго господина де-Балзака!..

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ «*Revue des deux Mondes*» помѣщена интересная статья: «*Souvenirs de la jeunesse de Napoleon*». — Въ ней, между прочимъ, сказано, что въ бумагахъ покойнаго кардинала Феша найдена толстая связка рукописей, состоящая изъ 38 тетрадей, содержащихъ въ себѣ собственноручныя письма Наполеона изъ разныхъ литературныхъ твореній древнихъ и новыхъ писателей, историческія изысканія о Геродотѣ, Страбонѣ, Диодорѣ, о Франціи и галликанской церкви, объ Англіи, Германіи, Китаѣ, Индіи и о царствѣ халифовъ, разсужденія о государственномъ хозяйствѣ и юстиціи во Фланджеріи, Маблі, Неккеру, Смитту, съ множествомъ критическихъ замѣчаній и биографическихъ извѣстій. Все это писано рукою Наполеона отъ 1786 по 1793 годъ, запечатано и во время консульства адресовано Фешу съ надписью: «*A remettre au cardinal Foch seul*». — Между означенными бумагами находится также тетрадь подъ заглавіемъ: «*Ecroquis de ma vie*», паплетъ на капитанскій чинъ, подписанный Людовикомъ XVI, пожалованный Бонапарту 30 августа 1792 года, документъ о пожалованномъ ему пенсіонѣ въ 1791 году, и о томъ, какъ Бонапартъ былъ отставленъ отъ службы за какое-то увлеченіе при военномъ парадѣ. Тутъ же: переписка его съ Паоли, Дююи, Саличетти, Лажардомъ, исторія Корсики, почерпнутая изъ первыхъ источниковъ, въ письмахъ къ Рейналю, въ трехъ толстыхъ тетрадяхъ, хотя писанная не самимъ Наполеономъ, но имъ собственноручно исправленная и снабженная разными примѣчаніями; — восточная повѣсть «*Маска пророка*»; краткое разсужденіе о законной королевской власти; разговоръ о любви; опроверженіе теоріи Ж. Ж. Руссо о натуральномъ состояніи человека; прибавленіе къ известному «*Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité de l'homme*»; при-

концѣ каждой главы этого сочиненія отмѣчено рукою Наполеона: «*Je ne crois pas cela!*» *Je ne crois rien de tout cela!*; наконецъ неоконченное сочиненіе о географіи, которое заключается слѣдующими словами: «*Saint-Hélène, petite île*». Короче сказать, теперь отыскана въ Парижѣ достойная исторія юности Наполеона, если эта исторія не собранована по примѣру многихъ мемуаровъ великихъ людей Франціи.

— Невозможно исчислить въ точности всѣ новые журналы, которые узрѣли свѣтъ Божій въ Парижѣ въ теченіе 1841 года и скончались въ концѣ этого же самого года. Какое счастье родится Французомъ! Онъ съ самой колыбели окруженъ толпами журналистовъ, которые стараются исполнять малѣйшія его прихоти и желанія: съ учтивою улыбкою на лицѣ, редакторы подносятъ ему почти каждый день новую программу журнала, и представляютъ огромный бѣлый листъ подписки, на которомъ еще не красуется имени ни одного подписчика. У кого есть дѣти, и чадолюбивый отецъ желаетъ обучить ихъ геологіи и миеологіи, римской исторіи и ботаникѣ, алгебрѣ и геометріи, ему вовсе не нужно заботиться посылать дѣтей въ школу: это довольно-дорого. Экономный родитель подпишется на журналъ: «*Instruction sans maître*» — 6 франковъ въ годъ, — и дѣти его какъ-разъ слышаются профессорами и энциклопедистами. Кто любитъ проповѣди, тотъ пусть подпишется на «*Echo de la Chaire*», а кто охотникъ до лошадей, тотъ пусть возьметъ журналъ: «*Avenir des Haras*», стоащій 20 франковъ въ годъ. Нѣкоторые изъ новыхъ журналовъ такъ были обольстительны для публики, что, право, надобно имѣть желѣзное сердце, чтобы не подписаться на нихъ; на-примѣръ: «*La Charité*», стоащій 10 франковъ въ годъ, «*la Fraternité*», только 3 франка. — Не упоминаемъ объ «*Unité*», о «*Panthéon de la jeune France*», ни о «*Succès*», который издавался вовсе

безъ успѣха; ни о «Tistphone», «Vampire», «Asyle» и прочихъ, которые, проживъ на свѣтъ мѣсяца два, скончались вмалѣ. Журналъ «la Reforme» издалъ великолѣпную программу, поймалъ на литературную удочку сотни два подписчиковъ, но самъ не явился въ публику, извиняясь тѣмъ, что для успѣха его нужно по-крайней-мѣрѣ 200,000 подписчиковъ!! За нимъ явились также литературныя «емеры»: «Glaneuses», «Eclaircisseurs», «Ermites» и «Curedent» — зубочистка, которая разносилась по домамъ во время объѣда. Еще должно упомянуть о «Journal de tous les ménages», издававшемся для всѣхъ добрыхъ хозяекъ, и о «Messager des Mariages», который получали даромъ всѣ женихи и невесты. Потомъ явился какой-то журнальчикъ протей съ огромнымъ заглавіемъ: «Humanité, Liberté, Civilisation, Paix générale, Revue orientale, Maintien de l'Equilibre Européen» и пр.; другой «l'Echo des Neothermes», издаваемый тремя больными при смерти; большие редакторы однакоже выздоровѣли, а журналъ ихъ умеръ. Журналъ «Folie» издавали трое сумасшедшихъ въ Шарантонѣ. «Mercure des Demoiselles», устыдился видно своего названія и вскорѣ превратился въ «Revue des Demoiselles». Журналы: «Bas bleu» и «Gant jaune» умерли въ своей колыбели. Нынешній годъ въ парижской журналистикѣ также очень плодотворенъ; редакторы разныхъ заключенныхъ листовъ поднимаются на всевозможныя штуки, чтобъ подать публику; пучкамъ и шарлатанству нѣтъ конца.

— Известно, что французское правительство подвергло недавно чувствительной пени и заключенію въ тюрьму нѣсколькихъ типографчиковъ за напечатаніе въ ихъ типографіяхъ нѣкоторыхъ газетныхъ статей, вредныхъ для блага и безопасности Франціи. Многіе парижскіе содержатели типографій подали противъ этого протестъ, въ которомъ ясно доказали, что нѣтъ

статья выходить изъ-подъ станковъ ихъ типографій. Всякій знаетъ, что политическія листы газетъ большею частію составляются ночью, т. е. отъ девяти часовъ вечера до полуночи, а часто и позднѣе. Въ теченіе ночи набирается номеръ газеты, прочитывается корректура и производится печатаніе ея въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ. Редакція наполняетъ сперва свой листъ газеты замѣтками и выписками изъ другихъ журналовъ, выходящихъ наканунѣ вечеромъ; капитальныя же политическія статьи поступаютъ въ типографію весьма поздно, особенно тѣ, въ которыхъ заключаются ответы на статьи вечернихъ журналовъ. Статья разрѣзывается на нѣсколько лоскутковъ, чтобъ ее могли вабирать вдругъ многіе наборщики, которые, вабирая статью въ разницу, разумеется, не могутъ знать, что въ ней заключается. По окончаніи набора въ упомянутыхъ лоскуткахъ, статья переходитъ къ нѣсколькимъ корректорамъ, которые поступаютъ съ нею такъ же, какъ наборщики, и следовательно каждый изъ нихъ не можетъ знать полнаго ея содержанія. Потомъ приводятся въ порядокъ все вабранные клочки, и если каждый изъ нихъ находится въ своемъ мѣстѣ, то наборный листъ журнала готовъ и поспѣшно поступаетъ въ механической печатный станъ. Отпечатанные экземпляры въ ту же минуту отдаются работникамъ, которые укладываютъ ихъ въ пачки и немедленно отдаютъ въ руки газетныхъ разнощиковъ. Все это производится въ нѣсколѣко часовъ; каждый занимается своею работою безъ малѣйшей потери времени, и думать тутъ некогда. Въ Парижѣ нѣсколѣко такихъ типографчиковъ, у которыхъ каждый день печатается отъ 8 до 10 политическихъ газетъ и журналовъ; следовательно, нѣтъ нѣкакой возможности знать, какого содержанія нѣтъ статьи выходить изъ-подъ ихъ прессовъ.

— Герцогъ Евгеній виртембергскій написалъ музыку къ оперѣ: die

Geisterbraut, сюжет которой взятъ изъ известной баллады Бюргера «Леора». Эту пьесу играли въ первый разъ въ Бреславу, и публика приняла ее съ восторгомъ.

— Въ мюнхенскихъ газетахъ рассказываютъ слѣдующее: «Въ основанномъ на счетъ баварскаго короля заводѣ для живописи на стеклѣ въ подражаніе живописи среднихъ вѣковъ, архитекторъ фонъ Кленце, заказалъ огромную стеклянную картину для главнаго алтарнаго окна въ Исакіевскій Соборъ, въ Петербургѣ. Эта картина, въ 30 футовъ вышиною, будетъ представлять Воскресеніе Христа Спасителя, окруженнаго сіяніемъ. Баварцы говорятъ, что такое произведеніе искусства превзойдетъ все, что донынѣ могла произвести галлография».

— Баварскій король заказалъ написать огромную картину: «Разрушеніе Иерусалима Императоромъ Титомъ» известному живописцу Каулибаху. За этотъ трудъ обещано художнику 35,000 флоринновъ.

— Дюссельдорфское общество любителей живописи сдѣлало проектъ, чтобъ скупить до ста лучшихъ картинъ всѣхъ новыхъ школъ Европы, писанныхъ известнѣйшими художниками. Общество намѣрено показывать эту коллекцію во всѣхъ столицахъ и значительныхъ городахъ Европы, чтобъ публика могла видѣть въ одномъ мѣстѣ всѣ лучшія произведенія современныхъ художниковъ, и короче ознакомиться съ разными школами живописи. Отъ души желаемъ, чтобъ это общепользное предпріятіе приведено было въ исполненіе.

— 7 марта (в. ст.), въ семь часовъ вечера, умеръ спокойно и безъ страданій одинъ изъ немногихъ оставшихся ветерановъ Гёттингскаго Университета, свидѣтелей его высшаго процвѣтанія, *Арнольдъ-Германнъ-Лудвигъ Гееренъ*, командоръ ордена Гвельфовъ, шведскаго Свѣтлой Звѣзды и кавалеръ французскаго ордена Почетнаго Легіона. 25 октября прошлаго года вступилъ онъ въ 82-ой годъ

своей жизни, и 55 лѣтъ былъ преподавателемъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Онъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ читалъ лекціи всеобщей исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что у Геерена, Блуменбаха и Гуго самое большое число учениковъ изъ всѣхъ странъ Германіи и во всѣхъ классахъ общества: короли, князья, графы и дворяне, обитатели всѣхъ пяти частей свѣта, стеклись въ Гёттингенъ въ дѣствующее время тамошняго университета. . . Гееренъ родился 25 октября 1760 года въ Арбергенѣ, близъ Бремена; съ 1787 года занималъ должность экстраординарнаго, съ 1794 ординарнаго профессора философіи, а съ 1801 номинальнаго профессора исторіи. Заслуги его по успѣхамъ исторіи неоспоримы, но несомнѣнно и то, что онъ не былъ историкомъ, какому требуется теперь вѣкъ. У насъ онъ известенъ какъ по переводамъ некоторыхъ его сочиненій, такъ и потому, что употребительнѣйшіе курсы всеобщей исторіи составлены у насъ по его «руководствамъ» (Handbuch). Гееренъ былъ членомъ почти всѣхъ ученыхъ академій и обществъ, какия только есть въ свѣтѣ. Добролюбіе и кротость отличали его въ частной жизни, и многіе бывшіе съ смертью его лишились своего благодѣтеля. Гееренъ умеръ бездѣтвенъ.

— Мы говорили уже, что между жертвами, павшими 2 ноября 1841 года въ Кабулѣ отъ народной ярости, былъ знаменитый *Александръ Борксъ*, котому географія обязана такъ много и который первый обозрѣлъ свѣтлымъ взглагомъ Афганістанъ, гдѣ ему суждено было найти смерть. Борксъ былъ не старе лорда Байрона. Онъ родился въ Моатрозѣ, въ Шотландіи, 16 мая 1805 года. Пробывъ до шестнадцатилѣтняго возраста въ училищѣ, онъ вступилъ въ военную службу и въ званіи кадеты былъ причисленъ къ одному изъ стоящихъ въ Остиндѣ полковъ. 31 октября 1821 года приехалъ онъ въ Бомбей. Вслорѣ онъ

залося, что молодой офицеръ сдѣлалъ большіе успѣхи въ иудусскомъ и персидскомъ языкахъ; онъ былъ опредѣленъ переводчикомъ въ Суратъ, но въ августъ 1826 года прикомандированъ къ штабу генерал-квартирмейстера въ провинціи Кочъ, гдѣ прослужилъ нѣсколько лѣтъ. Онъ много занимался географіею и исторіею этой страны, и съ этою цѣлью посѣтилъ восточное устье Инда. Командиръ бомбейскаго отряда оказывалъ ему при этомъ всевозможныя пособія и поощрялъ его продолжать изслѣдованія о столь важной для Англій гавани, какова гавань Сѣверозападной Индіи. Это заставило Бориса предложить добровольно, въ 1829 году, свои услуги для путешествія по пустынь между британскою Индіею и Индомъ, и потомъ вдоль этой рѣки до моря. Сэръ Джонъ Малькольмъ, извѣстный своими заслугами по географіи и литературѣ Азіи, съ радостію принялъ предложеніе и перевелъ поручика Бориса въ отрядъ офицеровъ, назначенныхъ къ употребленію по особеннымъ политическимъ дѣламъ, считая нужнымъ доставить ему, посредствомъ политическаго званія, вліяніе у чужеземныхъ государей. Въ 1830 году отправился Борисъ съ поручикомъ Голландомъ; но едва достигли они Джалсултана, ихъ нагналъ курьеръ генерал-губернатора съ предписаніемъ немедленно воротиться назадъ, потому что тогда не входило въ годы возбудить такимъ путешествіемъ, имѣвшимъ цѣлію дальнѣйшее изслѣдованіе обозрѣваемыхъ земель, опасенія и подозрѣнія владѣтелей Синда и нѣкоторыхъ другихъ владѣній. Такимъ образомъ рушились надежды Бориса, но онъ былъ вполне вознагражденъ въ слѣдующемъ году, когда присылка подарка отъ англійскаго короля, — подарка, состоявшаго въ отличныхъ лошадяхъ и назначеннаго для махараджи Ренджит-Синга, доставила молодому офицеру возможность испытать свои силы. По рекомендаціи Малькольма, Борису поручено было провести до-

шадей до Лагора. Путешествіе отъ Мандеви въ провинціи Кутшъ черезъ Гайдерабадъ въ Лагоръ продолжалось отъ 1 января до 18 июля 1831 года. Вездѣ, по дорогѣ, Борисъ составлялъ карты и планы. Изъ Лагора онъ отправился чрезъ Сутледжъ въ Лудіану, гдѣ въ первый разъ встрѣтился съ Шудша-уль-Мулькомъ, бывшимъ тогда британскимъ гостемъ и пенсіонеромъ. Въ декабрѣ 1831 г. былъ онъ въ Дели, гдѣ представили его великому моголу, производившему свой родъ отъ Тимура въ 15-ой степени. Большое путешествіе свое въ Среднюю Азію, по порученію индо-британскаго правительсва, предпринялъ Борисъ 2 октября 1832 г.; онъ самъ описалъ это путешествіе, и его сочиненіе сдѣлалось главнымъ источникомъ всѣхъ донесеній о состояніи Афганистана. Въ концѣ описанія говоритъ онъ: « Не умѣю выразить чувствъ, пробудившихся во мнѣ, при вступленіи на индійскую землю. Когда я отправлялся, перелѣ моими глазами лежало все, что изъ древняго и новаго времени могло привлекать и воспламенять воображеніе — Багтерія, Трансоксіана, Скопія, Парсія, Хорасанъ, Иранъ. Теперь мы посѣтили всѣ эти страны; прошли большую часть пути, по которому Александръ шелъ въ Индію съ своими Македонцами; мы обозрѣли царства Пера и Тарила, ѣздили по Гиласпу, переходили черезъ индійскій Кавказъ и оставались въ Балхъ, откуда нѣкогда государя греческаго происхожденія, далеко отъ академіи Аѳинъ и Коринѳа, распространяли званіе исторіи, наукъ и искусствъ. Мы проходили по сценамъ войнъ Александра, вторженій Чингисхана и Тимура, и очутились на дорогѣ, по которой шли Македонцы, преслѣдуя Дарія.» Въ июль 1833 года Борисъ отправился изъ Калькутты въ Лондонъ, гдѣ приняты его съ большою почестью. 30 декабря онъ представлялся королю. Моррей издалъ его путешествіе: оно разошлось въ неистощимомъ числѣ вызем-

плярковъ. Въ одинъ день было пролажено 900. Борнсъ получилъ за первое изданіе 800 фунт. стерл. (20,000 р. ас.) Сочиненіе его было переведено на всѣ европейскіе языки. Борнсъ пробылъ въ Англии полтора года; потомъ снова отправился въ Бомбай, произведень въ генерал-лейтенанты и въ послѣднее время на мѣсто Макнагтена поступилъ политическимъ резидентомъ при дворѣ шаха Шуджи въ Кабуль, съ жалованьемъ въ 5000 фунт. стерл. (125,000 руб. асс.). 2 ноября 1841 года онъ убитъ тамъ вмѣстѣ съ 9-ю другими офицерами, между которыми находился и братъ его. Но это еще до-сихъ-поръ известно не оффиціально. Точнѣйшихъ свѣдѣній должно ожидать съ ближайшею почтою изъ Индіи. Въ письмѣ изъ Бомбая сказано только: «Борнсъ палъ при самомъ началѣ возмущенія, когда салился на лошадь; онъ былъ застрѣленъ Армяниномъ, бывшемъ у него прежде въ услуженіи.»

— Французскій путешественникъ *Жоржъ Фланденъ*, посѣщающій въ настоящее время Персію и намѣревающійся обозрѣть развалины Персеполиса, навѣстачалъ опять въ французскихъ журналахъ нѣсколько чрезвычайно-любопытныхъ писемъ о Персіи. Представляемъ нашимъ читателямъ нѣсколько отрывковъ изъ нихъ. — Чѣмъ болѣе путешественникъ приближается къ среднѣй Персіи, тѣмъ печальнѣе становится страна. Цигль, не включая и Персію, сколько онъ видѣлъ ее, нѣтъ дороги ужаснѣе той, которая ведетъ изъ Тегерана въ Буширъ. Только кое-гдѣ встрѣчаются печальныя лачужки, окруженныя небольшими клочками обработанной почвы. Цѣлые дни ѣдешь по неизмѣримымъ пустынямъ, или покрытымъ волчачи степямъ, по которымъ перебѣгаютъ пугливыя газели, единственныя живыя существа, здѣсь встречаемыя. Утомительная дорога, ведущая въ Ширазъ, вьется у подошвы горъ, въ безпорядкѣ взгроможденныхъ одинъ на другія и въ недоступныхъ скалахъ тя-

нущихся до Индійскаго Океана. Характеръ ихъ—дикость и печальная пустышность; лишь изрѣдка представляются живописныя виды. Путешественникъ не находитъ здѣсь ничего; онъ долженъ все везти съ собою, ибо лѣтомъ ручьи высыхаютъ, а въ цистернахъ только иловатая, вонючая масса. Даже каравансарая, эти безцѣнные убжища для путешественниковъ, полуразрушены, потому что ни правительство, ни народъ не заботится о нихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ не останется и слѣда ихъ существованія. А между-тѣмъ, дорога изъ Бушира въ Тегеранъ должна бы служить главною артеріею, по которой сообщается жизнь сердцу Персіи, потому что она—настоящій торговый путь между Индіей и Сѣверомъ. Не смотря на это, въ Персіи нѣтъ хуже дороги.—Путешественникъ расположился на отдыхъ у развалинъ, находящихся въ странѣ Моргаба. Какъ остатки древности, онъ не имѣютъ никакой значительности. Одни почитаютъ ихъ развалинами Пасаргады, между-тѣмъ, какъ другіе полагаютъ послѣдніе на 60 миль далѣе во внутренности Фарса. Остатки стѣнъ, находящіяся на возвышенности земли, можно почесть за развалины крѣпостцы или храма. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нихъ, въ пустынной равнинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, возвышаются высокіе столбы, на которыхъ находятяся клинообразныя надписи; въ концѣ исполнискій надгробный памятникъ, сооруженный изъ огромныхъ камней и снабженный небольшою дверью, чрезъ которую входятъ въ келью, гдѣ правозвѣрные совершаютъ обыкновенно свои молитвы, потому что эта гробница, называемая Мадеръи-Сулейманъ, священна для Персіевъ. Нѣкоторые археологи признаютъ его могилою сына Камбиза. — Проведши здѣсь два дня надъ изученіемъ мѣстности и посѣтивъ развалины города Истахра, путешественникъ отправился къ знаменитымъ гробницамъ въ Гебр-Кабрестанъ, известнымъ подъ назва-

иѣмъ Нахти-Рустамъ, и прозваннымъ такъ по баснословному персискому герою Рустаму, уничтожавшему однимъ ударомъ тысячу Татаръ, завоевывавшему безъ всякой посторонней помощи города и убивавшему драконовъ и бѣлыхъ дьяволовъ, dives-seffid. Фланденъ утверждаетъ, однакожъ, что изображенія на гробницахъ не относятся къ этому герою; онъ скорѣе находитъ въ нихъ нѣсколько воспоминаній о государяхъ сассанидскихъ, между прочимъ о Чапуръ, побѣдитель Грековъ, умоляющихъ его о пощаду. — Здѣсь пробывъ онъ 13 дней, рисовалъ, производилъ разрытія и открылъ досель неизвѣстную картину. Отсюда поѣхалъ онъ въ Персеполисъ, находящійся въ полуторѣ милъ южнѣе и скоро увидѣлъ 15 колоннъ. Позолоченныя переднія стороны ихъ подобно зеркаламъ отражали лучи заходящаго солнца. Ночь уже наступила, когда путешественникъ очутился посреди этихъ остатковъ блеска древнихъ царей. Полетъ ночныхъ птицъ и боязливые шаги шакаловъ, оставившихъ свои логовища, едва прерывали всеобщее безмолвіе; время, удивленіе, все собствовало къ тому, чтобъ придать этому мѣсту печальный и важный видъ. Впрочемъ, развалины Персеполиса описаны уже подробно, нежели въ письмѣ Фландена, ограничивающагося только отрывками, хоть и любопытными замѣтками. Путешественникъ вѣрно соберетъ основательнѣйшія наблюденія свои для обширнѣйшаго труда, который, отъ рисунковъ его, приобрететъ еще болѣе цѣнности. Многія колонны показались путешественнику похожими на книги, въ которыя, въ Швейцаріи, протѣзающіе записываютъ свои имена. Каждый англійскій туристъ, посѣщавшій эти мѣста, вачертилъ на нихъ свое имя. Имена Малькольма, написавшаго исторію Персіи, Уэлля и Моріера, автора «Хаджи-Бабы» — замѣчательнѣйшія между ними. Французскихъ именъ мало; нѣтъ даже именъ Шардена и Тевеню; зато виконтъ Дарю и маркизъ

Т. XXI. — Отд. VIII.

Бофоръ, посѣщавшіе Персеполисъ нѣсколькими мѣсяцами раньше Фландена, обезсмертили себя на этихъ колоннахъ. На всѣхъ персеполисскихъ барельефахъ эвзиономіи людей показываютъ чрезвычайное сходство съ эвзиономіями нынѣшнихъ Персіянъ, особенно съ урожденцами провинціи Фарсъ. Думали, что эти барельефы, подобно колоннамъ, были покрыты позолотой и живописью; но Фланденъ приписываетъ источникъ этого ложнаго мнѣнія какому-то роду глазури и камню, разлагающемуся на солнцѣ, и называется, по возвращеніи во Францію, убѣдять ученыхъ земляковъ своихъ въ ихъ ошибку. Предшественники Фландена здѣсь, какъ и въ Нахти-Рустамъ, забывали освобождать совершенно отъ земли барельефы и производить разрытія. Фланденъ сдѣлалъ это, и такимъ образомъ приобрѣлъ возможность придать въ своихъ рисункахъ фигурамъ, изображаемымъ до него только вполнину, — ноги и руки. Это послужило ему не только къ усовершенствованію своихъ рисунковъ, но и доставило возможность узнать древнее искусство ваанія во всей его чистотѣ и цѣнности, ибо части, очищенные имъ отъ земли, совершенно цѣлы и сохранились хорошо, между-тѣмъ, какъ все, предоставленное воздуху и грубости разныхъ завоевателей, истреблено болѣе или менѣе.

— Г. Рауль Рошелъ читалъ въ Парижской Академіи Художествъ обзорнѣе разныхъ предметовъ и вещей, которые въ послѣднее время выкопаны были въ Королевствѣ Общихъ Сицилій. — Въ 1841 году найдено было тамъ въ подземныхъ развалинахъ множество древнихъ греческихъ монетъ. Раскопываніе помпейскихъ древностей и нынѣ продолжается, но интереснаго до сихъ-поръ найдено немного. Въ амфитеатрѣ Пуццолы, который открывается по повеленію короля, надуются найдти богатую добычу для антикваріевъ. Полагаютъ, что скоро будетъ откопанъ весь амфитеатръ, красивѣйшій и величайшій памятникъ древняго зодчества

въ Италиі. Неаполитанскій музей отъ этихъ поисковъ еще болѣе обогатится древностями.

— Библіотекари Каенской бібліотеки г. Мансель, Лефлаге и Требюссенъ нашли въ старыхъ кипахъ писанныхъ бумагъ, которыя правительство назначило продать лавочникамъ на-вѣсь, много любопытныхъ рукописей и книгъ прежде непечатанныхъ, патера Андрэ, автора книги: *Essai sur le beam*; весьма интересную переписку Фонтенеля съ Мальбрасшемъ; корреспонденцію патера Андрэ съ патеромъ Гардукомъ, Парэ и Дютертромъ, которая была причиною, что патера Андрэ іезуиты заключили въ Бастилію; наконецъ, собственно-ручной манускриптъ аббата Сен-Пьера, автора книги: «*Projet de paix perpetuelle*». — Гг. Мансель и Лефлаге намѣрены въ скоромъ времени напечатать всѣ означенныя рукописи.

— Въ алжирскихъ владѣніяхъ Франціи, въ два года построены новыя города Филиппель, названный такъ въ честь короля Людовика-Филиппа. Въ этомъ городѣ считается вытѣ 400 домовъ и 6000 жителей. Въ прошедшемъ году привезено изъ Франціи въ Филиппель разныхъ товаровъ на 15 милліоновъ франковъ.

— Общество нравственныхъ наукъ и искусствъ въ Парижѣ объявило, что наградитъ того золотую медалью въ 300 франковъ, кто пришлетъ ему удовлетворительный отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: «какое обогащеніе или ущербъ получалъ французскій языкъ со времени Монтая до Шатобриана?» — Всѣ отвѣты должны быть адресованы къ секретарю общества, г. Балзаку.

— Детскій король приказалъ нарядить особую комиссію для подробнаго разсмотрѣнія восточныхъ рукописей, числомъ 1100, хранящихся въ императорской бібліотекѣ. Его Величеству угодно, чтобъ члены комиссіи сдѣлали всѣ нужныя и полезныя извлеченія и переводы изъ этихъ рукописей, если въ нихъ говорится о нау-

кахъ или искусствахъ. Извлеченія и переводы будутъ напечатаны на казенный счетъ.

— Въ вѣнскихъ газетахъ напечатано слѣдующее интересное извѣстіе: «По случаю возникшаго ученаго спора между врачами, гомеопатами и аллопатами въ Берлинѣ, передемъ здѣсь содержаніе собственноручнаго письма Е. В. короля прусскаго къ здѣшнему доктору Моренцеллеру, одному изъ первѣйшихъ защитниковъ новой школы:

«Чувствительно благодарю васъ за дозвѣіе, съ которымъ вы въ письмѣ своемъ отъ 14 октября прошлаго года поручили моей заштѣ гомеопатическій способъ леченія. Полагая значительное достоинство въ томъ, что столь важное дѣло поручено мнѣ мужемъ, который, подобно вамъ, ревностно слѣдовалъ правиламъ новой школы и съ успѣхомъ въ теченіи почти цѣлой жизни повиновался ей предписаніямъ, я сдѣлаю все, что можетъ служить къ ея распространенію и дальнѣйшему развитію. Сумма, потребная на устроеніе гомеопатической больницы уже назначена мною изъ государственной казны, а я нацѣрю дозволить, съ изъяснительными условіями, гомеопатическимъ врачамъ приготовленіе и выдаваніе лекарствъ, хотя объ этомъ предметѣ мнѣ еще различны».

— Въ «*Revue des deux Mondes*», напечатано слѣдующее извѣстіе: «Баронъ Дюпотэ представилъ въ Парижскую Медицинскую Академію глухонмого десятилѣтняго мальчика, котораго онъ совершенно вылечилъ отъ глухоты и излечи отъ магнетизмомъ. Академія нарядила особую комиссію для изслѣдованія этой важной метода леченія въ подобныхъ случаяхъ. Между-тѣмъ Дюпотэ еще вылечилъ совершенно-глухонмого пяти-лѣтняго мальчика, который по свидѣтельству одного члена академіи, былъ глухъ и немъ отъ самаго рожденія. Успѣхъ въ леченіи этого ребенка былъ просто чудомъ; при третьемъ разѣ магнетизированіи, ребенка не только началъ слы-

нать каждое сказанное ему слово; но и самъ ясно повторилъ его. Этому чуду были мы сами свидѣтелями. Изъ представляемыхъ академіи свидѣтелей, дѣлныхъ барону Дюпотѣ известными лицами Париза видно, что этотъ врачъ совершенно вылечилъ отъ глухоты и слѣпоты двадцать человекъ.»

— Укушенный бѣшеною собакою выпилъ вѣчаяно въ припадкѣ сумасшествія цѣлую бутылку кроваваго винаго уксуса. Это средство помогло чуднымъ образомъ, и больной вскорѣ послѣ того совершенно выздоровѣлъ отъ водобоязни. Графъ Лессива, идуанскій врачъ, прочитавъ разсказъ во французскихъ газетахъ, вздумалъ испытать силу уксуса надъ однимъ большимъ темъ укушеннымъ бѣшеною собакою. Ему совершенно удалось вылечить своего пациента, у котораго болезнь оказалась въ самой сильной степени.

— Въ 36 номерѣ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» за минувшаго года въ статьѣ «Островъ Чусанъ г. Леонтьевскій» повелѣтъ упоминается объ одномъ предметѣ, весьма интересномъ для естественной исторіи. Это—овладіе о *одномъ лапушикѣ*, о которомъ до сего времени ни одинъ естествоиспытатель не упоминалъ еще. Жалеть, что г. Леонтьевскій сдѣлалъ и не посчиталъ сколько-нибудь-подробное описание этому новому растенію. С. Ж. (Соборно).

— Машина для печатнаго набора теперь уже не задача. Гг. Юнгъ и Делаконбръ, въ Лондонѣ, выдумали клавиорды, которыхъ замысловатый механизмъ заимствуетъ работу нѣсколькихъ прилежныхъ наборщиковъ. Демонстративномъ несомнѣнной пользы этого изобретенія слушать то, что теперь этимъ машиною набирается нѣсколько газетъ въ Лондонѣ. «London Phalanx», отъ 18 декабря, набранъ по этой методѣ, и содержитъ въ себѣ

описаніе новаго способа набора: «Нашъ журналъ (говоритъ редакторъ «Phalanx») первый употребилъ въ дѣло новую машину, и теперь итъ сомнѣнія, что она производитъ большой переворотъ въ типографскомъ искусствѣ. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ и упражненій, съ этою машиною такъ легко можно управлаться, что она можетъ даже сдѣлаться кабинетною мебелью всякаго висетеля. Даже дамы могутъ сѣсть за эту машину, какъ за ортепьяно, и играть на ней: имела и чувства яхъ точно прератался въ металлическій наборъ, которымъ послѣ печатайте хоть тысячи экземпляровъ. Каждое прикосновеніе къ клавишѣ поднимаетъ буква, которая ставится въ рядъ съ другими: изъ этого образуются слова, ричи и цѣлыя страницы. Все это производится съ такою точностію и такъ же скоро, какъ скоро можно выговорить цѣлое слово. Новая метода набора не только будетъ стоить гораздо-дешевле, но и сэкономитъ много времени въ типографской работѣ.

— Г. Роттермундъ, въ Брюсселѣ, изобрѣлъ новое средство—весьма важное для типографскаго дѣла—снимать печатныя формы безъ помощи шетки. Знایюшіе хорошо типографское искусство утверждаютъ, что употребленіе шолоки и шолокъ для чистки формъ дѣлаетъ неудобнымъ къ употребленію крайней-мѣръ одну треть шрифта. Изобретеніе Роттермунда не только экономитъ шрифтъ, ибо онъ, вмѣсто двухъ лѣтъ, можетъ быть въ употребленіи десять, но и самый шолокъ, который можетъ быть въ дѣлѣ отъ трехъ до четырехъ разъ, въ время. На очищеніе формъ требуется по новой методѣ до пяти минутъ, а по старой крайней-мѣръ полчаса. Сколько намъ известно, это новое изобретеніе состоитъ въ томъ, что вмѣсто шолокъ для смыванія типографскихъ формъ употребляется сиречь (воиной насосъ).

— Г. Ловелл, известный во Франціи многими изобретеніями, клонившимся къ улучшенію сельскаго хозяйства

и Мальпейръ, искусный технологъ, дѣлалъ недавно слѣдующіе опыты надъ гидравлическимъ прессомъ. Известно, что гидравлическій прессъ съ пользою употребляется для упаковки тюковъ хлопчатой бумаги и другихъ товаровъ, которые занимаютъ много мѣста, для перемѣщенія огромныхъ тяжестей, для попятія ихъ, для разбиванія крѣпкихъ каменныхъ матеріаловъ, и проч. Англичане въ испанской войнѣ употребляли весьма-выгодно гидравлическій прессъ для сжиманія сѣна, что въ военное время доставляетъ важныя выгоды при продовольствіи арміи. Г. Ленъель приоровилъ теперь гидравлическій прессъ для сжиманія свѣжаго печенаго хлѣба, который, будучи въ такомъ видѣ высушенъ, сохраняется на долгое время безъ малѣйшей порчи. Изобрѣтатель думаетъ, очень-справедливо, что свѣжій хлѣбъ, положенный подъ прессъ, не только уменьшаетъ свой объемъ въ нѣсколько разъ, но и дѣлается въ то же время совершенно-сухимъ. Въ такомъ состояніи его должно лишь сберечь отъ вѣetroвъ, отъ пыли и сырости. Только опыты по этому предмету могутъ показать достоинство изобрѣтенія. Г. Ленъель при помощи Мальпейра дѣлалъ ихъ удачно, и теперь нѣтъ сомнѣнія, что приспособленіе гидравлическаго пресса для сжиманія хлѣба рано или поздно будетъ имѣть результатомъ важныя выгоды. Гг. Ленъель и Мальпейръ взяли въ булочной печенье наканунѣ вечеромъ свѣжіе хлѣбы, и положили ихъ между двумя досками подъ гидравлическій прессъ. Эти хлѣбы, имѣвшіе въ толщину отъ 8 до 10 сантиметровъ, черезъ нѣсколько минутъ уменьшились въ своемъ объемѣ до 12 и 15 миллиметровъ, и вынуты были изъ-подъ пресса безъ малѣйшей порчи. Исследование этого опыта показало на дѣль слѣдующее: 1) Прессованный хлѣбъ уменьшается какъ въ формѣ, такъ и въ объемѣ; онъ дѣлается гораздо-компактнѣе; корка его остается въ своемъ видѣ, но мякишъ получаетъ на взглядъ нѣкоторую стекловидность. 2) Вынутый изъ

пресса хлѣбъ дѣлается немного-сыроватымъ, но сырость эта испаряется весьма-скоро и чрезъ нѣсколько часовъ вовсе исчезаетъ; потомъ еще чрезъ три, четыре часа хлѣбъ такъ засыхаетъ и становится такъ крѣпкимъ, что походить на камень. 3) Въ этомъ состояніи, хлѣбъ вовсе не подверженъ порчѣ; онъ не можетъ отсырѣть, слынуть, заплѣснѣть:—г. Ленъель сберегъ въ течение пѣлаго года такой хлѣбъ, и представилъ его на разсмотрѣніе Парижской Академіи Наукъ, которая нашла, что хлѣбъ совершенно сохранился. 4) Прессованный хлѣбъ дѣлается черезъ нѣсколько времени столь крѣпкимъ, что его надобно разбивать молоткомъ, какъ камень. Если прессованный хлѣбъ обмокнуть въ какую-нибудь жидкость, особенно горячую, то онъ вскорѣ размякнетъ и пріиметъ прежній свой объемъ и форму. 5) Такой высушенный хлѣбъ, послѣ размачиванія въ горячей водѣ, не потерялъ нѣсколько своего прежняго вкуса, запаха, свѣжести, — его можно такъ же употреблять въ пищу, какъ самый свѣжій печеный хлѣбъ, и разница между тѣмъ и другимъ почти нечувствительна для вкуса. Излишне было бы говорить, что гидравлическій прессъ гг. Ленъеля и Мальпейра можетъ оказать важную услугу въ снабженіи хлѣбомъ арміи, флотовъ, крѣпостей, для перевозки его въ отдаленныя мѣста, гдѣ случится урожай и голодъ,—для путешественниковъ, которые провѣщаютъ безплодныя пустыни, степи, и проч. Такимъ же образомъ посредствомъ гидравлическаго пресса можно сохранять долгое время картофель и зелень.

—Греческій врачъ Пападопулю Врато дѣлалъ многіе опыты надъ войлокомъ, который, по разсказу Гомера, употребляли герои Греціи и Троя въ битвахъ, вмѣсто нашихъ кирасъ. Плиній говоритъ, что подобный войлокъ состоялъ изъ валданаго льна, насыщенаго поваренною солью. Врато, согласно описанію Плинія, приготовилъ такой войлокъ, который оказался весьма-прочнымъ и очень-способнымъ къ пре-

дохраню солдатъ отъ пули, штыка и сабли непріятеля. Такой войлочный кирасъ названъ изобрѣвателемъ *риита*, и представленъ на разсмотрѣніе Парижской Академіи Наукъ.

— Въ Лондонѣ недавно изобрѣтена каменотѣсная машина, которая обрубаеъ и обдѣлываетъ гранитъ и другія крѣпкія породы камней гораздо лучше и скорѣе, чѣмъ дѣлаютъ это руки каменотѣсцевъ. Одна такая машина, стоющая 3000 талеровъ, замѣняетъ работу 250 человекъ, хотя дѣйствовать въ сутки только шесть часовъ.

— Прусскій король далъ порученіе знаменитому живописцу Корнелиусу сдѣлать рисунки для серебрянаго щита, который назначенъ въ подарокъ отъ короля Вильгельма IV новорожденному принцу валлійскому, въ память его крещенія. Этотъ массивный щитъ будетъ шеф-д'oeuvre новѣйшаго ризнаго и рельефнаго искусства. На щитѣ будутъ представлены выпуклыя аллегорическія фигуры, означающія актъ св. крещенія.

— Въ разныхъ газетахъ было говорено, что дѣти и женщины сгарили въ постели отъ нечаянно-упавшей искры въ бѣлье, или отъ-того, что платье ихъ вдругъ воспламенилось отъ горящаго вблизи камина. Одинъ Англичанинъ, для предупрежденія подобныхъ случаевъ, совѣтуетъ употреблять самое вѣрное и безопасное средство, а именно: всякое выстиранное бѣлье и платье надобно выполоскать въ чистой водѣ, въ которой разведено нѣсколько селитры. Бѣлье, выполосканное въ селитряной водѣ, гораздо чище на видѣ, и, что всего важнѣе, только тлѣетъ отъ огня, но не скоро воспламеняется.

— Часовой мастеръ Рабіель, въ Шалонѣ, получалъ привилегію на изобрѣтенные имъ часы, которые никогда не заводятся, потому-что боевое колесо само собою заводитъ ходъ ихъ. Механизмъ этихъ часовъ хоть и очень простъ, но составленъ замысловато, и часы, сдѣланные по методу Рабіеля, обходятся мастеру гораздо-дешевле

обыкновенныхъ; следовательно, они скоро войдутъ во всеобщее употребленіе, какъ по своей дешевизнѣ, такъ и по удобству.

— Въ Мюнхенѣ, известному фотографу (святописцу) Изенрингу очень удался опытъ въ расписываніи разными колерами дагерротипныхъ картинокъ. Дагерротипныя безцвѣтныя изображенія ни мало не портятся и ничего не теряютъ отъ накладыванія на нихъ разныхъ красокъ; напротивъ, колерный грунтъ сообщаетъ болѣе прочности и крѣпости подобнымъ картинкамъ. Расписанныя такимъ образомъ фотографическія картины можно очень легко мыть теплою водою, отъ-чего онѣ не теряютъ ни своего глянца, ни ясности. Что же касается до красокъ, которыми должно покрывать дагерротипные виды, то въ этомъ отношеніи еще надо преодолѣть нѣсколько трудностей.

— Новая церковь св. Георгія въ Эвертонѣ, близъ Ливерпуля, (мы уже упоминали о ней), какъ первая, сооруженная изъ чугуна въ Англии, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Рамы оконныя и дверныя, перила, стропила, потолки, полы, украшенія — все вылиты изъ желѣза. Церковь имѣетъ 119 футовъ въ длину и 47 въ ширину. Свѣтъ проникаетъ въ нее сквозъ великолѣпное желѣзное окно съ расписными стеклами. Известно, что десять лѣтъ уже, въ Англии, въ большей части значительныхъ фабрикъ двери, лѣстницы, чердаки, трубы, окна и т. п. дѣлаются изъ чугуна. Въ Англии, гдѣ желѣзо гораздо-дешевле дровъ, чугуныя дома стоятъ гораздо менѣе. Притомъ они далеко оставляютъ за собою въ прочности и красотѣ деревянныя. Олважды оконченныя, эти строенія не требуютъ уже никакихъ починковъ, а прелествѣвшія, нѣжнѣйшія скульптурныя украшенія обходятся немногимъ дороже простаго чугуна.

— Постройка лондонскаго тоннеля подъ Темзою совершенно кончена; вся работы и матеріалы обошлись въ 445,270 фунт. стерл. (11 миліоновъ

131,750 руб. асс.). Работы надъ тоннелемъ продолжались 18 лѣтъ, и въ теченіе этого времени лишились жизни при постройкѣ только 5 работниковъ.

— Г-нъ Дювріеръ, въ Марсели, изобрѣлъ новаго рода повозку, которая вмѣсто колесъ имѣетъ два пу-стые цилиндра. Говорятъ, что на такомъ экипажѣ весьма-удобно можно ѣздить по глубокому песку и по болотному грунту.

— Изъ Тулузы въ Бордо прѣехала недавно карета, сдѣланная въ родѣ палатки изъ жести. Внутри ея устроена комната съ альковомъ и кроватью; четыре стула, коммодъ, картонный столъ составляютъ ея мѣбель; а подъ низомъ экипажа находится погребокъ для вина и провизіи. Карета имѣетъ восемь оконъ съ занавѣсками.

— Въ Нью-Йоркѣ, Французъ по имени Говона, изобрѣлъ новую систему телеграфовъ, и предложилъ ее на разсмотрѣніе сѣверо-американскому конгрессу. По системѣ Говона можно сообщить телеграфическое извѣстіе изъ Новаго - Орлеана въ Вашингтонъ въ теченіе получаса.

— Въ саксонской «Ремесленной Газетѣ», полиція предостерегаетъ всѣхъ Нѣмцевъ, которые курятъ табакъ изъ фарфоровыхъ трубокъ, что нѣкоторыя трубки блѣдножелтоватаго фарфора, имѣющія свойство перемѣнять свой цвѣтъ отъ продолжительнаго куренія въ сѣровато-фіолетовый и въ мрамороидный, содержатъ въ составѣ своемъ мышьякъ и концентрированную соляную кислоту.

— Если случается на желѣзныхъ дорогахъ какое-нибудь несчастіе происшествіе, вагоны разлазятъ или убьютъ двухъ-трехъ человекъ, — старовары тотчасъ завопятъ хоромъ: «Вотъ какой вредъ, отъ нововведеній! Посмотрите: тамъ лишились жизни полдюжины людей, — гдѣ можетъ-быть ихъ прѣехали миллионы здраво и невредимо.» Но вотъ перечень несчастій, случившихся въ Парижѣ отъ обыкновенныхъ экипажей, начиная съ 1834 года.

Въ 1834	ранено 154	челов.	убито 4.
— 1835	— 214	—	— 12
— 1836	— 220	—	— 5
— 1837	— 361	—	— 11
— 1838	— 366	—	— 10
— 1839	— 384	—	— 9
— 1840	— 397	—	— 14.

— Рыба, вынутая изъ воды, останется въскольکو дней живою, если ее напоитъ водкой. Зимомъ можно также намочить въ востомъ винѣ или волкѣ кусоцикъ хлѣба, всунуть его въ ротъ рыбы и потомъ закопать ее въ снѣгъ; если жѣ пить снѣгу, то обернуть снѣгомъ или соломой. Такимъ-образомъ рыба будетъ жива въ-продолженіи нѣсколькихъ дней. Аэтомъ можно возить живую рыбу пивомъ или винограднымъ виномъ, потомъ завернуть въ снѣгу тряпку или мохъ, и облить пивомъ. Такимъ-образомъ можно пререзжать живыми въ теченіе 12—18 дней карповъ, шукъ, и другихъ имъ подобныхъ рыбъ. Подобная рыба, наизгладъ неподвижная и мертвая, въ-мигуну оживаетъ если вынуть изъ рта ея кусоцикъ хлѣба, обернуть ее въ мокрую тряпку и потомъ пустить въ дождь, наполнившаю водою. Съ угремъ въ такомъ случаѣ поступаютъ гораздо-проще:—его надобно только спрятать въ горшокъ, наполненный мокрою землею, или травой. Угра такимъ-образомъ можно сохранить живымъ цѣлый мѣсяцъ.

— Въ последнее время, въ Англіи были опять важныя совѣщанія касательно законовъ о хлѣбѣ. Между прочимъ шумно толковали объ этомъ въ Бирмингемѣ, гдѣ присутствовавшіе въ собраніи фабриканты говорили о возбуждающемъ оласеніи прекращенія вывоза нѣкоторыхъ товаровъ. Въ собраніи, бывшемъ въ сѣверо-англійскомъ городѣ Карлиатъ anti cornlaw-lecturer (противникъ закона о хлѣбѣ) г. Томсонъ сказалъ между прочимъ слѣдующее. «Не надѣривайтесь зависимости отъ иностранцевъ! Это

любимая фраза нашихъ хлѣбныхъ мнopolитовъ и дѣлателей законовъ о хлѣбѣ. Мнѣ кажется, елибѣ эти господа хотѣли дѣйствовать сообразно съ снмъ ученіемъ, проповѣдываемымъ ими, то они сами сдѣлались бы бѣдниками. Посѣтимъ человека, который проповѣдуетъ это правило, и посмотримъ, живетъ ли онъ сообразно съ этимъ правиломъ, — потому что главное достоинство всякой проповѣди заключается въ ея практическомъ прижизненіи. Пойдемъ и отобѣдимъ у него въ 7 часовъ вечера, когда онъ приходитъ изъ Верхняго Парламента, гдѣ только что заставляя умолкнуть лорда Раднора восклицаніемъ: «Не дѣлайте себя, при разрѣшеніи ввозить хлѣбъ, зависимыми отъ чужестранныхъ государствъ!» — восклицаніемъ, которое, разумется, награждается отъ торіевъ безповечнымъ «слушайте! слушайте!» У дверей его, которыя, можетъ-быть, отпереть вамъ иностраннѣйшій слуга (*смильзъ*), вы оттираете ноги объ русскую циновку... «Не подвергайте себя зависимости отъ иностранцевъ!» Надъ головою вашей видна лампа, въ которой горитъ масло изъ пѣдларнаго моря, и свѣтильня, свѣтая изъ американской хлопчатой бумаги... «Не подвергайте себя зависимости отъ иностранцевъ!» — Вы всходите на лѣстницу и ступаете, въ гостиной, на турецкій коверъ... «Не подвергайте себя зависимости отъ иностранцевъ!» — Милордъ встрѣчаетъ васъ, одѣтый къ обѣду. На немъ сюртуокъ по послѣдней парижской модѣ, изъ саксонскаго сукна, сшитый безсмертнымъ Штульпомъ; на груди булавка съ индѣйскимъ драгоценнымъ камнемъ, вправленнымъ въ мексиканское золото. Дале, чулки изъ китайскаго шолка, башмаки изъ кордуванской кожи, и прекрасные женевскіе часы, которые показываютъ ему, что вы пришли въ-время. Теперь онъ представляетъ васъ миледи, своей супругѣ. Надъ бѣлымъ, умнымъ челомъ ея колышется страусовое перо (зѣвъ страусовыя перья, растутъ въ хвостахъ нашихъ

индѣйскихъ пѣтуховъ въ деревняхъ!); лебединою шейку ея обхватываетъ нитка жемчуга пейловскаго; на плечахъ броссельскія кружева; рука играетъ испанскимъ вѣеромъ. Я могъ бы идти дальше и рассказывать вамъ о парижскихъ корсетахъ и другихъ святохранимыхъ въ тайнѣ вещахъ, съ именами которыхъ соединяются имена Париза или другихъ иностраннѣйшихъ городовъ, — но не хочу. Отправимся теперь къ обѣду. Онъ поданъ на столѣ изъ вестфалскаго краснаго дерева; служовыя миски сдѣланы изъ мессинскаго фаянса; черепахи, изъ которыхъ сваренъ вкусный супъ, привезены изъ Каманы — жаль, что на черепахъ нѣтъ пошлнны! — Почти отъ всѣхъ блюдовъ раздается запахъ иностраннѣйшихъ приностей, и французскій поваръ приготовилъ зелень; вкусный языкъ стотъ — олений, вепрова я голова съ отрѣзкомъ лимона во рту — изъ Германіи; всѣ превосходныя вина не англійскія — Боже упаси! — иностранныя. Теперь десертъ: оливы съ Ливана, винныя яблочки изъ Турціи, изюмъ съ Малаги. Фигники изъ Сиріи или Билеудльджериды, яблоки изъ Нью-Йорка, виноградъ изъ Португаліи, вибриный компотъ съ Ямайки, орехи изъ Италіи; гранатовыя яблоки изъ Египта, сливы изъ Франціи, апельсины изъ Лиссабона... «Не подвергайте себя зависимости отъ иностранцевъ!» — Послѣ десерта отправляемся къ дамамъ. Дочь играетъ на вискомъ флигель и поетъ по-итальянски, что Итальянецъ, впрочемъ, почелъ бы за англійское: она брала уроки у прѣзжаго маэстро; воспитанію ея придали оковчательный лоскъ за границей. и въ заключеніе она выходитъ, можетъ-быть, за иностраннаго графа — Венгерца или Полика... «Не подвергайте себя зависимости отъ иностранцевъ!» — Входитъ лэкей: кофе изъ Мокки; чай изъ Китая, сахаръ изъ Сіама. Въ 11 часовъ вы выходите изъ независимаго отъ иностранцевъ дома Англичавина; миледи — идетъ въ концертъ à la Мюссаръ, въ итальянскую или италіанскую

оперу, чтобы въ Intermexхо любоваться достойной удивленія дьявией Фанни Шовхерлегеъ (т.е. Фанни покажи-нога)—знаменитой танцовщицей, только что выписанной изъ Берлина съ нарочнымъ, для забавы тѣхъ англійскихъ патриотовъ, которые не могутъ сносить мысли, что земляки ихъ будутъ состоять въ зависимости отъ иностранцевъ въ отношеніи къ лѣзбу!»

Во Франціи съ 1791 года по 1842 поступило въ военную службу 14, мил. 12,000 человекъ.

— Во Французской Палатѣ Перовъ считается нынѣ 306 человекъ, изъ которыхъ 112 засѣдаютъ въ ней со времени июльской революціи. Изъ числа этихъ перовъ, 99 генераловъ морскихъ и сухопутныхъ, 36 судей, 25 дипломатовъ, 20 членовъ института, и 24 отставныхъ и состоящихъ на службѣ преемства. Прочіе суть помѣщики или члены департаментскихъ совѣтовъ, платящіе 3000 франковъ податей. Нѣкоторые парижскіе политическіе журналы согласились вовсе не упоминать о разсужденіяхъ и преніяхъ Палаты Перовъ, иные даже не хотятъ печатать и самого имени перовъ, говоря просто: «Палата П.—», какъ-будто бы это слово непримично убогреблять въ порядочныхъ обществахъ Парижа.

— Кто-то сосчиталъ, что съ 1830 года по сіе время всѣ европейскія государства издержали на свои арміи и флоты огромную сумму: болѣе 22-хъ миллиардовъ.

— Известно, что большіе трехмачтовые корабли, употребляемые для плаванія въ океанѣ и для перевозки разныхъ товаровъ, ходы бываютъ въ лѣто не долѣе тридцати лѣтъ. Но въ Англии нашелся корабль, который уже 70 лѣтъ продолжаетъ на водѣ свою службу. Вотъ что напечатано въ Газетѣ «the Sun»: «14 февраля с. г. отправился изъ гавани Коусъ въ Антверпенъ корабль Discovery, который въ 1776 году, подъ командою капитана Кларка, провожалъ знаменитаго морика

капитана Кука въ последнее его путешествіе вокругъ свѣта. Этотъ корабль-ветеранъ ходитъ нынѣ подъ бельгійскимъ флагомъ и получалъ названіе: «Рубенсъ».

— Въ Lons le Saulnier недавно умеръ кто-то L... уроженецъ Парижа, извѣстный во время Французской революціи подъ именемъ мясника Сент-Антуанскаго Предмѣстія, Шарло. Это былъ тотъ самый человекъ, который носилъ на штыкѣ голову несчастной принцессы Ламбаль. Спусти въскольکو лѣтъ послѣ того, онъ отправился въ Lons le Saulnier, гдѣ до самой своей смерти жилъ въ совершенномъ уединеніи и неизвестности.

— Высочайшими башнями въ Европѣ были три колокольныя церкви св. Петра въ Лувенѣ, но страшный ураганъ, свирѣпствовавшій 31 января 1604 года свалилъ этихъ колоссовъ. Планы этихъ башенъ и до сихъ-поръ можно видѣть въ Лувенской Ратушѣ. Средняя башня была вышиною 536 парижс. футовъ; обѣ боковыя 430. До-сихъ-поръ высочайшими строеніями на земномъ шарѣ считаются Хеопсова египетская пирамида (439 футовъ), спиць колокольной (Fгауенkirche) въ Брюгге (435 фут.), страсбургскій мюнстеръ (427 фут.), башня св. Стефана въ Вѣнѣ (415 фут.), куполь-св. Петра въ Римѣ (596 фут.) башня церкви (Fгауенkirche) въ Антверпенѣ (391 фут.).

— Вальтеръ Ралейгъ, храбрый морякъ въ царствованіе Елизаветы англійской, былъ заключенъ королемъ Яковомъ въ Тоуеръ, гдѣ и провакъ 13 лѣтъ. Это время употреблялъ онъ для сочиненія «History of the World» (исторіи свѣта), изъ которой, однакожъ, до 1614 г. въ Лондонѣ появилась только одна часть. Авторъ совершенно кончалъ вторую часть, но сжегъ ее, потому-что издатель его книги сказалъ, что повесть огромный убытокъ отъ первой части. «Жаль, что я не могу такъ же легко отвѣтъ у свѣта, недостойнаго книги, стѣла-

шей имъ такого труда, первую часть, какъ лишилъ его второй!» сказалъ Ралейгъ. Позже, Англія оцѣнила огромность своей потери, и послѣ смерти автора, въ 1618 году, издатель продалъ въ нѣсколько дней слишкомъ 1000 экземпляровъ залежавшейся первой и единственной части «Исторіи Свята».

— Вотъ важное археологическое открытіе. Выраженіе «присавить рога» было еще известно въ самой глубокой древности. Оно возымало свое начало при одномъ изъ греческихъ царей, Андроникъ, который былъ страстнымъ обожателемъ прекраснаго пола, волокитой, подобнымъ Донъ-Хуану. Каждая женщина, особенно имъ замѣченная, дѣлалась его наложницею. Эта страсть, однакоже, дорого ему стоила и вовсе истощила государственную казну, изъ которой выдавались богатые подарки всѣмъ мужьямъ-рогоносцамъ. Андроникъ выдумалъ новое средство для вознагражденія бѣдныхъ мужей, и началъ имъ давать разныя права и льготы, позволяя заниматься вольною охотою въ казенныхъ лѣсахъ и дачахъ. Мужъ, получившій такое право отъ своего владыки, имѣлъ позволеніе поставить на воротахъ своего дома оленья рога. Народъ скоро узналъ настоящій смыслъ этого отячія, и фраза «присавить рога» вошла въ повсемѣстное употребленіе. Пъецъ Савичъ Розенбергъ зависалъ тайно въ памятной книжкѣ короля Оттокара слѣдующее:

Cognita, qui- faciunt ne cognita ferre recusent.

— Одна изъ самыхъ естественныхъ и, часто, самыхъ сильныхъ страстей въ человѣкѣ есть страсть имѣть то, чего другіе имѣть не могутъ.—Сенаторъ римскій, Маріи-Анволь, заплатилъ 300,000 сестерцій (18,750, франковъ) за столъ изъ лимоннаго дерева, принадлежавшій Цицерону.—По завѣщаніи Средней Азіи, Катову поднесено было пурпуровое платье, котораго онъ никогда не смѣлъ носить. Неронъ купилъ это платье за 170,000

франковъ.—Одинъ циническій философъ Перциринъ Протей, на олимпийскихъ играхъ сжегъ себя живаго въ полномъ великолѣпнн (въ 150 году нашей эры) для того только, чтобъ объ немъ говорили. Впрочемъ онъ несомнѣнно достигъ своей цѣли; но одинъ изъ его почитателей заплатилъ 4,800 франковъ за палку, которую этотъ безумецъ носилъ съ собою во время прогулки.—Кресло изъ слоновой кости, поднесенное жителями Любека Густаву-Вазу, сдѣлаюсъ теперь собственностію одного Шведа, Шинкеля; но эта черта патриотизма стоила ему 58,000 флоринновъ.—Знаменитому Гретри предлагали 1,500 франковъ за дранной барометръ, принадлежавшій Ж. Ж. Руссо: ему также давали 3,000 фр. за небольшой столикъ безъ ножекъ, обломанный и гризныи, на которомъ была писана «Новая Элоиза». Полковникъ Розенъ сохранилъ платье, въ которомъ былъ Карлъ XII въ сраженіи подъ Полтавою; платье это было куплено въ Эдинбургѣ за 22,000 ф. стерлинговъ (561,000 рубл. асс.). Въ 1716 году лордъ Шефтсбери заплатилъ 700 фунтовъ стерлинговъ (17,500 р. асс.) за зубъ Ньютона; нѣдлю спустя послѣ того въ Лондонѣ можно было купить 600 или 800 зубовъ, равномѣрно принадлежавшихъ Ньютону, и столь же древнихъ.—Когда останки Абельара и Элоизы были перенесены въ монастырь августинновъ, одинъ Англичанинъ предлагалъ, какъ убѣраетъ ученый археологъ Алек. Левуаръ, 10,000 франковъ за зубъ Элоизы. Но черепъ Декарта былъ купленъ почти за безцѣнокъ въ Стокгольмѣ,—за 1,000 франковъ.—За палку Вольтера было заплачено 500 франковъ, а другіе увѣряютъ, что за нее было дано 2,400 франковъ.—Парикъ Стерна купленъ за 200 гиней или 5,000 рублей, асс., а за другой парикъ, принадлежавшій знаменитому Каяту, дано 200 франковъ.—Зять Вольтера Скотта, въ 1825 году купилъ за 405 гиней (10,125 р. асс.) оба пера, которыми подписанъ амьсенскій договоръ, и очель былъ счаст-

ливъ, что они ему так дешево достались.—За мѣдные часы, принадлежавшія творцу «Эмилія», заплачено 500 франковъ; за одинъ изъ его костюмовъ 950 франковъ. — По смерти Гретри, Николо заплатилъ за шпатель, стоявшій не болѣе 6 или 5 франковъ, 400 франковъ. Буальядъ далъ 128 франковъ за небольшой реестръ его долговъ; маленькій столъ его изъ чернаго дерева купленъ былъ за 120 франковъ.—Докторъ Делакура далъ за шляпу Наполеона, бывшую на немъ въ сраженіи при Эйлау, 1,921 франковъ.

— При осадѣ китайской крѣпости Ринг-По случилось слѣдующее: Англичане лишь только открыли огонь въ своей батарее по крѣпости Ринг-По, какъ явился на рѣкѣ китайскій баркасъ подъ переговорнымъ флагомъ. На баркасѣ былъ мандаринъ, который сдѣлалъ английскому адмиралу такое предложеніе: не лязли обнимъ враждующимъ сторонамъ условиться такъ, чтобъ не проливать напрасно человеческой крови. «Мы будемъ съ вами драться по театральному: осаждающіе посаженные должны заряжать пушки холостыми зарядами, чтобъ грому и пальбы было вдоволь. Пощумимъ, пострѣляемъ одинъ въ другаго, да и разойдемся по-доброму по-здорову». Мандаринъ увѣрялъ адмирала, что онъ произведетъ адскую канонаду, и конечно за свой храбрый подвигъ получить благоволеніе богдыхана; славы будетъ много, да и солдаты останутся цѣлы. Адмиралъ, говорятъ, не принявъ замысловатой военной шутки мандарина.

— Какой-то купецъ, проживающій въ Монтрозѣ, далъ порученіе своему комиссіонеру въ Лондонѣ купить для него 20 центнеровъ мѣди; но такъ какъ купецъ былъ не очень смелъ въ правописаніи, то комиссіонеръ прочиталъ въ его письмѣ, вмѣсто слова Соорег (мѣд.) Сарегс (карпы). Онъ не мало удивился, что почтенному его доверителю вдругъ пришла охота купить 20 центнеровъ рыбы; но у всякаго свой вкусъ, и комиссіонеръ, не мудр-

ствуя много, пошелъ въ рыбный рядъ, и оптомъ закупилъ всѣхъ карповъ, которыхъ нашолъ на рынкѣ. Отъ такой закупки карпы сдѣлались рѣдкими въ Лондонѣ и цѣна на нихъ очень возвысилась. Комиссіонеръ, извѣщая своего доверителя о исполненіи его порученія, сказалъ между прочимъ, что карпы въ Лондонѣ очень вздорожали, совѣтуетъ продать ихъ, и разумеется получить отъ того нѣсколько барыши. Монтрозскій купецъ очень удивился недоумитію снова комиссіонера, но, не давъ замѣтить этого, поручилъ ему продать въ Лондонѣ рыбу. Эта рыбная спекуляція принесла большой барышъ купцу монтрозскому.

— Въ Парижѣ два новые журнала, чтобъ какъ-нибудь притянуть къ себѣ подписчиковъ, выдумали дать нѣсколько концертовъ, на которые каждый пренебрегать получить билетъ даромъ, не въ счетъ абонимента на помѣстныя журналы. Этой журнальной продавки нашолся одинъ подражатель въ Коппенгагенѣ. Онъ сдѣлалъ такую же штуку и поставилъ свою газету на ноги; она теперь идетъ славно.

— Въ газетѣ «Dresdener Anzeiger» напечатано нѣсколько справедливыхъ замѣчаній о вредѣ отъ употребленія женскихъ корсетовъ. Какой-то заклятый врагъ корсетовъ предложилъ благомыслящимъ дѣвицамъ съ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ, — составить особое общество, которое бы навсегда свергло съ себя ненавистное имъ шурувокъ. Имена такихъ героинь записать на сиржалкахъ своихъ исторій, и слава ихъ перейдетъ въ потомство. Другой чудакъ, задумавшій однимъ разомъ умертвить корсетную гадю, изобрѣлъ другое средство, которое, по нашему мнѣнію, будетъ лучше перваго, а именно: онъ хочетъ, чтобъ молодые холостяки взаимно обѣщались другъ другу не жениться на тѣхъ дѣвицахъ, которыя не дадутъ заранѣе клятвеннаго обѣщанія никогда не носить корсетовъ.

— Англійскія газеты рассказываютъ о чрезвычайномъ богатствѣ кня-

из Эстергази. Этотъ венгерскій вельможа, кромѣ трехъ огромныхъ домовъ въ Вьтѣ и многихъ деревень въ Богеміи, обладаетъ 13-ю частію всей Венгрии, въ которой у него считается 36 помѣстій и въ каждомъ изъ нихъ принадлежать отъ 10 до 24 деревень. Всего въ его помѣстьяхъ считается 364,000 жителей. Доходъ Эстергази простирается до милліона талеровъ въ годъ. Но на немъ есть также и колоссальный долгъ.

— Какой-то фортепьянный учитель въ Дрезденѣ такъ пораженъ былъ знаменитою игрою Листа, что сажелъ съ ума и разрывалъ себя перепонки, которыми соединяются пальцы обѣихъ рукъ, чтобъ производить легче скачки по клавишамъ и дѣлать такіе же чудовищные аккорды, какъ знаменитый Листъ.

— Два Англичанина сошлись въ гостиницѣ, выпили бутылки три портвейну и начали между собою кидать жребій, кому изъ нихъ достанется повѣсить другаго. Одинъ проигралъ рюкзакъ пари, и мало не спорилъ съ своимъ товарищемъ и согласился, чтобъ его повѣсили на ближайшемъ фонарномъ столбѣ. Черезъ несколько минутъ послѣ того джентльменъ уже висѣлъ на фонарѣ, а ноги его болтались по воздуху. Ночной стражъ, проходя дозоромъ по улицѣ, увидѣлъ повѣшеннаго, и въ одинъ мигъ перерезалъ его петлю. Джентльменъ очнулся. — Видю пріятельская веревка не крѣпко станула ему горло. — бросился съ яростию на своего избавителя и пощипывалъ его преворядочно кулаками. «Какъ ты смѣешь мѣшаться въ чужія дѣла?» кричалъ джентльменъ: «никакая полиція въ свѣтѣ не можетъ лишить меня права повѣситься когда мнѣ угодно. Я проигралъ пари, и другъ мой, какъ благодарный человекъ, исполнилъ свое дѣло.» — Джентльменъ возобвѣщавъ обратво въ гостиницу и просилъ своего пріятеля, который сидѣлъ у камина и читалъ газеты, еще разъ услужить ему и снова повѣсить. Полиція, однакоже, вытшалась въ эту исторію

и взяла обѣихъ сумасбродовъ подъ стражу.

— Gazette Medicale рассказываетъ, что кого-то равилъ въ голову разрывомъ руки такъ опасно, что вырвало у него 3 унца мозга. Этотъ человекъ черезъ мѣсяць совершенно выздоровѣлъ и даже не повредился въ умъ отъ значительной потери мозга.

— Говорятъ, что знаменитый Галлеръ упалъ однажды съ высокой каменной лѣстницы головою внизъ. Вставъ на ноги, онъ хотѣлъ удостовѣриться, не потерпѣла ли отъ этого падевія его всеобъемлящая память. — и прочиталъ наизусть имена всѣхъ китайскихъ императоровъ, царствовавшихъ еще прежде Р. X. и до новѣйшихъ временъ.

— Въ Вьтѣ появился немало Еврей изъ Галиціи, который необыкновенною своею памятью возбуждаетъ всеобщее любопытство. Онъ называетъ себя профессоромъ Денемаркомъ, и на 12-мъ году отъ рожденія жалъ уже наизусть весь Талмудъ. Онъ, между прочимъ, удостоился чести быть приглашеннымъ на вечеръ къ князю Меттерниху, у котораго, въ-присутствіи ученыхъ филологовъ, показывалъ фокус-покусъ своего чуднаго дара. Напримѣръ, онъ можетъ читать нераспечатанныя письма, писанныя по-еврейски. Если ему покажутъ неизвѣстную книгу, то онъ, пощупавъ ея переплетъ, скажетъ, на какомъ языкѣ она писана. Если загнуть какую-нибудь страницу неизвѣстной ему книги, онъ скажетъ какия слова находятся въ загнутомъ углу листа. Онъ предложилъ собранію испытать необыкновенную его память слѣдующимъ образомъ: если выведутъ на поле всѣ войска, стоящія гарнизономъ въ Вьтѣ, и скажутъ ему имя и фамилію каждаго солдата, то онъ повторитъ послѣ безъ ошибки всѣ имена солдатъ по порядку, по шеренгамъ, ротамъ, батальонамъ, и проч. Въ домѣ барона Ротшильда и въ-присутствіи главнаго раввина, Денемаркъ на каждой сказанной ему страницѣ и строгъ Талмуда

отгадывалъ какой текстъ въ нихъ заключается.

— Въ Парсонстоунѣ (въ Ирландіи) какой-то Коллинсъ потребованъ былъ въ уголовный судъ за то, что съ злымъ умысломъ убилъ козу; судъ приговорилъ его къ смертной казни. Что это была за коза — неизвестно. Судъ однакоже послалъ это дѣло на разсмотрѣніе королевы, прося ея величество смягчить приговоръ и помиловать бѣднаго преступника.

— Въ парижскій судъ національной гвардіи явился приземистый чело-вѣчекъ, смуглый, рыбой, верглавый какъ живчикъ, но безобразный какъ лягушка. — Президентъ. Господинъ Куртенъ, вы отлучились безъ спроса съ караула 6-го января, и не возвратились на свой постъ. — Куртенъ. Это правда; чортъ меня надумилъ отлучаться съ гауптвахты; я пошолъ да и былъ таковъ, не возвратился въ команду. — Президентъ. За чѣмъ же?—Куртенъ. Да, такъ; мнѣ приключилась бѣда: меня заставили насильно принять бразды правленія; я, бѣдный торговецъ съвѣтными припасами, произведенъ былъ въ король, совершенно противъ своей воли. (*Смѣльхъ въ присутствіи*). — Президентъ. Какъ, вы были королемъ?—Куртенъ. Королемъ, да еще въ-прибавокъ самовластнымъ. Посудите, господинъ-президентъ, прилично ли же было мнѣ возвратиться въ караулъ; король въ солдатской сумѣ и съ ружьемъ на плечахъ долженъ ходить по городу дозоромъ и поднимать пьяныхъ на улицахъ! Это не въ порядкѣ вещей. (*Всеобщій смѣльхъ*). — Президентъ. А теперь, видно, вы уже лишились престола?—Куртенъ. Слава Богу! Нѣтъ, трудно быть королемъ, когда имѣешь министрами такихъ разгульных весельчаковъ, которые выпили у меня дюжины три вина, а королева (толстая кума) ни о чѣмъ болѣе не заботилась, какъ о пуншѣ: она одна осушила четыре стакана. Тутъ разорится хоть какой уголокъ король, особелиютотъ, у котораго нѣтъ бюджета. (*Смѣльхъ*). Мое цар-

ствованіе продолжалось только одну ночь. Къ утру всѣ мои министры свалились подъ столъ, а королева такъ храпѣла, какъ кузнечный мѣхъ. Короче сказать, моя монархія превратилась въ настоящую республику. (*Всеобщій смѣльхъ*). — Президентъ. Да растолкуйте, что же вы были за король?—Куртенъ. Разумвется, король боба! (*Продолжительный смѣльхъ*). Мнѣ достался на долю кусокъ пирога (le gateau des Rois), въ которомъ запечены бобы и меня тутъ же провозгласили королемъ, и надели на голову золотой бумажный вѣнецъ. Теперь я снялъ свою порфиру и съ охотой пойду опять въ караулъ.—Судъ, принявъ въ уваженіе премию усердную службу Куртена, освободилъ его отъ штрафа. Куртенъ учтиво поклонился судью, пошелъ и заткнулъ арію изъ «Фенеллы»:

Plaisirs du rang suprême
Eclat de la splendeur:
Vous n'êtes rien
Auprès de mon bonheur.

— Въ Нантѣ препараторъ труповъ Корнеліе дѣлалъ недавно публичныя опыты надъ разнаго рода мясомъ приготовленнымъ по извѣстной системѣ доктора Ганкаля. Онъ показывалъ посетителямъ, собравшимся на его лекціи, заднюю четверть баранины, которая, бывъ напитана извѣстною химическою жидкостью, ни мало не испортилась въ-теченіе двухъ мѣсяцевъ какъ въ своемъ цвѣтѣ, такъ во вкусѣ и свѣжести. Альфонсъ Карръ извѣстный издатель критическихъ брошюръ подъ названіемъ: «les Gâchers», замѣтилъ по поводу этого слѣдующее: «Объявляю всѣмъ, что отъ сего числа не буду имѣть довѣрія ни въ какому свѣжему мясу! На какую котлетку теперь можно надѣяться? Боже мой, да теперь человекъ въ тридцать лѣтъ легко можетъ съѣсть кусокъ ростбифа, который старше его годами. Этакъ, пожалуй, получишь, въ насѣдство кусокъ говядины, которая вари-лась въ горшкѣ у моего покойнаго дѣдушки, умершаго въ 1788 году. Какая-

нибудь нога телатины будетъ переходить во владѣніе отъ отца къ сыну, вьвуку и т. д.; копченые окорока превратятся въ настоящіа муміи, и повара скоро будутъ насъ кормить, вѣсто гарнированныхъ, балзамированныхъ котлетками.»

—Въ Лондонѣ, и вообще въ Англіи, замѣтна особая страсть простаго народа къ покупкѣ вещей послѣ умершихъ скрягъ (misers), которые большею частью оставляютъ послѣ себя немаловажные капиталы. Народъ, наученный тысячами примѣровъ, непременно предполагаетъ въ такихъ случаяхъ, что въ какой-нибудь поношевой туфель скряги засунуть пукъ ассигнацій, или спрятать свертокъ съ металлическими деньгами. Жадность къ пріобрѣтенію въ этихъ случаяхъ бываетъ такъ велика въ народѣ, что цѣлыя толпы осаждаютъ дома, гдѣ производится публичная продажа вещей умершаго скряги. Покупщики шумятъ и дерутся за какую-нибудь старую фуфайку гарпагона, надбавляя за нее огромную цѣну, за которую можно было бы купить цѣлую дюжину новыхъ фуфаяекъ. Аукціонъ такого рода происходилъ недавно въ Лондонѣ въ домѣ одного умершаго скупца Смита...

Въ узкой улицѣ, у деревяннаго стараго домишка, толпа народа совершенно загородила проходъ пѣшеходамъ и экипажамъ, такъ, что полиція принуждена была разгонять любопытныхъ; старые молитвенники и оборванья учебныя книжки продавались на этомъ аукціонѣ вчетверо дороже, ибо покупщики предполагали найти непременно между листами въ книгахъ приклеенныя ассигнаціи, и билеты кредитныхъ банковъ. Покойный скупецъ Смитъ имѣлъ нѣсколько каменныхъ домовъ въ Лондонѣ, и сверхъ того огромные капиталы. Не смотря на такое богатство, онъ однакожь до самой смерти занимался слѣсарною работою, и приготовлялъ собственными руками замки, задвижки, крючки, петли и прочую мелочь для своихъ новопостроенныхъ домовъ. Онъ питался во всю свою жизнь только черствымъ чернымъ хлѣбомъ, лукомъ и картофелемъ. Анекдотами и рассказами, которые ходили въ народѣ про этого скрягу, можно было бы наполнить три толстые тома. Пресловутый лондонскій гарпагонъ прежняго времени, по фамиліи Эльвисъ, былъ настоящій мотъ въ сравненіи съ великимъ скупцомъ Смитомъ.

М О Д Ы.

Зимніе наряды должны теперь замѣняться весенними; но этотъ замѣчательный переходъ еще покрытъ мракомъ неизвѣстности; хотя нѣкоторые журналы и общаются съ латса оракулами и предузвать готовящіяся тайны; но все это одинъ только общанія и предположенія! Форма шляпокъ пока еще все та же, какъ и была зимою; но цвѣтовъ почти невидать ни на одной шляпкѣ: всѣ онѣ убираются лентами

или роскошнымъ перомъ; за то на чепчикахъ цвѣты составляютъ единственное украшеніе.

Говорятъ, нивѣшнія матеріи много будутъ различаться въ рисункахъ отъ прошлогоднихъ; но опять все это только предположенія. Нѣчего дѣлать, должно вооружиться терпѣніемъ и ожидать, чтѣ скажутъ намъ положительнаго въ будущемъ мѣсяцѣ парижскіе бюллетени моды.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжной лавкѣ Я. А. Исакова,
въ Санктпетербургѣ.

(Цѣны назначены по курсу на серебро.)

КНИГИ ДУХОВНЫЯ.

	P. K.
L'IMITATION DE J. CHRIST , magnifique édition en un volume orné d'un titre en couleurs et de 10 belles gra- vures. Paris.	5 75
Même ouvrage, jolie édition avec fig. 1 vol. in 18. Brux.	1
L'IMITATION DE LA SAINTE VIERGE , sur le modèle de l'imitation de I. C. 1 vol. in 32 relié	1
VISITES AU SAINT SACREMENT et à la Sainte Vierge. 1 vol. in 32, relié.	1
LE CHEMIN DE LA CROIX , précédé de méditations sur la passion, etc. 1 vol. in 32, relié.	1
BEAUTÉS DU CHRISTIANISME , ou recueil de belles actions inspirées par cette religion par A. Caillot. 1 vol. in 12.	60
LIVRE DE DEUIL , Offices, prières et consolations, 1 vol. avec figures.	2

	P. K.
LE CHEMIN DE LA SANCTIFI- CATION , ci-devant le vrai conducteur des ames dans la voie du salut. in 18.	30
CONDUITE D'UNE DAME chre- tienne, pour vivre saintement dans le monde, 5 édition. in 32.	60
MÉMORIAL DES VIERGES chre- tiennes, 2 vol. in 32	1
L'ÉTÉRNITÉ S'AVANCE et nous n'y pensons pas! par M. I. de Géramb. 1 vol. in 12. Paris.	1 15
LA VIE ET LES INSTRUCTIONS de Jesus-Christ, tirées des Saints Evangiles; suivies de la morale chrétienne, 1 vol. in 12. :	90
MÉDITATIONS RELIGIEUSES , en forme de discours, pour toutes les époques, cicon- stances et situations de la vie domestique et civile; traduit de l'allemand par M. M. Monnard et Gence. 6 vol. in 8	12

	P. K.	P. K.
HISTOIRE DE LA SAINTE ELISABETH de Hongrie, duchesse de Thuringe. 2 vol. in 18.	1 60	de pouvoir bien s'en acquitter, par <i>J. B. de la Salle</i> , 1 vol. in 12. 60
LE COMBAT SPIRITUEL dans lequel on trouve des moyens pour vaincre ses passions et triompher du vice, etc. in 32, relié	60	L'OFFICE DE LA SEMAINE SAINTE , en latin et en français, 1 vol. relié 1
LES SAINTS EVANGILES traduits de la vulgate, par <i>M. l'abbé Dassance</i> , 2 beaux volumes in 8, ornés de 24 grav. sur acier.	11 45	DOCTRINE CHRETIENNE en forme de lecture de piété, par <i>Lhomond</i> . 1 vol. in 12 60
LA SAINTE BIBLE , histoire de l'ancien et du nouveau testament, avec des réflexions morales et édifiantes par <i>J. Dérome</i> ; 2 vol. in 8 ornés de 50 gravures.	7 15	ANNÉE SPIRITUELLE , contenant une conduite et des exercices pour chaque jour de l'année, 3 vol. in 12. 2
BEAUTÉS DES LETTRES édifiantes anciennes et nouvelles, par <i>Caillet</i> . 1 vol. in 12 fig.	60	EPITRES ET EVANGILES des dimanches et fêtes de l'année, un beau vol. in 8, avec fig. 5
LES DEVOIRS DU CHRETIEN envers Dieu et les moyens		LA RAISON DU CHRISTIANISME , ou preuves de la vérité de la religion tirées des écrits des plus grands hommes de la France, de l'Angleterre et de l'Allemagne, publiée par <i>Genoude</i> . 4 vol. in 8, 3 édit. Paris. 1841. 7 15

Въ томъ же магазинъ поступили въ продажу 6, 7 и 8-й выпуски роскошнаго русскаго изданія .

И Д Ш И,

заключающіе въ себѣ статью: **АРМЕЙСКІЙ ОФИЦЕРЪ**, сочиненіе князя *Львова*. Гг. иногородные благоволятъ внести при подпискѣ шесть рублей серебромъ впередъ за 14 выпусковъ съ пересылкою. Требованія просить адресовать на имя *Якова Алексѣева Исакова*, книгопродавца въ С. Петербургѣ.

Печатать позволяется. Старшій цензоръ Рочевскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ

НА 1842 ГОДЪ.

I. Словесность.

а) СТИХОТВОРЕНІЯ:

	Стр.
Договоръ. М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.	1
Кабакъ. Н. П. ОГАРЕВА.	2
Пѣсня Лауры. В. И. КРАСОВА.	66
Похвощеніе. Т. Л.	—
Подражаніе Восточному. В. И. КРАСОВА.	68
Умирающій Клефъ. Основ- шина.	69
Ночной Товарищъ. В. И. КРА- СОВА.	70
«Ты помнишь ли» М. Ю. ЛЕР- МОНТОВА.	101
«Сидѣла мать у колыбели». Н. П. ОГАРЕВА.	102
Неаполь. Н. П. ОГАРЕВА.	202
Черногорецъ. Ап. МАЙКОВА.	269
Встрѣча. Н. П. ОГАРЕВА.	—
Призывъ. Ап. МАЙКОВА.	270
«Она никогда его не любила». Н. П. ОГАРЕВА.	—
Умирающій Гладіаторъ. М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.	378

б) Проза:

Напрасный Даръ. Повѣсть Зв- ненды Р — вой.	3
Маргарита. Романъ Фредери- ка Сулье.	69
Сѣня. Повѣсть. Е. П. ГРВЕН- КИ.	207
Барнеби Роджъ. Новый романъ Чарльза Диккинса (Воз), въ шести частяхъ. Части 1-я и 2.	271

II. Науки и художе- ства.

	Стр.
Гёте. (Статья третья). путеше- ствіе въ Италію. — Знаком- ство съ Шекспиромъ. К. Л.	1
Система Железныхъ Дорогъ въ Германіи, какъ средство къ у- силенію промышленности тамо- женнаго союза и къ управле- нію національной связи Гер- маніи. Статья Фридриха Листа.	29
Изъ Записокъ Оренбургскаго Старожила: 1) Разсказъ Аб- драхмана Ишана, Авганца, и муллы Мирзы, изъ народа Ламганн; 2) Повѣствованіе по- томка шаховъ авганскихъ, Ша-Заде-Мухаммеда - Муста- фа, объ Авганістанъ. В. Н. Дала.	45.

III. Современная Хро- ника Россіи.

Обзоръ современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государствен- ному управленію за декабрь 1841 года, январь и февраль 1842 года.	1 и 11
Событія въ отечествѣ за де- кабрь 1841 года, январь и фе- враль мѣсяцы 1842 года.	9 и 24

IV. Домоводство, Сельское Хозяйство и Промышленность вообще.

Записки Пензенскаго Земледельца о теоріи и практикѣ сельскаго хозяйства. Часть I. (Окончаніе). §§ 7, 8, 9 и 10. Часть II. *Практическая часть сельскаго хозяйства*. §§ 1, 2 и 3. И. В. Савурова. 1 и 19

V. Критика.

Стихотворенія *Аполлона Майкова*. 1
Кузьма Петровичъ Миршевъ. Русская быль временъ Екатерины II, соч. *М. Н. Загоскина*. 17
Руководство къ Всеобщей Исторіи. Соч. доктора *Фридриха Лоренца*. 35
Основація Ботаники, составленныя *Павломъ Горлинновымъ*. 46

VI. Библиографическая Хроника.

1) *Русскія книги, вышедшія въ февраль и мартъ 1842 года:*
Эвелина де Вальероль, романъ, соч. *Кукольника*. 1
Кузьма Петровичъ Миршевъ, соч. *М. Загоскина*. 3
Стихотворенія *А. Майкова*. —
Исторія Древней Философіи, соч. *К. Зедергольма*. 4
Полное Собраніе Русскихъ Летописей, томъ III. 7
Россійская Статистика *Е. Забловскаго*. 10
О Нагайцахъ, соч. *А. Павлова*. 11
Описание Санктпетербурга, ч. III. *Н. Пушкирева*. —
Константинополь и Турки, ч. I. Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ, *В. Строева*. —
Русская Грамматика, *А. Востокова*. 16
Сочиненія *Гёте*. Выпускъ I. —

Карманный Пѣсенникъ, соч. *А. Андреевымъ*. 17
Буря 30 мая 1841 года —
Пять Стихотвореній *Н. Ступина*. 18
Репертуаръ Русскаго и Пантеонъ всѣхъ Европейскихъ Театровъ, изд. *И. Песоцкимъ*. —
Руководство къ производству хоз. сѣмки, соч. *А. Болотова*. 21
Росписаніе трактровъ отъ *С. Пб.* и другихъ важнѣйшихъ городовъ 23
Атласъ Музеума Имп. *Вольн. Экон. Общества*. Тетр. VII. —
Появленіе искусственнаго ухода за пчелами. —
Ручная книга русской опытной хозяйки. —
Посредникъ, сост. *Ө. Русановымъ*. 24
О Рожкахъ или спорыньѣ, изд. 2. О Постной и Скоромной Пивцѣ, соч. *Ив. Зацепина*. —
Литературный Кабинетъ 25
Речь о Воспитаніи, приоткрытіи Нижнедѣвицкаго Училища 26
Всеобщая Историческая Библиотека. Ч. III. —
Дитя Художникъ —
Русская Грамматика, сост. *Ивановымъ*. —
Краткая Арифметика, изд. *К. Меморскимъ*. 27
Живописное Лото. —
Наши, списанные съ натуры Русскими. Вып. 6, 7 и 8 —
Исторія Петра-Великаго, съ 500 рисунками. Вып. 3-й 28
Два Призрака, романъ, сочиненіе *Фанъ-Дима*. 29
Геврихъ VI, части 2 и 3, пер. *Н. Кетчера*. 32
Жизнь и Позвія *Вильяма Шекспира*, романъ *Кёнига*. 33
Альманахъ въ память юбилея *Александровскаго Университ.* *Маравны*, соч. *А. Филиппова*. 39
Звѣздочка, соч. *К. Ваненко*. —
Мечь за Мечь, соч. *К. Е.* 40

Стр.

	Стр.		Стр.
Козель Бунтовщикъ, изд. 2.	40	Арифметика, Геометрія и Земле- мѣріе для первонач. обученія, соч. Буасси.	59
Деревенская Забавная Старушка.	—	Таблица Греческой Исторіи, изд. Эйверлингомъ.	—
Русскій Патріотъ	41	Таблица Римской Исторіи, изд. И. Эйверлингомъ.	60
Гуакъ, изд. 2.	—	Поляитическій Балансъ Земнаго Шара, пер. И. Эйверлингомъ.	—
Сказка о Мельникѣ и пр., соч. Е. Алипанова.	—	Натуральная Исторія для Юно- шества, ч. II	—
Петръ Великій, передаѣ. И. Обо- довскимъ	42	Исторія Петра Великаго. Вып. 4.	—
Материалы для Статистики Росс. Имперіи	—	Учебная Книга Всеобщей Исто- ріи (Древняя Исторія.), соч. И. Кайданова.	61
Описаніе Госуд. Разряднаго Ар- хива, соч. П. Ивановымъ	44	2) Книги, изданныя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ:	
Очерки Россіи, изд. В. Пассе- комъ, кн. V.	45	Historica Russiæ Monumenta.	62
Исторія похода 1815 года, соч. фонъ-Дамица	46	Beschreibung aller im Russ. Reiche Schiff-und flossbaren Kanäle, von J. Stuckenberg	65
О Индійцахъ. Соч. А. Павлова	—	Notizen über da-Kais. Erziehungs- haus zu St. Petersburg	—
Московскій Адресъ-Календарь, сост. К. Нистремомъ	—	Bulletin de la Société Imp. de Na- turalistes de Moscou.	68
Существуютъ ли въ меліицяхъ для леченія воспалит. болѣзней основанія и пр.	47	Dictionaire Français-Arabe-Persan et Turc par le prince Handjeri, томъ III	69
Леченіе молокомъ, соч. А. С—мъ.	—	Histoire de la littérature française, par Courmand	—
Практическія Упражненія въ Физикѣ, соч. Пьерра	—	Lecture graduée, par A. Boniface.	—
Руководство къ Геонозійи, соч. Соколовымъ	50	Deutsche Chrestomathie	—
Основанія Ботаники, сост. П. Горляниновымъ	51		
Пробирное Искусство.	—	VI. Иностранная Литература.	
Обозрѣніе успѣховъ науки сель- скаго хозяйства въ Россіи, соч. К. Веселовскаго	52	Англійская Литература	1
Энциклопедія Домоводства, соч. Кирхгофа	—	Французская Литература.	9 в 21
Пояснительные Чертежи, изд. Д. Гейманомъ.	53	Германская Литература. К. Θ. Липперта.	27
Правила игры Преферансъ	—		
Архитектурныя Фантазіи К. Шрейдера.	54	VIII. Слѣсь.	
Сцены изъ частной жизни, ли- тографія	—	Дорожныя Записки на пути изъ Тамбовской Губерніи въ Ся- бирь. (Статья десятая). — Пермь. — Наружное устрой- ство города. — Промышленность и торговля. — Просвѣщеніе. — Жизнь въ Перми и образован- ность. — Воспоминаніе объ А-	
Гапсаль, Н. С.	—		
Руководство къ преподаванію Арифметики, соч. П. Гурье- вымъ, ч. II.	—		
Латинская Грамматика, Д. Лей- брехта, изд. 4	59		

	Стр.	Стр.
Александръ Благословенномъ и Александръ-Цесаревичъ.—Заключеніе. П. И. Мельяникова.	1	
Письма изъ-за границы. (Письмо IX. Парижъ:—Промышленная изворотливость Парижнъ.—Роскошь. — Маскарады.—Лекціи въ Сорбоннѣ и Collège de France.—Литературныя и театральныя новости). А—в.	15	
Поездка въ Китаѣ. (Статья шестая).—Китайскіе праздники.—Бесѣда.—Подарки.—Иллюминаціи и фейерверки.—Кредиторы и заемодавцы.—Чиновники и дѣлопроизводство.—Исканіе мѣсть.—Взяточничество. Д з-М и н а	33	
Педантъ. Литературный типъ. Петра Булыголова	39	
Реляція о Чесменскомъ Сраженіи. Князя Вл. К — в а	69	
Засѣданія ученыхъ обществъ въ Россіи и чужихъ краяхъ:		
1) Императорская Санктпетербургская Академія Наукъ	74	
2) Археологическая Комmissia	82	
3) Императорское Московское Общество Испытателей Природы	84	
4) Парижская Академія Наукъ	85	
О Звукоизмѣненіи. (Статья первая). В. Доброхотова	94	
Письмо изъ Италіи	97	
Театральная Лѣтопись:		
<i>Русскій Театръ въ Санктпетербургѣ.</i> — Князь Серебрянный, ориг. драма Н. Филимонова — Максимъ Созонтовичъ Березовскій, соч. Г. А. Смирнова. — Ромео и Юлія. Др. Шекспира, пер. М. Каткова. — Маскарадъ при Лудовикѣ XIV. Ком. въ		
3 д.—Отецъ и Дочь. Др. перев. П. Г. Оболювскимъ. — Римскій Боецъ (Гладиаторъ). Тр. перев. съ фр. В. К. — Елена Глинская, соч. Н. Полеваго — Все копчилось благополучно! вол.—Ужасы въ шестомъ этажѣ или у страха глаза велики, водев.—Свах-Стряпчій, соч. Смирнова.—Военные Граждане, или Русскіе въ гостяхъ, соч. Г. П. П.—Мужъ, Жена и Знатный Другъ. П. И. Григорьева.—Девъ Гурьичъ и Ульяна Осиповна Синичкины.—Симонъ-Сиротинка, или дальше моря, меньше горя, перев. Соловьева.—Павель Павловичъ съ Супругою. П. Каратыгина.—Еще Путаница, или такъ вотъ что		45
<i>Французскій Театръ въ Парижѣ.</i> — L'Auberge de Chantilly. — Marie, ou le Devouement d'une jeune fille.—Le Grand Palatin. — La Double Epreuve. — La Chaine Electrique. — Un Bas bleu.—La Tante mal gardée.—Eugénie la Lingère.—Le Maréchal de Montluc. — Les Trois Fils. — Le Duc d'Olonne. — L'Oncle Baptiste.—Lorenzino.—Cedric le Norvégien.—Gringalet, fils de Famille. — Mon Parrain de Pontoise.—Les Circonstances atténuantes. — Le Lazaret. — Le Mari malgré lui.—Les Mémoires du Diable. — Quand on n'a rien à faire.—Les Ressources de Quinola.		100
Разныя Извѣстія, всего—116 статей		55 и 112
Парижскія моды за февраль и мартъ (съ двумя картинками парижскихъ модъ).		

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,
полученныя въ книжной лавкѣ **Я. А. Исакова,**
въ **Санктпетербургѣ.**

(Цѣны назначены по курсу на серебро.)

	P. K.		P. K.
КНИГИ ДУХОВНЫЯ.			
DICTIONNAIRE APOSTOLIQUE, à l'usage de M. M. les curés des villes et des campagnes et de tous ceux qui se destinent à la chaire, par le p. <i>H. de</i> <i>Montargon</i> , nouv. édit. en 10 vol. in 8.	15	L'ÂME UNIE A JESUS CHRIST daus le très-Saint Sacrement de l'autel. 2 vol. in 12. . . .	1 15
LE CRISTIANISME présenté aux hommes du monde par <i>Féné-</i> <i>lon</i> . 6 vol. in 18	3 50	INSTRUCTIONS SUR LE RITUEL, par <i>L. A. Joly de Choin</i> . 3 édition. 6 vol. in 8	6
VIES DES SAINTS pour tous les jours de l'année, avec une prière et pratiques à la fin de chaque vie. 2 vol. in 12 .	85	MORCEAUX CHOISIS de <i>Massil-</i> <i>lon</i> . 1 vol. in 18, cartonné .	60
CONDUITE pour passer sainte- ment le carême par le r. p. <i>Avrillon</i> . 1 vol. in 12. . . .	75	L'OFFICE DE LA QUINZAINE de Paque. 1 vol. in 18 . . .	70
TRAITÉ DE L'AMOUR DE DIEU, par <i>St. François de Sales</i> . 2 vol. in 32.	1	LE LIVRE DE PRIÈRE de <i>Fé-</i> <i>nélon</i> , avec ses reflexions pour tous les jours du mois, ou le fidèle adorateur. 1 vol. in 18.	60
SOUFFRANCES DE NOTRE SEI- GNEUR Jésus-Christ. 2 vol. in 12.	1 15	PETIT PAROISSIEN complet, illustré, 1 vol. in 16	1 75
HEURES DES DAMES en latin et en français, 1 vol. in 18. .	60	GRAND EUCOLOGE complet, ou livre d'église, contenant tous les offices des dimanches et fêtes de l'année, 1 vol. in 18 relié	1
		LE VISITEUR DU PAUVRE, par <i>M. de Gerando</i> . 4-e édit: 1 vol. in 18	85

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ГЕОГРАФИЯ UNIVERSELLE.

par *Maltebrun*, ou description de toutes les parties du monde sur un plan nouveau d'après les grandes divisions naturelles du globe; précédée de l'histoire de la géographie chez les peuples anciens et modernes et d'une théorie générale de la géographie mathématique, physique et politique. Cinquième édition revue, corrigée et augmentée de toutes les nouvelles découvertes. par *M. I. I. N. Huot*, continuateur de *Maltebrun*. Prix pour 120 livraisons, ornés de 60 belles gravures sur acier (84 livr. parus) 17 15

Въ томъ же магазинъ поступилъ въ продажу 9-й выпускъ роскошнаго русскаго изданія

НАШИ,

содержащій въ себѣ статью: **ГРОВОВОЙ МАСТЕРЪ**, сочиненіе г. *Башуцкаго*. Окончаніе сей статьи выйдетъ изъ печати на слѣдующей недѣлѣ. Гг. иногородные благоволятъ вносить при подпискѣ шесть рублей серебромъ впередъ за 15 выпусковъ съ пересылкою. Требованія просить адресовать на имя *Якова Алексѣева Исакова*, книгопродавца въ С. Петербургѣ.

Печатать позволено. Старшій цензоръ Рочфордъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА.

Ассигнаціями.
Р. К.

МУЗЫКА ДЛЯ ВСЕГО ОРКЕСТРА.

Auber. Ouverture de l'Op. Les diamans de la Couronne.	20
Berlioz. Ouvert. de l'op. Benvenuto Cellini.	30
Donizetti. Ouvert. de l'op. La Favorite.	16
Halevy. — — — — Guitarrero.	15
Labitzky. Neue Aurora Walzer op 69.	15
———— Jubelklänge Walzer op. 70	15
Lanner. Kammer-Ball-Tänze, valse op. 177.	14
———— Abendsterne—Walzer op. 180.	12
Strauss. Deutsche Lust-Walzer, op. 128	10

ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО СЪ АКОМПАНЬЕМАНОМЪ ДРУГІХЪ ИНСТРУ-МЕНТОВЪ.

Mayer. (Ch.), Allegro de Concert op. 60 avec Orchestre.	22
Rosenhain (F.) 1-er Concertino avec Quatuor.	11
Bertini. 5-ième Sextuor op. 124.	24
Schmitt (A.) gr. Sextuor op. 104	17
Kalkbrenner 5-ième Trio op. 150	10
Reissiger 13-ième Trio op. 150	13

ДУЭТЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

Benedict et Beriot, le fruit de l'étude, 6 Duos faciles p. piano et vi- olon op. 35. № 1, 2, chaque à	4
Kalkbrenner. Souvenir de Dieppe; Fantaisie pour piano et violon ou hautbois	6 75
Louis (N.) Fantaisie brillante sur la Favorite op. 103 pour piano et violon	7 50
Spohr. Fantaisie op. 117. Pour piano et violon	8

ДЛЯ ОДНОГО ФОРТЕПЬЯНО.

Burgmüller (Fr.) Fantaisie brill. sur Zanetta op. 64	4
Chopin (Fr.) grande valse op. 42	4
Czerny (Ch.) La corbeille de violettes, 3 Rondeaux enfantins, op. 136. № 1, 2, 3, chaque à	3

	Аккомпанирано	
	P.	K.
Döhler (Th.) Souvenir de Florence, Nocturnes	4	50
Duvernoy. Réminiscences italiennes. 6 thèmes faciles op. 104 № 1, 2, 3, chaque à	3	
Henselt (A.) Deux romances du Cte. Wielhorsky, transcrites pour le Piano	3	50
Herz (H.) gr. Fantaisie et finale à la militaire op. 115	5	
Hunten (Fr.) Petites fleurs de salon, Album	12	
Kalkbrenner. Souvenir de Zanetta, fantaisie op. 145	4	
Liszt (Fr.) Galop chromatique	3	
— Réminiscences de Robert	8	
Mayer (Ch.) Trois Etudes nouvelles. op. 61	5	
Moscheles (F.) Romance et Tarantella op. 101.	4	50
Osborne. Fantaisie brillante sur le Guitarrero op. 39	6	
Rosellen. 3 Réveries op. 31	5	
Thalberg (S.) 2 romances sans paroles op. 41	3	
Wolf (E.) gr. fantaisie sur le Lac des fées op. 24.	5	

ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО НА 4 РУКИ,

Bertini (H.) gr. Caprice op. 131 à 4 m.	6	75
Chopin (Fr.) Sonate op. 35 à 4 m.	8	
Czerny (Ch.) Les trois soeurs, 6 Rondinos à 6 mains op. 609 № 1 à 6. 2	2	25
Herz (H.) Var. bril. sur la Somnambula op. 105 à 4 m.	8	
Liszt. Allegro di bravura à 4 m.	4	
Onslow (G.) 4 me Quintetto op. 59 à 4 m.	9	
Thalberg. gr. fantaisie sur Norma à 4 m.	9	
Weber (C. M.) Concert a 4 m. op. 79.	9	

ОПЕРЫ ДЛЯ ПЬЕНЫ СЪ ФОРТЕПЬЯНОМЪ.

Auber, Zanetta, opéra pour chant et Piano	24
Donizetti. La Favorite dite.	52
Ha'evy. Guitarrero dito	52
Rossini, Stabat Mater pour chant et Piano	24

ДЛЯ ОКРЕПКИ СЪ АККОМПАНИЕМАНОМЪ ОРКЕСТРА ИЛИ ФОРТЕПЬЯНО.

Artôt (F.) Hommage à Rubini, fantaisie avec Orchestre op. 8.	13	50
La même avec Piano.	8	
Beriot (C. de) 2-me Concerto op. 32 avec Orchestre.	32	
Le même avec Piano.	14	
Haumann (Th.) Variations dans le style élégant op. 8 avec Orchestre	10	
Les mêmes avec Piano.	6	75
Lvoff. (A.) Concerto dans le mode d'une scène dramatique, avec Orchestre	14	
La même avec Piano.	7	
Molique. Fantaisie et Variations op. 15 avec Orchestre	16	

ДЛЯ ПЬЕНЫ РУССКАГО.

Графа М. Ю. Вiedeггорскаго, романсъ: «Бывалое»	2	50
Его же любимый романсъ: «Любила я»	1	40
Ромберга (Ц.) романсъ: «Когда бь онъ зналъ» слова гр. Е. Растопчиной.	2	
П. Оедорова, романсъ: «Прости Меня»	1	40
Н. Бахметьева, Колыбельная Пѣснь, слова Губера	1	40
К. Бокса, «Лучина лучинушка» для одного голоса, съ вариациями. . .	2	
Любимый романсъ: «Червый Цвѣтъ»:	2	
М. Бернарда, двѣнадцать лучшихъ русскихъ народныхъ пѣсней (протѣжныхъ) для одного голоса и фортепяно.	5	
В. Осипова, романсъ: «Любилъ я очи голубыя».	1	40
Его же, романсъ: «Я васъ молю меня простить».	1	40
Музыкальный альбомъ театральныхъ водевилей, для 1842 года, собраніе 10-ти романсовъ изъ любимыхъ нынѣшнихъ водевилей. . .	7	

НОВѢЙШІЕ ТАНЦЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

ФРАНЦУЗСКІЯ КАДРИЛ:

- А. Лядова, Молодой Невѣстѣ.
Его же, à la plus belle.
Ф. Леандра, Изъ балета: Озеро Волшебницъ.
Его же: Незабудочка.
М. Бернарда: Розовый Шарѣъ.
Его же: Милымъ Дѣвцамъ.
И. Подобьдова, изъ лучшихъ водевилей.
Бургмюллера, кадрилъ для дѣтей.
Каждая изъ сихъ кадрилъ продается по 2 руб. ассии.

НОВЫЕ ВАЛЬСЫ:

- В. Осипова, je pense à toi.
Его же: Надежда и Любовь.
Ф. Леандра: Радость и Печаль.
Его же: Вальсъ Волшебницъ.
М. Бернарда: Rêve d'amour.
Его же: Черный цвѣтъ.
Каждый изъ сихъ вальсовъ продается по 1 руб. ассии.

Музыкальный Магазинъ М. Бернарда находится на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Чаплина подлѣ № 10.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ требованіями прямо въ вышесказанный магазинъ, откуда отправляются требуемая ноты съ первой почтой.

Тутъ же принимается подписка на музыкальный журналъ: **НУВЕЛИСТЪ**.
музыкальное обозрѣніе для фортепьяно, издаваемое подъ редакціею П. *Вольфа*.

Онъ выходитъ съ величайшею точностію, перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями, по-крайней-мѣрѣ, въ двадцать четыре страницы нотъ: каждый номеръ содержитъ въ себѣ превосходнѣйшія и новѣйшія произведенія композиторовъ всѣхъ странъ и доставляетъ пріятноезанятіе, какъ для фортепьянистовъ уже искусныхъ, такъ и для тѣхъ, которые еще не глубоко проникли въ тайны музыки.

Цена за годовое изданіе журнала: *Le Nouvelliste*, состоящаго изъ собранія нотъ, которое по католожной цѣнѣ обошлось бы рублей въ полтора, только **10 руб. сереб.**

Съ пересылкою же по почтѣ **12 руб. сереб.**



